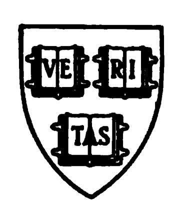

3 2044 103 163 655

VE RI TAS

ЮЖНОЕ СЛАВЯНСТВО,

ТУРЦІЯ

И

СОПЕРНИЧЕСТВО ЕВРОПЕЙСКИХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЪ

НА БАЛКАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Соч. Л. Доброва.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невск. прос., д. № 8.
1879.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Трудно пріискать въ исторіи два такихъ предмета, какъ Южное Славянство и Турція,—о которыхъ бы такъ много тенденціознаго наговорено было.

Симпатіи или антипатіи,—когда рѣчь идетъ объ этихъ двухъ предметахъ, доходя нерѣдко до страстности, совершенно заслоняютъ истину и заволакиваютъ густымъ туманомъ настоящій смыслъ событій на Балканскомъ полуостровѣ.

Такой участи не избѣгли даже сочиненія этнографическаго содержанія и многочисленныя „путешествія" по Балканскому полуострову. Здѣсь также, какъ въ книгахъ историческихъ, — на каждой страницѣ просвѣчиваетъ заранѣе избранная теорема, которую авторъ *берется доказать*.

Словомъ, изъ массы книгъ о Южномъ Славянствѣ и Турціи затрудняешься выбрать двѣ, три, которыя бы не имѣли фельетоннаго характера при всей своей ученой формѣ внушительной сухости изложенія.

Поэтому авторъ настоящей книги,—мало заботясь о благорасположеніи къ ней людей фатально замкнувшихся въ тѣсной кругъ предвзятыхъ идеекъ о великой миссіи той или другой націи на Балканскомъ полуостровѣ, — поста-

вилъ себѣ главною задачею отрѣшиться отъ всякихъ ходячихъ положеній и теорій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ являются не результатомъ вполнѣ безпристрастнаго изслѣдованія фактовъ, а обвинительнымъ приговоромъ или защитою—смотря по тому, о комъ идетъ рѣчь.

Насколько автору удалось приблизиться избранной имъ цѣли—пусть судитъ читатель.

Январь, 1879.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА IX.

Стран.

Византія въ періодъ крестовыхъ походовъ.

ГЛАВА X.

Возстановленіе политической независимости Болгаріи въ XIII вѣкѣ.

ГЛАВА XI.

Болгарская церковь въ средніе вѣка.

ГЛАВА XII.

Религіозныя секты въ Болгаріи. Богомилы.

ГЛАВА XIII.

Болгарская образованность въ средніе вѣка.

Стран.

ГЛАВА XXIII.

Начало борьбы католическаго міра съ Турками и паденіе Константинополя.

ГЛАВА XXIV.

Отношеніе турецкаго владычества къ народамъ Балканскаго полуострова и въ частности—къ Южному Славянству.

ГЛАВА XXV.

Турція въ періодъ завоевательныхъ успѣховъ (XVI и XVII в.) и начало соперничества европейскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ.

ГЛАВА XXVIII.

Турція въ XVIII ст. и происхожденіе русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

ГЛАВА XXIX.

Турція въ XVIII ст. и происхожденіе русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

(Продолженіе).

ГЛАВА I.

Разселеніе Славянъ по Балканскому полуострову.

1. Балканскій полуостровъ въ періодъ Римскаго владычества. 2. Условія, облегчавшія завоеваніе Балканскаго полуострова Римомъ. 3. Первыя извѣстія о южномъ славянствѣ. 4. Два періода въ движеніи Славянъ на Балканскій полуостровъ. 5. Періодъ подневольныхъ и отрывочныхъ нападеній, обусловливаемыхъ напоромъ Готовъ, Гунновъ, Аваровъ на Византію (III—V ст.). 6. Періодъ самостоятельнаго движенія Славянъ (V—VII ст.); Болгары, Сербо-Хорваты. 7) Этнографическая картина Балканскаго полуострова къ концу VII ст.

Балканскій полуостровъ издавна привлекалъ къ себѣ народы Востока и Запада, которые, такъ сказать, по чутью угадывали всемірно-историческую роль этой страны: великое значеніе ея сознательно понимаетъ наше время.

Издавна Балканскій полуостровъ сдѣлался ареною борьбы за существованіе, которая въ иные моменты доходила до страстнаго самоистребленія; десятки народностей погибали въ этой борьбѣ, оставляя послѣ себя жалкіе сколки, которые, вслѣдствіе неизбѣжныхъ помѣсей, даютъ лишь слабое понятіе о своихъ предкахъ.

Всѣ эти Мизы, Кровизы, Одризы (во Ѳракіи), Истры, Иллиры, Дарданы (въ Иллиріи), Долоны, Линкесты (въ Македоніи и Эпирѣ) исчезли съ лица земли и положили начало нескончаемому спору о происхожденіи многихъ изъ нынѣ населяющихъ Балканскій полуостровъ народовъ.

Между тѣмъ это были народы сильные, воинственные, съ которыми Риму пришлось 200 лѣтъ воевать, прежде чѣмъ страна ихъ была обращена въ Римскую провинцію, и затѣмъ пришлось настроить цѣлый рядъ крѣпостей по берегамъ Дуная и во многихъ стратегическихъ пунктахъ внутри страны, чтобы удержать въ повиновеніи завоеванные народы полуострова.

Но конечно, не столько римскіе гарнизоны и летучіе легіоны удерживали названные и другіе менѣе извѣстные народы въ повиновеніи отъ Рима, и затѣмъ Византіи, сколько: 1) естественныя условія страны; 2) знаменитые divide et impera политики римскаго всемірнаго владыче-

ства и наконецъ, 3) относительная близость страны къ центру этого владычества.

Естественныя условія страны таковы, что онѣ должны были внести разобщенность въ жизнь поселившихся въ ней народовъ. Горы, изрѣзывающія Балканскій полуостровъ въ разныхъ направленіяхъ, сотни рѣкъ, изрѣдка судоходныхъ, составляли весьма сильныя преграды для сближенія многихъ отдѣльныхъ народовъ и отдѣльныхъ группъ одного и того-же народа. Разобщенные естественными, трудно переходимыми границами, народы полуострова неизбѣжно должны были съ большею силою удерживать свои національныя особенности, свои рѣзкія первобытныя угловатости; но вмѣстѣ съ тѣмъ, скученные въ тѣсныхъ районахъ занятой страны, народы эти, въ силу присущей человѣческой природѣ подвижности, въ поискахъ лучшаго, должны были придти въ столкновенія, которыя очевидно не могли быть мирнаго, дипломатическаго характера.

Подобныя столкновенія встрѣчаются конечно въ началѣ исторіи каждой страны, но вездѣ, гдѣ онѣ хотя и находили пищу въ указанныхъ выше естественныхъ условіяхъ страны, вырабатывалась идея федеративной или государственной общности нетолько въ средѣ народа и племени, но и въ средѣ нѣсколькихъ народностей и племенъ. Начало развитія такой идеи почти повсемѣстно совпадаетъ съ IX вѣк., когда на историческую сцену европейской исторіи выступаютъ Англія, Франція, Россія, какъ отдѣльныя политическія величины.

Всюду происходила борьба за существованіе, запятнанная самыми кровавыми преступленіями (истребленіе Меровинговъ и проч.) грозившая обезлюденіемъ страны; но освѣщаемая идеею общежитія, борьба эта, за исключеніемъ Балканскаго полуострова, внесла эту идею въ сознаніе народовъ, и тѣмъ прочнѣе, чѣмъ менѣе на ней отражалось чуждое вмѣшательство, чѣмъ туземнѣе, такъ сказать, она была.

На Балканскомъ полуостровѣ, напротивъ, взаимная борьба народовъ, обусловливаемая естественными особенностями страны, находила издавна пищу и постоянную поддержку въ чуждыхъ вліяніяхъ, вмѣшательствахъ, подстрекательствѣ.

Римъ, ведя войны втеченіе 200 лѣтъ съ народами Балканскаго полуострова, имѣлъ достаточно возможности оцѣнить неистощимыя богатства этой страны, омываемой пятью морями и долженствующей стать центромъ всемірной торговли, и въ желаніи подчинить эту страну своей власти, искусно воспользовался взаимною враждою, царившею въ ней; широко сталъ примѣнять здѣсь основное начало своей политики divide et impera; Римъ развилъ систему странныхъ, неестественныхъ союзовъ, противъ родственныхъ племенъ, противъ отдѣльныхъ группъ въ средѣ одного и того-же народа. И вотъ предъ глазами наблюдателя временъ

прошедшихъ развертывается картина, полная потрясающаго драматизма, картина безумнаго самоистребленія, въ которомъ уничтожаются цѣлые народы, или сходятъ со сцены исторической жизни, замыкаются въ неприступныхъ тѣснинахъ горъ, и этимъ спасаютъ свою національную самобытность.

Римъ всюду стремился примѣнять начало своей политики, но нигдѣ оно не находило такой подготовленной, удобной почвы, какъ на Балканскомъ полуостровѣ, и нигдѣ оно не имѣло тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, какъ въ этой странѣ; въ Британіи, Галліи и Испаніи это деморализующее начало вызывало, правда, отдѣльныя вспышки внутренней борьбы, поддерживаемой, такъ называемою, римскою партіею; но эти страны были слишкомъ отдалены отъ Рима, чтобы можно было расчитывать на продолжительную и спѣшную поддержку этой борьбы: она, вопреки ожиданіямъ современниковъ, и прежде всего, самого Рима, произвела совершенно обратное дѣйствіе тому, что произошло на Балканскомъ полуостровѣ, вызвавъ въ народахъ стремленіе ко внутренней связи, стремленіе, которое съ большею или меньшею силою постоянно оставалось живучимъ; между тѣмъ, какъ въ средѣ народовъ Балканскаго полуострова, если по временамъ и являлись слабые проблески такого стремленія, то они могли быть ревностно подавлены ловкою политикою близкаго могучаго сосѣда.

Такова жалкая судьба этой богатой страны, что римское владычество, развивъ здѣсь принципъ взаимной розни, доходящей до ненависти, не запечатлѣло своего вліянія тѣми цивилизующими послѣдствіями, какъ это случалось въ другихъ странахъ нашего материка, гдѣ первобытные народы изъ глубокаго мрака дикаго невѣжества вырваны были силою римской цивилизаціи и увидѣли свѣтъ, гдѣ самые безчеловѣчные обычаи и обряды религіозные (друидическія жертвоприношенія) исчезли подъ дѣйствіемъ цивилизующей стороны римскаго вліянія.

Предоставляя археологамъ, этнологамъ и физіологамъ разслѣдовать генеологію еще нынѣ существующихъ сколковъ давно уже сошедшихъ съ исторической сцены народностей Балканскаго полуострова и ограничиваясь пока лишь краткимъ замѣчаніемъ, что къ числу такихъ сколковъ принадлежатъ остатки пелазгическаго происхожденія, сохранившіеся въ малодоступныхъ горахъ Адріатическаго побережья—Гамы, Тоски, Лапы, Геги, Мирдиты, извѣстные подъ общимъ древнимъ именемъ,— Албанцевъ, я прослѣжу судьбы тѣхъ народностей славянскаго племени, Болгаръ и Сербовъ, которые въ борьбѣ за существованіе съ древнѣйшими поселенцами Балканскаго полуострова, выйдя побѣдоносно и вытѣснивъ этихъ поселенцовъ въ горы Адріатическаго побережья, Эпира и Пинда, не только удержали свою національную физіономію, но и стали политическою силою въ средѣ народностей Балканскаго полуострова.

Такъ какъ Славяне являются не исконными туземцами Балканскаго полуострова, а пришельцами, то необходимо возникаетъ вопросъ о времени заселенія ими этой страны.

Вопросъ этотъ, не смотря на то, что о немъ такъ много написано, остается спорнымъ; онъ до сихъ поръ не перестаетъ быть интереснымъ, не перестаетъ занимать каждаго пишущаго о Славянахъ. Это совершенно понятно. Не только любопытно, но и научно-необходимо знать время и способъ занятія данной страны народами, которые хотя и не могутъ считаться видными агентами въ обще-человѣческой цивилизаціи, но которые въ свое время готовы были стать важнѣйшими политическими элементами въ общежитіи народностей Балканскаго полуострова.

Какъ это не рѣдко бываетъ, такъ случилось и по предмету, насъ интересующему: разныя точки отправленія въ высшей степени запутали вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ затруднили правильное его разрѣшеніе.

Въ этомъ отношеніи прежде всего надо замѣтить, что движеніе Славянъ и поселеніе ихъ на Балканскомъ полуостровѣ, одни [1]) относятъ къ весьма краткому періоду, совпадающему съ VII вѣкомъ нашей эры: Болгары, говорится, въ главѣ Аспаруха, заняли часть Балканскаго полуострова въ концѣ VII в., даже точно опредѣляется годъ 678-й ихъ переселенія, а Сербо-Хорваты явились по приглашенію императора Ираклія, при чемъ съ такою же точностью опредѣляется годъ ихъ переселенія—610-й; другіе [2]) относятъ ко II стол., причемъ доказываютъ, что уже во II ст. Балканскій полуостровъ былъ густо населенъ Славянами, подъ прежними ихъ видовыми именами Карповъ, Бастарновъ, Ягюзговъ и др.

При этомъ, къ сожалѣнію, совершенно оставленъ въ сторонѣ вопросъ о мотивахъ и характерѣ движенія Славянъ въ страны Балканскаго полуострова. Нѣкоторое вниманіе къ этому вопросу обнаружило бы весьма существенное различіе между раннимъ и позднимъ періодами въ движеніи Славянъ и заселенія ими Балканскаго полуострова.

Въ *первомъ* періодѣ это движеніе носило въ себѣ всѣ признаки отрывочности, подневольности, даже нѣкоторой случайности; между тѣмъ, какъ *во второмъ* движеніе принимаетъ характеръ сознательнаго завоеванія страны; *въ первомъ* періодѣ рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ ордахъ, отрядахъ, *во второмъ*—о движеніи цѣлыхъ народныхъ массъ, единство коихъ по легендарнымъ сказаніямъ представляется въ лицѣ ихъ предводителей и родоначальниковъ; *въ первомъ* періодѣ Славяне, въ видѣ незначительныхъ отрывочныхъ группъ, шли или какъ мирные колонизаторы, или въ качествѣ наемниковъ и второстепенныхъ союзниковъ

---

[1]) Shafarik, Slawiche Alterthümer, 2 B. и рядъ его послѣдователей.

[2]) Дриновъ, Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами.

Римлянъ, а затѣмъ (въ IV в.) дикихъ азіятскихъ ордъ; *во второмъ*— уже ближе знакомые съ богатствомъ страны, частію по опыту, а частію по разсказамъ, они организованными массами стремились на Балканскій полуостровъ съ тѣмъ, чтобы занять эту страну; наконецъ, *въ первомъ* періодѣ Славяне представляли собою лишь болѣе или менѣе сильный этнографическій элементъ, *во второмъ*—Славяне заявили о себѣ, какъ о весьма важномъ политическомъ факторѣ въ средѣ народовъ Балканскаго полуострова.

Такимъ образомъ первое появленіе Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ надобно отнести ко II ст. нашей эры. Такъ въ маркоманскихъ войнахъ участвовали племена очевидно не нѣмецкаго происхожденія: Уругунды, Карпы, Бараны и др., спустившіеся съ сѣверовосточныхъ склоновъ Карпатовъ.

Новѣйшія изслѣдованія происхожденія этихъ народовъ представляютъ рядъ доказательствъ въ пользу славянскаго ихъ происхожденія; затѣмъ въ III и IV в., въ числѣ новыхъ переселенцовъ полуострова упоминаются Костобаки и Языги, изъ коихъ первые уже въ II-мъ ст. доходили до Греціи.

Разъ начавшееся движеніе не прерывалось; тѣснимые съ лѣваго берега Дуная, частію Кельтами, частію Волохами, въ началѣ IV ст., Славяне стали переходить эту рѣку уже болѣе значительными массами; такъ при Деоклеціанѣ все племя Карповъ перешло Дунай, поселившись на правомъ берегу нижняго теченія этой рѣки; при Константинѣ 300 т. Языговъ разселились въ Мизіи, Ѳракіи и даже въ Македоніи, и можно сказать, что въ IV стол. Славяне, въ смыслѣ численности, стали виднымъ элементомъ между народами Балканскаго полуострова и уже въ это время упоминается множество именъ деревень, городовъ, водъ чисто славянскаго происхожденія; явилось даже много славянскихъ названій предметовъ преимущественно домашняго и сельскаго хозяйства.

Исторія не упоминаетъ о войнолюбіи въ тотъ періодъ времени (II—IV ст.) этихъ новыхъ пришельцевъ; напротивъ, какъ византійскіе, такъ готскіе писатели указываютъ на склонность Славянъ къ культурнымъ занятіямъ—земледѣлію и торговлѣ.

Конечно у этихъ поселенцевъ выработался бы свой соціально-государственный строй, неизвѣстный ни классической древности, ни воинственнымъ туземцамъ полуострова; но, къ сожалѣнію, кромѣ другихъ событій парализовавшихъ это культурно-соціальное развитіе новыхъ поселенцевъ, событій, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, наступило такъ называемое великое переселеніе народовъ, которое совершенно измѣнило политическую карту тогдашней Европы.

До сихъ поръ принято считать, что азіятскіе народы, извѣстные подъ общимъ, такъ сказать, собирательнымъ именемъ Гунновъ, дали толчокъ этому движенію. Явившись изъ-за южнаго Урала, эти дикіе наѣздники раскинулись по широкимъ степенямъ южнаго Поволжья, частію покоривъ, частію вытѣснивъ своихъ предшественниковъ, изъ коихъ послѣдніе, вытѣсненные изъ своихъ жилищъ, въ свою очередь давали толчокъ движенію другихъ народовъ, которое очевидно должно было принять направленіе къ югу, какъ къ странамъ, слухъ о естественныхъ богатствахъ которыхъ не могъ не дойдти до варваровъ.

Первыми изъ нихъ, явившимися на Балканскій полуостровъ, въ эпоху великаго переселенія народовъ, были Вестъ-Готы, которые на первыхъ порахъ ограничились занятіемъ Мизіи.

Византійскіе историки разсказываютъ, что это занятіе совершилось по желанію императора Валента въ 376 г., но такое объясненіе дѣлаетъ только честь ихъ патріотизму, ни мало не согласуясь съ событіями того времени, когда варварскіе народы добивались своихъ цѣлей скорѣе мечами и стрѣлами, чѣмъ дипломатическими переговорами.

Вестъ-Готы, кромѣ того, что ихъ манили разсказы о богатствахъ Балканскаго полуострова, перешли на правый берегъ Дуная и поселились въ Мизіи, нынѣшней Дунайской Болгаріи, увлеченные общимъ потокомъ движенія народовъ. Очень можетъ быть, что византійскій императоръ, желая парализовать гибельныя для имперіи послѣдствія этого вторженія варваровъ, въ выраженіяхъ дружелюбныхъ предложилъ имъ то, что они готовы были взять силою, т. е. Мизію, съ тѣмъ, чтобы они охраняли сѣверныя границы имперіи. Какъ и слѣдовало ожидать, Готы не успокоились занятіемъ Мизіи; ихъ, какъ и позднѣйшіе народы, тянуло далѣе къ югу, къ сказочной по богатству и ослѣпительной роскоши Византіи. На пути натыкаются они на Адріанополь и 9 августа 378 г. наносятъ византійскому войску рѣшительное пораженіе. Имъ оставалось занять этотъ городъ, и Ѳракію можно было-бы считать покоренною страною; но къ счастію Византіи, Вестъ-Готы, подобно другимъ варварскимъ народамъ, по отношенію къ Византіи, ограничивались хищническими набѣгами, захватомъ добычи, плѣнныхъ и полученіемъ выкупа отъ императорскаго правительства.

Разграбивъ Адріанополь, Вестъ-Готы хлынули въ Македонію, Ѳессалію и даже проникли въ Пелопонезъ, опустошая и грабя проходимыя ими страны, забирая тысячи плѣнныхъ, между которыми не мало было и мирныхъ еще въ то время Славянъ. Набѣги ихъ завершаются осадою Константинополя. Послѣ ожесточенной рукопашной битвы, Вестъ-Готы, потерпѣвъ пораженіе, отступили, ограничившись захватомъ добычи. Между уцѣлѣвшими Готами, оказался Аларихъ, имя котораго прославилось

между варварами въ послѣднихъ событіяхъ паденія западной Римской имперіи. Въ 402 г. Вестъ-Готы переселились въ Италію.

Вскорѣ затѣмъ новое нашествіе варваровъ, на этотъ разъ самыхъ свирѣпыхъ, Гунновъ стало угрожать существованію Византійской имперіи. Правительство не полагалось на оборону мечомъ и прибѣгло къ инымъ, менѣе воинственнымъ средствамъ, напр. имперія, признавъ себя данницею, надѣлила враговъ подарками.

Конечно, такое неестественное отношеніе обширной имперіи къ дикой ордѣ азіятскихъ пришельцовъ, не могло продолжаться долго; непомѣрныя требованія азіятами увеличенія дани, желаніе Византіи положить конецъ этой позорной зависимости, повели къ разрыву: Гунны двинулись во Ѳракію, подступили къ Константинополю, разорили окрестности столицы, и захвативъ богатую добычу и множество плѣнныхъ, а также получивъ денежный выкупъ, удалились.

Гунны не представляли собою какого-либо одного единоплеменнаго народа; имя это, скорѣе, собирательное, чѣмъ національное, обозначая механическую, поддерживаемую личною волею, связь многоразличныхъ народовъ, между которыми Славяне составляли видный элементъ. Это была разношерстная орда, построенная на азіятскомъ фундаментѣ.

Послѣ смерти Аттилы, гунская орда распалась и выдѣлила изъ себя рядъ народностей,—между прочимъ славянскія.

Входившіе въ составъ гунской орды народы, во время неоднократныхъ, хотя и подневольныхъ набѣговъ на Византію, имѣли полную возможность на дѣлѣ провѣрить неопредѣленные и смутные слухи о богатствахъ страны, о сокровищахъ, которыми изобилуютъ византійскіе города, и въ особенности Константинополь, при чемъ каждый изъ народовъ Гунскаго царства, и болѣе всего Славяне, имѣли случаи ознакомиться съ бытомъ своихъ соплеменниковъ въ предѣлахъ имперіи и узнать, что соплеменники эти успѣли уже завести тамъ довольно прочную и обширную осѣдлость; разгуливая по Балканскому полуострову, Славяне повсюду встрѣчали родственныя названія деревень, рѣкъ, даже имена лицъ, служившихъ въ рядахъ византійскихъ войскъ; нанося пораженія за пораженіями императорскимъ войскамъ, они имѣли возможность ознакомиться съ безсиліемъ этой обширной Имперіи и даже съ причинами такого безсилія, заключающимися въ продажности византійскихъ правительства и администраціи, во внутреннихъ раздорахъ изъ-за отвлеченныхъ вопросовъ религіи, причемъ взаимная ненависть религіозныхъ партій доходила до такой напряженности, что та, или другая партія не задумывались приглашать варваровъ для борьбы съ противною партіею.

Варвары постепенно стали вмѣшиваться во внутреннія дѣла Византіи, принимать въ нихъ участіе въ качествѣ примирителей. Поэтому, хотя

гунская орда распалась, Византія однако же не перестаетъ быть ареною набѣговъ и хищничества варваровъ. Славяне, ознакомившіеся съ безсиліемъ Византіи, начали съ VI стол. громить ее отъ своего имени, по своей волѣ, ставя нерѣдко самое существованіе Византіи въ критическое положеніе.

VI столѣтіе и первая половина VII ст. представляютъ собою время наибольшаго напряженія въ разселеніи славянъ по Балканскому полуострову и притока новыхъ соплеменниковъ Болгаръ, съ береговъ Азовскаго и Чернаго морей. Подобно другимъ славянскимъ народностямъ, Болгары являлись въ Византію сначала въ видѣ наемниковъ, вспомогательныхъ войскъ, а затѣмъ стали самостоятельно нападать на нее.

Такъ въ 511 г. они опустошили Македонію, Эпиръ, Ѳессалію, дошли до Ѳермопилъ и долгое время тамъ хозяйничали, вовсе не стѣсняясь присутствіемъ византійскихъ войскъ, которыя они пріучились уже давно разбивать, несмотря на превосходство витантійской военной тактики.

Если Византія не могла охранять страны, близкія къ центру имперіи, то что же говорить о болѣе отдаленныхъ: сѣверной Ѳракіи, Мизіи, Малой Скиѳіи (Добруджа) и др. Власть Византіи тамъ была почти номинальная; страны эти только по перечесленію ихъ въ полномъ титулѣ византійскихъ императоровъ считались составными частями имперіи. Дѣло дошло до того, что обширная Восточная имперія уже готовилась на европейской территоріи ограничиться небольшимъ восточнымъ угломъ Ѳракіи съ Константинополемъ во главѣ. Какъ извѣстно, Анастасій II въ 512 г. возвелъ стѣну отъ Мраморнаго моря до Чернаго, отгородивъ такимъ образомъ восточный уголъ Ѳракіи.

Правда, по всему теченію праваго берега Дуная, начиная отъ Видина и кончая дунайскими устьями, еще во времена Римлянъ во II-мъ ст., возведенъ былъ цѣлый рядъ крѣпостей и сторожевыхъ постовъ, но не смотря на это и на естественную преграду, представляемую рѣкою, усилившійся напоръ Славянъ уже не могъ быть остановленъ. Со второй половины правленія Юстиніана I, имперія, по словамъ византійскаго писателя Агаѳія, стала клониться къ упадку, обусловливаемому господствомъ личнаго произвола, какъ наверху, такъ и внизу; черствый эгоизмъ, мелочное самолюбіе, зависть сдѣлались руководящими мотивами общественной дѣятельности людей правящихъ классовъ, а продажность и хищничество, скрываясь подъ тѣнью сложныхъ бюрократическихъ формъ, становились обычными явленіями въ византійскомъ правительствѣ.

Обманъ и казнокрадство византійскаго чиновничества отразились и на военномъ дѣлѣ въ обширномъ смыслѣ этого слова и дошли до того, что въ описываемое время вмѣсто 645.000 воиновъ, числившихся по спискамъ, въ дѣйствительности оказалось лишь 150.000 челов., которые

должны были охранять Дунай, Италію, Испанію, Нумидію, Египетъ, восточные берега Чернаго моря и персидскія границы [1]).

Такая несостоятельность въ средствахъ защиты не могла ускользнуть отъ вниманія какъ появившихся уже на Балканскомъ полуостровѣ славянскихъ народовъ, такъ и сѣверныхъ ихъ соплеменниковъ. Пользуясь этимъ, а также и войнами Византіи съ Персіею, Вандалами и Остъ-Готами, Славяне безпрепятственно переходили Дунай, обходили крѣпости, мало заботясь о слабыхъ крѣпостныхъ гарнизонахъ и усвоивши гуннскую систему веденія войны, подобно Гуннамъ, стали опустошать страну, грабить города, захватывать въ рабство тысячи плѣнныхъ. Византійскіе историки указываютъ на случаи, гдѣ Славяне забирали въ плѣнъ по 200 т. человѣкъ. Въ 531 году они явились въ Иллирію; въ 532 г. они вновь опустошили Балканскій полуостровъ; въ 548 году они явились въ Дурацуи; въ 558 г. опять являются Славяне съ береговъ Дуная и тремя отрядами они разсыпаются по Балканскому полуострову. Развалины и обезлюденіе странъ отмѣчали путь этихъ пришельцевъ, подобно тому, какъ это бывало при нашествіи Гунновъ. Вѣроятно свирѣпость ихъ набѣговъ подала поводъ нѣкоторымъ византійскимъ историкамъ (Агаѳій, Ѳеофанъ) считать ихъ Гуннами: сравнивая этихъ новыхъ пришельцевъ съ давно поселившимися на Балканскомъ полуостровѣ Славянами,—историки византійскіе находили рѣзкое различіе между мирными земледѣльческими поселенцами «Славиніи» и новыми ихъ соплеменниками. Съ каждымъ годомъ нашествіе Славянъ усиливается. Византійскіе историки въ разсказѣ о событіяхъ VI ст. только и говорятъ «о богомерзкихъ дѣлахъ» этихъ варварскихъ народовъ, и даже утверждаютъ, что въ 589 г. Славяне заняли весь Пелопонезъ и истребили тамъ все греческое населеніе.

Съ конца VI ст. на нѣкоторое время самостоятельные набѣги Славянъ пріостановились. На Балканскомъ полуостровѣ появились Авары, которые подчинили себѣ Славянъ и вмѣстѣ съ ними громятъ Византійскую имперію.

По общепринятому мнѣнію, этотъ народъ тюркскаго племени, вышедшій изъ-за восточныхъ склоновъ Уральскихъ горъ. Другіе [2]) находятъ, что народъ этотъ составляетъ такую же смѣсь индоевропейской расы съ азіятскою, какъ Хозары. Въ составъ аварской народности, утверждаютъ они, входятъ элементы черкесскій и угорскій, съ преобладаніемъ перваго, наиболѣе даровитаго и храбраго, при чемъ та же двойственность, какая замѣчается въ государствѣ, основанномъ Аварами на

---

[1]) Шлоссеръ, Всемірная исторія, т. 2-й, изд. 1869 г.

[2]) Иловайскій, Розысканія о началѣ Руси, изд. 1876, стр. 66—79.

Дунаѣ, встрѣчается и въ государствѣ собственно хозарскомъ, около Кавказа. Пришлые Турки, заимствовавъ имя отъ туземцевъ, Хозаръ, впослѣдствіи хотя и смѣшались съ ними отчасти, но очевидно не успѣли совершенно слиться въ одинъ народъ и выработать новый этнографическій типъ. Объ этой двойственности ихъ типа свидѣтельствуютъ арабскіе писатели X-го вѣка, когда они говорятъ, что въ народѣ этомъ встрѣчаются красивыя и бѣлыя лица; такъ какъ о тюркскомъ племени нельзя сказать, чтобы оно отличалось красотою и бѣлизною, то понятно, что отзывы эти относились къ Черкесамъ; между тѣмъ какъ смуглая и некрасивая часть принадлежала къ тюркскому племени.

Весьма вѣроятно, что между Аварами встрѣчался и красивый кавказскій типъ, но присутствіе такого типа—основаніе слабое для предположенія двойственности происхожденія аварскаго народа. По образу жизни, по обычаямъ, Авары должны быть отнесены къ семьѣ азіятскихъ народовъ, точно такъ, какъ современные Турки и Венгры несомнѣнно азіятскаго происхожденія, хотя никто бывавшій въ Турціи и Венгріи не станетъ утверждать, чтобы въ средѣ этихъ народовъ не встрѣчалось много и даже очень много людей бѣлыхъ, стройныхъ и красивыхъ.

Въ колоссальныхъ движеніяхъ народовъ, еще не пріискавшихъ себѣ прочной государственной осѣдлости, которая ведетъ къ національной особенности и развитію національнаго типа, въ этихъ безпрерывныхъ войнахъ, которыя оканчивались нерѣдко плѣномъ десятковъ тысячъ мужчинъ и женщинъ—смѣшеніе расъ до размѣровъ громадныхъ, являлось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ событій времени, что однакоже не мѣшало господствующей расѣ сохранить основныя черты своего характера и общественнаго строя. То же можно сказать и объ Аварахъ. Не смотря на присутствіе между ними людей бѣлыхъ, стройныхъ и красивыхъ, народъ этотъ не переставалъ быть ордою дикихъ, свирѣпыхъ кочевниковъ. Выйдя изъ Азіи, подобно другимъ своимъ соплеменникамъ, Авары въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ (461—465) жили между Каспійскимъ моремъ и Азовскимъ. Здѣсь они подчинили себѣ Утургуровъ (видовое названіе одного изъ славянскихъ народовъ—Болгаръ) и завладѣвъ нѣкоторыми греческими колоніальными городами на сѣверномъ побережьи Чернаго моря, впервые познакомились съ богатствами Византіи, частію по видѣнному ими въ греческихъ городахъ, частію по разсказамъ плѣнныхъ Грековъ. Съ этого момента Византія должна была сдѣлаться цѣлью ихъ дальнѣйшаго движенія къ югу, и столкновенія съ нею стали неизбѣжны.

Впрочемъ, прежде чѣмъ нанести ударъ Византіи, Авары устремились на западъ, прошли Чехію. Дальнѣйшее движеніе ихъ на западъ остановлено было какъ воинственнымъ народомъ Аллемановъ, такъ и въ особенности суровымъ климатомъ и непроходимыми лѣсами. Двинувшись къ

югу. Авары осѣлись на обширныхъ равнинахъ лѣваго берега Дуная. Здѣсь имъ быстро подчинилось слабое по своей разрозненности туземное населеніе, состоявшее изъ остатковъ римскихъ колонистовъ, фракійскихъ переселенцевъ и Славянъ; отсюда они кинулись на правый берегъ Дуная — въ предѣлы Византійской имперіи.

Для отклоненія этой новой грозы, Византія прибѣгаетъ къ мѣрамъ, которыя такъ часто практиковались ея политикою: она входитъ въ мирныя сношенія съ Аварами, задобриваетъ ихъ подарками и богатымъ выкупомъ, и даже заключаетъ съ ними оборонительный и наступательный союзъ противъ Славянъ, которые къ концу VI ст. стали однимъ изъ опаснѣйшихъ враговъ имперіи по своей численности.

Поводомъ къ этому союзу послужило новое нападеніе Славянъ: разграбивъ Ѳракію и Македонію, они проникли въ Грецію. Императоръ Юстинъ II призвалъ на помощь аварскаго хана Бояна. Но вскорѣ этотъ союзъ распался: Авары, вступивъ въ Мизію (Дунайскую Болгарію), сблизились съ Славянами, что было не трудно, такъ какъ славянскій элементъ занималъ видное мѣсто въ аварскихъ полчищахъ. Слѣдуетъ думать, что въ возобновившихся набѣгахъ Аваръ Славяне играли второстепенную роль. Все вниманіе византійскихъ писателей останавливается за это время (конецъ VI и нач. VII ст.) единственно на Аварахъ; о Славянахъ же упоминается лишь какъ объ участникахъ въ ихъ нападеніяхъ. Свидѣтельство же одного Менандра о самостоятельномъ нападеніи Славянъ на Византію за это время нельзя считать, какъ это дѣлаетъ г. Дриновъ, на столько авторитетнымъ, чтобы предпочесть отрывочные намеки Менандра большинству византійскихъ историковъ. Если-бы Славяне продолжали одновременно съ Аварами угрожать Византіи, не какъ сподручники послѣднихъ, то трудно было-бы объяснить, почему императорское правительство, вопреки извѣстнымъ своимъ пріемамъ, послѣ разрыва союза съ Аварами, рѣшилось сблизиться съ Славянами для отраженія Аваръ. Какими-бы свирѣпостью и отвагою ни отличались эти послѣдніе, но все-же сравнительно съ многочисленностью Славянъ они представляли собою относительно незначительное полчище, которое безъ соучастія Славянъ не могло-бы серьозно угрожать имперіи. Императорское правительство очень хорошо понимало это и рѣшилось нанести ударъ въ самое сердце аварскихъ полчищъ, войдя въ сношеніе съ союзниками ихъ, т. е. Славянами.

Сношенія увѣнчались успѣхомъ, вполнѣ понятнымъ: въ рядахъ не только византійскихъ войскъ, но и въ составѣ византійскаго правительства было много Славянъ, которые облегчали желанный результатъ мирныхъ сношеній византійскаго правительства съ Славянами, бывшими въ рядахъ Аваръ.

Разъ произошло это соглашеніе, это сближеніе византійскаго правительства съ Славянами, и завоевательная задача Аваръ должна была считаться оконченною. Дѣйствительно въ первые годы VII ст. Авары удаляются съ Балканскаго полуострова, и при томъ въ такой незначительной массѣ, что дальнѣйшая судьба ихъ перестаетъ интересовать современниковъ.

Чѣмъ объяснить эту замѣчательную убыль въ Аварахъ? Конечно не огульнымъ истребленіемъ ихъ, о которомъ современники не упоминаютъ. Мнѣ кажется, что эту убыль слѣдуетъ объяснить именно тѣмъ, что сильные контингенты изъ Славянъ отложились отъ Аваръ предпочевъ сблизиться съ Византіею; да и наконецъ, ближе познакомившись съ богатствами страны и отличаясь наклонностію къ мирной дѣятельности, Славяне уже въ силу этого должны были пожелать новой жизни среди мирной обстановки и охотно готовы были промѣнять на нее жизнь, хотя и богатую разнообразіемъ, но скитальческую и связанную со всѣми невыгодами бивачнаго быта

Этой мирной жизни, однако-же, не суждено еще было утвердиться въ средѣ балканскихъ Славянъ. Освободившись изъ-подъ власти Аваръ, Славяне возобновляютъ насильственное разселеніе свое въ европейскихъ предѣлахъ Византійской имперіи: продолжающійся притокъ ихъ соплеменниковъ съ сѣверныхъ береговъ Дуная вызывалъ невольное передвиженіе ранѣе поселившихся Славянъ, мѣшая установленію мирной общественности. На этотъ разъ движеніе принимаетъ направленіе преимущественно къ югу и западу, т. е. къ берегамъ Эгейскаго и Адріатическаго морей. Славяне стремятся захватить наиболѣе торговые пункты, какъ напр. городъ Солунь, который они дважды осаждаютъ; ихъ привлекаетъ возможность торговой дѣятельности. Но дѣйствуя въ разсыпную, Славяне хотя и успѣваютъ завести здѣсь свою осѣдлость, но не въ качествѣ крѣпко сплоченной, компактной силы, одушевленной общимъ сознаніемъ національнаго единства, а въ видѣ разбросанныхъ колоніальныхъ поселковъ, которые, бывъ охвачены высшею культурою и цивилизаціею греко-римской, съ теченіемъ времени совершенно претворились въ византизмъ.

Чтобы закончить разсказъ о движеніи и разселеніи Славянъ по Балканскому полуострову въ первыя шесть столѣтій нашей эры, остается еще сказать нѣсколько словъ о появленіи Сербо-Хорватовъ.

При этомъ, наблюдая вообще движеніе Славянъ на Балканскій полуостровъ, мы замѣчаемъ, что Славяне шли двумя главными путями: съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря чрезъ устья Дуная,—Болгары, шли во Ѳракію и Македонію и съ сѣверныхъ склоновъ Карпатовъ, а также изъ Галиціи чрезъ Паннонію (западную Венгрію) Славяне двинулись въ

Иллирикъ. Послѣднимъ путемъ шли Сербо-Хорваты, поселенія которыхъ въ VI в. въ странахъ Иллирика уже были довольно сильно распространены. Въ первые годы VII в. разселеніе хорвато-сербскихъ народовъ можно считать завершившимся притокомъ огромной массы ихъ съ Карпатовъ и Галиціи, точно также какъ разселеніе другихъ славянскихъ народовъ, которые вторгались чрезъ нижнее теченіе Дуная, можно считать завершившимся притокомъ Болгаръ —также во второй половинѣ VII ст. [1]).

Такимъ образомъ вторую половину VII ст. въ судьбахъ Балканскаго полуострова слѣдуетъ разсматривать какъ время, когда славянскія народности стали твердою ногою на почвѣ его, а также какъ время, съ котораго въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій до конца IX ст. прекращаются дальнѣйшія нашествія варварскихъ народовъ. Балканскій полуостровъ могъ теперь быть предоставленъ своей внутренней жизни; эта жизнь должна была устроиться по типу сильнѣйшаго изъ этнографическихъ элементовъ въ средѣ различныхъ народовъ, поселившихся на полуостровѣ. Можно было ожидать, что славянскій типъ жизни въ борьбѣ за существованіе одержитъ верхъ, можно было предполагать это, судя по численному превосходству славянскихъ народовъ. Балканскій полуостровъ къ концу VII ст. представлялъ слѣдующую этнографическую картину, которая при всей пестротѣ національностей указываетъ на перевѣсъ славянскихъ народностей сравнительно съ каждою изъ отдѣльныхъ другихъ народностей.

Начиная съ главнаго пути движенія Славянъ (чрезъ устья Дуная) встрѣчаются [2]): 1) *Сѣверцы* въ Малой Скиѳіи (Добруджѣ); 2) *семь мелкихъ* славянскихъ народовъ въ Нижней Мизіи (сѣверной части Дунайской Баваріи); 3) *Тимочане*—въ углу, образуемомъ рѣками Тимокомъ и Дунаемъ (Видинскій округъ); 4) *Моравате*—у восточныхъ береговъ сербской Моравы и на обоихъ берегахъ болгарской Моравы; 5) *Сербы*—на западъ отъ сербской Моравы; 6) *Босняки*—по рѣкамъ Босны и Врбаса; 7) *Захвумяне* — на юго-западъ отъ Босняковъ до г. Дубровника (Рагузы), а на сѣверо-западъ до рѣки Неретвы; 8) *Травуняне* и *Киновляне* — на югъ отъ Дубровника до города Каттаро; 9) *Дукляне*—отъ Каттаро до Драча (Дураццо); на сѣверъ ихъ владѣнія граничили съ Сербами; 10) *Неречане* или *Поганяне*—между Неретвой и Цетиньей; 11) *Хорваты*—къ сѣверу отъ Неречанъ; 13) *Берхиты*—въ Верхней Македоніи; 13) *Струменцы*—къ востоку отъ Берхитовъ по рѣкѣ Струмицѣ, впадающей въ рѣку Струму; 14) *Смоляне*—по ниж-

---

[1]) Гильфердингъ, Собраніе сочиненій, т. I, изд. 1868; см. также Раичъ, Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, части 1 и 2, изд. 1794 г.

[2]) Дриновъ, Населеніе Балканскаго полуострова Славянами.

нему теченію рѣки Мести; 15) *Ринхины*—на юго-западъ отъ Смолян по берегамъ Орфанскаго залива; 16) *Сагудаты*—по Солунскому пол до самаго города Солуня; 17) *Драговичи*—въ сѣверо-западномъ угл Ѳракіи, образуемомъ соединеніемъ Родопскаго хребта съ отрогами Балканскихъ горъ. Наконецъ вся нынѣшняя Греція покрыта была славянскими поселками, о многочисленности которыхъ можно судить по распространеннымъ тамъ славянскимъ названіямъ, тщательно собранныхъ покойнымъ Гильфердингомъ на стр. 283—296 въ I т. собранія его сочиненій.

Кромѣ этнографическаго преобладающаго элемента славянскихъ народностей, Балканскій полуостровъ уже въ то время представлялъ самую пеструю картину сколковъ различныхъ народовъ Востока и Запада. *Изъ первыхъ* слѣдуетъ упомянуть Хозаровъ, Аваровъ, Сарациновъ, Арабовъ, потомки которыхъ поселились преимущественно на азіятскихъ и европейскихъ берегахъ Босфора и Мраморнаго моря. Не представляя собою какой нибудь политически обособленной силы, они однакоже внесли много національныхъ чертъ своихъ народностей въ складъ жизни Византіи. Слабые остатки полчищъ дикихъ *Гунновъ* удержались въ Малой Скиѳіи. *Изъ вторыхъ* 1) *Греки*, относительно незначительные числомъ, но представлявшіе собою политически господствующій элементъ: кромѣ Греціи, они, занимаясь торговлею, мелкою промышленностью, пиратствомъ, жили на берегахъ Эгейскаго моря въ Константинополѣ, Солуни и другихъ торговыхъ центрахъ; 2) *Шкипетары*—нынѣшніе албанцы, по Адріатическому побережью — потомки древнихъ Пелазговъ, загнанные вслѣдствіе происходившихъ на Балканскомъ полуостровѣ передвиженій народовъ, въ горы Эпира и Адріатическаго побережья, замкнулись въ неприступныхъ тѣснинахъ своихъ горъ и сохранили съ большею чистотою свой древній національный бытъ и даже языкъ; 3) древнѣйшіе поселенцы Ѳракіи, которые вытѣснены были Славянами частію въ горы Эпира, а частію въ Дакію, нынѣшнюю Румынію [2]. Вслѣдствіе тѣсныхъ сношеній съ римскими колоніями, сѣть которыхъ покрывала всю Дакію, а также и западныя окраины Ѳракіи, поселенцы эти ороманились, усвоивъ, съ теченіемъ времени, языкъ съ замѣтнымъ присутствіемъ языка Римлянъ. Эти поселенцы положили начало нынѣшнему народу румынскому; оставшіеся же во Ѳракіи соплеменники ихъ, окруженные вліяніемъ греческимъ и славянскимъ, усвоили себѣ многое изъ языковъ греческаго и славянскаго, поэтому языкъ ихъ представляетъ болѣе пеструю смѣсь разныхъ языковъ, чѣмъ даже румынскій, ихъ языкъ въ отношеніи къ румынскому *хромаетъ*; оттого Греки, да и сами Румыны

[1] Липранди, Восточный вопросъ и Болгарія; см. также Reclus, Geographie universelle, т. I. Порфирій, исторія Аѳона, изд. 1877.

[2] Roesler, Romäniche Studien, изд. 1871.

називають ихъ «хромыми Влахами» или Куцо-влахами. Въ этомъ народцѣ уже совсѣмъ трудно подмѣтить какой-либо общій національный типъ; безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ народы, перебывавшіе на Балканскомъ полуостровѣ оставили слѣды въ куцо-валахской народности; 4) далѣе, сколки германскихъ народовъ—Квады, Бастарны, Готы, Герулы, хотя въ виду своей численной незначительности и были поглощены Славянами въ борьбѣ за существованіе, но конечно должны были оказать свое вліяніе на строй жизни этнографически господствующей славянской расы; 5) наконецъ въ горахъ Босніи и Герцеговинѣ удержались остатки одного изъ мало извѣстныхъ народовъ неславянскаго происхожденія, который считаютъ туземнымъ той страны, поселившимся тамъ раньше прибытія Сербовъ. Послѣднихъ они встрѣтили недружелюбно, и понадобилось полстолѣтія, пока Сербамъ удалось здѣсь утвердиться.

ГЛАВА II.

Столкновеніе южнаго славянства съ Византіей въ борьбѣ за существованіе.

1. Законъ ассимиляціи. 2. Условія, благопріятствовавшія полному торжеству южнаго славянства въ борьбѣ съ Византіею 3. Оно представляетъ этнографически господствующій элементъ въ средѣ народностей Балканскаго полуострова. 4. Политическое положеніе Византіи въ эпоху разселенія Славянъ по Балканскому полуострову. 5. Существенная причина торжества эллинизма надъ славянствомъ въ борьбѣ за существованіе. 6. Общіе выводы о движеніи южнаго славянства въ Византію.

При всей пестротѣ національностей, сталкивавшихся на Балканскомъ полуостровѣ, слѣдуетъ признать, что славянскій элементъ количественно являлся рѣшительно преобладающимъ. Но подобно тому, какъ въ природѣ, побѣда въ борьбѣ за существованіе обусловивается не одною количественною стороною, но и внутреннею силою, извѣстною степенью интенсивности, извѣстною степенью совершенства организма, при чемъ организмы качественно слабѣйшіе падаютъ, вырождаются, уступая мѣсто болѣе совершеннымъ,—такъ тѣмъ болѣе законъ этотъ дѣйствуетъ въ человѣческомъ общежитіи и дѣйствуетъ съ замѣчательною настойчивостью и правильностью, не только въ отношеніи народностей, рѣзко отличающихся одна отъ другой по степени этой внутренней силы, но и такихъ, въ которыхъ одна народность лишь не много слабѣе въ указанномъ отношеніи другой народности.

Дѣйствіе этого закона національной ассимиляціи съ наибольшею ясностью наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она происходитъ въ своемъ чистомъ видѣ, безъ всякаго участія матеріальнаго давленія: здѣсь неотразимость дѣйствія указаннаго закона становится почти наглядною: Поляки жалуются, что національность ихъ въ Познани вырождается въ этой борьбѣ съ нѣмецкою національностью; галиційскіе Русины, разъ только они вышли изъ низкой среды загнанной черни, становятся по языку, нравамъ, духу чистыми Поляками; Нѣмцы Эльзаса въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ офранцузились, только по произношенію напоминая

нѣсколько свое нѣмецкое происхожденіе; европейцы всѣхъ націй, охваченные высшею культурою и цивилизаціею американскаго общежитія претворяются втеченіи нѣсколькихъ поколѣній въ чистыхъ янки

Наблюдая дѣйствіе этаго закона по занимающему насъ предмету, мы видимъ слѣдующее: *съ одной стороны:*—слабые остатки Эллиновъ, пріютившіеся преимущественно въ городахъ и по берегамъ омывающихъ Балканскій полуостровъ морей; слабые остатки римскихъ колонистовъ, поселившихся въ качествѣ торговцевъ и правителей въ Константинополѣ и разсѣянныхъ по крѣпостямъ Балканскаго полуострова въ видѣ гарнизоновъ, или по городамъ въ видѣ чиновниковъ; обрывки разныхъ національностей: Армянъ, Сарацинъ, Арабовъ и т. д., скучившихся въ Константинополѣ въ качествѣ торговцевъ, ремесленниковъ; *съ другой стороны*,—раскинувшіеся по всему Балканскому полуострову народы, родственные по крови, говорящіе понятнымъ друга для друга языкомъ, съ общими чертами сельскаго, земледѣльческаго быта, даже общими наклонностями къ мирнымъ занятіямъ, насколько естественныя условія данной мѣстности благопріятствовали этимъ склонностямъ,—народы, которымъ казалось легко было сближаться и образовать такую коллосальную силу, которую не могли бы сломить не римскіе легіоны, ни византійскія войска, ни азіятскіе наемники. Не даромъ современники событій, греческіе патріоты съ грустью смотрѣли въ будущее эллинизма; имъ уже тогда съ точки зрѣнія количественнаго превосходства славянства, казалось, что это послѣднее поглотитъ эллинизмъ; одну изъ странъ, по численности славянскихъ поселеній, Греки назвали даже «Славиніей», обозначая этимъ словомъ совершенное преобладаніе славянскаго элемента [1]) Между тѣмъ, проходятъ поколѣнія, и въ южныхъ странахъ Балканскаго полуострова обнаруживается удивительное, при первомъ поверхностномъ взглядѣ, явленіе: этотъ сильный этнографическій элементъ славянства претворяется въ средѣ слабѣйшаго эллинскаго элемента. Славяне съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе огречиваются и забываютъ свой языкъ, свой народный строй жизни, свои обычаи и будто испившіе воды изъ рѣки забвенія, забываютъ свое прошедшее и свою родственную связь съ однимъ изъ главнѣйшихъ индоевропейскихъ племенъ.

Въ рядахъ византійской арміи эти сыны Славиніи храбро сражаются противъ братьевъ своихъ Славянъ, одушевленные византійскимъ патріотизмомъ; знаменитѣйшіе полководцы, такъ усердно побивавшіе Славянъ, напр. Хвалибулъ, Велисарій и др.—славянскаго происхожденія. Импера-

[1]) Engel, Geschichte des Bulgaren, изд. 1797 г.

торъ византійскій Василій II, этотъ прославленный истребитель Славянъ — также славянинъ чистѣйшей крови [1]).

Какая-то иронія въ судьбѣ южнаго славянства видится во всемъ этомъ: сами Славяне становятся во главѣ ихъ заклятыхъ враговъ для униженія и даже для истребленія своихъ соплеменниковъ.

Слависты, говоря о распространеніи славянства на Балканскомъ полуостровѣ, съ видомъ нѣкотораго тщеславія, въ особенности болгарскіе патріоты, приводятъ эти примѣры византійскихъ полководцевъ, правителей и императоровъ, вышедшихъ изъ среды Славянъ [2]); многіе идутъ дальше и путемъ ряда предположеній, истыхъ Грековъ производятъ отъ Славянъ [3]). Я думаю, что тщеславиться тутъ нечѣмъ, а напротивъ на такіе примѣры слѣдуетъ смотрѣть съ грустью, какъ на доказательства происходившаго въ то время вырожденія славянства на Балканскомъ полуостровѣ.

Я замѣтилъ уже, что при количественномъ сравненіи эллинизма съ славянствомъ, перевѣсъ очевидно былъ на сторонѣ послѣдняго. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что жалкое состояніе имперіи внутри и извнѣ должно было значительно облегчить побѣду славянства въ борьбѣ за существованіе.

Во внутреннемъ складѣ жизни мы видимъ рѣзкій разладъ, который подтачиваетъ и ослабляетъ организмъ. *Съ одной стороны* искусно отточенныя юридическія формы общежитія — градація и классификація во всемъ; *съ другой* — личный произволъ, хищничество чиновниковъ, угнетеніе народныхъ массъ; *съ одной стороны* ослѣпительная роскошь и утонченный комфортъ житейскій, какіе только могла выдумать фантазія Востока и изощрившійся въ искуствѣ жить Римъ; *съ другой* — бѣдность, обнищалость и отупѣлость. Разладъ этотъ обусловливался крайнимъ идеализмомъ соціально-государственныхъ теорій византизма [4]). Какъ извѣстно, Діоклеціанъ, а за нимъ въ особенности Константинъ Великій внесли въ общежитіе почти варварскихъ народовъ Балканскаго полуострова самый сложный правительственный механизмъ, контролировать правильныя дѣйствія котораго не по силамъ было народамъ, еще только начинавшимъ историческую жизнь; изобрѣтена была весьма сложная іерархія чиновничества, введено самое строгое начало постепенности, которое въ примѣненіяхъ своихъ къ жизни и быту на-

---

[1]) Раичъ, Исторія разныхъ славянскихъ народовъ; Shafarik, Slavische Alterthümer.

[2]) Веневинъ, Древніе и нынѣшніе Болгары; Гильфердингъ, Собраніе сочиненій, т. I., изд. 1868 г.

[3]) Кристовичъ, Исторія Болгаріи.

[4]) Шлоссеръ, Всемірная исторія, т. II, изд. 1869.; Finley, History of the Bysant and Greek'Empire.

родовъ, стоящихъ даже на относительно высшей степени культурнаго развитія, вызываетъ неисчислимыя бѣдствія, а тѣмъ болѣе должно было отозваться пагубно на жизни народовъ Балканскаго полуострова того времени. Какъ извѣстно, Константинъ учредилъ іерархію придворныхъ должностей, съ установленіемъ строгой подчиненности и мелочныхъ отличій одной отъ другой—что породило зависть, искательство мѣстъ, интриги и полное забвеніе общихъ интересовъ ради мелкихъ частныхъ цѣлей. и впослѣдствіи вызывало частныя придворныя катастрофы, пагубно вліявшія на существованіе имперіи.

Не качество человѣка, не степень умственнаго развитія, не характеръ направленія его дѣятельности, а чинъ и патентъ стали необходимыми условіями для занятія извѣстнаго общественнаго положенія. Это зло, т. е. этотъ кабинетный формализмъ, съ настойчивостью стремившійся охватить складъ реальной жизни, рѣзко отдѣлило чиновничество отъ народа; обѣ эти силы стали враждебны одна другой и столкновенія ихъ не могли не отразиться вредно на существованіи имперіи. Столкновенія происходили наиболѣе по поводу взиманія налоговъ, которые во-первыхъ были тяжелы для народа, а во-вторыхъ, при всевозможной сложной регламентаціи, происходили злоупотребленія при самомъ собираніи налоговъ.

Въ періодъ времени отъ Діоклеціана до Валента организована весьма сложная финансовая система, которая давала органамъ правительства широкое поле для злоупотребленій. Введены налоги: поземельный, поголовный и налогъ на промыслы. Для сбора поземельнаго налога, каждыя 15 лѣтъ вся территорія вмѣстѣ съ принадлежащими къ помѣстьямъ рабами, несвободными крестьянами и животными раздѣлялась на равные участки, носившіе названія головъ или копытъ. По этимъ участкамъ втеченіе 15 лѣтняго періода, или такъ-называемой индикты, собирались налоги. Правительство, раздѣливъ земли, уже не обращало вниманія на ихъ состояніе въ продолженіи цѣлой индикты; между тѣмъ случалось, что въ самые первые годы ея, въ помѣстьяхъ происходили непріятельскія опустошенія, вымирали рабы и скотъ и населенію участка приходилось такимъ образомъ платить подати съ несуществующихъ предметовъ хозяйства. Еще вреднѣе была безпощадная строгость, съ какою взимались налоги. Каждыя 15 лѣтъ для возобновленія податныхъ списковъ и новаго распредѣленія поземельныхъ участковъ, провинціи наводняло цѣлое войско чиновниковъ, которые до самыхъ мелкихъ подробностей переписывали всѣ предметы, подлежавшіе налогу, даже всѣ виноградныя лозы, фруктовыя, деревья и съ страшною жестокостью наказывали за малѣйшую утайку. Не менѣе тягостенъ былъ и налогъ на промыслы, возобновлявшійся каждые 4 года. О стѣснительности этаго налога можно судить потому, что въ собраніи законовъ Ѳеодосія II нашли даже нуж-

нымъ ввести особое постановленіе о томъ, чтобы не считать торговцемъ крестьянина, привезшаго на рынокъ свои продукты. Поголовная подать собиралась съ рабовъ и свободныхъ крестьянъ: за первыхъ платили господа, а крестьяне, платя сами за себя требуемую сумму, вносили ее землевладѣльцамъ. Не имѣя ничего общаго съ народомъ и смотря на него лишь какъ на средство наживы, чиновники, какъ наѣзжавшіе изъ Константинополя, такъ и управлявшіе различными областями (префектура управлялась префектомъ, преторія діоцезъ-викаріемъ, провинція ректоромъ) изловчались изобрѣтать сотни средствъ для извлеченія изъ народа доходовъ, которые вовсе не значились въ государственной росписи. Жалобы на беззаконія чиновниковъ оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и теряясь въ этой сложной іерархіи постепенности, онѣ или не доходили по назначенію, или же признавались неправильными; словомъ, происходилъ тотъ финансовый хаосъ, который цѣликомъ, развѣ съ нѣкоторыми лишь варіаціями, перешелъ въ наслѣдство къ турецкому правительству.

Если мы обратимся опять къ верху, т. е. къ Константинополю, то увидимъ тамъ странное явленіе: люди всѣхъ классовъ общества враждуютъ между собою, доводятъ распри до уличной рѣзни, не изъ-за общественныхъ интересовъ, не изъ-за стремленія провести то или другое начало въ общежитіе: предметомъ споровъ, вражды и уличной рѣзни служатъ вопросы отвлеченно религіозные, къ которымъ въ послѣдующее время, конечно, присоединились интересы хотя и болѣе реальные, но за то и болѣе мелочные, съ легкимъ политическимъ колоритомъ [1]).

Изъ массы многочисленныхъ партій, которыя волновали Константинополь, а слѣдственно и имперію, въ IV ст. выдѣлились партіи Голубыхъ и Зеленыхъ, первая схватка между которыми произошла въ 501 г., когда въ уличной рѣзнѣ погибло 3000 человѣкъ.

Эта борьба партій была тѣмъ ожесточеннѣе, тѣмъ опаснѣе она казалась для существованія государства, что въ ней принимали участіе и поддерживали ее не только высшіе чины имперіи, но императоры и ихъ жены, при чемъ случалось (напр. Юстиніанъ и Ѳеодора), что августѣйшіе супруги поддерживали двѣ противуположныя партіи. Но случалось и такъ, что обѣ партіи соединялись противъ императора. Такой взрывъ произошелъ при Юстиніанѣ I, когда толпа константинопольская, возбужденная вожаками партій, громогласно обвиняя императора въ разныхъ, наносимыхъ имъ народу обидахъ, разрушила статую его, крича неистово: «Да здравствуетъ Гипатій Августъ! Многія лѣта Гипатію! Юстиніанъ пересталъ царствовать!» Хотя эти волненія, охватившія всѣ классы об-

[1]) Finley, History of the Bysant and Greek Empire; Poujoulat, Histoire de Constantinople, comprenant le Bas-Empire et l'Empire Ottoman, т. I. изд. 1853 г.

щества, ограничивались Константинополемъ, но въ Византіи, гдѣ всѣ функціи государственнаго правленія сходились въ столицѣ, внутреннія событія столичной жизни несомнѣнно должны были отразиться и на спокойствіи имперіи, на устойчивости порядка, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ, т. е. гдѣ пульсъ государства бьется только въ столицѣ, провинціальная жизнь не можетъ развиваться самостоятельно, а практикуется по образчику жизни столичной, конечно, въ миніатюрномъ видѣ или еще хуже въ утрированномъ. Поэтому тѣ волненія, которыя разъѣдаютъ столичную жизнь, непремѣнно отзываются и на провинціальной.

Такія событія внутренней жизни должны были разрушительно дѣйствовать на государственный организмъ. Люди власть имѣющіе и вліяющіе съ той или другой стороны на общій строй жизни, пріучались на все взирать и во всемъ поступать съ точки зрѣнія интересовъ личныхъ, и ради удовлетворенія послѣднихъ не задумывались возводить на престолъ восточной имперіи людей не только невѣжественныхъ, но и недойстойныхъ, низкихъ, грубо льстившихъ партіи, которая ихъ возвела (Ѳока).

При такомъ положеніи дѣлъ, зданіе имперіи казалось подгнившимъ во всѣхъ его частяхъ, и казалось достаточно было-бы одного сосредоточеннаго, сознательнаго толчка со стороны этнографически сильнаго славянства, чтобы зданіе это рухнуло.

Кромѣ этихъ внутреннихъ разъѣдающихъ язвъ, Византія, начиная въ особенности съ IV ст., подвергалась постоянно нападеніямъ извнѣ въ тѣхъ ея отдаленныхъ владѣніяхъ, которыя входили въ Азію, Африку и въ земли по сѣвернымъ и восточнымъ берегамъ Чернаго моря.

Правда, Византія, искусно пользуясь взаимною отчужденностью непріязненныхъ ей народовъ, вносила въ среду ихъ вражду, и затѣмъ предоставляла имъ полную свободу истреблять другъ друга, но это не всегда вѣнчалось успѣхомъ. Приходилось посылать свои войска въ отдаленныя окраины имперіи, дунайскія же провинціи предоставлялись слабой защитѣ городскихъ гарнизоновъ да обрывковъ арміи, составленныхъ въ значительной части изъ Славянъ.

Такимъ образомъ внутреннее состояніе Византіи и отношенія ея внѣшнія были таковы, что казалось должны были облегчить полное ославяненіе странъ, густо населенныхъ Славянами; должны были облегчить усиленіе политическаго элемена славянства на Балканскомъ полуостровѣ.

Ни того, ни другаго однакоже не произошло, а во многихъ отношеніяхъ случилось нѣчто совершенно противуположное. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ общежитіе славянское соприкасалось непосредственно съ эллинизмомъ, происходило быстрое разложеніе перваго; языкъ, обычаи, духъ племенной—все это претворялось въ эллинизмъ, только физіологическій типъ напоминалъ о славянскомъ происхожденіи огречившихся Славянъ;

умственный міръ славянства вытѣсненъ былъ духомъ эллинизма. Самыя тщательныя изысканія славянскихъ древностей не открываютъ никакихъ памятниковъ умственной жизни Славянъ въ такъ-называемой «Славиніи» и въ Греціи.

Что касается политическаго значенія славянства, то до VIII ст. о немъ и помину нѣтъ. Какъ Славинія, такъ и другія страны, занятыя Славянами, управлялись византійскою администраціею. Только съ VIII ст. славянство Балканскаго полуострова становится замѣтною политическою силою въ болгарской отрасли славянскаго племени и достигаетъ своей апогеи къ концу X ст., въ видѣ самостоятельнаго Болгарскаго царства. Другія же народности славянства въ нынѣшней Сербіи, Босніи, Герцоговинѣ, Хорватіи, Черногоріи ничѣмъ не проявляли своей политической жизни, управляясь византійскими чиновниками.

Въ чемъ же заключаются причины этого страннаго повидимому явленія, которое состоитъ въ томъ, что масса Славянъ огречивается въ средѣ горсти Грековъ, что сильныя славянскія племена управляются слабымъ византійскимъ правительствомъ, терпятъ гнетъ послѣдняго въ видѣ разнаго рода злоупотребленій со стороны какъ ближайшихъ, такъ и отдаленныхъ агентовъ администраціи?... Славяне явились въ страны Балканскаго полуострова лишь съ слабыми зачатками общественности. Все, что они внесли—это начала семейнаго быта, соотвѣтствующія засвидѣтельствованной большинствомъ византійскихъ писателей склонности къ мирной земледѣльческой дѣятельности. Еслибы Балканскій полуостровъ, подобно сѣверовосточной Европѣ, подобно Британіи, былъ изолированъ отъ тогдашняго историческаго міра; еслибы Балканскій полуостровъ уже съ первыхъ двухъ столѣтій нашей эры не вошелъ въ составъ греко-римскаго міра, Славяне поставлены бы были въ возможность самостоятельнаго перехода изъ семейнаго быта въ общественный; они могли-бы совершить этотъ переходъ и выработать даже высшія, болѣе или менѣе сложныя формы общежитія, не искажая, а лишь совершенствуя и развивая свои исконныя соотвѣтствующія общеславянскому духу начала. Но Балканскій полуостровъ не Скандинавія и не Британія, мало доступныя тогдашнему міру, бѣдныя природою и съ суровымъ климатомъ; Балканскій полуостровъ искони по справедливости сдѣлался завѣтною и конечною цѣлью колоссальнаго движенія цѣлой вереницы народовъ Европы и Азіи [1]); борьба за обладаніе этой страною, за первенство здѣсь, должна была принять характеръ ожесточенный, упорный и настойчивый, выдержать которую могъ развѣ народъ съ большимъ запасомъ умственныхъ и моральныхъ силъ, народъ уже въ

---

[1]) Порфирій, Исторія Аѳона, изд. 1877 г.

извѣстной степени сформировавшійся. Это была страна, гдѣ вновь появившемуся народу приходилось сразу же выдержать болѣе сильную конкуренцію, чѣмъ въ какой-либо изъ другихъ странъ Европы. Готы, Гепиды, Герулы, Квады, Кельты, какъ бы по чутью предугадывая немыслимость такой конкуренціи, къ счастію для ихъ будущности, покинули эту щедро надѣленную природою страну и не соблазнившись сладостнымъ пѣніемъ сирены, удалились въ лѣса средней Европы, съ тѣмъ, чтобъ среди суроваго климата и на неплодородной почвѣ положить прочное начало развитію общественности.

Славяне остались и тотчасъ же должны были невольно вступить въ конкуренцію съ самымъ опаснымъ противникомъ—византизмомъ.

Въ то время, когда они, кромѣ немудреныхъ формъ первобытнаго общежитія и беззавѣтной отваги, ничего не внесли въ занятыя ими страны, Славяне здѣсь были сразу охвачены всѣмъ, что выработалъ греко-римскій міръ въ развитіи общественности и соціально-государственнаго строя; они здѣсь встрѣтили готовыя формы общежитія—при томъ весьма сложныя, проникнутыя системою, обдуманностію. По чутью сознавая разумность организованнаго общежитія, но не имѣя ничего своего противуставить той византійской организаціи, которую они встрѣтили на Балканскомъ полуостровѣ, Славяне неизбѣжно должны были ей подчиниться, оставаясь въ занятыхъ ими странахъ, и они дѣйствительно подчинились.

Это была первая, такъ сказать, безкровная побѣда византизма надъ славянствомъ Балканскаго полуострова, побѣда, которая должна была имѣть несравненно важнѣйшія послѣдствія, чѣмъ цѣлый рядъ военныхъ пораженій, которыя въ XI ст. завершились разгромомъ царства Болгарскаго; это была побѣда мирная, которая должна была затормозить развитіе національнаго склада жизни. Если своею высшею организаціею Византія должна была остановить самобытный ходъ развитія соціально-государственныхъ началъ славянства, то своимъ высокимъ духовнымъ образованіемъ она съ успѣхомъ подчинила себѣ умственный міръ славянства, покрайней мѣрѣ тамъ, гдѣ Славяне тѣснѣе были охвачены византизмомъ, т. е. въ Греціи, Өессаліи и нѣкоторой части Эпира. Эта задача достигалась тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ настойчивѣе Эллины стремились огречивать поселившихся въ ихъ средѣ Славянъ, чѣмъ больше умственныхъ силъ находилось въ ихъ рукахъ. А этихъ умственныхъ силъ и такъ сказать духовныхъ средствъ для побѣды надъ славянствомъ было довольно.

Византія является наслѣдницею греко-римскаго образованія, которое хотя она и не пріумножила новыми вкладами генія, но заслуга ея въ томъ, что она стремилась воспроизводить памятники цвѣтущихъ вре-

менъ классической литературы и передать ихъ человѣчеству. Изученіе древности особенно процвѣтало въ Греціи и передней Азіи. Въ первой центромъ дѣятельности стали Аѳины, куда стремились всѣ Греки присутствовать при диспутахъ по поводу вопросовъ изъ области философіи и литературы. Вся энергія угасшей политической жизни сосредоточивалась на литературѣ и аѳинской школѣ. Конечно, тогда истинная наука уже совершенно исчезла; всѣ занятія учителей, обучавшихъ древней литературѣ и извѣстныхъ подъ именемъ софистовъ, сосредоточивались въ краснорѣчіи, діалектическихъ тонкостяхъ, мистическомъ объясненіи древняго религіознаго ученія и мнимой философіи, соотвѣтствовавшей общему направленію тогдашней учености.

Тѣмъ не менѣе и такое направленіе умственной дѣятельности тогдашнихъ представителей интеллигенціи должно было имѣть огромное цивилизующее значеніе для развитія человѣчества. Какъ бы подражательна и компилятивна ни была эта форма дѣятельности интеллигентныхъ классовъ, она заслуживаетъ уже потому вниманія, что сохранила погибавшіе остатки древней образованности.

Само христіанство пользовалось этой умственной силой умирающаго язычества для борьбы съ послѣднимъ. Возникшая христіанская литература показываетъ намъ, что поборники христіанства въ объясненіяхъ своихъ прибѣгали къ діалектическимъ пріемамъ языческой образованности тѣмъ искуснѣе, что нѣкоторые изъ этихъ поборниковъ были въ началѣ язычниками, получившими блестящее классическое образованіе. Насколько велико было сознаніе важности классической образованности въ средѣ христіанской интеллигенціи, видно изъ того, что сами христіанскіе императоры, неофиты въ новой религіи и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе усерднѣйшіе охранители ея отъ вліянія язычества, не только однакоже не преслѣдовали представителей древней философіи, которые назывались софистами, но и покровительствовали имъ. Занятіе философіею, вызывавшее массу компиляцій, хотя стало предметомъ моды, но развивая вкусъ къ умственной жизни, оно принесло несомнѣнную пользу тогдашнему обществу, облегчая распространеніе христіанскаго ученія, прозелиты котораго прибѣгали къ тонкимъ діалектическимъ пріемамъ языческой философіи для борьбы съ противникомъ. И можно сказать, что христіанская литература первыхъ шести вѣковъ, кромѣ конечно неоспоримой заслуги разъясненія христіанскаго ученія, принесла еще ту пользу, что служила посредницею въ передачѣ отдаленному потомству сокровищъ классическаго ума. Какъ извѣстно, юная христіанская литература, со всѣмъ пыломъ свѣжихъ силъ, должна была все искуство свое обратить на защиту христіанства отъ сильныхъ еще нападеній со стороны классической учености. Люди образованные изъ христіанъ нашли

нужнымъ, для успѣха борьбы, доказывать истинность христіанскаго ученія логическими выводами и такимъ путемъ незамѣтно христіанское ученіе вошло въ тѣсную связь съ научными понятіями и философіею древности, и чрезъ то усвоило себѣ направленіе тогдашней образованности. Первыми представителями этой, такъ называемой апологической литературы были: *Юстинъ* (при Маркѣ Авреліи), сочиненія котораго наглядно показываютъ, какимъ образомъ идеи язычества стали проникать въ христіанскую литературу. Наиболѣе заслугъ христіанской учености принесли александрійскіе учители церкви: Климентъ и Оригенъ, которые расширили область человѣческихъ стремленій и весьма искусно соединивъ Востокъ и его историческія преданія съ литературою Запада, создали христіанскую философію и мистицизмъ [1]).

Если названные ученые путемъ логическихъ выводовъ защищали христіанство и подтверждали истинность новаго ученія пріемами классической образованности, то Евсевій содѣйствовалъ распространенію христіанскаго ученія историческими трудами Современникъ Константина Великаго, епископъ кессарійскій Евсевій оставилъ рядъ сочиненій, которыя въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ оставались главнымъ источникомъ хронологическихъ и историческихъ знаній. Какъ и слѣдовало ожидать, первый историкъ христіанства на событія прошедшія и связь ихъ долженъ былъ смотрѣть исключительно съ христіанской точки зрѣнія и своимъ вліяніемъ положилъ начало религіозному направленію, въ исторіи позднѣйшихъ ученыхъ среднихъ вѣковъ.

Юстинъ, Климентъ, Оригенъ, Евсевій—это все имена византійской учености первой величины; но ихъ далеко нельзя считать одинокими свѣточами умственной жизни того времени. Вкусъ къ умственной дѣятельности охватилъ всѣ образованные классы Византіи и даже нашелъ мѣсто наверху, гдѣ занятіе и даже увлеченіе философскими тонкостями не рѣдко происходило въ ущербъ заботамъ о болѣе реальныхъ интересахъ управляемыхъ народовъ. Какъ извѣстно, на византійскомъ тронѣ сидѣло много ученыхъ и тонко образованныхъ коронованныхъ особъ обоего пола, которые стали предметомъ ревниваго подражанія высшихъ классовъ общества. Въ извѣстномъ отношеніи этотъ порывъ увлеченія умственною дѣятельностью въ высшихъ классахъ и при дворѣ повторялся черезъ нѣсколько столѣтій, въ болѣе ближайшее къ намъ время (въ XVIII стол.) во Франціи, когда занятія литературою и философіею сдѣлались тамъ столь же модными, какъ извѣстный покрой костюма, соблюдаемый людьми вращающимися въ приличномъ обществѣ, съ тою конечно разницею, что умственная дѣятельность во Франціи обращена

---

[1]) Шлоссеръ, Всемірная исторія, т. II, изд. 1869 г.

была на разработку вопросовъ жизненныхъ, современныхъ, а потому ее по справедливости можно считать введеніемъ къ революціи общественной, обновившей соціально-государственный строй жизни; между тѣмъ, какъ въ Византіи умственная дѣятельность, приправленная значительною долею восточной фантазіи, обращена была преимущественно на разрѣшеніе вопросовъ отвлеченныхъ, которые тогдашнему міросозерцанію сообщили мистическій характеръ и, бывъ перенесена на почву религіозную, породила великое разнообразіе сектъ.

Но какъ бы то ни было, византійская образованность въ отношеніи къ южному славянству могла стать духовною силою, которая, кромѣ другихъ общечеловѣческихъ послѣдствій, немало содѣйствовала эллинизаціи его въ Греціи, Ѳессаліи, и Эпирѣ.

Дѣйствительно, уже въ V и VI ст. упоминаются люди славянскаго происхожденія, усвоившіе себѣ греческое образованіе. Конечно, это образованіе имѣло подкладку религіозную, проникнуто было духомъ религіи, такъ какъ вся литература христіанская, возникшая въ III ст., посвящена была, какъ и слѣдовало ожидать, вопросамъ заоблачнаго міра и церковнымъ. Но ненадобно забывать, что тогдашняя церковная литература не отличалась такою спеціальностью, какъ въ послѣдующія времена. Церковь и государство только путемъ долгой борьбы стали отдѣльными, болѣе или менѣе самостоятельными величинами, каждая съ своимъ опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности, но и то, такое отдѣленіе церкви отъ государства достигнуто хотя и не вполнѣ на Западѣ. Въ Византіи же первыхъ шести вѣковъ, усвоившей себѣ римское воззрѣніе на государство, церковь сливалась съ государствомъ и императоръ сталъ главою православной церкви. Это начало византизма до такой степени срослось съ бытомъ восточныхъ христіанъ, что самое турецкое завоеваніе не могло его измѣнить; начало это удержалось до сихъ поръ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что высшимъ главою церкви православной, впрочемъ, какъ одной изъ государственныхъ функцій, считается не православный государь, а мусульманскій падишахъ, который нетолько утверждаетъ патріарховъ въ ихъ званіи, но и вмѣшивается въ іерархическіе споры, какъ доказываетъ развитіе вопроса объ отдѣленіи болгарской церкви отъ греческой.

Поэтому хотя тогдашняя литература посвящала себя церковнымъ вопросамъ, но эти церковные вопросы далеко выходили изъ предѣловъ церкви и съ точки зрѣнія нашего времени, многіе изъ нихъ могли бы быть отнесены къ сферѣ государственной жизни. Отсюда вышло то, что церковная литература первыхъ временъ христіанства, пріютивъ у себя остатки греко-римской образованности и изслѣдованія, касающіяся общежитія, гораздо шире и всестороннѣе захватывала умъ человѣка; литература

эта, кромѣ чисто религіознаго вліянія на людей, знакомившихся съ нею, должна была имѣть вліяніе цивилизующее конечно въ смыслѣ византійскаго міровоззрѣнія; въ литературу византійскую первыхъ шести вѣковъ, кромѣ элемента религіознаго, входилъ еще элементъ византійско-патріотическій, т. е. элементъ свѣтскій.

Все это необходимо помнить, когда рѣчь идетъ объ эллинизаціи Славянъ.

Разъ сблизившись съ Греками и охваченные высшею культурою, высшимъ образованіемъ послѣднихъ, Славяне, не имѣя ничего *своего* противуставить этимъ предпріимчивымъ людямъ, съ умомъ спекулятивнымъ, изворотливымъ, по необходимости должны были признать себя побѣжденными, еслибы и вздумали вступить въ эту духовную, непосильную для нихъ борьбу, и благодаря своей воспріимчивости, весьма скоро приняли духовную пищу окружающей ихъ высшей цивилизаціи. Греція, Ѳессалія, Эпиръ въ своихъ нагорныхъ мѣстахъ покрылись сѣтью монастырей и скитовъ, которые при всемъ своемъ аскетизмѣ, стали однакоже центромъ образованности. Въ тиши этихъ убѣжищъ писались религіозные трактаты, составлялись хронографы, поученія, которые, при всей уединенности монастырей, не ограничивались монастырскими келіями, а переходили въ народъ.

Не одни Греки населяли монастыри и скиты; нужно допустить, что значительную долю обитателей этихъ монастырей и скитовъ составляли Славяне. Греческое населеніе вслѣдствіе постоянныхъ разрушительныхъ войнъ, порѣдѣло; было даже время, когда, по словамъ византійскаго писателя, «варвары истребили все греческое населеніе». Конечно, нельзя принимать выраженія этого буквально; но можно нисколько не погрѣшая передъ истиною допустить, что чисто греческое населеніе во всякомъ случаѣ было количественно не настолько велико, чтобы оно могло выдѣлить изъ себя многочисленный классъ монашествующей братіи и въ то же время считаться однимъ изъ наиболѣе промышленныхъ торговыхъ народовъ. Если въ средѣ Славянъ оказывались фамиліи, которыя занимали такое высокое положеніе въ обществѣ, что изъ нихъ выходили знаменитѣйшіе полководы и правители имперіи (Велисарій, Хвалибулъ, Юстиніанъ и др.), то слѣдуетъ признать, что между славянами уже въ первыя столѣтія нашей эры существовала интеллигенція, такъ какъ образованіе, хотя внѣшнее, формальное, считалось непремѣннымъ условіемъ для полученія виднаго служебнаго поста. А разъ возникшая въ средѣ славянства образованность должна была развиваться разумѣется въ направленіи византійскомъ. И вотъ Славяне, усвоившіе себѣ ученіе христіанской церкви, христіанскую литературу тогдашняго времени, незамѣтно для самихъ себя, чрезъ посредство этой литературы — про-

никались мало по малу духомъ эллинизма въ сферѣ умственной дѣятельности и духомъ византизма въ сферѣ извѣстной соціально-политической системы; незамѣтно для себя они становились не только эллинами, т. е. гречески-образованными людьми, но и византійцами, т. е. сторонниками чуждыхъ ихъ племенному духу началъ общежитія.

Это умственное порабощеніе шло тѣмъ легче, что они не могли даже противупоставить грубыхъ и бѣдныхъ формъ своего языка формамъ и богатству языка греческаго, а потому они должны были усвоить этотъ чуждый языкъ сначала въ литературѣ, а потомъ и въ общежитіи. И дѣйствительно: проходитъ нѣсколько поколѣній, и Славяне Греціи, Славяне Θессаліи, Эпира и Эгейскаго побережья говорятъ на греческомъ языкѣ и могутъ считаться вполнѣ огречившимися. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, Кириллъ и Меθодій, апостолы славянскихъ земель — люди происхожденія славянскаго; *) между тѣмъ, они должны были *выучиться* славянскому языку, для того, чтобы проповѣдывать между Славянами. Такъ какъ образованіе и эллинизмъ считались понятіями тождественными, то становится нѣсколько понятнымъ, почему образованные люди изъ среды Славянъ не только писавшіе, но и говорившіе погречески, охотно отрекались отъ своего національнаго происхожденія и называли себя Греками. Слово «грекъ» считалось такимъ же почетнымъ, какъ въ Римской республикѣ civis Romanus. Словомъ «грекъ» означалось высокое образованіе, тонкость вкуса, политическій умъ. Даже быть «полугрекомъ» считалось отличіемъ, иначе не стали бы византійскіе писатели, расточая похвалы Симеону болгарскому (въ позднѣйшее время), называть его «полугрекомъ»; очевидно съ этой кличкой они соединяли великое отличіе Симеона въ ряду другихъ болгарскихъ царей.

Мы прослѣдили дѣйствіе закона ассимиляціи во всѣхъ сферахъ, гдѣ оно происходило въ своемъ чистомъ видѣ и обусловливалось, такъ сказать, причинами внутренними, т. е. тѣмъ, что въ мірѣ животномъ и растеній можно назвать относительнымъ совершенствомъ организмовъ.

Очеркъ этой ассимиляціи былъ-бы не полонъ, если бы мы не указали на одно явленіе, которое съ своей стороны содѣйствовало ассимиляціи, облегчило побѣду эллинизма надъ славянствомъ до полнаго вырожденія послѣдняго (въ Греціи, Θессаліи и Эпирѣ).

Какъ сказано выше, Славяне начинаютъ появляться на Балканскомъ

---

[1]) См. Гильфердингъ, Собраніе сочиненій, т. I; Веневинъ, Критическія изслѣдованія объ исторіи Болгаръ, изд. 1842. Порфирій, Исторія Аθона; Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской. изд. 1871.

полуостровѣ со втораго вѣка нашей эры. Притокъ ихъ съ тѣхъ поръ и до конца VII ст. включительно не останавливается.

Мы намѣтили два періода въ этомъ движеніи Славянъ и объяснили существенное различіе между этими двумя періодами.

Въ первомъ, который заканчивается половиною V ст., Славяне шли, увлекаемые общимъ потокомъ движенія народовъ, шли подневольно, работали на другихъ Такъ Славяне, подъ разными наименованіями, участвовали въ маркоманскихъ войнахъ; позднѣе они усиливаютъ, собою полчища Готовъ и Гунновъ и вмѣстѣ съ ними громятъ Византійскую имперію, и все это не отъ своего имени; ни малѣйшей тѣни самостоятельно - завоевательныхъ стремленій незамѣтно въ движеніи Славянъ за этотъ періодъ. Какъ только прекратилось нашествіе Готовъ и Гунновъ, славянскіе сколки этихъ полчищъ, оставшіеся на Балканскомъ полуостровѣ, мирно, можно сказать, въ качествѣ колонистовъ разселяются по странѣ; они не захватываютъ ее, а именно «разселяются». Имперія не противится этому разселенію: свободныхъ земель было слишкомъ много; надо думать, что правители византійскіе даже заинтересованы были славянскою колонизаціею, которая, въ силу замѣченнаго византійцами трудолюбія этихъ новыхъ переселенцевъ,—могла принести несомнѣнную пользу, введя въ кругъ экономическихъ цѣнностей—непроизводительныя до того богатства страны, преимущественно земли.

Правда, можно было предположить, что эти мирные переселенцы образуютъ компактную силу, которая не замедлитъ сдѣлаться опасною имперіи; но византійцы, обладавшіе большимъ искуствомъ распознавать характеръ народовъ, съ которыми имъ приходилось сталкиваться, съумѣли подмѣтить въ новыхъ поселенцахъ одну весьма выгодную для безопасности имперіи черту — это наклонность Славянъ разбрасываться на большихъ пространствахъ. Славяне разселялись мелкими группами, общинами, мелкими единицами, безъ всякой взаимной между поселенцами связи, безъ всякаго сознанія необходимости общихъ центровъ, безъ всякаго проблеска духа національной ассоціаціи. Эта подмѣченная византійцами черта народнаго характера, вѣроятно, до такой степени преобладала надъ другими особенностями Славянъ, что нѣкоторые византійскіе писатели, говоря о происхожденіи Славянъ, производили это слово отъ выраженія «въ разсыпную».

Вотъ почему имперіятакъ скоро допустила въ свои страны этихъ переселенцевъ.

Дѣйствительно, мы ничего не знаемъ о войнахъ или нашествіяхъ со стороны ихъ за *первый періодъ* движенія славянства; поселенцы, «разбросавшись» по Балканскому полуострову, на этотъ разъ считали

миссію славянства какъ бы завершившеюся; они свыкаются съ ихъ новымъ отечествомъ и тѣми формами общежитія, которыя они здѣсь застали готовыми и къ которымъ они должны были частію примѣниться.

Духъ византизма начинаетъ проникать въ строй ихъ жизни; духъ эллинизма начинаетъ захватывать ихъ умственный міръ, и разбросанные, живя въ разсыпную, Славяне, не смотря на свою многочисленность. перестаютъ быть силою, сколько нибудь опасною Византіи, напр. въ южныхъ своихъ поселеніяхъ (Греціи); они настолько успѣли огречиться и овизантиниться, что усердно пополняютъ византійскую армію, вездѣ храбро сражаясь противъ позднѣйшихъ своихъ соплеменниковъ. По крайней мѣрѣ исторія не указываетъ, чтобы эти послѣдніе, при нашествіяхъ на Ѳессалію и Грецію находили для себя союзниковъ, а между тѣмъ въ IV стол. эти страны были густо населены Славянами. *Во второмъ періодѣ* движеніе Славянъ принимаетъ характеръ, если не сознательно-завоевательный, то во всякомъ случаѣ явно враждебный въ отношеніи къ Византіи, которая охотно приглашаетъ на помощь тюркскія племена, для спасенія себя отъ славянскихъ нашествій, обнаружившихъ теперь явное намѣреніе Славянъ утвердиться въ занятой ими странѣ.

Славяне начали группироваться въ болѣе крупныя единицы, и это стремленіе къ объединенію вѣнчается успѣхомъ тамъ, гдѣ они наименѣе встрѣтили противодѣйствія какъ со стороны туземцевъ, такъ и со стороны греко-римскихъ колоній, именно въ нижней Мизіи и малой Скиѳіи (страна между Дунаемъ и Балканами). Здѣсь же и суждено было возникнуть первому славянскому царству — Болгарскому, которое надѣлало столько хлопотъ Византіи. Другой же отрасли Славянъ—Сербамъ, спустившимся на Балканскій полуостровъ съ Карпатскихъ горъ, пришлось выдержать долгую борьбу за существованіе какъ съ храбрыми воинственными туземцами Иллирика, такъ и съ многочисленными, разсѣянными по адріатическому побережью греко-римскими колоніями, прежде чѣмъ могло въ нихъ выработаться сознаніе общности и положительное стремленіе къ объединенію. На это потребовалось нѣсколько столѣтій, и только въ XII-мъ ст. Сербы становятся политическою величиною на Балканскомъ полуостровѣ, въ то время, когда собратья ихъ Болгары, при болѣе счастливой обстановкѣ, успѣли политически сгруппироваться уже въ VIII-мъ столѣтіи.

Какъ ни стремительны были нападенія Славянъ на Византію въ этомъ *второмъ періодѣ* ихъ движенія и разселенія по Балканскому полуострову, результаты оказались гораздо слабѣе, чѣмъ можно было ожидать, судя по энергіи, которою отличается движеніе Славянъ въ

данномъ періодѣ: Славяне, какъ извѣстно, едва въ состояніи были сгруппироваться въ отдаленныхъ отъ центра Византіи странахъ, а между тѣмъ они приводили въ трепетъ Византію въ самыхъ близкихъ къ центру мѣстностяхъ: подходили къ Константинополю, осаждали города Ѳессаліи, грабили и уводили массы плѣнныхъ и богатства.

Этотъ скромный результатъ движенія Славянъ во 2 мъ періодѣ объясняется какъ указанною нами чертою разрозненности, несогласія, которая парализировала всякое завоевательное начинаніе ихъ и предавало ихъ въ руки непріятеля, такъ и характеромъ движенія, которое не было проникнуто ясно сознанною цѣлію завоеванія и упроченія осѣдлости, а разрѣшалось отрывочными набѣгами, грабежомъ, опустошеніемъ городовъ, захватомъ добычи, уводомъ плѣнныхъ, и все это сопровождалось свирѣпою жестокостью, вслѣдствіе чего они заслужили отъ византійскихъ писателей прозвище «богомерзкихъ». Вотъ почему движеніе Славянъ къ югозападу, которое руководилось не столько сознательнымъ стремленіемъ занять наиболѣе удобныя мѣстности, сколько чутьемъ чего то лучшаго тамъ на югѣ, не принесло ожидаемыхъ результатовъ. Славяне въ данномъ періодѣ, какъ и въ предшествовавшемъ, разсыпались на мелкія группы, которыя не замедлили сдѣлаться добычею эллинизма.

И такъ, воспроизводя въ общей картинѣ движенія Славянъ на Балканскій полуостровъ и разселеніе ихъ тамъ, мы находимъ слѣдующее: движеніе это распадается на два періода. *Въ первомъ* періодѣ со II по VI вѣкъ оно отличается характеромъ мирнымъ, такъ сказать, колонизаторскимъ, частью же подневольнымъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Славяне вступили на Балканскій полуостровъ какъ второстепенные зависимые контингенты Готовъ, Гунновъ и другихъ народовъ, нападавшихъ на Византію. Движеніе это не увѣнчалось для Славянъ никакимъ политическимъ результатомъ; они стали лишь однимъ изъ этнографическихъ элементовъ среди народностей европейской Византіи, но и то въ странахъ удаленныхъ отъ центра, гдѣ имъ не приходилось придти въ близкое соприкосновеніе съ эллинизмомъ. Тамъ же, гдѣ происходило такое соприкосновеніе, какъ напр. въ Греціи, Ѳессаліи и Эпирѣ, Славяне въ борьбѣ за существованіе не могли выдержать конкуренціи съ эллинизмомъ. Охваченные высшими формами общественнаго строя, высшею культурою, высшимъ умственнымъ развитіемъ относительно незначительныхъ сколковъ греко-римскихъ народностей, Славяне, внеся, съ собою лишь слабые зачатки общественности, должны были, такъ сказать, раствориться въ эллинизмѣ, не смотря на свой количественный перевѣсъ. Эту безкровную побѣду эллинизма обегчила присущая Славянамъ того времени черта характера—разрозненность между отдѣльными

группами, отсутствіе общей идеи, общихъ стремленій при установленіи осѣдлости. Византія этимъ искусно пользовалась, раздувая между славянскими поселенцами вражду, пользуясь одними изъ нихъ въ борьбѣ съ другими.

Подъ этимъ двойнымъ вліяніемъ духовнаго превосходства эллинизма и отсутствія организаторскаго генія въ Славянахъ того времени, Славяне въ южныхъ окраинахъ Балканскаго полуострова вырождаются въ Эллиновъ.

Поэтому движеніе Славянъ *въ первомъ періодѣ* и разселеніе ихъ по Балканскому полуострову имѣетъ значеніе лишь въ томъ, такъ сказать, физіологическомъ смыслѣ, что наглядно показываетъ въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ гдѣ либо, замѣчательное дѣйствіе закона борьбы за существованіе,—закона, въ силу котораго въ жизни людей, точно такъ же, какъ и въ мірѣ животномъ и растительномъ, побѣда остается за организмами болѣе совершенными. Для исторіи же славянства, это движеніе и разселеніе Славянъ имѣетъ лишь значеніе археологическое.

Во второмъ періодѣ, который начинается V ст. и оканчивается VII, движеніе Славянъ принимаетъ характеръ самостоятельный; они нападаютъ на Византію отъ своего имени и на свой страхъ, у нихъ являются проблески объединенія, идея политической общности. Но дѣйствуя «въ разсыпную» и притомъ рядомъ съ цѣлями общественными, преслѣдуя цѣли случайныхъ нападеній, захватовъ, Славяне хотя и проникаютъ далѣе на юго-западъ Балканскаго полуострова,—успѣваютъ упрочить свою общественную осѣдлость лишь въ Мизіи и Малой Скифіи, а между тѣмъ весь Балканскій полуостровъ, начиная отъ Дуная и его притоковъ Савы и Дравы и кончая Пелопонезомъ, представлялся въ концѣ VII в., заселеннымъ Славянами.

ГЛАВА III.

Происхожденіе Болгаръ.

1. Появленіе Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ. 2. Литература вопроса о происхожденіи Болгаръ. 3. Крайнія теоріи: финно-уральская и славянская и средняя— Иречко-Дриновская. 4. Итоги.

Мы указали на замѣчательное дѣйствіе закона борьбы за существованіе, въ примѣненіи къ человѣческому общежитію, обусловливаемое не столько внѣшнею, механическою силою, сколько духовнымъ элементомъ, подъ которымъ мы понимаемъ всю совокупность нравственно-умственныхъ силъ.

Но какъ дѣйствіе всякаго закона общественной жизни, встрѣчая на пути своемъ рядъ тормозящихъ его внѣшнихъ вліяній, необходимо видоизмѣняется, уклоняясь въ сторону и замедляясь въ конечномъ своемъ результатѣ, такъ точно и въ борьбѣ за существованіе, элементъ внѣшній, достигнувъ извѣстной напряженности своего развитія, становится временно преобладающимъ въ дѣйствіи указаннаго закона и въ борьбѣ даетъ перевѣсъ тому, на чьей сторонѣ онъ преобладаетъ.

Прилагая этотъ законъ къ судьбѣ южныхъ Славянъ VII ст., мы находимъ, что въ данное время эти внѣшнія условія должны были явиться преобладающими. Въ описываемое время Славяне явились не съ тѣмъ, чтобы опустошивъ вдоль и поперегъ страну, разоривъ города и награбивъ побольше добычи, удалиться обратно. Нѣтъ—Славяне теперь рѣшились стать твердою ногою на почвѣ занятой ими страны. Не объ отдѣльныхъ отрядахъ и полчищахъ Славянъ говорятъ теперь византійскіе писатели, а о движеніи народныхъ массъ.

Дѣйствительно, между Славянами, густо населившими Балканскій полуостровъ, должно было явиться сознаніе силы и вмѣстѣ съ тѣмъ мысль объ объединеніи, которая, можно сказать, бродила по Балканскому полуострову, пока не нашла себѣ мѣста для осуществленія.

Такимъ мѣстомъ безъ сомнѣнія представлялись тѣ области, надъ которыми наименѣе тяготѣла власть Византіи, и гдѣ, съ другой стороны, пришельцы не могли встрѣтить сильнаго отпора въ воинственныхъ племе-

нахъ туземнаго населенія. Это сѣверо-восточный уголъ Мизіи, нынѣшней дунайской Болгаріи, со включеніемъ Добруджи.

Хотя эти области съ сѣвера, по теченію Дуная, еще Римлянами ограждены были рядомъ крѣпостей, число которыхъ Византія (при Юстиніанѣ въ VI ст.) увеличила, но опытъ показалъ, что при возобновившемся напорѣ Славянъ, этотъ оплотъ оказался ненадежнымъ. Крѣпости съ незначительными гарнизонами не могли сдерживать движенія Славянъ, и вотъ Византія по необходимости начинаетъ относиться пассивно къ защитѣ этихъ сѣверо-восточныхъ областей, которыя къ тому же въ культурномъ отношеніи стояли ниже другихъ областей имперіи, болѣе были опустошены и обезлюдены нашествіями дикихъ азіятскихъ ордъ, нападавшихъ на Византію чрезъ нижнее теченіе Дуная. Здѣсь мысль славянскаго объединенія должна была осуществиться, и дѣйствительно, въ то время когда на югѣ, сѣверо- и юго-западѣ густо расселившіеся Славяне продолжаютъ жить въ разсыпную, мелкими общинами, отдѣльною жизнію, въ этой части Балканскаго полуострова возникаетъ крупная политическая величина, здѣсь въ-первые рождается государственный организмъ, который въ иные моменты становится сильнымъ противовѣсомъ Византіи, сначала въ видѣ status in statu, а затѣмъ въ видѣ самостоятельной политической величины.

Первое славянское царство Болгарское возникло именно въ этихъ областяхъ европейской Византіи. Слѣдовательно, первые вдохнувшіе политическую жизнь въ средѣ южныхъ Славянъ и поставившіе ихъ на сцену европейской исторіи—были Болгары, которые съ XII ст. хотя исчезаютъ съ этой сцены, какъ отдѣльный политическій организмъ, но по настоящее время сохраняютъ свое значеніе, какъ сильный этнографическій элементъ въ средѣ народностей Балканскаго полуострова.

Кто же были эти Болгары, которые внесли столь важный моментъ въ судьбы южнаго славянства, какъ начало политическаго его объединенія? Хотя вопросъ этотъ поставленъ въ наукѣ еще въ концѣ прошлаго столѣтія, но по настоящее время онъ представляется далеко нерѣшеннымъ и можетъ быть отнесенъ къ числу весьма «спорныхъ дѣлъ науки».

Мы не будемъ входить во всѣ перипетіи и мелочи спора по вопросу о происхожденіи Болгаръ, а намѣтимъ только главныя исходныя точки зрѣнія на этотъ предметъ, насколько это необходимо для связнаго изложенія послѣдующихъ событій.

Мы лично того мнѣнія, что для изслѣдованія происхожденія народовъ не наступило еще время. Историческая наука до сихъ поръ еще слишкомъ стоитъ обособленною въ сферѣ естествознанія, чтобы она была въ силахъ добыть какіе-либо солидные результаты въ такомъ пред-

метѣ, какъ происхожденіе народовъ. При поверхностномъ даже обзорѣ пріемовъ ея изслѣдованія нетрудно замѣтить, какимъ скуднымъ матеріаломъ, какими, иногда, по истинѣ, жалкими источниками ей приходится здѣсь ограничиваться: нѣсколько филологическихъ параллелей, нѣсколько черезъ-чуръ краткихъ намековъ, или черезъ-чуръ растянутыхъ запутанныхъ разглагольствованій современниковъ, или очевидцевъ событій,— кругъ знаній каковыхъ писателей безъ сомнѣнія былъ гораздо тѣснѣе знаній теперешняго ученика IV класса гимназіи, который никогда не смѣшаетъ Невы съ Евфратомъ, Черногорцевъ съ Китайцами и пр., а между тѣмъ, такія недоразумѣнія очень часто встрѣчаются въ разсказахъ древнихъ писателей,—вотъ тѣ источники, къ которымъ вообще обращается историческая наука.

Поэтому, предоставляя любителямъ продолжить распутываніе этаго хаоса противорѣчивыхъ намековъ и розсказней византійскихъ, готскихъ, и иныхъ современниковъ событій, хронографовъ и историковъ, мы представимъ лишь легкій эскизъ вопроса о происхожденіи Болгаръ, въ томъ видѣ, какъ онъ поставленъ въ наукѣ, съ присоединеніемъ нашихъ личныхъ выводовъ.

Съ самаго появленія этаго вопроса въ наукѣ, въ концѣ XVIII в. онъ вызвалъ два противуположныхъ мнѣнія, которыя съ нѣкоторыми варіантами и нѣсколько усложненныя, продолжаютъ существовать до сихъ поръ.

По одному изъ этихъ мнѣній—Болгары принадлежатъ къ семьѣ финно-уральскихъ народовъ, соплеменниковъ Гуннамъ, а по другому— Болгары происхожденія славянскаго. Родоначальники перваго мнѣнія— Туннанъ и Энгель [1]), а втораго—Раичъ [2]). Въ послѣдующее время во главѣ противоположныхъ лагерей стали Шафарикъ [3]) (финно-уральской теоріи) и Венелинъ [4]) (славянской теоріи). Каждый изъ нихъ нашелъ себѣ послѣдователей, изъ которыхъ теоріи *первыхъ* держатся Гильфердингъ [5]), Каницъ [6]), Голубинскій [7]), Poujoulat [8]), Lavallée [9]), Crousse [10]) и др., а мнѣнія втораго—Иловайскій [11]). Въ позднѣйшее

---

[1]) Tunmann—Untersuchungen über die Geschichte der Oestlichen Völker, 1774; Engel, Geschichte des Bulgaren, 1797.

[2]) Раичъ, Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, 1794 г.

[3]) Slavische Alterthümer.

[4]) Древніе и нынѣшніе Болгары; Критическія изслѣдованія.

[5]) Собраніе Сочиненій, т. I.

[6]) Donau Bulgarien und der Balkan, 1875 г.

[7]) Очеркъ исторіи православныхъ церквей, 1871 г.

[8]) Histoire de Constantinople, изд. 1853 г.

[9]) Histoire de la Turquie.

[10]) La Peninsule Greco-Slave, изд. 1876 г.

[11]) Розысканія о началѣ Руси.

время явилась новая теорія, очевидно стремящаяся примирить существующія противорѣчія, въ вопросѣ о происхожденіи Болгаръ. Теорія эта изобрѣтена Дриновымъ [1]) и поддерживается Иричекомъ [2]) въ его «Исторіи Болгаріи».

Финно-уральская теорія, въ лицѣ своего даровитѣйшаго представителя и знатока славянскихъ древностей, Шафарика, основываетъ свое raison d'etre на слѣдующихъ аргументахъ: а) всѣ византійскіе писатели съ Ѳеофаномъ (818) и Никифоромъ (828) во главѣ считаютъ Болгаръ родственными Гуннамъ и Гутургурамъ; даже Несторъ, на основаніи народныхъ преданій, поименовываетъ Болгаръ не въ ряду славянскихъ народовъ, а Угровъ, Аваровъ, Хозаровъ; поэтому, если признавать Болгаръ Славянами, то приходится считать Славянами Гунновъ, Угровъ, Хозаровъ; б) Болгары переселившіеся въ Мизію (въ VII ст.), количественно составляютъ только $^1/_5$ часть всего Болгарскаго народа. При этомъ положеніи и выводахъ изъ него, Шафарикъ принимаетъ за непреложную истину легенду Ѳеофана и Прокопія о разселеніи Болгаръ, которое совершилось слѣдующимъ образомъ: по смерти болгарскаго вождя Кровата, или Кубрата, оставшіеся послѣ него пять сыновей раздѣлились и разошлись, каждый съ своимъ народомъ, въ разныя стороны: одинъ поселился въ Паннонiи, нынѣшней Венгріи, другой въ Равеннѣ, третій на восточномъ берегу Дона, четвертый остался на сѣверо-восточныхъ берегахъ Эвксинскаго Понта (Чернаго моря) и Меотійскаго озера (Азовскаго моря), а пятый поселился между устьями Дуная и Днѣпра. Та часть, продолжаетъ Шафарикъ, которая оставалась на восточномъ берегу Азовскаго моря, тѣснимая Хозарами, двинулась впослѣдствіи къ р. Камѣ и къ верховьямъ Волги, гдѣ эти переселенцы въ X вѣкѣ стали извѣстными русскимъ писателямъ, на основаніи извѣстій которыхъ становится совершенно ясно, что эти переселенцы не славянскаго происхожденія. Русскіе воюютъ съ ними, какъ съ чуждымъ народомъ, и какъ таковой, подчиняютъ ихъ своей власти; если же этихъ переселенцевъ нельзя считать Славянами, то очевидно не могутъ признаваться Славянами и братья первыхъ, перешедшіе во главѣ Аспаруха въ Мизію; в) далѣе извѣстія о языкѣ, нравахъ, образѣ жизни Болгарскаго народа, рѣзко выдѣляютъ его изъ семьи славянскихъ народовъ. Что касается *языка*, то Шафарикъ приводитъ нѣсколько десятковъ именъ болгарскихъ князей (Ковратъ, Батбай, Аспарухъ), городовъ на р. Камѣ и мелкихъ округовъ въ странѣ Дунайскихъ Болгаръ (Бюларъ, Булгаръ, Брагимъ, Сабакула, Котокій и др.), которыя, по его мнѣнію, никакъ нельзя счи-

---

[1]) О происхожденіи Болгаръ.

[2]) Geschichte der Bulgaren, 1876.

тать славянскаго происхожденія; *обычаи* Болгаръ сходны съ тѣми, которые вообще отличаютъ азіатскіе народы; кромѣ того, родственность съ этими послѣдними Шафарикъ усматриваетъ еще въ томъ, что магометанство нашло доступъ въ средѣ Болгаръ и держалось у нихъ даже послѣ принятія дунайскими Болгарами христіанства (860—866 г.); далѣе магометанство и обычай носить въ церкви тюрбанъ явно говорятъ противъ славянскаго происхожденія Болгаръ; г) для Шафарика представляется весьма существеннымъ и то обстоятельство, что неизвѣстный біографъ св. Димитрія (VIII в.) положительно отличаетъ отъ славянскаго народа Болгаръ и ихъ языкъ; наконецъ, филологическія параллели окончательно, по мнѣнію Шафарика, подтверждаютъ финно-уральское происхожденіе болгаръ, такъ-какъ въ болгарскихъ словахъ Bulgari, Burgari, Wurugundi, Wulgas и др. встрѣчаются формы сходныя съ тѣми, которыя отличаютъ слова финно-уральскаго происхожденія— gari gori—guri, giri, вошедшія въ составъ такихъ словъ какъ Ungari, Ungri, Hungri и др. При этомъ Шафарикъ, не соглашаясь съ другими представителями финно-уральской теоріи о происхожденіи названія Болгарскаго народа, которые, ссылаясь на нѣкоторыхъ греческихъ писателей, производятъ слова Болгаръ, Вульгеръ—отъ Волги,—рѣки, на берегахъ которой жилъ этотъ народъ,—находитъ слово Bulgari состоящимъ изъ двухъ частей: Bul и gari, которыя несомнѣнно указываютъ на финское ихъ происхожденіе. Въ заключеніе, въ видѣ утѣшенія Болгарскому народу, Шафарикъ замѣчаетъ, что въ семьѣ уральскихъ племенъ Болгары издавна выдѣлялись своею большею образованностію и склонностію къ мирной дѣятельности.

Представитель противоположнаго лагеря Венелинъ, желая вызвать въ Россіи сочувствіе къ Болгарскому народу, принялся горячо доказызывать его славянское происхожденіе. Но, къ сожалѣнію, задавшись теоремою и стремясь во что бы то ни стало рѣшить ее въ извѣстномъ славянскомъ направленіи, Венелинъ, при поспѣшности выводовъ, пришелъ къ такимъ обобщеніямъ, которыя едвали могутъ найти сторониковъ въ наукѣ: смутившись названіемъ Гунно-Болгары, которое встрѣчается у нѣкоторыхъ византійскихъ писателей, Венелинъ вмѣсто того, чтобы опрокинуть этотъ «звукъ пустой», отнесся къ нему съ излишнею довѣрчивостію и принялъ его какъ нѣчто неприкосновенное для критики. Но признавъ съ легкой руки средневѣковыхъ писателей, что Болгары это тоже, что Гунны, Венелинъ, чтобы спасти славянское происхожденіе Болгаръ, прибѣгнулъ къ средству весьма эксцентричному, обобщивъ подъ именемъ Гунновъ чуть-ли не всѣ европейскіе народы, и самыхъ Гунновъ называя Славянами.

Разъ принявъ за исходную точку, что Гунны не болѣе какъ обоб-

щенное имя обширной семьи славянскихъ народовъ, Венелинъ считаетъ уже вполнѣ яснымъ и несомнѣннымъ славянское происхожденіе Болгаръ, которыхъ нѣсколько средневѣковыхъ писателей называетъ Гуннами.

Теорія Венелина,—конечно лишь въ окончательномъ ея видѣ, т. е. въ славянскомъ происхожденіи Болгаръ,—нашла себѣ сторонниковъ въ профессорѣ московскаго университета Иловайскомъ. Въ книгѣ своей «Розысканія о началѣ Руси» Иловайскій, доказывая, что политическая жизнь русскихъ Славянъ зародилась на югѣ, въ такъ-называемой Кіевской Руси, и отсюда уже, получивъ дальнѣйшее развитіе, распространялась къ сѣверу и востоку и связываетъ первоначальныя судьбы Кіевской Руси съ исторіею Болгаръ во время осѣдлости ихъ на сѣверо-восточныхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей движенія ихъ къ Византіи.

Разъ установивъ эту связь, Иловайскій, хотя и посвятилъ книгу свою розысканіямъ о началѣ Руси, отвелъ въ своей книгѣ особое мѣсто вопросу о происхожденіи Болгарскаго народа, оказавшаго, по мнѣнію г. Иловайскаго, обширное вліяніе на ходъ исторіи Кіевской Руси.

На основаніи извѣстій писателей VI и IX столѣт. Прокопія, Менандра (VI ст.) Өеоөана и Никифора (IX ст.) оказывается, что на восточныхъ берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, между рѣками Дономъ и Кубанью жилъ воинственный народъ, который назывался прежде Киммеріянами, а потомъ, раздѣлившись, сталъ называться Утургурами и Кутургурами; изъ нихъ послѣдніе, перейдя узкій проливъ, отдѣляющій Азовское море отъ Чернаго (Керченскій)—здѣсь, на западномъ берегу застаютъ иноплеменный имъ народъ, Готовъ. Кутургуры въ союзѣ сѣверными своими сосѣдями Антами, т. е. Славянами, вытѣсняютъ Готовъ, которые при дальнѣйшемъ своемъ движеніи къ югу устремляются за Дунай и на нѣкоторое время поселяются въ предѣлахъ европейской Византіи.

Съ этаго времени, т. е. съ конца V вѣка начинаются стремительныя нападенія Кутургуровъ на Византію, при чемъ и въ этихъ случаяхъ они нерѣдко дѣйствуютъ въ союзѣ съ Славянами. Въ VI ст. нападенія эти усиливаются и предпринимаются болѣе обширными массами. Такъ въ 551 году 12,000 Кутургуровъ переправились за Дунай и начали производить свои обычные грабежи и разоренія; тоже самое, только въ большихъ размѣрахъ, произошло, лѣтъ 8 спустя, когда, въ 559 г., Кутургуры пришли въ Византію подъ начальствомъ ихъ князя Забергана, причемъ одинъ отрядъ дѣйствовалъ съ моря, на плетеныхъ изъ тростника лодкахъ, а другой съ сухаго пути.

Хотя этотъ набѣгъ, подобно предшествовавшему, не имѣлъ завоевательныхъ цѣлей, а потому, какъ и слѣдовало ожидать, разрѣшился захватомъ добычи, полученіемъ выкупа, однако же, византійское правитель-

ство, справедливо опасаясь, что эти хищники, ближе познакомясь съ богатствами страны, могутъ кончить тѣмъ, что утвердятся въ ней, прибѣгло къ средству, которое его часто выручало изъ бѣды: оно старалось возбудить раздоръ и вражду между Кутургурами и Утургурами и достигло цѣли. Началась убійственная война между двумя отраслями единоплеменнаго народа, война, которая если и не повела къ полному истребленію его (какъ утверждаетъ Агаѳій), то во всякомъ случаѣ имѣла то существенное значеніе, что развила начало розней, недовѣрія, вражды въ средѣ родственнаго по происхожденію народа.

Какъ эта взаимная вражда, такъ и продолжавшееся нѣсколько лѣтъ аварское иго, задержали на нѣкоторое время вторженіе Кутургуровъ въ предѣлы Византіи. Но въ половинѣ VII ст. Кутургуры объединяются подъ властію своего князя Котрага, возобновляютъ движеніе чрезъ Дунай и утверждаются тамъ въ концѣ VII ст., уже подъ именемъ Болгаръ. Установивъ тождество Утургуровъ и Кутургуровъ съ Болгарами Иловайскій доказываетъ, что тѣ и другіе были Славяне: во 1-хъ, Угорскіе Гунны, къ которымъ неправильно причисляли Кутургуровъ, неспособны къ морскимъ предпріятіямъ, а между тѣмъ Кутургуры, по словамъ Агаѳія, воевали Византію съ моря; во 2-хъ, по поводу этого нашествія Кутургуровъ, Кедринъ выразился: «Гунны или Славины», а современникъ событій, Викторъ Тунунненскій, называетъ ихъ прямо Болгарами; въ 3-хъ, Іорнандъ, говоря о разселеніи Славянъ, которыхъ онъ называетъ «Винидами», поясняетъ, что надъ Понтомъ живутъ Болгары, «къ несчастью, сдѣлавшіеся слишкомъ извѣстными за наши грѣхи»; а въ другомъ мѣстѣ, говоря о Славянахъ (Винидахъ), Іорнандъ замѣчаетъ: «эти народы, происшедшіе отъ одного корня, имѣютъ три имени: Венеты, Анты и Склавы; они свирѣпствуютъ за наши грѣхи». Такъ какъ послѣднее выраженіе онъ употребилъ именно о Болгарахъ, то, по мнѣнію Иловайскаго, слѣдуетъ допустить, что самъ Іорнандъ, въ концѣ концовъ, считаетъ Болгаръ отраслью народовъ славянскихъ; въ 4-хъ, нѣкоторыя видовыя названія Гунновъ (собственно Болгаръ), приводимыя византійцами, встрѣчаются также у Іорнанда, напр. Улоцингуры и Витигуры, но онъ не причисляетъ ихъ къ Гуннамъ, какъ это дѣлаютъ византійцы, а относитъ къ тѣмъ немногимъ народамъ, которые оставались еще въ гуннской зависимости послѣ Аттилы; въ 4-хъ, по извѣстіямъ хроники Пасхальной и патріарха Никифора, вспомогательныя войска аварскаго Кагана, во время аварскаго нашествія на Византію, состояли изъ Славянъ. Перечисляя народы, входившіе въ составъ аварскаго войска, Ѳеофанъ называетъ Болгаръ, Славянъ, Гепидовъ, при чемъ Гуннами онъ исключительно именуетъ Аваръ; въ 5-хъ, патріархъ Никифоръ (IX в.) говоритъ, что въ морскомъ сраженіи подъ стѣнами Кон-

стантинополя славянскія лодки были разсѣяны, при чемъ побито столько Славянъ, что море кругомъ окрасилось въ пурпуровый цвѣтъ, а между ихъ трупами оказались многія женщины. Послѣдняя черта совершенно совпадаетъ съ извѣстіями Прокопія, который замѣтилъ, что при вторженіяхъ въ Римскую имперію Гунновъ (т. е. Кутургуровъ и Болгаръ), обыкновенно послѣ ихъ схватокъ съ римскими войсками, на полѣ сраженія Римляне находили женскіе трупы между убитыми варварами. Эти черты, по мнѣнію Иловайскаго, подтверждаютъ, что разсказъ идетъ все объ одномъ и томъ же племени, являющемся въ источникахъ подъ разными именами. Эти отдѣльныя положенія Иловайскій относитъ къ доказательствамъ, такъ называемымъ, историческимъ. Не ограничиваясь этими доказательствами, онъ, сравнивая нравы и обычаи Болгаръ и Славянъ, находитъ эти черты сходными у тѣхъ и другихъ; наконецъ, разбирая происхожденіе именъ болгарскихъ, онъ находитъ въ нихъ славянское начало, напр. Кувратъ или Кубратъ, Батбай, Котрагъ, Аспарухъ, Тербелъ или Тервель и др. Кромѣ всего этого, Иловайскій находитъ неестественнымъ и, слѣдовательно, невозможнымъ, предполагаемое представителями финно-уральской теоріи, такое относительно быстрое (въ теченіе $1^1/_2$ ст.) перерожденіе многочисленнаго народа Кутургуровъ въ Славянъ, если допустить, что Кутургуры (т. е. Болгары) были не славянскаго происхожденія.

Таковъ взглядъ г. Иловайскаго.

Изъ вышеизложеннаго видно, что обѣ теоріи, финно-уральская и славянская, при всемъ своемъ разногласіи, сходятся, однако, въ томъ, что нынѣшніе Болгаре суть потомки Болгаръ Аспаруха!

Новѣйшая теорія Иречко-Дринова находитъ, что между древними и нынѣшними Болгарами нѣтъ никакого племеннаго родства. По этой теоріи, предками нынѣшнихъ Болгаръ оказываются вовсе не орды Аспаруха, которыя въ 672 году заняли Мизію, а Славяне, которые въ теченіе III—VII в. разселились по всему Балканскому полуострову; кровь финскихъ Болгаръ, которая текла преимущественно въ жилахъ дворянскихъ родовъ, давно безслѣдно исчезла. Теорія находитъ, что для полной ассимиляціи господствующаго народа съ покоренными достаточно было періода времени въ 250 лѣтъ. Господствующій народъ, финскіе Болгаре, утверждаетъ теорія, объединивъ Славянъ въ государственный организмъ, пожертвовалъ своимъ языкомъ и нравами, сообщивъ, однако, завоеванному народу свое имя; древне-болгарскій финскій языкъ не имѣлъ никакого вліянія на славянскія нарѣчія; если въ ново-болгарскомъ языкѣ встрѣчаются чужіе элементы, то они относятся къ франко-иллирійскимъ языкамъ; слѣды же финскаго элемента въ языкѣ Славянъ Балкановъ, Родопа и Шора не открыты пока.

При обзорѣ этихъ теорій, не трудно замѣтить, что каждая изъ них ъ при всемъ ихъ противорѣчіи, заключаетъ свою долю истины въ отдѣльныхъ положеніяхъ, приводимыхъ ими. Финно-уральская или тюркская теорія права, когда указываетъ въ бытѣ Болгаръ азіятскій типъ нравовъ и въ языкѣ ихъ рядъ собственныхъ и нарицательныхъ именъ финно-уральскаго происхожденія; права и славянская теорія, когда она въ основѣ быта Болгаръ открываетъ черты индо-европейскаго типа, а языкъ Болгарскій находитъ родственнымъ съ языками другихъ славянскихъ народовъ; наконецъ, права и новѣйшая теорія Иречка-Дринова, когда она указываетъ на существенную разницу между древними и нынѣшними Болгарами.

Но съ другой стороны, крайности, до которыхъ доходитъ каждая изъ этихъ, въ особенности двухъ первыхъ, теорій, конечно, должны были внести путаницу и цѣлый рядъ недоразумѣній въ вопросъ о происхожденіи Болгаръ.

Черты азіятскаго типа жизни, открываемыя въ Болгарскомъ народѣ, а также рядъ именъ финно-уральскаго склада въ языкѣ болгарскомъ доказываютъ только неизбѣжность этнографическаго вліянія одного народа на другой, находящійся съ нимъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеніяхъ, а строить на этихъ обрывкахъ рѣшеніе объ азіятскомъ происхожденіи Болгаръ, по меньшей мѣрѣ, крайне поверхностно.

Можно себѣ представить ужасное положеніе отдаленнаго будущаго историка, который, на основаніи этихъ отдѣльныхъ чертъ быта и нѣсколькихъ сотенъ словъ, вздумалъ бы построить теорію о происхожденіи современныхъ намъ народовъ; легко могло бы случиться, что Нѣмцы обратились бы въ Французовъ, Русскіе въ Финно-Татаръ, Испанцы въ Итальянцевъ и т. д.

Славянской теоріи не было надобности вдаваться въ другую крайность и доказывать, что отмѣченныя представителями финно-уральской теоріи отдѣльныя черты быта Болгаръ и слова не заключаютъ въ себѣ ничего азіятскаго. Не было надобности и новѣйшей теоріи выставлять маловѣроятную гипотезу безслѣднаго исчезновеніе древнихъ Болгаръ, для того чтобы доказать славянское происхожденіе нынѣшнихъ Болгаръ.

Признаніе за Болгарами племеннаго родства ихъ съ Славянами не требуетъ такихъ крайностей, т. е. отрицанія въ бытѣ и языкѣ Болгаръ элементовъ финно-уральскихъ.

Обширное племя славянское, въ видѣ десятковъ отдѣльныхъ народностей, подобно другимъ индо-европейскимъ народамъ, перешло въ нашъ континентъ чрезъ юго-восточную окраину Европы; увлекаемые общимъ потокомъ движенія народовъ, Славяне устремились далѣе *на западъ*, гдѣ они распространились отъ Карпатовъ до Нѣмецкаго моря и *на югъ*,

гдѣ они остались въ нынѣшней Румыніи, оставивъ здѣсь очевидные слѣды своей продолжительной осѣдлости. Отсюда, тѣснимые чуждыми племенами масса Славянъ устремилась опять на сѣверъ, держась западнаго направленія и пользуясь свободнымъ выходомъ чрезъ равнины дунайскихъ горъ

Во время этого славянскаго движенія на югъ и западъ, часть ихъ осталась на берегахъ Кубани, Чернаго и Азовскаго морей. Эти Славяне стали извѣстны Византійскимъ писателямъ VI и слѣдующихъ двухъ вѣковъ подъ именемъ Утургуровъ и Кутургуровъ, изъ которыхъ *первые* держались сѣверовосточныхъ береговъ Чернаго моря, а *вторые*, подвинувшись далѣе къ западу, раскинулись до устья Днѣстра. Съ теченіемъ времени, Утургуры и Кутургуры превращаются у византійскихъ писателей въ Болгаръ, и подъ этимъ именемъ въ VII ст. поселяются въ сѣверовосточномъ углу Балканскаго полуострова.

Во время пребыванія ихъ, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, на сѣверовосточномъ побережьѣ Чернаго и Азовскаго морей, Болгарамъ (которыми мы будемъ называть прежнихъ Утургуровъ и Кутургуровъ) приходилось выдерживать ожесточенную борьбу за существованіе съ кочевниками азіятскихъ степей, нахлынувшими въ нашъ континентъ чрезъ урало-кавказскія ворота. Гунны, Хозары, Авары,—вотъ тѣ народы, которые, стремясь занять культивированную черноморско-азовскую осѣдлость Болгаръ, должны были придти въ столкновеніе съ послѣдними. Эти столкновенія, хотя и были по преимуществу враждебныя и вызывали рядъ кровопролитныхъ войнъ, но съ другой стороны они не могли не установить извѣстныхъ близкихъ отношеній между пришлыми и туземцами. Связующимъ звѣномъ. прежде всего, явились тѣ тысячи плѣнныхъ, которыхъ забирали побѣдители, какъ самую существенную добычу.

Въ то время богатства народовъ далеко не такъ были велики и разнообразны, какъ въ наше время: стада овецъ, рогатаго скота, табуны лошадей и весьма скромная домашняя утварь, вотъ все, чѣмъ могъ-бы поживиться побѣдитель, если бы къ этой добычѣ не присоединялись плѣнные, которые цѣлыми тысячами, съ чадами и домочадцами, увлекались въ непріятельскій станъ и обращались въ неволю.

Если одна часть плѣнныхъ сбывалась далѣе на невольничьи рынки. то другая—въ особенности женщины, оставались въ средѣ побѣдителя. Она—эта живая добыча, въ силу естественнаго подбора, неизбѣжно должна была внести новыя черты въ первобытный типъ народа, черты родственныя народу, изъ котораго эти плѣнные взяты.

Рядомъ съ видоизмѣненіемъ физіологическаго типа народа-побѣдителя, долженъ былъ видоизмѣниться и бытовой типъ, такъ какъ эти тысячи плѣнныхъ, вступая въ среду чуждаго имъ народа, вносили съ собою свои нравы, привычки, обычаи, повѣрья, которыя не могли

остаться безъ вліянія на господствующій народъ. Тутъ происходилъ тотъ таинственный физіологически-нравственный процессъ, который при благопріятствующихъ условіяхъ, ведетъ къ радикальному перерожденію первоначальнаго типа, создавая совершенно новый. Примѣръ такого перерожденія представляютъ нынѣшніе Мадъяры, преобладающій типъ которыхъ чемъ мало напоминаетъ ихъ финно-уральскихъ предковъ.

Кромѣ значенія плѣнныхъ, какъ связующаго звѣна между чуждыми народами, взаимные торговые интересы должны были въ мирное время содѣйствовать сближенію народовъ, а разъ только установилось сближеніе, какъ взаимное бытовое вліяніе народовъ сосѣдственныхъ становилось очевиднымъ. Хотя исторія намъ почти ничего не разсказываетъ объ отношеніяхъ мирной жизни народовъ, посвящая все свое вниманіе описанію войнъ, и потому поверхностному наблюдателю прошлаго могло бы показаться, что прежніе люди только и занимались, что самоистребленіемъ, въ особенности, если бы онъ вздумалъ принимать на вѣру разсказы современниковъ о томъ, что такой или иной народъ былъ въ такой-то войнѣ совершенно истребленъ; но этотъ пробѣлъ въ исторіи нельзя еще считать доказательствомъ непрерывныхъ войнъ въ прежнее время. Люди и тогда большую часть своей жизни, для поддержанія существованія, должны были посвящать мирной дѣятельности, мирному труду, тѣмъ болѣе въ такихъ странахъ, какъ сѣверо-восточное побережье Чернаго моря, гдѣ природа не настолько щедра, чтобы расточать свои произведенія людямъ, безъ предварительнаго приложенія съ ихъ стороны труда, болѣе или менѣе постояннаго и упорнаго.

Такимъ образомъ, въ этихъ странахъ издавна должна была возникнуть культурная жизнь, развитію которой не мало содѣйствовали разсѣянныя по черноморскому побережью многочисленныя колоніи предпріимчивыхъ греческихъ выходцевъ, сдѣлавшихся крупными центрами, гдѣ при мирной обстановкѣ сходились, обмѣниваясь продуктами своихъ трудовъ, финно-уральскіе народы и болгарскіе Слявяне. Эти центры послужили однимъ изъ дальнѣйшихъ толчковъ къ сближенію между ними, къ бытовому взаимодѣйствію.

Но наиболѣе осязательное вліяніе позднѣе пришедшихъ изъ Азіи финно-уральскихъ народовъ на Болгаръ, т. е. ихъ бытъ, языкъ и даже физіологическій типъ, должно было выразиться въ тѣ періоды времени, когда Болгары становились подвластными того или другаго изъ этихъ пришлыхъ народовъ. Здѣсь къ свободному вліянію, обусловливаемому сосѣдствомъ народовъ и ихъ мирными сношеніями, должно было присоединиться, такъ сказать вліяніе официальное. У подвластныхъ Болгаръ является не только рядъ именъ азіятскихъ, финно-уральскаго происхожденія, но и отдѣльныя формы общежитія, цѣлый циклъ понятій

изъ сферы и частной общественной жизни, несвойственныхъ славянскому племени, но перенятый болгарскою отраслью его, которая вмѣстѣ съ русскою оставалась долѣе въ близкихъ сношеніяхъ съ этими азіятскими пришельцами, чѣмъ другія вѣтви Славянъ.

Еще въ VII ст., не задолго до окончательнаго утвержденія Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ, они находились подъ властью Аваръ; во все время (въ теченіи болѣе столѣтія) движенія своего съ береговъ Кубани къ берегамъ Дуная, Болгарамъ приходилось пробивать себѣ путь, сквозь воинственныя колонны финно-уральскихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи Болгары были менѣе счастливы, чѣмъ соплеменники ихъ, ранѣе двинувшіеся на западъ и югъ. Болгарамъ долѣе приходилось выдерживать ожесточенную борьбу за существованіе съ названными азіятскими пришельцами, чѣмъ другимъ индо-европейскимъ народамъ. Съ этой стороны замѣчательно сходство судьбы Болгаръ и русскихъ Славянъ, разселившихся по рѣкамъ нынѣшней Новороссіи. Тѣмъ и другимъ суждено было вести упорную борьбу съ финно-уральскими народами, то побѣждая ихъ, то поддерживая съ ними мирныя сношенія. На тѣхъ и другихъ эти сношенія, эти частыя столкновенія, этотъ обмѣнъ плѣнныхъ оказалъ свое вліяніе, слѣды котораго, даже физіологическіе, въ скулистомъ складѣ лица русскаго славянина, удержались до настоящаго времени.

Вліяніе это сильнѣе и въ болѣе сложныхъ формахъ должно было отразиться на Болгарахъ, которые въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій притиснуты были къ Азовскому и Черному побережьямъ финно-уральскими народами и въ качествѣ подвластнаго племени должны были тѣснѣе сблизиться съ ними. Поэтому, замѣчаемые представителями финно-уральской теоріи въ бытѣ Болгарскаго народа и его языкѣ слѣды азіятскаго типа намъ кажутся совершенно неизбѣжнымъ результатомъ того продолжительнаго вліянія, которое оказывали на Болгарскій народъ азіатскіе пришельцы. Было бы, напротивъ, настоящимъ чудомъ, еслибы Болгарскій народъ, по натурѣ податливый, мягкій, мирный, не внесъ ничего въ свою бытовую обстановку, въ свой языкъ, въ свои религіозныя міровоззрѣнія изъ жизни столь близкихъ ему финно-уральскихъ народовъ. Поэтому славянской теоріи (Венелинъ и Иловайскій) вовсе не слѣдовало ломать копья изъ-за нѣсколькихъ бытовыхъ и лингвистическихъ обрывковъ азіятскаго типа, встрѣчаемыхъ у Болгаръ. Держась точки зрѣнія слишкомъ усердныхъ ревнителей славянской теоріи, пришлось бы отрицать всѣ европейскія черты быта, вошедшія въ складъ жизни нынѣшнихъ Турокъ, чтобы доказать азіятское происхожденіе Турокъ. Вмѣсто того, чтобы доказывать невозможное, славянская теорія можетъ вполнѣ ограничиться отрицаніемъ шаткихъ доводовъ представителей финно-уральской

теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему сводятся положенія названной теоріи? *Во-первыхъ*—къ извѣстіямъ нѣкоторыхъ византійскихъ писателей, назвавшихъ въ томъ или другомъ разсказѣ Болгаръ Гуннами; но Гунны, какъ признаетъ современная историографія, не представляютъ собою какой либо опредѣленный этнографическій типъ; Гунны — собирательное имя, которымъ означались многоразличные народы, жившіе въ IV, V, VI и VII столѣтіяхъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, а въ томъ числѣ и Болгары, извѣстные въ началѣ подъ именемъ Утургуровъ и Кутургуровъ; кромѣ того, намъ кажется крайне опрометчивымъ принимать на вѣру этнографическую номенклатуру современныхъ описываемымъ событіямъ писателей, которые путались и сбивались при наименованіи и описаніи болѣе точныхъ предметовъ, какъ напр. теченія рѣкъ, при чемъ Донъ оказывался на мѣстѣ Днѣпра и наоборотъ. *Во-вторыхъ*—къ присутствію у Болгарскаго народа нѣкоторыхъ бытовыхъ и лингвистическихъ чертъ азіятскаго типа. Присутствіе это подтверждаетъ только тотъ историческій фактъ, что Болгарамъ дольше, чѣмъ ихъ соплеменникамъ, суждено было оставаться на сѣверо-восточномъ побережьѣ Чернаго моря, гдѣ они, соприкасаясь или даже смѣшиваясь съ азіятскими пришельцами, многое отъ нихъ заимствовали, но оно вовсе не доказываетъ финно-уральскаго происхожденія Болгаръ, точно такъ же, какъ присутствіе въ русскомъ языкѣ татарскихъ словъ, а въ бытовой жизни нѣкоторыхъ чертъ азіятскаго типа не исключаетъ славянскаго происхожденія русскаго народа.

Поэтому изъ цѣлаго арсенала доводовъ, которыми славянская теорія доказываетъ славянское происхожденіе Болгаръ, намъ кажутся наиболѣе солидными—мѣткое указаніе на несообразности, возникающія при допущеніи финно-уральской теоріи. Послѣдняя утверждаетъ, что Болгары съ половины IX в. превращаются въ Славянъ, а такъ какъ по этой же теоріи Болгары пришли въ близкое соприкосновеніе съ балканскими Славянами въ концѣ VII ст., то оказывается, что перерожденіе цѣлой болгарской націи, притомъ господствующей,—въ Славянъ, совершилось втеченіи около двухъ столѣтій.

Конечно, при извѣстныхъ указанныхъ нами условіяхъ, такое перерожденіе націи возможно: живымъ примѣромъ тому служатъ вполнѣ огречившіеся Славяне, и потому мы не соглашаемся съ славянскою теоріею въ томъ случаѣ, когда она говоритъ, что ничего подобнаго не представляютъ примѣры исторіи; но мы не соглашаемся и съ представителями финно-уральской теоріи, когда они, желая выпутаться изъ непріятной дилеммы и настаивая на перерожденіи Болгаръ въ Славянъ, объясняютъ это явленіе случайностью, счастливымъ исключеніемъ въ исторіи. Въ общемъ итогѣ исторіи народовъ случайностей не бываетъ; все въ исторіи происходитъ на основаніи непреложныхъ законовъ; но

вся бѣда въ томъ, что мы еще слишкомъ мало знакомы съ этими законами, какъ неподлежащими физическому, опытному наблюденію.

Допуская въ принципѣ перерожденіе націй, мы спрашиваемъ, гдѣ же тѣ условія, которыя въ данномъ случаѣ могли содѣйствовать перерожденію Болгаръ въ Славянъ? Въ своемъ мѣстѣ мы объяснили условія, при которыхъ этнографически сильный элементъ славянства претворился въ эллинизмъ. Славяне встрѣтили въ Греціи высшій общественный строй жизни, высшія формы общежитія, которыя при всей своей сложности проникнуты были системой и своею относительной утонченностію подавляли первичныя формы общественности переселенцевъ; кромѣ того, Славяне сразу охвачены были здѣсь богатымъ умственнымъ міромъ греко-римской образованности, въ отпоръ которой они могли выставить лишь слабые проблески національнаго самосознанія, выражавшіеся въ пѣсняхъ и сказкахъ. Они встрѣтили здѣсь прочно установившійся, характерно-очерченный типъ эллина, съ яснымъ и опредѣленнымъ сознаніемъ своей цивилизаторской миссіи. Борьба вышла не по силамъ, и славянство въ Греціи должно было пасть. Значитъ, для того, чтобы допустить возможность перерожденія Болгаръ въ Славянъ, слѣдовало бы признать, что въ отношеніи къ Болгарамъ, Славяне обладали всѣми тѣми условіями, которыми пользовался эллинизмъ въ борьбѣ съ греческимъ славянствомъ. Между тѣмъ, этихъ условій въ данномъ случаѣ не существовало.

Болгары, по свидѣтельству византійскихъ писателей, еще во время осѣдлости ихъ на Кубани и сѣворо-восточномъ побережьи Чернаго моря, отличались склонностью къ мирной дѣятельности — земледѣлію, торговлѣ, которую вели не только сухимъ путемъ, но и морями; стало быть, Болгары черноморскіе, еще раньше поселенія ихъ на Балканскомъ полуостровѣ, были уже народомъ въ нѣкоторой степени культурнымъ, и потому кое-что да принесли въ новую страну, а именно привычки къ общественности. Поселившись въ Мизіи, Болгары заводятъ торговыя сношенія съ сосѣдями; правда, они предпринимаютъ хищническіе набѣги, но не противъ своихъ сосѣдей, съ которыми уживаются мирно, а противъ общаго, какъ своего, такъ и сосѣдей ихъ врага—Византіи. Замѣчательно, что никто изъ византійскихъ писателей не упоминаетъ о войнахъ Болгаръ съ сосѣдями, а говорится только, что Болгарамъ подчинились семь славянскихъ племенъ.

Что финно-уральская теорія обходитъ молчаніемъ этотъ фактъ—понятно: онъ ей невыгоденъ. По необходимости пришлось бы возбудить весьма трудный вопросъ о томъ, какимъ образомъ народы столь различные по происхожденію, столь чуждые одинъ другому (какъ Болгары и Славяне), въ самой мирной формѣ завели общій строй жизни безъ враждебныхъ столкновеній; какимъ образомъ цѣлыхъ семь славянскихъ

народовъ, безъ упорной борьбы согласились добровольно подчиниться незначительной части азіятскихъ пришельцовъ?

Добросовѣстное изслѣдованіе этаго вопроса быть можетъ нанесло бы сильный ударъ тюркофинской теоріи. Вотъ почему она сочла благоразумнымъ игнорировать указанный фактъ.

Но странно, что славянская теорія, столь ревниво оберегающая Болгаръ отъ отдѣльныхъ заимствованій ими нѣсколькихъ именъ и бытовыхъ чертъ финно-уральскихъ народовъ, прошла безъ вниманія этотъ крупный историческій фактъ быстраго установленія мирныхъ отношеній между Болгарскимъ народомъ и тѣми Славянами, которыхъ они застали въ Мизіи, отношеній, которыя краснорѣчивѣе всякихъ филологическихъ параллелей доказываютъ племенное родство ихъ. Далѣе Болгары, до переселенія ихъ на Балканскій полуостровъ, успѣли выработать у себя зачатки довольно прочной общественности, которая, составляя условіе народной силы, даетъ возможность Болгарамъ вступить въ открытую борьбу за существованіе съ Византіей. У Болгаръ VII и VIII ст. мы застаемъ князя—выраженіе единства народа, мы застаемъ бояръ, ограничивающихъ княжескую власть, уравновѣшивающихъ ее,—бояръ на столько могущественныхъ, что они изъ среды своей избираютъ главу народа; наконецъ, мы встрѣчаемъ участіе самого народа въ государственной жизни, выражавшееся по преимуществу въ низверженіи нелюбимаго князя. Конечно, все это только отрывки, о которыхъ мы имѣемъ нѣкоторое понятіе, но эти отрывки драгоцѣнны для насъ въ томъ отношеніи, что указываютъ намъ на сравнительно-значительную степень политическаго развитія Болгарскаго народа, съ сознательнымъ стремленіемъ къ дальнѣйшему мирному прогрессу.

Наконецъ, по степени образованности Болгары черноморскіе еще до указываемаго перерожденія ихъ въ Славянъ (IV ст.) выдѣлялись изъ среды сосѣдственныхъ съ ними народовъ, на что указываетъ существованіе у нихъ письменности на ихъ родномъ языкѣ. Такъ въ житіи Константина говорится, что онъ нашелъ въ Херсонесѣ русскія книги, Псалтырь, Евангеліе и человѣка, говорившаго русскимъ языкомъ; у этаго русина онъ выучился читать и говорить порусски, къ удивленію многихъ

Г. Иловайскій [1]) справедливо замѣчаетъ, что эти книги были ничто иное, какъ церковно-славянскій, т. е. болгарскій переводъ священнаго писанія. Еслибы подобный переводъ, продолжаетъ онъ, существовалъ въ IX в. собственно на русскомъ языкѣ, то естественно представляется вопросъ: зачѣмъ же Кіевская Русь, принявшая христіанство въ X в., не воспользовалась переводомъ на своемъ родномъ языкѣ, а приняла церковныя книги на языкѣ болгарскомъ? Если существовалъ русскій переводъ,

[1]) Розысканія о началѣ Руси.

то куда же онъ пропалъ? За тѣмъ, есть ли вѣроятность, чтобы около половины IX в. былъ уже русскій переводъ, когда мы не имѣемъ указаній на христіанство русскаго народа до этого времени? Между тѣмъ, если обратимся къ Болгарамъ, то увидимъ всѣ данныя на ихъ сторонѣ. Начатки христіанской религіи у таврическихъ Болгаръ относятся къ VI и VII ст. Съ того времени она разумѣется утверждалась все болѣе и болѣе и около IX в. значительная часть чорныхъ Болгаръ исповѣдывала греческую вѣру. Если христіанство не получило еще между ними окончательнаго господства, то, конечно, вслѣдствіе ихъ раздробленія на мелкія общины и владѣнія, т. е. вслѣдствіе недостатка централизаціи. Значеніе послѣдней въ этомъ отношеніи мы видимъ у дунайскихъ Болгаръ при Борисѣ, и въ Кіевской Руси при Владимірѣ, когда принимали св. крещеніе верховный князь и его дружина, то, съ помощью ихъ могущественной поддержки, крещеніе подчиненныхъ племенъ пошло быстрѣе. Если часть Болгаръ уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтіи исповѣдывала христіанство, то слѣдовательно имѣла и богослуженіе на своемъ языкѣ. Греческая проповѣдь, какъ мы знаемъ, отличалась отъ латинской тѣмъ, что первая почти вездѣ новообращеннымъ народамъ давала богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ языки переводилось и св. Писаніе. Еслибы у Болгаръ VII, VIII и первой половины IX в. было богослуженіе на греческомъ языкѣ и греческія богослужебныя книги, то онѣ успѣли бы настолько укорениться, что едвали бы уступили потомъ, безъ борьбы, свое мѣсто славянскому языку. Между тѣмъ, никакой борьбы, никакихъ слѣдовъ этаго перехода мы не видимъ.

Въ виду торговыхъ сношеній черноморскихъ Болгаръ съ азіятскими греческими колоніями, разсѣянными по берегамъ Чернаго моря, можно утверждать, что христіанская религія стала проникать въ среду Болгаръ даже раньше VII ст. А такъ какъ христіанскіе проповѣдники среди варварскихъ народовъ являлись въ то же время и миссіонерами греко-римской образованности [1]), то слѣдуетъ допустить, что начало образованности у Болгаръ относится къ VII ст.

Теперь, если мы отъ Болгаръ обратимся къ тѣмъ славянскимъ племенамъ, которыхъ они застали въ Мизіи, то увидимъ, что положеніе этихъ племенъ въ Византіи представляло, по истинѣ, жалкую картину: славянскія племена живутъ разсѣянно, мелкими общинами, управляются византійскими чиновниками, которые отъ времени до времени, подобно саранчѣ, налетали въ деревни для взиманія громадныхъ поборовъ, необходимыхъ на поддержаніе византійскаго цезаризма. Главное

---

[1]) Finley, History of the Bysant and Greek Impire; Шлоссеръ, Всемірная Исторія, изд. 1869 г.

занятіе ихъ—земледѣліе составляло почти исключительный источникъ ихъ существованія и средство для уплаты налоговъ; вели они мелкую торговлю между собою; крупная же торговля, практиковавшаяся въ прибрежныхъ городахъ Мизіи, находилась въ рукахъ исключительно Грековъ, которыми они оттиснуты были отъ Черноморскаго побережья. Мизія считалась одною изъ наименѣе культивированныхъ странъ Византіи и мало привлекательною для многочисленныхъ народовъ, которые до VII в. перекрещивали Балканскій полуостровъ вдоль и поперегъ, причемъ современники не указываютъ, чтобы тотъ или другой народъ оставался въ этой странѣ подолгу. Сама Византія не особенно дорожила Мизіею и недостаточно ревниво оберегала ее отъ нашествія разныхъ пришельцевъ. Мизія вмѣстѣ съ Малою Скифіею (Добруджей) считались, такъ сказать, нелюбимыми падчерицами Византіи. Что касается образованности славянскихъ племенъ, населявшихъ Мизію, то очень вѣроятно, что въ окраины, соприкасавшіяся съ греческимъ населеніемъ, проникли слабые зачатки ея, занесенные христіанскими миссіонерами, но масса славянскихъ народовъ Мизіи вообще не оставила никакихъ слѣдовъ, никакихъ памятниковъ своей умственной жизни. Итакъ, славянскія племена Мизіи, среди которыхъ расселились въ VII ст. Болгары, во всѣхъ отношеніяхъ стояли ниже послѣднихъ. Формы общежитія, экономическій бытъ, образованность, все это у Славянъ мизійскихъ стояло значительно ниже и менѣе было развито, чѣмъ у Болгаръ.

Если ко всему этому присоединить воинственный закалъ Болгарскаго народа, который во время продолжительнаго движенія своего къ берегамъ Дуная, упорною борьбою пролагалъ себѣ путь, занятый враждебными народами, и долженъ былъ при этомъ пріучиться прямо смотрѣть въ глаза врагу; если сопоставить этотъ воинственный духъ съ тою уничиженностью, до которой доведены были Славяне Мизіи, благодаря утонченному деспотизму византійскаго правительства, съ тѣмъ самоуничиженіемъ, которое всегда является результатомъ общественнаго безправія и административнаго произвола, то станетъ понятною до очевидности несостоятельность финно-уральской теоріи о перерожденіи Болгаръ въ Славянъ, т. е. сильнѣйшаго организма въ слабѣйшій.

При указанныхъ нами условіяхъ, борьба за существованіе должна была окончиться полною побѣдою болгарской народности, и потому не звукъ лишь пустой, не имя, какъ полагаютъ сторонники финно-уральской теоріи, сообщила эта народность мизійскимъ Славянамъ, а высшія формы общежитія, высшій экономическій бытъ, высшую образованность.

Чтобы покончить съ вопросомъ о происхожденіи Болгаръ и существующими на этотъ вопросъ взглядами, мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній о третьей, такъ сказать средней теоріи Иричека-Дринова. Какъ

всѣ среднія примиряющія теоріи, она не можетъ щегольнуть остроуміемъ, но за то она отличается осторожностью и излишнимъ опасеніемъ не уподобиться примиряемымъ теоріямъ въ тѣхъ крайностяхъ, до которыхъ онѣ, по ея мнѣнію, дошли. Вслѣдствіе этого съ названною теоріею произошло то, что бываетъ обыкновенно съ посредственною серединой, вся мудрость которой исчерпывается возраженіями «хотя съ одной стороны и такъ, но за то съ другой стороны эдакъ», т. е. что сама она менѣе можетъ удовлетворить кого-либо, чѣмъ каждая изъ примиряемыхъ ею теорій. Съ одной стороны она находитъ, что пришедшіе въ Мизію Болгары—финно-уральскаго происхожденія, но съ другой стороны усматриваетъ, что нынѣшніе Болгары чисто славянскаго происхожденія. Она даже не допускаетъ того явленія, на которое указываетъ Шафарикъ и его послѣдователи, т. е. перерожденія финно-уральскихъ Болгаръ въ Славянъ, а положительно утверждаетъ, что прежніе Болгары были азіяты: въ жилахъ же нынѣшнихъ Болгаръ нѣтъ и капли азіятской крови и, что нынѣшніе Болгары происходятъ отъ тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя населяли Балканскій полуостровъ во II и III столѣтіяхъ. По логикѣ этой теоріи, надо стало быть допустить такую ужасную картину: явился въ Византіи въ VII столѣтіи сильный, воинственный народъ Болгарскій, который наводилъ трепетъ на Византію и самое существованіе ея обращалъ въ вопросъ времени, народъ трудолюбивый, преуспѣвающій въ земледѣліи и торговлѣ, народъ съ зачатками образованности; является въ Византію, закладываетъ начало новому политическому зданію, и все это съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же исчезнуть со сцены, да еще безслѣдно до такой степени, что ни одной капли крови этого народа не удалось перейти въ жилы окружавшихъ его славянскихъ племенъ, словомъ, случилось чудо небывалое: могущественный народъ Болгарскій громилъ Византію, подчинилъ себѣ нѣсколько областей, устроилъ сильное болгарское государство, и вдругъ этотъ народъ испаряется, обращается въ ничто, и все это для того лишь, чтобы дать возможность названной теоріи доказать происхожденіе нынѣшнихъ Болгаръ единственно отъ славянскихъ племенъ, населявшихъ Мизію во II и III ст.

Конечно, это теоретическое уничтоженіе цѣлаго народа, ни что иное, какъ результатъ чрезмѣрно усерднаго и столь же неудачнаго желанія примирить непримиримое, провести золотую середину тамъ, гдѣ она немыслима. Вотъ почему эта теорія, при всей традиціонной солидности пріемовъ ученыхъ теорій, кажется намъ ребяческою фантазіею, незаслуживающею серьознаго вниманія.

Подводя итогъ вышесказанному нами о происхожденіи Болгаръ, мы находимъ: 1) что болгарская отрасль славянскаго племени долѣе оставаясь въ близкомъ соприкосновеніи съ народами финно-уральскими.

тѣмъ другія отрасли того-же племени — Сербы, Чехи, Поляки и др., и нерѣдко въ качествѣ народа подвластнаго, необходимо должна была перенять многія черты обычаевъ и нравовъ, многія имена изъ языка тѣхъ народовъ; что эти продолжительныя, болѣе или менѣе тѣсныя отношенія не остались безъ вліянія и на физіологическій типъ Болгаръ, черты которыхъ и нынѣ указываютъ на примѣсь финно-уральской крови, — можно сказать вообще, что славянскій типъ у Болгаръ сохранился въ меньшей чистотѣ, чѣмъ у другихъ славянскихъ народовъ; 2) что отрывочные слѣды вліянія долгаго сожительства съ финно-уральскими народами ни мало не препятствуютъ относительно быстрому смѣшенію и полной ассимиляціи Болгаръ съ Славянами Мизіи,—среди которыхъ они поселились, — по той весьма простой причинѣ, что основныя начала склада жизни и міросозерцанія у тѣхъ и другихъ были общія; 3) что ни одно изъ положеній финно-уральской теоріи противъ славянскаго происхожденія Болгаръ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и наименѣе всего то, которое опирается на этнографическія извѣстія, сообщаемыя средневѣковыми, преимущественно византійскими писателями; и 4) что, поэтому, славянство Болгаръ, съ нѣкоторою конечно примѣсью азіятскаго элемента, слѣдуетъ признать какъ фактъ не опровергнутый по настоящее время.

ГЛАВА IV.

Болгары вносятъ начало политическаго объединенія въ среду южнаго славянства.

1. Отрывочныя нападенія Болгаръ на Византію разрѣшаются къ концу VII ст. утвержденіемъ ихъ осѣдлости на правомъ берегу Нижняго Дуная. 2. Болгары пытаются утвердиться на Черноморскомъ побережьѣ. 3. Неудачи Грековъ при Константинѣ Паганатѣ и Юстиніанѣ II. 4. Глава Болгарскаго народа Тербелъ вступается въ византійскія дѣла. 5. Начало византійскаго вліянія на судьбы Болгаріи. 6. Болгары политически объединяютъ отдѣльныя славянскія племена Мизіи (Дунайской Болгаріи). 7. Значеніе перваго періода въ исторіи Болгаріи (678—802).

Изъ всѣхъ народовъ Черноморскаго побережья, напиравшихъ на Византію, начиная съ II стол., только одинъ народъ Болгарскій проявилъ сознательное стремленіе заложить въ ней начало государственнаго объединенія, трудно осуществимое на открытомъ пути движенія дикихъ азіятскихъ ордъ, который начинался отъ Кавказскихъ воротъ и оканчивался устьями Дуная.

Подобно другимъ сосѣдственнымъ народамъ, Болгары долго, до окончательнаго утвержденія своего въ концѣ VII ст. на Балканскомъ полуостровѣ, предпринимали набѣги на Византію, которая давала имъ возможность, кромѣ извлеченія случайныхъ выгодъ, въ видѣ добычи и временныхъ денежныхъ выкуповъ, ближе ознакомиться съ естественными богатствами этой страны и укрѣпила ихъ въ мысли избрать эту страну для закладки политическаго общежитія.

Набѣги Болгаръ на Византію, начавшіеся съ конца V ст., повторялись настойчиво до окончательнаго ихъ поселенія на Балканскомъ полуостровѣ [1]).

Сначала эти набѣги отличались отсутствіемъ системы, хищничествомъ, и могли дѣйствительно дать поводъ современнымъ византійскимъ писателямъ смѣшивать Болгаръ съ кочевавшими по Черноморскому побережью азіятскими ордами, тѣмъ болѣе, что эти набѣги, по свирѣпости и раз-

[1]) Engel, Geschichte der Bulgaren, 1797; Раичъ, Исторія разн. слав. нар. 1794, ч. I.

рушительности своей, такъ много походили на опустошенія, сопровождавшія движеніе выходцевъ изъ Азіи. Потомъ, въ началѣ VI ст., Болгары на время подчиняются Аварамъ: тутъ уже нашествіе ихъ на Балканскій полуостровъ принимаетъ характеръ подневольный; аварскій Каганъ требуетъ отъ Византіи себѣ той дани, которую она платила Болгарамъ.

Но къ концу VII ст. историческая миссія Аваръ кончается; разношерстная орда аварская, несвязанная никакою общею идеею, распадается на свои многоразличные элементы, изъ которыхъ самымъ сильнымъ оказался болгарскій. Въ это время Болгары переходятъ нижнее теченіе Дуная, не съ тѣмъ, чтобы, награбивъ побольше добычи, идти во свояси въ нынѣшнія степи Новороссіи и къ черноморскимъ побережьямъ, подобно тому, какъ они поступали прежде, а съ цѣлью избрать одну изъ балканскихъ странъ своею второю родиною.

Сравнительно съ видѣнными ими странами Балканскаго полуострова, первоначальная ихъ родина казалось слишкомъ безпріютною, слишкомъ обезпокоиваемою безпрерывною смѣною хищническихъ азіятскихъ ордъ, чтобы могло поддерживаться особенное желаніе возвращаться назадъ.

При всѣхъ культурныхъ способностяхъ Болгаръ, то время общаго броженія племенъ и народностей далеко не благопріятствовало накопленію народнаго богатства, а потому даже такой трудолюбивый народъ, какъ Болгары, не имѣли тѣхъ мотивовъ противъ передвиженія, которые въ послѣдующее время установляли прочную осѣдлость. Покидая черноморскую родину свою, Болгары теряли очень не многое: плетеныя хаты, землянки, засѣянныя поля, да часть своихъ стадъ. Такія потери легко можно было вознаградить на новой родинѣ, тѣмъ болѣе, что самое существенное богатство—стада—легко было брать съ собою при обширности незанятыхъ полей. Недаромъ народное преданіе, воспроизведенное кистью художника, представляетъ переселеніе Болгаръ за Дунай подъ предводительствомъ Аспаруха, сопровождаемое домашнимъ скотомъ, крупнымъ и мелкимъ, и навьюченными незатѣйливымъ скарбомъ верблюдами.

Перейдя Дунай въ концѣ VII ст. и разселившись въ Малой Скифіи и Мизіи, Болгары застали въ этихъ странахъ своихъ соотечественниковъ, которые ранѣе поселились здѣсь, въ видѣ остатковъ болгарскихъ отрядовъ, нападавшихъ на Византію въ IV ст. Поэтому намъ кажется совершенно излишнимъ принимать на вѣру легендарный разсказъ (который приводится однакожъ въ такихъ солидныхъ сочиненіяхъ, какъ «Славянскія Древности» Шафарика [1]) объ огульномъ переселеніи разомъ

---

[1]) Slavische Alterthümer.

$^1/_5$ части Болгарскаго народа подъ предводительствомъ третьяго сына Кубратова, Аспаруха, переселеніе, которое съ замѣчательною даже точностью отнесено къ 678 году.

Мы думаемъ, что такого огульнаго переселенія вовсе не было. Постепенно знакомясь съ Византіей, Болгары постепенно и переходили туда. Но бывъ пока численно силою незначительною и неопасною для Византіи, не успѣвъ еще сблизиться съ разрозненными славянскими племенами, среди которыхъ они разселились, Болгары, очень понятно, могли быть игнорированы византійскими писателями, которые любили заносить на страницы своихъ лѣтописей событія трескучія, очень мало интересуясь тѣмъ тихимъ этнографическимъ броженіемъ, которое въ это время происходило на Балканскомъ полуостровѣ. Но разъ Болгары Мизіи и Малой Скифіи, усилившись притокомъ своихъ соотечественниковъ и сближеніемъ съ разобщенными до того Славянами названныхъ странъ, рѣшаются вступить въ борьбу съ Византіею, уже не какъ дикая орда кочевниковъ, а какъ крѣпко сплоченный единствомъ крови народъ, и не изъ-за одной добычи и денежныхъ выкуповъ, а за обладаніе занятою ими страною,—событіе становилось серьознымъ и византійскіе писатели заговорили о немъ, стараясь быть въ разсказахъ своихъ точными,—что однакоже не мѣшало имъ путаться въ указаніяхъ времени того или другаго событія.

Намъ ничего неизвѣстно о столкновеніяхъ Болгаръ съ Византійцами на нижнемъ теченіи Дуная, чрезъ которое первые переходили на Балканскій полуостровъ. По всей вѣроятности, этихъ столкновеній и не было; существовавшія по теченію Дуная крѣпости не могли представлять серьезнаго отпора надвигавшимся Болгарамъ, такъ какъ гарнизоны этихъ крѣпостей должны были сильно порѣдѣть: Византіи угрожала опасность въ самое сердце, со стороны Арабовъ и Сарацинъ; нужно было охранять болѣе богатыя побережья Эгейскаго моря и самый Константинополь, который иногда по цѣлымъ годамъ (напр. 669 — 676) подвергался непрерывнымъ нападеніямъ со стороны воинственныхъ прозелитовъ новой религіи. Поэтому правительство поставлено было въ необходимость стягивать къ центру войска, разбросанныя по гарнизонамъ дунайскихъ крѣпостей. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что въ концѣ VII ст. Болгаре безпрепятственно переходили чрезъ нижнее теченіе Дуная, разселяясь по Малой Скифіи и Мизіи.

При дальнѣйшемъ своемъ движеніи къ югу столкновеніе становилось неминуемымъ, такъ какъ Византія могла опасаться движенія Болгаръ къ Константинополю и захвата ими приморскихъ городовъ, богатыхъ торговлею. Первое крупное столкновеніе произошло въ мѣстности около Варны, при императорѣ Константинѣ Паганатѣ. Византійцы потерпѣли пораженіе; много ихъ здѣсь пало и взято было въ плѣнъ Бол-

гарами. Но благодаря своему сильному флоту, Греки удержались въ Варнѣ и другихъ значительныхъ приморскихъ городахъ. Вообще, съ помощью своихъ морскихъ силъ, Греки стремились оттирать переселившихся въ Мизію Болгаръ отъ Черноморскаго побережья и достигали своей цѣли даже въ самое цвѣтущее время Болгарскаго царства (X ст.). Этою невозможностью конкурировать съ морскими силами Византіи, а не иными таинственными причинами, на которыя намекаетъ Гильфердингъ, слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что Болгаръ «тянуло къ западу», къ Эгейскому морю и Адріатическому; но путь оказался слишкомъ далекій, да притомъ приходилось выдерживать рядъ ожесточенныхъ столкновеній съ враждебными и чуждыми славянской семьѣ племенами... Болгары такъ и не пробили себѣ выхода къ морю по этому пути, оставшись до конца своей политической исторіи оттѣсненными отъ морей, которыя остались во власти Грековъ, Генуэзцевъ, Венеціанцевъ и пиратовъ разныхъ націй.

Этотъ фактъ, безъ сомнѣнія, не остался безъ вліянія на судьбы Болгарскаго царства Развитіе силъ послѣдняго, при отсутствіи моря, не могло быть полнымъ и всестороннимъ; относительно быстрое паденіе этого царства отчасти объясняется этою сдавленностью его территоріями враждебныхъ народовъ.

Первое пораженіе Византійцевъ при Варнѣ повлекло за собою рядъ послѣдующихъ пораженій, не смотря на то, что Византія стала напрягать всѣ свои силы, чтобы вытѣснить Болгаръ изъ занятыхъ ими странъ.

Такъ, вопреки мирному договору, въ силу котораго императоръ Константинъ Паганатъ призналъ за Болгарами право на часть Мизіи, наслѣдникъ этаго императора Юстиніанъ II Ринотметъ, въ 687 году объявилъ миръ нарушеннымъ, отказалъ въ платежѣ дани и съ значительными силами вторгнулся въ Мизію. Счастіе сначала благопріятствовало Грекамъ; много народу взято было въ плѣнъ; много людей, по византійскому обычаю, было перерѣзано и изувѣчено.

Но часъ возмездія не замедлилъ наступить. При дальнѣйшемъ своемъ движеніи, Греки зашли въ лабиринтъ балканскихъ отроговъ, были окружены Болгарами и по частямъ перебиты: самъ императоръ едва избѣгъ участи большей части своихъ войскъ. Попытка отмстить это пораженіе не увѣнчалась успѣхомъ, и Юстиніанъ, подобно Константину Паганату, долженъ былъ не только допустить это новое status in statu, но даже платить ему дань.

Эти столкновенія Болгаръ съ Византіею указываютъ на весьма важное отличіе ихъ отъ прежнихъ войнъ ихъ съ Византіею. Въ настоящихъ столкновеніяхъ Болгары представляются уже не случайными полчищами, налетавшими на богатые города Византіи съ цѣлью грабежа; Болгары,

занявъ Мизію, довольствуются ею, укрѣпляются въ ней; по крайней мѣрѣ, у византійскихъ писателей встрѣчается указаніе на рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ, предусмотрительно устроенныхъ Болгарами, которые въ нихъ во время опасности находили себѣ прикрытіе, и изъ которыхъ они дѣлали набѣги, оканчивавшіеся иногда полнымъ пораженіемъ непріятеля. Быть можетъ, Болгары только воспользовались нѣкоторыми римскими укрѣпленіями; но мы того мнѣнія, что эти укрѣпленныя мѣста, къ числу которыхъ принадлежитъ и Преслава (около Шумлы), сдѣлавшаяся на нѣкоторое время столицею болгарскихъ царей, обязаны происхожденіемъ своимъ Болгарамъ. Римляне и позднѣе византійскіе императоры хлопотали лишь о томъ, чтобы укрѣпить окраины и важнѣйшую изъ нихъ—теченіе Дуная, и здѣсь появились римско-византійскія укрѣпленія, о которыхъ внутри страны почти не упоминается.

Эта оборона занятой страны уже сама по себѣ указываетъ на нѣкоторый политическій смыслъ народа, главою котораго въ описываемое время византійскіе писатели называютъ Аспаруха (640—670). Ему приписывается фактическое основаніе на Балканскомъ полуостровѣ Болгарскаго царства, юридическое признаніе котораго со стороны Византіи должно быть отнесено къ послѣдующему главѣ народа Болгарскаго Тербелу (700—720). Признаніе это было вынужденнымъ и обусловливалось однимъ изъ тѣхъ событій, которыя въ судьбахъ Византіи играли весьма важную роль—это придворныя революціи и необходимыя ихъ послѣдствія—быстрая смѣна правителей. Въ странѣ, главный пульсъ политической жизни которой бьется только въ одномъ центрѣ или лучше сказать въ одномъ лицѣ, волненія и перевороты въ этомъ центрѣ болѣзненно отзываются на всей странѣ, деморализуя ея жизненныя силы. Такую участь испытывала Византія. Одно изъ такихъ событій снесло императора Юстиніана съ трона; онъ бѣжалъ въ Крымъ и здѣсь подвергся урѣзанію носа. Мысль возвратить себѣ тронъ Константина Великаго не покидала однакоже находящагося въ изгнаніи эксимператора; преслѣдуя свои личныя выгоды, онъ ухватился за первый попавшійся случай. Онъ сближается съ болгарскимъ царемъ Тербеломъ, вмѣстѣ съ нимъ нападаетъ на Константинополь и, прогнавъ узурпатора, провозглашается императоромъ (705).

Въ вознагражденіе за эту помощь, Тербелъ получилъ такъ-называемое Загорье, т. е. уголъ, образуемый Сливномъ, Варною и Бургасомъ; кромѣ того Тербелу дарованъ былъ императоромъ царскій титулъ [1].

Дружба Тербела съ императоромъ закрѣплена была личнымъ свиданіемъ ихъ; сопровождаемый большою свитою, Тербелъ прибылъ въ

[1] Раичъ, т. I.

Константинополь и здѣсь былъ осыпанъ царскими почестями. Самъ императоръ вышелъ на встрѣчу къ царю болгарскому Тербелъ былъ облеченъ въ императорскую мантію и названъ цезаремъ, т. е. титуломъ самымъ почетнымъ послѣ императорскаго. При торжественныхъ пріемахъ Тербелъ возсѣдалъ на престолѣ рядомъ съ императоромъ, высшіе представители горожанъ отдавали ему царскія почести [1]).

Высоко вознесся въ собственномъ тщеславіи этотъ первый царь болгарскій. Чтобы показать константинопольцамъ, что онъ вполнѣ доросъ до той высоты, на которой теперь сталъ, Тербелъ нашелъ, что лучше всего этого можно достигнуть такъ называемою царскою щедростью. Гильфердингъ приводитъ разсказъ грека (заимствованный имъ у Стритера) объ этой щедрости: Тербелъ, говоритъ грекъ, клалъ на землю свой щитъ выпуклостью внизъ, на щитъ клалъ плеть, съ которою ѣздилъ верхомъ, и потомъ засыпалъ щитъ и плеть деньгами; далѣе, воткнувъ въ землю копье, накладывалъ съ обѣихъ сторонъ доверху шелковыя ткани; раздавалъ своимъ воинамъ деньги цѣлыми ящиками, правою рукою загребая золото, а лѣвою серебро [2]).

Константинопольцы были ослѣплены царскою щедростью Тербела и преклонились предъ нимъ. Это понятно. Что имъ было за дѣло, что эта щедрость тяжело отзывалась на народѣ, который долженъ былъ отдавать скромные плоды своего тяжелаго труда.

Примѣру Тербела, какъ и подобаетъ, сугубо слѣдовали окружающіе его, важные болгарскіе бояре, которые къ тому же, въ благородномъ соревнованіи въ безумной расточительности, не хотѣли отстать и отъ константинопольской аристократіи.

Это пребываніе въ Константинополѣ Тербела и болгарскихъ главарей, эта дружба ихъ съ деморализованнымъ, эгоистическимъ византійскимъ дворомъ, и константинопольской аристократіей, не остались безъ вліянія на дальнѣйшія судьбы Болгарскаго народа; съ этого момента въ молодой политическій организмъ сталъ проникать тотъ разъѣдающій ядъ византизма, который называется внѣшнимъ блескомъ рядомъ съ внутреннею нищетою, непомѣрнымъ тщеславіемъ, внутреннимъ раздвоеніемъ и духомъ интригъ.

Возвратившись домой, болгарскіе бояре, съ царемъ ихъ во главѣ, стали подражать видѣннымъ ими въ Константинополѣ живымъ образцамъ: явился придворный штатъ, явилась аристократія, которая все рѣзче стала выдѣляться на темномъ сѣромъ фонѣ выносливаго, трудолюбиваго народа. Нѣкоторые болгарскіе патріоты-историки съ непо-

---

[1]) Гильфердингъ, г. I.

[2]) Idem.

нятною гордостью указывают на это чествованіе одного изъ первыхъ царей ихъ народа и личному вмѣшательству Тербела въ интриги византійскаго двора придаютъ значеніе весьма важнаго историческаго событія въ смыслѣ конечно лестномъ для народа [1]).

Мы думаемъ, что это вмѣшательство представляетъ очень мало мотивовъ для гордости болгарскаго патріота: прежде всего, если откинуть трескучія фразы объ отношеніяхъ народовъ въ такъ-называемой, внѣшней политикѣ, то окажется, что народы только въ весьма исключительныхъ случаяхъ, когда, напр. существованію ихъ угрожаетъ дѣйствительная опасность, хватаются за оружіе для защиты своего домашняго очага; народамъ нужны реальные, дѣйствительные, а не эфемерные мотивы для того, чтобы они рѣшились оторваться отъ своей мирной обстановки, и потому, утверждать, что Тербелъ вмѣшался въ интриги византійскаго двора, какъ глава Болгарскаго народа, кажется намъ нѣсколько поверхностнымъ. Потомъ: вмѣшательство Тербела въ византійскія дѣла не мало не показываетъ какого либо высокаго значенія этого болгарскаго царя: претенденты на византійскій престолъ, или изгнанные императоры, для осуществленія своихъ личныхъ видовъ, охотно готовы были обращаться за содѣйствіемъ не только къ Тербеламъ, но къ городской константинопольской черни и разнымъ авантюристамъ, изъ чего вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы и городская чернь и разные авантюристы вдругъ стали выше того, чѣмъ они дѣйствительно должны быть; наконецъ: вмѣшательство болгарскаго царя во внутреннія дѣла Византіи послужило весьма опаснымъ прецедентомъ для вмѣшательства Византіи въ дѣла Болгаріи, неизбѣжныя послѣдствія котораго—внутреннее раздвоеніе народа, мелкія и крупныя интриги, борьба партій, построенныхъ на личномъ эгоизмѣ, легкость измѣны, можно считать одной изъ причинъ быстраго паденія Болгарскаго царства.

Всѣ эти спутники перваго мирнаго сближенія съ Византіею болгарскихъ главарей съ ихъ царемъ во главѣ составляютъ по этому, на нашъ взглядъ, явленіе весьма мало отрадное для дальнѣйшей судьбы Болгарскаго народа.

Указанныя послѣдствія не искупаются тѣми мимолетными почестями, которыя императорское правительство оказывало царю Болгарскаго народа и его приближеннымъ, тѣмъ болѣе, что и самая дружба болгарскаго царя съ Византіею продолжалась очень не долго.

Въ слѣдующемъ 707-мъ году возгорѣлась война. Юстиніанъ съ многочисленнымъ войскомъ вторгнулся въ Мизію, но потерпѣлъ совер-

---

[1]) Кристовичъ, Исторія Болгаріи.

шенное пораженіе и едва спасся самъ, укрѣпившись въ приморскомъ городѣ Анхіолѣ; войско его, разсѣянное, частію погибло въ сраженіяхъ, частію попалось въ плѣнъ.

Время это было вообще благопріятно для закрѣпленія за Болгарами занятой ими страны, для развитія новаго политическаго организма. Событія складывались такъ, что самый опасный врагъ Болгарскаго народа,—Византія,—обезсиливаемый и разъѣдаемый переворотами наверху, поставленъ былъ внѣ всякой возможности остановить развитіе и распространеніе вновь зародившагося государства. Разъ уже изгнанный, императоръ Юстиніанъ Безносый былъ въ 711 году свергнутъ вновь уже окончательно. Вмѣсто него, взбунтовавшіеся солдаты, которые въ государствахъ подобныхъ Византіи всегда въ придворныхъ переворотахъ играютъ первенствующую роль, избрали армянина Филипика, который чрезъ два года тоже былъ свергнутъ съ престола, а императоромъ, подъ именемъ Анастасія II, провозглашенъ его государственный секретарь Артемій, вскорѣ испытавшій ту же участь: войско, посланное имъ противъ Аравитянъ, отказалось ему повиноваться и возвело на престолъ Ѳеодора (716—717), который, въ свою очередь, уступилъ престолъ главнокомандующему своихъ войскъ, Льву Исавріянину (717—741).

Болгары пользовались такимъ состояніемъ Византіи; страна покрылась мелкими центрами, торговыми и промышленными. Выдѣлка суконъ, кожъ и клинковъ, полотна составляла одно изъ прибыльныхъ видовъ такъ называемой кустарной промышленности, а торговля зерновымъ хлѣбомъ и названными произведеніями промышленности должна была сильнѣе сблизить Болгаръ съ мелкими славянскими племенами.

Къ этому времени (714 г.) относится торговый договоръ между Болгарами и византійскимъ правительствомъ, который, вообще, имѣя цѣлію облегчить взаимныя торговыя сношенія Грековъ съ Болгарами, въ частности расширилъ районъ торговыхъ операцій Болгаръ, открывъ имъ новые торговые рынки.

Мы уже замѣтили, что Болгары оттерты были отъ морей, что ставило ихъ въ тягостную торговую зависимость отъ Грековъ, обладателей приморскихъ городовъ. Вотъ почему Болгарскій народъ охотно вступалъ въ торговые договоры въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было разсчитывать на выгодныя условія, т. е. на пріобрѣтеніе новыхъ, болѣе открытыхъ торговыхъ центровъ. Въ данное время Византія должна была явиться болѣе уступчивою, нуждаясь въ помощи Болгаръ противъ Арабовъ, и потому, не смотря на неудовольствіе греческихъ коммерсантовъ, правительство византійское удовлетворяло требованія Болгаръ въ такіе моменты. Какое важное значеніе Болгары того времени придавали торговлѣ, видно изъ того, что для искорененія обмана и воровства, т. е.

такихъ преступленій, которыя болѣе всего препятствуютъ правильному развитію имущественныхъ отношеній, входящихъ въ сферу торговли, введены были непомѣрныя, сравнительно съ современными понятіями, наказанія; напр. за кражу и обманъ опредѣлялась смертная казнь [1]).

Въ лицѣ Льва Исавріянина на византійскій престолъ вступилъ, хотя и авантюристъ, но человѣкъ съ обширными способностями государственнаго дѣятеля и по своимъ нравственнымъ чертамъ характера высоко поднимавшійся надъ низкимъ уровнемъ темныхъ проходимцевъ, занимавшихъ до него византійскій престолъ. Но такова уже злосчастная судьба Византіи, что и лучшіе ея люди давали толчки къ внутреннимъ смутамъ. Безукоризненный, какъ добросовѣстный государственный дѣятель, Левъ Исавріянинъ, по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, пришелъ въ столкновеніе съ господствующею православною церковью, положивъ начало новой сектѣ иконоборцевъ, борьба которыхъ съ послѣдователями господствующей церкви составляла въ теченіе долгаго времени одинъ изъ новыхъ источниковъ внутреннихъ волненій въ государствѣ.

Такое положеніе Византіи всегда отражалоь на отношеніи ея къ Болгарамъ, которые въ такіе моменты предоставлялись мирному развитію своей общественной жизни, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ пробѣлъ въ разсказахъ византійскихъ писателей о войнахъ за это время. Даже имена болгарскихъ царей, правившихъ съ 720 по 753 г. остаются неизвѣстными, чего никакъ бы не случилось, если бы Болгары въ этотъ періодъ воевали съ Византіею.

Съ 753 года возобновляются столкновенія съ Византіею, по поводу отказа послѣдней платить дань Болгарамъ. Сначала военный успѣхъ былъ на сторонѣ Болгаръ, которые проникли во Ѳракію, немало разорили эту страну и увели съ собою тысячи плѣнныхъ. Но вскорѣ произошелъ переворотъ и начался рядъ истребительныхъ и удачныхъ для Византіи походовъ въ предѣлы Болгаріи, предпринятыхъ императоромъ Константиномъ Копронимомъ (741—775) при болгарскомъ царѣ Кормесѣ (753—769).

Прежде открытія походовъ, императоръ озаботился обезпечить тылъ постройкою во Ѳракіи укрѣпленій и заселеніемъ этой обезлюденной страны враждебными Болгарамъ народами: Армянами и Сирійцами. Какъ это, такъ и содѣйствіе флота помогло византійцамъ одержать побѣду надъ Болгарами, которые вынуждены были просить мира (755). Рядомъ съ этимъ пораженіемъ Болгаръ, Константинъ Копронимъ разсѣялъ болгаро-славянскіе отряды, проникшіе въ Ѳессалію, возстановилъ власть имперіи надъ Македоніею, густо населенною Славянами.

---

[1]) Engel, Geschichte der Bulgaren, 1797.

Не довольствуясь этимъ, и конечно несмотря на мирный договоръ 755 г., императоръ рѣшилъ, если не изгнать Болгарскій народъ, то совершенно подчинить его имперіи, предпринялъ новый походъ.

Болгары приготовились къ встрѣчѣ и залучивъ византійскія войска въ трудно проходимыя тѣснины города Бреговы (который находился, какъ полагаетъ Иречекъ, вблизи моря между Варной и Анхіоломъ), уничтожили почти все византійское войско (759).

Болгары однакоже не извлекли существенной пользы изъ этой громкой побѣды; по крайней мѣрѣ ничего неизвѣстно о томъ, чтобы они послѣ этой побѣды придвинулись къ морю, которое имъ было такъ необходимо; также ничего неизвѣстно о пріобрѣтеніи Болгарами какихъ-либо новыхъ преимуществъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Греками.

Словомъ, эта громкая побѣда при Бреговѣ принадлежитъ къ числу такихъ пустоцвѣтовъ военной исторіи, которые народу не приносятъ никакой пользы, но тѣмъ не менѣе воспѣваются досужими піитами и даже подробно описываются какъ нѣкое важное въ самомъ дѣлѣ историческое событіе.

Что помѣшало Болгарамъ воспользоваться возможными выгодными для нихъ результатами этой побѣды—трудно объяснить. Можно впрочемъ предполагать, что здѣсь немалую роль играли начавшіяся въ Болгаріи смуты, представляющія живой снимокъ того, что проходило черезъ всю исторію Византіи и послужило одной изъ причинъ паденія послѣдней. Въ Болгаріи начинается быстрая смѣна царей, которыхъ изгоняютъ, низлагаютъ съ престола, избиваютъ, сажаютъ на престолъ темныхъ проходимцевъ—вообще продѣлывается рядъ фактовъ византійскаго закала.

Одно существенное отличіе мы замѣчаемъ однакоже въ болгарскихъ смутахъ. Въ то время, когда въ Константинополѣ дѣйствующими лицами являлись солдаты и придворный персоналъ—въ Болгаріи рѣшающій голосъ при изгнаніи или избраніи царя принадлежалъ народу, въ лицѣ его представителей. Здѣсь еще не успѣлъ организоваться сложный механизмъ придворной жизни съ ея интригами; здѣсь не было еще постояннаго войска, изъ котораго въ Византіи выдѣлилась императорская гвардія, управлявшая по временамъ судьбою государства.

Эта черта болгарскихъ смутъ придаетъ имъ характеръ народный въ то время, когда смуты византійскія имѣли характеръ придворно-военный.

Этою особенностью болгарскихъ смутъ только и возможно объяснить тотъ, повидимому, странный фактъ, что великое число Славянъ, около 208,000 человѣкъ, покинули въ одну изъ такихъ смутъ Болгарію, переселившись въ Виѳинію. Еслибы эти смуты ограничивались

борьбою въ сферѣ придворно-военной партіи, еслибы въ нихъ народъ не принималъ участія, то спрашивается, какими мотивами могли руководится эти 208,000 человѣкъ, покидая свою родину? Вся исторія Византіи предоставляетъ собою чередованіе придворно-военныхъ смутъ, которыя однакоже не вынуждали населеніе переселяться en masse. Послѣдствія смутъ конечно отражались косвенно на матеріальномъ положеніи населенія, но само оно относилось какъ то безучастно, и пассивно, потому для него безразличнымъ казалось, какая изъ волнующихся тамъ наверху партій одержитъ верхъ.

Не то происходило въ Болгаріи.

Народъ, не подавленный еще деморализующимъ вліяніемъ византійскаго цезаризма, стремился быть дѣятельнымъ участникомъ въ политической жизни, и разъ только глава его, царь, оказывался слишкомъ несоотвѣтствующимъ своему призванію, какъ народъ низлагалъ его и поставлялъ новаго. При этомъ, конечно, не обходилось безъ недоразумѣній и несогласій: одни предлагали одного кандидата, другіе другаго и т. д. Завязывалась борьба народныхъ партій, которая могла доходить до возможности самоистребленія, и вотъ, чтобы предотвратить такія послѣдствія борьбы, одна партія, т. е. часть населенія, побѣжденная, предпочитаетъ искать себѣ новую родину.

Борьба была ожесточенная. Дѣло шло объ истребленіи царскаго рода Кубратова. Народъ избралъ нѣкоего Телезина (760—763), который не замедлилъ открыть войну противъ Византіи, напалъ на сосѣднія провинціи, но вблизи Анхіола 30 іюня 763 года былъ разбитъ на голову, и этимъ, подобно своимъ предшественникамъ, обязанъ отсутствію флота у Болгаръ, который могъ бы остановить подвозъ къ Анхіолу вспомогательныхъ византійскихъ войскъ. Великъ былъ тріумфъ императора, вступавшаго въ столицу со множествомъ плѣнныхъ. Передъ влахернскими воротами большая часть безоружныхъ плѣнныхъ была перерѣзана и изувѣчена. Съ позоромъ возвратившійся домой Телезинъ, не оправдавшій надеждъ избравшей его народной партіи, былъ низвергнутъ съ престола и убитъ вмѣстѣ съ его приближенными.

По желанію византійскаго императора Константина Копронима, царемъ былъ избранъ въ 763 г. *Сабинъ*. Это былъ первый примѣръ положительнаго вмѣшательства Византіи въ домашнія дѣла Болгарскаго народа, примѣръ, который послужилъ роковымъ прецедентомъ для дальнѣйшихъ отношеній Византіи и Болгаріи. Нестолько избранникъ народа сколько ставленникъ императора, Сабинъ своими двусмысленными отношеніями къ Византіи скоро возбудилъ противъ себя подозрѣніе въ измѣнѣ, которое, по всей вѣроятности, не лишено было основанія: измѣна и предательство ради личныхъ выгодъ,—эти атрибуты импера-

торскаго византизма стали проникать въ государственную жизнь Болгарскаго народа, которая, въ силу неизбѣжнаго вліянія близкаго сосѣдства, приняла многое изъ византійскихъ нравовъ.

Чувствуя опасность въ средѣ своего народа и не имѣя, къ счастію для послѣдняго, вокругъ себя, подобно византійскимъ императорамъ, храбрыхъ оруженосцевъ, которые, бывъ оторваны отъ народа, существуя единственно подачками отъ своего повелителя, готовы служить ему въ ущербъ общественному благу,—Сабинъ убѣжалъ въ Константинополь подъ покровительство императора. Народъ призналъ его низложеннымъ и въ томъ же 763 г. избралъ *Баяна* (763—771), время котораго не менѣе безславно для Болгаріи, какъ и двухъ его предшественниковъ. Византійскія войска хозяйничали въ Болгаріи, сожгли и разорили нѣсколько десятковъ деревень; изъ наиболѣе крупныхъ пораженій, которыя они наносили Болгарамъ, можно указать на дѣло при устьѣ р. Тунджи т. е. опять вблизи моря, которое представляло собою особаго, весьма сильнаго союзника Византіи въ ея борьбѣ съ Болгарами. Баяна постигла участь его предшественниковъ: онъ былъ изгнанъ въ 771 г. Народъ избралъ царемъ *Телерика* (771—776).

Византійскимъ императоромъ продолжалъ быть Константинъ Копронимъ, человѣкъ съ замѣчательною энергіею, поставившій себѣ задачею очистить Балканскій полуостровъ «отъ сорныхъ травъ», изъ которыхъ самою опасною ему казался Болгарскій народъ, успѣвшій уже выйдти изъ предѣловъ тѣхъ странъ, гдѣ онъ въ началѣ поселился. Сѣверная Македонія въ это время замѣтно уже населилась Болгарами.

По настойчивости, съ которою Копронимъ преслѣдовалъ осуществленіе этой задачи, императора этаго можно сравнить съ Василіемъ II Македоняниномъ (976—1025), который столь же ревностно преслѣдовалъ эту цѣль и, какъ извѣстно, достигнулъ ея, получивъ прозвище Болгаробойца.

Судя по многочисленности войскъ, съ которыми Копронимъ вторгался въ Болгарію, или отражалъ болгарскія нападенія; судя по многочисленному флоту, который подходилъ къ болгарскимъ восточнымъ окраинамъ, надо полагать, что онъ серьозно относился къ зародившемуся подъ бокомъ славянскому государству, которое, не бывъ остановлено въ своемъ ростѣ, угрожало поглотить въ себѣ разсѣянныя по полуострову разрозненныя славянскія племена и создать новую политическую силу, опасную для существованія Византіи.

Византія при Копронимѣ, повидимому, напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы покончить если не съ Болгарами, то съ Болгаріею [1]). Все время

[1]) Jireček, Geschichte der Bulgaren, 1876.

императора поглощено этими заботами; онъ укрѣпляетъ Ѳракію, вводитъ туда враждебные Болгарамъ народы, подобно тому какъ въ наше время Турція для удержанія въ повиновенію Болгаръ поселила между ними Черкесовъ и Татаръ; онъ предпринимаетъ въ Болгарію походъ за походомъ; заключаетъ съ Болгарами миръ только съ тѣмъ, чтобы вновь ударить на нихъ неожиданно и тѣмъ вѣрнѣе разбить ихъ, неприготовленныхъ къ встрѣчѣ. Это было первое, но тяжелое испытаніе живучести и крѣпости юнаго государства.

На этотъ разъ оно вышло съ честію изъ полной превратностей борьбы за существованіе.

Но обратимся къ фактамъ.

Рядъ войнъ при Телерикѣ открылся въ 773 году, когда императоръ снарядилъ огромный флотъ, состоявшій, по словамъ Ѳеофана, изъ 2,000 судовъ, для обхода Болгаръ съ тыла, около Варны, а сухопутное войско шло по направленію къ такъ называемымъ Большимъ Балканамъ. Наводненная византійскими войсками Болгарія, на этотъ разъ не рѣшаясь вступить въ борьбу неровную, упросила императора согласиться на миръ. При посредствѣ посланныхъ отъ Болгарскаго народа бояръ Воила и Цигата, заключенъ былъ миръ, при чемъ, какъ разсказываетъ Ѳеофанъ. обѣ стороны клятвою подтвердили мирный договоръ и подписали его.

Каковы были условія мира — неизвѣстно. Судя по тому, что вслѣдъ за заключеніемъ мира Телерикъ началъ уже готовиться къ новой войнѣ и уже сформировалъ войско въ 12,000 человѣкъ, чтобы вторгнуться во Ѳракію, можно думать, что для Болгаръ этотъ миръ казался тягостнымъ. Императоръ былъ предупрежденъ о намѣреніи болгарскаго царя. благодаря предательству нѣсколькихъ именитыхъ Болгаръ. Собравъ 80,000 войска, онъ ранѣе, чѣмъ можно было ожидать, явился въ предѣлахъ Болгаріи (775 г.). Военное искуство и численность византійскаго войска—рѣшили исходъ кампаніи. Болгарскія войска были разсѣяны; со стороны же Грековъ, по словамъ Ѳеофана, не пало ни одного человѣка. Рѣшившись отплатить за измѣну коварствомъ, Телерикъ, желая узнать имена Болгаръ, предавшихъ свою страну Византіи въ предшествующую войну, вступилъ въ мирные переговоры съ императоромъ, при чемъ далъ ему понять, что въ Болгаріи готовится возстаніе, что онъ опасается за безопасность своей личности, если императоръ не укажетъ ему тѣхъ Болгаръ, которымъ онъ, какъ друзьямъ императора, могъ бы довѣриться. Императоръ поддался обману и указалъ имена своихъ болгарскихъ друзей. Царь предалъ всѣхъ этихъ византійскихъ друзей мучительной смерти (774). Въ варварской расправѣ этой, оскорбленное чувство патріотизма болгарскаго царя играло весьма незначительную роль; можно думать, что желаніе личной мести руководило

Телерика, ибо оказалось, что самъ болгарскій царь вовсе нестрого относился къ этому чувству болгарскаго патріотизма. Чрезъ два года послѣ казней самъ царь (777 г.) покидаетъ свою страну, убѣгаетъ въ Константинополь, женится на греческой принцессѣ и съ гордостью принимаетъ щедро раздаваемый титулъ патриція. Въ Константинополѣ онъ принялъ христіанскую вѣру; примѣру его послѣдовали и тѣ его приближенные, которые съ нимъ убѣжали въ Константинополь. Событіе это не осталось безъ вліянія на появленіе христіанства въ средѣ Болгарскаго народа. Но такъ какъ императоръ Левъ IV (775—780), при которомъ событіе это случилось, принадлежалъ къ религіозной партіи иконоборцевъ, то нѣтъ сомнѣнія, что Телерикъ, получивъ христіанскую вѣру изъ рукъ иконоборческаго императора, принялъ ее со всѣми тѣми отступленіями отъ ученія православной церкви, которыя отличали иконоборческую секту. Быть можетъ, этимъ и объясняется безучастное отношеніе историковъ православной церкви къ такому событію, какъ крещеніе болгарскаго царя, которое при иныхъ условіяхъ заняло бы весьма важное мѣсто въ исторіи болгарской церкви.

Съ смертію Константина Копронима (775) наступаетъ періодъ затишья въ отношеніяхъ между Болгаріею и Византіей.

Съ одной стороны религіозныя войны между иконоборцами и православными, вызывавшія уличную рѣзню и проникшія даже въ императорскую семью, отвлекали вниманіе Византіи отъ болгарскихъ дѣлъ, а съ другой стороны вполнѣ ничтожные, себялюбивые представители Болгарскаго народа, ихъ цари, притомъ же люди неспособные возвыситься надъ низкимъ уровнемъ своихъ мелкихъ личныхъ видовъ, предпочитали довольствоваться statu quo, вмѣсто того, чтобы съ честью поработать на свой народъ. Къ числу такихъ ничтожныхъ личностей принадлежитъ *Кардамъ* (777—801), который тѣмъ только и можетъ быть отмѣченъ въ исторіи Болгаріи, что стоитъ на рубежѣ втораго періода ея исторіи, открывающагося началомъ IX ст.

Первый періодъ, который обнимаетъ собою время съ 678 по 802 г. представляетъ стремленіе Болгарскаго народа укрѣпить за собою занятыя ими страны Византіи—Мизію и Малую Скиѳію; всѣ войны Болгарскаго народа съ Византіею за этотъ періодъ времени преслѣдуютъ только эту цѣль, а со стороны послѣдней—воспрепятствовать утвержденію его на Балканскомъ полуостровѣ. Мѣста враждебныхъ столкновеній Грековъ и Болгаръ обыкновенно не выходятъ изъ района этихъ странъ; изрѣдка, увлекаемые случайными эпизодами войны, Болгары вторгаются во Ѳракію. Рядомъ съ этимъ народный геній побуждаетъ Болгаръ стать твердою ногою на Черноморскомъ побережьѣ, на что указываетъ рядъ битвъ здѣсь между Болгарами и Греками, но относительно сильный флотъ

послѣднихъ мѣшаетъ осуществленію этой задачи. Болгары попрежнему остаются отторгнутыми отъ морскаго побережья. Это побуждаетъ ихъ обратить взоры на западъ, по направленію къ которому начинается движеніе Болгаръ, успѣвшихъ въ теченіе этого періода заселить сѣверную Македонію.

Войны Болгаръ съ Византіею, хотя и происходили съ перемѣннымъ счастіемъ, но въ концѣ концовъ онѣ закрѣпили за Болгарскимъ народомъ всю Мизію (Дунайскую Болгарію) и Малую Скиѳію (Добруджу), которыя уже въ этотъ періодъ начали называться Болгаріею. Въ данный періодъ Болгары запечатлѣли эти страны своимъ именемъ.

Рядомъ съ этимъ происходитъ сближеніе Болгаръ съ разрозненными здѣсь малоизвѣстными славянскими народами, которые облегчаютъ Болгарамъ осуществить ихъ славянскую миссію на Балканскомъ полуостровѣ; они дерутся съ общимъ ихъ врагомъ—Византіей подъ однимъ знаменемъ за независимость славянства и утвержденіе его въ предѣлахъ Мизіи и Малой Скиѳіи.

Заслуга Болгаръ въ этой славянской миссіи за первый періодъ заключается въ томъ, что она внесла въ среду разобщенныхъ мелкихъ племенъ славянскихъ относительно высшія формы общежитія, которыя послужили толчкомъ къ объединенію славянскихъ народовъ въ указанной части Балканскаго полуострова.

На основаніи извѣстныхъ намъ данныхъ можно полагать, что Болгарское государство функціонировало на началахъ федеративно-монархическихъ. Во главѣ народа стоялъ царь, но власть свою онъ получалъ не въ силу наслѣдственнаго права, а по избранію его народомъ; власть его была ограничена какъ народными представителями, такъ и боярами (болярами), изъ среды которыхъ избирались лица на высшія государственныя должности. Тѣ остальныя разъединенныя общины, которыя имѣли значеніе лишь экономическихъ единицъ, стали новыми политическими величинами, самостоятельными во внутренней сферѣ ихъ дѣятельности, но соединявшимися всегда, когда дѣла касались общихъ государственныхъ интересовъ, каковыми въ данный періодъ представлялись отношенія этого юнаго славянскаго государства къ Византіи. Общины имѣли своихъ представителей—главарей, которые являлись противовѣсомъ незаконныхъ захватовъ царской власти и посягательства на неприкосновенность народныхъ правъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это посягательство представляло серьозную опасность народнымъ правамъ, представители народа изгоняли царя и избирали себѣ новаго. Можно думать, что они въ началѣ дѣйствовали въ согласіи съ боярами и ратнымъ людомъ; такъ какъ въ рѣдкихъ случаяхъ возникали внутренніе раздоры по поводу насильственныхъ смѣнъ царей.

Такимъ образомъ, борьба за удержаніе занятыхъ странъ, объединеніе родственныхъ славянскихъ племенъ въ одинъ политическій организмъ, развитіе этого организма на началахъ общежитія славянскаго типа составляютъ содержаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, существенное отличіе этого перваго періода существованія на Балканскомъ полуостровѣ славянскаго государства.

ГЛАВА V.

Распространеніе Болгарскаго царства въ IX в. и христіанства въ Болгаріи.

1. Значеніе втораго періода (802—898) въ исторіи Болгаріи. 2. Крумъ Болгарскій и Никифоръ Византійскій. 3. Границы Болгаріи въ этомъ періодѣ. 4. Христіанство въ Болгаріи является послѣдствіемъ сношеній съ Византіею. 5. Начало колебанія руководителей Болгарскаго народа между римскою куріею и Константинополемъ. — Патріархъ Михаилъ. — Борисъ царь болгарскій и сношеніе его съ Римомъ. 6. Примиреніе съ Византіей и разрѣшеніе церковнаго вопроса въ смыслѣ благопріятномъ византійскому православію.

Второй періодъ, обнимающій собою время съ 802 по 898 г., т. е. почти цѣлое столѣтіе, характеризуется стремленіемъ Болгарскаго царства къ распространенію: дѣло идетъ уже не объ удержаніи занятой въ началѣ страны, а о территоріальныхъ завоеваніяхъ. Благодаря нѣсколькимъ энергическимъ личностямъ, занимавшимъ болгарскій престолъ, вся восточная половина Балканскаго полуострова вошла въ составъ Болгарскаго царства. Завоевательныя войны открываются первымъ царемъ этого періода *Крумомъ* (802—815). Онъ обратилъ взоры свои на западъ, куда уже ранѣе устремлялись его соотечественники, успѣвшіе завязать тѣсныя сношенія съ Славянами. Этимъ объясняется, что на пути своемъ во Ѳракію и Македонію Крумъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія со стороны Славянъ, которыми густо заселены были эти страны. Захвативъ транспортъ съ 10,000 фунтовъ золота, предназначеннаго на жалованье войскамъ, и по обычаю тогдашнихъ войнъ, раззоривъ и разграбивъ попадавшіяся на пути деревни, принадлежавшія, по всей вѣроятности, тѣмъ азіятскимъ переселенцамъ, которые по предложенію императора Константина Копронима утвердились во Ѳракіи, и опасаясь заходить далѣе на югъ, Крумъ повернулъ на сѣверъ, перешелъ Балканы въ 809, осадилъ Софію и взялъ этотъ городъ не безъ содѣйствія и указаній проживавшихъ тамъ Славянъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при отсутствіи или незначительности въ то время осадныхъ ресурсовъ, трудно было взять этотъ укрѣпленный византійскій городъ.

Византійскій престолъ въ это время, послѣ Константина IV Порфиророднаго и матери его Ирины, занималъ бывшій государственный казначей имперіи Никифоръ (803—811).

Пользуясь пребываніемъ болгарскаго царя въ Софіи, Никифоръ быстро проникъ въ сердце Болгаріи, занялъ царскую столицу Преславу, разорилъ ее, много побилъ народа и многъ увелъ въ плѣнъ. Крумъ просилъ мира, но получилъ отказъ и вслѣдъ затѣмъ узналъ, что Никифоръ собираетъ огромную рать для отмщенія Болгарамъ за захватъ ими денежнаго транспорта, за взятіе Софіи и за опустошеніе Ѳракіи.

Ради этого похода, императоръ велѣлъ собрать двойные налоги, которые дали ему возможность снарядить многочисленную армію. Перейдя Балканы въ направленіи къ царской столицѣ Преславѣ, Никифоръ наводнилъ всю эту часть огромною массою своихъ войскъ; отрывочныя пока силы Болгаръ-Славянъ не могли выдержать напора. Византійскія войска неистовствовали, подобно дикимъ звѣрямъ; ни полъ, ни возрастъ, ни занятіе не спасали людей отъ звѣрства византійскаго войска. Дѣти и старики, женщины были безжалостно избиваемы; молодыя женщины и дѣвушки забирались въ плѣнъ; зарева пожаровъ отмѣчали путь византійскихъ войскъ, ужасъ объялъ Болгаръ, и самъ Крумъ, этотъ человѣкъ съ желѣзною волею, съ характеромъ непреклоннымъ и суровымъ,—судя по описанію его современниковъ,—охваченный общею паникою, рѣшился вымаливать миръ у императора, предлагая богатый выкупъ. Но не выкупъ и добыча интересовали Никифора; онъ желалъ уничтоженія Болгаріи, а потому всякіе компромисы между нимъ и Крумомъ оказывались немыслимы. Въ этотъ рѣшительный моментъ борьбы за независимость Болгаріи, Славяне стекаются подъ знамена своего царя, въ теченіе короткаго времени, импровизуютъ сильные отряды, малоопытные въ военной тактикѣ, но за то исполненные мужественной отваги [1]). Прежній страхъ исчезъ; вмѣсто сомнѣній явилась увѣренность въ успѣхѣ. Теперь только думали, какъ бы задержать непріятеля. Для этого начали укрѣплять балканскіе проходы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ предполагалось отступленіе. Войска византійскія, удачнымъ движеніемъ Болгаръ, завлечены были въ хаосъ ущельевъ, выходы изъ которыхъ тотчасъ же укрѣплялись. Здѣсь произошла ожесточенная битва, которая разрѣшилась страшнымъ кровопролитіемъ (26 іюля 811 г.): почти все византійское войско было истреблено; здѣсь же палъ императоръ со всею своею блестящею свитою; только соправителю его Ставракію удалось спастись. Голова павшаго на полѣ битвы императора была отрублена и воткнута на колъ, и въ теченіе нѣсколькихъ дней

[1]) Ранчъ, ч. I.

мыхъ и стало быть пустыхъ мечтаній, какъ взятіе Константинополя. Стрѣлы, копья, дубины—вотъ то вооруженіе, которое практиковалось у Болгаръ и которымъ конечно было немыслимо взять такой городъ, какъ Константинополь, весь съ сухаго пути обнесенный высокою и толстою изъ твердаго камня стѣною, а съ моря защищенный сильнымъ флотомъ. Правда, Болгары имѣли стѣнобитныя машины, сдѣланныя византійскимъ перебѣжчикомъ, крещенымъ арабомъ, для осады Месемвріи, Дебельта и Анхіола, но эти осадныя средства, страшныя для такихъ мало укрѣпленныхъ и незначительныхъ городовъ, какъ названные, не могли противостоять оборонительнымъ ресcурсамъ столицы имперіи. Онѣ на столько, вѣроятно, были ничтожны, что по взятіи этихъ городовъ, Болгары не рѣшились осадить Варну, которая имъ была существенно необходима, какъ важный приморскій торговый пунктъ и уже, конечно, менѣе неприступный, чѣмъ Царьградъ.

Итакъ, Болгары двинулись къ столицѣ и безпрепятственно подступили къ Золотымъ воротамъ. Здѣсь Крумъ, въ виду городскихъ жителей, велѣлъ совершить языческое жертвоприношеніе: заколото было много людей и животныхъ; самъ царь омочилъ ноги въ морѣ, исполнилъ обрядъ омовенія, окропилъ войско водою и, при кликахъ Болгаръ, прошелъ торжественнымъ шествіемъ, среди толпы женщинъ, которыя передъ нимъ падали ницъ и восхваляли его.

У страха всегда глаза велики: жители города не сообразили громадности оборонительныхъ ресурсовъ и видя несмѣтныя полчища непріятеля и это дикое звѣрство надъ людьми, закалываемыми на жертву богамъ, увлекаемые паникою, спѣшили переправиться на азіятскій берегъ, съ котораго, въ свою очередь, приходили войска на подкрѣпленіе столичнаго гарнизона.

Отъ глазъ Болгаръ, конечно не ускользнуло это лихорадное движеніе, или вѣрнѣе сказать, смятеніе горожанъ. Чтобы дать имъ понять о серьезности осады, Крумъ велѣлъ дѣлать окопы, а между тѣмъ, пользуясь напуганнымъ воображеніемъ горожанъ и самаго императора, отправилъ къ нему посла съ требованіемъ денежной дани, огромнаго количества дорогихъ подарковъ, а также красивыхъ дѣвушекъ и права водрузить копье на золотыхъ вратахъ Цареграда.

Императоръ скоро согласился на предложенныя условія, но для окончательнаго заключенія ихъ пожелалъ личнаго свиданія съ царемъ болгарскимъ. Мѣстомъ встрѣчи двухъ монарховъ назначена загородная церковь св. Безсребренниковъ. Оба подъѣхали къ церкви въ сопровожденіи незначительной свиты. Во время переговоровъ, изъ заранѣе устроенной засады въ 2,000 человѣкъ, византійскіе солдаты набросились на Крума, который однакоже успѣлъ спастись, отдѣлавшись легкою

ранoю. Этотъ поступокъ Византійцевъ вызвалъ жестокое мщеніе со стороны Болгаръ: они набросились на окрестныя деревни столицы, грабя все, что можно было забрать съ собою, а остальное уничтожая и предавая огню, убивая и изувѣчивая людей безъ различія пола и возраста.

Замѣчательно, что Болгары, въ числѣ прочихъ предметовъ, взятыхъ съ собою, уносили произведенія искусства, что указываетъ на высшее культурное развитіе этого народа, сравнительно съ тѣми азіятскими полчищами, которыя не разъ подходили къ столицѣ и ни мало не интересовались какими либо предметами искуства, если тѣ не заключали въ себѣ абсолютной стоимости, какъ золото и серебро. Болгары увезли съ собою мѣднаго льва, украшавшаго циркъ, гидрійскаго дракона и лучшія изъ мраморныхъ изваяній, которыя установлены были въ паркахъ и аллеяхъ столичныхъ окрестностей.

Эти памятники перевезены были въ тогдашнюю столицу Болгаріи Преславу (подлѣ Шумлы), но во время послѣдующихъ опустошительныхъ войнъ разрушены.

Послѣ этого похода, который можно считать: *удачнымъ и серьезнымъ* въ смыслѣ набѣга, такъ какъ много добычи вывезено было въ Болгарею и много плѣнныхъ, въ числѣ коихъ были епископъ Мануилъ и мальчикъ изъ македонскаго селенія Липра, будущій византійскій императоръ Василій Македонянинъ; и *сумасброднымъ донкихотствомъ* въ смыслѣ завоеванія столицы Византіи. Крумъ въ томъ же 813 г. предпринялъ новый походъ, но до окончанія его умеръ (813 г.).

Что Крумъ распространилъ предѣлы Болгарскаго царства—это не подлежитъ сомнѣнію: Софія, Переяславъ, Анхіолъ—все это пріобрѣтенія его времени. Но прослѣдить прослѣдовательный процессъ этого распространенія по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя намъ извѣстны,—нѣтъ возможности, а потому можно лишь приблизительно опредѣлить границы Болгарскаго царства.

Если вѣрить болгарскимъ патріотамъ-историкамъ и нашимъ славистамъ, то Болгарія временъ Крума и ближайшихъ его наслѣдниковъ обнимала собою обширную страну, которая съ востока граничила Чернымъ моремъ, съ юга—линіею, проведенною отъ г. Бургаса до г. Софіи; съ запада ломаною линіею, идущею отъ г. Софіи до истоковъ Болгарской Моравы, оттуда по правому берегу этой рѣки и Сербской Моравы, а съ сѣвера Карпатскими отрогами, т. е., иными словами—Болгарія заключала въ себѣ въ IX в., кромѣ нынѣшней Дунайской Болгаріи: 1) Старую Сербію; 2) восточную половину нынѣшней Сербіи; 3) всю нынѣшнюю Румынію; 4) восточную половину Венгріи, отдѣ-

ляющуюся отъ западной р. Тисою, лѣвымъ притокомъ Дуная; 5) и сѣверную часть Ѳракіи (нынѣшней Румеліи) [1]).

Болгарское царство, по ихъ словамъ, непосредственно соприкасалось съ Карловой монархіей.

Трудно представить себѣ что нибудь колоссальнѣе этой иллюзіи! Болгары изъ Малой Скиѳіи и Мизіи въ теченіе IX ст. расселились на югъ и западъ, причемъ, какъ я замѣтилъ, въ населеніи сѣверной Македоніи преобладала болгарская національность. Всѣ эти страны составляли этнографическую Болгарію, но предѣлы ея далеко не совпадали съ Болгаріею политическою, т. е. съ Болгарскимъ царствомъ.

Болгарія, какъ самостоятельный политическій организмъ, представлялась врѣзавшеюся внутрь владѣній Византійской имперіи, отдѣляясь отъ нея съ юга линіею, проведенною отъ Софіи до Бургаса на Черномъ морѣ, съ сѣвера Дунаемъ, съ востока Черноморскимъ побережьемъ, на которомъ лучшіе приморскіе города, какъ Варна, оставались во власти имперіи, и съ запада линіею, проведенною отъ Софіи до Видина. Вотъ та Болгарія IX в., которая служила театромъ войнъ между Болгарами и Греками, Болгарія, которую Византія стремилась подчинить себѣ и попрежнему включить въ составъ имперіи, и другой, болѣе обширной Болгаріи исторія не знаетъ.

Правда, Болгары захватывали города въ указанныхъ нами предѣлахъ, въ нынѣшней Румыніи, восточной Венгріи и Сербіи, но эти отдаленныя владѣнія Болгаръ представлялись, такъ сказать, оазисами среди чуждыхъ Болгарамъ народовъ, притомъ оазисами, которые не связаны были единствомъ общаго государственнаго организма.

Въ набѣгахъ своихъ Болгары захватывали города, быть можетъ, коегдѣ оставляли гарнизоны и владѣли завоеванными мѣстами, но это владѣніе сводилось къ болѣе или менѣе продолжительной оккупаціи; города, а тѣмъ менѣе ихъ округи не входили въ составъ Болгарскаго царства, не становились органическою частію этого политическаго тѣла, не раздѣляли судьбы послѣдняго. Борется съ Византіею за существованіе только наша Болгарія, только на нее направляются удары имперіи, только ее она стремится стереть съ лица земли. Дальнѣйшій ходъ событій показываетъ, что нѣсколько побѣдъ Византіи въ указанныхъ нами предѣлахъ Болгаріи уничтожили все Болгарское царство и во главѣ отдаленныхъ областей его ставятся византійскіе чиновники. Если бы Болгарія обнимала собою такое обширное пространство, на которое указываютъ нѣкоторые слависты, то стало бы непонятнымъ то олимпійское спокойствіе, съ которымъ остальная и притомъ большая часть Болгаріи смотрѣла на гибель своего поли-

[1]) Венелинъ, Критическія изслѣдованія, изд. 1814; Дриновъ, Южные Славяне и Византія въ X в., изд. 1876, стр. 79—80.

тическаго существованія, не принявъ въ этой борьбѣ за существованіе никакого участія. Нельзя такого равнодушія объяснить даже тѣмъ, что эта остальная часть обширнаго царства, живя своею отдѣльною, самостоятельною жизнію, представляла собою status in statu, подобно тому, какъ отдѣльныя страны, входившія въ составъ сначала Римской монархіи, а потомъ Священно-римской имперіи Карла Великаго: во 1-хъ, въ извѣстіяхъ византійскихъ и другихъ средневѣковыхъ писателей нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы эта остальная часть Болгаріи имѣла свой хотя бы quasi-политическій центръ, свои политическія отношенія къ окружающимъ народомъ; во 2 хъ, сами изобрѣтатели Болгарскаго царства, въ такихъ колоссальныхъ предѣлахъ, не указываютъ на такой политическій сепаратизмъ, называя всѣ эти страны царствомъ Крума и ближайшихъ его наслѣдниковъ.

Но если всѣ названныя страны (Румынія, часть Венгріи и пр.) составляли одно государство Болгарское, то кромѣ указанной уже нами аномаліи, спрашивается: какимъ образомъ это обширное царство не могло совладать съ Византіею, которая была глубоко потрясена внутренними волненіями дворцовыхъ переворотовъ и религіозныхъ партій, которой въ самое сердце угрожала опасность со стороны Аравитянъ? Далѣе, если Болгарское царство было такъ обширно, что въ своей сѣверной окраинѣ соприкасалось съ Карловой монархіей, то должно было произойти столкновеніе столь различныхъ націй, какъ славянская и нѣмецкая. Между тѣмъ, этихъ столкновеній не было, а исторія разсказываетъ намъ о столкновеніяхъ другихъ славянскихъ народовъ—Хорутанъ, Словаковъ и пр. съ народами латинскими. Наконецъ, если Болгарское царство простиралось въ указанныхъ славистами сѣверныхъ предѣлахъ, чѣмъ объяснить это легкое завоеваніе одной изъ сѣверныхъ ея окраинъ Мадьярами,—и когда же, въ X в., когда Болгарское царство, въ вѣкъ Симеона, дошло до высшей степени своего могущества? Неужели Болгарія Дунайская не откликнулась бы на призывъ о помощи одной изъ составныхъ частей ея политическаго организма? Между тѣмъ, исторія намъ ничего не разсказываетъ объ этомъ откликѣ. Дунайская Болгарія продолжаетъ жить своею особливою жизнію, находясь, то во враждѣ, то въ дружбѣ съ Византіею. Наша Болгарія начинаетъ распространяться къ сѣверо-западу и приходитъ въ столкновеніе съ Сербами, ничѣмъ не проявляя какого-либо участія въ судьбахъ Дунайскихъ странъ, гдѣ появляется новый народъ, начинаетъ тамъ хозяйничать и кончаетъ закладкой новаго государства Мадьярскаго.

Все это приводитъ насъ къ убѣжденію, что это пресловутое обширное Болгарское царство, соприкасавшееся съ Карловою монархіею, создано черезъ-чуръ разгоряченною фантазіею болгарскаго патріотизма и

сентиментальнаго панславизма, которые, увлеченные своею иллюзіею, не подумали даже, что напирая на обширности Болгарскаго царства, они, вопреки задушевному своему желанію, сказали очень мало лестнаго этому Болгарскому народу, очень плохія услуги оказали ему... Въ самомъ дѣлѣ: какое понятіе можно составить о народѣ, который, создавъ столь обширное царство, отказывается отъ большей части своихъ территорій, да еще безъ всякой борьбы, до такой степени покорно и тихо, что самые внимательные современные писатели не приводятъ ни одного эпизода изъ столкновеній его съ узурпаторами. Очевидно, что такой народъ не заслуживаетъ будущности.

Вотъ къ какому заключенію можно придти на основаніи розсказней нашихъ и иностранныхъ славистовъ, которые такимъ образомъ, не вѣдая, что творятъ, оказали болгарской народности медвѣжью услугу.

Далѣе слависты въ распространеніи Болгарскаго царства, начавшемся въ IX вѣкѣ, видятъ апогей народнаго генія.

Послѣдующій ходъ событій показываетъ, что это распространеніе сводилось *съ одной ,стороны* «къ расползанію» Болгарскаго народа,— который, разсыпаясь по Балканскому полуострову, децентролизуя свои силы, вмѣстѣ съ тѣмъ ослаблялъ себя и переставалъ быть тѣмъ концентрированнымъ, компактнымъ цѣлымъ, чѣмъ онъ сталъ въ IX ст., когда съ успѣхомъ могъ выдерживать рядъ ожесточенныхъ войнъ съ Византіею, *а съ другой стороны*—это распространеніе sui generis привело его къ враждебнымъ столкновеніямъ съ родственнымъ народомъ—сербскою вѣтвью славянскаго племени, столкновеніямъ совершенно безполезнымъ въ виду ничтожныхъ результатовъ, которые разрѣшались захватомъ нѣкоторыхъ странъ, не вступавшихъ никогда въ органическую связь съ Болгарскимъ царствомъ. Мало того: столкновенія эти вызвали и укрѣпили ту жгучую вражду между Болгарами и Сербами, ради которой эти народы жертвовали общеславянскими интересами и примыкали къ самымъ неестественнымъ политическимъ комбинаціямъ,—союзясь съ Греками, а въ послѣдующія времена и съ Турками.

Заслуга IX в. въ судьбахъ Болгаріи,—кромѣ, конечно, утвержденія въ этой странѣ христіанства, — заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что Болгарія въ это время пріобрѣла себѣ нѣсколько приморскихъ городовъ, которые дали сильный толчокъ торговой промышленности и содѣйствовали развитію ея экономическаго быта. Экономическое развитіе страны составляло предметъ наибольшей заботливости Крума, о которомъ сложилось совершенно несправедливое представленіе, какъ о дикомъ, свирѣпомъ завоевателѣ. Вѣроятно отрубленная Кумомъ голова византійскаго императора Никифора играла не малую роль въ этомъ представленіи, созданномъ напуганнымъ воображеніемъ Грековъ, современниковъ

событія. Крумъ далеко не страдалъ такою маніею захватовъ, какъ послѣдующіе цари болгарскіе; его войны показываютъ, что онъ стремился къ такимъ пріобрѣтеніямъ, которыя существенно необходимы были для прочнаго и всесторонняго развитія государства. Такъ онъ завоевалъ цѣлую приморскую область съ городами Анхіоломъ и Дебелтомъ; онъ укрѣпилъ сѣверную дунайскую границу; одинъ изъ городовъ, Переяславъ (нынѣшняя Силистрія), сдѣлался временной столицей его: онъ завоевалъ Средецъ (нынѣ Софія), какъ крайній и твердый оплотъ западной границы Болгаріи, и притомъ одинъ изъ богатыхъ торговыхъ центровъ. При всѣхъ столкновеніяхъ своихъ, кромѣ временныхъ выгодъ, Крумъ всегда выговаривалъ рядъ условій, опредѣляющихъ торговыя отношенія Болгаръ съ Греками; рядомъ съ этимъ онъ выписывалъ и вызывалъ изъ Византіи людей технически образованныхъ, не придавая ни малѣйшаго значенія религіозной и національной розни; такъ намъ уже извѣстно, что при осадѣ одного изъ приморскихъ городовъ (Анхіола), Крумъ воспользовался искусствомъ перешедшаго въ Болгарію, крещенаго араба, стѣнобитныя машины котораго рѣшили успѣхъ дѣла. Этотъ «свирѣпый язычникъ»,—какъ его называютъ греческіе его современники, забирая въ плѣнъ христіанъ по десяткамъ тысячъ, не только не преслѣдовалъ ихъ, но, пользуясь превосходствомъ знаній ихъ, покровительствовалъ христіанамъ, устраивалъ изъ нихъ колоніи, которыя составляли, такъ сказать, кадры для распространенія торгово-промышленныхъ классовъ. Въ числѣ плѣнныхъ попадались духовныя лица, которыя свободно проповѣдывали вѣру Христову въ своихъ округахъ и этимъ исподоволь подготовляли почву для повсемѣстнаго распространенія въ Болгаріи христіанства (820—836).

Одинъ изъ преемниковъ его *Мартагонъ* (820—836 г.) положилъ начало тому пресловутому распространенію Болгарскаго царства, которое децентрализуя силы народныя, впослѣдствіи повело къ его распаденію. Два, три города, взятыхъ имъ на лѣвомъ берегу Дуная и быть можетъ сѣвернѣе, дали ему поводъ вмѣшаться въ отношенія дунайскихъ Славянъ къ Франкамъ. Онъ вступилъ въ Паннонію (нынѣшнюю Венгрію), но не встрѣтивъ здѣсь никакой поддержки въ населеніи, вынужденъ былъ безусловно возвратиться въ Болгарію, куда между прочимъ вторгнулись Авары и нанесли ей немало бѣдъ.

Этотъ Мартагонъ, рядомъ съ ближайшимъ своимъ предшественникомъ Диценгою, извѣстенъ какъ самый ревностный преслѣдователь христіанъ, число которыхъ въ Болгаріи съ каждымъ годомъ возрастало; взятыхъ въ Византіи плѣнныхъ христіанъ вынуждалъ обратиться въ язычество, предавая многихъ, въ особенности духовныхъ лицъ, не желавшихъ отречься отъ христіанства мучительной казни. По степени жесто-

кости, съ которою онъ преслѣдовалъ христіанъ, Мартагона сравниваютъ съ императоромъ Діоклеціаномъ.

Этотъ ненавистникъ христіанъ и распространитель Болгарскаго царства былъ въ то же время человѣкъ вполнѣ ничтожный, который въ исторіи Болгаріи имѣетъ развѣ значеніе отрицательное. Заключивъ 30-лѣтній миръ съ Византіею, онъ ничего не нашелъ лучшаго, какъ продолжать то вмѣшательство въ чужія дѣла, начало которому положилъ одинъ изъ предшественниковъ его (Тербелъ). Это вмѣшательство въ дѣла Византіи въ послѣдующее время стало все болѣе и болѣе повторяться и вызвало рядъ прискорбныхъ явленій, внутреннихъ смутъ и борьбы партій, которыя ничего общаго не имѣли съ интересами народа.

При вступленіи на престолъ Болгаріи Мартагона, въ Константинополѣ произошло то, что случалось тамъ нерѣдко. Командующій войсками Ѳока, славянинъ по происхожденію, вздумалъ самъ сдѣлаться императоромъ, осадилъ столицу и уже близокъ былъ къ трону.

Болгарскій царь помѣшалъ этому. Онъ вступилъ съ своими войсками во Ѳракію и подошелъ къ столицѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ претендента, разбилъ его и заставивъ его удалиться, устранилъ такимъ образомъ возможность въ данномъ случаѣ дворцовой революціи.

При совершенномъ отсутствіи указаній на то, что, принимая такое близкое участіе въ византійскихъ дѣлахъ, болгарскій царь преслѣдовалъ какія-либо національно-государственныя цѣли, надо думать, что уже въ это время въ Болгарію проникла византійская партія, которая могла быть очень солидарна съ событіями, происходящими въ столицѣ. Партія эта имѣла въ средѣ своей людей умныхъ и ловкихъ, дѣйствуя на царя своимъ тонкимъ вліяніемъ, конечно озаботилась указать на важное значеніе, какое пріобрѣтетъ болгарскій царь, ставъ рѣшителемъ судебъ имперіи.

Это вліяніе византійскихъ партій въ средѣ Болгарскаго народа, которыя поддерживали близкія отношенія послѣдняго съ Византіею, эти захваты съ той и съ другой стороны тысячей плѣнныхъ, изъ которыхъ болгарскіе плѣнные, проживъ въ средѣ христіанскаго населенія Византіи, возвращались на родину съ новыми очищенными понятіями о религіи и недовѣріемъ къ языческому культу, между прочими послѣдствіями, послужили толчкомъ къ распространенію христіанства въ Болгаріи. Оффиціальное, такъ сказать, введеніе христіанской религіи въ Болгаріи приписывается болгарскому царю *Борису* и относится къ 863 г. [1]).

Но уже до него христіанскія общины разсѣяны были повсемѣстно

[1]) О христіанствѣ въ Болгаріи см.: Голубинскій, Очеркъ исторіи православныхъ церквей; Иловайскій, Розысканія; Венелинъ—Критическія изслѣдованія.

въ Болгаріи. Эти общины могли состоять изъ вновь обращенныхъ, но главный контингентъ ихъ представляли собою тѣ тысячи плѣнныхъ христіанъ, которые переселены были въ Болгарію, во время предшествовавшихъ войнъ ея съ Византіею.

Изъ разсказовъ византійскихъ писателей видно, что этихъ плѣнныхъ была огромная масса. Цѣлые десятки тысячъ плѣнныхъ переходили въ Болгарію послѣ нѣсколькихъ удачныхъ сраженій. Впрочемъ слово «плѣнные» нельзя употреблять въ томъ техническомъ смыслѣ, въ какомъ мы его принимаемъ. Это были не только люди, принимавшіе участіе въ сраженіяхъ, въ томъ или другомъ отношеніи, т. е. ратные люди, но цѣлыя общины мирныхъ жителей, которые слѣдовали за побѣдоноснымъ непріятелемъ.

Болгарскіе отряды, вторгавшіеся въ Византію, не отличались многочисленностью; какихъ нибудь 12, 15 тысячъ,—вотъ то войско, которое вступало во Ѳракію и даже подходило къ Константинополю. Такія незначительныя силы военныя, при всей прежней храбрости Болгаръ, о которой можно судить уже потому, что нерѣдко они разбивали непріятеля, превосходившаго ихъ численностью, конечно не были достаточны для захвата десятка тысячъ плѣнныхъ; военное искуство того времени, въ особенности у Болгаръ, не доходило еще до такой утонченности, при которой ловкими маневрами можно заставить численно превосходнаго непріятеля сложить оружіе. Очевидно, эти десятки тысячъ плѣнныхъ были въ дѣйствительности вовсе не плѣнные въ нашемъ смыслѣ—это были Славяне, рано поселившіеся во Ѳракіи, Македоніи, неуспѣвшіе еще огречиться, сохранившіе еще сознаніе племеннаго родства; это были болгарскіе колонисты, которые цѣлыми общинами поселялись во Ѳракіи и Македоніи, уходя иногда отъ внутреннихъ смутъ, происходившихъ въ ихъ родинѣ, тяготѣніе къ которой не переставало однакоже быть живучимъ въ этихъ колонистахъ. И вотъ, послѣ той или другой побѣды ихъ соплеменниковъ, ихъ соотечественниковъ, эти славянскія общины, успѣвшія въ теченіе времени ознакомиться съ хищничествомъ византійскаго правительства и подавляемые тѣмъ высокомѣріемъ греческимъ, съ которымъ каждый грекъ того времени смотрѣлъ на славянина, какъ на индивида низшей расы, поднимаются тысячами, съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ покинутую ими страну, гдѣ имъ охотно отведутъ достаточно мѣстъ для поселковъ. Болгарія тогдашняя была населена рѣдко, и этимъ объясняется, что языческіе цари болгарскіе охотно принимали этихъ новыхъ колонистовъ-христіанъ, отводя имъ цѣлые округи и, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ (при Мартагонѣ), не подвергая ихъ преслѣдованіямъ религіознымъ.

Можно себѣ представить размѣры вліянія этихъ тысячей переселенцевъ на единоплеменный народъ Болгарскій. Оно въ сферѣ религіозной

было тѣмъ сильнѣе, тѣмъ неотразимѣе, что Болгарскій народъ не могъ противупоставить новому ученію такой сложной, отличающейся системою, тонко и искусно отточенный культъ языческаго міровоззрѣнія, какой противуставило христіанству греко-римское язычество, не могъ онъ противуставить и тѣхъ умственныхъ силъ, которыми долгое время пользовалось классическое язычество въ борьбѣ съ христіанствомъ.

По этому можно допустить, что къ половинѣ IX в. христіанство не только успѣло пустить глубокіе корни въ средѣ народа, но стало даже народною религіею. Только высшіе классы, какъ классы во всѣ времена наиболѣе консервативные и по соціальному положенію своему склонные дольше охранять благопріятное для нихъ statu quo, держались языческихъ вѣрованій; изъ ихъ среды исходили преслѣдованія исповѣдниковъ христіанства.

Впрочемъ, преслѣдованія эти во всякомъ случаѣ не отличались такою систематическою настойчивостью, такою жгучестью, такою повсемѣстностію, какъ во время предсмертной агоніи греко-римскаго язычества, во время наибольшаго преслѣдованія христіанъ (II и III ст.); жертвою сдѣлались всего два епископа: дебелтскій Георгій и адріанопольскій Мануилъ, да еще нѣсколько неизвѣстныхъ лицъ. Да и то едвали преслѣдованіе такихъ лицъ, какъ греческихъ епископовъ, проповѣдывавшихъ христіанское ученіе въ Болгарскомъ народѣ, не заключало въ себѣ элемента политическаго, такъ какъ болгарскій царь могъ подозрѣвать, что эти греческіе епископы, рядомъ съ проповѣдью религіозною, не оставляли пропаганды политической, которая легко встрѣтитъ отголосокъ въ византійской партіи, проникшей въ Болгарію. Вообще же мучениковъ за вѣру Христову не много насчитаетъ болгарская церковь.

Путешествіе ближайшаго предшественника Бориса, Владиміра въ Константинополь и Солунь, предпринятое имъ вслѣдъ за торжественнымъ подтвержденіемъ съ его стороны 30-ти-лѣтняго мира, заключеннаго между Болгарами и Греками при Мартагонѣ,—по своимъ послѣдствіямъ послужило прологомъ къ оффиціальному введенію христіанства въ Болгаріи. Пребывая въ средѣ христіанскаго населенія Византіи, встрѣчая массу своихъ соотечественниковъ и соплеменниковъ — христіанъ, сопровождаемый, такъ знатное лицо, образованнѣйшими изъ христіанъ, какъ Болгаръ, такъ и Грековъ, и ознакомившись нѣсколько съ началами христіанства, —этотъ царь болгарскій, вообще отличаясь характеромъ мягкимъ, наклонностью къ мистицизму и мечтательности, съ нескрываемою симпатіею отнесся къ невѣдомой до того для него религіи. По возвращеніи домой, онъ объявилъ вѣротерпимость; предполагаютъ даже, что онъ самъ, во время своего пребыванія въ Константинополѣ, крестился, но изъ боязни смутъ, не рѣшился открыто проповѣдывать христіанскую вѣру; тѣмъ болѣе

опаснымъ могло казаться ему, человѣку вообще нерѣшительному, провозглашеніе этой религіи государственною.

Такой шагъ сдѣланъ былъ ближайшимъ его преемникомъ Борисомъ-Михаиломъ.

Разсказываютъ нѣсколько частныхъ случаевъ, въ смыслѣ причинъ введенія Борисомъ христіанской вѣры. Такъ указываютъ (Ѳеофилактъ) на то, что этому содѣйствовало обращеніе въ христіанство членовъ княжескаго болгарскаго дома. Ѳеофилактъ разсказываетъ, что между плѣнниками, выведенными Крумомъ изъ Адріанополя, былъ нѣкто Кинамокъ, «юноша прекрасный тѣломъ и душой». Доставшись по раздѣлѣ добычи сыну Крума, Мартагону, Кинамокъ весьма любимъ былъ княземъ и всѣми его окружающими, но только наслѣдникъ сильно печалился, что онъ былъ не одной съ нимъ вѣры, и поэтому князь употребилъ всѣ убѣжденія, чтобы заставить его отказаться отъ христіанства. Не смотря ни на что, юноша остался непреклоненъ и твердъ и отвѣтилъ князю на его увѣщанія проповѣдью о Христѣ и укоризнами бездушнымъ идоламъ, наконецъ, такъ разгнѣвалъ его, что тотъ приказалъ возложить на мужественнаго исповѣдника жестокія раны, а потомъ бросить въ темницу, въ которой и оставили Кинамока до смерти Мартагона. Послѣ Мартагона остались три сына: Енрабатъ, Звеница и Маломіръ. Первый вспомнилъ, по божественному вразумленію, о Кинамокѣ, послалъ къ Маломіру просить, чтобы онъ исполнилъ его просьбу и прислалъ къ нему узника, и когда тотъ исполнилъ его просьбу, то представшій предъ князя Кинамокъ скоро успѣлъ убѣдить его въ истинности христіанства, и князь рѣшился отказаться отъ идоловъ и принять крещеніе.

Рядомъ съ этимъ случаемъ указывается на вліяніе сестры болгарскаго царя, бывшей въ плѣну въ Византіи и воспитанной тамъ въ правилахъ христіанской вѣры.

По возвращеніи на родину, она наставляла брата своего въ началахъ христіанской религіи, и съ помощью того естественнаго довѣрія, которое основывается на близкомъ родствѣ, успѣла убѣдить его въ превосходствѣ христіанской вѣры и въ необходимости просвѣтить народъ истинною религіею.

Къ этому прибавляютъ еще, что случившіяся въ то время бѣдствія, голодъ и болѣзни, истолкованы были Борису въ смыслѣ кары небесной за упорство его принять истинную религію и повліяли на рѣшимость царя креститься.

Всѣ эти факты, если даже признать ихъ правдоподобность, представляютъ собою, конечно, не причины, а лишь ближайшіе толчки, быть можетъ, ускорившіе наступленіе событія, подготовленнаго вліяніемъ продолжительныхъ сношеній Болгарскаго народа съ христіанами византій-

скими и царь болгарскій въ настоящемъ случаѣ явился лишь вѣрнымъ выразителемъ воли народной, настроенія народа. Это, разумѣется, не умаляетъ заслуги болгарскаго царя: великая заслуга его въ томъ, что онъ съумѣлъ угадать присутствіе этой воли и вмѣсто того, чтобы противиться ей, примкнулъ къ ней, давъ ей санкцію.

Борисъ принялъ вѣру изъ рукъ Византіи, а не Рима. Этотъ выборъ вполнѣ понятенъ при существованіи, указанныхъ нами, близкихъ отношеній, въ которыхъ находились Византія и Болгарія, и въ томъ духовно-нравственномъ вліяніи Византіи, которое дѣйствовало на народъ, покрайней мѣрѣ на столько, что вопросъ долженъ былъ разрѣшиться въ смыслѣ византійскомъ.

Этому содѣйствовало еще то, что начавшееся раздѣленіе церквей—восточной и западной не дошло до степени полнаго обособленія каждой изъ нихъ, не происходило еще соперничества миссіонеровъ той и другой церкви, соперничества, которое могло усложнить вопросъ о предпочтеніи одной церкви передъ другою.

Среди Болгарскаго народа встрѣчались пока лишь греческіе миссіонеры; изъ ихъ устъ народъ впервые знакомился съ сущностью христіанства; у нихъ знакомился съ св. Писаніемъ, ученіемъ церкви и обрядовою стороною, и естественно, что религіозное воззрѣніе Болгарскаго народа должно было отлиться въ греческую форму, что Болгарскій народъ приметъ христіанскую вѣру не отъ отдаленнаго Запада, а отъ близкаго, сосѣдняго Востока, отъ Византіи. Странно, что при такой очевидности исхода церковнаго вопроса, нѣкоторые желаютъ объяснить рѣшеніе этого вопроса въ смыслѣ византійскомъ случайными обстоятельствами. Болгарію, говорятъ, постигъ страшный голодъ: ища оружіемъ и военнымъ грабежемъ добыть себѣ хлѣба, а также, можетъ быть, желая пріобрѣсти себѣ и болѣе плодородныя поля, Болгары сдѣлали вторженіе въ предѣлы имперіи. Нападеніе было успѣшно; но когда собравшіеся отразить его Греки предложили миръ и согласились удовлетворить предъявленнымъ требованіямъ, государь болгарскій принялъ миръ, и при этомъ случаѣ изъявилъ желаніе обратиться съ своимъ народомъ въ христіанство. Извѣстно, что нѣчто подобное сопровождало принятіе русскимъ княземъ Владиміромъ христіанской вѣры изъ рукъ Византіи: Владиміръ идетъ войною на Грековъ, осаждаетъ Херсонесъ Таврическій и требуетъ у византійскаго императора руки его сестры. Тотъ соглашается, но съ условіемъ, чтобы Владиміръ крестился, такъ какъ христіанкѣ неприлично быть женою язычника. Владиміръ принимаетъ это условіе и крестится. Всѣ эти розсказни представляютъ собою результатъ традиціонной привычки къ великому событію пристегивать факты случайные, мелочные, личные. Принимая на вѣру эти розсказни, можно подумать, что не будь

этихъ мелкихъ случайностей—голода въ Болгаріи и желанія русскаго князя жениться на сестрѣ византійскаго императора, не произошло бы великаго событія введенія и распространенія въ Болгаріи и Россіи христіанства по образу Восточной православной церкви.

Принявъ св. крещеніе, Борисъ, нарѣченный Михаиломъ, возвратившись домой, не считалъ уже опаснымъ, подобно своему предшественнику, объявить всенародно о принятіи имъ христіанской вѣры; мало того, онъ нашелъ почву для новой вѣры до такой степени воздѣланною, что могъ безъ опасенія внутреннихъ смутъ провозгласить новую религію—народною, и сильно уже расшатанный языческій культъ палъ тихо, почти безъ борьбы. Конечно, паденіе это не обошлось безъ отдѣльныхъ незначительныхъ эпизодовъ отрывочнаго сопротивленія, исходившаго отъ боярскаго, высшаго сословія, какъ наиболѣе консервативнаго элемента въ народѣ.

Разсказываютъ, что многіе изъ бояръ составили противъ Бориса (Михаила) заговоръ, съ цѣлью убить его и возвести на престолъ другаго—язычника. Собравъ толпы разной челяди и выбравъ время, они явились къ царскому дворцу. Выйдя къ нимъ со крестомъ и окруженный незначительною свитою, Борисъ успѣлъ однакоже тотчасъ подавить возстаніе, послѣ чего съ неумолимою жестокостью казнилъ зачинщиковъ заговора. Вотъ одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ протеста языческаго культа противъ христіанства. О дальнѣйшихъ эпизодахъ борьбы византійскіе историки, столь внимательные къ судьбѣ православія въ средѣ новообращенныхъ народовъ, ничего не упоминаютъ; поэтому слѣдуетъ признать за несомнѣнное, что такой борьбы и не происходило, что по приведеннымъ нами причинамъ, ея и не могло быть: не имѣлось для этого матеріала.

Крещеніе Болгарскаго народа относится къ 864 г.

Съ этого момента христіанская Болгарія наводняется массою миссіонеровъ разныхъ сектъ и толковъ [1]). Каждый стремился посѣять на невоздѣланной еще свѣжей почвѣ свои сѣмена. Христіанство хотя и введено было въ Болгарію легко и безъ борьбы, хотя оно безъ сопротивленія принято было народомъ, но лишь въ общихъ, такъ сказать, штрихахъ; оставалась масса вопросовъ неразъясненныхъ; оставалось много пунктовъ темныхъ и спорныхъ; возникалъ рядъ сомнѣній, и все преимущественно въ сферѣ отвлеченностей, гдѣ страстность отысканія настоящей истины равняется развѣ трудности задачи.

Вліяніе Византіи и тутъ сказалось.—Всевозможные оттѣнки религіозныхъ партій, зародившіеся въ Византіи, подъ вліяніемъ восточнаго

[1]) Jireček, Geschichte der Bulgaren, 1876.

мистицизма, обезсиленные тамъ взаимною борьбой, нашли себѣ выходъ въ средѣ новообращеннаго народа.

Вотъ причина наплыва въ Болгарію, вслѣдъ за крещеніемъ ея, многихъ религіозныхъ сектъ. Ко всему этому вскорѣ присоединились: раздвоеніе церковное, возбужденное окончательнымъ раздѣленіемъ церквей и стремленіе Болгарскаго народа къ церковной независимости отъ Византіи.

Началось общее религіозное броженіе, которое окончилось торжествомъ византійскаго православія.

Въ числѣ сектъ, проникшихъ въ Болгарію, наиболѣе значенія по своимъ послѣдствіямъ имѣетъ секта Павликіановъ, которая, возникши въ Малой Азіи, представляетъ собою ничто иное, какъ видоизмѣненное и переработанное въ VII ст. Константиномъ Самосскимъ — ученіе Манихеевъ. Несмотря на ожесточенное и неоднократное преслѣдованіе византійскими императорами павликіанской секты, она продолжала распространяться, причемъ случилось такъ, что самъ византійскій императоръ Константинъ Копронимъ, помимо своей воли, содѣйствовалъ распространенію этой секты въ Византіи.

Какъ извѣстно, для того, чтобы устроить живой оплотъ противъ нашествія Болгаръ, Константинъ Копронимъ переселилъ во Ѳракію жителей Сиріи и Арменіи; они оказались ревностными послѣдователями павликіанской секты. Большая часть ихъ поселились въ округѣ Филиппопольскомъ; оттуда они начали распространять свое ученіе, конечно, тамъ, гдѣ религіозная почва была еще не вполнѣ воздѣлана, т. е. въ Болгаріи.—Здѣсь это ученіе, въ свою очередь переработанное, впослѣдствіи пріобрѣло громкую извѣстность (въ X ст.), подъ именемъ богомильской ереси. Съ какою легкостью распространялись секты религіозныя въ Византіи, видно изъ того, что Павликіане имѣли во Ѳракіи уже шесть церквей, называвшихся по имени народовъ, у которыхъ они возникли. Рядомъ за этою сектою перешла въ Болгарію и іудействующая секта, которая возникла въ Крыму во время хозарскаго владычества и перебравшись въ Византію, нашла себѣ пріютъ въ Солуни, а отсюда уже доступъ въ Болгарію сталъ не труденъ. На сколько распространено было іудейство въ Болгаріи трудно опредѣлить, по неимѣнію данныхъ.

Если къ этимъ сектамъ присоединить массы оттѣнковъ того или другаго сектаторскаго ученія, оттѣнковъ, о которыхъ намъ мало извѣстно, но которые вполнѣ возможны при той страстности, съ которою восточный мистицизмъ гнался за разрѣшеніемъ неразрѣшимыхъ вопросовъ заоблачнаго міра, то станетъ понятна та легкость, съ которою

чуть было не произошло болѣе крупное уклоненіе Болгарскаго народа отъ византійскаго православія въ римскій католицизмъ.

Вслѣдъ за указанными нами сектами, въ Болгарію начали проникать латинскіе миссіонеры, пропаганда которыхъ становилась тѣмъ предпріимчивѣе и настойчивѣе, чѣмъ сильнѣе и рѣзче развивалось раздѣленіе церквей. Не безъ ихъ вліянія, Борисъ-Михаилъ сталъ обращать взоры къ Западу и завелъ переговоры съ Римомъ. Ближайшими причинами этого поворота были какъ церковныя, такъ и государственныя соображенія.

Есть указанія на то, что Византія, давъ Болгарамъ христіанскую вѣру, вовсе не расположена была допустить особой болгарской церкви, самостоятельной отъ константинопольскаго патріархата[1]); іерархія Византіи стремилась обратить Болгарію въ одну изъ духовныхъ епархій патріархата.

Ревнуя о своемъ церковномъ господствѣ, Византія первоначально отказывала даже въ назначеніи для Болгаръ не только особаго митрополита изъ Болгаръ, но и епископовъ; она навязывала на эти должности своихъ Грековъ съ понятною цѣлью византійской политической пропаганды въ средѣ Болгарскаго народа. Это желаніе установить полную церковную зависимость Болгаріи отъ византійскаго патріархата могло быть вызвано опасеніемъ, что юная церковь, бывъ предоставлена полной самостоятельности, уклонится отъ чистоты православнаго ученія, тѣмъ болѣе въ такое время религіозныхъ смутъ, какое совпадало съ IX и X стол.; но вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрно и то, что къ этому опасенію примѣшивались мотивы, не имѣющіе никакого отношенія къ религіознымъ вопросамъ.

Византія, очень мало разборчивая въ выборѣ средствъ для достиженія той или другой политической цѣли, естественно желала воспользоваться церковною зависимостью своего духовнаго чада для постепеннаго возстановленія утраченной власти надъ Болгаріею, для мирнаго возвращенія себѣ того, что отнято было мечемъ.

Если до введенія въ Болгаріи христіанства сказывалось уже вліяніе греческой партіи въ этой странѣ, то какъ велико должно было сдѣлаться вліяніе въ христіанской Болгаріи, когда возникло столько общихъ точекъ соприкосновенія, столько общихъ интересовъ.

Притязанія Византіи не ускользнули отъ вниманія болгарскаго царя, и вотъ, чтобы положить имъ конецъ, онъ, настроенный къ тому же агентами римской куріи, которая, постаралась представить въ яркихъ

---

[1]) Дриновъ, Исторически прегледъ на Българска-то църква отъ само-то и начала и до днесь, 1869 г.

краскахъ опасность, угрожающую со стороны Византіи и болгарской церквѣ и болгарской политической независимости, заводить двойныя сношенія—съ германскимъ императоромъ Людовикомъ Благочестивымъ и римскимъ первосвященникомъ Николаемъ.

Въ первомъ онъ ищетъ политическаго союзника; во второмъ—церковной опоры. Союзники эти, по своей отдаленности, не кажутся болгарскому царю столь опасными, какъ ближайшая сосѣдка—Византія: властолюбивыя притязанія ихъ будутъ парализованы самою отдаленностію союзниковъ и вліяніе ихъ поэтому всегда останется лишь номинальнымъ.

Михаилъ отправляетъ посольство въ Римъ, къ папѣ Николаю I-му. Разсказавъ о религіозныхъ смутахъ, волновавшихъ Болгарію, указавъ на то, что въ страну его приходятъ и Греки и Армяне и разные сектанты, въ томъ числѣ даже Евреи, наставляя народъ каждый въ своемъ ученіи, царь болгарскій проситъ папу послать ему знающихъ наставниковъ истинной вѣры и проситъ его назначить для Болгаріи особаго патріарха, который признаетъ главенство римскаго архіепископа. Это предпочтеніе зависимости отъ папы вызвано очевидно не сознаніемъ высшей святости или непогрѣшимости папской власти, а тѣми государственными соображеніями, на которыя мы уже указали.

Посольство прибыло въ Римъ въ 866 г. и здѣсь было встрѣчено съ большимъ почетомъ. Велика была радость папы при мысли о такомъ легкомъ, безкровномъ подчиненіи римской церкви обширнаго царства славянскаго; однакоже желаніе болгарскаго царя объ учрежденіи особаго болгарскаго патріархата папа весьма мягко отклонилъ изъ опасенія, что этотъ независимый патріархатъ можетъ въ теченіи времени, благодаря близкому сосѣдству Византіи, развиться въ направленіи византійскаго православія.

Отвѣты эти [1]) вмѣстѣ съ разъясненіемъ вопросовъ, предложенныхъ папѣ болгарскимъ царемъ и касавшихся разныхъ сторонъ соціально религіознаго быта, принесли въ Болгарію епископы Павелъ и Формосъ, которые приняты были съ великими почестями, съ предоставленіемъ имъ права произвести перемѣны въ іерархіи. Нечего и говорить, что они этимъ правомъ воспользовались, изгнали греческое духовенство, замѣщая духовныя должности латинскими проповѣдниками; коснулись даже догматовъ церкви, изгоняя то, что послѣ раздѣленія церквей стало отличать Восточную церковь отъ Западной, наприм. мvропомазаніе, употребленіе символа вѣры, въ которомъ прибавили filioque, — выраженіе, ставшее предметомъ ожесточнаго спора между обѣими церквами и, въ числѣ прочихъ причинъ, поведшее къ ихъ окончательному раздѣленію.

---

[1]) См. приложеніе къ IV главѣ 1-го т. Собранія сочиненій Гильфердинга.

Отказавшись отъ требованія самостоятельнаго болгарскаго патріархата, Борисъ-Михаилъ просилъ у папы для Болгаріи особаго архіепископа, и именно Формоса, который успѣлъ вкрасться въ довѣріе Михаила, а также достаточное число римскихъ священниковъ. По странному упорству, Николай I-й, выбравъ «достойнѣйшихъ священниковъ» для проповѣди и замѣщенія духовныхъ должностей въ Болгаріи, отклонилъ требованіе Михаила какъ объ учрежденіи архіепископской каѳедры, такъ и о назначеніи епископомъ Формоса, на котораго указалъ Борисъ. Папа отвѣтилъ, что Формосъ не можетъ быть поставленъ, такъ какъ онъ уже имѣетъ свою епархію и не долженъ быть съ нея переводимъ, а что пусть государь изберетъ кого-нибудь изъ посылаемыхъ ему священниковъ. Посольство это прибыло въ Болгарію въ 867 г. Оно конечно не удовлетворило болгарскаго царя, и въ 869 году онъ отправляетъ въ Римъ третье посольство, прося назначить архіепископа, хорошо извѣстнаго Михаилу діакона Марина; но папа, соглашаясь на учрежденіе архіепископской каѳедры, назначилъ однакожъ архіепископомъ діакона Сильвестра, котораго Борисъ вовсе не желалъ.

Поэтому не только Сильвестръ не былъ принятъ въ Болгаріи, но отсюда, по приказанію царя, изгнаны были всѣ латинскіе миссіонеры и священники. Такимъ образомъ прерваны были сношенія съ Римомъ. Михаилъ вновь сближается съ Византіей.—Послѣдняя, наученная уже опытомъ, становится уступчивѣе къ требованіямъ болгарскаго царя и соглашается на учрежденіе самостоятельной архіепископской каѳедры; кромѣ того, патріархъ Игнатій назначаетъ архіепископомъ Болгаріи Іосифа—по указанію болгарскаго царя, и 3 марта 870 года Болгарія окончательно возсоединяется съ православною греческою церковію.

Такимъ образомъ, церковный вопросъ въ Болгаріи разрѣшился въ пользу византійскаго православія, но конечно, не вслѣдствіе болѣе или менѣе случайнаго упорства римской церкви. Духовно-нравственное вліяніе сосѣдней Византіи пустило слишкомъ глубокіе корни въ средѣ Болгарскаго народа; религіозное воззрѣніе его слишкомъ долго находило пищу въ византійскомъ православіи, чтобы нѣсколько десятковъ миссіонеровъ отдаленнаго Рима, въ короткое время, могли уничтожить результатъ вѣковой византійской работы на невоздѣланной почвѣ Болгаріи; поэтому, при всемъ стремленіи болгарскаго царя завязать сближеніе съ Римомъ, логическій ходъ событій толкнулъ его опять въ объятія Византіи.

Отсюда вліяніе послѣдней на судьбы Болгаріи, такъ сказать, узаконяется; кругъ его дѣйствій расширяется, поддерживаясь сотнями агентовъ, устремившихся въ Болгарію въ качествѣ духовныхъ лицъ и ихъ свиты. Агенты эти, какъ миссіонеры византизма, каждый въ своей сферѣ по своимъ средствамъ и способностямъ, ревниво стремились за-

тормозить самостоятельное національное развитіе народа, пропагандируя и укрѣпляя въ немъ мысль о неизмѣримомъ превосходствѣ эллинизма, чрезъ посредство котораго только и можетъ проникнуть лучъ свѣта въ среду новообращеннаго народа. Возникаетъ грекоманія, которая охватываетъ собою дворъ и высшіе классы, отдаляетъ ихъ отъ народа; выдѣляющіеся люди считаютъ за великую честь, если ихъ уподобляютъ Грекамъ, и лучшимъ почетомъ для себя они считаютъ полученіе отъ византійскаго императора какого-нибудь чиновнаго ранга.

Въ послѣдующее время грекоманія дошла дотого, что весьма многіе изъ людей руководящихъ классовъ отказывались отъ своей болгарской національности, называя себя Греками, и если бы не пассивное сопротивленіе народной массы, то, по всей вѣроятности, эллинизація болгарской націи одержала полную побѣду. Хотя этого не случилось, за то не замедлили обнаружиться другіе плоды близкихъ отношеній Византіи къ своему духовному чаду: наводнившіе Болгарію греческіе просвѣтители народа, кромѣ пропаганды эллинизма, усердно сѣяли начала розни въ средѣ народа, усердно трудились надъ тѣмъ, чтобы это духовное чадо не выработалось въ крѣпкій политическій организмъ. Конечно, наибольшее вниманіе обращено было «наверхъ», на царскій дворъ и затѣмъ на правящіе классы.

Здѣсь почва оказалась благодарною, ибо не проходитъ и двухъ столѣтій, какъ въ средѣ этихъ общественныхъ элементовъ начинается полное разложеніе національности, которое разрѣшается порабощеніемъ Болгаріи, обратившейся въ византійскую провинцію. Правда, черезъ столѣтіе съ небольшимъ Болгарія политически возраждается, но ненадолго.

Говоря о времени Бориса-Михаила, намъ пришлось остановиться почти исключительно на важнѣйшемъ въ исторіи всѣхъ средневѣковыхъ народовъ—событіи: введеніи христіанства. Рядомъ съ этимъ событіемъ связано распространеніе болгарской письменности.

Обращаясь къ распространенію письменности, слѣдуетъ замѣтить, то же, что мы говорили о христіанствѣ въ Болгаріи, т. е. что трудно опредѣлить съ точностью какъ время происхожденія болгарской письменности, такъ и ея изобрѣтателей. Задача конечно упростится, если признать первоначальниками славянской письменности солунскихъ братьевъ Константина (Кирила) и Меѳодія; но есть факты, которые заставляютъ усомниться въ такой роли названныхъ братьевъ.

Извѣстно, что во время путешествія къ Хозарамъ, Константинъ нашелъ въ Херсонесѣ русскія книги—Псалтырь и Евангеліе и человѣка говорившаго русскимъ языкомъ. По вѣрному замѣчанію г. Иловайскаго [1]).

---

[1]) Розысканія о началѣ Руси, 1876 г.

эти книги были ничто иное, какъ церковно-славянскій, т. е. болгарскій переводъ священныхъ писаній; если бы подобный переводъ, справедливо замѣчаетъ г. Иловайскій, существовалъ въ IX вѣкѣ, собственно на русскомъ языкѣ, то спрашивается, зачѣмъ же Кіевская Русь, принявшая христіанство въ X ст., не воспользовалась переводомъ на своемъ родномъ нарѣчіи, а приняла церковныя книги на языкѣ болгарскомъ? Кромѣ того: если часть Болгаръ уже въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій исповѣдывала христіанство, то слѣдовательно имѣла и богослуженіе на своемъ языкѣ. Если бы у Болгаръ VII и VIII в. и первой половины IX в. было богослуженіе на греческомъ языкѣ и греческія богослужебныя книги, то онѣ успѣли бы на столько укорениться, что едва ли бы уступили потомъ и безъ борьбы свое мѣсто славянскому языку. Между тѣмъ, никакой борьбы, никакихъ слѣдовъ этого перехода мы не видимъ. Но если существовали славянскія книги, то были и болгарскія и славянскія письмена до Кирила.

Подобное мнѣніе еще ранѣе высказано было Венелиномъ [1]), а въ послѣдующее время Порфирій, епископъ чигиринскій [2]) высказалъ ту же мысль. Но, по мнѣнію большинства, Кирилъ и Меѳодій продолжаютъ почитаться изобрѣтателями славянскихъ письменъ. Намъ кажется, что это, такъ-называемое, господствующее мнѣніе объясняется просто опасеніемъ умалить то значеніе, которымъ пользуются солунскіе братья въ исторіи славянскихъ народовъ, но въ то же время намъ кажется, что опасеніе это не вполнѣ основательно.

Хотя изобрѣтеніе славянскихъ письменъ и не можетъ быть присвоено славянскимъ братьямъ, но несомнѣнно, что они своими неутомимыми трудами, своими колоссальными переводами греческихъ книгъ религіознаго содержанія на славянскій языкъ, принесли громадную пользу славянской письменности. Письменность каждаго народа вырабатывается не вдругъ; очень можетъ быть, что болгарскія книги, которыя Константинъ нашелъ въ Херсонесѣ, представляли собою пеструю смѣсь славянскихъ словъ и заимствованныхъ изъ языковъ тѣхъ различныхъ народовъ,—выходцевъ изъ Азіи, съ которыми Болгары находились въ близкихъ сношеніяхъ, необходимо вызывавшихъ взаимныя лингвистическія заимствованія. Великая заслуга солунскихъ братьевъ заключается въ томъ, что они сообщили рѣчи ту форму, въ какой она стала общимъ церковно-славянскимъ языкомъ; и въ то же время общимъ литературнымъ языкомъ, болѣе или менѣе понятнымъ всѣмъ славянскимъ народамъ; велика ихъ заслуга въ томъ, что проходя по славянскимъ зем-

[1]) Критическія изслѣдованія, изд. 1848 г.

[2]) Исторія Аѳона, изд. 1877 г.

лямъ и распространяя тамъ христіанскую вѣру, они вмѣстѣ съ многочисленными своими учениками послужили такъ сказать живою связью между разобщенными славянскими народами.

Что же касается отношеніи Болгаріи въ Византіи и другимъ сосѣдямъ, въ особенности къ сербскимъ Славянамъ, то они вообще были для Болгаріи неудачны. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что столкновеніе съ Сербами, начавшееся нѣсколько ранѣе Михаила, при Пресьямѣ, положило начало той враждѣ, которая, питаясь и поддерживаясь послѣдующими событіями, сохранилась до настоящаго времени. Причиною столкновенія были захваты, которые Болгары начали дѣлать при Пресьямѣ въ странахъ занятыхъ Сербами. Послѣдніе, или покрайней мѣрѣ та часть ихъ, княземъ которой былъ Владиміръ, разбили Болгаръ и съ великимъ урономъ заставили ихъ очистить сербскія земли. Попытка Бориса отмстить за пораженіе его предшественника не увѣнчалась успѣхомъ и между тѣмъ зерно братскаго раздора пускало ростки.

За нѣсколько лѣтъ до своей смерти Борисъ-Михаилъ отрекся отъ престола въ пользу сыновей своихъ Владиміра и Симеона, въ 892 г. Принявъ схиму, онъ занялся исключительно церковными дѣлами, которыя требовали немало заботъ и усердія. Нужно было дать организацію церковному управленію; нужно было привлечь въ Болгарію больше проповѣдниковъ и дѣтей, знающихъ болгарскую письменность, чтобы прочно закрѣпить въ странѣ начала введеннаго въ нее христіанства: нужно было снабдить народъ церковными книгами, которыя были въ ограниченномъ числѣ, нужны были самыя церкви. Борисъ-Михаилъ, какъ извѣстно, за это время построилъ семь церквей, которыя сдѣлались центрами епархій. Словомъ, послѣдніе годы его принадлежатъ скорѣе исторіи церкви, такъ-какъ государствомъ въ это время правилъ сынъ его Симеонъ.

ГЛАВА VI.

Болгарія становится крупною политическою единицею на Балканскомъ полуостровѣ.

1. Симеонъ царь болгарскій. 2. Духовное сближеніе съ Византіею и разультаты его. 3. Грекоманія въ Болгаріи. 4. Значеніе греческой образованности для Болгаріи. 5. Войны Симеона съ Византіею; характеристика этихъ войнъ. 6. Столкновеніе Болгаръ съ Мадьярами и Сербами. 7. Византійская политика усиливаетъ рознь между Болгарами и Сербами. 8. Отсутствіе политическаго смысла въ завоеваніяхъ Симеона. 9. Учрежденіе болгарскаго патріархата. 10. Принятіе Симеономъ императорскаго титула. 11. Вліяніе византійскаго цезаризма въ Болгаріи.

Краткій періодъ времени (893—927) отмѣчается какъ время, въ которое Болгарія достигла высшаго политическаго значенія на Балканскомъ полуостровѣ. Во главѣ событій этаго времени стоитъ Симеонъ болгарскій, одинъ изъ сыновей отрекшагося отъ престола Бориса.

Враждуя съ Византіею, Болгарія тѣмъ не менѣе смотрѣла на Византію, какъ на обѣтованный край человѣческой мудрости и потому люди интелигенціи Болгарскаго народа стремились въ Византію, или посылали туда своихъ дѣтей «для усовершенствованія въ образованіи». Людей этихъ принимали охотно; ихъ окружали лестью, оказывали имъ всяческій почетъ; передъ ними раскрывались двери лучшихъ константинопольскихъ школъ и искуснѣйшихъ наставниковъ назначали къ нимъ для образованія ихъ ума и сердца по византійскому шаблону. На нихъ византійское правительство смотрѣло какъ на будущихъ руководителей народа и старалось заручиться благорасположеніемъ ихъ; исподволь, но весьма искусно и съ тою утонченною ловкостью, которая отличаетъ грека всѣхъ временъ, людямъ названной интелигенціи внушали мысль о глубокомъ варварствѣ ихъ народа, изъ котораго онъ можетъ выдти лишь при содѣйствіи византійской образованности, пристегнувшись, такъ сказать, къ колесницѣ византійскаго прогресса цивилизаціи; имъ внушали убѣжденія, что въ нѣдрахъ самаго народа напрасно искать средствъ для развитія его національнаго самосознанія, что за этими средствами надо обращаться къ Византіи, которая есть единственный

источникъ свѣта. Можно представить себѣ, что если на всѣ, то очень многіе изъ среды болгарской интелигенціи поддавались такимъ идеямъ и становились жертвами византійской школы.

Одни изъ нихъ, натуры болѣе грубыя и вмѣстѣ съ тѣмъ тщеславныя, какъ вообще люди съ слабымъ умственнымъ развитіемъ, усвоившіе только внѣшній лоскъ и зная, что этимъ лоскомъ они обязаны Византіи, не только возымѣли охлажденіе къ своему народу, но даже старались скрывать свою болгарскую національность, какъ сдѣлавшуюся въ ихъ глазахъ терминомъ варварства. Люди эти, возвратившись домой, чуждались грубаго, сѣраго народа; но за то, къ счастію для послѣдняго, не имѣли на него по крайней мѣрѣ ни малѣйшаго византійски-цивилизующаго вліянія. Не таковы были отношенія ихъ къ высшимъ классамъ, въ среду которыхъ они возвращались: здѣсь они становились предметомъ удивленія и подражанія. Здѣсь они живымъ примѣромъ распространяли и развивали расположеніе ко всему византійскому, убивая въ корнѣ чувство патріотизма, въ его высокомъ смыслѣ слова; люди этого класса въ минуты народныхъ испытаній съ преступнымъ эгоизмомъ оберегали лишь свои личные интересы и ради ихъ не задумывались переходить во враждебный лагерь. Въ средѣ ихъ Византія всегда находила друзей, готовыхъ предать свою родину. Отюда вся исторія Болгаріи, за исключеніемъ рѣдкихъ моментовъ, представляетъ собою настоящую вакханалію измѣны, предательства и низкой мелочной вражды въ средѣ правящихъ классовъ; оттого, если Болгарія политически продержалась до XII ст., то только благодаря полному безсилію Византіи нанести хотя слабый ударъ этой эфемерной политической самостоятельности, и благодаря тому, что въ самой Византіи предсмертная агонія началась задолго до окончательнаго ея паденія, за нѣсколько столѣтій, что существованіе ея висѣло на волоскѣ...

Другіе хотя и отнеслись болѣе серьозно къ византійскому образованію и изощрились въ чтеніи Платона, Аристотеля и иныхъ греческихъ писателей, а также ознакомились со всею церковною ученостію, но и они не только не сообщили новаго толчка народному развитію, а напротивъ косвенно даже содѣйствовали задержанію этого развитія: вмѣсто того, чтобы съ высоты классическихъ мыслителей и отвлеченныхъ вопросовъ религіи снизойти на почву дѣйствительной жизни и давать народу тѣ результаты усвоенной ими въ Византіи духовной пищи, которые были доступны уровню понятій народа, могли сдѣлаться основнымъ факторомъ его дальнѣйшаго развитія, люди эти воображали, что перенесенныя ими крохи византійской образованности такъ-таки цѣликомъ и могутъ быть понятны народу. Попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ, народъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ цивилизаторовъ

своихъ и очень мало интересовался разными «Златоструями», которыя зарождались тамъ, въ чуждой для него средѣ.

Такимъ образомъ византійская образованность, перенесенная людьми болгарской интелигенціи на родину, имѣетъ въ исторіи Болгарскаго народа развѣ значеніе отрицательное, проведя рѣзкую грань между высшими классами и народомъ, заставивъ этотъ, по существу своему, самый жизненный элементъ всякаго политическаго организма идти своимъ особеннымъ путемъ.

Кромѣ того: если даже допустить, что эти воспитанники школы византизма заронили кое-какія сѣмена образованности въ средѣ народа, за то сколько сорныхъ травъ они принесли съ собою. Ежедневно эти воспитанники Константинополя могли быть тамъ свидѣтелями событій самыхъ возмутительныхъ, но которыя, по мѣрѣ того, какъ къ нимъ присматривались, становились въ ихъ глазахъ весьма обыкновенными и даже разумно-полезными: мать удушаетъ своего сына, чтобы самой править государствомъ; жена подсылаетъ къ мужу наемнаго убійцу съ тѣмъ, чтобъ въ объятіяхъ проходимца-любовника раздѣлить престолъ; на глазахъ этихъ людей самое циническое нарушеніе священнѣйшихъ клятвъ возводится въ правило житейской мудрости; самое коварное предательство друзей — считается верхомъ искусства пользоваться обстоятельствами; люди вчера высказывавшіе самые идеальные взгляды и погруженные въ самые отвлеченные споры о предметахъ высокопарящей философіи и заоблачнаго міра, сегодня съ несказанною жестокостью предаютъ ближнихъ себѣ варварскимъ мученіямъ: отрѣзаніе носа, ушей, ослѣпленіе, выкалываніе глазъ, — все это цвѣтки, которые возрасли на византійской почвѣ и дали тамъ обильные плоды. Вотъ та школа, въ которой приходилось воспитываться людямъ высшихъ классовъ Болгарскаго народа. Возможно ли допустить, чтобы они остались чуждыми вліянію этой школы?

Дѣйствительно, вліяніе это не замедлило сказаться въ рядѣ событій, которыя такъ родственны тому, что происходило въ Византіи и которыя, въ числѣ прочихъ причинъ, повели къ разложенію Болгарскаго государства, внеся въ его организмъ ничѣмъ неизлѣчимую византійскую деморализацію. Предательство, измѣна, самый мелочный эгоизмъ, отчужденіе народа отъ правящихъ классовъ—вотъ одна изъ тѣхъ ступеней, по которымъ Болгарія сходила съ высоты своего политическаго могущества въ простой этнографическій терминъ. Всѣмъ этимъ она обязана Византіи, отравляющее вліяніе которой на судьбы Болгаріи вызвано сближеніемъ съ нею высшихъ классовъ народа Болгарскаго съ царемъ во главѣ.

Съ этой точки зрѣнія смотря на царствованіе Симеона Болгарскаго

и значеніе его въ судьбахъ Болгаріи, нельзя придти къ господствующему мнѣнію [1]), что время его представляетъ блестящій моментъ въ исторіи Болгаріи, въ сферѣ образованія.

Весь этотъ блескъ состоялъ въ грудѣ сочиненій греческихъ, переведенныхъ на болгарскій языкъ, или же въ компиляціяхъ изъ византійскихъ писателей, которыя не имѣли и не могли имѣть ни малѣйшаго вліянія на умственное развитіе народа.

Конечно современники, такъ-называемые интелигентные, увлеченные и ослѣпленные внѣшностью этого блеска, могли, въ самомъ дѣлѣ, вообразить, что онъ имѣетъ глубокое прогрессирующее значеніе въ судьбахъ Болгаріи, точно такъ же какъ интелигентные предки наши временъ Екатерины II, зачитываясь у себя дома французскихъ энциклопедистовъ и свободно вращаясь въ кругѣ ихъ понятій, могли вообразить, что Россія ихъ времени въ самомъ дѣлѣ достигла высокой степени умственнаго развитія; но историкъ не вправѣ увлекаться этимъ мимолетнымъ блескомъ; онъ поставленъ въ болѣе выгодное положеніе посторонняго, отдаленнаго вѣками, наблюдателя и, стало быть, имѣетъ больше возможности и располагаетъ болѣе обширнымъ матеріаломъ для оцѣнки по достоинству этого блеска. Блестящее время Симеона Болгарскаго представляетъ собою именно эту внутреннюю пустоту, безсодержательность и безполезность для умственнаго развитія народа массы литературныхъ произведеній, въ этотъ періодъ появившихся; блестящее время Симеона въ судьбахъ Болгаріи можно считать поворотною точкою, съ которой начинается рѣшительное вліяніе византизма на Болгарію, приведшее ее въ разложеніе. Грекоманія охватила собою правящіе классы и провела рѣзкую грань между ними и народомъ; вмѣстѣ съ жалкими обрывками греческой образованности эти классы въ сферѣ соціально-политической дѣятельности усвоили себѣ тотъ растлѣвающій духъ византизма, который съ необыкновенною быстротою подточилъ молодой организмъ Болгарскаго государства.

Существованіе его поддерживалось не собственною внутреннею силою, а благодаря внѣшнимъ, болѣе или менѣе случайнымъ обстоятельствамъ, благодаря частью отдѣльнымъ выдѣляющимся личностямъ, къ числу которыхъ безпорно принадлежитъ Симеонъ Болгарскій.

Отецъ его Михаилъ, принявъ изъ рукъ Византіи христіанскую вѣру, какъ неофитъ,—очень естественно могъ взирать на Византію, какъ на источникъ свѣта, тѣмъ болѣе, что уже въ то время въ Болгаріи было не мало людей, которые подобнымъ же образомъ относились къ Визан-

[1]) Гильфердингъ, Собраніе соч., т. I; Дриновъ—Византія въ X в.; Палаузовъ — Вѣкъ Симеона Болгарскаго, и многіе другіе держатся такого мнѣнія.

тіи. Поэтому, желая подготовить сына своего Симеона къ предстоящему высокому положенію—главы государства, онъ послалъ его въ столицу Византіи для усовершенствованія въ образованіи.

Симеонъ, какъ разсказываютъ современники, сугубо преуспѣлъ въ этомъ усовершенствованіи, и неудивительно: на него, какъ будущаго правителя сосѣдняго государства, обращено было особенное вниманіе; онъ, какъ извѣстно, учился вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола Львомъ VI, сдѣлавшимся извѣстнымъ подъ именемъ Льва Мудраго (886—912); его знакомили съ сочиненіями Платона, Аристотеля, Демосѳена и другихъ древне-греческихъ писателей и съ твореніями новыхъ церковныхъ учителей; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ столицѣ Византіи, онъ не только изучилъ греческую словесность, но настолько изощрился въ знаніи греческаго языка и, по всей вѣроятности, настолько усвоилъ себѣ въ общежитіи духъ византизма, настолько переработался въ грека, что византійскіе его современники называли его «полугрекомъ» [1]. Можно думать, что Симеону не противенъ былъ этотъ титулъ, судя потому, что титулъ этотъ придавали ему хвалители его, желая польстить могущественному болгарскому царю, который, какъ извѣстно, былъ первымъ и единственнымъ вѣнценоснымъ писателемъ въ ряду болгарскихъ государей. Онъ перевелъ съ греческаго на болгарскій языкъ 135 главъ Іоанна Златоуста, подъ заглавіемъ «Златоструй». Этимъ своимъ примѣромъ и особымъ покровительствомъ книжной образованности, Симеонъ далъ новый толчокъ развитію болгарской литературы, основанной на византійскомъ фундаментѣ и не выходившей изъ круга церковнаго дѣеписанія. На этомъ поприщѣ въ описываемое время прославились не только въ Болгаріи, но пріобрѣли извѣстность и въ другихъ славянскихъ земляхъ [2]): *Константинъ пресвитеръ*, ученикъ Меѳодія, составившій 51 поученіе на всѣ воскресные дни; *Іоаннъ экзархъ*, составитель «шестоднева» и переводчикъ 48 главъ изъ твореній Дамаскина—о правой вѣрѣ. Въ это же время явились писатели, неограничивавшіеся одними богословско-церковными предметами, какъ напр. *Григорій пресвитеръ*, который перевелъ хронографъ Іоанна Малалы—краткій перечень событій всеобщей исторіи, начиная отъ сотворенія міра до императора Юстиніана; *черноризецъ Храбръ*, написавшій сказаніе о славянскихъ племенахъ и сообщившій много свѣдѣній о жизни и дѣятельности солунскихъ братьевъ Константина (Кирила) и Меѳодія; *Косьма пресвитеръ*, написавшій слова на «еретики препреніе», представляющія собою ничто иное, какъ обличительныя проповѣди противъ богомильской

[1]) Раичъ, ч. I.
[2]) Голубинскій, Исторія правосл. церквей.

ереси, усилившейся при ближайшемъ преемникѣ Симеона—Петрѣ. Желая собрать воедино разбросанныя въ отдѣльныхъ книгахъ свѣдѣнія о церкви, о государствѣ, и разнаго рода полезныя по тогдашнему понятію наставленія, касающіяся отношеній общественныхъ—Симеонъ все это соединилъ въ одномъ сборникѣ, который по характеру и цѣли своей представляетъ собою нѣчто въ родѣ энциклопедіи.

Болгарская литература этаго времени, количественно богатая, оставаясь чуждою національнаго самосознанія [1]), какъ построенная на чуждомъ фундаментѣ, имѣла обширное вліяніе на зарожденіе славянской литературы другихъ славянскихъ народовъ: Сербовъ, Моравовъ и Русскихъ, въ смыслѣ перенесенія къ этимъ народамъ вмѣстѣ съ сколками византійской образованности и того, что мы называемъ византійскимъ духомъ; если политически Византія сблизилась съ этими народами путемъ оружія и мирныхъ трактатовъ, слѣдовавшихъ за войнами, то кругъ своего духовно нравственнаго міровоззрѣнія Византія сообщила имъ чрезъ посредство болгарской литературы [2]).

Съ этой стороны послѣдняя имѣетъ значеніе въ развитіи славянской образованности.

Вотъ все, къ чему сводится цивилизующее значеніе, такъ называемаго, «вѣка Симеона Болгарскаго», если откинуть тотъ искуственный ореолъ, которымъ продолжаютъ его окружать большинство славистовъ, преимущественно отечественныхъ, которые относятъ этотъ вѣкъ чуть ли не къ всемірно-историческимъ моментамъ въ развитіи человѣчества.

Рядомъ съ этою внутреннею образовательною дѣятельностью болгарскаго царя, неумолкаемо во все время его правленія раздается шумъ военнаго оружія, которое обращается имъ противъ Византіи, Мадъяръ и Сербовъ-Хорватовъ.

Существенная причина столкновенія съ Византіею оставалась та же, что и прежде: борьба за существованіе. Съ одной стороны Болгарскому государству казалась слишкомъ тѣсными для полнаго, всесторонняго развитія предѣлы, въ которыхъ оно было замкнуто; ему нужно было стать твердою ногою у моря; торговая промышленность, которая находила обильную пищу въ естественныхъ богатствахъ страны и неутомимомъ трудолюбіи народа, не могла распуститься полнымъ цвѣткомъ, не имѣя самостоятельныхъ рынковъ для сбыта. Съ другой стороны, Византія не желала примириться съ мыслью о существованіи на Балканскомъ полуостровѣ независимаго отъ нея политическаго организма, который она не переставала разсматривать какъ status in statu, долженствовавшее быть

---

[1]) Jireček Geschichte der Bulgaren.

[2]) Спасовичъ и Пыпинъ, Обзоръ славянскихъ литературъ.

во что бы то ни стало уничтоженнымъ. Поводы столкновеній могли быть различны, но главная причина ихъ одна и та же проходила чрезъ всю исторію отношеній Болгаріи къ Византіи.

Въ разсматриваемое время поводомъ столкновенія съ Византіею были соціально-торговые интересы.

Мы видѣли, что въ числѣ условій мирныхъ договоровъ Болгары всегда старались выговорить себѣ тѣ или другія льготы торговыя; къ числу такихъ льготъ, признанныхъ предшествующими византійскими императорами, относилось право свободной торговли Болгаръ въ столицѣ имперіи, гдѣ имъ отведенъ былъ даже особый кварталъ. При тороватости и способности болгарскихъ торговцевъ, эти льготы вводили серьозную конкуренцію въ сферу торговыхъ предпріятій греческихъ купцовъ, которые ad hoc составили антиболгарскую партію съ цѣлью выжить изъ столицы свободную болгарскую торговлю [1]). Представители этой партіи, богатые купцы Ставракій и Косьма, чрезъ посредство Зауцы, дяди императора, имѣя доступъ къ послѣднему, убѣдили его лишить Болгаръ торговыхъ льготъ. Они достигли того, что льготы были уничтожены, торговля болгарскихъ купцовъ перенесена была въ Солунь, товары стали облагать пошлинами. Болгарскіе купцы жаловались своему царю, тотъ вошелъ съ представленіемъ къ императору Александру (912—913), напомнивъ ему о прежнихъ трактатахъ. Императоръ, извѣстный въ исторіи Византіи своимъ неуваженіемъ къ правамъ народовъ и въ отношеніи образа жизни воспроизводившій римскаго Геліогабала, нетолько не уважилъ представленія болгарскаго государя, но наругался надъ нимъ, отославъ пословъ его съ безчестіемъ. Возгорѣлась война начатая Болгарами. Театромъ войны сдѣлалась Македонія. Власть Византіи здѣсь слабо поддерживалась незначительными гарнизонами, въ особенности въ сѣверной половинѣ, которая густо населена была Болгарами. Войска Симеона встрѣтили здѣсь общее сочувствіе населенія и благодаря тѣмъ неисчислимымъ услугамъ, которыя оно оказывало имъ, войска Симеона во всѣхъ стычкахъ съ Греками разбивали ихъ на голову, разорили лучшіе города Македоніи. Побѣды Болгаръ сопровождались варварскими жестокостями надъ побѣжденными: плѣнныхъ изувѣчивали, отрѣзывали носы, выкалывали глаза, женщинъ насиловали. Пользуясь малолѣтствомъ императора Константина Багрянороднаго (913—959) и тѣмъ неустройствомъ, которое всегда повторялось въ Византіи въ подобныхъ случаяхъ, Симеонъ почти безпрепятственно, въ 913 г., подступилъ къ стѣнамъ столицы и сталъ возводить вокругъ города окопы. Можно предполагать, что за отсутствіемъ осадныхъ средствъ,—завоева-

[1]) Венелинъ, Критич. изслѣдованія.

лисовъ Урханъ. Симеонъ предпочелъ, ограничившись выкупомъ, повернуть обратно. Но въ данномъ случаѣ онъ вынужденъ былъ это сдѣлать ради защиты собственной страны, которой угрожали Мадъяры. Подобнымъ же нападеніемъ съ тыла, только не съ сѣвера, а съ сѣверозапада со стороны Сербовъ, объясняется внезапная пріостановка военныхъ дѣйствій, начатыхъ Симеономъ въ Македоніи, гдѣ онъ могъ дѣйствовать тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что страна эта только номинально считалась византійскою провинціею, будучи густо населена Болгарами.

Такимъ образомъ въ связи съ войнами Болгаріи съ Византіею находится отношеніе первой къ Мадъярамъ и Сербо-Хорватамъ

Финно-уральскаго происхожденія—Мадъяры [1]), оставивъ въ IX в. кочевья свои на берегахъ Дона и Днѣпра, двинулись въ Бессарабію и временно разсыпались между низовьями Днѣстра и Дуная, образующими уголъ (Буджакъ); отсюда они дѣлали нападенія на восточныя окраины нынѣшней Молдавіи, откуда отдѣльными отрядами переходили черезъ Дунай и немало вреда наносили сѣвернымъ окраинамъ Дунайской Болгаріи. Ловкая въ интригахъ Византія съумѣла воспользоваться этимъ азіятскимъ народомъ, какъ уздой для удержанія съ сѣвера набѣговъ болгарскаго государя на столицу имперіи. Не безъ внушенія византійскаго предпринимались Мадъярами вторженія на правый берегъ Дуная, что видно изъ того, что эти вторженія почти всегда совпадали съ тѣми моментами, когда Византіи угрожала наибольшая опасность со стороны Болгаріи. Кромѣ того, трудно предположить, чтобы Мадъяры по собственной инициативѣ рѣшились переходить Дунай, не имѣя въ виду надежныхъ союзниковъ. На что они могли разсчитывать за Дунаемъ? Извѣстно имъ было, что тамъ образовалось довольно сильное государство, которое всегда можетъ дать имъ отпоръ, а между тѣмъ путь къ сѣверозападу былъ почти свободенъ. Страны, составляющія нынѣшнюю Румынію, представляли въ то время настоящій политическій хаосъ, въ которомъ не сформировалось еще достаточно элементовъ для зарожденія государственнаго организма. На пестромъ фонѣ многоразличныхъ народностей не видѣлось еще ни одной, которая бы въ силахъ была вдохнуть начало политическаго объединенія между ними. Въ числѣ прочихъ народностей, страны эти заселены были частію и Болгарами, которымъ принадлежало нѣсколько городовъ съ округами; но эти города и округи, какъ отдѣльныя колоніи, несвязанныя органически съ Болгарскимъ государствомъ, сами по себѣ не могли противупоставить серьознаго отпора соединеннымъ силамъ храбрыхъ мадъярскихъ наѣздниковъ. Византія временно достигаетъ своей цѣли.

---

[1]) Tunmann—Unterruchungen über die Geschichte der oestlichen Völlker. 1774.

Движеніе Мадъяръ въ Дунайскую Болгарію вынудило Симеона пріостановить набѣги на Византію съ тѣмъ, чтобы отстоять сѣверную окраину государства. Симеонъ устремился на сѣверъ и здѣсь подлѣ второй столицы Болгаріи—Доростолы (Силистріи), нанеся пораженіе соединеннымъ силамъ Мадъяръ и Грековъ, переходитъ чрезъ Дунай. Увлекаемый порывомъ преслѣдованія Мадъяръ, Симеонъ вторгнулся въ ихъ бессарабскую осѣдлость и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ хозяйничалъ тамъ по образцу тогдашняго способа веденія войны, т. е. сжигая и истребляя все, чего нельзя было забрать съ собою.

Это разореніе осѣдлости Мадъяръ послужило однимъ изъ толчковъ, двинувшихъ ихъ на западъ, гдѣ они заняли Паннонію, т. е. нынѣшнюю Венгрію [1]. Отсюда они вторгались въ сосѣднія страны такъ называемаго славистами «Великоморавскаго царства», которое, не смотря на всю свою великость,—тихо и безъ малѣйшаго грома оружія претворилось въ мелкія провинціи Священной римской имперіи. Отсюда же, т. е. изъ Панноніи они нападали на нынѣшнюю Румынію, становились временными хозяевами отдѣльныхъ городовъ, подобно тому, какъ поступали Болгары при благопріятствующихъ для нихъ условіяхъ; Румынія еще долго въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій оставалась обѣтованною страною для разныхъ авантюристовъ, которымъ временно удавалось захватывать отдѣльныя ея страны, благодаря царившей въ ней политической безурядицѣ; послѣднею въ одинаковой мѣрѣ пользовались всѣ ея сосѣди, а въ томъ числѣ и Болгары. Но отъ этихъ отдѣльныхъ захватовъ мѣстностей до политическаго объединенія ихъ съ Болгарскимъ государствомъ было еще слишкомъ далеко и потому настойчиво поддерживаемое положеніе о распространеніи Болгарскаго царства по ту (лѣвую) сторону Дуная мы считаемъ чистою химерою, родившеюся въ слишкомъ пламенномъ воображеніи болгарскаго патріотизма.

Мы уже замѣтили, что начало вражды между Болгарами и Сербами положено было при болгарскомъ князѣ Пресьямѣ и вызвано завоевательными притязаніями его на области родственныхъ ему народовъ. При Михаилѣ были отдѣльные незначительные случаи столкновеній Болгаръ съ Сербами, достаточные впрочемъ для того, чтобы не дать заглохнуть сѣменамъ раздора и взаимнаго недовѣрія между этими родственными народами. Но вотъ наступилъ «славный вѣкъ Симеона». Болгарія вмѣсто того, чтобы «собраться» въ крѣпкое политическое тѣло, начинаетъ расползаться на западъ, на сѣверъ и на югъ. Мы говорили о результатахъ движенія Болгаръ на сѣверъ и югъ; теперь остается сказать о движеніи ихъ на западъ.

---

[1]) Венелинъ, Критическія изслѣдованія; также Finley—History of the Bysant and Greek Impire.

Здѣсь въ половинѣ VII в. закончилось заселеніе сербо-хорватской народности, занявшей все пространство между Адріатическимъ моремъ, Моравой, Дравой, Савой, Дунаемъ и южными окраинами нынѣшней Черногоріи. Въ частности Сербы разселились къ югу отъ Савы въ басейнахъ рѣкъ Дрива, Босны и Вербаса, а впослѣдствіи далѣе къ востоку, т. е. по Болгарской Моравѣ. Здѣсь уже въ теченіи первыхъ двухъ столѣтій обозначилось нѣсколько отдѣльныхъ политическихъ единицъ—Діаклея на Скодрѣ, Захлумія въ нынѣшней Герцеговинѣ, Травунія (нынѣшняя Требинья) и Сербія, обнимавшая собою восточную половину Босніи и западную половину нынѣшней Сербіи. Хорваты разселились къ сѣверу отъ Савы на пространствѣ, заключающемся между Савою и Дравою [1]).

Разрозненность этихъ народовъ, поддерживаемая Византіею и естественными условіями мѣстности, изрѣзанной Динарскими Альпами, отрогами Балкановъ и Карпатовъ, облегчавшими обособленіе и отчужденіе этихъ мелкихъ владѣній, задержало на нѣсколько столѣтій политическое объединеніе этихъ странъ, начавшееся лишь въ XII ст. Въ то время, когда Болгары представляли собою государство довольно могущественное, эти страны состояли изъ многихъ, чуждыхъ даже сознанія національнаго единства, мелкихъ владѣній, которыя находились въ зависимости отъ Византіи.

Во главѣ этихъ мелкихъ владѣній стояли жупаны, между которыми по временамъ выдѣлялись отдѣльныя личности съ смутными стремленіями къ политическому объединенію. Они присвоивали себѣ титулъ «великаго жупана», но авторитетъ ихъ въ глазахъ мелкихъ жупановъ долгое время оставался совершенно номинальнымъ; въ отношеніяхъ къ Византіи и Болгаріи—жупаны Сербіи союзились съ тою и другою, враждовали по личному своему вкусу, очень мало справляясь съ интересами сосѣдей, а тѣмъ менѣе съ общими задачами національно-государственнаго объединенія. Великимъ жупаномъ Сербіи съ первыхъ лѣтъ войны Болгаріи и Византіи былъ Петръ, который сдѣлался правителемъ послѣ ряда междоусобицъ съ своими родичами. Междоусобицы эти не замедлили принести свои плоды. Сдѣлавшись княземъ, Петръ долженъ былъ посчитаться съ своими родичами, убѣжавшими подъ покровительство болгарскаго царя. Къ этому же возникла вражда съ Михаиломъ Вышевичемъ, княземъ захлумскимъ (захолмскимъ), который стремился къ полной независимости отъ велико-жупанской власти Петра. Михаилъ началъ съ того, что присоедилъ къ своему владѣнію Захолмскому маленькую область Неретчанъ, раскинувшуюся по берегамъ р. Наренты, впадающей въ Адріатическое

---

[1]) Benjamin von Kollay, Geschichte der Serben von ältesten Zeiten bis 1815 J. 1878 г.

море. Внутренняя рознь эта нашла себѣ пищу и опору во-внѣ: въ то время когда Михаилъ обращается за помощью къ болгарскому царю Симеону [1]), сербскій князь вошелъ въ сношенія съ Византіею, которая всегда охотно вступалась во внутреннія дѣла мелкихъ князьковъ славянскихъ, въ видахъ обезсиленія ихъ домашними смутами. Болгарскій царь вступился за жупана захолмскаго и послалъ въ Сербію войско, свободное послѣ ахелойской битвы, причемъ имѣлось въ виду «водворить порядокъ» въ отношеніяхъ сербскаго князя къ жупану захолмскому и наказать своеволіе перваго, а въ сущности изгнать его и назначить княземъ Павла Стремимировича, такое лицо болѣе или менѣе ничтожное, отъ имени котораго царь болгарскій могъ хозяйничать въ сербскихъ земляхъ. Чтобы скорѣе и вѣрнѣе нанести ударъ, пущена была въ ходъ хитрость. Посланные Симеона, въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ просили свиданія съ сербскимъ княземъ; тотъ повѣрилъ на слово и не принявъ мѣръ предосторожности, прибылъ на мѣсто переговоровъ; заранѣе приготовленная засада выросла какъ разъ въ необходимый моментъ. Петръ былъ схваченъ и отправленъ въ Болгарію, въ качествѣ плѣннаго. Поставленный на мѣсто Петра жупанъ захолмскій Павелъ, всѣмъ обязанный болгарскому царю, сдѣлался его сподручникомъ. Пользуясь этимъ, а также и въ видѣ вознагражденія, Симеонъ пристегнулъ нѣсколько областей на Ибарѣ и Болгарской Моравѣ къ Болгаріи; быть можетъ, пристегиваніе пошло бы дальше, если бы не вступничество Византіи, которая ревниво оберегала существованіе мелкихъ политическихъ индивидуальностей отъ поглощенія ихъ такимъ крупнымъ славянскимъ государствомъ, какимъ въ то время представлялась Болгарія. На этотъ разъ вмѣшательство Византіи, произведя обычную въ отношеніяхъ мелкихъ владѣльцевъ внутреннюю смуту, не увѣнчались успѣхомъ; отправленный ею въ Сербію претендентъ не только не могъ вытѣснить своего соперника, но попавшись въ руки послѣдняго, былъ отправленъ по слѣдамъ Петра въ Болгарію (920 г.).

Вопреки ожиданіямъ Симеона, ставленникъ его Павелъ, сдѣлавшись княземъ Сербіи, пожелалъ у себя быть хозяиномъ самостоятельнымъ и кромѣ того обнаружилъ явное нерасположеніе къ территоріальнымъ захватамъ болгарскаго царя. Тотъ, держа въ рукахъ своихъ про запасъ двухъ претендентовъ на Сербское княжество, одного изъ нихъ, Захарія, выпустилъ въ Сербію, подкрѣпивъ его отрядомъ войска. Много бѣдствій сопровождало шествіе сербскаго претендента въ его страну. По господствовавшимъ въ то время на Балканскомъ полуостровѣ правамъ, отрядъ болгарскій на пути своемъ производилъ безчинства, безцѣльно разоряя

[1]) Раичъ, ч. II.

деревни и сжигая хозяйственные запасы, которые нельзя было забрать съ собою, и все это въ странѣ братской. Можно себѣ представить на сколько при такихъ условіяхъ могло вырости и развиться сознаніе и потребность «братской любви» и племеннаго единства между Болгарами и Сербами.

Посаженный при посредствѣ болгарской вооруженной силы княземъ сербскимъ, Захарія отплатилъ за коварство коварствомъ: вмѣсто того, чтобы признать вассальную зависимость свою отъ болгарскаго царя, онъ, подобно своему предшественнику, возобновилъ попытку «собиранія» сербскихъ земель и въ этомъ направленіи, конечно, работалъ на свое имя, ни мало не радѣя объ интересахъ Симеона.

Предвидя возможность мести со стороны послѣдняго, Захарія, пользуясь продолжавшеюся враждою между болгарскимъ царемъ и Византіею, обратился за помощью—къ послѣдней, какъ поступали вообще правители славянскихъ земель на Балканскомъ полуостровѣ при непріязненныхъ столкновеніяхъ между собою. Узнавъ о переговорахъ съ Константинополемъ и основательно предугадывая безуспѣшность этихъ переговоровъ для сербскаго князя, такъ какъ въ это время (около 923 г.) самой Византіи угрожала опасность со стороны Болгаръ, Симеонъ послалъ войско, отмстить Захарію. Кампанія вышла неудачною: Сербы, пользуясь одной изъ тѣхъ тѣснинъ, которыми преизобилуетъ Балканскій полуостровъ, окружили болгарскій отрядъ и почти весь его истребили; воеводъ взяли въ плѣнъ, и дѣйствуя въ духѣ византійскихъ нравовъ, отрѣзали у плѣнныхъ воеводъ головы, которыя въ видѣ трофеевъ отправили въ дружественную на ту пору Византію. Этотъ обычай въ числѣ прочаго достоянія павшей Византіи, перешелъ какъ извѣстно къ Туркамъ. Разъ начавъ вступаться въ сербскія дѣла, конечно, въ роли «благодѣтеля Сербовъ и ради ихъ пользы, для водворенія тамъ порядка», Симеонъ, этотъ полугрекъ по образованію и византіецъ по духу и образу мыслей, по усвоенному имъ въ византійской школѣ воспитанію, не могъ потерпѣть на княжескомъ престолѣ Сербіи человѣка, который сближается съ Византіею, столь опасною существованію Болгарскаго царства. Хотя въ то время еще не было въ обычаѣ предпосылать болѣе или менѣе крупному предпріятію прокламаціи, исполненныя трескучихъ фразъ и общихъ мѣстъ, но въ формѣ, быть можетъ, болѣе упрощенной, въ формѣ словесной пропаганды, чрезъ посредство агентовъ, Симеонъ нашелъ нужнымъ мотивировать предстоящій походъ свой желаніемъ водворить порядокъ въ разстроенныхъ политическихъ отношеніяхъ Сербіи, чего можно было достигнуть не иначе, какъ смѣщеніемъ ненавистнаго Захарія, вмѣсто котораго въ распоряженіи Симеона имѣлся болѣе удовлетворительный претендентъ на княжество Сербское.

Съ этимъ претендентомъ отправлено было болгарское войско въ Сербію; подвиги болгарскаго войска во время его похода по Сербіи сопровождались обычными трофеями—раззореніемъ деревень, захватомъ добычи, насиліемъ надъ жителями,—т. е. всѣми тѣми явленіями, которыя характеризуютъ нравы общежитія на Балканскомъ полуостровѣ, безъ всякаго различія національности и религіи. Опасаясь взрыва народнаго негодованія, военачальники на этотъ разъ предпочли выиграть дѣло хитростью. Они объявили жупанамъ Сербской земли, что имъ привезли новаго князя (Чеслава), болѣе достойнаго, чѣмъ прежній ихъ князь Захарія, который между тѣмъ, убоявшись болгарской рати, убѣжалъ къ Хорватамъ. Жупаны приглашены прибыть въ станъ болгарскій для принятія новаго князя, при чемъ для устраненія всякаго подозрѣнія со стороны приглашаемыхъ, на счетъ ожидавшей ихъ участи, военачальники поклялись, что никакого зла имъ не сдѣлаютъ. Какъ было не повѣрить клятвѣ, данной братьями? Жупаны пришли въ назначенное мѣсто и всѣ были предательски схвачены и скованы... Лишившись руководителей, Сербія въ югозападной ея окраинѣ сдѣлалась театромъ жестокихъ насилій и своеволій болгарскаго войска, которыя даже вызвали удивленіе грека, вѣнценоснаго писателя, императора Константина Багрянороднаго: «Болгары, говоритъ онъ, стали забирать народъ Сербскій отъ мала до велика и отводить въ Болгарію; иные спасались отъ нихъ бѣгствомъ и уходили къ Хорватамъ и осталась Сербская земля опустѣлою» (924).

Въ порывѣ ревниваго возстановленія порядка въ Сербіи, Симеонъ совершенно забылъ бѣднаго претендента, впрочемъ по той простой причинѣ, что послуживъ ему въ качествѣ приманки сербскихъ главарей въ западню, претендентъ перестаалъ быть полезнымъ болгарскому царю. Опустошивъ всю западную Сербію, Болгары поднялись къ сѣверу, поворотили къ Хорватамъ, но здѣсь потерпѣли неудачу: воевода ихъ Алогобуръ былъ разбитъ на голову, войско болгарское частію разсѣяно, частію истреблено.

Вскорѣ затѣмъ Чеславъ добился княжества, и чтобы порвать всякую номинальную связь съ Болгаріею, добровольно призналъ надъ Сербіею главенство Византіи, которая, пріобрѣтая офиціальное, такъ сказать, право вмѣшательства какъ во внутреннія отношенія сербскихъ главарей, такъ и отношенія ихъ къ Болгаріи, достигла двойнаго результата: *съ одной стороны*, поощреніемъ внутреннихъ смутъ въ сербскихъ земляхъ надолго задержала тамъ политическое объединеніе; *съ другой*—ловкими интригами раздувала ту вражду между Болгарами и Сербами, широкое и прочное основаніе которой положилъ Симеонъ своими завоевательными притязаніями на сербскія земли.

Такимъ образомъ, завоевательное движеніе Симеона на сѣверъ (за

Дунай), на югъ (къ Константинополю) и на западъ (къ Сербо-Хорватамъ), сопровождаемое безъ сомнѣнія нѣсколькими блестящими эпизодами, которые впрочемъ являются спутниками всякой войны, разрѣшилось пустоцвѣтомъ и если имѣетъ какое-либо значеніе въ соціально-политическомъ развитіи Болгаріи, то развѣ отрицательное. Правда, Симеонъ на сѣверѣ и западѣ пріобрѣлъ нѣсколько городовъ съ округами, но насколько они далеки были отъ органическаго присоединенія ихъ къ Болгарскому царству, видно изъ той легкости, съ которою эти пріобрѣтенія отпадаютъ, лишь только на престолъ Болгаріи вступаетъ личность менѣе энергическая. Онѣ, такъ сказать, отваливаются сами собою безъ всякой борьбы.

Между тѣмъ эта безполезная шумиха завоевательныхъ набѣговъ, кромѣ того, что истощила силы народныя и тѣмъ самымъ парализовала правильное здоровое развитіе болгарской національности въ могущественный политическій организмъ,—укрѣпила несчастную вражду между Болгарами и Сербами, которая обезсиливая обѣ стороны, косвенно поддерживала существованіе исторической аномаліи, называвшейся Византійской имперіею, и подготовила почву для турецкаго владычества.

Заканчивая разсказъ о времени Симеона Болгарскаго, остается сказать о двухъ событіяхъ—основаніи патріархата и принятіи болгарскимъ княземъ царскаго титула. То и другое вытекало изъ стремленія Симеона къ установленію полной политической независимости Болгаріи. Какъ княжество, Болгарія могла находиться въ такихъ же вассальныхъ отношеніяхъ, въ какихъ состояли мелкія сербскія владѣнія; между тѣмъ какъ съ понятіемъ о «царствѣ» разрывается всякая политическая зависимость. Необходимыми элементами этой политической независимости являлось учрежденіе болгарскаго патріархата.

На Западѣ, съ зарожденіемъ тамъ политическаго общежитія, установилось понятіе о разграниченіи между государствомъ и церковью; съ теченіемъ времени понятіе это выработалось въ принципъ, сдѣлавшійся господствующимъ въ общественной жизни романо-германскихъ народовъ. Въ дѣйствительности, правда, происходили уклоненія отъ этого принципа въ сторону, то государства, то церкви; являлись попытки со стороны той и другой силы вступаться въ чуждую для нихъ сферу дѣятельности. Бывало, что церковь подчиняла своей власти такія функціи человѣческаго общежитія, которыя ничего общаго не имѣли съ религіозною совѣстью; бывало и наоборотъ, что государственная власть вступалась въ дѣла чисто церковныя. Но все это однакоже съ точки зрѣнія теоріи считалось незаконными захватами, но самаго принципа оно уничтожить не могло[1]). Принципъ этотъ представлялъ собою единственное исклю-

[1]) Гизо, Исторія цивилизаціи въ Европѣ.

ченіе въ Италіи, гдѣ одно лицо представляло собою государство и церковь, гдѣ такимъ образомъ происходило полное сліяніе власти свѣтской и церковной, но въ наше время (1871) и это единственное исключеніе указаннаго принципа перестало существовать.

Не то происходило въ Византіи. Отъ императорскаго Рима она унаслѣдовала противоположный принципъ нераздѣльности церкви и государства, полнаго сліянія этихъ двухъ функцій человѣческаго общежитія При всѣхъ попыткахъ церкви къ обособленію,—византійскіе императоры продолжали считаться верховными главами церкви, христіанскими, такъ сказать, pontifex maximus. Такимъ образомъ верховная власть надъ церковью стала существенною прерогативою свѣтскаго владыки на Востокѣ.

Взглядъ на такое отношеніе церкви къ государству усвоенъ былъ всѣми тѣми народами, которые приняли христіанство отъ Византіи. Всѣ они при зарожденіи у нихъ сознательно твердаго стремленія къ политической независимости, разрывали церковно-іерархическую связь съ Византіею, заводя у себя свой патріархатъ или вообще высшую церковную власть, независимую отъ константинопольскаго патріарха. Хорошій ученикъ византійской школы, Симеонъ долженъ былъ запомнить правило, которому учили сами Греки: «что царство не можетъ быть безъ патріархата» [1]). Симеонъ поступаетъ согласно этому правилу: онъ учреждаетъ у себя патріархатъ въ столичномъ городѣ Преславѣ. Одновременно съ этимъ, Симеонъ принимаетъ царскій титулъ. По традиціи требовалось освященіе этаго титула высшимъ представителемъ церкви; свой патріархъ для такого важнаго событія казался не вполнѣ компетентною духовною властью; константинопольскій патріархъ, по соображеніямъ, исходившимъ отъ императорскаго двора, не соглашался на церковное освященіе этого титула, и вотъ Симеонъ повторяетъ тотъ шагъ, который уже былъ сдѣланъ его отцомъ. Онъ заводитъ сношеніе съ римскою куріею, предлагая признать главенство ея надъ болгарскою церковью, и прося пастырскаго благословенія избранному имъ титулу царя болгарскаго. Въ этомъ обращеніи къ римскому епископу православнаго князя не представляется, вопреки мнѣнію Гильфердинга [1]), ничего страннаго; *вопервыхъ*, отдаленность Рима ручалась за то, что это главенство папы останется лишь номинальнымъ, не принесетъ вреда православію; *вовторыхъ*, въ виду указаннаго выше принципа, господствующаго на Западѣ, отдѣленія церкви отъ государства,— принципа, котораго Симеонъ не могъ не знать, ему нечего было опасаться, что это главенство папы подорветъ политическую самобытность Болгарскаго государства.

Все это оправдали послѣдующія событія.

---

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи правосл. церквей.

[2]) Собраніе сочиненій, т. I.

Принявъ царскій титулъ, Симеонъ устроилъ дворъ свой по образцу византійскому, со сложною іерархіею придворнаго штата, съ ослѣпительною роскошью, о размѣрѣ которой даетъ понятіе Іоаннъ Экзархъ въ своемъ Шестодневѣ. Описавъ богатства дворца и внѣшній великолѣпный видъ его, авторъ предлагаетъ вопросъ воображаемому посѣтителю, что онъ тамъ видѣлъ? На это посѣтитель отвѣчаетъ: «не знаю, какъ передать вамъ обо всемъ видѣнномъ; собственными вашими глазами вы были бы въ состояніи охватить все это великолѣпіе». Для довершенія подаржанія византійскому двору, Симеонъ ввелъ греческій языкъ, который сталъ употребляться во всѣхъ оффиціальныхъ случаяхъ придворной жизни. Не довольствуясь украшеніемъ дворца, онъ захотѣлъ придать своей резиденціи Великому Преславу (римскій Marcianopolis при истокѣ р. Камчика, гдѣ теперь деревня Преслава — турецкій Эски-Стамбулъ [1]) видъ столичнаго города, расширилъ его окружность, украсилъ его большими зданіями. Нѣкоторое понятіе о размѣрахъ этой столицы и городскихъ зданіяхъ даетъ турецкій географъ XVII ст. Хаджи-Халфа, который говоритъ, что судя по развалинамъ и остаткамъ городской стѣны, сохранившейся до сего времени, столица Болгаріи занимала площадь болѣе широкую, нежели Константинополь; жители въ его еще время пользовались для построекъ громадными четыреугольными обтесанными камнями [2]).

Окинувъ общимъ взглядомъ время Симеона, мы видимъ жалкую картину картоннаго блеска, прикрывающаго внутреннюю пустоту и безсиліе; мы видимъ массу сочиненій, посвященныхъ такимъ отвлеченностямъ, которыя не внесли ни малѣйшаго вклада въ сокровищницу духовно-нравственнаго развитія народа, остававшагося при своихъ грубыхъ преданіяхъ, предрасудкахъ и повѣрьяхъ; мы видимъ утонченный лоскъ византійской аристократіи въ сферѣ зажиточныхъ классовъ, и полную отчужденность народа отъ этихъ классовъ; мы видимъ рядъ никому ненужныхъ завоеваній, которыя вызываютъ непримиримую между родственными народами, вражду, доходящую до ненависти; мы видимъ роскошь и блескъ двора, которые «даже трудно передать на словахъ»; мы видимъ столицу Болгаріи столь обширную, что занимаемая ею площадь оказывается больше столицы имперіи, и рядомъ съ этимъ намъ представляется народъ только что обособившійся въ политическій организмъ, съ слабыми еще зачатками экономическаго развитія, народъ, скудные матеріальные ресурсы котораго должны идти на поддержаніе величія царскаго двора.

---

[1]) Jireček, Geschichte der Bulgaren; см. также Kanitz—Donau Bulgarien; Reslus - Geographie Universelle.

[2]) Jireček, Geschichte der Bulgaren.

ГЛАВА VII.

Внутреннія смуты въ Болгаріи.

1. Степень значенія отдѣльныхъ личностей въ ходѣ историческихъ событій. 2. Полугреческое правительство въ Болгаріи. 3. Народная партія обращается къ русскому князю Святославу. 4. Вмѣшательство Святослава во внутреннія дѣла Болгаріи разрѣшается завоеваніемъ имъ этой страны. 5. Іоаннъ Цимисхій освобождаетъ Болгарію отъ Святослава, но подчиняетъ ее Византіи. (927—971).

Общій ходъ исторіи, безъ сомнѣнія менѣе всего обусловливается личнымъ вліяніемъ отдѣльныхъ дѣятелей, какъ бы высоко ни стояли они въ той или другой странѣ; великія событія выростаютъ помимо ихъ воли и нерѣдко вопреки ихъ волѣ же, увлекаютъ ихъ за собою по тому направленію, по которому лично они быть можетъ и не желали идти. Конечно, невооруженному глазу можетъ иногда казаться, что тотъ, или другой дѣятель въ данное время является иниціаторомъ, такъ сказать авторомъ событія, что не будь его, не произошло бы и самаго событія. Такое заблужденіе раждается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятель, вмѣсто того, чтобы противиться теченію времени, слѣдуетъ за нимъ и развитымъ чутьемъ угадавъ его потребности, своею властью облегчаетъ естественное разрѣшеніе требованій времени и такимъ образомъ становится во главѣ совершающагося событія. Въ подобныхъ случаяхъ толпа склоняется видѣть въ такомъ дѣятелѣ творца событія, рукоплеща ему, если это событіе послужило къ благу страны, или охуждая и даже проклиная его, если оно разрѣшилось гибельными послѣдствіями для страны. Но если толпа, увлекаясь миражемъ внѣшняго блеска, или внѣшнихъ уродливостей, уподобляется тѣмъ наѣзжимъ традиціоннымъ ревизорамъ, которые по блеску половъ и чистотѣ постелей расположены составить себѣ самое вѣрное понятіе о состояніи осмотрѣннаго ими учрежденія, то историкъ не долженъ больщаться этою внѣшностью и иниціативою отдѣльныхъ личностей, которая вообще представляется плохимъ ключомъ для объясненія великаго событія. Правда, въ разсказѣ о судьбѣ тѣхъ странъ, гдѣ въ силу особенныхъ національно-этнографическихъ условій выростаетъ высокая могущественная власть отдѣльной личности, имѣющей въ рукахъ своихъ

многоразличныя средства подталкивать или временно задерживать и отклонять съ естественнаго пути событія, необходимо удѣлять извѣстную долю вниманія, такимъ отдѣльнымъ личностямъ, подобно тому, какъ поступили мы, говоря о такъ-называемомъ блестящемъ періодѣ въ исторіи Болгаріи, и останавливаясь при этомъ между прочимъ на отдѣльной личности Симеона, стоявшаго во главѣ событій своего времени. Но уже изъ этого разсказа видно, какъ съ одной стороны ничтожны были, въ смыслѣ національнаго прогресса, результаты дѣятельности Симеона и какъ съ другой стороны этотъ «полугрекъ», при всѣхъ своихъ византійскихъ симпатіяхъ, увлеченный ходомъ событій, завязалъ антиправославныя сношенія съ Римомъ, какъ противовѣсомъ византійскимъ притязаніямъ.

Первый шагъ, сдѣланный наслѣдникомъ Симеона, *Петромъ* (927—668), показываетъ, что онъ желалъ идти по слѣдамъ своего отца въ отношеніяхъ къ Византіи. Подобно своему отцу, онъ вступилъ въ переговоры съ Римомъ и отъ него получилъ освященіе унаслѣдованнаго царскаго титула; за это онъ, съ своей стороны, по требованію папскаго посла Мадальберта, согласился не начинать ссоры съ Хорватами изъ-за пораженій, нанесенныхъ ими Симеону. Страннымъ кажется это примиреніе православныхъ Славянъ, исходящее отъ римскаго престола; страннымъ оно можетъ казаться тѣмъ болѣе, что единовѣрная православнѣйшая Византія въ отношеніяхъ своихъ къ славянскимъ народностямъ дѣйствовала совершенно въ обратномъ смыслѣ, поддерживая и развивая внутреннія смуты между братьями. Странность эта объясняется впрочемъ тѣмъ, что Римъ предпринялъ между Хорватами обширную и энергическую католическую пропаганду и потому считалъ своею обязанностью оберегать ихъ, какъ своихъ будущихъ чадъ, отъ посягательства на ихъ независимость.

На этомъ первомъ шагѣ и прервалось сходство въ образѣ дѣйствій Симеона и Петра. Во всемъ остальномъ онъ становится слѣпымъ орудіемъ византійской политики. Вначалѣ впрочемъ, по поводу столкновенія между Греками и Болгарами въ Македоніи,—греческое войско отправлено было въ эту страну, для подавленія возстанія Болгаръ. Петръ не рѣшился выступить противъ непріятеля съ оружіемъ въ рукахъ и вмѣсто этого тайно послалъ монаха Калокира изъ Армянъ къ императору Роману II (919—963) съ предложеніемъ мира и съ заявленіемъ желанія закрѣпить этотъ миръ родственными узами посредствомъ брака его съ внукою императора Маріею (дочерью императора Христофора).

Романъ съ радостью принялъ это предложеніе; такой родственный союзъ могъ только усилить греческое вліяніе на Болгарію. Тотчасъ же отправились два довѣренныхъ лица къ болгарскому царю съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ императора. Исполнивъ свою миссію, они возвра-

тились въ Константинополь сухимъ путемъ, а за ними вслѣдъ ѣхало уже торжественное посольство: посланъ былъ правитель Болгаріи Сурсубулъ (братъ жены Петра), сопровождаемый родственникомъ болгарскаго царя, Симеономъ, и шестью изъ знатнѣйшихъ бояръ. Послѣ съ уполномоченными императора постановили условія мира и тотчасъ написали въ Болгарію къ Петру, чтобы онъ ѣхалъ въ Константинополь. За Влахернскими воротами встрѣтилъ его Романъ, привѣтствовалъ и обнялъ. Оба государя подписали мирный договоръ и брачное условіе; за тѣмъ 8 октября 927 г. невѣста, въ сопровожденіи патріарха Стефана и всего церковнаго синклита, выѣхала въ загородную церковь Пресвятой Богородицы «у Источниковъ». Тутъ патріархъ благословилъ Петра и Марію и возложилъ на нихъ брачные вѣнцы; вѣнцы держали надъ женихомъ и невѣстою Сургубулъ и Ѳеофанъ [1]). При заключеніи мирныхъ условій Византія оказалась необыкновенно уступчивою въ отношеніи къ Петру Симеоновичу. Она признала за Петромъ титулъ царя, въ которомъ отказывала; въ придворный этикетъ ввели правило, по которому посламъ всѣхъ народовъ предпочитались послы болгарскіе; установила, что отнынѣ въ офиціальныхъ бумагахъ къ государю болгарскому вмѣсто выраженія: «Духовному нашему Чаду и отъ Бога князю», должно писать: «Духовному нашему Чаду, господину, царю болгарскому». Она признала Болгарію самостоятельною въ церковномъ отношеніи; Болгарскій архіепископъ Даміетъ провозглашенъ патріархомъ [1]).

Конечно не родственныя связи вызвали уступчивость, и желаніе прервать всякія отношенія болгарскаго царя съ Римомъ. Достигнувъ этой цѣли, Византія, какъ увидимъ, очень мало затѣмъ придавала значенія своей уступчивости и съ лихвою вознаградила себя за нее, вызвавъ рядъ внутреннихъ смутъ, которыя повели къ разложенію государственнаго организма, выразившемуся пока въ распаденіи его на двѣ самостоятельныя политическія единицы; явились двѣ Болгаріи: восточная и западная.

Въ числѣ причинъ этаго легкаго распаденія Болгарскаго государства на двѣ отдѣльныя части, не послѣднее мѣсто занимаетъ безъ сомнѣнія та завоевательная манія Болгаръ, которая положительно препятствовала прочному и здоровому развитію силъ молодаго государственнаго организма, разбрасывая и непроизводительно тратя эти силы. Въ минуты испытаній обнаруживается полное отсутствіе единства въ этомъ расползавшемся обширномъ государствѣ, многоразличные элементы котораго

---

[1]) Гильфердингъ, Собраніе соч., т. I; Голубинскій — Очеркъ исторіи прав. церкви.

[2]) Раичъ, ч. I.

оказываются вовсе чуждыми другъ другу, не связанными сознаніемъ единства политическаго общежитія. Такова причина раздвоенія Болгаріи. Поводомъ же его были семейныя въ царскомъ родѣ зависть и вражда, вызванныя нарушеніемъ существовавшаго въ Болгаріи обычая престолонаслѣдія. По этому обычаю, престолъ наслѣдовалъ старшій сынъ (или братъ, если не было нисходящихъ мужескаго пола) государя; въ дѣйствительности бывали уклоненія, но онѣ считались всегда весьма важными нарушеніями дѣдовскихъ обычаевъ. Такое нарушеніе допустилъ болгарскій царь Симеонъ. Онъ былъ дважды женатъ. Отъ первой жены, имя которой не сохранилось, Симеонъ имѣлъ трехъ сыновей: Михаила, Іоанна и Баяна, а отъ второй—сестры богатаго болгарскаго воеводы Сурсубула, имѣлъ сына Петра. Несмотря на то, что Петръ былъ младшій изъ сыновей и къ тому же, ко дню смерти Симеона—несовершеннолѣтній, отецъ — подъ вліяніемъ ли болгарской партіи, во главѣ которой стоялъ Сурсубулъ, или по другимъ причинамъ—назначилъ младшаго сына наслѣдникомъ, устранивъ остальныхъ. При дворѣ образовались двѣ партіи: *съ одной стороны*—удаленные братья съ родственниками ихъ матери, *съ другой*—несовершеннолѣтній Петръ съ своимъ опекуномъ Сурсубуломъ. На этотъ разъ Византія, въ силу родственныхъ отношеній, приняла близкое участіе въ домашней распрѣ. Конечно, она приметъ сторону партіи, которая наиболѣе благопріятствовала ея видамъ, которая находилась подъ ея вліяніемъ. Такою именно представлялась болгаро-греческая партія Сурсубула, устроившаго бракъ Петра съ греческою принцессою. Поддерживать эту партію Византія была побуждаема и тѣмъ, что глава ея, Петръ, принадлежалъ къ числу личностей вполнѣ ничтожныхъ и совершенно неспособныхъ идти по слѣдамъ своего отца, который такъ много надѣлалъ хлопотъ Византіи своими завоевательными предпріятіями, хотя и совершенно безполезными для Болгаріи, но принесшими не мало вреда имперіи. Греки чрезвычайно обрадовались смерти Симеона, которой ждали съ нетерпѣніемъ, о чемъ можно судить по тому вниманію, съ какимъ они (даже императоръ) прислушивались къ предсказаніямъ нѣкоего Іоанна о смерти болгарскаго царя [1]). Могли ли Греки допустить теперь, чтобы во главѣ государства опять сталъ человѣкъ энергическій, предпріимчивый, способный самостоятельно относиться къ имперіи и продолжать набѣги, отъ которыхъ такъ много она терпѣла? Конечно, она этого не допуститъ и приметъ подъ свое покровительство личность для нея безвредную, способную подчиняться ея вліянію, т. е. младшаго сына—Петра.

Дѣйствительно никогда греческая партія не имѣла такой силы въ Болгаріи, какъ при Петрѣ, и это совершенно понятно: кромѣ личныхъ

[1]) Engel, Geschichte der Bulgaren.

качествъ царя, этому много способствовалъ необыкновенно сильный наплывъ Грековъ разныхъ классовъ и профессій, явившихся въ Болгарію послѣ бракосочетанія Петра съ греческою царевною; сама она была душой этой партіи и покровительствовала ей. Можно себѣ представить, судя по многочисленнымъ позднѣйшимъ примѣрамъ, что эти пришельцы явились въ Болгаріи не ради платонической преданности къ своей вѣнценосной соотечественницѣ, а ради захвата выгодныхъ, въ смыслѣ денежной наживы, общественныхъ должностей и профессій; можно себѣ представить, сколько долженъ былъ терпѣть народъ отъ хищничества этихъ людей, отличающихся на чужбинѣ необыкновенною солидарностью и составляющихъ тамъ тѣсный и сильный союзъ, несмотря на различие ранговъ.

Народъ еще морально не подавленный,—Болгары должны были возмутиться противъ такого полугреческаго правительства отъ котораго происходило явное разореніе въ странѣ. Какъ организовалась эта народная оппозиція намъ неизвѣстно, но мы знаемъ, что ею воспользовались двое изъ обиженныхъ старшихъ братьевъ Петра, Іоаннъ и Михаилъ. Что же касается третьяго, Бояна, то о немъ разсказываютъ, что онъ всецѣло углубился въ частную жизнь, посвятилъ себя наукѣ, музыкѣ и поэзіи; кромѣ того, по словамъ посла нѣмецкаго императора Оттона I, Ліутпранда, Боянъ такъ изучилъ искуство волшебства, что могъ въ одно мгновенье изъ человѣка обращаться въ волка или дикаго звѣря; по всей вѣроятности объ этомъ же Баянѣ упоминается въ нашемъ «Словѣ о полку Игоревѣ», которое въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «начатися той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню; Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяще пѣснь творити, то растекашеся мыслью по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облака»...

Изъ двухъ братьевъ первый, Іоаннъ, воспользовался народнымъ негодованіемъ противъ полугреческаго правительства; но ошибка его состояла въ томъ, что возстаніе онъ началъ, такъ сказать, на виду правительства, вблизи столицы. Мятежники были схвачены и казнены, Іоаннъ заключенъ въ темницу. Отсюда, при содѣйствіи греческаго монаха, ему удалось спастись и бѣжать въ Константинополь, подъ покровительство императора, не безъ предварительнаго, конечно, ручательства, что личность его тамъ будетъ въ безопасности. Дѣйствительно его тамъ приняли дружелюбно, женили на армянкѣ и держали его какъ возможнаго претендента на болгарскій престолъ, какъ живой поводъ поддержать внутреннюю смуту. Не безъ нѣкотораго остроумія покойный Венелинъ[1]) связываетъ, это возстаніе съ походомъ Игоря на Византію,

[1]) Критическія изслѣдованія, 1842 г.

точно такъ же какъ позднѣйшимъ взрывомъ неудовольствія народной партіи, во главѣ которой сталъ другой братъ Петра, Михаилъ, вызванъ былъ походъ Святослава. Исходя изъ того положенія, что Болгары издавна, еще во время осѣдлости ихъ на сѣверо-восточномъ побережьѣ Чернаго моря, находились въ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Русскими, причемъ возникали между ними войны съ перемѣннымъ счастьемъ, оканчивавшіяся иногда тѣмъ, что Болгары становились данниками Русскихъ, иногда наоборотъ; что посему эти народы, родственные по крови, близко были извѣстны другъ другу; что при такихъ отношеніяхъ желаніе вмѣшаться въ домашнія дѣла представлялось совершенно естественнымъ; что называемое нашимъ лѣтописцемъ Казарское царство, раскинувшееся въ то время по восточной части нынѣшней Молдавіи и Бессарабіи и соприкасавшееся сѣверною своею окраиною съ Кіевскою Русью, есть ничто иное, какъ одно изъ государствъ Болгарскаго царства; что и предшествующіе походы русскихъ витязей и князей — Оскольда и Дира въ половинѣ IX ст. и Олега въ началѣ X в. находятся въ связи съ отношеніями Болгаріи къ Византіи. Венелинъ находитъ совершенно въ порядкѣ вещей, что недовольная партія, во главѣ которой стоялъ Іоаннъ Симеоновичъ, обратилась къ помощи русскаго князя Игоря, который никакихъ иныхъ мотивовъ къ походу на Византію не имѣлъ. Это сопоставленіе было бы весьма правдоподобно, если бы ему не противорѣчила хронологія. Извѣстно, что походъ Игоря на Византію совпадаетъ съ 939—941 г., а между тѣмъ возстаніе народной партіи, во главѣ которой стоялъ Іоаннъ Симеоновичъ, произошло около 929 или 930 года.

Возстаніе это, какъ мы видѣли, окончилось неудачно и самъ глава его бѣжалъ въ Константинополь подъ покровительство императора.

Трудно допустить, чтобы Іоаннъ изъ такого далека и притомъ находясь подъ хорошимъ надзоромъ византійскаго двора и оберегаемый имъ про запасъ, въ качествѣ будущаго претендента на болгарскій престолъ,—въ состояніи былъ завести такія сложныя и для Византіи опасныя сношенія съ русскимъ княземъ: система шпіонства въ Византіи была слишкомъ основательно и тонко развита, чтобы такіе важные переговоры почти плѣннаго князя съ владѣтелемъ такой отдаленной страны, какъ Кіевская Русь, могли укрыться отъ наблюдательнаго взора византійскаго правительства.

Но такъ какъ Кіевская Русь, въ силу издавна установившихся близкихъ отношеній къ Болгарамъ могла небезучастно относиться къ ихъ дѣламъ, то вѣроятнѣе предположить, что походъ Игоря вызванъ былъ помимо личнаго вліянія болгарскаго князя—сношеніемъ недовольной византійскими порядками народной партіи въ Болгаріи съ русскимъ

княземъ и что извѣстный неуспѣхъ этого похода вызвалъ временное паденіе названной партіи.

Потерпѣвъ неудачу здѣсь, вблизи столицы, народная партія нашла себѣ убѣжище въ Македоніи, гдѣ она подняла знамя возстанія, пользуясь естественными твердынями страны; отсюда эта партія, получившая весьма сильную организацію, постепенно охватила и стала господствовать въ западной Болгаріи. Во главѣ македонской партіи сталъ старшій сынъ Симеона—Михаилъ, личность котораго, впрочемъ, исчезала въ этомъ общемъ взрывѣ народнаго движенія противъ деморализованнаго полугреческаго правительства. Послѣднее, кромѣ того, что сдѣлалось смиреннымъ слугою Византіи, оскорбляло національную гордость Болгарскаго народа, еще неприниженнаго тѣмъ, открыло въ страну широкую дорогу для наплыва греческихъ хищниковъ, которые сталкиваясь съ народомъ въ самыхъ жгучихъ матеріяльныхъ интересахъ, должны были вызвать къ себѣ непримиримую ненависть, отразившуюся на виновникахъ ихъ наплыва—правительствѣ съ Петромъ во главѣ.

Въ самомъ началѣ, возстаніе пошло удачно, но вскорѣ, при содѣйствіи Византіи, оно было подавлено.

Правда, не въ интересахъ византійскаго правительства было—подавлять возстанія и всяческія домашнія смуты у сосѣднихъ народовъ; напротивъ, все искусство своихъ политическихъ отношеній къ нимъ она употребляла не разжиганіе этихъ смутъ, которыя казались Византіи лучшимъ союзникомъ въ борьбѣ за существованіе съ поселившимися на Балканскомъ полуостровѣ національностями. Византія на Балканскомъ полуостровѣ играла ту же роль, исполняла ту же миссію, какъ римская курія на Аппенинскомъ полуостровѣ, гдѣ, какъ извѣстно, въ теченіи тысячелѣтія родственныя по крови, единовѣрныя національности не могли слиться въ единый политическій организмъ до тѣхъ поръ, пока римская курія, представляя собою политическую силу, могла непосредственно вліять на взаимныя отношенія размножившихся на полуостровѣ мелкихъ государствъ и республикъ, раздувать между ними вражду, сѣять въ средѣ ихъ внутреннія смуты. Но въ данномъ случаѣ Византія находила выгоднымъ защищать Петра, этого своего любимца, сдѣлавшаго таковымъ въ силу его ничтожности. Весьма вѣроятно, что въ подавленіи возстанія участвовали скорѣе византійскія войска, чѣмъ болгарскія, которыя не бывъ отчуждены отъ народа казарменною, замкнутою жизнью, могли скорѣе примкнуть къ народному возстанію, чѣмъ поддерживать чуждое и для нихъ правительство.

Какъ бы то ни было, возстаніе на этотъ разъ подавлено; «мятежники» покинули отечество, вторглись чрезъ р. Струму (древ. Стримоно) въ греческіе предѣлы и бросились въ западные края Эллады. Живя

тамъ нѣкоторое время грабежомъ, они наконецъ поселились въ Никополѣ (древ. Акціумѣ, у Артскаго залива).

Но разъ начавшись, народное движеніе, временно подавленное, не могло быть такъ легко уничтожено съ корнемъ, и мы увидимъ, что вскорѣ оно возродится съ новою силою и перенесетъ центръ тяжести политической Болгаріи съ востока на западъ и дастъ толчекъ возрожденію здѣсь Болгарскаго государства, а до тѣхъ поръ оно положило начало политическому раздѣленію Болгаріи на двѣ половины: восточную и западную, изъ коихъ первая группировалась около слабаго, деморализованнаго византійскимъ вліяніемъ правительства, а вторая «собиралась» около отдѣльныхъ, выдѣлившихся изъ народа личностей.

Рядомъ съ внутреннимъ раздвоеніемъ Болгаріи, которое облегчило временное обращеніе Болгаріи въ византійскую провинцію, время это, начавшееся съ смертію Симеона, замѣчательно неудачами во внѣшнихъ отношеніяхъ Болгаріи къ сосѣдямъ.

Сербы, отдавшіеся подъ покровительство Византіи при князѣ своемъ Чеславѣ, возвратили себѣ всѣ завоеванныя у нихъ предшественниками Петра земли, и хотя болгарское населеніе, увлеченное предшествующими завоевательными успѣхами, занимало мѣстности, омываемыя рѣками Болгарскою Моравою и верховьями Ибара, но не въ видѣ органической части Болгарскаго государства, а не болѣе, какъ новый этнографическій элементъ въ зарождающемъ княжествѣ Сербскомъ.

Мадьяры, еще не осѣвшіеся въ занятой ими впослѣдствіи странѣ, отвоевали задунайскіе округа Болгарскаго царства и вторглись въ Болгарію, пользуясь внутреннею безурядицею, царившею здѣсь. Очень вѣроятно впрочемъ, что Дунай они переходили не безъ поощренія, или даже приглашенія той или другой недовольной болгарской партіи, подобно тому, какъ походы русскихъ князей вызваны были внутренними смутами. Что сами Болгары, по крайней мѣрѣ въ извѣстной ихъ части, далеко не враждебно относились къ этимъ набѣгамъ, видно изъ тѣхъ внушеній, которыя сдѣлало византійское правительство болгарскому царю, подозрѣвая даже его въ сношеніяхъ съ Мадьярами.

Но конечно подозрительность эта едва ли основательна и можетъ быть объяснена тѣмъ, что византійское правительство, узнавъ о сношеніяхъ Болгаръ съ Мадьярами и не разобравъ въ чемъ дѣло, приписало иниціативу этихъ сношеній болгарскому царю.

Въ упрекахъ императорскаго правительства замѣчательно прежде всего это кажущееся участіе его въ защитѣ Болгаріи, которое стало бы совершенно непонятнымъ, если бы Болгарія, покрайней мѣрѣ въ восточной ея части, фактически не составляла уже византійской провинціи, и царь Петръ не болѣе какъ намѣстникъ византійскаго императора.

Иначе какъ объяснить эту заботливость Византіи о сбереженіи Болгаріи отъ мадьярскихъ набѣговъ. Нельзя допустить опасенія Византіи, что отдѣльные отряды Мадьяръ, завоевавъ Болгарію, могутъ угрожать самой Византіи; времена этихъ хищническихъ прогулокъ дикихъ ордъ по Балканскому полуострову прекратились, путь къ столицѣ имперіи уже не представлялся такимъ безлюднымъ и безпрепятственнымъ, какимъ онъ былъ въ первыя шесть столѣтій существованія имперіи. На пути этомъ стояло Болгарское царство. Замѣчателенъ и тотъ взглядъ, который самъ Петръ имѣлъ на свое отношеніе къ Византіи. Онъ находитъ нужнымъ давать объясненія Византіи на сдѣланные ею запросы, онъ снисходитъ до оправданія себя во взводимыхъ на него нарѣканіяхъ, увѣряя византійское правительство, что не имѣя помощи со стороны послѣдняго, онъ не въ силахъ былъ остановить мадьярскихъ нашествій, и чтобы положить имъ конецъ, вынужденъ былъ заключить миръ съ Мадьярами [1]). Въ этихъ словахъ слышится не глава самостоятельнаго государства, а жалкая тѣнь ея, или въ сущности чиновникъ византійской имперіи, чувствующій себя провинившимся передъ своимъ начальствомъ.

Очевидно Болгарское государство находилось наканунѣ своего паденія. Необходимъ былъ только толчекъ, чтобы оно совершилось, и этотъ толчекъ данъ былъ нашествіемъ русскаго князя Святослава, которое облегчило полное завоеваніе Болгаріи Византіею.

Походъ Святослава совпадаетъ съ 968—971 г. и вызванъ былъ желаніемъ воспользоваться господствовавшими въ Болгаріи внутренними смутами [2]), которыя наполняютъ собою все время Петра (927—969); царь Болгарскій, въ ослѣпленіи своемъ совершенно не желая вникать въ событія, происходившія вокругъ него и снизойти до объясненія себѣ причинъ народнаго негодованія, продолжалъ быть жалкимъ угодникомъ византійскаго правительства и, что наиболѣе приводило въ отчаяніе истинныхъ болгарскихъ патріотовъ,—изъ сыновей своихъ Романа и Бориса готовилъ подобныхъ же дѣятелей. Подъ вліяніемъ своей жены, гречанки, Петръ отправилъ ихъ для воспитанія и образованія въ столицу имперіи. Преподанные имъ здѣсь уроки не прошли безслѣдно: по образу мыслей и языку, по внѣшнимъ пріемамъ они сдѣлались истыми Греками; и такіе то люди предназначались занять болгарскій престолъ.

Патріоты болгарскіе не могли допустить наступленіе такого событія, которое безповоротно предало бы ихъ страну въ руки Византіи. Они

---

[1]) Engel—Geschichte der Bulgaren.

[2]) Ср. мнѣніе г. Дринова въ IV гл. его сочиненія: Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ.

лучше обратятся для защиты народнаго дѣла къ русскому князю [1]) подобно тому, какъ они обращались прежде не только къ русскому князю но и къ Мадьярамъ, противъ византійскихъ козней! Господствующее мнѣніе [2]) о томъ, что самъ императоръ византійскій, чрезъ посла своего Калокира, пригласилъ русскаго князя Святослава, совершенно не вяжется съ характеромъ отношеній болгарскаго царя къ Византіи. Отношенія эти были не таковы, чтобы Византіи могла угрожать хотя малѣйшая опасность со стороны болгарскаго царя, который, какъ мы видѣли, былъ ничѣмъ инымъ, какъ намѣстникомъ византійскаго императора.

Болгарія въ то время, т. е. около 968 г., раздираемая внутренними смутами, была настолько обезсилена, что всякое движеніе ея противъ Византіи могло быть подавлено собственными ресурсами послѣдней и нечего, поэтому, было прибѣгать къ иноземной помощи, которая, какъ всякое чуждое вмѣшательство, могла оказаться весьма обоюдо-острою. Со стороны вступавшаго, въ этотъ періодъ времени, на византійскій престолъ новаго императора Никифора Ѳоки (963—969), храбраго солдата. который, въ качествѣ командующаго восточною арміею, одержалъ рядъ блистательныхъ побѣдъ надъ Аравитянами, отвоевалъ у нихъ сдѣланные ими захваты и затѣмъ, при содѣйствіи преданной ему арміи, занялъ императорскій престолъ,—въ особенности трудно было ожидать такого трусливаго малодушія, какъ обращеніе къ помощи русскаго князя и противъ кого же?—противъ жалкаго оружія византійской политики. Петра съ его деморализованнымъ полугреческимъ правительствомъ!..

Все это недоразумѣніе объ отношеніяхъ Византіи къ русскому князю Святославу вызвано разсказомъ о посольствѣ Калокира къ Святославу, отправленнаго незадолго до похода послѣдняго въ Болгарію. Это посольство могло имѣть связь съ событіями, происходившими тогда въ Болгаріи, но нѣтъ положительныхъ основаній утверждать, чтобы цѣль его заключалась въ приглашеніи русскаго князя на помощь къ кому же? къ той самой Византіи, съ которою Кіевская Русь постоянно враждовала и не разъ вела съ нею войны. Мы думаемъ, такой цѣли Византія не могла имѣть, а скорѣе, напротивъ, этимъ посольствомъ и богатыми дарами, которые Калокиръ повезъ Россію, Византія думала поразвѣдать объ отношеніяхъ русскаго князя къ происходящей въ Болгаріи борьбѣ правительственной, т. е. полугреческой партіи съ народнымъ движеніемъ и,—если удастся,—устранить участіе русскаго князя въ этихъ внутреннихъ событіяхъ, которыми исключительно сама Византія желала управлять.

[1]) Венелинъ, Критическія изслѣдованія.

[2]) Гильфердингъ, Собр. Соч. т. I; Jireček, Geschichte der Bulgaren; Кристовичъ—Исторія Болгаріи и мн. др.

Мы не знаемъ, что отвѣтилъ Святославъ послу Никифора, но извѣстно, что вскорѣ затѣмъ, въ 967 г., онъ предпринялъ походъ за Дунай съ небольшой дружиной. У устья Дуная, въ августѣ 967 г., Русскіе перешли въ Болгарію; встрѣтившее ихъ болгарское войско было «взято на мечи», разбито и разогнано. Желая оградить дальнѣйшее движеніе свое съ тыла, Русскіе наступали на Доростолъ (Силистрія), взяли эту крѣпость приступомъ и навели этимъ такой страхъ на Петра, что тотъ вскорѣ умеръ отъ удара. Успѣхъ Русскихъ слѣдуетъ за успѣхомъ. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ падаетъ передъ русскимъ княземъ 80 городовъ вмѣстѣ со всею сѣверною Болгаріею. Укрѣпленный городъ Переяславъ на Дунаѣ (вѣроятно нынѣшній Рущукъ) становится столицею завоеванной страны. Здѣсь Святославъ проводитъ зиму, отсюда онъ предпринимаетъ опустошительные набѣги на страну, воспоминанія о которыхъ удержалъ переводчикъ одной византійской хроники въ двухъ картинахъ: на одной скачутъ всадники, покрытые щитами и кольчугами, съ длинными копьями, иные съ лукомъ и стрѣлами; передъ ними бѣгущіе, одинъ отстрѣливается, вокругъ мертвыя тѣла, отрубленныя головы; на другой картинѣ тѣ же всадники въ кольчугахъ гонятъ стадо быковъ и барановъ, въ которыхъ авторъ картины желалъ представить плѣнныхъ Болгаръ.

Дѣйствуя такимъ образомъ Святославъ не могъ удержать расположеніе къ себѣ, даже призвавшей его народной партіи, и по всей вѣроятности, съ незначительною дружиною не сдобровать бы ему. Но кіевскія дѣла заставили его поспѣшить оставить Болгарію. Прибывъ въ Кіевъ, погоревавъ объ опасности, угрожавшей этому городу со стороны Печенѣговъ, онъ вскорѣ (969 г.), собравъ войско, пошелъ обратно въ Болгарію. Полюбилась ему эта страна, богато надѣленная природою, средоточіе Запада и Востока, куда, по замѣчанію русскаго князя, стекались товары со всѣхъ концовъ міра.

Не внутреннія смуты призываютъ его на этотъ разъ въ Болгарію, а болѣе положительная цѣль—удержать за собою эту страну, которая ему такъ легко далась. Нужно было опять брать Переяславъ. «И вышли Болгары на сѣчу противъ Святослава, говоритъ лѣтописецъ, и была сѣча великая и одолѣвали Болгары, и сказалъ Святославъ воинамъ своимъ: ужъ намъ здѣсь пасть, потянемъ мужески братья и дружина! И къ вечеру одолѣлъ Святославъ и взялъ городъ копьемъ». Въ числѣ плѣнныхъ оказались сыновья умершаго между тѣмъ Петра, Борисъ и Романъ, которые при жизни отца находились въ Константинополѣ.

Быстро и побѣдосно прошелъ онъ всю Дунайскую Болгарію, взялъ столицу царскую Великій Преславъ и въ 970 г. перешелъ Балканы. Насколько расшатано было это могущественное царство Симеона, видно

изъ того, что на длинномъ пути своемъ отъ Преслава и до Филиппополя русскій князь не встрѣтилъ никакого сопротивленія; ни о какихъ сѣчахъ, по крайней мѣрѣ, не упоминается. Только Филиппополь оказалъ сопротивленіе; но за то, взявъ этотъ городъ, онъ жестоко отплатилъ ему за упорство, велѣлъ посадить на колъ 20,000 человѣкъ, какъ разсказываетъ Левъ Діаконъ. Паденіе Филиппополя съ завоеваніемъ всей Дунайской Болгаріи не удовлетворило русскаго князя. Въ упоеніи удачъ, онъ пошелъ дальше на югъ, угрожая столицѣ имперіи. Но на пути къ столицѣ встрѣтилъ достойнаго себѣ противника, въ лицѣ императора Іоанна Цимисхія (969—976), одного изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ своего времени.

Организуя обширную армію и снаряжая флотъ, Цимисхій, для преграждения дальнѣйшаго пути русскому князю, послалъ полководца своего Варду съ сильнымъ отрядомъ. Сѣча произошла подъ Адріанополемъ въ концѣ 970 г. Если вѣрить византійскимъ хроникамъ, то Греки одержали полную побѣду, по Нестору же побѣдилъ Святославъ. Достовѣрно. впрочемъ, извѣстно только то, что Святославъ отошелъ обратно, считая опаснымъ дальнѣйшее движеніе къ югу. На пути своемъ «вѐси и грады разбивая», войско Святослава, состоявшее кромѣ русскихъ изъ Болгаръ, Мадъяръ и Печенѣговъ, раздѣлилось на двѣ части: одна пошла на подкрѣпленіе гарнизона, оставленнаго въ Великомъ Преславѣ, а другая, вмѣстѣ съ княземъ, на Дунай, гдѣ князь проводилъ зиму 970 г., то въ Доростолѣ, то въ Переяславцѣ.

Между тѣмъ Цимисхій готовилъ рѣшительный ударъ счастливому завоевателю Болгаріи. Собралъ 15,000 чел. лучшей пѣхоты и 13,000 чел. конницы; позади этой арміи шелъ резервъ съ припасами. Къ удивленію Цимисхія, Балканскіе проходы оказались незащищенными, и потому, безъ малѣйшаго препятствія со стороны непріятеля, византійская армія вступила въ Болгарію. Чтобы привлечь къ себѣ расположеніе народа, Цимисхій объявилъ, что онъ пришелъ не покорить, а освободить Болгаръ. Болгары же ему друзья, а воюетъ онъ только съ Русскими. Какъ часто повторяются эти слова! Сколько завоевателей, прогуливавшихся по Балканскому полуострову, сулили свободу и счастіе народамъ Балканскаго полуострова и въ то же время, опустошали ихъ поля, сожигали деревни, уничтожая въ нѣсколько мѣсяцевъ результаты его многолѣтняго труда и унося тысячу жизней лучшихъ сыновъ народовъ! Какая горькая иронія сказывается при сопоставленіи этого знамени свободы и счастія съ конечными результатами этой чужеземной заботливости о народахъ! Какъ бы то ни было, но Болгары повѣрили и усилили собою византійское войско. Великій Преславъ палъ, взятый штурмомъ; горсть Русскихъ, запершись въ царскомъ дворцѣ, долгое время отбивалась отъ

превосходящаго числомъ непріятеля. Но въ заключеніе и она пала. Взявъ съ собою запертыхъ здѣсь въ качествѣ плѣнниковъ болгарскихъ царевичей Бориса и Романа, Цимисхій пошелъ къ Дунаю и осадилъ Доростолъ, причемъ всѣ встрѣчавшіеся на пути города передавались ему безъ сопротивленія.

Въ Доростолѣ предстояло жаркое дѣло. Между тѣмъ положеніе Святослава становилось критическимъ. Печенѣги и Мадъяры его оставили, частью удалившись за Дунай, частію разсыпавшись, по наименѣе защищеннымъ мѣстностямъ Болгаріи и Византіи; на Болгаръ также нельзя было расчитывать: въ виду успѣха Цимисхія, они стали предаваться ему. Святославъ, видя это, велѣлъ убить знатнѣйшихъ Болгаръ, а все прочее населеніе связалъ и заключилъ въ темницы. Послѣ продолжительнаго и ожесточеннаго, но нерѣшительнаго боя, Цимисхій съ радостью принялъ предложеніе Святослава о мирѣ, съ условіемъ, что Русскіе отдадутъ Доростолъ, освободятъ плѣнныхъ и возвратятся на родину. Какъ извѣстно, на пути своемъ въ Кіевъ русскій князь погибъ въ битвѣ съ Печенѣгами.

Освободившись отъ русскаго князя, Цимисхій докончилъ провозглашенное имъ «освобожденіе Болгаръ»: всюду въ укрѣпленныхъ городахъ оставилъ сильные гарнизоны, области подчинилъ своимъ правителямъ, упразднилъ болгарскій патріархатъ, изгналъ изъ Доростоля патріарха Даміана; болгарскихъ царевичей Бориса и Романа, въ видѣ почетнѣйшихъ трофеевъ, взялъ съ собою и предшествуемый золотою колесницею, на которой поставлена была икона Богоматери, Цимисхій вступилъ въ столицу, встрѣчаемый восторженными криками народа, поднесшаго ему драгоцѣнные вѣнки и жезлы. И было отчего ликовать: Болгарія,—гроза имперіи въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій,—обращена въ византійскую провинцію.

Такъ разрѣшились отношенія: *русскаго князя*, вступившаго въ Болгарію для освобожденія ея отъ Византіи и кончившаго завоеваніемъ этой страны для себя, и *византійскаго императора*, объявившаго, что пришелъ онъ порадѣть Болгарскому народу, освободить его отъ Русскихъ и завершившаго это освобожденіе полнымъ подчиненіемъ Болгаріи—Византіи.

Какъ кстати народъ Болгарскій, извѣдавшій на своихъ плечахъ послѣдствія этихъ дружелюбныхъ отношеній, могъ-бы затвердить на память своимъ сынамъ, чтобы они помнили слова поэта, когда онъ говоритъ: Timeo Donaos et dona ferentes...

ГЛАВА VIII.

Политическій центръ Болгаріи переносится на западъ въ Македонію.

1. Византійское хищничество вызываетъ народное движеніе въ горахъ Македоніи. 2. Временное возстановленіе Болгарскаго царства съ Самуиломъ во главѣ. 3. Войны между Болгарами и Греками (981—1014). 4. Набѣги Болгаръ на Адріатическое побережье и Сербскія земли. 5. Византійскій императоръ Василій II Болгаробойца подчиняетъ своей власти всѣ славянскія земли Балканскаго полуострова. 6. Болгарія въ періодъ византійскаго владычества (1019—1186 гг.). 7. Отношеніе церковныхъ границъ Болгаріи къ государственнымъ.

Обращенная въ византійскую провинцію, Болгарія очень скоро стала жертвою византійскаго хищничества; въ страну нахлынули цѣлыя полчища чиновниковъ, въ качествѣ правителей областей съ ихъ многочисленнымъ штатомъ, въ качествѣ миріады мелкихъ должностныхъ лицъ; точно также и духовныя должности замѣщены были Греками. Византійское правительство поняло, что одними гарнизонами нельзя закрѣпить за собою только-что завоеванную страну и потому озаботилось наводнить страну миссіонерами византійскими. Къ счастію для страны, эти миссіонеры являлись пока слишкомъ усердными ревнителями пользы своихъ личныхъ интересовъ, чтобы съ успѣхомъ выполнить возложенную на нихъ задачу подавленія національнаго самосознанія; они слишкомъ грубо вторглись въ духовный міръ народа, чтобы переработать его по византійской программѣ и помирить его съ византійскимъ игомъ.

Подавленный политически, но не нравственно, народъ Болгарскій заключалъ въ себѣ еще слишкомъ много живучести, чтобы успокоиться отупѣлою мыслью безполезности неравной борьбы. Анти-византійское движеніе, начавшееся въ народѣ съ первыхъ лѣтъ правленія Петра Симеоновича, постепенно распространялось и организовалось; взрывъ его долженъ былъ произойти и независимо отъ завоеванія страны Византіею; завоеваніе это послужило лишь толчкомъ, ускорившимъ взрывъ. Византійское иго, теперь формально, такъ сказать, установившееся, давно уже вызывало противъ себя народное негодованіе, которое перешло на

Петра съ его представителями. Сыновья Петра, воспитанные въ столицѣ имперіи, не знали, или, по неразумію своему, не придавали значенія народному броженію.

Убѣжавъ тайно изъ Константинополя, они прибыли въ Болгарію, въ предположеніи, что народъ сгрупируется вокругъ нихъ. Но оказалось, что народъ ихъ не желалъ знать и попытка ихъ стать во главѣ движенія оказалась неуспѣшною. Бориса убили, а Романа не признали достойнымъ занять болгарскій престолъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ былъ оскопленъ.

Домъ Аспаруха на всегда сошелъ со сцены съ этими двумя послѣдними его представителями.

Движеніе народное, охвативъ собою всю Болгарію, нашло болѣе благопріятныя условія для своего развитія въ западной, нагорной части Болгаріи — Македоніи [1]), гдѣ византійская власть поддерживалась весьма слабыми гарнизонами, между тѣмъ какъ восточная половина охранялась такъ-называемымъ четырехугольникомъ, который уже въ то время считался оплотомъ всей страны между Дунаемъ, Балканами, Чернымъ морємъ и р. Ломомъ. Четыреугольникъ этотъ, какъ извѣстно, образуется крѣпостями Рущукомъ, Силистріею, Шумлою и Варною.

Зародившись тамъ, гдѣ наиболѣе представлялось причинъ недовольства существующимъ порядкамъ, гдѣ тяжесть византійскаго гнета непосредственнѣе и слѣдовательно больнѣе обрушивалась на народъ, т. е. въ восточной половинѣ Болгаріи,—движеніе народное получило полное своего развитіе въ Македоніи.

Здѣсь во главѣ его сталъ нѣкто Шишманъ [2]), который выйдя изъ среды народа съумѣлъ, подобно Карагеоргію и Милошу Обреновичу, своею вѣрою въ успѣхъ дѣла, своею неутомимою дѣятельностью, своею ненавистью къ византизму наэлектризовать толпу для борьбы съ Византіей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, организовать ее, подчинить своей волѣ, и вотъ, когда борьба изъ тайной превратилась въ открытую, Шишманъ былъ избранъ верховнымъ главою народа, даже царемъ, но пока конечно безъ традиціонаго освященія этого титула, о чемъ не время было тогда заботиться.

Пять лѣтъ со времени покоренія Болгаріи Цимисхіемъ (971) страна эта считалась византійскою провинціею de jure; но уже въ исходѣ этого пятилѣтія, западная, нагорная половина ея de facto стала неза-

---

[1]) Раичъ, ч. I.

[2]) По мнѣнію Гильфердинга (Собр. соч. т. I) и Jireček'a (Geschichte der Bulg.) Шишманъ родомъ изъ Тырнова. Съ этимъ мнѣніемъ не соглашается г. Дриновъ (Южные Славяне и Византія въ X в.), который говоритъ, что въ X в. и Тырново вовсе не существовало.

висимою; управленіе ею переходитъ въ энергическія, искусныя руки человѣка съ желѣзною волею, строго опредѣленнымъ стремленіемъ, ради осуществленія котораго онъ, подобно верховному вождю перваго возстанія народа Сербскаго Карагеоргію, пожертвовалъ своимъ отцемъ и братомъ. Это былъ Самуилъ (976—1014). Отецъ его Шишманъ, о которомъ мы говорили, имѣлъ четырехъ сыновей: Давида, Моисея, Арона и Самуила. Изъ четырехъ уцѣлѣлъ только послѣдній, остальные погибли насильственной смертью. Давида убили Влахи, недалеко отъ Преспы. Моисей былъ убитъ при осадѣ г. Сереса, Аронъ же убитъ по приказанію Самуила—затѣмъ лишь, чтобы устанить конкурента на власть. могущаго вызвать внутреннія смуты (къ такой мѣрѣ предосторожности прибѣгали византійскіе цезари и ихъ мусульманскіе преемники султаны турецкіе), или же потому, что Аронъ былъ заподозрѣнъ въ греческихъ симпатіяхъ; по всей вѣроятности, и отца своего онъ считалъ препятствіемъ на пути политическаго возрожденія страны. Сохранился разсказъ одного изъ родичей Симеона, Пинчія, который между прочимъ говоритъ что [1]): «Самуилъ ослѣпилъ своего отца, а нашего дядю, благочестиваго христолюбиваго государя Шишмана. Посему онъ изгналъ насъ братьевъ и сродниковъ своихъ изъ отечества нашего, земли Болгарской, изъ града Тырнова и возвеличилъ людей лживыхъ и злодѣевъ. Отецъ же его, будучи слѣпъ, укорялъ его въ томъ, что онъ изгналъ насъ, а онъ удалилъ его и остался подъ отцовскимъ проклятіемъ».

Покончивши съ дѣйствительными или кажущимися помѣхами, Самуилъ повелъ съ собой преданный ему народъ западной Болгаріи. Съ замѣчательнымъ постоянствомъ слѣдовали завоевательные успѣхи одинъ за другимъ; въ нѣсколько лѣтъ онъ покорилъ всю Македонію, перешелъ къ сѣверу за Балканы и здѣсь овладѣлъ твердынею сѣверо-западной Болгаріи—Софіею. За нею подчинилась Самуилу вся область съ городами: Лесковецемъ, Нишемъ, Митровацемъ, Приштиномъ, Призреномъ. Кеприлемъ, Охридой. По мѣрѣ завоеваній измѣнялась столица возраждающагося государства: сначала она была въ Приштинѣ, потомъ въ Софіи, Охридѣ и Преспѣ, которая сдѣлалась послѣднею резиденціею Самуила [2]). Покоривъ области въ смѣжности Македоніи, Самуилъ ударилъ на югъ и западъ къ Адріатическому побережью—завоевалъ Ѳессалію. проникъ въ Пелопонезъ, утвердился въ западной Албаніи, гдѣ овладѣлъ городомъ Дураццо (Драчъ). Онъ пронесся съ ними (т. е. съ Болгарами), говоритъ Ѳеофанъ, по всему Западу, простирая свои набѣги не только во Ѳракію и Македонію и на окрестности Солуня, но проникая даже въ Ѳесса-

[1]) У Гильфердинга въ Собр. сочин. т. I.

[2]) Голубинскій, Очеркъ исторіи правосл. церквей.

лію, Элладу и Пелопонезъ; здѣсь онъ овладѣлъ многими крѣпостями, изъ коихъ важнѣйшая была Лариса. Жителей ея онъ со всѣмъ домомъ переселилъ въ Болгарію и включивъ въ списки своихъ войскъ, употребилъ ихъ въ походахъ противъ Грековъ.

Очевидно онъ далъ иное направленіе своимъ завоеваніямъ, чѣмъ предшественники его. Тѣ стремились къ Константинополю, къ Босфору; Самуилъ ведетъ своихъ Болгаръ въ Элладу, къ Архипелагу и Адріатикѣ; тѣ имѣли опору въ восточныхъ отрогахъ Балкановъ и на Черноморскомъ побережьѣ,—Самуилъ создалъ центръ тяжести своего государства въ отрогахъ Родопа, стремясь господствовать надъ Адріатическомъ побережьемъ. Если нашествія прежняго восточнаго царства Болгарскаго на столицу имперіи представляли собою весьма важную политическую ошибку руководящихъ людей Болгарскаго народа, непроизводительно разбрасывая его силы, мѣшая ему «собраться» въ прочный политическій организмъ и тормозя его внутреннее развитіе: то не болѣе разумными слѣдуетъ считать набѣги Самуила на югъ и западъ Балканскаго полуострова, гдѣ Болгарамъ пришлось встрѣчать, кромѣ греческихъ гарнизоновъ, враждебныя населенія греческія и албанскія. Не молодому, только что ставшему на ноги государству выдержать конкуренцію съ народностями, изъ коихъ одна, по степени культурнаго и соціальнаго развитія, стояла неизмѣримо выше Болгаръ, а другія (албанскія), кромѣ дикой воинственности и беззавѣтной храбрости, находили себѣ защитника въ неприступности занимаемой ими мѣстности. Благодаря слабости гарнизоновъ и отдаленности набѣговъ, Самуилъ могъ захватить съ десятокъ городовъ, могъ проникать въ Пелопонезъ, но закрѣпить за собою эти пріобрѣтенія, органически слить ихъ съ Болгарскимъ государствомъ, при тѣхъ скудныхъ ресурсахъ, которыми обладало послѣднее, должно было и тогда уже казаться задачею неисполнимою, почти химерою; и тогда уже уму трезвому легко было предвидѣть, что вся эта шумиха завоеваній должна была разрѣшиться пустоцвѣтомъ.

Но въ томъ-то и роковая судьба Болгарскаго народа, что онъ въ лицѣ своихъ представителей проявлялъ неразумную наклонность «расползаться», вмѣсто того, чтобы концентрировать свои силы; стремился захватить какъ можно больше территоріи, не сообразуясь со средствами удержать ихъ. Послѣдствіемъ этого вышло лишь то, что Болгары въ теченіи вѣковъ разбросались по всему Балканскому полуострову и положили начало запутанному вопросу о границахъ Болгаріи. Если послушать болгарскихъ патріотовъ, то кромѣ такъ-называемой Болгаріи Дунайской,—между рр. Тимокомъ, Болгарскою Моравою, Чернымъ моремъ, Дунаемъ и Балканами,—нынѣшняя Румынія, Эпиръ, Ѳессалія, такъ называемая Старая Сербія съ Коссовымъ полемъ, восточная окраина нынѣш-

ней Сербіи — все это въ сущности ничто иное, какъ Болгарія, потому что когда-то Болгары тамъ поселились, увлеченные потокомъ мимолетныхъ завоеваній.

Какъ-бы неразумны и непрочны ни были завоеванія Самуила, но сопровождаемыя разореніемъ странъ и ихъ обезлюденіемъ,—такъ какъ, по обычаю византійскихъ войнъ, не только побѣжденному непріятелю не оказывалось пощады, но и мирнымъ жителямъ завоеванныхъ городовъ и областей,—не могли не произвести глубокаго впечатлѣнія на византійское правительство; дѣло шло объ опустошеніи и захватѣ лучшихъ ея провинцій—Өессаліи и Эллады.

Только въ 981 году Византія собралась вступить въ бой съ Самуиломъ. До тѣхъ поръ силы ея отвлечены были войнами на востокѣ съ Аравитянами и на сѣверѣ съ русскимъ княземъ Владиміромъ. Кромѣ того, много хлопотъ доставило возстаніе одного изъ полководцевъ византійскихъ, Вардаса, который, по примѣру бывшихъ претендентовъ, вздумалъ при содѣйствіи войска добыть себѣ императорскій престолъ.

Освободившись отъ войнъ на востокѣ и сѣверѣ и покончивъ съ внутренними смутами, молодой императоръ Василій II (976—1025) могъ приступить къ осуществленію завѣтной мысли, унаслѣдованной имъ отъ Константина Копронима, т. е. къ уничтоженію не только политическаго, но и этнографическаго значенія Болгарскаго народа на Балканскомъ полуостровѣ. Начались истребительныя и продолжительныя войны, которыя запечатлѣны замѣчательною настойчивостью разсѣять и обезсилить въ конецъ этотъ безпокойный для Византіи народъ. Въ 981 г. Василій II открылъ войну съ Болгарами. Это была первая война въ его правленіе.

Войска византійскія двинулись на Софію, какъ важнѣйшій и укрѣпленный пунктъ западной Болгаріи. Болгары дали арміи возможность миновать Ихтиманскій проходъ въ Балканахъ. Василій съ сильнѣйшимъ отрядомъ этой арміи былъ недалеко отъ Софіи. На пути случилось то, что на Балканскомъ полуостровѣ часто повторялось: византійское войско, дурно предводимое, зашло въ одну изъ тѣхъ котловинъ, окруженныхъ скалистыми горами, выходъ откуда долженъ былъ стоить страшной потери людей. Съ окружающихъ высотъ Болгары набросились на греческое войско; почти все оно было истреблено; богатый лагерь достался въ руки Болгаръ; самъ императоръ едва спасся, убѣжавъ въ Филиппополь; остальная часть войска, неуспѣвшая еще прибыть къ Ихтиману, при извѣстіи о страшномъ ихтиманскомъ погромѣ и бѣгствѣ императора, поворотила назадъ. Такимъ образомъ, первую войну съ Византіею, продолжавшуюся всего нѣсколько мѣсяцевъ, Болгары вынесли побѣдоносно.

Послѣ того, почти до 996 года, Самуилъ хозяйничалъ на всемъ западѣ Балканскаго полуострова: сѣверная и южная Албанія, южная Далмація перешли въ руки Самуила, конечно въ томъ ограниченномъ смыслѣ (захватовъ отдѣльныхъ городовъ), въ какомъ слѣдуетъ понимать всѣ болгарскія завоеванія.

Византія въ этотъ періодъ времени предпринимала, правда, отдѣльныя попытки остановить успѣхъ Самуила, но только-что подавленное возстаніе Вардаса замѣнилось новымъ возстаніемъ нѣкоего Ѳоки. Нужно было справиться съ этими внутренними смутами, прежде чѣмъ предпринять большую войну съ Самуиломъ Болгарскимъ.

Между тѣмъ Самуилъ, не довольствуясь пріобрѣтеніемъ греческихъ и албанскихъ земель, вступилъ во владѣнія Сербскаго народа, пользуясь политическою разрозненностью его, взаимнымъ недовѣріемъ и враждою мелкихъ князьковъ или жупановъ въ той странѣ. Изъ отдѣльныхъ владѣній въ юго-западныхъ земляхъ Сербскаго народа къ X ст. выдѣлились Діоклея, Захлумія (Захолмія) и Травунія. Ими правили потомки великаго жупана Предиміра, изъ коихъ Владиміръ жупанствовалъ въ Подгоріи. Путемъ предательства, которое было такъ легко найдти въ средѣ враждовавшихъ между собою славянскихъ князьковъ, Самуилъ завладѣлъ Діоклеею, разорилъ эту страну, а жупана ея схватилъ, заполонилъ и отослалъ въ заточеніе въ страну Охридскую. Послѣ занятія Діоклеи, Самуилъ напалъ на Рагузу (Дубровникъ), весьма важный торговый пунктъ на Адріатическомъ побережьѣ и главный городъ Далмаціи, который нѣсколько разъ съ успѣхомъ (наприм. 867 г.) отражалъ нападенія Арабовъ. Имѣя многочисленный флотъ, Дубровникъ, обнесенный крѣпкою и высокою стѣною съ сухого пути, считался оплотомъ Далмаціи. Понятно, что овладѣнію послѣднею должно было предшествовать взятіе этого укрѣпленнаго города. Но для взятія такого укрѣпленнаго города необходимы были хорошія осадныя средства, а ими Самуилъ не располагалъ: для правильной-же и продолжительной осады у него не хватало выдержки, да къ тому же городъ, открытый со стороны моря, слѣдовательно находящійся въ полной возможности, посредствомъ своего флота, снабжать себя продовольствіемъ, нельзя было запереть и заставить сдаться голодомъ [1]). Поэтому нельзя допустить, чтобы Самуилъ, при малѣйшемъ даже знаніи военнаго дѣла, могъ серьезно имѣть мысль о завоеваніи Дубровника. Мы готовы, по этому поводу, еще разъ повторить, что чрезъ всѣ войны Болгаріи, какъ съ Византіею, такъ и съ Сербами, проходитъ одна и та же черта, которая сгубила

---

[1]) Майковъ, Исторія сербскаго языка въ связи съ исторіею народа. Изданіе 1857 г.

Болгарское царство, не давъ ему времени «собраться» и внутренне усилиться. Черта эта заключается въ стремленіи къ захватамъ, къ временнымъ, эфемернымъ успѣхамъ, которые повели лишь къ тому, что Болгарія потеряла государственную устойчивость и «расползлась» по всему Балканскому полуострову; съ другой стороны черта эта повела къ тому, что поддерживала и развивала вражду между Болгарами и родственными имъ Сербо-Хорватами. Войны Самуила Болгарскаго отличались наибольшею жестокостью; кровавые слѣды и развалины отмѣчали пути, пройденные его войсками. То же было и съ походомъ его въ Далмацію, судя по тѣмъ отрывочнымъ фактамъ, которые записаны въ дубровницкихъ хроникахъ; послѣднія считаютъ походъ Самуила однимъ изъ ужаснѣйшихъ нашествій, какія когда либо испытывалъ этотъ городъ. Подойдя къ Дубровнику, Самуилъ выжегъ городскія предмѣстья и всѣ окрестныя селенія; весь край этотъ обезлюдѣлъ—говоритъ діаклейскій лѣтописецъ XIII ст.

Наложивъ на этотъ край печать своихъ завоевательныхъ подвиговъ, Самуилъ на обратномъ пути прошелъ чрезъ южную Сербію, завоевалъ Расу или, вѣрнѣе сказать, взялъ съ тамошняго жупана богатый выкупъ, такъ какъ ничего неизвѣстно о томъ, чтобы Самуилъ оставилъ тамъ своего правителя; такъ же онъ поступилъ и съ другими городами, ограничиваясь денежнымъ выкупомъ или грабежомъ; задача политическаго объединенія не входила въ программу завоевательной дѣятельности болгарскаго царя.

Между тѣмъ Византія собралась съ силами и начала въ 996 году вторую войну противъ Самуила. Въ началѣ война эта была удачна для Болгаръ; такъ при Совунѣ они одержали блестящую побѣду надъ Греками. Пройдя Темпейскую долину къ югу, Самуилъ проникъ въ Пелопонезъ, разрушая и сжигая деревни, избивая мирныхъ жителей страны. Византія послала новое войско, которое настигло Болгаръ у рѣчки Шперхея, не вдалекѣ отъ Ѳермопилъ. Только эта рѣчка и отдѣляла непріятельскіе лагери. Греки, пользуясь ночнымъ временемъ, а также безпечностью и не предусмотрительностью Болгаръ, перешли рѣчку. Произошла страшная рѣзня, почти все болгарское войско было истреблено. самъ Самуилъ едва успѣлъ бѣжать въ горы Пинда, откуда пробрался въ свою резиденцію Преспу. Какъ шатки были пріобрѣтенія Самуила видно изъ того, что, вслѣдъ за этимъ пораженіемъ, отложился городъ Дураццо (Драчъ) и все южное Адріатическое побережье. Послѣ шперхейской побѣды, Греки напали на Софію, но и на этотъ разъ предпріятіе ихъ не увѣнчалось успѣхомъ. За то удачнѣе были другіе ихъ походы: въ Ѳессаліи пали всѣ укрѣпленные города, захваченные прежде Болгарами; другимъ походомъ вся Мизія безъ исключенія подчинилась Византіи:

дольше держался Видинъ, 8 мѣсяцовъ осаждали его Греки и наконецъ въ 1002 г. взяли; на обратномъ пути отъ Видина, всѣ города безъ сопротивленія признали власть византійскаго императора. При этомъ движеніи, на Моравской долинѣ, близь города Скопли, Греки настигли Болгаръ; Самуилъ заперся въ городѣ, но послѣ нѣкоторой защиты его, бѣжалъ, оставивъ въ добычу непріятелю весь лагерь. Послѣ этой второй войны Болгарское государство ограничилось Сѣверною Македоніею, Юговосточною Албаніею и Софійскимъ округомъ. Новое нападеніе Аравитянъ на византійскія владѣнія отвлекло греческія войска изъ Болгаріи и замедлило завоеваніе этой страны, но не устранило его. Василій II считалъ себя призваннымъ покончить съ Болгаріей; настойчиво преслѣдуя мысль о полномъ разгромленіи всего Болгарскаго царства, онъ не довольствовался отдѣльными успѣхами, которые могли лишь болѣе или менѣе обезсилить это царство. Изъ тѣхъ продолжительныхъ промежутковъ, которыми отдѣлялись войны его съ Болгаріей, видно, что онъ приступалъ къ нимъ послѣ послѣдовательныхъ, широко обдуманныхъ приготовленій. Онъ не щадилъ средствъ для осуществленія задуманной цѣли; онъ рисковалъ даже возбудить противъ себя всеобщее неудовольствіе непомѣрнымъ увеличеніемъ налоговъ для военныхъ надобностей; агенты его разсыпались по всему Балканскому полуострову для возбужденія и распространенія вражды какъ въ средѣ Болгаръ, такъ и между ними и Сербами; работа агентовъ не осталась безплодною: тамъ и здѣсь предательство общему дѣлу является союзникомъ византійскаго оружія, очищая ему путь въ мѣста, доступъ къ которымъ иначе могъ быть труденъ; родная дочь болгарскаго царя вмѣстѣ съ ея мужемъ предаютъ городъ Дураццо въ руки Грековъ.

Третья война, начатая въ 1014 г., послужила послѣднимъ толчкомъ къ распаденію Болгарскаго царства. Театромъ военныхъ дѣйствій на этотъ разъ была исключительно Македонія, послѣдній оплотъ Самуилова царства, въ которомъ однакоже нѣсколько важнѣйшихъ городовъ находилось уже въ рукахъ Грековъ, какъ напр. Солунь. Противъ этого города Самуилъ послалъ полководца своего Несторицу, а самъ, стараясь удержать напоръ византійскихъ войскъ къ сѣверу, загородилъ въ Родопскихъ горахъ у рѣки Струмы ущелья. Первый потерпѣлъ совершенное пораженіе подъ Солунью, гдѣ византійскими войсками командовалъ императорскій намѣстникъ Ѳеофилактъ Ватаніатъ и сынъ его Михаилъ. Пока это византійское войско занято было отраженіемъ Болгаръ подъ Солунью, Самуилъ еще удерживалъ напоръ другаго сильнаго отряда, во главѣ котораго стоялъ самъ императоръ, но за присоединеніемъ къ этому отряду защитниковъ Солуня и вслѣдствіе удачнаго маневра филиппопольскаго воеводы, Болгары очутились запертыми со всѣхъ сторонъ,

непріятелемъ. Отчаянныя усилія ихъ вырваться изъ западни не увѣнчались успѣхомъ; произошла настоящая бойня, въ которой все, что не попалось въ плѣнъ, было перебито, а въ плѣнъ попало 15,000 Болгаръ; только Самуилу и немногимъ удалось спастись. Ужасная участь ожидала плѣнныхъ; это была месть, въ которой сказалась вся глубокая вѣковая ненависть Византіи къ южному славянству; это было звѣрство, совершенное православною Византіею надъ духовными чадами ея, которое по колосальности своей не находитъ себѣ подобія въ исторіи самыхъ мрачныхъ временъ, самыхъ варварскихъ народовъ: у 99 изъ каждой сотни 15,000 плѣнныхъ выколоты глаза, только одинъ изъ каждой сотни оставленъ зрячимъ въ качествѣ ея проводника. Въ довершеніе всего, византійскій императоръ имѣлъ жестокость поглумиться надъ побѣжденнымъ царемъ болгарскимъ: всѣхъ этихъ плѣнныхъ онъ возвратилъ царю. Видъ этой сцены такъ подѣйствовалъ на него, что онъ упалъ безъ чувствъ и вскорѣ, 15 сентября 1014 г., умеръ [1]).

Болгарское царство пало. Правда, года четыре еще длилась борьба за существованіе, не она не представляетъ уже блестящихъ эпизодовъ храбрости и мужества народа, защищающаго свое политическое бытіе; это—слабыя вздрагиванія предсмертной агоніи, въ которыхъ здѣсь и тамъ проявлялись еще проблески надежды что-то отстоять.

Мы присутствуемъ при одномъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ явленій во всемірной исторіи, когда народъ, извѣрившійся въ своихъ руководителей, раздробляется на отдѣльныя мелкія единицы, обособляясь въ мелкихъ кружкахъ своего домашняго очага, своихъ частныхъ, ближайшихъ интересовъ. Это время летаргіи начало уже охватывать жизнь Болгарскаго народа.

Четыре года продолжалась еще борьба за политическое существованіе, но отрывочная, безсистемная съ тѣхъ поръ, какъ не стало Самуила. Ему наслѣдовалъ сынъ его Гавріилъ-Радоміръ, который, не надѣясь уже на возвращеніе потеряннаго, умолялъ Василія II заключить миръ на постыдныхъ условіяхъ statu quo.

Предложеніе мира было отвергнуто. Зимою 1015 года императоръ вступилъ въ Македонію, быстро завоевалъ Охридскую область, центръ Самуилова царства. Взявъ города Приленъ, Штипъ и Воденъ, онъ сжегъ царскій замокъ въ Битолѣ; другой отрядъ осадилъ Моглену, гарнизонъ которой храбро защищался, но долженъ былъ сдаться послѣ того, какъ Греки отвели воду изъ города и разрушили городскую стѣну; одновременно пала крѣпкая Ноція (нынѣшняя Нотья), мѣстопребываніе мусульманскихъ Цинцаровъ, людей смѣшанной греко-романской рассы.

[1]) Jirecek, Geschichte der Bulgaren, стр. 196.

Гавріилу не пришлось дожить до окончательнаго паденія Болгарскаго царства. Какъ ни слабо могло быть сопротивленіе этаго падающаго царства, но Византія никогда не пренебрегала прибѣгать къ косвеннымъ средствамъ—къ подкупамъ, къ подговорамъ, къ тайнымъ убійствамъ, предательству—для облегченія успѣха.

Такъ точно поступила она и въ данномъ случаѣ. Въ Болгарію отъ имени византійскаго императора отправился къ Іоанну-Владиславу, сыну убитаго, по приказанію Самуила, Арона, Романъ. «Зачѣмъ ты не мстишь за кровь отца твоего? спрашиваетъ посланный Іоанна-Владислава отъ имени своего государя. Прими отъ меня золота и серебра, сколько тебѣ угодно, будь намъ другомъ и возьми себѣ царство Самуила, который убилъ твоего отца, а своего брата: убей если можешь его сына Радоміра, который теперь владѣетъ престоломъ». Услышавъ это, Владиславъ склонился на слова императора и, вслѣдъ затѣмъ, Іоаннъ-Владиславъ собственноручно предательски убилъ своего двоюроднаго брата. Такъ погибъ Радомиръ въ 1018 г. и воцарился убійца Іоаннъ-Владиславъ. Это только начало подвиговъ новаго царя болгарскаго въ жанрѣ византійскихъ нравовъ: не довольствуясь убійствомъ двоюроднаго брата, онъ предалъ смерти жену Гавріила, а сына послѣдняго ослѣпилъ; онъ предательски убилъ сербскаго князя Владиміра, женатаго на дочери Самуила [1]). Вотъ какія драмы разыгрывались въ средѣ представителей южнаго славянства въ то время, когда для спасенія его необходима была наибольшая напряженность внутренняго согласія. Разъединяющее вліяніе византизма уже приноситъ свои обильные плоды въ видѣ взаимнаго недовѣрія, зависти и вражды, которыя послужили глубокою пропастью, отдѣляющею славянскія народности Балканскаго полуострова другъ отъ друга; съ каждымъ поколѣніемъ вражда принимаетъ все болѣе и болѣе мелочный характеръ; дѣло идетъ не о торжествѣ принципа, а о личныхъ интересахъ.

Велики преступленія болгарскаго царя Самуила, удавившаго своего отца и зарѣзавшаго своего брата, подобно тому какъ и вождя перваго возстанія Сербскаго народа Карагеоргія (также убившаго своего отца и брата); онѣ, какъ всякое насиліе, по справедливости возмущаютъ человѣческое чувство, но по крайней мѣрѣ не вызываютъ того отвращенія, которое испытываешь каждый разъ, когда рѣчь идетъ о злодѣйствѣ, въ которомъ личный интересъ играетъ первенствующую роль. Къ послѣдняго рода подвигамъ должно быть отнесено предательское убійство сербскаго князя Владиміра болгарскимъ царемъ Іоанномъ-Владиславомъ. Оно было вызвано не необходимостью общаго національнаго дѣла, а

---

[1]) Гильфердингъ, Собраніе соч., т. I, стр. 260—263.

желанія захвата владѣній этого несчастнаго князя и при какихъ обстоятельствахъ!... когда нужно было поддерживать крушеніе собственнаго своего зданія.

Сынъ тайнаго друга Византіи убитаго Арона, Іоаннъ-Владиславъ самъ питалъ расположеніе къ этой сосѣдкѣ, и не прочь былъ продать ей на выгодныхъ лично для себя условіяхъ жалкіе остатки своего царства, если бы не опасеніе со стороны народныхъ представителей, между которыми встрѣчались еще люди, не терявшіе вѣры въ будущее и зорко слѣдившіе за отношеніями своего царя къ Византіи.

Силою обстоятельствъ Іоаннъ-Владиславъ вынужденъ былъ стать во главѣ послѣдней борьбы за политическую и національную независимость Болгарскаго народа съ Византіею. Но не рѣшаясь идти на встрѣчу императора Василія, Іоаннъ-Владиславъ повелъ сильный отрядъ болгарскаго войска для осады Дураццо (Драчъ), которая разрѣшилась разореніемъ окрестностей города: походъ не увѣнчался ни малѣйшимъ успѣхомъ. А между тѣмъ Василій II въ сердцѣ Болгаріи — области Охридской доканчивалъ начатое имъ дѣло разгрома Болгарскаго царства, всюду внося разрушеніе и изувѣчивая плѣнныхъ Болгаръ, которымъ выкалывали глаза и отрѣзывали носы. Эта война представляла собою настоящую травлю дикаго звѣря. Византійскій императоръ перекрещивалъ весь Балканскій полуостровъ, гоняясь за раздробленными и дѣйствовавшими безъ всякаго плана и системы болгарскими отрядами, изъ коихъ одинъ подъ личнымъ предводительствомъ Іоанна-Владислава вновь пошелъ на осаду Дураццо; подъ стѣнами этого города весною 1018 г. внезапно умеръ болгарскій царь и осаждавшее войско разсыпалось.

Послѣ паденія Софіи, въ концѣ того же года, борьба Болгаріи принимаетъ характеръ инсурекціонный, въ которой далеко уже не всѣ представители народа желаютъ принимать участіе.

Между этими представителями большинство оказывались «болгарофонами», т. е. сторонниками всего греческаго; они расположены были признать власть Византіи, подъ условіемъ признанія за ними боярскихъ правъ [1]). Во главѣ ихъ стояли болгарскій архіерей *Давидъ*, который игралъ весьма двусмысленную роль въ убійствѣ сербскаго князя Владиміра, вдова Іоанна-Владислава *Марія* и начальникъ одного изъ болгарскихъ отрядовъ *Богданъ*. Душою національно-патріотической партіи были: сынъ Владислава *Фрушинъ*, сподвижникъ царя Самуила *Николица* и народный боецъ за свободу *Ивацa*. Но не по силамъ ихъ была борьба противъ многочисленныхъ византійскихъ войскъ и внутренней измѣны. Дольше и упорнѣе всѣхъ держался Ивацa, удалившійся съ

---

[1]) Jirecek, Geschichte der Bulgaren.

небольшимъ отрядомъ въ горы Врохотъ, гдѣ находился царскій дворецъ; но и сюда проникла измѣна, которая погубила Ивацу. По словамъ Кедрина [1]), охридскій правитель Евстафій Дафномила, узнавъ, что императоръ весьма бы желалъ избавиться отъ Ивацы, рѣшился оказать Василію эту услугу. Выбравъ удобное время, онъ открылъ свое намѣреніе двумъ изъ вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ и взялся за дѣло. Предстоялъ у Ивацы торжественный праздникъ, въ день Успѣнія Пресвятой Богородицы. Къ этому дню былъ у Ивацы обычай сзывать не только сосѣдей и близкихъ людей, но и множество народа изъ дальнихъ мѣстъ. И такъ, Евстафій отправился съ своими слугами незваный на этотъ праздникъ и встрѣтя на пути часовыхъ, объявилъ имъ свое имя, и приказалъ доложить, что онъ ѣдетъ къ царю участвовать въ веселіи празднества. Ивaца былъ необыкновенно удивленъ, какимъ образомъ непріятель приходитъ къ нему добровольно и отдается ему въ руки; но тѣмъ неменѣе, онъ велѣлъ его пропустить, обнялъ его и принялъ радушно. На другой день послѣ заутрени, когда всѣ гости разошлись въ отведенные имъ покои, Евстафій пришелъ къ Ивацу и просилъ его удалить на мгновеніе находившихся около него людей съ тѣмъ, чтобы сообщить ему наединѣ нѣчто весьма важное и для него полезное. Ивaца не подозрѣвалъ обмана и былъ увѣренъ, что Евстафій желаетъ вступить въ число участниковъ его предпріятія противъ императора Василія; онъ приказалъ своимъ слугамъ удалиться и, взявъ Евстафія за руку повелъ его въ густой садъ, гдѣ была бесѣдка, изъ которой разговоръ не могъ быть слышенъ по причинѣ густой зелени. Какъ скоро они вошли въ нее и Ивaца былъ удаленъ отъ своихъ, Евстафій, у котораго рука была сильна и проворна, бросился на него, повалилъ его на землю и сталъ его душить; въ то же мгновеніе онъ позвалъ своихъ слугъ, которые, по условію, слѣдовали за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи и, дождавшись знака, тотчасъ прибѣжали на зовъ своего господина. Втроемъ они держали Ивацу, зажали ему ротъ одеждою и выкололи глаза. Послѣ того взяли его и бросили изъ сада въ прилегающій дворъ, сами же бѣгомъ устремились въ верхніе покои дома и здѣсь съ обнаженными мечами ожидали что будетъ. Дѣло тотчасъ разгласилось и многочисленная толпа стала сбѣгаться, одни съ мечами, другіе съ копьями, иные съ стрѣлами, съ камнями, съ палками, съ горящими полѣньями, и все это кричало: «бейте, жгите, рѣжьте на куски, засыпайте каменьями измѣнниковъ, обманщиковъ, не давать пощады злодѣямъ!» Видя сбѣгающую толпу, Евстафій отчаялся въ возможности спастись, однако онъ обратился къ своимъ товарищамъ, убѣждая ихъ не упадать духомъ и

[1]) Гильфердингъ, Собр. сочин. т. I.

не передаваться врагамъ, которые не пощадятъ ихъ и только замучатъ ужаснѣйшею смертью; самъ же онъ выступилъ къ окну и обращаясь къ толпѣ, сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить. Когда возстановилась тишина, Евстафій сказалъ: «Не изъ вражды къ вашему князю сдѣлалъ я это; вы сами знаете, что онъ Болгаринъ, а я Грекъ, да къ тому же Грекъ не изъ Ѳракіи или Македоніи, а изъ Азіи; люди свѣдущіе знаютъ, какъ она далеко отъ вашей земли. Вы легко поймете, что я рѣшился на это дѣло не изъ какой-либо прихоти, а по нуждѣ. Вѣдь иначе я не бросился бы какъ сумасшедшій на явную смерть. Дѣло это было приказано императоромъ, и я, какъ послушный слуга, исполнилъ приказаніе. Если же вы хотите казнить меня, то вы видите—я въ вашей власти; но я не такъ легко отдамся на смерть и буду бить каждаго, кто подойдетъ, до послѣдняго издыханія. Смерть наша вѣрная, но мы погибаемъ счастливыми, зная, что есть человѣкъ, который взыщетъ на васъ каждую каплю крови нашей. Недолго вы будете ему сопротивляться».

Эта рѣчь и въ особенности угроза местью императора такъ испугала толпу, что они мало по малу начали расходиться въ разныя стороны, а старѣйшіе и благоразумнѣйшіе кончили тѣмъ, что изъявили покорность императору, такъ что Евстафій могъ безпрепятственно взять Ивацу и отвезти его къ Василію. Государь за такой доблестный поступокъ его, тотчасъ же назначивъ его стратигомъ дринскимъ, пожаловалъ ему все движимое имущество Ивацы, Ивацу же отдалъ подъ стражу.

По этому разсказу, если въ немъ даже на половину правды, можно судить о степени упадка народнаго духа: трое злодѣевъ, изувѣчившихъ любимаго героя,—изъ тысячной толпы не только уходятъ безнаказанными, но и на глазахъ всѣхъ уводятъ его съ собою. Не трудно послѣ этого вѣрить византійскому историку, что походы императора Василія, въ послѣдніе два года, передъ окончательнымъ паденіемъ Болгарскаго царства, представлялись торжественнымъ тріумфальнымъ объѣздомъ Балканскаго полуострова, причемъ лишь изрѣдка, кое-гдѣ вспыхивало сопротивленіе, которое тотчасъ же безчеловѣчно, по византійски, было подавляемо съ избіеніемъ людей, выкалываніемъ глазъ, отрѣзаніемъ ушей, носа. Это было повсемѣстное систематическое побоище Болгарскаго народа, которое по справедливости дало Василію II названіе Болгаробойца. Это повальное убійство тысячей людей, повинныхъ только тѣмъ, что они боролись за свое существованіе, заслуживаетъ тѣмъ большаго осужденія исторіи, что оно было холодно расчитано, со всѣхъ сторонъ обдумано, шансы безнаказанности его взвѣшены. Это не звѣрство дикихъ ордъ, или деморализованныхъ войскъ турецкихъ, неистово-

вавшихъ въ былое время подъ вліяніемъ религіознаго аффекта; это звѣрство, совершавшееся надъ духовными чадами Византіи по програмиѣ, солидно начертанной православнѣйшимъ правительствомъ или лучше сказать его главою, императоромъ Василіемъ II, которому благодарная Византія преподнесла лестный съ ея точки зрѣнія титулъ Болгароубійцы; это звѣрство, за совершеніе котораго исполнители получаютъ императорское благоволеніе и весьма солидныя награды: Евстафій Дафномила не только не былъ наказанъ за ослѣпленіе Иваца, а напротивъ, онъ получилъ за это Драческое намѣстничество; избивавшіе мирныхъ жителей солдаты, вмѣсто наказанія, получили прибавку къ жалованью изъ разграбленной казны царей болгарскихъ. И замѣчательно, что все это побоище православнаго народа, по волѣ православнаго императора, происходило въ то время, когда на Западѣ поднимались христіанскіе народы для освобожденія гроба Господня, для борьбы съ невѣрными на жизнь и смерть, и никому тогда не приходило на мысль спасать истекающій кровью христіанскій народъ Болгаріи, падавшій подъ ударами единовѣрнаго византійскаго правительства.

Василій Болгаробойца тріумфаторомъ объѣзжалъ Балканскій полуостровъ, принимая въ главныхъ центрахъ изъявленіе вѣрноподданнической покорности со стороны народныхъ представителей. Въ Адріанополь къ нему явились, говоритъ византійскій лѣтописецъ, братъ и сынъ болгарскаго воеводы Кракры съ радостною вѣстью, что славная крѣпость Перникъ и еще 35 другихъ крѣпостей желаютъ сдаться императору. За эту пріятную вѣсть Кракра возведенъ былъ въ санъ патриція,—титулъ, на который болгарскій патріотизмъ столь усердно размѣнивался, точно такъ же, какъ при утвержденіи турецкаго правительства не масса народная, а ея зажиточные интеллигентные представители—бросились въ объятія ислама ради сохраненія разныхъ прерогативъ.

Въ Мосинополѣ императора Василія ожидали посланцы изъ Пелагоніи (Орхидскаго края), Липлянь (на Косовомъ полѣ) и Моравицы (у верховьевъ Болгарской Моравы) съ изъявленіемъ готовности ему покориться. Въ Сересѣ императору опять представился Кракра съ начальниками нѣсколькихъ укрѣпленій; туда же явился Драгомужъ, начальникъ Струмницы, и былъ пожалованъ въ патриціи; въ Струмницѣ его встрѣтилъ архіепископъ болгарскій Давидъ; явился также Богданъ, начальникъ крѣпостей во внутренней Болгаріи, и былъ награжденъ саномъ патриція. Изъ Струмницы Василій направился къ Скоплю и оставивъ тамъ полномочнымъ начальникомъ патриція Давида Адріаниту, повернулъ назадъ на крѣпости Штипъ и Просѣкъ, привѣтствуемый и прославляемый литіями и пѣснями. Потомъ, взявъ вправо, императоръ двинулся на Охриду, вступилъ въ столицу Западной Болгаріи и расположилъ подъ нею свой

станъ. Народъ стекался къ нему, привѣтствуя его пѣснями, рукоплесканіями и хваленіями. Василій вошелъ въ опустѣлый дворецъ царей болгарскихъ и отворилъ ихъ казнохранилище. Онъ взялъ царскіе вѣнцы и золототканныя ризы, золото же раздалъ въ жалованье своему войску.— Назначивъ правителемъ охридскимъ Евстафія Дафномила, Василій возвратился въ свой станъ подъ городомъ. Къ нему привели сюда вдову Іоанна-Владислава, со всѣмъ царскимъ семействомъ. Съ Маріею было трое сыновей и шесть дочерей ея, двѣ внучки и пять внуковъ Самуила, дѣтей Гавріила-Романа. Изъ числа послѣднихъ одного ослѣпили по приказанію Василія. Подъ Охридой Василій принялъ присягу Несторицы, Зарицы и Младшаго Доброміра, которые перешли къ нему каждый съ своими полками. Изъ Охриды Василій перенесъ свой станъ во вторую столицу Самуила, Преспу. Отсюда онъ пошелъ въ Касторію, гдѣ ему представили двухъ дочерей Самуила; далѣе отправился на югъ къ Аѳинамъ. Пока его полководецъ Ксифія разрушалъ до основанія болгарскія укрѣпленія въ Сербчищѣ, Сисекѣ и другихъ городахъ, самъ онъ прибылъ въ крѣпость Стагусъ, въ Ѳессаліи. Здѣсь представился ему «въ образѣ раба» бѣлградскій воевода Елемачъ съ товарищами своими. У Сѣтуны Василій посѣтилъ покрытое человѣческими костьми поле сраженія, въ которомъ Самуилъ (въ 995 г.) былъ разбитъ византійскимъ полководцемъ. Въ Ѳермопилахъ императоръ осмотрѣлъ стѣну, построенную въ недавнее время Греками для защиты отъ вторженія Болгаръ. Прибывъ въ Аѳины, Василій совершилъ въ храмѣ Пресвятой Богородицы благодарственное молебствіе за побѣды и украсилъ эту церковь многочисленными драгоцѣнными приношеніями.

Не одною Болгаріею ограничивались завоеванія Византіи, при императорѣ Василіѣ II. Кромѣ Бѣлграда, покорились Византіи и Подгорія, наслѣдіе Владиміра, подчинились также сосѣднія племена Хорватовъ, находившіяся подъ властію двухъ братьевъ. Когда эти правители присягнули императору и получили почетные титулы и подарки, то народъ поддался вмѣстѣ съ ними. Непокорнымъ остался только одинъ князь срѣмскій (Срѣмъ — уголъ между нижнею Савою и Дунаемъ); но послѣ убійства этаго князя Константиномъ Діогеномъ, правителемъ пограничной съ Срѣмомъ области, вдова убитаго князя изъявила покорность и передала Срѣмъ императору.

Послѣ этого императоръ могъ считаться повелителемъ всего Балканскаго полуострова; онъ могъ утѣшать себя мыслію, что расчеты его съ ненавистными южными Славянами покончены.

Хотя въ сербскихъ земляхъ оставлены были князья, но всѣ они признали верховную власть императора; большая часть изъ нихъ наперерывъ другъ передъ другомъ старались угодничать предъ император-

скимъ правительствомъ, заискивали его расположенія, интригуя и наговаривая одинъ на другаго. Нѣкоторые изъ нихъ обращались иногда и къ нѣмецкому императору, ища тамъ противовѣса притязаніямъ Византіи, какъ политическимъ, такъ и церковнымъ. Отсюда, кромѣ политической розни, въ сербскихъ земляхъ развилась съ большею силою, чѣмъ въ Болгаріи, рознь религіозная. Католицизмъ нашелъ себѣ здѣсь широкій пріютъ и работалъ съ такимъ успѣхомъ, что сталъ господствовать на всемъ сѣверномъ Адріатическомъ побережьѣ, нынѣшней Далмаціи; проникъ онъ и въ глубь страны, въ Захлумію, Травунію, гдѣ завоеванія его хотя не были столь обширны, но безслѣдно онѣ не прошли, ибо и здѣсь замѣтная часть населенія признала главенство Рима. Вліянія извнѣ, столь противоположныя по своей цѣли, деморализующе дѣйствовали на народъ, преимущественно на руководящіе классы его, которые непосредственно, такъ сказать, соприкасались съ этими вліяніями; они расшатали устойчивость не только въ сферѣ политики, въ сферѣ общественныхъ отношеній, но и въ сферѣ религіи, гдѣ съ замѣчательною легкостію язычество уступало мѣсто христіанству, православіе замѣнялось католицизмомъ, католицизмъ православіемъ, гдѣ самыхъ различныхъ оттѣнковъ секты распространялись открыто, далеко не возбуждая противъ себя того страстнаго преслѣдованія, которымъ отмѣчена исторія сектъ на западъ, гдѣ впослѣдствіи съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ иныхъ странахъ Балканскаго полуострова, распространилось мусульманство, развитіе котораго здѣсь именно обязано отсутствію устойчивости, какъ въ дѣлахъ вѣры, такъ и сферахъ общежитія, а отсутствіе устойчивости въ свою очередь объясняется, какъ мы замѣтили, столкновеніемъ именно вліяній Византіи и латинства, между коими дѣлились симпатіи страны.

Что же касается Болгаріи, то она въ 1019 г. формально обращена была въ византійскую провинцію и какъ таковая раздѣлена была на нѣсколько областей, во главѣ которыхъ поставлены стратиги съ властью полицейскою, судебною, фискальною и военною. Каждый изъ нихъ имѣлъ отрядъ войска, служившій для экзекуціонныхъ цѣлей и для охраненія внутренняго порядка; во время войны стратиги eo ipso становились предводителями войскъ, расположенныхъ въ ихъ округахъ. Эти византійскіе чиновники заботились лишь о томъ, чтобы выручать для правительства и въ особенности для себя побольше доходовъ съ народа. Хотя объ экономическомъ положеніи страны мы знаемъ то, что оно было крайне незавидно, что развитіе его было парализовано тяжестію налоговъ, и въ особенности хищничествомъ византійскихъ правителей, сдѣлавшихся прототипами турецкихъ пашей, но можно полагать, что отношенія Византіи къ Болгарскому народу опредѣлялись взглядомъ

ея на Болгарію исключительно какъ на финансовую единицу, какъ на источникъ дохода имперіи. Подобно Портѣ, византійское правительство смотрѣло на Болгарію, не какъ на органическую часть государства, всестороннее и правильное развитіе котораго должно быть въ интересахъ правительства; оно относилось къ Болгаріи, какъ къ доходнѣйшей странѣ, и не давая себѣ труда позаботиться о развитіи частностей экономическихъ быта страны, Византія, подобно Турціи, завершила свои экономическія отношенія къ Болгаріи отдачею на откупъ доходныхъ статей этой страны, преимущественно Грекамъ или Болгарофонамъ; эта откупная система, обложеніе налогами сырья и предметовъ первой необходимости, а также и самый способъ собиранія налоговъ откупщиками, соединенный со всевозможными прижимками, угнетая народъ въ самыхъ животрепещущихъ его интересахъ имущественныхъ, представляла собою постоянный источникъ народнаго недовольства, не столько противъ византійскаго правительства, сколько противъ второстепенныхъ его агентовъ. Періодическое недовольство это, дойдя до извѣстной степени зрѣлости, выражалось въ видѣ открытаго возстанія, которое долгое время послѣ разгрома Болгаріи носило мѣстный, отрывочный характеръ. Такого рода возстанія,—пока они, въ концѣ XII в., не приняли общій національный характеръ съ политическимъ колоритомъ,—продолжались въ теченіи болѣе столѣтія, т. е. съ 1019 по 1186 г.

Упоминаемые въ этомъ періодѣ цари болгарскіе ничто иное, какъ появлявшіеся отъ времени до времени предводители возстанія, съ весьма впрочемъ сомнительнымъ патріотизмомъ и неспособные воплотить собою идею общей національной борьбы съ Византіею; они обыкновенно недолго держались на своемъ посту: народъ ихъ изгонялъ или избивалъ камнями. Личности народныхъ вожаковъ, съ громкимъ титуломъ царя, встрѣчающіяся въ этотъ періодъ исторіи Болгаріи, до такой степени ничтожны, что не записаны даже годы ихъ царствованія и порядокъ въ которомъ одни изъ этихъ царей слѣдовали за другими. Этихъ царей въ данный періодъ появлялись десятки, между тѣмъ исторія сохранила имена лишь четырехъ или пяти лицъ, да и то безъ точнаго опредѣленія времени ихъ правленія [1]).

Достаточно продолжительный по времени (1019 — 1186) періодъ этотъ очень бѣденъ событіями политической жизни народа; кругъ ихъ ограничивался тѣми вспышками возстаній, которыя въ данный періодъ повторялись отъ времени до времени; въ исторіи Болгаріи они имѣютъ значеніе какъ подготовленіе къ общему возстанію, закончившемуся кратковременнымъ возстановленіемъ Болгарскаго царства.

---

[1]) Раичъ, ч. I.

Спустя 20 лѣтъ послѣ паденія, нѣкто Петръ Деліанъ, по Кедрину — сынъ военно-плѣннаго Болгарина, по Раичу — слуга какого-то константинопольскаго жителя, а по Иречеку—сынъ бывшаго болгарскаго царя Гавріила, пользуясь происходившими въ это время въ столицѣ имперіи придворными смутами, уѣхалъ въ Болгарію. Здѣсь онъ объявилъ себя царскимъ сыномъ, собралъ вокругъ себя партію недовольныхъ византійскими порядками и принялъ громкій титулъ царя. Явившись въ Нишѣ, онъ признанъ былъ тамошнимъ округомъ. Видя себя во главѣ довольно значительной толпы народа, Деліанъ открылъ возстаніе походомъ на Скоплю. Передъ этимъ городомъ онъ одержалъ побѣду надъ Греками, которыхъ, какъ разсказываетъ Кедринъ, жестоко умерщвляли. Удача сопровождала Деліана; онъ рѣшился идти на укрѣпленный Солунь. Бывшій тамъ въ то время императоръ Михаилъ V (1041—1042), застигнутый врасплохъ неожиданнымъ появленіемъ подъ стѣнами города огромной массы вооруженныхъ Болгаръ, постарался скорѣе возвратиться въ столицу, оставивъ въ добычу Болгарамъ огромный запасъ имѣвшагося у него золота, сеeебра и даже дорогія ризы. Между тѣмъ, въ Албаніи появился другой претендентъ, наперстникъ Самуила, нѣкто Тихоміръ, который сталъ во главѣ недовольныхъ крайнимъ хищничествомъ стратига Михаила Дермокита и нѣкоторыми округами былъ признанъ царемъ болгарскимъ. Какъ и можно было ожидать, каждый изъ царей желалъ быть одинъ властнымъ повелителемъ всей Болгаріи, хотя ни тому, ни другому вся Болгарія не принадлежала; съ оружіемъ въ рукахъ, они рѣшились отстоять свои права; началась междоусобица, которая продолжалась весьма недолго, только благодаря тому, что одинъ изъ нихъ, Деліанъ, очень скоро одолѣлъ другого—Тихоміра; Болгары побили Тихоміра камнями. Коротко было «единодержавіе» Деліана. Въ виду распространенія возстанія въ Македоніи и успѣшныхъ дѣйствій инсургентовъ въ Эпирѣ и Ѳессаліи, гдѣ благодаря множеству природою укрѣпленныхъ пунктовъ, инсуррекція могла себѣ найти защиту въ самой мѣстности, въ Болгаріи внезапно явился новый претендентъ, бѣжавшій изъ Арменіи и назвавшійся братомъ бывшаго болгарскаго царя Іоанна-Владислава.

Надобно замѣтить, что родъ Самуила Болгарскаго отличался многочисленностью. Послѣ разгрома Болгаріи, родичи его разсѣялись: большинство изъ нихъ поступило на службу Византіи, многіе получили почетный титулъ римскаго патриція, другіе назначены стратигами; но всѣ они, принявъ присягу на вѣрность имперіи, высматривали удобнаго случая воспользоваться народнымъ волненіемъ въ Болгаріи, которое повторялось отъ времени до времени, выражаясь въ болѣе или менѣе удачныхъ взрывахъ возстанія. При такихъ условіяхъ эти принцы не у дѣлъ спѣшили въ Болгарію, великодушно предлагали народу свои услуги быть

его руководителемъ, начиная съ того, что охотно принимали царскій титулъ со всѣми его тягостями; но, къ несчастью народа, каждый изъ этихъ пришлецовъ до такой степени былъ увѣренъ въ исключительности и первенствѣ своей миссіи сдѣлаться спасителемъ и благодѣтелемъ народа, что съ перваго же шагу обнаруживалъ совершенную нетерпимость совмѣстничества какого-либо инаго благодѣтеля и ради торжества принципа единовластія не останавливался даже предъ тѣми подвигами, которые тяжело отзывались на благодѣтельствуемомъ сими спасителями народѣ.

Алузіанъ,—такъ назывался этотъ новый претендентъ,—на первыхъ порахъ былъ, повидимому, радушно принятъ Деліаномъ, который даже ввѣрилъ ему командованіе войскомъ, отправленнымъ для осады Солуня. Шесть дней Болгары штурмовали городъ; населеніе его потеряло уже всякую надежду на спасеніе города; въ эту критическую минуту начальникъ города вспомнилъ, что мощи св. Димитрія не разъ спасали городъ отъ нападенія непріятеля; стратигъ обратился къ мощамъ этого святаго и приказалъ вынести ихъ къ народу. При видѣ мощей, Солуняне, одушевленные рѣшимостью умереть за спасеніе города, сдѣлали отчаянную вылазку и заставили непріятеля удалиться. Разсказываютъ даже, что Солуняне нанесли страшное пораженіе Болгарамъ, которыхъ легло на мѣстѣ 15,000 человѣкъ.

Такая неудача Болгаръ признана была поводомъ къ обвиненію Деліана въ обманѣ, чему народъ во время невзгодъ, искушенный опытомъ, готовъ былъ повѣрить. Подготовивъ нерасположеніе народа къ Деліапу, Алузіанъ, этотъ принцъ изъ рода Арона, залучивъ къ себѣ претендента и ослѣпивъ его, поспѣшилъ объ этомъ извѣстить византійскаго императора, который блестяще одарилъ за этотъ подвигъ болгарскаго царя: Алузіанъ получилъ высокій постъ при византійскомъ дворѣ. Деліанъ же и схваченные предводители возстанія отведены плѣнниками въ Константинополь въ 1041 г. Отдѣльныя пріобрѣтенія инсуррекціи въ Македоніи и Албаніи отпали. Правда въ 1043 г. вспыхнула новая инсуррекція въ Албаніи, нашедшая себѣ предводителя въ лицѣ нѣкоего Георгія Маніака, который по примѣру сербскихъ князьковъ обратился къ покровительству нѣмецкаго императора и, кромѣ того, замышлялъ обширный союзъ Болгаръ и Сербовъ; но предводимая имъ инсуррекція была слишкомъ ничтожна, и надо думать, что нѣмецкій императоръ, въ виду сомнительной популярности предводителя ея и слабыхъ шансовъ ея на успѣхъ, не захотѣлъ ссориться съ византійскимъ правительствомъ; не оправдался и расчетъ на союзъ съ Сербами. Такимъ образомъ Георгій Маніакъ остался одинъ съ своими инсургентами. Послѣ

неразумной и неудачной осады Дураццо (Драча), Маніакъ двинулся на городъ Острово, но здѣсь въ одной изъ стычекъ былъ убитъ въ 1043 г.

Между тѣмъ инсуррекція, подавленная въ одномъ мѣстѣ, появилась въ другомъ; но попрежнему, лишь только она принимала болѣе или менѣе обширные размѣры, лишь только нѣкоторые руководители ея начинали пріобрѣтать нѣкоторую извѣстность въ народѣ, какъ въ средѣ этихъ предводителей являются люди съ притязаніями на царское единовластіе. Жажда этой власти такъ велика, что тѣ, которые ее добиваются, очень быстро забываютъ общіе интересы народа и ради мелкихъ видовъ своихъ, склоняются ко всяческимъ комбинаціямъ, даже и враждебнымъ народу, наприм. къ дружбѣ съ Греками. Въ данномъ случаѣ (1073 г.) явилось столько претендентовъ, что Болгары, теряясь въ выборѣ между ними лучшаго, предпочли искать себѣ царя между сербскими князьями. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ, выборъ остановился на Константинѣ Бодинѣ, сынѣ сербскаго князя Михаила. Во главѣ 300 Сербовъ двинулся Бодинъ, переименованный въ Петра Бодина, въ Приштину, гдѣ сходбище болгарскихъ бояръ провозгласило его царемъ. Въ началѣ инсуррекція дѣйствовала съ успѣхомъ и нанесла даже пораженіе греческому полководцу Даміану Даласену, который попалъ въ плѣнъ. Кромѣ того, трофеемъ побѣдителей сдѣлался богатый лагерь, который немедленно былъ разграбленъ; но фатальная черта, отличающая прежнія завоеванія Болгарскаго царства, во время цвѣтущаго его состоянія, отразились и на болгарской инсуррекціи; вмѣсто того, чтобы дѣйствовать сосредоточенными силами и разумно закрѣплять за собою сдѣланныя пріобрѣтенія, инсуррекція разбрасывалась, непомѣрно и не по силамъ раздвигая кругъ своихъ операцій, стремясь къ захватамъ въ одно и то же время по возможности больше городовъ. Такъ и въ данномъ случаѣ: послѣ побѣды надъ Даміаномъ, инсуррекція раздѣлилась: одна часть подъ предводительствомъ Бодина пошла на Нишъ, а другая подъ начальствомъ сербскаго воеводы Петрила на Касторію. Осада Ниша ограничилась разграбленіемъ окрестностей; она не могла быть доведена до конца, потому что Бодинъ, получивъ вѣсть о совершенномъ пораженіи Петрила подъ Касторіей, спѣшилъ задержать дальнѣйшее движеніе императорскихъ войскъ, которыя, благодаря измѣнѣ коменданта города Скопля, Георгія Войтака, на пути своемъ безъ сопротивленія заняли этотъ городъ. Вскорѣ Войтакъ раскаялся, тайно далъ знать Бодину, чтобы поспѣшилъ къ Скоплю, гдѣ Грековъ можно застать врасплохъ и разбить. Тайна своевременно разоблачилась. Греки нетолько приготовились къ оборонѣ, но перешли въ наступленіе и на Косовомъ полѣ при Топіумѣ [1]) Болгары были разбиты, Бо-

---

[1]) Jireček, Gesch. der Bulg.

динъ попался въ плѣнъ, отвезенъ къ императору и затѣмъ сосланъ въ Антіохію. Вскорѣ однакожъ, подкупленные отцомъ Бодина, Итальянцы, украли этого болгарскаго царя изъ плѣна и опять посадили на царство, но только воображаемое, ибо дѣйствительнаго Болгарскаго царства давно уже не существовало. Георгій Войтакъ за тайныя сношенія съ Бодиномъ былъ приведенъ къ императору и преданъ мучительному истязанію, отъ котораго и умеръ.

Въ этомъ подавленіи возстанія Болгаръ со стороны Византіи участвовали Французы и Нѣмцы, — остатки крестоносцевъ, затерявшіеся на Балканскомъ полуостровѣ и успѣвшіе привыкнуть къ жизни полной приключеній. Вотъ тѣ отдѣльныя народныя движенія, которыя поддерживали идею національной независимости, не давая этой идеѣ окончательно умереть. Этотъ проблескъ народнаго стремленія возвратить себѣ прежнее самостоятельное положеніе на Балканскомъ полуостровѣ характиризуетъ весь указанный нами періодъ.

Можно думать, что это движеніе народа, хотя отрывочное и болѣе или менѣе локазизированное, продержалось до возрожденія Болгарскаго царства при Асѣнидахъ въ концѣ XII ст.

Мы ограничились разсказомъ объ указанныхъ нами инсуррекціяхъ какъ потому, что онѣ представляются наиболѣе крупными, такъ и за неимѣніемъ провѣренныхъ свѣдѣній о дальнѣйшихъ инсуррекціяхъ въ средѣ Болгарскаго народа.

Въ политическомъ отношеніи, обращенная въ византійскую провинцію, Болгарія сохранила извѣстную степень церковной самостоятельности, которою народъ очень дорожилъ, какъ послѣднимъ остаткомъ утерянной свободы; хотя впрочемъ церковь, управляемая, въ высшей іерархіи, Греками, не имѣла и не могла имѣть вліяніе на развитіе національной свободы народа, пробужденіе и развитіе свободы шло помимо этого вліянія. Мы видимъ, что послѣ разрыва Бориса съ Римомъ (870—871) и примиренія съ Византіею, послѣдняя согласилась на уступки требованіямъ болгарскаго царя и назначила для Болгаріи особаго архіепископа Іосифа. Въ послѣдующее время, по иниціативѣ Симеона учрежденъ въ Болгаріи патріархъ, который съ византійской точки зрѣнія, усвоенной болгарскимъ царемъ, считался необходимымъ атрибутомъ самостоятельнаго государства. Завоевательные успѣхи Симеона вынудили Византію освятить болгарскій патріархатъ формальнымъ его признаніемъ. Первоначально каѳедра болгарскаго архіепископа-патріарха находилась въ Доростолѣ (Силистріи), въ которомъ по завоеваніи Болгаріи Цимисхіемъ (976) патріархатъ былъ упраздненъ. Изъ епархій завоеванной Болгаріи образовалась метрополія, поставленная въ прямую зависимость отъ константинопольскаго патріарха. Послѣ перенесенія архіепископской каѳедры

въ западную, Македонскую Болгарію, каѳедра эта была переводима изъ одного города въ другой, пока не утвердилась въ Охридѣ, гдѣ продолжала пребывать до возстановленія Болгарскаго государства Леѣнидами. Въ этой независимости болгарской церкви Византія не видѣла ничего опаснаго для удержанія власти своей надъ порабощенной Болгаріей. Вмѣстѣ съ тѣхъ императоръ возстановилъ архіепископскій округъ, оставивъ его въ тѣхъ обширныхъ предѣлахъ, въ какихъ онъ существовалъ при Петрѣ Симеоновичѣ. Только Силистрійская архіепископія, обращенная со времени Цимисхія въ митрополію и обнимавшая собою нѣсколько епархій Сѣверо-восточной Болгаріи, оставалась въ зависимости отъ патріарха константинопольскаго. Изъ присоединенныхъ къ болгарскому архіепископству епархій, при Василіѣ Болгаробойцѣ, упоминается епархія Видинская, а также епархія Расская (Раса—нынѣшній Новый Базаръ, на южной границѣ Сербіи на р. Рашкѣ, впадающей въ рѣку Ибаръ). Что же касается епархій Албано-Македонскихъ, то онѣ уже не возвращались къ архіепископіи. Всѣхъ епархій къ концу втораго царства насчитывается 39, въ томъ числѣ одна Доростольская (Силистрійская), которая подчинялась константинопольскому патріарху.

Нѣкоторые писатели [1]), отождествляя предѣлы болгарской архіепипіи и Силистрійской митрополіи съ предѣлами государства Болгарскаго, пришли къ выводу, на нашъ взглядъ, крайне опрометчивому. Болгарское царство по этому выводу заключало въ своихъ предѣлахъ всѣ тѣ области, которыя составляли епархіи болгарской церкви. Съ этой точки зрѣнія выходитъ, что не только вся нынѣшняя Сербія съ юговосточною Босніею, но и южная часть Адріатическаго побережья (Албанія) входила въ составъ Болгарскаго царства. Между тѣмъ, мы видимъ, что попытки Болгаръ утвердиться на Адріатическомъ побережьѣ не увѣнчались ни малѣйшимъ успѣхомъ и всѣ онѣ разрѣшались лишь опустошеніемъ мѣстностей, прилегающихъ къ городамъ этого побережья, къ которымъ подступали Болгары. Въ Сербіи и Юговосточной Сербіи Болгары, правда, дѣлали захваты отдѣльныхъ городовъ съ ихъ округами, но эти пріобрѣтенія были слишкомъ временны, и никогда не составляли органической части Болгарскаго царства: поэтому такъ легко онѣ отпадали при малѣйшемъ поворотѣ въ военныхъ успѣхахъ болгарскихъ царей, какъ легко, при указанныхъ условіяхъ, разрывали свою зависимость отъ болгарскихъ царей мелкіе князьки сербскихъ земель, вступавшіе въ вассальныя къ нимъ отношенія. Дѣло въ томъ, что распространеніе болгарской церкви шло своимъ отдѣльнымъ путемъ и далеко не совпадало съ распространеніемъ предѣловъ Болгарскаго государства.

[1]) Венелинъ, Критич. изслѣд.; Гильфердингъ, Собр. соч. т. I; Jireček, Gesch. и мн. др.

Это объясняется тѣмъ, что христіанская миссія на Балканскомъ полуостровѣ проповѣдывала новое ученіе не только въ тѣхъ болгарскихъ земляхъ, которыя образовали Болгарское государство, т. е. въ Мизіи или нынѣшней Болгаріи, но и въ странахъ Балканскаго полуострова. по которымъ разсѣялись Болгары вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ съ Византіею; какъ напримѣръ въ Македоніи, Дардоніи и восточной половинѣ Сербіи, которыя въ это время оставались провинціями имперіи, имѣя лишь этнографическую связь съ Болгарскимъ царствомъ; учрежденныя въ нихъ каѳедры стали присоединяться къ болгарской архіепископіи. лишь только возникла эта послѣдняя, т. е. съ 870 г. Такимъ образомъ, къ ней присоединились епархіи Бречальницкая, Касторійская. Струмицкая, Нишская, Враницкая, Расская, Бѣлградская, Адріанопольская, Янинская и другія, учрежденныя въ странахъ, которыя никогда. даже въ цвѣтущее время Симеона и Самуила, не входили въ составъ Болгарскаго царства, но въ церковномъ отношеніи тяготѣли къ нему. какъ единственному въ то время сильному славянскому государству. Мы сказали, что въ силу историческихъ событій, Болгары разсѣялись по Балканскому полуострову, и такъ какъ изъ всѣхъ славянскихъ народовъ они первые приняли христіанское ученіе, то понятно, что въ дѣлахъ вѣры они должны были пользоваться извѣстнымъ авторитетомъ. которому подчинились другія славянскія народности Балканскаго полуострова, охотно признававшія главенство болгарской церкви. Къ тому же слѣдуетъ еще прибавить, что эти слабыя, политически ничтожныя вначалѣ славянскія народности, подавляемыя византизмомъ, видѣли въ Болгарахъ, завоевавшихъ себѣ самостоятельность на Балканскомъ полуостровѣ, народъ сильный съ блестящею будущностью,—народъ, именемъ котораго должно гордиться, а потому совершенно естественно предположить, что мелкія зависимыя отъ Византіи народности явили расположеніе не только къ признанію главенства болгарской церкви, но и къ усвоенію себѣ имени Болгаръ. Это—слабая сторона человѣческаго тщеславія, которая не чужда и нашему времени, когда народности, неимѣющія политическаго значенія, охотно прикрываютъ себя именемъ господствующей національности. Такъ въ Румыніи—Армяне, Цинцары—помѣсь Влаховъ и Грековъ, Цыгане — нерѣдко выдаютъ себя за представителей румынской національности, и такъ какъ всѣ эти люди вполнѣ усвоили себѣ румынскій языкъ, румынскіе нравы и образъ жизни, то поверхностному наблюдателю можетъ показаться, что всѣ о[illegible] Румыны.—Такъ должно было быть на Балканскомъ полуостровѣ въ [illegible] вѣкѣ. Если бы въ это время явился любознательный путешественник[illegible] и вздумалъ бы посредствомъ разспросовъ опредѣлить этнографическ[illegible] отношеніе разселившихся на полуостровѣ разныхъ народностей, то в[illegible]

этотъ полуостровъ за небольшимъ исключеніемъ оказался бы заселеннымъ болгарскою народностью, что посему самый полуостровъ слѣдовало бы назвать Болгарскимъ полуостровомъ. Въ Бѣлградѣ, Ларисcѣ, Дураццо, Адріанополѣ и Месембріи, на вопросы обращенные къ населенію о его происхожденіи,—воображаемый путешественникъ услышалъ бы одинъ и тотъ же отвѣтъ: «мы Болгары», т. е. принадлежимъ къ самому могущественному изъ всѣхъ славянскихъ народовъ. Всѣмъ мелкимъ славянскимъ народностямъ хотѣлось тогда быть Болгарами, которые въ X в. были, такъ сказать, героями дня, которые, къ тому же, первые приняли христіанство и христіанскую образованность, которые явились піонерами дальнѣйшаго распространенія христіанства даже на сѣверъ отъ Дуная, у которыхъ впервые появились богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ. Наиболѣе опытные въ дѣлахъ вѣры и церковныхъ, болгарскіе іерархи должны были пользоваться особымъ авторитетомъ во мнѣніи другихъ славянскихъ народностей, которыя находились въ совершенно пассивныхъ отношеніяхъ къ Византіи. Іерархи эти, учреждая тамъ и здѣсь, внѣ предѣловъ собственной Болгаріи, епархіи, конечно не разрывали связей съ высшимъ представительствомъ болгарской церкви; съ другой стороны населеніе охотно признавало надъ собою церковную власть этихъ іерарховъ, уже потому, что это давало ему нѣкоторую тѣнь самостоятельности въ отношеніи къ Византіи и, быть можетъ, даже надежду, что путемъ независимости церковной, оно добьется независимости политической. Болгарія была первая южно-славянская страна, получившая высшее церковное учрежденіе,—патріархатъ, и вотъ всѣ тѣ славянскія земли, которыя не имѣли своего высшаго управленія, потянули къ болгарской церкви, признавъ ея главенство. Этимъ объясняется происхожденіе болгарскихъ церковныхъ каѳедръ въ Бѣлградѣ, чисто сербскомъ городѣ, въ Драчѣ (Дураццо), который Болгары тщетно нѣсколько разъ осаждали, но который никогда не входилъ въ составъ Болгарскаго царства, точно такъ же какъ не входилъ сюда и Адріанополь, въ которомъ однакоже учреждена была епископская каѳедра болгарская, признававшая главенство болгарской церкви [1]).

Въ силу указанныхъ условій, болгарская церковь безъ сомнѣнія охватила бы собою и сѣверное Адріатическое побережье съ важнѣйшимъ городомъ Рагузою (Дубровникомъ) во главѣ, еслибы здѣсь православіе не встрѣтилось съ католическою пропагандою, которая въ этихъ странахъ не оставалась безуспѣшною. Все это подтверждаетъ наше положеніе, что расширеніе предѣловъ болгарской церкви, заключавшихъ въ себѣ, кромѣ политико-этнографической Болгаріи, значительную часть ны-

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи правосл. церквей.

нѣшней Румеліи съ Адріанополемъ во главѣ, Эпиръ, Θессалію, Албанію, юго-восточную Боснію и большую часть Сербіи, не только не указываетъ на политическую распространенность болгарской національности, но даже и на ея этнографическій перевѣсъ, ибо если допустить, съ великими натяжками, что восточная половина Сербіи заселена была Болгарами, то этого самые усердные болгарскіе патріоты не рѣшились бы доказывать въ отношеніи къ Албаніи, гдѣ вообще Славяне представляютъ весьма слабый этнографическій элементъ.

На сколько распространеніе предѣловъ болгарской церкви не имѣло ничего общаго съ границами царства Болгарскаго видно уже изъ того, какъ отнесся Василій Болгаробойца къ учрежденной болгарской архіепископіи.

Если допустить, что предѣлы этой послѣдней совпадали съ предѣлами царства, то такой государь, какъ Василій II, поставившій задачею своей жизни полное уничтоженіе Болгарскаго царства, безъ сомнѣнія съ недовѣріемъ отнесся бы къ обширности болгарской архіепископіи, которая могла поддерживать политическія мечтанія Болгаръ и, при возстановленіи царства, намѣтить ему тѣ предѣлы, въ какихъ распространилась юрисдикція болгарской церкви. Между тѣмъ, мы не видимъ и тѣни такого недовѣрія: Василій II мало того, что возстановляетъ болгарскую архіепископію въ прежнихъ ея обширныхъ границахъ, но высказываетъ даже готовность присоединить къ ней албанскія епархіи. Наконецъ: Дунайская Болгарія (страна между Дунаемъ и Балканами), безъ сомнѣнія составляла по преимуществу настоящую Болгарію, гдѣ собственно и возникло Болгарское царство Аспаруха, Крума и Симеона. Казалось бы вся эта страна въ церковномъ отношеніи должна была находиться въ зависимости отъ болгарской архіепископіи, а между тѣмъ съ 971 г. весь сѣверный округъ этой страны, съ дунайскимъ городомъ Доростолемъ (Силистріею) во главѣ, составилъ Силистрійскую митрополію, подчиненную константинопольскому патріарху, и въ такомъ положеніи оставленъ Василіемъ II. Чѣмъ объяснить такую нелогичность, какъ не указываемымъ нами отсутствіемъ соотношенія между распространеніемъ *церкви* Болгарской и *государствомъ* Болгарскимъ. Распространеніе той и другаго шло двумя отдѣльными путями, въ началѣ нѣсколько совпадая, но потомъ постоянно расходясь, и дошло дотого, что въ то время, когда большая часть Балканскаго полуострова покрылась болгарскими епархіями, царства Болгарскаго уже не существовало.

Распространенія болгарской церкви тѣмъ болѣе нечего было опасаться византійскому правительству, что высшая іерархія находилась въ рукахъ Грековъ. Сообщивъ Болгарамъ христіанство, Византія озаботилась надѣлить ихъ и служителями церкви: весьма вѣроятно, что

низшіе и второстепенные служители церкви могли найдтись въ средѣ самаго народа, тѣмъ болѣе, что въ началѣ церковный ритуалъ, по своей несложности, могъ быть скоро усвоенъ даже весьма мало образованными людьми. Но для управленія дѣлали церкви и наблюденія за сохраненіемъ народомъ чистоты вѣры, требовались и опытность и нѣкоторая богословская ученость, которыя конечно было трудно встрѣтить даже въ высшихъ классахъ Болгарскаго народа, отличавшихся отъ массы лишь зажиточностью и лучшимъ матеріальнымъ положеніемъ. Такихъ людей подготовленныхъ могла доставлять Византія, услуги которой въ этомъ отношеніи болгарскіе князья, а потомъ цари охотно принимали. Правда, вскорѣ за введеніемъ христіанства въ Болгаріи, возникло церковное несогласіе между Византіею и Болгаріею, но изъ-за вопросовъ, которые къ народности церкви не имѣютъ никакого отношенія. Болгарія желала церковной независимости, желала имѣть архіепископа, который бы не зависѣлъ отъ константинопольскаго патріарха, Византія же не соглашалась не только дать особаго архіепископа для новообращенной страны, но даже епископовъ. Какъ мы знаемъ,—послѣ такого отказа, болгарскій царь обращается къ Риму, прося назначить архіепископомъ папскаго легата Формоса, а когда на выборъ этотъ папа не согласился, болгарскій царь просилъ назначить или лично извѣстнаго ему діакона Марина, или кого нибудь изъ достойнѣйшихъ занять каѳедру архіепископскую, римскихъ кардиналовъ. Папа и на это не согласился, прислалъ въ Болгарію какого то иподдіакона Сильвестра, котораго въ свою очередь Борисъ не желалъ принять, отославъ его обратно, и вслѣдъ за тѣмъ изъ Болгаріи были изгнаны латинскіе священники и возстановилось церковное сближеніе съ Византіею. Это приглашеніе на архіепископскую каѳедру представителей римскаго духовенства, это замѣщеніе даже священническихъ мѣстъ Римлянами показываетъ на сколько великъ былъ въ Болгаріи недостатокъ въ людяхъ подготовленныхъ къ духовному званію. И поэтому:—если болгарскій царь готовъ былъ довѣрить представительство духовной іерархіи Римлянамъ, то тѣмъ болѣе,—въ виду близкихъ отношеній Византіи и Болгаріи,—должно было найдти сюда доступъ греческое духовенство,—разъ только возобновилось церковное соглашеніе между названными странами. По мѣрѣ распространенія въ высшихъ классахъ Болгарскаго народа грекоманіи и моды на все греческое, наплывъ изъ Константинополя въ Болгарію греческаго духовенства усиливался съ каждымъ годомъ. Этому наплаву много содѣйствовали родственныя отношенія какъ болгарскихъ царей съ византійскимъ дворомъ, такъ и болгарскихъ бояръ съ знатными Греками; тѣхъ и другихъ сопровождали греческіе духовники, которые получали въ Болгаріи высшія должности. Въ особенности великъ былъ

наплывъ этихъ лицъ при Петрѣ Симеоновичѣ, который, находясь подъ вліяніемъ своей жены, греческой принцессы Маріи-Ирины, поступалъ во внутреннихъ дѣлахъ государства—по программѣ, начертанной византійскимъ дворомъ. А существенная часть этой программы конечно должна была состоять въ возможно болѣе широкомъ замѣщеніи духовныхъ должностей. Греками или огречившимися Болгарами (болгарофонами), какъ людьми которые своею мирною пропагандою византизма могли исподоволь подготовить политическое торжество Византіи. Кромѣ того: въ лицѣ своего духовенства Византіи имѣла зоркое око, поставленное въ возможность ближе наблюдать за всѣмъ, что дѣлалось въ Болгаріи и что могло интерссовать византійскую политику. Выходя изъ присущей ему сферы религіозно-церковной дѣятельности, эти византійскіе миссіонеры стали вступаться въ сложныя отношенія внутренней жизни народа, распространяя рознь, возбуждая вражду и развивая мысль, что единственное спасеніе народа отъ духовнаго его паденія заключается въ Византіи, которая есть самый вѣрный, самый прямой проводникъ свѣта религіи и образованности. Они достигли отчасти своей цѣли—что касается высшихъ классовъ, близкія отношенія которыхъ къ Византіи, вызвавшія рядъ предательствъ и измѣнъ народному дѣлу, не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Но къ счастію народа эти, смиренные служители церкви греческаго происхожденія, рядомъ съ духовною проповѣдью и византійскою пропагандою, слишкомъ усердно преслѣдовали мірскія цѣли личной наживы на счетъ народа, слишкомъ давали чувствовать послѣднему хищническія свои наклонности, слишкомъ мало даже прикрывали свои безнравственные поступки, чтобы примирить этотъ народъ съ византизмомъ. Отношенія греческаго духовенства къ народу были таковы, что постоянно должны были напоминать народу о невыносимо-тягостномъ нравственно-матеріальномъ положеніи его и служили толчками къ возстанію его. Въ самое тягостное время византійскаго ига (1019—1185), въ то время, когда бояре цѣлыми толпами спѣшили въ столицу имперіи засвидѣтельствовать свои вѣрноподданнѣйшія чувства византійскому императору, заручиться августѣйшимъ благоволеніемъ и получить прибыльныя мѣста, занимая которыя, они нерѣдко возвращались въ Болгарію во всеоружіи нравовъ византійскихъ чиновниковъ,—въ то время невѣжественная масса народная въ ослѣпленіи своемъ продолжала борьбу за идею, за независимость свою, нерѣдко въ ущербъ своимъ ближайшимъ матеріальнымъ интересамъ. Между тѣмъ, какъ бояре болгарскіе, соревнуя другъ передъ другомъ въ усвоеніи византійскихъ нравовъ, проводили пріятную жизнь въ столицѣ и иныхъ большихъ городахъ имперіи, народъ цѣлыми толпами убѣгалъ въ лѣса и горы, чтобы порадѣть объ отвоеваніи націо-

вальной независимости. Въ этой темной массѣ сохранилась идея свободы, отличавшаяся такою живучестью, что всѣ византійскія козни, всѣ грубые и тонкіе подходы радѣтелей византійскаго владычества не могли подавить ее въ конецъ. Даже 500-лѣтнее владычество турецкое оказалось безсильнымъ въ борьбѣ съ этой идеей, которая при всей подавленности Болгарскаго народа давала о себѣ знать отдѣльными взрывами возстанія.

ГЛАВА IX.

Византія въ періодъ крестовыхъ походовъ.

1. Причины возстанія Болгаръ противъ византійскаго владычества. 2. Положеніе Византійской имперіи облегчаетъ развитіе и распространеніе возстанія. 3. Деморализація правящихъ классовъ и внутреннія смуты въ Византіи. 4 Балканскій полуостровъ становится обѣтованною землею для народовъ Запада и Востока. 5. Византія заключаетъ анти-православные и анти-національные союзы для выхода изъ политическихъ затрудненій. 6. Паденіе Византіи и основаніе Латинской имперіи. 7. Заключеніе.

Матеріялъ къ возстанію народа Болгарскаго противъ византійскаго гнета накоплялся и подготовлялся исподоволь, въ теченіи болѣе столѣтія.

Непомѣрные налоги, поглощаемые безпрерывными войнами Византіи, роскошью византійскаго двора и многочисленнымъ чиновничествомъ, хищничество этого послѣдняго, а также и греческаго духовенства, которое къ тому же оскорбляло народъ своимъ высокомѣріемъ—вотъ тѣ общія причины, вызвавшія новое возстаніе народа.

Во главѣ этого возстанія совершенно случайно оказались двѣ личности изъ боярскаго рода—Петръ и Іоаннъ Асѣни, родомъ изъ Тырнова. Подобно многимъ изъ своихъ собратій, бояръ, они пожелали поступить на службу византійскому императору [1]) и конечно заручиться хорошими прибыльными мѣстами, но потерпѣли неудачу. Въ теченіи столѣтія бояре болгарскіе потеряли то обаяніе, которымъ они прежде пользовались въ глазахъ византійскаго правительства, какъ представители своего народа, которыхъ не мѣшало задобрить и прибрать въ руки. Боярское сословіе количественно и нравственно значительно пало, давно перестало быть движущею силою въ средѣ Болгарскаго народа, а потому практическая Византія находила излишнимъ заискивать передъ этими жалкими обломками болгарской аристократіи. Асѣни, считая себя обиженными, примкнули къ инсурреккціи и скоро стали во главѣ ея.

---

[1]) Раичъ, ч. I.

Если указанные факты послужили причиною возстанія, то наступившій кризисъ въ положеніи Византійской имперіи долженъ былъ облегчить развитіе и распространеніе возстанія.

Краткій очеркъ событій въ Византіи со времени смерти Василія II (976—1025 г.) объяснитъ нагляднѣе съ какою настойчивостью эта могущественная имперія Константина Великаго и Юстиніана I стремилась къ паденію, конечный срокъ котораго становился лишь вопросомъ времени [1]).

Рядъ неспособныхъ или безнравственныхъ, себялюбивыхъ правителей, усвоившихъ себя нравы тѣхъ странъ (азіятскихъ), гдѣ имъ приходилось воевать и иногда подолгу жить, смотрѣвшихъ на подвластные имперіи народы какъ на доходныя статьи, которыя они стремились сразу побольше эксплуатировать; легкая возможность появленія на византійскомъ престолѣ разныхъ авантюристовъ изъ среды темныхъ личностей взиравшихъ на императорскую корону, какъ на прерогативу безнаказанно безчинствовать и грабить народы; необозримый штатъ византійскаго чиновничества, которое усердствовало подражать тому, что дѣлалось «тамъ наверху»; вліяніе на политику знатныхъ женщинъ, которыя путемъ интригъ усиливали внутреннія смуты; наконецъ, это духовенство, которое въ Византіи играло непослѣднюю роль въ смутахъ — вотъ тѣ общія черты, которыя отличаютъ исторію Византіи въ XI и XII столѣтіяхъ.

Василіемъ II Болгаробойцемъ завершается блестящій періодъ исторіи Византіи.

Братъ его Константинъ VIII только 3-мя годами (1025—1028 г.) пережилъ его. Имѣя двухъ дочерей Ѳеодору и Зою и опасаясь оставить власть въ рукахъ женщины, Константинъ при жизни намѣтилъ наслѣдникомъ своимъ одного изъ своихъ полководцевъ Романа Аргира, но съ тѣмъ, чтобы тотъ женился на Ѳеодорѣ, при этомъ очень мало заботясь, что Романъ нетолько женатъ, но даже не любитъ свою жену. Таковы были византійскіе нравы. Хотя бракъ съ Ѳеодорой не состоялся, но за то Романъ Аргиръ женился на другой дочери императора Зоѣ. Разборчивая во вкусахъ, Зоя стала тяготиться своимъ супружествомъ, обративъ взоры на стараго, красиваго банкира. Отравивъ мужа 11 апрѣля 1034 г., она вышла замужъ за своего любимца, котораго заставила провозгласить императоромъ подъ именемъ Михаила IV (1037—1041). Правле-

[1]) Дриновъ, Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ, изд. 1876 г.; Шлоссеръ, Всемірная исторія, т II и III, изд. 1869 г.; Finley, History of the Bysant and Greck Empire; Weiss, Byzantinische Geschichte, изд. 1873 г.; Poujoulat, Histoire de Constantinople, comprenant le Bas-Empirr et l'Empire Ottoman, т. I, изд. 1853 г.

ніе его прошло въ неудачныхъ войнахъ съ Печенѣгами, напиравшими со стороны Дуная, и съ Сициліею, которую императоръ безуспѣшно хотѣлъ отвоевать отъ магометанъ, обратившись для этого къ содѣйствію Норманновъ, крейсировавшихъ около береговъ Нижней Италіи. Передъ смертью постригшись въ монахи, Михаилъ IV назначилъ наслѣдникомъ племянника своего, подъ именемъ Михаила V, занимавшагося прежде судостроеніемъ и получившаго прозвище Конопатчика (1041—1042). Личность совершенно недостойная, Михаилъ V былъ изгнанъ изъ своего дворца столичнымъ населеніемъ, которое поступило такъ не безъ указанія царственныхъ сестеръ Θеодоры и Зои, присвоившихъ себѣ императорскую власть, ради которой Θеодора выступила изъ своего монастырскаго заключенія. Но не по силамъ было женщинамъ, да еще враждовавшимъ между собою, управлять государствомъ; изъ нихъ Зоя, уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, предложила руку одному изъ своихъ родственниковъ Константину VII Мономаху (1042—1054), при которомъ возникло столкновеніе Византіи съ Кіевскою Русью по поводу убійства въ Константинополѣ одного изъ русскихъ бояръ. Съ многочисленнымъ флотомъ, состоявшимъ изъ небольшихъ лодокъ, Русскіе спустились по Днѣпру и вдоль береговъ Чернаго моря подошли бы къ самому Константинополю (1043 г.), еслибы сильное теченіе Босфора не остановило дальнѣйшее движеніе. Пользуясь греческимъ огнемъ, Византія уничтожила почти весь русскій флотъ, небольшимъ остаткамъ котораго удалось спастись въ устьяхъ Дуная.

Почти одновременно съ этимъ началось нападеніе Печенѣговъ. Правда, находясь въ невозможности вытѣснить этихъ дикихъ наѣздниковъ, Константинъ VII дозволилъ имъ поселиться въ Дунайской Болгаріи, но они вынужденнымъ подаркомъ не удовольствовались и устремились во Θракію, гдѣ подъ Адріанополемъ разбили на голову высланное имъ на встрѣчу византійское войско. Послѣ ряда пораженій отдѣльныхъ византійскихъ отрядовъ, вся Θракія досталась въ руки Печенѣговъ (1049 г.). Въ эту критическую минуту, когда опасность угрожала самой столицѣ имперіи, призваны были Норманны съ береговъ Италіи. При ихъ содѣйствіи удалось вытѣснить Печенѣговъ изъ Θракіи (1053 г.), а затѣмъ, при содѣйствіи Кумановъ и Узовъ—и изъ Переяславца (1057 г.), гдѣ укрѣпились Печенѣги. Рядомъ съ этимъ продолжались войны съ Сельджуками, которые напирали на столицу имперіи съ Малой Азіи и такимъ образомъ довершали децентрализацію боевыхъ силъ государства, отвлекаемыхъ къ окраинамъ.

Если военныя неудачи матеріяльно обезсиливали государство, то внутреннія смуты деморализировали нравственный его строй. Если бы въ то время путешественникъ заглянулъ въ Константинополь, то гла-

замъ его представилось бы странное зрѣлище беззаботнаго участія столичнаго населенія всѣхъ классовъ въ публичныхъ играхъ и въ иподромѣ; игры и представленія въ иподромѣ возведены были въ какую-то обязанность государства въ отношеніи къ населенію, и каждый императоръ, желавшій ему угодить, старался быть въ особенности щедрымъ въ доставленіи ему этого рода удовольствій. Путешественнику могло-бы показаться, что это не столица той Византійской имперіи, которая разрываема на части внѣшними врагами, а мирный пріютъ наслажденій благами міра сего. Рядомъ съ этимъ его несказанно удивилъ бы тотъ общій интересъ, съ которымъ люди всѣхъ классовъ столицы относились къ отвлеченнымъ спорамъ о религіи. Этотъ споръ принялъ широкіе размѣры, когда въ немъ приняли участіе такіе люди, какъ Михаилъ Херуларій, который хотя и привлекъ на свою сторону столичное духовенство, но не устранилъ повода къ уличнымъ сценамъ насилія. Вслѣдъ за кратковременнымъ правленіемъ Ѳеодоры (1054 – 1056) и Михаила VI (1056—1057), низложеннаго взбунтовавшимися противъ него войсками, престолъ занялъ Исаакъ I Комненъ (1057 – 1059), котораго слѣдуетъ отмѣтить какъ одного изъ лучшихъ, способнѣйшихъ правителей описываемаго періода. Онъ обратилъ особое вниманіе на самое больное мѣсто византійскихъ порядковъ—на финансы; но, сокративъ расходы двора, Исаакъ Комненъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе всей придворной клики, которая своими интригами вызвала угрожающее императору волненіе въ столицѣ, а мѣры, направленныя имъ противъ распространенія поземельныхъ владѣній духовенства, возбудили страшный ропотъ этого непрощающаго за свои обиды класса, который, благодаря пожертвованіямъ знатныхъ ханжей, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ массу поземельныхъ владѣній, изъятыхъ отъ податей.

Удачно воюя съ Венграми, съ которыми императоръ заключилъ выгодный для Византіи миръ, и съ Печенѣгами, которыхъ окончательно вытѣснилъ изъ предѣловъ Византійской имперіи, Исаакъ Комненъ принималъ близкое участіе въ распространеніи образованности. Расчетливый и даже скупой въ придворномъ быту, онъ не жалѣлъ денегъ на учрежденіе школъ, на поддержку учащаго и учащагося люда. Слѣдуетъ только замѣтить, что эта образованность, при всей доброй волѣ императора и разныхъ знатныхъ меценатовъ, далеко не принесла тѣхъ полезныхъ результатовъ, которыхъ ожидали ревнители ея. Вскормленная на классическомъ молокѣ съ приправою богословскихъ тонкостей, она слишкомъ схоластически-односторонне развивала умъ, пріучая его не столько къ логической работѣ, сколько къ софизмамъ. Дѣятельность его тратилась на отвлеченности безъ отношенія ихъ къ жизни и на казуистику, способность къ которой считалась принадлежностью развитаго человѣка.

Оттого Византія преизобиловала людьми патентованно-образованными, изощрившимися въ знаніи Аристотеля, Платона и софистовъ или изучившими всю церковную ученость, но которые увы, по отношенію къ культурной жизни народовъ имперіи оставались вполнѣ мертвымъ капиталомъ.

Такого рода образованность была однако въ великомъ почетѣ въ высшихъ классахъ. Правительство прибѣгало къ искуственнымъ мѣрамъ для распространенія такого образованія. принявъ за правило раздавать должности служебныя лишь людямъ, представившимъ удостовѣреніе ихъ патентованнаго образованія. Мода на эту образованность не обошла и женщинъ, между которыми извѣстны Евдокія, жена императоровъ Константина Дука и Романа Діогена, которая написала нѣсколько ученыхъ книгъ, и Анна Комненъ, пріобрѣвшая извѣстность исторіею правленія своего отца—императора Алексѣя I. Самъ Исаакъ Комненъ находилъ время заниматься науками, а предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ Псёлъ считался даже однимъ изъ знаменитѣйшихъ византійскихъ ученыхъ своего времени, отличавшимся такою удивительною многосторонностью знанія, что составилъ энциклопедію, въ которой начавъ съ догматики, кончилъ поваренным искуствомъ; въ довершеніе всего онъ рѣшился подвизаться даже въ стихотворствѣ, переложивъ гражданскіе законы въ стихи. Какъ человѣкъ, онъ отличался угодничествомъ передъ сильными міра сего; восхваляя въ своихъ сочиненіяхъ людей недостойныхъ, но сильныхъ при дворѣ.

Обойдя своихъ родственниковъ, Исаакъ Комненъ назначилъ наслѣдникомъ своимъ простаго воеводу, который вступилъ на престолъ подъ именемъ Константина VIII Дука (1059—1067).

Такова была мода на образованность, въ особенности при дворѣ, что этотъ простой воевода, сдѣлавшійся императоромъ, вдругъ почувствовалъ себя ученымъ и даже ораторомъ. Окружавшіе его софисты конечно постарались укрѣпить въ немъ это самомнѣніе, а также и прославить необыкновенную ученость его жены Евдокіи, которая извѣстна составленіемъ бездарныхъ компиляцій,—что ей не мѣшало однако же заводить и любовныя интрижки. Такъ вслѣдъ за смертью своего мужа, взявшаго съ нея обѣщаніе остаться во вдовствѣ, она обратила свои взоры на красиваго и статнаго генерала Романа Діогена, присужденнаго къ смерти за измѣну. Увидавъ его въ оковахъ, она пришла въ негодованіе, что «столько красоты и молодости обречено въ добычу палачу». Евдокія велѣла снять оковы и разорвавъ актъ, обрекавшій ее вдовству, вышла замужъ за Діогена. 1-го января 1068 года онъ провозглашенъ былъ императоромъ подъ именемъ Романа IV Діогена.

Война съ Сельджукскими Турками, во главѣ которыхъ, занимавшихъ

въ то время Харасанъ, стоялъ Али-Арсланъ, увлекла Романа въ Азію. Завоевательные успѣхи Турокъ стали угрожать Византіи. Перейдя Ефратъ въ числѣ 40,000 всадниковъ, Турки завладѣли столицею Кападокіи, Цезареею, завоевали Арменію съ южнымъ Закавказьемъ. Встрѣча произошла между Эрзерумомъ и Ваномъ. Греки потерпѣли пораженіе, самъ императоръ попался въ плѣнъ, изъ котораго вскорѣ былъ освобожденъ Али-Арсланомъ. Дошедшая въ столицу вѣсть о пораженіи Романа подняла на ноги недовольную имъ партію; она настояла на низложеніи Романа. Узнавъ о возстаніи, Романъ собралъ остатки войскъ съ тѣмъ, чтобы силою проникнуть въ столицу. Въ г. Аданѣ, вынужденный голодомъ, онъ сдался военачальнику Андронику въ плѣнъ. Несмотря на обѣщаніе удалиться въ монастырь, Романъ былъ ослѣпленъ варварскимъ образомъ, причемъ съ горечью вспомнилъ онъ великодушіе главы невѣрныхъ. Императоромъ провозглашенъ сынъ Евдокіи Михаилъ VII (1071—1078), который за свою непомѣрную жадность и алчность къ деньгамъ получилъ прозвище Парапинока. И въ его время Византіи приходилось децентрализировать свои силы для защиты окраинъ: Норманны продолжали хозяйничать въ Италіи и подъ предводительствомъ Роберта Гюи скоро захватили всѣ византійскія владѣнія въ южной Италіи; въ Малой Азіи къ столицѣ придвигалась грозная сила Сельджукскихъ Турокъ; со стороны Дуная угрожали Мадъяры, Сербы, Кроаты, Болгары, изъ коихъ первые завладѣли Бѣлградомъ. Только разладица между этими народами и ловкая политика Византіи, сѣявшая и раздувавшая вражду между своими противниками, отвратила удары, которые тѣ могли нанести, дѣйствуя согласно. Такъ Болгары и Сербы проникли почти до окрестностей столицы, но не обезпечивъ себя ни одною крѣпостью, не оградивъ тыла и, въ довершеніе всего, перессорившись изъ-за дѣлежа добычи, они были по частямъ разбиты (1075 г.). Этимъ же объясняютъ неудачи Славянъ въ Иллирикѣ, которымъ Византія должна была дорожить, какъ оплотомъ противъ нашествія Норманновъ. Сюда былъ посланъ искусный полководецъ Никифоръ Вріенній, который подавилъ возстаніе въ Иллирикѣ и очистилъ Адріатическое море отъ морскихъ разбойниковъ. Несмотря на эти заслуги, Вріенній, благодаря придворнымъ интригамъ, былъ удаленъ. Это, а также и расположеніе къ нему войска, побудило Вріеннія схватиться за оружіе съ тѣмъ, чтобы, по примѣру своихъ предшественниковъ, силою завладѣть престоломъ. Провозгласивъ себя императоромъ (1077), онъ двинулся на столицу, но долженъ былъ отступить, такъ какъ большая часть его войска, состоявшая изъ Норманновъ, предалась на сторону Михаила. Только что удалился этотъ претендентъ, какъ явился новый—Никифоръ Ватаніатъ, которому,—хотя Михаилъ и уступилъ мѣсто (1078 г.),—пришлось потя-

гаться съ прежнимъ претендентомъ Вріенніемъ. Въ сраженіи, происшедшемъ между ними, Греки принимали наименьшее участіе: Печенѣжскія орды со стороны Никифора Вріеннія и Сельджукскіе Турки—со стороны Никифора Ватаніата,—вотъ главныя дѣйствующія лица; подобно императорскому Риму, и въ Византіи чужеземцы вступались въ домашнія дѣла внутреннихъ смутъ. Никифоръ Вріенній и союзникъ его Василаки были взяты въ плѣнъ и подверглись обычной въ Византіи расправѣ — ослѣпленію. Никифоръ Ватаніатъ остался императоромъ (1078 — 1081 г.), время котораго замѣчательно лишь придворными интригами и возростаніемъ вліянія знатныхъ женщинъ. Скупой, трусливый и брюзгливый, Никифоръ Ватаніатъ не могъ пользоваться расположеніемъ ни войскъ, ни населенія столицы.

Двое изъ его полководцевъ Мелиссенъ и Алексѣй Комненъ отказались ему повиноваться и оставивъ свои посты въ Малой Азіи и во Ѳракію, подступили къ Константинополю, которымъ легко овладѣли, благодаря измѣнѣ одного чужеземнаго отряда и Георгія Палеолога, командовавшаго императорскимъ флотомъ. Столица предана была такому повальному грабежу со стороны войскъ Алексѣя Комнена, которому могли позавидовать самые дикіе варвары. Солдаты проникали во дворцы, церкви, монастыри, грабя или уничтожая все что нельзя было унести; они проникали въ частные дома, насилуя тамъ дѣвушекъ и женщинъ. Алексѣй, провозглашенный императоромъ подъ именемъ Алексѣя I Комнена (1081—1117 г.), рѣшился принести публичное покаяніе за неистовства, совершенныя его войсками; онъ добровольно подчинился эпитиміи, положенной на него патріархомъ, и этимъ успѣлъ примирить населеніе столицы.

Время Комненовъ совпало съ крестовыми походами, которые хотя и обезпечили временно Византію со стороны Азіи, имѣли гибельное вліяніе на внутреннее состояніе этой имперіи, усиливъ чужеземный въ ней элементъ въ видѣ притекавшихъ, вмѣстѣ съ этимъ громаднымъ движеніемъ Запада, наемниковъ, торговцевъ и всяческихъ авантюристовъ. Они усиливали внутреннія смуты, такъ что за деньги охотно предлагали свои услуги то одной, то другой партіи и въ этой своеобразной формѣ положили начало дипломатическимъ отношеніямъ Запада къ Балканскому полуострову. Кромѣ народовъ Запада, сюда стекались сыны Азіи и Африки, съ которыми Византія хотя и воевала, отстаивая свои восточныя провинціи, но по временамъ и дружилась, когда нужно было отстаивать западныя провинціи отъ Славянъ, Мадъяръ и Нѣмцовъ. Константинополь представлялъ собою международный городъ. въ которомъ трудно было указать на преобладаніе какой-либо одной національности. Цѣлыя улицы заселены были Венеціянцами, Генэзцами

и Пизанцами, судившимися по своимъ законамъ; Турки и Арабы занимали отдѣльные кварталы и тоже управлялись своими законами, пользовались особыми торгово-промышленными привиллегіями; крестоносцы, подъ именемъ «Франковъ», усилили пестроту. Константинополь представлялъ собою множество status in statu, между собою враждебныхъ, стремившихся поглотить другъ друга, выставлявшихъ своихъ императоровъ, которые давно сдѣлались манекенами въ водоворотѣ событій. Если Византія еще держалась, то лишь благодаря отсутствію сильнаго толчка извнѣ. Правда, враги на нее напирали со всѣхъ сторонъ, но дѣйствуя отрывочно, безсвязно, они хотя и отрывали отъ нея одну область за другой, но не въ силахъ пока были нанести ей смертельнаго удара. Опасность теперь стала угрожать со стороны крестоносцевъ. Какъ ни возвышенна была цѣль, къ которой они стремились, но на длинномъ пути изъ Франціи, Испаніи, Англіи и Германіи благородные порывы борьбы съ невѣрными значительно поохладѣли. Вступивъ въ столицу имперіи, крестоносцы были поражены ея ослѣпительнымъ богатствомъ, о которомъ они судили между прочимъ по безумной роскоши двора и высшихъ классовъ. Сами не замѣчая, они втянулись въ складъ новой для нихъ жизни, которая представляла столько привлекательнаго своимъ невиданнымъ ими комфортомъ; они скоро начали свыкаться съ нѣгою Юга, который до этого представлялся имъ лишь въ сладкихъ грезахъ, да знакомъ былъ изъ фантастическихъ романовъ. Не думая ни идти дальше, ни возвращаться назадъ, эти бойцы за вѣру расположились въ Византіи какъ дома, предаваясь жизни полной приключеній; но не переставая считать себя спасителями христіанства, выказывали крайнюю притязательность на гостепріимство и стали весьма дорого стоющими гостями новаго ихъ отечества. Кромѣ того, ведя жизнь праздную, эти пришельцы всегда охотно принимали участіе во внутреннихъ смутахъ, за деньги продавая свои симпатіи, и стали такимъ образомъ новымъ горючимъ матеріаломъ въ общественномъ строѣ государства. Наконецъ ища разнообразія, эти рыцари разбрелись по провинціямъ, которыя представляли имъ еще болѣе обширное поприще для всякаго рода приключеній. Все вмѣстѣ взятое объясняетъ и отчасти оправдываетъ двусмысленное лавированье Алексѣя Комнена и даже коварство его въ отношеніи къ этимъ защитникамъ гроба Господня. Своимъ маневрированіемъ онъ достигъ того, что значительную часть этихъ искателей приключеній спровадилъ дальше, и кромѣ того заставилъ князей Запада признать его власть, какъ византійскаго императора.

Подобно Алексѣю I, сынъ его Іоаннъ занялъ престолъ при содѣйствіи войска и подкупленной черни, которая при всемъ своемъ невѣжествѣ, подталкиваемая другими, принимала участіе въ дѣлахъ политическихъ; замѣ-

чательно, что Турокъ былъ командующимъ тѣхъ войскъ, которыя возвели на престолъ Іоанна (1117 — 1143 г.). Братъ его Мануилъ I (1143—1180), пріобрѣлъ еще прежде, въ качествѣ полководца, извѣстность своими военными дарованіями. Хотя онъ обнаруживалъ большее расположеніе къ пришлымъ рыцарямъ, самъ считаясь первымъ рыцаремъ по отвагѣ и храбрости; но вскорѣ, во время крестоваго похода Конрада III и Людовика, долженъ былъ искать помощи у Сельджуковъ противъ «братьевъ о Христѣ», которые вторгались въ церкви, срывали драгоцѣнныя ризы и камни и хозяйничали въ столицѣ, какъ въ непріятельскомъ лагерѣ, только что взятомъ съ бою. Вскорѣ однакоже возобновились дружелюбныя отношенія къ представителямъ рыцарства, за что возбудилъ противъ себя неудовольствіе духовенства, опасавшагося вліянія латинства на православіе императора, тѣмъ болѣе послѣ женитьбы его на католичкѣ. Эта вражда съ полной силою разыгралась уже послѣ смерти Мануила, которому наслѣдовалъ малолѣтній сынъ его Алексѣй II Комненъ (1181 — 1183 г.), къ несчастію нашедшій себѣ противника въ извѣстномъ своими приключеніями Андроникѣ, племянникѣ покойнаго императора. Герой почти невозможнаго по размѣрамъ извращенной нравственности, низости, отчаянной смѣлости и неустанной энергіи уголовнаго романа, онъ понравился Мануилу своею физическою силою и ловкостью въ рыцарскихъ забавахъ. Посланный въ Киликію (1153 г.), противъ Армянъ, Андроникъ показалъ нѣсколько случаевъ личной храбрости, но какъ командующій оказался неспособнымъ и былъ скоро отозванъ. Возвратившись, Андроникъ завелъ сношенія съ Мадьярами, прося ихъ содѣйствія къ овладѣнію византійскимъ престоломъ. Уличенный въ этомъ, Андроникъ былъ схваченъ, но по необъяснимой слабости императора, вслѣдъ за этимъ освобожденъ. Въ отвѣтъ на такое благоволеніе, Андроникъ въ самой столицѣ составилъ заговоръ противъ императора, и какъ разсказываютъ, даже покушался на его жизнь. Заговоръ не состоялся, покушеніе было остановлено и Андроникъ, вновь схваченный, на этотъ разъ поплатился 9-ти лѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, ему наконецъ удалось бѣжать въ Россію. Для такого авантюриста не существовало затрудненій ни въ пространствѣ, ни въ неизвѣстности страны, куда ему приводилось бѣжать. Въ Россіи Андроникъ обратился подъ покровительство галицкаго князя Ярослава, и это послужило причиною къ примиренію авантюриста съ императоромъ, который опасался, что ловкій интригатъ съумѣетъ устроить столкновеніе Россіи съ Византіей, а этого императоръ сильно не желалъ. Возвратившійся въ столицу Андроникъ искренне или притворно былъ обласканъ императоромъ, который вновь назначилъ его командующимъ войсками въ Киликіи. На этотъ разъ Андроникъ, по

прежнему обнаруживъ свою полководческую неспособность, оказался просто негодяемъ въ обыкновенномъ криминальномъ смыслѣ слова: захвативъ военную кассу, онъ бѣжалъ. Послѣ ряда приключеній, болѣе уголовныхъ, чѣмъ рыцарскихъ, Андроникъ предложилъ свои услуги Туркамъ, но и въ ихъ глазахъ онъ показался настолько гнуснымъ человѣкомъ, что тѣ нетолько отказались отъ его услугъ, но и прогнали его. Тогда Андроникъ завелъ разбойничій притонъ въ горахъ Арменіи и открылъ торговлю своими единовѣрцами, продавая ихъ въ рабство. За это церковь предала его анаѳемѣ. Связанный съ длиннымъ рядомъ самыхъ чудовищныхъ преступленій, этотъ человѣкъ возымѣлъ мысль добиться престола, — но для этаго нужно было помириться съ духовенствомъ, какъ сословіемъ, имѣвшимъ обширное вліяніе въ Византіи. Андроникъ рѣшился покаяться и въ одинъ прекрасный день этотъ герой уголовныхъ романовъ, къ удивленію константинопольцевъ, хорошо знавшихъ его, вступаетъ въ столицу во образѣ кающагося грѣшника, босый, съ веригами и непокрытою головой. Усердно поюродствовавъ, Андроникъ получилъ полное прощеніе своихъ грѣховъ и разрѣшенъ отъ тяготѣвшей надъ нимъ анаѳемы; даже императоръ полупростилъ его, удаливъ его впрочемъ въ живописный городъ Эне. Пользуясь здѣсь полною свободою, Андроникъ вслѣдъ за смертью Мануила завелъ переговоры съ партіею, недовольною приближенными молодаго императора Алексѣя II (1183—1185), въ средѣ которыхъ наибольшую ненависть съумѣлъ возбудить своими симпатіями къ латинянамъ протосевасторъ (государственный министръ) Алексѣй. Андроникъ и его партія еще болѣе раздули вражду столичнаго населенія и войска къ латинянамъ, которыхъ они не отдѣляли отъ императорскаго двора, и благодаря этому общему настроенію, лишь только авантюристъ вступилъ въ столицу, какъ былъ привѣтствованъ восторженно населеніемъ—чуть-ли не въ качествѣ спасителя отъ латинскаго ига. Провозгласивъ Андроника соправителемъ, греческое населеніе столицы съ остервенѣніемъ бросилось на латинянъ, убивая женщинъ, дѣтей и стариковъ. Послѣ варварскихъ истязаній, погибли приближенные молодаго императора, а также и мать послѣдняго, которую нѣсколько дней передъ смертью морили голодомъ и на посмѣшище полуодѣтою выводили къ народу. За матерью послѣдовалъ молодой императоръ: его задушили. Попирая трупъ ногами, Андроникъ приказалъ отрубить у него голову, представить ее себѣ и отмѣтивъ ее императорскою печатью, велѣлъ бросить трупъ въ море (1183 г.). Андроникъ явилъ собою образецъ неистощимаго разнообразія и удивительныхъ противорѣчій въ человѣческой природѣ. Казалось бы въ такой личности трудно или почти невозможно найти какія-либо свѣтлыя стороны, а между тѣмъ, какъ бы въ насмѣшку всякой логикѣ, Андро-

никъ. какъ правитель обширной имперіи, кромѣ искуства справляться съ врагами, обнаружилъ благородныя черты сочувствія къ низшей братіи. Она изнывала отъ хищничества многосложнаго византійскаго чиновничества; цѣлыя массы обнищалыхъ поселянъ стекались въ столицу имперіи, какъ бы для вящаго контраста съ внѣшнимъ блескомъ и веселой жизнью столичнаго населенія. Андроникъ ввелъ рядъ строгихъ мѣръ противъ злоупотребленій, не только чиновничества, но и вообще знатныхъ классовъ, эксплуатировавшихъ безчеловѣчно массу народную. Онъ безпощадно преслѣдовалъ разнаго рода хищниковъ, безъ различія общественнаго и служебнаго ихъ положенія. Рядомъ съ этимъ онъ старался остановить развитіе пролетаріата, давая обширныя работы по улучшенію городовъ бѣднякамъ. Какими бы мотивами онъ при этомъ ни руководствовался, указанныя отношенія Андроника обрисовываютъ его съ хорошей стороны. Недолго однако же продолжалось правленіе Андроника. Наступило то время, когда всякій искатель приключеній, обладавшій нѣкоторою долей смѣлости и которому нечего терять, могъ болѣе или менѣе довольно солидно расчитывать на пріобрѣтеніе императорской короны; когда одновременно и въ разныхъ частяхъ имперіи стало появляться нѣсколько претендентовъ на императорскій престолъ, которые всегда могли надѣяться на пособниковъ среди народовъ имперіи. Въ данное время такимъ претендентомъ явился Исаакъ-Ангелъ, поселившійся на островѣ Кипрѣ, гдѣ онъ отъ нечего дѣлать провозгласилъ себя императоромъ. Слѣдя за событіями, происходящими въ столицѣ и узнавъ, что высшіе классы населенія очень бы желали освободиться отъ Андроника, онъ сблизился съ Норманнами и побудилъ ихъ къ мести за павшихъ единовѣрцевъ. Съ собраннымъ изъ разныхъ наемниковъ войскомъ, претендентъ овладѣлъ Солунью и предалъ единовѣрное населеніе народа на жертву безчеловѣчныхъ насилій и звѣрства, въ сравненіи съ которымъ можно считать пустяками все, что совершили Турки триста лѣтъ спустя при взятіи Константинополя. Между тѣмъ, возстаніе въ столицѣ развивалось. То самое населеніе, которое восторженно привѣтствовало Андроника, теперь, лишь только Исаакъ-Ангелъ вступилъ въ Константинополь, съ такими же криками: «да здравствуетъ Исаакъ императоръ!» встрѣтило новаго претендента (1185 г.). Многочисленная толпа ворвалась во дворецъ и отыскавъ тамъ Андроника, предала его мучительнымъ истязаніямъ: ему выкололи одинъ глазъ, отрѣзали обѣ руки и чтобы въ-досталь надсмѣяться, нарядили въ платье паяца и посадивъ на верблюда, возили въ такомъ видѣ по главнымъ улицамъ Константинополя. Причемъ горожане прибѣгали еще къ инымъ оскорбленіямъ, на которыя способенъ лишь народъ развращенный и потерявшій сознаніе человѣчности. Въ заключеніе Андроникъ привезенъ былъ

въ иподромъ, гдѣ, къ общему удовольствію многочисленнаго люда, эксъ-императора повѣсили за ноги. На такіе подвиги съ рѣзкими переходами отъ благоговѣнія къ ненависти, выражаемой притомъ въ самой звѣрской, цинической формѣ, способенъ лишь народъ, потерявшій всякое уваженіе къ себѣ. Какая бы жалкая судьба безвозвратнаго паденія ожидала народы Балканскаго полуострова, если бы господству этого византійскаго строя жизни не былъ положенъ конецъ турецкимъ владычествомъ, которое никогда не могло имѣть такого деморализующаго вліянія на народы полуострова уже потому, что вслѣдствіе религіозной розни, христіанскіе народы держались отчужденно, въ интимныхъ отношеніяхъ своихъ, къ завоевателямъ.

Исаакъ II Ангелъ (1185—1195 г.), со всѣми замашками деспотизма, отличался трусостью и совершенною неспособностью справляться съ трудными обстоятельствами, при которыхъ ему пришлось стоять во главѣ имперіи. Окруженный иноземцами, какъ всякій малодушный и мнительный деспотъ, онъ, узнавъ о крестовомъ походѣ Фридриха Барбароссы, не остановился передъ союзомъ съ Саладиномъ, врагомъ христіанства, для отраженія своихъ христіанскихъ братій, между тѣмъ какъ Фридрихъ Барбаросса съ негодованіемъ отвергнулъ предложеніе Болгаръ завоевать Константинополь. Вскорѣ послѣ этого похода Исаакъ былъ свергнутъ своимъ братомъ, который подъ именемъ Алексѣя III провозгласилъ себя императоромъ (1195—1203 г.). Тягостью усиленныхъ имъ налоговъ, которые шли на роскошную обстановку двора и раздачу наградъ низкимъ угодникамъ, императоръ вызвалъ повсемѣстное возстаніе народностей Балканскаго полуострова, изъ которыхъ еще раньше возставшіе Болгары организовали довольно грозную для Византіи силу, а отдѣльные города Малой Азіи, страдая подъ византійскимъ игомъ, предпочли перейдти подъ покровительство Турокъ.

Между тѣмъ наступилъ четвертый крестовый походъ, въ которомъ Венеціанцы, съ дожемъ ихъ Генрихомъ Дандало во главѣ, играли важнѣйшую роль, принявъ на себя за денежное вознагражденіе и обѣщаніе въ дѣлежѣ имперіи доставить крестоносцевъ въ Константинополь. Ими воспользовались выпущенные на свободу Исаакъ Ангелъ и сынъ его Алексѣй, племянникъ императора, которые вошли въ соглашеніе съ крестоносцами, обѣщая имъ богатое вознагражденіе за содѣйствіе, за возвращеніе второму изъ нихъ императорской короны. Лѣтомъ 1203 г. крестоносцы подступили къ столицѣ. Перепуганный императоръ Алексѣй III, не разсчитывая на поддержку своего войска и населенія, поторопился бѣжать, оставивъ даже напроизволъ судьбы жену и двухъ своихъ дочерей, но не забылъ захватить государственную казну и коронные бриллианты. Положеніе возстановленнаго императора Исаака Ангела было

крайне затруднительно: съ одной стороны духовенство и подговоренная имъ чернь городская не могли выносить близкихъ отношеній императора и его сына Алексѣя IV съ Латинянами, а съ другой непомѣрно тяжкія условія, принятыя его сыномъ въ отношеніи къ крестоносцамъ, которымъ, кромѣ громаднаго денежнаго вознагражденія, онъ обѣщалъ подчинить греческую церковь папѣ; къ тому же присоединилось еще угрожающее движеніе Болгаръ, которыхъ велъ на столицу изгнанный Алексѣй III. Все это возбудило нерасположеніе къ императору какъ столичнаго населенія съ духовенствомъ во главѣ, такъ и крестоносцевъ. Воспользовавшись такимъ положеніемъ императора межъ двухъ огней, нѣкто Алексѣй Мурзуфлъ устроилъ одну изъ тѣхъ придворныхъ революцій, которыя въ Византіи стали совсѣмъ обычнымъ дѣломъ. Выманивъ сына императора Алексѣя изъ дворца, онъ велѣлъ его схватить и удушить, послѣ чего вскорѣ Исаакъ Ангелъ уступилъ мѣсто новому авантюристу, провозглашенному императоромъ подъ именемъ Алексѣя V Мурзуфла.

Недолго суждено было новому правителю занимать императорскій престолъ. Крестоносцы, наученные опытомъ не вѣрить обѣщаніямъ византійскихъ императоровъ, предпочли отъ своего имени и для себя завоевать Константинополь. Съ относительно малыми силами, но съ большою энергіею и съ вѣрой въ успѣхъ поведенъ былъ штурмъ города, который 12 апрѣля 1204 г. палъ и на берегахъ Босфора возникло латинское государство на феодальныхъ началахъ, — непонятныхъ и чуждыхъ народностямъ Балканскаго полуострова, т. е. возникъ политическій хаосъ.

Настоящій очеркъ Византіи въ періодъ крестовыхъ походовъ указываетъ, что рядомъ съ внутренними причинами, вызвавшими возстаніе Болгаріи въ концѣ XII ст., т. е. хищничествомъ византійскаго чиновничества, непомѣрными налогами, безчеловѣчною эксплуатаціею массы народа греческимъ духовенствомъ, налагавшимъ произвольно на народъ поборы, обременявшимъ его натуральными повинностями въ отношеніи къ многочисленнымъ своимъ имѣніямъ—развитіе и распространеніе возстанія облегчались безсиліемъ имперіи, которая была раздираема внутренними смутами, войска которой болѣе заняты были уличной рѣзней при частыхъ дворцовыхъ революціяхъ, чѣмъ охраною окраинъ имперіи отъ внѣшнихъ нападеній. Для войны съ Турками Византія еще напрягала послѣднія свои силы, такъ какъ этотъ воинственный народъ гото-

вился нанести ударъ въ самое сердце имперіи: столичное населеніе съ праваго берега Босфора съ ужасомъ замѣчало по временамъ летучіе отряды Турокъ, подходившихъ почти къ самому Скутари. Что же касается движенія непріятелей со стороны Дуная, то здѣсь Византія ограничивалась палліативами, соглашаясь на компромиссы и временныя уступки. Наконецъ съ 1004 г. въ теченіе болѣе полустолѣтія Византійская имперія не существовала; Балканскій полуостровъ сдѣлался безхозяйнымъ res nullius. При такихъ благопріятствующихъ событіяхъ распространялось возстаніе Болгаръ.

ГЛАВА X.

Возстановленіе политической независимости Болгаріи въ XIII вѣкѣ.

1. Начало возстанія Болгаръ. 2. Болгары прибѣгаютъ къ иноземной помощи. 3. Сношенія съ Римомъ. 4. Руководители народа сближаются съ Греками противъ Латинянъ. 4. Новый разрывъ съ Греками: Колоіанъ-Грекобойца. 6. Интересы личной власти правителей Болгаріи предаютъ страну въ жертву туземныхъ и иноземныхъ хищниковъ. 7. Іоаннъ Асѣнь, какъ одинъ изъ лучшихъ правителей возрожденнаго государства Болгарскаго. 8. Паденіе политической Болгаріи совершилось задолго до нашествія турецкаго.

Какъ мы видѣли, во главѣ возстанія Болгаріи стали братья Петръ и Іоаннъ Асѣни. Обиженные императоромъ, они собрали народъ въ г. Тырновѣ, мѣсто ихъ родины, и здѣсь передъ мощами св. Димитрія поклялись возвратить потерянную свободу, причемъ старшій изъ братьевъ, Петръ тутъ же провозглашенъ былъ царемъ не только Болгаріи, но и Греціи, и избранъ патріархъ Василій, съ подчиненіемъ ему всѣхъ болгарскихъ епархій. Что же касается *дѣйствительнаго* отвоеванія независимости, но оно началось съ нападенія на Преславъ; отсюда Болгары устремились во Ѳракію, гдѣ, застигнутые въ-расплохъ, были разсѣяны византійскимъ войскомъ.

Не разсчитывая на свои силы, Болгары прибѣгли къ помощи кочевавшихъ за Дунаемъ Кумановъ и въ союзѣ съ ними совершали опустошительные набѣги на города Ѳракіи; на этотъ разъ удача сопровождала Болгаръ; при нѣсколькихъ встрѣчахъ съ Греками, они или ловко заманивали послѣднихъ въ засады и по частямъ уничтожали византійскія войска, или, въ открытомъ полѣ, наносили пораженіе. Успѣхи ихъ объясняются частью двусмысленнымъ поведеніемъ византійскихъ полководцевъ, которые нерѣдко въ пылу сраженія покидали поле битвы, лишь только получали изъ столицы извѣстія о придворныхъ смутахъ, въ которыхъ нужно было поддержать того или другаго претендента.

Повидимому, считая Предъ-Балканскую страну отвоеванною, хотя впрочемъ все Черноморское побережье оставалось въ рукахъ Грековъ, Болгары продолжали наводить ужасъ на Ѳракію. Это не была война

осмысленная разумною цѣлью; это былъ рядъ партизанскихъ набѣговъ, въ которыхъ принимали участіе не только Болгары, но Куманы и Влахи. Разореніе городовъ и избіеніе жителей—вотъ результатъ этихъ набѣговъ, которые въ большинствѣ оставались безнаказанными только потому, что партизаны, пользуясь мѣстностью, обыкновенно внезапно нападали на города и селенія и быстро скрывались подъ защитой горъ и лѣсовъ. Нѣсколько разъ Греки были разбиваемы въ горныхъ тѣснинахъ Предъ-Балканской страны, такъ напр. въ 1190 г. они потерпѣли полное пораженіе при Эски-Загрѣ; послѣ этой побѣды Болгары попытались овладѣть Черноморскимъ побережьемъ, но начали съ самой сильной здѣсь крѣпости Варны, взять которую было не по ихъ средствамъ. Удачная вылазка сильнаго византійскаго гарнизона разсѣяла безпорядочную и притомъ разношерстную толпу инсургентовъ. Они бросились къ другому прибрежному городу Анхіолу; но и здѣсь набѣгъ ихъ ограничился опустошеніемъ окрестностей города.

Успѣшнѣе дѣйствовала западная инсуррекція: ей удалось завладѣть укрѣпленнымъ городомъ Софіей,—этимъ древнимъ оплотомъ Западной Болгаріи.

Крестовый походъ Фридриха Барбароссы подалъ руководителямъ народа мысль — дешевыми средствами разгромить Византію при содѣйствіи крестоносцевъ. Не только Болгары, но и Сербы въ такомъ смыслѣ отнеслись къ крестоносцамъ, которые шли къ Константинополю чрезъ Бѣлградъ, Нишъ, Софію. Глава крестоносцевъ, Фридрихъ Барбаросса былъ встрѣченъ въ г. Нишѣ Болгарами и Сербами съ большими почестями, какъ предполагаемый могущественный союзникъ. Болгары предлагали ему вспомогательное войско съ тѣмъ, чтобы Петръ Асѣнь признанъ былъ не только царемъ болгарскимъ, но и императоромъ византійскомъ [1]). Такая нелѣпая фантазія предводителя инсуррекціи, конечно, была отвергнута, такъ какъ при всей деморализаціи византійскаго строя жизни, онъ все же на Балканскомъ полуостровѣ представляла собою начала цивилизаціи въ то время, когда Болгары могли считаться еще, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія Латинянъ, народомъ варварскимъ: Болгарамъ такимъ образомъ пришлось остаться при прежнихъ своихъ союзникахъ—Куманахъ. Въ то время, когда Сербы громили Адріатическое побережье, они вмѣстѣ съ Куманами проникли въ Македонію, гдѣ подъ городомъ Сересомъ почти истребили византійскій отрядъ и стали хозяйничать не только въ Македоніи, но и въ Ѳессаліи.

При совершенномъ безсиліи византійскаго правительства къ поддержанію разрушающаго зданія, которое называется Византійской имперіей

¹) Engel, Geschichte der Bulgaren.

XII-го столѣтія, при единствѣ инсуррекціоннаго движенія, Болгарамъ представлялась теперь же возможность отвоевать себѣ полную независимость и образовать могущественное славянское государство. Но такого единства не было, недоставало и общей ясной идеи во всѣхъ завоеваніяхъ Болгаръ. Притомъ же внутренніе раздоры, поддерживаемые византійцами, вмѣшательство Латинянъ, Кумановъ и Сербовъ, во всякомъ случаѣ должны были парализовать общій планъ дѣйствій.

Несмотря на то, что царемъ провозглашенъ былъ Петръ, въ дѣйствительности ходомъ возстанія управлялъ братъ его, Иванъ Асѣнь, который, послѣ нѣсколькихъ успѣховъ военныхъ, сталъ относиться къ народу, какъ неограниченный монархъ. Противъ него не замедлила образоваться партія недовольныхъ, во главѣ которой стоялъ нѣкто Иванко изъ боярскаго рода, примкнувшій къ народу. Но, къ сожалѣнію, имъ руководило больше личное нерасположеніе къ Асѣню, чѣмъ оскорбленное народное чувство. Убивъ Ивана въ 1196 году, онъ бѣжалъ подъ покровительство Византіи. Толпа призвала Петра, вторично провозглашеннаго царемъ, совмѣстно съ младшимъ его братомъ Колоіаномъ. Вскорѣ, въ 1197 году, его постигла участь Ивана: онъ былъ убитъ своими приближенными. Такимъ образомъ Колоіанъ (1197—1207) остался навремя единственнымъ царемъ Болгаріи, которая, въ сущности, ограничивалась округомъ Тырновскимъ и смежными съ ними.

Отсюда Колоіанъ съ Куманами и Влахами предпринималъ набѣги на Черноморское побережье, Ѳракію и Македонію. По разрушительности этихъ войнъ и свирѣпости, съ которою истреблялись византійскіе отряды, застигнутые въ расплохъ, по насиліямъ надъ греческимъ населеніемъ. Колоіанъ заслужилъ названіе Грокобойца и титуломъ этимъ очень гордился.

Ведя вполнѣ разбойническую войну, Колоіанъ, однако, по примѣру своихъ предшественниковъ, очень интересовался высшимъ освященіемъ своего царскаго титула. Не разсчитывая на признаніе этого титула со стороны Византіи, онъ завелъ сношенія съ Римомъ. Могущественный епископъ римскій Иннокентій III, творецъ альбигойскихъ войнъ и ревнивый распространитель католицизма, снизошелъ до переговоровъ съ quasi-царемъ презираемаго Западомъ Болгарскаго народа. На предложеніе Колоіана признать главенство римской церкви, онъ послалъ въ Тырново, въ 1204 году, своего легата съ королевскою короною; легатъ этотъ вѣнчалъ Колоіана королевскимъ вѣнцомъ и возвелъ архіепископа тырновскаго, Василія, въ званіе примаса. Вмѣстѣ съ короной, папа прислалъ Колоіану скипетръ и знамя св. Петра и призналъ за болгарскимъ царемъ право чеканить монету.

Нѣкоторые писатели упрекаютъ Колоіана за отступленіе отъ право-

славія. Упреки эти не совсѣмъ основательны: *во-первыхъ*, эти сношенія не касались ни ученія, ни богослуженія православной церкви и имѣли своимъ результатомъ лишь признаніе главенства римскаго епископа вмѣсто константинопольскаго патріарха. Безъ всякаго сомнѣнія, Иннокентій III льстилъ себя надеждою, что впослѣдствіи, при развитіи болѣе тѣсныхъ отношеній Болгаріи съ Римомъ, первая будетъ исподоволь втянута въ лоно католической церкви; но не такъ думалъ Колоіанъ, который самое главенство Рима поспѣшилъ отвергнуть, лишь только былъ вѣнчанъ королемъ Болгаріи, и нашелъ, что можетъ самъ справиться съ Мадьярами, отъ которыхъ онъ желалъ освободиться при посредничествѣ Рима; тѣмъ болѣе не могъ допустить онъ мысли болѣе тѣснаго слiянія болгарской церкви съ римскою. *Во-вторыхъ*; Колоіанъ, въ сношеніяхъ своихъ съ Римомъ, шелъ по проложенному его предшественниками пути и дѣйствовалъ согласно многочисленнымъ претендентамъ прошлаго. Начиная съ перваго христіанскаго правителя Болгаріи Бориса (VIII ст.), такъ поступали почти всѣ цари болгарскіе,—Симеонъ, Петръ, Самуилъ и другіе [1]). Всѣ они, сознавая собственное свое безсиліе и не получая признанія со стороны Византіи, искали опоры въ Римѣ, въ которомъ видѣли противовѣсъ притязаніямъ Византіи. Нужно ли было получить свой патріархатъ или освященіе царскаго титула,—они обращались къ Риму и въ усердіи достиженія желаемаго, предлагали зависимость Болгаріи отъ Рима, конечно, въ видѣ пустаго обѣщанія, объ исполненіи котораго никто изъ нихъ серьезно и не думалъ. Такъ поступали, наконецъ, не только представители Болгарскаго народа, но и многіе сербскіе князья, наприм. Болеславъ, сынъ его Михаилъ и слѣдовавшій за нимъ Константинъ Бодшъ (въ XI ст.), которые, въ теченіи 50 или 60 лѣтъ, были сынами римско-католической церкви. Такъ поступилъ (въ XIII вѣкѣ) Стефанъ Первовѣнчанный и другіе князьки сербско-хорватскихъ земель. Какъ изъ этихъ фактовъ, такъ и изъ союзовъ, наприм. Болгаръ съ Куманами и Латинянами, Грековъ съ Сельджуками, видно, что на Балканскомъ полуостровѣ начало религіозное далеко не играло той важной роли, какъ въ Западной Европѣ, гдѣ турецко-французскій союзъ въ XVI столѣтіи возбудилъ общее негодованіе христіанской Европы.

Между тѣмъ крестоносцы угрожали Константинополю. Разсчитывая, по всей вѣроятности, заполучить долю въ наслѣдствѣ рождающейся имперіи, Колоіанъ предложилъ свои услуги крестоносцамъ, но тѣ, слишкомъ свысока смотря на вполнѣ варварскій, по ихъ мнѣнію, народъ,

---

[1]) Голубинскій, Очерки исторіи правосл. церкви; Дриновъ, Исторически прегледъ на Болгарска-то цьрква.

отвергли предложенныя услуги; Колоіанъ однако настаивалъ, обратившись къ Балдуину Фландрскому, но тотъ ему замѣтилъ, что между ними не можетъ быть переговоровъ, какъ равнаго съ равнымъ, что Колоіанъ не болѣе, какъ похититель части Византійской имперіи. Можно было ожидать, что неуспѣшность этихъ переговоровъ поведетъ къ столкновенію Колоіана съ крестоносцами, лишь только представится поводъ. Случилось, что крестоносцы заняли нѣсколько городовъ, населенныхъ Болгарами. Завоеватели отнеслись однако высокомѣрно какъ къ болгарскому населенію, такъ и къ Грекамъ; кромѣ того, въ греческихъ городахъ они всюду прогоняли греческихъ чиновниковъ; наконецъ движеніе ихъ къ Константинополю, сопровождаемое завоеваніемъ на пути лежащихъ городовъ, приняло угрожающій для имперіи характеръ, и старые вѣковые враги—Болгары и Греки сдѣлались друзьями. Обѣ стороны нуждались во взаимной помощи. Въ особенности интересовались ею Греки. Многіе византійскіе города Ѳракіи отправили даже пословъ къ Колоіану, прося освободить ихъ страну отъ угрожающаго латинскаго ига, которому уже подпали нѣкоторые города Малой Азіи и Пелопонеза.

Принявъ пословъ съ почестями и польщенный предложеніемъ ему императорской короны на случай освобожденія страны отъ Латинянъ, Колоіанъ пообѣщалъ двинуть противъ нихъ всѣ свои силы. Вслѣдъ затѣмъ началась истребительная охота за небольшими, тяжело вооруженными отрядами крестоносцевъ, которые слишкомъ поторопились раздробить свои силы занятіемъ всей Забалканской Византіи и даже нѣкоторыхъ городовъ Малой Азіи. Кромѣ четырехъ частей, на которыя подѣлена была Византійская имперія, крестоносцы образовали множество феодальныхъ государствъ, только номинально признававшихъ латинскаго императора. Были государства, которыя ограничивались однимъ городомъ, однимъ монастыремъ, обращеннымъ въ замокъ, или какою-нибудь трудно-доступною горой, на вершинѣ которой воздвигался замокъ [1]). Несмотря на полное разложеніе соціально-полититескаго строя Византійской имперіи, положеніе Латинянъ среди чуждыхъ имъ народностей было въ высшей степени шаткое, и только благодаря нравственному вырожденію Грековъ, а также полной политической незрѣлости славянскихъ народностей, эти отдѣльные латинскіе оазисы продержались болѣе полстолѣтія. Кромѣ опасности со стороны враждебнаго имъ населенія, крестоносцамъ приходилось считаться съ остатками Византійской имперіи, которая продолжала свое жалкое существованіе въ изгнаніи въ видѣ отдѣльныхъ округовъ, изъ коихъ одни титуловались княжествами, другія имперіями. Такимъ образомъ возникло княжество Эпирское, осно-

---

[1]) Finley, Hist. of the Bisant.

ванное Михаиломъ Комненомъ, родственникомъ сверженной династіи; въ Трапезундѣ создалъ Византійскую имперію внукъ знаменитаго своими приключеніями Андроника, провозгласившій себя императоромъ подъ именемъ Алексѣя I; въ Никеѣ такую же имперію основалъ зять Алексѣя III, провозгласившій себя императоромъ подъ именемъ Θеодора Ласкариса I. Каждый изъ этихъ византійскихъ императоровъ и князей старался заслужить популярность въ борьбѣ съ западными пришельцами и становился центромъ, около котораго группировались враждебныя Латинянамъ силы и, сверхъ того, путемъ оживленныхъ переговоровъ и самыхъ щедрыхъ обѣщаній, велъ успѣшную пропаганду возстанія народностей Балканскаго полуострова противъ Латинянъ. При этомъ, конечно, указано было и на опасность, которая угрожаетъ православію со стороны латинства. Все вмѣстѣ взятое заставило даже исконныхъ недруговъ византійскаго правительства на время подавить свою вражду къ имперіи. Болгары не замедлили подняться. Началось очищеніе городовъ отъ ненавистныхъ Латинянъ, выражавшееся въ истребленіи ихъ иногда огуломъ. Лишь только Болгары подходили къ одному изъ городовъ, занятыхъ крестоносцами, какъ населеніе города бралось за оружіе и такимъ образомъ ставило незначительную горсть осажденныхъ межъ двухъ огней. Въ такомъ положеніи очутились крестоносцы въ Дидимотикѣ и другихъ городахъ, гдѣ произошла общая рѣзня ихъ, сопровождаемая неистовствами, обычными въ нравахъ общежитія Балканскаго полуострова. Занятый крестоносцами Адріанополь нѣкоторое время держался; но по мѣрѣ распространенія возстанія, положеніе ихъ тамъ съ каждымъ днемъ становилось ненадежнымъ, а потому, не смотря на важность стратегическаго пункта этаго ключа къ столицѣ Византіи, Адріанополь былъ покинутъ. Вслѣдъ затѣмъ его заняли подошедшие передовые отряды Колоіана и когда, мѣсяцъ спустя, явился въ Адріанополь Балдуинъ Фландрскій, первый латинскій императоръ, на стѣнахъ этого города развѣвались уже болгарскія знамена.

Между тѣмъ подходилъ самъ Колоіанъ съ остальнымъ своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ Болгаръ и Кумановъ. Битва произошла 15 апрѣля 1205 г. Несмотря на замѣчательную стойкость и рыцарскую отвагу, незначительная горсть крестоносцевъ не могла выдержать напора многочисленнаго войска, которое, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ, осыпало ее тучами стрѣлъ и летательныхъ копій. 300 рыцарей съ графомъ Блоаскимъ во главѣ нашли здѣсь свою могилу; немногимъ удалось спастись бѣгствомъ; нѣкоторые, съ Балдуиномъ во главѣ, попали въ плѣнъ. Трагическая была судьба этого перваго латинскаго императора. Въ видѣ трофея, его представили Колоіану, который хотя и обошелся съ нимъ, какъ съ коронованной особой и оказалъ ему большія

почести, но на свободу не выпустилъ. Посредничество папы, требовавшаго освобожденія Балдуина и угрожавшаго въ противномъ случаѣ Мадъярами, не увѣнчалось успѣхомъ: легатъ папскій былъ принятъ съ почетомъ, подобающимъ посланнику римскаго первосвященника, но плѣнникъ попрежнему остался въ заключеніи. Колоіану казалось, что времена перемѣнились и нѣтъ надобности дорожить дружбой съ Римомъ. Оставаясь въ теченіи года закованнымъ въ подземельѣ, Балдуинъ въ концѣ года былъ выведенъ изъ тюрьмы и преданъ мучительной смерти: отрубивъ у него обѣ руки и ноги, плѣнника бросили въ ровъ, гдѣ, съѣдаемый птицами, онъ на третій день скончался [1]). Въ этомъ родѣ постигла участь и другихъ Латинянъ, взятыхъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Балдуиномъ: многихъ изъ нихъ живыми зарывали въ землю. Происходила настоящая вакханалія дикаго звѣрства надъ братьями о Христѣ, надъ воинами за освобожденіе гроба Господня.

Побѣда при Адріанополѣ возвысила въ глазахъ Грековъ и Болгаръ авторитетъ Колоіана, какъ отважнаго полководца. Отовсюду изъ Греціи и Болгарскихъ земель являлись къ Колоіану депутаты привѣтствовать военные успѣхи этого болгарскаго царя.

Но въ дѣйствительности эти военные успѣхи далеко не повели къ результатамъ, которыхъ ожидали современники Болгары, такъ какъ Колоіанъ, подобно большинству своихъ предшественниковъ, не отличаясь организаторскими способностями государственнаго человѣка, преслѣдовалъ систему захватовъ, ради временной наживы, ради богатой добычи. Разоривъ Македонію, куда его призвали Греки и Болгары для изгнанія Латинянъ, избивъ много Грековъ изъ мирнаго населенія,—несмотря на то, что Болгары и Греки въ отношеніи къ Латинянамъ на этотъ разъ дѣйствовали въ союзѣ, Колоіанъ, не думая объ органическомъ присоединеніи этой страны къ такъ-называемому царству Болгарскому, преслѣдуя вмѣстѣ съ Куманами одну цѣль—грабить богатые города, пользуясь полнымъ политическимъ хаосомъ, господствовавшимъ въ то время на Балканскомъ полуостровѣ, — устремился къ Филиппополю, откуда ему дано было знать, что населеніе недовольно латинскимъ управленіемъ. Защищаемый незначительнымъ латинскимъ гарнизономъ, городъ сдался. Но вслѣдъ затѣмъ оказалось, что греческое населеніе одинаково враждебно относится, какъ къ Латинянамъ, такъ и къ Болгарамъ съ ихъ союзниками Куманами, — едва-ли даже не болѣе враждебно, чѣмъ къ первымъ. Союзники эти вели войну въ настоящемъ смыслѣ варварскую, убивая мирныхъ жителей, безъ различія возраста, разрушая наиболѣе богатыя городскія зданія и вообще уничтожая все, что нельзя было

---

[1]) Раичъ, ч. I.

забрать съ собой; груды развалинъ, пепелища пожаровъ, неубранные трупы убитыхъ людей отмѣчали мѣста подвиговъ этихъ союзниковъ. Нѣкто Алексѣй Аспіетъ сталъ во главѣ возмущеннаго поведеніемъ союзниковъ населенія Филиппополя, но былъ схваченъ и погибъ мучительною смертью. Похозяйничавъ въ Филиппопольскомъ округѣ, Колоіанъ съ Куманами, весною 1206 года, сталъ опустошать берега Мраморнаго моря и доходилъ почти до самаго Константинополя. Какъ поступали здѣсь Болгаро-Куманы, видно изъ словъ византійскаго хроникера Никиты, который говоритъ, что «развалины видны тамъ, гдѣ прежде были цвѣтущіе города, что мрачное запустѣніе царитъ тамъ, гдѣ взору представлялись воздѣланныя поля и красивые сады; вмѣсто людей, теперь тамъ блуждаютъ дикіе звѣри» [1]).

Современные и позднѣйшіе историки сопоставляютъ Колоіана съ Василіемъ II, изъ коихъ послѣднему дано прозвище Болгаробойца, между тѣмъ какъ первый принялъ титулъ Грекобойца. Сопоставленіе вѣрное развѣ въ томъ отношеніи, что какъ при Колоніанѣ, такъ и при Василіи II немало пало людей, немало пролито было крови, немало отрѣзано головъ, носовъ и ушей и выколото глазъ. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ какая разница въ характерѣ и цѣли войнъ того и другаго. Какъ бы безчеловѣчны ни были ведены войны Василія II, но онѣ пріобрѣтали смыслъ въ виду точно опредѣленной цѣли ихъ. Василій II поставилъ задачею своей жизни покончить навсегда съ Болгарскимъ царствомъ; безчеловѣчно онъ вносилъ смерть всюду, гдѣ дышало хотя слабое вѣяніе свободы; и мы знаемъ, что Василій II исполнилъ свою задачу. Между тѣмъ, что же представляютъ собою войны, такъ называемаго, болгарскаго царя Колоіана? Не болѣе, какъ дикіе, лишенные всякаго завоевательнаго смысла набѣги на города и села, сопровождаемые грабежемъ, разрушеніемъ, пожарами, а также избіеніемъ ни въ чемъ неповинныхъ мирныхъ жителей. Подвиги эти не могутъ быть мотивированы даже желаніемъ мести Византіи за порабощеніе ею Болгаріи при Василіѣ II, такъ какъ при Колоіанѣ Византіи собственно не существовало, а на развалинахъ ея образовалась Латинская имперія. Греки были также подвластны этой послѣдней, какъ и Болгары: Греки такъ же, пользуясь общимъ политическимъ хаосомъ на Балканскомъ полуостровѣ, основали въ мѣстахъ недоступныхъ, отдаленныхъ, независимыя отъ имперіи владѣнія, откуда предпринимали набѣги на Латинянъ, какъ и Болгары; судьба тѣхъ и другихъ была одинакова въ данное время. Поэтому нельзя предполагать, чтобы Болгары имѣли какой-нибудь поводъ къ мести Грекамъ и намъ кажется совершенно неосновательнымъ освѣ-

[1]) Jirecek, Geschichte der Bulgaren; Раичъ, ч. I.

щать чувствомъ мести подвиги Болгаръ при Колоіанѣ. Дѣло въ томъ, что личный патріотизмъ или инаго рода тенденціозность старается подложить разумный смыслъ тамъ, гдѣ его дѣйствительно вовсе не было, что въ особенности отражается на разсказѣ о прошломъ южныхъ Славянъ. Въ прошломъ этомъ мы видимъ рядъ набѣговъ болѣе или менѣе варварскихъ; мы видимъ шараханье съ одной стороны въ другую; мы видимъ временные захваты городовъ, а чаще всего ихъ разореніе. Намъ говорятъ, что это завоеванія, которыя имѣли результатомъ распространеніе такого-то царства...

Все время Колоіана прошло въ войнахъ, гдѣ непріятель большею частью терпѣлъ пораженіе, а между тѣмъ ни одного округа, ни одного города онъ не завоевалъ; онъ не округлилъ даже Дунайской Болгаріи и не утвердился на Черноморскомъ побережьѣ, существенно-необходимомъ для политическаго развитія страны, хотя ему приходилось воевать при наилучшихъ условіяхъ: имперіи Византійской не существовало; Латинская имперія представляла собою лишь номинальную владычицу Балканскаго полуострова, и притомъ въ силахъ своихъ вполнѣ была парализована дробленіемъ на множество отдѣльныхъ полузависимыхъ феодальныхъ владѣній, которыя развѣ по капризу признавали надъ собою власть латинскаго императора.

Балканскій полуостровъ покрытъ былъ сѣтью мелкихъ политическихъ единицъ, дѣйствовавшихъ каждая въ свою сторону, отдѣльно, безъ общей связи, преслѣдуя кратковременные ближайшіе интересы, враждуя между собой, враждуя съ туземнымъ населеніемъ страны. Рыцари Запада, желая найти въ этой безхозяйной странѣ осуществленіе своихъ феодальныхъ идеаловъ общежитія, воздвигли множество мелкихъ княжествъ, которыя вѣрнѣе могли считаться разбойничьими притонами, откуда производились нападенія на мирное населеніе. По примѣру рыцарей, такія же княжества основали, не только обломки византійскихъ императорскихъ фамилій, но и простые Греки изъ людей предпріимчивыхъ: подобно рыцарямъ, они тоже ограничивали скромно свою политическую миссію разбойничьими набѣгами на мирное населеніе, оставляя въ мѣстахъ своего владычества печать разрушеній [1]). Въ сербскихъ земляхъ только что началось объединеніе, но къ данному времени тамъ не образовалось еще столь могущественной политической силы, которая бы могла сдѣлаться помѣхой развитію могущества Болгарскаго царства. Наиболѣе прочная, организованная власть утвердилась на Адріатическомъ побережьи, надъ которымъ господствовали Венеціанцы

---

[1]) Weiss, Byzantinische Geschichte, изд. 1873 г.

и Генуэзцы [1]). Но тѣ и другіе, дорожа торговыми интересами и держа въ своихъ рукахъ приморскіе города, не проявляли дальнѣйшихъ, въ глубь страны, завоевательныхъ притязаній. Со стороны Дуная продолжались, правда, нападенія Мадъяръ и Кумановъ. Но *первые*, при наибольшихъ ихъ успѣхахъ, ограничивали свои завоеванія восточной окраиной нынѣшней Сербіи и не заходили южнѣе Ниша; *вторые* же представляли собою безпорядочную орду, которая нахлынувъ на Балканскій полуостровъ и унося съ собою богатую добычу съ тѣмъ, чтобы вновь налетѣть на эту страну, ничѣмъ не проявила желанія заложить здѣсь начало новому государственному зданію. Казалось бы, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, этнографически-сильная болгарская нація съ нѣкоторыми политическими традиціями, должна была образовать на Балканскомъ полуостровѣ могущественное государство. Внѣшнихъ препятствій къ этому почти не существовало и руководящимъ людямъ народа представлялась возможность не только возвратить потерянное, но и округлить границы новаго государства. Между тѣмъ, все оказалось безполезнымъ. Руководители народа, ведя вполнѣ разбойническіе набѣги, то враждуя, но чаще дружась съ дикими кочевниками—Куманами, съ которыми дѣлили захваченную добычу,—въ то же время очень ревниво хлопотали объ усиленіи своей единоличной власти и ради царскаго титула входили въ сдѣлки съ чуждымъ народу кочевничествомъ. Неудивительно, что вожаки народа скоро становились ему ненавистными: народу, приходилось слишкомъ дорогою цѣною платить за эфемерную и мимолетную свою политическую независимость. Отсюда быстрая смѣна, такъ называемыхъ, царей болгарскихъ и одновременное появленіе въ разныхъ углахъ Болгаріи нѣсколькихъ царьковъ. Такъ, послѣ насильственной смерти Калоіана (1207) разомъ явилось нѣсколько царьковъ [2]), изъ коихъ въ Тырновѣ утвердился Борилъ, племянникъ Колоіана по сестрѣ; на одномъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ р. Вардара укрѣпился Шишманъ, котораго вытѣснилъ Стрѣца, основавшій прежнее свое независимое царство въ городѣ Просѣкѣ; въ Родопскихъ горахъ утвердился нѣкто Славъ, который также озаботился основать отдѣльное царство съ городомъ Мельникомъ во главѣ. Всѣ эти царьки дружили то съ Болгарами, то съ Греками, то съ Латинянами, смотря по тому, какой союзъ представлялся наиболѣе выгоднымъ ихъ личнымъ интересамъ. Сильнѣйшимъ изъ нихъ былъ Борилъ. Подобно Колоіану, онъ началъ рядъ хищническихъ набѣговъ на земли латинскаго округа, но потерпѣлъ двукратное пораженіе (1208) при Береговѣ и Филиппополѣ.

Такую же неудачу потерпѣлъ и другой болгарскій царь Славъ, осно-

---

[1]) Шлоссеръ, Всемірная исторія, т. III, изд. 1869 г.
[2]) Jirecek, Geschichte der Bulgaren.

вавшій свое царство въ Родопскихъ горахъ. Свои отношенія къ Латинянамъ онъ кончилъ тѣмъ, что поцѣловалъ руку и туфли императора, признавъ себя его вассаломъ. Но при этомъ не остается однакожъ вѣренъ своему сюзерену-союзнику, сближаясь то съ Болгарами, то съ Греками и вскорѣ, подобно многимъ царькамъ болгарскимъ, исчезъ незамѣтно и безслѣдно со сцены «политической дѣятельности».

За нимъ послѣдовалъ просѣкскій царинъ Стрѣцъ. Въ союзѣ съ Борилемъ, онъ было напалъ на Латинянъ, но потерпѣлъ отъ нихъ полное пораженіе въ Палагонійской долинѣ (1211 г.), чѣмъ онъ обязанъ союзнику Латинянъ эпиротскому императору Михаилу I, съ которымъ Стрѣцъ, незадолго до того, опустошалъ владѣнія Латинянъ. Потерпѣвъ неудачу здѣсь, Стрѣцъ готовился идти противъ сербскаго великаго жупана Стефана, но на пути былъ кѣмъ-то убитъ. Преданіе разсказываетъ, что св. Симеонъ поразилъ смертью этого жестокаго человѣка, который столько пролилъ христіанской крови. Сошелъ со сцены и Борилъ. Сблизившись съ латинскимъ императоромъ Генрихомъ и выдавъ за послѣдняго свою дочь Марію (1213 г.), онъ въ союзѣ съ императоромъ предпринялъ походъ противъ Сербовъ; но кампанія ограничилась безуспѣшною осадою Ниша, который былъ спасенъ св. Симеономъ, уже оказавшимъ разъ услугу Сербамъ. Къ тому же Борилъ долженъ былъ спѣшить въ Болгарію, ибо здѣсь появился, сильный популярностью въ народѣ, претендентъ на царство, сынъ Асѣня, Іоаннъ Асѣнь, который при Колоіанѣ бѣжалъ въ Россію и теперь вернулся съ вспомогательнымъ отрядомъ русскихъ ратниковъ. Не рѣшаясь вступить въ открытую борьбу съ сильнымъ претендентомъ, Борилъ заперся въ Тырновѣ (1216 г.). Оставленный Латинянами и не получая изъ Рима никакого отвѣта на мольбы о помощи, съ которыми онъ обращался къ папѣ, Борилъ вынужденъ былъ сдаться на милость счастливаго соперника (1218 г.). Вскорѣ онъ пытался бѣжать, но былъ схваченъ и, согласно византійскимъ нравамъ, ослѣпленъ.

Время Іоанна Асѣня II (1218 — 1241) отмѣчается какъ одинъ изъ блестящихъ моментовъ въ исторіи Болгаріи — въ смыслѣ распространенія Болгарскаго царства. Далеко не придавая вѣры ни на чемъ не основаннымъ росказнямъ, по которымъ выходитъ, что въ теченіи 23 лѣтъ правленія, Асѣнь II завоевалъ чуть-ли не весь Балканскій полуостровъ, т. е. кромѣ Дунайской Болгаріи, сѣверную Ѳракію, Македонію, Эпиръ, Албанію и большую часть нынѣшней Сербіи съ Бѣлградомъ во главѣ, можно сказать, что Дунайская Болгарія начала при немъ опять «собираться» въ отдѣльный политическій организмъ, чему способствовало какъ полное безсиліе Латинской имперіи, которая, кромѣ того, что на Балканскомъ полуостровѣ не имѣла подъ собой почвы, не имѣла по

нѣсколько разъ и главы. Такъ, послѣ смерти втораго латинскаго императора Генриха (1216 г.) долженъ былъ наслѣдовать его родственникъ Петръ, который въ то время проживалъ въ Дураццо (Драчъ). Узнавъ о смерти императора, онъ поспѣшилъ въ столицу, но на пути, въ Эпирѣ, былъ убитъ Греками. Прошло нѣсколько лѣтъ междуцарствія, пока брату его Роберту, въ 1220 году, при помощи Мадъяръ, не удалось проникнуть въ Константинополь. Въ числѣ другихъ причинъ политическаго возрожденія Болгаріи можно указать на личность самого Асѣня. Онъ не задавался широкими завоевательными цѣлями, ограничивъ пріобрѣтенія свои Дунайскою Болгаріей. Не только Болгары, но и Греки хвалятъ его [1]), какъ государя миролюбиваго, который большую часть своей дѣятельности обращалъ на внутреннія улучшенія государства. Рядомъ съ этимъ, онъ возстановилъ болгарскій патріархатъ съ характеромъ вполнѣ народнымъ: какъ патріархъ, имѣвшій мѣстопребываніе въ Тырновѣ, такъ и епископы были избраны исключительно изъ Болгаръ. Церковь на Востокѣ всегда имѣла вліяніе на политическую жизнь народа, а потому, чтобы дать развитію этой послѣдней направленіе самостоятельное, Асѣнь создалъ болгарскую вполнѣ народную церковь, удаляя греческое духовенство изъ церковной іерархіи.

Къ сожалѣнію, въ политическихъ своихъ отношеніяхъ къ обломкамъ Византійской имперіи, извѣстнымъ въ то время подъ именемъ Трапезундской, Никейской и Эпиротской имперій, Асѣнь вмѣсто того, чтобъ предоставить эти обломки собственной ихъ судьбѣ, позволилъ втянуть себя въ борьбу съ Латинскимъ государствомъ, дни котораго уже были сочтены. Поддерживая эти обломки, Асѣнь, вѣроятно, не предвидѣлъ, что тѣмъ способствуетъ возрожденію силы, которая должна нанести ударъ его произведенію—обновленному Болгарскому государству. Такъ, подъ вліяніемъ родственныхъ отношеній, онъ заключилъ союзъ съ Ѳедоромъ, императоромъ эпиротскимъ, противъ Латинской имперіи. Но не долго продолжался этотъ союзъ. Неизвѣстно по какимъ мотивамъ, Ѳедоръ не только выступилъ изъ союза, но и сблизился съ Латинянами. Быть можетъ зарождающееся царство Болгарское казалось ему опаснѣе разлагающейся съ каждымъ днемъ Латинской имперіи.

Какъ бы то ни было, но, измѣнивъ союзу, Ѳедоръ вмѣстѣ съ Латинянами наступилъ на Сѣверную Ѳракію, въ которой нѣсколько городовъ заняты были Болгарами. Асѣнь, успѣвъ заранѣе узнать объ измѣнѣ, во время собралъ сильный отрядъ и при Клокотницѣ заставилъ союзниковъ принять сраженіе. Оно окончилось полнымъ ихъ пораженіемъ; многіе, въ томъ числѣ и Ѳедоръ, попались въ плѣнъ. Отпустивъ на свободу плѣнныхъ

[1]) Ранчъ, ч. I.

и этимъ необыкновеннымъ въ лѣтописяхъ войнъ на Балканскомъ полуостровѣ поступкомъ заслуживъ общую похвалу, Асѣнь велѣлъ однакоже ослѣпить Ѳедора, узнавъ о замышляемой имъ новой измѣнѣ. Въ непонятномъ ослѣпленіи Асѣнь продолжалъ дружить съ Греками. Такъ въ 1234 году онъ заключилъ союзъ съ никейскимъ императоромъ Ватацею; причемъ было условлено, что въ случаѣ завоевательныхъ успѣховъ, рѣка Марица (впадающая въ Эгейское море подлѣ Саросскаго залива) должна служить границей между владѣніями Грековъ и Болгаръ.

Въ слѣдующемъ 1235 году союзники проникли въ Южную Ѳракію и угрожали Константинополю; но вслѣдствіе происшедшаго между ними несогласія, они были отбиты. Въ 1236 г. предпринятъ былъ новый походъ. На пути Асѣнь взялъ Филиппополь, который былъ занятъ небольшимъ латинскимъ гарнизономъ; Адріанополь же почему то онъ оставилъ въ рукахъ Латинянъ: быть можетъ союзники сберегали свои силы для Константинополя и кромѣ того расчитывали, что со стороны тыла имъ не можетъ угрожать серьезной опасности, такъ какъ въ Адріанополѣ латинскій гарнизонъ не превышалъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Между тѣмъ, латинскій императоръ, въ виду приближенія непріятельскаго войска, опасался возстанія греческаго населенія столицы, велѣлъ обезоружить населеніе и отнятое оружіе раздать проживавшимъ въ столицѣ Латинянамъ. Такимъ образомъ, ему удалось создать нѣчто въ родѣ національной гвардіи. Такъ какъ въ случаѣ побѣды союзниковъ, опасность угрожала и Генуэзцамъ вмѣстѣ съ Пизанцами, то какъ тѣ, такъ и другіе поспѣшили вооружить свои суда для защиты города съ моря; кромѣ того, въ подкрѣпленіе Латинянамъ, Венеція послала 25 судовъ и князь Ахай Готфридъ II Виллагардуинъ явился съ флотомъ, на которомъ привезъ пѣхотное войско. Этими соединенными силами Латинянамъ удалось отбросить союзниковъ, между тѣмъ какъ военные запасы ихъ, шедшіе моремъ, были захвачены на пути Итальянцами. Дальнѣйшее отношеніе Асѣня къ обломкамъ Византійской имперіи и Латинскому государству представляютъ собою отсутствіе всякаго плана, всякой системы и устойчивости. То онъ ссорится съ Греками и сближается съ Латинянами, то опять дружитъ съ Греками и сближается съ Латинскою имперіею.

Что касается внутренней дѣятельности Асѣня II, то онъ обращалъ преимущественное вниманіе на политическую организацію Дунайской Болгаріи. Послѣдняя раздѣлена была на округи, во главѣ которыхъ поставлены были воеводы съ смѣшанною властью судебною и административною, а отчасти и военною, въ особенности въ пограничныхъ округахъ. Къ судебной власти воеводъ обращались, какъ къ апелляціонной инстанціи во всѣхъ случаяхъ, какъ тяжущіеся или подсудимые

оставались недовольны приговоромъ общиннаго суда, составлявшаго первую инстанцію. Верховное право суда принадлежало царю, который во время объѣздовъ по странѣ самъ принималъ нетолько жалобы на общинный судъ, но и первоначальныя заявленія обиженныхъ и, такимъ образомъ, въ лицѣ своемъ соединялъ первую и послѣднюю инстанціи. Конечно не многіе счастливцы находили доступъ къ царю; большинство должно было переносить всѣ невзгоды суда воеводскаго, въ который, при всей его патріархальности, успѣлъ проникнуть мертвящій византійскій бюрократизмъ и судейская кривда, тяжело отзывавшаяся на бѣдномъ, неимущемъ классѣ.

Въ отношеніи налоговъ Асѣнь удержалъ исконную византійскую систему десятиннаго сбора и отдачи этаго сбора въ откупъ,—систему, наслѣдованную Турками; онъ ввелъ лишь нѣсколько палліативныхъ мѣръ противъ злоупотребленій со стороны сборщиковъ налоговъ и откупщиковъ. Какъ эти мѣры, такъ и заботливость Асѣня объ увеличеніи числа торговыхъ рынковъ и развитіи торговаго класса, предоставленіемъ ему превиллегій, гарантирующихъ безопасность его профессіи, подняли экономическій бытъ народа и положили начало кустарной промышленности, которая, хотя не создаетъ громадныхъ капиталовъ, но зато распространеніе и развитіе ея служитъ лучшимъ средствомъ противъ появленія пролетаріата. Не смотря на относительно низкій уровень промышленности, нѣкоторыя отрасли служили уже въ то время предметами довольно крупнаго вывоза нетолько въ другія страны Балканскаго полуострова, но въ Венгрію и Германію, напр. сукна, клинки, шерсть. Конечно наиболѣе видную роль играла торговля естественными произведеніями—зерновымъ хлѣбомъ, мелкимъ и крупнымъ скотомъ и проч. Въ этомъ отношеніи Болгарія уже въ то время считалась житницей Византіи, а въ особенности ея столицы, которой во время войнъ съ Болгаріей не столько угрожали военные успѣхи послѣдней, сколько голодъ, вслѣдствіе прекращенія подвоза хлѣба и пригона скота.

Наиболѣе ревниво заботился Асѣнь II о церкви [1]). Уже первые Асѣниды провозгласили независимость болгарской церкви и, что важнѣе всего, усилили въ церковной іерархіи народный элементъ. Устройство самостоятельнаго церковнаго управленія началось съ того, что вмѣсто Охриды, которая оставалась во власти Грековъ, архіепископская каѳедра учреждена была въ Тырновѣ, столичномъ городѣ возродившагося Болгарскаго царства. Этому архіепископу, переименованному въ патріарха, подчинены были епископы, какъ Силистрійской митрополіи, такъ и Охридской; епископы-Греки постепенно вытѣснялись болгарскими урожен-

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи прав. церкв.; Jirecek—Geschichte.

цами, такъ что во времена Асѣня II болгарская народность являлась въ церковной іерархіи рѣшительно преобладающей.

Нѣкоторое время такое церковное управленіе существовало фактически безъ освященія и признанія его константинопольскимъ патріархомъ. Болгарскіе цари, не получая признанія со стороны константинопольскаго патріарха, вступали обыкновенно въ сношеніе съ Римомъ, съ выраженіемъ готовности признать его церковное главенство, которому они никогда не придавали реальнаго значенія, а потому такъ охотно ему и подчинялись; сношенія эти имѣли и другую болѣе существенную въ глазахъ свѣтскихъ властителей цѣль — освященіе ихъ царскаго титула римскимъ епископомъ. Асѣнь II стоялъ въ лучшемъ положеніи: Византійской имперіи при немъ не существовало, она раздробилась на нѣсколько отдѣльныхъ сколковъ подъ именемъ Никейской, Трапезундской и другихъ имперій, правители которыхъ, въ силу своего скромнаго положенія, должны были являться весьма уступчивыми въ отношеніи требованія болгарскаго царя. Не меньшую уступчивость можно было ожидать и отъ константинопольскаго патріарха, который, за упраздненіемъ Византійской имперіи, не имѣлъ опоры въ свѣтской власти и, кромѣ того, могъ опасаться отпаденія своего духовнаго чада въ лоно римско-католической церкви, такъ какъ со временъ крестовыхъ походовъ усилилась латинская миссіонерская пропаганда; Римъ сталъ въ болѣе близкія отношенія къ Балканскому полуострову при посредствѣ возникшаго Латинскаго государства, въ которомъ Константинополь, вмѣсто центра православія, могъ обратиться въ центръ восточнаго католицизма. Нужно было парализовать пагубное вліяніе католической пропаганды, а этого можно было достигнуть сохраненіемъ дружественныхъ отношеній къ болгарской церкви, т. е. признаніемъ за ней авто-кефальности (независимости). Послѣ нѣкоторыхъ проволочекъ, вопросъ объ учрежденіи самостоятельнаго болгарскаго патріархата получилъ окончательное разрѣшеніе въ 1234 году. Никейскій императоръ Дука Ватацій настоятельно просилъ у патріарховъ: константинопольскаго, іерусалимскаго, антіохійскаго и александрійскаго согласія даровать архіепископу тырновскому равную имъ степень патріаршеской власти. По полученіи согласія, созванъ былъ въ Лампсакѣ соборъ изъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ греческихъ и болгарскихъ. Торжественно нарѣкши патріархомъ тогдашняго архіепископа болгарскаго Іоакима, патріархъ константинопольскій Германъ и всѣ присутствовавшіе на соборѣ архіереи составили грамоту, «которую своими сигилліями печатлевше вдали царю болгарскому и новопоставленному патріарху во вѣчное поминаніе неотъемлемо» [1]).

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи правосл церквей.

Рядомъ съ установленіемъ церковной независимости, Асѣнь прилагалъ большую часть своихъ заботъ, какъ къ увеличенію числа церквей и монастырей, такъ и къ украшенію ихъ. Не ханжество вызывало эти заботы, а настоятельные интересы православія, которому кромѣ католической пропаганды угрожало распространеніе разныхъ сектаторскихъ ученій, преимущественно Богомильскаго. Асѣнь II понималъ, что при незначительномъ числѣ православныхъ церквей и монастырей, при малочисленности православнаго духовенства, католичество и сектаторскія, ученія не встрѣчая противовѣса вслѣдствіе малочисленности духовенства, могутъ развиваться препятственно въ массѣ народа. Судя по отрывочнымъ извѣстіямъ, приходы церковные, по незначительному числу церквей, были слишкомъ обширны и потому нерѣдко соблюденіе православныхъ церковныхъ обрядовъ становилось если не совершенно невозможнымъ, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно затруднительнымъ. Съ другой стороны и прихожанамъ, при отдаленности церкви, было затруднительно не только посѣщать ее ради молитвы, но и для исполненія извѣстныхъ обрядовъ. Такими внѣшними и чисто случайными затрудненіями очень ловко пользовались, какъ католическая пропаганда, такъ и секатторская, и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ слабѣе, чѣмъ отдаленнѣе въ данной мѣстности могло быть вліяніе православнаго духовенства на населеніе. Асѣнь и рѣшился усилить это вліяніе, сдѣлать его, такъ сказать, непосредственнѣе и съ этой цѣлью строилъ повсюду церкви, монастыри, усиливалъ составъ духовенства, въ особенности приходскаго; а чтобы привлечь къ этому сословію людей достойныхъ, старался поднять его общественное положеніе матеріальнымъ обезпеченіемъ и разными льготами.

Неизвѣстный болгарскій лѣтописецъ, указывая на отношенія Асѣня II къ духовенству, говоритъ, что онъ всему духовенству оказывалъ почетъ безъ различія положенія, которое послѣдніе занимали въ церковной іерархіи; архіереи и діаконы пользовались равнымъ вниманіемъ болгарскаго царя. Даже византійскіе писатели, говоря объ Асѣнѣ II-мъ указываютъ на эту сторону его внутренней дѣятельности, приписывая ее особому благочестію болгарскаго царя, хотя въ дѣйствительности заботливость эта вызвана была, какъ мы видѣли, не столько благочестіемъ его, сколько соображеніями практическими. Этимъ же послѣднимъ, а не однимъ тщеславіемъ руководился Асѣнь II, украшая столицу свою Тырново. Находясь въ обширныхъ родственныхъ отношеніяхъ съ владѣтелями мадъярскихъ и сербскихъ земель, съ греческими императорскими дворами, принимая у себя пословъ всѣхъ этихъ странъ, Асѣнь, сынъ своего времени, когда по блеску столицы и двора судили о могуществѣ государства, естественно желалъ показать стекавшимся къ нему иностранцамъ, въ числѣ которыхъ былъ и папскій легатъ, что Тырново

не одинъ изъ заурядныхъ городовъ, которые служили мѣстопребываніемъ прёжнихъ царей болгарскихъ, а блестящая столица, достойная могущественнаго царства Болгарскаго. Какъ престольный городъ болгарскаго патріархата, Асѣнь II украсилъ Тырново многими новыми церквами, между которыми, по великолѣпію отдѣлки, богатству и искусной живописи иконъ, особенно замѣчателенъ соборъ въ честь 40 мучениковъ, построенный въ 1230 году. Начало Тырнова относится къ IX-му вѣку. Городъ этотъ издавна выдѣлялся изъ числа провинціальныхъ, какъ одинъ изъ укрѣпленныхъ и торговыхъ городовъ [1]). Раскинутый на живописной мѣстности, Тырново рѣкой Янтрой раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна представляется въ видѣ полуострова, омываемая съ трехъ сторонъ Янтрой, которая здѣсь образуетъ рѣзкій изгибъ, а съ четвертой притиснутая къ скалѣ; эта часть города называлась «Тырновскимъ Градомъ» въ тѣсномъ смыслѣ слова. Здѣсь стоялъ царскій дворецъ въ видѣ зáмка, который достаточно сохранился еще до XVII в., теперь же отъ него остались лишь едва замѣтныя развалины; въ этой части города, которая и понынѣ называется «Царевипемъ», частью при Асѣнѣ II, а частью въ послѣдствіи построено было нѣсколько царскихъ дворцовъ и подлѣ нихъ дворецъ болгарскаго патріарха, въ смѣжности съ каѳедральнымъ соборомъ во имя Вознесенія Христова, который, по нѣкоторымъ сказаніямъ, обращенъ въ мечеть, подобно тому какъ и другая великолѣпно отдѣланная церковь во имя святаго Петка, мощи котораго Асѣнь II съ дозволенія Латинянъ перенесъ изъ города Аидоса въ Тырново. Изъ древнихъ церквей этой части города церковь Петра и Павла, построенная у подошвы Царевица, до сихъ поръ существуетъ. На правомъ берегу Янтры, противъ Царевица, на вершинѣ скалы въ 100 футовъ вышины, построенъ былъ зáмокъ Трапелица, который въ свое время, при отсутствіи огнестрѣльныхъ орудій, считался недоступнымъ укрѣпленіемъ. Скала эта еще во время римскаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ считалась весьма важнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ. Римляне на этой скалѣ возвели крѣпость, слѣды которой и теперь еще открываютъ въ видѣ каменныхъ обломковъ. Здѣсь, на лѣвомъ берегу Янтры, изъ церквей наиболѣе славились по богатству и мощамъ въ нихъ покоющимися: церковь во имя Іоанна Рыльскаго, церковь св. Димитрія у подошвы Трапелицы, построенная при первыхъ Асѣнидахъ. Отъ всѣхъ этихъ церквей остались жалкія развалины, да и тѣ открываются лишь при земляныхъ раскопкахъ; обѣ части города соединялись красивымъ каменнымъ мостомъ на двухъ быкахъ. Хотя всѣ эти постройки въ настоящее время не существуютъ въ прежнемъ ихъ видѣ,

---

[1]) Kanitz, Donau-Bulgarien; Jirecek, Geschichte der Bulg.

но если вѣрить описанію мусульманскаго путешественника XVII вѣка Хаджи Халфа, архитектура, въ особенности дворцовъ, расчитана была на эфектъ, отличаясь разнообразіемъ контуровъ и красивой отдѣлкой частностей. Можно предполагать, что строителями столичныхъ дворцовъ и церквей были Албанцы, эти лучшіе въ мірѣ каменотесы; вмѣстѣ съ тѣмъ можно предполагать, что столичные дворцы и дома богатыхъ людей украшены были многочисленными памятниками греко-римскаго искуства, перевезенными изъ окрестностей Константинополя и другихъ значительныхъ городовъ Византіи, такъ какъ всѣ войны Болгаръ, начиная съ VIII в., съ Византіей, въ случаѣ ихъ удачи для Болгаръ, оканчивались прежде всего захватомъ громадной добычи, куда должны быть отнесены и памятники искуствъ, которыми Болгары никогда не брезгали. Іоанна Асѣня должно считать послѣднимъ представителемъ Болгарскаго царства. Со смерти Іоанна Асѣня царство Болгарское неуклонно стремится къ упадку и съ такою настойчивостью, что никакія самыя благопріятствующія для политической независимости событія не въ силахъ предотвратить этого паденія.

Задолго до турецкаго нашествія (1356), Болгаріи, какъ цѣльнаго политическаго организма уже не существовало; правда, что въ разныхъ частяхъ Болгаріи одновременно появлялись отдѣльные проходимцы, которые величали себя царями болгарскими; но эти самозванные носители идеи политическаго общежитія очень мало отличались отъ предводителей обыкновенныхъ разбойничьихъ шаекъ съ легкимъ политическимъ колоритомъ. Во взаимной враждѣ изъ-за единовластія, эти «цари» опустошали страну, приводя въ нее дикія орды азіятскихъ кочевниковъ въ качествѣ союзниковъ, такъ какъ народъ, извѣрившійся въ своихъ руководителяхъ, неохотно стекался подъ ихъ знамена и предпочелъ замкнуться въ кругѣ своихъ домашнихъ интересовъ.

ГЛАВА XI.

Болгарская церковь въ средніе вѣка.

1. Значеніе христіанской миссіи Византіи въ Болгаріи. 2. Различное отношеніе православной церкви и католической къ государству. 3. Попытка Бориса-Михаила Болгарскаго къ учрежденію самостоятельной церкви приводитъ его къ сношенію съ Римомъ. 4. Церковное дѣленіе Болгаріи въ X—XI вѣк. 5. Какъ относилась Византія къ болгарской церкви? 6. Церковное дѣленіе Болгаріи въ XII—XIII вѣк. 7. Уничтоженіемъ самостоятельной церкви Болгарія обязана не Туркамъ, а Грекамъ.

Болгары, поселившіеся на Балканскомъ полуостровѣ, были первыми, которые внесли начало политическаго общежитія въ среду, ранѣе утвердившихся здѣсь (съ III в.), мелкихъ славянскихъ племенъ, жившихъ вразсыпную и враждовавшихъ между собою.

Образовавъ въ предѣлахъ Мизіи сильное государство, Болгары необходимо должны были вступить въ ожесточенную борьбу за существованіе Византіи. Борьба началась въ концѣ VII ст., т. е. съ того времени, когда Византіи стало ясно, что переселенцы, изъ этнографическаго элемента въ средѣ народностей Балканскаго полуострова, становятся политическою силою. Здѣсь, въ этой борьбѣ, проявился весь политическій тактъ византизма. Сознавая свое безсиліе противопоставить развивающемуся могуществу юнаго государства Болгарскаго матеріальныя средства, Византія избрала религію тѣмъ духовнымъ орудіемъ, при помощи котораго надѣялась затормозить развитіе національнаго самосознанія народа. Рядомъ съ войнами, Византія принимаетъ на себя религіозную миссію въ средѣ враждебнаго ей народа, заботясь прежде всего обратить въ православіе представителей народа,—князей и бояръ. Миссія эта не остается безуспѣшною. Еще за долго до введенія христіанства въ Болгарію, нѣкоторые изъ князей и бояръ болгарскихъ исповѣдывали новое ученіе, и тѣмъ дали толчокъ къ дальнѣйшему распространенію его. Въ половинѣ IX ст. православіе становится государственною религіею Болгарскаго царства, и Византія стремится образовать изъ Болгаріи новую духовную епархію константинопольскаго патріар-

хата [1]). Эта церковная зависимость давала въ руки Византіи надежное средство исподоволь укрѣпить свое духовное вліяніе на развитіе народа, въ смыслѣ національнаго обезличенія его. Но здѣсь проявилось одно изъ существенныхъ различій политической роли православія и католицизма: въ то время, когда послѣдній признаетъ лишь одного верховнаго главу—римскаго епископа и, при нормальномъ порядкѣ вещей, представляетъ собой самостоятельную духовную силу, независимую отъ представителя свѣтской власти [2]), церковь православная, не имѣя такого общаго центра, какъ Римъ, въ каждой данной странѣ тѣсно сливалась съ свѣтскою властью, и представитель этой власти, въ отношеніи къ церкви своего государства, становился нѣчто въ родѣ pontifex maximus. Въ государствахъ католическихъ церковь подчиняется своему верховному главѣ, стоящему внѣ всякой зависимости отъ свѣтской власти даннаго государства; у народовъ же православныхъ, обособившихся въ самостоятельный политическій организмъ, такой экстерриторіальный глава церкви былъ немыслимъ. Въ необходимой связи съ возникновеніемъ политической независимости, обособлялась и своя государственная церковь, которая хотя и имѣла своего спеціальнаго главу, въ лицѣ патріарха или верховнаго церковнаго учрежденія, но въ общемъ подчинялась свѣтскому главѣ государства. А потому понятна та ревность, съ которою глава православнаго государства долженъ былъ стремиться къ установленію независимости своей церкви отъ всякаго экстерриторіальнаго духовнаго владыки или учрежденія.

Это стремленіе, что касается церковныхъ дѣлъ, проходитъ чрезъ всю исторію славянскихъ народовъ, принявшихъ византійское православіе и византійское понятіе объ отношеніяхъ церкви къ государству, въ силу которыхъ независимый и самодержавный государь не можетъ терпѣть зависимости и подчиненности кому-нибудь своей церкви [3]).

Поэтому Борисъ-Михаилъ, признавъ православіе господствующею религіею своего государства, естественно, въ силу византійскихъ же традицій, долженъ былъ желать своего самостоятельнаго церковнаго управленія, своего, независимаго отъ Византіи, патріархата. На сколько настойчиво было это желаніе, видно изъ того, что не добившись согласія Византіи на учрежденіе самостоятельнаго патріархата, онъ вслѣдъ за введеніемъ въ своемъ государствѣ христіанства въ 866 г., заводитъ переговоры съ римскимъ епископомъ, о дарованіи для Болгаріи особаго верховнаго пастыря, и соглашается даже на нѣкоторыя догматическія

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи правосл. церквей: болгарской, сербской и румынской. Москва, 1871.

[2]) Гизо, Исторія цивилизаціи въ Европѣ.

[3]) Голубинскій, Очеркъ исторіи правосл. церквей.

уступки католицизму, лишь бы присвоить своей церкви независимость отъ константинопольскаго патріархата.

То обстоятельство, что онъ изъявилъ готовность признать главенство Рима надъ болгарскою церковью, нельзя считать противорѣчіемъ въ дѣйствіяхъ царя болгарскаго: въ виду отдаленности Рима, онъ могъ предполагать, что это главенство останется номинальнымъ и не помѣшаетъ самостоятельному развитію національной церкви. Длившіеся втеченіе 4 лѣтъ переговоры объ уніи, вслѣдствіе столь знаменитаго римскаго non possumus и упорства въ утвержденіи верховнымъ пастыремъ болгарской церкви лица, предложеннаго Борисомъ, окончились разрывомъ съ Римомъ, послѣ чего тотчасъ же началось сближеніе съ Византіей. Однако же и Византія при Борисѣ изъявила свое согласіе лишь на учрежденіе особой метрополіи, которая въ немногихъ, впрочемъ, отношеніяхъ была подчинена константинопольскому патріархату (870 г.).

Можно предполагать, что эта зависимость болгарской церкви патріарху только вопросъ временный. Дѣйствительно, одинъ изъ преемниковъ Бориса, Симеонъ, наиболѣе усвоившій себѣ византійскія понятія о прерогативахъ царя православнаго и самодержавнаго, прервалъ зависимость своей церкви отъ царьградскаго патріархата, провозгласивъ своего архіепископа патріархомъ болгарскимъ и добился этого признанія со стороны Византіи.

Первоначальная патріаршая каѳедра находилась въ столицѣ государства—Преславѣ, а при Петрѣ перенесена въ Доростолъ (Силистрію); по завоеваніи въ 970 году Іоанномъ Цимисхіемъ Дунайской Болгаріи была уничтожена; тогдашній патріархъ Даміанъ былъ изгнанъ изъ Доростоля. Послѣ того, хотя въ Болгаріи продолжала существовать патріархія, но не санкціонированная признаніемъ византійскаго правительства. Что же касается каѳедръ болгарскихъ архіепископовъ-патріарховъ, то онѣ переносимы были изъ одного города въ другой и такимъ образомъ перебывали въ Преспѣ, Воденахъ, въ Сардикѣ и затѣмъ въ Охридѣ при патріархѣ Филиппѣ. Василій Болгаробойца, завоевавъ въ 1019 г. Болгарію, оставилъ за нею самостоятельное церковное управленіе и даже расширилъ кругъ епархій, подчиняемыхъ охридскому патріархату [1]).

Такимъ образомъ, въ церковномъ отношеніи Болгарія продолжала, казалось, быть независимою въ то время, когда политически она составляла лишь одну изъ провинцій Византійской имперіи. Допущеніе такой аномаліи со стороны византійскихъ правителей, въ особенности такого энергическаго ненавистника Болгарскаго царства, какъ Василія Болгаробойца, обратившаго это царство въ 1019 г. въ византійскую провин-

---

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи правосл. церквей, стр. 47—48.

цію, объясняется тѣмъ, что болгарская церковь къ этому времени огречилась; все высшее духовенство, бѣлое и черное, комплектовалось изъ Грековъ, которые являлись самыми услужливыми и ревностными соглядатаями за всѣмъ, что происходило въ средѣ Болгарскаго народа, предупреждало византійское правительство о тѣхъ или другихъ попыткахъ народа къ политической независимости. Охраняя этимъ косвеннымъ путемъ власть Византіи надъ Болгаріей, многочисленное греческое духовенство, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимая высшія должности въ церковной іерархіи, употребляло все свое вліяніе на эллинизированіе, если не массы народа, которая вообще труднѣе поддается чуждымъ вліяніямъ, то зажиточнаго, или такъ-называемаго интелигентнаго класса его—путемъ распространенія школъ съ греческимъ языкомъ и съ направленіемъ византійскимъ; что же касается массы народа, то ей предоставлено было коснѣть въ собственномъ ея невѣжествѣ. Поэтому не было ни малѣйшаго повода со стороны византійскихъ императоровъ, сохранившихъ за Болгаріею независимую церковь въ то время, когда она составляла византійскую провинцію,— опасаться, что эта независимая церковь сдѣлается центромъ политическаго движенія въ народѣ, и нельзя, стало быть, видѣть противорѣчія въ отношеніяхъ Василія II къ покоренной имъ Болгаріи. Напротивъ, его взглядъ на церковныя дѣла въ Болгаріи представляется въ извѣстной степени логичнымъ и обдуманнымъ. Какъ государь умный, онъ понималъ опасность рѣзкаго стѣсненія свободы, которое могло повести народъ къ ожесточенной борьбѣ за свое національное существованіе. Чѣмъ бы ни кончалась эта борьба, она во всякомъ случаѣ причинила бы много хлопотъ Византіи, и потому разумный глава имперіи не хотѣлъ раздражать покореннаго имъ народа. Чѣмъ болѣе всего дорожитъ масса народа? Конечно своими традиціонными, отъ предковъ унаслѣдованными, началами соціальной жизни, т. е. тѣми или другими способами владѣнія недвижимою собственностью, пріобрѣтенія и отчужденія ея, внутреннимъ распорядкомъ въ финансовомъ управленіи общины, установившимися формами налоговъ и т. п. Все это Василій Болгаробойца сохранилъ неприкосновеннымъ и даже въ высшемъ областномъ управленіи ограничился незначительными перемѣнами, впрочемъ, не столько относительно самаго порядка управленія, сколько личнаго состава правителей, которыми назначались Греки или испытанные въ преданности византійскому правительству именитые Болгары. Не менѣе дорожитъ народъ и независимостью своей церкви, которая, т. е. церковь, въ его глазахъ прежде всего представляется въ лицѣ низшаго духовенства, вышедшаго изъ его среды, и въ неизбѣжныхъ у всякаго народа, установившихся вѣками, особенностяхъ въ обрядовой сторонѣ церковныхъ порядковъ. При той низкой степени ум-

ственнаго развитія, на которой въ то время находилась масса народа, ее мало интересовало «кто тамъ» стоялъ во главѣ ея церкви—Греки или Болгары. Василій Болгаробойца сохранилъ народу его приходское національное духовенство и этимъ немало содѣйствовалъ успокоенію народа подъ византійскимъ владычествомъ. Такимъ образомъ, болгарская церковь представляла собою, со времени Василія II и до возстановленія Асѣнями Болгарскаго царства, два элемента: національный—болгарскій и чуждый—греческій, причемъ первый исчерпывался низшимъ приходскимъ духовенствомъ, а второй высшею церковною іерархіею, съ архіепископомъ-патріархомъ охридскимъ во главѣ.

Въ періодъ же, предшествовавшій завоеванію Болгаріи (въ 1019 г.). преобладалъ національный элементъ, но нельзя сказать, чтобы имъ вполнѣ исчерпывался личный составъ церковной іерархіи. Какъ извѣстно, первый архіепископъ болгарскій, Іосифъ, былъ Грекъ (870 г.). который, получивъ такой вліятельный постъ въ церковной іерархіи, безъ сомнѣнія, имѣлъ возможность ставить во главѣ подчиненныхъ ему епархій своихъ соотечественниковъ или огречившихся Болгаръ, какъ по естественному пристрастію къ нимъ, такъ и потому, что въ средѣ Болгарскаго народа въ то время было чрезвычайно трудно пріискать людей. достаточно подготовленныхъ къ обязанностямъ блюстителей церковныхъ порядковъ и охранителей чистоты религіи.

Ко времени Симеона многія высшія должности, въ церковной іерархіи заняты были Болгарами, но относительное ихъ число было такъ незначительно, что они совершенно терялись въ массѣ греческихъ іерарховъ, да и съ качественной стороны они представляли собою весьма слабый національный элементъ, такъ какъ въ то время (X ст.) Болгары, получая образованіе греческое, на греческомъ языкѣ, и сами себя считали и слыли въ глазахъ своего народа «полугреками» и потому скорѣе тянули къ Грекамъ, чѣмъ къ соотечественникамъ. Такимъ образомъ, можно безошибочно сказать, что Болгарія до конца XII в. не имѣла своей національной церкви, въ смыслѣ высшаго персонала церковной іерархій [1]). Все здѣсь было греческое или «полугреческое». Это явленіе отразилось деморализующе на національномъ развитіи народа: оно было предоставлено собственному невѣжеству и самымъ исконнымъ предразсудкамъ, которыми народъ этотъ отличается и понынѣ. Никто изъ образованнаго класса, который состоялъ изъ высшаго духовенства и огречившихся Болгаръ, о немъ не заботился; если его принимались учить, то по греческимъ книжкамъ, въ которыхъ проводились византійскія понятія.

---

[1]) Дриновъ, Исторически прегледъ на Българска-то църква.

Попытка распространенія такого образованія не увѣнчалась успѣхомъ: народъ относился къ этимъ греческимъ книжкамъ весьма недовѣрчиво, предпочитая питаться тою умственною пищею и тѣмъ кодексомъ міросозерцанія, который онъ унаслѣдовалъ отъ отцовъ своихъ въ формѣ пѣсень, сказокъ и разныхъ повѣстей.

Въ западной Европѣ, церковь съ ея духовенствомъ, до половины среднихъ вѣковъ было центромъ образованія [1]), которое хотя построено было на религіозномъ фундаментѣ, но съ теченіемъ времени, освободясь отъ односторонности, приняла болѣе общечеловѣческое жизненное направленіе. Не то было въ Болгаріи и у другихъ южныхъ Славянъ. Церковь здѣсь, въ лицѣ своей іерархіи, нетолько была чужда національному развитію народа, но стремились, напротивъ, въ интересахъ Византіи, затормозить это развитіе. Правда, низшее духовенство въ Болгаріи оставалось всегда національнымъ (были конечно исключенія, гдѣ священниками напр. въ выгодныхъ приходахъ назначались Греки, но эти исключенія по своей незначительности не могутъ идти въ счетъ); при относительно высшемъ уровнѣ развитія,—отъ этого низшаго, національнаго духовенства можно было ожидать, что оно возьметъ въ свои руки дѣло народнаго образованія. Но въ Болгаріи нельзя было ожидать отъ него такой инициативы. Приходское духовенство здѣсь ничѣмъ не выдѣлялось изъ народа, оно было столь же невѣжественное, какъ и паства, которую ему приходилось поучать. Отъ священниковъ въ то время не требовалось экзамена: немного благочестія, небольшой навыкъ въ церковныхъ обрядахъ или же подарокъ лицамъ власть имѣющимъ,—вотъ тѣ условія, при которыхъ раздавались священническія мѣста. Такимъ образомъ эти послѣдніе замѣщались лицами, подъ часъ совершенно безграмотными, исполненными такихъ же суевѣрій и предразсудковъ, какъ та масса, изъ среды которой они назначались, и отъ которой они даже по костюму внѣ церковнаго служенія не отличались. Близкіе къ народу, связанные съ его интересами и, подобно ему, чувствуя надъ собою гнетъ византійскихъ или своихъ полугреческихъ правителей, эти бѣдные, невѣжественные служители алтаря не имѣли достаточно умственныхъ рессурсовъ, чтобы стать руководителями народа въ сферѣ національнаго его развитія. При такомъ составѣ духовенства, въ которомъ одна часть образованная, комплектовавшаяся изъ Грековъ, враждебно относились къ славянской національности, а другая, хотя и тѣсно связанная съ народомъ, соболѣзновавшая его нуждамъ, но самая невѣжественная, нетолько не могла направлять національное развитіе народа, но и дать этому развитію толчокъ,—при такомъ духовенствѣ Византіи

[1]) Гизо, Исторія цивилизаціи въ Европѣ.

нечего было опасаться самостоятельности болгарской церкви, и вотъ почему самый энергическій изъ ея правителей императоръ Василій II не считалъ нужнымъ посягать на самостоятельность этой церкви.

Въ концѣ XVII столѣтія возрождается Болгарское царство, центромъ его становится г. Тырново, куда вмѣстѣ съ резиденціей царей перенесена была каѳедра архіепископская. Асѣниды, возстановивъ Болгарское царство, должны были конечно установить и независимую государственную церковь, при чемъ они пошли нѣсколько дальше своихъ предшественниковъ, назначивъ архіепископомъ болгарина Василія (1086), съ подчиненіемъ ему всѣхъ епархій, которыя до того зависѣли отъ митрополита доростольскаго, подчиненнаго константинопольскому патріарху. Асѣниды, придавая существенное значеніе національному элементу въ церковной іерархіи, по мѣрѣ пріобрѣтенія той или другой области, составлявшей отдѣльную епархію, зависимую отъ патріарха константинопольскаго, удаляли греческихъ епископовъ, назначая на ихъ мѣсто Болгаръ и присоединяя епархіи завоеванныхъ областей къ тырновскому патріархату. Территоріальное распространеніе юрисдикціи болгарской церкви при Асѣнидахъ, подобно тому какъ и при прежнихъ царяхъ Болгаріи, далеко не совпадало съ государственными границами Болгаріи. Такъ, напр. сербскія эпархіи до XIV ст. оставались въ зависимости отъ тырновскаго патріархата, несмотря на то, что сербскія области не входили въ составъ Болгарскаго царства, распаденіе котораго началось уже съ XIII ст. [1]).

Подобно своимъ предшественникамъ, Асѣниды, установляя церковную независимость и не разсчитывая на признаніе со стороны Византіи, завели сношенія съ Римомъ, съ изъявленіемъ готовности признать номинальное главенство римскаго епископа. Такъ и поступилъ одинъ изъ преемниковъ Асѣня I, Колоіанъ. Послѣ тщетныхъ попытокъ его предшественниковъ получить освященіе константинопольскимъ патріархомъ независимости болгарской церкви, онъ обратился къ римскому престолу, который въ то время занималъ Инокентій III; вмѣстѣ съ тѣмъ Колоіанъ хлопоталъ передъ римскимъ епископомъ о признаніи его царемъ болгарскимъ и объ освященіи этого титула, который казался ему необходимымъ въ международныхъ отношеніяхъ съ западными государствами, начинавшими очень интересоваться Балканскимъ полуостровомъ со времени крестовыхъ походовъ. Съ своей стороны, Инокентій III не прочь былъ присоединить эту богатую паству къ своему престолу и немедленно, послѣ неоффиціальныхъ переговоровъ между Тырновымъ и Римомъ въ 1200 году, отправилъ къ Колоіану легата для изложенія

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи православныхъ церквей, стр. 89—100.

нѣкоторыхъ подробностей уніи. Посолъ былъ принятъ Колоіаномъ съ почетомъ и соглашеніе о присоединеніи состоялось. Вслѣдъ затѣмъ Иновентій III послалъ другаго легата въ Болгарію, который и вѣнчалъ королевскимъ вѣнцомъ Колоіана и возвелъ въ званіе примаса тырновскаго архіепископа въ 1204 году, а Колоіанъ, съ своей стороны, далъ торжественное обѣщаніе признавать папу верховнымъ главой и неизмѣнно пребывать въ его подчиненіи.

Намъ совершенно неизвѣстно въ какой степени унія отразилась на состояніи болгарской церкви, отношеніяхъ ея къ Риму и Византіи, на церковномъ ритуалѣ и въ особенности на личномъ составѣ духовенства болгарскаго. Объ уніи 866—870 мы по крайней мѣрѣ знаемъ, что вслѣдъ за признаніемъ главенства Рима, Болгарія наводнена была римскими священниками и монахами, католическая пропаганда которыхъ, въ особенности на берегахъ Дуная не осталась безъуспѣшною; въ Свиштовскомъ округѣ католики до сихъ поръ составляетъ видный процентъ. Намъ кажется, что такой пробѣлъ просто объясняется отсутствіемъ всякихъ положительныхъ результатовъ уніи 1204 г. Колоіанъ обратился къ папѣ, руководимый исключительно государственными соображеніями, ради государственныхъ цѣлей; и разъ онъ достигъ этихъ послѣднихъ, какъ счелъ излишнимъ исполненіе принятыхъ на себя обязательства? Да впрочемъ, еслибы онъ и серьозно отнесся къ нимъ, то все же онѣ не могли быть выполнены, подобно тому, какъ блюстители православія могли этого опасаться въ 866—870 годахъ. Въ то время православіе только что было введено въ Болгаріи, далеко еще не успѣло утвердиться въ народѣ, да къ тому же христіанская церковь представлялась еще единою, не раздѣлившеюся на восточную и западную; константинопольскій патріархъ и римскій епископъ могли казаться въ глазахъ народа, — только-что принявшаго христіанство — равноправными пастырями единой православно-каѳолической церкви, а потому сближеніе съ тѣмъ или съ другимъ изъ этихъ пастырей могло представляться народу безразличнымъ. Но съ тѣхъ поръ прошло около 4-хъ столѣтій; споры между константинопольскимъ патріархомъ и римскимъ епископомъ—іерархическіе и догматическіе—закончились полнымъ раздѣленіемъ церквей православной и римско-католической; православіе успѣло пустить глубокіе корни въ нѣдрахъ народа, который, въ теченіи этого долгаго періода, настолько сроднился съ нимъ, что всякія иныя формы христіанскаго ученія должны были казаться отклоненіемъ отъ истинной религіи. При такихъ отношеніяхъ Болгарскаго народа къ византійскому православію, которое сдѣлалось его національною религіею, присоединеніе его къ римской церкви не могло быть дѣломъ личныхъ переговоровъ того или другаго болгарскаго царя съ Римомъ; на это потребовались

бы цѣлые вѣка, и только свойственное даже великимъ людямъ, къ которымъ, конечно, должно отнести и папу Инокентія III, ослѣпленіе могло родить мысль о возможности перевернуть религіозный строй жизни цѣлаго народа при посредствѣ двухъ-трехъ посольствъ и нѣсколькихъ пергаментныхъ актовъ.

Дѣйствительно, сношенія съ Римомъ, начатыя Колоіаномъ очень скоро были прерваны, и развѣ незначительные слѣды оставили въ церковной жизни Болгаріи, которая въ этомъ отношеніи опять сблизилась съ Византіей. При Асѣнѣ II Болгарскомъ и Дукѣ Ватацессѣ, императорѣ греческомъ (1222 — 1255) возстановляется болгарское патріаршество въ 1234 году, которое императоръ соглашается признать и съ свой стороны законнымъ церковнымъ учрежденіемъ. Согласіе это вынуждено было стѣсненными обстоятельствами императора, который соорудилъ Греческую имперію въ Никеѣ и угрожаемый крестоносцами, долженъ былъ дорожить такими союзниками, довольно могущественными, какъ Асѣнь II. Для закрѣпленія этого союза, онъ снизошелъ даже до просьбы руки дочери Асѣня II для своего сына. Фактъ, который, при извѣстномъ высокомѣріи знатнаго Грека къ Славянину, самъ по себѣ обнаруживаетъ критическое положеніе, въ которомъ находился греческій императоръ. Императоръ писалъ къ патріархамъ іерусалимскому, антіохійскому и александрійскому, прося настоятельно признанія за архіепископомъ тырновскимъ сана патріаршаго. Когда получены были требуемыя рукописанія патріарховъ, въ Лампсакѣ созванъ былъ торжественный и многочисленный соборъ, состоявшій изъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ съ одной стороны греческихъ, а съ другой болгарскихъ, а также всѣхъ монаховъ, находившихся подъ властію и покровительствомъ болгарскаго царя. Торжественно нарекли патріархомъ тогдашняго архіепископа Іоакима, патріархъ константинопольскій Германъ и всѣ присутствовавшіе на соборѣ греческіе іереи составили грамоту, которую «своими сигилліями печатлевше вдали царю болгарскому и новопоставленному патріарху во вѣчное поминаніе неотъемлемое» [1]).

Не смотря на это признаніе, подкрѣпленное грамотою, при измѣнившихся отношеніяхъ Болгаріи (съ 1241 года начавшей клониться къ упадку) къ Византіи, Греки перестали признавать болгарскій патріархатъ учрежденіемъ законнымъ, и если изъ-за этого церковнаго дѣла не затѣяли войны съ Болгаріею, то потому лишь, что сама возстановленная имперія приближалась къ періоду предсмертной агоніи и не до

---

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи правосл. церквей.

того ей было, чтобы заниматься такимъ, болѣе или менѣе второстепеннымъ, вопросомъ.

Не смотря на установленіе независимости болгарской церкви и преобладаніе въ ней національнаго элемента, — церковь эта и въ данный періодъ полнаго самостоятельнаго своего существованія не оказывала образовательнаго вліянія въ лицѣ своего духовенства на развитіе народа, который по прежнему оставался во мракѣ полнаго невѣжества, съ своими предразсудками и суевѣріями.

Духовенство болгарское, единственное интеллигентное сословіе въ странѣ, и въ настоящій періодъ не приняло на себя иниціативу умственнаго развитія народа, который въ этомъ отношеніи представляетъ собою тотъ, почти небывалый примѣръ, что изъ среды его до половины нашего столѣтія не появлялось ни одного свѣтскаго писателя, а между тѣмъ событія послѣдняго царства Болгарскаго въ человѣкѣ нѣсколько развитомъ могли вызвать кое-какія размышленія, было о чемъ разсказать потомству.

Все, что мы знаемъ о тогдашнемъ времени, относящееся къ Болгаріи, мы знаемъ изъ словъ византійскихъ хронографовъ или болгарскихъ іерарховъ, разсказы которыхъ, построенные исключительно на фундаментѣ церковно-религіозномъ и притомъ невыходящіе изъ круга ихъ спеціальности, должны конечно отличаться крайнею односторонностью.

Такое безучастное отношеніе единственнаго интеллигентнаго класса къ просвѣщенію народа имѣетъ свои причины.

Одною изъ такихъ причинъ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что надъ Болгаріею не переставало тяготѣть духовное вліяніе Византіи; что вмѣстѣ съ христіанствомъ, получивъ и образованіе изъ Византіи, Болгарія, во все время ея самостоятельнаго и несамостоятельнаго существованія, питалась крохами этого образованія; что наиболѣе прославляемый изъ болгарскихъ царей, Симеонъ, котораго время, въ отношеніи умственнаго развитія народа, называется даже блестящимъ, не нашелъ ничего лучшаго для просвѣщенія своего народа, какъ переводы разныхъ бредней греческихъ монаховъ, бредней, исполненныхъ самыхъ хоатическихъ представленій о религіи, которые могли интересовать праздную фантазію людей, не вынужденныхъ заботиться о завтрашнемъ днѣ, но были совершенно недоступны простому уму народной массы. Кромѣ того, что самая образованность развивалась въ Болгаріи въ направленіи византійскомъ и, стало быть, не могла, какъ антинаціональная, проникнуть въ среду народа. Представители этой образованности — болгарскіе іерархи съ большею охотою писали по-гречески, чѣмъ на своемъ языкѣ, и если и на болгарскомъ, то такимъ витіеватымъ слогомъ, подъ которымъ отыскать смыслъ представлялось дѣломъ довольно труднымъ для

неразвитаго ума. Такимъ образомъ продолжающееся господство греческаго направленія, византійскаго духа въ болгарской образованности отчуждало представителей послѣдней отъ массы, уничтожало то цивилизующее вліяніе на нее, которое они должны бы имѣть. Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ замѣтить, что духовенство болгарское слишкомъ было занято церковными вопросами, чтобы удѣлять вниманіе умственному развитію массы. Почти одновременно съ православіемъ, въ Болгарію проникають ереси, потомъ въ XII столѣтіи начинается латинская пропаганда. Пользуясь религіозными смутами, возбуждаемыми многоразличными ересями, въ числѣ которыхъ даже іудействующая нашла своихъ послѣдователей: пользуясь сговорчивостью болгарскихъ правителей и претендентовъ на корону Болгарскаго царства, католическая пропаганда лелѣяла надежду совратить народъ съ православія; религіозный, такъ сказать защитникъ православія болгарскаго духовенства въ лицѣ своихъ представителей высшихъ вступаетъ въ борьбу съ этими врагами православія и создаетъ цѣлую политическую литературу, а въ лицѣ своихъ низшихъ представителей оно стремится объяснить народу ложность чуждыхъ ученій. Этимъ и ограничивалась дѣятельность болгарскаго духовенства въ отношеніи къ народу.

Самостоятельная болгарская церковь просуществовала до завоеванія Болгаріи Турками, или собственно до завоеванія столицы Болгаріи Тырнова 17 іюля 1393 г., такъ какъ съ этимъ занятіемъ связывается и упраздненіе болгарскаго патріархата.

Было бы впрочемъ несправедливо обвинять Турокъ въ посягательствѣ на самостоятельность церкви завоеванной ими страны. Подобно тому какъ они позднѣе, въ 1453 г. взявъ Константинополь, оставили неприкосновеннымъ патріархатъ константинопольскій, со всѣми его правами и прерогативами церковнаго учрежденія, Турки безъ сомнѣнія ничего бы не имѣли противъ дальнѣйшаго существованія тырновскаго патріархата. Но то, что казалось безразличнымъ для Турокъ, должно было не мало безпокоить Грековъ, въ глазахъ которыхъ Болгары съ своею самостоятельною церковью представлялись самовольными отщепенцами. Поэтому при окончательномъ разгромѣ Болгаріи Греки спѣшили захватить въ свои руки долю добычи — подчиненіе себѣ болгарской церкви.

Путемъ свойственныхъ имъ тонкихъ интригъ, Греки убѣдили падишаха въ незаконности этого учрежденія и даже въ опасности его для прочности турецкаго владычества Болгаріи. Падишахъ тѣмъ легче внялъ этимъ внушеніямъ константинопольскаго патріарха, что онъ могъ быть полезенъ при завершеніи завоеваній славянскихъ земель. Можно думать, что не безъ его косвеннаго вліянія послѣдняго тырновскаго

патріарха постигла печальная участь ссылки далеко изъ родины; можно думать на томъ основаніи, что при совершенномъ отсутствіи извѣстій о политической противъ Турокъ агитаціи, со стороны этаго болгарскаго духовнаго пастыря, онъ не могъ быть имъ ни опаснымъ, ни сдѣлаться, стало быть предметомъ особаго преслѣдованія [1]). Опираясь на посохъ, *вышелъ* послѣдній тырновскій патріархъ изъ столицы болгарскаго царства. Большая толпа другихъ изгнанниковъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ съ грустію и плачемъ сопровождала его. Многіе рѣшились оставить свой домъ, чтобы раздѣлить судьбу изгнанника. Но по переходѣ чрезъ Балканы, послѣдовалъ приказъ патріарху отдѣлиться отъ своихъ согражданъ [2]), имѣвшихъ отправиться въ Малую Азію. Разставаніе было трогательное: вмѣстѣ съ этимъ изгнанникомъ улетало послѣднее дыханіе болгарской свободы; удаляющійся патріархъ представлялся имъ въ видѣ уходящей отъ нихъ свободы. Люди его провождавшіе преклонялись у ногъ его, цѣловали руки его, полы его одежды, рвали траву съ того мѣста, на которомъ онъ стоялъ, называли его отцомъ своимъ. Прощаясь, послѣдній тырновскій патріархъ Евфимій наставлялъ Болгаръ быть твердыми въ христіанской религіи, и долго еще, пока его можно было видѣть, онъ благословлялъ ожидавшую на мѣстѣ толпу.

По изгнаніи Евфимія, тырновскій патріархатъ превращенъ былъ въ епископство, на каѳедру котораго уже исключительно назначались Греки, или ихъ persona grata. Подобное смѣщеніе болгарскихъ пастырей происходило во всѣхъ другихъ областяхъ, по мѣрѣ подчиненія ихъ Туркамъ, такъ что оба завоеванія: матеріальное—Турками, а духовное — Греками—шли параллельно.

Рядомъ съ смѣщеніемъ личнаго состава духовенства,—за исключеніемъ приходскаго — Греками, происходило подчиненіе епископскихъ каѳедръ константинопольскому патріархату. Только архіепископство охридское продолжало существовать еще долго, послѣ турецкаго завоеванія, какъ самостоятельное церковное учрежденіе; лишь въ 1767 г., по настоянію константинопольскаго патріарха, оно было уничтожено и обращено въ епископство.

Такимъ образомъ, съ подчиненіемъ православныхъ странъ Балканскаго полуострова Туркамъ, установилось церковное главенство надъ ними константинопольскаго патріарха.

Тяжелымъ гнетомъ обрушилось это главенство преимущественно надъ Болгарами, какъ ближайшими сосѣдями бывшей византійской столицы [3]). Греческое духовенство наводнило собою эту порабощенную

---

[1]) Дриновъ, Исторически прегледъ на Българска-то църква.

[2]) Jirecek, Geschichte der Bulgaren.

[3]) Kanitz, Donau-Bulgarien.

страну и,—какъ показываютъ послѣдующія событія,—съ тѣмъ, чтобы въ эксплуатаціи народа конкурировать съ Турками. Надо отдать справедливость великому искуству Грека въ наживѣ: въ указанной конкуренціи они не только не уступали турецкимъ чиновникамъ, но превосходили ихъ, ибо съ большею умѣлостью успѣвали прикрывать свои противузаконные поступки самыми законными формами. Болгарамъ приходилось дорого платить чуждому ему духовенству греческому, такъ какъ всѣ значительныя суммы, которыя собиралъ константинопольскій патріархъ съ поставляемыхъ имъ епископовъ и митрополитовъ, послѣдніе получали отъ низшаго духовенства, а оно уже брало непосредственно съ народа. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ всѣ денежные сборы константинопольскаго патріархата падали на народъ. Рядомъ съ этимъ патріархъ, единственное въ средѣ христіанскихъ властей лицо, имѣвшее вліяніе при султанскомъ дворѣ, доставлялъ возможность своимъ соотечественникамъ, — преимущественно обитателямъ Фанара, — получать въ Болгаріи прибыльныя мѣста откупщиковъ и сборщиковъ податей, которые послѣ двухъ-трехъ-лѣтней практики въ этихъ профессіяхъ, превращались въ денежныхъ тузовъ — тоже разумѣется на счетъ народа. А сколько средствъ, которыми Греки матеріально угнетали своихъ, хотя и не единоплеменниковъ, но все же братій о Христѣ! Веденіе метрическихъ книгъ, споры о законности рожденія, дѣла бракоразводныя—всѣ предметы входившіе въ кругъ церковнаго суда, высшимъ представителемъ котораго былъ патріархъ константинопольскій, открывали тысячи путей къ прижимкамъ народа и къ собственной наживѣ,—причемъ фанаріоты прибѣгали къ средствамъ, передъ которыми можетъ быть остановился бы самый корыстолюбивый турецкій мулла; напр. греческое духовенство, чтобы искуственно изобрѣсти источникъ дохода, вмѣшивалось въ семейныя дѣла, ссорило супруговъ и, возбудивъ бракоразводное дѣло, тянуло его то въ одну, то въ другую сторону, вымогало подарки съ той и съ другой, пока не истощались денежныя средства обѣихъ сторонъ. Всѣ эти вымогательства очень больно отражались на народѣ, который поставленъ былъ въ совершенный тупикъ, отъ кого ему слѣдуетъ болѣе хоронить свое имущество, отъ смиреннаго ли служителя алтаря, являющагося въ его домъ съ опущенными долу глазами, или передъ нехристемъ Туркомъ, вламывающемся къ нему съ повелительнымъ крикомъ?...

Къ этому матеріальному гнету, въ которомъ Греки лишь конкурировали съ Турками, присоединялся еще гнетъ духовный, въ которомъ Турки уже совершенно ни причемъ, который, правда, былъ неосязаемъ но вызывалъ послѣдствія худшія чѣмъ матеріальная эксплуатація народа.

Продолжая считать Болгаръ варварами, о національномъ прогрессѣ которыхъ не можетъ быть и рѣчи, Греки старались устранить болгарскій языкъ какъ изъ литургіи, такъ и изъ школъ, и достигли, при посредствѣ многочисленнаго своего духовенства того, что во всѣхъ городахъ Болгаріи богослуженіе происходило на греческомъ языкѣ и на этомъ же языкѣ шло преподаваніе въ школахъ. Греки, прославившіеся подъ именемъ фанаріотовъ, навязывали народу греческій языкъ и въ тоже время преслѣдовали преподаваніе національнаго языка народа; чтобы стереть самое имя народа на страницахъ исторіи, они истребляли письменные памятники болгарскаго прошлаго, что имъ легко было сдѣлать, такъ какъ книгохранилища находились въ ихъ рукахъ. Настойчивая работа константинопольскаго фанара въ противодѣйствіи національному развитію народа имѣла поразительный успѣхъ въ средѣ зажиточнаго класса: люди этого класса стали отворачиваться и отрекаться отъ своей національности, а путешественнику, перебывавшему въ то время (XV—XVIII в.) въ городахъ даже коренной Предбалканской Болгаріи, могло бы показаться, что всѣ эти люди Греки по происхожденію, и только послѣ долгаго знакомства съ ними, онъ, къ удивленію своему, узналъ бы, что подъ этими Греками скрываются обезличенные Болгары. Люди самостоятельные и лучшіе патріоты, не чувствуя подъ собою достаточно подготовленной почвы для борьбы съ фанаріотами, покидали свою родину съ тѣмъ, чтобы за-границею организовать борьбу, пока безкровную, въ видѣ распространенія книгъ на болгарскомъ языкѣ, доступныхъ пониманію народа.

ГЛАВА XII.

Религіозныя секты въ Болгаріи.—Богомилы.

1. Вмѣстѣ съ византійскимъ православіемъ въ Болгарію переходятъ и отклоненія отъ него. 2. Происхожденіе сектъ. 3. Богомилы и соціально-демократическія начала ихъ ученія. 4. Распространеніе богомилизма въ Болгаріи и внѣ ея предѣловъ. 5. Появленіе другихъ сектъ и начало латинской пропаганды въ Болгаріи.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ въ Болгарію перешли изъ Византіи и отклоненія отъ истинъ евангельскаго ученія, болѣе или менѣе рѣзкія, выражавшіяся въ многоразличныхъ ересяхъ и сектахъ, которыя въ свою очередь проникли въ Византію съ Востока, изъ Азіи.

Пылкая южная фантазія не могла улечься въ строго опредѣленной ортодоксальной рамкѣ формулированнаго авторитетомъ церкви христіанскаго ученія; многое въ этомъ ученіи казалось непонятнымъ, недоказаннымъ и неяснымъ.

Потребность доискаться причины причинъ, не сдерживаемая умомъ трезвымъ и направляемая лишь живою фантазіею, положила начало цѣлому культу мистическихъ ученій, которыя въ большей или меньшей мѣрѣ расходились съ евангельскимъ ученіемъ и ветхозавѣтными преданіями, усвоенными христіанскою церковью.

Зародившіяся тамъ же, т. е. въ Азіи, гдѣ зародилось христіанство, по мѣрѣ движенія народовъ съ Востока на Западъ, стали въ свою очередь распространяться въ направленіи къ Западу и эти отклоненія отъ ортодоксальнаго ученія христіанскаго. Болгарія представлялась одною изъ ближайшихъ странъ на пути распространенія этихъ ученій, и потому естественно, въ Болгаріи прежде чѣмъ въ другихъ славянскихъ земляхъ появились ложныя ученія.

Въ числѣ послѣднихъ наибольшій успѣхъ имѣло ученіе армянскихъ Павликіанъ, которое при дальнѣйшемъ своемъ развитіи въ Болгаріи сдѣлалось извѣстнымъ подъ именемъ Богомильской ереси.

Преслѣдуя Павликіанъ, византійскіе императоры сами невольно содѣйствовали распространенію этой ереси въ европейскихъ предѣлахъ имперіи, переселяя воинственныхъ жителей Арменіи и Сиріи въ сѣверные предѣлы Ѳракіи, для огражденія ихъ отъ набѣговъ варваровъ, между которыми разумѣлись и Болгары. Такъ поступилъ императоръ Константинъ Копронимъ (741—775) и позднѣе Іоаннъ Цимисхій (969—976), положившіе начало нѣсколькимъ колоніямъ такихъ переселенцевъ [1]).

Люди трудолюбивые и тороватые, армянскіе Павликіяне въ большомъ числѣ поселились въ столицѣ имперіи, пребываніе въ которой было даже офиціально признано императоромъ Никифоромъ, давшимъ имъ въ 810 г. право гражданства. Но наиболѣе Павликіанъ поселилось въ Филипопольскомъ округѣ. Отсюда ересь Павликіанъ распространилась на западъ—въ Македонію и на сѣверъ—въ Дунайскую Болгарію.

Какъ быстро шло развитіе ереси видно изъ того, что въ X вѣкѣ она охватила нѣсколько округовъ, въ которыхъ возникло нѣсколько центровъ, преимущественно въ городахъ. Утвердившись въ Болгаріи, ересь Павликіанъ, не отклоняясь отъ своей дуалистической сущности, видоизмѣнилась въ отдѣльныхъ подробностяхъ, вызванныхъ частію этнографическою обстановкою, а частію фантазіею реформатора. Попъ Богомилъ (онъ же и Іеремія)—имя реформатора, отъ котораго пошла секта, получившая названіе Богомильской ереси [1]).

Дуалистическое міровоззрѣніе, зародившееся на Востокѣ, и именно въ Индіи [2]), было въ такой степени распространено на Востокѣ, что оставило слѣды даже въ той сферѣ (восточнаго монашества), которая, казалось, призвана была охранять чистоту евангельскаго ученія. Умерщвленіе плоти, доходящее до медленнаго самоубійства,—результатъ дуалистическаго взгляда на человѣка. Тѣло въ человѣкѣ представляется началомъ грѣховнымъ, которое находится въ постоянной борьбѣ съ душею, т. е. началомъ божескимъ; идеалъ подвижничества сводится къ побѣдѣ духа надъ тѣломъ, къ побѣдѣ полной, безусловной. Но понятно, что такая побѣда немыслима: тѣло имѣетъ свои потребности столь же непреложныя, вѣчныя, какъ всѣ начала природы. Въ томъ то и заключается весь драматизмъ подвижничества, что оно, при всей своей страстной борьбѣ съ потребностями тѣла, можетъ только болѣе или менѣе ограничить ихъ, довести до извѣстнаго минимума, но не въ силахъ достигнуть абсолютнаго, въ смыслѣ восточнаго дуализма, торжества духа надъ тѣломъ.

---

[1]) Голубинскій, Очерки исторіи правосл. церквей, стр. 155; Jirecek—Geschichte, стр. 174.

[1]) Голубинскій, Очерки исторіи, стр. 156.

[2]) Jaccoliot, Bible dans l'Inde.

Мы не будемъ входить въ подробности какъ догматической, такъ и соціальной чертъ Богомильской ереси, а замѣтимъ только главныя черты той и другой [1]).

Отправляясь отъ дуалистическаго начала міросозерцанія, Богомилы признавали верховнаго Бога, *добраго*, который сотворилъ невидимый духовный міръ, и отпадшаго демона, *злаго*, который сотворилъ міръ вещественный. Такимъ образомъ существуетъ два міра, міръ Божій и міръ сатаны. Эти противоположности въ примѣненіи къ человѣку находятъ аналогію въ отношеніяхъ души и тѣла. *Первая* есть созданіе Бога, *второе* есть созданіе сатаны. Душа, по ученію Богомиловъ, представляется заключенною въ оковы тѣла и послѣ смерти человѣка возвращается туда, откудао на изошла, т. е. къ Богу. О мірозданіи ученіе Богомиловъ объясняетъ, что сатана (сатанаилъ), сотворивъ землю и перваго человѣка, Адама,—не могъ вдохнуть въ него жизнь. Тогда отправляетъ онъ посла своего къ Богу, прося вложить въ человѣка душу, съ тѣмъ, что человѣкъ будетъ служить обоимъ имъ. Богъ исполнилъ желаніе сатаны, и человѣкъ воспріялъ жизнь. Такимъ образомъ созданы были Ева и Каинъ, который убилъ брата своего Авеля. Отсюда между людьми начались убійства. Исполнившись зависти къ человѣку, сатана началъ творить ему ковы; онъ обманулъ Моисея и взошедъ на гору Синай, далъ ему законъ, который погубилъ безчисленныя тысячи людей. Ветхій Завѣтъ, по ихъ мнѣнію, отъ лукаваго, а изъ Новаго Завѣта Богомилы чтили лишь Евангеліе и Апостоловъ; книги эти подвергались самому широкому и свободному толкованію. О Сынѣ и Св. Духѣ учили, что Они получили бытіе отъ Бога Отца черезъ 5500 лѣтъ послѣ сотворенія міра, когда Богъ рѣшился искупить человѣка. Объ искупленіи учили, что будучи угнетаемы жесткимъ господствомъ демоновъ, люди страшно погибали и спаслись только немногіе, и именно изъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ людей только тѣ, которые записаны въ родословіяхъ Іисуса Христа, у евангелистовъ Матѳея и Луки. Но наконецъ Богъ примѣтилъ, что Его проводятъ и коварно обманываютъ, что между тѣмъ, какъ Онъ далъ лучшую часть человѣка, Онъ лишается большей части людей. Посему сжалившись о душѣ, которую вдунулъ, Онъ отрыгнулъ отъ сердца своего въ 5500 г. «Слово, которое есть Михаилъ Архангелъ, ибо сказано: «наречется велика совѣта Ангелъ», и которое называется Іисусомъ, поелику врачуетъ всякую болѣзнь и всякую язву, и Христомъ, поелику помазано было плотію. Слово сошло съ небесъ и воплотилось не дѣйствительною плотію, а только привидѣніемъ, вошедъ

[1]) Гильфердингъ, Собр. соч., т. I; Спасовичъ и Пыпинъ, Обзоръ слав. литер.; Jirecek, Geschichte; Голубинскій, Очерки исторіи прав. церквей.

черезъ правое ухо дѣвы и вышедъ тѣмъ же путемъ; устроивъ изъ своей жизни призрачное зрѣлище, Оно обмануло сатанаила, связало его толстою и тяжелою цѣпью, заключило въ тартарѣ, и, отнявъ отъ его имени *илъ*, оставило ему только *сатана*. Исполнивши свое служеніе, Слово возвратилось къ Отцу и снова разрѣшилось во чревѣ Его, въ которомъ было заключено прежде. О крестныхъ страданіяхъ Христовыхъ Богомилы учили, что Онъ распятъ былъ не по своей волѣ и не за спасеніе человѣческое, а по нуждѣ; что демоны измыслили крестъ, чтобъ погубить Его. Посему Богомилы называли крестъ враждою Богу и говорили: «аще кто убіетъ царева сына древомъ, можетъ ли то древо любо быти царю, тако же и крестъ Богу». На этомъ основаніи они не только не почитали изображеній креста, но и ругались надъ нимъ. О новозавѣтной христіанской церкви Богомилы учили то же самое, что и о ветхозавѣтной, т. е. что она не отъ Христа, а отъ діавола. Поэтому они отвергали церковь со всѣмъ ея ученіямъ, со всѣмъ ея таинствами, обрядами и учрежденіями. Считая истинно христіанскимъ свое собственное общество, они однихъ себя называли христіанами, а православныхъ называли «Ромеями» (т. е. Греками), книжниками и фарисеями. Они не признавали воскресенія тѣлъ, и говорили о своихъ послѣдователяхъ, что они измѣняются какъ бы во снѣ и безъ всякаго труда скидаютъ это грязное одѣяніе плоти и надѣваютъ безсмертную и божественную одежду Христову, а тѣло разрѣшается въ пепелъ и прахъ, и никогда болѣе не возстанетъ.

Своей церкви Богомилы не имѣли, говоря, что Всевышній живетъ не въ рукотворенныхъ храмахъ, но небо Его жилище, и называя храмами распутія, совершали молитву каждый у себя дома, называя литургію и все богослуженіе христіанъ—многоглаголаніемъ. Они принимали одну молитву: «*Отче нашъ*». Не соблюдая и не признавая христіанскихъ праздниковъ, Богомилы соблюдали христіанскіе посты и постились въ понедѣльникъ, среду и пятницу. Въ общину свою Богомилы принимали только людей взрослыхъ, послѣ предварительнаго поста и молитвы вступающаго; отвергали крещеніе водою, какъ веществомъ видимымъ, слѣдовательно исходящимъ отъ сатаны. Принятый становился «простымъ вѣрующимъ» и только послѣ нѣкотораго испытанія получалъ названіе «совершеннѣйшаго»—эту высшую ступень въ общинѣ Богомиловъ. Такъ какъ церковной іерархіи они не признавали, то каждый членъ общины,—мущина или женщина,—имѣлъ право учить и проповѣдывать—отсюда фантастическія толкованія священнаго писанія и исполненные бредней разсказы о событіяхъ, относящихся къ священной исторіи.

Таковы догматико-церковныя начала ученія Богомиловъ. Что касается

ихъ соціальныхъ идеаловъ, то, вращаясь въ средѣ чернаго, по преимуществу бѣднаго, подвластнаго люда, которому въ тѣ времена безправія приходилось извѣдывать лишь горькую сторону жизни, Богомилы указывали этому люду выходъ изъ такого гнетущаго положенія, развивая мысль о неповиновеніи властямъ, «хулили богатыхъ, царей ненавидѣли, ругалися старѣйшинамъ, укоряли Боляры, мерзки Богу творили работающихъ царю и всякому рабу не велѣли работать господину своему». Сами они вели строгій образъ жизни, презирая земныя богатства; ведя жизнь нравственную и правдивую, считая ложь или даже простое сокрытіе истины величайшимъ преступленіемъ, хотя въ отношеніи къ иновѣрцамъ позволяли это, Богомилы стали быстро пріобрѣтать себѣ послѣдователей. Имущество, пріобрѣтенное путемъ прилежнаго труда, они, за исключеніемъ необходимаго на собственныя ихъ ограниченныя потребности, употребляли на благотворительныя цѣли; трудъ у нихъ былъ въ большомъ почотѣ; работать не считалось грѣхомъ даже въ праздничные дни. Считая трудъ священною обязанностью каждаго человѣка, Богомилы относились съ презрѣніемъ къ тунеядцамъ; величайшимъ преступленіемъ считали они убіеніе животныхъ, за исключеніемъ змѣи—созданія сатаны. Исходя изъ этаго взгляда, Богомилы отвергали смертную казнь и войну,—какъ сопровождаемыя избіеніемъ людей. Ведя жизнь трудолюбивую, нравственную и главное—пропагандируя идею полнаго равенства между людьми, Богомилы встрѣтили сочувствіе въ народѣ и стали быстро пріобрѣтать послѣдователей. Люди массами стекались къ Богомиламъ, въ ученіи которыхъ разрѣшалось столько жгучихъ соціальныхъ вопросовъ, при томъ въ такомъ сочувственномъ низшей братіи смыслѣ; разсказы ихъ о событіяхъ ветхо- и новозавѣтныхъ, полные фантастическихъ подробностей и яркихъ красокъ, также не могли не увлечь простые неразвитые умы слушателей. Ученіе Богомиловъ было встрѣчено свѣтскимъ правительствомъ и духовнымъ, какъ ученіе зловредное, противуобщественное и противуцерковное. Вслѣдствіе этого, власти духовныя и свѣтскія тѣсно сблизились для преслѣдованія Богомильской ереси. Но преслѣдованіе только усилило распространеніе ереси, внесло въ нее бо̀льшую энергію; преслѣдуемые стали величаться мучениками и пріобрѣли громадный авторитетъ въ средѣ массы народа. Ересь проникла въ Грецію и въ самой столицѣ Византіи основала свои общины къ XI и XII вв., распространилась по Адріатическому морю, а въ XIII проникла въ Южную Францію, только нѣсколько видоизмѣнившись и подъ иными названіями. Тамъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Далмаціи она распространилась подъ именемъ Патеранской ереси, въ Южной Франціи—подъ именемъ Альбигойской. Распространеніе ереси приняло на столько угрожающіе раз-

мѣры, что римскіе епископы, зная, что источники богомилизма въ Болгаріи, вступали въ особые переговоры съ болгарскими царями о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять противъ распространенія ереси. Въ самой Болгаріи созывались духовные соборы (синоды) для обсужденія средствъ къ искорененію ереси. Такъ, напр. созванъ былъ (соборъ) въ Тырновѣ 11 февраля 1211 г., трудами котораго составленъ сборникъ религіозно-гражданскаго содержанія, заключающій въ себѣ рядъ предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ, направленныхъ противъ богомилизма. Ересь эта вызвала со стороны болгарской церкви цѣлую политическую литературу, во главѣ которой стоялъ Козьма пресвитеръ, Евфимій Зигаденъ и др. Несмотря на соединенныя усилія церкви и свѣтской власти, Богомилы пережили турецкое завоеваніе и лишь въ XVIII ст. имя ихъ сходитъ со сцены церковной исторіи Болгаріи. По прекращеніи преслѣдованія ихъ и подъ давленіемъ новаго гнета мусульманскаго, они постепенно присоединились, то къ православной церкви, то къ католицизму, и многіе, по всей вѣроятности, подобно православнымъ Болгарамъ, приняли исламъ. Также погибла, незамѣтно, и Патеранская ересь въ Иллирикѣ.

Незадолго предъ турецкимъ завоеваніемъ появилась было новая секта аскетическаго характера съ примѣсью языческихъ вѣрованій. Секта эта нашла себѣ въ гор. Солуни прозелитку, въ лицѣ монахини Ирины, которая къ ученію этой секты присоединила нѣкоторыя черты богомилизма. Къ основательницѣ новаго ученія стекались монахи, которые пытались ея ученіе перенести на Святую Аѳонскую гору, но отсюда оно было вытѣснено. За то ересь имѣла значительный успѣхъ въ Болгаріи, гдѣ бѣглый изъ Константинополя монахъ Теодоритъ, пользуясь нѣкоторыми медицинскими познаніями, поражалъ простые умы чудеснымъ излеченіемъ больныхъ. Воспроизводя нѣкоторыя языческія вѣрованія, онъ ввелъ поклоненіе священному, имъ указанному, дубу и кровныя жертвоприношенія. Вскорѣ послѣ него появились въ Тырновѣ два монаха, Лазарь и Кириллъ, еретики, впрочемъ, самой низкой пробы, распространявшіе въ народѣ разсказы о своихъ какихъ-то божественныхъ видѣніяхъ, отвергавшіе иконопочитаніе, бракъ и трудъ. Изъ нихъ Лазарь, изъ желанія наглядно уподобиться типу первобытнаго, до грѣхопаденія, человѣка, занимался тѣмъ, что въ наготѣ бѣгалъ по улицамъ города, къ священному изумленію его поклонниковъ. Эти два полуумныхъ чудака, видоизмѣнивъ ученіе Ирины, основали секту Адамитовъ, принявъ первообразомъ своимъ, впрочемъ только по отсутствію одежды, перваго человѣка. Послѣдователемъ ихъ явился монахъ Ѳеодосій, который, между прочимъ, поученіями своими особенно доказывалъ совершенную безполезность брака.

Такъ какъ во всѣ времена и вездѣ нѣтъ той нелѣпости, которая не нашла бы послѣдователей, то и новые прозелиты встрѣтили сочувствіе въ средѣ нѣкоторой части народа. Толпы мужчинъ и женщинъ, весьма несложно одѣтыхъ, стекались въ мѣста уединенныя съ тѣмъ, чтобы предаваться тамъ самой безумной и безнравственной оргіи. Несмотря на полное отсутствіе всякихъ моральныхъ началъ этой секты, она распространилась и внѣ предѣловъ Болгаріи и проникла въ Богемію, гдѣ въ 1421 году Жижка почти поголовно истребилъ представителей названной секты; да и наша русская секта скакуновъ, по всей вѣроятности, образовалась на основаніи традицій Адамитовъ.

Нѣкоторый успѣхъ имѣла секта Іудействующихъ, происхожденіе которой относится ко времени вступленія болгарскаго царя Александра въ бракъ съ Еврейкою, ради которой онъ развелся съ первою своею женою Ѳеодорою, дочерью валахскаго князя. Хотя эта Еврейка приняла христіанство и ревностно исполняла обряды православной церкви, но появленіе ея при дворѣ привлекло массу ея прежнихъ единовѣрцевъ, которые, хвалясь предъ народомъ родствомъ и близостью своею съ его царемъ, въ тиши работали надъ пропагандою іудейства.

Какъ въ X в. энергическимъ противникомъ Богомильской ереси былъ Кузьма пресвитеръ, который говорилъ противъ нихъ въ поученіяхъ, проповѣдяхъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ, такъ позднѣе, въ XIV ст., явился патріархъ тырновскій Ѳеодосій II, который въ 1350 г. созвалъ соборъ. На этомъ соборѣ присутствовалъ рядомъ съ патріархомъ и болгарскій царь Александръ. Соборъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ сдѣланъ былъ починъ публичнаго состязанія пастыря православной церкви съ вожаками еретиковъ; содержаніемъ диспута послужили тѣ предметы, которые касаются сущности христіанской религіи и ученія православной церкви, отвергаемые еретиками, напр. единство мірозданія, таинство брака, иконопочитаніе, священство и проч. Изъ еретическихъ диспутантовъ, монахъ Лазарь всенародно призналъ свое заблужденіе; а другой—Кириллъ Босота и ученикъ его попъ Стефанъ упорно стояли на своемъ еретическомъ ученіи, за что на ихъ лицахъ, по приказанію царя, выжжено клеймо раскаленнымъ желѣзомъ. Ученикъ Ѳеодосія II Евфимій, послѣдній патріархъ болгарскій, извѣстный переводами церковныхъ книгъ съ греческаго на болгарскій и исправленіемъ прежде переведенныхъ, продолжалъ дѣло борьбы съ еретиками, которые къ концу XIV стол. нашли наиболѣе радушный пріемъ въ Видинскомъ округѣ; да и въ самое мѣстопребываніе патріарха, въ г. Тырнова, появлялись отъ времени до времени учители разныхъ еретическихъ толковъ, видоизмѣняя и соединяя въ одно цѣлое нѣсколько еретическихъ ученій. Таковъ былъ нѣкто Пиронъ, бѣжавшій изъ Константинополя и вклю-

чившій въ еретическую пропаганду свою, кромѣ поименованныхъ выше еретическихъ ученій, и Несторіанство. Пропаганда его, при содѣйствіи монаха Ѳеодора, шла на столько успѣшно, что проникла даже въ царскій дворецъ. Патріархъ Евфимій созвалъ соборъ, на которомъ публично обличалъ лживость и безнравственность этого еретическаго ученія; кромѣ того, низшему и среднему духовенству вмѣнено было въ обязанность наставлять народъ по церквамъ въ правилахъ чистой вѣры; рядомъ съ этимъ, свѣтская власть принимала карательныя мѣры противъ еретиковъ, которые, впрочемъ, въ Болгаріи никогда не отличались тою безчеловѣчною, въ систему возведенною, жестокостью, какою отмѣчены преслѣдованія ересей на Западѣ въ земляхъ католическихъ.

Съ паденіемъ Болгарскаго царства и независимости болгарской церкви разные еретическіе толки, не бывъ преслѣдуемы, сами собою постепенно исчезали, претворяясь въ православіе, исламъ или католицизмъ, не оставляя никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ въ болгарскомъ православіи.

Гораздо бóльшая опасность угрожала послѣднему со стороны католической пропаганды, начало которой слѣдуетъ отнести къ XII ст., т. е. ко времени крестовыхъ походовъ, когда вмѣстѣ съ поборниками освобожденія гроба Господня явились цѣлыя массы католическаго духовенства; оно здѣсь занялось пропагандой католицизма и уже въ то время имѣло нѣкоторый успѣхъ, благодаря матеріальной поддержкѣ со стороны рыцарей. Съ утвержденіемъ турецкаго владычества, пропаганда эта принимаетъ большіе размѣры, въ особенности въ сѣверныхъ окраинахъ Болгаріи, напр. на Дунаѣ. Не столько, однакоже, дагматико-церковныя наставленія отцовъ іезуитовъ, сколько тѣ житейскія выгоды, которыя они предлагали обращающимся въ католицизмъ, побуждали сотни и тысячи Болгаръ отказываться отъ православія. Выгоды эти состояли въ томъ, что новообращенные католики становились подъ особое покровительство западныхъ державъ—Франціи и Австріи; новообращенные католики находили защиту противъ притѣсненія со стороны турецкихъ властей, благодаря внимательной заботливости дипломатическихъ агентовъ о своихъ турецкихъ единовѣрцахъ. Результаты этого покровительства видны и въ настоящее время: города и деревни съ католическимъ населеніемъ лучше обстроены, богаче и чище. Болгары, видя высшее благосостояніе своихъ соотечественниковъ — католиковъ, обусловливаемое тѣмъ, что, благодаря покровительству западныхъ державъ, католическія общины избавлены отъ турецкаго произвола и фанаріотскаго хищничества, исподоволь измѣняли православію. Свиштовскій и Филиппопольскій округи наиболѣе населены такими католиками: ихъ въ обоихъ округахъ насчитывается болѣе 60,000 человѣкъ.

Со времени учрежденія національной церкви (1871 г.), т. е. осво-

христіанства. Принято большинствомъ ученыхъ славистовъ [1]) считать Константина (въ монашествѣ Кирилла) изобрѣтателемъ славянской азбуки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и брата его Меѳодія—переводчиками на славянскій языкъ греческихъ богослужебныхъ книгъ и священнаго писанія. Они же, эти братья, считаются и первыми апостолами южнаго славянства. Оба они родомъ изъ Солуни, происхожденія славянскаго. Отецъ ихъ, Леонъ, въ Солуни занималъ постъ военачальника. Славяне на службѣ Византіи не представляли рѣдкаго явленія и не могли казаться опасными, потому что большинство изъ нихъ успѣло вполнѣ огречиться, подобно родителямъ славянскихъ апостоловъ.

Старшій братъ Константинъ родился въ 827 году и получилъ первоначальное воспитаніе въ домѣ своего отца; по смерти отца, онъ въ 842 г. былъ отправленъ въ Константинополь, гдѣ, вмѣстѣ съ будущимъ императоромъ Михаиломъ III, подъ руководствомъ патріарха Ѳотія, окончилъ образованіе. Не смотря на то, что его готовили къ блестящей свѣтской карьерѣ, онъ съ раннихъ лѣтъ обнаруживалъ наклонность къ уединенію и призваніе къ духовной дѣятельности. Ведя затворническую жизнь, онъ основательно изучилъ богословіе, нѣсколько восточныхъ языковъ, и ознакомившись со всею тогдашнею византійскою ученостью, чему много способствовала первоначальная профессія его—библіотекаря при богатой библіотекѣ патріарха. Человѣкъ съ такими обширными знаніями не могъ конечно остаться незамѣченнымъ и похоронить себя въ стѣнахъ своего кабинета. Для него должна была наступить болѣе обширная, чѣмъ библіотекарство, дѣятельность общественная. Дѣйствительно, около 850 года мы застаемъ Константина уже преподавателемъ одной изъ высшихъ школъ въ столицѣ, а въ 851 году византійскимъ посломъ въ Персіи.

Братъ его Меѳодій, родившійся также въ Солуни, гдѣ получилъ образованіе, посвятилъ себя гражданской дѣятельности и достигъ поста губернаторскаго одной изъ славянскихъ областей подлѣ Солуни. Но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, постригся въ монахи въ одномъ изъ монастырей на Олимпѣ.

Здѣсь около 856 г. встрѣтились братья и съ этого времени они начинаютъ работать вмѣстѣ надъ обращеніемъ въ христіанство Славянъ, которыми заселена была почти вся Ѳессалія. Въ 862 г. братья отправляются въ Великую Моравію для христіанской проповѣди, и очень вѣроятно, что, проходя чрезъ Болгарію, остались нѣкоторое время въ той странѣ съ просвѣтительною цѣлью. Кромѣ Моравіи, братья предпринял

[1]) Schafarik—Slavische Alterthümer, т. II, изд. 1844; см. также: Венелинъ—Критическія изслѣдованія, 1842; Порфирій—Исторія Аѳона.

апостольскую миссію къ Хозарамъ, гдѣ крестили хозарскаго хана и положили прочное начало дальнѣйшему развитію христіанства на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Но всемірно-историческое значеніе имѣетъ, безъ сомнѣнія, христіанская миссія ихъ среди южныхъ и моравскихъ Славянъ, и въ исторіи Славянъ она имѣетъ еще особое спеціальное цивилизующее значеніе, какъ связанная съ развитіемъ славянской письменности. Живя долгое время между Славянами, братья имѣли возможность основательно изучить славянскій языкъ, со всѣми его фонетическими особенностями; это облегчило трудъ изобрѣтенія общеславянскаго письма, общепонятнаго всѣмъ славянскимъ народностямъ. До сихъ поръ остается нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, какое изъ славянскихъ нарѣчій братья приняли за образецъ при составленіи азбуки и переводѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, отъ какого изъ славянскихъ племенъ они заимствовали тотъ языкъ, который сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ старославянскаго языка?

Одни находятъ, что такимъ образцомъ послужилъ языкъ, на которомъ говорили Паннонскіе Славяне; другіе отыскиваютъ этотъ языкъ въ средѣ вообще Славянъ Балканскаго полуострова, а третіе считаютъ такимъ образцомъ языкъ Сербо-Болгаро-Македонскихъ Славянъ [1]).

Мы съ своей стороны думаемъ, что въ IX вѣкѣ Славяне представляются уже на столько обособившимися въ ихъ соціально-культурной жизни, что и самыя нарѣчія ихъ, сохраняя общія черты сходства, въ частности усвоили себѣ на столько мѣстныхъ особенностей, что эти послѣднія должны были затруднить пониманіе нарѣчія одного изъ славянскихъ племенъ другими, а потому весьма вѣроятно, что братья Кириллъ и Меѳодій, хорошо лингвистически образованные, уловивъ эти общія черты сходства, и обобщивъ встрѣченныя ими особенности, создали языкъ нейтральный, болѣе или менѣе общепонятный всѣмъ славянскимъ племенамъ. Если подобная попытка образованія нейтральнаго для всѣхъ славянскихъ народовъ языка могла явиться въ гораздо позднѣйшее время, какъ въ концѣ XVIII в. [2]), когда лингвистическія отличія стали несравненно рѣзче и многочисленнѣе, то тѣмъ возможнѣе и исполнимѣе становилось обобщеніе относительно незначительныхъ особенностей, отличавшихъ славянскія нарѣчія въ половинѣ IX в. Такимъ образомъ мы признаемъ, что такъ называемый старославянскій языкъ, на который переведены первыя священно-богослужебныя книги, въ частности не можетъ быть приписанъ ни одному изъ славянскихъ народовъ и пред-

---

[1]) Schafarik—Slavische Alterthümer; также Иловайскій—Розысканія о началѣ Руси.

[2]) Такую попытку сдѣлалъ Іоаннъ Раичъ въ изложеніи своей «Исторіи разныхъ Славянскихъ народовъ», изд. 1794 г.

ставляетъ собою языкъ нейтральный, въ которомъ смягчены мѣстныя особенности. Конечно, этотъ старо-славянскій языкъ оставался лишь языкомъ литературнымъ, книжнымъ, рядомъ съ которымъ продолжалъ развиваться языкъ разговорный, съ его мѣстными особенностями. Послѣдній, какъ извѣстно, въ теченіе вѣковъ сближается съ этимъ книжнымъ языкомъ, видоизмѣняетъ его, внося въ него новыя лингвистическія формы и фонетическія особенности. А прежній книжный языкъ въ болѣе сохраненныхъ чертахъ остается языкомъ церковнымъ, который и по настоящее время общій почти у всѣхъ южныхъ Славянъ, сохранившихъ болѣе чѣмъ нѣмецкіе Славяне свои національныя черты. Кромѣ названныхъ книгъ, солунскіе братья перевели почти всѣ части Ветхаго Завѣта, которыя только въ концѣ XV ст. собраны были въ одно цѣлое новгородскимъ епископомъ Геннадіемъ и изданы имъ въ видѣ отдѣльной книги. Меѳодій, кромѣ того, перевелъ Номоканонъ, Житіе Святыхъ и нѣсколько апологическихъ рѣчей, сказанныхъ его братомъ въ Хозаріи, въ защиту христіанской религіи противъ ученія магометанъ и евреевъ.

Если братья Кириллъ и Меѳодій положили начало обще-славянской письменности, то ближайшіе ученики ихъ (Климентъ, Гараздъ, Наумъ. Ангеларъ и Сава), извѣстные всѣ вмѣстѣ со своими учителями подъ общимъ именемъ «седьми численниковъ», своими неусыпными трудами содѣйствовали распространенію письменности и навсегда обезпечили ея развитіе.

Ученики славянскихъ апостоловъ, вмѣстѣ съ своими послѣдователями, составляютъ цѣлую литературную плеяду, которая, совпадая съ вѣкомъ Симеона Болгарскаго, отличаетъ этотъ послѣдній, какъ одинъ изъ блестящихъ моментовъ исторіи книжной образованности въ Болгаріи Самъ царь принималъ дѣятельное участіе въ развитіи этой образованности, переводя на славянскій языкъ съ греческаго книги религіознаго и философскаго содержанія.

Объ отношеніи болгарской книжной образованности къ развитію народа и о той роли, которую она играла въ исторіи славянскихъ литературъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, когда сведемъ общій итогъ древне-болгарской литературы, а теперь отмѣтимъ важнѣйшихъ дѣятелей ея.

При этомъ мы должны оговорить, что къ этой древнѣйшей литературѣ мы относимъ не только тѣ произведенія и тѣхъ дѣятелей, которые совпадаютъ со временемъ Симеона Болгарскаго, т. е. съ X в., но и позднѣйшихъ, до паденія Болгарскаго царства. Мы поступаемъ такъ потому, что при всей многочисленности книгъ, появившихся въ концѣ IX по XIV ст. включительно, при всемъ количественномъ богатствѣ литературы, въ ней не замѣчается какихъ-либо рѣзкихъ переходовъ отъ одного направленія къ другому, которые могли бы служить основаніемъ

въ дѣленіи на періоды. Правда, что рядомъ съ этою, такъ сказать, оффиціальною литературою существовала другая, имѣвшая своимъ источникомъ еретическія ученія манихеизма и богомильства, но она возникла почти одновременно съ официальною, шла своимъ особливымъ путемъ развитія и по тому самому не составляетъ какого-либо послѣдовательнаго періода въ развитіи общей литературы. Это была особая, параллельно существовавшая литература, комплектовавшаяся изъ такъ-называемыхъ ложныхъ или отреченныхъ книгъ, хотя и строго запрещенныхъ православною церковью, но тѣмъ не менѣе пользовавшихся большою популярностью въ теченіи всего средневѣковаго періода болгарской литературы. Запрещенная литература, подобно дозволенной, распространилась далеко внѣ предѣловъ Болгаріи, преимущественно въ славянскихъ земляхъ—въ Россіи, Сербіи и у Кроатовъ.

Мы уже сказали, что самъ Симеонъ принималъ дѣятельное участіе въ распространеніи и развитіи книжной образованности. Получивъ греческое образованіе и владѣя въ совершенствѣ греческимъ языкомъ, царь перевелъ 135 избранныхъ словъ Іоанна Златоуста, которыя независимо отъ того, что отличались увлекающею слушателей картинностью образовъ, замѣчательны и по содержанію своему, рисуя нравы Византіи тогдашняго времени. Іоаннъ Златоустъ, современникъ императора Аркадія и жены послѣдняго Евдокіи, кромѣ ораторскаго своего таланта, не имѣющаго соперниковъ не только въ восточной, но и западной церкви, извѣстенъ еще какъ настоящій, лучшій образецъ христіанскаго пастыря, въ отношеніи высоко нравственной въ обширномъ смыслѣ слова жизни, полной многотрудной энергической дѣятельности, направленной какъ къ поученію паствы, такъ и къ противодѣйствію развивавшейся деморализаціи высшихъ классовъ и духовенства. Въ церквахъ и на площадяхъ всенародно этотъ духовный дѣятель громилъ меркантилизмъ, продажность и безнравственность высшихъ классовъ, двора; не пощадилъ и императрицу Евдокію. Іоаннъ Златоустъ былъ настоящимъ народнымъ трибуномъ по степени участія, которое онъ принималъ въ судьбѣ низшей братіи, Слова и рѣчи его, не ограничиваясь одними церковными поученіями, касались животрепещущихъ сторонъ тогдашняго соціальнаго быта и въ этомъ смыслѣ имѣли кромѣ церковнаго и общецивилизующее значеніе. Поэтому переводъ 135 словъ Іоанна Златоуста, сдѣланный Симеономъ и извѣстный подъ общимъ именемъ «Златоструя», надо считать драгоцѣннымъ вкладомъ въ болгарскую литературу, но только, къ сожалѣнію, вкладъ этотъ оставался долгое время недоступнымъ народу и намъ по крайней мѣрѣ ничего неизвѣстно, чтобы эти слова, дышавшія любовью къ человѣчеству, столь понятныя даже простому неразвитому уму, были распространены въ средѣ народа. Можно предполагать, что находились

люди, какъ въ духовенствѣ, такъ и въ сферѣ свѣтской власти, которые считали не совсѣмъ безопаснымъ для своего земнаго благополучія популяризацію такихъ высоко-гуманныхъ идей, такихъ смѣлыхъ и правдивыхъ нападокъ на жалкое состояніе тогдашняго общества и въ особенности его вожаковъ, какія встрѣчаются въ рѣчахъ этаго знаменитаго христіанскаго оратора. Многія произведенія послѣдняго постигла такая же участь, какъ французскую энциклопедію XVIII ст., которая очень быстро разошлась въ разныя стороны, но во многихъ странахъ, какъ плодъ запретный, бережно охранялась отъ взглядовъ любопытныхъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, дѣятелями на поприщѣ болгарской литературы, возникшей изъ потребности утвержденія и распространенія христіанства, являются все люди изъ среды духовенства, какъ класса наиболѣе компетентнаго въ знаніи правилъ христіанскаго ученія. Это все монахи, пресвитеры, епископы, игумены и пр.; они даютъ всей образованности не только направленіе, но и самое содержаніе, т. е. церковно-поучительное.

Первое по времени мѣсто въ ряду этихъ дѣятелей занимаютъ ученики знаменитыхъ солунскихъ братьевъ: 1) *Климентъ* и 2) *Константинъ* [1]). Изъ нихъ *первый* посланъ былъ болгарскимъ царемъ Борисомъ въ Западную Македонію для распространенія христіанства въ округахъ Охридскомъ, Девольскомъ и Главиницкомъ; при Симеонѣ онъ назначенъ былъ епископомъ въ Велицѣ.

Климентъ оставилъ сборникъ рѣчей, сказанныхъ въ праздничные дни, а также нѣсколько жизнеописаній святыхъ. Рѣчи его отличались рѣдкою для того времени простотою, что облегчало пониманіе ихъ всякимъ простолюдиномъ. А второй, Константинъ, пресвитеръ, впослѣдствіи епископъ,—въ 894 г., по просьбѣ Наума (одного изъ седми численниковъ), составилъ сборникъ рѣчей на всѣ воскресные дни, числомъ 51— по византійскимъ образцамъ; около 907 г. перевелъ четыре Слова Аѳанасія Александрійскаго противъ Аріянъ и составилъ молитву въ стихахъ, прославляющую торжество христіанства. Между Славянами молитва эта имѣетъ значеніе и какъ древнѣйшій славянскій памятникъ христіанской поэзіи; 3) *Іоаннъ Экзархъ* составилъ нѣчто въ родѣ ветхозавѣтной исторіи, подъ именемъ Шестоднева, въ которомъ, пользуясь, кромѣ христіанскихъ учителей церкви, и Аристотелемъ, разсказываетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ исторію міроздания; ему же принадлежитъ переводъ избранныхъ главъ изъ книги «О правой вѣрѣ» Іоанна Дамаскина, а также грамматики и діалектики Дамаскина; 4) *монахъ Григорій*, который по приказанію Симеона перевелъ хронографъ ритора Іоанна Антіо-

---

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи православныхъ церквей, стр. 167.

хійскаго, прозваннаго Малалой и жившаго въ концѣ V и въ началѣ VI в. Хронографъ этотъ представляетъ собою опытъ всемірной исторіи отъ сотворенія міра до Юстиніана, т. е. до начала VI ст. Какъ бы дополненіемъ къ этой исторіи служитъ разсказъ объ Александрѣ Македонскомъ, личность котораго особенно поражала воображеніе средневѣковыхъ византійскихъ писателей, когда они обращались къ греко-римскому періоду всемірной исторіи. Къ этому же времени относится и переводъ хроники Амартола, которая считалась важнѣйшимъ источникомъ для византійскихъ историковъ. Амартолъ въ Византіи тоже, что русскій Несторъ; 5) монахъ или черноризецъ *Храбръ*, тоже современникъ Симеона, пріобрѣвшій извѣстность книгою, замѣчательною по научному содержанію: это трактатъ о славянскихъ письменахъ, въ которомъ сообщаются любопытныя свѣдѣнія объ изобрѣтеніи славянской азбуки и о переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ; свѣдѣнія эти тѣмъ болѣе любопытны, что они разсказываются лицомъ близкимъ къ описываемымъ событіямъ. Ни одно изслѣдованіе о дѣятельности солунскихъ братьевъ не обходится безъ этаго небольшаго трактата, въ которомъ встрѣчается и политическій отдѣлъ, гдѣ черноризецъ опровергаетъ нападки, дѣлаемые на славянскій языкъ.

Имъ оканчивается кругъ наиболѣе извѣстныхъ въ книжной образованности современниковъ Симеона Болгарскаго, просвѣтительная дѣятельность котораго выразилась въ концѣ его царствованія изданіемъ энциклопедіи, подъ именемъ «Сборника». Здѣсь въ сжатомъ видѣ собрана вся тогдашняя византійская, преимущественно церковно-богословская ученость, рядомъ съ которою встрѣчаются тутъ и трактаты философскіе, историческіе и риторическіе, съ преобладаніемъ религіознаго характера. Весь этотъ трудъ представляетъ собою извлеченіе и переводы изъ сочиненій греческихъ писателей: самое расположеніе предметовъ въ немъ сдѣлано по образцу византійскихъ средневѣковыхъ энциклопедій. Имена сотрудниковъ этого сборника остаются неизвѣстными.

Время, слѣдующее за вѣкомъ Симеона, замѣчательно бѣдностью книжной образованности. И понятно, это было время постепеннаго распаденія Болгарскаго царства, когда событія политическія отвлекали людей отъ мирныхъ занятій. Вмѣстѣ съ политическимъ центромъ сошелъ со сцены и центръ книжной образованности. Не имѣя корней въ народѣ, она нуждалась въ покровительствѣ сверху, а на верху, послѣ Симеона, сидѣли люди бездарные, мелочные и невѣжественные.

Книжная образованность въ этотъ длинный періодъ исчерпывается преимущественно сочиненіями полемическаго содержанія, направленными противъ Богомильской и иныхъ ересей и, такъ называемой, ложной литературы или отреченныхъ книгъ. Къ авторамъ такихъ полемическихъ

книгъ принадлежатъ: 1) *Козьма Пресвитеръ*, написавшій «Слово на еретики препреніе», въ которомъ онъ, сообщая о сущности Богомильской ереси, ясно доказываетъ лживость ея ученія. Слова и рѣчи, говоренныя этимъ пресвитеромъ на разные случаи, представляютъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій о нравахъ тогдашняго времени. Такъ онъ укоряетъ своихъ современниковъ за ихъ лѣность, говоря, что они оставляютъ книги на съѣденіе червямъ, что народъ охотнѣе посѣщаетъ игры, чѣмъ церкви, что подъ звуки гуслей и сатанинскихъ пѣсень распиваетъ вино, слушая разсказы и вздорныя басни; 2) *монахъ Аѳанасій* Іерусалимскій, оставившій рѣчь о древѣ познанія добра и зла, направленную противъ Богомильской ереси, опровергавшую ихъ ложное ученіе о бракѣ и крестѣ и пр.

Съ возстановленіемъ Болгарскаго царства Асѣнидами (въ концѣ XII в.) нѣсколько оживилась книжная образованность; политическій центръ—г. Тырново сталъ и ея центромъ. Но въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ старославянскій языкъ уже во многомъ измѣнился, воспринявъ въ себя особенности народной рѣчи, возникшія вслѣдствіе чуждыхъ вліяній греческаго, татарскихъ и западныхъ нарѣчій. Старославянскій языкъ въ относительно большей чистотѣ сохранили при богослуженіи и въ оффиціально-церковныхъ книгахъ, но и то не далѣе XVI и XVII ст. [1]), въ другихъ же памятникахъ тогдашней письменности вырабатывается тотъ особый жаргонъ старославянскаго языка, на которомъ говорятъ и пишутъ нынѣшніе Болгары и которой значительно больше удалился отъ старославянскаго языка, чѣмъ напр. сербскій. Знатоку старославянскаго языка гораздо болѣе понятенъ языкъ сербскій, чѣмъ болгарскій.

На такомъ языкѣ писали дѣятели книжной образованности XIV ст., между которыми извѣстны: 1) *патріархъ тырновскій Ѳеодосій*. Онъ извѣстенъ не столько числомъ написанныхъ имъ книгъ, преимущественно переводнаго содержанія, сколько развивающимъ вліяніемъ на слушателей, стекавшихся къ нему и остававшихся при немъ въ качествѣ его учениковъ; 2) *іеромонахъ Діонисій*, знавшій наизусть священное писаніе на греческомъ и славянскомъ языкахъ, оставившій нѣсколько извлеченій изъ Іоанна Златоуста; 3) *Евфимій*, послѣдній патріархъ тырновскій, представляетъ собою наиболѣе крупнаго дѣятеля во всей исторіи средневѣковой болгарской литературы. По числу написанныхъ имъ сочиненій, это одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей болгарскихъ. Ученикъ Ѳеодосія, онъ сопровождалъ послѣдняго во всѣхъ его переѣздахъ, а послѣ смерти учителя поселился на нѣкоторое время на Аѳонѣ, который въ XIV и XV ст. игралъ весьма важную роль въ исторіи разви

---

[1]) Спасовичъ и Пыпинъ, Обзоръ славянскихъ литературъ.

тія славянскихъ литературъ: сюда стекались Болгары, Русскіе и Сербы; здѣсь они имѣли случай знакомиться съ письменными памятниками славянской образованности; здѣсь собирались рукописи и отсюда онѣ расходились по славянскимъ землямъ. Аѳонъ былъ посредникомъ въ обмѣнѣ общеславянской образованности. Здѣсь по всей вѣроятности Евфимій впервые познакомился и съ Русскими, которые позднѣе стали переходить къ нему въ Тырново и вмѣстѣ съ Болгарами и Сербами составили цѣлую школу его учениковъ-послѣдователей. Пробывъ нѣкоторое время на о. Лемносѣ, Евфимій возвратился въ Тырново, гдѣ въ 1375 г. назначенъ патріархомъ и занялся исправленіемъ церковныхъ книгъ отъ ошибокъ, вкравшихся при переводѣ съ греческаго на славянскій. Замѣчательно, что какъ ни обширно было это исправленіе, о которомъ говоритъ и Григорій Цамблакъ въ похвальномъ словѣ Евфимію, оно не вызвало тѣхъ послѣдствій, т. е. раскола, которыми ознаменовалось знаменитое въ московской Россіи Никоновское исправленіе церковныхъ книгъ. Впрочемъ подобно Никону, Евфимій въ своей преобразовательной дѣятельности нашелъ сильную опору въ одномъ изъ болгарскихъ царьковъ, Шишманѣ, который по примѣру отца своего Іоанна-Александра, извѣстенъ книголюбіемъ и большею наклонностью къ душеспасительнымъ бесѣдамъ [1]), чѣмъ къ государственной дѣятельности. Трактаты о еретикахъ и мѣрахъ къ истребленію ихъ казалось больше занимали умы тогдашнихъ правителей Болгаріи, чѣмъ спасеніе ея отъ близившейся гибели, которая въ XIII ст. угрожала со стороны Византіи, а въ XIV со стороны Турокъ; 4) *Іоасафъ*, митрополитъ видинскій, ученикъ Евфимія, написавшій въ 1393 г. жизнеописаніе Ѳилофеи тырновской; 5) *Кипріанъ*, другъ Евфимія, который перейдя въ Россію и бывъ здѣсь въ 1379 назначенъ митрополитомъ кіевскимъ, много содѣйствовалъ къ оживленію духовной литературы въ новомъ своемъ отечествѣ, обогативъ ее памятниками болгарской письменности; умеръ 1406 г. 6) *Григорій Цамблакъ*, тырновскій уроженецъ, тоже одинъ изъ учениковъ Евфимія, жилъ нѣкоторое время на Аѳонѣ, который привлекалъ всѣхъ желавшихъ найти мирный пріютъ и богатые матеріалы для занятій церковно-славянскою письменностью; затѣмъ въ качествѣ игумена пробылъ въ одномъ изъ сербскихъ монастырей—Дечани, откуда перешелъ въ Пандакратійскій молдавскій монастырь; здѣсь онъ получилъ отъ Кипріяна приглашеніе пріѣхать въ Россію. Въ Россіи, какъ извѣстно, Григорій Цамблакъ, по повелѣнію великаго князя литовскаго Витовта, пожелавшаго разорвать церковную связь Кіева съ Москвою, назначенъ былъ въ 1415 году митрополитомъ кіевскимъ. Но обнаруживъ свои

---

[1]) Jirecek, Geschichte der Bulg.

симпатіи къ Риму, былъ отлученъ отъ церкви какъ константинопольскимъ, такъ и московскимъ патріархами; въ 1418 г., по желанію Витовта, онъ отправился на констанскій соборъ, созванный по инициативѣ папы, для обсужденія вопроса объ уніи, но не достигнувъ цѣли путешествія, умеръ въ дорогѣ 1419 г.; послѣ него осталось 24 проповѣди, похвальныя слова Евфимію и Кипріяну и біографія сербскаго короля Стефана Уроша III, заключающая въ себѣ нѣсколько историческихъ данныхъ; 7) *Константинъ Философъ*, родомъ изъ Костенеца, послѣ паденія царства бѣжалъ въ Сербію, гдѣ нашелъ покровительство при дворѣ сербскаго короля Стефана Лазаревича. Извѣстенъ своею грамматикою, которая замѣчательна лишь тѣмъ, что показываетъ до какой степени забвенія дошло не только знаніе старославянскаго языка, но и самая исторія его происхожденія. Грамматика эта представляетъ собою вѣрное отраженіе современнаго ея составителю жалкаго положенія болгарскаго языка, изуродованнаго чуждыми наслоеніями, начиная отъ греческаго и кончая татарскимъ; въ введеніи къ этой грамматикѣ Константинъ Философъ, разсуждая о дѣятельности солунскихъ братьевъ, говоритъ, что первыя священно-церковныя книги переведены были на русскій языкъ, въ который переводчики ввели слова болгарскія, кроатскія, сербскія, боснійскія и чешскія; что изъ такой смѣси и образовался такъ называемый старославянскій языкъ; составленная же имъ біографія Стефана Лазаровича представляетъ съ фактической стороны одинъ изъ источниковъ исторіи Сербіи.

Эта и подобныя біографіи вносили въ болгарскую литературу историческій элементъ, который впрочемъ занималъ весьма невидное мѣсто въ массѣ догматико- и церковно-полемическихъ разсужденій.

Конечно, на основаніи тѣхъ отрывковъ и памятниковъ болгарской письменности, которые дошли до насъ, и то больше въ русскихъ спискахъ, чѣмъ въ подлинникѣ,—трудно произнести теперь окончательный приговоръ о степени развитія исторической литературы въ Болгаріи. Только отрывочные факты и отдѣльные памятники указываютъ, что Болгарія была не совсѣмъ чужда лѣтописной и исторической литературѣ, что она имѣла книги, разсказывающія о прошлыхъ судьбахъ Болгарскаго царства. Такъ напр. Колоіанъ, который, какъ извѣстно, затѣялъ съ Римомъ переговоры объ уніи, писалъ папѣ, что прочитавъ нѣкоторыя болгарскія книги, онъ нашелъ, что предшественники его Симеонъ, Петръ и Самуилъ получили изъ Рима царскую корону; въ одномъ изъ болгарскихъ номокановъ, хранящихся въ митрополитчей библіотекѣ въ Бухарестѣ, встрѣчаются указанія на существованіе лѣтописи болгарской; жившій въ концѣ XVIII ст. авторъ первой Болгарской исторіи Паисій ссылается на тырновскую лѣтопись; сохранились отъ XIII ст. отдѣльные исто-

рическіе отрывки, напр. объ основаніи болгарскаго патріархата, о жизни и дѣяніяхъ царей болгарскихъ, царицъ, патріарховъ, епископовъ и бояръ, подъ названіемъ «Поменика»; потомъ обзоръ народовъ и нарѣчій; далѣе лѣтопись еллинская и римская, доведенная до 963 г., извлеченная изъ византійскихъ хронографовъ Малалы и Амартода, къ которой приложенъ и списокъ князей и царей болгарскихъ; наконецъ «Хронографъ еже есть лѣтописецъ», доводящій перечень событій до завоеванія Турками Константинополя, т. е. до 1453 г.

Рядомъ съ этою историческою литературою существовала юридическая литература, конечно въ самомъ скромномъ смыслѣ сборниковъ. Таковы сборники Симеона, Святослава, и быть можетъ многіе другіе, которые не дошли до насъ, благодаря усердію фанаріотовъ въ истребленіи памятниковъ болгарской письменности. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ буквальный переводъ съ греческихъ постановленій церкви и свѣтскаго правительства, заключающихъ въ себѣ карательныя и предупредительныя мѣры противъ распространенія ересей; такіе сборники издавались въ XIII и XIV ст. по инпціативѣ болгарскихъ царей и патріарховъ.

Особый родъ литературы болгарской, хотя и непользовавшійся офиціальнымъ покровительствомъ, но и незапрещенный духовно-гражданскимъ правительствомъ, представляютъ собою повѣсти, сказки, легенды, разсказы содержанія героическаго и романическаго. Хотя они были болѣе распространены въ народѣ, чѣмъ книги такъ-называемой офиціальной литературы, но подобно послѣдней и въ нихъ мы также напрасно будемъ искать проявленій народнаго духа, народнаго самосознанія, завѣтныхъ народныхъ идеаловъ. Не эта бѣдная своимъ содержаніемъ жизнь народа могла быть сюжетомъ для героическихъ и романическихъ повѣстей и разсказовъ; безучастно, механически относился народъ къ великимъ всемірно историческимъ событіямъ, которыя въ теченіе вѣковъ пронеслись надъ нимъ. Столкновенія Востока и Запада, мусульманства и христіанства, выразившіяся въ крестовыхъ походахъ, крупные боковые пути которыхъ шли чрезъ Балканскій полуостровъ, борьба съ Византіею, нашествіе Татаръ, турецкое завоеваніе,—всѣ эти богатыя сюжетами событія пронеслись, не оставивъ слѣдовъ въ народной поэзіи по той простой причинѣ, что народъ не принималъ въ нихъ никакого живаго участія и пассивно, дремливо относился къ нимъ. Особый родъ литературы, о которомъ мы говоримъ, есть растеніе пересаженное, чужеземное. Эти повѣсти, разсказы ничто иное, какъ переводъ, или въ крайнемъ случаѣ, слабые варіанты съ греческаго языка, на которомъ онѣ первоначально были составлены, или же переведены на греческій языкъ съ арабскаго и индѣйскаго. Къ этому циклу литературы отно-

сятся [1]): 1) *Повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ*, сказочныя приключенія котораго на Востокѣ составляютъ предметъ повѣсти. Время появленія повѣсти въ оригиналѣ остается неизвѣстнымъ, какъ и имя автора. Но судя по тому, что она встрѣчается въ спискахъ византійскаго хронографа Малалы, очевидно, что она составлена не позже V ст. Бывъ переведена на латинскій языкъ, она пріобрѣла всеобщую извѣстность на Западѣ и вызвала цѣлую массу варіантовъ на тему объ Александрѣ Македонскомъ; въ Россію эта повѣсть перешла непосредственно изъ Болгаріи; 2) *Исторія о Троянской войнѣ*, подъ именемъ «притчи о кралѣхъ», встрѣчающаяся въ спискѣ перевода Манассія отъ XIV ст. и въ русскихъ спискахъ подъ именемъ повѣсти *О созданіи и плѣненіи Троянскомъ и о конечномъ разореніи*; 3) *Синогрипъ царь Адоровъ*; сказка изъ тысячи одной ночи, исполненная чудесъ, напр. летанія на грифахъ; въ нее же включены и благочестивыя нравоученія; 4) *Девгеніево дѣяніе*, предметомъ котораго служитъ война Грековъ съ Сарацинами, предпринятая въ защиту христіанской вѣры. Здѣсь разсказывается рядъ эпизодовъ, имѣющихъ цѣлью указать противоположность между Сарацинами и Греками, лестную конечно для послѣднихъ; 5) *Стефанитъ и Ихнилатъ*, сказочная исторія, заимствованная чрезъ посредство греческаго перевода изъ индѣйской сказки Панча-Тантры. Греческій переводъ относится къ XI ст. и приписывается Еврею Симеону Сету; разсказъ этотъ перешелъ въ Россію и Сербію, а въ латинскомъ переводѣ распространился и на Западѣ; 6) *Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ* представляютъ цѣлый сборникъ сказочныхъ преданій о царѣ Соломонѣ, знаменитомъ на Востокѣ мудростью, благодаря которой онъ всегда одерживалъ верхъ надъ самыми страшными чудовищами; подобно многимъ византійскимъ разсказамъ, и этотъ въ латинскомъ переводѣ перешелъ на Западъ. Подлинникъ же болгарскихъ списковъ этого, какъ и большинство другихъ разсказовъ не сохранился, но удержался въ русскихъ и сербскихъ стихахъ; 7) *Повѣсть царя Давида и сына его Соломона и о ихъ премудрости*,—гдѣ въ сказочномъ тонѣ разсказывается о бѣгствѣ Соломона изъ родительскаго дома, его похожденіи и возвращеніи отцовскаго царства, о похищеніи Соломоновой жены царемъ Провомъ и о хитромъ возвращеніи ея; 8) *Притча царя Соломона о Китоврасѣ;* 9) *Повѣсть о Китоврасѣ*,—страшномъ чудовищѣ, которое побѣждено было Соломономъ и употреблено для строенія Іерусалимскаго храма; 10) *Сказаніе о премудрости царя Соломона, о южной царицѣ и о философѣхъ*, гдѣ, между прочимъ, мудрость

[1]) Спасовичъ и Пыпинъ, Обзоръ славянскихъ литературъ; также Голубинскій, Очеркъ исторіи православныхъ церквей.

Соломона доказывается хитрымъ угадываніемъ загадокъ; 11) *Повѣсть о царѣ Дарьянѣ*; и 12) *Соломоновы суды.*

Параллельно съ ортодоксальною и беллетристическою, не запрещенною литературою,—несмотря на всѣ предпринимаемыя свѣтскимъ и духовнымъ правительствомъ мѣры, развивалась антиправославная и противугосударственная литература, вызванная разными еретическими ученіями, преимущественно богомильскимъ. Но подобно дозволенной литературѣ и эта представляетъ собою не продуктъ народной фантазіи и мысли, а зародившись на Востокѣ,—чрезъ посредство Грековъ,—перенесена была въ Болгарію, въ видѣ буквальныхъ переводовъ или въ болѣе или менѣе удачной компиляціи и варіантовъ.

Церковь и правительство одинаково преслѣдовали эту ложную, отреченную литературу, которая, къ прискорбію пастырей церкви, больше интересовала публику, чѣмъ дозволенныя книги. Разсказывая о лицахъ и событіяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта, эти отреченныя книги, въ поэтической сказочно-завлекательной формѣ, передавали такія захватывающія духъ подробности о таинствахъ міроздания, о мірѣ заоблачномъ, о блаженной жизни въ раю, о мукахъ ада, о жизни Спасителя и Божіей Матери; притомъ въ самый разсказъ вводили такой живой драматизмъ, что въ высшей степени должны были возбуждать воображеніе читателя или слушателей, которыхъ въ этомъ отношеніи не могла удовлетворить сухая ортодоксальная литература, не дерзавшая въ такой конкретности объяснять таинства Откровенія. Литература отреченная въ разсказахъ о событіяхъ и лицахъ Ветхаго и Новаго Завѣта не встрѣчала тѣхъ препятствій, которыя должны были положить предѣлъ фантазіи православнаго писателя, связаннаго абсолютнымъ, принятымъ церковью, толкованіемъ и объясненіемъ ветхозавѣтной и христіанской исторіи и т. п.; литература отреченная выросла на почвѣ полной личной свободы высказывать тотъ или другой взглядъ на данное событіе и лицо: манихеизмъ и происшедшая изъ него Богомильская ересь допускали безусловную свободу толкованія, полную свободу передавать событіе такъ, какъ оно представлялось фантазіи разсказщика или его трезвому взгляду. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, фантазія, не встрѣчая никакихъ внѣшнихъ препятствій, могла производить самые завлекательные и яркіе образы таинствъ міроздания и христіанства. Не менѣе должны были придтись по сердцу и тѣ соціально-демократическія начала человѣческаго общежитія, которыя проводились въ этой отреченной литературѣ, воспринявшей въ себя основанія соціальныхъ взглядовъ богомильства. Обращаясь къ меньшей братіи, къ черни, богомильство проводило мысль о безусловномъ равенствѣ людей въ пользованіи благами сего міра, что видно изъ обличеній Богомильской ереси, въ которыхъ передается и

сущность ея: «учать же свояси, не повиноватися властелямъ своимъ, хуляще богатыхъ, отецъ ненавидятъ, ругаются старѣйшинамъ, укоряютъ бояры, мерзки Богу мнятъ работающихъ царю и всякому рабу не велятъ работать господину своему». Такіе существенные отличительные признаки отреченныхъ книгъ послужили причиною необыкновенной распространенности ихъ по всей христіанской Европѣ съ безконечно-разнообразными варіантами. Изъ Болгаріи онѣ разошлись по Сербіи и Россіи, гдѣ въ народѣ до сихъ поръ передаются устно изъ поколѣнія въ поколѣніе фантастическіе разсказы, составляющіе сюжетъ этихъ отреченныхъ книгъ.

Для предостереженія народа отъ заразы отреченныхъ книгъ, духовенство составило полный списокъ (пользуясь византійскимъ образцомъ) книгъ дозволенныхъ и ложныхъ. Многое указанное въ этомъ спискѣ затерялось, но уже по тѣмъ цѣльнымъ или отрывочнымъ спискамъ можно составить понятіе о ихъ содержаніи. Сюда относятся [1]: 1) *Вопросы Іоанна Богослова, обращенные ко Христу*: они касаются такихъ конкретныхъ и возбуждающихъ воображеніе подробностей о міроздaніи, о второмъ пришествіи и проч., которыя въ высшей степени должны были интересовать религіозно настроенную христіанскую общину среднихъ вѣковъ. Въ вопросахъ и отвѣтахъ о міроздaніи проводятся дуалистическія начала манихеизма о двухъ равныхъ силахъ: добромъ Богѣ и зломъ Сатанаилѣ; о сатанѣ разсказывается, что онъ повелѣвалъ небесными силами, сходилъ съ неба въ преисподнюю, а изъ преисподней до престола невидимаго отца, что возгордился онъ потомъ, и рѣшился возстать противъ него и возмутилъ другихъ ангеловъ. Онъ видѣлъ славу движущаго небесами, и замыслилъ поставить свое сѣдалище надъ облаками небесъ и хотѣлъ быть равенъ Всевышнему. Когда сатана сошелъ въ воздухъ, онъ сказалъ ангелу воздуха: «отвори мнѣ двери воздуха!» и тотъ отворилъ ему двери воздуха. Стремясь далѣе, онъ нашелъ ангела, держащаго воды, и сказалъ ему: «отвори мнѣ двери водъ!» и тотъ отворилъ ему. Прошедши, онъ нашелъ все лицо земли покрытымъ водами и прошедши подъ землю, нашелъ двухъ рыбъ, лежащихъ на водахъ, и онѣ были соединены, какъ волы въ плугѣ, и держали всю землю повелѣніемъ невидимаго отца отъ запада до востока солнца. О второмъ пришествіи разсказывалось, что явится на землю Антихристъ, котораго волосы подобны стрѣламъ, блескъ глазъ котораго подобенъ утренней зарѣ, котораго палецъ также остеръ, какъ серпъ. Антихристъ погибнетъ. Тогда возстанутъ мертвые, весь земной шаръ съ горами, лѣсами и животными охватитъ пламя, поднимется вѣтеръ со всѣхъ четырехъ странъ свѣта и сдуетъ всю пыль съ земли, земля сдѣлается

---

[1]) Спасовичъ и Пыпинъ, Обзоръ славянск. литературъ.

бѣлою подобно снѣгу, ровною и гладкою безъ горъ и долинъ, подобно листу пергаментному. Тогда пріидетъ сынъ Божій и откроетъ страшный судъ; 2) *Легенды*, приписываемыя основателю Богомильской ереси попу Іеремію: а) *о томъ какъ Христа въ попы ставили;* б) *о древѣ креста;* в) *о 12 вечеряхъ Ирода*; г) *о томъ, какъ Христосъ називалъ царя Прова своимъ другомъ;* д) *изъ какихъ частей составленъ Адамъ* и т. п. 3) *Сказанія о смерти Божіей Матери;* 4) *Видѣнія Исаіи;* 5) *Хожденіе Божіей Матери по мукамъ:* здѣсь описываются разныя степени адскихъ мукъ; 6) *О дѣтствѣ Христа.* Особый циклъ въ этой ложной литературѣ составляютъ *молитвы о трясовицахъ*, *Нежитѣ* и проч., приписываемыя попу Іереміи и представляющія собою смѣсь христіанскихъ вѣрованій съ языческими преданіями. Въ молитвѣ или заговорѣ о *Нежитѣ* говорится: «сходилъ Нежитъ отъ сухаго моря, исходилъ отъ небесъ Іисусъ и сказалъ ему Іисусъ: «куда идешь, Нежитъ?» Сказалъ ему Нежитъ: «сюда иду Господине, въ человѣческую голову мозгъ сушить, челюсти переломить, зубы ронять, шею кривить и уши оглушить, очи ослѣпить, крови ихъ пролить, вѣка изсушить, уста кривить и члены разслабить, жилы умертвить и тѣло измозжить, красоту измѣнить и бѣсомъ мучить». И сказалъ ему Іисусъ: «воротись, Нежитъ, иди въ пустую гору и въ пустыню, найди тамъ оленью голову и поселись въ ней—тотъ все терпитъ и все вынесетъ... или въ камень, тотъ все терпитъ, зиму и зной... тотъ отъ природы суровъ, онъ силенъ держать себя. И тамъ Нежитъ имѣй жилище до тѣхъ поръ, пока небо и земля мимо идутъ и окончатся, отойди отъ раба Божія имя рекъ»... На сколько общезавлекательна была эта отреченная литература, доказательствомъ служитъ, кромѣ распространенности ея по всей христіанской Европѣ, то, что списывали и разносили отреченныя книги внѣ предѣлахъ Болгаріи лица, принадлежавшія тому самому духовному сословію, которое оффиціально ихъ преслѣдовало.

Подводя общій итогъ ко всему разсказанному о болгарской литературѣ, мы видимъ, что она явилась не результатомъ духовнаго развитія народа, а пересажена изъ Византіи, какъ растеніе чужеземное, причемъ литература ортодоксально-беллетристическая имѣла своимъ спеціальнымъ призваніемъ утвержденіе и распространеніе христіанства. Этимъ призваніемъ обусловливается, какъ содержаніе ея, такъ и направленіе. *Первое* исчерпывалось священно-богослужебными книгами и благочестивою беллетристикою, разсказами изъ библейской и евангельской исторіи, имѣющими цѣлью въ болѣе или менѣе легкой формѣ объяснить и укрѣпить истины христіанскаго ученія и исторіи міроздания, по началамъ принятымъ православной церковью; сюда относятся и историческія сочине-

нія, преслѣдующія такую же цѣль. *Второе*, т. е. направленіе строго ортодоксальное не выходило изъ тѣхъ рамокъ объясненій событій библейскихъ и евангельскихъ, а также и догматовъ христіанства, какія начертаны были церковью. Какъ выросшая не въ средѣ народа, литература эта въ развитіи своемъ не справлялась съ потребностями, нуждами, идеалами народа и шла своимъ особливымъ путемъ, которымъ въ теченіи замѣчательно короткаго періода времени дошла до такого блестящаго состоянія, въ которомъ въ то время не находилась ни одна изъ литературъ новоевропейскихъ народовъ. Въ 60-хъ годахъ IX ст. вся литература болгарская исчерпывалась нѣсколькими книгами священнаго писанія и богослужебными, а въ концѣ этого столѣтія и въ началѣ X уже наступилъ «блестящій вѣкъ болгарской литературы». Книги распложаются съ необыкновенною плодовитостью; рядомъ съ священно-богослужебными являются сочиненія беллетристическія, историческія и даже нѣчто въ родѣ философскихъ трактатовъ. Явленіе это чрезвычайно любопытное и замѣчательно тѣмъ, что кромѣ Болгаріи оно встрѣчается только въ Россіи въ XVIII. *Съ одной стороны* мы видимъ народъ и не въ смыслѣ только черни, но и зажиточныхъ его классовъ, наканунѣ, такъ сказать, еще языческій, погруженный въ мракѣ невѣжества, а *съ другой*—насъ ослѣпляетъ блескъ литературы, на языкѣ этого темнаго народа, выросшей внезапно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Уже это одно показываетъ наглядно, независимо отъ знакомства съ содержаніемъ и манерою изложенія расплодившихся книгъ, что народный элементъ не игралъ ровно никакой роли въ развитіи этой литературы, которая потому-то и могла сдѣлать такой быстрый скачекъ.

При нормальномъ, т. е. дружномъ ходѣ развитія націй, блестящіе моменты литературы являются результатами продолжительной умственной жизни народа и только при такихъ условіяхъ эти моменты, въ свою очередь, цивилизующе вліяютъ на развитіе народа, а иначе онѣ проходятъ какъ метеоры, не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ нагроможденныхъ книгами библіотекъ. Народъ безучастно относится къ этимъ блестящимъ матеріаламъ, предпочитая подъ звуки гусли распивать вино и слушать веселыя пѣсни, какъ замѣчаютъ съ прискорбіемъ въ своихъ поученіяхъ представители болгарской книжной образованности.

Блестящая литература вѣка Симеона Болгарскаго вся исчерпывалась переводами съ греческаго, или компиляціями изъ византійскихъ писателей, причемъ бережно удерживалась самая манера изложенія, то есть высокій, напыщенный слогъ, пониманіе котораго, независимо отъ содержанія книги, требовало значительной риторической эрудиціи. Прошелъ вѣкъ Симеона, т. е. нѣсколько десятковъ лѣтъ, и литература внезапно падаетъ, потерявъ искуственную опору въ лицѣ власть имѣющаго дѣя-

теля. Не могло ее поднять до прежней степени блеска и двукратное политическое возрожденіе народа при Самуилѣ (въ XI ст.) и Асѣнидахъ (въ XII ст.). Все лучшее, что изъ Болгаріи перешло въ Россію и Сербію, относится къ этому времени, т. е. къ вѣку Симеона. Книги, появившіяся въ этотъ періодъ; въ многочисленныхъ спискахъ и съ разнообразными варіантами расходились по всѣмъ славянскимъ землямъ, въ особенности Россіи и Сербіи, развитіе письменной образованности которыхъ въ первую половину среднихъ вѣковъ обязано вполнѣ Болгаріи; чрезъ посредство послѣдней, эти страны ознакомились съ византійскою ученостію и цѣлымъ цикломъ средневѣковой беллетристической литературы, какъ дозволенной, такъ и отреченной.

Группируя сохранившіеся въ подлинникахъ или дошедшіе до насъ въ спискахъ памятники средневѣковой болгарской литературы, мы отмѣтимъ главнѣйшіе отдѣлы ея, которые болѣе или менѣе отличались по содержанію своему, хотя всѣ эти отдѣлы выдерживали строго одно и то же направленіе христіанско-церковное, что могло быть тѣмъ легче достигнуто, такъ какъ люди, писавшіе книги принадлежали къ той духовной корпораціи, которая ex officio считала себя призванною оберегать и проводить это направленіе.

Первое мѣсто въ ряду этихъ отдѣловъ безъ сомнѣнія занималъ: 1) *церковный*, обнимавшій собою книги священно-богослужебнаго содержанія, поученія на воскресные, праздничные дни и разные случаи, житія святыхъ и похвальныя слова духовнымъ іерархамъ; сюда же относятся и всѣ сочиненія, написанныя въ защиту православію и въ обличеніе разныхъ еретическихъ ученій; далѣе идетъ 2) *отдѣлъ историческій*, куда должны быть отнесены тоже переводы и компиляціи, какъ «Шестодневъ», біографіи царей и хронографы. Какъ въ первомъ, такъ и въ этомъ отдѣлѣ преобладаютъ переводы съ греческаго или варіанты греческихъ сказаній; самостоятельное въ этомъ отдѣлѣ можно встрѣтить только тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о житіи и дѣяніяхъ болгарскихъ царей и іерарховъ, но и въ этомъ самостоятельномъ манера изложенія, напыщенность и витіеватость слога заимствованы у византійскихъ писателей, что дѣлало пониманіе этихъ сочиненій, интересныхъ по содержанію, недоступнымъ для большинства, неопытнаго въ отысканіи смысла подъ слоемъ риторическихъ украшеній; 3) *отдѣлъ философскій*—на религіозномъ фундаментѣ, обнимавшій собою всѣ трактаты о существѣ религіи, о міровданіи, о назначеніи человѣка и духовныхъ его способностяхъ; 4) *юридическій*, ограничивавшійся сборниками церковно-гражданскихъ постановленій, тоже или переведенными съ греческаго, или составленными по византійскимъ образцамъ, а потому по нимъ, даже если бы они и вполнѣ сохранились, трудно со-

ставить вѣрное понятіе о юридическомъ бытѣ народа, который жилъ и развивался независимо отъ постановленій,—по унаслѣдованнымъ исконнымъ обычаямъ; 5) *отдѣлъ беллетристическій*, обнимавшій собою всѣ повѣсти и разсказы романическаго содержанія, но которые также ни мало не отражали событій народной жизни. Какъ и большая часть сочиненій періода древне-болгарской литературы, они переведены съ греческаго или варьированы по образцамъ греческимъ; сюда относятся разсказы объ Александрѣ Македонскомъ, о Троянской войнѣ, повѣсти о знаменитыхъ на Востокѣ лицахъ библейской исторіи, напр. о царяхъ Соломонѣ, Давидѣ и пр.

Къ перечисленнымъ выше особенностямъ отреченной литературы слѣдуетъ отнести сочиненія, имѣвшія цѣлью удовлетворить реальнымъ потребностямъ народа. Изъ этихъ сочиненій сохранились извѣстія о тѣхъ, которыя касаются медицины и заключаютъ въ себѣ наставленія какъ лечить разныя наиболѣе распространенныя въ народѣ болѣзни. Указываемые въ нихъ способы леченія по большей части сводятся къ заговорамъ. При отсутствіи медицинскихъ свѣдѣній и господствѣ суевѣрія, масса народа съ жадностью бросалась на предлагаемыя ему средства противъ человѣческихъ недуговъ. На сколько глубоко проникли эти продукты отреченной литературы въ среду народа, видно изъ того, что слѣды ея до сихъ поръ сохраняются въ Болгарскомъ народѣ, который чаще и теперь обращается къ знахарямъ, чѣмъ медикамъ.

Памятники всей этой богатой качественно болгарской литературы не существуютъ въ подлинникахъ; они истреблены частью во время турецкаго завоеванія и въ особенности четырехъ-вѣковаго господства фанаріотовъ надъ духовною жизнію Болгарскаго народа [1]). Фанаріоты стремились стереть болгарскую національность съ лица земли не мечемъ, который въ концѣ XIV в. перешелъ въ руки Турокъ, а путемъ духовнаго порабощенія народа, путемъ національнаго обезличенія его. Противодѣйствуя національному развитію народа, фанаріоты систематически стремились эллинизировать его, и въ теченіи вѣковъ достигли того, что греческій языкъ, греческое образованіе стали господствующимъ въ такъ-называемыхъ интеллигентныхъ классахъ; образованный Болгаринъ публично предпочиталъ охотнѣе объясняться на греческомъ языкѣ, чѣмъ на болгарскомъ. Стремясь эллинизировать народъ, фанаріоты, вознамѣрились уничтожить даже прошлое его, или лучше сказать всѣ крупные памятники, которые могли пробудить его отъ вѣковой спячки. Въ качествѣ епископовъ, игуменовъ и иныхъ властей, фанаріоты не останавливаются предъ такими подвигами византизма, которые даже въ

---

[1]) Kanitz, Donau-Bulgarien.

варварахъ вызвали бы негодованіе, и которыми, какъ извѣстно, прославился на весь міръ истребитель знаменитаго Александрійскаго книгохранилища Омаръ:—фанаріоты подвизаются въ уничтоженіи памятниковъ болгарской письменности, отбирая для себя то, что написано на греческомъ языкѣ. Они вели это благородное дѣло съ такою настойчивостью, что если бы не многочисленные русскіе и отчасти сербскіе списки болгарскихъ памятниковъ, то можно бы думать, что никакой болгарской литературы и не существовало; они достигли того, что исторія болгарскаго прошлаго могла быть возстановлена лишь по источникамъ чужеземнымъ.

Отдѣльные случаи истребленія памятниковъ болгарской письменности повторялись даже въ XIX ст. и разсказаны путешественниками по Турціи, которымъ въ свою очередь разсказывали очевидцы этихъ подвиговъ. Такъ въ Зографской обители на Аѳонѣ, въ началѣ 40-хъ годовъ, цѣлая масса рукописей была истреблена, а вороха славянскихъ сборниковъ были брошены въ море; въ Ватопедскомъ монастырѣ славянскими рукописями топились хлѣбныя печи; въ монастырѣ Св. Наума, игуменъ монастыря, анатолійскій Грекъ Діонисій, сжегъ всѣ болгарскія книги; въ одномъ изъ монастырей близъ гор. Сереса показывали русскому путешественнику Григоровичу богатую греческую библіотеку; по объясненіямъ на его вопросы оказалось, что всѣ славянскія рукописи сожжены; въ 1823 г. софійскій митрополитъ Іоакимъ, узнавъ, что въ одной изъ деревень близъ Берковицы хранятся древніе болгарскіе сборники и изображенія святыхъ, приказалъ крестьянамъ всѣ эти предметы вывезти изъ деревни, сжечь или зарыть въ землю, угрожая, что въ противномъ случаѣ онъ не вступитъ въ деревню. Желаніе его было исполнено, и только мѣстный священникъ, Болгаринъ родомъ, успѣлъ сохранить три рукописи; въ 40-хъ годахъ шуменскій епископъ, при освященіи церкви въ Тичѣ, приказалъ зарыть въ яму древнія болгарскія рукописи; также поступлено было и съ рукописями, найденными въ Эски-Загрѣ; въ Тырновѣ тамошній митроплитъ Неофитъ велѣлъ сжечь всѣ найденныя имъ рукописи болгарскія до XIV ст.; но такъ какъ многія рукописи спаслись отъ участи, постигшей большую часть, и то случайно, то новый митрополитъ Илларіонъ открылъ секретное книгохранилище, въ которомъ хранились эти остатки болгарской письменности, устроилъ изъ этихъ остатковъ настоящее auto-da-fe, тщательно впрочемъ выбравъ и сохранивъ греческія рукописи. Подвигами фанаріотовъ руководила не одна ненависть Грековъ къ Болгарамъ но и греческая мегала идеа (большая идея), которая родилась одновременно съ турецкимъ завоеваніемъ.

Мегала идеа состоитъ въ томъ, чтобы эллинизаціею южнаго славянства, и прежде всего Болгаръ, наиближайшихъ сосѣдей, — освѣжить и

поддержать вырождающееся племя Өемистокла и Аристида; тогда, возрожденное притокомъ свѣжихъ силъ, греческое племя вступитъ въ борьбу съ Турками, изгонитъ ихъ при содѣйствіи христіанской Европы и на развалинахъ государства мусульманскаго построитъ сильную Греческую имперію, которая объединитъ всѣ національности Балканскаго полуострова. Эта мегала идея усердно пропагандировалась Греками и даже проникла въ Западную Европу и въ Россію; она легла въ основу нѣкоторыхъ проектовъ переустройства Балканскаго полуострова, послѣ предполагаемаго изгнанія Турокъ: быть можетъ на «Греческомъ проектѣ» Екатерины II сказалось вліяніе этой «большой идеи». Но... на всякаго мудреца бываетъ много простоты. Такъ случилось и съ Греками. Вреда болгарской національности они принесли много. Не Турки, которые не вступались въ духовный міръ подвластныхъ народовъ, а Греки задержали на нѣсколько столѣтій національное развитіе Болгаръ; не Турки истребляли литературные памятники прошлаго этого народа, и не Турки же преслѣдовали національное развитіе народа, служеніе литургіи на родномъ языкѣ, а почтенные пастыри церкви, посылаемые изъ константинопольскаго Фанара въ Болгарію. За это Болгары ненавидятъ Грековъ и самое слово «фанаріотъ» произносятъ въ смыслѣ ругательнаго эпитета, для обозначенія человѣка, способнаго на всякое безчестное дѣло, предательство, измѣну, хищничество въ отношеніи къ своему ближнему. Взаимная ненависть—вотъ результатъ тѣхъ отношеній, въ которыя Греки поставили себя къ Болгарамъ, осуществленія же «большой идеи» они таки не добились.

Разрѣшеніе въ началѣ 70-хъ годовъ церковнаго вопроса въ смыслѣ благопріятномъ для Болгаръ, которые при содѣйствіи «невѣрныхъ» получили свою самостоятельную церковь, окончательно изъяла Болгаръ изъ подъ вѣковаго духовнаго гнета фанаріотовъ и открыло пут[illegible] дало прочный залогъ самостоятельному, развитію Болгарской наці[illegible] Такимъ образомъ всѣ ухищренія обитателей константинопольскаго Фанара разрѣшились мыльнымъ пузыремъ и съ горечью они должны признаться, что ихъ Мегала идея такъ и останется пустою мечтой.

ГЛАВА XIV.

Сербо-Хорваты.

1. Появленіе Сербо-Хорватовъ на Балканскомъ полуостровѣ 2. Мѣстности, занятыя этими народами и въ частности—подраздѣленіе Сербскихъ земель. 3. Общественный строй жизни у Сербо-Хорватовъ. 4. Союзъ Сербо-Хорватовъ уничтожается иноземнымъ вмѣшательствомъ. 5. Паденіе федераціи. 6. Попытка объединенія Сербскихъ земель. 7. Начало вражды между Сербами и Болгарами. 8. Разсказъ Діоклейца о Владимірѣ Сербскомъ. 9. Василій Болгаробойца подчиняетъ Сербскія земли византійскому владычеству.

Съ XIII ст. политическая роль въ семьѣ южно-славянскихъ народовъ начинаетъ переходить къ западной отрасли ихъ, *Сербамъ*, которые въ теченіе короткаго періода первой половины XIV ст. сосредоточиваютъ въ себѣ весь интересъ судебъ южнаго славянства.

Подобно Болгарамъ, Сербо-Хорваты утвердились на Балканскомъ полуостровѣ въ VII ст., завершивъ собою движеніе въ эту страну южныхъ Славянъ. Со словъ византійскаго историка X ст. сдѣлался ходячимъ разсказъ о переселеніи Сербо-Хорватовъ въ европейскіе предѣлы Византійской имперіи: Императоръ Ираклій (610 - 641), говоритъ этотъ разсказъ, желая освободить западную окраину, Иллирію, отъ хищничества Аваровъ, которые оттуда нерѣдко угрожали самой столицѣ имперіи, пригласилъ мирныхъ обитателей Галиціи изъ странъ Карпатскихъ переселиться въ Иллирикъ съ тѣмъ, чтобы они очистили эту страну отъ Аваровъ и заняли бы ее, признавъ надъ собою власть византійскаго императора. По этому приглашенію въ 640 г. двинулись въ Иллирикъ Сербо-Хорваты, изъ которыхъ первые проникли на югъ до Солуня, но здѣсь они почему-то не захотѣли остаться и повернули на сѣверъ къ Дунаю, гдѣ они и осѣлись.

Можно однакоже сильно усомниться въ правдивости этого разсказа, такъ какъ переселеніе Славянъ на Балканскій полуостровъ началось еще задолго до императора Ираклія, съ III в., и шло двумя путями: 1) съ Черноморскаго побережья чрезъ Днѣстръ и нижнее теченіе Дуная, и 2) изъ странъ Карпатскихъ чрезъ среднее теченіе Дуная, тамъ, гдѣ въ эту рѣку падаютъ рр. Сава и Драва. Движеніе это съ небольшими

перерывами продолжалось до VII ст., такъ что Болгары 678 и Сербо-Хорваты въ 640 вступивъ на почву Балканскаго полуострова, нашли здѣсь мѣстности уже густо заселенныя своими единоплеменниками. Кромѣ того, самый мотивъ приглашенія Сербо-Хорватовъ оказывается неправдоподобнымъ, такъ какъ къ началу VII в. Авары, если не совершенно исчезли съ Балканскаго полуострова, то во всякомъ случаѣ перестали быть силою, угрожающею Византіи, послѣ того, когда (въ VI в.) разноплеменныя національности, между которыми видное мѣсто занимали Славяне, входившіе въ составъ аварскихъ полчищъ, начали промышлять ради своихъ интересовъ и не желая продолжать тревожную жизнь степныхъ кочевниковъ, искали осѣдлости для мирныхъ занятій [1]). И подобно тому, какъ Болгары осѣлись въ Мизіи, т. е. нынѣшней Дунайской Болгаріи, въ ея восточной окраинѣ, Сербо-Хорваты вступили въ ближайшую къ ихъ родинѣ,—въ западную окраину Балканскаго полуострова, гдѣ они заняли почти правильный треугольникъ Иллирика, заключенный между Савою, Дунаемъ, Сербскою Моравою, р. Ибаромъ линіею, идущею отъ Новаго Пазара къ Адріатическому побережью, тамъ, гдѣ гор. Баръ или Антивари, и Адріатическомъ моремъ.

Въ частности Сербы заняли восточную половину Иллирика, между рѣками Босною и Моравою, и обогнувъ съ южной стороны земли Хорватовъ, раздвинули предѣлы своихъ владѣній до Адріатическаго побережья, въ томъ мѣстѣ, гдѣ къ нему примыкаетъ узкая полоса южной Далмаціи съ городами Кастельново и Антивари, а границами *Хорватской земли* въ VII столѣтіи стали съ сѣвера Драва, съ юга Цетино и Ливно, съ запада Адріатическое море и съ востока рѣка Босна.

Въ средѣ каждаго изъ этихъ народовъ въ свою очередь обозначались отдѣльныя осѣдлости, находившіяся нѣкоторое время въ болѣе или менѣе тѣсной связи между собою, пока каждая изъ нихъ не пошла своимъ частнымъ путемъ развитія. Такъ Хорваты распались на двѣ части: одна заняла Адріатическое побережье (нынѣшнюю Сѣверную и Среднюю Далмацію) съ городами Зарою, Сплѣтомъ, Бичачемъ, а другая сѣверную сторону, отдѣляющуюся съ востока рѣкою Босною, съ городами Баньялукомъ, Травникомъ и нынѣшнею Кроаціею.

Между Сербскими землями въ видѣ отдѣльныхъ этнографическихъ терминовъ обозначались [1]): 1) *Сербія*, заключавшая въ себѣ западную половину нынѣшней Сербіи до р. Моравы, и Боснію до р. Босны,—простиравшаяся на сѣверъ до Дуная, а на югъ до средняго теченія

---

[1]) Benjamin Kollay, Geschichte der Serben von ältesten Zeiten bis 1815 J., изд. 1878 года.

[2]) Shafarik, Slavische Altesthümer, т. II, изд. 1844.

рѣки Вардара (впадающей въ Салоникскій заливъ) съ городами: Бѣлградомъ, Расою (Новый Пазаро), Приштиной, Призреномъ, Сераевомъ и др.; 2) *Захолмія* (Захлумія) начиналась отъ Рагузы (Дубровника) и въ сѣверо-западномъ направленіи доходила до рѣки Неретвы, откуда, повернувъ къ сѣверу, оканчивалась въ горахъ, отдѣлявшихъ Хорватовъ отъ Сербовъ, и на востокъ до истоковъ Неретвы. Страна эта, по словамъ Константина Порфирогенита, называется Захлуміей или Захолміей, потому что находится за горою Флумомъ, на которой стоялъ еще въ X в. городъ того же имени; кромѣ этаго города здѣсь были: Дубравы, Дебри, Стонъ и нынѣшній Гацко; Захлумія составляетъ восточную часть нынѣшней Герцеговины; 3) *Травунія* или *Кановлія* занимала уголъ, врѣзывающійся въ Герцеговину съ западной стороны и составляла юго-западную оконечность Герцеговины съ городомъ Требинье; она заключала въ себѣ лишь нѣсколько волостей. Несмотря на миніатюрность этой области, она, въ свою очередь, по словамъ Константина Порфирогенита, распадалась на два княжества, представители которыхъ при византійскомъ дворѣ пользовались равнымъ почотомъ; 4) *Зета*—по обѣимъ сторонамъ рѣки Зеты, впадающей въ р. Морачу, которая вливается въ Скутарское озеро; съ запада доходила до Адріатическаго моря въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ города Будва и вообще составляла западную часть нынѣшней Черногоріи; 5) *Діоклея*—занимала сѣверо-восточную часть Черногоріи, со включеніемъ юговосточной оконечности Герцеговины, врѣзывающейся клиномъ въ сѣверо-западную часть Черногоріи съ городомъ Никшичемъ. Страна эта получила названіе отъ города Діоклій или Дукли, который находился при впаденіи рѣки Зеты въ р. Морачу, вблизи нынѣшней Подгорицы; Діоклея или Дукля, родина императора Діоклетіана, до X в. считалась однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Адріатической полосы, ведя оживленную торговлю съ Дубровникомъ (Рагузой) и Дураццо (Драчемъ). Первый ударъ ему нанесли вторженія Болгаръ при Симеонѣ, въ 926 г.; затѣмъ рядъ набѣговъ и внутреннія смуты совершенно парализировали торгово-промышленную жизнь этого города, который впрочемъ продолжалъ существовать до конца XVI ст., становясь отъ времени до времени резиденціей того или другаго изъ многочисленныхъ сербскихъ князьковъ.

Кромѣ этихъ мелкихъ, обособленныхъ владѣній, упоминается еще маленькая область *Неретва* или *Поганія*,—на среднемъ теченіи рѣки Неретвы, служившая наиболѣе упорнымъ убѣжищемъ язычества, отчего христіанскіе соплеменники жителей этой области прозвали ихъ погаными. Кромѣ упорства въ язычествѣ, Неретчане отличались отъ своихъ соплеменниковъ необыкновенною предпріимчивостью и храбростью, которая выражалась въ разбояхъ, наводившихъ страхъ на мирныхъ жителей.

Общественный строй у этихъ новыхъ переселенцевъ былъ общинно-федеративный. Первичными единицами общежитія стали деревни, которыхъ жители владѣли землею съобща, производя отъ времени до времени передѣлы съ общаго согласія хозяевъ; нѣсколько деревень съ ихъ округами составляли болѣе крупную единицу—жупу (въ Сербіи) или баначъ (въ Босніи и Герцеговинѣ), которая имѣла уже значеніе политическое. Представители этой единицы—жупаны, баны называли себя иногда князьями, претендуя на полную независимость. Каждая жупа или банатъ была вполнѣ самостоятельна во внутреннихъ дѣлахъ; въ дѣлахъ же, касавшихся цѣлой области, они подчинялись великому жупану, который проявлялъ свою власть не произвольно, а при посредствѣ и подъ контролемъ старыхъ и опытныхъ выборныхъ людей. Какъ жупаны, такъ и великіе жупаны избирались; причемъ принималось въ расчетъ наслѣдственное право старшинства. Такимъ образомъ, уже въ VII и VIII ст. выдвинулись отдѣльные жупанскіе роды и рядомъ съ этимъ многочисленные претенденты на жупанства и великое жупанство [1]),

Не суждено было правильно развиться федеративному началу: частью вмѣшательства Византіи, которая вовсе не желала образованія сильнаго славянскаго государства и потому искусственно возбуждала рознь въ средѣ представителей отдѣльныхъ владѣній, частью и набѣги Болгаръ, подававшіе поводъ недовольнымъ жупанамъ или претендентамъ искать союза съ болгарскими царями противъ своихъ соперниковъ-жупановъ, въ теченіе столѣтій поддерживали политическую безурядицу въ Сербо-Хорватскихъ земляхъ, благодаря которой и по настоящее время нѣтъ возможности прослѣдить ходъ соціально-политическаго роста этихъ народовъ за длинный періодъ нѣсколькихъ столѣтій. Поэтому, не затрогивая подробностей, часто запутанныхъ, противорѣчивыхъ, баснословныхъ, мы намѣтимъ только главные моменты въ исторіи Сербо-Хорватовъ до объединенія первыхъ при Стефанѣ Неманѣ въ концѣ XII и подчиненія вторыхъ Венгріи въ половинѣ XI ст.

Въ началѣ VII и въ VIII в. Хорваты и Сербы жили въ союзѣ, въ которомъ впрочемъ Сербы играли подчиненную роль, судя по тому, что первые великіе жупаны сербскіе—Воиславъ, Родославъ и Просигай признавали надъ собою власть великихъ бановъ хорватскихъ, которые, по образцу близкаго къ нимъ Запада, называли себя королями. Но въ IX в. эта связь была прервана, при великомъ жупанѣ сербскомъ Владимірѣ, завоевательными успѣхами Карла Великаго, который присоединилъ къ обширной монархіи своей обѣ Хорватіи—Далматскую и Сав-

[1]) Kollay, Geschichte der Serben.

скую [1]). Для Хорватовъ наступило тяжелое нѣмецкое иго. Хотя верховнымъ правителемъ Хорватовъ оставленъ былъ Людовитъ, родомъ далматскій Хорватъ, но Нѣмцы находили возможность вмѣшиваться во внутреннее управленіе и здѣсь при всякомъ удобномъ случаѣ выражали оскорбительное для національнаго чувства презрѣніе къ народу, съ которымъ обращались, какъ съ индивидами низшей расы. Изъ такихъ правителей наибольшею жестокостью прославился Кадолахъ. Послѣ неудачной попытки легальнымъ путемъ добиться возмездія за безчинства этаго и другихъ правителей, Людовитъ самъ изгналъ ихъ изъ предѣловъ Хорватіи и въ 819 году г. объявилъ себя независимымъ. Нѣсколько разъ войска нѣмецкія вторгались въ Хорватію для усмиренія возмутившагося вассала нѣмецкаго императора, но были съ большимъ урономъ отражаемы, и только въ 821 г. Людовитъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Сербію. На его мѣсто нѣмецкій императоръ поставилъ Владислава, при которомъ положеніе Хорватскаго народа еще ухудшилось, такъ какъ въ новомъ князѣ своемъ народъ не нашелъ себѣ защитника, подобнаго Людовиту. Время правленія этого безличнаго князя ознаменовалось страшными жестокостями и своеволіемъ нѣмцевъ, которые поступали съ Хорватами хуже, чѣмъ съ животными [2]); въ звѣрствѣ своемъ эти люди высшей культуры доходили до того, что отрывали отъ груди матерей дѣтей, убивали ихъ и бросали на съѣденіе собакамъ; а сколько повторялось другихъ жестокостей и безчинствъ, хотя не столь потрясающихъ, но не менѣе оскорбительныхъ для общечеловѣческаго и національнаго чувства Хорватскаго народа.

Негодованіе противъ нѣмецкаго ига обобщилось и охватило весь народъ, который послѣ перемѣнныхъ успѣховъ семилѣтней борьбы за существованіе, изгналъ Нѣмцевъ въ 830 г. Верховнымъ правителемъ Хорватовъ въ то время былъ Поринъ, избранный въ періодъ борьбы за независимость; подъ его властью соединились обѣ Хорватіи. Но связь эта была непродолжительна. Южная федерація мелкихъ владѣній, на которыя распадалась Хорватія, не могла выдержать слишкомъ тяжелаго и суроваго для неокрѣпшаго организма испытанія, представлявшагося въ видѣ тѣхъ религіозно-политическихъ событій, которыя въ то время волновали Балканскій полуостровъ: Болгары, въ концѣ IX и началѣ X в., достигнувъ апогея своихъ завоевательныхъ успѣховъ, захвативъ земли Сербовъ, потѣснили ихъ на сѣверо-западъ, т. е. въ Хорватію, и сами устремились туда же; въ средѣ мелкихъ жупановъ нашлись недовольные, которые, вслѣдствіе личной мести, принесли въ жертву инте-

---

[1]) Раичъ, ч. II.

[2]) Гильфердингъ, Собр. соч., т. II.

ресы страны, предаваясь на сторону то Сербовъ, то Болгаръ и тѣмъ подрывая въ корнѣ федеративный строй общежитія.

Церковный расколъ, возникшій въ половинѣ IX в., нигдѣ не произвелъ такихъ внутреннихъ смутъ и рѣзни, какъ въ Иллирикѣ, въ которомъ, какъ на полъ-пути отъ Рима и Константинополя, происходила болѣе сильная борьба между католицизмомъ и православіемъ, представлявшая великій соблазнъ отдѣльнымъ себялюбцамъ искать опоры то въ Римѣ, то въ Византіи и звать на помощь то православныхъ Грековъ и Болгаръ, то католическихъ Нѣмцевъ и Мадьяръ. Наконецъ самыя географическія условія страны, изрѣзанной отрогами Динарскихъ Альповъ, создавали разобщенность между отдѣльными владѣніями. Правда, при самостоятельномъ, нормальномъ ходѣ развитія народа, разнообразіе мѣстности составляетъ естественное основаніе федеративной формы политическаго общежитія, такъ какъ разнообразіе естественныхъ условій страны локализируетъ не только матерьяльные интересы и потребности народа, но въ извѣстной степени и духовный обликъ его, его привычки, характеръ, его идеалы. Но превыше всѣхъ этихъ мѣстныхъ индивидуальностей, рѣзко выдаются общія черты, выражающіяся въ соціальномъ и политическомъ складѣ его жизни. Уловить эти общія черты, содѣйствовать разумному развитію ихъ, не стирая мѣстныхъ индивидуальностей, не силясь превратить народъ въ однообразную и стало быть въ безжизненную массу—вотъ задача идеальной формы общежитія, задача непосильная для отдѣльной личности, какъ бы геніальна она ни была, какъ бы высоко она ни стояла надъ общимъ уровнемъ. Такою формою общежитія для народностей Балканскаго полуострова мы считаемъ только федерацію: въ ней одной онѣ найдутъ прочную опору для своего соціально-политическаго развитія, она одна создастъ ту нейтральную почву, на которой единоплеменныя народности Балканскаго полуострова протянутъ другъ другу братскую руку примиренія; она одна оградитъ эти народности отъ иноземнаго владычества, которое даже при всѣхъ своихъ благихъ цѣляхъ, деморализующе вліяетъ на національно-политическое развитіе народовъ, чему исторія представляетъ многочисленные примѣры; она одна, наконецъ, охладитъ ту жажду территоріальныхъ захватовъ (или, говоря высокимъ слогомъ, завоеваній), которые составляютъ призваніе отдѣльныхъ честолюбцевъ. Но, къ сожалѣнію, въ описываемое время Хорватская федерація представляла собою только что распускавшійся цвѣтокъ, требовавшій ухода, а между тѣмъ, ему сразу же пришлось выдержать непосильное испытаніе: федерація не выдержала и пала, а вмѣстѣ съ ней сошла и политическая жизнь народа: къ концу XII ст. въ сѣверной части—Хорватія подпала

подъ власть Мадъяръ, а въ западной, береговой—по берегамъ Адріатическаго моря—Венеціанцамъ.

Въ то время, когда Хорватія утрачивала независимость, въ Сербскихъ земляхъ начала округляться и развиваться маленькая Діоклея, откуда впервые явились объединители и собиратели земель Сербскихъ [1]). Діоклея втеченіи нѣсколькихъ столѣтій стояла во главѣ Сербскихъ земель, пока центръ тяжести политическаго общежитія не перешелъ въ городъ Расу, при Стефанѣ Неманѣ, собирателѣ Сербскихъ земель. Продолжителенъ былъ періодъ выработки политическаго единства въ земляхъ Сербскихъ: цѣлыхъ пять столѣтій потребовалось на это, считая съ 640 г., т. е. со времени окончательнаго утвержденія осѣдлости Сербовъ въ Иллирикѣ. Послѣ Владиміра (836—843 г.), который велъ удачныя войны съ Болгарами, при царѣ ихъ Пресьямѣ, и власть котораго распространялась почти на всѣ Сербскія земли за исключеніемъ Босніи, всегда относившейся къ Сербіи враждебно, наслѣдовали три его сына Мунтиміръ, Строиміръ и Гойникъ. Они раздѣлили между собою отцовское достояніе, причемъ старшему изъ нихъ, Мунтиміру, досталась бóльшая доля. Округляя ее на счетъ своихъ братьевъ, онъ кончилъ тѣмъ, что опять соединилъ въ однихъ своихъ рукахъ всѣ Сербскія земли и передалъ власть, вопреки обычаю старшинства, своему сыну Пребиславу, а этому наслѣдовалъ сынъ Гойника Петръ. Обиженные, или считавшіе себя обойденными, претенденты на великое жупанство не оставались спокойными зрителями перехода власти изъ однихъ рукъ въ другія, тѣмъ болѣе, что всегда можно было расчитывать на помощь со стороны болгарскаго царя, Византіи и своихъ же жупановъ. Такъ поступилъ и въ данномъ случаѣ одинъ изъ претендентовъ, обратившись подъ покровительство сильнаго жупана захлумскаго, Михаила, а тотъ въ свою очередь завязалъ сношенія съ Симеономъ Болгарскимъ, наговоривъ послѣднему, что великій жупанъ сербскій ведетъ переговоры съ византійскимъ императоромъ, съ тѣмъ, чтобы начать войну съ Болгарами. Симеонъ, желая предупредить предполагаемое нападеніе, самъ вступилъ въ предѣлы Сербскихъ земель, захватилъ съ собою претендента сподручника на великое жупанство, Павла, сына Строимірова. Посланцы болгарскаго царя успѣли хитростью заманить въ болгарскій станъ Петра діоклейскаго съ нѣсколькими старѣйшинами. Отсюда ихъ закованными увезли въ Болгарію, а великимъ жупаномъ поставленъ Павелъ, который только номинально считался великимъ жупаномъ; въ дѣйствительности, во все время своего новаго положенія былъ послушнымъ орудіемъ болгарскаго царя; черезъ Павла царь болгарскій сталъ полнымъ хозяиномъ Серб-

---

[1]) Гильфердингъ, Собр. соч. т. I, стр. 170—171.

скихъ земель, на сколько тѣ признавали власть великаго жупана. Вскорѣ явился новый претендентъ—сынъ Пребислава, Захарій. Такъ какъ Павла поддерживалъ болгарскій царь, то Захарій призвалъ на помощь византійскаго императора Константина Порфирогенита (913—959). Въ возгорѣвшейся междоусобицѣ Павелъ былъ разбитъ, схваченъ и уведенъ въ Болгарію, откуда чрезъ три года ему удалось бѣжать и добиться великаго жупанства, но скоро долженъ былъ отказаться, тѣснимый Болгарами, которые поставили великимъ жупаномъ Чеслава, сына Захарія. На этотъ разъ ставленникъ болгарскій Чеславъ обманулъ надежды Болгаръ. Къ удивленію ихъ, онъ очистилъ Сербскую землю отъ людей сомнительныхъ, которые готовы были предать интересы страны Византіи или Болгаріи. Частью мѣрами крутыми, частью мирными сдѣлками, онъ въ короткое время успѣлъ подчинить себѣ отдѣльныя жупанства и тѣмъ соединить разбросанныя владѣнія. Онъ усердно работалъ надъ «собираніемъ» земель и достигъ того, что Сербія сдѣлалась при немъ довольно сильнымъ государствомъ, которое готовилось помѣряться съ Болгаріею; Захлумія, Травунія, Зета и др. жупанства приняли власть Чеслава; Раса сдѣлалась второю столицею Сербіи. Чеславъ хотя и не былъ коронованъ, но держалъ себя однако же, какъ царь [1], окружилъ себя постояннымъ штатомъ изъ разныхъ знатныхъ людей и устроилъ въ г. Расѣ дворецъ съ нѣкоторыми претензіями на подражаніе византійскому. Собирая воедино Сербскія земли, онъ слишкомъ конкретно сталъ проявлять свою личную волю въ управленіи страною и стремясь къ утвержденію единоличной власти, слишкомъ неосторожно и рѣзко затронулъ освященное вѣками начало федеративнаго строя общежитія. Такой крутой поворотъ федераціи къ единовластію не могъ повести къ прочнымъ желаннымъ результатамъ въ то время, когда начало федераціи было еще живуче; только энергическая личность Чеслава поддерживала созданный имъ новый порядокъ вещей. Какъ только его не стало, Сербія распалась на болѣе мелкія, чѣмъ прежде, независимыя другъ отъ друга владѣнія. Съ этого времени и до 2-ой половины XII стол. идетъ самый темный періодъ въ исторіи Сербіи, характеризующійся внутренними смутами, которыми пользуются то болгарскіе цари, то византійскіе императоры; между ними дѣлились симпатіи сербскихъ властителей, признававшихъ надъ собою власть то Византіи, то Болгаріи. Династія Властимірова, начало которой совпадаетъ съ утвержденія осѣдлости Сербовъ въ Иллирикѣ, прекратилась съ Чеславомъ и стало быть тѣмъ труднѣе становилось тому или другому изъ жупановъ присвоить себѣ авторитетъ въ глазахъ другихъ. Каждый изъ жупа-

[1]) Kollay, Geschishte der Serben.

новъ считалъ себя равнымъ съ другимъ, и только случайности да содѣйствію Византія или болгарскаго царя приписывалось то обстоятельство, что не тотъ, а другой занимаетъ великожупанскій престолъ. Потеряла обаяніе и Діоклея послѣ того, когда она оказалась не въ силахъ собрать сербскую силу для отраженія разбойническихъ набѣговъ царя болгарскаго Самуила, который во время своихъ походовъ предавалъ огню и грабежу богатые округи Южнаго Иллирика.

Въ то время великожупанскій престолъ занималъ Владиміръ, «юноша украшенный всякой мудростью и святостью» [1]), но который вмѣстѣ съ тѣмъ оказался весьма слабымъ защитникомъ своей страны; не только другія страны, но и Діоклея, въ которой онъ непосредственно правилъ, сдѣлалась жертвою хищническихъ набѣговъ Самуила; самъ Владиміръ былъ схваченъ, въ цѣпяхъ отведенъ въ столицу болгарскаго царя Преспу и брошенъ здѣсь въ темницу, но вскорѣ примирился съ Самуиломъ и женившись на его дочери, Касарѣ, сдѣлался правителемъ Драчской области съ главнымъ городомъ Драчъ или Дураццо. Послѣ смерти Самуила (1015 г.), племянникъ его Іоаннъ-Владиславъ, перебивъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, сыновей Самуила, и при помощи Византіи, захвативъ ничего впрочемъ нестоившій въ то время болгарскій престолъ,—съ опасеніемъ отнесся къ владѣтелю Драчской области, въ которую входили богатые города: Баръ, Скадра, Дривастъ, Свачъ, Элбассанъ, Лешь и др., шурину своему Владиміру, какъ сильному противнику и человѣку, котораго популярность даже среди Болгаръ могла открыть ему дорогу къ болгарскому престолу, тѣмъ болѣе, что по родственнымъ связямъ онъ имѣлъ и право на это. Кромѣ того, Василій Болгаробойца съ каждымъ годомъ отрывалъ отъ Болгаріи одну область за другою и сталъ угрожать уже и самому сердцу возстановленнаго Самуиломъ царства Болгарскаго — Охридѣ. Поэтому естественно предположить, что Іоанна-Владислава при отпаденіи Восточной Болгаріи, или вѣрнѣе сказать, завоеваніи ея Византіею, тянуло къ западу, къ нагорному побережью Адріатическаго моря. Могъ ли онъ безучастно смотрѣть на то, что другой родичъ или чужакъ владѣетъ этой богатой приморской страной, хотя и въ качествѣ вассала болгарскаго царя, но вассала весьма ненадежнаго, который, разумѣется, не замедлитъ порвать свою зависимость, и Іоаннъ-Владиславъ рѣшается на предательское убійство Владиміра. Владиміръ погибъ, но Драчская область все же не была присоединена къ Болгаріи, а подобно послѣдней, подпала власти Византіи, которая покончивъ съ Болгаріею возстановила свою власть въ раздробленныхъ Сербскихъ земляхъ Діоклеѣ, Травуніи, Захлуміи, Расѣ, Босніи и южной половинѣ Кроаціи.

---

[1]) Ра̂ичъ, ч. II.

Съ этого времени (1019) владычество Византіи, съ небольшими лишь перерывами длится до конца XII в. и исторія длиннаго періода владычества Византіи представляется крайне темною и запутанною, по отсутствію правдоподобныхъ источниковъ. Достовѣрно лишь то, что съ формальной стороны за Иллирикомъ сохранена была тѣнь самостоятельности, въ видѣ великихъ жупановъ и бановъ, рядомъ съ которыми во внутреннія дѣла вмѣшивались греческіе правители, совершенно заслонявшіе собою великожупанскую власть. Но такъ какъ въ этой странѣ, изрѣзанной горами и предоставляющей такую легкую возможность укрыться отъ преслѣдованій, въ этой странѣ, населенной отважными и воинственными племенами, никакая политическая или административная система не могла быть проведена вполнѣ и послѣдовательно до конечныхъ ея цѣлей, то и византійское владычество выражалось здѣсь нѣсколькими новыми, въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ введенными, административными порядками, которые, сопровождаясь злоупотребленіями и хищничествомъ византійскихъ правителей, вызывали возстанія населенія, и когда во главѣ такихъ возстаній становились великіе жупаны, тогда Греки изгонялись; являлись новые правители съ отрядами войска и съ ними повторялось то же самое, что съ ихъ предшественниками. Вообще, вслѣдствіе относительной отдаленности, а также географическихъ условій страны, власть Византіи, какъ затѣмъ и Порты, никогда не проявлялась въ Иллирикѣ въ такой реальной и гнетущей формѣ и не проводилась съ такою послѣдовательностью, какъ въ Болгаріи.

Въ 1019 г. можно было сказать, что Болгарія завоевана Византіею, но не вполнѣ вѣрно было это же положеніе примѣнить и къ Иллирику.

Независимо отъ указанныхъ причинъ, здѣсь было трудно провести исключительную власть Византіи и потому, что недовольные византійскимъ главенствомъ, очень быстро могли завязать сношеніе съ Римомъ и черезъ его посредство получить опору въ нѣмецкомъ императорѣ, владѣнія котораго касались сѣверныхъ частей Иллирика.

Хотя мы о церкви сербской будемъ говорить особо, но здѣсь можемъ указать на одно явленіе изъ церковной жизни Сербіи, а именно на чрезвычайную шаткость народа въ понятіяхъ о различіи между византійскимъ православіемъ и римскимъ католицизмомъ, безучастное отношеніе народа къ тому или другому строю жизни, частое колебаніе его между православіемъ и католицизмомъ и переходы его отъ одного къ другому. Такъ поступали въ дѣлахъ церкви и представители народа, его великіе жупаны [1]). Первый изъ великихъ жупановъ, считая со времени завоеванія Византійцами Иллирика, Стефанъ Боиславъ завелъ пе-

[1]) Голубинскій, Очерки исторіи прав. церквей.

реговоры съ Римомъ для полученія королевской короны, за что въ свою очередь призналъ главенство римской церкви. На этотъ разъ переговоры ничѣмъ не разрѣшились, потому что и безъ содѣйствія Рима и Нѣмцевъ, Сербамъ удалось изгнать Грековъ. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что въ 1040 г. греческіе чиновники были изгнаны, а затѣмъ въ 1043 г. греческое войско, явившееся въ Сербіи для водворенія порядка, было дважды разбито, причемъ въ одной изъ битвъ палъ самъ главнокомандующій Гарменопулъ. За то болѣе положительными результатами окончились переговоры преемниковъ Стефана: Боислава-Михаила (1050—1070) и Константина Бодина (1070—1073). Оба они послѣдовательно признали церковное главенство Рима и за то получили отъ папы Григорія VII королевскую корону. Но какъ люди, въ дѣйствіяхъ которыхъ господствуетъ исключительно личное начало, эти вѣнчанные короли не извлекли никакой пользы изъ своего новаго положенія: съ одной стороны, политическое разъединеніе въ Сербскихъ земляхъ по прежнему продолжало царить, великожупанская власть по прежнему оставалась весьма шаткою и не признавалась даже номинально въ иныхъ частяхъ Сербіи; съ другой стороны, Византія не переставала считать ихъ болѣе или менѣе подвластными себѣ правителями ея Иллирійской провинціи, посылая отъ времени до времени войска для усмиренія бунтовщиковъ. Сами эти короли при первомъ удобномъ случаѣ покидали страну, отправляясь искать приключеній въ средѣ чужаго народа. Такъ поступилъ Константинъ Бодинъ. Пользуясь разроставшимся въ Болгаріи возстаніемъ противъ византійскаго гнета и прельщенный обѣщаніями со стороны нѣкоторыхъ народныхъ представителей возстанія, которые чистосердечно бывъ убѣждены, что будущая независимая Болгарія немыслима безъ царя, предложили ему имѣющее возродиться Болгарское царство,— король сербскій Бодинъ, съ подвижностью и предпріимчивостью истаго браконьера, спѣшитъ въ Болгарію и организуетъ здѣсь возстаніе. Но двѣ три стычки съ греческими войсками охлаждаютъ его авантюрные порывы, онъ возвращается домой и на пути попадаетъ въ руки Грековъ, которые отправляютъ его въ заточеніе. Между тѣмъ, въ Сербіи, какъ въ пестромъ калейдоскопѣ, одни властители смѣняются другими съ замѣчательною быстротою, и притомъ въ смѣнѣ этой трудно подыскать какую нибудь систему, какую нибудь идею; великими жупанами являются разные проходимцы и темныя личности; притомъ появляется нѣсколько великихъ жупановъ одновременно. Не было ничего легче, какъ добыть себѣ въ то время великожупанскую власть, такъ какъ она ровно ничего не значила и только пламенное честолюбіе и погоня за эфемерною кажущеюся славою побуждала иныхъ доискиваться этой власти и ради этого звать на помощь Грековъ или Болгаръ.

Жалкую картину представляетъ собою Сербія XI и XII ст. Слабый федеративный строй общежитія расшатался, попытка ввести начало государственнаго единства, сдѣланная въ X вѣкѣ Чеславомъ, увѣнчалась лишь кратковременнымъ успѣхомъ; рознь отчуждала не только *Западную Сербію* (Діоклею, Захлумію, Травунію) отъ *Восточной* (Босніи и собственной Сербіи), но каждую изъ этихъ отдѣльныхъ федерацій одну отъ другой; тянуть всѣ эти мелкія владѣнія каждое въ свою сторону, и кажется, что нѣтъ между ними никакого племеннаго родства, никакого національнаго единства. Исторія Сербіи за этотъ періодъ представляетъ собою чередованіе событій, въ которыхъ не видно воли народа, и проносятся онѣ надъ нимъ, не проявляя никакой идеи общенаціональной жизни.

ГЛАВА XV.

Состояніе церкви у Сербо-Хорватовъ въ XI и XII ст.

1. Неустойчивость духовно-религіозной жизни Сербо-Хорватовъ. 2. Начало христіанства въ Иллирикѣ. 3. Равнодѣйствующія вліянія Византіи и Рима вызываютъ церковную рознь въ Иллирикѣ. 4. Хорваты принимаютъ католицизмъ. 5. Попытки католической пропаганды въ Сербіи.

Въ духовно-религіозной жизни замѣчается у Сербо-Хорватовъ расшатанность, безсистемность и отсутствіе общей идеи.

Эта сторона исторіи Сербо-Хорватовъ не лишена особаго интереса и потому въ краткомъ очеркѣ мы намѣтимъ главные моменты въ ходѣ развитія такъ-называемаго церковнаго дѣла у Сербо-Хорватовъ, насколько это необходимо для возможно яснаго представленія историческихъ судебъ ихъ, въ первые пять вѣковъ по окончательномъ установленіи ихъ осѣдлости въ Иллирикѣ.

Мы возвратимся къ тому времени, съ которымъ совпадаетъ введеніе христіанства у Сербо-Хорватовъ. Это время относится къ половинѣ VI ст. Такимъ образомъ у нихъ христіанство явилось раньше на цѣлыя два столѣтія, чѣмъ у соплеменниковъ ихъ, Болгаръ, вступившихъ въ предѣлы Византіи (Мизію) почти одновременно. По словамъ Константина Порфирогенита [1]) произошло это такъ: императоръ Ираклій, которому вѣнценосный историкъ приписываетъ и самое приглашеніе Сербо-Хорватовъ занять Иллирикъ, не желая оставлять эти народы во тьмѣ язычества, вызвалъ изъ Рима въ 640 г. [2]) духовныхъ пастырей для введенія и распространенія между переселившимися въ Иллирикъ народами христіанства. Пастыри явились, крестили много народа, вмѣстѣ съ тѣмъ поставили епископовъ, священниковъ, діаконовъ, подчинивъ ихъ архіепископу города Сплѣта. Крестившіеся Хорваты дали обязательство, утвержденное ихъ подписями, и принесли св. Петру Апостолу крѣпкую

---

[1]) De administrato imperio.

[2]) По словамъ того-же автора, Сербо-Хорваты заняли Иллирикъ въ 640 г., а въ слѣдующемъ году Ираклій умеръ; потому приглашеніе духовныхъ пастырей должно совпадать съ 640 годомъ.

присягу не нападать на чужія земли и жить мирно со всѣми сосѣдями, лишь бы ихъ самихъ не тревожили, а римскій папа обѣщалъ имъ за то, если другіе нападутъ на нихъ, что ихъ поборникомъ будетъ Богъ, заступничествомъ св. Петра, ученика Христова. Можно предположить, что кромѣ инициативы императора, введенію и распространенію христіанства между Сербо-Хорватами содѣйствовало близкое сосѣдство и такъ сказать чересполосица съ христіанскими колоніями на Адріатическомъ побережьѣ, которыя были настолько значительны, что Римъ призналъ нужнымъ поставить особаго архіепископа въ г. Сплѣтѣ.

Вспомнимъ какъ упорно папа Николай отказывалъ Борису въ требованіяхъ назначить архіепископа для Болгаріи, вслѣдъ за введеніемъ тамъ во 2-ой половинѣ IX в. христіанства, находя, что такая высшая церковная іерархія преждевременна для страны, въ которой христіанская религія далеко еще не успѣла пустить глубокихъ корней. А потому, если для Иллирика учреждена была архіепископская каѳедра, то надо думать, что тамъ христіанство уже въ VII вѣкѣ было довольно распространено, пока, конечно, въ средѣ многочисленныхъ римскихъ переселенцевъ. И вотъ эти христіане съ ихъ духовною іерархіею, по необходимости вступая въ близкія сношенія съ Сербо-Хорватами, естественно должны были заронить въ средѣ ихъ сѣмена христіанскаго ученія, причемъ надо допустить, что византійскій императоръ Ираклій приглашеніемъ изъ Рима духовныхъ пастырей подвинулъ дѣло распространенія христіанства. Если же допустить обще-принятое положеніе — личной инициативы императора Ираклія, то необъяснимымъ останется безучастное отношеніе византійскихъ императоровъ къ духовной жизни ближайшихъ сосѣдей, Болгаръ, которые утвердились въ Мизіи тоже въ VII ст., пребывая въ язычествѣ до 2-й половины IX вѣка. Если византійскіе императоры заботливость свою въ распространеніи христіанства выражали по отношенію къ такимъ отдаленнымъ отъ столицы странамъ, какъ Иллирикъ, и притомъ къ народамъ малоизвѣстнымъ, только-что занявшимъ эту отдаленную окраину имперіи, то почему же не было этой заботливости въ отношеніи къ ближайшимъ сосѣдямъ, къ Болгарамъ, съ которыми Византія находилась въ непрерывныхъ сношеніяхъ, не всегда враждебныхъ? Кромѣ того, болгарскіе цари, еще до введенія христіанства въ Болгаріи, вступали въ родственныя связи съ византійскимъ дворомъ, да и многіе именитые Болгары, проживавшіе въ столицѣ имперіи, были близки ко двору. Но однако же только во 2-й половинѣ IX в. вводится здѣсь христіанство, да и то не по инициативѣ византійскаго императора. Все это приводитъ насъ къ убѣжденію, что христіанство у Сербо-Хорватовъ явилось помимо инициативы императора Ираклія, по-

степенно, подъ вліяніемъ многочисленныхъ христіанскихъ колоній, разсѣянныхъ по Адріатическому побережью.

До происшедшаго въ 870 г. окончательнаго раздѣленія церкви, церковная іерархія у Сербо-Хорватовъ подчинялась почти исключительно Риму, которымъ основано было нѣсколько епархій, какъ Скадрская, Діоклейская, Драчская, Сплѣтская и др. [1]); столкновеній между константинопольскимъ патріархомъ и Римомъ о предѣлахъ церковной юрисдикціи еще не возникало. Но неудовольствія и пререканія въ средѣ самаго мѣстнаго духовенства стали волновать сербско-хорватскую церковь еще прежде 870 г. и обратили серьозное вниманіе римскаго престола. Дѣло въ томъ, что подчиняясь одинаково Риму, духовенство въ отношеніи богослужебнаго языка распалось на два лагеря. Пришлое, латинское, духовенство употребляло при богослуженіи латинскій языкъ распространяя на этомъ же языкѣ и книги церковно-религіознаго содержанія; между тѣмъ какъ туземное духовенство держалось понятнаго народу славянскаго языка. Отсюда началась вражда между тѣмъ и другимъ, которая доходила до крупныхъ столкновеній, особенно при избраніи лицъ духовной іерархіи. Хорватскіе князья, чтобы прекратить эти раздоры, обратились къ папѣ Іоанну X, который серьозно отнесясь къ этой розни, тотчасъ позвалъ въ Хорватію своихъ легатовъ, двухъ какихъ-то Италіянцевъ, съ письмомъ къ архіепископу сплѣтскому, которому поручалъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы священное служеніе совершалось по обычаю римской церкви, т. е. на латинскомъ языкѣ, а не на чужомъ: ибо «сынъ не долженъ знать другаго, какъ то, чему учитъ отецъ его».

Послѣ раздѣленія церкви споры и пререканія усложнились. Къ вопросу о языкѣ присоединились догматическіе и обрядовые пункты различія; возникъ вопросъ о преимущественномъ главенствѣ римскаго первосвященника предъ константинопольскимъ патріархомъ, изъ которыхъ каждый, къ общему соблазну новообращенныхъ христіанъ, отлучалъ одинъ другаго отъ церкви. У Сербо-Хорватовъ явились сомнѣнія въ рѣшеніи вопроса, на чьей сторонѣ истина, сомнѣнія тѣмъ сильнѣйшія, недоразумѣнія тѣмъ запутаннѣйшія, что здѣсь теперь сталкивались два, пока равносильныя почти вліянія, пришлаго, латинскаго, духовенства и большей части мѣстнаго, православнаго, которое до того хотя и признавало главенство Рима, но стоя за славянское богослуженіе, ненавистное латинянамъ, теперь, послѣ церковнаго раскола, открыто высказывало желаніе скинуть это главенство въ пользу константинопольскаго патріархата. Къ этому послѣднему духовенству примкнули и греческіе миссіо-

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи правосл. церквей.

неры, посланные изъ столицы для присоединенія народа къ православію. Императоръ Василій Македонскій (867 — 886), самъ Славянинъ родомъ, принялъ подъ свое особое покровительство улаженіе такихъ волненій въ направленіи, благопріятномъ православію. Въ Иллирикъ отправлено было многочисленное духовенство, которое въ данномъ случаѣ встрѣчало себѣ сочувствіе уже потому, что объявляло славянское богослуженіе нисколько не противнымъ традиціямъ православной церкви. Что касается церковнаго главенства, то вопросъ этотъ самъ собою долженъ былъ разрѣшиться въ пользу Константинополя, послѣ того, какъ Иллирикъ, въ качествѣ церковнаго діоцеза, отнесенъ былъ къ константинопольскому патріархату. Все это привело къ тому, что въ данномъ случаѣ византійское православіе одержало верхъ, и эта побѣда византійскими писателями считается вторымъ истиннымъ крещеніемъ Сербо-Хорватскаго народа.

Въ дѣйствительности побѣда была однако неполная: жители цѣлой области Неретвы, Неретчане, остались при своемъ религіозномъ statu quo, за что получили названіе Погановъ; въ средѣ Хорватовъ, охваченныхъ сильнымъ вліяніемъ римскихъ миссіонеровъ, перевѣшивалъ католицизмъ; въ Босніи также нельзя было уничтожить результатовъ латинской пропаганды.

Здѣсь, и въ особенности въ Хорватіи, византійское вліяніе съ конца IX в. стало ослабѣвать вслѣдствіе значительной отдаленности этихъ странъ отъ столицы имперіи, а также временнаго господства Франковъ въ Хорватіи, гдѣ латинская пропаганда стала поддерживаться силою оружія. Результаты латинской пропаганды въ началѣ X в. оказались настолько успѣшными, что созванный по иниціативѣ латинскихъ епископовъ въ 925 г. соборъ въ Сплѣтѣ изъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, утвердивъ присоединеніе Хорватіи къ римскому католицизму, вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно осудилъ славянское богослуженіе, признавъ латинскій единственно священнымъ языкомъ [1]). Это формальное улаженіе распри церковной не мѣшало послѣдующимъ великимъ жупанамъ, или, какъ ихъ называли, «королямъ», мѣнять церковное главенство, смотря по тому, въ комъ имъ въ данномъ случаѣ нужно было искать опоры, въ Византіи ли, или на Западѣ,—что продолжалось до окончательнаго подчиненія Хорватовъ Мадьярами, въ 1102 г., когда они втянуты были навсегда въ кругъ латинскаго Запада. За то собственная Сербія въ Восточной и Южной ея половинахъ всецѣло присоединилась къ православію. Но этимъ присоединеніемъ и здѣсь не положенъ конецъ церковнымъ волненіямъ. Правители Сербіи, по сообра-

---

[1]) Гильфердингъ, Собр. Соч. т. I, стр. 163—165.

женіямъ политическимъ, отказывая при благопріятствующихъ въ томъ или другомъ случаѣ условіяхъ въ признаніи верховной власти византійскихъ императоровъ, искали опоры въ Римѣ и разрывая связь съ константинопольскимъ патріархатомъ, подчинялись духовному главенству апостолическаго престола. Этому много способствовала и продолжавшаяся пропаганда католическихъ миссіонеровъ, которые здѣсь хотя и встрѣчали сильный отпоръ со стороны болѣе многочисленнаго православнаго духовенства и не находили поддержки въ свѣтстой власти, но тѣмъ не менѣе вносили сѣмя церковныхъ раздоровъ и неустойчивости. Папы, потерпѣвъ неудачу въ Болгаріи, не могли помириться съ мыслію упустить изъ своихъ рукъ Сербскій народъ. Дѣлались неоднократныя попытки перетянуть Сербовъ въ латинство; такъ поступилъ напр. папа Іоаннъ VIII, убѣждая сербскаго краля Мунтиміра въ 874 г. присоединиться съ народомъ своимъ къ «истинной римско-католической церкви». Сербскіе крали въ такихъ случаяхъ, мало интересуясь догматико-обрядовыми пунктами разногласія, дѣйствовали согласно государственнымъ соображеніямъ, въ силу которыхъ они иногда находили выгоднѣе присоединиться къ римской церкви. Подобнымъ образомъ поступили въ XI в. Михаилъ и Константинъ Бодинъ, признавшіе церковное главенство римскаго епископа и сдѣлавшіеся преданными сынами римско-католической церкви, на столько, что перваго изъ нихъ, Михаила, папа въ посланіи своемъ называлъ «carissimus B. Petri filius» [1]). Этотъ «carissimus» изгналъ православное духовенство, въ особенности изъ той области, Діоклейской, которая до Стефана Немани составляла удѣлъ великаго жупана сербскаго, призвавъ изъ сосѣдней Хорватіи латинскихъ священниковъ и епископовъ. Замѣчательно, что эти частые переходы въ церковной жизни, не возбуждали никакого особаго волненія въ народѣ; въ началѣ, быть можетъ и возникало неудовольствіе, но потомъ народъ какъ бы примирился съ неизбѣжностью такихъ превращеній и безучастно сталъ относиться къ нимъ. Въ этомъ безучастіи онъ дошелъ до того, что сталъ бы положительно въ тупикъ, при вопросѣ о принадлежности его къ той или другой церкви. Онъ могъ бы лишь отвѣтить, что *въ данное время* онъ слушаетъ латинскихъ священниковъ, которые на литургіи произносятъ имя папы, а очень недавно онъ внималъ православному богослуженію, при совершеніи котораго произносилось имя константинопольскаго патріарха. Мало того: даже въ одно и то же время въ разныхъ частяхъ Сербіи (считая ее въ древнихъ указанныхъ выше предѣлахъ—отъ Адріатическаго моря до Савы и Дуная) господствующею являлась не одна и таже церковь, православная или латинская, а об

[1]) Гильфердингъ, Собр. сочин., т. I.

одновременно, что въ свою очередь объясняется полнымъ политическимъ разъединеніемъ Сербскихъ земель, которыя тянули въ разныя стороны, не признавая никакой общности интересовъ. Поэтому и случалось, что въ то время, когда Діоклея вводила у себя католицизмъ, какая-нибудь Захлумія или Травунія приглашала православное духовенство и признавала главенство константинопольскаго патріархата, чтобы въ Византіи найти противовѣсъ угрожавшимъ притязаніямъ великожупанской власти, а Боснія изъ антагонизма къ собственной Сербіи, въ которой господствовало (не всецѣло однако же) византійское православіе, заводила у себя католическое богослуженіе. Эта неопредѣленность, запутанность и расшатанность въ церковной жизни Сербовъ дошли до того, что спеціалисты по исторіи церкви не могутъ опредѣлить, къ какой церкви принадлежали Сербы во все время, предшествовавшее вступленію на великожупанскій престолъ династіи Неманей, и мы замѣтили уже, что сами Сербы не могли бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Слабость, какъ выражается Гильфердингъ, сербской церкви видна уже изъ того, что ею даже перестали интересоваться, какъ Византія, такъ и Римъ. Первая для всей Сербіи основала всего одно епископство въ Расѣ, и то, какъ полагаетъ г. Голубинскій, не ранѣе второй половины VIII в., а Римъ вовсе не учреждалъ въ Сербіи особыхъ латинскихъ епископствъ и каѳедръ, а поручилъ ее въ завѣдываніе одному изъ сосѣднихъ римскихъ архіереевъ, именно архіепископу или митрополиту антиварскому. Такое хаотическое состояніе церковной жизни Сербовъ, дополняя политическую разъединенность народа, продолжалось до конца XII ст., когда младшій сынъ Стефана Немани, св. Савва, въ области церковной жизни стремился, и отчасти достигъ, ввести такое же начало единства, какъ отецъ его въ области государственной жизни.

ГЛАВА XVI.

Политическое объединеніе Сербіи (XII—XIII).

1. Безсиліе Византіи облегчаетъ объединительную задачу Стефана Немани. 2. Политическій центръ Сербіи переходитъ въ г. Расу. 3. Начало завоевательной политики сербскихъ кралей, 4. Церковная дѣятельность Стефана Немани. 5. Политическія смуты поддерживаютъ церковную рознь. 6. Св. Савва. 7. Учрежденіе архіепископской каѳедры въ Сербіи. 8. Сношенія съ Римомъ и Византіею. 9. Сербскіе архіепископы и архіепископскія каѳедры до учрежденія патріархата.

Съ конца XII столѣтія, со вступленіемъ на великожупанскій престолъ Стефана Немани, начинается болѣе достовѣрная исторія Сербіи; ходъ событій идетъ послѣдовательнѣе и въ самыхъ событіяхъ просвѣчивается общая идея. Сербія стремится сдѣлаться цѣльнымъ государственнымъ организмомъ на развалинахъ шаткой недоразвившейся федераціи, которая постепенно уступаетъ мѣсто началу государственнаго единства.

Этой внутренней органической работѣ, кромѣ личной иниціативы, личныхъ качествъ правителей изъ дома Неманей, немало способствуютъ внѣшнія событія, сложившіяся въ смыслѣ благопріятномъ для внутренняго развитія политической жизни Сербіи, подобно тому какъ внѣшнія событія благопріятствовали возрожденію Болгарскаго царства при Асѣнидахъ. Византія, которая поработила въ XI в. Болгарію и распространила свою власть на Славянъ почти всего Балканскаго полуострова, со включеніемъ Сербскихъ земель, Византія, которая въ судьбѣ Славянъ всегда являлась какимъ-то злымъ рокомъ, вносившимъ въ семью братскихъ народовъ духъ раздора и взаимную родственную, т. е. самую страстную вражду, и тѣмъ задерживала ходъ соціально-политическаго объединенія не только всего южнаго славянства, но и отдѣльныхъ его отраслей,—Византія въ концѣ XII в. сама находилась едва не въ предсмертной агоніи, или въ состояніи близкомъ къ ней.

Она переживала тяжелый кризисъ. Сельджукскіе Турки отрывали ея азіятскія владѣнія и очень близки были отъ Босфора; въ Европѣ берега Греціи опустошались сицилійскими Норманнами, уводившими въ плѣнъ тысячи народа и овладѣвшими всѣмъ Средиземнымъ моремъ;

съ сѣвера напирали Мадъяры, король которыхъ Гейза III, по родственнымъ связямъ съ сербскимъ великимъ жупаномъ, пріобрѣлъ сюзеренное право на Боснію, и такимъ образомъ пришелъ въ столкновеніе съ верховною властью византійскихъ императоровъ на эту область. Въ 1185 г. возстали Болгары, которые удачно разбиваютъ византійскія войска и почти безъ сопротивленія занимаютъ предбалканскіе города; крестоносцы, идя въ Святую землю чрезъ Балканскій полуостровъ, натыкаются здѣсь, на пути, на столицу имперіи, поражающую ихъ своимъ богатствомъ, блескомъ роскоши,—по которымъ они составляли понятіе о всей странѣ, и рѣшаются остаться здѣсь съ тѣмъ, чтобы здѣсь осуществить свои феодальныя грезы, непривѣтливо встрѣчаемыя на далекомъ меркантильномъ Западѣ: намѣренія ихъ настолько очевидны, что ортодоксальнѣйшій императоръ сближается на время съ невѣрными (Сельджуками), чтобы очистить имперію отъ защитниковъ христіанской святыни; наконецъ, внутреннія смуты, раздиравшія имперію, главную роль въ которыхъ игралъ знаменитый авантюристъ, совершившій многосложную и исполненную превратностей карьеру, начиная отъ тюремнаго колодника и кончая вѣнценоснымъ монархомъ, Андроникъ, дополняли жалкое положеніе Византійской имперіи [1]).

Это положеніе имперіи и есть то важнѣйшее изъ внѣшнихъ условій, которыя благопріятствовали Стефану Неманѣ вести безпрепятственно внутреннюю подготовительную работу, имѣвшую цѣлью объединеніе Сербскихъ земель. Сынъ Бела-Уроша, жупана расскаго, Стефанъ Неманя, какъ младшій изъ трехъ братьевъ, не имѣлъ права на великожупанскій престолъ [2]), но своими личными качествами, своею ловкостью и необыкновеннымъ умѣньемъ въ пору быть настойчивымъ, или дѣлать уступки, Стефанъ Неманя достигъ того, что вопреки обычаю старшинства, въ 1168 г. былъ избранъ великимъ жупаномъ Сербіи и остался въ Расѣ. Онъ такимъ образомъ перенесъ центръ государственной жизни изъ Діоклеи, съ юга на сѣверъ. Стефанъ Неманя, какъ человѣкъ умный и прозорливый, предвидѣлъ, что Діоклея не есть то мѣсто, откуда можно провести начало государственнаго единства; сама маленькая область, Діоклея прижата была почти со всѣхъ сторонъ полузависимыми, полусамостоятельными жупанствами: Травуніею, Захлуміею, Неретвою; маленькой Діоклеѣ трудно было сдѣлаться объединительнымъ центромъ; она задыхалась въ атмосферѣ федеративно-удѣльныхъ традицій Несравненно выгоднѣе въ этомъ отношеніи было положеніе Расы; округъ ея былъ отдаленъ отъ названныхъ мелкихъ владѣній, удаленъ былъ и

[1]) Finley, Histor of the Bysant and Greek Empire.
[2]) Майковъ, Исторія сербскаго языка въ связи съ исторіею народа.

отъ Босніи, которая зорко и враждебно относилась къ объединительнымъ притязаніямъ діоклейскихъ правителей; въ самой Сербіи (западной половинѣ нынѣшней Сербіи) не образовалось еще мелкихъ владѣній съ притязаніями на самостоятельность; великій жупанъ Сербіи въ Расѣ естественно долженъ былъ чувствовать себя свободнѣе, дышать легче; за нимъ не могли подсматривать и стеречь каждый его шагъ; онъ здѣсь могъ, не торопясь и тѣмъ послѣдовательнѣе и всестороннѣе, обдумать каждое свое начинаніе и чѣмъ неожиданнѣе, тѣмъ больнѣе нанести отсюда, изъ-далека, ударъ своему противнику.

Утвердивъ великое жупанство въ Расѣ, Стефанъ Неманя приблизилъ къ себѣ опытныхъ старѣйшинъ, жупановъ мелкихъ областей собственной Сербіи, людей, которые пользовались довѣріемъ народа и популярностью, и этимъ, само собою, усилилъ и свой авторитетъ. Кромѣ того, оградивъ себя дружбою византійскаго императора Константина Дука (1059—1067), съѣздивъ въ Константинополь, гдѣ переносилъ даже униженіе «растягивался передъ императоромъ во всю длину своего огромнаго роста», чтобы сдѣлаться его persona grata, чтобы не встрѣтить съ его стороны противодѣйствія своимъ преобразовательнымъ начинаніямъ. Тогда, возвратившись домой, Стефанъ Неманя объявилъ, что великій жупанъ Сербіи совмѣщаетъ въ себѣ верховную власть надъ всею страною, что отнынѣ не существуетъ въ этой странѣ, которая должна быть единою и нераздѣльною, самостоятельныхъ владѣній; онъ потребовалъ полнаго подчиненія себѣ всѣхъ жупановъ. Можно себѣ представить неудовольствіе жупановъ, свыкшихся съ мыслью о своей полусамостоятельности, а тѣмъ болѣе неудовольствіе старшихъ братьевъ, Мірослава и Константина, совѣта которыхъ Стефанъ не спрашивалъ, дѣйствуя полновластнымъ господиномъ. Раздраженіе и придирчивость старшихъ братьевъ доходили до того, что они не могли простить ему предпринятую безъ ихъ согласія постройку храма св. Николая «и ревностью злою и гнѣвомъ ярымъ одержимые», выговаривали ему за то, что онъ съ ними предварительно не совѣщался; они даже схватили его и бросили въ темницу, изъ которой онъ освободился лишь «чудеснымъ образомъ» [1]). Діоклея, Травунія, Захлумія, Неретва, Боснія,—все это поднялось противъ самодержавныхъ притязаній преобразователя. Но все оказалось напраснымъ. Согласія между возставшими не было, и въ этомъ заключалась выгода Неманя.

Путемъ ловкихъ сдѣлокъ и щедрыхъ обѣщаній, онъ легко находилъ себѣ въ этихъ областяхъ союзниковъ, съ помощью которыхъ постоянно одерживалъ верхъ надъ своими врагами, раздавая ихъ земли своимъ

---

[1]) Раичъ, ч. III.

сподручникамъ. Какъ въ каждой междоусобицѣ, и здѣсь допущено было съ обѣихъ сторонъ много жестокостей—предательства и коварства, на которыя указываетъ жизнеописатель Неманя Стефанъ Первовѣнчанный, но за то она разрѣшилась въ смыслѣ объединенія Сербскихъ земель въ одно цѣльное великожупанство Сербское. Діоклея, Травунія, Захлумія, отнятыя у прежнихъ жупановъ, розданы были Стефаномъ Неманей младшимъ его родичамъ, преимущественно дѣтямъ обдѣленныхъ его старшихъ братьевъ: Неретва, всегда считавшая себя независимою областью, тоже признала власть Неманя, и даже Боснія, во враждѣ своей къ Сербіи находившая поддержку въ Венгріи, короли которой временами считались сюзеренами этой страны, даже Боснія, благодаря искуснымъ родственнымъ комбинаціямъ, на которыя Стефанъ Неманя былъ такой мастеръ, оказалась въ рукахъ преданнаго ему бана Кулина. Кромѣ личныхъ качествъ, успѣху объединительной дѣятельности Немани много содѣйствовала и дружба его съ византійскимъ императоромъ, который тѣмъ уже принесъ пользу, что не вступался въ домашнія дѣла Сербіи, не помогая мелкимъ владѣльцамъ въ борьбѣ ихъ съ великимъ жупаномъ, а можетъ быть, какъ указываютъ нѣкоторые, оказывалъ Стефану Неманѣ услуги въ болѣе положительной формѣ.

Покончивъ съ внутренними усобицами, подчинивъ всѣ Сербскія земли—Діоклею, Травунію, Захлумію, Неретву и Боснію своей династіи, Стефанъ Неманя перевелъ свою столицу и резиденцію поближе къ византійскимъ границамъ, въ г. Приштину. Онъ находитъ теперь себя настолько могущественнымъ, что не считаетъ нужнымъ скрывать долѣе своихъ настоящихъ замысловъ по отношенію къ Византіи. Прежде всего онъ объявляетъ себя независимымъ отъ византійскаго императора; онъ считалъ нелогичнымъ допускать подчиненіе его самодержавной власти главенству византійскаго императора, хотя номинальному до поры до времени, но во всякомъ случаѣ оскорбительному для него, самодержца. Не для того онъ такъ упорно работалъ, сиживалъ въ пещерѣ и «растягивался предъ императоромъ во всю длину своего огромнаго роста», обижалъ своихъ родичей, отнимая у нихъ удѣлы, — чтобы собранную имъ Сербскую землю преподнести въ даръ Византіи. Онъ началъ съ того, что отовсюду изъ Сербскихъ земель изгналъ греческихъ правителей и сдѣлалъ нѣсколько захватовъ въ византійскихъ владѣніяхъ. Поощряемый завоевательными успѣхами, Стефанъ Неманя думалъ нанести болѣе чувствительный ударъ Византіи, пользуясь ея жалкимъ внутреннимъ и внѣшнимъ положеніемъ; для вѣрнѣйшаго успѣха онъ завелъ переговоры съ Фридрихомъ I Барбарусою, который, предводительствуя третьимъ крестовымъ походомъ, шелъ въ Константинополь чрезъ Венгрію и Сербію. Въ городѣ Расѣ, куда Стефанъ Неманя прибылъ

ad hoc, онъ сдѣлалъ торжественную встрѣчу нѣмецкому императору, котораго расположеніе старался заслужить рядомъ услугъ, оказанныхъ его войскамъ, доставляя имъ въ изобиліи продовольственные припасы. Онъ призналъ себя даже вассаломъ нѣмецкаго императора, принявъ отъ него Сербію jure beneficiario. Все это дѣлалось ради согласія императора на союзъ съ сербскимъ кралемъ противъ Византіи. Фридрихъ Барбаросса не принялъ однако же предложенія сербскаго краля, какъ не принялъ онъ и предложенія болгарскихъ Асѣней вступить въ союзъ противъ Византіи, потому что уничтоженіе христіанской имперіи на Востокѣ не входило въ его разсчеты. Замѣчательно, что въ то время, когда оба народа, Болгары и Сербы, обращаются не разъ къ чужеземной помощи противъ Византіи, сами они въ отношеніи другъ къ другу продолжаютъ держать себя отчужденно, ведутъ мелочные счеты о взаимныхъ правахъ на тѣ или другіе пограничные города, и по поводу этихъ миніатюрныхъ недоразумѣній, готовы ежеминутно броситься одинъ на другаго, въ виду распадающейся имперіи — ихъ исконнаго врага. Послѣдняя была такъ обезсилена, что дружный напоръ Сербо-Болгаръ не замедлилъ бы положить конецъ жалкому ея существованію и тогда же на развалинахъ Византіи могли бы возникнуть сильныя славянскія государства.

Не успѣвъ заключить союза съ нѣмецкимъ императоромъ и не желая на собственные ресурсы продолжать внѣшнія завоеванія, Стефанъ Нѣманя весь предался внутренней дѣятельности, которая впрочемъ исчерпывалась построеніемъ и украшеніемъ церквей [1]). Этимъ характеромъ своей дѣятельности и своихъ заботъ, исключительно благочестивыхъ, Стефанъ какъ бы желалъ искупить предъ Богомъ тѣ обиды и несправедливости, которыя онъ сдѣлалъ своимъ родичамъ и инымъ властителямъ отдѣльныхъ областей Сербіи. Изъ построенныхъ имъ церквей и монастырей наибольшимъ великолѣпіемъ отличались: церковь св. Георгія, церковь св. Николая въ Топлицѣ, храмъ Пресвятой Богородицы, другая церковь св. Николая на рѣкѣ Ибарѣ и монастырь Студеницкій, гдѣ хранятся его мощи. Благочестивая щедрость его достигала Іерусалима и Рима, куда онъ посылалъ деньги на украшеніе храмовъ. Кромѣ всего этаго, современники хвалятъ его, какъ неутомимаго и строгаго преслѣдователя Патеранской ереси, которая развившись изъ Богомильской, распространилась съ необыкновенной быстротой въ Сербскихъ земляхъ еще въ началѣ XII ст. [2]). Неизвѣстно въ какой формѣ выражались эти преслѣдованія, ограничивались ли онѣ изгнаніемъ еретиковъ

[1]) Майковъ, Исторія сербскаго языка.
[2]) Голубинскій, Очеркъ исторіи правосл. церквей.

или болѣе суровыми мѣрами, но достовѣрно лишь то, что преслѣдованіе далеко не увѣнчалось успѣхомъ, котораго ожидалъ Неманя. Быть можетъ въ округахъ ближайшихъ къ столичному городу, ересь была уничтожена; что же касается остальныхъ Сербскихъ земель, и въ особенности Босніи, то Патеранская ересь держалась здѣсь до XIV в. включительно, судя по перепискѣ папъ съ сербскими правителями о мѣрахъ къ искорененію зловреднаго ученія, которое перейдя на югъ Франціи пріобрѣло столь громкую извѣстность подъ именемъ Альбигойской ереси. Послѣ утвержденія турецкаго владычества въ Иллирикѣ, прекращаются свѣдѣнія о Патеранской ереси, а потому существуетъ предположеніе, что Патеране, ради сохраненія своего имущественнаго положенія, приняли исламъ, а часть быть можетъ присоединилась къ католической церкви. Можно впрочемъ усомниться въ правдоподобіи этого предположенія, такъ какъ изъ него выходитъ, что Патеранская ересь представляла собою исключительно протестъ противъ византійскаго православія, между тѣмъ какъ это было самостоятельное религіозное ученіе, построенное на дуалистическомъ началѣ и столь же противное какъ византійскому православію, такъ и католицизму и исламу. А потому вѣрнѣе допустить, что само оно пало въ силу своей внутренней несостоятельности. Исполненная трудной работы жизнь Стефана Немани утомила его и физически и умственно. Онъ захотѣлъ отдохнуть и посвятить себя тихой жизни монастырской, въ чемъ не остался безъ вліянія на него и примѣръ младшаго его сына Растько, убѣжавшаго на Аѳонъ и постригшагося тамъ подъ именемъ Саввы. Оставивъ престолъ старшему своему сыну Стефану Первовѣнчанному, онъ 25-го марта 1195 года постригся въ Студеницкомъ монастырѣ подъ именемъ Симеона. Чрезъ два года онъ предпринялъ благочестивое путешествіе на Аѳонъ и здѣсь, къ величайшему своему огорченію, засталъ построенную его предками Хилендарскую обитель въ развалинахъ. Стефанъ тотчасъ же извѣстилъ объ этомъ сына своего, великаго жупана сербскаго, прося высылки денегъ на возобновленіе обители. Деньги конечно были посланы, потекли изъ Сербіи и добровольныя пожертвованія, такъ что въ теченіе короткаго времени, еще при жизни Немани,—который умеръ въ 1200 г.,—обитель была возстановлена въ болѣе великолѣпномъ видѣ, чѣмъ прежняя и стала называться Сербскою Лаврою. По просьбѣ Саввы, который дважды побывалъ въ Константинополѣ и лично видался съ императоромъ Алексѣемъ, Хилендарской обители дана грамота на обладаніе мѣстомъ, гдѣ находились развалины прежняго монастыря; онъ признанъ былъ независимымъ отъ Ватопеда и получилъ особаго настоятеля, назначеннаго самимъ императоромъ. Кромѣ того, обитель получила богатые дары отъ императора и щедро была обезпечена на будущее время въ матеріаль-

ныхъ средствахъ припискою къ ней нѣскольких селъ, виноградниковъ и назначеніемъ въ пользу его особыхъ доходныхъ статей. Въ 1200 г. Неманя умеръ; мощи его перенесены въ Студеницу.

Самъ нарушивъ обычное право старшинства, Стефанъ, имѣя трехъ сыновей: Стефана, Вукана и Растько (Савву), передалъ, какъ замѣчено выше, великожупанскій престолъ старшему изъ нихъ, Стефану, котораго вѣнчалъ на царство, а втораго, Вукана, получившаго въ удѣлъ Зету и Захлумье, только благословилъ. Этимъ положено было начало несогласіямъ и внутреннимъ раздорамъ въ родѣ Неманей. Немедленно послѣ смерти отца, Вуканъ возсталъ противъ старшаго брата, найдя, что тотъ чрезмѣрно проявляетъ свои самодержавныя права, относится къ нему, не какъ къ наслѣднику части отцовскаго достоянія, съ которымъ онъ воленъ поступать по своему желанію, а какъ къ простому временному правителю области. Впрочемъ, возсталъ онъ не только ради защиты своей независимости, но и для осуществленія болѣе обширныхъ замысловъ: прелесть самодержавія побуждала его искать великожупанскаго престола, сдѣлаться главой Сербскаго народа. Онъ сближается для этой цѣли съ братомъ венгерскаго короля, Андреемъ, который въ то время правилъ Хорватіею и Далматіею. Андрей, самъ мечтая о сербской коронѣ, охотно предложилъ свои услуги недовольному удѣльному князю, для усмиренія котораго Стефанъ вступилъ уже въ Захлуміе. Соединенными силами Вуканъ вытѣснилъ Стефана, заставилъ признать себя независимымъ удѣльнымъ княземъ и такимъ образомъ положилъ начало разъединенію Сербскихъ земель, которыя Неманя такъ искусно умѣлъ собрать.

Эта ссора не осталась безъ вліянія на церковныя дѣла. Мы уже говорили, какъ шатко было положеніе церкви въ Сербіи, какое разъединеніе проходило чрезъ всю исторію сербской церкви въ первые шесть вѣковъ по переселеніи Сербовъ, какъ часты были переходы отъ византійскаго православія къ римскому католицизму; мы уже замѣтили по этому поводу, что даже спеціалисты по исторіи церкви затрудняются опредѣлить какую церковь, Западную или Восточную, слѣдуетъ считать господствующею въ указанный нами періодъ, да и сами Сербы тогдашняго времени не могли бы категорически отвѣтить на этотъ вопросъ. Святой Савва, правда, ввелъ церковное единство и положилъ основаніе высшей духовной іерархіи [1]), но устойчивости сербской церкви несуждено было еще образоваться; традиція прошлаго еще живо сказывалась въ церковномъ положеніи Сербіи; переходы отъ Византіи къ Риму продолжались съ тѣмъ лишь различіемъ, что со времени св. Саввы они ограничивались болѣе или менѣе формальною стороною, т. е. признаніемъ главенства папы или константинопольскаго патріархата. Переходы эти

---

1) Kollay, Geschichte der Serben.

обусловливались личными династическими или вообще государственными соображеніями и выгодами [1]). Такъ поступили въ данномъ случаѣ Вуканъ и Стефанъ Первовѣнчанный: обѣ стороны обратились къ папѣ и просили помощи, предлагая за это признать главенство его надъ сербскою церковью. Стефанъ, прося королевскаго вѣнца, прямо называлъ папу своимъ духовнымъ отцомъ, выражая свою преданность римской церкви. Пока шли переговоры съ Римомъ, венгерскій король занялъ большую часть нынѣшней Сербіи и пріятеля своего Вукана посадилъ на великожупанскій престолъ, на которомъ онъ однакоже недолго продержался, такъ какъ патронъ его увлеченъ былъ въ войну съ Венеціанцами изъ за какого то города на Адріатическомъ побережьи. Оставшись при собственныхъ рессурсахъ, Вуканъ не могъ долѣе противиться брату, который попрежнему занялъ великожупанскій престолъ. Существуетъ впрочемъ разсказъ, что примиреніе между братьями устроилъ св. Савва, котораго ради этой цѣли Стефанъ поспѣшилъ вызвать изъ Аѳона. Тотъ прибылъ съ мощами отца и положилъ мощи въ Студеницкомъ монастырѣ. Для примиренія братьевъ онъ прибѣгнулъ къ чудесамъ, которыя такъ сильно на нихъ подѣйствовали, что враги тотчасъ же примирились. Младшій сынъ Стефана Немани Савва, въ мірѣ Растько, представляется крупнымъ дѣятелемъ въ устроеніи сербской церкви, которой онъ, въ видѣ самостоятельнаго національнаго учрежденія, положилъ и самое начало. Подобно своимъ братьямъ, Растько получилъ въ удѣлъ одну изъ сербскихъ областей, но недолго ему суждено было пользоваться мірскою властью. Случай свелъ его съ аѳоногорскими монахами, которые издавна держались обычая ходить по православнымъ землямъ для сбора доброхотныхъ даяній на украшеніе святогорскихъ храмовъ. Зная благочестивую щедрость Неманей, они усердно навѣщали Сербскія земли и такимъ образомъ увидѣли молодаго Растько. Въ яркихъ краскахъ изображали они ему святую подвижническую жизнь иноковъ на горѣ Аѳонѣ, и своими рѣчами такъ сильно подѣйствовали на душевное состояніе молодаго человѣка, что у того явилось непреодолимое желаніе идти за своими новыми наставниками. Дѣло стояло лишь за полученіемъ согласія отъ родителя; но на это расчитывать нельзя было, и быть можетъ сами монахи, которымъ чрезвычайно интересно было имѣть въ своей средѣ такого богатаго и несомнѣнно щедраго вкладчика, какимъ представлялся молодой сербскій князь, предусмотрительно указали молодому Растько на вѣроятный отказъ. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что онъ бѣжалъ тайно и прибывъ на Аѳонъ, помѣстился здѣсь въ Русскомъ Пантелеймоновомъ монастырѣ. Узнавъ объ этомъ, отецъ послалъ на Аѳонѣ отрядъ ратниковъ взять сына, если онъ добро-

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи правосл. церквей.

вольно не согласится подчинится волѣ родительской. Миссія не увѣнчалась успѣхомъ. Молодой Растько на-крѣпко опоилъ посланцевъ виномъ, а самъ, пользуясь ихъ безмятежнымъ сномъ, въ это время постригся подъ именемъ Саввы. Произошла великая ссора между монахами и отрезвившимися посланцами, которые боясь отвѣтственности предъ отцомъ, не хотѣли сразу уступить его сына; когда же однако тотъ самъ вступился въ ссору и, бросивъ имъ свою мірскую одежду, выразилъ свое непремѣнное желаніе остаться въ иночествѣ, посланцы ушли, принеся домой опечалившую родителя, родственниковъ и бояръ, вѣсть о постриженіи княжескаго сына.

Пробывъ нѣкоторое время въ Пантелеймоновомъ монастырѣ, Савва перешелъ въ Ватопедскій, гдѣ постриженъ былъ вторично въ великій образъ и затѣмъ, какъ извѣстно, еще при жизни своего отца, прибывшаго въ 1197 г. на Аѳонъ, на собранныя пожертвованія и съ разрѣшенія византійскаго императора, выбралъ Хилендарскій монастырь, который сталъ называться Сербскою Лаврою и, кромѣ того, построилъ въ Кареѣ (тоже на Аѳонѣ), для уединенныхъ подвиговъ своихъ, небольшой монастырь Пиргъ или Сахастарій. Въ 1200 г. Савва, по просьбѣ своего брата, привезя въ Сербію мощи ихъ родителя, нѣсколько лѣтъ оставался здѣсь въ качествѣ игумена построеннаго при его отцѣ Студеницкаго монастыря и въ это время заложилъ новый монастырь Жичю [1]). Здѣсь знакомясь съ положеніемъ сербской церкви, Савва пришелъ къ убѣжденію въ необходимости высшаго, самостоятельнаго для Сербіи церковнаго учрежденія, которое положило бы конецъ царившему до того разъединенію. Обстоятельства благопріятствовали осуществленію этой мысли. Византія, которая съ такимъ опасеніемъ и такъ недовѣрчиво относилась къ развитію національныхъ учрежденій въ южномъ славянствѣ, не существовала; на ея развалинахъ въ 1204 году возникла Латинская имперія. Но подобно тому, какъ рыцари основали независимыя мелкія государства,—возникло одновременно съ паденіемъ Византіи и нѣсколько Греческихъ имперій, основанныхъ родичами византійскихъ императоровъ. Такимъ образомъ явились имперіи: Никейская (Ѳеодора Ласкариса, 1204—1222), Трапезундская (Алексѣя, 1205—1217) и Эпирская (Михаила Комнина, 1204—1216). Государи ихъ находились не въ такомъ положеніи, чтобы продолжать вѣковую политику Византіи въ отношеніи къ славянству; они въ немъ искали теперь помощи противъ Латинянъ и готовы были на всевозможныя уступки, чтобы заручиться союзниками въ борьбѣ за существованіе

Этимъ ихъ положеніемъ, какъ мы видѣли, воспользовались Болгары, получившіе своего патріарха; этимъ же положеніемъ желалъ воспользо-

---

[1]) Голубинскій—Очеркъ исторіи прав. церкв.

ваться и Савва. Онъ обратился къ никейскому императору Ѳеодору Ласкарису и патріарху, который оставался въ Константинополѣ. Савва, прося объ учрежденіи архіепископской каѳедры для Сербіи, которая до этого времени имѣла лишь одного епископа, подчиненнаго константинопольскому патріарху и настаивая на независимости будущаго архіепископа сербскаго отъ патріархата, онъ выставилъ заслуги отца предъ православною церковью въ преслѣдованіи еретиковъ, которыхъ краль сербскій, по словамъ Саввы, совершенно изгналъ изъ Сербской земли; указывалъ также на враждебныя православію вліянія католицизма, которыя обусловливаются отсутствіемъ прочной церковной администраціи, и на необходимость въ архіепископѣ, который бы обучалъ народъ, утверждалъ его въ вѣрѣ и поставлялъ бы для него священниковъ и пастырей. Императоръ-изгнанникъ и патріархъ согласились на просьбу Саввы, быть можетъ и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, какъ разсказывается въ житіи св. Саввы. Первымъ архіепископомъ въ 1219 году посвященъ былъ самъ Савва, послѣ нѣкотораго съ его стороны колебанія. Императоръ, какъ разсказывается въ житіи, не хотѣлъ видѣть архіепископомъ никого иного, кромѣ Саввы, и тотъ согласился принять новый санъ. На основаніи данной при этомъ патріаршей грамоты, архіепископъ сербскій считается автокефальнымъ, т. е. независимымъ. Онъ избирается соборомъ сербскихъ епископовъ и обязанъ возносить имя вселенскаго патріарха при богослуженіи. Прибывъ въ Сербію чрезъ Аѳонъ и Солунь, Савва тотчасъ же принялся за устроеніе церковное. Прежде всего онъ раздѣлилъ страну на епархіи, поставилъ епископами преимущественно своихъ учениковъ, въ Захлуміи, Стонѣ Діоклейскомъ, Дебричѣ, Будимлѣ, Расѣ, Студеницѣ, Призренахъ, Граничѣ на Косовомъ полѣ, Топлицѣ, Браничовѣ, Бѣлградѣ и Моравицѣ. Въ это время, заложенный имъ монастырь Жичанскій былъ окончательно достроенъ и сдѣлавшись мѣстопребываніемъ архіепископской каѳедры, получилъ богатые вклады. Этой обители подарены были многія близлежащія села, а также села въ Ельцахъ, Хвостнѣ, Златинѣ, Діоклеѣ и Горской Жупѣ, съ заселками, плотинами и пашнями; подарены были также влахи и нѣсколько жупъ: Крушильница, Морава, Барчь, двѣ Лепеницы, Бѣлица, Лѣвочъ, Лугомиро, Рашна и Ольшаница, со всѣми при нихъ находящимися влахами; наконецъ множество священныхъ предметовъ и утварей. Церковныя владѣнія были освобождены изъ подъ власти придворнаго протопопа и людямъ церковнымъ даны были нѣкоторыя льготы. Значеніе храма возвышено тѣмъ, что отнынѣ въ немъ должны вѣнчаться всѣ будущіе короли и поставляться архіепископы, епископы и игумены [1]).

[1]) Майковъ, Исторія сербскаго языка.

Кромѣ названнаго монастыря, по его инціативѣ, построены были въ разныхъ мѣстахъ Сербіи много церквей и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ положены мощи, привезенныя Саввою при возвращеніи его домой изъ Аѳона; мощи эти должны были привлечь православныхъ посѣщать церкви и вообще развить религіозное настроеніе народа, въ которомъ католицизмъ и Патеранская ересь оставили свои слѣды. Зная религіозную шаткость не только въ средѣ міранъ, но и низшаго духовенства, которое по своей простотѣ не могло остаться свободнымъ отъ чужеземнаго вліянія, Савва созвалъ торжественный соборъ въ Жичанской обители изъ епископовъ, игуменовъ, священниковъ, діаконовъ и здѣсь произнесъ православное исповѣданіе вѣры съ поучительною цѣлью,—чтобы разъяснить большинству духовенства недоразумѣнія и отклоненія отъ истиннаго православія, вкравшіяся въ церковную жизнь; здѣсь же онъ указалъ на опасность, которая можетъ угрожать со стороны распространенія ереси Патеранской и на необходимость совокупнаго усердія въ дѣлѣ уничтоженія ея, лучшими средствами къ чему ведетъ твердое соблюденіе и храненіе православія, и въ заключеніе предалъ ее проклятію.

Если, по собственному признанію Саввы, въ это время на столько сильна была ересь, что требовала общаго наставленія духовенства о мѣрахъ къ уничтоженію ея, то значитъ увѣренія его, данныя императору въ томъ, что Стефанъ Неманя изгналъ изъ Сербіи еретиковъ, оказываются невѣрными, и по всей вѣроятности сдѣланы единственно съ цѣлью побудить императора, въ виду православнаго усердія сербскаго князя, даровать Сербіи самостоятельное церковное учрежденіе.

Усиливая составъ духовенства и поставляя священниковъ тамъ, гдѣ въ нихъ оказывался недостатокъ, Савва вмѣнялъ имъ въ обязанность наблюдать за исполненіемъ прихожанами христіанскихъ правилъ жизни и исправлять то, что прежде нарушалось или вовсе не исполнялось, относительно обрядовъ крещенія, брака и пр. Такъ какъ бракъ часто заключался безъ исполненія христіанскаго обряда и такимъ образомъ сводился, по понятіямъ православной церкви, къ простому сожительству, то приказано было вѣнчать такіе браки съ тѣмъ, чтобы, во время вѣнчанія дѣти, если таковыя уже были прижиты, стояли при родителяхъ.

Рядомъ съ этими церковными дѣлами, которыя поглощали большую часть дѣятельной жизни Саввы, онъ не оставался чуждымъ и государственныхъ интересовъ, или вѣрнѣе сказать, политическаго возвышенія рода Неманей.

Мы уже говорили, что самъ Стефанъ Неманя, поставляя старшаго своего сына Стефана великимъ жупаномъ сербскимъ,—младшаго сына Вукана только благословилъ. При всемъ этомъ, Стефанъ оставался

«великимъ жупаномъ», не имѣя королевскаго или княжескаго вѣнца, который могъ возвысить его въ глазахъ сосѣднихъ государей, хотя бы напр. венгерскаго и болгарскаго.

Потому-ли, что Византія отказала въ дарованіи сербскому великому жупану царскаго вѣнца, или по инымъ причинамъ, только Савва, въ своемъ усердіи къ возвеличенію могущества столь близкой ему династіи Неманей, обратился за королевскою короною къ Риму и при этомъ, подобно прежнимъ правителямъ Сербіи и Болгаріи, согласился на такой компромисъ, который противорѣчитъ всей его дѣятельности, какъ ревнителя православія. Онъ при этомъ самъ не вступалъ въ непосредственныя сношенія съ папою Гоноріемъ III, изъ опасенія вызвать открытое неудовольствіе противу себя и скомпрометировать свой санъ православнаго архіепископа, но мысли о сближеніи съ Римомъ онъ внушилъ брату своему Стефану, который уже непосредственно отнесся къ папѣ съ граматою. Въ ней Стефанъ говоритъ, что «какъ всѣ христіане любятъ и чтутъ Васъ и считаютъ отцомъ и господиномъ, такъ и мы желаемъ именоваться вѣрнымъ сыномъ святой римской церкви и Вашимъ». Конечно, Стефанъ, для котораго благочестивый братъ казался непогрѣшимымъ авторитетомъ и уже при жизни дѣлалъ чудеса, чѣмъ несомнѣнно доказывалъ свою святость,—конечно великій жупанъ сербскій не рѣшился бы сдѣлать такого важнаго шага, не посовѣтовавшись съ Саввою, тѣмъ болѣе, что самое дѣло,—признаніе главенства папы,—входило въ сферу церковной жизни, т. е. въ такой кругъ, гдѣ самымъ компетентнымъ судьей былъ конечно Савва. Поэтому нельзя допустить, чтобы дѣло это начато было незавѣдомо отъ Саввы, и мы думаемъ, что въ виду того вліянія, которое онъ имѣлъ на брата, иниціатива этихъ переговоровъ и этихъ уступокъ католицизму принадлежитъ ему, Саввѣ. Въ чемъ въ частности заключались уступки, намъ неизвѣстно, такъ какъ, по всей вѣроятности, изъ опасенія огласки, инструкціи посланцамъ къ папѣ переданы были словесно; но что они были удовлетворительны съ точки зрѣнія римскаго первосвященника, видно изъ того, что онъ послалъ Стефану желанную королевскую корону, которою тотъ былъ вѣнчанъ вторично.

Но и это второе вѣнчаніе не могло удовлетворить честолюбивымъ видамъ Саввы: *во-первыхъ*, оно имѣло вѣсъ лишь въ глазахъ латинскаго Запада; *во вторыхъ*, подчиненіе православной страны римской церквѣ казалось такою аномаліею, которая хотя и вызвана была насущными, по мнѣнію Саввы, государственными интересами, но не могла быть долго терпима, такъ какъ она сама по себѣ должна была повести къ разложенію государственнаго строя, на организацію котораго потрачено было столько трудовъ. Все это заставило Савву обратиться къ

Византіи, т. е. собственно не къ ней, потому что ея не существовало, а къ никейскому императору Θеодору Ласкарису. Тотъ былъ не въ такомъ положеніи, чтобы препираться о такихъ мелочахъ, какъ дарованіе сербскому великому жупану царскаго вѣнца; его заботилъ болѣе существенный и важный вопросъ: возродится ли Византійская имперія, или же она окончательно будетъ поглощена Латинскимъ государствомъ. Въ борьбѣ съ этимъ послѣднимъ такіе союзники, какъ Сербы и Болгары, очень могли пригодиться, а потому не подобало раздражать ихъ правителей отказомъ въ такихъ требованіяхъ, которыя пока нисколько не умаляли монархическихъ прерогативъ его, — никейскаго императора. Царскій вѣнецъ былъ врученъ Саввѣ, и тотъ, по возвращеніи, самъ вѣнчалъ своего брата этимъ вѣнцомъ. Такимъ образомъ Стефанъ вѣнчанъ былъ три раза. Но все же Стефанъ считается Первовѣнчаннымъ на томъ основаніи, что онъ первый вѣнчался на государство, первый принялъ званіе короля.

Это третье вѣнчаніе князя сербскаго, совпадающее съ 1220 г., было послѣднимъ актомъ мірской дѣятельности Саввы. Передавъ архіепископскую каѳедру ученику своему, бывшему намѣстникомъ въ Жичанскомъ монастырѣ, Арсенію, и взявъ съ собою много богатства, Савва предпринялъ продолжительное путешествіе [1]).

Прежде всего, черезъ Діоклею, на кораблѣ онъ отправился въ Іерусалимъ, оттуда въ Александрію; въ Египтѣ посѣтилъ Θивы и другія достопримѣчательныя мѣста, какъ напр. Синайскую гору, одаряя монастыри и церкви; изъ Египта вновь поѣхалъ въ Іерусалимъ, оттуда въ Антіохію и Арменію. На пути онъ пріобрѣталъ для своей страны мощи, за которые вносилъ большіе вклады; также въ отношеніи пріобрѣтенія мощей поступалъ онъ и на обратномъ своемъ пути въ Константинополь, не жалѣя матеріальныхъ средствъ для пріобрѣтенія своей странѣ духовныхъ сокровищъ, въ которыхъ она, по мнѣнію св. Саввы, очень нуждалась. Неизвѣстно только, какая судьба постигла всѣ эти, пріобрѣтенныя Саввою, мощи; доставлены ли они были въ Сербію, или нѣтъ? Самъ онъ ихъ не могъ привезти, потому что на обратномъ пути чрезъ Болгарію, въ городѣ Тырновѣ, 12 янв. 1235 г. умеръ. Очень можетъ быть, что ими воспользовался Іоаннъ Асѣнь Болгарскій, который также радѣлъ о церковномъ дѣлѣ своей страны. Мощи же самого св. Саввы перенесены были впослѣдствіи въ Сербію и положены въ Милишевѣ монастырѣ; въ концѣ XVI ст. онѣ сожжены были Турками.

Такъ какъ съ именемъ Саввы связано устроеніе сербской церкви и такъ какъ созданное имъ высшее церковное учрежденіе продолжало безъ

---

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи пр. ц.; Майковъ, Исторія сербскаго языка.

всякаго почти измѣненія существовать до 2-ой четверти XIV ст., то чтобы закончить очеркъ исторіи сербской церкви въ періодъ предшествующій Стефану Душану, мы скажемъ нѣсколько словъ, какъ объ отношеніи Византіи къ сербской церкви, такъ и о церковномъ устройствѣ Сербіи и ея высшей церковной іерархіи.

Что касается отношеній греческаго духовенства къ Сербіи, то эта страна никогда не испытывала такого духовнаго давленія Византіи, какъ соплеменная ей Болгарія [1],—что объясняется, какъ относительною отдаленностью Сербіи отъ столицы имперіи вообще, такъ и въ частности столкновеніемъ въ Иллирикѣ греческаго вліянія съ латинскимъ. Затѣмъ со времени Неманей хотя православію въ Иллирикѣ данъ былъ рѣшительный перевѣсъ и мимолетныя сношенія съ Римомъ, при Стефанѣ Первовѣнчанномъ, не вызвали никакихъ внутреннихъ смутъ въ церковной жизни, которая продолжала развиваться на началахъ византійскаго православія, но духовное вліяніе Византіи при указанныхъ выше внѣшнихъ условіяхъ никогда не могло сдѣлаться столь сильнымъ, какъ въ Болгаріи. Мы видѣли, что Савва поставилъ епископами своихъ учениковъ, въ числѣ которыхъ не упоминается не одного Грека. Что касается богослуженія, оно совершалось на національномъ языкѣ, и въ школахъ, основанныхъ при церквахъ, преподаваніе происходило на томъ же языкѣ. Не отразилось греческое вліяніе,—по крайней мѣрѣ въ такой степени какъ въ Болгаріи,—и на такъ-называемыхъ интеллигентныхъ классахъ народа. Люди этаго класса не страдали грекоманіею, подобно тому, какъ это было въ Болгаріи, и никому здѣсь не приходило въ голову тщеславиться греческимъ образованіемъ, за то національное развитіе народа шло дружнѣе, и народъ никогда не доходилъ до такой степени подавленности и потери вѣры въ собственныя силы, какъ Болгарскій народъ; общая потребность національной независимости пробудилась въ немъ раньше, чѣмъ въ Болгарскомъ народѣ.

Правда, эта слабая связь съ Византіею, между прочимъ, имѣла своимъ послѣдствіемъ относительную бѣдность сербской литературы, сравнительно съ болгарскою; но мы видѣли какимъ пустоцвѣтомъ въ отношеніи національнаго развитія Болгарскаго народа разрѣшился «блестящій вѣкъ Симеона», вредно напротивъ отразившійся на самодѣятельности народнаго самосознанія: цѣлая библіотека греческихъ книгъ, появившихся въ переводѣ на болгарскомъ языкѣ, или вѣрнѣе сказать, на старославянскомъ, осталась мертвымъ капиталомъ въ умственной жизни народа. Сербскому народу нѣтъ надобности скорбѣть

[1]) Kanitz, Serbien, изд. 1868 г.

о бѣдности его древней литературы; онъ за то въ большей чистотѣ сохранилъ свою національность.

Основаніе самостоятельной церкви сербской положилъ св. Савва, который ввелъ и епархіальное дѣленіе страны, подчинивъ всѣ епархіи архіепископу, который совмѣщалъ въ себѣ высшую церковную власть. Въ началѣ учреждено было 12 епархій, число которыхъ г. Голубинскій уменьшаетъ до 8. Какъ бы то ни было, но въ послѣдующее время число епархій увеличилось по мѣрѣ расширенія предѣловъ Сербіи, хотя, какъ и въ отношеніи Болгаріи было замѣчено, территоріальное распространеніе церкви не всегда совпадало съ распространеніемъ границъ государства.

Ко времени Стефана Душана, т. е. къ XIV ст., всѣхъ епископскихъ каѳедръ насчитывалось 17 [1]), не считая одной архіепископской каѳедры, которая находилась сначала въ Жичанскомъ монастырѣ (на правомъ берегу р. Ибара, недалеко отъ впаденія ея въ Мораву), построенномъ Саввою, а потомъ въ Печскомъ монастырѣ (въ г. Ипекѣ) на рѣчкѣ Быстрицѣ, впадающей въ Бѣлый Дринъ).

---

[1]) Голубинскій, Очерки исторіи прав. церквей, стр. 460—472.

ГЛАВА XVII.

Внутреннія смуты въ Сербіи и завоевательная политика сербскихъ кралей тормозятъ объединительную миссію Сербіи въ Иллирикѣ.

1. Вступленіе каждаго сербскаго краля на престолъ сопровождается внутренними смутами. 2. Уримъ I, отношенія его къ Дубровницкой республикѣ и Болгаріи. 3. Греческое посольство въ Сербіи. 4. Милутинъ пользуется положеніемъ Византіи для территоріальныхъ пріобрѣтеній. 5. Сношенія съ Римомъ по поводу Венгріи. 6. Сербскій краль вступаетъ въ католическую лигу для возстановленія Латинской имперіи. 7. Вліяніе греческой партіи вызываетъ неудовольствіе въ средѣ сербскихъ бояръ. 8. Стефанъ Дечанскій продолжаетъ традиціонную политику сербскихъ кралей по отношенію къ Риму. 9. Какъ духовенство и народъ относились къ церковной политикѣ сербскихъ кралей.

Сербія во второй половинѣ XIII столѣтія готовилась казалось сдѣлаться политическимъ центромъ славянскихъ народностей Балканскаго полуострова. Многое тому благопріятствовало: Византійская имперія, едва возстановленная на развалинахъ Латинскаго государства, занята была болѣе религіозными, чѣмъ государственными вопросами; Болгарія вступала въ періодъ анархіи; въ Венгріи происходила ожесточенная борьба сильнаго сословія магнатовъ съ королевскою властью, пока Габсбурги XVI ст. не наложили своей руки на эту страну; Боснія, Захлумія, Діоклея и другія мелкія славянскія земли Иллирика не выработали еще никакого опредѣленнаго типа политической жизни, и какъ бы тяготясь самостоятельностью, умудрились подпасть зависимости Итальянцевъ, Нѣмцевъ и Мадъяръ. Словомъ, внѣшняго врага могущественнаго не было у Сербіи. Но къ несчастію для Сербіи византійскій цезаризмъ проникъ и въ эту маленькую страну. Правители Сербскаго народа, подобно византійскимъ императорамъ, усвоили взглядъ ставить превыше всякихъ общихъ національныхъ интересовъ свою личную погоню за властью, или свои личные интересы: ради этихъ послѣднихъ, они предпринимаютъ ненужныя завоеванія, чтобы покрыть себя военною славою, которая, какъ извѣстно, такъ легко ослѣпляетъ глаза толпы, отводя, хотя на короткое время, вниманіе отъ вопросовъ ея внутренней жизни.

Рядомъ съ этими ненужными завоеваніями погоня за властью вызываетъ внутреннюю усобицу, которая разоряетъ страну, тормозитъ культурное развитіе народа и вноситъ въ него разлагающую апатію къ общимъ національнымъ интересамъ. Внутреннія смуты изъ-за погони къ власти открываются вскорѣ послѣ смерти Стефана Первовѣнчаннаго (1224 г.).

Онъ оставилъ четырехъ сыновей: Родослава, Владислава, Уроша и Предислава, принявшаго иноческій санъ и сдѣлавшагося архіепископомъ, подъ именемъ Саввы II.

На престолъ вступилъ старшій сынъ Родославъ. Пользуясь царившею въ то время на Балканскомъ полуостровѣ анархіею, Родославъ дѣлаетъ удачныя завоеванія въ Сѣверо-западной Болгаріи и въ областяхъ бывшей Византіи, а при содѣйствіи правителей Босніи отнимаетъ у Венгріи Срѣмъ, область составляющую уголъ между Дравой и Савой. Но не прошло и шести лѣтъ со времени вступленія его на престолъ, какъ въ Сербіи начались внутреннія смуты, вызванныя притязаніемъ его брата Владислава, который воспользовался распространившимися слухами о слабоуміи сербскаго краля. Около претендента сгруппировалась сильная партія бояръ, которые открыто высказывали намѣреніе поставить королемъ Владислава, какъ человѣка способнѣйшаго, чѣмъ его братъ. Родославъ испугался и бѣжалъ искать помощи въ Драчъ (Дураццо), а оттуда въ Дубровникъ-городъ, куда и прежде уходили изгнанные Сербіей князья или претенденты. Родославъ согласился, не безъ вліянія св. Саввы [1]), отречься отъ міра сего и постричься въ монахи въ 1230 г. Впрочемъ, какъ вообще хронологія въ исторіи Славянства сильно хромаетъ и разные писатели относятъ одно и то же событіе къ различнымъ годамъ, такая же путаница происходитъ и здѣсь. По однимъ, Родославъ отрекся отъ престола въ 1230, а по другимъ въ 1234 г. Мы склоняемся принять первое число, на томъ основаніи, что Владиславъ былъ вѣнчанъ Саввою, а между тѣмъ послѣдній въ 1233 г. покинулъ Сербію и уже обратно не возвращался, стало быть не могъ вѣнчать своего племянника Владислава на государство въ 1234 г. Сознавая въ началѣ свое положеніе недостаточно прочнымъ, такъ какъ въ Сербіи несомнѣнно оставалась партія бывшаго князя и стало быть во всякомъ случаѣ недовольная новымъ, Владиславъ, только что занявшій престолъ, заключилъ договоръ съ Дубровникомъ, требуя отъ Дубровничанъ помощи и выговоривъ себѣ безопасный пріютъ въ ихъ городѣ, въ случаѣ бѣгства изъ Сербіи. Заручившись этимъ союзомъ, Владиславъ обратилъ дѣятельность свою на подавленіе внутреннихъ смутъ, усмирилъ возстаніе

---

[1]) Раичъ, ч. III.

въ Сѣверной Албаніи и въ нѣсколькихъ южныхъ городахъ съ греческимъ населеніемъ.

Наиболѣе важна его внутренняя дѣятельность, направленная къ разработкѣ естественныхъ богатствъ страны. До него, въ Сербіи была въ обращеніи иностранная звонкая монета греческая, венгерская или венеціанская; вообще, металлы Сербы получали изъ-за границы, хотя извѣстно было, что въ странѣ ихъ должны быть металлическіе рудники, которые, за неимѣніемъ техниковъ, оставались неразработанными. Владиславъ рѣшился воспользоваться естественными богатствами своей страны и для разработки ихъ выписалъ изъ Германіи людей, свѣдущихъ въ рудокопномъ дѣлѣ. Ожиданія его оправдались. Въ такъ-называемыхъ «Рудниковскихъ горахъ», въ Крагуевацкомъ округѣ, открыта богатая серебряная и мѣдная руда, и Владиславъ сталъ маленькимъ Крезомъ въ средѣ своихъ сосѣдей Венгровъ, Болгаръ и Адріатическихъ республикъ [1]. Къ сожалѣнію, пріобрѣтенное богатство получило слишкомъ одностороннее назначеніе: оно расходовалось на построеніе церквей и ничего не было истрачено на образованіе народа. Послѣднее, во всякомъ случаѣ, было бы болѣе прочнымъ памятникомъ его дѣятельности и не могло бы быть такъ легко уничтожено Турками, какъ церкви и монастыри, которые или обращены въ развалины, или же на столько разорены во время турецкихъ погромовъ, что лишь слабо напоминаютъ прежнее свое величіе. Владиславъ занималъ престолъ по 1237 г., когда былъ вытѣсненъ своимъ братомъ Урошемъ I, который очень легко склонилъ на свою сторону Дубровничанъ, усвоившихъ отъ Венеціанцевъ способность изъ-за денежныхъ интересовъ мѣнять дружбу и отказываться отъ своихъ обѣщаній. Правленіе Уроша I, прозваннаго Великимъ, мирное въ отношеніи къ Грекамъ и Болгарамъ, ознаменовано довольно крупными недоразумѣніями съ Дубровникомъ. Городъ этотъ съ округомъ составлялъ республику, находившуюся подъ покровительствомъ Венеціанцевъ и въ то же время состоялъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ сербскимъ кралямъ, которыя выражались въ платежѣ извѣстной суммы. По всей вѣроятности, въ торговыхъ договорахъ между Дубровникомъ и сербскими кралями оставались статьи, которыя давали сербскому кралю возможность дѣлать прижимки, въ смыслѣ увеличенія пошлинъ или стѣсненія торговыхъ правъ Дубровничанъ; по крайней мѣрѣ, въ этомъ послѣднемъ корыстолюбіи Уроша нѣкоторые видятъ причину неудовольствія Дубровничанъ. Какъ народъ торговый и, стало быть, вообще мало расположенный разрѣшать распри путемъ оружія, Дубровничане предпочли дипломатическимъ способомъ отстоять свои права и для этого обратились къ

---

[1]) Раичъ, ч. III.

посредничеству Венеціи [1]). Они желали отправить своего князя Георгія ко двору краля, полагая, что князь, какъ родственникъ венеціанскаго дожа, успѣетъ склонить краля къ необходимымъ уступкамъ. Но миссія эта не состоялась: Георгій не рѣшился отправиться къ Урошу, вслѣдствіе нежеланія Венеціанцевъ, которые находили опасною для своего патронатства дружбу славянскаго Дубровника съ Сербіею. Тогда Дубровничане обратились къ болгарскому царю Михаилу Асѣню, съ которымъ заключили 15 іюня 1253 г. наступательный и оборонительный союзъ противъ Сербовъ. Въ силу этого договора, Дубровничане и Болгары должны въ отношеніи къ Сербамъ дѣйствовать вполнѣ согласно, т. е. вести съ ними войну или находиться въ мирѣ. Въ случаѣ войны, Дубровничане обязываются поставить въ распоряженіе болгарскаго царя флотъ и сухопутное войско. Если верхъ одержатъ союзники, то Дубровничане не должны, въ случаѣ бѣгства сербскаго краля, давать въ ихъ городѣ убѣжища ни кралю, ни брату его Стефану-Владиславу; за то (на случай упраздненія сербскаго престола) царь болгарскій обязывается подтвердить всѣ торговыя привиллегіи и политическія права Дубровника; болгарскіе купцы въ Дубровникѣ, а дубровницкіе въ Болгаріи отнынѣ должны пользоваться одинакими торговыми правами и привиллегіями. Къ этому союзу 22 мая 1254 года примкнулъ и Родославъ, захлумскій жупанъ. Такимъ образомъ противъ сербскаго краля готовилась довольно серьезная коалиція, которая угрожала независимости Сербіи. Къ счастью, однако же, Михаилъ Асѣнь увлеченъ былъ въ войну съ никейскимъ императоромъ Θеодоромъ Ласкарисомъ, предшественники котораго, пользуясь безурядицей, господствовавшею на Балканскомъ полуостровѣ съ 1204 г., когда въ предѣлахъ Латинской имперіи образовалось множество отдѣльныхъ политическихъ владѣній, несвязанныхъ общимъ центромъ, успѣли захватить нѣсколько городовъ въ Родопскихъ горахъ и завоевали большую часть Македоніи.

Теперь Михаилъ Асѣнь, сестра котораго была замужемъ за Θеодоромъ Ласкарисомъ, получивъ обѣщаніе со стороны нѣсколькихъ воеводъ болгарскихъ примкнуть къ нему съ сильными отрядами, рѣшился оттягать отъ своего шурина Македонію, въ чемъ и успѣлъ, благодаря измѣнѣ одного изъ главныхъ греческихъ военачальниковъ, родомъ Болгарина, Драгоша. Эта война, а затѣмъ и смерть самого Михаила Асѣня, который въ 1257 году былъ убитъ возмутившимися тырновскими гражданами, отклонили отъ Уроша грозившую ему опасность; между Дубровничанами и Урошемъ 23 августа 1254 г. заключенъ былъ миръ. Въ ознаменованіе мира, Урошъ далъ Дубровничанамъ грамоту, которая

---

[1]) Майковъ, Исторія сербскаго языка.

освобождала ихъ купцовъ отъ всѣхъ земскихъ повинностей въ Сербіи и отъ всѣхъ притязаній, дозволяя свободно производить торговлю по всему королевству съ платою условленной суммы. Дубровничане съ своей стороны обязались оказывать ему должную почесть, какую оказывали его дѣду и отцу; отдать всѣ тѣ земли, которыя по суду окажутся королевскими; судить его подданныхъ не иначе, какъ при сербскомъ судьѣ; оказывать должное удовлетвореніе; немедленно возвратить всю плѣнную челядь и сдерживать всякія враждебныя покушенія проживающихъ въ ихъ городѣ враговъ Сербіи. Любопытно, что въ этомъ, какъ и въ другихъ договорахъ между Дубровникомъ и сербскими кралями повторяется всегда одна и та же оговорка—объ обязанности Дубровничанъ доставлять убѣжище сербскому кралю, на случай его бѣгства,—оговорка, которая указываетъ на весьма шаткое положеніе сербскихъ государей, обусловливаемое живучестью въ Сербскихъ земляхъ федеративнаго начала. Предусмотрительность Уроша оправдалась. Смуту на этотъ разъ поднялъ собственный сынъ его Драгутинъ—отъ брака Уроша съ дочерью латинскаго царя Балдуина II, Еленою. Урошъ женилъ этого своего сына на дочери венгерскаго короля, Екатеринѣ и сдѣлалъ большую ошибку. Драгутинъ, подъ вліяніемъ жены своей, сталъ слѣпымъ орудіемъ честолюбивыхъ стремленій венгерскаго короля, который, при посредствѣ своего зятя, казавшагося ему человѣкомъ безхарактернымъ, слабымъ, думалъ прибрать Сербію въ свои руки; да и кромѣ того, энергическая личность сербскаго краля казалась опасною сюзеренымъ притязаніямъ Венгріи на Сербскія земли. Что послужило поводомъ къ ссорѣ между отцомъ и сыномъ, которая повела къ открытымъ враждебнымъ дѣйствіямъ между ними, остается неизвѣстнымъ, потому что нельзя на-слово повѣрить разсказамъ составителя «Родослова», архіепископа сербскаго Даніила II, когда онъ говоритъ, что Урошъ I обѣщалъ Драгутину уступить еще при жизни своей престолъ, что на напоминаніе сына (послѣ вступленія въ бракъ съ венгерскою принцессою) Урошъ отвѣтилъ отказомъ, что сынъ нѣсколько разъ умолялъ родителя исполнить обѣщаніе, что только послѣ неоднократныхъ тщетныхъ попытокъ, онъ обратился къ тестю своему, венгерскому королю, «возвѣстить свою печаль и скорбь свою». Какъ справедливо предполагаетъ Раичъ, разсказъ этотъ сочиненъ Даніиломъ, желавшимъ смягчить и оправдать далеко не сыновнія отношенія Драгутина къ отцу, въ угоду сыну, милостями котораго онъ согрѣвался; да и вообще Даніилъ въ своемъ «Родословѣ», говоря о сербскихъ государяхъ, очевидно старается сгладить все, что заключается слишкомъ рѣзкаго и компрометирующаго въ ихъ личныхъ дѣйствіяхъ, прикрывая разсказъ чрезмѣрною лестью и прибѣгая для этаго къ подтасовкѣ фактовъ.

Венгерскій король, выслушавъ жалобы своего зятя, очень близко принялъ къ сердцу его обиду и постарался сочувствіе свое доказать на дѣлѣ. Король далъ ему войско, которое Драгутинъ повелъ въ Захлумію; онъ не рѣшился напасть на отца въ собственной Сербіи, по нѣсколькимъ причинамъ: *во первыхъ*, здѣсь у отца его могло быть больше войска, чѣмъ у него; *во вторыхъ*, здѣсь его неблаговидныя дѣйствія, какъ сына, происходили бы такъ сказать болѣе непосредственно на глазахъ собственно Сербскаго народа, въ средѣ котораго Урошъ безъ сомнѣнія имѣлъ сильную партію, которая могла бы за него постоять и уронить претендента въ общественномъ мнѣніи, уже тѣмъ, что онъ вводитъ въ отечество свое непріятельское войско, въ которомъ видную часть составляли куманы, отличавшіеся своими хищническими набѣгами; *въ третьихъ*, въ Захлуміи, которая въ описываемое время находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Венгріи, онъ разсчитывалъ найти себѣ союзника въ лицѣ ея жупана; да и со стороны народа онъ, по меньшей мѣрѣ, не опасался встрѣтить противодѣйствія, такъ какъ Захлумія (Герцеговина) вообще очень слабо тянула къ собственной Сербіи, очень смутно сознавала національное единство съ нею. Войска противниковъ встрѣтились вблизи Гацко, городка, находящагося въ Восточной Герцеговинѣ, у рѣки Моравицы. Урошъ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ въ Драчъ (1272). Дубровничане, испуганные успѣхами претендента, отреклись отъ принятаго ими обязательства дать убѣжище сербскому кралю, иначе зачѣмъ было искать ему отдаленнаго убѣжища на Албанскомъ побережьѣ. На престолъ вступилъ въ томъ же году Стефанъ Драгутинъ, наименовавъ себя «Благочестивымъ, Самодержавнымъ всей Сербской, Поморской, по-Дунайской и Срѣмской земли кралемъ».

Продолжительное время правленія Уроша I, за исключеніемъ послѣднихъ смутъ, которыя для него такъ несчастливо окончились, было вообще спокойно въ отношеніи къ сосѣдямъ. Самъ онъ не отличался воинственнымъ задоромъ, а сосѣди были заняты своими ближайшими интересами, чтобы тревожить Сербію. На Венгрію въ это время нахлынула Татарская орда, которая какъ ураганъ пронеслась чрезъ Новороссію, врѣзалась въ Дунайскія страны и наиболѣе компактною массою наводнила Венгрію съ тѣмъ, чтобы потомъ броситься на правый берегъ Дуная. Болгарія вступила въ періодъ распаденія; въ разныхъ углахъ ея стали появляться претенденты на царскую корону, которые своими разношерстыми шайками грабили страну. Византійская имперія въ 1262 году, хотя и была возстановлена, но дворцовыя революціи и своеволія наемныхъ войскъ отвлекали ея вниманіе отъ внѣшнихъ дѣлъ. Вообще событія сложились для Сербіи въ смыслѣ благопріятномъ для сохраненія въ этой странѣ мира, и если бы Урошъ I дѣйствительно

былъ выдѣляющимся государемъ, подобно Стефану Неманю, то при указанныхъ условіяхъ, онъ имѣлъ бы полную возможность завершить начатое Неманей дѣло. объединенія Сербіи и создать сильное Славянское государство. Но въ немъ не доставало ни смѣлости, ни твердости воли, ни вообще способностей, необходимыхъ государственному человѣку. Продолжительно было его правленіе, почти около 40 лѣтъ (1237—1272), а между тѣмъ, кромѣ постройки нѣсколькихъ церквей, онъ ничего не сдѣлалъ для страны, оставивъ ее такою же разъединенною, какъ и принялъ. Да и могъ ли на такую работу рѣшиться человѣкъ, который уже въ первые годы своего правленія хлопочетъ о прiисканіи убѣжища на случай бѣгства, а затѣмъ при первомъ же взрывѣ возстанія бросаетъ государство и скрывается подъ защиту Драчскихъ горожанъ. Даже въ частной жизни онъ ничѣмъ не выдавался изъ толпы и, что впрочемъ дѣлаетъ ему честь, дворъ его своею скромною обстановкою не отличался отъ обыкновеннаго хозяйства зажиточныхъ людей, къ немалому удивленію блестящей свиты греческой принцессы, которую готовились выдать замужъ за второго сына Уроша, Милутина. Дурное впечатлѣніе, произведенное этою внѣшнею обстановкою на свиту, кажется было одною изъ причинъ, по которымъ бракъ не состоялся.

Михаилу Палеологу очень хотѣлось породниться съ сербскимъ княземъ; на него онъ расчитывалъ, какъ на союзника въ предстоявшей борьбѣ съ латинскимъ Западомъ,—борьбѣ, которую затѣвалъ Римъ. Императоръ предложилъ выдать младшую дочь свою Анну за Милутина; отецъ, сербскій краль, согласился и брачный договоръ былъ заключенъ. Въ сопровожденіи патріарха и блестящей свиты, невѣста отправилась къ своему жениху. На пути изъ Берхая къ Урошу, въ качествѣ пословъ, отправились Іоаннъ Хартофалаксъ и троянопольскій епископъ Кадуменъ, изъ коихъ первому поручено было въ особенности ознакомиться съ обычаями и характеромъ народа, съ его образомъ жизни, даже съ нарядами. Конечно, все это изученіе народа въ столь короткій промежутокъ времени должно быть принято въ самомъ ограниченномъ смыслѣ слова и относиться къ жизни двора и высшихъ классовъ. И кого въ то время интересовалъ народъ и его домашняя жизнь, а тѣмъ менѣе этимъ могли интересоваться византійскій дворъ и сопровождавшая греческую принцессу свита. Но кромѣ этихъ эстетическихъ наблюденій, на пословъ возложена обязанность болѣе насущная для Византіи «провѣдать каковъ чинъ государства» [1]: на столько ли оно солидно и прочно, чтобы стоило доискиваться дружбы съ его представителемъ. Конечно, посланцы не многое узнали, но впрочемъ

[1]) Раичъ, ч. III; Kollay, Geschichte der Serben.

были крайне огорчены доходившею, по ихъ мнѣнію, до цинизма простотою и неряшливостью придворной обстановки сербскаго краля. Они нашли «что у краля все простое, старинное, сельское; что трапезный столъ ничѣмъ не украшается, въ кушаньяхъ нечистота, между слугами никакого порядка, за столомъ ѣдятъ неприлично и нагло». Возвратившись въ мѣсто стоянки свиты, они передали свои впечатлѣнія прежде всего патріарху, а потомъ подѣлились и съ другими. Всѣ были крайне смущены этимъ открытіемъ и въ свитѣ явилось даже опасеніе, чтобы ее не ограбили въ странѣ, государь которой своею домашнею обстановкою жизни такъ мало выдѣляется изъ народа. Чѣмъ дольше они обдумывали дальнѣйшее свое путешествіе и возможныя его послѣдствія, тѣмъ болѣе сталъ имъ представляться этотъ народъ варварскимъ, чуждымъ общепринятыхъ приличій и даже стыда. Не желая подвергать невѣсту опасности дальнѣйшаго путешествія, ее оставили при незначительной части свиты въ Охридѣ, а остальная часть пошла дальше. Въ м. Липень явился посланный отъ краля Уроша, нѣкто Георгій; зашла рѣчь о подробностяхъ брачнаго договора, которыя предоставлено было установить по словесному соглашенію; начались взаимныя придирки и попреки, напр. о томъ, почему Ирошъ не указалъ на старшаго своего сына, Драгутина, наслѣдника престола, какъ наиболѣе подходящаго жениха императорской дочери, а указалъ на младшаго, Милутина, который остается простымъ принцемъ; къ этому присоединились нелестные отзывы пословъ о видѣнныхъ ими диковинахъ въ варварской странѣ, и свадьба разстроилась. Настоящая причина заключалась въ томъ, что Урошъ просто раздумалъ чрезъ родственныя отношенія съ византійскимъ дворомъ ввязываться въ запутанную политику Византіи и раздѣлять съ нею рискъ нажить себѣ опасныхъ и сильныхъ враговъ.

Достигнувъ престола, Драгутинъ (1272 - 1275 г.) подчинился вліянію духовенства, которое, чрезъ него, и управляло страною и внушило ему рядъ мѣръ, имѣющихъ болѣе моральное, чѣмъ государственное значеніе. Мѣры эти направлены были къ искорененію безнравственности, вкравшейся въ среду народа. Но въ чемъ выражалась эта безнравственность и не сводилась ли она къ неуваженію духовныхъ особъ и лѣнивому посѣщенію церкви—остается неизвѣстнымъ. Между законами, изданными при Драгутинѣ, встрѣчаются такіе, которые указываютъ, что и въ то патріархальное время судейская неправда, лихоимство и неправосудіе составляли видное и крупное общественное зло, которое вошло готовымъ вкладомъ въ строй общественной жизни, установившійся со времени турецкаго владычества, съ тѣмъ лишь различіемъ, что мѣста родныхъ судей и правителей заняли кади и паши турецкіе.

Сознавая себя неспособнымъ стоять на высотѣ, на которую подняли

его событія,—помимо личной его иниціативы,—Драгутинъ, чрезъ 3 года (1275) уступилъ престолъ младшему своему брату Милутину, а самъ удалился въ Срѣмъ, выговоривъ его себѣ отъ брата, а также Мачвенскую область (между нижнимъ теченіемъ Савы и Дунаемъ, нынѣ составляетъ Шабацкій округъ Сербіи) въ вѣчное владѣніе. Вскорѣ послѣ этаго Драгутинъ пожалѣлъ о своей уступкѣ и высказалъ брату намѣреніе вновь сдѣлаться кралемъ сербскимъ. Такъ какъ онъ находился подъ вліяніемъ своей жены—Венгерки и ея отца, то по всей вѣроятности намѣреніе это явилось унего не самостоятельно, да и человѣкъ онъ былъ слишкомъ домашняго характера, чтобы переносить тревоги государственной дѣятельности. Духовенству, которое въ Милутинѣ видѣло не менѣе усерднаго своего поклонника и щедраго жертвователя, легко было отклонить Драгутина отъ мысли затѣвать ссору съ братомъ, безъ которой дѣло, конечно, не обошлось бы. Удачнымъ посредникомъ между братьями явился архіепископъ Даніилъ, составитель «Родослова».

Вступивъ на престолъ, Милутинъ (1275—1320), обязанный новымъ положеніемъ духовенству, началъ свою дѣятельность рядомъ благочестивыхъ заботъ и пожертвованій въ пользу церквей и духовенства. Не ограничивая благочестивую щедрость свою райономъ своего государства, Милутинъ отправлялъ съ послами богатые дары даже въ Россію. Внѣшнія отношенія Милутина, благодаря его такту и искуству, укладывались въ смыслѣ благопріятномъ для округленія Сербіи. Византія въ то время приблизительно находилась въ такомъ жалкомъ положеніи, какъ въ новѣйшее время Турція [1]. Власть Византійской имперіи не только на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, но и въ южной половинѣ, ближайшей къ столицѣ, оставалась почти номинальною, и еслибы въ концѣ XIII и началѣ XIV в. явилась сила, которая вдохнула бы въ семью южнаго славянства сознаніе единства и общности интересовъ, то Византія неизбѣжно пала бы уже въ то время.

Южная граница Сербіи при вступленіи на престолъ Милутина доходила до Липляна. Милутинъ безъ войны распространилъ границы Сербіи дальше на югъ, постепенно занимая одинъ городъ за другимъ. Славянское населеніе городовъ являлось его лучшимъ союзникомъ и радостно встрѣчало его; гарнизоны византійскіе или уходили, или подчинялись печальной для нихъ необходимости признавать власть новаго правительства. Такимъ образомъ, онъ занялъ города Призренъ, Скопле (нынѣшній Ускюбъ) на верхнемъ теченіи р. Вардаря; также заняты были имъ Овче-поле (на юго-востокъ отъ Скопли и сѣверо-востокъ отъ Велеса или Кёприли), Злѣтову и Піапецъ (на востокъ отъ области

[1]) Weiss, Bizantinische Geschichte.

Овче-польской), область Дебрьскую съ городами (лежащую на правомъ берегу рѣки Черный Дринъ, выходящей изъ Охридскаго озера), область Кичавскую со всѣмъ ея городами (сосѣднюю Дебрьской, находящуюся на востокъ отъ нея, съ главнымъ городомъ Кичево), область Порѣчскую—тоже со всѣми городами,—такъ что на востокъ границы Сербіи доходили до города Кратова и рѣки Брегальницы, на югъ до городовъ Истиба, Велеса, Прилѣпа и Охриды, а по нѣкоторымъ, даже до города Сереса [1]). Занятіе византійскихъ областей кромѣ того, что населеніе въ нихъ было по преимуществу славянское, облегчалось еще продажностью греческихъ полководцевъ, напр. Котаницы и другихъ, а также и тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ въ критическія минуты оставляли свой постъ съ тѣмъ, чтобы спѣшить въ столицу и своимъ личнымъ участіемъ дать перевѣсъ партіи того или другаго изъ претендентовъ, которые съ конца XIII ст. стали въ изобиліи являться въ Византіи. Претендентъ, достигшій престола, щедро одарялъ своего пособника, а потому представлялось очень выгоднымъ послужить ему.

Андроникъ Младшій (1282—1328), опасаясь дальнѣйшихъ успѣховъ Милутина, который мечталъ уже о завоеваніи Византіи, обратился къ средству, которое въ то время, когда личныя отношенія монарховъ въ международныхъ сношеніяхъ играли существенную роль,—измѣняло хотя на-время ходъ событій. Онъ предложилъ Милутину жениться на малолѣтней дочери своей Симонидѣ; но такъ какъ сербскій краль былъ женатъ, даже дважды,—первый разъ на Елисаветѣ, дочери венгерскаго короля, сестрѣ Екатерины, бывшей замужемъ за братомъ его Драгутиномъ, второй разъ—на дочери болгарскаго царька Тертера,—и такъ какъ второй бракъ заключенъ былъ при первой живой женѣ, которая затѣмъ умерла, то этотъ второй бракъ сербское духовенство признало незаконнымъ и тѣмъ устранило препятствіе къ новому, третьему браку съ греческою принцессою. Милутинъ обязался не тревожить Греческихъ земель и помогать тестю противъ Персовъ, но въ дѣйствительности онъ только на время отсрочилъ наступательныя движенія въ Греческія земли; онъ смотрѣлъ на эти земли, какъ на будущую свою собственность и готовился быть преемникомъ византійскихъ императоровъ [1]). Какъ будущій властитель Византіи, онъ стремился къ популярности, и въ то время, когда въ самой столицѣ дѣлала успѣхи латинская пропаганда, къ немалому огорченію большинства православнаго населенія, и великій споръ о католическомъ filioque готовился перейти въ открытую схватку, такъ какъ каждая изъ сто-

[1]) Раичъ, ч. III; Kollay, Geschichte der Serben; Голубинскій, Очеркъ исторіи православн. церквей.

[2]) Майковъ, Исторія сербскаго языка.

ронъ считала непогрѣшимымъ лишь свои доводы,—сербскій краль является ревностнымъ служителемъ православія и одарителемъ церквей и духовенства православнаго въ Греческихъ земляхъ; онъ строитъ и одаряетъ церкви въ Солуни, Цареградѣ, на Аѳонѣ, посылаетъ богатые вклады на Синай и въ Іерусалимъ, гдѣ построилъ новую церковь во имя Архангеловъ Михаила и Гавріила.

Отношенія его къ *Болгаріи* разрѣшились занятіемъ Браничевской области (между Дунаемъ и правымъ берегомъ Сербской Моравы), которая съ тѣхъ поръ постоянно оставалась составною частію Сербіи. Кромѣ этой области, Милутинъ присоединилъ даже Видинскій округъ, поводъ къ чему подалъ правитель и вмѣстѣ съ тѣмъ претендентъ на Болгарское царство—Шишманъ. Послѣдній, пользуясь отсутствіемъ изъ Сербіи Милутина и тѣмъ, что вниманіе его въ то время отвлечено было греческими дѣлами, вступилъ въ Сербію съ болгарскими и татарскими отрядами, дошелъ до Хвостенской области, опустошая на пути страну и уже готовился предать на разграбленіе архіепископскую церковь въ городѣ Ипекѣ. Милутинъ однако во время успѣлъ явиться на мѣсто и не только изгналъ непріятеля, но, погнавшиеь за нимъ, занялъ Видинскій округъ съ главнымъ городомъ Видиномъ. Шишманъ бѣжалъ на лѣвый берегъ Дуная. Вскорѣ послѣ этого Милутинъ возвратилъ однакоже Видинъ Шишману, потому ли, что опасался нашествія Татаръ и желалъ своею уступчивостью заручиться дружбою Видинскаго округа, или потому что отношенія *къ Венгріи* и *Риму* заняли теперь все вниманіе Милутина.

Онъ, какъ замѣчено выше, былъ первый разъ женатъ на венгерской принцессѣ Елисаветѣ, въ приданое за которою получилъ Боснію, т. е. лучше сказать, сюзеренное право венгерскаго короля, такъ какъ Боснія и до этого входила въ составъ Сербскихъ земель. Вступивъ затѣмъ въ новый бракъ съ дочерью болгарскаго царька Тертера, при жизни первой своей жены, Милутинъ вызвалъ негодованіе со стороны венгерскаго короля и ожидалъ нападенія Мадьяръ. Опасность угрожала серьезная. Срѣмъ и Боснія хотя и считались Сербскими землями, но въ дѣйствительности связь ихъ съ собственною Сербіею была весьма слаба; можно сказать, что Боснія и Срѣмъ симпатіи свои раздѣляли между Сербіею и Венгріею, подъ патронатствомъ которой состояли; слѣдовало поэтому ожидать, что на пути въ собственную Сербію Мадьяръ не встрѣтятъ большаго сопротивленія. Чтобы отвратить опасность, Милутинъ обратился къ папѣ [1]), почитавшемуся въ то время верховнымъ, безапелляціоннымъ посредникомъ въ распрѣ государей, голосъ котораго тѣмъ болѣе имѣлъ значеніе относительно такихъ мелкихъ государствъ, какъ Венгрія и Сербія. Изъ этого обращенія къ папѣ видно, какое серьезное значеніе

[1]) Kollay, Geschichte der Serben; Майковъ, Исторія сербскаго языка.

сербскій краль придавалъ грозившей ему со стороны Венгріи опасности. Онъ не только заявилъ о готовности своей признать церковное главенство Рима, но и обѣщалъ ввести въ Сербіи католицизмъ; онъ увѣряетъ папу въ преданности римскому католицизму и подтверждаетъ запись дѣда своего Стефана Первовѣнчаннаго Бенедиктинскому монастырю на Млѣтѣ и матери своей Елены — монастырю Пресвятой Дѣвы, сооруженному ею въ Ратцѣ, близь Бара. Мало того: Милутинъ заявилъ папѣ о своей готовности примкнуть къ католической лигѣ. Латинская имперія пала, но много оставалось еще мечтателей, лелѣявшихъ мысль о возстановленіи латинскаго государства; мысль эту, какъ ни казалась она странною, поддерживалъ Римъ, который смотрѣлъ на латинское государство, какъ на могущественное средство католической пропаганды на Балканскомъ полуостровѣ. Исполнителемъ этой мысли явился король неаполитанскій Карлъ Анжуйскій, при дворѣ котораго скучалъ экс-императоръ Балудинъ II. Дѣло начато было на столько серьозно, что между Карломъ и Балдуиномъ II заключенъ былъ даже договоръ, по которому распредѣлялись предстоящія завоеванія. Компанія открылась удачно для Карла. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ занялъ города Драчъ, Валону, островъ Корфу, оставивъ здѣсь сильные гарнизоны; занялъ онъ и нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ въ Албаніи и почти весь Эпиръ. Въ это время Милутинъ предлагаетъ смѣлому авантюристу вспомогательное войско; но, по счастію для Сербіи, которая едва не была вовлечена въ безполезную для нея войну, — Карлъ Анжуйскій занятіемъ адріатическихъ городовъ затронулъ торговые интересы Венеціи, которая поспѣшила двинуть флотъ свой къ Неаполитанскимъ берегамъ и вызвала возстаніе въ занятыхъ Карломъ Анжуйскимъ областяхъ, что было очень легко сдѣлать въ виду неудовольствія населенія противъ «Франковъ», за ихъ жестокое обращеніе и насильственную католическую пропаганду. Пользуясь критическимъ положеніемъ своего союзника и не желая быть солидарнымъ съ антиправославными дѣйствіями «Франковъ», — Милутинъ предоставилъ Карла Анжуйскаго собственной судьбѣ и поспѣшилъ въ Сербію, церковныя дѣла которой, запутанныя отношеніями къ римскому престолу, требовали какой-нибудь положительной развязки, т. е. конечно въ смыслѣ православія. Папа, какъ видно, серьозно отнесся къ увѣреніямъ сербскаго краля въ преданности святой католической церкви и къ изъявленію ей покорности, что видно изъ того, что онъ прислалъ «исповѣданіе вѣры» и священное знамя. Дальнѣйшая уклончивость поэтому стала немыслима, и Милутинъ извѣстилъ папу, что сербскій краль не можетъ ввести римско-католическаго вѣроисповѣданія въ Сербіи, и, — чтобы хотя нѣсколько сложить съ себя вину, — привелъ въ свое оправданіе опасеніе гнѣва тещи и

брата. Папа, какъ и слѣдовало ожидать, не удовольствовался этимъ объясненіемъ и пришолъ въ сильное негодованіе, въ которомъ дошелъ до того, что объявилъ крестовый походъ противъ Сербіи. Къ сожалѣнію его, на это воззваніе отозвался только венгерскій король Карлъ Робертъ, но и то потому, что это связывалось съ его выгодами: онъ желалъ оттягать земли Драгутина, Мачву и Боснію. Въ союзѣ съ Карломъ II Сицилійскимъ и правителями Албаніи, венгерскій король въ 1318 г. вступилъ въ Боснію, занялъ эту страну, а также Мачву; но дальнѣйшимъ завоеваніямъ былъ положенъ конецъ—внутренними волненіями въ самой Венгріи, которыя заставили Карла Роберта поспѣшить домой. Папа однакоже не покидалъ своей мысли о наказаніи схизматической Сербіи и около 1320 г., т. е. незадолго до смерти Милутина, сталъ проповѣдывать общеевропейскій крестовый походъ. Послѣдній конечно не состоялся: Европа слишкомъ занята была своими домашними дѣлами, переустройствомъ средневѣковаго быта, чтобы воевать безъ непосредственной для себя пользы, гнаться за идеалами, хотя бы они были и очень высокаго религіознаго характера.

Сводя къ общему итогу правленіе Милутина, мы видимъ, что Сербія уже при немъ поднялась на степень довольно могущественнаго славянскаго государства, которое удачно выпуталось изъ затруднительныхъ внѣшнихъ отношеній къ латинскому Сѣверу и православному Югу, которое даже въ церковномъ отношеніи избѣгло внутреннихъ опасныхъ смутъ, обезсилившихъ православную Византію и бывшихъ въ числѣ причинъ ея паденія.

Милутинъ отъ первой жены, венгерки Елисаветы, имѣлъ двухъ дѣтей: сына Стефана и дочь Неду, которую выдалъ замужъ за болгарскаго царя Михаила, а отъ третьей жены, гречанки Симониды, имѣлъ одного сына Константина. Не смотря на то, что второй былъ младшій сынъ, отецъ, находившійся въ семейныхъ и династическихъ своихъ дѣлахъ подъ вліяніемъ греческой партіи, во главѣ которой стояла его молодая жена, назначилъ наслѣдникомъ своимъ Константина, а Стефану далъ въ удѣлъ Діоклею. Здѣсь вокругъ него постепенно стали группироваться недовольные новыми порядками, обусловливаемыми византійскимъ вліяніемъ; оно между прочимъ обнаружилось въ томъ, что сербскій краль сталъ окружать себя Греками и имъ сталъ раздавать прибыльныя мѣста въ государствѣ. Не имѣя ничего общаго съ народомъ, относясь къ нему съ свойственнымъ имъ высокомѣріемъ, какъ къ низшей расѣ, Греки должны были сильно оскорблять національное чувство, въ особенности въ лицѣ знатныхъ Сербовъ, которые не могли выносить хозяйничанья въ ихъ странѣ какихъ-то проходимцевъ.

Число недовольныхъ со дня на день увеличивалось: всѣ они бѣ-

жали въ Діоклею и охотно стали подъ знамя обиженнаго старшаго сына сербскаго краля. Знамя они же сами, впрочемъ, и подняли, такъ какъ существуетъ предположеніе, что Стефанъ лично не желалъ идти противъ отца. Они убѣдили его сдѣлать этотъ шагъ и при этомъ дѣйствовали такъ настойчиво, что прибѣгли даже къ угрозамъ—покинуть его напроизволъ отцовскаго гнѣва, а этаго послѣдняго можно было ожидать, так какъ сербскій краль конечно зналъ, что въ опозиціи, которая противъ него составилась, сынъ его принимаетъ участіе. Дѣло началось съ переговоровъ. Сынъ просилъ отца—мирно признать за нимъ принадлежащее ему право престолонаслѣдія. Отецъ не только отказалъ, но побуждаемый своей женой, немедленно послалъ войско для подавленія возстанія. Напуганный этою вѣстью, Стефанъ бѣжалъ, а партія его, лишившаяся центра, поспѣшила разойтись. Сербскій краль считалъ себя однакоже необезпеченнымъ до тѣхъ поръ, пока сынъ его будетъ на свободѣ, и слѣдовательно раньше или позже опять можетъ затѣять смуту. Поиски продолжались не долго, и разсказываютъ, что самъ Стефанъ, тяготясь своею безпомощностью, обратился къ милосердію отца, испрашивая у него прощенія и предалъ себя въ руки посланцевъ сербскаго короля. Послѣдній однакоже не простилъ сыну и поступилъ съ нимъ въ совершенно византійскомъ духѣ, давъ приказаніе ослѣпить претендента. Эта безчеловѣчная расправа совершена была въ Скоплѣ (Ускюбѣ); но къ счастію Стефана, потому ли, что оказались не вполнѣ искусными въ совершеніи этой византійской казни, или же болѣе человѣчными, чѣмъ сербскій краль, операція не доведена была до конца, такъ какъ онъ впослѣдствіи оказался зрячимъ. Впрочемъ благочестивые авторы житія сербскихъ кралей утверждаютъ, что зрѣніе Стефана возстановилось, благодаря чудесному исцѣленію Николая Угодника.

Вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Душаномъ, въ послѣдствіи кралемъ сербскимъ, Стефанъ послѣ полуослѣпленія отправленъ былъ въ Константинополь и сданъ Андронику, который нѣсколько времени держалъ его во дворцѣ, а потомъ вмѣстѣ съ сыномъ Стефана перевелъ въ монастырь Пантократора, гдѣ онъ оставался до смерти Милутина (1320 г.).

Только что умеръ Милутинъ, какъ Стефанъ, который въ монастырской келіи «проводилъ время въ молитвахъ и бдѣніи», тотчасъ же поспѣшилъ въ Діоклею. Сюда явились къ нему сербскіе бояре съ предложеніемъ принять престолъ кралевскій. Они, видя колебаніе Стефана, еще не успѣвшаго осмотрѣться, послѣ продолжительной затворнической жизни, настойчиво требовали принять престолъ, боясь, что при младшемъ братѣ Константинѣ греческая партія, съ матерью послѣдняго во главѣ, вытѣснитъ боярство и захватитъ государство въ свои руки. Бояре своимъ вліяніемъ повели дѣло такъ, что Стефанъ оказался избраннымъ Серб-

скимъ народомъ и вступилъ на престолъ подъ именемъ Стефана Дечанскаго. Безъ внутреннихъ смутъ однако же не обошлись. Младшій братъ его Константинъ, которому онъ велѣлъ сказать: «пусть Константинъ, второй сынъ отца, возьметъ себѣ второе мѣсто въ королевствѣ и будетъ мнѣ сподручникомъ», не захотѣлъ добровольно уступить правъ своихъ. Въ возникшей междоусобицѣ, всѣ шансы были на сторонѣ старшаго брата, котораго поддерживалъ народъ съ боярами во главѣ, въ то время, когда младшій братъ имѣлъ опору лишь въ чужеземцахъ—Грекахъ, которые съ грѣхомъ пополамъ могли собрать лишь разношерстую толпу наемниковъ.

Константинъ палъ и Стефанъ IV (1320 — 1336) остался единодержавнымъ кралемъ Сербіи, перейдя въ исторію подъ именемъ Стефана Дечанскаго, въ память построеннаго имъ Дечанскаго монастыря.

Подобно отцу своему, Стефанъ Дечанскій покупалъ безопасность своего государства со стороны Венгріи двусмысленными сношеніями съ Римомъ, который представлялся ему единственною силою, могущею сдержать завоевательныя притязанія венгерскаго короля. Надо удивляться довѣрчивости Рима обѣщаніямъ сербскихъ кралей и болгарскихъ царей. Многочисленные примѣры, казалось, должны бы были убѣдить Римъ въ эфемерности его католическихъ мечтаній, по крайней мѣрѣ относительно Сербіи и Болгаріи, съ сплошнымъ православнымъ населеніемъ. Однако, начиная съ VII в. Римъ не покидалъ попытокъ ввести въ этихъ странахъ католицизмъ и для этого принималъ нерѣдко «схисматическіе народы» подъ свое покровительство, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о борьбѣ ихъ съ родственнымъ Риму латинскимъ Западомъ. Такъ поступилъ папа въ первые годы правленія Стефана Дечанскаго, отвративъ на время отъ Сербіи опасность, которая грозила ей со стороны Венгріи, этой ближайшей ея сосѣдки. Окончивъ трудное дѣло внутренней усобицы съ братомъ, Стефанъ Дечанскій увидѣлъ себя въ самыхъ запутанныхъ отношеніяхъ съ Болгаріею и Византіею, готовившихся вступить въ Сербію съ двухъ сторонъ, съ востока и запада, для возвращенія завоеванныхъ предшественникомъ его земель. А тутъ еще венгерскій король грозилъ вступить въ Сербію съ сѣвера. Стефанъ Дечанскій умоляетъ папу остановить это послѣднее нашествіе. По примѣру своихъ предшественниковъ, закрѣплявшихъ эту мольбу изъявленіемъ сыновней преданности св. престолу и готовности ввести у себя въ странѣ католицизмъ, онъ не только съ почестями принимаетъ папскихъ легатовъ, которые вручили ему исповѣданіе римско-католической вѣры, но и публично читаетъ исповѣданіе этой вѣры.

Какъ вообще относился народъ къ этимъ быстрымъ превращеніямъ своихъ кралей изъ православныхъ въ католиковъ, неизвѣстно; о не-

удовольствіи и волненіяхъ въ средѣ народа, современные писатели и даже наиболѣе компетентные въ этомъ дѣлѣ, какъ и архіепископъ Даніилъ, составитель «Родослова», ничего не упоминаетъ. Можно думать, что народъ къ этимъ дѣйствіямъ своихъ кралей относился безразлично, какъ къ такимъ, которыя его непосредственно не затрагивали. Дѣйствительно, нѣтъ никакихъ указаній, на то, чтобы исповѣданія католической вѣры навязываемо было народу, чтобы православное духовенство вытѣснялось католическимъ, чтобы въ обрядахъ православной церкви сдѣланы были какія либо нововведенія, въ смыслѣ католическомъ, стало быть всѣ эти сношенія ограничивались дипломатическою перепиской и отступничествомъ болѣе или менѣе кратковременнымъ самыхъ сербскихъ кралей да ихъ приближенныхъ, отступничествомъ притомъ формальнымъ, которое не мѣшало имъ выражать усердіе по отношеніи къ православію щедрыми пожертвованіями на постройку и украшеніе церквей и покровительствомъ духовенству. Духовенство смотрѣло снисходительно на эти дѣйствія сербскихъ правителей и въ лицѣ своихъ писателей и высшихъ іерарховъ не переставало признавать каждаго изъ нихъ «благочестивѣйшимъ» поборникомъ православія, приводя всегда въ разсказѣ о жизни того или другого краля длинный списокъ благочестивой щедрости и заслугъ его на пользу православія. Оно смотрѣло на это отступничество, какъ на государственную необходимость и само оно, въ лицѣ архіепископа Саввы, способно было дѣлать временныя уступки Риму. Уступкамъ этимъ оно настолько не придавало никакого серьезнаго значенія, на столько не признавало предосудительнымъ, что названный архіепископъ Савва, инціативѣ котораго обязаны сношенія брата его Стефана Первовѣнчаннаго, съ папой, причисленъ былъ къ лику святыхъ православной церкви.

Мы сказали, что Стефанъ Дечанскій обратился къ посредничеству папы, желая оградить себя съ сѣвера со стороны Венгріи, съ тѣмъ, чтобы всѣ свои силы собрать для защиты юговосточныхъ окраинъ Сербіи, имъ грозила опасность со стороны Болгаріи и Византіи. Тутъ образовался союзъ между византійскимъ императоромъ Андроникомъ Младшимъ и Михаиломъ царемъ болгарскимъ. Оба они имѣли причину къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Сербіи. Она не мало поживилась на счетъ ихъ территорій, начиная съ перваго изъ Неманей; желаніе возвратить захваченныя области — побудило ихъ объявить войну Стефану Дечанскому. Союзники согласились напасть на Сербію одновременно съ двухъ сторонъ, но вышло иначе. Византійскій императоръ медлилъ, представляя себѣ на первыхъ порахъ роль зрителя съ тѣмъ, чтобы потомъ дешевыми средствами воспользоваться успѣхами союзника; не мало побуждали его не спѣшить участіемъ въ войнѣ съ Сербіею и внутреннія

смуты въ имперіи, которыя сдѣлались ея хроническою язвою; въ это время имперіею управляло нѣсколько правительствъ: Андроникъ Младшій, Іоаннъ Кантакузенъ и Анна — раздѣляли между собою власть, стремясь вытѣснить другъ друга; невозможно было уяснить кто въ данное время считался правителемъ имперіи, и самый ревностный почитатель хронологіи поставленъ былъ бы въ тупикъ, если бы желалъ себѣ съ точностью опредѣлить послѣдовательное чередованіе византійскихъ правителей въ данный періодъ. Чувствуя необезпеченное положеніе свое у себя дома, поставленный въ необходимость быть на стражѣ ближайшихъ своихъ интересовъ, Андроникъ Младшій и въ этомъ могъ видѣть достаточно причинъ повременить войною съ Сербіею. Такимъ образомъ Михаилъ Болгарскій остался при собственныхъ рессурсахъ. Хотя его войско усилено было отрядами Татаръ и венгерскихъ выходцевъ, зато къ сербскому войску присоединились иноземцы въ числѣ 1300 челов. Это были нѣмецкіе волонтеры и наемники, приглашенные сербскимъ кралемъ; такимъ образомъ военныя силы противниковъ почти уравновѣшивались. Нравственный перевѣсъ однако же былъ на сторонѣ сербскаго краля; онъ являлся полнымъ представителемъ цѣлой страны и слѣдовательно опирался на силу всего народа въ то время, когда въ Болгаріи уже со 2-й половины XIII ст. наступилъ періодъ анархіи и распаденіе страны на нѣсколько независимыхъ владѣній. Михаилъ подобно предшественникамъ своимъ, назывался «царемъ болгарскимъ», но въ дѣйствительности власть его ограничивалась округомъ Тырновскимъ и ближайшими къ нему; въ другихъ частяхъ Болгаріи поселились разные выходцы, очень мало занятые общими интересами страны. Разношерстное войско его у Топлицы въ 1330 г. разбито было на голову; самъ Михаилъ погибъ въ этой битвѣ, смертельно раненый. Здѣсь впервые отличился со стороны военныхъ способностей сынъ Стефана Душанъ, 20-лѣтній юноша, впослѣдствіи краль Сербіи. Разсѣявъ Болгарское войско, Сербы устремились въ глубь Болгаріи, раззоряя на пути села и города, и присоединивъ нѣсколько округовъ съ г.г. Дубницей, Самоковомъ, Ихтиманомъ и поставивъ на мѣсто умершаго отъ ранъ Михаила царемъ болгарскимъ Александра, сына его отъ брака съ дочерью Милутина Недою. Вслѣдъ затѣмъ Сербы бросились на югъ, въ предѣлы Византіи, и здѣсь овладѣли нѣсколькими городами, наприм. Велесомъ (Кёприли), Преспой и др. по берегамъ Вардаря. О характерѣ этой войны, отличавшейся не столько завоевательными, сколько хищническими подвигами, можно судить по громадности добычи, которая слѣдовала за возвращающимися сербскимъ войскомъ. Далеко не гуманный способъ войны заглаженъ былъ со стороны краля сербскаго щедрыми приношеніями въ пользу церквей. Мало того, на часть захваченной до-

бычи Стефанъ построилъ великолѣпный храмъ въ Дечанахъ во имя Спаса, «украсилъ его всѣми красотами внутренними и внѣшними»; независимо отъ этого возвелъ при томъ же храмѣ монастырь, за что, а также и за другія пожертвованія сербскій краль заслужилъ великія похвалы со стороны духовенства. Правда, что эта война еще больше разожгла взаимное нерасположеніе между Сербами и Болгарами, что она ни одной ни другой сторонѣ не принесла существенной пользы; что она ускорила то жалкое разъединеніе между родственными племенами, которое не дало имъ возможности воспользоваться современнымъ безсиліемъ Византіи, и затѣмъ предалъ ихъ въ руки Турокъ; что она, отвлекая отъ мирныхъ занятій лучшія народныя силы, мѣшала внутреннему развитію народа, но за то просвѣщеннымъ современникамъ она доставила обильную пищу для ликованія и самовосхваленій, по поводу военныхъ успѣховъ, блестящіе результаты которыхъ — присоединеніе нѣсколькихъ городовъ, обогащеніе церквей, монастырей и построеніе новыхъ были у всѣхъ на глазахъ. При всѣхъ похвалахъ духовенства, расточаемыхъ Стефану Дечанскому, онъ, какъ обнаружилось вскорѣ, по окончаніи войны съ Болгаріею, далеко не пользовался расположеніемъ народа, который въ лицѣ своихъ представителей ясно сталъ выражать желаніе видѣть на престолѣ сербскомъ, выдѣлившагося уже во время сербо-хорватской войны, Душана. Народъ *во первыхъ* былъ недоволенъ тѣмъ, что Стефанъ Дечанскій, подобно отцу, къ концу жизни, женившившись на Гречанкѣ, постепенно сталъ окружать себя ненавистными по высокомѣрію и хищничеству Греками, вліяніе которыхъ въ странѣ могло еще усилиться, если престолъ достанется сыну его отъ втораго брака; *во вторыхъ*, абсолютистическія притязанія краля, поддерживаемыя задобреннымъ имъ духовенствомъ, шли въ разрѣзъ съ воспоминаніями федеративнаго строя жизни. Душанъ, правда, оказался болѣе ревностнымъ и энергическимъ представителемъ абсолютизма, но томясь въ Діоклеѣ въ качествѣ незначительнаго владѣльца и, притомъ, находясь въ опалѣ у отца съ тѣхъ поръ, когда тотъ, женившись на греческой принцессѣ, окружилъ секя Греками—Душанъ конечно не могъ имѣть ни случая, ни повода опасаться раскрывать государственныхъ идеаловъ своихъ.

Какъ бы то ни было, недовольныхъ сербскимъ кралемъ собралось не мало. Всѣ они вошли въ сношенія съ діоклейскимъ затворникомъ и указывая на печальную будущность страны, если въ ней утвердится греческое вліяніе, предложили себя въ распоряженіе Душана, прямо приглашая его занять мѣсто отца. Тутъ сербскій историкъ-современникъ архіепископъ Даніилъ, въ «Родословѣ» у котораго всѣ крали Сербіи выходятъ государями благочестивыми и христолюбивыми, приводитъ

разсказъ, который очевидно имѣетъ цѣлью смягчить поведеніе сына противъ отца. Удивительное сходство этого разсказа съ тѣмъ, въ которомъ объясняются мотивы возстанія Стефана Дечанскаго противъ Милутина, показываетъ, что оба эти разсказа скорѣе выдуманы въ тиши кабинета, чѣмъ составлены на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ. Тутъ также сынъ смиренно напоминаетъ отцу о правахъ своихъ на престолъ и въ то же время увѣряетъ отца, что онъ, Душанъ никогда не выходилъ изъ предѣловъ послушанія ему; только когда отецъ съ своимъ войскомъ, вступивъ въ Діоклею, предалъ сожженію и разоренію селенія этой области и даже приказалъ «вырывать съ корнемъ виноградники и огородныя растенія»,—сынъ рѣшился взяться за оружіе. Въ дѣйствительности Душанъ, самъ опасаясь дальнѣйшей своей и государства участи, на случай если Греки окончательно заберутъ въ свои руки его отца, охотно принялъ приглашеніе бояръ. Узнавъ объ этомъ, Стефанъ съ войскомъ пошелъ въ Діоклею; Душанъ успѣлъ убѣжать съ боярами. Къ нему явились посланцы отъ краля съ примирительными предложеніями. Душанъ, по словамъ Даніила, явился къ отцу, умоляя о прощеніи, но отецъ еще пуще прежняго разгнѣвался и этимъ подалъ поводъ къ окончательному разрыву. Вѣроятнѣе всего, что Душанъ, имѣя на глазахъ живой примѣръ въ лицѣ отца же, который былъ ослѣпленъ по приказанію Милутина, сербскаго краля, да кромѣ того необходимо обязанный подчиниться вліянію окружавшихъ его бояръ, не въ интересахъ которыхъ было останавливаться на полдорогѣ, т. е. бросить начатое дѣло возстанія, выразилъ нежеланіе вступить въ какіе либо компромисы, рѣшившись съ оружіемъ въ рукахъ добыть себѣ престолъ. Въ Діоклеѣ и смѣжныхъ областяхъ онъ собралъ сильное войско, съ которымъ, черезъ годъ послѣ ухода своего родителя, устремился въ Сербію такъ неожиданно, что сербскій краль не успѣлъ принять никакихъ мѣръ къ отраженію претендента. Войска послѣдняго подступили къ г. Неродимли, временной столицы краля. Стефанъ Дечанскій едва успѣлъ бѣжать въ ближайшій городокъ Перичь, но вскорѣ былъ пойманъ и по приказанію Душана удавленъ. При такихъ обстоятельствахъ этотъ отцеубійца-претендентъ занялъ сербскій престолъ въ 1336 году.

ГЛАВА XVIII.

Временное возвышеніе Сербіи.

1. Отношеніе Сербіи къ Византіи и Венгріи. 2. Положеніе Византіи въ первой половинѣ XIV в. 3. Завоеванія Стефана Душана въ сторону Греціи. 4. Мотивы и характеръ греческихъ походовъ Душана. 5. Отношенія Сербіи къ Венгріи. 6. Попытки Сербіи пробиться къ Адріатическому побережью. 7. Боснія, Герцеговина и Черногорія. 8. Дубровникъ. 9. Итоги внѣшней дѣятельности Душана.

Стефанъ Душанъ не только въ исторіи Сербіи, но и всего южнаго славянства отмѣчается какъ необыкновенная и рѣзко выдѣляющаяся личность по своимъ военнымъ и преобразовательнымъ успѣхамъ; въ немъ видятъ отважнаго завоевателя и мудраго государственнаго дѣятеля, а духовные писатели его времени восхваляютъ Душана какъ ревнителя и поборника православія, какъ государя благочестиваго.

Начнемъ съ его завоевательной дѣятельности и вообще его внѣшнихъ отношеній къ сосѣдямъ.

Здѣсь наибольшее значеніе пріобрѣтаютъ его отношенія *къ югу—Византіи* и *сѣверу—Венгріи*, съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что въ сторону къ *Византіи*, обезсиленной внутренними смутами, сербскій краль дѣйствуетъ наступательно, въ то время, когда въ отношеніи *къ Венгріи* Душанъ напротивъ вынужденъ оставаться въ положеніи защищающагося. На югѣ, въ направленіи къ Греціи—завоевательные успѣхи Душана давались ему съ замѣчательною легкостью, и это потому, что сербскому кралю приходилось скорѣе *подбирать* распадавшіяся части имперіи, *чѣмъ завоевывать:* примѣняя обиходное выраженіе, въ то время лѣнивый только могъ не пользоваться анархическимъ состояніемъ Византійской имперіи.

Въ государствахъ, какъ Византія, гдѣ судьба народовъ поставлена въ зависимость отъ единичной воли, гдѣ вслѣдствіе продолжительности этой зависимости и развившейся привычки идти на помочахъ, смотрѣть на міръ Божій съ чужаго глаза, тупѣетъ сознаніе собственныхъ силъ и способность найдтись въ критическіе моменты безъ руководительства властей предержащихъ,—въ такихъ государствахъ личныя качества правителей и ихъ прочное или шаткое положеніе на высотѣ за-

нимаемой ими власти, если и не вліяютъ на продолжительный ходъ событій, то несомнѣнно могутъ сообщить извѣстное направленіе, хорошее или дурное, ближайшемъ къ нимъ, по времени, событіямъ, выдвинуть лучшія или худшія условія для дальнѣйшаго развитія соціально-политическаго положенія страны.

Мы видѣли, что до завоеванія Византіи крестоносцами, въ послѣднее предъ этимъ событіемъ столѣтіе, императорскій престолъ стали занимать разные проходимцы, нерѣдко талантливые и энергическіе, но вообще люди безъ чести, эгоисты, которые смотрѣли на свое положеніе какъ на доходную статью и безразлично относились ко всему, что непосредственно не касалось ихъ личныхъ выгодъ или честолюбія [1]. Ихъ дурные инстинкты находили подготовленную почву въ деморализованной разношерстной массѣ столичнаго населенія и въ продажныхъ войскахъ, которыя, комплектуясь изъ представителей всевозможныхъ національностей,—со включеніемъ Турокъ, начавшихъ уже въ X ст. селиться въ Константинополѣ, Татаръ и Славянъ,—держали себя въ отношеніи интересовъ страны совершенно, такъ сказать, экстерриторіально, продавая свои услуги первому смѣлому авантюристу и изъ за него проливая потоки крови,—чтобы вслѣдъ затѣмъ съ удивительною легкостью перейти къ его счастливому противнику. Столь же развращенъ былъ и самъ народъ, сегодня рукоплещущій своему новому императору, съ тѣмъ, чтобы завтра позорно влачить его по улицамъ столицы, плевать ему въ лицо, какъ поступило напр. столичное населеніе съ Андроникомъ. Передъ небольшимъ отрядомъ крестоносцевъ это государство падаетъ, и падаетъ какъ то дрянно или, лучше сказать, разваливается, не представляя въ исторіи этаго паденія и намека на какіе либо героическіе эпизоды защиты своего существованія. Наступилъ періодъ Латинскаго государства, которое неудачно вздумало соединить византійскія феодальныя традиціи и только продолжалось полстолѣтія съ небольшимъ. Михаилъ Палеологъ возстановилъ имперію (1261 г.), но, при всей своей учености, онъ неспособенъ былъ слить въ органическое цѣлое распавшіяся части государства. Притомъ усилившіяся при немъ церковныя смуты должны были отвлечь его отъ настоящихъ его обязанностей, отъ дѣятельности государственной, если бы онъ и имѣлъ къ ней призваніе. Сношеніями съ папою, имѣвшими цѣлью предотвратить, готовившійся противъ Византіи крестовый походъ, согласіемъ признать главенство папы надъ восточною церковью и въ особенности догматическими уступками въ пользу католицизма (внесеніе въ символъ вѣры filioque) онъ возбудилъ противъ себя страшную бурю въ средѣ духовенства, которое опиралось на городской черни. Борьба религіозная

[1]) Finley, Histor of the Bysant and Greek Empire.

заслонила собою всѣ другіе интересы общегосударственные до такой степени, что даже постепенное приближеніе Турокъ мало обращало на себя вниманіе правительства. Съ этимъ періодомъ совпадаютъ и успѣхи сербскаго краля Милутина, который занялъ часть Македоніи, а если Болгарія не умѣла воспользоваться безпомощнымъ положеніемъ имперіи, то потому лишь, что Болгарскаго государства, цѣльнаго, уже не существовало. Болгарія сама переживала періодъ анархіи, которая повела къ окончательному распаденію.

Очень искусно лавировалъ Михаилъ Палеологъ между патріархомъ и папою, между православною частію (большею) населенія и тою, которая расположена къ Риму, но каждая изъ сторонъ слишкомъ настойчиво считала непогрѣшимыми только свои желанія, свое мнѣніе, чтобы можно было пріискать нейтральную почву для примиренія [1]). И вышло, что, желая угодить и православію и католицизму, онъ, помимо своей воли, сдѣлался ненавистнымъ константинопольскому духовенству и папѣ. Обѣ стороны предали его анаѳемѣ. Эти внутреннія смуты, которыя вели государство къ очевидной гибели, отвлекая лучшія его силы отъ настоящаго ихъ призванія, продолжались и при преемникѣ Михаила Палеолога, сынѣ его Андроникѣ Старшемъ (1282—1328), который съ жалкою страстью проводилъ время въ богословскихъ диспутахъ съ духовенствомъ, проглядѣвъ въ это время острова Кипръ и Родосъ, доставшіеся въ руки Ордена Іоанитовъ. Быть можетъ, хорошій богословъ и преданный сынъ православной церкви, Андроникъ совершенно не годился стоять во главѣ государства, да еще въ такое трудное время, и очень скоро возбудивъ противъ себя неудовольствіе народа, или лучше сказать, столичной черни, которая нерѣдко давала перевѣсъ тому, чью сторону держала. Распространявшимся противъ императора неудовольствіемъ воспользовался внукъ его Андроникъ Младшій, впослѣдствіи императоръ (1325—1341). Старый императоръ долгое время находился подъ вліяніемъ трехъ наиболѣе близкихъ людей: Іоанна Кантакузена, Сиргіана и Синадена, которые занимали высокое положеніе въ государствѣ, дававшее имъ возможность быть весьма полезными дѣятелями опозиціи, тѣмъ болѣе, что лицемѣріемъ своимъ они успѣли вкрасться въ довѣріе императора, который одному изъ нихъ, Сиргіану, даже поручилъ слѣдить за внукомъ. Между тѣмъ, каждый изъ нихъ пріискивалъ союзниковъ претенденту: Сиргіанъ, проживъ нѣсколько лѣтъ на Дунаѣ и пользуясь вліяніемъ у Славянъ, уговорилъ Стефана Дечанскаго помочь претенденту. Конечно, эта помощь не могла не нанести вреда имперіи, и слѣдовало предвидѣть, что сербскій краль не преми-

[1]) Шлоссеръ, Всемірная исторія, т. III, изд. 1869 г.

нетъ воспользоваться занятіемъ беззащитныхъ византійскихъ городовъ; но что за дѣло претенденту, когда дѣло шло о личной его выгодѣ; да и все равно эти города, не ему принадлежатъ, а когда онъ добьется власти, то можно ихъ и отнять. При такихъ условіяхъ Стефанъ Дечанскій занялъ въ то время города Кёприли, Просѣкъ, Штибъ и нѣсколько другихъ.

Синаденъ, въ качествѣ протостратига или главнаго начальника конницы, завелъ изъ Адріанополя переговоры съ Болгарами, которымъ (при Георгіѣ Тертеріѣ II) облегчилъ занятіе Филиппополя въ 1321 г. а Іоаннъ Кантакузенъ, оставаясь въ Галлиполи, исподоволь заручался союзомъ съ Турками, которые сдѣлались къ этому времени почти хозяевами всей Малой Азіи. О подавленіи возстанія нечего было думать, такъ какъ власть императора въ дѣйствительности ограничивалась столицею, да опиралась на продажныя наемныя войска. Правда, случалось, что онъ находилъ союзниковъ то въ Болгарахъ, то въ Сербахъ, подобно тому, какъ и внукъ его; но нашествія этихъ народовъ, вмѣстѣ съ полчищами Татаръ и Кумановъ, сопровождавшіяся разореніемъ страны, только усиливали неудовольствіе противъ императора. Онѣ не помѣшали Андронику Младшему въ 1321 г. занять Адріанополь и укрѣпиться здѣсь *съ своимъ правительствомъ*, которое конкурировало съ правительствомъ византійскимъ, или, вѣрнѣе сказать, константинопольскимъ. Со времени занятія Андріанополя, возникло два правительства, явилось два императора, которые воюютъ, какъ представители двухъ отдѣльныхъ враждебныхъ между собою государствъ, и, втянувъ въ эту борьбу Болгаръ, Сербовъ, Турокъ—сами даютъ возможность враждебнымъ Византіи народамъ воочію убѣдиться въ жалкомъ состояніи государства. Успѣшныя дѣйствія Андроника Младшаго вынудили императора на раздѣлъ имперіи, по которому: за нимъ оставленъ Константинополь, нѣсколько городовъ Малой Азіи, Македонія съ Албаніею (въ отношеніи къ послѣднимъ власть могла быть лишь номинальною, такъ какъ въ дѣйствительности здѣсь хозяйничали Сербы, Венеціанцы и Неаполитанцы); за внукомъ оставленъ Адріанополь со всею Ѳракіею и съ странами къ сѣверу—до Дуная (о власти Андроника Младшаго надъ этими странами слѣдуетъ сказать то же, что было сказано о Македоніи и Албаніи). Раздѣлъ этотъ недолго удовлетворялъ желаніе претендента, а тѣмъ болѣе вліятельнаго его совѣтника, Іоанна Кантакузена, который въ успѣхахъ своего кліента видѣлъ путь къ коронѣ императорской. Онъ устроилъ, въ 1325 г. между дѣдомъ и внукомъ примиреніе, въ силу котораго Андроникъ Младшій признанъ *вторымъ императоромъ* и въ томъ же году коронованъ въ столицѣ императорскою короною. Мирныя отношенія между ними недолго про-

должались. Поводъ къ неудовольствію на этотъ разъ подалъ болгарскій царь, который женившись на сестрѣ Андроника Младшаго, Ѳеодорѣ, сблизился съ нимъ, предложилъ ему свои услуги въ то время, когда Стефанъ Дечанскій вступилъ, напротивъ, въ переговоры съ Андроникомъ Старшимъ и обѣщалъ ему помощь въ борьбѣ со внукомъ. Война возгорѣлась съ перевѣсомъ счастія на сторонѣ претендента, который, благодаря измѣнѣ Стефана Дечанскаго, подкупленнаго имъ, обезпечилъ себѣ тылъ со стороны Ѳессаліи и Восточной Македоніи съ тѣмъ, чтобы выступить противъ Константинополя—единственнаго города, оставшагося за императоромъ. Какъ непрочно было положеніе Андроника Старшаго даже въ этомъ единственно ему принадлежащемъ городѣ, и какъ, съ другой стороны, развращены и продажны были населеніе столицы и охранившія императора наемныя войска,—видно изъ того, съ какою легкостью Андроникъ Младшій занялъ столицу [1]). Правда, что со стороны Босфора ему помогли Венеціанцы, владѣвшіе съ XIII столѣт. тою нынѣшней европейской частью Константинополя, которая называется Галатою,—и войско самого Андроника состояло всего изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Съ этимъ незначительнымъ отрядомъ онъ вступилъ 24 мая 1328 г. въ столицу. За старымъ императоромъ сохраненъ былъ титулъ, но власть перешла къ внуку, или лучше сказать, всѣмъ сталъ заправлять Іоаннъ Кантакузенъ и отчасти Синаденъ, который сдѣланъ начальникомъ города. Вскорѣ Андроникъ Старшій, который нетолько совершенно былъ устраненъ отъ власти, но и вынужденъ былъ терпѣть оскорбительное высокомѣріе новыхъ выскочекъ, удалился въ монастырь, постригшись въ монахи. Въ 1332 г. онъ умеръ. Андроникъ Младшій (1328—1341), утвердившись на престолѣ, началъ ликвидировать свои неопредѣленныя отношенія къ Сербіи и пользуясь въ свою очередь происходившими тамъ въ послѣдніе годы правленія Стефана Дечанскаго смутами и войною между послѣднимъ и его сыномъ Душаномъ, возвратилъ себѣ отнятыя отъ Византіи сербскимъ кралемъ города. Это заставило Душана, сдѣлавшагося кралемъ въ 1336 г., поспѣшить на югъ, гдѣ прежде всего онъ занялъ города, передавшіеся было Андронику, какъ то Прилѣпъ, Охриду и Воденъ; затѣмъ побѣдоносно, т. е. въ сущности не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, двинулся въ Грецію и на пути осадилъ Солунь въ 1337 г., гдѣ въ то время находился самъ императоръ. Льстивыя и въ то же время смиренныя рѣчи послѣдняго склонили Душана на миръ, и Солунь остался за Византіею. Въ 1341 г., когда умеръ Андроникъ Младшій, назначивъ къ малолѣтнему наслѣднику своему, Іоанну Палеологу, пра-

[1]) Poujoulat, Histoire de Constantinople, изд. 1853 г.

вителемъ Іоанна Кантакузена, опять представился поводъ къ вмѣшательству Душана въ византійскія дѣла; самъ правитель, угрожаемый сильною партіею вдовствующей императрицы Анны Савойской, бѣжалъ изъ столицы въ Дидемотику и просилъ помощи у Душана. Сербскій краль поспѣшилъ исполнить желаніе Кантакузена тѣмъ съ большею радостію, что это новое вмѣшательство давало ему возможность докончить занятіе византійскихъ округовъ, прерванное солунскимъ миромъ. Въ 1341 г. онъ вступилъ въ Ѳессалію и въ то время, когда Іоаннъ Кантакузенъ провозгласитъ себя въ Дидемотикѣ византійскимъ императоромъ и устроилъ великолѣпное торжественное коронованіе; въ то время, когда оба правителя, одинъ изъ Константинополя, а другой изъ Дидемотики, вели между собою ожесточенную войну, призывая каждый на помощь враговъ имперіи, изъ коихъ Іоанну Кантакузену послѣ измѣны помогали Турки; въ то время, когда вдовствующая императрица заключала безчеловѣчныя сдѣлки съ султаномъ турецкимъ, въ силу которыхъ Туркамъ дозволялось открыто увозить и продавать плѣнныхъ Грековъ, а Іоаннъ Кантакузенъ съ гордостью праздновалъ свадьбу своей малолѣтней дочери съ 80 лѣтнимъ султаномъ турецкимъ Урханомъ:— Душанъ безпрепятственно занималъ города Ѳессаліи, даже проникъ въ Грецію, занялъ здѣсь нѣсколько городовъ—въ Акарналіи. Обстоятельства стали благопріятствовать Душану тѣмъ болѣе, послѣ того, когда Кантакузенъ оставилъ Дидемотику и бросился на столицу, которая ему впрочемъ безъ сопротивленія сдалась. Здѣсь съ появленіемъ Кантакузена оказалось разомъ три правителя: Іоаннъ Палеологъ, Анна и Кантакузенъ. Смуты усилились; каждый изъ правителей желалъ захватить власть исключительно въ свои руки. Поддерживая попеременно каждаго изъ правителей, Душанъ въ то же время продолжалъ «завоеванія» на югъ и пріобрѣлъ здѣсь съ десятокъ городовъ, какъ напр. Охриду, Прилѣпъ, Касторію, Сересъ и др. Вопреки преобладающему мнѣнію писателей о южномъ славянствѣ, основанному на розсказняхъ современныхъ панегиристовъ славянскихъ кралей и царьковъ, мы никакъ не можемъ видѣть въ этихъ пріобрѣтеніяхъ и тѣни какого-либо завоевательнаго величія Душана. Весь успѣхъ его заключался въ томъ, что онъ *подобралъ* нѣсколько обломковъ разваливавшагося зданія, и даже ничѣмъ при этомъ не рискуя. Это была *оккупація* покинутыхъ областей, изрѣдка развѣ встрѣчавшая кой-гдѣ слабые проблески сопротивленія, о которыхъ впрочемъ современные писатели умалчиваютъ, разсказывая лишь, что прошелъ-де краль сербскій до Эгейскаго моря и взялъ такіе-то города. Это не было и *присоединеніе греческихъ областей къ Сербіи*, потому что если бы онѣ вошли въ составъ Сербскаго царства, то спрашивается почему же вскорѣ послѣ смерти Душана о нихъ, какъ о составныхъ

частяхъ Сербіи, нигдѣ не упоминается, а также нигдѣ не говорится о попыткахъ Сербіи, хотя и слабыхъ отстоять прежнія «завоеванія». Неужели эта борьба за цѣлость государства не нашла хроникеровъ, въ то время, когда семейныя дѣла сербскихъ кралей, ихъ родственныя отношенія къ болгарскимъ царямъ и византійскимъ императорамъ, ихъ домашнія дрязги, ихъ благочестивые подвиги, исчерпывавшіеся построеніемъ и украшеніемъ церквей, хожденіями по монастырямъ, описываются съ томительными подробностями. Если объ этой борьбѣ умалчивается, значитъ ея не было, а если не было борьбы, то стало-быть не изъ за чего было и вести ее, нечего было и отстаивать.

Говорятъ, что послѣ Душана началось разъединеніе Сербіи, и этимъ объясняютъ отпаденіе греческихъ областей; но разъединеніе началось не вдругъ: Урошъ V, сынъ Душана, еще крѣпко держался на престолѣ, а между тѣмъ уже въ его время не упоминается о пріобрѣтеніяхъ Душана, какъ о составныхъ частяхъ Сербіи. Мы полагаемъ, что самъ Душанъ, еслибы дольше прожилъ, отказался бы отъ своихъ греческихъ *завоеваній*, потому что слѣдовало прежде всего объединить собственную Сербію, да поработать надъ *собираніемъ* Сербскихъ земель: Босніи, Захлуміи, Срѣма, Мачвы, которыя то провозглашали себя независимыми, то признавали надъ собою власть Венгріи, то переходили подъ власть сербскаго краля. Правда, что въ 1346 г., вѣнчавшись на царство, Душанъ учредилъ независимый отъ Константинополя патріархатъ, принялъ титулъ «императора сербскаго, болгарскаго, греческаго и всего Адріатическаго побережья» и этимъ, по общепринятому мнѣнію, высказалъ стремленіе сдѣлаться чуть не властелиномъ всего Балканскаго полуострова. Но вообще изъ номенклатуры земель въ титулѣ нельзя дѣлать вывода объ обширности государства, а въ особенности комическимъ оказался бы такой выводъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о Балканскомъ полуостровѣ. Восточная хвастливость, проникшая въ политическіе нравы Византіи и заразившая представителей мелкихъ славянскихъ государствъ, повела къ тому, что при малѣйшемъ успѣхѣ того или другаго князька, послѣдній спѣшилъ величать себя повелителемъ *всѣхъ извѣстныхъ ему странъ*. Такъ Симеонъ Болгарскій, подвинувшись нѣсколько на юго-западъ отъ Балканъ, находилъ слишкомъ скромнымъ считать себя только царемъ Болгаріи, а принялъ титулъ императора «болгарскаго, греческаго и сербскаго» [1]); даже Самуилъ Болгарскій, котораго вся дѣятельность исчерпывалась разбойническими набѣгами и разореніемъ странъ имъ пройденныхъ, называлъ себя императоромъ, а что касается византійскихъ императоровъ, то и тѣ до самаго завоеванія Кон-

[1]) Раичъ, ч. I.

стантинополя (1453 г.) считали себя властителями всего Балканскаго полуострова и притомъ съ такою увѣренностью и съ такою настойчивостію по титулѣ считали весь Балканскій полуостровъ Византійскою имперіею, что ввели даже въ заблужденіе западныхъ писателей, которые до послѣдняго времени совершенно игнорировали существованіе на Балканскомъ полуостровѣ славянскаго политическаго общежитія. Когда они разсказываютъ о подчиненіи Балканскаго полуострова турецкому владычеству, то можно подумать, что рѣчь идетъ о борьбѣ Византійской имперіи съ Турками, потому что главными дѣйствующими лицами являются императоръ византійскій и турецкій султанъ, хотя бы дѣло шло о завоеваніи коренной Болгаріи. Точно также поступили и венгерскіе короли; въ свой титулъ они вставляли тѣ страны, въ которыхъ войска ихъ случайно временно занимали одинъ или нѣсколько городовъ; этой оккупаціи, притомъ кратковременной, казалось, достаточно, чтобы называть себя королемъ всѣхъ Сербскихъ и Болгарскихъ земель, хотя тамъ преспокойно царствовали свои правители; пока извѣстно, наконецъ, такою же хвастливостью отличались долгое время и преемники византійскихъ императоровъ, султаны турецкіе, по титулу которыхъ выходило, что они повелители всего міра. Словомъ, эта хвастливость проходитъ чрезъ всю исторію политической жизни Балканскаго полуострова повидимому такъ рѣзко кидается въ глаза, что никого бы не должна была вводить въ заблужденіе, а между тѣмъ въ исторіи южнаго славянства это заблужденіе до сихъ поръ находитъ мѣсто. Составители исторіи южнаго славянства читаютъ длинный списокъ городовъ, занятыхъ Душаномъ, притомъ списокъ, составленный со словъ его панегиристовъ; они встрѣчаютъ въ памятникахъ подлинный титулъ Душана (который впрочемъ самъ онъ только и признавалъ) съ наименованіемъ его «императоромъ греческимъ, сербскимъ, болгарскимъ и всего Адріатическаго побережья» — словомъ всего Балканскаго полуострова, и умиляются предъ Душаномъ, считая его время блестящимъ періодомъ въ исторіи южнаго славянства и если не сравниваютъ его съ великими завоевателями, то только потому, что у тѣхъ были враги сильные или многочисленные и нужно было много искуства, чтобы сломить ихъ, у сербскаго же краля не было противниковъ, которые бы могли дать ему отпоръ. Въ томъ и дѣло. Душанъ дѣйствовалъ при такихъ условіяхъ, какъ мародеръ на полѣ битвы, усѣянномъ убитыми и ранеными. Безнаказанно обираетъ онъ мертвыхъ, и только слабый стонъ еще недобитыхъ смущаетъ его спокойствіе, но, конечно, не представляетъ существенной помѣхи въ исполненіи его дѣла. Другой же силы, которая могла бы остановить это безчеловѣчное дѣло—нѣтъ; такимъ образомъ, онъ счастливо возвращается домой, обремененный добычею, и дома безъ сомнѣнія найдутся люди, которые станутъ величать его храбрецомъ. Представимъ

себѣ положеніе Турціи, предъ заключеніемъ послѣдняго мира, лишившейся всѣхъ своихъ армій, отъ которыхъ остались жалкіе обломки, разбросанные и разобщенные. Вообразимъ, что мира еще не заключено, что военныя дѣйствія продолжаются, т. е. выражаются эти военныя дѣйствія въ безпрепятственномъ занятіи городовъ и забираніи въ плѣнъ полунагихъ, голодныхъ, плохо вооруженныхъ иррегулярныхъ отрядовъ. Въ это время Сербія и Румынія надвигаютъ съ сѣвера, Черногорцы съ запада, а Греки съ юга; конечно тѣ и другіе натыкаются на города или вовсе беззащитные, или съ слабыми гарнизонами и,—вступаютъ въ города, не встрѣчая никакого сопротивленія. Между тѣмъ однако же въ газетахъ этихъ мелкихъ государствъ, положимъ, появляются трескучія и напыщенныя реляціи «о завоевательныхъ подвигахъ» Грековъ, Сербовъ, Румынъ, о необыкновенной храбрости того или другаго полководца, его стратегическихъ талантахъ и т. д. Не правда ли, что каждый изъ насъ, современниковъ, зная ближе настоящее положеніе Турціи, для окончательнаго разгромленія которой достаточно двухъ трехъ дивизій, прочелъ бы эти реляціи съ улыбкою, невольно вспомнивъ басню Крылова о похвальбѣ мухи, пріютившейся на возу. Но то, что въ насъ способно вызвать улыбку, очень легко можетъ перейти въ исторію какъ фактъ несомнѣнный; сложатся даже легенды о необычайныхъ подвигахъ Грековъ, Сербовъ, Румынъ въ послѣдней схваткѣ съ Турками, а историкъ этихъ народовъ непремѣнно отнесетъ Милана, Карла и Георга къ числу замѣчательныхъ полководцевъ, которые въ такое-то время и столько-то городовъ завоевали. При подобныхъ условіяхъ выросла слава Душана, краля сербскаго.

Надѣюсь, что я достаточно выяснилъ причины успѣховъ Душана и его предшественниковъ, по отношенію къ Византіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказалъ, что всѣ эти успѣхи ни мало не выдѣляютъ его изъ фаланги заурядныхъ сербскихъ кралей. Къ этому, для полноты разсказа о греческихъ завоеваніяхъ Душана, я долженъ сдѣлать здѣсь одно замѣчаніе. Какъ извѣстно, Душанъ нѣсколько разъ вступалъ въ предѣлы Византіи; нѣкоторые даже съ точностью утверждаютъ, что онъ предпринялъ сюда 13-ть походовъ. Хотя намъ кажется число это преувеличеннымъ, такъ какъ оно не вытекаетъ изъ какихъ-либо положительныхъ данныхъ, но не желая обременять вниманіе читателя разысканіемъ истины въ такихъ мелочахъ, которыя не имѣютъ существеннаго значенія, мы обходимъ вопросъ о дѣйствительномъ числѣ, предпринятыхъ Душаномъ походовъ въ Византію. Для насъ важнѣе уяснить смыслъ и поводъ ихъ. Предпринималъ ли Душанъ всѣ свои походы вслѣдствіе опредѣленной цѣли, для осуществленія извѣстныхъ строго обдуманныхъ плановъ, имѣвшихъ задачею возвысить могущество своего государства, или по причинамъ болѣе или менѣе случайнымъ. Отношенія Сербіи и

Болгаріи къ Византіи съ XIV ст. показываютъ, что правители двухъ первыхъ странъ большею частью *приглашались* византійскими императорами въ качествѣ наемниковъ въ такомъ же смыслѣ, какъ приглашались Татары и Турки; конечно, случалось, что эти наемники, видя безсиліе имперіи, подъ часъ покидали своихъ союзниковъ съ тѣмъ, чтобы поживиться въ свою пользу. Подобно тому, какъ Стефанъ Дечанскій, отецъ Душана, предпринималъ въ Византію походы съ тѣмъ, чтобы помочь то Андронику Старшему, то внуку его Андронику Младшему и всегда въ направленіи противоположномъ болгарскому царю [1]), такъ что, если послѣдній помогалъ Старшему, то краль сербскій спѣшилъ предлагать свои услуги Младшему,—поступалъ и Душанъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что ему приходилось раздѣлять свои симпатіи между другими лицами: Іоанномъ Кантакузеномъ и вдовствующею императрицею Анною. Въ началѣ онъ поддерживалъ Кантакузена, а потомъ перешелъ на сторону Анны, что ему нисколько не мѣшало опять сблизиться съ первымъ. Ради этихъ вмѣшательствъ въ византійскія дѣла, предпринималъ онъ большую часть своихъ походовъ, въ качествѣ союзника Кантакузена, подошолъ онъ съ своимъ войскомъ подъ стѣны Константинополя, но дальнѣйшее участіе его оказалось излишнимъ, такъ какъ какъ Кантакузену удалось проникнуть въ городъ съ небольшимъ своимъ отрядомъ. Какъ этотъ походъ противъ Константинополя, такъ и многіе другіе его походы нельзя считать самостоятельнымъ его предпріятіемъ: иниціатива ихъ лежала внѣ намѣреній его. Такимъ образомъ, мы утверждаемъ, что многіе походы Душана носили на себѣ печать случайности, отличались безсистемностью, не освѣщались какою-нибудь сознательною идеею, такъ что и въ отношеніи характера и смысла походовъ Душана, онъ ничѣмъ не выдѣляется изъ ряда, хотя и благочестивыхъ, но все таки обыкновенныхъ предшественниковъ, а также и изъ ряда сосѣдей своихъ царей болгарскихъ.

Въ то время, когда на югѣ Душанъ *подбиралъ* распадавшіяся части Византійской имперіи, съ сѣвера Сербіи угрожала серьозная опасность *Венгрія*, отвоевавъ отъ Византіи Срѣмъ (область, составляющую уголъ между нижнимъ теченіемъ Дуная и Савы), Кроацію и Далмацію, затѣмъ утвердивъ свое вліяніе къ Босніи и нынѣшней Герцеговинѣ стала ближайшимъ сѣвернымъ сосѣдомъ Сербіи. Такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ областей, напр. Срѣмъ, Боснія и Герцеговина, находясь подъ патронатствомъ венгерскихъ королей, управлялись лицами изъ княжескаго дома Неманей, — впрочемъ не постоянно,—которыя иногда тянули къ Сербіи и признавали надъ собою власть сербскихъ кралей

[1]) Engel, Geschichte der Bulgaren; Kanitz, Serbien.

то здѣсь естественно должны были происходить столкновенія сюзеренныхъ правъ венгерскихъ королей и династическихъ сербскихъ кралей. Было время, въ концѣ XII и началѣ XIII ст. при Стефанѣ Неманѣ,— когда эти славянскія земли, т. е. Срѣмъ, Боснія и Герцеговина входили въ составъ Сербскаго государства, но при преемникахъ его венгерское вліяніе усиливается, и земли эти только въ качествѣ приданаго за венгерскими принцессами переходили въ родъ Неманей, но это не мѣшало венгерскимъ королямъ, при первомъ же удобномъ случаѣ, изгонять Неманей и на мѣсто ихъ назначать своихъ правителей. Отсюда—постоянныя войны между Венгріею и Сербіею, которыя въ большинствѣ случаевъ оканчивались перевѣсомъ первой, успѣвавшей иногда захватывать даже собственно Сербскія земли, какъ область Вичлу, нынѣшній Шабацкій округъ. Эти войны должны были рѣшить вопросъ: чье господство утвердится въ указанныхъ земляхъ славянскихъ, родственныхъ ли Сербовъ или чуждаго иноплеменнаго народа Мадъярскаго. Что же касается другихъ славянскихъ земель, Далмаціи и Кроаціи, то втянуться въ кругъ западно-европейскаго міра, послѣ утвержденія въ нихъ католицизма (на Сплѣтскомъ соборѣ въ 925 г), онѣ уже въ X ст. могли считаться потерянными для славянскаго міра; хотя и населенныя родственнымъ Сербамъ племенемъ, страны эти пошли своимъ особливымъ отъ Сербіи путемъ политическаго развитія. Изъ нихъ Далмація съ начала X по XII ст. находилась во власти Венеціанцевъ, а потомъ въ 1105 г. перешла подъ власть венгерскихъ королей [1]). Отсюда то, т. е. изъ Далмаціи, утвердилось вліяніе Венгріи на бывшія мелкія сербскія жупы: Травунію, Захлумію, Неретву, которыя слившись впослѣдствіи стали извѣстны подъ общимъ именемъ Герцеговины, а съ сѣвера, какъ мы видѣли, утвердилось вліяніе Венгріи въ Срѣмѣ и Босніи. Венгерскіе короли настойчиво стремились слить эти славянскія земли съ своими мадьярскими, подобно тому, какъ они присоединили Далмацію и Кроацію. Утвердившись на Адріатическомъ побережьѣ, Мадьяры естественно желали обезпечить себѣ тылъ со стороны враждебнаго имъ народа Сербскаго. Но съ другой стороны и сербскіе крали не могли безучастно относиться къ неопредѣленному положенію названныхъ странъ, которымъ грозило венгерское завоеваніе. *Во первыхъ*, родственность племени, населяющаго эти страны, *во вторыхъ* необходимость выхода къ морю—побуждали сербскихъ кралей утвердить здѣсь свою власть; они должны были понимать, что развитіе политическаго могущества Сербіи, сдавленной Болгаріей, Византіею и Венгріею, немыслима безъ выхода къ морю; Сербія задыхалась въ средѣ окружающихъ ее враждебныхъ государствъ. И вотъ эти крали,

[1]) Kollay, Geschichte der Serben.

начиная съ перваго Неманя хлопочутъ объ утвержденіи своей власти въ названныхъ странахъ. Насколько серьозное значеніе придавали сербскіе крали полному обладанію Герцеговиной, Босніею и отчасти Срѣмомъ, какъ областью непосредственно соприкасающеюся съ Босніею, видно изъ тѣхъ анти-православныхъ сношеній съ папой, въ которыя они съ этою цѣлью вступали [1]). Вліяніе Рима въ XII и XIII ст. на международныя отношенія западной Европы давало ему права быть рѣшителемъ вопросовъ и столкновеній, неимѣвшихъ никакого отношенія къ религіи или церкви. Епископъ римскій былъ верховнымъ судьей въ политической жизни латинской Европы. Могущественные государи Европы обращались къ посредничеству римскаго первосвященника и нерѣдко подчинялись смиренно его приговорамъ, считая ихъ для себя безапелляціонными. Тѣмъ сильнѣе долженъ былъ признаваться авторитетъ папы въ государствахъ относительно мелкихъ и политически неокрѣпшихъ, какъ Венгрія. Здѣсь авторитетъ папы усилился со вступленіемъ на венгерскій престолъ перваго короля изъ Анжуйскаго дома Карла Роберта I (1309 г.), такъ какъ самое избраніе короля произошло исключительно по иниціативѣ папы Бонифація VIII. Вліяніе папы при Карлѣ I Робертѣ стало въ Венгріи такъ сказать офиціальнымъ: Карлъ Робертъ, при коронованіи своемъ долженъ былъ присягнуть конституціи, сильно ограничивавшей королевскую власть въ пользу папы, духовенства и дворянства [2]). Сербскіе крали, какъ ближайшіе сосѣди, конечно, имѣли понятіе какъ о событіяхъ, происходившихъ въ Венгріи, такъ и объ отношеніяхъ ея къ Риму, и потому всякій разъ, когда имъ грозила опасность со стороны Венгріи, когда являлись рѣшительныя попытки послѣдней утвердиться въ Босніи или Герцеговинѣ, сербскіе крали, въ особенности начиная съ Милутина (1275—1320), обращаются къ посредничеству папы, съ изъявленіемъ сыновней покорности римскому престолу и готовностью ввести въ Сербіи римскій католицизмъ. Папа съ радостью принималъ эту сыновнюю преданность и приказалъ венгерскому королю очистить Боснію отъ своихъ войскъ. Но стремясь къ распространенію власти своей надъ Босніею и Герцеговиной съ тѣмъ, чтобы найдти выходъ къ морю, сербскіе крали сдѣлали ту громадную ошибку, что вмѣсто того, чтобы поработать надъ органическимъ соединеніемъ родственныхъ странъ съ собственною Сербіею; вмѣсто того, чтобъ въ этихъ странахъ искать силу, противодѣйствующую мадьярскимъ притязаніямъ, они, эти крали, спѣшили искать помощи отъ Рима и относились къ названнымъ странамъ, не какъ къ желательной органической части собствен-

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи православныхъ церквей.
[2]) Шлоссеръ, Всемірная исторія, т. III, изд. 1869.

ной Сербіи, а какъ къ добычѣ, которою въ тѣхъ случаяхъ, когда она находилась въ ихъ рукахъ, чрезъ посредство преданныхъ кралямъ бановъ, пользовались въ такомъ же смыслѣ какъ Мадьяры, т. е. какъ доходною статьею. Отсюда естественно развилось нерасположеніе народа этихъ странъ къ Сербамъ, которое сдѣлалось однимъ изъ препятствій къ установленнію національно-политическаго общежитія Сербовъ, Босняковъ и Герцеговинцевъ. Послѣдніе два народа стали относиться безразлично къ господству надъ ними какъ Сербовъ, такъ и Мадьяръ, по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя указывали бы на какія либо волненія въ этихъ странахъ, по поводу перехода ихъ изъ подъ власти Венгріи подъ власть Сербіи, и наоборотъ. Поэтому можно предполагать, что при той настойчивости, съ которою Мадъяры стремились утвердиться въ этихъ странахъ, послѣднія подчинились бы Венгріи,— какъ Далмація и Кроація, если бы турецкое владычество не остановило наступательныхъ движеній Мадъяръ.

Душанъ, въ отношеніяхъ своихъ къ Венгріи, ни мало не выдѣляясь изъ ряда сербскихъ кралей, пошелъ по избитому его предшественниками пути. Онъ также держится здѣсь положенія оборонительнаго, и въ случаю бѣды, спѣшитъ подъ покровительство римскаго престола и сдаетъ своему наслѣднику тѣ же неопредѣлившіяся отношенія Сербіи къ Босніи и Герцеговинѣ, которыя засталъ при вступленіи своемъ на престолъ.

Война съ Венгріею началась вслѣдъ за заключеніемъ мира между Душаномъ и Андроникомъ Младшимъ, въ 1337 г., т. е. въ первые годы правленія Душана. Началъ ее король венгерскій Людовикъ I, избравшій удобную минуту для наступленія на Сербію, въ то время, когда сербскій краль съ войскомъ своимъ *занималъ* на югѣ греческіе города. Срѣмъ и Боснія, чрезъ которыя онъ прошолъ, не оказали ему никакого сопротивленія; венгерскій король углубился въ сердце Сербіи—въ Рудниковскій округъ. Душанъ въ это время только что заключилъ съ Андроникомъ миръ, по которому отступился отъ Солуня. Узнавъ о вторженіи Мадъяръ, Душанъ, поспѣшилъ домой; онъ засталъ почти всю западную половину Сербіи занятою непріятелемъ. Сербскіе историки умалчиваютъ какъ о подробностяхъ войны, такъ и о томъ, на чьей сторонѣ остался перевѣсъ. Только изъ мирныхъ условій, предложенныхъ Людовикомъ, можно догадаться, что пораженіе терпѣли Сербы, такъ какъ условія таковы, что предложить ихъ можетъ только побѣдившая сторона. Людовикъ требовалъ: 1) признанія главенства римской церкви и введенія въ Сербіи римско-католической вѣры; 2) возвращенія Срѣмской области; 3) признанія сербскаго краля вассаломъ венгерскаго короля; 4) выдачи заложникомъ сына Душана Уроша [1]). Условія тяжелыя и посягавшія

[1]) Раичъ, ч. III.

на независимость даже собственной Сербіи и на формальный и окончательный отказъ отъ обширной Срѣмской области, которая хотя и находилась подъ сюзеренствомъ венгерскихъ королей, но въ то же время, чрезъ посредство правителей своихъ изъ дома Неманей, состояла въ нѣкоторой зависимости отъ сербскихъ кралей. Въ этомъ очевидно критическомъ положеніи Душанъ обратился къ излюбленному его предшественниками средству: онъ молитъ папу, чтобы тотъ вступился и заставилъ венгерскаго короля отказаться отъ требованій унизительныхъ для самостоятельнаго государства; онъ согласился вполнѣ на принятіе перваго пункта условій и, кстати, при этомъ повторилъ увѣреніе «въ сыновней преданности папѣ и въ совершенной готовности не только признать его главою сербской церкви, но и ввести въ Сербіи католицизмъ. Папа дѣйствительно принялъ сторону сербскаго краля, и Людовикъ удалился, занявъ лишь на Дунаѣ нынѣшній Бѣлградъ, который уже въ то время считался укрѣпленнымъ городомъ. Впослѣдствіи этотъ городъ переходилъ изъ рукъ въ руки отъ Венгровъ къ Туркамъ и наоборотъ, пока уже, во второй четверти нашего столѣтія, не перешелъ къ Сербамъ; при Милошѣ Обреновичѣ онъ сдѣланъ столицею Сербскаго княжества.

Давъ папѣ обѣщаніе ввести въ Сербіи католицизмъ, Душанъ также, подобно своимъ предшественникамъ, не думалъ приводить въ исполненіе своего обѣщанія; грозившая опасность уже миновалась, а политическія дѣла отвлекли Людовика не только отъ Сербіи, но на время и отъ Венгріи.

Пользуясь отсутствіемъ Людовика, Душанъ вступилъ въ Боснію и опустошилъ всю страну до Думны и Цетины. Какую цѣль онъ при этомъ преслѣдовалъ, неизвѣстно, но что подобный образъ дѣйствій не могъ повести къ органическому объединенію опустошенной Босніи съ Сербіей и расположить Босняковъ къ Сербамъ—это достовѣрно.

Смуты въ Византіи и борьба между двумя одновременно существовавшими правительствами Іоанна Кантакузена въ Дидемотикѣ и вдовствующей императрицы Анны въ Константинополѣ, снова втянули Душана въ византійскія дѣла, а въ это время Людовикъ, оставивъ Неаполь, явился въ Захлумію и здѣсь, женившись на дочери захлумскаго (герцеговинскаго) бана, принялъ эту страну въ приданое за женою. Считая себя обезпеченнымъ съ этой, такъ и со стороны Босніи, Людовикъ вступилъ вновь въ Сербію, овладѣлъ Мачвою (Шабацкій округъ). На этотъ разъ во-время возвратившійся Душанъ, привелъ съ собою достаточно войска и, вытѣснивъ Мадьяръ, отнялъ Мачву. Но и здѣсь не обошлось безъ компромиссовъ съ Римомъ, которому Душанъ вторично заявилъ о своей преданности и даже просилъ необхо-

димыхъ для введенія въ Сербіи католицизма людей. Папа немедленно исполнилъ желаніе Душана, прислалъ священниковъ, даже епископовъ для преобразованія церковной іерархіи въ смыслѣ католическомъ. Такъ какъ и въ этомъ случаѣ сербскій краль не придавалъ никакого серьознаго значенія своему обѣщанію, то пріисканъ былъ поводъ къ ссорѣ съ католическимъ епископами, съ тѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ. Епископы дѣйствительно уѣхали. Послѣдніе переговоры съ Римомъ и столкновеніе съ Мадьярами совпадаютъ съ 1354 г. Этимъ завершились отношенія Душана къ Венгріи и по поводу ихъ—къ римскому первосвященнику.

Что касается отношеній Сербіи *къ Босніи* и *Герцеговинѣ*, то изъ предшествовавшаго разсказа онѣ нѣсколько уже выяснились и могутъ быть вообще названы неопредѣленными, какими ихъ и оставилъ Душанъ.

Заключая въ себѣ область между Савой, Неретвой, Вербасомъ и Дриномъ, *Боснія* до IX в. входила въ составъ Сербіи, составляя одну изъ ея жупъ [1]); при распаденіи Сербіи на мелкія независимыя владѣнія, когда великожупанская власть потеряла всякое реальное значеніе и перестала быть центромъ политическаго общежитія Сербовъ, а развитіе федеративнаго строя жизни, вслѣдствіе иноземныхъ вмѣшательствъ, не могло идти правильнымъ ходомъ, отпала и Боснія, но не могла держаться самостоятельно и въ томъ же столѣтіи примкнула къ Хорватіи. Послѣ присоединенія въ XII ст. Хорватіи къ Венгріи, въ зависимости отъ этой послѣдней стала и Боснія. Зависимость эта была, впрочемъ, неполная и ограничивалась сюзеренными правами венгерскихъ королей на Боснію, правители которой назывались банами, титуломъ заимствованнымъ отъ Хорватовъ. Пока правителями Босніи назначались родичи венгерскихъ королей, связь Босніи съ Сербіею, несмотря на національное родство, была весьма слаба; но съ конца XII ст. Боснія стала въ нѣкоторую зависимость отъ Сербіи, чрезъ посредство своихъ правителей, которые нѣкоторое время назначались изъ рода Неманей и въ силу этого признавали надъ собою власть сербскихъ кралей. Такимъ образомъ возникли двойственныя отношенія Босніи: къ *Венгріи* и *Сербіи*. Неизвѣстно въ чемъ заключались эти отношенія и въ какихъ подробностяхъ выражалась зависимость боснійскихъ бановъ отъ венгерскихъ и сербскихъ государей. По всей вѣроятности эта зависимость ограничивалась платежемъ дани или признаніемъ верховенства то венгерскихъ королей, то сербскихъ кралей. Во всякомъ случаѣ зависимость эта была весьма слабая, потому что въ дѣлахъ внутренняго управленія страны

[1]) Schafarik, Slavische Alterthümer, т. II.

баны держались совершенно самостоятельно, до такой степени, что покровительствовали у себя Патеранской ереси (напр. Кулинъ, 1180 г.), въ то время, когда она преслѣдовалась сербскими кралями. Съ 1376 года баны приняли даже королевскій титулъ, и Твардко Твардковичъ называется первымъ королемъ Босніи. Изъ этаго превращенія Босніи въ королевство нельзя дѣлать вывода ни о какомъ либо существенномъ внутреннемъ преобразованіи общественнаго строя страны, ни объ измѣненіи вассальныхъ отношеній къ Венгріи. Королевская власть въ Босніи была также парализуема сильнымъ боярскимъ сословіемъ, какъ и прежняя власть бановъ [1]); кромѣ того она не устранила политической независимости древнихъ дворянскихъ родовъ, такъ что до завоеванія Босніи Турками въ 1463 году страна эта распацалась на нѣсколько мелкихъ самостоятельныхъ владѣній, на которыя власть королевская распространялась весьма номинально. Вообще относительно Босніи слѣдуетъ сказать, что она никогда не составляла одного цѣльнаго государственнаго организма. Единственная форма общежитія, которая могла вывести страну изъ хаотическаго состоянія анархіи,—федерація, не могла здѣсь развиться, вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, которыя вносили смуту во внутренній строй жизни и представляли соблазнъ отдѣльнымъ честолюбцамъ искать внѣшней помощи для своихъ личныхъ выгодъ. Это искательство опоры внѣ страны сдѣлалось до такой степени своеобычнымъ въ Босніи, что первый король боснійскій Твардко Твардковичъ, для полученія королевскаго престола, который, какъ мы замѣтили, сводился къ пустому титулу, вступилъ въ сношенія съ Турками, призывая ихъ на помощь противъ бояръ. А что касается отношеній *къ Риму*, то какъ баны, такъ затѣмъ и короли нерѣдко обращались къ его посредничеству, подобно тому, какъ сербскіе крали, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ Босніи эти сношенія съ Римомъ повели къ болѣе реальнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ нѣкоторые изъ правителей Босніи дѣйствительно допускали у себя католическую пропаганду, которая шла тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе находила поддержку въ правителяхъ. Рядомъ съ католицизмомъ процвѣтала въ Босніи Патеранская ересь, которая также находила покровителей въ нѣкоторыхъ банахъ и короляхъ боснійскихъ. Наибольшею извѣстностью она пользовалась въ средѣ массы народа. Такимъ образомъ религіозный строй жизни Боснійскаго королевства во многомъ отражалъ собою политическое состояніе страны. Православіе, католицизмъ и Патеранская ересь въ Босніи до завоеванія Турками точно такъ же были равносильны, какъ впослѣдствіи первые два и исламъ, который вытѣснилъ Патеранскую ересь. Хотя нѣтъ точныхъ свѣдѣній о томъ, въ какой сферѣ—православія,

[1]) Майковъ, Исторія сербскаго языка.

католицизмѣ или Патеранской ереси мусульманскій прозелитизмъ сдѣлалъ наиболѣе успѣховъ, но по нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что *не Патеранская ересь* была тою сферою, въ которой исламъ нашолъ наибольшее число послѣдователей. Ересь Патеранская въ Босніи, какъ Богомильская въ Болгаріи, наиболѣе распространена была въ массѣ народа, а если въ Босніи встрѣчаются нѣкоторые правители, которые покровительствовали этой ереси, то они поступали такъ съ цѣлью склонить на свою сторону эту массу, въ борьбѣ съ сильнымъ боярскимъ сословіемъ, въ рукахъ котораго находились обширныя поземельныя владѣнія. Съ другой стороны мы знаемъ, что Турки силою оружія распространяя исламъ, сохраняли вполнѣ прежнее привиллегированное общественное положеніе за тѣми, которые принимали религію завоевателей. Кто же, спрашивается, былъ наиболѣе заинтересованъ сохраненіемъ общественнаго и имущественнаго statu quo: неимущая искони вѣковъ масса, т. е. низшій слой народа, или люди привыкшіе повелѣвать и пользоваться всякими пріятностями жизни?.. Дѣйствительно, эти послѣдніе спѣшатъ въ объятія ислама и въ награду за это остаются прежними богатыми помѣщиками, съ прежними притязаніями на административную автономію въ своихъ владѣніяхъ; а такъ какъ боярство въ религіозномъ отношеніи раздѣлялось между православіемъ и католицизмомъ, то мы и приходимъ къ заключенію, что въ сферѣ этихъ двухъ религій сдѣланы были наибольшія завоеванія ислама [1]). Что же касается дальнѣйшей судьбы Патеранской ереси, то *во первыхъ* отсутствіе преслѣдованія со стороны православія и католицизма, которые лишившись опоры въ свѣтской власти, обезоружены были для продолженія борьбы съ ересью; *во вторыхъ*, общій гнетъ турецкаго владычества—по всей вѣроятности повели къ тому, что ересь стала постепенно разлагаться; масса народная передъ лицомъ врага христіанства, оставленная своими счастливыми братьями о Христѣ,—боярскимъ сословіемъ, поспѣшившимъ принять исламъ, и ставшими въ отношеніи къ ней болѣе неумолимыми врагами, чѣмъ сами Турки, масса народа постепенно стала обращаться къ православію, какъ въ духовной опорѣ въ ея загнанномъ положеніи и охотно присоединялась къ церкви, послѣдователи которой подвергались такимъ же преслѣдованіямъ, находились не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ она; одинаковость внѣшней обстановки отвлекла послѣдователей ереси къ православію.

Разумѣется находились люди въ средѣ народа, которые принимали исламъ, если это ренегатство могло сопровождаться улучшеніемъ ихъ

---

[1]) Противоположное мнѣніе высказываетъ Голубинскій (Очеркъ исторіи, стр. 586).

матеріальнаго положенія, но вообще они составляли исключеніе, подобно тому какъ происходило въ Болгаріи, гдѣ тоже распространеніе ислама имѣло наибольшій успѣхъ въ зажиточныхъ слояхъ общества. Разъединенная *политически* и *религіозно*,—Боснія по единоплеменности своего населенія съ Сербами могла слиться съ Сербіею, если бы кромѣ внѣшнихъ событій этому не препятствовали властолюбивыя претензіи сербскихъ кралей, имѣвшихъ цѣлью создать абсолютизмъ тамъ, гдѣ, уже въ силу мѣстныхъ условій, онъ не могъ привиться. Душанъ въ отношеніяхъ своихъ къ *Босніи* ничѣмъ не отличался отъ заурядныхъ предшественниковъ своихъ и также какъ они проявилъ неспособность и неумѣлость въ политическомъ сближеніи этой страны съ родственною ей Сербіею; какъ прежде, такъ и при немъ Боснія оставалась чуждою Сербіи, охотнѣе подчиняясь венгерскимъ королямъ, чѣмъ сербскимъ кралямъ. Точно также Душанъ неизмѣнилъ ни въ чемъ и прежнихъ отношеній Сербіи къ *Герцеговинѣ* (Захлуміи). Захлумія до IX в. составляла одну изъ сербскихъ областей, жупанами которой были члены сербскаго княжескаго рода Властиміровa, признававшіе власть великаго жупана. Съ паденіемъ этой власти, правители Захлуміи, не бывъ въ состояніи держаться самостоятельно, среди другихъ жупановъ, признавали надъ лобью власть то Византіи, то Хорватовъ, пока, черезъ посредство боснійскихъ бановъ, не обратились въ вассаловъ венгерскихъ королей. Сербскіе крали стремились утвердить здѣсь свою власть, но постоянно неудачно. Правда иногда они принимались за утвержденіе своей власти энергически. Вторгались сюда съ войскомъ, изгоняли бана, ставили тутъ своего правителя, но третируя страну какъ непріятельскую, т. е. предавая ее всѣмъ ужасамъ войны, сербскіе крали этимъ способомъ дѣйствій не могли конечно достигнуть національно-политическаго объединенія Герцеговины съ Сербіею. Душанъ пытался брачными связами утвердить свою власть надъ Герцеговиною; онъ требовалъ отъ боснійскаго бана Стефана, отъ котораго въ то время зависѣла Захлумія,—выдать дочь его Елисавету за сына сербскаго краля, и въ видѣ приданаго за нею—Захлумію; но Стефанъ отказалъ, предпочелъ Людовика, короля венгерскаго. Попытка Душана такимъ образомъ не увѣнчалась успѣхомъ: Захлумія перешла въ удѣлъ родичей королевскаго венгерскаго дома. До окончательнаго утвержденія здѣсь турецкаго владычества въ 1453 г., правители этой страны признавали надъ собою власть венгерскихъ королей. Только одинъ изъ послѣднихъ бановъ, Стефанъ, призналъ себя вассаломъ нѣмецкаго императора Фридриха III, отъ котораго въ 1449 г. получилъ титулъ герцога, отвуда и управляемая имъ страна стала называться *Герцеговиною* — сначала Турками, а потомъ это названіе сдѣлалось общимъ географическимъ терминомъ.

Стефанъ недолго оставался вассаломъ нѣмецкаго императора: послѣ завоеванія Босніи, очередь дошла и до Герцеговины. Стефану осталось бѣжать или признать новую власть. Онъ избралъ послѣднее и встрѣтилъ Турокъ какъ друзей, не выставивъ никакого сопротивленія За то Турки оставили нѣкоторую, т. е. административную автономію за Герцеговиною и по отношенію къ Стефану удовольствовались тѣмъ, что онъ призналъ себя данникомъ турецкаго султана. Только при сыновьяхъ Стефана, которые изъ-за власти затѣяли междоусобицу, Турки въ 1483 г. заняли эту страну и ввели здѣсь свое управленіе. Въ религіозномъ отношеніи Герцеговина раздѣляла судьбу Босніи [1]); здѣсь тоже господствовало троевѣріе,—православіе, католицизмъ и Патеранская ересь,—до такой степени, что трудно было бы опредѣлить, какое изъ этихъ вѣрованій имѣло перевѣсъ, и точно такъ же какъ Боснія послѣ турецкаго завоеванія, Герцеговина раздѣляется между православіемъ, католицизмомъ и исламомъ.

Въ заключеніе очерка объ отношеніи Сербіи къ Славянскимъ землямъ Иллирика слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ о маленькой области *Діоклеѣ*, изъ которой образовалась нынѣшняя *Черногорія*, и о славянской республикѣ *Дубровникѣ* (Рагузѣ).

До перенесенія великожупанскаго престола въ г. Расу (вблизи нынѣшняго Новаго Пазара), т. е. до конца XII ст., *Діоклея*, несмотря на свою миніатюрность, составляла центръ политической жизни обширныхъ тогда Сербскихъ земель [1]). Послѣ того, когда великожупанскій престолъ перенесенъ былъ въ Расу, Діоклея стала удѣломъ, который получалъ обыкновенно старшій въ родѣ Неманей, или вообще наслѣдникъ престола. Соприкасаясь съ одной стороны съ моремъ, а съ другихъ окруженная трудно переходимыми горами и скалами, Діоклея во время частыхъ внутреннихъ смутъ, происходившихъ въ Сербіи, сдѣлалась надежнымъ убѣжищемъ, гдѣ укрывались недовольные господствовавшими въ то или другое время порядками. Сюда бѣжали бояре сербскіе или отъ гнѣва великожупанскаго, или вслѣдствіе нежеланія переносить предпочтеніе, оказываемое греческимъ выходцамъ; здѣсь у наслѣдника престола созрѣвала мысль поторопиться стать во главѣ государства, такъ какъ по получаемымъ имъ отъ перебѣжчиковъ извѣстіямъ тамъ, при дворѣ его отца, пріобрѣла силу греческая партія, которая подготовляетъ другаго кандидата и очень легко можетъ успѣть въ своемъ намѣреніи, если будетъ сидѣть сложа руки. Собрать здѣсь войско было не трудно: все населеніе этой области, очень живописной, но мало представляющей усло-

---

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи правосл. церквей.

[2]) Гильфердингъ, Собр. соч., т. I.

вій для культурной жизни, располагающей людей къ мирной дѣятельности, можетъ стать подъ ружье; кромѣ того легко привлечь, ради добычи, населеніе мелкихъ сосѣднихъ областей. Собравши достаточную силу, претендентъ открыто заявлялъ свои требованія. Случалось, что его застигали въ расплохъ (напр. Стефана Дечанскаго), но бывало и такъ, что онъ побѣдоносно проникалъ въ собственную Сербію и силою оружія добывалъ себѣ престолъ (напр. Стефанъ Душанъ, захватившій въ плѣнъ своего отца и удушившій его). Такія отношенія правителей Діоклеи и сербскихъ кралей не могли, конечно, укрѣпить связь между двумя этими странами, тѣмъ болѣе, что ихъ раздѣляла, враждебная Сербіи, Боснія; Діоклея съ тѣхъ поръ, когда стала удѣльнымъ владѣніемъ, пошла своимъ особымъ путемъ развитія. Стефанъ Душанъ, подобно своимъ предшественникамъ, хотя и считалъ Діоклею одною изъ сербскихъ областей, но и его власть по отношенію къ этой области оставалась такою же номинальною, какъ и прежнихъ кралей, и онъ не съумѣлъ втянуть ее въ политическую жизнь и государственные интересы Сербіи; мы знаемъ по крайней мѣрѣ, что Діоклея не принимала участія въ войнахъ Сербіи съ Византіею и Венгріею, хотя столкновенія съ послѣднею происходили и въ Босніи и Герцеговинѣ, т. е. въ близи этой области. Со временъ Душана политическая жизнь Діоклеи еще больше обособилась отъ Сербіи. Прежде по крайней мѣрѣ существовала династическая связь: Діоклеей правили родичи сербскаго государя, обыкновенно его сыновья. При Душанѣ здѣсь возвысился боярскій родъ Бальшичей въ лицѣ Юрія и Бальша, которые стали править этой страной, въ качествѣ совершенно независимыхъ отъ Сербіи владѣльцевъ. Послѣ смерти Бальша (1421 г.) Діоклея нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки, была завоевана Венеціанцами, потомъ герцеговинскимъ правителемъ Стефаномъ Косачемъ, и наконецъ Турками въ концѣ XV ст. Владычество Турціи относительно Діоклеи, изъ верхней части которой съ городомъ Цетинье образовалась нынѣшняя Черногорія,—не уничтожило административной автономіи страны; она по прежнему избирала своихъ воеводъ, платившихъ султану дань, пока при Даніилѣ Петровичѣ Нѣгошѣ въ концѣ XVII ст., вовсе не отказалась отъ платежа дани, хотя турецкое правительство и послѣ того продолжало считать Черногорію турецкою провинціею.

Черногорія до послѣдняго времени представляла собою рѣдкій примѣръ теократическаго государства, глава котораго совмѣщалъ въ себѣ свѣтскую и духовную власть. Предводитель возстанія Даніилъ Нѣгошъ, избранный главою государства, былъ въ то же время и митрополитомъ, т. е. высшимъ іерархомъ черногорской церкви. За нимъ слѣдуютъ государи митрополиты: *Савва Петровичъ*, его племянникъ (1735—1782).

Петръ Петровичъ I (1782—1830), при которомъ къ Черногоріи присоединилось нѣсколько округовъ или нахій (Черничская, Бѣлопавличская, Пиперская и Морачская), *Петръ Петровичъ II* (1830—1851), при которомъ присоединилась еще одна нахія—Кучи. Только въ 1851 г., по волѣ народнаго вѣча, свѣтская власть государя была отдѣлена отъ церковной, и избранный главою государства Данiилъ Петровичъ, племянникъ предшествующаго, провозглашенъ былъ подъ именемъ Даніила I наслѣдственнымъ княземъ Черногоріи, который въ 1860 г. убитъ въ Катарро однимъ Черногорцемъ. За отсутствіемъ нисходящей линіи, въ этомъ же году избранъ княземъ его племянникъ Николай, который по настоящее время правитъ Черногоріею [1]).

Что касается *Дубровника* (Рагузы), то городъ этотъ возникъ въ VII ст. вблизи римской колоніи Эпидавра, разрушенной Славянами, которые въ это время, т. е. въ VII в., густо заселяли весь Иллирикъ и заставили приморскіе города платить себѣ дань. Жители разрушеннаго Эпидавра, свыкшіеся съ мореплаваніемъ и торговлею, и боясь проникнуть въ глубь страны, заложили основаніе новому городу на высокой скалѣ, вдающейся въ Адріатическое море. Въ послѣдующее время городъ этотъ сталъ привлекать къ себѣ Славянъ, разсѣявшихся по Адріатическому побережью, которые если и не вытѣснили собою первоначальный романскій элементъ, то численностью своею несомнѣнно взяли надъ нимъ перевѣсъ, такъ какъ притокъ Славянъ въ этотъ городъ постоянно продолжался, а Римъ уже въ IV ст. пересталъ высылать своихъ переселенцевъ. Ведя морскую торговлю, которая послужила источникомъ его богатства и относительнаго могущества, Дубровникъ необходимо долженъ былъ вступить въ сношенія съ другою торговою республикою—Венеціею, которыя иногда вели къ враждебнымъ столкновеніямъ, оканчивавшимся временною зависимостью Дубровника отъ Венеціи. Эти постоянныя сношенія и временная зависимость отъ могущественной средневѣковой республики не остались безъ вліянія на общественный строй жизни, и въ особенности на религію. Населенный почти исключительно Славянами, Дубровникъ, послѣ раздѣленія церквей, примкнулъ къ римско-католической, съ принятіемъ латинскаго языка въ богослуженіи; латынь впрочемъ сдѣлалась и языкомъ письменности. Только въ народѣ держался славянскій языкъ, который въ настоящее время почти не узнаваемъ, до такой степени онъ исказился, вслѣдствіе наплыва романскихъ словъ, преимущественно италіянскихъ. Подъ вліяніемъ Венеціи, здѣсь выработалась республика съ преобладаніемъ аристократическаго начала. Управленіе распредѣлилось между княземъ, совѣтомъ ста-

[1]) Дучичъ, Црна Гора, изд. 1874 г.

рѣйшинъ и вѣчемъ. Первые два избирались изъ сословія благородныхъ, которые постоянно оставались сословіемъ преобладающимъ; оно исключительно въ рукахъ своихъ держало городское управленіе и нерѣдко, имѣя поддержку въ дожахъ венеціанскихъ, нарушало право вѣча, заправляя даже внѣшними дѣлами республики [1]). Питая отвращеніе къ войнѣ, какъ наносившей громадный вредъ его тороговой жизни, Дубровникъ однако нерѣдко бывалъ вовлекаемъ въ войны, помимо своего желанія; ему приходилось обыкновенно обороняться. Въ IX ст. напали на него Сарацины, которыхъ онъ, благодаря сильному флоту, удачно отбилъ; въ X в. болгарскій царь Симеонъ, а потомъ въ XI в. Самуилъ подступали къ самому городу, но взять его не могли, ограничиваясь разореніемъ принадлежавшихъ ему приселковъ.

Лавируя между союзами съ Византіею и Венеціею, Дубровникъ послѣдовательно вызывалъ неудовольствіе въ той и въ другой; слѣдствіемъ этого были враждебныя столкновенія съ обѣими странами, оканчивавшіяся временною зависимостью отъ Византіи или Венеціи. Зависимость эта (въ особенности отъ Византіи) ограничивалась платежемъ дани, не затрагивая внутренней автономіи республики. Волненія въ Босніи и Хорватіи также втягивали Дубровникъ въ войны, но всѣ онѣ оканчивались удачно для республики, которая искусными договорами умѣла ограждать свои интересы и денежными выкупами предупреждать суровыя послѣдствія военныхъ пораженій. Сербскіе крали,. со включеніемъ Душана, пытались завоевать Дубровникъ, но въ лучшихъ для нихъ случаяхъ эти попытки разрѣшались денежными выкупами и увеличеніемъ платимой Дубровникомъ Сербіи дани, за владѣніе смѣжными съ городомъ землями, составлявшими части Діоклейской области. Вслѣдъ за смертью Душана (1356), Дубровникъ подчинился Венгріи и остался во владѣніи ея по 1526 г., когда распространившееся по всему Балканскому полуострову турецкое владычество заступило мѣсто Венгріи и по отношенію къ Дубровнику. При турецкомъ владычествѣ Дубровникъ сохранялъ полную внутреннюю автономію, обязанный лишь платежемъ дани султану. Султаны турецкіе даже покровительствовали Дубровнику въ его торговой дѣятельности [2]), и это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что городъ имѣлъ при дворѣ султана сильныхъ заступниковъ, турецкихъ же сановниковъ, тѣсно связанныхъ денежными интересами съ этою торговою республикою; кромѣ того, какъ показываютъ письменные акты общественнаго управленія города, многіе изъ турецкихъ сановниковъ имѣли значительные денежные вклады въ рукахъ дубров-

---

[1]) Майковъ, Исторія сербскаго языка.

[2]) Hammer, Geschichte der Osmanischen Reicher, т. I.

ницкихъ капиталистовъ, и потому охраняя интересы республики, они вмѣстѣ съ тѣмъ охраняли свои. Такъ продолжалось до конца XVIII ст., когда Французы, на обратномъ пути изъ египетской экспедиціи, заняли Дубровникъ съ нѣсколькими Адріатическими городами и присоединили его къ Иллиріи. Походъ Наполеона въ Россію и послѣдовавшія затѣмъ неудачи его отвлекли вниманіе Франціи отъ Адріатическаго побережья, которое и было покинуто французскими гарнизонами. Пользуясь этимъ, а также и спѣша предупредить притязанія Турціи на Дубровникъ, Австрійцы осадили городъ, который въ 1814 г. сдался на капитуляцію. Потерявъ съ тѣхъ поръ внутреннюю автономію съ республиканскими учрежденіями, Дубровникъ, подъ именемъ Рагузы, сталъ однимъ изъ главныхъ городовъ Далмаціи, съ крѣпостью и архіепископскою каѳедрою. Такъ какъ территорія этой торговой республики въ началѣ ограничивалась почти исключительно предѣлами города, то главною заботою Дубровника сдѣлалось пріобрѣтеніе земель для разведенія виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ, огородовъ и хлѣбныхъ посѣвовъ. Хотя въ большинствѣ случаевъ Дубровникъ пріобрѣталъ земли за деньги преимущественно отъ сербскихъ великихъ жупановъ, владѣнія которыхъ соприкасались съ Дубровникомъ, но бывали и постепенные захваты: они обыкновенно начинались съ того, что городъ разводилъ на чужой землѣ виноградники или засѣвалъ поля. Потомъ, когда въ IX в. Сербія распалась, и изъ нея выдѣлилось нѣсколько мелкихъ независимыхъ владѣній, какъ Захлумія и Травунія, Дубровникъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ правителями этихъ земель, сводившіяся къ платежу опредѣленной суммы за пользованіе землею. Замѣчательно, что какъ правители этихъ мелкихъ владѣній, такъ и сербскіе государи, владѣнія которыхъ соприкасались съ Дубровникомъ со стороны Діоклейской области, предоставляли земли не въ вѣчность, а лишь право пользованія землями, о чемъ всегда составляли договоръ, въ которомъ опредѣлялась сумма, платимая Дубровникомъ. Не смотря, конечно, на эти договоры, спорамъ между Дубровникомъ и сосѣдними владѣльцами не было конца. Причиною этихъ споровъ бывали обыкновенно требованія со стороны захлумскихъ, травунскихъ или сербскихъ князей большей платы, чѣмъ условлено въ договорѣ [1]). Эти прижимки дѣлались обыкновенно въ то время, когда Дубровникъ по внѣшнимъ отношеніямъ своимъ къ Византіи, Венеціи или Венгріи находился въ стѣснительномъ положеніи, вынуждавшемъ его быть уступчивымъ передъ требованіями даже несправедливыми. Но за то случалось, что и сами Дубровничане своими захватами земель подавали поводъ къ спорамъ, которые, какъ и въ пер-

[1]) Майковъ, Исторія сербскаго языка.

вомъ случаѣ, всегда разрѣшались мирно въ формѣ денежной уплаты. Избѣгая войны, Дубровникъ вообще привыкъ разрѣшать всѣ недоразумѣнія деньгами, и къ оружію прибѣгалъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было откупиться.

Искусно лавируя во время смутъ и переворотовъ, происходившихъ въ политической жизни сосѣднихъ владѣній, дружась въ одно и то же время съ обоими противниками, Дубровникъ съумѣлъ сохранить свою независимость при всѣхъ своихъ незначительныхъ рессурсахъ, а иногда извлекалъ даже выгоду. Такъ напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда, во время внутреннихъ смутъ, подъ покровительство города прибѣгалъ тотъ или другой князекъ, или претендентъ, — Дубровникъ выговаривалъ у него новыя торговыя привиллегіи своимъ купцамъ; нерѣдко землю или уменьшеніе платы за пользованіе ею. Такимъ образомъ великій жупанъ сербскій Родославъ (1224—1230), тѣснимый братомъ своимъ Владиславомъ, вѣроятно за какое-нибудь обѣщаніе со стороны Дубровника, простилъ городу всѣ дани, которыя платилъ за Рѣку, за затонскіе, полицкіе и жерковницкіе виноградники и за всѣ земли, засаженныя лозами, но съ тѣмъ, чтобы Дубровничане не занимали впредь ни одной пяди королевской земли ни лозою, ни житомъ, ни овощами. Подобно своему предшественнику, и Владиславъ, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ (изгнанный впослѣдствіи братомъ своимъ Урошемъ), сдѣлалъ Дубровнику уступки, простивъ ему недоимки за прежніе годы. За то преемникъ его Урошъ I-й своими прижимками едва не довелъ Дубровникъ до объявленія войны. Въ этомъ случаѣ Дубровникъ поспѣшилъ оградить себя союзомъ съ царемъ болгарскимъ Михаиломъ. Въ 1253 г. заключенъ былъ договоръ, по которому союзники обязались: 1) имѣть общихъ враговъ и друзей; 2) Дубровникъ не принимаетъ подъ свое покровительство ни сербскаго краля, ни его родственниковъ, ни сторонниковъ; 3) Михаилъ не долженъ заключать сепаратнаго мира съ сербскимъ кралемъ; 4) Дубровникъ помогаетъ Михаилу по возможности всѣми силами на морѣ, въ поморьѣ и на сушѣ; 5) изготовляется черезъ двѣ недѣли съ того времени, какъ послышитъ о его вторженіи въ Сербію; 6) въ городѣ остается только необходимая стража; 7) передаетъ Михаилу всѣ приморскіе города и церкви, которыми завладѣетъ; 8) Михаилъ защищаетъ Дубровникъ въ случаѣ вторженія непріятельскаго [1]). Кромѣ этихъ военно-политическихъ условій, во всѣ договоры Дубровника включались и пункты, касающіеся дарованія или охраненія правъ дубровницкихъ купцовъ по торговлѣ ихъ въ земляхъ контрагентовъ, причемъ всегда выходило такъ, что наибольшую выгоду извлекалъ

---

[1]) Ганчъ, ч. III; а также Майковъ, Исторія сербскаго языка.

Дубровникъ, уже потому, что не столько сосѣдніе купцы посѣщали Дубровникъ, сколько дубровницкіе заводили торговые рынки и продавали свои товары въ сосѣднихъ земляхъ, и стало быть, Дубровникъ былъ болѣе заинтересованъ въ огражденіи правъ свободной торговли, чѣмъ иноземные купцы славянскихъ странъ со включеніемъ Болгаріи; это право непремѣнно выговаривалось договоромъ Дубровника.

Надобно удивляться замѣчательному искуству этой маленькой республики мирно, а иногда и съ выгодой выпутываться путемъ договоровъ изъ трудныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ она была поставлена. Не проходило и года, чтобы Діоклея или какой-нибудь изъ крупныхъ или мелкихъ владѣльцевъ Сербіи, Босніи, Герцеговины, не находили поводовъ къ враждебнымъ столкновеніямъ съ Дубровникомъ по поводу ли неплатежа дани, захвата земли, дружбы съ враждебными сосѣдями; но всегда Дубровникъ успѣвалъ предотвращать грозу надежною коалиціей. Только при внезапныхъ нападеніяхъ Дубровникъ терпѣлъ потери, которыя выражались обыкновенно разореніемъ его земель и пригородовъ, напр. въ 1289 г., когда сербскій краль Милутинъ по неизвѣстнымъ причинамъ неожиданно подступилъ къ Дубровнику и долгое время держалъ его въ осадѣ и думая голодомъ довести городъ до сдачи; но такъ какъ со стороны моря подвозъ припасовъ оставался свободнымъ, то путемъ голода, конечно, нельзя было взять города, сильно укрѣпленнаго со стороны суши.

Только такія отдѣльныя случайности тревожили мирную жизнь Дубровника, который изъ нихъ очень часто извлекалъ себѣ выгоды, добиваясь посредствомъ договоровъ какихъ-либо новыхъ правъ въ вознагражденіе убытковъ и разоренія доходныхъ статей республики. Мы сказали, что въ торговыхъ договорахъ съ правителями славянскихъ странъ наибольшую выгоду извлекалъ Дубровникъ, а что касается Сербіи, то даже при прославленномъ царѣ Душанѣ Сербія въ торговыхъ отношеніяхъ съ Дубровникомъ играла подчиненную роль. Какъ при его предшественникахъ, такъ и при немъ интересы туземныхъ купцовъ оставлялись безъ вниманія: для нихъ въ торговыхъ договорахъ не выговаривается никакихъ преимуществъ и торговыхъ льготъ. Слабая туземная торговля предоставлена была на жертву конкуренціи съ Дубровникомъ. Поэтому въ то время, когда Сербія при Душанѣ становится «могущественнымъ государствомъ» и глава его титулуется уже не просто кралемъ сербскимъ, а императоромъ сербскимъ, греческимъ, болгарскимъ, странопоморскимъ, т. е. почти всего Балканскаго полуострова,—торговаго сословія въ Сербіи почти не существовало; торговля находилась въ первичномъ состояніи до-историческихъ народовъ. Она исчерпывалась продажею Дубровничанамъ сырыхъ продуктовъ, естественныхъ про-

изведеній земли; причемъ Дубровникъ договорами такъ обставилъ свои торговыя права и льготы, что только его купцы имѣли право покупать продукты туземной промышленности и, несдерживаемые конкуренціею, могли регулировать цѣны по своему произволу. Между тѣмъ была возможность открыть торговые рынки для отпускной торговли на Эгейскомъ морѣ, тѣмъ болѣе, что съ нимъ почти соприкасались владѣнія Сербіи при Душанѣ.

На сколько перевѣсъ торговыхъ льготъ былъ на сторонѣ Дубровника, вслѣдствіе того, что онъ не встрѣчалъ никакой равносильной конкуренціи при закупкѣ сербскихъ продуктовъ, видно изъ жалобъ сербскихъ купцовъ на Дубровничанъ, за то, что тѣ поставили Сербовъ въ необходимость продавать товаръ за непомѣрно низкую цѣну. Такъ нѣкто Сайка говоритъ: [1]) «люди мои продадутъ катарское жито по 10 перпёровъ за товаръ, а этого вы мнѣ не дали бы; я отправилъ 200 овецъ, а они мнѣ принесутъ 200 дукатовъ, а этого вы бы мнѣ не дали». Такимъ образомъ, хотя и видно, что была нѣкоторая возможность сбыть товаръ въ другія руки за болѣе выгодную цѣну, но этотъ выгодный сбытъ, при отсутствіи торговыхъ рынковъ, представлялся случайностью: надобно было разсылать своихъ людей, чтобъ пріискать выгодныхъ покупщиковъ. Если бы это было такъ легко, если бы монополія дубровницкихъ купцовъ не стѣсняла такъ туземную торговлю, то какому-нибудь Сайку не зачѣмъ было бы жаловаться на эгоизмъ купцовъ, подобно тому, какъ при нормальномъ положеніи торговли, никакому промышленнику или торговцу не приходитъ въ голову жаловаться, что въ такомъ то мѣстѣ предлагаютъ столько то за его товары. Вмѣсто того, чтобы жаловаться, онъ отправитъ свой товаръ на другой рынокъ, гдѣ ему дадутъ соотвѣтствующую стоимости цѣну. Если, съ одной стороны, Сербамъ приходилось за безцѣнокъ продавать Дубровничанамъ свои продукты, между которыми важнѣйшими статьями были хлѣбъ зерновой, свиньи, щетина и металлъ, добываемый въ Рудниковскихъ горахъ, то съ другой стороны они, наоборотъ, переплачивали за товары фабричные, ввозимые дубровницкими купцами, которые и въ ввозной торговлѣ, не встрѣчая конкуренціи, нормалировали цѣны по своему произволу, такъ что можно сказать: оба вида торговли отпускной и ввозной находились въ рукахъ Дубровника, и «могущественная» Сербія при Душанѣ Сильномъ въ торговыхъ отношеніяхъ своихъ къ Дубровнику играла такую же жалкую зависимую роль, какъ и другія мелкія полусамостоятельныя земли—Герцеговина и Боснія.

Такимъ образомъ, сводя къ общему знаменателю внѣшнюю дѣятельность Стефана Душана, которая по общепринятому мнѣнію считается

---

[1]) Майковъ, Исторія сербскаго языка.

блестящею эпохою въ исторіи не только Сербіи, но и всего южнаго славянства, мы видимъ, что по отношенію *къ Византіи* она выразилась многочисленными походами сербскаго государя, предпринятыми не столько по строго обдуманному плану, сколько случайно, благодаря смутамъ, происходившимъ въ Византіи и втянувшимъ Душана въ домашнія дѣла византійскихъ правителей; эти походы, имѣвшіе послѣдствіемъ занятіе оставленныхъ на произволъ судьбы греческихъ городовъ представляютъ результаты не народной воли, а личнаго честолюбія Душана. Отвлекая лучшія силы страны къ непроизводительной дѣятельности,—греческіе походы Душана, познакомивъ Сербовъ съ византійскою роскошью, тщеславіемъ, съ народомъ политически разлагавшимся, имѣли деморализующее вліяніе, въ особенности на высшіе классы Сербскаго народа: здѣсь, въ Византіи эти люди высшихъ классовъ въ частыхъ сношеніяхъ съ византійскимъ правителемъ, сановниками и претендентами, пріучились смотрѣть на общіе интересы, какъ на вздорныя иллюзіи, и личный эгоизмъ ставить превыше всякихъ иныхъ идеаловъ. Не на ихъ ли глазахъ сперва Андроникъ Младшій, а потомъ Кантакузенъ, готовившійся занять византійскій престолъ,—имъ же добровольно уступали цѣлые округи съ городами и дружились съ ними, т. е. съ врагами имперіи, ради своихъ выгодъ; не они ли были свидѣтелями и блестящихъ результатовъ такого образа дѣйствій: Андроникъ вступаетъ въ Константинополь и провозглашается императоромъ; потомъ того же достигаетъ и Кантакузенъ, а пособники, даже самыя темныя личности, получаютъ щедрую награду и становятся могущественными сановниками. Зараза эта, которая называется византизмомъ, дѣйствовала тѣмъ сильнѣе на простые умы и тѣмъ успѣшнѣе вызывала наружу и развивала дурные инстинкты человѣческой природы, что она прикрыта была блестками образованія и остроумія. Такіе люди какъ Кантакузенъ, написавшій исторію своего времени, полную тонкихъ софизмовъ, по которымъ самые безнравственныя дѣла выходили чуть не высоко-гуманными подвигами безкорыстія и самопожертвованія,—не могли не оказать вліянія на всѣхъ сблизившихся съ ними. Благодаря этому вліянію, Душанъ принимаетъ хвастливый титулъ императора, включая въ свой титулъ всѣ страны Балканскаго полуострова, заводитъ у себя блестящій дворъ по образцу византійскому, вводитъ византійскую чиновную іерархію съ деспотами, севасто-кратами, великими и простыми лагофетами, изъ которыхъ первые становятся намѣстниками отдѣльныхъ областей, какъ собственной Сербіи, такъ и занятыхъ греческихъ городовъ.

Между тѣмъ въ то время, когда греческіе города одинъ за другимъ занимаются Сербами, Душанъ оказывается безсильнымъ отстоять сѣверныя страны собственной Сербіи (Мачвенскую область) *отъ Мадъяръ*,

которые нѣсколько разъ вторгаются въ страну, предавая ее опустошенію; Сербы избавляются отъ бѣды только благодаря посредничеству папы, съ которымъ Душанъ вступаетъ въ антиправославныя сдѣлки, неоднократно обѣщая ввести въ Сербію католицизмъ и публично читая исповѣданіе католической вѣры.

Наконецъ и отношенія къ *Славянскимъ землямъ Иллирика*, *Босніи и Герцеговины* (прежн. Захлуміи) ни на шагъ не подвинули національно-политическаго объединенія Сербіи съ этими странами [1]), несмотря на то, что названныя страны не представляли собою какихъ либо политически организованныхъ, обособившихся отдѣльною жизнью. Какъ уже замѣчено выше, *Боснія* и *Герцеговина*, начиная съ XIII ст., распались на множество мелкихъ полусамостоятельныхъ владѣній, правители которыхъ постоянно ссорились между собою, открывая широкій путь внѣшнему вмѣшательству. Хотя *Боснія* управлялась великимъ баномъ, а потомъ королемъ, но власть ихъ признавалась только развѣ ими самими, да населеніемъ ихъ родовыхъ владѣній, нисколько не препятствуя существованію политически-независимыхъ отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ. Тотъ же самый хаосъ господствовалъ *въ Герцеговинѣ*, которая, несмотря на свою территоріальную незначительность, распадалась на нѣсколько независимыхъ одинъ отъ другаго округовъ. Ни Боснія, ни Герцеговина не выработали опредѣленнаго типа политическаго общежитія и несмотря на всю суровую воинственность и храбрость своего населенія, какъ-то постоянно ухищрялись оставаться въ зависимости отъ сосѣдей. При такихъ условіяхъ очень возможною представлялась объединительная миссія Сербіи въ названныхъ странахъ Иллирика, еслибы руководители ея не были одержимы маніею захватовъ Греческихъ земель и изъ пустаго тщеславія не вмѣшивались въ домашнія смуты византійскихъ правителей. Этою маніею, какъ мы видѣли, былъ одержимъ и Душанъ, котораго мы поэтому, въ сферѣ его внѣшней дѣятельности, нисколько и не выдѣляемъ изъ числа заурядныхъ правителей Сербіи. Не говоря уже о томъ, что онъ, занимаясь греческими дѣлами, не съумѣлъ вырвать изъ подъ вліянія Мадьяръ родственныя Сербіи славянскія страны, Душанъ даже по отношенію къ Діоклеѣ съ сплошнымъ, единоплеменнымъ и единовѣрнымъ населеніемъ, поступалъ какъ владѣлецъ доходныхъ статей: пока эта доходная статья—Діоклея отдавалась членамъ великожупанскаго рода Неманей,—существовала хотя династическая связь ея съ Сербіею; но съ тѣхъ поръ, приблизительно со временъ Душана, когда Діоклея стала переходить во владѣніе боярскихъ родовъ, которые по личнымъ своимъ соображеніямъ сближались

---

[1]) Kollay, Geschichte der Serben.

то съ Босніею, и чрезъ посредство ея съ Венгріею, то съ Венеціею, была прервана и эта слабая связь. Съ половины XIV в. Діоклея, изъ которой впослѣдствіи образовалось княжество Черногорское, пошла особливымъ отъ Сербіи путемъ соціально политическаго развитія. Наконецъ по отношенію къ славянской торговой республикѣ—Дубровнику, Сербія при Душанѣ хотя и получала дань за земли, отданныя въ пользованіе республики, играла зависимую роль,—что касается торговыхъ интересовъ края. Дубровникъ и при Душанѣ монополизировалъ какъ ввозную, такъ и отпускную торговлю, заставляя Сербовъ дорого покупать и дешево продавать.

Такимъ образомъ результаты внѣшней дѣятельности Душана оказываются далеко не столь блестящими, чтобы считать его время эпохою въ исторіи Сербіи, а Душана—великимъ правителемъ страны въ ряду другихъ южнославянскихъ царьковъ, князьковъ, бановъ и жупановъ и королей.

ГЛАВА XIX.

Внутреннее состояніе Сербіи въ XIV вѣкѣ.

1. Верховная власть. 2. Сербская церковь. 3. Духовенство. 4. Боярство и попытки Душана завести служилый классъ. 5. Слабые зародыши средняго сословія.

Что касается *внутренней дѣятельности* Душана, то если отбросить общія мѣста о его государственной мудрости,—которыми испещрены цѣлыя страницы въ исторіяхъ южнаго славянства, когда идетъ рѣчь о Душанѣ,—она сводится въ слѣдующему: 1) къ принятію имъ императорскаго царскаго титула; 2) къ учрежденію патріарха и 3) къ изданію сборника постановленій обычнаго и писаннаго права, подъ именемъ «Законникъ Душана».

Ослѣпленный внѣшнимъ блескомъ византійскаго цезаризма, Душанъ, по занятіи имъ нѣсколькихъ городовъ въ греческихъ провинціяхъ—Эпирѣ, Өессаліи и Акарналіи, нашелъ, что наступило время оставить скромный титулъ сербскаго краля и надѣть на голову императорскую корону.

Мы полагаемъ, что эта мысль явилась послѣ мира его съ Андроникомъ Младшимъ въ 1340 г. и затѣмъ потребовалось нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ она могла бы быть приведена въ исполненіе, такъ какъ Душану и его современникамъ—боярамъ и духовенству, событіе это—принятіе кралемъ императорскаго титула, могло казаться столь важнымъ, что найдено необходимымъ отложить его до наиболѣе удобнаго момента. По крайней мѣрѣ коронованіе состоялось, какъ полагаютъ многіе, въ 1346 г. Для этого торжества приглашены были въ Скоплю (Ускюбъ) архіепископы сербскій и болгарскій, всѣ сербскіе епископы со всѣмъ церковнымъ клиромъ, а также именитые бояре и властели, т. е. представители разныхъ отраслей государственнаго управленія. Здѣсь въ этомъ городѣ Стефанъ Душанъ провозглашенъ императоромъ сербскимъ, греческимъ и болгарскимъ и всѣхъ Адріатическихъ странъ, т. е. Албаніи, Босніи съ Герцеговиною, Кроаціею и Далмаціею [1]. Вслѣдъ за этимъ

---

[1]) Ранчъ, ч. III; Майковъ, Исторія сербскаго языка.

архіепископъ Іоаннкій, возведенный въ санъ патріарха, возложилъ на Душана императорскую корону. Кромѣ выше указанныхъ лицъ, на коронаціи изъ иностранцевъ присутствовали и посланные отъ Дубровицкой республики. Въ тотъ же день Душанъ, по примѣру византійскихъ императоровъ, вѣнчалъ и наслѣдника своего Уроша, но королевскою короною, и тогда же учредилъ орденъ св. Стефана. Что же касается государственнаго герба, то о времени учрежденія его нѣтъ никакихъ точныхъ извѣстій; можно предположить, что новый государственный гербъ составленъ послѣ провозглашенія императорскаго титула Сербіи, такъ какъ въ описаніи торжества коронаціи о немъ ничего не упоминается. Извѣстно лишь, что гербъ этотъ изображалъ съ одной стороны у Византіи заимствованнаго двуглаваго орла, а съ другой образъ Архистратига Михаила съ мечомъ въ рукахъ.

Принявъ императорскій титулъ и вѣнчавъ сына королевскою короною, Душанъ, по примѣру Византіи, раздѣлилъ все государство на нѣсколько областей, во главѣ коихъ поставилъ намѣстниковъ, присвоивъ послѣднимъ византійское наименованіе авастократовъ, цезарей и деспотовъ. Сынъ его получилъ въ управленіе собственную Сербію и Діоклею, остальныя области были розданы другимъ намѣстникамъ, а самому себѣ онъ оставилъ верховную власть надъ всею страною.

По примѣру вазантійскому, явилась сложная чиновная іерархія и блестящій придворный штатъ, съ камергерами и иными должностными лицами; орденъ св. Стефана и другія награды стали приманкою, притягивавшею къ престолу людей боярскаго сословія, и личные интересы заступили мѣсто сословныхъ, или лучше сказать народныхъ, такъ какъ въ Сербіи, хотя и существовало боярство, но оно никогда не составляло тамъ въ такой степени рѣзко обособленной отъ массы народа аристократіи, какъ феодалы западной Европы; притокъ людей изъ народа (въ смыслѣ массы) въ это сословіе былъ совершенно свободенъ, и это поддерживало живую связь народа съ боярствомъ. Теперь стала возникать чиновная аристократія, которая заслонила собою близкія отношенія царя къ народу; по примѣру византійскому, священная особа царя, окруженная ореоломъ внѣшняго блеска, поддерживаемаго многочисленнымъ штатомъ окружающихъ царя служилыхъ людей, перестала быть легко доступною народу, желанія котораго отнынѣ могли доходить до царя лишь въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ передавали его приближенные. Быть можетъ, учрежденіемъ новаго чиновнаго сословія, всѣмъ обязаннаго государю, Душанъ думалъ создать прочное государственное единство, развитію котораго, по его мнѣнію, препятствовали традиціонныя притязанія боярскихъ родовъ на участіе въ управленіи страною, но создавая единство одною рукою, онъ другой рукою положилъ начало распаденію госу-

дарства учрежденіемъ намѣстничества. Люди, поставленные во главѣ областей, постепенно пріучались смотрѣть на себя, какъ на самостоятельныхъ правителей и полныхъ хозяевъ своихъ владѣній; связь этихъ правителей съ общегосударственными интересами постепенно стала ослабѣвать, чему не мало способствовало понятное въ то время отсутствіе контроля центральной власти и отсутствіе общественнаго мнѣнія, а также и обширныя права, предоставленныя имъ по управленію областями. Враждуя и союзясь на свой страхъ съ Болгарами, Греками, Албанцами,— эти правители, или, какъ ихъ обыкновенно, по примѣру византійскому, называли, деспоты, собственными средствами успѣвали иногда удачно округлять свои области новыми пріобрѣтеніями, которыя они считали уже своею неотъемлемою собственностью. Благодаря такимъ пріобрѣтеніямъ и самостоятельнымъ отношеніямъ съ сосѣдними странами, на поддержку которыхъ, въ случаѣ нападенія и покушенія на неприкосновенность ихъ деспотскихъ прерогативъ, они могли расчитывать, въ составѣ Сербскаго государства, уже при Душанѣ стали возникать мелкія полунезависимыя владѣнія, правители которыхъ при слабыхъ преемникахъ Душана не замедлили провозгласить себя совершенно самостоятельными и—распаденіе Сербскаго государства произошло съ замѣчательною быстротою. При этомъ быстромъ разложеніи обнаружилось полное отсутствіе организаторской способности сербскихъ государей, которые гоняясь за эфемернымъ идеаломъ возсозданія Греческой имперіи на славянскомъ фундаментѣ, и тщеславясь тѣмъ, что владѣнія ихъ доходятъ до Эгейскаго моря, не успѣли объединить такія близкія и по географическому положенію и по племенному родству страны, какъ Боснія, которая готова была сдѣлаться венгерскою провинціею, если бы Турки не предупредили Мадъяръ. Такимъ образомъ ни принятый Душаномъ императорскій титулъ, ни всѣ атрибуты византійскаго цезаризма ни на одну іоту не подвинули впередъ развитія политическаго общежитія Сербовъ и ни на одну минуту не остановили процесса распаденія Сербскаго государства.

Что касается *церкви*, то въ этой сферѣ государственной дѣятельности Душану принадлежитъ учрежденіе патріархата. Слѣдуя во всемъ примѣру Византіи, гдѣ церковь и государство сливались въ одномъ лицѣ императора, гдѣ хотя техническимъ, такъ сказать, представителемъ церкви былъ патріархъ, но высшимъ главою ея, какъ одной изъ функцій государственнаго организма, считался императоръ, гдѣ въ силу такихъ соотношеній церкви и государства, глава послѣдняго не могъ потерпѣть какого-либо эксъ-территоріальнаго вліянія на свою церковь,— Душанъ, находя, что новый императорскій санъ его былъ бы незаконченнымъ, при прежней зависимости церкви его государства отъ константинопольскаго патріарха,—учредилъ вполнѣ независимый отъ Византіи

патріархатъ. Конечно согласія на это со стороны Византіи не послѣдовало; мало того, константинопольскій патріархъ даже отлучилъ Душана отъ церкви, а вмѣстѣ съ нимъ и вновь избраннаго патріарха Іоаникія; но дѣло уже совершилось, и къ заслугѣ Душана надо отнести, что онъ по достоинству оцѣнилъ эту духовную кару и не придалъ ей никакого значенія. Такъ онъ и умеръ, отлученный отъ церкви. Кромѣ самоволія сербскаго государя въ учрежденіи самостоятельнаго патріархата, причиною гнѣва византійской церкви послужило присоединеніе къ сербскому патріархату епископскихъ каѳедръ въ такихъ греческихъ областяхъ, какъ въ Ѳессаліи, Эпирѣ и Акарналіи. Присоединеніе это въ экономическомъ отношеніи наносило константинопольскому патріархату чувствительный ударъ, лишая его значительныхъ доходовъ съ изъятыхъ изъ юрисдикціи его церковныхъ округовъ [1]). Устроивъ самостоятельную церковь, Душанъ оберегалъ отъ греческаго вліянія допущеніемъ на высшія духовныя должности только Сербовъ и удаленіемъ греческихъ архіереевъ съ епископскихъ каѳедръ во вновь пріобрѣтенныхъ греческихъ областяхъ. Вообще слѣдуетъ сказать, что и прежде греческое вліяніе не отражалось такъ сильно на сербской церкви, какъ это было въ Болгаріи до половины XIII ст. Духовенство сербское было національное, что продолжалось при рѣдкихъ исключеніяхъ до упраздненія сербскаго патріархата въ 1766 году, когда греческіе іерархи заступили мѣсто туземныхъ. Ревниво оберегая независимость сербской церкви отъ константинольскаго патріархата, Душанъ съ другой стороны однакожъ нѣсколько разъ вступалъ въ сношенія съ Римомъ, съ изъявленіемъ сыновней преданности апостолическому престолу и готовности не только признать папу главою сербской церкви, но и ввести въ странѣ римско-католическую вѣру. Эти анти православныя уступки всегда вызывались отношеніями его къ Венгріи и въ тѣхъ случаяхъ, когда завоевательные успѣхи послѣдней серьозно угрожали независимости Сербіи, — Душанъ обращался къ папѣ, какъ къ вліятельному посреднику въ столкновеніи между Сербіей и Венгріею. Но затѣмъ, лишь только миновала опасность, сербскій государь разрывалъ всякія отношенія къ папѣ и становился самымъ усерднымъ ревнителемъ православія, доходя въ этомъ усердіи своемъ даже до строгаго преслѣдованія католической пропаганды, которая проникала въ Сербію изъ полукатолической Босніи; но все это не мѣшало ему, въ критическую минуту, снова признать себя вѣрнымъ сыномъ римско-католической церкви. Замѣчательно, что такіе переходы главы государства отъ православія къ католицизму и наоборотъ не вызывали никакихъ смутъ въ церковной жизни народа, никакого неудовольствія со

---

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи прав. церквей.

стороны духовенства; послѣднее такъ и оставило за Душаномъ названіе «благочестиваго», хотя съ нравственной стороны дѣйствія Душана и не находятъ оправданія. Мы это объясняемъ тѣмъ, *во-первыхъ*, что эти сношенія съ Римомъ сдѣлались традиціонною политикою сербскихъ государей, къ которой духовенство успѣло присмотрѣться, какъ къ неизбѣжному злу, вызываемому насущными потребностями государства и даже въ лицѣ одного изъ своихъ высшихъ представителей—св. Саввы находила защитника такихъ сближеній съ Римомъ; *во вторыхъ* — что эти сношенія съ Римомъ не имѣли существеннаго вліянія на церковную жизнь народа, не производили потрясенія въ церковной іерархіи, ни въ чемъ не задѣвали правъ національнаго духовенства, какъ привиллегированнаго сословія, ограничиваясь личнымъ, притворнымъ конечно, отступничествомъ Душана, который за то, вслѣдъ за разрывомъ съ Римомъ, съ удвоенною ревностью становился защитникомъ православной церкви, поспѣшно изгоняя изъ Сербіи католическихъ епископовъ, имъ же самимъ вызванныхъ изъ Рима; *въ третьихъ*, — что эти сдѣлки свои съ Римомъ Душанъ вполнѣ искупалъ какъ благочестивою щедростію въ пользу православной церкви, такъ и особымъ покровительствомъ духовенству, расширеніемъ его прерогативовъ и богатымъ обезпеченіемъ его имущественнаго положенія. Многочисленныя грамоты Душана, которыми назначались въ пользу монастырей и духовенства лучшія земли, или иныя доходныя статьи,—служатъ тому доказательствомъ. Все это вмѣстѣ взятое объясняетъ и взаимную дружбу между Душаномъ и духовенствомъ и отсутствіе смутъ въ церковной жизни Сербскаго народа. Дѣйствительно, въ то время, когда догматическіе (filioque) и іерархическіе (главенство Рима) вопросы волновали наиправославнѣйшую Византію,—въ церковной жизни Сербіи не замѣчается никакого религіознаго раздвоенія, никакихъ споровъ и взаимной вражды, судя по крайней мѣрѣ по Законнику, въ которомъ нѣтъ никакихъ намековъ на какія-либо болѣе или менѣе крупныя недоумѣнія въ недрахъ сербской церкви. Кромѣ всего сказаннаго, духовенство было уже довольно Душаномъ потому, что онъ все время своего правленія оставался поборникомъ національности церкви и хотя, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Византіею, многое у нея перенялъ, но не допускалъ Грековъ занимать въ Сербіи мѣста съ церковной іерархіи и тѣмъ самымъ оградилъ не только общественное и экономическое положеніе туземнаго духовенства, но и народъ отъ греческой эксплуатаціи, а потому духовному сословію въ Сербіи тѣмъ болѣе слѣдовало быть признательнымъ Душану.

Въ такомъ положеніи оставалась церковь сербская и послѣ Душана до конца XVIII ст., когда, по настоятельнымъ требованіямъ константинопольскаго фанара, Порта согласилась на упраздненіе сербскаго патріар-

хата и греческій элементъ сталъ господствующимъ въ церковной іерархіи сербской, пока во 2-й половинѣ нашего столѣтія сербская церковь не получила относительной самостоятельности въ видѣ единаго на всю Сербію митрополита. Что касается *границъ церковной области*, то здѣсь мы можемъ замѣтить то же самое, что говорено было въ исторіи Болгаріи. Какъ въ этой странѣ, такъ и въ Сербіи территоріальный объемъ церковной власти далеко выходилъ изъ государственныхъ предѣловъ страны, доказательствомъ чему можетъ служить то, что Боснія и Герцеговина въ церковномъ отношеніи признавали надъ собою главенство патріарха сербскаго въ то время, когда эти страны, хотя и упомянутыя въ царскомъ титулѣ Душана, зависѣли отъ Венгріи и стало быть не могли въ одно и то же время входить въ составъ Сербскаго государства. Такое несоотвѣтствіе объясняется тѣмъ, что названныя страны при всемъ хаосѣ, царившемъ въ ихъ политической жизни, какъ страны съ преобладающимъ славянскимъ населеніемъ, — въ церковномъ отношеніи должны были выбирать между константинопольскимъ патріархомъ—съ допущеніемъ у себя чуждаго народу греческаго духовенства и главою сербской церкви—съ удержаніемъ своего національнаго духовенства. Выборъ естественно долженъ былъ склониться въ пользу сербскаго патріарха, — чему не имѣли повода противиться и правители названныхъ странъ, такъ какъ юрисдикція сербской церкви въ районѣ ихъ владѣній не затрогивала свѣтской ихъ власти. На этомъ основаніи и Діоклея въ церковномъ отношеніи подчинялась Сербіи въ то время, когда политически она зависѣла послѣдовательно отъ Венгріи, Венеціи и потомъ Турціи. Впослѣдствіи съ конца XVI ст. даже Венгрія въ церковномъ отношеніи присоединилась къ сербскому патріархату, и такимъ образомъ возникли епархіи какъ въ *Сербскихъ земляхъ*, такъ и *внѣ ихъ* [1]).

Сербскія епархіи въ Венгріи въ XVII вѣкѣ отдѣлились отъ сербскаго патріархата при Арсеніи Черноевичѣ—бывшемъ печскомъ (ипекскомъ) патріархѣ, который въ 1690 г. перешелъ въ Венгрію и увлекъ съ собой 40,000 Сербовъ. Этотъ Арсеній Черноевичъ былъ признанъ австрійскими Сербами главою ихъ церкви въ санѣ патріарха. Австрійско-сербскій патріархатъ существовалъ до 1864 г., когда онъ былъ упраздненъ окончательно, т. е. на 102 года позже печскаго патріархата [2]).

Со времени упраздненія сербскаго патріархата, церковь сербская поставлена была въ зависимость отъ константинопольскаго патріархата,

---

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи православ. церкв., стр. 492—502, 604—614.

[2]) Раичъ, ч. III; Голубинскій, Очеркъ исторіи прав. церкв., стр. 604 и др.

и въ Сербіи началось господство фанаріотовъ, которые въ эксплуатаціи народа и хищничествѣ стали тѣсными сообщниками Турокъ. Всѣ мѣста духовной іерархіи высшія, т. е. наиболѣе выгодныя, были отданы фанаріотамъ, съ удаленіемъ природныхъ Сербовъ. Эти новые іерархи, обязанные платить константинопольскому патріарху значительную сумму за право занимать то или другое мѣсто, сторицею вознаграждали себя поборами съ приходскаго духовенства, которое, въ свою очередь, вынуждено было извлекать изъ народа денежныя средства для ублаготворенія своихъ начальниковъ. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что Сербія никогда не испытывала на себѣ такого тяжолаго гнета господства фанаріотовъ, какъ Болгарія. Въ Сербіи гнетъ этотъ почти исключительно ограничивался финансовою сферою, тогда какъ въ Болгаріи фанаріоты стремились поработить своему вліянію и духовную жизнь народа. Разница эта, въ пользу самостоятельно національнаго развитія Сербскаго народа, объясняется относительной отдаленностью константинопольскаго фанара и въ особенности противудѣйствовавшимъ ему вліяніемъ Австріи и Россіи, изъ которыхъ *первая* покровительствовала Сербіи болѣе или менѣе случайно, а со второю поддерживало связи сербское духовенство. Представители его, нерѣдко являясь въ Россію,—подъ видомъ собиранія милостыни въ пользу церквей,—вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовали объ интересахъ своей страны; одни возбуждали русское правительство къ войнѣ съ Турціею, другіе изъявляли готовность признать главенство Святѣйшаго Сѵнода надъ сербскою церковію. Все это должно было косвенно парализовать вліяніе константинопольскаго фанара на духовную жизнь народа, вынуждая фанаріотовъ довольствоваться матеріальными выгодами господства своего въ Сербіи.

Происхожденіе настоящей самостоятельной церкви,—съ митрополитомъ во главѣ, относится къ 1832 г., когда сербскимъ правительствомъ заключенъ былъ съ константинопольскимъ патріархомъ конкордатъ, въ силу котораго опредѣлено [1]): 1) митрополиты и епископы избираются княземъ и народомъ изъ сербскаго духовенства; 2) архіепископъ бѣлградскій переименовывается въ митрополита всей Сербіи съ подчиненіемъ ему всѣхъ епархій страны; объ избраніи сообщается константинопольскому патріарху, который, убѣдившись, что выборъ сдѣланъ согласно церковнымъ правиламъ, долженъ прислать немедля свое письменное соизволеніе и первосвященническое благословеніе, чтобы тамъ на мѣстѣ совершено было посвященіе митрополита по церковному обряду; 3) епископы же посвящаются сербскимъ митрополитомъ, и затѣмъ уже сообщается патріарху, который даетъ свое согласіе и благословеніе; 4) при

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи прав. цер., стр. 650—652.

всякомъ новомъ избраніи митрополита, патріарху посылается въ видѣ подарка 3000 австрійскихъ дукатовъ, кромѣ того народъ платитъ константинопольскому патріарху 3000 грошей за архіепископа и 3000 грошей за епископа ужицкаго ежегодно; 5) какъ патріархъ, такъ и митрополитъ не могутъ требовать доли наслѣдства изъ имѣнія умершихъ архіереевъ; 6) ни митрополитъ, ни епископы сербскіе не имѣютъ права дѣлать долги на счетъ народа или Великой (т. е. константинопольской) церкви; 7) митрополитъ не можетъ быть безъ законной воли константинопольскаго патріарха и князя удаленъ изъ своей епархіи, а епископы сербскіе—безъ согласія митрополита и князя; 8) во время богослуженія митрополитъ сербскій поминаетъ константинопольскаго патріарха, а митрополита—всѣ епископы. Признанію этихъ правъ за сербскою церковію не предшествовало такой упорной продолжительной борьбы, какъ въ Болгаріи, гдѣ только въ 1870 году возникло самостоятельное церковное управленіе въ видѣ экзархата, что опять показываетъ большую уступчивость константинопольскаго фанара по отношенію къ Сербіи, обусловливаемую противодѣйствовавшимъ вліяніемъ Австріи и Россіи.

Законодательная дѣятельность Душана, выразилась въ собраніи постановленій обычнаго и писаннаго права и изданіи ихъ въ видѣ отдѣльнаго кодекса подъ именемъ «Законника Душана». Этотъ трудъ, въ который вошли и собственныя постановленія Душана, въ особенности что касается правъ покровительствуемаго ими духовенства,—имѣетъ то важное во внутренней исторіи Сербскаго народа значеніе, что отражаетъ въ себѣ соціальное положеніе этой страны, предшествовавшее завоеванію ея Турками. Законникъ даетъ намъ понятіе о положеніи и соотношеніяхъ установившихся въ теченіе вѣковъ, сословій въ государствѣ Сербскомъ и объ органахъ государственной власти, о юридическомъ бытѣ народа.

Что касается сословій, то духовенство пользовалось привиллегированнымъ положеніемъ; оно освобождено было отъ многихъ государственныхъ и общественныхъ повинностей, которымъ подлежало сословіе боярское, а тѣмъ болѣе другія. Рядомъ съ этимъ, духовенству предоставлена была обширная юрисдикція, которой подлежали міряне нетолько по дѣламъ вѣры, но и по семейственнымъ своимъ отношеніямъ. Кромѣ того, въ лицѣ своихъ высшихъ представителей, духовенство принимало дѣятельное участіе въ государственномъ управленіи и не чуждо было вмѣшательства во внѣшнія отношенія сербскихъ государей къ сосѣднимъ странамъ. Анти-православныя сношенія сербскихъ кралей съ Римомъ происходили не безъ вѣдома духовенства, которое допускало эти сношенія, какъ государственную необходимость, не видя въ нихъ ника-

кого вреда ни господствующей церкви, ни въ особенности прочности своего привиллегированнаго положенія.

При всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ Римомъ, Душанъ, какъ видно изъ его Законника, являлся ревнивымъ оберегателемъ православія. Духовенство обязывалось стараться обращать католиковъ въ православіе, а рядомъ съ этимъ совращеніе православныхъ въ католицизмъ строго наказывалось, если совращенные, вопреки пастырскому наставленію, не обращались вновь на путь православія; даже бракъ между католиками и православными допускался не иначе, какъ по принятіи католиками православія. При своемъ высокомъ и матеріально обезпеченномъ положеніи, духовенство, какъ интеллигенція того времени, должно бы казалось стать образовательною силою въ средѣ народа, а между тѣмъ, въ Законникѣ нѣтъ никакихъ указаній или даже намековъ на дѣятельность духовенства въ сферѣ народнаго образованія; монастыри содержали на свой счетъ нищихъ, которые составляли нѣчто въ родѣ постояннаго населенія монастырскаго владѣнія, но о томъ, чтобы при монастыряхъ или церквахъ существовали общеобразовательныя школы—нѣтъ и помину въ Законникѣ Душана.

За духовенствомъ слѣдуетъ боярское сословіе, которое хотя и комплектовалось изъ людей зажиточныхъ, но не представляло собою въ Сербіи такого замкнутаго сословія, какъ феодальная аристократія на Западѣ. Боярство сербское не насчитываетъ въ средѣ своей ни одного дворянскаго рода съ длинными списками предковъ и далеко не отличалось такою сословною кичливостью, такою изолированностью отъ народной массы, какъ феодалы западной Европы. Сербское боярство представляло собою одну изъ самыхъ демократическихъ аристократій, въ которую былъ открытъ доступъ всѣмъ людямъ народа. Этимъ демократическимъ характеромъ боярство сербское отличается отъ соотвѣтствующаго сословія въ Герцеговинѣ и особенно въ Босніи. Послѣдняя, чрезъ посредство Венгріи и Венеціи, отъ которыхъ она послѣдовательно въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій зависѣла, и также чрезъ посредство католицизма, который въ ней завоевалъ почти $^1/_3$ часть населенія, втянута была въ кругъ феодальныхъ традицій западной Европы. Баны, а потомъ короли Босніи считались вассалами венгерскихъ королей и въ свою очередь сами исподоволь стали переносить на правителей отдѣльныхъ областей взглядъ, какъ на своихъ вассаловъ. Конечно здѣсь не выработалось такого законченнаго кодекса феодальныхъ отношеній, потому что не существовало подготовленной для этого почвы—рыцарства; конечно отрывочное, смутное опредѣленіе правъ и обязанностей боснійскихъ феодаловъ и ихъ сюзереновъ открывало дорогу безпрерывнымъ нарушеніямъ этихъ правъ обѣими сторонами, что въ свою очередь

должно было помѣшать развитію сильнаго политически сословія; но все таки въ теченіе вѣковъ тамъ возникли отдѣльные боярскіе роды, которые съ гордостью выдѣляли себя изъ массы населенія—древностью своего происхожденія; къ этимъ родамъ примкнули менѣе древніе по происхожденію, но владѣвшіе богатыми землями, и такимъ путемъ образовалось боярское сословіе, въ которомъ впрочемъ только и было общаго между его членами, что тщеславіе привиллегированнымъ положеніемъ. Я сказалъ *только*, потому что эти боярскіе роды не выработали изъ себя какой нибудь крупной организованной силы въ политической жизни государства, подобно тому какъ латинскій феодализмъ. Мы не видимъ здѣсь ни борьбы съ королевскою властью, ни систематическихъ, сознательно придуманныхъ, притязаній на исключительное господство надъ другими классами народа: если бановъ или королей изгоняли и на мѣсто ихъ ставили новыхъ, то такіе перевороты не были сословнымъ дѣломъ, а одной какой нибудь усилившейся дворянской фамиліи; если низшимъ классамъ приходилось подъ часъ тяжело, если его положеніе вообще было незавидное, то все это обусловливалось не систематическимъ, регламентированнымъ такъ сказать гнетомъ боярства, а своеволіемъ и разнузданностью разныхъ отдѣльныхъ личностей, съ желаніемъ захватить въ свои руки власть, въ личную свою выгоду. Но какъ бы то ни было, боярство въ Герцеговинѣ и особенно въ Босніи, въ видѣ отдѣльныхъ родовъ, кичливыхъ и надменныхъ, рѣзко выдѣлялось изъ массы населенія; оно же, это боярство, по завоеваніи Иллирика Турками, бросилось въ объятія ислама, чтобы сохранить свое прежнее привиллегированное положеніе; боснійскіе и герцеговинскіе беи вышли изъ среды этого сословія и пріобрѣли себѣ громкую извѣстность въ качествѣ угнетателей низшихъ классовъ. Въ Сербіи, напротивъ, боярство комплектовалось изъ случайно возвысившихся по матеріальному своему положенію зажиточныхъ людей, которые наканунѣ, такъ сказать, вышедшіе изъ массы, по образу жизни, нравамъ и привычкамъ очень мало отличались отъ нея. Этотъ характеръ боярства сербскаго до такой степени запечатлѣлся въ немъ, что частью уцѣлѣлъ по настоящее время: и теперь [1]) между людьми высшаго и низшаго классовъ разница выражается не въ складѣ жизни и привычкахъ, отличающихъ одно сословіе отъ другаго, а въ большемъ или меньшемъ изобиліи средствъ къ жизни. Когда вы переступаете изъ плетневаго деревенскаго дома поселянина въ большіе хоромы зажиточнаго Серба, вы не увидите такого рѣзкаго контраста, какой непремѣнно бросился бы въ глаза при сравненіи житья-бытья богатаго крестьянина русскаго съ домашнею обстановкою

---

[1]) Личныя наблюденія автора.

убогаго мелкотрачатаго дворянина; вамъ кажется, что перешли изъ одного міра въ другой, до такой степени все разнится въ обстановкѣ этихъ людей двухъ разныхъ сословій; а тамъ вамъ представляется, что перешли изъ бѣдной мужицкой избы въ богатую: тѣ же самыя скамьи подлѣ стѣнъ, некрашенный столъ, безконечная по размѣрамъ печь и выставленная на показъ посуда, съ тою лишь разницею, что въ первой всего этого меньше, или все это имѣетъ болѣе убогій видъ, чѣмъ во второй. Въ Сербіи, напр. и теперь столъ зажиточнаго человѣка и бѣдняка одинъ и тотъ же: чорба (нѣчто въ родѣ супа), попрьшакъ (соусъ изъ баранины съ стручковымъ перцомъ) составляютъ обыкновенныя блюда у перваго и втораго, съ тою разницею, что въ одномъ случаѣ эти блюда болѣе изысканно приготовлены, чѣмъ въ другомъ. Боярство въ Сербіи, не представляя собою отдѣльной изолированной отъ массы корпораціи, было однако же издавна тѣмъ сословіемъ, изъ котораго наиболѣе комплектовался правящій классъ государства. Люди этого сословія, называвшіеся *властелями*,—преимущественно избирались для отправленія ґосударственныхъ должностей. Они назначались начальниками области (главарями жупъ), совѣтниками при дворѣ; они ѣздили въ посольства, ходили съ своими людьми на войну и свидѣтельствовали при выдачѣ грамотъ. Многіе изъ людей этого сословія носили названіе кнезовъ, которое въ этомъ случаѣ считалось почетнымъ отличіемъ, но означая собою извѣстную должность, представителя общинъ (нѣчто въ родѣ сельскихъ старостъ),—званіе это могло принадлежать и простому селянину, избранному на такую должность. Впослѣдствіи, когда съ установленіемъ турецкаго владычества высшее управленіе страною перешло къ органамъ турецкаго правительства, кнезы стали единственными представителями народныхъ интересовъ и выразителями его нужды. Чрезъ нихъ народъ заявлялъ жалобы турецкому правительству на злоупотребленіе пашей и иныхъ турецкихъ чиновниковъ; черезъ нихъ съ другой стороны паши управляли народомъ. А когда въ 1804 возникла борьба за независимость, кнезы стали руководителями народнаго движенія. Теперь съ развитіемъ бюрократіи, они потеряли свое значеніе, какъ ближайшихъ представителей народа, но званіе кнеза встрѣчается и теперь въ сельскомъ населеніи Сербіи, даже между пастухами встрѣчаются кнезы. Сохраняя связь съ народомъ, боярство сербское казалось Душану помѣхою на пути желаннаго имъ развитія византійскаго цезаризма; то живое участіе, которое боярство принимало въ судьбахъ страны, представлялось Душану опаснымъ противовѣсомъ его власти: онъ не могъ не знать судьбы своихъ предшествениковъ, которые по волѣ бояръ изгонялись съ краλевскаго престола; наконецъ самъ онъ при ихъ же содѣйствіи отнялъ престолъ у отца

своего Стефана Дечанскаго. Словомъ, Душанъ видѣлъ въ боярствѣ силу, которая должна была парализовать развитіе цезаризма—своимъ активнымъ участіемъ въ управленіи государствомъ, а потому онъ пытался создать сословіе, ему обязанное своимъ матеріальнымъ положеніемъ, общественнымъ почетомъ и стало быть ему преданное. Наградами и почетными титулами Душанъ сталъ привлекать къ себѣ разночинцевъ, которые должны были пріучить себя цѣнить личную волю государя выше интересовъ страны, а цѣлью своей дѣятельности—полное и безусловное угожденіе этой волѣ. Попытки эти не увѣнчались успѣхомъ, и созданное имъ чиновничество распалось вслѣдъ за смертью Душана, да и при жизни его оно не возвысилось до степени сильной и вліятельной корпораціи; чиновничество не нашло для своего развитія удобной почвы въ странѣ и не пустивъ корней, было быстро снесено послѣдующимъ ходомъ событій.

Говоря объ отношеніяхъ Сербіи къ славянской республикѣ Дубровнику, мы видѣли, въ какомъ жалкомъ состояніи находились *торговля и промышленность* въ Сербіи. Сама страна не изготовляла ничего, что могло бы стать предметомъ обширной отпускной торговли[1]); она сбывала лишь сырье—хлѣбъ, скотъ и металлы, разработка которыхъ началась лишь въ XIII вѣкѣ при кралѣ Владиславѣ, который, какъ уже замѣчено выше, пригласилъ изъ Венгріи опытныхъ рудокоповъ-нѣмцевъ. Какъ эта, такъ и ввозная торговля находилась въ Дубровникѣ, купцы котораго наводняли Сербію готовыми иноземными фабрикаціями; конкуренціи съ Дубровникомъ не могла конечно выдержать слабая туземная промышленность. Душанъ ничего не сдѣлалъ для поднятія промышленности и торговли, не открылъ никакихъ рынковъ для отпускной и ввозной торговли; единственными скупщиками и продавцами были Дубровничане, которые вполнѣ монополизировали торговую промышленность страны, пользуясь широкими льготами, не только сравнительно съ другими иноземными купцами, но и туземными, сербскими. О послѣднихъ въ Законникѣ Душана только отрывочно, мимоходомъ, упоминается; видно что они не были предметомъ заботливости законодательства. Конечно въ немъ встрѣчаются постановленія, но онѣ относятся столько же къ туземнымъ торговцамъ, сколько и къ Дубровничанамъ. Напр., торговые люди имѣли полное право безпрепятственно ходить по всѣмъ дорогамъ, деревнямъ, городамъ и ярмаркамъ, продавать и покупать; никто не смѣлъ задерживать ихъ или отнимать у нихъ товаръ, даромъ или за безцѣнокъ; всякій ущербъ, понесенный имъ во время странствія, вознаграждался; торговыми дѣлами и непосредственнымъ сборомъ пошлинъ

[1]) Kanitz, Serbien.

завѣдывалъ царинникъ, которому принадлежало и право разбирательства торговыхъ тяжбъ. Вотъ все, что встрѣчается въ Законникѣ, относительно торгово-промышленнаго класса. Уже по этой невнимательности къ нему законодательства, которое входитъ въ такія мелочныя подробности, когда рѣчь идетъ о духовенствѣ, можно судить, что въ Сербіи средняго сословія не существовало. Оно распадалось на отдѣльныхъ лицъ, которыя по своей профессіи подходили къ среднему сословію, но которыя не связаны были общими правами, не представляли собою юридическаго лица, подобно тому, какъ въ Западной Европѣ, или даже въ ближайшей отъ Сербіи Далмаціи, гдѣ возникли торговыя, промышленныя и ремесленныя корпораціи, которыя образовали изъ себя среднее сословіе. При отсутствіи средняго сословія, которое составляетъ вообще основаніе и главный элементъ городскаго населенія—существовавшіе въ Сербіи города имѣли лишь значеніе административныхъ центровъ, или укрѣпленныхъ для военныхъ цѣлей пунктовъ; они не привлекали къ себѣ торговыхъ людей и ремесленниковъ въ томъ смыслѣ, какъ въ Западной Европѣ; ремесленники и торговцы сербскіе предпочитали жить въ селахъ, быть можетъ потому, что здѣсь чувствовали себя свободнѣе, вдали отъ административнаго надзора. Конечно и въ городахъ заводили осѣдлость торговцы и ремесленники, между которыми упоминаются золотыхъ дѣлъ мастера, занимавшіеся также чеканкою монеты, кузнецы, сѣдельщики, гостильники, т. е. содержатели постоялыхъ дворовъ,—но всѣ эти люди не составляли виднаго элемента городскаго населенія и не давали того или другаго колорита городской жизни. Созданные искуственно, а не вслѣдствіе постояннаго скопленія производительныхъ классовъ народа, города имѣли значеніе какъ средоточіе жупъ (областей). Здѣсь жили главари т. е. жупные намѣстники; здѣсь находилась казна, судъ и другія правительственныя учрежденія и должностныя лица, необходимыя для управленія областью. Съ утвержденіемъ турецкаго владычества, города стали мѣстопребываніемъ турецкаго чиновничества.

Что касается *низшаго сословія*, то въ отношеніи личныхъ правъ, представляя собою одну сплошную массу, оно имѣло свои подраздѣленія, обусловливаемыя различіемъ въ имущественныхъ правахъ. Одни, живя на государственоой землѣ, владѣя ею впрочемъ на правѣ собственности, считались непосредственными подданными государства; другіе жили на баштинахъ частныхъ вотчинниковъ и должны были натурою платить за пользованіе землею. Уже потому, что власть надъ этими людьми низшаго сословія выражалось непосредственно, — положеніе экономическое ихъ было хуже, чѣмъ первыхъ, надъ которыми тяготѣла власть лишь въ видѣ отвлеченной идеи государства, а передъ вторыми выростало живое олицетвореніе власти въ видѣ помѣ-

щика, которая не рѣдко переступала границы правъ своихъ. Юридически впрочемъ, крѣпостной зависимости въ Сербіи не существовало на что указываетъ право этихъ поселенцевъ судиться съ ихъ помѣщиками, причемъ обѣ стороны пользовались равными судебными средствами для защиты своихъ интерессовъ. Какія видовыя названія носили тѣ или другіе люди низшаго класса—неизвѣстно. Только въ отношеніи занятій— Законникъ указываетъ на *неропховъ*—земледѣльцевъ и *влаховъ*—пастуховъ. Это послѣднее наименованіе, которое сдѣлалось нарицательнымъ для обозначенія извѣстной профессіи, обязано своимъ происхожденіемъ національности первыхъ пастуховъ въ Сербіи: Влахи, жители нынѣшней западной Румыніи, вслѣдствіе политическихъ событій, массами покидали родину, поселяясь на правомъ берегу Дуная, въ ближайшей къ ихъ родинѣ Сербіи и обратились здѣсь къ туземной своей профессіи, пастушеству. Классъ этотъ сталъ многочисленнымъ и обособился даже въ отдѣльный видъ низшаго населенія, потому что скотоводство составляло въ Сербіи издавна самую видную отрасль производительной дѣятельности страны и было наиболѣе вѣрнымъ и обильнымъ источникомъ какъ частнаго богатства такъ и государственныхъ доходовъ; этимъ объясняется заботливость, съ которою законодательство старалось регламентировать названную отрасль занятій, чтобы дать ей возможность правильно развиться не въ ущербъ однакоже земледѣльческаго класса. На этотъ предметъ издано нѣсколько постановленій, въ которыхъ запрещалось одной жупѣ пасти стада на лугахъ другой, а смѣжнымъ селамъ повелѣвалось имѣть общіе выгоны. За потраву положена пеня или «потка». Изъ постановленій Законника видно, что пастухи-*влахи* раздѣлялись на наемниковъ и самостоятельныхъ хозяевъ стадъ, или странствующихъ пастуховъ, которымъ дозволялось пользоваться пустопорожними землями или селиться на владѣльческихъ земляхъ по соглашенію, и подъ угрозою пени за потравы. Какъ изъ среды этихъ странствующихъ пастуховъ, такъ и изъ наемниковъ выходили люди зажиточные, такъ какъ скотоводство составляло главный предметъ отпускной торговли. Составивъ капиталъ, эти пастухи оставляли свою профессію, покупали себѣ земли, дѣлались рентьерами и вступали въ среду боярскаго сословія, доступъ въ которое, какъ мы уже сказали, открытъ былъ всѣмъ. Многіе знатные люди нынѣшней Сербіи ведутъ свое происхожденіе отъ пастуховъ и мелкихъ торговцевъ скотомъ, преимущественно свиньями, которыя и по настоящее время представляютъ крупный предметъ отпускной торговли и одинъ изъ самыхъ видныхъ источниковъ обогащенія. Борцы за независимость Сербіи сдѣлавшіеся ея правителями, съ титуломъ князя, Кара Георгій и Милошъ Обреновичъ вышли именно изъ среды пастуховъ, или точнѣе

сказать, свинопасовъ [1]), которые прибыльною торговлею составили себѣ крупное, въ глазахъ сельскаго населенія состояніе и чрезъ то пріобрѣли мѣстное вліяніе на массу. Насколько прибыльна и вмѣстѣ съ тѣмъ даже почетна эта отрасль промышленности, видно изъ того, что оба названные предводители возстанія за независимость, сдѣлавшись князьями Сербіи, не переставали заниматься торговлею свиньями. Какъ извѣстно, притязанія Милоша Обреновича монополизировать торговлю свиньями и щетиною въ своихъ рукахъ вызвало даже неудовольствіе со стороны сильной народной партіи, которое послужило одною изъ причинъ паденія Милоша.

Таковы были положеніе и взаимныя отношенія отдѣльныхъ частей населенія. Мы видимъ, что рѣзкой грани между сословіями не образовалось, не смотря на всѣ попытки Душана создать обособленное отъ народа служилое сословіе. Эти условія должны были благопріятствовать здоровому дружному ходу національнаго развитія народа, если бы не честолюбіе его правителей, увлекшихъ народъ въ разорительныя войны изъ за территоріальныхъ захватовъ; завоевательная манія отвлекала вниманіе правителей отъ настоящаго ихъ призванія—объединить страны, близкія по географическому положенію, по племенному родству и языку, какъ Боснія, Герцеговина и Черногорія.

---

[1]) Ранке, Исторія Сербіи, въ переводѣ съ нѣмецкаго.

ГЛАВА XX.

Политическое распаденіе Болгаріи въ XIII и XIV ст.

1. Причина паденія Болгарскаго царства. 2. Безсиліе Византіи не можетъ остановить паденія Болгаріи. 3. Быстрое чередованіе въ Болгаріи многочисленныхъ авантюристовъ съ титуломъ царей. 4. Вражда между Болгарами и Сербами поддерживаетъ существованіе Византіи. 5. Обезсиленная политическою анархіею Болгарія безъ борьбы уступаетъ турецкому владычеству.

Непродолжительно было существованіе такъ называемаго Болгарскаго царства Асѣнидовъ и полстолѣтія, если даже считать съ первыхъ Асѣней, не прошло, какъ оно стало разлагаться. Внутреннія и внѣшнія причины вліяли на жалкую судьбу политическаго бытія Болгарскаго народа. Въ немъ недоставало интенсивности, сознанія національной солидарности, недоставало способности создать тѣ видимые или невидимые центры, около которыхъ нація политически группируется. Чрезмѣрное желаніе простора, проявившееся въ быстромъ разселеніи этого народа по всему Балканскому полуострову, препятствуетъ выработкѣ компактной политической силы. Разбросавшись по всему полуострову, народъ этотъ, этнографически многочисленный, но раздробленный на мелкія, такъ сказать черезполосныя съ другими національностями группы, не могъ выдержать борьбы за политическое существованіе, полной борьбы, которая требуетъ сосредоточенности національныхъ силъ. Область Дунайская, заключащаяся между среднимъ и нижнимъ теченіемъ Дуная съ одной стороны и Балканами—съ другой представляла собою однообразную и густо населенную національность болгарскую. Тамъ и зародилось Болгарское царство, тамъ оно и продолжало существовать до половины XIII ст. съ небольшими пробѣлами. Во всѣхъ же другихъ частяхъ къ западу и сѣверу отъ Софіи, къ югу отъ Балкановъ населеніе Болгарское, живя «въ разсыпную», не связанное идеею національно-политическаго общежитія, терялось въ яркой пестротѣ иныхъ національностей, между которыми наиболѣе опасною противницею была національность греческая. Правда по временамъ и здѣсь вспыхивали проблески національнаго единства, являлись отдѣльныя личности, какъ

Самуилъ, Колоіанъ и др., въ качествѣ выразителей зараждавшейся идеи національной общности; но *во первыхъ*, какихъ положительныхъ результатовъ могли достигнуть эти отдѣльныя личности, когда внутренняя рознь, отчужденность установилась вѣками и поддерживалась разобщенностью мелкихъ группъ разсыпавшагося по всему Балканскому полуострову Болгарскаго народа; *во вторыхъ*, эти отдѣльныя личности вмѣсто того, чтобъ «собирать» народъ, объединить его, дать общежитію его прочную организацію,—въ совершенно непонятномъ ослѣпленіи случайныхъ успѣховъ оружія, забывали организаторскую задачу своего призванія, мѣняя ее на хищническіе набѣги, лишенные всякаго національнаго смысла, набѣги безцѣльные, даже съ точки зрѣнія нравовъ XI и XII ст. Послѣ разгрома Дунайскаго Болгарскаго царства Цимисхіемъ (971), политическая жизнь Болгарскаго народа возраждается въ Македоніи; центръ этой жизни изъ Преслава переносится въ Охриду. Куда же направилась завоевательная дѣятельность возстановителя Болгарскаго царства?

Повидимому она должна была бы направиться на востокъ, въ Дунайскую Болгарію: страна эта наиболѣе сплошно населена болгарскою національностью, политическія традиціи которой еще слишкомъ свѣжи. Но вышло совсѣмъ не такъ, какъ должно было ожидать: возстановители Болгарскаго царства, ограничивъ всю свою внутреннюю дѣятельность возведеніемъ и украшеніемъ своихъ дворцовъ и не объединивъ даже всей Македоніи, предпринимали завоеванія къ Югу—Пелопонезъ, къ западу—на Адріатическомъ побережьи и къ сѣверу—въ нынѣшней Сербіи и Босніи [1]). На югѣ и сѣверо-западѣ имъ удается овладѣть нѣсколькими городами Өессаліи, Пелопонеза и нынѣшней Сербіи; но даже сами они не относились къ этимъ захватамъ, какъ къ завоеваніямъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Городъ, если былъ не въ силахъ держаться, сдавался; побѣдитель бралъ выкупъ и независимо отъ этого грабежомъ бралъ также себѣ добычу. Въ иныхъ случаяхъ побѣдитель ставилъ во главѣ города кого либо изъ своихъ воеводъ, а въ иныхъ — оставлялъ бывшаго правителя на прежнемъ его постѣ, причемъ заключалось условіе о нѣкоторой зависимости, которая представляла собою пародію вассальныхъ отношеній. На западѣ—Адріатическомъ побережьи завоеванія Болгаръ ограничивались разореніемъ окрестностей городовъ и избіеніемъ мирнаго населенія. Все это однако же не мѣшало царямъ болгарскимъ включать въ свой титулъ чуть ли не всѣ области Балканскаго полуострова и называть себя даже императоромъ византійскимъ, подобно тому, какъ поступали крали сербскіе,

[1]) Раичъ, ч. I.

напр. Душанъ въ XIV ст., именовавшій себя царемъ сербскимъ и Болгаріи и императоромъ греческимъ. Писатели болгарскіе, а затѣмъ цѣлая фаланга славистовъ—Русскихъ, Чеховъ, Сербовъ,—судя по указаннымъ нами отрывочнымъ захватамъ городовъ и по номенклатурѣ земель, городовъ, упоминаемыхъ въ титулахъ царей болгарскихъ, составили себѣ понятіе о дѣйствительныхъ предѣлахъ Болгарскаго царства въ разные періоды его существованія. Болгарское царство, по ихъ словамъ, соприкасалось съ тремя морями и Дунаемъ, т. е. Чернымъ, Эгейскимъ и Адріатическимъ и заключало, стало быть, въ себѣ не болѣе, не менѣе какъ весь Балканскій полуостровъ. Рядомъ съ этимъ сами они добросовѣстно признаютъ, что такое могущественное государство распадалось съ замѣчательною быстротою въ теченіи какихъ нибудь двухъ трехъ лѣтъ, т. е. времени, которое въ судьбахъ народовъ представляетъ мгновенія; наивно удивляются они такому чрезвычайному, небывалому въ исторіи явленію и каждый по своему болѣе или менѣе неудачно подъискиваетъ настоящія его причины и конечно не находитъ, потому что ни указываемое нѣкоторыми (Гильфердингъ) отсутствіе любви между пришлыми (Болгарами) и туземцами (Славянами), ни неспособность преемниковъ сильныхъ государей, на которую указываютъ другіе (Раичъ, Шафарикъ, Иричекъ) нельзя считать причинами этихъ удивительныхъ, по быстротѣ, распаденій Болгарскаго царства.

Если же принять наше положеніе, что Болгарское царство никогда не выходило изъ предѣловъ Дунайской Болгаріи, что всѣ завоеванія внѣ этой страны имѣли характеръ отрывочныхъ захватовъ, которыхъ послѣдствіемъ могла быть лишь временная оккупація городовъ и отдѣльныхъ округовъ; что внося опустошительныя войны въ страны, лежащія внѣ собственной Болгаріи, правители ея вмѣсто того, чтобы пробудить въ разсѣянныхъ по этимъ странамъ Болгарахъ сознаніе политическаго единства и стремленіе къ объединенію, вызывали недовѣріе, доходившее до открытой измѣны общему дѣлу,—то значительно упростится задача объясненія причинъ быстраго распаденія Болгарскаго царства, и станетъ даже понятнымъ, почему происходило это распаденіе въ то время, когда собственно не было противника, не было противудѣйствующей силы, какъ напр. въ теченіе всего періода существованія Латинской имперіи (1204—1261), когда бывшая Византія раздробилась на множество мелкихъ княжествъ, королевствъ, имперій, взаимно враждовавшихъ между собою и тѣмъ обезсиливавшихъ одна другую. Казалось всѣ условія политическихъ отношеній народностей враждебныхъ Болгарамъ соединились для того, чтобы облегчить установленіе прочности завоевательныхъ пріобрѣтеній правителей Болгарскаго народа, а между тѣмъ эти пріобрѣтенія быстро отпадаютъ одно за другимъ.

Все это въ виду указанныхъ нами причинъ было вполнѣ естественно, происходило безъ всякаго даже напряженія силъ со стороны непріятеля, т. е. латинскихъ князей и королей и разныхъ трапезунтскихъ и никейскихъ и иныхъ греческихъ императоровъ, въ изобиліи расплодившихся въ періодъ Латинской имперіи: города и округи отпадали, какъ отпадаютъ отъ ствола неискусно привитыя вѣтки.

Рядомъ съ этими *внутренними* причинами недолговѣчности болгарскаго царства и быстрыхъ его метаморфозъ, вліяли *внѣшнія условія*—отношенія Византіи къ Болгарскому народу. Не полагаясь на свои метеріальныя силы сломить опасное сосѣдство, Византія въ сношеніяхъ своихъ съ Болгарскимъ народомъ пустила въ оборотъ всѣ ухищренія своей ловкой политики. Давъ Болгарскому народу христіанство и завязавъ родственныя отношенія съ правителями и представителями высшихъ классовъ народа, Византія озаботилась наводнить Болгарію своими піонерами—духовными и свѣтскими, которые исподоволь, но тѣмъ не менѣе настойчиво насаждали въ средѣ народа взаимную рознь и наиболѣе принявъ подъ свое покровительство высшіе классы, достигла того, что выдѣляющіеся по богатству или образованію люди постепенно стали терять сознаніе солидарности съ общенародными интересами. Эти люди, которые непремѣнно успѣли пожить въ столицѣ имперіи, пріобрѣли расположеніе тщеславиться греческимъ образованіемъ и усвоивъ пріемы столичной жизни, съ высокомѣріемъ взирали на невѣжественную темную массу своего народа. Масса эта хотя смутно, но понимала такое отношеніе къ себѣ высшихъ классовъ и по своему отплачивала имъ апатіею и полнымъ безучастіемъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ люди высшаго класса становились его руководителями — въ борьбѣ съ Византіею, Латинянами, а затѣмъ Турками. Нельзя обвинять народъ за такую апатію и потому, что на его глазахъ эти руководители его съ необыкновенною легкостью, ради личныхъ выгодъ, измѣняли общенародному дѣлу. Сколько такихъ руководителей перебѣгало къ византійскому двору съ тѣмъ, чтобы идти потомъ поотивъ своихъ братьевъ и соотечественниковъ; сколько ихъ дружило впослѣдствіи съ Турками, служа послѣднимъ, при окончательномъ разгромѣ остатковъ политической жизни Болгарскаго народа. При такихъ сложившихся въ массѣ народной возрѣніяхъ на ея руководителей, становится понятнымъ это шаткое положеніе, даже тѣхъ изъ нихъ, которые, быть можетъ, дѣйствительно одушевлены были истинными общенаціональными стремленіями; заурядъ съ большинствомъ эти руководители не находили опоры въ народѣ и падали жертвами недовѣрія народнаго и зависти равныхъ себѣ. Не будь близкаго деморализующаго вліянія Византіи, это внутреннее броженіе различныхъ элементовъ общественныхъ несомнѣнно выработало бы нѣ-

сколько общихъ пунктовъ, въ которыхъ они должны были сблизиться сознавъ солидарность интересовъ, подобно тому какъ это происходило въ жизни западно-европейскихъ народовъ, которые прошли тоже эту фазу внутренняго броженія, угрожавшаго по временамъ полнымъ распаденіемъ общества. Византія не дала разрѣшиться этому броженію естественнымъ путемъ; она поддерживала и раздувала внутреннюю рознь, дружась съ руководителями противъ народа, и съ народомъ противъ руководителей; многочисленные доброжелатели Византіи въ этомъ направленіи работали въ средѣ Болгарскаго народа. Надобно отдать честь необыкновенному искуству Византіи дѣлать безвреднымъ врага совершенно мирнымъ путемъ: задолго до нашествія Турокъ Болгарія представляла собою византійскую провинцію, за исключеніемъ нѣсколькихъ округовъ: Тырновскаго, Видинскаго, которые продолжали держаться въ видѣ отдѣльныхъ инсуррекцій, называясь впрочемъ царствами Болгарскими.

Рядомъ съ развитіемъ этой внутренней розни, Византія чрезвычайно ловко пользовалась отмѣченною уже нами національною чертою Болгарскаго народа—жить «въ разсыпную»,—такъ сказать, «расползаться». При этой наклонности народа, очевидно должны были возникнуть столкновенія его съ Сербо-Хорватами, которые, занявъ первоначально Адріатическое побережье, къ сѣверу отъ Скутарійскаго озера, подвигались къ востоку, къ верховьямъ рѣки Моравы. Византія показала все свое искуство divide et impera, охотно принимая подъ свое покровительство то сербскихъ кралей, то болгарскихъ царьковъ, смотря по тому, кто изъ нихъ въ данномъ случаѣ терпѣлъ неудачу. Если не было дѣйствительныхъ причинъ къ враждѣ, Византія создавала ихъ. Про запасъ, при византійскомъ дворѣ, или просто въ столицѣ всегда имѣлось нѣсколько претендентовъ на княжество или царство, убѣжавшихъ подъ защиту византійскаго императора; ихъ по временамъ, когда нужно было разжечь вражду, Византія не только выпускала на свободу, но снабжала деньгами и войскомъ для отысканія правъ, или отвоеванія потерянныхъ областей. Это постоянное натравливаніе повело къ тому, что между родственными народами, Болгарами и Сербами, усилились взаимное недовѣріе и зависть, которыя даже въ критическіе моменты великой борьбы западнаго христіанства съ мусульманствомъ одолѣли начало общности племенныхъ и религіозныхъ интересовъ. Съ разстоянія пяти вѣковъ становится прискорбно видѣть ту по истинѣ жалкую роль, которую играла въ этой великой исторической драмѣ этнографически сильное на Балканскомъ полуостровѣ южное славянство. Въ то время, когда западные подвижники христіанства и цивилизаціи съ отдаленныхъ концовъ Европы шли въ страну невѣдомую проливать кровь свою въ борьбѣ съ

азіатскимъ варварствомъ и мусульманскимъ фанатизмомъ, что же дѣлало и какъ относилось къ борьбѣ Запада съ Востокомъ это южное славянство? Оно распадалось на множество мелкихъ политическихъ единицъ, которыя въ виду этого великаго единоборства Азіи и Европы, предпочитали заниматься своими домашними счетами, стремились поглотить другъ друга, и смотря по обстоятельствамъ—перебѣгать отъ соотечественниковъ къ Туркамъ, Грекамъ, Франкамъ.... Между тѣмъ исходъ этой борьбы *касался ихъ непосредственнѣе*, имѣлъ для нихъ несравненно большее значеніе, чѣмъ для Франковъ. Послѣдніе шли за идею, подкладывая подъ нее быть можетъ вліяніе на Балканскій полуостровъ, а южному славянству кромѣ идеи предстояло защитить самыя дорогія, по своей непосредственности, по своей реальности интересы: ему предстояло отстоять свою родину, свой домашній очагъ. Казалось бы оно встанетъ поголовно и протянетъ руку своимъ западнымъ братьямъ о Христѣ для общей борьбы съ врагомъ Христовымъ, что оно костьми ляжетъ для защиты родной земли своей. Но вышло нѣчто совершенно противное, чрезвычайное, чудовищное: подъ вліяніемъ мелкой домашней вражды между собою и недовѣрія къ европейскимъ защитникамъ христіанства, изъ-за религіозной розни между православіемъ и католичествомъ,—южные Славяне, въ лицѣ своихъ представителей, во многихъ случаяхъ предпочитали украшать собою ряды турецкихъ войскъ, чѣмъ биться съ ними. Подобно тому, какъ прежде съ византійскимъ дворомъ, возникали теперь родственныя связи представителей славянства съ турецкими султанами и азіатскими пришельцами, связи [1]), которыя ввели домашній характеръ въ отношенія между тѣми и другими, давая поводъ ко взаимному вмѣшательству, причемъ, какъ это обыкновенно бываетъ, теряла, или лучше сказать страдала, всегда слабѣйшая сторона. Турецкіе завоеватели, если не въ силу оружія, то родственныхъ связей съ князьями славянскими, тамъ и здѣсь пріобрѣтали территоріальныя права, какъ это случилось напр. съ Сербіею.

Вообще въ теченіе всего періода распространенія турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ немного встрѣчается эпизодовъ геройской борьбы южнаго славянства съ азіатскими пришельцами. Если не считать Коссовской битвы (1389 г.), въ которой со стороны славянства только Сербы принимали участіе, то въ наиболѣе крупныхъ схваткахъ между христіанствомъ и исламомъ (при Никополѣ—1396 г., Варнѣ—1444)—южные Славяне въ рядахъ христіанъ играли такую же второстепенную, даже жалкую роль подневольныхъ наемниковъ, какую они занимали въ ряду турецкихъ войскъ, и увы! эти великіе моменты

[1]) Jirecek, Geschichte der Bulgaren.

въ борьбѣ христіанства съ магометанствомъ, не смотря на то, что она происходила въ странѣ южнаго славянства, не могутъ быть даже отнесены къ исторіи послѣдняго, въ смыслѣ такихъ событій, въ которыхъ оно принимало живое участіе. Были конечно со стороны южнаго славянства попытки борьбы съ завоевателями; но онѣ по своей отрывочности, случайности, обязанныя нѣкоторымъ кратковременнымъ успѣхомъ скорѣе благопріятствующимъ мѣстнымъ условіямъ — неприступности горъ, скалъ и ущелій, какъ въ Черногоріи, Герцеговинѣ и Босніи,—не имѣли и не могли имѣть никакого вліянія на общій ходъ событій.

Произошло это отъ того, что южное славянство уже до появленія Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, т. е. до 2-ой половины XIV ст., представляло собою политическую величину, безсильную даже въ борьбѣ съ дряхлѣвшею и разлагавшеюся Византіею.

Правда на сѣверѣ Балканскаго полуострова изъ общаго хаоса событій воздвигается новое славянское государство — Сербское, но какъ быстро достигло оно могущества,—такъ быстро оно и пало, просуществовавъ какихъ нибудь нѣсколько десятковъ лѣтъ. Стефанъ Душанъ (1336) и Лазарь I (1372)—вотъ двѣ личности, которыя стоятъ на окраинахъ кратковременнаго существованія Сербскаго государства: всего 36 лѣтъ раздѣляютъ эти двѣ конечныя точки.

Разложеніе политической жизни Болгарскаго народа чрезвычайно характерно рисуетъ пресловутое «могущество» этого государства, на которое указывается въ каждой книгѣ, трактующей объ исторіи южнаго славянства и въ частности Болгарскаго народа; явленіе это, т. е. распаденіе Болгарскаго царства происходитъ именно въ то время, когда, казалось, всѣ внѣшнія условія сложились въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для развитія могущества этаго славянскаго государства, такъ какъ на развалинахъ Византійской имперіи, этаго сильнѣйшаго его противника, возникалъ настоящій политическій хаосъ въ отношеніяхъ множества мелкихъ княжествъ, деспотій, имперій.

Завоевавъ Константинополь (1204 г.), крестоносцы основали новое государство—Латинскую имперію. Императоромъ избранъ былъ Балдуинъ Фландрскій (9 мая 1204 г.), котораго власть ограничивалась южною частью Румиліи съ Константинополемъ. Все это относительно цѣлой Латинской имперіи составляло $^1/_4$ часть. Остальныя $^3/_4$ раздѣлили между собою крестоносцы и Венеціанцы, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, за деньги купили у Бонифація Монфератскаго островъ Критъ и дальнѣйшими завоеваніями пріобрѣли нѣсколько острововъ Архипелага [1]). Происхожденіе го-

---

[1]) Poujoulat, Histoire de Constantinople; Einley, Histor of the Bysant and Greck Empire.

сподства ихъ на Эгейскомъ морѣ и Босфорѣ относится именно къ этому времени; это господство можно было считать наиболѣе дѣйствительнымъ, прочнымъ, и потому оно удержалось долѣе, чѣмъ другія мелкія или крупныя латинскія княжества и королевства, входившія въ составъ Латинской имперіи, въ качествѣ ленныхъ владѣній. Невозможно съ точностью пересчитать числа всѣхъ феодальныхъ государствъ, пестрою сѣтью быстро покрывшихъ всю южную Забалканскую половину Византійской имперіи, такъ какъ всякій предпріимчивый рыцарь успѣвалъ собрать шайку людей, которымъ нечего было терять, находилъ возможнымъ основать маленькое государство, только по имени считавшееся вассальнымъ и ограничивавшееся какимъ-нибудь однимъ городомъ. Такимъ образомъ появились королевства въ Коринѳѣ и Аѳинахъ, гдѣ утвердились Готфридъ Виллагардуэнъ и Отто де ла Рошъ, который вытѣснилъ изъ Аѳинъ Льва Сгура, основавшаго здѣсь княжество; наиболѣе крупныя владѣнія въ Македоніи и Ѳессаліи сосредоточилъ въ своихъ рукахъ Бонифацій Монфератскій, который въ 1207 году погибъ въ войнѣ съ Болгарами.

Рядомъ въ этими и другими владѣніями крестоносцевъ и Венеціанцевъ, по примѣру ихъ и Греки образовали отдѣльныя государства подъ именемъ имперій, княжествъ, деспотій [1]). Такъ возникло княжество Эпирское, основанное Михаиломъ Комненомъ, Трапезундская имперія, основанная Алексѣемъ, внукомъ знаменитаго авантюриста Андроника, Никейская, основанная Ѳеодоромъ I Ласкарисомъ, зятемъ императора Алексѣя III, которая пріобрѣла наибольшее значеніе въ названной группѣ отдѣльныхъ государствъ. Ѳеодоръ I (1204—1222) для развитія своего могущества, пользуясь неуживчивостью крестоносцевъ, ихъ жаждою къ приключеніямъ, переманивалъ этихъ пришлецевъ къ себѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣлъ составить довольно сильное организованное войско, которое давало ему возможность открыто потягаться съ латинскимъ императоромъ. При этомъ представлялось странное зрѣлище: въ то время когда греческаго императора защищали Франки, въ рядахъ войскъ латинскаго императора (Генриха) значительную часть составляли Греки. Не показываетъ ли это высокую степень деморализаціи общественнаго строя жизни на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ національное чувство, любовь къ родинѣ стушевывались предъ жаждою привиллегій или личной наживы.

По мѣрѣ того, какъ Латинская имперія съ каждымъ годомъ съуживалась въ своихъ предѣлахъ, а императоръ латинскій все болѣе терялъ авторитетъ въ средѣ своихъ вассаловъ, напрасно умоляя въ западной

---

[1]) Шлоссеръ, Всемірная исторія, т. III, изд. 1869 г.

Европѣ о помощи для поддержанія колебавшагося государства, Греческая имперія, основанная Ѳеодоромъ I Ласкарисомъ, округляла въ Малой Азіи свои владѣнія, то на счетъ латинскихъ вассаловъ, то на счетъ Сельджукскихъ Турокъ. Преемникъ Ѳеодора I, Іоаннъ Ватацій (1222—1255), создавъ флотъ, воспользовался имъ для занятія ничѣмъ почти не защищенныхъ острововъ и приморскихъ городовъ Латинской имперіи, дѣйствуя сперва въ союзѣ съ Венеціанцами, потомъ съ княземъ эпирскимъ Михаиломъ Комненомъ (1204 - 1216) и наконецъ Іоанномъ Асѣнемъ Болгарскимъ, съ которымъ дважды угрожалъ самой столицѣ имперіи. Константинополь удержался только благодаря раздорамъ между союзниками, изъ которыхъ болгарскій царь даже сошелся съ Латинянами.

Случайность эта отдалила срокъ паденія Латинской имперіи, которая въ 40-хъ годахъ XIII ст., ограничивалась въ дѣйствительности однимъ Константинополемъ да нѣсколькими незначительными округами Ѳракіи. Денежныя средства Латинской имперіи оскудѣли, а между тѣмъ войска ихъ большею частью состояли изъ наемниковъ, которымъ нужно было платить хорошо и главное исправно. И вотъ латинскіе императоры предпринимаютъ путешествія по европейскимъ дворамъ, чтобы вымолить себѣ необходимую сумму для поддержанія своей власти. Но обаяніе латинскаго императора на Западѣ прошло и правители ея лишь съ большимъ трудомъ получаютъ небольшія суммы. Такія путешествія предпринимаетъ Робертъ (1221—1228) и Балдуинъ II (1228—1261), изъ коихъ послѣдній съ своими баронами въ одну изъ критическихъ минутъ заложилъ даже терновый вѣнецъ Спасителя за 10,000 ливровъ одному Венеціанцу и кромѣ того заложилъ домъ Намюрскаго графства. (Вѣнецъ былъ выкупленъ Людовикомъ IX). Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ анти-религіозными союзами, которые латинскіе императоры для спасенія погибающаго государства заключали то противъ Болгаріи, то противъ Грековъ. Такъ, желая охранить сѣверныя окраины Ѳракіи отъ Болгаръ, латинскій императоръ заключаетъ союзъ съ Куманами. Послѣдніе дорожили союзомъ съ императоромъ лишь до тѣхъ поръ, пока не награбили себѣ достаточно добычи, опустошая земли Болгаръ и Латинянъ. Оставленный союзниками и вынужденный распустить большую часть наемниковъ, за неимѣніемъ денежныхъ рессурсовъ ихъ содержать, Балдуинъ вошелъ въ сношенія съ турецкимъ султаномъ и чтобы закрѣпить съ нимъ дружбу, предложилъ даже для его гарема одну изъ своихъ племянницъ. По всей вѣроятности сношенія эти оказались безуспѣшными; по крайней мѣрѣ, Балдуинъ, страдая отъ безденежья, вскорѣ отправился вновь странствовать по европейскимъ дворамъ вымаливать денежныя подачки [1]).

[1]) Шлоссеръ, Всемірная исторія, т. III.

Между тѣмъ Ватацій, усиливъ могущество, основанной его пре[д]ственниками въ Малой Азіи, Никейской имперіи, продолжалъ завоева[нія] на европейскомъ материкѣ: эпирскаго деспота Θеодора заставилъ о[т]заться отъ императорскаго титула, который въ то время политическ[аго] хаоса принимали всѣ греческіе авантюристы; занялъ Θессалію, прон[икъ] въ Македонію, и занялъ ее безъ сопротивленія.

Въ 1255 году умеръ Ватацій, передавъ сыну своему Θеодору (1255—1257) Никейское государство во всеоружіи для окончате[ль]ной борьбы съ разлагавшеюся Латинскою имперіею. Борьбу эту откр[ылъ] и завершилъ завоеваніемъ Константинополя (1261) Михаилъ Палеол[огъ], который послѣ смерти Θеодора II былъ нѣкоторое время соправите[лемъ] его малолѣтняго сына, ослѣпилъ послѣдняго и вступилъ на престолъ [Ни]кейской имперіи (1259), съ тѣмъ, чтобы вскорѣ сдѣлаться импера[то]ромъ византійскимъ, что ему и удалось, при содѣйствіи эпирскаго кн[язя] Михаила II, а также и Генуэзцевъ, которые за это получили въ К[он]стантинополѣ предмѣстье Галату, на правахъ независимаго владѣнія, своимъ правительствомъ и войскомъ. Рядомъ съ ними, удержали с[вои] права Венеціанцы и Пизанцы, такъ что и по взятіи столицы Грека[ми] она не преставала быть какимъ то страннымъ союзникомъ государст[ва].

Вотъ въ это-то время полной политической безурядицы вну[три] враждебныхъ славянству народностей происходитъ распаденіе Болга[р]скаго государства. Болгары, вмѣсто того, чтобы поработать на себя, «[со]браться», служатъ въ борьбѣ между крестоносцами и Греками въ ка[че]ствѣ наемниковъ или второстепенныхъ союзниковъ, то одной то дру[гой] стороны, причемъ, находясь въ рядахъ обоихъ противниковъ, имъ пр[и]ходится сражаться другъ противъ друга подъ знаменемъ враждебны[хъ] имъ національностей. Далѣе, отказываясь отъ борьбы съ дѣйствите[ль]ными своими врагами—Латинянами и Греками, Болгары продолжаю[тъ] воевать съ «братьями», единовѣрцами своими, Сербами, расчищая эт[имъ] почву для успѣховъ турецкаго завоеванія.

Перечень событій, происходившихъ въ Болгаріи за послѣднія [ ] столѣтія до завоеванія Турками всего Балканскаго полуострова по[ка]жетъ, что за-долго до этой катастрофы Болгарія, какъ цѣльный ор[га]низмъ политическій, перестала существовать. Наверху—быстрая насил[ь]ственная смѣна царьковъ и единовременное появленіе въ разныхъ угла[хъ] Болгаріи нѣсколькихъ царьковъ; внизу—отсутствіе единства, какое безучастное отношеніе къ національному дѣлу,—вотъ тѣ яркія чер[ты], которыя выдѣляются на сѣромъ фонѣ политической жизни Болгаріи [до] окончательнаго ея завоеванія Турками.

Распаденіе Болгаріи открывается со вступленіемъ на престолъ Кал[и]мана I (1241—1246), который, подобно тому какъ и преемникъ его, Ми[хаилъ]

вилъ Асѣнь (1246—1257), былъ сподручникомъ то Латинянъ, то Грековъ и лишился всѣхъ владѣній, завоеванныхъ отцомъ ихъ, Іоанномъ Асѣнемъ II. Но это не мѣшало второму изъ нихъ, Михаилу Асѣню, затѣять войну съ Сербами изъ за интересовъ Дубровника (Рагузы). Дубровничане втянули болгарскаго царя въ союзъ противъ Сербіи и 15 іюня 1253 г. заключенъ былъ договоръ, по которому Дубровничане обязались, на случай войны съ Сербами, помогать Болгарамъ морскими и сухопутными силами; если царь завоюетъ Сербію, то Дубровничане не вправѣ давать убѣжище въ своихъ городахъ ни сербскому кралю Стефану Урошу, ни брату его Стефану Владиславу, а царь съ своей стороны обязанъ подтвердить льготныя грамоты, дарованныя Добровничанамъ сербскими кралями. Относительно торговыхъ интересовъ союзныхъ странъ было прибавлено, что болгарскіе купцы въ Дубровникѣ, а дубровницкіе купцы въ Болгаріи должны пользоваться одинакими правами. Къ этому союзу присталъ 22 мая 1257 года и жупанъ захолмскій Родиславъ. Но такъ какъ послѣдній состоялъ вассаломъ венгерскаго короля (Бела IV), который въ этомъ союзѣ видѣлъ стремленіе своего вассала къ полной независимости, то необходимо возникло столкновеніе между венгерскимъ королемъ и царемъ болгарскимъ, которое только благодаря посредничеству папы не повело къ открытой войнѣ. А въ это время: Ватацій и преемникъ его Ѳеодоръ II Ласкарисъ, Михаилъ II князь эпирскій, Венеціанцы—хозяйничали въ самой Болгаріи, занимая одинъ городъ за другимъ и нерѣдко даже при содѣйствіи самыхъ же Болгаръ [1]. Преемникъ Михаила Асѣня, Калиманъ II, вполнѣ серьозно смотрѣлъ, на себя какъ на привиллегированнаго бандита: съ шайками всякаго сброда нападалъ онъ на города и селенія съ единственною съ цѣлью грабежа, нисколько не интересуясь успѣхами Грековъ: послѣднихъ онъ менѣе тревожилъ, чѣмъ своихъ соотечественниковъ. Онъ погибъ насильственною смертью.

Изъ среды Болгаръ уже не находилось человѣка, достойнаго занять престолъ Асѣнидовъ. Болгары обратились къ Сербамъ, которые послали къ нимъ внука Неманя, Константина. Этотъ царь болгарскій (1258—1277), назвавшійся Константиномъ Асѣнемъ, неудачно вмѣшался въ отдаленную отъ Болгаріи войну Венгріи съ Богеміею. Войско его, проникши въ Банатъ, со стороны Турно-Северина, было разсѣяно; много плѣнныхъ Болгаръ, къ ужасу ихъ соотечественниковъ, вдоль по лѣвому берегу Дуная посажено было на колъ. Вслѣдъ затѣмъ Мадьяры (1260—1264) вторглись въ Болгарію и утвердившись въ Видинѣ, проникли въ городъ Тырново, а въ 1270 году король ихъ принимаетъ титулъ царя

[1]) Раичъ, ч. I.

Болгаріи, положивъ этимъ начало притязаніямъ венгерскихъ королей на Болгарію, какъ составную часть ихъ владѣній [1]).

Столь же неудачны были и столкновенія Болгаръ съ Греками, быть можетъ потому, что причиною этихъ столкновеній были нестолько желаніе самого народа Болгарскаго вести войну, сколько личныя отношенія его правителя къ Михаилу Палеологу. Подъ вліяніемъ своей жены Гречанки Ирины, брата которой, малолѣтняго Іоанна, въ 1259 г. ослѣпилъ Палеологъ, царь болгарскій объявилъ императору войну. Потерявъ въ ней временно занятые Болгарами приморскіе города, Месембрію и Анхіолъ и не расчитывая на помощь Сербовъ, Константинъ въ отчаяніи остаться безъ войска, такъ какъ Болгары съ каждымъ поколѣніемъ начинаютъ болѣе и болѣе локализироваться, замыкаясь въ кругъ своихъ ближайшихъ повседневныхъ интересовъ,—Константинъ завелъ дружбу съ султаномъ Сельджукскихъ Турокъ Изединомъ и Татарами (1262), которые изъ южной Россіи дѣлали набѣги на Балканскій полуостровъ. Конечно, Болгарія отъ этой дружбы ничего не выиграла; послѣдствіемъ союза Константина съ Сельджурскими Турками и Татарами можно считать лишь разореніе ея греческихъ городовъ и обезлюденіе тѣхъ странъ, по которымъ проходили эти дикія орды. Со смертію первой жены Константина, Ирины, и со вступленіемъ его во второй бракъ с племянницею Палеолога, Маріею, между греческимъ императоромъ и болгарскимъ царемъ возобновилась дружба, для закрѣпленія которой, также и въ видѣ приданаго, императоръ обѣщалъ возвратить болгарскому царю приморскіе города Анхіолъ и Месембрію. Обѣщаніе это подъ разными предлогами оставалось неисполненнымъ: то было указываемо на нежеланіе греческаго населенія названныхъ городовъ перейти въ подданство болгарскому царю, то отсрочивалась передача этихъ городовъ до рожденія сына отъ втораго брака царя болгарскаго и племянницы Палеолога. Не удовлетворившись этими отговорками, Константинъ силою оружія пошелъ добывать себѣ обѣщанное, но потерпѣлъ полную неудачу: Греки въ союзѣ съ Татарами нетолько отстояли приморскіе города, но и заняли нѣсколько предъ-балканскихъ городовъ, входящихъ въ предѣлы дѣйствительной, Дунайской Болгаріи. Зато болгарскій царь охотно примкнулъ къ латинской лигѣ, имѣвшей цѣлью возстановленіе Латинской имперіи. Во главѣ этой лиги, къ которой присоединился и сербскій краль, стоялъ извѣстный своими приключеніями неаполитанскій король Карлъ Анжуйскій. Онъ въ короткое время завоевалъ города южнаго Адріатическаго побережья—Драчъ (Дураццо), Авлону, Бутринто и другіе; большая часть Албаніи и Эпира перешла

[1]) Jirecek, Geschichte der Bulgaren.

руки этаго отважнаго авантюриста. Только благодаря насиліямъ анковъ», которые, подобно другимъ европейцамъ, вступавшимъ на у Балканскаго полуострова, очень быстро забывали традиціи цививаннаго общежитія, позволяя себѣ обращаться съ туземцами, какъ Ирокезами, благодаря стремленію «Франковъ» насильственными мѣ распространить католичество,—что впрочемъ, отчасти и удалось— одство ихъ въ завоеванныхъ странахъ не могло долго продержаться. пока, союзъ Неаполитанцевъ, Болгаръ и Сербовъ сильно встревоъ Михаила Палеолога. Ради устраненія грозившей со стороны союзвъ опасности, императоръ обратился къ посредничеству папы Грии X, предлагая признать главенство его надъ православною церковію же отказаться отъ «раскола», т. е. вполнѣ присоединиться къ кацизму. На соборѣ въ Ліонѣ (1274), созванномъ по этому важному овному дѣлу, византійскіе послы поклялись отказаться отъ «схизмы» [1]). конечно, все это было притворно: ни послы, ни самъ императоръ, бы лично и были расположены къ присоединенію, не могли расчиать на одобреніе такихъ своихъ дѣйствій со стороны греческаго насея и въ особенности духовенства. Подобно своимъ предшественникамъ, аилъ желалъ только воспользоваться посредничествомъ папы,—могугвеннаго рѣшителя судебъ христіанскаго міра среднихъ вѣковъ, для іаненія грозившей ему опасности. Посредничество оказалось излишь, такъ какъ союзъ самъ собою распался: первый отступился серб- краль, а въ Болгаріи умеръ Константинъ Асѣнь. Здѣсь, послѣ его ти появилось нѣсколько претендентовъ на болгарскій престолъ. е какой то русскій выходецъ, Яковъ Святославъ, пользуясь общею рядицею, происходившею въ Болгаріи, нетолько основалъ въ горахъ эпа маленькое status in statu подъ именемъ Деспотіи, но и объявилъ ршенно серьозное притязаніе на болгарскій престолъ. Вдова Констана Асѣня Марія,—Гречанка, очень мало популярная въ Болгарскомъ одѣ, и боясь открыто отвергнуть притязаніе претендента, обратилась хитрости: отправила къ претенденту своего гонца съ увѣреніемъ въ маинской любви ея къ нему (хотя этотъ претендентъ былъ старше ея ами) и съ приглашеніемъ прибыть въ столичный городъ Тырново. По бытіи его оказалось, что она желала его усыновить, съ тѣмъ, чтобы совмѣстно съ ея сыномъ Михаиломъ правилъ государствомъ. Обрядъ новленія совершенъ былъ при торжественной обстановкѣ, въ присутіи многочисленнаго духовенства. Откинувъ мантію, Марія одной рукой атила станъ своего малолѣтняго сына, а другою—претендента, въ

[1]) Finley, Histor of the Bysant and Greek Empire; Poujoulat, Histoire de Conitinople.

знакъ усыновленія послѣдняго. Нѣжность этой ловкой Гречанки въ отношеніи къ ея возмужалому сыну, усыпивъ подозрительность какъ усыновленнаго, такъ и его приверженцевъ, бояръ болгарскихъ, дала ей возможность безъ всякаго шума отдѣлаться отъ него. Въ какой формѣ онъ былъ убитъ—неизвѣстно, но достовѣрно лишь то, что погибъ онъ насильственною смертью. Дѣло не обошлось безъ возстанія недовольныхъ этой греческою расправою и вообще всѣми порядками, которые завела вдовствующая царица, явно покровительствовавшая греческимъ выходцамъ, которые заняли лучшія и выгоднѣйшія мѣста въ правительствѣ и мѣстной администраціи, и конечно, очень мало заботилась о безопасности государства. Въ это время Татары, на пути въ южную Россію и обратно, совершенно свободно и безпрепятственно перекрещивали Болгарію вдоль и поперегъ, хозяйничая здѣсь какъ у себя дома. Если эти хищники встрѣчали сопротивленіе, то развѣ со стороны отдѣльныхъ ушедшихъ въ лѣса и горы бездомниковъ, которые подъ начальствомъ «гайдуковъ» нападали на Татаръ; общая государственная сила ничѣмъ не давала знать о своемъ существованіи; все раздробилось, локализировалось и замкнулось въ частныхъ кружкахъ частныхъ интересовъ. Только въ этихъ шайкахъ, которыя подъ часъ, впрочемъ, принимали вполнѣ разбойничій характеръ, нашла себѣ убѣжище общенаціональная идея; только въ этихъ шайкахъ просвѣчивались еще проблески какого то смутнаго сознанія національнаго единства, и даже въ позднѣйшее время, когда Болгарскій народъ, переставъ быть политическою силою, сдѣлался этнографическимъ терминомъ, эти шайки продолжали хранить въ себѣ традиціи прежней независимости народа, служа живымъ воплощеніемъ живучести народнаго самосознанія, которое хотя слабо, мѣстно, отрывочно, но тѣмъ неменѣе давало знать о себѣ отдѣльными взрывами. Такія шайки начали возникать въ описываемое время въ разныхъ концахъ Болгаріи, отличаясь отъ послѣдующихъ шаекъ тѣмъ, что нѣкоторые изъ гайдуковъ, пользуясь полнымъ господствомъ кулачнаго права и прельщаясь пустымъ титуломъ «царя болгарскаго», вмѣсто того, чтобы работать на національное дѣло, ни мало не останавливались предъ возбужденіемъ внутреннихъ смутъ, лишь бы добиться этаго титула.

Хотя гайдуки эти выходили изъ среды народа, но разъ ставъ во главѣ шайки, многіе изъ нихъ мало по малу теряли сознаніе солидарности съ общими интересами, отводя первое мѣсто своимъ честолюбивымъ или корыстолюбивымъ видамъ—смотря по характеру, темпераменту и развитію личности того или другаго гайдука.

Въ числѣ гайдуковъ описываемаго времени, собравшихъ вокругъ себя наибольшую шайку въ горахъ Родопа выдѣлился нѣкто Ивайло, по профессіи свинопасъ. Убѣдивъ окружающихъ въ великомъ призваніи

гъ и даже разсказавъ имъ какой-то подходящій сонъ, видѣнный Ивайло успѣвъ пріобрѣсть нѣкоторую популярность, очень быстро свинопаса и гайдука превращается въ претендента на царскій пре- › и послѣ двукратныхъ удачныхъ стычекъ съ Татарами, кото-мелкими и крупными отрядами разсыпались по Балканскому полу ву, идетъ на Тырново безъ боя беретъ столицу и объявляетъ себя гъ болгарскимъ [1]). Сдѣлавшись царемъ болгарскимъ, Ивайло, слѣдуя имъ традиціямъ захватовъ и округленія предѣловъ государства, пѣвъ еще оглядѣться въ новомъ своемъ положеніи, сталъ замыш-о войнѣ съ Византіею, а между тѣмъ много оставалось работы у дома: надобно было очистить страну отъ бродившихъ по ней та-ихъ ордъ, надобно было собрать и связать расшатавшіяся части рскаго государства: Дунай, Балканы, верховье Болгарской Моравы, Тимокъ и Черное море,—вотъ тѣ естественные предѣлы, внутри ко-ъ достаточно было работы разумному представителю Болгарскаго а. Но предѣлы эти, къ несчастію послѣдняго, всегда оказывались ми для его руководителей. Такимъ показалъ себя Ивайло, за-ъ завоевать Забалканскія страны. Намѣреніе Ивайло сдѣлалось тнымъ императору Михаилу VIII Палеологу. Подобно своимъ пред-енникамъ, онъ имѣлъ «про запасъ» претендента на болгарскій олъ. Отправляясь на встрѣчу, императоръ взялъ съ собою буду-царя Болгаріи, подъ именемъ Іоанна Асѣня III, и призвалъ на по-Татаръ. Въ союзѣ съ ними императоръ пошелъ на Тырново и непродолжительной осады, взялъ этотъ городъ и посадилъ здѣсь зеннаго имъ царя болгарскаго Іоанна Асѣня III (1279 г.). реатура византійская, чуждый народу, не имѣя опоры въ средѣ Бол-этотъ ставленникъ византійскаго императора, не долго держался: ошло и года, какъ населеніе столицы прогнало его. Между тѣмъ, ы продолжали хозяйничать въ Болгаріи. Народъ, обезсиленный и ализованный внутренними смутами и непрошенными услугами , извѣрившійся въ своихъ руководителей, мало по малу привы-къ жалкой роли зрителя событій, въ его же странѣ происходя-, или подневольнаго участника въ этихъ событіяхъ. Онъ мало ин-ется: кого тамъ въ Тырновѣ, въ Виддинѣ или иномъ городѣ ютъ царемъ болгарскимъ, и безучастіе его къ этому дошло до что онъ даже не встревожился, когда оказалось, что престолъ рскій стали занимать Татары или Куманы. Съ своей точки зрѣнія ь былъ правъ. Не все ли равно: свой или чужой грябитъ его, ошаетъ его поля, разоряетъ его дома, преслѣдуя вообще свои лич-

Jirecek, Geschichte der Bulgaren.

ныя выгоды. Онъ сталъ относиться къ своимъ царямъ такъ же, какъ Греки, начиная съ XII вѣка, относились къ своимъ императорамъ, — даже болѣе безучастно, потому что тамъ все же происходили иногда волненія при частыхъ насильственныхъ смѣнахъ правителей. По изгнаніи Алексѣя III (1180), который, оставляя столицу, захватилъ съ собою всю государственную казну, населеніе тырновское провозгласило царемъ нѣкоего Георгія Тертерія, куманскаго происхожденія, а окрестное населеніе признало царемъ Ивайло, который, какъ оказалось, спасся во время сдачи Тырнова (1279). Попытка Михаила VIII отстоять своего кліента, чрезъ посредство котораго онъ надѣялся мирнымъ путемъ присоединить Дунайскую Болгарію, не увѣнчалась успѣхомъ. Дважды войска его были разбиты Ивайломъ: первый разъ 17 іюля 1280 г., въ числѣ 10,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Муриноса, а второй—15 августа того же года въ числѣ 500 человѣкъ подъ, начальствомъ Априноса.

Быть можетъ эти блестящія побѣды вызвали бы общій энтузіазмъ Болгарскаго народа въ борьбѣ съ исконнымъ врагомъ, если бы Ивайло дѣйствительно радѣлъ народнымъ интересамъ. Между тѣмъ, онъ добивался лишь популярности съ тѣмъ, чтобы занять престолъ болгарскій. и это лучше всего видно изъ того, что для вящщаго успѣха, онъ не задумался предъ союзомъ съ Татарами, которые должны бы быть ему ненавистными, какъ тяжелый бичъ его народа. Ивайло отправился къ ногайскому хану просить о помощи, и здѣсь встрѣтился съ Асѣнемъ III, который ради такой же цѣли явился сюда. Слишкомъ мало заботясь о Болгаріи, послѣ того, когда онъ сдѣлался обладателемъ всей Южной Руси со включеніемъ Литвы,—ханъ пожелалъ отдѣлаться отъ докучавшихъ ему претендентовъ—и Ивайло былъ тамъ же убитъ, а Асѣній III спасся лишь благодаря заступничеству Гречанки Евфросиніи, которая украшала гаремъ престарѣлаго хана ногайскаго.

Вскорѣ нашелся новый противникъ Тертерія въ лицѣ видинскаго царя Шишмана, тоже куманскаго происхожденія. Онъ бросился на Тырново, но былъ отбитъ. Тогда, во главѣ Болгаръ и Татаръ, онъ устремился въ Сербію, но въ то время когда Шишманъ опустошалъ страну и подступалъ уже къ городу Ипеку съ тѣмъ, чтобы ограбить тамъ церковь, славившуюся богатствами, сербскій краль Милутинъ занялъ Видинъ. Шишманъ бѣжалъ въ Венгрію, отсюда завелъ переговоры съ сербскимъ кралемъ, который благодаря посредничеству одного изъ сербскихъ жупановъ, Драгоша, тестя Шишмана, возвратилъ послѣднему Видинъ, побуждаемый къ тому же и собственными интересами—поддерживать междоусобицу въ Болгаріи, дававшую ему возможность дѣлать тамъ захваты.

Между тѣмъ Георгій Тертерій былъ изгнанъ Татарами (1292). кото-

рые на мѣсто его поставили нѣкоего Смилицу, признававшаго себя вассаломъ, или лучше сказать, данникомъ татарскаго хана. Однако вскорѣ онъ навлекъ противъ себя нерасположеніе Татаръ какъ неисправностью въ уплатѣ дани, такъ и въ особенности тайными сношеніями съ Сербами: ханъ приказалъ его изгнать и на мѣсто Смилицы поставилъ «царемъ болгарскимъ» татарина Чока (1294 г.). Въ слѣдующемъ 1295 г. является новый авантюристъ подъ именемъ Ѳеодора Святослава (1295—1322). Овладѣвъ Тырновымъ и взявъ въ плѣнъ Чока, онъ приказалъ отрубить ему голову, которую послалъ въ Крымъ. Погибъ при этомъ и патріархъ Іоакимъ III, котораго новый болгарскій царь велѣлъ сбросить со стѣны царскаго замка, такъ какъ шла молва, что этотъ духовный дѣятель дружитъ съ Татарами и замышляетъ какую то измѣну отечеству. Конечно этими фразами прикрывалась другая болѣе или менѣе частная причина, заключавшаяся въ личныхъ отношеніяхъ новаго царя къ патріарху, потому что: кому же могло придти въ голову считать въ то время измѣну общему дѣлу какимъ то преступленіемъ? Если всѣ прибѣгали къ ней, т. е. продавали общіе интересы изъ страха, корысти или властолюбія, то кто же могъ, не бывъ несправедливымъ, обвинять своего ближняго въ томъ, что̀ онъ онъ самъ сдѣлалъ вчера и сдѣлаетъ завтра. Ѳеодору Святославу пришлось больше воевать съ своими Болгарами, чѣмъ съ Греками или Татарами. Онъ желалъ удержаться на престолѣ, а между тѣмъ сразу же долженъ былъ вступить въ состязаніе съ массою претендентовъ на царство.

Практическіе Греки, имѣя всегда про запасъ достаточное число кандидатовъ на постъ славянскихъ царьковъ и кралей, которыхъ по мѣрѣ надобности «выпускали», натравливая ихъ другъ на друга, Греки, знакомые съ предпріимчивою, и стало быть опасною для Византіи личностью Ѳеодора Святослава, поспѣшили выпустить на него проживавшаго «не у дѣла» въ Константинополѣ сына Константина Асѣня III отъ второй его жены Гречанки Маріи, Михаила. Снабженный деньгами и подкрѣпленный незначительнымъ отрядомъ, претендентъ вступилъ въ Болгарію (1298 г.). Происходитъ зрѣлище, сдѣлавшееся обычнымъ въ Болгаріи: Болгары дерутся съ Болгарами, ради византійскихъ интересовъ. На этотъ разъ Святославъ осилилъ; греческій претендентъ вернулся ни съ чѣмъ опять подъ покровительство Византіи.

Не успѣлъ сойти со сцены одинъ, какъ съ другой стороны является новый претендентъ, братъ Смилицы, Родославъ, который спѣшитъ изъ Солуня занять Тырново. Но предпріятіе и этого претендента не увѣнчалось успѣхомъ. Предупрежденный о приближеніи претендента, Святославъ съ значительными силами выступилъ изъ Тырнова и, неожиданно для претендента, окружилъ его отрядъ въ одномъ изъ тѣхъ узкихъ проходовъ,

которыми изобилуетъ среднiй Балканъ и который хорошо былъ извѣстенъ Болгарамъ и разбилъ его.

Разбивъ претендента, Святославъ, считая виновницею смутъ Византiю, объявилъ ей войну. Пользуясь безурядицею, царившею въ Византiи, когда два императора, Андроникъ Старшiй и Андроникъ Младшiй оспаривали другъ у друга власть, вступая въ открытыя сраженiя, въ которыхъ участвовали толпы наемниковъ изъ разныхъ нацiй, начиная съ Турокъ и кончая Славянами; пользуясь тѣмъ, что Византiи кромѣ этихъ внутреннихъ смутъ много было хлопотъ и съ Сельджукскими Турками, которыхъ завоевательные успѣхи въ направленiи къ Византiи съ каждымъ годомъ принимали все большiе размѣры, Святославъ вторгнулся черезъ Балканы въ долину Тунджи и отсюда по направленiю къ Черному морю занялъ нѣсколько городовъ; но прiобрѣтенiя эти, попрежнему, оказалось на столько непрочными, что черезъ нѣсколько лѣтъ онѣ отпали не замѣтно и безъ всякаго шума. Впрочемъ, судя по дружелюбнымъ отношенiямъ Святослава къ Византiи, которыя начались послѣ брака его съ родственницею Андроника Младшаго; судя потому что руководители народа, называвшiеся болгарскими царями, прежде всего преслѣдовали свои личныя выгоды, ради которыхъ не отказывались отъ сомнительныхъ сдѣлокъ съ исконнымъ врагомъ своего народа, можно думать, что и въ данномъ случаѣ не обошлось безъ такихъ сдѣлокъ. Иначе византiйскiе историки не упустили бы случая весьма подробно разсказать о геройскомъ отвоеванiи Греками захваченныхъ у нихъ Болгарами городовъ; а между тѣмъ объ этомъ ничего подобнаго не повѣствуется. Стало быть въ силу какихъ либо копромисовъ завоеванные Болгарами города очутились въ рукахъ Грековъ. Вообще освѣщать какими-либо нацiонально-политическими цѣлями дѣятельность всѣхъ этихъ руководителей Болгарскаго народа было бы въ высшей степени опрометчиво. Руководители эти, одновременно появляясь въ разныхъ концахъ Болгарiи, главнымъ образомъ, заботились поглотить другъ друга и смотря на владѣнiя своихъ противниковъ, какъ на страну непрiятельскую, разоряли эти владѣнiя, т. е. свою же Болгарiю, съ такою же свирѣпостью, какъ Татары и Куманы. Эти же личныя, а не общенацiональныя цѣли побуждаютъ ихъ принимать участiе въ домашнихъ дѣлахъ Византiи, въ происходившей тамъ усобицѣ между Андроникомъ Старшимъ и Андроникомъ Младшимъ, въ которой они хотя и давали перевѣсъ одной или другой сторонѣ, но удовлетворяя личному тщеславiю или властолюбiю, нацiональному дѣлу эти люди не принесли ни малѣйшей пользы своимъ вмѣшательствомъ въ византiйскiя дѣла.

При такихъ отношенiяхъ къ Византiи умираетъ Θеодоръ Святославъ (1322), оставивъ престолъ своему сыну Георгiю Тертерiю II

(1322—1323). При немъ является новый претендентъ на Болгарское царство, владѣлецъ небольшаго округа въ долинѣ Тунджи, нѣкто Воиславъ. Подобно своимъ предшественникамъ по притязанію на болгарскій престолъ, онъ ищетъ союза съ Византіею и находитъ здѣсь Андроника Младшаго, который даетъ ему небольшой отрядъ войска для изгнанія Тертерія II. Но прежде чѣмъ это случилось, Тертерій II умеръ и въ Тырновѣ успѣлъ утвердиться нѣкто Михаилъ Шишманъ, тоже въ качествѣ «царя болгарскаго»—въ 1323; Андроникъ Младшій, отказавшись отъ покровительства Воиславу, предпочолъ сблизиться съ Михаиломъ Шишманомъ, какъ съ сильнѣйшимъ союзникомъ, въ услугахъ котораго онъ въ войнѣ съ императоромъ Андроникомъ Старшимъ теперь очень нуждался. Шишманъ вступился въ византійскія дѣла и случилось приэтомъ то же что и прежде часто повторялось,—вмѣшательство болгарскаго царя въ византійскія дѣла послужило новымъ толчкомъ къ раздорамъ между Болгарами и Сербами: въ то время когда Михаилъ Шишманъ обѣщалъ помощь Андронику Младшему, сербскій краль Стефанъ Дечанскій втянутъ былъ въ кругъ интересовъ византійскаго императора Андроника Старшаго. При содѣйствіи Болгаръ и иныхъ наемниковъ, претендентъ успѣлъ захватить Солунь, завоевать южную Македонію, Ѳессалію, Эпиръ и часть Албаніи; отправивъ въ Константинополь своихъ агентовъ для привлеченія столичнаго населенія на свою сторону, онъ продолжалъ подвигаться къ столицѣ съ вѣрнымъ расчетомъ на легкій успѣхъ, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что его союзникъ—болгарскій царь Михаилъ Шишманъ измѣнилъ ему и завелъ сношенія съ Андроникомъ Старшимъ.

Занявъ городъ Ямболь своимъ войскомъ, состоящимъ изъ Болгаръ и Татаръ, Михаилъ Шишманъ послалъ отрядъ въ 3000 челов. въ помощь императору. Послѣдній, не довѣряя своимъ Грекамъ, готовъ былъ допустить болгарскій отрядъ въ столицу. Но претендентъ, чрезъ посредство многочисленныхъ своихъ агентовъ, между которыми были и приближенные императора, указалъ ему на опасныя послѣдствія, къ которымъ можетъ повести вступленіе въ Константинополь 3000 болгарскаго отряда: Болгары изъ защитниковъ особы императора легко могли обратиться въ завоевателей столицы, плохо охраняемой разнымъ сбродомъ наемниковъ всѣхъ націй. Императоръ отчасти послѣдовалъ совѣту приближенныхъ, дозволивъ нѣкоему Ивану, командовавшему болгарскимъ отрядомъ, вступить въ столицу съ незначительнымъ кавалерійскимъ конвоемъ и притомъ на короткое время. Не успѣли Болгары вступить въ городъ, какъ Андроникъ Младшій сблизился съ Иваномъ и благодаря подкупу, убѣдилъ его оставить Константинополь; вмѣстѣ съ тѣмъ ему удалось уговорить Михаила Шишмана разорвать союзъ съ императо-

ромъ. По уходѣ Болгаръ и Татаръ, Андроникъ Младшій, не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія, вступилъ въ столицу 24 мая 1328 г. и въ тотъ же день провозгласилъ себя императоромъ, заключивъ предшественника своего въ монастырь.

Вмѣшательство Болгаръ и Сербовъ въ византійскія дѣла послужило, какъ мы замѣтили, поводомъ къ новому раздору между этими двумя родственными народами. Подстрекаемые Андроникомъ Младшимъ, сдѣлавшимся теперь императоромъ подъ именемъ Андроника III, Болгары которые вновь съ нимъ сблизились, начали приготовляться къ войнѣ съ Сербами, съ тѣмъ чтобы вмѣстѣ съ Греками напасть на Сербію съ двухъ сторонъ. Къ этому греко-болгарскому союзу присоединились: валахскій воевода Иванко Бассараба, Черные Татары и господарь ясскій. Такимъ образомъ союзное войско представляло собою пеструю смѣсь Болгаръ, Грековъ, Румынъ, Татаръ. Сербскій краль Стефанъ Дечанскій пытался мирнымъ путемъ предотвратить угрожавшую Сербіи опасность, и съ этою цѣлью отправилъ въ Тырново посольство. Переговоры не увѣнчались успѣхомъ. Тогда на совѣтѣ сербскихъ бояръ, собравшихся въ долинѣ Дебричѣ, при впаденіи р. Топлицы въ Мораву, составленъ былъ планъ кампаніи: рѣшено напасть сразу на отдѣльные отряды союзниковъ, причемъ предполагалось, что отрядъ, предводительствуемый самымъ Михаиломъ Шишманомъ и засѣвшій въ Видинѣ, перейдетъ границу Сербіи со стороны города Ниша. Предположеніе это однакоже не оправдалось. Михаилъ Шишманъ изъ Видина двинулся чрезъ Софію въ Македонію съ тѣмъ, чтобы здѣсь соединиться съ войскомъ Андроника III. Желая предупредить соединеніе союзниковъ, Стефанъ Дечанскій поспѣшилъ вслѣдъ за Михаиломъ Шишманомъ на югъ и нагналъ его въ долинѣ верхней Струмы, не вдалекѣ отъ нынѣшняго города Кюстендила. Здѣсь въ долинѣ Михаилъ раскинулъ лагерь, разоривъ окрестныя мѣстности. Насупротивъ Болгаръ, на р. Каменчѣ укрѣпили военный станъ Сербы. Нѣсколько дней продолжалось выжиданіе. Наконецъ 28 іюня 1330 года сербскій краль приказалъ идти въ наступленіе. Завязался ожесточенный бой, въ которомъ отрядъ Франковъ въ числѣ 1000 человѣкъ занималъ центръ сербскаго войска. Велико было одушевленіе Сербовъ, возбуждаемое личнымъ примѣромъ краля, который верхомъ, вмѣстѣ съ 18-тилѣтнимъ сыномъ Стефаномъ Душаномъ, появлялся во всѣхъ опасныхъ пунктахъ; въ рядахъ Болгаръ скоро замѣтно стало смятеніе и оказалось, что царь ихъ Михаилъ палъ. Пользуясь этимъ смятеніемъ, Сербы усилили натискъ, совершенно разсѣяли непріятеля, весь лагерь котораго достался въ ихъ руки. Въ ознаменованіе этого побоища краль сербскій тогда же заложилъ на полѣ битвы церковь во имя Вознесенія Христова [1]).

[1]) Майковъ, Исторія сербскаго языка.

Отпустивъ простыхъ воиновъ, Стефанъ Дечанскій взялъ въ плѣнъ воеводъ и вообще бояръ болгарскихъ. Они послужили ему путеводителями во время послѣдовавшаго затѣмъ тріумфальнаго шествія его по Болгаріи. Имъ пришлось при этомъ играть весьма незавидную роль сдатчиковъ важнѣйшихъ городовъ Болгаріи во власть Сербовъ, которые отнынѣ въ судьбахъ южнаго славянства заслоняютъ собою Болгаръ. Но недолго впрочемъ продолжалось «могущество» Сербіи—всего въ теченіе одного царствованія Стефана Душана (1336—1355 г.). Послѣ смерти его Сербію постигла та же участь что и Болгаръ: она распалась на множество отдѣльныхъ, независимыхъ владѣній, князьки и жупаны которыхъ враждовали между собою гораздо ожесточеннѣе чѣмъ съ Греками и Турками. И Сербы и Болгары казалось намѣренно подготовили почву для турецкаго завоеванія. Если въ Сербіи возникало множество самостоятельныхъ жупанствъ, княжествъ, деспотій, то въ Болгаріи въ такомъ же изобиліи возникали «царства». Анархія была такъ повсемѣстна, что каждый отважный проходимецъ, съ смѣлою шайкою всевозможнаго сброда занявъ городъ, объявлялъ себя царемъ, а городъ съ округомъ—царствомъ. Такъ въ Сѣверо-восточной Болгаріи нѣкто Дабритичъ, завладѣвъ нѣсколькими городами, основалъ особое царство, которое ограничивалось Добруджей, получившей кажется отъ него прозваніе свое. Чтобы порвать всякую связь съ Тырновомъ, Дабритичъ отказался признать церковное главенство тырновскаго патріарха. Между тѣмъ въ Тырновѣ объявилъ себя царемъ сынъ Михаила, павшаго въ 1330 г. въ бою съ Сербами при Костендилѣ, а въ Видинѣ другой сынъ Михаила Срасиміръ [1]). Всѣ эти три «царя» болгарскіе всю свою энергію истощаютъ во взаимной борьбѣ между собою—изъза единовластія, причемъ они охотно призываютъ на помощь Турокъ. Такъ поступилъ Шишманъ Тырновскій, который, не полагаясь на собственные рессурсы въ борьбѣ съ Срасиміромъ Видинскимъ, пригласилъ турецкаго султана Мурада I; но тотъ пока отказался вмѣшиваться въ домашнія дѣла славянскихъ царьковъ, расчитывая, что сами они уничтожатъ другъ друга. Тырново, благодаря мѣстнымъ условіямъ, т. е. природою укрѣпленному положенію, еще держался. Что же касается Видина, то онъ переходилъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, начиная съ 1365 г. изъ рукъ въ руки. Такъ въ 1365 Людовикъ Анжуйскій взялъ Видинъ и плѣнилъ царя Срасиміра, отправивъ его въ Валахію, поставилъ нѣкоего Діонисія воеводой Видина съ титуломъ: Capitaneus civitatis et districtis Budiniensis regni nostri Bulgariae. Начатая въ большихъ размѣрахъ католическая пропаганда, ради успѣха которой Карлъ Анжуйскій выпи-

---

[1]) Ранчъ, ч. I.

салъ изъ Италіи нѣсколько сотъ человѣкъ того замкнутаго сословія, которое присвоиваетъ себѣ исключительную привиллегію заботиться о спасеніи человѣческихъ душъ, вызвала неудовольствіе въ православномъ населеніи Видинскаго округа противъ Франковъ, въ особенности послѣ того, когда агентами Шишмана распространенъ былъ слухъ, что Франки намѣрены обратить въ католичество всѣхъ православныхъ и для этаго ожидается до 2000 священниковъ католическихъ. При помощи Турокъ Франки въ 1376 г. были вытѣснены изъ Видина. Но это не спасло Болгарію. Занятые самоистребленіемъ, руководители Болгарскаго народа безучастно относились къ послѣдней борьбѣ христіанъ съ мусульманами, борьбѣ, въ которой изъ семьи южно-славянскихъ народовъ участіе принимали лишь Сербы. Хотя ожесточенныя битвы съ Турками при верховьяхъ р. Морицы (26 сентября 1371) и при Топлицѣ (1387) не привели ни къ какимъ полезнымъ для южнаго славянства результатамъ, но онѣ, тѣмъ не менѣе, займутъ блестящія страницы въ исторіи Сербскаго народа, обнаруживая присутствіе живучести его. Зато народъ этотъ дольше удержалъ свою независимость, зато и первый изъ южно-славянскихъ народовъ онъ началъ борьбу за независимость. Между тѣмъ Болгары не оказали турецкимъ завоеваніямъ никакого сопротивленія, о коемъ стоило бы говорить; крупные города, какъ Софія (въ 1388 г.), одинъ за другимъ признавали надъ собою власть Турокъ, и потому можно сказать, что Болгарія просто была *занята* Турками, а не завоевана. Тотъ самый тырновскій царь Шишманъ, который такъ храбро возбуждалъ внутреннія смуты и съ такимъ ожесточеніемъ нападалъ на своего видинскаго соперника Срасиміра,—лишь только явились «въ его царство» Турки, поторопился сложить предъ ними оружіе, признавъ себя вассаломъ турецкаго султана. Конечно, это не мѣшало ему вступать въ тѣсныя сношенія съ Сербами и Мадъярами противъ турецкаго владычества, т. е. измѣнять своему сюзерену, но у него не хватило ни энергіи, ни честности, ни ума для того, чтобы рѣшиться вступить въ открытое состязаніе съ Турками. Такъ, когда въ 1393 г. Турки подступили къ Тырнову, Шишманъ бѣжалъ и населенію самому пришлось отстаивать городъ, который наконецъ 17 іюля 1393 г. палъ. Хотя и разсказывается, что Шишманъ бѣжалъ въ Софію, собралъ войско изъ отдѣльныхъ отрядовъ, разбросанныхъ въ Никополѣ, Систовѣ, Плевнѣ и Силистріи, что съ этими войсками онъ еще въ теченіе 7 лѣтъ держался противъ Турокъ послѣ паденія Тырнова, но разсказы эти имѣютъ такой же легендарный характеръ, какъ описаніе подвиговъ Марко Кралевича, извѣстнаго между прочимъ тѣмъ, что въ Коссовой битвѣ между христіанами и мусульманами онъ сражался въ рядахъ Турковъ и даже палъ (въ 1394 г.) сражаясь въ этихъ рядахъ противъ деспота Добруджи Мирцы. Не Болгарамъ, а

Мадьярамъ и другимъ западнымъ христіанамъ суждено было отстаивать Болгарію, отъ нашествія Турокъ, которые въ средѣ Болгаръ нерѣдко встрѣчаютъ союзниковъ. Такъ въ 1396 король Сигизмудъ Венгерскій съ значительнымъ войскомъ перешелъ Дунай у Кладова, съ тѣмъ, чтобы, по занятіи Видина, двинуться къ Балканамъ и прорваться къ Константинополю для защиты столицы имперіи отъ мусульманъ. Но въ Видинскомъ округѣ онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны болгарскаго царя Срасиміра, засѣвшаго въ Видинѣ съ турецкимъ гарнизономъ. Послѣ кратковременной осады, длившейся всего нѣсколько дней, крѣпость была взята приступомъ, точно также взято и укрѣпленіе Орѣхово, которое защищалъ турецко-болгарскій гарнизонъ. Усиленное вспомогательными отрядами, войско Сигизмунда, простиравшееся до 6000, подступило къ Великому Никополю, который занятъ былъ Турками и продержался до прибытія Баязета (28 сентября). Здѣсь, при впаденіи рѣчки Кисика въ рѣку Янтру, произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ въ рядахъ турецкихъ войскъ отличались своею храбростью сербскій князь Стефанъ Лазаревичъ. Христіанское войско было въ конецъ разбито, Сигизмундъ бѣжалъ; взятые въ плѣнъ 3000 человѣкъ всѣ были варварски умерщвлены передъ палаткою Баязета. На мѣстѣ этой битвы (4 часа ходьбы отъ Тырново) до сихъ поръ указываютъ многочисленные могильные курганы. Чрезъ два года, въ 1398 г., палъ Видинъ. Занятіемъ его завершилось подчиненіе турецкому владычеству всей Болгаріи, т. е. страны между Дунаемъ, Балканами, Чернымъ моремъ, Тимакомъ и верховьями Болгарской Моравы.

ГЛАВА XXI.

Паденіе Сербіи и славянскихъ странъ Иллирика подъ власть Турокъ.

1. Отдѣльные намѣстники (деспоты) сербскіе объявляютъ себя независимыми отъ кралей сербскихъ. 2. Первыя столкновенія съ Турками. 3. Князь Лазарь составляетъ сильный союзъ противъ Турокъ. 4. Битва на Коссовомъ полѣ 1389 г. 5. Турецкій султанъ объявляетъ наслѣдственно право свое на Сербію. 6. Временный успѣхъ Сербовъ въ борьбѣ съ Турками и Шегединскій миръ 1413 г. 7. Пораженіе союзнаго христіанскаго войска при Варнѣ 1444 г. 8. Славяне сражаются въ рядахъ Турокъ. 9. Сербскіе бояре приглашаютъ Турокъ занять Сербію.

Еще быстрѣе слѣдовало паденіе «могущественнаго царства» Душана Сильнаго. Лишь только умеръ Душанъ (1356 г.), какъ намѣстники занятыхъ имъ греческихъ городовъ и областей признали себя независимыми отъ сербскаго государя; ихъ примѣру послѣдовали баны Босніи, Герцеговины и правители Діоклеи, хотя впрочемъ зависимость тѣхъ и другихъ отъ сербскаго государя и при Душанѣ была весьма шаткая и во всякомъ случаѣ уступала передъ зависимостью ихъ отъ Венгріи и Венеціи.

Предоставляя себѣ въ разсказѣ объ утвержденіи на Балканскомъ полуостровѣ турецкаго владычества возвратиться еще разъ къ исторіи Сербіи въ послѣдній періодъ политическаго ея существованія, здѣсь мы для послѣдовательности изложенія намѣтимъ важнѣйшіе моменты этаго послѣдняго періода, который начинается со смерти Душана и оканчивается турецкимъ завоеваніемъ.

По вступленіи на престолъ сына Душана, Уроша V (1356—1367), открываются внутреннія смуты [1]). Одинъ изъ деспотовъ, наиболѣе могущественный, намѣстникъ Акарканіи и Этоліи, Симеонъ не только объявилъ себя независимымъ, но и пользуясь отдаленнымъ родствомъ съ Неманями, сталъ доискиваться сербскаго престола; и въ то время, когда Турки, завоевавъ Адріанополь, Филиппополь и часть Предбалкан-

---

[1]) Kollay, Geschichte der Serben.

ской Болгаріи, надвигались на Сербію, здѣсь происходитъ междоусобица за обладаніе престоломъ, въ которой принимаютъ дѣятельное участіе намѣстники (деспоты) разныхъ областей Сербіи.

По примѣру своихъ предшественниковъ, Урошъ V въ эту критическую минуту ищетъ опоры внѣ. Онъ обралился къ посредничеству папы, предлагая, съ своей стороны, ввести въ Сербіи католицизмъ. Посредничество не помогло. Междоусобица продолжалась, и только благодаря несогласіямъ, возникшимъ между претендентомъ и его партіей, Урошъ V нѣкоторое время еще держался; но наконецъ былъ изгнанъ однимъ изъ деспотовъ, Вукашиномъ, и затѣмъ въ 1367 г. убитъ. Занятый внутренней борьбой, Вукашинъ не имѣлъ ни средствъ, ни охоты отражать движеніе Турокъ, которые къ тому очень искусно пользовались этими усобицами, предлагая одной и другой сторонѣ свои услуги, отъ которыхъ сербскіе крали и ихъ противники не отказывались. Уже во время Вукашина въ рядахъ Турокъ сражались болгарскіе христіане, а при Лазарѣ къ турецкимъ войскамъ примкнулъ съ своимъ отрядомъ сынъ Вукашина, пресловутый легендарный герой Марко Кралевичъ, который нѣсколько разъ перѣбегалъ отъ христіанъ къ Туркамъ и наоборотъ [1]), такъ что остается даже не вполнѣ точнымъ въ чьихъ рядахъ погибъ онъ: сражаясь противъ христіанъ или Турокъ?

Впрочемъ Вукашинъ не могъ избѣгнуть столкновеній съ Турками. Самый ходъ событій втянулъ его въ войну съ мусульманами. Сербскій народъ, въ лицѣ своего боярскаго сословія, вынудилъ Вукашина остановить дальнѣйшее движеніе Турокъ. Къ Вукашину присоединился братъ его Углешъ, деспотъ Сересскаго округа, такъ что собралось около 60,000 войска. Пользуясь тѣмъ, что въ это время (1371 г.) султанъ Мурадъ отвлеченъ былъ въ Малую Азію происходившими тамъ смутами, Сербы безпрепятственно подошли къ самому Адріанополю и узнавъ, что въ этомъ городѣ находится незначительное числомъ войско, расположили свои силы лагеремъ близъ города Черменя, на берегу р. Марицы, и не спѣша готовились взять чрезъ нѣсколько дней приступомъ новую столицу Османлисовъ. Медленность и безпечность погубили Сербовъ. Въ слѣдующую ночь, когда сербское войско погружено еще было въ глубокій сонъ, Турки подъ предводительствомъ Хаджи Илбека, съ силами въ нѣсколько разъ меньшими, бросились на неприготовленныхъ къ оборонѣ Сербовъ; завязался кровопролитный бой, который длился до утра (26 сент. 1371 г.) Большая часть сербскаго войска легла на мѣстѣ, усѣявъ трупами павшихъ обширную площадь лагерной стоянки, а мень-

---

[1]) Jirecek, Geschichte der Bulgaren; Голубинскій, Очеркъ исторіи прав. церкв.

шей части удалось спастись бѣгствомъ. Въ этомъ бою пали Вукашинъ, братъ его Углешъ и множество бояръ сербскихъ.

Упраздненный престолъ сербскій занялъ другой изъ деспотовъ, Лазарь (1371—1389 г.). Онъ считается возстановителемъ Сербскаго государства, къ которому опять присоединились Боснія, Герцеговина, Черногорія, греческія области, занятыя Душаномъ, и даже Албанія. Въ дѣйствительности всѣ эти страны имѣли своихъ правителей — князей, бановъ и королей, а Сербія Лазаря ограничивалась: такъ называемою *Старою Сербіею* и *нынѣшнею Сербіею* за исключеніемъ сѣверо-западной окраины.

Правда, Лазарь въ 1375 году возстановилъ царскій титулъ, но это нисколько не усилило могущества государства, впрочемъ и самъ Лазарь хотя и вѣнчался на царство, однако въ грамотахъ называлъ себя скромнымъ титуломъ: «Во Христа Бога благовѣрный и самодержавный господинъ Серблемъ и подунавію Стефанъ кнезь Лазарь» [1]). Западные же историки, какъ Дуфренъ и Энгель, даже и этотъ титулъ считаютъ невѣрнымъ, называя всѣхъ правителей Сербіи по смерти Уроша V, съ которымъ прекратился родъ Неманей,—деспотами.

Все время правленія Лазаря прошло въ битвахъ съ Турками, но здѣсь, какъ и во всемъ что касается славянской хронологіи, встрѣчается страшная путаница въ лѣтосчисленіи и даже названіи мѣстностей; исключеніе составляютъ только такія общеевропейскія событія, какъ Коссовская битва (10 іюня 1389 г.) и немногія другія. Такъ, что касается времени признанія Лазаремъ верховной власти турецкаго султана, которому онъ обязался платить ежегодную дань и поставлять извѣстный контингентъ войска въ ряды турецкой арміи,—то одни относятъ это событіе къ 1375 году, а другіе 1386 году. Первое слѣдуетъ считать достовѣрнѣе, такъ какъ послѣ побѣды Турокъ при городѣ Нишѣ Лазарь призналъ себя данникомъ султана, а побѣда эта одержана была въ 1375 году. Въ слѣдующемъ году, когда Мурадъ съ главными силами направился въ Македонію, Лазарь успѣлъ одержать побѣду надъ Турками при рѣкѣ Ситницѣ, около нынѣшняго Новаго Базара. Эта побѣда, послѣ ряда пораженія Сербовъ, подняла упавшій духъ Сербовъ. Лазарь поспѣшилъ воспользоваться впечатлѣніемъ побѣды, вѣсть о которой быстро разнеслась по всѣмъ сербскимъ землямъ, и собралъ значительное войско, къ которому примкнули съ своими войсками правители Босніи и Герцеговины, а также деспотъ Албаніи Скандербергъ (Георгій Кастріатъ). Но съ другой стороны и Мурадъ стянулъ всѣ свои главныя силы, чтобы отомстить за недавнее пораже-

---

[1]) Майковъ, Исторія сербскаго языка.

ніе и вмѣстѣ съ тѣмъ покорить Сербію. Такимъ образомъ готовилось событіе, которое должно было стать поворотною точкою въ судьбахъ Балканскаго полуострова, въ смыслѣ вопроса о дальнѣйшемъ владычествѣ Турокъ въ Европѣ. Цвѣтъ турецкой арміи сталъ подъ знамя Мурада, но и многочисленное христіанское войско, въ ряды котораго вступали Поляки, Мадъяры и даже Нѣмцы, одушевленное идеею борьбы съ Турками, представляло собою громадную силу. Непріятели встрѣтились на Коссовомъ полѣ. Сначала успѣхъ склонялся на сторону христіанъ и въ рядахъ турецкаго войска наступилъ критическій моментъ нерѣшительности, за которымъ слѣдуетъ паника и гибель арміи, какъ вдругъ родственникъ Лазаря, Вукъ Бранковичъ, съ отрядомъ своимъ перешелъ на сторону Турокъ и далъ послѣднимъ перевѣсъ. Теперь въ свою очередь наступила паника въ христіанскомъ войскѣ, вызванная неожиданною измѣною. Мадъяры и Нѣмцы бѣжали, а Славяне въ огромномъ большинствѣ легли на полѣ битвы, въ которой палъ и князь Лазарь. Объ участи его впрочемъ существуетъ преданіе, что нѣкто Милошъ Кабиловичъ, Сербъ, рѣшился пожертвовать собою, чтобъ спасти отечество свое отъ страшнаго врага христіанства, Мурада. Хитростью Кабиловичъ проникъ въ палатку султана, нанесъ ему скрытымъ оружіемъ нѣсколько ударовъ, отъ которыхъ тотъ вскорѣ умеръ; въ свою очередь, погибъ и Кабиловичъ, изрубленный на части разсвирѣпѣвшими солдатами [1]). Лазарь, попавшійся въ плѣнъ и заподозрѣнный въ косвенномъ участіи въ убійствѣ Мурада, былъ казненъ. Данническія отношенія Сербіи были возобновлены, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность поставлять войска въ ряды турецкой арміи и сражаться со всѣми врагами султана; за то султанъ Баязетъ, сынъ убитаго Мурада, призналъ сына Лазаря, Стефана, деспотомъ Сербіи, съ правомъ внутренней автономіи. Во все время своего правленія (1389—1427) Стефанъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ войнахъ, даже въ азіятскихъ, храбро сражаясь въ рядахъ турецкой арміи. Только однажды, въ 1403 г., онъ отступился отъ Турокъ и соединился съ Мадъярами, которые защищали свои Иллирійскія владѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ стали передовыми защитниками западнаго христіанства противъ Турокъ. Союзъ Стефана съ Мадъярами не привелъ однако ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; по крайней мѣрѣ, подъ конецъ своей жизни онъ опять становится покорнымъ сподручникомъ султана. За неимѣніемъ нисходящихъ, Стефанъ по завѣщанію отказалъ деспотство Юрію Бранковичу, сыну того самаго Вука Бранковича, который измѣнилъ общему христіанскому дѣлу въ критическую минуту на Коссовомъ полѣ.

---

[1]) Ранчъ, ч. III.

Не довольствуясь данническими отношеніями Сербіи, Мурадъ II предъявилъ на эту страну полную верховную власть по праву наслѣдства [1]). Дочь деспота Лазаря была замужемъ за Баязетомъ, отцомъ Мурада II, который такимъ образомъ приходился племянникомъ Стефана Лазаревича, и такъ какъ Стефанъ умеръ бездѣтенъ, то Мурадъ II, какъ ближайшій родственникъ, предъявилъ права на Сербію. Но понятно, что юридическаго спора объ этихъ правахъ не возникло и самое провозглашеніе ихъ представляется лишь слабою попыткой Мурада II легкимъ путемъ добыть себѣ страну. Переговоры объ этихъ правахъ длились очень недолго, потому что въ томъ же году вступленія Юрія Бранковича на деспотскій престолъ, 1427 г., Мурадъ II двинулся въ Сербію и взялъ Крушевацъ, Галубацъ, а также Браничево. Между тѣмъ какъ Турки тѣснили Сербовъ съ юга, Мацьяры, принимая мѣры противъ вторженія въ Венгрію Турокъ, — пытались занять сербскій правый берегъ Дуная, откуда очень легко могли проникнуть и въ глубь страны. Юрій Бранковичъ, поставленный между двухъ огней—Мурадомъ II и Сигизмундомъ королемъ венгерскимъ, рѣшился предложить свои услуги Сигизмунду съ тѣмъ, чтобы венгерскій король защищалъ Сербію отъ Турокъ, а въ крайнемъ случаѣ принялъ его подъ свое покровительство и далъ ему убѣжище. По этому соглашенію сербскій деспотъ уступилъ Сигизмунду Бѣлградъ. Король венгерскій чрезвычайно былъ обрадованъ такою уступкою, которая не только давала въ его руки сильную Бѣлградскую крѣпость, но и открывала ему путь къ югу, на встрѣчу къ Туркамъ. Что онъ этотъ союзъ, вмѣстѣ съ уступкой Бѣлграда, считалъ весьма важнымъ для себя, видно изъ того, что Сигизмундъ подарилъ сербскому деспоту 13-ть городовъ, между прочимъ Токай, Сланкаменъ и другіе, а также дворецъ въ столицѣ Венгріи. Въ 1436 г. Сигизмундъ умеръ и Бранковичъ лишился опоры, такъ какъ наслѣдникъ Сигизмунда не возобновилъ заключеннаго послѣднимъ союза. Пользуясь этимъ, Мурадъ II неоднократно вторгался въ Сербію, но опустошивъ мѣстности, по которымъ проходилъ, снизошелъ къ просьбѣ Бранковича оставить за Сербіею автономію съ тѣмъ, что онъ, деспотъ, будетъ вѣрнымъ данникомъ и сподручникомъ султана, а потомъ, чтобы закрѣпить благорасположеніе къ себѣ султана, выдалъ за него малолѣтнюю дочь свою Марію, которая въ гаремѣ султана стала извѣстна подъ именемъ «Мары». Вступивъ въ родство съ падишахомъ, Бранковичъ въ то же время завелъ тайныя сношенія съ Іоанномъ Палеологомъ: задумалъ было странный планъ общими силами изгнать Турокъ. Я говорю «странный», потому что ихъ раздѣляли многочисленныя одушевленныя, завое-

[1]) Гильфердингъ, Собр. соч. т. II; Kollay, Geschichte der Serben.

вательными успѣхами войска турецкія; кромѣ того, Сербія и Византія на столько были обезсилены, политически деморализованы, что конечно нельзя было серьезно помышлять о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ. Узнавъ объ этихъ сношеніяхъ, Мурадъ поспѣшилъ въ Сербію и осадилъ укрѣпленный въ то время придунайскій городъ Смедерево. Пріобрѣтеніе этого города необходимо было для дальнѣйшихъ завоеваній его по ту сторону Дуная. Съ этою же цѣлью онъ желалъ утвердиться и въ Сербіи, не полагаясь на родственныя отношенія съ Бранковичемъ, который во всякую минуту могъ ему измѣнить въ пользу венгерскаго короля. Между тѣмъ Бранковичъ, оставивъ комендантомъ Смедерева старшаго сына своего Григорія, съ младшимъ, Лазаремъ, убѣжалъ въ Венгрію къ королю *Альберту* просить помощи противъ Турокъ. Пока король венгерскій собиралъ рать, городъ Смедерево палъ, взятый частью приступомъ, а частью вынужденный къ сдачѣ голодомъ. Въ числѣ плѣнныхъ оказался комендантъ города, т. е. старшій сынъ Бранковича, Григорій, котораго Мурадъ съ другимъ сыномъ того же Бранковича, Стефаномъ, ранѣе взятымъ въ плѣнъ, отправилъ въ качествѣ заложника въ Адріанополь. Онъ постепенно желалъ освободиться отъ всѣхъ сыновей Бранковича, съ тѣмъ, чтобы закрѣпить насильственное завоеваніе государства наслѣдственнымъ правомъ на сербское деспотство. Въ 1441 г. онъ велѣлъ ослѣпить обоихъ заложниковъ. Бранковичъ, разочарованный обѣщаніемъ Альберта, который со дня на день откладывалъ наступленіе на Турокъ, удалился въ Загребъ, а оттуда въ Антивари (Баръ), что на Адріатическомъ морѣ. Лишь только укрылся здѣсь сербскій деспотъ, какъ Мурадъ II обратился къ городу съ требованіемъ выдачи Бранковича, подкрѣпивъ это требованіе богатымъ выкупомъ и обѣщаніемъ полной свободы городу. Послѣ нѣкотораго колебанія, горожане порѣшили выдать Бранковича; но заблаговременно провѣдавъ о такомъ рѣшеніи своей участи, Бранковичъ успѣлъ бѣжать въ Дубровникъ. Положивъ въ городскую кассу на храненіе капиталъ свой въ 500,000 дукатовъ, Бранковичъ и здѣсь не могъ оставаться. Торговая республика, преслѣдуя прежде всего свои меркантильные интерессы и получивъ приглашеніе Мурада II выдать Бранковича съ обѣщаніемъ не только сохранить, но и расширить торговыя льготы республики,—хотя и не соглашалась на выдачу эксъ-деспота, но отказала Бранковичу въ дальнѣйшемъ пребываніи въ Дубровникѣ. Тогда Бранковичъ снова отправился въ Венгрію. На этотъ разъ ему удалось убѣдить короля *Владислава* и венгерскихъ магнатовъ поднять оружіе противъ Турокъ. Впрочемъ въ интересахъ самихъ Мадьяръ было изгнать Турокъ или по крайней мѣрѣ остановить ихъ завоевательное д виженіе на сѣверъ; венгерскій король задумалъ дае

составить обширную коалицію или нѣчто въ родѣ крестоваго похода и для этого завелъ сношенія съ нѣмецкимъ императоромъ Фридрихомъ, Пруссіею и Польшею. На приглашеніе его одна только Польша отозвалась сочувственно, пославъ свое войско въ распоряженіе венгерскаго короля. Въ началѣ 1443 г. союзное войско тремя колонами подъ начальствомъ короля Владислава, деспота Сербіи Бранковича и Іоанна Гунніада перешло Дунай. Безпрепятственно пройдя всю Сербію, войско союзное въ одной части прошло до Софіи, бывшей уже во власти Турокъ и взяло этотъ городъ, не смотря на сильное сопротивленіе, а въ другой части настигнуло главныя силы Турокъ при рѣкѣ Златицѣ, впадающей въ Мораву; здѣсь и произошла битва, въ которой все почти турецкое войско было истреблено: 30,000 легло на мѣстѣ и 4000 взято въ плѣнъ. Вслѣдъ за этою побѣдою христіанъ послѣдовала въ томъ же году другая—при Яловцѣ, въ горахъ Шара-Дага. Здѣсь въ числѣ плѣннымъ взятъ былъ и главнокомандующій турецкой арміи, близкій родственникъ Мурада II, Карамбегъ. Вся нынѣшняя Сербія съ такъ называемой Старой Сербіей и сѣверною половиною Македоніи очищена была отъ Турокъ; въ Болгаріи за Турками осталось лишь нѣсколько отдѣльныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, изъ которыхъ Софія, какъ мы видѣли, досталась уже въ руки союзниковъ [1]). Въ такую критическую минуту, когда дѣло шло о существованіи турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ, Мурадъ II предложилъ союзникамъ выгодныя условія мира, отказываясь отъ всѣхъ европейскихъ завоеваній, за исключеніемъ Сѣверной Ѳракіи и Балканской Болгаріи. Союзники по настоянію Бранковича, который въ данномъ случаѣ преслѣдовалъ не общехристіанскіе, а свои личные или лучше сказать деспотскіе интересы, согласились на мирныя предложенія султана вмѣсто того, чтобы довести дѣло пораженія Османлисовъ до конца, что было вовсе не трудно, такъ какъ необходимость подавленія смутъ въ Малой Азіи отвлекала въ эту страну значительную часть турецкихъ силъ. Въ Сегединѣ въ 1443 г. заключенъ былъ миръ на 10 лѣтъ, въ подкрѣпленіе котораго предводители христіанскаго войска клялись надъ евангеліемъ, а турецкіе—надъ кораномъ По внушенію изъ Рима, который провозгласилъ, что клятва данная невѣрнымъ не имѣетъ силы, а потому и нарушеніе ея не будетъ грѣховнымъ дѣломъ, миръ Сегединскій нарушенъ былъ въ слѣдующемъ 1444 г. Въ этотъ разъ союзное войско, въ которомъ впрочемъ Славяне составляли незначительную часть, пошло на Варну. Мурадъ II былъ не подготовленъ и дѣло его казалось проиграннымъ, такъ какъ сухимъ путемъ не было никакой возможности доставить войско

[1]) Kollay, Geschichte der Serben; Jirecek, Geschichte der Bulgaren.

въ Варну ранѣе прибытія союзниковъ. Венеціанскіе купцы однако предложили свои услуги Мураду II и на своихъ судахъ, благодаря попутному вѣтру, быстро доставили въ Варну сильное подкрѣпленіе. Турки одержали рѣшительную побѣду, которая имѣетъ то важное значеніе, что закрѣпила владычество ихъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ какъ паденіе Константинополя оставалось лишь вопросомъ времени. Послѣ этой побѣды Бранковичъ нѣкоторое время колебался между дружбою съ Мадьярами, и Турками, и затѣмъ окончательно перешолъ на сторону послѣднихъ, какъ сильнѣйшую; онъ сталъ вѣрнымъ данникомъ Мурада II, а потомъ его сына, знаменитаго Магомета II, и исправнымъ поставщикомъ вспомогательнаго контингента для турецкой арміи. Въ 1457 году Георгій Бранковичъ умеръ, оставивъ 3-хъ сыновей: Григорія, Стефана (ослѣпленныхъ) и Лазаря. Послѣдній, изгнавъ братьевъ и отравивъ мать свою, занялъ Сербское деспотство, которое впрочемъ ограничивалось при немъ нѣсколькими округами нынѣшней Средней Сербіи, такъ какъ въ сѣверной окраинѣ утвердились Мадьяры, а въ южной части—Турки. Презираемый народомъ за совершенную неспособность отстоять національную независимость, Лазарь хотя и считается еще (послѣднимъ впрочемъ) государемъ Сербіи, но въ дѣйствительности былъ не больше какъ правитель нѣсколькихъ округовъ. Серскаго государства уже не существовало. Правда, Лазарь пытался найти противовѣсъ распространяющемуся владычеству Турокъ, но избралъ для этого такое средство, которое вызвало общее неудовольствіе народа. Онъ передъ смертію, въ 1458, завѣщалъ Сербію въ ленный даръ апостолическому престолу; но когда послѣ его смерти явились папскіе легаты для провозглашенія верховной власти папы надъ Сербіею, большинство бояръ, предпочитая турецкое иго католическому, поспѣшили призвать Турокъ, которые въ этомъ же году обратили Сербію въ одинъ изъ турецкихъ пашалыковъ [1]).

Тысячи изъ массы народа не раздѣляли однакожъ мнѣнія бояръ, и сознавая свою безпомощность въ борьбѣ съ завоевателями Балканскаго полуострова, рѣшились покинуть родину съ тѣмъ, чтобъ сохранить свою религіозную и національную независимость подъ покровительствомъ Венгріи. Эмигранты пошли двумя путями: одни чрезъ Саву—переселились въ Срѣмъ, а другіе—чрезъ Дунай въ Темешварскій банатъ. Обѣ эти округа эмигранты нашли настолько густо населенными своими соплеменниками и соотечественниками, которые еще ранѣе, въ особенности при первомъ бѣгствѣ изъ Сербіи Григорія Бранковича, начали переселяться сюда,—что, съ дозволенія венгерскаго короля, образовали

---

[1]) Раичъ, ч. I; Голубинскій, Очеркъ исторіи прав. ц.

въ Венгріи маленькое status in statu, избирая изъ среды своихъ правителей съ титуломъ деспота. Города, подаренные Сигизмундомъ Георгію Бранковичу, вошли въ составъ этого новаго Сербскаго государства. Недолго однако длилась его независимость, судя потому, что въ концѣ XV ст. о деспотахъ уже не упоминается. Впрочемъ по уничтоженіи этой тѣни политической независимости, эмигранты, извѣстные подъ именемъ *австрійскихъ Сербовъ*, пользовались нѣкоторыми льготами, управляясь чрезъ избранныхъ ими изъ среды своей лицъ; императоръ Леопольдъ подтвердилъ ихъ автономныя права, но послѣдующіе за тѣмъ государи австрійскіе постепенно урѣзывали эти права, пока совершенно не уничтожили дарованную прежде автономію [1]).

---

[1]) Раичъ, ч. IV; Kollay, Geschichte der Serben.

ГЛАВА XXII.

Турки утверждаются на Балканскомъ полуостровѣ.

1. Балканскій полуостровъ предъ турецкимъ завоеваніемъ. 2. Начало государства Османлисовъ. 3. Военно-религіозный строй государства. 4. Янычары и дервиши. 5. Меценатство первыхъ султановъ. 6. Ближайшія причины появленія Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. 7. Турки занимаютъ Галлиполи. 8. Адріанополь становится первою европейскою столицей Турціи. 9. Царь болгарскій признаетъ надъ собою власть султана. 10. Марко-Кралевичъ. 11. Сербскій князь Лазарь признаетъ себя данникомъ султана. 12. Характеръ турецкихъ войнъ. 13. Почему Турки медлили завоеваніемъ Константинополя. 14. Параллельно съ завоеваніемъ Балканскаго полуострова Османлисы продолжаютъ политическое объединеніе Малой Азіи. 15. Временные успѣхи Сербовъ въ войнѣ съ Турками. 16. Коссова битва. 17. Отношеніе южнаго славянства къ защитѣ своихъ странъ. 18. Тимуръ и Баязетъ. 19. Балканскіе христіане не пользуются критическимъ положеніемъ Османлисовъ. 20. Попытки Османлисовъ къ овладѣнію Константинополемъ. 21. Вторженіе ихъ въ Грецію, Албанію и Валахію.

Балканскій полуостровъ во второй половинѣ XIV вѣка представлялъ жалкую картину полнаго разложенія общественнаго строя жизни; казалось всѣ элементы общежитія пришли въ броженіе и въ этомъ броженіи происходили неестественныя, чудовищныя комбинаціи, въ которыхъ люди, забывъ общность государственныхъ, національныхъ, религіозныхъ интересовъ, съ какимъ-то безумнымъ злорадствомъ разрушаютъ созданныя ими же формы общежитія, съ страшнымъ ожесточеніемъ, въ союзѣ съ иноплеменниками ведутъ истребительную взаимную войну и вступаютъ въ такія меркантильныя сдѣлки въ религіозною совѣстью, которыя въ народахъ низкой культуры служатъ признакомъ нравственнаго паденія.

Въ Византіи,—предѣлы которой, какъ имперіи, ограничиваются Румеліей, такъ какъ остальныя области въ Өессалію, Эпирѣ, Греціи, Албаніи, управляемыя полусамостоятельными намѣстниками подъ именемъ деспотовъ, представляли скорѣй мелкія государства, чѣмъ составныя части имперіи,—въ Византіи происходитъ смѣна претендентовъ на императорскую корону, которые врагамъ имперіи раздаютъ ея области и своими руками разрываютъ на части то самое государство, во главѣ

котораго готовятся стать; Татары, Болгары и Сербы въ рядахъ Грековъ помогаютъ послѣднимъ въ войнѣ ихъ съ Греками-же; православнѣйшіе Греки, въ лицѣ ихъ императора, заводятъ сношеніе съ Римомъ и почти готовы отказаться отъ православія. *Въ Болгаріи*, въ разныхъ углахъ ея одновременно появляются разныя темныя личности, изъ которыхъ однѣ добиваются пресловутаго Болгарскаго царства, а другія, не интересуясь имъ нимало, овладѣваютъ отдѣльными городами, дѣлая изъ нихъ разбойническіе набѣги; тѣ и другія приводятъ въ страну дикія орды Татаръ и иныхъ азіятовъ, которые помогаютъ призвавшимъ ихъ въ истребленіи своихъ же братьевъ Болгаръ. Сношенія съ Римомъ и готовность пасть ницъ предъ св. престоломъ становятся обыкновеннымъ явленіемъ. *Въ Сербіи*—множество мелкихъ деспотій, которыя живутъ своею отдѣльною жизнью, устроивая свои «внѣшнія» отношенія съ точки зрѣнія своихъ мѣстныхъ интересовъ; точно также въ своей враждѣ или дружбѣ къ сосѣдямъ не придавали никакого значенія ни національности, ни религіи. *Въ Босніи и Герцеговинѣ*,—десятки Твардковъ, Дабишей, Храничей и иныхъ, съ титулами бановъ, королей, герцоговъ, оспариваютъ другъ у друга пальму первенства въ подвигахъ опустошенія страны, разоренія городовъ, взаимнаго истребленія и въ быстрыхъ переходахъ отъ католицизма къ ереси, отъ последней къ православію и нерѣдко наоборотъ; Венгрія, Сербія и Венеція оспариваютъ свое верховенство надъ этими странами (Босніей и Герцеговиной) и не могутъ дать себѣ отчета, отъ кого изъ нихъ болѣе зависятъ послѣднія. *Въ Албаніи*—потомки Пелазговъ Шкипетары, Гечи, Тоеки, Чамы, Мириднты живутъ своей особливой жизнью и очень мало интересуются тѣмъ, что происходитъ тамъ, за горами; если бы они только знали, что происходитъ внѣ ихъ страны, то не мало удивились бы, узнавъ, что тамъ, гдѣ-то въ Болгаріи и Сербіи, есть люди, которые называютъ себя повелителями Албаніи. Не менѣе изолировано держалась *Діоклея*, изъ сѣверной части которой образовалась нынѣшняя Черногорія; отношенія ея къ сосѣдямъ устанавливались также не потому или другому принципу политическаго общежитія, національности или религіи, а съ точки зрѣнія личныхъ видовъ ея правителей. Двѣ крупныя отрасли одного и того же славянскаго племени—*Болгары и Сербы* продолжаютъ безумную между собой вражду изъ за территоріальныхъ пріобрѣтеній, которыя однакоже ни тѣ, ни другіе не могутъ удержать, и ведется эта борьба съ такимъ ожесточеніемъ, что не только забывается ихъ политическое призваніе, но и единство племенное и религіозное; ни одна изъ сторонъ не задумывается звать къ себѣ на помощь общихъ враговъ—Грековъ, Татаръ, Турокъ, для униженія своихъ братьевъ о Христѣ и по племени.

Въ то время, когда казалось всѣ элементы общежитія народовъ Балканскаго полуострова пришли въ броженіе, которое готово было внести полный хаосъ въ отношенія политическія, религіозныя и національныя, въ Малой Азіи возникло и быстро развивалось сильное религіознымъ фанатизмомъ и воинственнымъ пыломъ государство Османлисовъ.

Принадлежа къ обширному тюркменскому племени, остатки котораго и понынѣ кочуютъ въ степяхъ Закаспійскихъ, Турки въ XIII ст. положили начало сильному государству въ равнинахъ Эрзерума [1]. Глава этого немногочисленнаго народа *Эртогрулъ*, во второй половинѣ XIII в., тѣснимый другими кочевниками, двинулся къ западу, въ направленіи Малой Азіи и такимъ образомъ вступилъ въ предѣлы царства Турокъ Сельджукскихъ, которые доживали свои послѣдніе дни. Признавъ власть султана Сельджуковъ (Алаэддина), Эртогрулъ за военную храбрость, оказанную имъ въ войнѣ Алаэддина съ Монголами, получилъ для своего народа отдѣльную область въ Виѳиніи. Сынъ его, *Османъ* (1285—1328 г.), продолжая считаться вассаломъ Алаэддина, весьма успѣшно, путемъ уступокъ и завоеваній отъ мелкихъ владѣльцевъ, въ короткое время округлилъ свою территорію, такъ что сталъ сильнѣйшимъ вассаломъ Алаэддина, и когда тотъ, въ 1307 году, былъ лишенъ престола, не оставивъ наслѣдниковъ, то, подобно другимъ вассаламъ, Османъ на развалинахъ распавшагося царства Сельджуковъ основалъ свое независимое государство, сдѣлавъ столицей Іеничеръ, городъ между Никеею и Прусою. Съумѣвшій возбудить и освѣжить упавшій въ средѣ Сельджуковъ, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, духъ религіознаго фанатизма, Османъ окружилъ себя учеными, т. е. знатоками корана, которые много способствовали развитію фанатизма и распространенія въ народѣ вѣры въ высокую миссію главы государства. Османъ показался народу своему истымъ обновителемъ калифата, и народъ провозгласилъ его падишахомъ, т. е. повелителемъ правовѣрныхъ,—принявъ его имя въ отличіе отъ другихъ соплеменныхъ народовъ. Отсюда и пошло названіе «Османлисовъ», которое до сихъ поръ носятъ Турки Европейской и Азіятской Турціи; точно также до сихъ поръ султанъ турецкій, при вступленіи своемъ на престолъ, препоясывается мечемъ Османа, считающимся у Турокъ священной драгоцѣнностью, которая по важности своей уступаетъ развѣ знамени пророка. Городъ Пруса сталъ столицей новаго государства Османлисовъ. Сынъ Османа, *Урханъ* (1328—1360), уже при жизни отца проявившій свои военныя способности въ качествѣ командующаго войскомъ, предъ которымъ пала Пруса,—въ исторіи

[1] Hammer, Geschichte der OcmanischesReich's, т. I.

Турціи имѣетъ значеніе, какъ государственный дѣятель, правда одностороній, по созданными имъ учрежденіями подготовившій дальнѣйшія завоевательные успѣхи Османлисовъ, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ.

Исходя отъ мысли, что призваніе Османлисовъ состоитъ въ завоеваніяхъ и въ обновленіи міра путемъ распространенія ислама, Урханъ ввелъ соотвѣтствующій этому призванію военно-религіозный строй жизни. И въ то время, когда нетолько въ Византіи, распадавшейся, но и въ государствахъ западной Европы арміи комплектовались изъ наемщиковъ или людей, только что оторванныхъ отъ плуга и молота, Урханъ вводитъ постоянное войско съ спеціальнымъ призваніемъ работать мечемъ во славу Аллаха и его пророка.

Прежде главная военная сила состояла изъ кавалеріи (акинджіевъ), которая не была технически обучена и въ мирное время расходилась по домамъ, такъ что, при отсутствіи правильныхъ и быстрыхъ коммуникаціонныхъ средствъ передачи приказовъ, представлялось всегда большое затрудненіе собрать къ сроку разбредшуюся по домамъ милицію; въ такомъ же смыслѣ неудовлетворительна была и пѣхота. Для устраненія этихъ неудобствъ, Урханъ задумалъ ввести армію вполнѣ изолированную отъ народа и комплектующуюся изъ людей, хотя и чуждыхъ соціальнымъ интересамъ народа, но такихъ же ревнивыхъ мусульманъ, какъ и народъ,—преданныхъ и обязанныхъ своимъ положеніемъ исключительно падишаху и повинующихся только его волѣ. Кто же можетъ ближе всего подходить къ этимъ условіямъ, какъ не люди, въ юномъ возрастѣ вырванные изъ среды чуждаго, иноплеменнаго и иновѣрнаго народа и затѣмъ воспитанные въ исламѣ. Все это привело Урхана къ мысли положить начало такой арміи—изъ отобранныхъ отъ родителей христіанскихъ мальчиковъ, которые, бывъ воспитаны въ строгихъ правилахъ ислама, не имѣя ни родителей, ни семьи и чуждые народу,—тѣмъ болѣе будутъ преданы своему повелителю. Такимъ образомъ (1330 г.) положено было начало учрежденія янычаровъ [1]), которые въ теченіи первыхъ трехъ столѣтій дѣйствительно водили Османлисовъ къ побѣдамъ. Въ первое время войско янычаръ (iéni-tcheri—новое войско) состояло всего изъ 1000 человѣкъ; но по мѣрѣ распространенія завоеваній въ христіанскихъ земляхъ, наборъ мальчиковъ увеличивался; а вмѣстѣ съ тѣмъ становилось многочисленнѣе и войско янычаръ. Такъ въ концѣ XVI ст.,—время наибольшаго могущества Турціи, территорія которой въ трехъ частяхъ свѣта простиралась на 100,000 кв. миль, ежегодно собиралось по 40,000 мальчиковъ. При всей безчеловѣчности этого учрежденія, оно съ своей точки зрѣнія вызывалось практическою необходимо-

---

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, изд. 1859. т. I.

стію обстановки военнаго государства, поставленнаго среди враждебныхъ націй; оно давало возможность привлекать всѣ эти націи къ участію въ натуральной военной повинности и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняла опасность, которая могла угрожать государству въ томъ случаѣ, если бы эти націи комплектовали турецкую армію людьми возмужалыми, съ національно-религіозными симпатіями къ своей странѣ. При относительной малочисленности Турокъ, при слабой степени естественнаго размноженія ихъ, обусловливаемой полигаміей, при необходимости сильной арміи, обусловливаемой завоевательнымъ призваніемъ государства, — военная сила въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній могла совершенно перейти въ руки чуждыхъ подвластныхъ народовъ, точно такъ же, какъ это случилось въ Византіи, въ рядахъ арміи которой Греки составляли лишь незначительный процентъ, такъ что въ критическій моментъ защиты Константинополя 15 мая 1453 г. всего набралось защитниковъ-Грековъ до 6000 человѣкъ. При такомъ способѣ комплектованія арміи, Турки при всей своей малочисленности могли располагать громаднымъ, преданнымъ падишаху, обученнымъ постояннымъ войскомъ. Рядомъ съ этимъ преобразована была и милиція, которая комплектовалась изъ людей, получившихъ земли въ завоеванныхъ краяхъ и обязанныхъ силой оружія защищать государство; они составляли постоянную милицію, которая во время войны пополнялась иррегулярными пѣхотинцами подъ именемъ азабовъ, кормившихся на счетъ войны, такъ какъ они не получали ни жалованья, ни земель. Далѣе, учреждена была кавалерія, раздѣлявшаяся на 4 корпуса: 1) *сипаговъ*; 2) *силигдаровъ*; 3) *улу-феджіевъ*; 4) *джеуребаевъ* [1]). Всѣ эти отдѣльные виды впослѣдствіи слились подъ однимъ общимъ именемъ—сипаговъ (спаговъ), которые въ вознагражденіе за военную службу получали поземельные участки. Подобно янычарамъ, они составляли видный элементъ въ военныхъ силахъ Турціи, пока имущественные и хозяйственные интересы по владѣнію землями мало-по-малу не охладили ихъ воинскаго духа, что стало замѣтно въ XVII ст., когда вообще военный строй государства начинаетъ разлагаться.

Такъ какъ военное призваніе государства Османлисовъ имѣло въ основѣ религіозный прозелитизмъ [2]) и распространеніе ислама путемъ завоеваній представлялось первымъ падишахамъ священною ихъ обязанностью, то, въ свою очередь, религія, по ихъ мнѣнію, должна была сдѣлаться дѣятельной участницей въ распространеніи турецкаго владычества. Служители религіи должны были не только молить Аллаха и его

---

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т. I.

[2]) Hammer, Geschichte der Osmanischer Reichs, т. I.

пророка объ отпущеніи грѣховъ правовѣрнымъ, но и возбуждать въ послѣднихъ воинственный пылъ и вѣру въ великое призваніе ислама, какъ единственной божественной религіи. Кто же могъ болѣе всего отвѣчать этому назначенію фанатическихъ миссіонеровъ ислама, какъ не люди праздные, несвязанные никакими насущными заботами житейскими. Такими именно представлялись *дервиши* — эти мусульманскіе монахи. Происхожденіе ихъ, относящееся къ VIII ст., хотя и противорѣчитъ духу корана, обязано тѣмъ общимъ причинамъ наклонности къ созерцательной жизни и преобладанію фантазіи надъ умомъ, которыя на Востокѣ въ средѣ христіанства породили какъ монашество, такъ и многочисленныя секты и ереси.

Османъ и за нимъ въ особенности Урханъ допустили у себя развитіе дервишества, которое шло такъ быстро, что уже при первыхъ Османлисахъ насчитывалось нѣсколько десятковъ дервишескихъ толковъ. Точно такъ же, какъ и монашество, дервиши, въ отношеніи образа жизни, раздѣлялись главнымъ образомъ на двѣ категоріи: *одни* составляли общины и жили въ общихъ зданіяхъ, *другіе* — въ отдѣльныхъ келіяхъ или пещерахъ и пользовались репутаціей наибольшей святости. Впрочемъ, они отличались отъ христіанскихъ анахоретовъ (покончившихъ всякіе счеты съ человѣческимъ общежитіемъ, чистый типъ которыхъ сохранился и нынѣ въ скалахъ, пещерахъ и лѣсахъ Аѳонскихъ горъ) тѣмъ, что прерывали—свои религіозныя размышленія о бренности человѣческой жизни и вступали въ среду «правовѣрныхъ» для возбужденія въ нихъ религіознаго фанатизма, особенно во время войнъ съ христіанами; своимъ безумнымъ вдохновеніемъ они усиливали военный пылъ правовѣрныхъ. Такимъ образомъ дервиши являлись и практическими дѣятелями въ государственной жизни Османлисовъ. Этимъ объясняется покровительство, которое имъ оказывали Урханъ и ближайшіе его преемники. Его самого дервиши сопровождали въ войнахъ, принимали даже участіе въ сраженіяхъ; ихъ примѣръ тѣмъ болѣе долженъ былъ усиливать религіозно-воинственный фанатизмъ солдатъ, что дервиши въ качествѣ воиновъ вносили смерть въ ряды непріятеля не остріемъ дамаской стали,—что могло бы казаться дѣломъ заурядныиъ, а деревянными саблями, т. е. оружіемъ невиннымъ и безвреднымъ въ рукахъ простыхъ смертныхъ, но страшнымъ въ рукахъ Божіихъ людей. Одна изъ такихъ сабель, принадлежавшая достопочтенному Абдалъ-Мураду, до сихъ поръ хранится въ городѣ Прусѣ какъ святыня, ибо по турецкимъ преданіямъ этимъ страшнымъ оружіемъ много было перебито невѣрныхъ.

Рядомъ съ военно-религіозными учрежденіями, которыя должны были содѣйствовать распространенію государства, Урханъ, въ стремленіи своемъ — во всѣхъ отношеніяхъ стать выше не покорившихся еще ему

соплеменныхъ и единовѣрныхъ повелителей отдѣльныхъ народовъ въ Малой Азіи, собралъ вокругъ себя пеструю плеяду наиболѣе ученыхъ и благочестивыхъ мусульманъ, которые, кромѣ руководства введеннымъ Урханомъ школьнымъ образованіемъ, принимали участіе въ управленіи государствомъ. Пруса, его столица, сдѣлалась турецкимъ Вейсмаромъ, куда стекались турецкіе ученые и поэты, находя гостепріимное покровительство при дворѣ падишаха. Всѣ эти люди, кормившіеся подачками со стола своего повелителя, имѣли главнымъ своимъ призваніемъ воспѣвать его подвиги и ученымъ толкованіемъ корана санкціонировать и освящать всякое желаніе падишаха; такъ что нельзя не отдать справедливости практической мудрости Урхана, который понялъ, что завоеванія его произведутъ еще большее впечатлѣніе, если будутъ воспѣты съ должнымъ усердіемъ: какъ ни безгранична и ни безусловна его воля, но все же лучше, если ученѣйшіе представители правовѣрныхъ поспѣшатъ доказать правовѣрнымъ разумность и необходимость какихъ бы то ни было дѣйствій падишаха. Въ этомъ отношеніи Урханъ предвосхитилъ пріемы многихъ повелителей цивилизованной Европы, которые въ блестящіе періоды абсолютизма,—въ той или другой странѣ, точно также заботились окружить себя знаменитыми учеными и ораторами, вдохновлявшимися щедростью къ нимъ ихъ повелителя. Рядомъ съ этой внутренней дѣятельностью продолжались завоеванія. Искуснымъ вмѣшательствомъ во внутреннія смуты въ средѣ мелкихъ владѣльцевъ отдѣльныхъ областей, Урханъ округлялъ свои собственныя владѣнія—усиливъ ихъ въ особенности пріобрѣтеніемъ Харазанскаго княжества въ Мизіи. Отъ Византіи отняты были: *Никомедія*, предъ которою Урханъ разбилъ на голову Андроника Младшаго и заставилъ городъ сдаться на капитуляцію (1330 г.), и *Никея*,—которая сдѣлалась второй столицей Урхана; церковь, въ которой совѣщался знаменитый Никейскій соборъ, обращена въ мечеть, при которой устроены медреса, т. е. школа и кухня для бѣдныхъ.

Шагъ за шагомъ подвигались Турки къ берегамъ Мраморнаго моря и Дарданелламъ; вся Малая Азія болѣе или менѣе зависѣла отъ Урхана, но пока еще не составляла одного цѣльнаго государства Османлисовъ, такъ какъ изъ царства Сельджуковъ образовалось нѣсколько отдѣльныхъ княжествъ и изъ нихъ только нѣкоторыя признавали верховную власть Урхана. Подобно тому, какъ въ Малой Азіи Урханъ охотно вмѣшался въ распри между мелкими владѣтельными князьями и благодаря этому нерѣдко, мирнымъ путемъ уступокъ за оказанную помощь, раздвигалъ предѣлы государства,—онъ вступался и въ домашнія дѣла Византіи, усложнившіяся послѣ смерти Михаила Палеолога. Здѣсь явилось два императора: Андроникъ Старшій и его внукъ Андроникъ Млад-

шій. Изъ нихъ первый сидѣлъ въ Константинополѣ, а второй укрѣпился въ Адріанополѣ. Оба въ войнѣ между собою прибѣгали къ помощи народовъ враждебныхъ Византіи—къ Болгарамъ, Сербамъ, европейскимъ авантюристамъ и малоазійскимъ Туркамъ. Послѣдніе находили въ этомъ поводъ и случаи безнаказанно опустошать и грабить острова Архипелага, но вступали на европейскую почву пока еще только въ качествѣ наемниковъ,—что однако же дало имъ возможность ознакомиться съ жалкимъ положеніемъ имперіи. Продолженіе внутреннихъ смутъ, возбужденныхъ междуусобной войной *Іоанна Палеолога*, отъ имени котораго правила мать его, вдова Андроника Младшаго, Анна Савойская съ *Іоанномъ Кантакузеномъ*, бывшимъ любимцемъ и правой рукой Андроника Младшаго, — все чаще втягиваетъ малоазійскихъ Турокъ въ византійскія дѣла, которыми Турки искусно пользуются, помогая, то одной, то другой сторонѣ и этимъ обезсиливая обѣ стороны. Въ началѣ войны между Константинополемъ (съ Іоанномъ Палеологомъ и Анной Савойской во главѣ) и Дидемотикой, гдѣ укрѣпился Іоаннъ Кантакузенъ, который въ 1341 году принялъ императорскій титулъ, Кантакузенъ обратился за помощью къ владѣтелю Эдина—султану Амуръ-Бегу, въ то время когда Урханъ принялъ сторону Іоанна Палеолога. Болѣе 30,000 Турокъ наводнили европейское побережье Мраморнаго моря, Дарданеллъ и Босфора, и если они тогда же не стали (т. е. въ 40-хъ годахъ) твердой ногой на европейской почвѣ, то это должно признать чистой случайностью. Нѣсколько лѣтъ Амуръ-Бегъ помогалъ Кантакузену, пока послѣднему не удалось переманить на свою сторону болѣе сильнаго союзника, Урхана, въ 1347 г., за котораго онъ, чтобы закрѣпить съ нимъ дружбу, выдалъ малолѣтнюю дочь свою Өеодору. Въ слѣдующемъ году съ великимъ торжествомъ отпразднована была свадьба въ Селимбріи и вслѣдъ затѣмъ Кантакузенъ, обезпеченный сильнымъ союзникомъ, пошелъ на Константинополь, куда ему удалось вступить почти безпрепятственно. Во главѣ Византіи стали разомъ три правителя, изъ коихъ всѣмъ заправлялъ Кантакузенъ. Эти, хотя и искусно скрываемыя Кантакузеномъ, но обнаружившіяся изъ фактовъ притязанія его на единовластіе не могли, конечно, повести къ миру между правителями, и въ то время, когда Іоаннъ Палеологъ обратился за помощью къ Болгарамъ и Сербамъ, Кантакузенъ рѣшился призвать своего зятя Урхана въ 1356 г. Сынъ послѣдняго Солиманъ въ узкомъ мѣстѣ Дарданеллъ переправился на европейскій берегъ, занялъ городокъ Цимпе (Tzympe) въ $1^1/_2$ миляхъ къ югу отъ Галлиполи, а потомъ, въ 1357 году, воспользовавшись тѣмъ, что землетрясеніе разрушило часть стѣны, окружавшей Галлиполи, вступилъ въ этотъ городъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, такъ какъ большая часть жителей разбѣ-

жалась, напуганныя землетрясеніемъ. Турки поспѣшили возстановить укрѣпленія города и съ тѣхъ поръ стали твердой ногой на европейской почвѣ. Напрасны были всѣ протесты византійскаго правительства о незаконности захвата; ни къ чему не привело и предложеніе его выкупить у Турокъ Галлиполи за большую, по тогдашнему, сумму 40 тыс. дукатовъ. Турки настаивали на томъ, что самъ Аллахъ, ниспославъ землетрясеніе, предалъ Галлиполи въ ихъ руки, и что отнынѣ они не сойдутъ съ европейской почвы, на которой предназначено распространиться ихъ могуществу.

Дальнѣйшее движеніе Османлисовъ на Балканскомъ полуостровѣ остановилось на нѣкоторое время, такъ какъ Урханъ, а послѣ него сынъ его *Мурадъ I* (1360—1389), отвлечены были въ Малую Азію, гдѣ продолжали еще существовать отдѣльные полусамостоятельныя княжества, между которыми Караманское казалось весьма сильнымъ противникомъ Османлисовъ. Хотя большая часть Малой Азіи находилась уже въ рукахъ Османлисовъ, но въ виду многочисленныхъ противниковъ, положеніе Османлисовъ даже въ Малой Азіи не могло еще считаться вполнѣ опредѣлившимся, такъ какъ легко можно было ждать, что Византія воспользуется этимъ внутреннимъ разъединеніемъ и въ союзѣ съ независимыми князьями вытѣснитъ Османлисовъ, не только изъ Европы, но и съ береговъ Малой Азіи. Поэтому Урханъ, а потомъ и Мурадъ I дѣятельно занялись объединеніемъ пока еще разбросанныхъ азіятскихъ владѣній своихъ и тѣмъ доказали несомнѣнное превосходство свое надъ болгарскими и сербскими государями, которые, увлекаясь завоевательной маніей и захватами византійскихъ городовъ и областей, допускали съ тылу отпаденіе родственныхъ по населенію странъ и своей взаимной враждой обезсиливали другъ друга. - Приведя въ порядокъ свои малоазійскія дѣла, пріобрѣвъ тамъ новую область съ главнымъ городомъ Ангорой и заставивъ караманскаго князя заключить съ нимъ союзъ, Мурадъ I, окруженный полководцами, доказавшими свои военныя способности еще при отцѣ его и между которыми наиболѣе видную роль въ европейскихъ войнахъ играли *Беглербей-Лалашинъ*, *Калилъ-Джендерели*, по мысли котораго учреждено войско янычаровъ, *Хаджи-Илбѣгъ* и *Тимуръ-Ташъ*, двинулся къ сѣверу и въ концѣ 1360 г. занялъ Ипсалу (на рѣкѣ, впадающей въ нижнее теченіе рѣки Марица съ лѣвой стороны), укрѣпленный городъ Родосто на берегу Мраморнаго моря. Утвердившись на берегахъ Мраморнаго моря, Дарданелловъ и Саросскаго залива, Османлисы клиномъ врѣзались въ Ѳракію и подобно тому какъ Сербы и Болгары, въ нападеніяхъ своихъ на Византію, начиная съ первой половины XIII ст. не встрѣчали серьознаго отпора, точно также почти тріумфальнымъ маршемъ прошли полководцы Мурада:—Ла-

лашинъ и Эвреносъ до Андріанополя, съ тѣмъ различіемъ, что пройденныя ими области они основательно закрѣпляли за собой занятіемъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ, какъ напр. Булаира, Дидемотики и друг. городовъ, входившихъ въ районъ этаго клина.

Лѣтомъ 1361 года главныя силы Османлисовъ подступили къ Адріанополю, который въ Византіи считался второй столицей. Городъ этотъ долженъ былъ служить Мураду весьма важнымъ операціоннымъ базисомъ для дальнѣйшихъ его завоеваній, а потому не прельщаясь легкостью завоеванія византійскихъ областей, Мурадъ, отдѣливъ лишь необходимые отряды для удержанія занятыхъ мѣстностей, приказалъ повести главныя силы противъ Адріанополя. Бывшія въ городѣ войска выступили навстрѣчу Турокъ и были на-голову разбиты; побѣдители, не встрѣтивъ въ самомъ городѣ со стороны жителей никакого сопротивленія, вступили въ Адріанополь, который сталъ первой европейской столицей Османлисовъ. Приведши въ порядокъ укрѣпленія города и отдѣливъ изъ награбленной добычи $^1/_5$ часть, согласно корану, въ пользу бѣдныхъ, полководцы Эвреносъ и Лалашинъ направились, каждый по заранѣе опредѣленному пути: *первый*—на юго-западъ, къ берегамъ Эгейскаго моря и овладѣлъ здѣсь Салоникскимъ полуостровомъ, а также Аѳонской горой (1363 г.), а *второй*—поднялся къ верховьямъ рѣки Марицы и взялъ Филиппополь, тоже не встрѣтивъ здѣсь сопротивленія со стороны городскаго населенія, что впрочемъ вполнѣ понятно, такъ какъ городъ этотъ, подобно многимъ городамъ забалканскимъ, оставался какъ бы спорнымъ между Болгарами и Греками, а потому о дружной защитѣ города не могло быть и рѣчи. Вслѣдъ затѣмъ пали Эски и Іени Загры, Раковица и завоеванъ Цепинскій округъ. Изъ нихъ, по болгарскимъ извѣстіямъ, только Раковица оказала нѣкоторое сопротивленіе, но вынуждена была капитулировать командующему турецкимъ отрядомъ, Даудъ-пашѣ; населеніе же Цепинскаго округа, частью разбѣжалось, частью же приняло всѣ предложенныя побѣдителемъ (Даудъ-пашей) условія: 1) чтобы всѣ укрѣпленія округа были срыты; 2) населеніе обязывается отдавать Даудъ-пашѣ $^1/_{10}$ часть плодовъ; 3) вмѣсто харача (подушной подати) 20—35 лѣтняго возраста Болгары обязаны военной службой, которая впрочемъ состояла въ прикрытіи турецкаго тыла и конвоированіи обозовъ; 4) населенію округа предоставляется полная церковная автономія [1]. Хотя при этомъ ничего не говорится объ общинной автономіи, но это объясняется тѣмъ, что она сама собой разумѣлась. Турки даже послѣ окончательнаго завоеванія полуострова никогда не вступались во внутренній, общинный складъ жизни Болгаръ

[1]) Jirecek, Geschichte der Bulgaren.

и Сербовъ, а тѣмъ болѣе въ началѣ завоеванія Балканскихъ странъ. Хотя тѣмъ не менѣе они интересовались церковными дѣлами покоренныхъ христіанскихъ народовъ; но населеніе Целинскаго округа озаботилось особою статьей договора выговорить себѣ церковную автономію, чтобы оградить себя отъ притязаній константинопольскаго фанара—правами, дарованными побѣдителями.

Считая свое владычество на европейской почвѣ достаточно обезпеченнымъ рядомъ укрѣпленныхъ городовъ отъ береговъ Эгейскаго и Мраморнаго морей и до Балкановъ, Мурадъ перенесъ въ 1365 году резиденцію свою изъ Прусы въ Адріанополь, который съ тѣхъ поръ, въ теченіи трехъ столѣтій, оставался столицей Османлисовъ.

Адріанополь, основанный императоромъ Адріаномъ (117—138 г.), благодаря своему выгодному положенію на рѣкѣ Марицѣ, при впаденіи въ нее рѣкъ Тунджи и Арда, среди плодородныхъ равнинъ Балканскаго полуострова, защищаемый съ востока и юга цѣпью холмовъ, на равномъ почти и близкомъ разстояніи отъ трехъ морей—Эгейскаго, Мраморнаго и Чернаго,—Адріанополь скоро поднялся на степень важнѣйшаго во Ѳракіи торговаго города и въ особенности прославился хлѣбной торговлей [1]). Съ развитіемъ культурной жизни на побережьяхъ Балканскаго полуострова, расширялись и торговыя сношенія Константинополя съ Адріанополемъ, Солунью, Варной и отдаленнымъ Дубровникомъ; Адріанополь сталъ вторымъ послѣ Константинополя рынкомъ обмѣна произведеній Запада и Востока. Мурадъ, избравши этотъ городъ своей резиденціей и столицей и украшая его мечетями и великолѣпными зданіями, между которыми бани занимали видное мѣсто, принялъ подъ свое покровительство торговую роль его и не только не стѣснялъ торговыхъ сношеній Адріанополя, но еще расширилъ ихъ, введя въ ихъ кругъ малоазійскіе города. Вслѣдствіе этого Дубровникъ и другіе приморскіе города охотно возобновили торговые договоры съ новымъ властителемъ Адріанополя, куда попрежнему стали стекаться христіанскіе купцы.

Утвердившись въ Адріанополѣ, Мурадъ продолжалъ завоеваніе Ѳракіи и быстро нанося одинъ ударъ за другимъ, тѣмъ больше дѣйствовалъ на непріятеля обаяніемъ своей силы и удачи. Самъ Мурадъ пошелъ къ берегамъ Чернаго моря и занялъ Айдосъ, Карнаводъ, Сизеполь, Визу и Киркилиссу Другой отрядъ, подъ начальствомъ Тимуръ-Таша, занялъ Ямболь, а третій, подъ начальствомъ Лалашина, выдержавъ нѣсколько битвъ въ горахъ Шаръ-Дага, взялъ Самоковъ и Ихтиміанъ. Внутренніе раздоры между царьками болгарскими, изъ которыхъ

[1]) Reclus, Geographie universelle.

Шишманъ сидѣлъ въ Тырновѣ, а Страсиміръ въ Видинѣ, облегчали завоевательные успѣхи Турокъ. Сами царьки эти предавали свои страны въ руки азіятовъ, приглашая ихъ наперерывъ одинъ предъ другимъ къ себѣ на помощь. Мурадъ однако же не торопился вступаться въ ихъ дѣла и нѣкоторое время, въ качествѣ зрителя, наблюдалъ за этой братоубійственной войной, выжидая пока они сами другъ друга не обезсилятъ, а между тѣмъ занималъ въ Балканахъ одинъ городъ за другимъ.

Оставшись при одномъ своемъ Тырновѣ съ округомъ и угрожаемый со стороны Страсиміра Видинскаго, Шишманъ самъ призналъ надъ собой власть Мурада съ обязательствомъ ставить для падишаха войско во всѣхъ наступательныхъ войнахъ султана. Согласно этому обязательству Шишманъ въ 1366 году съ своими Болгарами сражался въ рядахъ турецкой арміи съ Мадъярами и Болгарами «Видинскаго царства» Страсиміра; онъ породнился даже съ султаномъ, выдавъ за него сестру свою Марію, которая въ качествѣ жены падишаха стала извѣстна подъ именемъ Мары. О ней болгарскія извѣстія говорятъ, что эта царевна болгарская и въ гаремѣ сохранила преданность православію; что она просила падишаха подарить ей нѣсколько церквей, которыя онъ хотѣлъ обратить въ мечети, но тотъ на это не согласился, предложивъ ей богатую мечеть, полную серебряныхъ украшеній, отъ чего въ свою очередь отказалась Мара, сказавъ, что ея вѣра для нея всего дороже и что турецкой женщиной она никогда не будетъ [1]).

Дальнѣйшее движеніе Турокъ въ направленіи къ западу, непосредственно затронуло интересы отдѣльныхъ сербскихъ деспотовъ и между прочимъ Угвеша, брата сербскаго краля Вукашина (1367 — 1371) и такъ какъ, по завоеваніи Македоніи, Турки могли подняться къ сѣверу, т. е. въ Сербію, то и краль ея былъ заинтересованъ остановить успѣхи Турокъ. Онъ собралъ около 60,000 чел. войска и пошелъ на Адріанополь, но предъ этимъ городомъ, какъ мы видѣли—25 сентября 1371 года, Сербы, несмотря на численное превосходство свое, были разбиты Хаджи Илбегомъ. Эта побѣда открыла Туркамъ дорогу, какъ въ Македонію и Эпиръ, такъ и въ Сербскія земли. Великій визирь *Чаиръ-Эддинъ* и Эвреносъ — заняли на юго-западѣ Кавалу, Драму, Сересъ и другіе; отдѣльные независимые князья въ верхней Македоніи признали надъ собою власть Турокъ и обязались поставлять имъ войска. Между ними подчинился Туркамъ и пресловутый *Марко Кралевичъ*, сынъ сербскаго краля Вукашина, почему то выросшій въ героя сербскихъ народныхъ легендъ. Марко этотъ имѣлъ резиденцію въ городѣ Прилѣпѣ, подлѣ котораго въ разстояніи $^1/_4$ часа къ западу и те-

[1]) Jirecek, Geschichte der Bulgaren.

перь указывають на развалины укрѣпленнаго дворца, построеннаго на скалѣ, въ которомъ жилъ Марко. Кромѣ города Прилѣпа, ему принадлежалъ и городъ Касторія,—изъ-за возвращенія котораго,—послѣ того какъ жена Марка, Елена, покинувъ своего мужа, за развратную жизнь его, убѣжала въ этотъ городъ и предала послѣдній князю діоклейскому Балошу II,—сербскій герой призвалъ на помощь Турокъ; но и въ союзѣ съ Турками ему не удалось овладѣть городомъ. Съ тѣхъ поръ Марко больше сражался въ рядахъ турецкихъ войскъ противъ христіанъ, чѣмъ съ послѣдними противъ Турокъ, и даже неизвѣстно: въ чьихъ рядахъ онъ палъ на полѣ битвы. Вообще исторія не представляетъ ни одного факта, который бы рисовалъ Марко Кралевича, какъ бойца за независимость національную и религіозную, а между тѣмъ онъ сдѣлался легендарнымъ героемъ и преданія о немъ до сихъ поръ живутъ на Балканскомъ полуостровѣ; здѣсь и тамъ указываютъ на доказательства его богатырской силы, которую онъ употреблялъ въ войнѣ противъ враговъ Христа: узкіе проходы въ скалахъ Марко прорубилъ-де своей саблей; конусообразные холмы—безъ сомнѣнія остатки тѣхъ «землянокъ», въ которыхъ Марко скрывался по временамъ въ теченіи своей боевой жизни; валяющіяся у подножія скалъ громадныя глыбы камня — дѣло рукъ Марко, который и этими глыбами поражалъ непріятеля, бросая ихъ съ такою же легкостью, какъ мелкіе камешки; указываютъ на сохранившіеся до сихъ поръ слѣды копытъ его коня; зубцы башенъ виддинскихъ—это зубы Марко; въ Балканскихъ проходахъ при Шибкѣ и въ Траяновыхъ воротахъ — развалины замковъ его, въ Филиппополѣ могильный курганъ его и при Авлонѣ (въ Албаніи) гробница Марко; наконецъ самъ Марко представляется только спящимъ около скалы, въ которую онъ воткнулъ клинокъ своей сабли. Наступитъ время — Марко проснется и освободитъ христіанъ отъ турецкаго ига. Все, что исторически извѣстно о Марко Кралевичѣ, показываетъ, что фантазія народная неудачно избрала предметомъ своихъ пѣснопѣній этого перебѣжчика изъ турецкаго лагеря въ христіанскій и наоборотъ, этого угнетателя подвластныхъ ему и близкихъ по крови и «о Христѣ» людей.

Въ 1375 г. Мурадъ двинулся въ Сербію и взявъ Нишъ, заставилъ краля Лазаря признать себѣ турецкимъ данникомъ съ обязательствомъ платить ежегодно по 1000 фунтовъ серебра и поставлять 1000 человѣкъ войска [1]). Съ этими вспомогательными войсками изъ Болгаръ и Сербовъ, Турки продолжали дальнѣйшія свои завоеванія, которыя шли въ разныхъ направленіяхъ, судя по тому, что одновременно занимаемо было нѣсколько мѣстностей. При всѣхъ своихъ завоеваніяхъ на Бал-

---

¹) Kollay, Geschichte der Serben.

канскомъ полуостровѣ они не столько преслѣдовали цѣль быстраго занятія обширныхъ областей, сколько обезпеченіе своихъ пріобрѣтеній и потому всякое ихъ пріобрѣтеніе имѣло непремѣнно болѣе или менѣе важное военное значеніе. Такъ, обладаніе нѣсколькими пунктами на берегахъ Чернаго, Мраморнаго и Эгейскаго морей облегчало доставку водой войскъ и военныхъ припасовъ, а занятіе природой укрѣпленныхъ городовъ внутри страны обезпечивало господство завоевателя надъ отдѣльными областями. Эта система и эта продуманность плана походовъ, кромѣ превосходныхъ качествъ самой арміи, давали перевѣсъ Туркамъ надъ разрозненными народами полуострова. Что же касается численности турецкой арміи, то въ первыя десятилѣтія по завоеваніи Галлиполи, она не могла быть велика, такъ какъ въ то время Малая Азія далеко не вся признавала надъ собой власть Османлисовъ, а сами Османлисы составляли незначительный количественно народецъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи, при дальнѣйшихъ войнахъ численность увеличивалась,—какъ переселеніемъ изъ Малой Азіи Турокъ, такъ и наборомъ христіанскихъ юношей въ корпусъ янычаровъ. Къ 1386 г. въ руки Турокъ перешли уже такіе важнѣйшіе города полуострова, какъ Софія, занятая ими въ 1382 году,—Силистрія, Никополь и области: Македонія, Θессалія, Эпиръ съ городами Солунью, который Мурадъ было возвратилъ императору Мануилу, но вслѣдъ затѣмъ за нападеніе Грековъ на Сересъ вновь отнялъ; въ это же время (1383 г.) завоевана была и Аθонская гора.

Очередь доходила до главной твердыни полуострова — Константинополя; но Турки повидимому, рѣшили закрѣпить свое владычество на всемъ полуостровѣ, прежде чѣмъ приступить къ завоеванію Константинополя, и нельзя не отдать въ этомъ отношеніи справедливости ихъ предусмотрительности. Какъ ни пошатнулось обаяніе крестовыми походами, т. е. ополченіемъ западной Европы на борьбу за религіозную идею, но появленіе новой азіятской силы на европейскомъ континентѣ должно было вызвать волненіе, если не на всемъ западѣ Европы, то въ тѣхъ ея странахъ, которыя соприкасаются съ Балканскимъ полуостровомъ. Съ точки зрѣнія Запада, властительницею Балканскаго полуострова считалась Византія, а Сербія, Болгарія и проч. представлялись вассальными государствами, достигавшими въ тѣ или другіе періоды лишь временной независимости: Западъ слышалъ только греческіе вопли о помощи противъ Турокъ и видѣлъ у себя только византійскихъ императоровъ, скитавшихся по дворамъ европейскихъ государей съ цѣлью вымолить ихъ совокупнаго содѣйствія къ изгнанію Турокъ; только о спасеніи Византіи папа Урбанъ V разсылалъ посланія, созывая рыцарей къ крестовому походу; только столица ея, Константинополь, счи-

талась оплотомъ южнаго христіанства и глаза всѣхъ были устремлены на опасное положеніе этого оплота; судьбою его тѣмъ больше интересовался Римъ, который, полагалъ, что, спасая этотъ оплотъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ возвратитъ «заблудшуюся овцу», т. е. Восточную церковь въ лоно католицизма, о чемъ, начиная съ Михаила Палеолога, велись оживленные переговоры. Словомъ, столица имперіи была слишкомъ на виду, съ существованіемъ ея тѣсно связывался вопросъ объ утвержденіи въ Европѣ турецкаго владычества, чтобы можно было безнаказанно рѣшиться овладѣть ею, не утвердивъ окончательно своей власти на Балканскомъ полуостровѣ. Взятіе Галлиполи, Адріанополя, Филиппополя, Айдоса, Софіи, Ниша, Никополя, Силистріи для Турокъ, конечно, было очень важно, какъ прочныхъ базисовъ для дальнѣйшихъ ихъ завоеваній. Но западная Европа не имѣла о большей части городовъ и понятія, какъ не знала она ничего о политическихъ формахъ общежитія на Балканскомъ полуостровѣ, и потому вѣсти о паденіи этихъ городовъ далеко не могли произвести на нее такого потрясающаго впечатлѣнія, какое могло тогда вызвать паденіе Константинополя. При этомъ Европа узнавала отъ времени до времени, что тѣ или другіе города опять переходили въ руки христіанъ; напр. Амадей VI Савойскій, 23 августа 1366 г. отвоевалъ отъ Турокъ Галлиполи; Солунь по мирному договору съ Іоанномъ Палеологомъ (1370 г.) возвращенъ былъ Византіи; значитъ завоеванія Османлисовъ далеко не такъ прочны, а потому не изъ-за чего спѣшить бить тревогу. Мурадъ и его полководцы, связанные узами родства съ знатными Греками, Болгарами, Сербами и Мадьярами, вмѣшиваясь въ домашнія отношенія ихъ, не могли не знать чрезъ ихъ посредство, какъ относится Европа къ византійскимъ дѣламъ и потому, не спѣша, продолжали дѣлать *прочныя* пріобрѣтенія въ разныхъ концахъ Балканскаго полуострова, которыя должны были обезпечить ихъ владычество. Правда, Мурадъ двинулся на Константинополь въ 1379 г., но не дойдя до стѣнъ города, вернулся обратно, удовольствовавшись тѣмъ, что Іоаннъ Палеологъ призналъ себя его данникомъ. Это движеніе было не болѣе, какъ демонстрація, которая имѣла цѣлью, хотя на нѣкоторое время сдѣлать императора безвреднымъ, обративъ его въ данника. О серьезной же осадѣ Константинополя въ то время не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, чѣмъ Мурадъ далеко еще не привелъ въ порядокъ въ Малой Азіи политическихъ отношеній своихъ къ оставшимся еще мелкимъ независимымъ князьямъ [1]). Основаніе силы Османлисовъ въ Малой Азіи, а потому какъ ни завлекательными казались успѣшныя завоеванія ихъ въ Европѣ, Мурадъ и преемники

---

[1]) Hammer, Geschichte der Osmanisches Reichs, т. I.

его параллельно съ этими завоеваніями продолжали настойчиво политическое объединеніе подъ своей властью Малой Азіи. Въ данное время (1387 г.) тамъ возсталъ противъ Мурада его союзникъ-вассалъ, князь караманскій Али-Бегъ. Мурадъ поспѣшилъ въ Малую Азію предупредить распространеніе возстанія.

Пользуясь его отсутствіемъ, сербскій краль Лазарь составилъ коалицію изъ боснійскаго бана Твардко и Шишмана болгарскаго, который до этого былъ данникомъ султана Мурада. Что же касается другаго царя болгарскаго, засѣвшаго въ Видинѣ—Страсиміра, то о присоединеніи послѣдняго къ коалиціи ничего не говорится. Подъ знаменемъ Лазаря собралось многочисленное войско, которые встрѣтило Турокъ при Плочникѣ, на рѣкѣ Топлицѣ, въ 1387 г., и одержало кровопролитную побѣду надъ Турками, изъ которыхъ спаслись только $^1/_5$ часть; остальные пали или взяты въ плѣнъ. Велика была радость Сербовъ, при вѣсти объ этой побѣдѣ надъ Турками; но къ сожалѣнію радость эта не вызвала дружнаго общаго движенія между Славянами, правители которыхъ продолжали вести свои мелкіе эгоистическіе счеты, приводившіе ихъ къ дружбѣ съ врагами націи и религіи.

А между тѣмъ гроза собиралась; Мураду надо было поспѣшить стереть впечатлѣніе этой славянской побѣды, которая могла поднять упавшій духъ покоренныхъ народовъ. Въ слѣдующемъ же году собрано было войско въ 30,000 челов., командованіе надъ которымъ поручено великому визирю Али-пашѣ. Онъ двинулся въ 1388 году на сѣверъ и, перейдя Балканы близь Айдоса, овладѣлъ Праводами, Шуменомъ (близь Шумлы), и взявъ г. Тырново, заставилъ Шишмана вновь признать надъ собою верховную власть султана, который возвратилъ Тырново Шишману, какъ своему даннику. Одновременно съ этимъ шелъ другой отрядъ, при которомъ находился самъ Мурадъ. Выйдя изъ Филипполя, отрядъ этотъ прошелъ чрезъ Ихтиманъ, Кюстендиль и Кратово. Лазарь зналъ о приближавшейся грозѣ и приготовился къ встрѣчѣ; подъ знаменемъ его, кромѣ Сербовъ, собрались Босняки, Герцеговинцы, Албанцы съ Скандербиргомъ во главѣ, Мадьяры и Поляки. Съ обѣихъ сторонъ стояло многочисленное войско; обѣ стороны готовились къ отчаянной схваткѣ, потому что одна страстно желала смыть позоръ понесеннаго пораженія, а другая видѣла въ предстоящемъ сраженіи конечное рѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ владычествѣ Османлисовъ въ славянскихъ земляхъ. Войска встрѣтились на Коссовомъ полѣ въ 1389 году. Турецкое войско было малочисленнѣе славянскаго и главнокомандующій турецкой арміи,—не рѣшался вступить въ бой. Разсказывается, что онъ обратился къ совѣту корана съ тѣмъ, что содержаніе первыхъ попавшихся на глаза строкъ, какъ выраженіе воли небесной, должно разрѣ-

шить сомнѣніе. Открывъ коранъ, онъ прочолъ: «О пророкъ! истребляй невѣрныхъ и лицемѣровъ; часто слабѣйшее войско побѣждаетъ болѣе сильное» и рѣшилъ начать бой вечеромъ же [1]); но сильный вихрь поднялъ облака пыли въ направленіи къ Туркамъ и потому положено отложить бой до утра. Сербы, по настоянію Георгія Кастріота, не воспользовались ночнымъ временемъ для начатія сраженія; Кастріотъ говорилъ, что побѣда христіанъ, которая считалась вѣрною—должна происходить при дневномъ свѣтѣ. Бой начался утромъ 15 іюня и не смотря на артиллерію, которою Турки первые воспользовались при завоеваніяхъ своихъ на Балканскомъ полуостровѣ, — лѣвое крыло турецкой арміи стало колебаться и готово было обратиться въ бѣгство, какъ вдругъ въ эту счастливую для Сербовъ минуту, Вукъ Бранковичъ, одинъ изъ деспотовъ Сербіи, командуя въ союзномъ войскѣ отдѣльнымъ отрядомъ, передался съ цѣлымъ отрядомъ на сторону Турокъ и тѣмъ рѣшилъ судьбу сраженія. Христіане были разсѣяны или положены на мѣстѣ. Сербскій краль Лазарь взятъ былъ въ плѣнъ и казненъ, какъ косвенный виновникъ смерти Мурада I. Во время боя, какъ говоритъ преданіе, Сербъ по имени Кабиловичъ перебѣжалъ въ турецкій лагерь и настоятельно просилъ допустить его лично передать падишаху весьма важную тайну. Войдя въ султанскій шатеръ, онъ по восточному обычаю палъ къ ногамъ падишаха и въ это мгновеніе кинжаломъ нанесъ ему въ животъ смертельную рану; Кобиловичъ былъ немедленно схваченъ и изрубленъ въ куски. Вслѣдъ за тѣмъ и Лазарь, въ присутствіи истекавшаго кровью Мурада, былъ обезглавленъ. Провозглашенный на полѣ битвы султаномъ—Баязетъ, который при жизни отца уже проявлялъ себя искуснымъ полководцемъ и прозванъ Илдырымомъ (молніей) за быстроту, съ которой онъ появлялся всюду, гдѣ угрожала опасность, довершилъ пораженіе христіанъ.

Коссова битва рѣшила судьбу балканскихъ Славянъ и въ частности—Сербовъ, которые стали подвластнымъ Османлисамъ народомъ, хотя пока въ теченіи нѣскольких десятилѣтій и сохранили своихъ государей, сначала подъ именемъ кралей, а потомъ съ титуломъ деспота. Баязетъ «назначилъ» кралемъ Сербіи сына Лазаря Стефана, который призналъ себя данникомъ султана съ обязанностью поставлять вспомогательное войско и ежегодно лично являться ко двору султана для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ; сестра Стефана Милева была взята въ гаремъ Баязета. Вопреки ожиданію, Вука Бранковичъ, владѣлецъ Приштины, предавшійся на сторону Турокъ съ цѣлью получить престолъ сербскій, былъ обойденъ, къ великой радости современниковъ, которые въ этомъ видѣли волю провидѣнія.

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т: I, 1859.

Коссова побѣда открыла Туркамъ дорогу къ Дунаю и въ Боснію. Не встрѣчая серьезнаго сопротивленія, Баязетъ перешелъ въ 1391 г. Дунай и заставилъ владѣльца нынѣшней Малой Валахіи признать себя данникомъ султана. Въ 1392 г. произошло на Дунаѣ при Голубицѣ первое столкновеніе съ Мадьярами, которые на этотъ разъ оттѣснили Турокъ отъ своихъ границъ; въ слѣдующемъ 1393 г. пали: Тырново, Варна и Видинъ и такимъ образомъ вся Болгарія обратилась въ турецкую провинцію; въ 1394 г. Баязетъ вновь перешелъ Дунай недалеко отъ Никополя, имѣя въ рядахъ своей арміи Стефана Лазаревича, Марко Кралевича, а также и бояръ болгарскихъ, но потерпѣлъ пораженіе отъ князя валахскаго Мирча. Эта побѣда вновь возбудила въ христіанахъ надежду на возможность изгнать Турокъ, но со времени Коссовой битвы уже не южнымъ Славянамъ принадлежитъ инициатива борьбы съ Турками и даже участіе ихъ въ послѣдовавшихъ войнахъ становится незамѣтнымъ. Правда они принимали участіе, но совершенно пассивно и притомъ можно сказать въ одинаковой степени сражались въ рядахъ Турокъ и христіанъ. Даже такіе народные герои, какъ Марко Кралевичъ, сопровождали Турокъ во многихъ ихъ походахъ. Венгры, Поляки, Нѣмцы, Французы, Итальянцы — вотъ главныя дѣйствующія лица въ борьбѣ христіанства съ исламомъ; съ отдаленнаго Запада спѣшили рыцари на Балканскій полуостровъ, на войну съ Турками въ то время, когда хозяева полуострова: Славяне и Греки храбро сражались въ рядахъ Турокъ, а руководители этихъ туземныхъ народовъ роднились съ Турками и другъ предъ другомъ добивались ихъ расположенія. Во главѣ движенія христіанъ становится въ 1395 г. король венгерскій Сигизмундъ. Онъ сдѣлалъ кличъ къ западному христіанству, и со всѣхъ сторонъ стали стекаться въ Вѣну, какъ условленный заранѣе пунктъ, рыцари и князья съ ихъ вооруженными отрядами. Къ веснѣ 1396 г. въ Вѣнѣ собралось 60,000 войска, которыя вышли отсюда двумя колоннами въ направленіи къ Болгаріи: одна пошла чрезъ Сербію, а другая чрезъ Валахію. Сербская колонна, пройдя восточный уголъ Сербіи, подлѣ Никополя присоединилась къ валашской. Здѣсь дальнѣйшее движеніе союзниковъ было остановлено 200 тысячною турецкою арміею, состоявшею изъ Турокъ, Грековъ, Болгаръ, Арбовъ, Босняковъ и Албанцевъ. Завязался бой, который открыли Французы, бросившись впередъ; имъ удалось смять передовыя линіи непріятеля: Увлеченные этимъ успѣхомъ, Французы бросились преслѣдовать непріятеля, но наткнувшись на главныя турецкія силы, почти всѣ были истреблены, такъ какъ въ этотъ критическій моментъ въ средѣ христіанскаго войска опять нашелся предатель Ласковичъ, воевода трансильванскій, который съ своимъ отрядомъ поспѣшилъ удалиться съ поля битвы. На помощь

подоспѣли Мадъяры, но уже было поздно: паника успѣла распространиться въ христіанскомъ войскѣ и Мадъяры, подобно Французамъ, были охвачены со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Кромѣ того, Турки, а въ рядахъ ихъ и Сербы дрались съ страшнымъ ожесточеніемъ; нѣкоторые Сербамъ даже и приписываютъ самую побѣду Турокъ надъ христіанами. Со стороны Турокъ пало болѣе 10,000 человѣкъ. Эта громадная потеря до такой степени привела въ ярость Баязета, что онъ, послѣ осмотра обширнаго поля битвы, усѣяннаго трупами павшихъ Турокъ, велѣлъ привести къ своему шатру всѣхъ плѣнныхъ и далъ приказъ тутъ-же покончить съ ними. Повальное избіеніе ихъ длилось цѣлый день, пока 10,000 новыхъ труповъ не успокоили гнѣвъ падишаха; знатные плѣнные спаслись отъ этого повальнаго убійства богатымъ выкупомъ. Не переходя Дуная и ограничившись отобраніемъ назадъ Видина, который взятъ былъ христіанами передъ послѣднимъ погромомъ Баязета, считая себя обезпеченнымъ со стороны Дуная,—который сталъ теперь границей европейскихъ его владѣній почти до впаденія въ Дунай Саввы, онъ обратился къ югу—докончить завоеванія своего предшественника. Пройдя Македонію, Ѳессалію, Баязетъ чрезъ Ѳермопилы вступилъ въ Аттику; города передавались ему одинъ за другимъ. Власть византійскаго императора поддерживали въ нихъ незначительные гарнизоны, которые спѣшили привѣтствовать Баязета, открывая предъ нимъ городскія ворота. Изъ столицы нельзя было ожидать подкрѣпленій, да и не было тамъ императора (Мануила), который въ это время скитался по Европѣ, тщетно вымаливая у государей помощи противъ Турокъ. Только въ Аѳинахъ, которыя составляли Латинское княжество, основанное въ XIII ст. французскими рыцарями, Турки встрѣтили сопротивленіе, но послѣ нѣсколькихъ приступовъ городъ палъ; за Аѳинами послѣдовалъ Аргосъ и другіе города; весь Пелопонезъ въ 1397 году перешелъ въ руки Турокъ. Греческое населеніе городовъ частью насильственно переселено было на малоазійскій берегъ, частью же добровольно переселилось на близлежащіе острова Архипелага.

Въ упоеніи побѣдъ, которыя большею частью ему такъ легко давались, Баязетъ готовился нанести ударъ послѣднему оплоту христіанства—Константинополю; приготовленія къ завоеванію столицы имперіи сдѣланы были громадныя. Всѣ главныя турецкія силы стянуты были въ Румелію подлѣ Адріанополя, чтобы оттуда ударить на столицу. Папскія посланія съ быстротою распространились по всей западной Европѣ, приглашая христіанъ ополчиться и обѣщая за это щедрое отпущеніе грѣховъ. Между тѣмъ императоръ, признавъ себя преданнымъ данникомъ Баязета, въ то же время молилъ главу римской церкви и европейскихъ государей воздвигнуть крестовый походъ противъ Турокъ.

Ближайшія къ Балканскому полуострову христіанскія страны съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за предстоящей развязкой драмы, какъ вдругъ событія получили другой оборотъ. На самаго Баязета надвигалась гроза не съ запада, а востока. Здѣсь, на развалинахъ Монгольскаго царства Чингисхана, выросло въ половинѣ XIV в. новое могущественное государство Тимура. Страшными опустошеніями сопровождалось быстрое распространеніе государства Тимура; потоки крови, людскія кости, кучи череповъ и дымящіяся развалины намѣчали путь этихъ варваровъ, въ сравненіи съ которыми Турки должны были казаться образцами человѣколюбія; въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ Тимуръ сдѣлался обладателемъ степей Каспійскихъ, Кавказа, Персіи, Арменіи, Месопотаміи, Сиріи; предпринялъ опустошительные походы съ одной стороны въ Россію, а съ другой въ Индію, на берега Ганга; на пути этихъ походовъ и при завоеваніяхъ, сотни тысячъ людей были казнены или замучены; такъ въ Испаганѣ, по приказанію Тимура, въ теченіи одного дня изрублено было 70,000 человѣкъ; въ Харасанѣ 2,000 человѣкъ живыми зарыты были въ землю. Въ Индіи, на берегу Ганга, 100,000 человѣкъ было передушено. Рядомъ съ этимъ Тимуръ былъ ревностнымъ поклонникомъ ислама, только по шіитскому толку, и искуснымъ правителемъ, который могъ подъ своей властью сдерживать нѣсколько народовъ, безусловно слѣдовавшихъ волѣ этого человѣка.

Успѣхи его въ Малой Азіи должны были привести его въ столкновеніе съ Баязетомъ; къ послѣднему онъ отправилъ посольство, предлагая полюбовно подѣлиться Малой Азіей. Баязетъ отвѣтилъ грубостью и поспѣшилъ на встрѣчу къ Татарамъ. Этимъ объясняется внезапное исчезновеніе его почти изъ-подъ стѣнъ Константинополя. Непріятельскія арміи встрѣтились 30 іюля 1402 г. подлѣ города Ангоры; болѣе милліона воиновъ расположились на равнинахъ Ангоры; всѣ народы между Дунаемъ и Гангомъ имѣли здѣсь своихъ представителей; трудно было рѣшить какая изъ армій—монгольская или турецкая отличалась большей пестротой націй и племенъ. Въ арміи Баязета христіане составляли весьма видный элементъ и имъ, въ особенности Сербамъ, а также янычарамъ приписываютъ нѣсколько счастливыхъ для Османлисовъ эпизодовъ сраженія. Цѣлые сутки продолжался бой. Наконецъ въ турецкой арміи произошло сильное замѣшательство вслѣдствіе внезапнаго перехода въ пылу сраженія нѣкоторыхъ малоазійскихъ вассаловъ на сторону Монголовъ и рѣшительная побѣда осталась за Тимуромъ; Баязетъ попался въ плѣнъ и владычество Османлисовъ въ Малой Азіи было потрясено. Преданіе разсказываетъ, что плѣнный Баязетъ сопровождалъ Тимура въ дальнѣйшихъ его походахъ, заключенный въ

желѣзную клѣтку; 9 марта 1403 г. онъ умеръ и вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и Тимуръ, послѣ котораго сдерживаемое единственно личною волею государство быстро распалось. Казалось нельзя было выдумать лучшихъ условій для освобожденія христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова: вассальныя княжества въ Малой Азіи отпали отъ государства Османлисовъ; между сыновьями Баязета—Магометомъ, Солиманомъ, Изой и Мустафой, вслѣдъ за смертью отца, возникла междоусобица (1403—1413 г.), которая длилась 10 лѣтъ, пока Магомету не удалось одолѣть братьевъ; греческое правительство, пользуясь этими смутами въ государствѣ Османлисовъ, выговорило себѣ у Солимана возвращеніе Солуни и нѣсколькихъ другихъ городовъ на берегу Мраморнаго и Чернаго морей; Стефанъ Лазаревичъ сталъ полновластнымъ деспотомъ Сербіи; въ Болгаріи нѣсколько городовъ объявили себя независимыми. Но все это быстро измѣнилось съ прекращеніемъ смутъ и утвержденіемъ власти въ рукахъ Магомета I (1413—1421). Сербскій деспотъ Стефанъ поспѣшилъ къ султану съ выраженіемъ своей вассальной преданности; возстаніе въ Болгаріи улеглось и города, провозгласившіе себя независимыми, вновь стали турецкими городами и даже безпрекословно; по крайней мѣрѣ объ усмиреніи ихъ никакихъ извѣстій не сохранилось; наконецъ, пріобрѣтенія императора Мануила вновь перешли въ руки Турокъ. Относительно незначительный военный лагерь турецкій,—потому что иначе нельзя назвать государство Османлисовъ, при первыхъ ихъ султанахъ,—вновь привелъ въ повиновеніе всѣ народы Балканскаго полуострова. Явленіе небывалое на европейской почвѣ, объясняемое политической деморализаціей этихъ народовъ, для которыхъ, казалось, не существовало понятія не только о національности и религіи, но и родинѣ, которые, во взаимной враждѣ между собой, предавали другъ друга общему врагу и въ то время, когда достаточно было нанести одинъ только дружный ударъ, чтобы довершить распаденіе царства Османлисовъ,—Болгары, Сербы и Греки спѣшатъ въ лагерь разныхъ Солимановъ, Мустафовъ и друг., чтобы предложить свои услуги и интригуютъ другъ противъ другъ.

Въ 1413 году Магометъ, сдѣлавшись единовластнымъ повелителемъ Османлисовъ, въ короткое время возстановилъ поколебленное могущество своего государства, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ. *Во первыхъ*, онъ заставилъ отпадшихъ мелкихъ князей признать его верховенство и скоро «успокоивъ» Болгарію, обратилъ сербскаго деспота въ данника своего и отъ византійскаго императора отнялъ города, которые тотъ получилъ отъ Солимана. Возстановивъ государство въ положеніе, предшествовавшее несчастному пораженію при Ангорѣ, онъ не предпринималъ никакихъ дальнѣйшихъ завоеваній, и когда къ нему явились: им-

ператоръ Мануилъ, князья валахскій, сербскій, эпирскій и воеводы Болгаръ привѣтствовать султана, какъ возстановителя спокойствія государства, Магометъ, отпуская ихъ, сказалъ: «передайте вашимъ народамъ, что я дарую миръ всѣмъ и охотно принимаю отъ всѣхъ; Богъ мира наказываетъ нарушителей его».

Правленіе Магомета I съ 1413 и до самой смерти его (1421) было временемъ отдыха, необходимымъ для дальнѣйшаго развитія внутренней организаціи государства, которое въ этомъ отношеніи окрѣпла настолько, что могло потомъ выдержать напоръ сосѣднихъ странъ христіанскаго Запада и выдержать внутреннія смуты, возникшія вслѣдъ за смертью Магомета I и при наслѣдникѣ его Мурадѣ II (1421 — 1450 г.). Противъ этого новаго султана императоръ Мануилъ выпустилъ на свободу томившагося въ Константинополѣ одного изъ сыновей Баязета—Мустафу, въ качествѣ претендента, предварительно выговоривъ себѣ Ѳессалію, Галлиполи и все Черноморское побережье вплоть до устьевъ Дуная. Но нужно было взять всѣ эти мѣста, и для того Мануилъ снабдилъ Мустафу греческимъ войскомъ, съ которымъ тотъ и вступилъ въ Галлиполи, не встрѣтивъ сопротивленія Этотъ успѣхъ склонилъ на сторону Мустафы нѣсколькихъ полководцевъ Мурада II и отряды иррегуляровъ подъ именемъ акинджіевъ. Сверхъ чаянія, ставъ во главѣ значительнаго войска, Мустафа двинулся къ Адріанополю и здѣсь на первый разъ разбилъ одинъ изъ отрядовъ Мурада, но при второй встрѣчѣ иррегуляры были разсѣяны, а часть ихъ добровольно перешла на сторону Мурада II. Мустафа бѣжалъ въ Галлиполи, но послѣ нѣкотораго скитанія, былъ въ Адріанополѣ схваченъ и повѣшенъ на одной изъ городскихъ стѣнъ.

Покончивъ съ претендентомъ, Мурадъ II велѣлъ приготовляться къ походу против Константинополя. Какъ желаніе наказать Грековъ, помогавшихъ претенденту, такъ и понятное политическое тяготѣніе къ Босфору вызвали этотъ походъ. Въ августѣ 1422 года Мурадъ съ 30,000 войска подступилъ къ стѣнамъ Константинополя и чтобы охотниками усилить свою армію, велѣлъ объявить, что предоставляетъ богатства столицы въ добычу солдатамъ. Много охотниковъ различныхъ націй явилось въ турецкій лагерь на это заманчивое обѣщаніе. Охотники эти состояли изъ Болгаръ и Грековъ, какъ господствующаго населенія Румеліи, и что касается Турокъ, то всѣ они, извѣстнаго возраста, принадлежали къ тому или другому роду войска, а потому и обязаны были явиться по требованію военнаго начальства и независимо отъ какихъ-либо наградъ. 24 августа сдѣланъ былъ приступъ, который окончился неудачно, а между тѣмъ императоръ предложилъ Мураду выгодныя условія мира; по этимъ условіямъ императоръ призналъ себя

данникомъ султана и далъ ему нѣсколько приморскихъ городовъ, что впрочемъ для императора не могло быть большой потерей, такъ какъ владѣнія его ограничивались только тѣмъ,—омываемымъ Чернымъ моремъ, Мраморнымъ и Босфоромъ,—полуостровомъ, на выдающемся углу котораго стоитъ Константинополь. Кромѣ этихъ выгодныхъ условій, Мурада II побудили снять осаду волненія въ Малой Азіи, гдѣ вассальные князья, пользуясь отсутствіемъ султана, стали держать себя, какъ независимые государи. Мурадъ быстро подавилъ возстаніе и въ наказаніе, отнявъ у своихъ вассаловъ владѣнія ихъ, поставилъ тамъ своихъ правителей.

Обезпечивъ себя вполнѣ со стороны Малой Азіи, Мурадъ II теперь все свое вниманіе обратилъ на утвержденіе и распространеніе владычества Османлисовъ на Балканскомъ полуостровѣ. При этомъ ходъ событій привелъ его въ столкновенія—*на югѣ* съ Венеціанцами и Генуэзцами, связанными торговыми интересами съ городами Мраморнаго и Эгейскаго побережьевъ, а *на сѣверѣ*—съ Мадъярами, которые не могли спокойно смотрѣть на завоевательные успѣхи Османлисовъ въ сопредѣльныхъ съ Венгріей земляхъ. На *югѣ* онъ взялъ Солунь и Галлиполи, города, которые нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки и предъ тѣмъ находились во власти Венеціанцевъ; на *сѣверѣ* — онъ прошелъ всю Сербію, гдѣ утвердился въ Голубацѣ — придунайскомъ городѣ и Крушевацѣ (недалеко отъ соединенія Сербской Моравы съ Болгаріей) и не только заставилъ преемника Стефана Лазаревича, Георгія Бранковича платить дань, но предъявилъ права на Сербію, какъ на наслѣдственный удѣлъ, по праву внучатному. Отецъ Мурада II Баязетъ женатъ былъ на дочери Лазаря Милевѣ. Сосѣдняя *Валахія*, которою управлялъ извѣстный своею жестокостью и угнетеніемъ народа Владъ Дракулъ (дьяволъ), вновь обращена въ вассальную провинцію (1431 г.). Съ вспомогательными войсками Сербіи и Валахіи, Мурадъ II вступилъ въ Трансильванію, но въ этомъ походѣ своемъ не достигъ никакихъ существенныхъ цѣлей, былъ вытѣсненъ Мадъярами, уведя впрочемъ нѣсколько плѣнныхъ, которые, по обычаю Османлисовъ, были отправляемы въ Азію, откуда въ свою очередь переселяемы были на Балканскій полуостровъ Турки; этимъ путемъ Османлисы усиливали турецкій элементъ среди христіанскаго населенія Балканскаго полуострова.

Рядомъ съ этимъ войска Мурада проникли въ Албанію. Страна раздѣлялась на двѣ половины: Южную съ главнымъ городомъ Яниной и Сѣверную съ укрѣпленнымъ городомъ Кроей. *Первою* владѣли потомки Флорентинца Карла Точчи, а второю Иванъ Кастріотъ, потомокъ Диколійскаго Бальша. Не признавая въ сущности ничьей власти, Южная Албанія, послѣ торжественнаго обѣщанія Мурада сохранить религію и

внутреннюю автономію страны, признала себя данницей Мурада, который для удержанія своихъ верховныхъ правъ въ этой странѣ занялъ Янину и нѣсколько другихъ укрѣпленныхъ городовъ. Владѣлецъ Сѣверной половины Іоаннъ Кастріотъ тоже призналъ себя данникомъ султана и въ качествѣ заложниковъ, далъ ему своихъ сыновей, изъ которыхъ Георгій Кастріотъ сталъ впослѣдствіи извѣстнымъ своей геройской защитой Крои противъ громадныхъ силъ завоевателя Константинополя.

ГЛАВА XXIII.

Начало борьбы католическаго міра съ Турками и паденіе Константинополя.

1. Роль юго-западныхъ европейскихъ государствъ въ борьбѣ съ Турками. 2. Венгрія по необходимости становится первой защитницей христіанства. 3 Іоаннъ Гуніадъ. 4. Христіанская коалиція. 5 Варненское пораженіе христіанъ. 6. Вторая битва на Коссовомъ полѣ. 7. Скандербергъ. 8. Политическая деморализація народовъ Балканскаго полуострова облегчатъ успѣхи Турокъ. 9. Приготовленія Магомета II къ осадѣ Константинополя. 10. Сношенія Византійской имперіи съ Римомъ. 11. Осада Константинополя и паденіе его. 12. Магометъ II старается остановить эмиграцію Грековъ. 13. Положеніе греческой церкви по завоеваніи полуострова. 14. Полное завоеваніе Балканскаго полуострова Турками.

Первая битва на Коссовомъ полѣ (1389 г.) представляется послѣдней крупной вспышкой борьбы южнаго славянства (преимущественно въ сербской отрасли его) за независимость; побѣда Турокъ, раскрывъ полное безсиліе южнаго славянства въ единоборствѣ съ Турками, вмѣстѣ съ тѣмъ положила прочное начало дальнѣйшему распространенію ихъ владычества на Балканскомъ полуостровѣ. До Коссовой битвы мусульманское господство на европейской почвѣ могло представляться еще вопросомъ; христіанскіе народы Запада могли еще думать, что сама Византія одолѣетъ азіятскихъ пришельцевъ; но Коссова битва указала, что Византія къ этому крупному эпизоду борьбы христіанъ съ Турками отнеслась совершенно безучастно, что почти вся она въ данное время ограничивалась угломъ, омываемымъ Чернымъ моремъ, Мраморнымъ и Босфоромъ и заботилась лишь о томъ, чтобы отстоять этотъ уголъ; правда, Европа узнала, что рядомъ съ Греками на Балканскомъ полуостровѣ живетъ многочисленное племя Славянъ, которое могло бы вытѣснить Турокъ съ европейской почвы; но рядъ событій, послѣдовавшихъ за Коссовымъ пораженіемъ, относительная легкость, съ которою Турки распространяли свою власть на Балканскомъ полуостровѣ, показали какимъ жалкимъ защитникомъ собственной страны представляется многочисленное южное славянство. Съ тѣхъ поръ, какъ Средиземное море перестало быть единственнымъ путемъ міровой торговли, т. е. съ XIV ст.,

узелъ торговыхъ сношеній сталъ стягиваться въ водахъ Босфора, Мраморнаго моря и Эгейскаго. Итальянскія республики, Испанія и Франція завели здѣсь свои торговыя факторіи и отсюда разносили въ Европу произведенія Востока. Падающая Византія, номинальная владычица этихъ водъ, оказывалась совершенно безсильною отражать торговую эксплуатацію чужеземцевъ, и тѣ могли хозяйничать въ этихъ водахъ, какъ у себя дома. Но вдругъ, центръ всемірной торговли переходитъ во власть воинственнаго народа, который въ порывѣ неостывшаго религіознаго фанатизма и воинственнаго задора, относится крайне враждебно къ европейскимъ колонистамъ. Внося опустошеніе въ Пелопонезъ и на берега Адріатики, азіятскіе пришельцы непосредственно сталкиваются съ передовыми постами западнаго христіанскаго міра; уничтоживъ ихъ, они, благодаря обширному флоту своему, могли двинуться въ Италію, которую только Отрантскій проливъ отдѣляетъ отъ Албаніи. Этимъ объясняется то живое вниманіе, смѣшанное съ боязнью, съ которымъ европейскія государства Адріатики и даже Средиземнаго моря слѣдили за успѣхами Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, то участіе, которое они отнынѣ приняли въ борьбѣ съ пришлымъ азіятскимъ народомъ. Но кромѣ тѣхъ государствъ, политическому существованію которыхъ или ихъ торговымъ интересамъ угрожала опасность со стороны завоевателей Балканскаго полуострова, оставались Венгрія и Польша, которыя съ неменьшимъ страхомъ должны были слѣдить за военными движеніями Турокъ: пути завоевательныхъ движеній Османлисовъ не ограничивались южной и западной окраинами Балканскаго полуострова, а пролагались и на сѣверъ, чрезъ Дунай. Становилось яснымъ, что съ полнымъ завоеваніемъ Балканскаго полуострова, Турки вступятъ въ земли Венгерской короны и Польской, что впослѣдствіи и совершилось. *Венгрія* и *Польша* поэтому являются тѣми сѣверными государствами западной Европы, которыя первыми должны были вступить въ бой съ Турками ради самозащиты; а когда Венгрія присоединилась къ австрійскимъ владѣніямъ Габсбурговъ, то *Австрія* стала одной изъ наиболѣе дѣятельныхъ представительницъ югозападной Европы въ борьбѣ послѣдней съ Турками. Такимъ образомъ *Венеція*, *Генуя*, *Венгрія*, *Австрія*,— вотъ тѣ изъ европейскихъ государствъ, на которыхъ впервые выпалъ жребій борьбы съ Турками. Изъ вышесказаннаго понятно, что не общая какая то идея руководила ими въ этой борьбѣ, точно такъ же, какъ и папскія посланія писались не по преобладающему внушенію этой идеи, не ради защиты христіанства, но сознаніе опасности или даже страхъ за собственные интересы, за собственное существованіе. Общая же идея служила только тѣмъ великоторжественнымъ знаменемъ, къ которому сзывались христіанскіе народы для войны «съ невѣрными».

Были благородные энтузіасты, которые изъ отдаленныхъ странъ Запада стекались подъ это знамя вполнѣ безкорыстно; но правительства принимали въ этой борьбѣ участіе по мѣрѣ той пользы, которую оно могло имъ принести, и разъ то или другое государство находило возможность отстоять свои интересы, путемъ мирныхъ компромиссовъ, какъ оно выдѣлялось изъ коалиціи. Но какія бы частныя цѣли ни преслѣдовали европейскія государства, первыя вступившія въ борьбу съ завоевателями Балканскаго полуострова, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать великую заслугу имъ предъ европейской цивилизаціей. Заслуга эта заключается въ томъ, что отстаивая энергически свои національные, политическіе, торговые интересы, онѣ спасли европейскую цивилизанію отъ дальнѣйшаго нашествія варваровъ,—сильныхъ превосходною, по своему времени, военной организаціей.

Романтическій сантиментализмъ, конечно, желалъ бы видѣть исключительное преобладаніе общей, притомъ вполнѣ безкорыстной идеи въ борьбѣ юго-западныхъ европейскихъ государствъ съ Турками; но такой идеи не было и не могло быть, такъ какъ народы имѣютъ слишкомъ много домашнихъ дѣлъ своихъ, чтобы гнаться за общими цѣлями въ ущербъ своему внутреннему развитію. Еслибы южное славянство съумѣло отстоять свою независимость, оно несомнѣнно оказало бы громадную услугу европейской цивилизаціи, очистивъ европейскую почву отъ азіятскаго варварства, оно заняло бы блестящія страницы во всемірной исторіи и все это совершенно независимо отъ того—своими ли національными интересами руководилось оно, сражаясь съ Турками, или же преслѣдовало болѣе высокія отвлеченныя цѣли. Поэтому когда рѣчь идетъ о той роли, которую играли юго-западныя государства европейскія въ борьбѣ съ завоевателями Балканскаго полуострова, — никогда не слѣдуетъ забывать, что хотя въ этой роли не было ничего романтическаго, ничего сантиментальнаго, ничего безкорыстно-рыцарскаго, что хотя каждое изъ этихъ государствъ прежде всего заботилось о своихъ національныхъ, торговыхъ, политическихъ интересахъ, но преобладаніе этихъ интересовъ надъ общею идеею нисколько не умаляетъ великой заслуги тѣхъ государствъ предъ европейской цивилизаціей.

На долю Венгріи выпалъ жребій выступить первою въ состязаніе съ Турками; уже вскорѣ послѣ Коссовскаго пораженія южныхъ Славянъ, Турки обнаружили стремленіе продолжать свои завоеванія къ сѣверу отъ Дуная; нѣсколько разъ они вступали на равнины Валахіи, занятыя народомъ, который, подобно южному славянству, находился въ состояніи политической анархіи и сразу же доказалъ совершенную неспособность къ защитѣ своей страны; а такъ какъ сѣверныя окраины Валахіи со-

прикасались съ владѣніями Венгріи, то послѣдней, въ силу необходимости, пришлось своею грудью отражать удары Турокъ.

Королемъ Венгріи въ это время былъ Владиславъ, избранный по инициативѣ и при содѣйствіи Іоанна Гуніада, воеводы трансильванскаго. заслужившаго извѣстность своими успѣшными войнами съ Турками. Это былъ самый храбрый полководецъ въ рядахъ христіанскаго войска, наносившій Туркамъ столько тяжкихъ пораженій, о которыхъ у Мадьяръ сохраняются преданія, разукрашенныя легендарными эпизодами. Освободивъ Бѣлградъ отъ продолжительной осады этой крѣпости Турками, которые въ происшедшемъ подлѣ города сраженіи потеряли 17,000 человѣкъ (1440 г.), Гуніадъ, который съ этого времени избралъ Бѣлградъ своимъ мѣстопребываніемъ, поспѣшилъ въ Трансильванію выручить Германштадтъ, къ которому подступили Турки. Послѣдніе, числомъ въ 20,000 человѣкъ, были разбиты; Гуніадъ, для краснорѣчиваго доказательства славной побѣды, послалъ сербскому деспоту въ числѣ разной добычи цѣлую повозку съ отрубленными головами знатнѣйшихъ плѣнныхъ Турокъ [1]). Этой побѣдой Турки были отброшены за Дунай; воеводы Молдавіи признали надъ собою власть венгерскаго короля, чему послѣдовалъ и Георгій Бранковичъ Сербскій (1441 г.). Въ слѣдующемъ 1442 году Турки, подъ предводительствомъ Сахима-паши, въ числѣ 80,000 человѣкъ, перейдя Дунай, вновь проникли въ Трансильванію и опять потерпѣли пораженіе, не смотря на то, что войско Гудіана состояло всего изъ 15,000 чел.

Рядомъ съ этимъ, глава римской церкви созывалъ крестовый походъ противъ невѣрныхъ и въ тоже время велъ дѣятельные переговоры съ византійскимъ императоромъ о соединеніи церквей; на это не только императоръ, но и нѣкоторые представители греческаго духовенства соглашались; такимъ образомъ папа надѣялся, по изгнаніи Турокъ, завоевать Балканскій полуостровъ для римской церкви. Этимъ объясняется живой интересъ Рима къ завоевательнымъ успѣхамъ католическихъ Мадьяръ, а также инициатива, принятая Римомъ въ пропагандѣ борьбы христіанства съ исламомъ. Посланія папы имѣли нѣкоторый успѣхъ (1443 г.): съ разныхъ концовъ западной Европы начали стекаться люди для войны съ Турками; главныя силы впрочемъ состояли изъ Мадьяръ, Поляковъ, Сербовъ и Валаховъ. Весною 1443 года, войско христіанское подъ главной командой Владислава, короля венгерскаго, воеводы Гуніада и деспота Георгія Бранковича вышло изъ Офена и въ іюнѣ того же года перешло чрезъ Дунай при г. Смедеровѣ. Передовая колонна подъ командою Гуніада, пройдя всю нынѣшнюю Сербію и разрушая на пути селенія,

---

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т. I.

первая встрѣтила Турокъ у Ниша; паша имѣлъ неосторожность выступить изъ города на встрѣчу христіанамъ и былъ разбитъ Гуніадомъ; Нишъ сдался. Оставивъ здѣсь гарнизонъ и подкрѣпленный отрядомъ изъ другихъ подоспѣвшихъ колоннъ, Гуніадъ двинулся на Софію и на пути вновь разбилъ въ трехъ, слѣдовавшихъ одна за другой, битвахъ турецкія войска. Путь къ Софіи сталъ открытъ и городъ этотъ вскорѣ достался въ руки христіанъ. Не смотря на суровую зиму и обледенѣлыя дороги, которыя въ крутыхъ подъемахъ казались совершенно невозможными для перехода войска, Гуніадъ разбилъ нѣсколько турецкихъ отрядовъ и выбивъ Турокъ изъ занятаго ими Сулу-Дербентскаго прохода, въ этомъ мѣстѣ перешелъ Балканы и въ первый день праздниковъ Рождества вступилъ въ Южную Болгарію; здѣсь, при подошвѣ горы Кановицы у г. Волаваца, Гуніадъ вновь разбилъ Турокъ. Послѣдняя неудача Турокъ вызвана внезапнымъ переходомъ на сторону Мадьяръ Георгія Кастріота, одного изъ сыновей Іоанна Кастріота, взятыхъ Мурадомъ въ видѣ заложниковъ.

Воспитанный въ правилахъ ислама, Кастріотъ получилъ въ управленіе наслѣдіе своего отца и во время венгерскихъ войнъ сталъ въ ряды турецкой арміи, которые внезапно теперь покинулъ. Возвратившись къ себѣ, въ Албанію, онъ отказался отъ ислама и укрѣпившись въ г. Кроѣ, объявилъ себя независимымъ княземъ Албаніи.

Гуніадъ недолго пробылъ въ Болгаріи. Хотя, какъ разсказываютъ современники событія, христіанское войско съ радостью было привѣтствовано Болгарами, но видно только этими привѣтствіями и ограничивалось ихъ сочувствіе къ побѣдителямъ, потому что иначе, если бы Гуніадъ имѣлъ основаніе разсчитывать на живое участіе Болгаръ въ войнѣ съ Турками, ему не зачѣмъ было спѣшить въ обратный путь, такъ какъ богатая съ сплошнымъ христіанскимъ населеніемъ страна въ силахъ была бы доставить союзной арміи полную возможность безопасно перезимовать въ Болгаріи. Съ громадною добычею возвратилось венгерско-польское войско въ Офенъ, готовясь послѣ отдыха вновь предпринять походъ. Мурадъ, однако же, истомленный рядомъ чувствительныхъ пораженій, во что бы то ни стало желалъ мира и съ этой цѣлью весною 1443 г. послалъ блестящее посольство въ Сегединъ, гдѣ въ то время засѣдалъ венгерскій государственный совѣтъ. Здѣсь въ іюнѣ заключенъ 10-лѣтній миръ, по которому Турція отказывается отъ Сербіи, возвращаемой Георгію Бранковичу, и отъ Румыніи въ пользу Венгріи; обѣ стороны клялись свято сохранить миръ—христіане надъ евангеліемъ, а Турки надъ кораномъ. Послѣ этого Мурадъ, отказавшись отъ престола въ пользу сына своего Магомета II, удалился въ городъ Магнезію, предполагая остатокъ дней своихъ провести среди

дервишей, т. е. другими словами вести монашескую жизнь. Но едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ Мурадъ долженъ былъ скинуть съ себя дервишескую рясу и вновь стать во главѣ событій, руководить которыми не въ силахъ былъ малолѣтній (14-ти лѣтъ) сынъ его.

По настоянію папы Евгенія IV, обѣщавшаго содѣйствіе всей христіанской Европы въ изгнаніи Турокъ [1]), война вновь началась. Кардиналъ папскій Юліанъ Чезарини явился въ Венгрію и своими, якобы вдохновенными, но въ сущности искусно составленными рѣчами старался популяризировать идею войны съ Турками; безъ сомнѣнія онъ, дѣйствуя въ высшихъ сферахъ, имѣлъ многочисленныхъ агентовъ, которые въ этомъ же направленіи работали въ массѣ народа. Газетъ въ то время не было, и потому подготовителями общественнаго мнѣнія явились люди, которые, смотря по необходимости, принимали видъ юродивыхъ, изрѣкающихъ, какъ извѣстно, великія идеи въ формѣ безсмысленныхъ рѣчей. Съ другой стороны королю доказывалось, какъ дважды два—четыре, что исходъ войны будетъ несомнѣнно благопріятный для христіанъ; что Турки будутъ нетолько изгнаны, но, если угодно, и вовсе истреблены. Ради этой благой цѣли, Венеціанцы и Генуэзцы обѣщали отправить соединенный флотъ въ Дарданеллы, который отрѣжетъ Туркамъ переправу въ Азію. На подмогу къ этимъ агентамъ явились послы изъ Франціи, Англіи, Испаніи, Арагоніи, Бургундіи, Милана и Флоренціи, которые убѣждали короля и государственный совѣтъ объявить войну нехристямъ. Что же касается клятвы, произнесенной надъ евангеліемъ, то самъ папа разрѣшилъ отъ нея, объяснивъ, что клятва, данная еретику или невѣрному, не имѣетъ никакой силы,—принципъ, который впослѣдствіи былъ усвоенъ турецкими султанами и примѣнялся въ ихъ отношеніяхъ къ европейцамъ. Гуніадъ, Георгій Бранковичъ и многіе изъ венгерскихъ магнатовъ были противъ вѣроломной войны и особенно не довѣрялись венеціанскимъ и генуэзскимъ торгашамъ, которые въ своихъ международныхъ отношеніяхъ не разъ доказали легкость перехода отъ одной стороны къ другой; но раздутая людьми, которымъ нечего терять, идея войны съ Турками, въ правящихъ классахъ на столько стала популярною, что протестующіе голоса немногихъ совершенно затерялись въ задорной трескотнѣ воинствующей партіи, которая увлекла и короля Владислава. Рѣшено было открыть походъ. Въ сентябрѣ 1444 г. войско, состоявшее изъ Мадьяръ, Итальянцевъ, Нѣмцевъ, Поляковъ и волонтеровъ всѣхъ странъ Запада вышло изъ Офена и безпрепятственно вступило въ Болгарію. Но здѣсь уже обнаружилось разъединеніе; Георгій Бранковичъ, коман-

[1]) Шлоссеръ, Всемірная исторія, т. III, изд. 1869.

довавшій однимъ изъ отрядовъ, сталъ вести себя на столько двусмысленно, что можно было заподозрить его въ тайныхъ сношеніяхъ съ султаномъ; онъ не только самъ отказался отъ участія въ войнѣ, но и употребилъ всѣ усилія воспрепятствовать Георгію Кастріоту изъ Албаніи пройти чрезъ Сербію для присоединенія къ христіанскому войску. Гуніадъ, въ виду поздняго времени года, не рѣшился переходить Балканы и предпочелъ идти на Варну, гдѣ долженъ былъ ожидать христіанъ генуэзско-венеціанскій флотъ, который предназначался для доставки ихъ въ Констстинополь. Войско, сопровождаемое длиннымъ обозомъ въ 2000 повозокъ, подступило къ Варнѣ, гдѣ турецкое войско ограничивалось незначительнымъ гарнизономъ. Но вдругъ оказалось, что почти ко времени приближенія христіанъ съ легкихъ судовъ Венеціанцевъ и Генуэзцевъ высадилось у Варны многочисленное турецкое войско, всего около 40,000 человѣкъ, т. е. вчетверо болѣе христіанскаго, которое состояло всего изъ 10,000 человѣкъ. Такимъ образомъ обѣщанная помощь обратилась совсѣмъ въ противную сторону. 10 ноября обѣ арміи стали одна противъ другой. Командованіе турецкой арміей принялъ самъ Мурадъ, который, при вѣсти о нарушеніи мира, поспѣшилъ оставить монастырское уединеніе и во время явился въ Варну. Выступивъ, окруженный янычарами, предъ христіанскимъ войскомъ, Мурадъ велѣлъ наткнуть на копье мирный договоръ, закрѣпленный обоюдной клятвой. Это былъ злой упрекъ за вѣроломство непріятеля. При всей храбрости, съ которой дрались Мадъяры и ихъ союзники, побѣда осталась на сторонѣ Турокъ, подавлявшихъ непріятеля своей численностью. Разсказываютъ, что смерть короля Владислава, упавшаго съ лошади, причемъ янычары схватили его, отрубили ему голову и воткнули ее на копье,—произведя панику въ рядахъ христіанъ, ускорила ихъ окончательное пораженіе. Гуніадъ съ небольшимъ отрядомъ спасся бѣгствомъ; остальная часть войско пала на полѣ битвы, или же была изрублена янычарами; въ числѣ павшихъ оказался и Юліанъ Чезарини. Такъ плачевно кончилось сраженіе при Варнѣ, но еще тяжелѣе были его послѣдствія для балканскихъ народовъ. Мурадъ, въ отмщеніе за вѣроломство христіанъ, далъ полную волю дикому разгулу своихъ войскъ, которыя бросились на богатыя греческія области, опустошили ихъ и уводили тысячи Грековъ для продажи на малоазійскіе рынки; Сербія и Валахія вновь подпали власти Турокъ. Въ послѣдней Мурадъ возстановилъ воеводу Дракула, который съ нѣкотораго времени сдѣлался любимцемъ султана; вскорѣ однако Гуніадъ вступилъ въ Валахію и вытѣснилъ Турокъ, причемъ Дракулъ былъ схваченъ и казненъ въ Терговештахъ.

Мурадъ готовился переправиться чрезъ Дунай съ громадными силами

съ тѣмъ, чтобы нанести окончательный ударъ Венгріи, но дѣла въ Албаніи вынудили его отложить эту мысль. Здѣсь въ сѣверной части призналъ себя независимымъ государемъ Георгій Кастріотъ (Скандербергъ). Какъ мы видѣли, Скандербергъ во время такъ называемаго долгаго похода (1443 г.) отложился отъ Турокъ и своимъ переходомъ на сторону Мадьяръ давъ имъ перевѣсъ, удалился въ Албанію, гдѣ занялъ укрѣпленный городъ Крою. Отсюда онъ распространялъ свои завоеванія, которыя впрочемъ сводились къ занятію городовъ, не оказывавшихъ ему никакого сопротивленія; мелкіе князья Албаніи стали подъ знамя единовѣрнаго имъ Кастріота, сдѣлавшагося такимъ образомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ полнымъ властелиномъ Албаніи. Турки слишкомъ дорожили морскими побережьями, чтобы не придавать важнаго значенія обладанію Албаніей; въ своихъ завоеваніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ они прежде всего заботились утвердиться въ приморскихъ пунктахъ, которыя облегчали доставку войскъ—и потомъ уже доканчивали утвержденіе своей власти во внутреннихъ областяхъ страны. Мурадъ предпринималъ рядъ походовъ противъ Скандерберга, но постоянно войска султана, затрудненныя въ своихъ передвиженіяхъ непроходимыми дорогами и вообще малоизвѣстною мѣстностью, терпѣли пораженіе; и иногда цѣлые отряды турецкіе были истребляемы, застигнутые въ расплохъ или запертые гдѣ нибудь въ горныхъ ущельяхъ; четыре года продолжалась война съ Албаніей, которую Мураду такъ и не пришлось подчинить своей власти, такъ какъ со стороны Венгріи ему стала угрожать болѣе серьезная опасность

Если послѣ заключенія Сегеринскаго 10-лѣтняго мира Гуніадъ былъ противъ войны, такъ несчастливо окончившейся Варненскимъ пораженіемъ, то теперь, ставъ правителемъ Венгріи, Гуніадъ послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ съ Турками въ теченіи 1445—1447 годовъ, самъ предложилъ сейму отомстить Туркамъ за Варненскій погромъ. Предложеніе было принято, и Гуніадъ съ 34,000 войскомъ, въ числѣ которыхъ было 8000 Влаховъ, 2000 Чеховъ и Нѣмцевъ, въ августѣ 1448 года выступилъ изъ Офена, избравъ обычный путь чрезъ Сербію. Георгій Бранковичъ, котораго Гуніадъ просилъ дать вспомогательное войско, отказался отъ всякаго участія въ настоящей войнѣ; не столько судьба христіанства или даже своей страны, сколько личные интересы заботили Бранковича; изъ-за нихъ онъ вскорѣ сдѣлался угодливымъ сподручникомъ султана. Гуніадъ достигъ уже Ниша, какъ получилъ извѣстіе, что Мурадъ съ 450,000 войскомъ идетъ на встрѣчу; венгерскій король однако же не унывалъ и продолжалъ наступательное движеніе; на Коссовомъ полѣ онъ былъ остановленъ, такъ какъ здѣсь на берегу рѣки Ситолицы Мурадъ расположился съ своей громадной арміей

и такимъ образомъ Коссову полю вторично суждено было сдѣлаться театромъ кровавой схватки христіанъ съ Турками. Не смотря на немногочисленное свое войско, Гуніадъ 17 октября (1448 г.) первый открылъ бой, не дождавшись даже прибытія Скандерберга, который, блистательно выдержавъ 3-лѣтнюю войну съ громадными силами Турокъ, выступилъ на помощь къ Мадьярамъ. Эта поспѣшность и чрезмѣрная увѣренность въ испытанности своего войска увлекли Гуніада въ бой почти въ центръ турецкой арміи. Два дня длился бой; Мадьяры потерпѣли страшное пораженіе и только немногимъ, въ томъ числѣ и Гуніаду, удалось спастись. Нѣкоторые объясняютъ пораженіе Венгровъ позорнымъ бѣгствомъ 8000 Влаховъ съ поля битвы; въ дѣйствительности это событіе могло только ускорить пораженіе, которое во всякомъ случаѣ было неминуемо въ виду подавляющаго перевѣса турецкихъ силъ. На обратномъ пути чрезъ Сербію Гуніадъ схваченъ былъ Георгіемъ Бранковичемъ въ г. Кладовѣ и отведенъ въ Смедерево [1]). Отсюда Бранковичъ завелъ переговоры съ султаномъ Мурадомъ, предлагая продать ему венгерскаго героя; но, къ счастію послѣдняго, переговоры не привели къ ожидаемому продавцемъ результату, вѣроятно, вслѣдствіе слишкомъ большой суммы, затребованной Бранковичемъ, или же потому, что мусульманинъ оказался великодушнѣе христіанина и не желалъ вступать въ торгъ о продажѣ человѣка, котораго и Турки уважали, какъ героя, подобно тому, какъ они чтятъ память другаго христіанскаго героя, Скандерберга, и до сихъ поръ.

Варнинская (1444 г.) и Коссовская (1448 г.) побѣды и безпрерывныя мелкія стычки на сѣверѣ съ Мадьярами, и рядъ пораженій въ Албаніи дорого обошлись Туркамъ, а потому неудивительно, что Мурадъ, не смотря на рѣшительную побѣду 1448 г., охотно принялъ предложеніе Гуніада заключить миръ на 7 лѣтъ и притомъ на выгодныхъ для христіанъ условіяхъ. По этому миру *Валахія* признана страною нейтральною, изъ которой должны быть удалены, какъ турецкія, такъ и венгерскія войска; *Сербія*, за исключеніемъ сѣверной окраины съ Бѣлградомъ, принадлежавшей Венгріи, отдана Георгію Бранковичу на правахъ султанскаго данника, съ обязанностью помогать султану сербскимъ войскомъ; *Боснія* отдана Ѳомѣ Христичу, на тѣхъ же условіяхъ; но Христичъ, впрочемъ, недолго держался и былъ преданъ въ руки Турокъ собратомъ своимъ Бранковичемъ. Этотъ относительно выгодный миръ, кромѣ желанія оградить себя съ сѣвера, вызванъ былъ необходимостью привести въ порядокъ дѣла въ Албаніи, сѣверная часть которой фактически находилась совершенно во власти

[1]) Раичъ, ч. III.

Скандерберга; надо было предупредить дальнѣйшее распространеніе его власти. Насколько Мурадъ серьезно опасался этихъ успѣховъ Скандерберга, видно изъ многочисленности арміи, которую онъ самъ повелъ 1449 г. въ Албанію; насчитываютъ около 100,000 турецкаго войска, выступившаго въ маѣ мѣсяцѣ противъ Скандерберга. Рядъ геройскихъ, почти легендарныхъ подвиговъ этого Албанца, отбивавшагося въ Кроѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ многочисленной турецкой арміи съ падишахомъ во главѣ, вызвали удивленіе въ самихъ врагахъ его, которые, послѣ неоднократныхъ тщетныхъ приступовъ, падали духомъ при мысли, что имъ приходится бороться съ неуязвимымъ, зачарованнымъ врагомъ. Такое мнѣніе держалось между янычарами, которые сами отличались храбростью; многіе изъ нихъ впослѣдствіи, когда умеръ Скандербергъ, съ благоговѣніемъ шли поклониться праху этаго героя и дотрогивались до его правой руки, чтобы самимъ сдѣлаться неуязвимыми. Понеся страшныя потери въ войскѣ и боясь наступленія осенняго времени, Мурадъ въ томъ же 1449 г. возвратился въ Адріанополь, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ году возобновить наступленіе. Судя по приготовленіямъ, которыя дѣлались къ новому походу, можно было думать, что дѣло идетъ о войнѣ съ сильнымъ государствомъ или о завоеваніи какого-нибудь Константинополя. Кромѣ многочисленнаго войска, сопровождаемаго огромнымъ обозомъ, взято было много металла для литья пушекъ огромнаго калибра; на размѣры этихъ орудій указываетъ объемъ каменныхъ ядеръ, которыми онѣ заряжались и которыя вѣсили отъ 200 до 600 фунтовъ каждое. Открылась партизанская война,—только и возможная въ такихъ горныхъ мѣстностяхъ, какъ Албанія; Скандербергъ раздѣлилъ свое войско, состоявшее изъ 8000 чловѣкъ, на нѣсколько отрядовъ и заманивая турецкія войска въ ущелья горъ или болота, истреблялъ ихъ по частямъ; войско турецкое таяло съ каждымъ днемъ, а Скандербергъ, благодаря знакомству съ мѣстностью, въ которой онъ, въ случаѣ опасности, находилъ на каждомъ шагу убѣжище отъ преслѣдованія, не понесъ почти никакой потери. Чудовищныя, по понятіямъ того времени, пушки оглашали воздухъ своимъ страшнымъ трескомъ, не нанося никакого вреда защитникамъ Крои. Мурадъ, отчаяваясь взять силой, снизошолъ до переговоровъ съ Скандербергомъ, предлагая послѣднему оставить его правителемъ Албаніи, съ сохраненіемъ полной автономіи страны и съ платежемъ султану незначительной дани 5000 дукатовъ. Скандербергъ отвергъ предложеніе Мурада, продолжая производить опустошенія въ рядахъ его арміи. Въ началѣ 1451 г. Мурадъ снялъ осаду и съ обрывками войска возвратился въ Адріанополь, гдѣ вслѣдъ затѣмъ 9 февраля 1451 года умеръ.

Эта упорная, но тщетная попытка Мурада овладѣть Албаніей точно

такъ же, какъ впослѣдствіи рядъ пораженій Турокъ въ борьбѣ ихъ съ еще болѣе миніатюрной Черногоріей, показываетъ до какой степени сама природа, т. е. условія мѣстности являлась союзницей Балканскихъ христіанъ, которымъ оставалось пользоваться ея услугами, и распространеніе владычества Османлисовъ на Балканскомъ полуостровѣ стало бы совершенно немыслимымъ. Конечно, Скандербергъ со своими Албанцами храбро дрался съ Турками, точно такъ же, какъ горсть Черногорцевъ въ теченіи столѣтій выдерживала борьбу съ громадными силами Турокъ; наконецъ, какъ горцы Кавказа въ теченіи столѣтія едва могли быть покорены обширной имперіей. Но всѣ эти «герои» оказались бы весьма обыкновенными людьми при другихъ условіяхъ мѣстности, что нагляднѣе всего доказываютъ кавказскіе герои—Черкесы, когда имъ приходится сражаться въ открытомъ полѣ: съ героями вдругъ совершается метаморфоза, отъ прежнихъ воинскихъ качествъ остается одна только быстрота, которою они, впрочемъ, пользуются въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда нужно убѣгать отъ непріятеля, а между тѣмъ въ родныхъ горахъ они тоже умѣли умирать за независимость своего домашняго очага. Если же, не смотря на эту могущественную союзницу, Балканскіе христіане въ теченіи относительно короткаго времени подпали власти Турокъ, то это доказываетъ только глубину соціально-политическаго паденія этихъ народовъ, выносившихъ на своихъ плечахъ длинную фалангу негодныхъ правителей. Выдѣлившіеся изъ народа себялюбцы и сдѣлавшіеся правителями его въ качествѣ царей, кралей, князей, бановъ, деспотовъ, зараженные растлѣвающимъ ядомъ византійскаго цезаризма, въ своемъ стремленіи его копировать, расшатали федеральный строй общежитія управляемыхъ ими народовъ, обусловливаемый самой природой. Страстное стремленіе этихъ правителей къ усиленію личной власти, къ территоріальнымъ захватамъ совершенно заслоняли сознаніе общности политической, національной и религіозной, задерживая внутреннее развитіе народовъ. Болгарскіе правители ссорятся между собой, наводняютъ страну полчищами Татаръ, призываютъ вѣковыхъ враговъ своихъ Грековъ, другъ предъ другомъ заискиваютъ у Турокъ, и въ этой безумной борьбѣ обѣ стороны падаютъ изнеможенными къ ногамъ удивленнаго Турка; правители *Босніи, Герцеговины и Сербіи*, въ то время, когда съ отдаленнаго Запада тысячи стремятся на Балканскій полуостровъ лечь костьми въ войнѣ съ «невѣрными», хлопочутъ всѣми силами о томъ, какъ бы захватить клочекъ земли, спихнуть своего противника, занять его мѣсто, хотя бы для того нужно было перейти длинный путь тяжкихъ преступленій противъ своего народа, противъ своей религіи, противъ своего ближняго. Отцеубійцы, матреубійцы, братоубійцы, измѣнники, вѣроотступ-

ники—вотъ тѣ имена, которыя сплошь и рядомъ мелькаютъ въ запутанной генеалогіи этихъ правителей: *Вукъ Бранковичъ* въ торжественный моментъ боя соотечественниковъ и единовѣрцевъ, перебѣгаетъ съ своимъ отрядомъ на сторону Турокъ, чтобы, заручившись милостью падишаха, получить деспотство Сербское. *Георгій Бранковичъ* внезапно покидаетъ ряды христіанскаго войска съ тѣмъ, чтобы загородить путь Скандербергу, спѣшившему на помощь христіанамъ; потомъ тотъ же Бранковичъ, захвативъ въ плѣнъ венгерскаго героя Гуніада, всю жизнь свою посвятившаго войнѣ съ «невѣрными», готовъ продать его правителю послѣднихъ, а 8000 Влаховъ, которые покидаютъ (на Коссовомъ полѣ 1448 г.) своихъ братьевъ о Христѣ, какъ разъ въ то время, когда ихъ дружное участіе могло, если не устранить вовсе, то по крайней мѣрѣ смягчить тяжесть пораженія христіанскаго войска. Тоже самое происходитъ и въ жалкихъ обрывкахъ Византійской имперіи, разрозненныхъ турецкими владѣніями. Правители ихъ препираются о чести носить императорскій титулъ и ради этого спѣшатъ звать Турокъ на помощь въ домашнихъ ссорахъ въ то время, когда необходимо было полное напряженіе національныхъ силъ для отраженія общаго врага. Имперія уже при Іоаннѣ II Палеологѣ представляется распавшеюся на нѣсколько отдѣльныхъ частей. Владѣнія самого императора ограничиваются Константинополемъ съ его окрестностями; братья его: Константинъ, Димитрій, Ѳома составили изъ Пелопонеза и нѣсколькихъ городовъ на Черномъ морѣ нѣсколько отдѣльныхъ княжествъ, признавъ себя данниками Турокъ. Уже при жизни отца ихъ заботила мысль не о спасеніи греческаго государства отъ постепенно распространяющагося владычества Турокъ, а о томъ, какъ бы достигнуть императорскаго престола. Они обращаются къ Туркамъ, и тѣ ставятъ императоромъ старшаго брата подъ именемъ Константина IX (1449—1453 г).

При такомъ хаотическомъ состояніи имперіи, паденіе Константинополя становилось вопросомъ времени, и если преемникъ Мурада, Магометъ II (1450—1481 г.), рѣшивъ покончить съ этимъ вопросомъ,—въ теченіи болѣе года дѣлалъ громадныя приготовленія къ осадѣ Констатинополя,—то это только показываетъ, что турецкій султанъ былъ довольно высокаго мнѣнія о силѣ и живучести Греческаго государства и далеко но представлялъ его себѣ до такой степени внутренно расшатавшимся. Въ первый годъ волненіе въ Малой Азіи, вызванное княземъ караманскимъ, провозгласившимъ себя независимымъ вслѣдъ за смертью Мурада II, вынудило Магомета быть сдержаннымъ и осторожнымъ въ отношеніяхъ, какъ къ византійскому императору, такъ и къ мелкимъ полу-независимымъ правителямъ Греческихъ областей и острововъ; дружелюбно принявъ пословъ изъ Хіоса, Лесбоса, Акарнаніи, Га-

латы, Родоса и отъ императора, онъ этимъ хотѣлъ поощрить въ нихъ увѣренность, что желаетъ жить въ мирѣ съ ихъ повелителями. За то, возстановивъ спокойствіе въ Малой Азіи, Магометъ II, по возвращенію изъ Малой Азіи въ Адріанополь, сразу круто повернулъ дѣло въ другомъ совсѣмъ направленіи.

Поводомъ къ разрыву съ императоромъ послужила угроза послѣдняго выпустить въ качествѣ претендента, проживавшаго въ Константинополѣ турецкаго принца, внука Урхана, Солимана, если султанъ не увеличитъ пенсіи, назначенной Мурадомъ II (въ количествѣ 300,000 атровъ) на содержаніе этого принца. Султанъ съ негодованіемъ отказалъ въ этомъ требованіи и на угрозу отвѣтилъ приготовленіями къ осадѣ Константинополя. Онѣ начались въ концѣ 1451 года и ведены были даже слишкомъ основательно въ сравненіи съ слабыми средствами защиты города. Избравъ пунктъ на европейскомъ берегу Босфора, на разстояніи двухъ миль отъ столицы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Босфоръ болѣе съуживается, Магометъ велѣлъ построить небольшую крѣпость, которую вооружилъ артиллеріей; она должна была отрѣзать сообщеніе столицы съ Черноморскими портами и такимъ образомъ, на случай неудачныхъ приступовъ съ суши, голодомъ заставить городъ сдаться. Начатая 6 марта 1452 г. крѣпость эта, остатки которой извѣстны теперь подъ именемъ Европейскаго замка (Румели Гиссаръ) [1]), окончена была въ августѣ того же года. 3000 пригнанныхъ съ разныхъ мѣстъ работниковъ трудились надъ постройкой, а бѣжавшій изъ Константинополя, подкупленный Магометомъ, пушечный мастеръ Урбанъ руководилъ отливаніемъ пушекъ громаднаго калибра и размѣра, о которыхъ можно судить потому, что для передвиженія одной пушки требовалось 100 воловъ, а для управленія ею 700 человѣкъ и наконецъ, что ядра вѣсили 1200 фунтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, усиленъ былъ флотъ, который долженъ былъ закрѣпить желѣзное кольцо, охватившее столицу съ суши; морскими силами командовалъ болгарскій ренегатъ Балтаоглу.

Рядомъ съ тщетнымъ усиліемъ отвратить грозу путемъ предложенія султану большей дани, чѣмъ платилось Мураду, Константинъ Палеологъ молилъ папу, Венеціанцевъ и Генуэзцевъ послать помощь и отправилъ въ Римъ посольство; но папа отвѣтилъ, что имперія можетъ быть спасена лишь подъ тѣмъ условіемъ, если императоръ согласится на соединеніе церквей, конечно при уступкахъ со стороны православной церкви. Но такъ какъ византійскіе императоры часто давали подобныя обѣщанія, отъ которыхъ впослѣдствіи отказывались, то папа (Николай) потребовалъ, чтобы императоръ допустилъ легата

---

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т. I.

папскаго въ столицу для приведенія въ дѣйствительное исполненіе соединенія церквей. Императоръ и нѣкоторые изъ представителей греческаго духовенства согласились, и вскорѣ затѣмъ въ Константинополь прибылъ папскій легатъ. Его появленіе, показавъ, что дѣло соединенія приняло серьезный характеръ, вызвало страшный переполохъ въ средѣ большинства греческаго духовенства и слѣдовавшей за нимъ массы народа. Церковные споры во всѣхъ слояхъ общества до такой степени овладѣли умами людей, что начатые Турками приступы на городъ, казалось, менѣе заботили ихъ, чѣмъ вопросы о главенствѣ церкви, о формѣ причастія подъ однимъ или обоими видами, чтеніе символа вѣры въ редакціяхъ православной или католической церкви (filioque:—*Иже отъ Отца исходящаго*, или же—*отъ Отца и Сына исходящаго*); противники уніи пустили въ ходъ мнѣніе, что лучше признать власть Турокъ, чѣмъ римскаго первосвященника [1]).

Какъ бы то ни было, но императоръ, придавая серьозное значеніе обѣщаніямъ папы о крестовомъ походѣ для освобожденія Византіи отъ окончательнаго завоеванія Турокъ, подписалъ актъ уніи вмѣстѣ съ нѣкоторыми сторонниками ея изъ греческаго духовенства. 12 декабря 1452 г. въ присутствіи императора, духовенства, знати и большаго стеченія народа, въ церкви Св. Софіи совершено было торжественное служеніе въ ознаменованіе празднованія соединенія церквей.

Во главѣ недовольныхъ стоялъ патріархъ Геннадій, который на Флорентинскомъ соборѣ былъ сторонникомъ уніи, а потомъ сдѣлался усерднымъ ревнителемъ православія и въ настоящую минуту критическую совѣтовалъ народу болѣе возлагать надежду на Бога, чѣмъ на Латинянъ. Это волненіе умовъ, вызванное уніей, не мало способствовало тому, что императоръ, какъ еретикъ, оказался изолированнымъ отъ народа до такой степени, что едва 6,000 защитниковъ изъ столичнаго населенія стали подъ знамя Константина IX; въ числѣ ихъ 2,000 человѣкъ комплектовались изъ представителей разныхъ негреческихъ національностей: Венеціанцевъ, Генуэзцевъ и друг., а изъ 12 главныхъ руководителей защиты только двое оказались природными Греками, не считая императора, который палъ геройскою смертью въ день взятія города.

Въ половинѣ апрѣля 200,000 Турокъ окружили городъ съ сухаго пути и начались ежедневные приступы, которые небольшою горстью защитниковъ были отбиваемы съ большимъ урономъ для Турокъ. Чтобы лично заинтересовать войска въ завоеваніи города, Магометъ велѣлъ объявить имъ, что предоставляетъ въ полную ихъ добычу красивыхъ женщинъ,

---

[1]) Poujoulat, Histoire de Constantinople, т. II.

плѣнныхъ и всѣ богатства города, сохраняя для себя лишь правительственныя зданія; въ то же время дервиши, которые всегда сопровождали войска, распаляли фанатизмъ солдатъ разсказами о неизъяснимомъ заоблачномъ блаженствѣ, ожидающемъ тѣхъ, которые падутъ во славу пророка и за торжество ислама. При всемъ этомъ, не смотря на страшный грохотъ чудовищныхъ пушекъ, которыя, по неумѣнію Турокъ направлять ихъ, приносили очень мало вреда, Турки въ теченіи апрѣля и первой половины мая ни на шагъ не подвинулись впередъ и, къ изумленію своему, каждое утро видѣли возстановленными стѣны тамъ, гдѣ онѣ были наканунѣ, къ вечеру, разрушены; самъ императоръ сталъ во главѣ защитниковъ столицы, руководилъ ночью возстановленіемъ стѣнъ, употребляя на это послѣднія свои сокровища и денежныя средства. Что же касается богатыхъ гражданъ, то даже греческіе историки, какъ Дукасъ и Франсезъ, упрекаютъ ихъ въ жадности и равнодушіи къ защитѣ города. Эти богачи или торопились уходить, унося съ собой свои капиталы, или же скрывали эти капиталы съ тѣмъ, чтобы потомъ предложить ихъ счастливому побѣдителю, какъ поступилъ напр. Лука Нотаръ, одинъ изъ противниковъ уніи; мало того, монахи, которымъ вручена была значительная сумма на укрѣпленіе городскихъ стѣнъ, скрыли довѣренныя имъ деньги. Надобно поэтому удивляться, что при такой алчности богачей и безучастіи столичнаго населенія въ защитѣ города, послѣдній изъ Палеологовъ въ теченіи болѣе мѣсяца съ успѣхомъ отбивалъ приступы непріятеля, и если бы турецкій флотъ, благодаря измѣнѣ Генуэзцевъ, не прошелъ въ Золотой Рогъ, то паденіе города отсрочилось-бы на долгое время. Надобно замѣтить, что входъ въ Золотой Рогъ былъ запертъ цѣпью, перетянутою между Влахернскимъ дворцомъ и Галатой, при входѣ изъ Босфора въ Золотой Рогъ. Такъ какъ Турки не умѣли разрывать подобныя цѣпи, то Магометъ II рѣшилъ провести суда на колесахъ по Галатѣ съ тѣмъ, чтобы по ту сторону цѣпи спустить ихъ въ бухту. Хотя постановка на колеса и перевозка судовъ по сухому пути производилась въ ночное время, но отъ жителей Галаты, т. е. Генуэзцевъ, конечно, нельзя было скрыть этихъ передвиженій, а потому возможно предположить, что и дѣлались онѣ при ихъ участіи. Генуэзцы, образовавъ еще въ XIII в. въ предмѣстьѣ Константинополя, Галатѣ, самостоятельную торговую колонію, имѣвшую свое отдѣльное отъ столицы управленіе, свои законы и пользовавшуюся торговыми привилегіями,—въ данный моментъ заботились лишь о сохраненіи своего statu quo, а потому, сомнѣваясь въ возможности отстоять городъ, поспѣшили заранѣе заручиться признательностью къ себѣ Турокъ, ради которой послѣдніе сохранятъ имъ права ихъ, что дѣйствительно и случилось. Галата нетолько со-

хранила свои права, но даже неистоства Турокъ пощадили это (въ то время) предмѣстье Константинополя [1]). Такое счастливое изъятіе Галаты изъ общаго разгрома столицы и другихъ ея предмѣстій подтверждаетъ мнѣніе, что Генуэзцы своими услугами, дѣйствительно, заслужили признательность побѣдителей. Установивъ флотъ въ Золотомъ Рогѣ, Турки могли теперь повести приступъ со всѣхъ сторонъ. 28 мая Магометъ II объявилъ общій приступъ. Увѣренность Турокъ въ успѣхѣ была такъ велика, что наканунѣ назначеннаго приступа, лагерь турецкій иллюминовался многочисленными огнями и воинственныя пѣсни солдатъ, къ ужасу осажденныхъ, до поздней ночи оглашали воздухъ. Между тѣмъ населеніе города,—вмѣсто того, чтобы слѣдовать благородному примѣру своего императора, который въ ряду простыхъ воиновъ, занимая одинъ изъ 12 постовъ, у воротъ Св. Романа, ежеминутно подвергалъ жизнь свою опасности, — растерянное и плача, сновало по городскимъ улицамъ, разбѣгалось по церквамъ, прося ниспослать на невѣрныхъ ангела истребителя. Горожанамъ стало извѣстно, что 29 мая раннимъ утромъ начнется общій приступъ. Рѣшившись побѣдить или лечь костьми, императоръ вечеромъ 28 мая, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, отправился въ храмъ Св. Софіи, исповѣдался и причастился св. тайнъ, просилъ прощенія у народа и въ послѣдній разъ вступилъ въ Влахернскій дворецъ, гдѣ облекшись въ императорскую порфиру, сказалъ рѣчь весьма прочувствованную—небольшой горсти вѣрныхъ его сподвижниковъ; затѣмъ сѣлъ на коня и занялъ прежній постъ у воротъ Св. Романа. Съ разсвѣтомъ 29 мая начался приступъ; артиллерія, неустанно дѣйствовавшая, оказала нѣкоторую помощь осаждавшимъ: къ 8 часамъ утра, благодаря сдѣланнымъ въ стѣнѣ брешамъ (у воротъ Св. Романа), нѣсколько сотъ Турокъ прорвалось въ городъ, но въ теченіи двухъ часовъ напоръ ихъ былъ сдерживаемъ небольшою горстью защитниковъ съ императоромъ во главѣ. Только въ 10 часовъ широкимъ потокомъ хлынули Турки въ столицу по трупамъ павшихъ бойцовъ, между которыми вскорѣ узнанъ былъ послѣдній Палеологъ—по императорскому одѣянію его.

Начались сцены грабежа, убійства и святотатственнаго глумленія. Обезумѣвшіе отъ ужаса жители думали найти убѣжище въ церквахъ, но были настигаемы и здѣсь; драгоцѣнныя украшенія храма Св. Софіи сдѣлались добычей солдатъ. Три дня продолжался ничѣмъ не сдерживаемый разгулъ самыхъ дурныхъ инстинктовъ человѣческой природы. Впрочемъ, какъ ни трогательно описывается трагическая судьба Константинополя, какъ ни ужасными представляются въ этихъ описаніяхъ звѣрства Ту-

[1]) Шлоссеръ, Всемірная исторія, т. III.

рокъ, слѣдуетъ замѣтить, что во всемъ этомъ Турки не представляли собою какого-либо чудовищнаго исключенія. Двумя съ небольшимъ столѣтіями раньше, подобныя сцены убійства, грабежа и святотатства продѣлывали болѣе цивилизованные представители человѣческой расы, шедшіе на освобожденіе гроба Господня изъ рукъ «нечестивыхъ Агарянъ». Во время осады многіе спаслись на венеціанскихъ судахъ, которыя стояли въ Мраморномъ морѣ. Увозя съ собой богатства, эти люди захватили съ собой и драгоцѣнные рукописные памятники славныхъ временъ греко-римской образованности. Эмигранты разсѣялись по итальянскимъ городамъ и здѣсь своимъ личнымъ вліяніемъ и распространіемъ рукописей дали толчекъ возрожденію наукъ и искуствъ.

Вступивъ среди бѣла дня въ павшій городъ, Магометъ пошелъ въ храмъ Св. Софіи и долгое время любовался блескомъ и величіемъ архитектуры его; по повелѣнію султана, съ высоты обагреннаго кровью алтаря мулла призвалъ правовѣрныхъ къ молитвѣ и съ этаго момента христіанскій храмъ превратился въ мечеть. Войдя затѣмъ въ опустѣвшій Влахернскій дворецъ императоровъ византійскихъ, онъ продекламировалъ стихи персидскаго поэта, выражающіе скорбное чувство о бренности земнаго величія, и печалью заволокло лицо падишаха. Слова персидскаго поэта не помѣшали однакоже Магомету на другой же день начать кровавую расправу съ богатыми и знатными Греками, которые не успѣли спастись изъ города; длинный списокъ жертвъ, павшихъ по волѣ султана, составляетъ памятникъ свирѣпой жестокости этого повелителя правовѣрныхъ; въ числѣ жертвъ палъ тотъ самый Лука Нотаръ, который въ дни церковныхъ смутъ сказалъ, что ему пріятнѣе видѣть въ Константинополѣ турецкую чалму, чѣмъ папскую тіару.

Одновременно съ завоеваніемъ Константинополя доканчивалось покореніе Греціи, сопровождаемое всѣми неистовствами азіятскихъ полчищъ; тысячи были уводимы въ плѣнъ и переправляемы въ Малую Азію; берега Греціи покрылись бѣглецами, которые со всѣмъ, что могли захватить съ собой, спѣшили на итальянскія суда съ тѣмъ, чтобы навсегда покинуть родину. Въ это время заселились острова Архипелага, гдѣ тысячи Грековъ искали спасенія, а въ ущельяхъ и на вершинахъ скалистыхъ горъ появились монастыри, куда стекались люди, не успѣвшіе воспользоваться итальянскими судами. Эмиграція изъ Греціи, Румиліи и друг. странъ съ греческимъ населеніемъ, принимала съ каждымъ днемъ все большіе размѣры; въ особенности изъ Константинополя спѣшили выселяться, какъ богатые, такъ и бѣдные, потому что здѣсь наиболѣе было сосредоточено турецкаго войска и жители могли опасаться повторенія рѣзни первыхъ трехъ дней по взятіи города.

Между тѣмъ не въ интересахъ султана или, лучше сказать, госу-

дарства Османлисовъ было выпускать наиболѣе культурный элементъ въ средѣ подвластныхъ народовъ Балканскаго полуострова; съ эмигрантами удалялись архитекторы, кораблестроители, лучшіе мастера по разнымъ отраслямъ ремесла и искуства, лучшіе моряки и богатыя торговыя фирмы. Магометъ II понималъ, что всѣ эти люди своими талантами, своими капиталами могутъ неизмѣримо больше содѣйствовать развитію производительныхъ силъ страны, чѣмъ соплеменники и единовѣрцы его; а потому, чтобы успокоить умы, Магометъ II, вскорѣ послѣ взятія Константинополя, окончательнаго покоренія Греціи и изгнанія изъ Трапезунда послѣднихъ Комненовъ, издалъ фирманъ, которымъ приглашалъ Грековъ возвратиться на родину, къ ихъ прежнимъ занятіямъ, и какъ эмигрантамъ, такъ и остальнымъ Грекамъ, оставшимся въ столицѣ и другихъ городахъ, торжественно обѣщалъ сохраненіе ихъ жизни, имущества и свободы совѣсти. Вслѣдъ затѣмъ велѣлъ созвать греческое духовенство столицы и представителей міранъ для избранія, согласно обычаямъ православной церкви, патріарха. При всемъ соблюденіи, установившейся вѣками, внѣшней обстановки этаго собранія, оно съ падишахомъ во главѣ [1]) всетаки представляло удивительное зрѣлище, символически указывавшее на традиціонную зависимость византійской церкви отъ главы свѣтской власти, которымъ въ данномъ случаѣ являлся магометанинъ. Избранному патріарху султанъ вручилъ пастырскій скипетръ, осыпанный бриліантами—эмблему свѣтской духовной власти надъ всѣми его единовѣрцами. Хотя эти послѣдніе стали извѣстными у Турокъ подъ общимъ именемъ «Грековъ», но въ дѣйствительности названіе это было коллективнымъ и обнимало собой всѣ православные, подвластные Туркамъ, народы Балканскаго полуострова. Греческое духовенство воспользовалось безразличнымъ отношеніемъ султановъ къ національностямъ покоренныхъ народовъ и благодаря покровительству Порты, утвердило свою духовную власть въ особенности надъ Болгарами. Порта, не вступаясь въ религіозную жизнь «Грековъ», т. е. всѣхъ православныхъ христіанъ Балканскаго полуострова, совершенно не знакомая съ церковными учрежденіями подвластныхъ христіанскихъ народовъ, она легко повѣрила греческому духовенству, что патріархъ константинопольскій есть единственный представитель православной церкви Балканскихъ христіанъ и что всякія попытки ихъ къ церковной самостоятельности представляются ересью. По внушеніямъ греческаго духовенства, еще ранѣе завоеванія Константинополя уничтоженъ былъ болгарскій патріархатъ. Рядомъ съ церковною властью, константинопольскому патріарху предоставлена довольно

---

[1]) Hammer, Geschichte der Osmanischer Reichs, т. I.

широкая свѣтская власть: она распространялась на всѣ дѣла изъ области семейственнаго права и наслѣдства; духовному суду патріарха подлежали и уголовныя преступленія, совершенныя христіанами противъ христіанъ,—за исключеніемъ преступленій противъ жизни, а также политическихъ, которыя вѣдались общими государственными судами. Какъ представитель свѣтской власти надъ христіанами, патріахъ считался въ рангѣ визиря и какъ послѣдній, патріархъ имѣлъ своихъ тѣлохранителей изъ янычаръ, которые на коняхъ эскортировали его при всѣхъ его выѣздахъ, какъ турецкаго вельможу. При патріархѣ оставленъ *Синодъ* для рѣшенія судебныхъ и церковныхъ дѣлъ; установлены и распредѣлены собираемые съ христіанъ доходы, часть которыхъ предназначалась на ежегодные подарки турецкимъ сановникамъ; Синодъ разсматривалъ и всѣ представленія епископовъ, касающіяся церковно-судебно-финансоваго управленія епархій, а также жалобы міранъ на епископовъ. Состоя при патріархѣ, Синодъ, какъ высшій органъ его власти, въ отношеніи къ патріарху имѣлъ значеніе совѣщательнаго учрежденія. Такою же властью, какъ патріархъ, по отношэнію ко всѣмъ подвластнымъ христіанамъ,—за исключеніемъ Сербіи, сохранившей свой патріархатъ до 2-й половины XVII в. [1]), облеченъ былъ епископъ по отношенію въ своей епархіи, и онъ, въ качествѣ главы свѣтской власти въ епархіи, имѣлъ своихъ тѣлохранителей изъ мусульманъ и, какъ патріархъ поставленъ былъ въ рангѣ визиря, такъ епископы считались христіанскими пашами и вполнѣ оправдали этотъ титулъ характеромъ своего пастырскаго управленія. Такимъ образомъ съ завоеваніемъ Константинополя Турками, греческое духовенство, съ патріархомъ во главѣ, нетолько ничего не потеряло, а напротивъ выиграло, ставъ въ глазахъ Порты единственнымъ представителемъ православныхъ христіанъ, безъ различія національностей; христіане могли заявлять Портѣ о своихъ нуждахъ не иначе, какъ чрезъ константинопольскаго патріарха. Порта охотно допустила такое представительство, такъ какъ оно освобождало ее отъ мелкихъ заботъ непосредственныхъ сношеній съ разными національностями и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ дѣйствительно доказалъ опытъ, должно было противодѣйствовать національному развитію подвластныхъ народовъ. Такимъ образомъ партіархатъ сталъ однимъ изъ высшихъ органовъ турецкаго правительства, чрезъ посредство котораго оно управляло и держало въ своей власти христіанъ; зато и патріархъ вообще пользовался благоволеніемъ султановъ, чѣмъ греческое духовенство сугубо пользовалось въ отношеніяхъ своихъ къ славянскимъ національностямъ.

Съ завоеваніемъ Константинополя Турки могли считаться властели-

---

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи прав. церквей.

нами Балканскаго полуострова; но все же владычество ихъ ограничивалось еще по отношенію къ нѣкоторымъ странамъ, состоявшимъ только въ вассальномъ отношеніи къ султану и сохранившимъ полную внутреннюю автономію. Сюда относятся Сербія съ Босніей, Герцеговиной и Черногоріей, Греція и Албанія. Магометъ II рѣшилъ уничтожить послѣднюю тѣнь самостоятельности этихъ странъ съ обращеніемъ ихъ въ турецкія провинціи, такъ что происхожденіе Европейской Турціи, какъ государства цѣльнаго, относится собственно ко времени Магомета II. Большая часть его войнъ имѣла цѣлью окончательное покореніе Балканскаго полуострова. Онъ началъ съ *Сербіи*, которая его заботила болѣе, чѣмъ другія вассальныя владѣнія, какъ страна сосѣдняя съ Венгріей, имѣвшею тоже на нее притязаніе и владѣвшею сѣверною ея окраиной—Бѣлградомъ. Въ 1454 году отправлено было войско занять важнѣйшіе города Сербіи и изгнать Георгія Бранковича. На первый разъ успѣвъ завладѣть городомъ Островицей и испытавъ неудачу при осадѣ Смедерева, Турки потерпѣли пораженіе, благодаря Мадъярамъ, поспѣшившимъ на помощь къ Сербамъ. Въ 1456 году вновь открылась война, собрано было 150,000 воска, командованіе которымъ принялъ на себя султанъ. Пройдя безпрепятственно Моравскою долиной всю Сербію, Турки повернули къ Бѣлграду. Для осады этаго сильно въ то время укрѣпленнаго города взято было 300 пушекъ, а для прекращенія подвоза съѣстныхъ припасовъ, по Дунаю крейсировала турецкая флотилія изъ 200 мелкихъ судовъ. Мадъяры подъ предводительствомъ Гуніада прежде всего истребили флотилію и вслѣдъ затѣмъ перешли Дунай. Не смотря на сравнительную малочисленность, Мадъяры своимъ неожиданнымъ появленіемъ произведя переполохъ въ рядахъ турецкой арміи, нанесли ей сильное пораженіе и заставили султана поспѣшно снять осаду. Турки потеряли здѣсь убитыми 24,000 челов., а раненыхъ увезли на 100 повозкахъ; въ руки Мадъяръ досталась вся осадная артиллерія; въ этомъ сраженіи раненъ былъ самъ султанъ, руководившій боемъ. Неудача Турокъ не спасла Сербіи. Удалившись отъ Бѣлграда, часть турецкой арміи заняла нѣкоторые пункты въ средней и южной Сербіи, а чрезъ 3 года, благодаря внутреннимъ раздорамъ между наслѣдниками Стефана Лазаревича и неудовольствію бояръ по поводу сношеній вдовы послѣдняго съ Римомъ, имѣвшихъ цѣлью передачу Сербіи въ ленное владѣніе папы. Турки безпрепятственно заняли въ 1458 г. всю Сербію, за исключеніемъ Бѣлграда, который оставался въ рукахъ Мадъяръ, и Смедерева, который сдался позднѣе, 8 ноября 1459 г. командующему вновь прибывшими турецкимъ войскомъ—Махмуду-пашѣ. Послѣ покоренія Сербіи наступила очередь Греціи. Политическое состояніе ея было таково, что въ конецъ деморализировало народъ. Начиная съ XIII в. въ Греціи по-

явилось нѣсколько самостоятельныхъ правителей съ титулами князей, деспотовъ, королей. Греки—родственники Палеологовъ, Неаполитанцы, Венеціанцы имѣли здѣсь свои отдѣльныя, независимыя владѣнія; ссорясь между собой и призывая на помощь, то Турокъ, то западныхъ искателей приключеній, эти правители въ распри свои втягивали и населеніе своихъ областей или городовъ. Такое политическое разъединеніе должно было имѣть гибельное вліяніе на стойкость сознанія національной общности; Греки, предводимые своими правителями, такъ часто съ оружіемъ въ рукахъ шли другъ противъ друга; въ кругъ этой внутренней вражды такъ часто втягивались иноплеменники, что не было ничего легче, какъ найти измѣну и предательство въ этой маленькой странѣ въ средѣ природныхъ Грековъ противъ общихъ интересовъ страны. Греція съ XIII в. представляла ту же картину политическаго и національнаго разъединенія, какъ Италія въ XIV и XV вѣкѣ, съ той разницей, что въ Италіи это разъединеніе поддерживалось духовнымъ владыкой, который въ немъ видѣлъ свою силу [1]). Въ описываемое время Грецію раздѣлили между собой братья послѣдняго императора византійскаго, Димитрій и Ѳома Палеологи; нѣсколько прибрежныхъ городовъ, напр., Модонъ и другіе принадлежали Венеціанцамъ; Аѳины составляли отдѣльное герцогство, основанное крестоносцами-Латинянами. Господствовала полная анархія, пользуясь которой Турки не разъ проходили съ мечемъ и огнемъ эту страну и безнаказанно опустошали ее, уводя всегда тысячи лучшихъ, здоровыхъ людей народа для продажи на азіятскіе рынки. Магометъ II рѣшилъ уничтожить послѣднюю тѣнь самостоятельности этой страны. Въ началѣ 1458 г. онъ вступилъ въ Пелопонезъ и взялъ Коринѳъ. Города, напуганные примѣрами трагической развязки неудачнаго сопротивленія, въ большинствѣ случаевъ не оказывали никакого сопротивленія, что однако не избавляло, въ особенности богатыхъ людей, отъ грабежей и убійствъ. Низложивъ Ѳому съ поста правителя, Магометъ II передалъ его владѣнія Димитрію на условіяхъ платежа дани. Но лишь только удалились Турки, какъ низложенный Ѳома съ оружіемъ въ рукахъ потребовалъ отъ брата отнятаго Турками владѣнія. Начались междоусобицы, отъ которыхъ Греки не менѣе терпѣли, чѣмъ отъ нашествія Турокъ; поэтому приглашеніе Димитріемъ на помощь противъ брата «невѣрныхъ» никого не озадачило. Магометъ II явился самъ, въ качествѣ союзника Димитрія, который поспѣшилъ къ нему на встрѣчу. Прогнавъ сперва Ѳому, султанъ лишилъ и Димитрія его владѣній; затѣмъ отнялъ отъ «Франковъ» Аѳины и такимъ образомъ въ 1460 г. обратилъ всю Грецію, за исключеніемъ нѣсколькихъ венеціанскихъ побережныхъ городовъ, въ турецкую провинцію.

[1]) Кудрявцевъ, Судьбы Италіи.

Оставались еще полунезависимыя Албанія и Боснія съ Адріатическимъ побережьемъ. Магометъ II, вслѣдъ за покореніемъ Греціи, началъ съ Албаніи, которая въ особенности заботила его своимъ упорнымъ и удачнымъ сопротивленіемъ завоевательнымъ притязаніямъ Турокъ. Здѣсь еще властвовалъ Скандербергъ, наносившій столько страшныхъ потерь войскамъ Мурада II. Магометъ II зналъ о неудачныхъ результатахъ войнъ своего предшественника въ Албаніи, онъ желалъ избѣгнуть громадныхъ потерь, которыя его ожидали въ горахъ Албаніи, да при томъ же неопредѣленное положеніе Сербіи, на которую зарились Мадъяры, вынудило султана предупредить венгерское завоеваніе. Поэтому въ началѣ 1454 г. султанъ вступилъ въ мирные переговоры съ Скандербергомъ, предлагая оставить за нимъ Албанію на условіяхъ ежегодной дани. Соглашаясь съ первымъ, Скандербергъ отвергнулъ второе условіе. Мелкіе отряды войскъ, посланные султаномъ для усмиренія непокорнаго вассала, обращаемы были въ бѣгство, или же были истребляемы въ ущельяхъ скалистыхъ горъ. Какъ ни сильно эти неудачи раздражали Магомета II, однако онъ, подавивъ непріятное чувство безсилія справиться съ маленькою страной, еще разъ, въ 1460 г., пытался вступить на путь мирныхъ соглашеній съ Скандербергомъ; желаніе видѣть правителя Албаніи своимъ данникомъ было такъ сильно, что Магометъ II предложилъ ему, кромѣ Албаніи, и Эпиръ. Скандербергъ и на этотъ разъ отказался признать себя данникомъ. Тогда, 1465 г. повторилось странное зрѣлище движущейся 100-тысячной арміей съ многочисленной артиллеріей въ направленіи къ Кроѣ, для завоеванія этого небольшаго города, считавшагося ключемъ къ полному обладанію маленькой Албаніей; важность похода завершалась тѣмъ, что самъ Магометъ II принялъ командованіе надъ арміей. Такъ какъ всѣ оборонительные ресурсы Скандерберга состояли въ нѣсколькихъ тысячахъ Албанцевъ, которыхъ едва достаточно было для защиты Крои, то само собой разумѣется, остальные города оставалось предоставить защитѣ ихъ населенія; при такихъ условіяхъ города эти не могли выдержать наступленія сильныхъ турецкихъ отрядовъ, снабженныхъ осадными орудіями и разсыпавшихся по всей странѣ; города Свѣтиградъ и Албанскій Бѣлградъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, должны были сдаться. Между тѣмъ, главныя силы турецкой арміи стянулись къ Кроѣ и здѣсь ихъ постигла (1466 г.) та же участь, которую испытали не разъ войска Мурада II. Понеся громадныя потери, Турки вынуждены были снять осаду. Въ слѣдующемъ году Скандербергъ умеръ, отказавъ предъ смертью Крою и всѣ права свои на Албанію Венеціанцамъ, которымъ на Адріатическомъ побережьи принадлежало нѣсколько городовъ; послѣ того, Кроя держалась въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ противъ неоднократныхъ усилій Турокъ взять этотъ городъ

силой; но въ 1477 году, угрожаемые Турками въ болѣе близкихъ своихъ владѣніяхъ, Венеціанцы предложили имъ миръ съ уступкой Крои. Не смотря на эту уступку, городъ еще самъ защищался противъ Турокъ, пока голодъ не вынудилъ его сдаться. Всѣ защитники Крои были, по приказанію Магомета, обезглавлены. Чрезъ два года, 26 января 1479 г. Венеціанцы уступили Туркамъ и Скутари; такимъ образомъ вся Албанія перешла въ руки Турокъ и обращена въ турецкую провинцію.

Что касается *Босніи* и *Герцеговины*, то эти страны, какъ уже выше замѣчено, хотя и имѣли своихъ бановъ, герцоговъ и даже королей,—всегда представлялись разъединенными на мелкія полунезависимыя владѣнія разныхъ боярскихъ родовъ, которые ссорились между собой, приглашая на помощь Турокъ,—вовсе не справляясь съ общими интересами странъ; власть банская, королевская и герцогская ничего не значила въ дѣйствительности и нисколько не выражала политическаго единства страны. Только въ качествѣ данниковъ король Босніи и правитель Герцеговины являлись какъ бы представителями своихъ странъ. Послѣ Коссовскаго пораженія Славянъ (1389 г.) король Босніи и правитель Герцеговины признали себя данниками султана, и такое отношеніе первыхъ двухъ странъ къ Турціи продолжалось въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Магометъ II, покончивъ съ остатками независимости Сербіи, Греціи и Албаніи, довершилъ завоеваніе Балканскаго полуострова—обращеніемъ Босніи и Герцеговины въ турецкія провинціи: полтораста тысячъ турецкаго войска наводнили эти страны и въ короткое время заняли всѣ важнѣйшіе въ нихъ пункты. Правда, Мадъяры пытались отстоять Боснію, но, потерпѣвъ страшное пораженіе, удалились. Правители Босніи и Герцеговины, оказавшіе сопротивленіе, были схвачены и обезглавлены; множество бояръ, для сохраненія своего имущества и привиллегированнаго положенія среди массы населенія, приняли исламъ; 30,000 малолѣтокъ мужескаго пола записаны въ корпусъ янычаровъ. Боснія и Герцеговина стали турецкими провинціями (1480 г.). Только узкая полоса сѣвернаго побережья Адріатическаго моря (Далмація), защищаемая сильнымъ венеціанскимъ флотомъ, осталась внѣ турецкаго владычества. Что же касается Черногоріи, то правители ея признали себя данниками султана, сохраняя полунезависимость. Впрочемъ эта маленькая, отрѣзанная отъ моря владѣніями Венеціанцевъ, скудная естественными произведеніями страна не представлялась Магомету II настолько заманчивымъ пріобрѣтеніемъ, ради которой стоило жертвовать большими потерями, необходимо вызываемыми выгодными для защиты условіями мѣстности.

Такимъ образомъ къ концу XV ст. весь Балканскій полуостровъ, за исключеніемъ Далматинскаго побережья Адріатическаго моря, перешелъ

во власть Турокъ. Но несправедливо впрочемъ считать Магомета II завоевателемъ Балканскаго полуострова, какъ титулуютъ этого султана нѣкоторые писатели. Магометъ II только *доканчивалъ* работу, совершенную такъ блистательно его предшественниками при болѣе невыгодныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, при которыхъ онъ дѣйствовалъ; Магометъ II только уничтожилъ послѣднее дыханіе свободы,—дыханіе впрочемъ слабое, предсмертное, и потому мнѣ кажется неосновательнымъ повторяемое до сихъ поръ нѣкоторыми историками мнѣніе о какомъ-то завоевательномъ геніѣ этаго турецкаго султана; но я понимаю преувеличенное мнѣніе объ этомъ человѣкѣ—*современниковъ*, которые могли быть поражены уже тѣмъ, что на ихъ глазахъ, въ теченіи какихъ-нибудь 30 лѣтъ, повсемѣстно на Балканскомъ полуостровѣ прекратилось политическое существованіе христіанскихъ народовъ. На сколько преувеличено было это мнѣніе современниковъ о Магометѣ II, видно изъ той всеобщей радости западныхъ христіанъ, которая высказалась вслѣдъ за распространеніемъ вѣсти о смерти его (3 августа 1481); въ Римѣ, по повелѣнію папы, въ теченіи трехъ дней, служили благодарственные молебны объ избавленіи христіанъ отъ такого страшнаго врага ихъ; даже въ такихъ отдаленныхъ окраинахъ Запада, какъ Парижъ, отозвалась эта радость: и тамъ церковные своды огласились хвалебными гимнами.

ГЛАВА XXIV.

Отношеніе турецкаго владычества къ народамъ Балканскаго полуострова и въ частности—къ южному славянству.

1. Политическая паралель между Византіей и Турціей. 2. Основная черта государства Османлисовъ. 3. Роль корана въ соціально-политической жизни Турокъ. 4. Наибольшая заботливость правительства обращается на развитіе духовно-религіозныхъ и военныхъ учрежденій. 5. Шейхъ-уль-исламъ. 6. Турецкое монашество и его политическая роль. 7. Янычары и сипаги. 8. Какія измѣненія внесло турецкое владычество въ экономическій быть народовъ Балканскаго полуострова. 9. Отношеніе мусульманъ и христіанъ къ государственнымъ повинностямъ. 10. Константинопольскій фанаръ съ патріархомъ въ главѣ становятся посредниками между турецкимъ правительствомъ и христіанами. 11. Что такое мусульманскій прозелитизомъ? 12. Одна изъ причинъ, по которой южное славянство и вообще народы Балканскаго полуострова вяло отнеслись къ борьбѣ противъ турецкаго владычества. 13. Развитіе крѣпостничества въ южномъ славянствѣ. 14. Турки уничтожаютъ крѣпостничество на Балканскомъ полуостровѣ.

Завоевавъ Балканскій полуостровъ, Турки дали народамъ его лишь свои государственныя учрежденія, но не внесли никакихъ существенныхъ измѣненій въ ихъ соціально-религіозной жизни, и благодаря этому, покоренные народы въ теченіи столѣтій сохранили свою національность и свою религію. Ассимиляція народностей никогда не входила въ политику турецкаго правительства и потому при лучшихъ формахъ государственнаго общежитія, національное развитіе тѣхъ народностей могло пойти широкимъ полнымъ ходомъ. Утвердившись на Балканскомъ полуостровѣ, Турки стали въ положеніе господствующаго народа, относясь къ покореннымъ лишь какъ къ податнымъ единицамъ и заботясь лишь о томъ, чтобы эти народы исправно функціонировали въ качествѣ доходныхъ статей государства. Были, правда, попытки прозелитизма, т. е. распространенія ислама путемъ оружія, но всѣ эти попытки, по отсутствію въ нихъ системы и настойчивости, выразились настолько слабыми результатами, что послѣдніе въ сравненіи съ успѣхами борьбы католической Франціи съ кальвинизмомъ кажутся просто ничтожными. Вообще можно сказать, что съ завоеваніемъ Турками Балканскаго полуострова возникли здѣсь двѣ крупныя общины: мусульманская съ Турками во главѣ и христіанская, къ которой отно-

26

сятся Греки, Болгары, Сербы и Албанцы и отдѣльныя группы другихъ народностей, какъ Армяне, Влахи, Цынцары. Подчиняясь однимъ и тѣмъ же *государственнымъ учрежденіемъ*, обѣ эти общины жили своею особливою *соціально-религіозною жизнью*, имѣя только въ первой нѣкоторые общіе пункты. Это обособливость объясняется тѣмъ, что коранъ, краеугольный камень, на которомъ построено общежитіе Турокъ, представляетъ тѣсную связь религіознаго ученія съ преподанными въ немъ началами общежитія, а потому эти послѣднія могли проникнуть только въ среду послѣдователей ислама; что же касается государственныхъ учрежденій, то въ общихъ, существенныхъ чертахъ онѣ представляютъ много сходства съ тѣми формами государственной жизни, которыя выработала Византія и которыя у нея заимствовали славянскіе народы Балканскаго полуострова. Различіе сводится къ именамъ и частностямъ, а также къ большей или меньшей силѣ проявленія того или другаго начала государственной жизни. Во главѣ государства Османлисовъ стоитъ султанъ, и если отбросить всѣ ничего или очень мало значащія украшенія его титула въ родѣ «царя царей, тѣни Бога» и т. п., то останется верховный глава государства неограниченный и самодержавный, при томъ не только свѣтскій глава, но и духовный; повелитель подданныхъ своего государства, султанъ въ то же время является и главою правовѣрныхъ, т. е. своихъ единовѣрцевъ. Какъ въ лицѣ византійскаго императора соединялись обѣ власти: свѣтская и духовная, изъ коихъ высшимъ органомъ отправленія послѣдней считался патріархъ,—такое же точно соединеніе обѣихъ властей представляетъ собою и верховная власть султана, съ тѣмъ лишь различіемъ, что высшимъ органомъ отправленія духовной власти въ мусульманской общинѣ сталъ шейхъ-уль-исламъ; какъ въ Византіи духовная власть патріарха выходила изъ свойственныхъ ей предѣловъ, обнимая собою народное образованіе и права суда въ дѣлахъ, касающихся семейственныхъ отношеній и наслѣдства,—такъ точно обширны были и права высшаго органа духовной власти въ средѣ мусульманъ; какъ византійскій императоръ окруженъ былъ блестящимъ дворомъ, который ставилъ личность государя недоступною для народа,—среди такой же обстановки сталъ и султанъ, власть котораго опиралась на янычарахъ, несвязанныхъ близкими интересами съ народомъ, подобно тому какъ опору власти византійскаго императора составляли преторіанцы, комплектовавшіеся изъ наемниковъ всѣхъ націй, между которыми менѣе всего было Грековъ; наконецъ, какъ въ Византіи, такъ и въ преемницѣ ея—Турціи положеніе государя, при всей неограниченности его власти, становится въ зависимость отъ прихоти войска, съ тѣмъ лишь различіемъ, что византійскіе преторіанцы, низлагая государя, при выборѣ

оваго, не стѣснялись ни происхожденіемъ, ни національностью, ни аже вполнѣ криминальнымъ прошлымъ (Андроникъ) избираемаго лица, такимъ образомъ византійскій престолъ занимали нерѣдко темные роходимцы разныхъ національностей и люди знакомые съ тюремными андалами, между тѣмъ какъ турецкіе янычары, при выборѣ новаго адишаха, никогда не выходили изъ круга династіи Османа, и такимъ бразомъ при всѣхъ дворцовыхъ переворотахъ династія эта существуетъ епрерывно въ теченіи болѣе пяти столѣтій

Не входя въ подробности, я укажу лишь на главныя черты госуарственнаго строя, созданнаго Османлисами при первыхъ семи султаахъ [1]). Во главѣ государства стоитъ султанъ—свѣтскій и духовный лава, съ властью неограниченной; волю свою онъ проявляетъ чрезосредство состоящаго при немъ правительства, которое называется *ысокой или блистательной Портой*. Рядомъ съ этимъ является обое учрежденіе, имѣющее совѣщательный характеръ, занимающееся одготовленіемъ и предварительнымъ обсужденіемъ вопросовъ, окончаельное рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ султана; учрежденіе это назыается *Диваномъ*, названіе котораго объясняется тѣмъ, что совѣщавіеся министры разсаживались на диванахъ, разставленныхъ полукруіемъ. Высшимъ правительственнымъ лицамъ въ сферѣ гражданской и оенной власти считается великій визирь, у котораго хранится госуарственная печать. Должность эта возникла при второмъ султанѣ рханѣ, который назначилъ первымъ великимъ визиремъ старшаго своо брата Алаэддина. Въ отправленіи своей обширной власти великій изирь отвѣтственъ только предъ султаномъ, лицо котораго онъ предгавляетъ, въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики; онъ назнаіетъ по своему усмотрѣнію высшихъ должностныхъ лицъ по гражданкой и военной службѣ; ему же принадлежитъ обширное право смертой казни. Словомъ, власть его въ сферѣ гражданской и военной ограничена олько личной волей султана да всемогущимъ въ Турціи шейхъ-уль-исламъ. Великій визирь считается намѣстникомъ султана. При всемъ этомъ ысокомъ положеніи, оно отличалось крайнею шаткостью, такъ какъ хотя ормально открытыя жалобы на великаго визиря падишаху были немыимы, но тайныя козни противъ этаго государственнаго сановника сегда, чрезъ посредство гарема, находили доступъ къ падишаху и въ весьма астыхъ случаяхъ быстро превращали расположеніе послѣдняго въ неилость, которая весьма нерѣдко выражалась въ посылкѣ къ опальому шелковаго снурка, долженствовавшаго прекратить его земное сузествованіе; иногда впрочемъ, для предупрежденія огласки, визирь при-

[1]) Hammer, Geschichte der Osmanisches Reichs, т. I.

глашался во дворецъ султана и здѣсь въ особой секретной комнатѣ, которую теперь въ старомъ сералѣ показываютъ путешественникамъ, находилъ фатальный снурокъ и услужливаго евнуха. За великимъ визиремъ слѣдовали: 1) *кади-аскеръ*—верховный судья въ арміи. До Магомета II былъ одинъ только кади-аскеръ для европейскихъ и азіятскихъ владѣній; этотъ султанъ назначилъ двухъ: одного для Азіи, другаго для Европы; 2) *дефтердаръ*—министръ финансовъ; 3) *нишанджи*—государственный секретарь, который завѣдывалъ дѣлами внѣшней политики; впослѣдствіи этотъ постъ занялъ *рейсъ-эфенди*, т. е. министръ иностранныхъ дѣлъ; 4) *тескере-дикъ*,—докладчикъ султана, принимавшій подаваемыя на имя послѣдняго просьбы; затѣмъ рядъ придворныхъ должностей, имѣвшихъ такое же назначеніе, какъ и при византійскомъ дворѣ. *Провинціи*, подъ именемъ *санджаковъ*, управлялись пашами въ качествѣ мутесарифовъ—губернаторовъ, которымъ принадлежала высшая въ округѣ военная и административная власть,—созывать въ случаѣ необходимости войска, контролировать сборъ налоговъ и оберегать общественное спокойствіе. Во главѣ *духовной власти* стоитъ шейхъ-уль исламъ (также великій муфтій). Какъ непогрѣшимый толкователь истиннаго смысла корана, шейхъ-уль-исламъ имѣлъ обширное вліяніе на законодательную дѣятельность правительства. Всѣ дѣйствія послѣдняго, имѣющія общегосударственное значеніе, получали силу не иначе, какъ по одобреніи ихъ великимъ муфти, приговоры котораго—фэтвы—считались высшимъ освященіемъ законности дѣйствія правительства. Послѣднее, приступая къ какимъ либо нововведеніямъ или преобразованіямъ, должно было придерживаться изрѣченій корана и другихъ священныхъ книгъ [1], а компетентнымъ судьей правильнаго или неправильнаго примѣненія въ конкретномъ случаѣ наставленій, преподанныхъ кораномъ и другими священными книгами, являлся шейхъ-уль-исламъ. Насколько обширно было вліяніе этаго духовнаго лица на дѣла государственной важности видно изъ того, что даже такія событія, какъ низложенія султановъ совершались всегда при косвенномъ участіи великаго муфти, который на предложенный ему вопросъ: «достоинъ ли падишахъ, не дающій своему народу ни счастья, ни славы,—продолжалъ свой путь?» отвѣчалъ лаконически: «нѣтъ». Конечно подобный отвѣтъ заранѣе былъ подготовленъ, но для формальности тѣмъ не менѣе онъ требовался. Отвѣты великаго муфти всегда отличались лаконизмомъ. Такъ, на вопросъ объ участи послѣдняго короля Босніи: заслуживаетъ ли онъ казни? великій муфти отвѣчалъ «да» [2]. Отвѣты давались письменно съ сиирен-

[1]) Lavallée, т. II.
[2]) E. Morel, La Turquie et ses reformes, 1866.

нею подписью имени муфти: «бѣдный эмиръ такой то». Какъ ни велико было значеніе муфти въ сферѣ законодательной дѣятельности правительства, какъ съ другой стороны ни мало расположенъ былъ этотъ высшій органъ духовной жизни мусульманъ уступать прогрессивнымъ стремленіемъ правительства, опытъ однако же показалъ, что при настойчивости правительства или настоятельныхъ внѣшнихъ событіяхъ, великіе муфти всегда оказывались уступчивыми, давая благопріятныя правительству фэтвы, и къ изумленію простодушныхъ мусульманъ, содержимыхъ въ глубокомъ невѣжествѣ ихъ духовной братіей, всегда оказывалось, что ни то, ни другое преобразованіе не противится корану, если ихъ толковать въ такомъ то смыслѣ. Такъ наприм. мысль объ уничтоженіи янычаръ являлась неоднократно и прежде Махмуда II (1808—1839); одинъ изъ ближайшихъ его предшественниковъ Селимъ III (1789 — 1807) вознамѣрился было уже привести ее въ исполненіе, но недостаточно обезпечивъ себя на случай возстанія янычаръ и преждевременно объявивъ о своемъ намѣреніи, онъ вызвалъ общее негодованіе, въ особенности со стороны духовнаго главы, который нашелъ замышляемое падишахомъ дѣло святотатственнымъ посягательствомъ на неприкосновенность корана. Прошло 21 годъ; обстоятельства измѣнились. Махмудъ II, со дня вступленія на престолъ, не покидалъ мысли объ уничтоженіи этаго вреднаго, деморализованнаго войска и основательно подготовлялся къ ея исполненію. Организовавъ преданное себѣ войско (муаллемъ инскенджіевъ), султанъ привлекъ на свою сторону артиллерію, топчидіевъ, которая при Селимѣ III якшалась съ янычарами, предупредивъ великаго муфти о неизбѣжности переворота, необходимаго для пользы государства, и когда уже рѣшилъ навсегда покончить съ этимъ войскомъ, велѣлъ предложить великому муфти вопросъ: «должна ли существовать армія, которая въ теченіи столѣтій наноситъ только поворъ отечеству?» Послѣдовалъ отвѣтъ: «нѣтъ». Мало того, муфти объявилъ къ всеобщему свѣденію стамбульскаго населенія, что всякій, противящійся реформѣ, достоинъ строгаго наказанія. Какъ *въ первомъ* случаѣ великій муфти, противясь реформамъ *Селима III*, ссылался на коранъ, такъ *во второмъ*, *при Махмудѣ II*, глава духовенства и непогрѣшимый толкователь корана приводилъ въ основаніе своего благопріятнаго прогрессивнымъ намѣреніямъ Махмуда II отвѣта *тотъ же самый* коранъ [1]). А далѣе: гатти-шерифъ Гюльханейрскій (1839 г.), гатти-гумаюнъ (1856 г.) могли быть изданы тоже не иначе, какъ съ одобренія верховнаго толкователя корана. Между тѣмъ эти законодательные акты, установ-

[1]) Розенъ, Исторія Турціи съ 1826 по 1856 гг.

ляющія равенство между мусульманами и христіанами, повидимому рѣзко противорѣчатъ *отдѣльнымъ изреченіямъ* корана и священныхъ книгъ. Наконецъ декабрьская конституція 1876-го года, сколько бы остротъ ни расточали по поводу ея уродливости, представляла собой существенное измѣненіе «основъ» государства Османлисовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повидимому діаметрально противорѣчила духу корана и священныхъ книгъ, на немъ основанныхъ, по словамъ которыхъ падишахъ есть «тѣнь Бога на землѣ», слѣдовательно повелитель неограниченный никакими земными умствованіями Но какой же изъ него остался монархъ неограниченный послѣ того, когда страна, въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ, можетъ излюбленнаго его министра не только заставить подать въ отставку, но и предать суду; когда воля его во многихъ существенныхъ пунктахъ, выраженная палатѣ депутатовъ, чрезъ посредство его правительства, можетъ быть отвергнута страной; когда со скамей депутатовъ и на страницахъ періодической прессы могутъ раздаваться рѣзкія порицанія дѣйствій его любимцевъ. Много наговорено остротъ по поводу турецкой конституціи; она сдѣлалась нарицательнымъ словомъ для обозначенія какой-то уродливой аномаліи и смѣшной пародіи; но всѣ эти остроты не въ силахъ отрицать того факта, что даже и турецкая конституція, призывающая народъ къ участію въ управленіи государствомъ, могла положить начало политической свободѣ страны при отсутствіи исключительно неблагопріятныхъ внѣшнихъ событій. Отдѣльные эпизоды неконституціоннаго характера, обусловливаемые перевѣсомъ правительственнаго элемента надъ представительствомъ страны, зависятъ вовсе не отъ корана и отъ большаго или мѣньшаго числа женъ, которыя ожидаютъ обѣдать нѣкоторыхъ изъ депутатовъ, засѣдающихъ въ парламентѣ, а весьма просто объясняются самою новизной парламентаризма, совершеннымъ отсутствіемъ обычаевъ парламентарной дѣятельности, которые дополняютъ неизбѣжные пробѣлы закона. Острить по поводу аномалій турецкой конституціи очень легко, если мы будемъ сравнивать ее съ конституціей англійской, но вѣдь послѣдняя существуетъ уже со времени Magna Charta, съ 1215 года, т. е. въ теченіи болѣе 6-ти столѣтій, а турецкая конституція возникла на нашихъ глазахъ. Далѣе англійская конституція на 4-мъ столѣтіи своего существованія не мѣшала Генриху VIII разогнать однажды парламентъ, т. е. допустить аномалію совсѣмъ уже не комическаго характера; а французская конституція Наполеона III развѣ не представляетъ собой рядъ траги-комическихъ аномалій, съ которыми такъ остроумно знакомитъ насъ Эмиль Золя, между тѣмъ французскій парламентаризмъ имѣетъ свои почтенныя традиціи. Поэтому я считаю весьма дешевыми всѣ эти остроты о турецкой конституціи и, признаться

сказать, не вѣрю даже въ ихъ искренность, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ исходятъ изъ извѣстнаго лагеря; въ такихъ случаяхъ эти остроты сильно напоминаютъ мнѣ искуственную, выдавленную, такъ сказать, насмѣшку человѣка надъ тѣмъ, чего ему самому недостаетъ... Въ самомъ дѣлѣ, можно ли серьезно (именно серьезно, а не балаганно; балаганно можно надъ всѣмъ смѣяться, даже надъ рыжими волосами или чрезъ-чуръ длинными или чрезъ-чуръ короткимъ носомъ) смѣяться надъ плохою декламаціею, хотя и здоровеннаго парня, но который только что научился изъ буквъ составлять слова, а изъ словъ фразы; или можно ли серьезно смѣяться надъ рядомъ аномалій при первыхъ театральныхъ представленіяхъ, данныхъ напр. въ Свиштовѣ Болгарами-любителями; любители-Болгары разыграли пьесу не съ такимъ искуствомъ, какъ артисты Александринскаго театра; но конечно, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Болгары были неспособны къ театральному дѣлу. Если въ дѣятельности менѣе сложныхъ учрежденій, охватывающихъ только нѣкоторыя стороны государственной жизни и притомъ функціонирующихъ только въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльнаго округа, сплошь и рядомъ встрѣчаются весьма уродливыя аномаліи, то болѣе чѣмъ странно ожидать, чтобы такой сложный механизмъ, какъ конституціонный строй жизни, пошелъ полнымъ правильнымъ ходомъ съ первыхъ же дней своего рожденія. Рядъ указанныхъ преобразованій, которыя исподоволь вводили Турцію въ кругъ европейской жизни, преобразованій *одобренныхъ фэтвами* главы духовенства, несомнѣнно доказываетъ, что *коранъ и иныя священныя книги мусульманъ далеко не представляютъ собой непреодолимаго препятствія къ развитію культурной жизни*. Всѣ эти книги оказываются *весьма эластичными* и заключающіяся въ нихъ изрѣченія *весьма податливыми* на разнообразныя толкованія, такъ что, по всей вѣроятности, искусный толкователь, еслибы захотѣлъ или былъ вынужденъ внѣшними обстоятельствами, открылъ-бы въ этой «безднѣ мудрости» указаніе на республиканскую форму общежитія, какъ на самую угодную пророку, хотя бы наприм. въ тѣхъ изрѣченіяхъ, которыя указываютъ на безусловное равенство людей. Все стало быть сводится къ тому, чтобы захотѣть найдти въ нихъ то, чего желаешь. Если бы въ описываемое время, т. е. въ XV ст., столь могущественный не только въ глазахъ мусульманъ, но и всей западной Европы, султанъ, какъ Магометъ II предложилъ великому муфти дать фэтву на уничтоженіе тогда еще священнаго корпуса янычаръ или, о ужасъ!—на уравненіе правъ мусульманъ и христіанъ, то несомнѣнно, что почтенный блюститель священныхъ традицій дозволилъ бы себѣ скорѣе отрѣзать носъ, чѣмъ согласиться на святотатственное мѣропріятіе; а между тѣмъ въ наше время

муфтіи санкціонируютъ *на основаніи того же корана* преобразованія болѣе существенныя и ближе касающіяся ученія ислама, чѣмъ замѣна одной арміи другою. Такимъ образомъ дѣйствительный тормазъ въ культурномъ развитіи турецкаго народа заключается не въ книгахъ, а въ большемъ или меньшемъ вліяніи извѣстнаго общественнаго класса, по существенному характеру своему склоннаго къ косности; въ большемъ или меньшемъ господствѣ его. Господство этаго класса, комплектующагося изъ муфтій, муллювъ, улемовъ и иныхъ руководителей религіозно-духовной жизни народа, было могущественно не только въ описываемое время, но и въ послѣдующія два столѣтія.

Колоссальные завоевательные успѣхи Турокъ въ трехъ частяхъ свѣта деморализующе повліяли на нихъ, усыпивъ ихъ въ увѣренности въ непогрѣшимость ихъ религіозно-военнаго строя жизни. Упоеніе побѣдами, быстро слѣдовавшими одна за другой, естественно, должно было увлечь въ самомнѣніе даже выдѣляющихся личностей, помѣшать имъ оглянуться вокругъ себя и присмотрѣться къ прозѣ житейскихъ отношеній; тѣмъ болѣе это должно было возвысить авторитетъ служителей Аллаха въ глазахъ суевѣрнаго народа, который склоненъ былъ объяснять эти громы побѣдъ успѣшными молитвами ихъ.

Кромѣ участія въ законодательной дѣятельности, шейхъ-уль-исламъ, въ качествѣ главы корпораціи улемовъ, имѣлъ обширное вліяніе на народное образованіе и судъ. Улемы—это турецкая интеллигенція, изъ среды которой комплектовались люди разныхъ профессій, требующихъ научнаго или богословскаго образованія:—преподаватели низшихъ и высшихъ школъ, судьи, врачи, высшіе сановники имперіи, толкователи корана (муфти) и служители въ мечетахъ или при мечетяхъ. Магомету II принадлежитъ организація этой духовной корпораціи и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышеніе ея общественнаго значенія, такъ какъ при немъ принято было за правило, что всѣ судейскія и преподавательскія мѣста могутъ быть занимаемы лишь людьми этой корпораціи, т. е. прошедшими курсъ школьнаго образованія высшаго или низшаго. Но прежде и главнѣе всего эта корпорація улемовъ снабжала мусульманъ служителями Аллаха и компетентными толкователями священныхъ книгъ или вообще тѣмъ, что называется духовенствомъ. Она раздѣлена была Магометомъ II на пять классовъ, которые существуютъ впрочемъ и до сихъ поръ: 1) *имамы*,—которые въ мечетяхъ руководятъ молитвами правовѣрныхъ,—именно: «руководятъ», потому что у мусульманъ публичная молитва (т. е. въ мечетяхъ) не составляетъ профессіи отдѣльнаго лица и не связана съ сложною обрядностью, которая требуетъ технической подготовки; рядомъ съ этимъ на обязанности имамовъ возложено совершать обрѣзаніе, браки, погребеніе и вести метрическіе списки при-

хожанъ своей мечети; 2) *шейки*—проповѣдники и въ то же время толкователи корана; съ каѳедры мечети они наставляютъ слушателей въ истинахъ ученія Магомета, распредѣляя свои чтенія въ видѣ курса богословія. Для мусульманъ, лишенныхъ возможности посѣщать школу, эти проповѣдники замѣняютъ школьное образованіе въ его богословской отрасли; 3) *колибы*,—лица обязанныя каждую пятницу публично произносить молитвы, упоминая въ нихъ царствующаго султана; 4) *муэззины* – обязанные съ высоты минарета призывать къ молитвѣ правовѣрныхъ, въ извѣстной, разъ установленной формулѣ; одно изъ главныхъ условій для занятія этаго поста—зычный, громкій голосъ; 5) *каимы*, нѣчто въ родѣ церковныхъ старостъ съ обязанностью наблюдать за тѣмъ, чтобы правовѣрные при входѣ въ мечеть снимали обувь.

Въ рукахъ корпораціи улемовъ находится и школьное образованіе, которое Магометъ II принялъ подъ свое особенное покровительство; самъ онъ писалъ богословскія разсужденія и подвизался въ области стихотворства; окружилъ себя учеными и поэтами, которыхъ призваніе между прочимъ заключалось въ восхваленіи вѣнценоснаго патрона; Магометъ II вызвалъ и въ своихъ приближенныхъ сановникахъ страсть къ меценатству, которое между прочимъ выразилось увеличеніемъ числа школъ.

Школы временъ Магомета II раздѣлялись на два разряда, изъ которыхъ къ 1-му относятся *мектебы* — элементарныя школы, уже въ то время очень распространенныя въ имперіи; здѣсь преподавались грамота турецкая и ученіе корана въ простыхъ, доступныхъ малоразвитымъ ученикамъ формахъ; ко 2-му *медрессы*—высшія въ то время учебныя заведенія, состоявшія при мечетяхъ. Программа преподаванія въ этихъ школахъ была довольно обширна и обнимала собой слѣдующіе предметы: языки турецкій, арабскій, персидскій, риторику, логику, математику, геометрію, астрономію и турецкую исторію; но главнымъ предметомъ преподаванія было богословіе съ многоразличнымъ его подраздѣленіемъ; къ этому отдѣлу относится и преподаваніе юриспруденціи, основанной ва коранѣ, священныхъ книгахъ и отдѣльныхъ сборникахъ, въ родѣ изданнаго при Магометѣ II Канунъ-Наме, въ которомъ заключаются постановленія государственнаго и общественнаго права. Въ этомъ уложеніи Магометъ узаконилъ братоубійство въ семьѣ падишаха *для устраненія волненій въ государствѣ*, которыя являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ соискательства престола многими претендентами. Начало это мотивировано тѣмъ, что лучше пусть погибнетъ одинъ или нѣсколько человѣкъ, чѣмъ все государство. Исторія Турціи показываетъ, что законъ этотъ получилъ весьма широкое примѣненіе; умерщвлялись не только братья царствующаго султана, но племянники и

дѣти ихъ дочерей, вообще лица, которыя могли въ качествѣ потомковъ Османа претендовать на престолъ и слѣдовательно возбудить внутреннюю смуту. Наконецъ, шейхъ-уль-исламъ имѣлъ вліяніе и на отправленіе правосудія, такъ какъ изъ среды улемовъ, во главѣ которыхъ онъ стоитъ, назначались какъ высшіе судьи, такъ и низшіе, подъ именемъ кадіевъ.

Рядомъ съ этимъ, такъ сказать, свѣтскимъ духовенствомъ продолжало существовать духовенство монашествующее — корпорація дервишей съ многочисленнымъ ея подраздѣленіемъ. Въ первые вѣка государства Османлисовъ эти люди, посвятившіе себя преимущественно созерцательной жизни, имѣли и весьма важное общественное значеніе, возбуждая религіозный фанатизмъ и воинственный пылъ для войны съ христіанами. Живя вообще затворниками, дервиши во время войны сопровождали турецкую армію, окружая военачальниковъ и разсыпаясь между солдатами въ качествѣ вдохновенныхъ юродивыхъ. Въ критическія минуты, когда предстояло жаркое дѣло, дервиши, бѣгая между рядами войска, неистово взывали къ самопожертвованію, въ яркихъ краскахъ описывая прелести загробной жизни, которыя ожидаютъ правовѣрнаго, павшаго въ бою съ невѣрными; такъ поступали они наканунѣ общаго приступа на Константинополь — 28 мая 1453 года. Когда съ XVIII в. духъ прозелитизма значительно ослабѣлъ и Турціи пришлось вести войны уже не наступательныя, а оборонительныя, кредитъ дервишей началъ падать до такой степени быстро, что въ настоящее время изъ нѣсколькихъ десятковъ дервишескихъ толковъ въ Европейской Турціи осталось не болѣе пяти; да и изъ нихъ дервиши *пляшущіе* и *ревущіе* слывутъ даже въ глазахъ мусульманъ скорѣе паяцами, чѣмъ Божіими людьми. Посѣщая не разъ мечети дервишей этихъ двухъ послѣднихъ толковъ, я замѣтилъ, что мусульманскіе посѣтители, особенно изъ средняго класса, съ такимъ же непритворнымъ любопытствомъ взирали на эти диковинныя представленія, какъ и всякій европейскій путешественникъ. Въ средѣ мусульманъ дервиши представляютъ собой самый консервативный элементъ общества и являются ненавистниками всякихъ реформъ; но то обстоятельство, что реформы совершаются, показываетъ, что и это столь вредное для прогресса сословіе постепенно или изчезаетъ съ лица земли, или претворяется въ безвредныхъ чудаковъ.

Служители мечети не получаютъ отъ казны особаго жалованья, потому что они, кромѣ духовной профессіи, имѣютъ свои частныя занятія, которыя доставляютъ имъ средства къ жизни; впрочемъ, въ видѣ пособія, они пользуются частью дохода, получаемаго съ такъ называемаго *викуфа* (участка земли, дома, базара и вообще какой нибудь доходной статьи), приписаннаго къ каждой мечети. Дервиши въ описы-

ваемое время, бывшіе въ большомъ почетѣ въ мусульманской общинѣ, получали содержаніе отъ правительства и кромѣ того пользовались частными пожертвованіями. Въ настоящее время они существуютъ только на счетъ частной благотворительности и гостепріимства своихъ единовѣрцевъ.

Двѣ стороны въ государственной жизни Турціи наиболѣе были заботливо обставлены и регламентированы—*религіозная* и *военная*. Обѣ эти стороны тѣсно связаны были между собой, взаимно одна другую пополняя. *Религія* Магомета, со'словъ толкователей корана (при первыхъ султанахъ), должна распространиться среди невѣрныхъ путемъ войны, какъ наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ; *война*, съ своей стороны, усиливала и обобщала религіозный фанатизмъ. Что касается *религіи*, то мы видѣли, какъ заботливо, путемъ учрежденія корпораціи улемовъ съ великимъ муфтіемъ во главѣ, она введена была въ важнѣйшія сферы государственной дѣятельности: законодательство, судъ, народное образованіе. Единство ея обезпечивалось тѣмъ, что законодатель, судья, преподаватель—каждый въ своей профессіи обязанъ былъ справляться съ наставленіями корана и иныхъ священныхъ книгъ. Султанъ и его правительство государственную дѣятельность свою должны были согласовать съ кораномъ и если въ послѣднемъ не находили полнаго одобренія предполагаемымъ мѣрамъ,—хватались за неопредѣленныя или очень растяжимыя изрѣченія, толкуя ихъ въ желанномъ направленіи. Наприм. Магометъ II хочетъ избавиться отъ своего брата; онъ пользуется изрѣченіемъ корана, объясняющимъ, что лучше пусть погибнетъ одинъ человѣкъ, если этимъ можно устранить бѣдствіе цѣлаго общества—начало, которое принято всѣми христіанскими уголовными кодексами, между тѣмъ Магометъ II изъ этаго изрѣченія сдѣлалъ выводъ о цѣлесообразности братоубійства въ своей семьѣ. Судя по отзывамъ о немъ, какъ о человѣкѣ съ высокоразвитымъ для того времени умомъ, ученомъ, поэтѣ и мудромъ государственномъ дѣятелѣ, можно думать, что самъ султанъ мало вѣрилъ въ точность своего вывода; но нужно было соблюсти декорумъ, показать, что онъ, падишахъ, поступаетъ вполнѣ согласно съ кораномъ. Сами улемы соглашались давать далеко несоотвѣтственныя толкованія, если этаго требовала воля падишаха, лишь бы не подорвать въ средѣ правовѣрныхъ вѣры въ непреложность религіозныхъ основъ общественной жизни.

Рядомъ съ развитіемъ духовно-религіозныхъ учрежденій, первые султаны главную свою заботливость обратили *на военное дѣло*, которое къ концу XV ст. довели до такого блестящаго состоянія, что въ этомъ отношеніи ни одна изъ европейскихъ державъ не могла потя-

гаться съ Турціей [1]). Военное первенство Турціи главнымъ образомъ обусловливалось тѣмъ, что она имѣла сильное постоянное войско въ то время (XIV ст.), когда въ Европѣ о немъ не было и помину. Этимъ постояннымъ войскамъ были *янычары*, начало которому положено въ первой половинѣ XIV ст. Съ каждымъ поколѣніемъ и по мѣрѣ новыхъ завоеваній войско это, комплектовавшееся изъ воспитанныхъ въ исламѣ и выросшихъ въ казармахъ христіанскихъ мальчиковъ, увеличивалось и къ концу XV ст. составляло главную военную силу Турціи. Это было войско пѣхотное, въ мирное время распредѣлявшееся по казармамъ и проводившее время въ военныхъ упражненіяхъ; войско хорошо содержимое, состоявшее на жалованьѣ, превосходно дисциплинированное, въ то время когда на Западѣ армія комплектовалась изъ милиціи, которая всегда послѣ войны распускалась по домамъ и обращалась къ частнымъ занятіямъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ военному дѣлу. Вмѣстѣ съ пѣхотою первые султаны организовали и конное войско, но на началахъ феодальныхъ, отличавшихся, впрочемъ, отъ западнаго феодализма совершеннымъ отсутствіемъ аристократизма.

Завоеванныя страны правительство турецкое, вслѣдъ за утвержденіемъ полнаго своего владычества, раздѣляло на множество мелкихъ и крупныхъ участковъ или леновъ: *тимары*, *сіаметы* и *бейлыки* и распредѣляло ихъ или между участниками завоеванія, или между туземцами, принявшими исламъ и чѣмъ либо заслужившими благорасположеніе правительства. Слывя подъ общимъ именемъ сипаговъ, эти кавалеристы въ частности раздѣлялись на три группы, соотвѣтственно различію троякаго рода участковъ, которые имъ раздавались, т. е. на *тимаріатвоъ*, *сіаметовъ* и *беевъ*. Обязанность ихъ состояла *во первыхъ* въ томъ, что они должны были отправлять гарнизонную службу— въ мирное время и *во вторыхъ*—въ доставленіи въ армію вооруженной кавалеріи на случай войны. Каждый ленный владѣлецъ обязывался ставить извѣстное число кавалеристовъ, заранѣе опредѣленное; самый мелкій ленъ — тимаръ ставилъ только однаго кавалериста; сіаметы и беи ставили такое количество войска, какое соотвѣтствовало числу тимаровъ, входившихъ въ составъ ихъ поземельнаго владѣнія и составлявшихъ основную единицу феодальной разверстки завоеванной земли. Въ описываемое время, когда турецкое владычество утвердилось на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, насчитывалось 50,000 отдѣльныхъ тимаровъ. 300 сіаметовъ и 200 бейлыковъ, что въ сложности могло поставлять кавалерію въ 200,000 хорошо вооруженныхъ всадниковъ [2]). Во время

---

[1]) Hammer, Geschichte der Osmanischen Reiches, т. III.

[2]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т. I.

войны тимаріоты распредѣлялись на отдѣльные отряды, которыми командовали заимы (владѣльцы сіаметовъ); нѣсколько такихъ отрядовъ, командуемыхъ заимами, подчинялись власти беевъ; въ свою очередь, беи собирались подъ знаменемъ паши,—правителя провинціи съ властью военною и административною, который въ военное время становился eo ipso командующимъ войска своего пашалыка. Какъ мы замѣтили, тимаріоты, заимы и беи, въ вознагражденіе за отправляемую ими воинскую повинность, получали въ завоеванныхъ странахъ лены въ видѣ большихъ или мелкихъ поземельныхъ участковъ. По отношенію къ населенію своихъ владѣній, сипаги являлись нестолько помѣщиками, сколько сюзеренами; они облагали населеніе—безъ различія религіи и національности—налогами, творили судъ въ предѣлахъ своихъ владѣній и представляли собою военно-административно-полицейскую власть, въ качествѣ блюстителей внутренняго спокойствія и порядка; рядомъ съ этимъ сипаги, лены которыхъ находились на границахъ имперіи, должны были сами промышлять объ охраненіи своихъ владѣній отъ внѣшнихъ нападеній, и только когда эти послѣднія принимали характеръ, угрожающій государству, сипаги передавали иниціативу и планъ дальнѣйшей защиты правительству, которое или объявляло войну, или мирными переговорами устраняло столкновеніе. Какъ ленные владѣльцы, которыхъ существенное призваніе заключалось въ отправленіи воинской повинности, сипаги сами не занимались ни земледѣліемъ, ни торговлей, ни промышленностью, предоставляя все это низшему населенію и довольствуясь налогами, которые оно имъ платило. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія нашихъ экономическихъ понятій, сипаги являлись откупщиками съ нѣкоторыми политическими правами. Что же касается вотчинныхъ правъ на землю, то, строго говоря, турецкое государство ихъ вовсе не признавало, хотя на фактѣ землевладѣльцы, обрабатывающіе землю, могли считаться настоящими собственниками. По религіозно-соціальному ученію корана, земля никому изъ обыкновенныхъ смертныхъ не можетъ принадлежать въ частную, исключительную собственность, ибо одинъ Богъ властелинъ міра, а слѣдовательно и обитаемой людьми земли [1]). Такъ какъ султанъ представляетъ собой «тѣнь Бога», то въ мірѣ семъ верховная власть на землю принадлежитъ одному султану. При такомъ безправіи частныхъ лицъ на землю, имущественное положеніе въ Турціи, казалось бы, было въ высшей степени не обезпечено. Какъ отъ султана зависѣло во всякую минуту лишить сипага его лена, точно также сипагъ могъ согнать съ земли того или другаго поселянина. Въ дѣйствительности же случаи отнятія леновъ

[1]) Коранъ Магомета въ переводѣ на русск. языкъ.

бывали весьма рѣдки и обыкновенно вызывались совершеніемъ какого-либо государственнаго преступленія сипагомъ; но и въ этомъ случаѣ наказаніе имущественное падало только на него *лично*, не распространяясь на его дѣтей; терпѣлъ только совершившій преступленіе, а не дѣти виновнаго, которыя, вслѣдъ за отнятіемъ у отца лена, всегда получали послѣдній въ свое владѣніе, конечно, съ разрѣшенія султана, которое считалось, впрочемъ, пустою формальностью: само собою разумѣлось, что никакое преступленіе, хотя бы политическое, не можетъ повлечь за собою наказаніе лицъ, повинныхъ только въ томъ, что они дѣти преступника. При обыкновенномъ порядкѣ сыновья вступали въ наслѣдіе отца безъ особой санкціи правительства; со временъ Магомета II они утверждались особымъ султанскимъ бератомъ; при отчужденіи лена платилась въ казну султана незначительная сумма новымъ владѣльцемъ, который за это получалъ дипломъ, утверждающій его въ правахъ на пріобрѣтенную землю. Съ конца XVII ст., когда государственный строй Турціи, расчитанный на завоеванія, началъ разлагаться и то, что прежде составляло силу государство и вело его къ блестящимъ побѣдамъ, какъ напр. войско янычаръ, сдѣлалось противу-общественнымъ элементомъ и причиной его паденія,—деморализуется и феодальная кавалерія. Сипаги изъ воиновъ постепенно обращаются въ помѣщиковъ, которые своими насиліями вызывали возстанія въ зависѣвшихъ отъ нихъ поселянахъ; съ другой стороны, они уже неохотно отбываютъ правительству воинскую повинность и нерѣдко дозволяютъ себѣ открытой силой противиться требованіямъ падишаха. Махмудъ II (1808—1839 г.) совершенно преобразовалъ армію и, уничтоживъ корпусъ янычаръ (15 іюня 1826 г.), упразднилъ также и феодальную кавалерію сипаговъ. Говоря о сипагахъ, надобно еще замѣтить, что это феодальное устройство военнаго дѣла введено было далеко не во всей Европейской Турціи, а лишь въ Босніи, Герцеговинѣ, Турецкой Кроаціи, въ Албаніи и Пелопонезѣ—вообще въ окраинахъ имперіи, по всей вѣроятности, по недостаточности янычарскаго войска для охраненія пограничныхъ владѣній государства. Это предоставленіе окраинъ охранѣ сипаговъ, удаляя вліяніе правительства на состояніе этихъ отдаленныхъ отъ столицы странъ, выразилось рядомъ гибельныхъ для государственнаго единства послѣдствій: оно содѣйствовало усиленію власти сипаговъ и въ особенности выдѣлившихся изъ среды ихъ крупныхъ владѣльцевъ—беевъ, которые съ конца XVII ст. становятся настоящимъ бичемъ низшаго земледѣльческаго класса, взыскивая съ нихъ совершенно произвольно тяжелые наборы въ государственную казну, а случалось, что они и всѣ доходы брали въ свою пользу. Посылаемые правительствомъ губернаторы-паши, охваченные духомъ господствую-

щей тамъ олигархіи, сами нерѣдко изъ правительственныхъ чиновниковъ превращались въ мятежныхъ вассаловъ, и тогда правительству приходилось посылать батальоны для усмиренія своихъ чиновниковъ, словомъ, вести съ ними *малую войну*. Изъ всѣхъ странъ, въ Албаніи чаще всего возникали эти опасныя для государства status in statu, такъ что, съ легкой руки Скандерберга, въ теченіи двухъ десятковъ лѣтъ отбивавшагося отъ многочисленныхъ войскъ Мурада II и Магомета II, Албанія до сихъ поръ остается полузависимой страной. Какъ номинально было верховное право падишаха на земли, розданныя сипагамъ, такъ, въ свою очередь, въ описываемое время, XV ст., поверхностны и отрывочны были права сипаговъ на земли ихъ ленныхъ владѣній. Земли эти, обработываемыя туземнымъ населеніемъ — христіанами или турецкими переселенцами изъ Малой Азіи, — въ дѣйствительности оставались собственностью земледѣльцевъ съ весьма незначительными ограниченіями, конечно съ точки зрѣнія тогдашняго экономическаго быта. Ограниченія эти касались перехода права на землю изъ однѣхъ рукъ въ другія. При такомъ переходѣ, путемъ обмѣна или продажи, требовалось предварительное согласіе сипага и затѣмъ уплата ему незначительной денежной суммы, смотря по количеству и стоимости уступаемой земли; та же самая процедура соблюдалась и при переходѣ земли по наслѣдству ко всѣмъ боковымъ родственникамъ; если же послѣ умершаго остались сыновья, то они сами собой признавались наслѣдниками отцовскаго достоянія и для вступленія ихъ въ обладаніе доставшеюся послѣ смерти ихъ отца землей не требовалось никакого особаго соизволенія сипага. На случай отсутствія у умершаго наслѣдниковъ, участокъ его, по усмотрѣнію сипага, передавался другому лицу, обыкновенно смежному владѣльцу. Такъ какъ земля въ то время не имѣла почти никакой мѣновой цѣнности и *договорные переходы права на нее* изъ однихъ рукъ въ другія представлялись рѣдкимъ исключеніемъ, то и самыя ограниченія, выражавшіеся соблюденіемъ различныхъ формальностей, указывавшихъ на неполноту права собственности, въ дѣйствительности вовсе не существовали. За право пользованія землей владѣлецъ вносилъ ежегодно опредѣленную сумму сипагу, часть которой составляла поземельную подать и шла въ казну, другая въ видѣ оброка оставалась у сипага. Это соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ функцій—представителя фискальныхъ интересовъ казны и частнаго владѣльца вызвало, какъ мы видѣли, рядъ вредныхъ послѣдствій, какъ въ отношеніи экономическаго быта населенія тѣхъ областей, такъ и доходности государственной казны, въ которую далеко не поступали всѣ доходы, которые слѣдовали по бюджету.

Что касается *экономическаго положенія* подвластныхъ народовъ

въ эпоху утвержденія турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ и послѣдующее за нею 16-е столѣтіе, то турецкое завоеваніе не внесло существенныхъ перемѣнъ въ смыслѣ ухудшенія этого положенія. Завоеватели, не вступаясь во внутреннюю жизнь иновѣрныхъ подвластныхъ народовъ, относясь къ нимъ, какъ къ доходнымъ статьямъ, воспользовались почти цѣликомъ тѣми формами экономическаго быта, которыя они застали въ завоеванныхъ странахъ. У нихъ не хватало ни охоты, ни настойчивости, ни времени даже, которое проходило въ безпрерывныхъ войнахъ,—заняться экономической организаціей завоеванныхъ странъ, и даже такой существенный предметъ, какъ способъ извлеченія доходовъ, потерпѣлъ весьма незначительныя измѣненія. Со временъ владычества Византіи, т. е. съ IV ст. установилась система прямыхъ налоговъ, которые были тѣмъ тягостнѣе, что падали на сырые продукты – на хлѣбъ и скотъ и такимъ образомъ наиболѣе поражали низшій земледѣльческій классъ, какъ главнаго обладателя такихъ продуктовъ; что же касается торговаго и промышленнаго классовъ, у которыхъ эти предметы не составляли главнаго богатства, то они, при такой системѣ налоговъ, платили относительно гораздо меньше, чѣмъ низшій классъ. Въ то время когда люди двухъ послѣднихъ классовъ могли *скрыть* облагаемыя статьи налоговъ, у крестьянъ *все оставалось на виду*:—хлѣбъ въ закромахъ, овцы, волы и проч. Въ этой системѣ налоговъ *десятинный* налогъ составлялъ самую видную статью государственныхъ доходовъ. Ведя свое начало со временъ библейскихъ, налогъ этотъ въ Византіи состоялъ въ томъ, что со всѣхъ произведеній земли: разныхъ родовъ хлѣба, фруктовъ, овощей, табаку и проч. отсчитывалась одна десятая часть натурой и обращалась въ пользу казны; десятина эта *отдавалась на откупъ*, по предварительной ея оцѣнкѣ въ извѣстной суммѣ съ каждаго податнаго округа, который обыкновенно совпадалъ съ административнымъ дѣленіемъ страны: сумма эта высчитывалась за годъ, два, три, но не болѣе, какъ за пятилѣтіе; чаще всего десятина отдавалась въ откупъ ежегодно осенью, т. е. на одинъ годъ. Хотя откупщикъ подвергался риску далеко не выручить предложенной суммы, напр. въ случаѣ сильнаго неурожая на главные продукты округа, но въ концѣ концовъ вся выгода при такой системѣ налоговъ и при такомъ способѣ ихъ собиранія оставалась на сторонѣ откупщиковъ, для которыхъ потери одного года сторицею вознаграждались обильною прибылью послѣдующихъ годовъ. Въ дѣйствительности теряла казна, да изнемогали подъ тяжестью налоговъ плательщики, которыхъ откупщики немилосердно эксплуатировали разнаго рода прижимками при отсчитываніи десятой части продуктовъ. Кромѣ этой общей десятины съ произведеній земли, существовалъ десятинный

налогъ со всякаго рода рогатаго и пернатаго домашняго скота. При невозможности получить натурой, напр. если у плательщика было менѣе десяти барановъ, свиней и проч.,—это движущееся имущество оцѣнивалось на деньги и затѣмъ высчитывалась $^1/_{10}$ часть стоимости въ пользу казны. Рядомъ съ этимъ, существовалъ *поземельный налогъ* и масса натуральныхъ повинностей, отбываемыхъ въ пользу государства и монастырей, которые, ничего не производя, жили на счетъ народа. Всѣ эти порядки удержались и по прекращеніи византійскаго владычества въ тѣхъ или другихъ славянскихъ земляхъ Болгаріи, Сербіи и Иллирика; явились только новыя названія для обозначенія прежнихъ понятій. Съ утвержденіемъ на Балканскомъ полуостровѣ турецкаго владычества прежняя система налоговъ продолжала существовать; ей подчинились, какъ христіане, такъ и Турки, съ тѣмъ лишь различіемъ, что, кромѣ существовавшихъ налоговъ, христіане подчинены были особой личной подати—*харачу*,—которая взималась независимо отъ имущества плательщика. Эту подать неправильно принято называть подушной податью. При подушной подати не дѣлается различія въ лѣтахъ плательщика; разъ человѣкъ родился, онъ вносится въ списокъ (въ Россіи—ревизскія сказки); онъ становился плательщикомъ безъ отношенія къ его возрасту. Двухмѣсячный ребенокъ становился такой же *податной душой*, какъ и двадцати-лѣтній парень. Харачъ не то. Этотъ налогъ представлялъ собой *эквивалентъ натуральной воинской повинности*, взимавшійся съ подвластныхъ христіанъ по той простой причинѣ, что они освобождались отъ солдатчины. Этимъ то характеромъ обусловливалось и другое отличіе его отъ подушной подати, которое заключается въ томъ, что харачъ падаетъ на человѣка, способнаго по возрасту къ военной службѣ, но освобожденнаго отъ нея, и потому платежъ харача начинался съ 16-лѣтняго возраста, а не съ пеленокъ, какъ подушная подать. *Вся невыгода этаго налога была на сторонѣ мусульманъ*, такъ какъ она вынуждала ихъ однихъ выносить на своихъ плечахъ защиту страны, отвлекая отъ ихъ мирныхъ занятій лучшія, здоровыя силы мусульманскаго народа, между тѣмъ какъ для христіанъ этотъ харачъ представлялся громадной льготой, дававшей имъ возможность всецѣло посвящать свои силы производительному труду, лучшіе годы своей жизни проводить среди мирныхъ занятій. Конечно бывали злоупотребленія при взиманіи харача и нерѣдко случалось, что дѣти 7, 8 лѣтъ попадали въ податные списки, но послѣдствія этихъ злоупотребленій значительно смягчались легкой возможностью, при неумѣлости административнаго контроля или податливости къ подкупамъ, скрыть отъ составителей списковъ настоящихъ плательщиковъ, и такимъ образомъ обѣ стороны могли себя считать удовлетворенными. Поэтому

27

я нахожу совершенно несправедливымъ мнѣніе, что харачъ—повинность оскорбительная для подвластныхъ христіанъ Турціи только потому, что отъ нея освобождены мусульмане. Въ дѣйствительности же сами плательщики ее вовсе не считали такою, доказательствомъ чему служитъ неудовольствіе, съ которымъ христіане встрѣтили послѣднія (начиная съ Гюльханейскаго гаттишерифа 1839 г.) попытки Порты ввести ихъ въ кругъ натуральной воинской повинности съ освобожденіемъ отъ личнаго налога. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, какъ христіане, такъ и Турки подчинены были однимъ и тѣмъ же натуральнымъ и денежнымъ повинностямъ, которыя существовали и до завоеванія турецкаго.

Если къ этому прибавить, что *общинное управленіе* нисколько не затронуто было Турками, которые взяли въ свои руки лишь высшую и среднюю администрацію завоеваннаго края, что при такомъ формальномъ, внѣшнемъ, механическомъ отношеніи къ управленію народами, коренныя, исконныя бытовыя начала настолько остались внѣ вліянія турецкаго владычества, что могли держаться въ теченіи вѣковъ, особенно въ такихъ странахъ, какъ Албанія, Иллирикъ и Сербія; что за подвластными народами признана была свобода религіозной совѣсти и патріархъ константинопольскій не только возстановленъ въ своихъ правахъ, но и вознесенъ на степень главы всѣхъ православныхъ христіанъ Балканскаго полуострова, какъ отдѣльной христіанской общины, то можно сказать, что турецкое владычество далеко не имѣло такого роковаго вліянія на судьбу южнаго славянства, какъ низвергнутый имъ византійскій цезаризмъ. Правда, что съ уничтоженіемъ политической независимости народовъ Балканскаго полуострова, или вѣрнѣе сказать жалкихъ слѣдовъ этой независимости связывается упраздненіе болгарскаго патріархата; но обвинять въ этомъ слѣдуетъ не Турокъ, для которыхъ было безразлично какъ та или другая нація устроилась въ церковномъ отношеніи; Болгары обязаны уничтоженіемъ самостоятельности церковной константинопольскому патріарху [1]), который, какъ единственный посредникъ между турецкимъ правительствомъ и подвластными ему христіанскими народами Балканскаго полуострова, имѣлъ полную возможность убѣдить Порту и султана, что болгарскій патріархатъ есть результатъ своеволія руководящей партіи Болгарскаго народа и представляетъ собой попытку къ церковному расколу, который при дальнѣйшемъ своемъ существованіи можетъ вызвать непріятныя и для правительства политическія послѣдствія. Рядъ представленныхъ доказательствъ незаконности патріархата болгарскаго и эти тонкіе намеки на политическій характеръ самостоятельной болгарской церкви; искусныя

---

[1]) Jireček, Geschichte der Bulgaren.

инсинуаціи съ глаза на глазъ и совершенное отсутствіе представителей Болгарскаго народа, которые могли-бы предъ Портой явиться защитниками національной церкви,—все это повело къ тому, что Порта легко склонилась на сторону патріарха и дала свое согласіе на уничтоженіе высшаго національнаго церковнаго учрежденія. Какъ ни трогательно описывается прощаніе послѣдняго патріарха болгарскаго Евѳимія съ своей паствой и конвоированіе главы церкви турецкими солдатами, которые сурово торопили толпы Болгаръ покончить съ проводами и разойтись по домамъ, какъ ни накипало въ современникахъ—очевидцахъ этой печальной процессіи, негодованіе противъ «звѣровидныхъ» Турокъ,—въ дѣйствительности послѣдній актъ въ исторіи болгарской церкви подготовленъ былъ не «Агарянами нечестивыми», а наиправославнѣйшимъ патріархомъ греческимъ, который весьма дорожилъ Болгаріей, какъ крупной доходной статьей константинопольскаго фанара. На сколько послѣдній дорожилъ доходными статьями, видно изъ тѣхъ крутыхъ мѣръ, къ которымъ онъ, въ лицѣ патріарха прибѣгалъ, чтобы отстоять за собой лишніе церковные округа. Такъ, за неправильное, по мнѣнію фанара, присоединеніе охридскаго церковнаго діэцеза къ сербской церкви (при Душанѣ) константинопольскій патріархъ предалъ анаѳемѣ, какъ краля сербскаго Душана, такъ и представителя сербской церкви [1]). Для Турокъ, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка ихъ владычества, существовало только одно религіозное начало различія между народами Балканскаго полуострова, которые въ ихъ глазахъ раздѣлялись на мусульманъ и христіанъ; что же касается различія національностей, то оно настолько не интересовало ихъ и настолько было имъ чуждо, что немусульманскіе народы Балканскаго полуострова греческой церкви назывались у нихъ однимъ общимъ именемъ «Грековъ». Изъ такого своеобразнаго отношенія ихъ къ завоеваннымъ народамъ вытекало то, что каждая національность могла развиваться совершенно самостоятельно, если бы этому не мѣшали эллинизаторскія стремленія константинопольскаго фанара, которому въ теченіи вѣковъ удавалось держать подъ своей опекой славянскія національности. Исторія болгарской церкви и развитія школьнаго образованія чрезвычайно рельефно показываетъ, съ чьей стороны встрѣчали Болгары противодѣйствіе въ учрежденіи экзархата (въ 1871 г.) и въ дѣлѣ развитія народнаго образованія: имъ приходилось тягаться не съ Турками, а съ константинопольскимъ фанаромъ; въ средѣ турецкихъ сановниковъ они, напротивъ, встрѣчали сочувствіе своимъ національнымъ стремленіямъ; учрежденіе экзархата (1871 г.), какъ извѣстно, состоялась по настоянію Порты, которая въ борьбѣ

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи прав. церквей.

между Болгарами и константинопольскимъ фанаромъ приняла, на конецъ, сторону первыхъ. Правда, войны Турокъ временъ завоеванія Балканскаго полуострова (XIV, XV ст.) преслѣдовали отчасти религіозную цѣль—*распространеніе ислама*. Но какъ ни странно съ перваго взгляда, этотъ мусульманскій прозелитизмъ не исключалъ полной вѣротерпимости завоевателей. Мы сталкиваемся здѣсь съ видимо непримиримымъ противорѣчіемъ: съ одной стороны насильственное распространеніе ислама, а съ другой полная религіозная свобода совѣсти покоренныхъ народовъ. Въ дѣйствительности противорѣчіе это только кажущееся. Цѣль турецкихъ войнъ въ блестящій періодъ турецкой исторіи XV—XVI ст. заключалась *не въ обращеніи народовъ въ исламъ*, а въ покореніи *странъ* политическому владычеству послѣдняго, *въ территоріальномъ* распространеніи власти «земной тѣни Бога, царя царей»—словомъ падишаха, *въ утвержденіи знамени пророка во всѣхъ частяхъ свѣта*, и когда это знамя въ XVIII ст. стало развѣваться на берегахъ Ганга, Дона, Днѣстра и пяти морей Стараго Свѣта,—Турки сочли свое призваніе достаточно осуществленнымъ и падишахъ ихъ, дѣйствительно, могъ считаться царемъ царей, какъ могущественнѣйшій изъ повелителей въ трехъ частяхъ свѣта: въ одной Европѣ власть падишаха, кромѣ всего Балканскаго полуострова, признавала Румынія, Венгрія, Подолія, Украйна, все Черноморское сѣверное побережье. Но не говоря уже о томъ, что въ этихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ странахъ распространеніе ислама *въ европейскомъ смыслѣ религіозной пропаганды* не сдѣлало ни малѣйшихъ успѣховъ, если не считать отдѣльныхъ личностей, принявшихъ исламъ и ограничилось постройкой здѣсь и тамъ нѣсколькихъ мечетей;—даже на Балканскомъ полуостровѣ—этой странѣ непосредственнаго владычества падишаха, велики ли успѣхи сдѣлалъ исламъ? Помѣщики Босніи и Герцеговины, нѣсколько сотенъ бояръ и зажиточныхъ людей болгарскихъ, да часть населенія Албаніи — вотъ все, что сдѣлалось добычей ислама.

Я готовъ былъ бы объяснить эту скудную жатву ислама религіозною стойкостью народовъ Балканскаго полуострова, привязанностью ихъ къ вѣрѣ отцовъ, если бы исторія оставила доказательства упорной, систематической, насильственной пропаганды ислама въ народныхъ массахъ; но доказательствъ этихъ ни въ исторіи, ни въ народной поэзіи не встрѣчается; ничего подобнаго альбигойской рѣзнѣ, ничего подобнаго сицилійской вечернѣ и вареоломеевской ночи, изгнанію Гугенотовъ изъ Франціи и Евреевъ и Мавровъ изъ Испаніи не представляетъ собой ужасный мусульманскій прозелитизмъ; никакихъ народныхъ религіозныхъ войнъ на Балканскомъ полуостровѣ не происходило; разъ завое-

вавъ ту или другую страну во славу Аллаха, утвердивъ въ ней знамя пророка и обративъ въ исламъ какіе-нибудь десятки, сотни зажиточныхъ представителей народа, которые, ради сохраненія земныхъ благъ, спѣшили въ объятіе ислама,—Турки сочли свою религіозную миссію законченною и затѣмъ уже совершенно безразлично относились къ религіозной жизни народа. Правда, по завоеваніи той или другой страны, нѣсколько христіанскихъ церквей обращено было въ мечети, воспрещено было употребленіе колоколовъ; но подобныя явленія слишкомъ общи въ исторіи христіанской Европы, слишкомъ мелочны, чтобы по этимъ столь обыденнымъ, вездѣ повторяющимся фактамъ было основаніе заключать о религіозной нетерпимости мусульманъ и о мусульманскомъ прозелитизмѣ въ томъ ложномъ смыслѣ, какой ему привыкли придавать.

Такимъ образомъ, сводя къ общему итогу перемѣны, произведенныя завоевателями въ бытѣ народовъ Балканскаго полуострова, мы видимъ, что эти перемѣны существенно коснулись лишь политическихъ формъ общежитія тѣхъ народовъ,—формъ, которыя, впрочемъ, къ концу XV ст. сами собою готовы были рушиться, и вотъ одна изъ причинъ почему въ то время, когда въ западной Европѣ, на основаніи отдѣльныхъ изукрашенныхъ розсказней, сложилось убѣжденіе, что хищные азіаты, завоевавъ Балканскій полуостровъ, стремятся истребить всѣхъ христіанъ или обратить ихъ въ исламъ; когда западная Европа, страшась за себя и за судьбу христіанства, посылаетъ съ отдаленныхъ концовъ лучшихъ сыновъ, цвѣтъ молодежи, лечь костьми въ борьбѣ съ невѣрными, въ самыхъ народахъ Балканскаго полуострова, послѣ Коссова пораженія, мы видимъ только слабые признаки неудовольствія турецкимъ владычествомъ; народныя массы весьма апатично относятся къ призыву отдѣльныхъ личностей и не смотря на то, что наприм. въ концѣ XV ст. Турки въ завоеванной странѣ составляли относительно немногочисленный лагерь, чрезвычайно разбросанный въ разныхъ пунктахъ страны мелкими группами и что такая разбросанность, ручаясь за успѣхъ возстанія, должна была, казалось, вызвать въ народныхъ массахъ попытки скинуть съ себя «турецкое иго», исторія не представляетъ намъ *ни одного примѣра такихъ болѣе или менѣе общихъ настойчивыхъ попытокъ*. Это не результатъ общаго смиренія покоренныхъ народовъ, потому что между ними есть Сербы, Черногорцы, Греки, которые доказали, что у нихъ достаточно мужества для борьбы за свою независимость, когда эта послѣдняя, вслѣдствіе крайней деморализаціи турецкаго правительства, стала въ особенности желательна; это—послѣдствіе тѣхъ своеобразныхъ отношеній, въ которыя сталъ завоеватель къ покореннымъ народамъ, отношеній, которыя оста-

вили неприкосновенными самые близкіе интересы народныхъ массъ ихъ религія и даже матеріальное положеніе не подвергались насильственному перевороту къ худшему. Народу приходилось и при новомъ владычествѣ платить то же самое и столько же отработывать натурой, какъ при своихъ царяхъ; если паши и новые органы турецкой администраціи брали поборы, то вѣдь и свои властители не упускали случая поживиться на счетъ народа; если при турецкомъ владычествѣ Болгаръ и Сербовъ сгоняли въ окрестности Константинополя косить для султанскихъ лошадей, то и прежде, при своихъ царяхъ, людей сгоняли для постройки городскихъ стѣнъ, зданій, мостовъ и проч., независимо отъ обычныхъ натуральныхъ повинностей [1]). Даже самый образъ веденія войнъ турецкихъ не долженъ былъ представляться ни Болгарамъ, ни Сербамъ страшной новизной, такъ какъ собственные цари и многочисленные претенденты достаточно ознакомили ихъ съ болѣе дикими полчищами Татаръ и Кумановъ, которыхъ эти руководители народа звали неоднократно на помощь другъ противъ друга. Дикія орды этихъ азіятовъ налетали на Болгарію въ качествѣ настоящихъ хищниковъ ex professio и производили бо́льшія опустошенія, чѣмъ Турки, которые смотрѣли на завоеванныя страны, какъ на новое свое отечество и потому уже, въ силу собственныхъ интересовъ, ради собственной пользы должны были щадить свои пріобрѣтенія. Эти разорительныя войны между князьями и царьками южныхъ Славянъ, разными Страсимірами, Ивайлами, Стефанами, Шишманами и проч. изъ-за территоріальныхъ захватовъ или личнаго властолюбія могли сдѣлаться настолько невыносимы для народныхъ массъ и въ то же время настолько подорвать въ нихъ вѣру въ цѣлесообразность такого расшатаннаго политическаго строя жизни, который, если не окончательно еще превратился въ анархію, удовлетворяющую честолюбію отдѣльныхъ лицъ, но гибельную для народа, то быстро приближался къ ней, — что народы, въ особенности Болгарскій, должны были по меньшей мѣрѣ довольно равнодушно отнестись къ новой политической формѣ общежитія, внесенной завоевателями; она, по крайней мѣрѣ, положила конецъ всѣмъ ужасамъ междоусобныхъ войнъ.

Кромѣ всего сказаннаго, слѣдуетъ отмѣтить одно обстоятельство, которое еще болѣе должно было примирить народныя массы, особенно Сербовъ и Болгаръ съ совершившимся фактомъ турецкаго завоеванія— это *уничтоженіе крѣпостнаго права.* Оно, подъ именемъ колоната, ведетъ свое начало со временъ установленія римскаго владычества въ странахъ Дунайскихъ, слѣдовательно, возникло ранѣе заселенія Славя-

[1]) Jireček, Geschichte der Bulgaren.

нами Балканскаго полуострова. Римляне, завоевывая страны мало населенныя, колонизировали послѣднія военно-плѣнными, и для того, чтобы имѣть ручательство, что эти невольные переселенцы не покинутъ навязанныхъ имъ мѣстностей, колонистовъ *прикрѣпляли къ землѣ* и тѣмъ ограничивали свободу передвиженія [1]). За исключеніемъ этаго ограниченія и повинностей въ отношеніи обработки земель въ пользу помѣщиковъ, колоны на дѣлѣ ничѣмъ не отличались отъ остальнаго, низшаго, свободнаго класса населенія; по закону они считались способными защитить свои права, подобно свободнымъ, и могли позвать къ суду своихъ помѣщиковъ. Въ такомъ видѣ Славяне застали колонатъ и дали ему болѣе странное расположеніе. Классъ этотъ, комплектуясь прежде исключительно военноплѣнными, сталъ впослѣдствіи притягивать къ себѣ и мирное туземное населеніе, т. е. Славянъ; колонами становились всѣ, преимущественно земледѣльцы, которые не въ силахъ были уплачивать тяжкіе государственные и общественные поборы и добровольно переходили на землю крупныхъ помѣщиковъ, которые, нуждаясь въ рабочемъ людѣ, очень можетъ быть, заманчивыми обѣщаніями привлекали такихъ неудачныхъ и оказавшихся несостоятельными въ платежѣ государственныхъ налоговъ сельскихъ хозяевъ. Въ Болгаріи и Сербіи этотъ полусвободный классъ низшаго населенія быстро распространился; явилось нѣсколько отдѣльныхъ видовъ этаго класса людей: *меропхи*, *паричи*, *отроки*,—болѣе или менѣе зависимые отъ своихъ господъ; рядомъ съ частными владѣльцами, многочисленные монастыри, благодаря щедрости византійскихъ императоровъ и государей славянскихъ, получили обширныя земли съ прикрѣпленнымъ къ нимъ населеніемъ [2]). Съ распространеніемъ этаго класса явились и отклоненія отъ первоначальнаго его характера, въ смыслѣ бóльшаго стѣсненія свободы; хотя меропхи, паричи и др. по прежнему считались *de jure* лично свободными, но прикрѣпленные къ землѣ, однако *de facto* эта связь съ землей постепенно слабѣла въ ущербъ личной свободѣ; данные на имя того или другаго монастыря хризовулы царскіе показываютъ, что монастырямъ давались не только земли съ прикрѣпленнымъ къ нимъ людомъ, но и люди, какъ необходимыя рабочія силы. Населеніе въ то время было рѣдко, а необработанныхъ земель много и потому монастыри нерѣдко сами просили государей перевести людей на дарованныя земли, жалуясь, что послѣднія не приносятъ никакой прибыли—за неимѣніемъ рабочихъ рукъ, и люди массами переводились съ государевыхъ земель на монастырскія. Кромѣ монастырей и бояре заслу-

---

[1]) Майковъ, Исторія сербскаго языка.

[2]) Тамъ же.

жившіе милость государей, стали получать такого рода дары людьми. Вмѣстѣ съ распространеніемъ крѣпостничества, которое охватило собой большинство земледѣльческаго населенія, явились и болѣе строгіе законы, имѣвшіе цѣлью стѣснительными мѣрами оградить прочность института—крѣпостнаго права. Выходъ изъ крѣпостнаго состоянія сталъ настолько труднымъ, что даже поступленіе въ духовное званіе не освобождало отъ крѣпостной зависимости и потому не рѣдкость было встрѣтить священниковъ въ качествѣ крѣпостныхъ людей частныхъ владѣльцевъ или монастырей. Этихъ священниковъ, подобно заурядньмъ сельчанамъ, государи дарили монастырямъ, такъ напр. болгарскій царь Шишманъ въ 1378 г. подарилъ Рыльскому монастырю попа Θеодора вмѣстѣ со всѣми его чадами и домочадцами, а также попа Петра Θедосѣева вмѣстѣ съ братьями. Только посвященіе въ епископскій санъ освобождало духовное лицо отъ крѣпостной зависимости. При дальнѣйшемъ своемъ распространеніи и развитіи, крѣпостное сословіе выдѣлило изъ себя классъ людей, которые хотя и не назывались рабами, но по своему соціальному положенію ничѣмъ не отличались отъ послѣднихъ. Въ Сербіи и Болгаріи они извѣстны были подъ именемъ *отроковъ* и *дѣтичей*. Землепашцы по профессіи, они не были прикрѣплены къ землѣ, составляя личную собственность помѣщиковъ; о нихъ между пограничными владѣльцами ведутся тяжбы, какъ объ имуществѣ, независимо отъ земли, и присуждаются они безъ земли доказавшему свое преимущественное право; такъ въ 1322 году одно изъ такихъ тяжебныхъ дѣлъ въ Сербіи рѣшено было присужденіемъ цѣлой семьи въ пользу монастыря на вѣчность. Классъ этотъ не ограничивался одними землепашцами; сюда относили и людей другихъ профессій, напр. ремесленниковъ, которые въ Болгаріи назывались *технитορами*, а въ Сербіи *майсторами*. Это бывшіе оброчные въ Россіи, которые за временное освобожденіе отъ натуральной повинности платили деньгами. Подобно оброчнымъ, техниторы и майсторы вполнѣ зависѣли отъ своихъ господъ, и не смотря на уплоченную оброчную сумму, всегда могли быть оторваны отъ ихъ спеціальной профессіи для исполненія новыхъ обязанностей по указанію своихъ господъ; сюда должны быть отнесены и такіе лично закрѣпленные, какъ попы, діаконы, пономари [1]). Изъ этаго краткаго обзора видно, какіе громадные успѣхи сдѣлало развитіе крѣпостничества въ славянскихъ земляхъ. Появившись въ мягкой формѣ римскаго колоната, который исчерпывался отдѣльными поселеніями военноплѣнныхъ, и стѣсняя право передвиженія, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ сохранялъ личную свободу прикрѣпленныхъ къ землѣ,—крѣпостни-

---

[1]) Майковъ, Исторія сербскаго языка; Jirecek, Geschichte.

чество подъ покровомъ византійскаго цезаризма, а потомъ — политическихъ формъ общежитія, установившихся въ Болгаріи и Сербіи по византійскому образцу, пустило въ теченіи вѣковъ широкія вѣтви, въ особенности въ этихъ двухъ послѣднихъ странахъ, втянуло въ себя наиболѣе производительные классы общества и составило обширный классъ несвободныхъ людей, изъ которыхъ одни, хотя и были прикрѣплены къ землѣ, de facto стали продаваться отдѣльно отъ земли, — другіе же и закономъ признавались личною собственностью, движимымъ имуществомъ господъ. Наименованіе этой движимости патріархальными словами «отроки» и «дѣтичи» нимало не ставило ихъ выше рабовъ; они также были безправны, какъ въ отношеніи къ имуществу, которымъ они пользовались по соизволенію ихъ господъ, такъ и въ отношеніи защиты своей личности отъ произвола господина; никакой судья и никакая власть не приняла бы жалобы «отрока» на самыя безчеловѣчныя дѣйствія его господина. Между тѣмъ какъ выходъ изъ крѣпостничества съ теченіемъ времени становился все труднѣе и заботливость о сохраненіи владѣтельскихъ правъ на крѣпостныхъ повела къ небывалому въ христіанскихъ странахъ абсурду—крѣпостной зависимости священниковъ, отъ которой освобождались только посвященные въ епископскій санъ,—усиливался притокъ свободныхъ людей къ крѣпостному сословію. Государи славянскіе въ порывѣ религіознаго благочестія щедро одаряли монастыри землями, закрѣпляя при этомъ поселенныхъ на нихъ людей, какъ необходимую для одаряемыхъ рабочую силу; монастырямъ дарили и людей безъ земли, судя по такимъ выраженіямъ, встрѣчающимся въ хризовулахъ,—въ которыхъ говорится, о припискѣ къ монастырю влаховъ; очевидно это дѣлалось по просьбѣ монастырей, для обработки обширныхъ угодій которыхъ прежде приписаннаго населенія могло оказаться недостаточнымъ; кромѣ монастырей, приближенные правителей въ изобиліи одарялись государевыми населенными землями, влахами, отроками и дѣтичами; вошло въ обычай вознаграждать за услуги, оказанныя государству или его главѣ, людьми, какъ прикрѣпленными къ землѣ, такъ и отдѣльно отъ земли. Бывали нерѣдко случаи, что люди свободные сами закабаливались въ крѣпостничество въ тѣхъ случаяхъ, когда чрезмѣрные поборы и накопившіеся долги дѣлали невозможнымъ самостоятельное хозяйство. Все это повело къ тому, что крѣпостничество въ Болгаріи и Сербіи къ концу XIV ст. расцвѣло въ полномъ своемъ блескѣ и охватило собой не только земледѣльческое населеніе, но и людей средняго сословія. Многія подраздѣленія его на отдѣльные виды показываютъ, что это былъ весьма видный по своей многочисленности классъ безправныхъ людей. Положеніе его матеріальное и нравственное, обусловливаемое порывами личнаго

произвола властелиновъ, не могло быть завидное; бывали случаи жестокаго обращенія господъ, которымъ, между прочимъ, проявилъ себя пресловутый легендарный герой Марко Кралевичъ. Законы, опредѣлявшіе отношенія крѣпостныхъ къ ихъ владѣльцамъ, главнѣе имѣли въ виду обезпечить прочность власти послѣднихъ и для этаго предлагали рядъ карательныхъ мѣръ въ духѣ того времени,—это была та регламентація отношеній двухъ сторонъ, въ которой все какъ то сводится къ тому, что одна сторона только обязана, а другая вооружена правомъ. Если же въ законодательствѣ кое гдѣ и проглядывали попытки опредѣлить право прикрѣпленныхъ къ землѣ и слѣдовательно лично свободныхъ людей по отношенію къ ихъ владѣльцамъ, то возможно ли допустить, что эти слабыя попытки, при полномъ отсутствіи общественнаго контроля, въ силахъ были сдерживать личный произволъ владѣльцевъ въ слабоотмѣченныхъ границахъ; лихоимство въ администраціи и судахъ было въ полномъ расцвѣтѣ, а притомъ, стало быть, бѣдному меропху нечего было рисковать жаловаться на сильнаго своего обидчика, который имѣлъ множество средствъ представить дѣло въ благопріятномъ для себя видѣ.

Но кромѣ меропховъ, прикрѣпленныхъ къ нимъ, были отроки, дѣтичи, майстора, технитори, которые составляли личную собственность владѣльцевъ, ихъ движимое имущество, даже и по закону не могли жаловаться на своихъ господъ; не смотря на свои профессіи,—ремесленника, пастуха, земледѣльца, они составляли классъ настоящихъ рабовъ,—хотя въ законодательствѣ имъ и присвоены наименованія, указывающія на патріархальныя, семейныя, добродушно-сантиментальныя отношенія къ нимъ ихъ господъ. Эта умиротворяющая патріархальность, стремившаяся прикрыть суровую дѣйствительность, имѣла болѣе морально гибельное вліяніе на человѣка закрѣпощеннаго, чѣмъ самое жесткое, строго формулированное соціальное положеніе римскаго раба. Римскій рабъ пользовался тѣмъ преимуществомъ, что положеніе его въ обществѣ было отмѣчено закономъ съ необыкновенной точностью и ясностью; не прибѣгая ни къ какимъ уловкамъ, законъ съ похвальною откровенностью приравнивалъ его къ вещи, а господина его къ собственнику этой вещи; къ этому римскій рабъ не имѣлъ никакого повода сомнѣваться въ томъ, что интересы его, какъ существа одареннаго свободой воли и сознательно мыслящаго, но насильственно лишеннаго свободы, діатрально противоположны интересамъ его господина, что какихъ-либо компромиссовъ между нимъ (вещью) и его господиномъ (собственникомъ) не можетъ быть, а потому, замкнувшись въ свой внутренній міръ, онъ всегда былъ на сторожѣ по отношенію къ своему господину, и чѣмъ глубже оскорблялось его человѣческое достоинство,

гъ живучѣе оставались въ немъ стремленія къ личной свободѣ.
ровопролитнѣйшія войны Римлянъ съ ихъ рабами показываютъ на
кія жертвы способны были римскіе рабы въ борьбѣ за свободу и какъ
ю въ повторявшихся взрывахъ возстанія они придавали значенія
учайнымъ личнымъ качествамъ ихъ господъ, жестокихъ или болѣе
и менѣе гуманныхъ; жертвой мести рабовъ становились тѣ и дру-
, потому что и жестокіе и гуманные представлялись носителями од-
го и того же принципа, оскорбительнаго для свободомыслящаго су-
ства; римскій рабъ въ положеніи сельскаго рабочаго, изнемогающаго
дъ тяжестью труда и палящими лучами солнца, гладіаторъ, истекаю-
й кровью, невольный фигляръ, потѣшающій своего господина не пе-
ставалъ лелѣять мысль о своей свободѣ, не переставалъ морально
ть свободнымъ человѣкомъ. Подчиняясь до поры до времени факту
зическаго насилія, онъ ежедневно выжидалъ случая положить ему
нецъ. Не таково было положеніе закрѣпощеннаго Болгарина или
рба. Въ *церкви* — ему говорятъ о равенствѣ людей; въ *житей-
омъ быту* — онъ встрѣчаетъ нѣчто не вполнѣ соотвѣтствующее
ому началу; возникаетъ противорѣчіе, которое очень просто объ-
сняютъ ему тѣмъ, что равенство это нужно понимать по отношенію
Богу, т. е., что передъ Богомъ всѣ равны, но изъ этаго не слѣ-
етъ заключать, чтобы люди были равны другъ къ другу, что одни
ызваны повелѣвать, а другіе повиноваться и что въ повиновеніи
хъ, на долю коихъ выпала сія роль, заключается заслуга истиннаго
истіанина; въ видѣ утѣшенія ему указываютъ на возможность за-
ты его личныхъ правъ; наконецъ *въ господинѣ* своемъ онъ, по вре-
намъ, встрѣчаетъ черты добродушія, снисходительность и человѣче-
е съ нимъ обращеніе; онъ причисляется къ домочадцамъ своего гос-
дина и обѣдаетъ съ нимъ за однимъ столомъ и проч. Правда, что
о не мѣшаетъ его господину, вслѣдъ за добродушнымъ обращеніемъ,
нестись къ нему какъ къ индивиду низшей расы, но тѣмъ не менѣе
добно согласиться, что вышесказанныя, смягчающія суровую дѣйстви-
льность детали, много способствовали примиренію его съ той соці-
льной аномаліей, которая называется крѣпостничествомъ; онъ посте-
нно, незамѣтно для себя втягивался въ кругъ уродливыхъ понятій
щественныхъ, пріучался взирать на міръ Божій съ чужаго глаза, те-
лъ инициативу и становился нравственно дряблымъ существомъ. Про-
стъ въ немъ противъ гнета могло вызвать лишь матеріальное стра-
ніе, доведенное до крайней степени жестокимъ обращеніемъ съ нимъ
о хозяина, и этимъ объясняется отсутствіе возстанія крѣпостныхъ
отивъ ихъ господъ. Были кое-гдѣ возстанія, но это были отрывоч-
я вспышки неудовольствія противъ частныхъ злоупотребленій, по-

добно тому какъ позднѣе, въ нашемъ столѣтіи инсурекціонное движеніе въ Болгаріи сводилось къ частнымъ отрывочнымъ возстаніямъ противъ злоупотребленій паши или духовныхъ миссіонеровъ константинопольскаго фанара.

Таково соціальное положеніе массы народа въ эпоху, предшествовавшую турецкому завоеванію Балканскаго полуострова. Какъ ни мало было вѣроятія, чтобы такое угнетенное, беззащитное, положеніе народа поощрило его стекаться подъ знамя его руководителей, потому что какія же традиціи ему приходилось отстаивать?—но Коссова битва и предшествовавшіе эпизоды изъ борьбы съ Турками показываютъ, что масса народа принесла свою долю жертвы для защиты родныхъ странъ своихъ. Только въ послѣдующемъ ходѣ событій не она играла главную роль а западные пришельцы, и такія битвы, какъ Никопольская (1396 г.) Варненская (1444 г.) и вторая Коссовская (1448 г.), происходили только при слабомъ участіи Славянъ Балканскаго полуострова, да и то участіе было не исключительно въ пользу христіанъ, такъ какъ въ рядахъ турецкаго войска сражались, и даже весьма храбро, Болгары, Сербы Босняки, Албанцы. Съ завоеваніемъ Балканскаго полуострова прекращаются и такіе слабые симптомы борьбы южнаго славянства противъ Турокъ. «Иго турецкое» оказалось не столь невыносимымъ, какъ оно представлялось во время самаго процесса завоеванія, сопровождавшагося всѣми ужасами истребительныхъ войнъ; масса народа тѣмъ менѣе имѣла причинъ недовольства противъ Турокъ, что ихъ владычество сразу разбило оковы крѣпостничества и тѣ сотни тысячъ безправныхъ людей которые томились подъ гнетомъ личнаго произвола своихъ владѣльцевъ поставлены наравнѣ съ своими бывшими господами. Не признавая различія сословій, Турки невольно ввели демократическое начало въ общественный бытъ южнаго славянства, въ которомъ это начало удержалось и до сихъ поръ. Турки не признаютъ различія сословій, какъ противорѣчащаго соціальному ученію корана и основанныхъ на немъ священныхъ книгъ. Коранъ признаетъ равенство подданныхъ предъ падишахомъ, какъ «земной тѣни Бога». Высокое служебное положеніе не сообщаетъ дѣтямъ его какихъ-либо общественныхъ прерогативъ. Съ точки зрѣнія закона сынъ великаго визиря пользуется не большими правами, чѣмъ простой поденьщикъ; оба они имѣютъ одинаковый доступъ къ служебной карьерѣ; для обоихъ открыты всѣ учебныя заведенія сынъ погонщика муловъ и сынъ сановника усаживаются на одной и той же школьной скамьѣ, и это сосѣдство не возбуждаетъ ни въ комъ удивленія. Достигнувъ высокаго служебнаго положенія, Турокъ вмѣстѣ съ тѣмъ не пріобрѣтаетъ однакоже какихъ-либо правъ, которыя оставались бы за нимъ и независимо отъ его служебнаго положенія: велик

зирь въ отставкѣ вступаетъ въ массу народа и съ точки зрѣнія кона становится наравнѣ съ послѣднимъ простолюдиномъ; если онъ ончательно не стушовывается въ массѣ, то благодаря своему богатву, образованію и прежнимъ связямъ [1]). Конечно, это демократичее начало имѣетъ деспотическую подкладку и сводится *къ безправію ыхъ предъ верховною властью падишаха*. Повелитель правовѣрхъ не можетъ терпѣть возлѣ себя сильную общностью и солидарстью сословныхъ интересовъ аристократію, ибо такая сильная сословя корпорація, безъ сомнѣнія, заявитъ притязаніе не ограниченіе его рховной власти, на участіе въ управленіи государствомъ; оттого онъ каждомъ шагу старается доказать своимъ подданнымъ, что голова рвѣйшаго сановника имперіи не прочнѣе сидитъ на плечахъ, чѣмъ у слѣдняго изъ подданныхъ. Конечно, ничѣмъ не ограниченная власть дишаха была страшна для тѣхъ, на которыхъ обрушивалось негодоніе его, т. е. прежде всего для приближенныхъ падишаха сановниковъ имперіи, но массѣ народа во всякомъ случаѣ представлялась она болѣе туманной дали, чѣмъ непосредственно стоявшая надъ нею асть духовныхъ и свѣтскихъ ея властелиновъ, которые своими близми къ ней отношеніями—реальнѣе напоминали массѣ ея безправіе. ежде чѣмъ турецкое иго успѣло распуститься въ полный цвѣтъ,) повело къ освобожденію массы народа отъ самаго ужаснаго, демоизующаго гнета, который обусловливается частнымъ неограниченмъ правомъ человѣка надъ своимъ ближнимъ. Съ турецкимъ завоеніемъ повсемѣстно исчезаетъ боярское сословіе, члены котораго частью даютъ въ войнахъ, частью принимаютъ исламъ или, наконецъ, стувываются въ народѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сотни тысячъ людей, подвластхъ частнымъ владѣльцамъ и монастырямъ, получаютъ личную свободу права имущественныя. Правда, земля, согласно ученію корана, стала бственностью падишаха, какъ представителя Бога въ семъ мірѣ, но видѣли уже, что эта религіозно социальная фикція не исключала йствительнаго права собственности частнаго лица на владѣемую имъ млю, точно такъ же, какъ общее право государства на занимаемую ъ территорію не исключаетъ частной собственности, за пользованіе торой государство получаетъ извѣстную плату.

Сопоставляя все сказанное объ отношеніи турецкаго владычества подвластнымъ христіанскимъ народамъ, установившемся по завоевамі Турками Балканскаго полуострова, мы видимъ, что завоеватели, гавивъ неприкосновенною религію подвластныхъ народовъ, разбили овы распространеннаго въ южномъ славянствѣ крѣпостничества. Если этому прибавить, что изувѣрства Турокъ и жестокости, которыми

[1]) Crousse, La Péninsule Gréco-Slave, 1876.

сопровождались ихъ войны, составляли только продолженіе тѣхъ собы тій, которыя проносились предъ народами Балканскаго полуострова, т въ средѣ христіанскихъ правителей того времени встрѣчались люд которые чудовищностью своихъ жестокостей приводили въ ужасъ да такихъ падишаховъ, какъ Магометъ (напр. воевода валахскій Влад Дракулъ [1]), то отчасти станетъ понятнымъ отчего народы славянскі послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ битвъ, съ такимъ замѣчательнымъ бе участіемъ относились къ дальнѣйшей борьбѣ западнаго христіанства с мусульманами, почему наиболѣе блестящія страницы въ борьбѣ проти Турокъ принадлежатъ исторіи западнаго христіанства, а не южно славянству, почему это послѣднее въ эпоху завоеванія (XV ст.) симпат свои раздѣляло между мусульманами и западными христіанами... Гово такъ о впечатлѣніяхъ турецкаго владычества на покоренные наро Балканскаго полуострова, столь несогласныхъ съ тѣми чувствами, к торыя оно вызвало въ западномъ христіанствѣ, я этимъ вовсе не ж лаю ни проводить мысли о цѣлесообразности турецкихъ порядковъ, н смывать кровавыя пятна, которыми запечатлѣна исторія ихъ влады ства. Да такая задача и не входитъ въ программу исторіи. Цѣль м гораздо проще и удобоисполнимѣе. Я желалъ намѣтить главныя нача политическаго строя жизни, основаннаго Турками на европейской почв оттѣнить отношенія южныхъ Славянъ къ турецкому владычеству и пре ставить въ настоящемъ свѣтѣ одну изъ причинъ безучастія южны Славянъ въ борьбѣ съ завоевателями Балканскаго полуострова. Все э въ свою очередь можетъ объяснить, почему южные Славяне, въ те ніи 3-хъ столѣтій послѣ завоеванія этихъ странъ, не предприним никакихъ, заслуживающихъ вниманія попытокъ къ освобожденію св ему изъ подъ, такъ называемаго, турецкаго ига

---

[1]) Палаузовъ, Исторія Молдаво-Валахіи.

ГЛАВА XXV.

Турція въ періодъ завоевательныхъ успѣховъ (XVI и XVII ст.) и начало соперничества европейскихъ государствъ изъ-за вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

1. Турецкая политика захватовъ усложняетъ отношенія Турціи къ христіанскимъ государямъ. 2. Роль юго-западной Европы въ борьбѣ съ Турками. 3. Сближеніе Франціи и Англіи съ Турціею. 4. Начало соперничества европейскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ. 5. Турція становится поприщемъ борьбы иноземныхъ вліяній. 6. Послѣдствія этой борьбы для Турціи. 7. Начало завоевательныхъ успѣховъ Турціи внѣ Балканскаго полуострова. 8. Французскій король Карлъ VIII становится во главѣ христіанской коалиціи; причина ея неудачи. 9. Завоеваніе Сиріи и Египта, острововъ Крита и Родоса. 10. Необходимость политическаго равновѣсія приводитъ Францію къ союзу съ Турціею. 11. Австро-турецкая война, вызванная Франціею; покореніе Венгріи. 12. Внутреннія смуты въ Венгріи и Молдаво-Валахіи составляютъ одну изъ причинъ австро-турецкой войны. 13. Завоеваніе Кипра вызываетъ новую христіанскую коалицію. 14. Лепантская побѣда коалиціи и слѣдствіе ея. 15. Значеніе анти-турецкихъ союзовъ. 16. Австрія и Венгрія приглашаютъ Россію къ войнѣ съ Турками. 17. Французскій король Людовикъ XIV помогаетъ Австріи. 18. Причина поворота французской политики по отношенію къ Турціи. 19 Столкновеніе Турціи съ Польшею и Россіею изъ за Украйны.

Завоевательная миссія Османлисовъ могла ограничиться Балканскимъ полуостровомъ. Страна эта представляетъ всѣ условія для всесторонняго развитія соціально-политической жизни и не было надобности ни «дѣлать округленій», ни «искать выходовъ», т. е. пролагать путь къ морю: естественная граница отдѣляетъ Балканскій полуостровъ съ сѣвера, омывающія полуостровъ пять морей съ лучшими въ мірѣ гаванями обезпечиваютъ тѣсную связь его съ странами Востока и Запада.—Ходъ событій двинулъ однакоже Османлисовъ на путь дальнѣйшихъ завоеваній. *Съ одной стороны* упоеніе побѣдами въ періодъ завоеванія Балканскаго полуострова развило въ Османлисахъ вѣру въ неуязвимость военнаго их могущества и вызвало болѣзненную жажду дальнѣйшихъ захватовъ, *а съ другой* — европейскія государства, интересы которыхъ непосредственно затронуты были завоеваніемъ Балканскаго полуострова, естественно пожелали свести счеты съ Османлисами:

на югѣ—итальянскія республики и Испанія со временъ крестовыхъ походовъ основали торговыя колоніи по островамъ Эгейскаго моря, по берегамъ Мореи и Малоазійскимъ; *на сѣверо-западѣ*—въ теченіи сто лѣтій Мадъяры успѣли утвердить свое вліяніе въ Кроаціи и Босніи, которое теперь вытѣснено было турецкимъ владычествомъ. Итальянскія республики, Испанія и Венгрія при господствѣ вліянія ихъ на Балканскомъ полуостровѣ, могли, съ точки зрѣнія Рима, облегчить начатую съ IX в. католическую пропаганду въ средѣ балканскихъ народностей, а потому съ устраненіемъ этого господства слѣдовало ожидать, что *римскій епископъ* станетъ дѣятельнымъ поборникомъ войны христіанскихъ государствъ съ Османлисами и озаботится одухотворить цѣль этой войны идеею защиты христіанства. Интересы обѣихъ сторонъ—Османлисовъ и названныхъ христіанскихъ государствъ казались слишкомъ противуположными и въ то же время непосредственно сталкивающимися; военный задоръ завоевателей Балканскаго полуострова былъ еще слишкомъ великъ, чтобы возможно было выйдти путемъ мирныхъ компромиссовъ изъ новаго положенія, созданнаго турецкимъ завоеваніемъ въ лучшей части нашего материка. Подъ впечатлѣніями побѣдъ и благодаря превосходной по тому времени военной организаціи своей,—Османлисы не выжидали христіанскихъ коалицій и энергически вступили на скользкій путь завоеваній. Путь этотъ приводитъ ихъ въ впослѣдствіи въ столкновеніе съ государствами, которыя въ началѣ XVI ст. не были непосредственно заинтересованы турецкимъ владычествомъ на Балканскомъ полуостровѣ. Прежде всего *Австрія*, которая послѣ избранія эрцгерцога (впослѣдствіи императора) Фердинанда венгерскимъ королемъ (16 декабря 1526) становится представительницею интересовъ Венгріи, какъ одного изъ владѣній Габсбургскаго дома, должна была, отстаивая и Венгрію и себя,—вступить въ состязаніе съ Османлисами; потомъ *Польша*, южныя окраины которой стали соприкасаться съ сѣверо-восточными предѣлами Турціи, вынуждена была обнажить мечъ для защиты своихъ владѣній; наконецъ *Россія* съ тѣхъ поръ, когда черезъ посредство Крымскаго ханства стала лицомъ къ лицу съ Турціею. Уже во 2-й половинѣ XVI в. происходитъ первое столкновеніе между этими двумя государствами, возбужденное жалобами астраханскихъ Татаръ падишаху правовѣрныхъ на московскія притѣсненія. Но Россія была еще слишкомъ безсильна, чтобы твердо стать на путь открытой борьбы съ такимъ могущественнымъ государствомъ какъ Турція; притомъ народный геній подсказалъ ея руководящимъ людямъ, что болѣе опаснымъ врагомъ ея національно-политическому развитію представляется ближайшая западная ея сосѣдка, Польша, растянувшаяся отъ средняго теченія Днѣстра до Балтійскаго моря—съ

стремленіями захватовъ территоріальныхъ и религіозной пропаганды,—чѣмъ татарская орда, называемая Крымскимъ ханствомъ и сдерживаемая въ своихъ сѣверныхъ набѣгахъ казацкою вольницею. А потому Россія, прозрѣвъ въ борьбѣ съ Польшею—борьбу за существованіе, роковой вопросъ—быть ли ей азіатской ордой или членомъ европейской семьи народовъ, рѣшеніе «польскихъ дѣлъ» сочла болѣе настоятельнымъ,—чѣмъ «турецкихъ», и—надобно отдать честь искуству руководящихъ людей ея,—Россія съумѣла сохранить до конца XVII ст. выжидательное, сдержанное положеніе, искусно проходя между патетическими воззваніями «цезаря», римскаго епископа и греческихъ іерарховъ съ одной стороны и національно-политическими задачами съ другой; Россія заботливо избѣгала открытыхъ столкновеній съ Турціею, считая ихъ несвоевременными; она не щадила сибирскихъ соболей для вліятельныхъ сановниковъ Турціи, когда нужно было смягчить неудовольствіе Оттоманской Порты по поводу набѣговъ казацкой вольницы на Крымцевъ, не щадило оно и увѣреній въ искренней братской дружбѣ и вѣчномъ союзѣ противъ всѣхъ враговъ падишаха, когда дѣло шло о томъ, чтобы выиграть что либо въ сторону Польши. Но эта осторожная политика не мѣшала ей исподоволь утвердить начало сношеніямъ съ турецкими христіанами, которые въ XVIII ст. получили санкцію въ формѣ офиціальнаго покровительства Россіи православнымъ христіанамъ Балканскаго полуострова безъ различія національностей. Такимъ образомъ, идя по пути завоеванія, Турція сама создала для себя рядъ непосильныхъ для себя задачъ, которыя заключались въ изысканіи мирнаго способа ликвидировать ненормальныя отношенія ея къ вышеназванныхъ европейскимъ государствамъ. Османлисы не давали себѣ труда въ отысканіи этого способа, предпочитая мечомъ разрѣшать всякія недоразумѣнія. Австрійскій императоръ не доплатилъ какой либо части изъ опредѣленной падишаху дани, или между латинскимъ и турецкимъ текстами договора оказалось несогласіе, или въ Дунайскихъ воеводствахъ (Молдавіи и Валахіи) народъ изгоняетъ негоднаго воеводу и ставитъ другаго,—падишахъ посылаетъ войско, которое призывается быть рѣшительницею недоразумѣній и кстати грабитъ и опустошаетъ страну, хотя бы послѣдняя входила въ составъ турецкихъ владѣній. Идя по этому скользкому пути завоеваній, Турція относилась къ своимъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ исключительно какъ къ доходнымъ статьямъ и поставивъ въ завоеванной странѣ нѣсколько гарнизоновъ, ограничивалась въ своихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ этой странѣ требованіемъ ежегодной дани; объединеніе завоеванныхъ внѣ Балканскаго полуострова странъ съ государствомъ Османлисовъ не входило въ политическую програму падишаховъ и ихъ правительствъ, и если у себя, на

Балканскомъ полуостровѣ, — государство Османлисовъ представлялось въ видѣ военнаго лагеря, раскинутаго среди чуждыхъ по національности и религіи народовъ, то это тѣмъ болѣе слѣдуетъ сказать о странахъ внѣ Балканскихъ, съ тою разницею, что въ послѣднемъ случаѣ этотъ лагерь былъ гораздо рѣже, а вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣе была и власть Порты надъ подобными доходными статьями. Особенно такія доходныя статьи, какъ Молдаво-Валахія, Венгрія и Подолія — скорѣе служили театромъ нескончаемыхъ войнъ, чѣмъ составляли органическія части государства Османлисовъ и этимъ частью объясняются тѣ постоянные переходы ихъ изъ подъ власти Турціи къ временной независимости или подъ власть Австріи; двухъ трехъ неудачныхъ для Турціи сраженій — въ Венгріи или Молдаво-Валахіи достаточно было для того, чтобы та или другая изъ этихъ странъ сочла себя ничѣмъ несвязанною съ государствомъ Османлисовъ. Мы замѣтили, что объединеніе завоеванныхъ странъ не входило въ политическую программу Османлисовъ. Независимо отъ этого, оно, по мѣрѣ распространенія завоеваній, становилось для нихъ *дѣломъ непосильнымъ*, даже и въ томъ случаѣ, еслибы они обладали большимъ организаторскимъ геніемъ. *Во первыхъ*, пестрота національностей, изъ которыхъ многія имѣли свое самобытное прошлое, служило неодолимымъ препятствіемъ къ политическому объединенію обширныхъ завоеваній Турціи и *во вторыхъ*, завоеванія Турціи обнимали собою такія страны, обладаніе которыми составляло или должно было составить необходимое условіе существованія того или другаго изъ европейскихъ государствъ и потому можно было ожидать, что онѣ не пожалѣютъ никакихъ жертвъ за это обладаніе, которое сводилось къ вопросу о существованіи ихъ. Что сталось бы *съ Австріею*, еслибы она не пробила себѣ пути къ Адріатическому побережью, или *съ Россіей*, еслибы она оставалась отодвинутою Татарскимъ ханствомъ отъ Чернаго моря?... Насущная потребность этого выхода названныхъ государствъ къ морю, одинаковость интересовъ ихъ — необходимо должны были повести *къ сближенію* для совмѣстнаго отпора распространявшемуся турецкому владычеству, которому и нанесенъ былъ рѣшительный ударъ Карловицкимъ миромъ 1699 г.

Такимъ образомъ обширные завоевательные успѣхи Турокъ въ описываемый періодъ XVI и XVII ст., при слабости организаторскаго генія этого народа, вмѣстѣ съ тѣмъ при трудности самой задачи политическаго объединенія столь различныхъ по національности и географическому положенію странъ и, наконецъ, при слишкомъ жгучемъ столкновеніи турецкаго владычества съ насущными интересами наиболѣе затронутыхъ имъ двухъ европейскихъ государствъ приготовили паденіе этого могущественнаго въ смыслѣ территоріальной распространенности государства.

Хотя съ разстоянія 3-хъ вѣковъ мы съ улыбкою можемъ отнестись къ тѣмъ страхамъ, которые въ продолженіи двухъ-вѣковой борьбы обнаруживали главныя участвовавшія въ ней со стороны христіанскихъ народовъ дѣйствующія лица, и думаемъ, что даже взятіе Вѣны не имѣло бы иного результата, какъ временнаго пребыванія въ столицѣ Австріи нѣсколькихъ тысячъ янычаръ, подобно тому, какъ это случалось съ столицею Венгріи,—тѣмъ не менѣе исторія должна отвести на своихъ страницахъ почетное мѣсто Итальянскимъ республикамъ, Венгріи, Австріи и Риму за то живое участіе въ борьбѣ съ азіатскими пришельцами въ періодъ наибольшаго могущества Турціи и тѣ великія жертвы, которыя они принесли для защиты себя, а стало быть и европейской цивилизаціи отъ гибельныхъ свободѣ началъ, азіатскаго деспотизма. Конечно, цивилизаціи не угрожала *смертельная опасность*, но ходъ ея развитія могъ быть надолго задержанъ подобно тому, какъ татарское иго остановило исторію Россіи на нѣсколько столѣтій, а турецкое владычество на Балканскомъ полуостровѣ задержало въ теченіи четырехъ вѣковъ народы этой оконечности нашего континента на томъ низкомъ уровнѣ развитія, на которомъ ихъ застали завоеватели полуострова.

Рядомъ съ борьбою юго-западной Европы противъ распространявшагося турецкаго владычества прокладываютъ путь *мирныя сношенія* христіанскихъ государствъ съ Турками,—тѣхъ именно государствъ, которыхъ по отдаленности не могли страшить успѣхи турецкаго оружія. Это была прежде всего *Франція*, а затѣмъ *Англія*. Первая изъ нихъ, съ XII в. основавшая въ Сиріи и по островамъ Эгейскаго моря торговыя колоніи и отправлявшая въ воды Леванта многочисленныя суда подъ собственнымъ національнымъ флагомъ, была ближе всего заинтересована, для дальнѣйшаго развитія своей торговли съ Востокомъ, установить дружественныя отношенія къ повелителю лучшихъ уголковъ трехъ частей свѣта. Къ такимъ отношеніямъ Францію, во второй половинѣ XVI в., побуждалъ и страхъ передъ развивавшимся могуществомъ Габсбурговъ, изъ которыхъ въ лицѣ Карла V соединились испанскія владѣнія съ нѣмецкими. Руководящимъ людямъ Франціи могущество Габсбурговъ представлялось болѣе опаснымъ политической свободѣ народовъ Запада, чѣмъ отдаленное господство Османлисовъ, и потому къ этому послѣднему они отнеслись, какъ къ противовѣсу, какъ къ точкѣ опоры для противодѣйствія распространявшемуся могуществу Габсбурговъ. Идея политическаго равновѣсія была впервые примѣнена къ международнымъ отношеніямъ Франціею, и только конечно случай—плѣнъ французскаго короля Франциска I,—рѣшилъ, что впервые идею эту воспроизвелъ въ международной жизни названный представитель Франціи, той

самой, которая не только въ періодъ крестовыхъ походовъ стояла во главѣ борьбы съ невѣрными, но и послѣ утвержденія Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ откликнулась, въ лицѣ короля своего Карла VIII, одна изъ первыхъ на воззваніе римскаго епископа, обращенное къ христіанскимъ народамъ.

Съ открытіемъ торговыхъ сношеній *Англіи* съ Индіею [1]), свободное плаваніе первой въ водахъ турецкихъ становится для нея насущною потребностью, ради которой она необходимо должна была утвердить свое вліяніе въ Турціи. *Венеція* и въ особенности *Франція*, торговый флотъ которой господствовалъ къ концу XVI ст. на моряхъ, омывающихъ Балканскій полуостровъ, встрѣтили враждебно этотъ первый шагъ будущей своей сильной соперницы; но все вліяніе ихъ, подкрѣпляемое щедрыми подкупами руководящихъ людей Турціи, не могло вытѣснить соперничество Англіи. Порта находила выгоднымъ для себя это соперничество: *во первыхъ*, оно сопровождалось вступленіемъ богатой націи въ кругъ торговыхъ сношеній Турціи и *во вторыхъ*, оно открывало руководящимъ людямъ Турціи, не исключая и самого падишаха (Мурада III, 1574—1595 г), широкую возможность извлекать неисчислимыя выгоды изъ этого соперничества путемъ временныхъ репрессалій и уступокъ въ пользу того или другаго изъ конкурентовъ. Но принося временныя матеріальныя выгоды казнѣ и отдѣльнымъ лицамъ, это соперничество отразилось гибельными послѣдствіями на внѣшней и внутренней политикѣ Турціи; въ сферу ея политики сталъ проникать элементъ случайности, непослѣдовательности, который нигдѣ не развился въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, какъ въ Отоманской имперіи. Государство это уже съ конца XVI ст. становится ареною борьбы чуждыхъ вліяній, которыя отражаясь на *внутренней политикѣ* Турціи производятъ здѣсь расшатанность, вызывая *во внѣшнихъ отношеніяхъ* рѣзкіе и быстрые переходы отъ однихъ симпатій къ другимъ. Высокаго своего развитія это начало случайности достигло въ XVIII ст., въ особенности въ 2-го ея половинѣ, когда, казалось, Турція въ своей государственной жизни потеряла всякую способность руководствоваться своими національно-политическими цѣлями, ставъ орудіемъ иноземной политики того или другаго государства. Втянутая въ запутанную сѣть европейскихъ интересовъ, Турція совершенно затерялась въ ней и нерѣдко примыкала къ такимъ международнымъ комбинаціямъ, которыя могли имѣть лишь самое отдаленное къ ней отношеніе, какъ напр. участіе ея въ шведскихъ и польскихъ дѣлахъ. Съ Турціею случилось тоже, что съ человѣкомъ совершенно неразвитымъ и съ скуднымъ

[1]) Reclus, Geographie Universelle, т. I.

запасомъ опыта, разомъ очутившимся въ кругѣ самыхъ сложныхъ житейскихъ отношеній: очевидно жизненная карьера такого индивида будетъ весьма жалкая, такъ какъ не имѣя сознательной, самостоятельной устойчивости, онъ на все будетъ взирать съ чужаго глаза и во всемъ будетъ поступать подъ чуждыми вліяніями, т. е. шарахаться изъ стороны въ сторону. Разница только та, что эта неустойчивость *во второмъ* случаѣ вредно отзовется на немъ или небольшомъ кругѣ его близкихъ, въ то время, когда *въ первомъ* случаѣ она ведетъ къ политической деморализаціи цѣлаго государственнаго организма.

Не будь этого «блестящаго завоевательнаго» періода въ исторіи Турціи, этого чрезмѣрнаго, хотя въ большинствѣ случаевъ пассивнаго, искусно *со стороны* вызваннаго участія ея въ судьбахъ европейскихъ государствъ,—Турки, народъ несомнѣнно способный, воспріимчивый, трудолюбивый, народъ отличающійся притомъ высокою степенью національной и религіозной терпимости, народъ, въ средѣ котораго нашли пріютъ и до сихъ поръ живутъ десятки тысячъ изгнанниковъ разныхъ религій и національностей [1],—съумѣли бы вызвать народы Балканскаго полуострова къ политической жизни въ той наиболѣе соотвѣтствующей какъ великому разнообразію географическихъ условій страны, такъ и различію національностей формѣ общежитія, которая называется федераціею. На сколько присуща эта форма общежитія народностямъ Балканскаго полуострова, видно изъ того, что при всѣхъ временныхъ, крайне неблагопріятныхъ ей условіяхъ, слѣды ея сохранились и по настоящее время въ средѣ населенія напр. Албаніи, которое наименѣе испытывало гнетъ византійскаго цезаризма, а потомъ турецкаго произвола: племена албанскія составляютъ сѣть мелкихъ федерацій, которыя проявляли способность дѣйствовать солидарно въ минуты общей опасности. Упорное и продолжительное сопротивленіе Скандерберга усиліямъ Магомета II было бы совершенно немыслимо при отсутствіи федеративной солидарсти албанскихъ племенъ въ борьбѣ ихъ съ Турками; и далѣе: что такое греческая гетерія начала нашего столѣтія, какъ не сѣть мелкихъ федерацій, которыя въ борьбѣ за независимость дѣйствовали съ замѣчательнымъ согласіемъ; наконецъ—повторявшіяся возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ противъ административнаго гнета византійскаго, а потомъ турецкаго, находили опору, кромѣ естественныхъ условій страны, въ федеративной солидарности населенія.

Обратимся къ разсказу о событіяхъ завоевательнаго періода Турціи. Онъ открывается въ концѣ XV ст. движеніемъ Турокъ въ двухъ направленіяхъ: *къ сѣверу*—въ Молдаво-Валахіи и *югу*—на островахъ Эгейскаго моря.

---

[1]) Lamartin, Voyage en Orient; Morel, la Turquie et ses reformes, 1866; Parter, Observations sur les Turcs.

Молдаво-Валахія сама по себѣ не представляла серьезнаго сопротивленія Туркамъ. Это была страна политической анархіи, которою отъ времени до времени пользовались отдѣльныя личности для угнетенія народа. Въ два похода Турки утвердили здѣсь свою власть, и если она подвергалась затѣмъ сильному испытанію, если случалось, что Турки должны были на время отказаться отъ своей власти надъ Молдаво-Валахіей, то единственно благодаря тому, что Мадъяры, угрожаемые дальнѣйшимъ наступленіемъ Турокъ, по временамъ предупреждали движеніе ихъ къ сѣверу, сами вступая въ Молдаво-Валахію и здѣсь отбрасывали ихъ на правый берегъ Дуная. Только послѣ завоеванія, въ 1521 г., Бѣлграда, этого южнаго передоваго укрѣпленнаго поста владѣній Мадьяръ, театръ борьбы ихъ съ Турками переносится въ центръ Венгріи, а Молдаво-Валахія предоставляется собственной судьбѣ и падаетъ къ ногамъ падишаха съ ея храбрыми воеводами — угнетателями туземнаго населенія, но смиренными слугами падишаха.

Между тѣмъ, какъ на сѣверѣ Молдаво-Валахія переходитъ во власть Турокъ, повелитель *Крымскаго ханства* Менгли-Гирей признаетъ себя данникомъ султана (1476 г.), а на югѣ морскія силы Турокъ распространяютъ власть падишаха на островахъ Эгейскаго моря и высадкою въ г. Отранто угрожаютъ Италіи,— папскія посланія неумолкаемо сзываютъ латинскіе народы къ войнѣ съ невѣрными. Рыцарскій король Франціи отозвался въ данное время первый на воззваніе святѣйшаго престола, тѣмъ болѣе, что скитающійся безъ денегъ и значенія племянникъ послѣдняго императора византійскаго Андрей Палеологъ подписалъ договоръ, въ силу котораго отказался отъ всякихъ правъ на византійскій престолъ въ пользу французскаго короля. Населеніе Албаніи, гдѣ должна была высадиться христіанская рать, подготовленная предпріимчивыми агитаторами возстанія противъ Турокъ, — съ нетерпѣніемъ ожидало появленія освободителей; христіанамъ Эпира и Ѳессаліи, чрезъ посредство Венеціанцевъ, отправлено разнаго рода оружіе, пригодное для партизанской войны; томившійся въ изгнаніи братъ султана Джемъ (Сизимъ) предназначался для возбужденія внутреннихъ смутъ въ Турціи, долженствовавшихъ облегчить ея паденіе.

Все это предпріятіе, на которое возлагалось такъ много надеждъ, потерпѣло полную неудачу: Французы на пути къ Отранту имѣли неосторожность занять Неаполь и этимъ сразу вызвали недовѣріе къ освободительной миссіи своей, нетолько прежде всего разумѣется со стороны короля неаполитанскаго Фердинанда, но и Венеціанцевъ и римскаго епископа. Освободительная миссія французскаго короля стала представляться недавнимъ его союзникамъ—миссіею завоевательною, и это неожиданное открытіе замѣчательно быстро охладило увлеченіе ихъ

общею идеею защиты христіанства. *Частные интересы* каждаго изъ нихъ вдругъ на столько обособились отъ этой общей идеи и выступивъ впередъ, заслонили ее собою, что и римскій епископъ и Венеціанцы не только отказали въ обѣщанной помощи *защитнику христіанства*, но изъ нихъ, Венеціанцы поспѣшили даже оказать услугу Портѣ, остановивъ подвозъ оружія, предназначеннаго для Эпиротовъ и Ѳессалійцевъ и переславъ падишаху перехваченные у инсургентовъ документы съ подробною программою предстоявшей инсуррекціи и съ спискомъ участниковъ возстанія. Эта неудавшаяся христіанская коалиція представляетъ собою первое наглядное доказательство обособленія частныхъ государственныхъ интересовъ въ борьбѣ христіанской Европы съ Турціею и вмѣстѣ съ тѣмъ преобладанія этихъ интересовъ надъ *общею идеею защиты христіанства и цивилизаціи*. Ряды *представителей общей идеи* постепенно уменьшаются, хотя самая идея не перестаетъ быть «знаменемъ» еще долгое время. Двойственность эта или,—выражаясь житейскимъ языкомъ,—лицемѣріе должна была тяжело отозваться на судьбѣ подвластныхъ Турціи христіанъ и, я думаю, была одною изъ многочисленныхъ причинъ продолжительнаго жалкаго stato quo христіанскаго населенія Турціи. Турки, при всей ихъ политической непрозорливости, могли замѣтить, что *не христіанская идея* руководитъ европейскія державы въ борьбѣ послѣднихъ съ завоевателями Балканскаго полуострова и тѣмъ болѣе *не участь Балканскихъ христіанъ* заботитъ европейскія правительства, когда возникалъ вопросъ о турецкомъ владычествѣ въ Европѣ, а цѣли менѣе идеальныя, *не выходившія изъ круга интересовъ торговыхъ*, *территоріальныхъ или вообще государственныхъ*, къ которымъ конечно всегда *пристегивались* въ видѣ орнаментовъ разныя идеальныя стремленія на пользу цивилизаціи и христіанства; Турки не могли не замѣтить, что разъ только то или другое государство, въ сношеніяхъ или столкновеніяхъ съ Турціею, добивалось удовлетворительнаго исхода своихъ территоріальныхъ, торговыхъ интересовъ, какъ оно немедленно выдѣлялось изъ общей христіанской лиги и завязывало дружбу съ невѣрными.

Такія превращенія, истинный смыслъ которыхъ могъ сдѣлаться понятенъ даже Туркамъ, должны были деморализирующе дѣйствовать на отношенія отоманскаго правительства къ подвластнымъ христіанамъ. Какое понятіе это правительство могло составить объ искренности и вмѣстѣ съ тѣмъ и опасности для существованіи Турціи христіанской лиги, когда нáбольшій ея, самъ епископъ римскій приглашаетъ ихъ, «невѣрныхъ», противъ старшаго сына святой католической церкви, когда христіанская республика передаетъ правительству списокъ албанскихъ и

греческихъ заговорщиковъ, очень хорошо зная, какая участь ждетъ ихъ, какъ мятежныхъ подданныхъ падишаха.

Порта чрезвычайно обрадовалась такому счастливому для нея разрѣшенію тучи, надвигавшейся съ Запада, такъ какъ ей предстояло отвесть боевыя силы въ Малую Азію, гдѣ оставались еще кое-какіе независимые отъ Османлисовъ, впрочемъ мелкіе, безсильные владѣтельные обломки распавшагося царства Сельджукскихъ Туровъ. Преслѣдуя столь излюбленную завоевателями систему *«обезпеченія и округленія границъ»*, падишахи не могли спокойно взирать на продолжающееся существованіе этихъ ничтожныхъ и въ дѣйствительности совершенно безопасныхъ владычеству Османлисовъ владѣтельныхъ правителей отдѣльныхъ областей. Для подчиненія ихъ Порта прибѣгала къ такимъ способамъ, которые и ранѣе и позднѣе употребляли всѣ сильнѣйшія государства въ отношеніи къ слабѣйшимъ, когда эти послѣднія, по несчастію для нихъ, вступали въ завоевательную программу сильныхъ сосѣдей. Способы эти, при всѣхъ ихъ варіантахъ, въ сущности сводятся къ тому, что во владѣніяхъ сосѣда возбуждается внутренняя смута, создаются партіи, изъ которыхъ одна какая-нибудь *для блага своей страны* находитъ чрезвычайно полезнымъ вмѣшательство сильной руки; сильная рука вмѣшивается и для предупрежденія дальнѣйшей безурядицы и блага населенія, изгоняетъ владѣтельнаго правителя, а область его беретъ себѣ. Такъ поступила теперь Порта въ отношеніи къ Палестинѣ, Сиріи и Діарбекиру. Присоединеніе первыхъ двухъ странъ, составлявшихъ вассальныя владѣнія султана каирскаго, повело къ войнѣ съ Египтомъ въ 1517 г. Египетъ со времени крестовыхъ походовъ перешелъ во власть Мамелюковъ, мужественныхъ выходцевъ съ Кавказа [1]), избравшихъ себѣ султаномъ въ описываемое время Тумана бея. Османлисамъ пришлось выдержать ожесточенную войну съ Мамелюками. Шагъ за шагомъ отстаивали Мамелюки свою землю и когда уже, бывъ подавлены численнымъ превосходствомъ непріятеля, увидѣли его въ стѣнахъ Каира, защищались на улицахъ, въ домахъ въ теченіи трехъ сутокъ, пока численность взяла свое; избіеніе Мамелюковъ было послѣдствіемъ мужественнаго сопротивленія; жертвы насчитываютъ тысячами и въ числѣ ихъ пали высшіе представители этой храброй египетской милиціи. День взятія Каира (29 января 1517 г.) можно считать началомъ истребленія Мамелюковъ, довершеннаго Мегметомъ Али въ 1811 г. Завоеваніе Египта и Сиріи должно было рѣшить и участь острова Родоса, который, находясь въ рукахъ темплієровъ, представлялся Туркамъ помѣхою къ прочному обладанію Египта.

---

[1]) Voltair, Essai sur les moeurs, т. 8, изд. Lahure 1859.

томъ и сирійскими берегами въ Азіи; кромѣ того Родосъ необходимъ былъ и для обезпеченія морскаго пути сирійскихъ мусульманъ въ Мекку. Страшныя потери, понесенныя оттоманскою арміею при осадѣ Родоса въ 1480 г., показали, что можетъ сдѣлать горсть рыцарей, опирающаяся на мужественное населеніе острова, и какой опасности могутъ подвергнуться внѣевропейскія владѣнія Турціи при существованіи этой могущественной христіанской колоніи, поставившей жизненною своею задачею борьбу съ мусульманами. Вообще Турки того времени по справедливости считали этотъ укрѣпленный аванпостъ христіанскаго Запада *ракомъ, который остался въ сердцѣ ихъ государственнаго организма* [1]). Уже Селимъ задумалъ пріобрѣтеніе во что бы то ни стало этого острова, судя по тѣмъ приготовленіямъ, которыя онъ началъ дѣлать. Но прежде, чѣмъ могла быть начата война, Селимъ умеръ, оставивъ единственнаго сына Солимана I (1520—1566), время котораго представляется блестящимъ періодомъ въ исторіи Турціи съ точки зрѣнія завоевательныхъ успѣховъ. Солиманъ I возобновилъ приготовленія къ войнѣ съ Родосомъ и дѣлалъ эти приготовленія въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что можно было думать, что дѣло идетъ о войнѣ съ могущественнымъ, обширнымъ государствомъ, а не съ горстью народа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Въ іюлѣ 1522 г. 100,000 войска на 300 парусныхъ судахъ подступили къ Родосу. Около пяти мѣсяцевъ продолжалась осада; сильная артиллерія осаждавшихъ руэрушала городскія стѣны и башни города Родоса, облегчая приступъ; янычары нѣсколько разъ врывались въ городъ, гдѣ на улицахъ, въ домахъ и переулкахъ завязывалась рѣзня, оканчивавшаяся истребленіемъ нападавшихъ. Какъ при первой осадѣ (1480 г.), такъ и теперь, не только женщины, но и дѣти не оставались безучастными къ защитѣ родной земли. Сколько трагическихъ эпизодовъ самопожертвованія представляла эта пятимѣсячная защита маленькаго острова противъ стотысячной арміи, вооруженной лучшею въ Европѣ того времени артиллеріею, и какъ блѣднѣютъ, какъ мизерны кажутся передъ этою защитою сопротивленія Тырнова, Софіи, Ниша противъ силъ значительно меньшихъ. Были моменты, когда Солиманъ, видя страшныя потери въ рядахъ своей арміи, насчитывавшіяся тысячами, намѣревался снять осаду, и только настойчивость, которая въ людяхъ энергическихъ усиливается въ виду встрѣчающихся препятствій, отклоняла мысль объ отступленіи. Но быть можетъ, при всей своей настойчивости, Солиманъ снялъ бы осаду, если бы не измѣна открыла Туркамъ путь въ городъ, тамъ, гдѣ онъ еще казался неприступенъ. 25 декабря 1524 г. городъ сдался, и слѣдуетъ

---

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т. II.

замѣтить что храбрыхъ защитниковъ города не постигла обычная участь, которой подвергались въ такихъ случаяхъ подобные имъ герои. Солиманъ дозволилъ рыцарямъ и большей части населенія (которая не пожелала остаться на островѣ) выселиться и, какъ расказываютъ, выразилъ даже сожалѣніе, въ средѣ своей свиты, что вынужденъ былъ удалить престарѣлаго магистра ордена Иль-Адама изъ занятаго имъ дворца магистровъ ордена. Съ согласія Карла V, рыцари заняли островъ Мальту. Въ 1565 г. турецкій флотъ подъ начальствомъ сераскира Мустафы-паши, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ осаждалъ островъ. но безуспѣшно. До конца XVIII ст. рыцари ордена, подъ именемъ Мальтійскаго, сохранили полную самостоятельность; въ это время Наполеонъ I, на пути египетскаго похода, занялъ островъ и разсѣялъ самый орденъ. Въ началѣ нашего столѣтія островъ занятъ Англичанами, которые до сихъ владѣютъ имъ.

По завоеваніи Крита и Родоса, изъ крупныхъ острововъ Эгейскаго моря и Сирійскаго побережья, имѣвшихъ какъ торговое, такъ и стратегическое значеніе, оставался еще островъ Кипръ, славившійся уже въ то время своими винами и находившійся во власти Венеціанцевъ. Безъ сомнѣнія, Кипръ долженъ былъ войти въ завоевательную программу Османлисовъ, и Солиманъ дѣйствительно готовился къ осадѣ этаго острова. Но Венеціанцы, благодаря связямъ, которыя они имѣли при Оттоманской Портѣ, успѣли на этотъ разъ, мирнымъ путемъ, выйти изъ затруднительнаго положенія: по обладанію Кипромъ и нѣсколькими другими островами Іоаническаго моря они признали себя вассалами падишаха съ обязательствомъ ежегодной дани въ 10,000 дукатовъ.

Въ то время, когда передовыя окраины трехъ частей свѣта сливаются во власти Османлисовъ, на сѣверѣ выростаетъ могущественное государство Габсбурговъ, готовое обратиться въ одну изъ тѣхъ «всемірныхъ монархій», которыя въ свое время принесли неоцѣненную услугу цивилизаціи, внеся въ среду разобщенныхъ первобытныхъ народовъ идеи общежитія и выведя эти народы изъ состоянія варварства къ жизни общечеловѣческой. Но съ тѣхъ поръ (X ст.), когда народы нашего континента твердо вступили на путь національно-политическаго развитія *всемірныя монархіи* въ Европѣ стали анахронизмомъ и, главнѣе всего—*началомъ задерживающимъ ходъ цивилизаціи.* Совершивъ свою объединительную миссію, всемірныя монархіи, казалось, должны были навсегда сойти со сцены нашего континента, и дѣйствительно только случайныя совпаденія событій вызвали вновь къ жизни, впрочемъ непродолжительной, погребенную вѣками всемірную монархію. Габсбургъ, государь австрійскій *Максимиліянъ I* (1492 — 1519), по брачному договору съ Маріею Бургундскою, получаетъ въ приданое

Нидерланды; сынъ Максимильяна, *Филиппъ*, вступаетъ въ бракъ съ единственною наслѣдницею Фердинанда Аррагонскаго и Изабеллы Кастильской, но умираетъ (1506 г.) еще при жизни своего отца Максимильяна. По смерти Максимильяна, внукъ послѣдняго и сынъ Филиппа, *Карлъ*, сдѣлавшись императоромъ германскимъ подъ именемъ Карла V (1519—1540), вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдуетъ и *всѣ испанскія владѣнія Фердинанда и Изабеллы*, которыя, черезъ посредство матери его Іоанны,—присоединяются къ владѣніямъ Габсбурговъ; наслѣдникъ Карла V, *Фердинандъ* (1540 — 1564 г.) женился на дочери короля *богемскаго* и *венгерскаго* Владислава, — Аннѣ, родной братъ которой Людвигъ, единственный сынъ Владислава, становится королемъ, богемскимъ и венгерскимъ; Людовикъ Венгерскій женится на внучкѣ Максимильяна I и такимъ образомъ оказывается связаннымъ двойнымъ свойствомъ съ Габсбургомъ—*во первыхъ*, какъ братъ жены Фердинанда I и *во вторыхъ*, какъ мужъ сестры Карла V—основаніе достаточное для притязанія Габсбурговъ на наслѣдіе Владислава въ случаѣ безпотомной кончины его единственнаго сына Людовика; въ 1526 г. Людовикъ падаетъ на полѣ битвы при Магачѣ и въ томъ же году (16 декабря) созванный по повелѣнію вдовствующей венгерской королевы Маріи рейхстагъ въ Пресбургѣ провозглашаетъ Фердинанда австрійскаго королемъ австрійскимъ и богемскимъ. Такимъ образомъ, имперія Габсбурговъ въ первой половинѣ XVI ст. обнимала собою кромѣ нѣмецкихъ земель всѣ испанскія владѣнія, Богемію, Венгрію со всѣми зависѣвшими отъ послѣдней славянскими землями—Славоніею, Кроаціею и Штиріею. Имперія Габсбурговъ, вступивъ въ рангъ «всемірныхъ монархій», стала угрожать назависимости отдѣльныхъ западно-европейскихъ государствъ, такъ какъ ни мелкія сѣверо-германскія курфюрства, графства и герцогства, ни разъединенная Италія не могли вступить въ состязаніе съ этимъ колоссальнымъ государствомъ; не могла рѣшиться на единоборство и слабая въ то время Франція. Пораженіе Французовъ при Павіи (23 февраля 1525 г.) и плѣнъ французскаго короля Франциска I, отвезеннаго по повелѣнію Карла V въ Мадридъ, могли сдѣлаться прологомъ завоеванія Франціи, которая почти со всѣхъ сторонъ охвачена была владѣніями Габсбурговъ, или непосредственными или вассальными.

Чтобъ спасти себя, Франція должна была найдти во что бы то ни стало сильный противовѣсъ опасному не только для одной Франціи, но и для Европы могуществу Габсбурговъ. Такимъ противовѣсомъ въ то время только и могло считаться военное государство Османлисовъ; одно оно, какъ соприкасавшееся при томъ съ владѣніями Габсбурговъ, могло остановить и подорвать развитіе этой новой всемірной монархіи. Гдѣ же стало быть искать союзника для борьбы съ этой монархіей, какъ

не въ повелителѣ трехъ частей свѣта, Солиманѣ I Великолѣпномъ. Союзъ съ падишахомъ конечно можетъ нѣсколько шокировать христіаннѣйшаго короля Франціи, но въ правѣ ли онъ отказываться отъ союза, когда рѣчь идетъ о защитѣ животрепещущихъ интересовъ его страны, и отказываться только потому, что полезный для него союзникъ исповѣдуетъ другой религіозный культъ; конечно «цезарь» и папа, и другіе постараются изъ этого союза сдѣлать нѣчто въ родѣ европейскаго скандала и на короля Франціи будутъ указывать, какъ на ренегата въ семьѣ христіанскихъ монарховъ; но утѣшеніемъ для Франциска должно было служить то, что во всемъ этомъ ожидаемомъ взрывѣ негодованія будетъ очень мало искренности, такъ какъ не самъ ли епископъ римскій, и король неаполитанскій и Венеціанцы еще такъ недавно выдѣлились изъ христіанской коалиціи, когда потребовалось охранить собственные интересы. Разница только та, что король Франціи въ болѣе откровенной, рѣзкой формѣ примѣнилъ къ международнымъ отношеніямъ начало политическаго равновѣсія, носившееся уже, такъ сказать, въ воздухѣ и долженствовавшее противодѣйствовать существованію на европейской почвѣ какихъ бы то ни было всемірныхъ монархій.

Послѣдующій ходъ отношеній европейскихъ государствъ къ Турціи показываетъ, что примѣръ Франціи нашолъ не одного подражателя, когда того требовали болѣе близкіе той или другой страны интересы. И такъ, разбитый при Павіи, находясь въ плѣну, Францискъ I вступилъ въ сношенія съ Солиманомъ Великолѣпнымъ и первый посолъ Франціи при Оттоманской Портѣ, Франчипани, вручилъ падишаху посланіе мадридскаго плѣнника съ предположеніями тѣснаго союза противъ Габсбурговъ и съ мольбою—напасть на венгерскія ихъ владѣнія.

Падишахъ былъ чрезвычайно польщенъ обращеніемъ къ нему главы народа, который стяжалъ на Востокѣ громкую извѣстность въ борьбѣ съ невѣрными. Турки уважаютъ храбрость, что видно изъ почитанія ими памяти албанскаго героя-христіанина, Скандерберга, а Французы представлялись падишаху храбрѣйшимъ (конечно послѣ Османлисовъ) народомъ въ мірѣ. Солиманъ принялъ радушно представителя плѣннаго короля и въ отвѣтномъ письмѣ своемъ (15 февраля 1526 г.) выразилъ сочувствіе критическому положенію Франциска I, обѣщавъ исполнить его желаніе. Союзъ этотъ послужилъ началомъ къ дальнѣйшимъ сношеніямъ французскаго короля съ Солиманомъ, которыя однимъ изъ важнѣйшихъ своихъ послѣдствій имѣли торговый договоръ, заключенный между Франціею и Турціею въ 1535 г. подъ именемъ «капитуляцій». Кромѣ предоставленія Французамъ обширныхъ торговыхъ правъ въ предѣлахъ турецкихъ владѣній, учрежденія консульства тамъ, гдѣ Французское правительство найдетъ необходимымъ, Французы на осно-

ваніи капитуляцій избавлялись навсегда отъ невѣжества или произвола турецкихъ судей; католическіе христіане, если они не принадлежатъ къ числу покровительствуемыхъ Венеціанскою республикою, отнынѣ становились подъ защиту Франціи; католическое духовенство пріобрѣло обширныя права по надзору и охранѣ святыхъ мѣстъ; купцы всѣхъ націй, которые не выговорили особыхъ правъ отъ Порты, — только подъ защитою французскаго флага могли пользоваться свободою торговли въ турецкихъ владѣніяхъ [1]). Съ этого времени слово «Франкъ» стало въ Турціи наиболѣе популярнымъ обозначеніемъ всякаго европейца-западника какой бы то ни было націи, и до сихъ поръ въ Турціи выраженіе «á la franc'a» означаетъ «по европейски».

Такимъ образомъ, благодаря искуству руководящихъ людей Франціи, утвержденіе обширнаго вліянія ея на Балканскомъ полуостровѣ не потребовало ни одной капли крови французской, ни одного пушечнаго заряда, и французскій торговый флагъ сталъ господствовать въ водахъ турецкихъ.

Если, какъ мы замѣтили, обѣщаніе султана помочь Франциску, т. е. воевать съ Австріею вызвано было польщеннымъ самолюбіемъ падишаха, то не безъ вліянія на это обѣщаніе оставалось и собственное его желаніе отмстить Мадъярамъ за тѣ тяжкіе удары, которые наносили они Османлисамъ въ предшествовавшихъ войнахъ при первой неудачной осадѣ Бѣлграда и взятіи этого города въ 1521 г., гдѣ Турки понесли страшныя потери. Въ томъ же 1526 г. Солиманъ объявилъ походъ въ Венгрію. По взятіи Бѣлграда, путь черезъ Сербію былъ открытъ. 100 тысячная армія съ сильною артиллеріею изъ 300 пушекъ направилась по этому пути, въ то время когда многочисленная парусная флотилія, состоящая изъ 800 судовъ и вступившая въ устье Дуная, обезпечивала армію со стороны доставки военныхъ и продовольственныхъ припасовъ. Самъ султанъ принялъ главное командованіе арміею, раздѣленною на три колонны, изъ которыхъ каждою въ частности командовалъ визирь. Перейдя Дунай, Турки взяли города Петервардійнъ, Иллокъ, Эчекъ и по обычаю того времени, разграбили и подожгли ихъ. Только 29 августа главныя силы турецкой арміи, стянувшіяся въ долинѣ Магача, вступили въ бой съ тяжело вооруженнымъ австро-венгерскимъ войскомъ. Король Людовикъ Венгерскій первый кинулся съ отборнымъ отрядомъ своимъ въ непріятельскіе ряды, прорвался почти до ставки Солимана и нашелъ здѣсь смерть; Австро-Венгры были отброшены внезапно открывшимся сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, подъ защитой котораго янычары пошли въ наступленіе. Большая часть

[1]) Nicolaidy, Les Turcs et la Turquie contemporaine; Lamartin, Voyage en Orient.

христіанскаго войска пала на полѣ битвы; въ особенности много пало Мадьяръ, изъ которыхъ преимущественно состояло это войско. Не смотря на колоссальное пораженіе,—города на пути къ столицѣ Венгріи мужественно защищались; но это повело только къ страшной убыли людей. Насчитываютъ, что въ магачкую кампанію однихъ Мадьяръ пало до 200 т. человѣкъ. Такая громадная потеря лучшихъ силъ народа, и притомъ въ такой короткій промежутокъ времени должна, была значительно ослабить Мадьярскую націю, которая и до этого не представляла собою этнографически сплошной массы въ занимаемой ею странѣ. вслѣдствіе притока сюда съ *юга*—Сербовъ и Валаховъ, а съ *сѣвера*—Нѣмцевъ. Битва при Магачѣ облегчила политическое паденіе Венгріи,—только не въ пользу Турціи, а Австріи. Но пока повелителемъ Венгріи сталъ Солиманъ I. Съ большимъ торжествомъ онъ вступилъ (10 сентября) въ Офенъ и въ числѣ прочей добычи взялъ богатую библіотеку Матвѣя Корвина, да три античныя статуи.

Вслѣдъ за магачскимъ побоищемъ воевода Трансильваніи, Іоаннъ Заполья, при посредствѣ сильной партіи и поддерживаемый Солиманомъ, заставилъ себя избрать королемъ венгерскимъ, такъ какъ Людовикъ умеръ бездѣтный. Въ томъ же году, какъ мы видѣли (25 декабря), созванный въ Пресбургѣ рейхстагъ провозгласилъ королемъ венгерскимъ эрцгерцога,—позднѣе императора Фердинанда. Неисчислимыя смуты открылись въ Венгріи вслѣдствіе этого столкновенія правъ на венгерскую корону,—смуты, которыя открывали Туркамъ поводъ къ постоянному вмѣшательству въ венгерскія дѣла.

По взятіи Офена, Солиманъ призналъ Іоанна Заполья королемъ Венгріи и въ то же время вассаломъ своимъ. Но лишь только ушли Турки, какъ Фердинандъ вступилъ въ Венгрію и разбивъ Заполья при Токаѣ (1527 г.), занялъ Офенъ. Солиманъ, для защиты правъ своего кліента, весною 1529 г. съ 150,000 арміею двинулся въ Венгрію. На пути къ Офену, въ Магачѣ, Заполья привѣтствовалъ Солимана богатыми подарками и послѣдовалъ за нимъ въ столицу Венгріи. Столица сдалась Туркамъ; Фердинандъ съ нѣмецкими тѣлохранителями бѣжалъ; Заполья вступилъ въ королевскій дворецъ; оставивъ въ крѣпости гарнизонъ изъ нѣсколькихъ тысячъ янычаръ, Солиманъ двинулся къ сѣверу и въ сентябрѣ подступилъ къ Вѣнѣ. Въ столицѣ Австріи было всего 16,000 войка, которое однакоже выдержало удачно нѣсколько приступовъ съ большимъ урономъ для осаждавшихъ. Наступившее ненастье осенняго времени и обнаружившійся недостатокъ въ продовольствіи арміи—вынудили Солимана снять осаду. Черезъ три года (1532 г.) открылась новая кампанія, которая отчасти вызвана была настойчивыми просьбами Франциска I воевать съ Австріею, отчасти жалобами Іоанна

Заполья на угрожающее движеніе Австрійцевъ къ Офену. Солиманъ не заставилъ себя долго ждать. Онъ постепенно входилъ въ роль защитника слабыхъ, хотя выполненіе этой роли сопровождалось гибельными для государства его войнами. Весною 1532 г. султанъ вступилъ съ своимъ войскомъ, къ которому присоединились отряды крымскихъ Татаръ. Въ городѣ Нишѣ посолъ французскій привѣтствовалъ Солимана и отъ имени короля своего возобновилъ наступательный и оборонительный союзъ съ Турціею. Перейдя Дунай, турецкія войска раздѣлились на нѣсколько отрядовъ, которые въ теченіе короткаго времени взяли 14 крѣпостей. 9 августа Турки подступили къ укрѣпленному гор. Гюну, на одномъ изъ притоковъ рѣки Рааба, но встрѣтили здѣсь мужественное сопротивленіе со стороны какъ населенія, такъ и гарнизона, которымъ командовалъ Сербъ Юришичъ. Только полное истощеніе продовольствія заставило городъ сдаться, впрочемъ на почетныхъ условіяхъ. Вслѣдъ за взятіемъ Гюна, Солиманъ повернулъ обратно. Къ этому побудили султана дошедшія извѣстія о возстаніи въ Малой Азіи, а также появленіе австрійскаго флота подъ начальствомъ адмирала Андрея Дорія въ Лепантскомъ заливѣ; наконецъ потери, понесенныя Турками при осадѣ Гюна и недостатокъ осадной артиллеріи побудили султана прекратить войну. Въ 1533 г. заключенъ былъ *первый мирный договоръ* съ Австріею, по которому императору обѣщалась дружба падишаха съ удержаніемъ верховныхъ правъ султана на Венгрію; королемъ Венгріи оставленъ Заполья.

Миръ продолжался недолго, такъ какъ имъ вовсе не были устранены причины столкновеній между Австріею и Турціею. Съ 1526 г. австрійскій императоръ считалъ за собою неотъемлемое право на Венгрію, а поставленнаго Турками короля—узурпаторомъ. Кромѣ того, хотя Австрія пріобрѣла право на Венгрію не въ силу завоеванія, но съ 1526 г. она неоднократно воевала изъ-за Венгріи съ Турками и поэтому многочисленными жертвами своими успѣла такъ сказать запечатлѣть право на Венгрію. Сила Іоанна Заполья опиралась правда на янычаровъ, но за то значительная часть общественнаго мнѣнія въ Венгріи склонялась на сторону австрійскаго императора, тѣмъ болѣе, что оберегатели правъ турецкаго ставленика Заполья, янычары дозволяли себѣ по отношенію къ мирному населенію всякаго рода безчинства, которыя очевидно не могли примирить народъ съ кліентомъ падишаха. Опираясь на сильную сочувственную ей партію, могла ли Австрія, которая уже понесла не мало жертвъ изъ-за Венгріи, отказаться отъ правъ своихъ на эту страну? Съ другой стороны Молдаво-Валахія, эта страна дикаго произвола, угнетеннаго, забитаго народа съ ея національными воеводами Дракулами, Радулами, Богданами и иными очень

свирѣпыми у себя дома, но смиренными передъ иноземными претендентами, страна полной политической анархіи, представлялась тою нейтральною почвою, на которой необходимо должны были скрещиваться иноземныя вліянія болѣе сильныхъ сосѣдей. Австрія съ сѣвера, Польша съ востока и Турція съ юга—если не въ одинаковой степени, то съ одними и тѣми же видами вступались въ дѣла этой страны, ставили воеводъ, составляли въ странѣ благопріятныя себѣ партія; воеводы ставились Турціею (преимущественно), но также Австріею и Польшею. Все это вмѣстѣ взятое показываетъ, что причины столкновенія между Австріею и Турціею далеко не могли быть устранены миромъ 1533 г.

Покровительствуя Іоанну Заполья, Турки, послѣ смерти этого короля венгерскаго (1540 г.), приняли подъ свою защиту его сына, Іоанна-Сигизмунда, положеніе котораго тѣмъ не менѣе оставалось шаткимъ, такъ какъ единственною его опорою въ Венгріи были ненавистные народу янычары. Австрійцы, пользуясь нерасположеніемъ народа къ турецкому ставленнику, нерѣдко вступали въ Венгрію, причемъ имъ иногда удавалось изгонять янычаръ изъ нѣкоторыхъ центровъ. Вслѣдъ затѣмъ турецкія войска наводняли Венгрію, и война была готова. Осада Эрлау, Петервардейма, оборона Венгерцомъ Црини города Шегета представляютъ собою наиболѣе драматическіе эпизоды, которые показываютъ до какого ожесточенія доходили австро-турецкія войны, нанесшія трудно-излечимыя раны военному могуществу Турціи—страшными потерями боевыхъ силъ ея, составлявшихъ главную основу ея могущества. Эти потери, не смотря на побѣды Турокъ, вынудили наслѣдника Солимана, Селима II (1566—1574 г.) сдѣлать впервые существенныя уступки въ пользу Австріи: по миру, заключенному 17 февраля 1568 г., Австрія хотя и обязалась платить ежегодную дань Турціи (впрочемъ подъ именемъ подарка), но за то удержала за собою Венгрію, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ городовъ (въ томъ числѣ Офена) съ турецкими гарнизонами,—Далмацію и Кроацію; вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ (Максимильянъ II) обязался признавать воеводъ Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи—вассалами султана. Между тѣмъ, какъ Турки заняты были войнами съ Венгріею и все вниманіе султана обращалось на сѣверъ, *Венеціанцы* исподоволь начали занимать острова у береговъ морей, острова хотя и мелкіе, но имѣвшіе весьма важное значеніе для торговой республики и въ заключеніе перестали платить установленную по договору 1540 г. дань въ 10,000 дукатовъ Туркамъ за обладаніе островомъ Кипромъ.

Порта сочла такое поведеніе Венеціи достаточнымъ поводомъ къ разрыву, но прежде чѣмъ объявить ей войну, потребовала безусловной уступки острова Кипра. Венеція соглашалась на возобновленіе дани

или на единовременный денежный выкупъ, но отъ уступки острова отказалась. Въ виду серьезныхъ военныхъ приготовленій Порты къ предстоящей войнѣ, Венеція обратилась за помощою къ Австріи, Испаніи, Риму, причемъ указывала на важное значеніе для христіанскаго Запада острова Кипра, этой единственной христіанской станціи на пути къ святымъ Мѣстамъ. Венеція очевидно желала провести идею солидарности интересовъ ея и западнаго христіанства по отношенію къ острову Кипру и въ этихъ видахъ обратилась даже къ французскому королю Карлу IX. Ни откуда однакоже не получила она существенной помощи: *Генуя* снарядила на свой счетъ одну галеру; *папа* напутствовалъ Венеціанцевъ молитвами; *король испанскій Филиппъ* завелъ чрезвычайно длинные и казуистическіе переговоры съ Римомъ, Генуею и Венеціею по предмету защиты Кипра; *французскій король Карлъ IX* былъ слишкомъ занятъ истребленіемъ у себя протестантской ереси, чтобы посвятить вниманіе судьбѣ отдаленнаго Кипра, да притомъ же Франція въ данное время находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Портою [1]). И такъ, Венеціи пришлось самой отстаивать Кипръ, такъ какъ Турки конечно не расположены были ожидать окончанія дипломатической переписки между христіанскими правителями. Въ августѣ 1570 г. они подступили къ Кипру и высадились здѣсь подлѣ города Лимазоля. Флотомъ командовалъ Піале-паша, родомъ Грекъ, а арміею Лала-Мустафа. Начато было съ осады Никозіи, которую защищалъ 10-тысячный гарнизонъ, а между тѣмъ осадное войско состояло изъ 50,000 челов. и снабжено было сильною артиллеріею. Выдержавъ нѣсколько приступовъ, городъ сдался; болѣе 20,000 челов. были умерщвлены; 2000 человѣкъ переведены на суда для продажи въ рабство. Изъ другихъ городовъ острова городъ Фамагуста долѣе всѣхъ держался и даже заставилъ Турокъ потребовать изъ Стамбула подкрѣпленіе, такъ что осада затянулась до августа 1571 г. Только совершенный недостатокъ въ продовольствіи заставилъ городъ капитулировать. Не смотря на условія свободнаго пропуска гарнизона, защитники города были почти всѣ перебиты, лишь только положили оружіе. Паденіе Кипра ускорило результаты начатыхъ за годъ до того переговоровъ короля испанскаго Филиппа съ Итальянскими республиками и папой, и повело къ заключенію священнаго союза. Турки, узнавъ объ этомъ, встревожились и обратились къ посредничеству Франціи; но оно не возъимѣло желаннаго для нихъ результата: французскій агентъ холодно былъ принятъ союзниками. Силы союзниковъ соединились въ сентябрѣ 1571 г.; онѣ состояли: изъ 70 галеръ испанскихъ подъ командою Донъ-Жуана Австрійскаго, 12 кораблей папы, которыми командовалъ

[1]) Hammer, Geschichte der Osmanischen Reiches, т. III.

Маркъ-Колонна—и 114 судовъ Венеціанцевъ подъ командою Себастіана Веніеро [1]). Выйдя изъ Мессинскаго залива, флотъ союзниковъ двинулся мимо Корфу и Кефалоніи—къ Лепантскому заливу; здѣсь стоялъ турецкій флотъ, которымъ командовалъ Капуданъ-паша. При входѣ въ заливъ у мыса Вилла-де-Мормо флотъ союзниковъ сталъ лицомъ къ лицу съ флотомъ турецкимъ; адмиральскіе корабли съ той и съ другой стороны въ первыхъ боевыхъ линіяхъ. Седьмаго октября съ турецкаго корабля раздался пушечный выстрѣлъ, на который послѣдовалъ отвѣтъ съ корабля Донъ-Жуана и такимъ образомъ завязалась одна изъ самыхъ ожесточенныхъ морскихъ битвъ, которая вслѣдствіе скученности судовъ переходила въ рукопашный бой. Первымъ трофеемъ христіанъ былъ адмиральскій корабль непріятеля, взятый въ плѣнъ съ остаткомъ экипажа и самимъ Капуданомъ-пашой, которому тотчасъ отрубили голову. Наиболѣе ожесточенныя схватки перешла въ центръ христіанской флотиліи, которымъ командовалъ Донъ-Жуанъ. Здѣсь то Турки и потерпѣли полный разгромъ: 130 судовъ достались въ руки союзниковъ; 94 были сожжены, такъ что со всего многочисленнаго турецкаго флота спаслось 40 судовъ; кромѣ того, въ видѣ трофеевъ союзниковъ оказалось 300 турецкихъ пушекъ и 15,000 христіанскихъ рабовъ, немедленно получившихъ свободу. Потеря союзниковъ заключалась въ 15 галерахъ и 8000 человѣкъ; въ числѣ раненыхъ былъ авторъ «Донъ-Кихота», Сервантесъ.

Какъ ни рѣшительна эта побѣда христіанъ, но вслѣдствіе наступившаго за нею несогласія между союзниками, она, за исключеніемъ уничтоженія паруснаго флота турецкаго (скоро возстановленнаго), не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Указывается правда *на нравственное* значеніе Лепантской побѣды, которое заключается въ томъ, что съ этого времени христіанская Европа перестала считать Турокъ какимъ-то непобѣдимымъ народомъ. Но очевидно, что это одна изъ тѣхъ риторическихъ фигуръ, которыя пользуются привилегіею необыкновенной долговѣчности, находя гостепріимный пріютъ даже и въ весьма серьезныхъ книгахъ: *во-первыхъ*, нельзя говорить серьозно о какомъ то *цѣльномъ* отношеніи Европы къ событіямъ Балканскаго полуострова и въ особенности въ то время,—1571 г., когда Франція находилась въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Турціею, *Англія* исподоволь готовилась вступить въ соперничество съ Франціею и раздѣлить съ нею дружбу падишаха, а *московское* правительство наказываетъ послу своему, *Кузьминскому* (1571 г.) говорить любимцу султана, Мегмету-пашѣ: «захочешь нашего жалованья и любви, то

[1]) Шлоссеръ, Всемірная исторія, т. IV.

послужи намъ, сведи насъ съ своимъ государемъ въ любовь, чтобы братъ нашъ Селимъ былъ съ нами въ братствѣ и любви и за одно былъ бы на цезаря римскаго и на польскаго короля и на чешскаго и на французскаго и на иныхъ королей и на всѣхъ государей италійскихъ» [1]); *во-вторыхъ*, Австро-Венгры неоднократными побѣдами надъ Турками достаточно могли разсѣять страхъ передъ неуязвимымъ всемогуществомъ Турціи. Пораженіе въ Лепантскомъ заливѣ тѣмъ не менѣе раздражило Порту. Она готовила возмездіе и не имѣя возможности, послѣ истребленія флота, вредить морскимъ владѣніямъ главной виновницы «священнаго союза» — Венеціи, открыла рядъ военныхъ дѣйствій противъ Австріи, также не оставшейся вполнѣ чуждою этому союзу. При существованіи такой нейтральной страны, какъ Венгрія и Молдаво-Валахія, за поводомъ къ войнѣ съ Австріею никогда не стояло дѣло, а потому разъ указавъ на существенныя причины австро турецкихъ войнъ въ описываемый періодъ, мы считаемъ совершенно излишнимъ останавливаться на такихъ второстепенныхъ фактахъ, какъ на поводахъ къ войнѣ. Достаточно замѣтить, что, пользуясь Лепантскимъ пораженіемъ Турокъ, Австрія вызвала въ Молдаво Валахіи анти-турецкое движеніе. Какъ бы то ни было, Турки вновь наводнили Венгрію и на пути возстановили власть падишаха въ Молдаво Валахіи, въ нѣсколькихъ стычкахъ разбили Австро-Венгровъ, взяли Эрвау (1596 г) и грозили возобновить походъ на Вѣну. Съ другой стороны, возстановленный между тѣмъ флотъ успѣшно вытѣснилъ Венеціанцевъ съ береговъ Мореи, причемъ разнеслась вѣсть, что Турки готовятся высадиться въ Италіи.

Всего этого было достаточно, чтобы и «цезарь» и папа забили тревогу о страшной опасности, угрожающей всему христіанскому міру со стороны «Агарянъ нечестивыхъ», хотя, какъ мы видѣли, эта общая опасность сводилась къ неудачамъ Австріи и Венеціи. Они желали втянуть другія государства въ кругъ ихъ турецкой политики, но для этого необходимо было по меньшей мѣрѣ обобщить ихъ борьбу съ Турціею, т. е. возвести ихъ частные интересы на степень общеевропейскихъ, общехристіанскихъ. Эта чрезвычайно характерная черта европейской политики проходитъ чрезъ всю исторію отношеній европейскихъ государствъ къ Турціи. Лишь только то или другое государство предвидитъ столкновеніе съ Турціею, какъ спѣшитъ заявить всему міру европейскому о необходимой солидарности европейскихъ государствъ въ пораженіи Турціи; настоятельности борьбы съ нею ради общихъ интересовъ цивилизаціи и христіанства. Какъ ни рѣзко изъ подъ этихъ *общихъ* интересовъ сквозятъ *частные*; но временное совпаденіе цѣлей

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI.

нѣсколькихъ государствъ по отношенію къ Турціи или въ частности къ Балканскому полуострову послужило однакоже темою для повѣствованія *о борьбѣ христіанской Европы съ Турціею* и даже о степени участія того или другаго государства въ борьбѣ за идею — не смотря на то, что разительные факты указываютъ, что всѣ эти «священные» и «просто союзы» въ каждое данное время обусловливались частными интересами союзниковъ, *причемъ дѣйствующія лица «борьбы» измѣнялись, смотря по тому чьи интересы въ данное время оказывались затронутыми*: Франція въ союзѣ съ Венеціей и Римомъ противъ Турціи; Франція въ союзѣ съ Турціею противъ Австріи; Польша въ союзѣ съ Австріею противъ Турціи; Англія—въ союзѣ съ Турціею противъ Венеціи и Франціи; Россія — въ союзѣ съ Австріею противъ Турціи и въ то же время, Россія, обѣщающая дружбу Турціи и желающая союза ея противъ Польши,—и все это въ періодѣ XVI и XVII ст. Еще болѣе пестрый калейдоскопъ представляютъ собою политическія комбинаціи европейскихъ государствъ по отношенію къ Турціи въ XVIII и нашемъ столѣтіяхъ, когда *сегодняшніе* враги Турціи съ высоко поднятымъ знаменемъ, *завтра*—становятся ея друзьями, съ тѣмъ, чтобы при измѣнившихся обстоятельствахъ, опять высоко вскинуть знамя....

Думаемъ, что эти факты представляютъ болѣе ѣдкій комическій эпизодъ всемірной исторіи, чѣмъ тѣ частныя аномаліи краткаго періода 3-хъ лѣтъ, которыя разсказаны у Іоганна Шерра подъ громкимъ названіемъ «Комедія всемірной исторіи».

И такъ «цезарь», угрожаемый Турками, разсылаетъ гонцовъ по европейскимъ дворамъ съ просьбою о помощи, преимущественно денежной: финансы Австріи составляютъ ея историческую болѣзнь. Въ Москву съ этою цѣлью три раза пріѣзжалъ посланецъ императора Рудольфа *Варкочъ* для переговоровъ о союзѣ противъ Туровъ. Ему сказали, что царь ждетъ соглашенія съ персидскимъ шахомъ для войны съ Турками: въ заключеніе думный дворянинъ Вельяминовъ и дьякъ Власьевъ (1595 г.) повезли отъ имени царя въ Вѣну соболей, куницъ, лисицъ, бѣлокъ, бобровъ, волковъ и кожъ лосиныхъ на 44,720 руб., но по оцѣнкѣ на мѣстѣ, стоимость присланныхъ мѣховъ оказалась въ 400 т. руб. [1]). Кромѣ того, удовлетворяя желаніе вѣнскаго правительства узнать: на сколько можно расчитывать на запорожскихъ казаковъ въ войнѣ съ Турками, Варкочу объяснили, что казаки очень полезны для захвата добычи, для опустошенія земли непріятельской, для внезапныхъ наѣздовъ; но съ другой стороны это народъ неукротимый, жестокій и непостоянный; они лучше другихъ войскъ переносятъ голодъ, но имъ нельзя

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VII.

ввѣрять крѣпостей. Любопытно, что при этихъ сношеніяхъ обѣ стороны, — Москва и Вѣна, — дружески выражали сомнѣніе другъ другу въ искреннемъ желаніи каждой изъ нихъ воевать съ Турціею, и Борисъ Годуновъ, въ отвѣтъ на одно изъ писемъ Варкоча, въ которомъ послѣдній просилъ (1591 г.) о принятіи графа Шкота на государеву службу, замѣтилъ даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ: «пишешь ты мнѣ о такомъ не великомъ дѣлѣ, а *о большомъ дѣлѣ*, которое началось между нашимъ и вашимъ государемъ, не пишешь»; упрекнувъ далѣе за сношенія цезаря съ турецкимъ султаномъ, Борисъ прибавляетъ, что онъ «очень тому подивился, какъ такое великое дѣло, годное всему христіанству, начать и покинуть». Это «годное всему христіанству дѣло» и переговоры о союзѣ, которые разрѣшились въ 1595 г. посылкою въ Вѣну разнаго рода мѣховъ, *идутъ параллельно съ дружественными сношеніями Москвы и Порты*, въ которыхъ падишаху обѣщается союзъ Москвы и *Нащокину* (1592) приказывается объяснить султану, что московскій царь не пожелалъ союза съ цезаремъ и другими государствами противъ падишаха.

Кромѣ цезаря,—въ поискахъ союзниковъ противъ Турціи, къ Москвѣ обратился даже папа Климентъ VIII, возложивъ посольскую миссію на подходящаго человѣка, знающаго славянскій языкъ,—священника Камулея, которому было наказано склонять царя къ войнѣ съ Турками, — склонять внушеніемъ страха передъ могуществомъ Турокъ, указаніемъ выгодъ, которыя могутъ получить Русскіе отъ пріобрѣтенія южныхъ странъ въ сообществѣ съ народами искусными въ ратномъ дѣлѣ, напоминаніемъ, что Византія есть наслѣдственное достояніе государей московскихъ, что народы угнетаемые Турками родственны Русскимъ по языку и вѣрѣ. *Кстати же* на Камулея возложено хлопотать о соединеніи церквей... Хотя Камулей съ этой миссіею два раза пріѣзжалъ въ Москву (въ 1595 и 1597 г.), но неизвѣстно, какія она имѣла послѣдствія: по всей вѣроятности, московское правительство ограничилось отвѣтомъ въ общихъ выраженіяхъ сочувствія христіанству и иначе не могло поступить, такъ какъ въ данное время оно напротивъ озабочено было необходимостью избѣгать столкновенія съ Турками для улаженія польскихъ дѣлъ...

Такимъ образомъ надежда «цезаря» на существенную помощь Москвы не увѣнчались успѣхомъ, если не говорить о посланныхъ въ Вѣну мѣхахъ; участіе запорожскихъ казаковъ, на которыхъ цезарь расчитывалъ, парализовано было крымскими Татарами, производившими набѣги на Запорожье; да при томъ отрекомендованы они (казаки) были московскимъ правительствомъ въ такомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, что могли показаться цезарю союзниками ненадежными. Между тѣмъ, упорныя и

продолжительныя войны съ Турціею готовы были, казалось, довести Австрію до полнаго истощенія и, главное, предоставляли случай для анти-нѣмецкаго движенія въ средѣ мадьярской національности, въ особенности съ тѣхъ поръ (1657 г.), когда при императорѣ Леопольдѣ (1657—1705 г.) начались въ Венгріи преслѣдованія протестантовъ.

Критическое положеніе императора заставило его обратиться къ Людовику XIV. Не въ интересахъ французскаго короля было поддерживать Габсбурговъ; но какъ патронъ Рейнскаго союза, онъ рисковалъ лишиться популярности среди нѣмецкихъ князей, отказавшись помочь Нѣмецкой имперіи въ борьбѣ ея съ Турціею. Людовикъ послалъ въ помощь 30 тысячную армію, состоящую изъ 24,000 нѣмцевъ Рейнскаго союза и 6,000 Французовъ; кромѣ того, король французскій снабдилъ императора значительною денежною суммою. Участіе Франціи спасло на этотъ разъ Австрію отъ весьма плачевныхъ послѣдствій, которыя могла имѣть для нея настоящая война. Многочисленная турецкая армія, предводимая великимъ визиремъ Куприли-пашей, уже нѣсколько разъ разбила императорскія войска; только при деревнѣ Санъ-Готардѣ посланный Людовикомъ вспомогательный французско-нѣмецкій отрядъ далъ рѣзкій поворотъ всей кампаніи. Великій визирь 1 августа 1664 г. былъ разбитъ здѣсь на голову, потерявъ нѣсколько тысячъ убитыми и ранеными. Въ томъ же году въ Вазварѣ подписанъ миръ, по которому: а) Трансильванія признана отдѣльнымъ княжествомъ, вассальнымъ султану; б) изъ семи венгерскихъ комитетовъ (округовъ), находящихся между рѣкою Тиссою и Трансильваніею—три присоединены къ Австріи, а четыре округа остались за Турціею.

Кромѣ опасенія лишиться популярности среди нѣмецкихъ князей, это открытое участіе Людовика XIV въ пользу императора вызвано было и тѣми натянутыми отношеніями его къ Портѣ, которыя начались съ конца XVI ст.,—въ то время, 1578 г., когда въ столицѣ Турціи поселился первый англійскій посолъ Гербонъ (Harebone), прибывшій съ тѣмъ, чтобы выговорить для англійской торговли такія же права, которыми пользовалась Франція. Правительство лондонское избрало человѣка чрезвычайно искуснаго для веденія такихъ щекотливыхъ дѣлъ: приходилось бороться съ противникомъ сильнымъ, опиравшимся на полувѣковое вліяніе свое въ Турціи, и пользующимся здѣсь такою обширною популярностью, что словомъ «Франкъ» Турки называли всѣхъ европейцевъ безъ отношенія къ религіи и національности. Правительство Елисаветы Англійской не жалѣло денегъ и драгоцѣнныхъ подарковъ для того, чтобы путемъ мирнымъ пробить дорогу своему вліянію. Искуство представителя Англіи и золото ея возъимѣли полный успѣхъ, которому не мало способствовало и то, что въ это время тронъ пади-

шаха занималъ одинъ изъ самыхъ безпутныхъ потомковъ Османа, Мурадъ III (1574—1595 г.), отличавшійся притомъ совершенно буржуазною алчностью къ деньгамъ [1]. Разсказываютъ, что страсть его къ золоту доходила до того, что въ иныхъ случаяхъ онъ самъ продавалъ за деньги обще-государственные интересы, и можно себѣ представить, что примѣръ падишаха нашолъ живой отголосокъ въ правительственныхъ сферахъ. Начавшееся между Франціею и Англіею соперничество «изъ за вліянія» поддерживается колебаніемъ Порты между симпатіями къ той и другой странѣ; оно *во первыхъ* выгодно руководящимъ людямъ Оттоманской имперіи, потому что открыло имъ новый источникъ наживы, а *во вторыхъ* льститъ падишаху, который на заискиваніе конкурентовъ смотрйтъ, какъ на сознаніе ими собственнаго ничтожества передъ величіемъ повелителя правовѣрныхъ. Перевѣсъ борьбы склонился на сторону Англіи: въ 1589 г. она достигла заключенія съ Портою капитуляціи, на основаніи которой англійскія торговыя суда пріобрѣли право плавать въ турецкихъ водахъ подъ собственнымъ національнымъ флагомъ, а при Магометѣ III (1595—1603 г.), выразившемъ однажды (по поводу жалобы французскаго посла на притязаніе Англіи), что двери Порты широко открыты для всѣхъ иностранцевъ, соперничество Англіи замѣтно стало вытѣснять вліяніе Франціи, такъ какъ по новому договору она пріобрѣла право покровительства надъ всѣми не-французскими подданными европейцами, живущими въ Турціи постоянно или временно; исключеніе составляли Венеціанцы, которые оставались по прежнему подъ защитою своихъ консуловъ и вели торговлю съ Востокомъ подъ національнымъ флагомъ.

Искусно раздуваемое англійскими агентами нерасположеніе Порты къ Франціи съ каждымъ годомъ росло и стало выражаться даже въ притѣсненіяхъ французскихъ подданныхъ; іезуиты, по внушенію англійскаго посла—признаны опасными политическими агитаторами и заведенныя ими типографіи въ Стамбулѣ упразднены, а сами іезуиты изгнаны; французскій посолъ *Маршеваль* подвергся оскорбленіямъ со стороны турецкихъ властей и наконецъ въ 1634 г. Порта отмѣнила капитуляцію 1536 г. и изъяла св. Мѣста изъ подъ покровительства Франціи, передавъ ихъ Грекамъ; за это въ свою очередь и Франція не остается въ долгахъ. *Во первыхъ*, Генрихъ IV (1589—1610 г.), индеферентный въ дѣлахъ религіи, создаетъ планъ христіанской лиги для изгнанія Турокъ изъ Европы и Франція наводняется тысячами брошюръ, книгъ и монографій, доказывающихъ необходимость общей борьбы христіанской Европы съ азіятами; *во вторыхъ*, во время

[1] Lavallée, Histoire de la Turquie, т. II.

войны, происходившей при Ибрагимѣ I (1639—1648 г.) между Турціею и Венеціею изъ-за острова Кандіи, - правительство Людовика XIII хотя воздержалось отъ открытаго союза съ послѣднею, оказало ей однакоже существенную помощь деньгами, парусными судами и дозволеніемъ вербовать во Франціи волонтеровъ: Lavallée насчитываетъ до 50,000 Французовъ, принявшихъ непосредственное участіе въ турецко-венеціанской войнѣ; и наконецъ *въ третьихъ*, какъ мы видѣли, Людовикъ XIV въ 1664 г. посылаетъ въ помощь Австріи деньги и 30-ти-тысячную армію.

Такъ какъ изгнаніе Турокъ оказалось дѣломъ чрезвычайно труднымъ и сложнымъ, то отказавшись отъ этой мысли, Франція въ видахъ своихъ торговыхъ интересовъ естественно должна была желать возстановленія дружественныхъ отношеній съ Портою. Благодаря своимъ талантливымъ и искуснымъ уполномоченнымъ, между которыми встрѣчались и люди съ солидною ученостью (какъ Ноантель), Франція въ 1673 г. добилась того, что Порта возобновила капитуляцію, съ тѣми, конечно, ограниченіями, которыя необходимо обусловливались прочно установившимся соперничествомъ Англіи.

Отнынѣ *Венеція*, *Франція* и *Англія* оспаривали для себя благорасположеніе Порты и каждое изъ этихъ государствъ оставляетъ слѣды вліянія своего какъ на внѣшней, такъ и на внутренней политикѣ ея и подготовляетъ Турцію къ тому жалкому состоянію, когда она, переставъ быть государствомъ самостоятельнымъ, превратилась въ политическую комбинацію (во 2-й половинѣ XVIII ст.), существованіе которой обусловливается лишь пріисканіемъ политическаго равновѣсія, обезпечивающаго европейскій миръ.

Между тѣмъ, по видимому, съ точки зрѣнія очевидцевъ событій, могущество Оттоманской имперіи не переставало рости и въ 39-ти-лѣтнее правленіе Магомета IV (1648—1687 г.) достигло крайней вершины: 100,000 кв. миль — вотъ то пространство, на которомъ раскинулась Оттоманская имперія въ трехъ частяхъ свѣта.

Событія пока, къ несчастію для Турціи, складывались все еще такъ, что втягивали ее въ кругъ новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и завоеваній, т. е. создавали для нея новые пункты столкновенія съ сильными сосѣдями на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ.

Турція въ это время (1648—1687 г.) сдѣлала новое пріобрѣтеніе. Запорожская вольница, преслѣдуемая Польшею и не находя въ столкновеніяхъ съ нею опоры въ московскомъ правительствѣ, рѣшилась въ 1669 г., въ лицѣ гетмана Дорошенко, отдаться подъ покровительство султана вмѣстѣ съ территоріею, которую занимали казаки и которую Польша считала составною частью своихъ владѣній. Польша не могла безучастно

отнестись къ потерѣ территоріи и въ особенности—вооруженнаго аванпоста, какимъ представлялись Запорожцы, оберегавшіе южныя границы Польши отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ Татаръ, и потому сеймъ велѣлъ немедленно войсками занять Запорожье. Войска размѣстились здѣсь, не встрѣтивъ сопротивленія, такъ какъ Запорожцы далеко не всецѣло признали надъ собою власть султана и оставалась еще сильная партія, тянувшая къ Польшѣ. Порта, сочтя вступленіе польскаго войска въ Запорожье, т. е. на турецкую территорію достаточнымъ casus belli,—въ 1672 г. объявила Польшѣ войну, что произвело тамъ сильную тревогу. Начались переговоры съ Москвой о помощи противъ Турокъ, но точкою преткновенія служила сдача Кіева, которой требовало московское правительство, а сеймъ на это не соглашался. Между тѣмъ, пока тянулись эти переговоры, турецкое войско, въ томъ же году, вступило въ Бассарабію: города: Хотинъ, Каменецъ-Подольскъ, Лембергъ пали одинъ за другимъ. Польскій король Михаилъ послѣ тщетныхъ надеждъ на московскую помощь и справедливо опасаясь дальнѣйшаго движенія Турокъ, которые усилены были присоединеніемъ крымскихъ Татаръ, согласился на унизительный миръ (18 сентября 1672 г.), по которому въ пользу Турціи король отказался отъ Украйны и обязался платить 22,000 дукатовъ въ видѣ ежегодной дани. Сеймъ однако же не согласился утвердить мирный договоръ, и война снова возгорѣлась. Командованіе польскимъ войскомъ поручено было Ивану Сабѣсскому. Начало шло чрезвычайно удачно. Въ нѣсколькихъ стычкахъ Сабѣсскій разбилъ Турокъ, не смотря на ихъ численное превосходство, и рѣшительнымъ пораженіемъ Турокъ при Хотинѣ отнялъ у нихъ эту сильную въ то время крѣпость. Оставалось взять Каменецъ, который Поляки уже обложили; но требовались подкрѣпленія, а сеймъ тянулъ дѣло,—быть можетъ не желая видѣть Сабѣсскаго (избраннаго, между тѣмъ за смертью Михаила королемъ) во главѣ сильной арміи; сеймъ опасался диктатуры этого предпріимчиваго и энергическаго полководца. Турки воспользовались взаимнымъ недовѣріемъ руководящихъ людей Польши и заставили снять осаду Каменеца, жителей котораго перевели въ Киркилисскій округъ, оставивъ въ городѣ янычаръ; взятъ былъ и Хотинъ. Теперь уже и сеймъ желалъ мира, который и былъ заключенъ въ мѣстечкѣ Даудъ-паша близь Константинополя 27 октября 1676 г. По этому миру Польша уступила Турціи Подолію и Украйну за исключеніемъ нѣсколькихъ тамошнихъ городовъ.

Мы замѣтили, что Запорожье далеко не всецѣло желало подданства Турціи и Дорошенко съ каждымъ годомъ становился непопулярнѣе среди казаковъ; они продолжали враждовать съ Татарами, а эта вражда не могла не отразиться и на отношеніяхъ ихъ къ Турціи и

асположеніе отступиться отъ нея становилось преобладающимъ. Кончилось тѣмъ, что Дорошенко вынужденъ былъ на разрывъ съ султаномъ и въ 1677 г. просилъ московскаго царя принять Запорожье въ свое подданство. Казаки расчитывали найти въ Мосвѣ болѣе надежную защиту, чѣмъ въ обезсиленной потерями послѣдней войны Польшѣ — этимъ и объясняется въ данномъ случаѣ предпочтеніе московскаго подданства польскому.

Подобно тому, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ Дорошенко вызвалъ войну между Турціею и Польшей, такъ и теперь онъ сталъ виновникомъ войны между Турціею же и Россіею. Это была *первая русско-турецкая война*, продолжавшаяся съ перерывами два года,

Порта объявила Дорошенко низложеннымъ и въ 1677 г. гетманомъ назначила Юрія Хмѣльницкаго. Въ томъ же году турецкое войско подъ командною Ибрагима-паши двинулось въ Украйну и 4 августа стало подъ городомъ Чигириномъ Три недѣли Турки осаждали городъ, пока не были отбиты. Несмотря на этотъ успѣхъ, московское правительство желало однако же предотвратить дальнѣйшее продолженіе войны, и съ этою цѣлью послало въ Константинополь *Поросухова*, но Порта настаивала на уступкѣ Чигирина и владѣній Дорошенко, на что Москва не согласилась и въ слѣдующемъ году война возобновилась. На этотъ разъ Турки, подъ командою великаго визиря, 9 іюля подступили къ Чигирину, и послѣ 20-дневной осады взяли этотъ городъ, но разграбивъ и сжегши его, удалились обратно. Такимъ образомъ значительныя потери въ людяхъ и истощеніе казны—вотъ непосредственные результаты для Турціи *двухъ чигиринскихъ походовъ* Между тѣмъ продолжающіяся притязанія Турціи на Украйну, послѣ того, когда страна эта, на основаніи Андрусовскаго перемирія (10 января 1667 г.), отошла къ Россіи, набѣги крымскихъ Татаръ на русскія области, невозможность экономическаго развитія страны при совершенномъ изолированіи ея отъ моря,—вызвали Россію на путь той политики по отношенію къ Оттоманской имперіи, которая при дальнѣйшемъ своемъ развитіи должна была имѣть роковое вліяніе на судьбы государства Османлисовъ.

ГЛАВА XXVI.

Отношенія Россіи къ Турціи въ періодъ XVI и XVII ст. Первый священный союзъ съ участіемъ Россіи и Карловицкій миръ.

1. Ближайшій поводъ къ первымъ сношеніямъ Россіи съ Турціею 2. Первый русскій посолъ въ Турціи—Плещеевъ. 3 Начало распри между Россіею и Турціею изъ-за Казани и Астрахани 4. Нападенія казаковъ на вассальныя владѣнія Турціи вызываютъ неудовольствія противъ Россіи. 5. Искусная политика московскаго правительства по отношенію къ казацкой вольницѣ и Турціи. 6 Взятіе казаками Азова. 7. Первая неудачная война съ Турціею и продолжающіяся нападенія Татаръ на русскія владѣнія приводятъ Россію къ «священному союзу». 8. Военныя дѣйствія союзниковъ—Венеціи, Австріи и Польши. 9. Крымскіе походы Россіи и уступка «Запорожья» Турціи 10. Греческіе іерархи побуждаютъ Россію продолжать войну съ Турціею. 11. Азовскіе походы и взятіе Азова. 12. Карловицкій миръ и живое участіе Англіи, Франціи и Голландіи въ переговорахъ о мирѣ. 13. Неудачная миссія русскаго посла на Карловицкомъ конгрессѣ. 14. Переговоры о мирѣ между Россіею и Турціею продолжаются въ Константинополѣ. 15. Жалобы Украинцева на интриги европейскихъ пословъ. 16. Мирный трактатъ 3-го іюля 1700 года.

Первыя сношенія Россіи съ Турціею начались при посредствѣ крымскаго хана. Случилось, что Турки задержали русскаго посла Ѳеодора Курицына въ Аккерманѣ на обратномъ пути его изъ Венгріи. Прибывъ въ Москву, Курицынъ передалъ великому князю московскому разговоръ свой съ турецкими пашами, которые-де намекали ему, отчего бы его государю не вступить въ дружественныя сношенія съ ихъ падишахомъ. Іоаннъ на этомъ основаніи написалъ Менгли Гирею: «какъ мой человѣкъ Ѳеодоръ былъ въ рукахъ у салтана турецкаго, то ему говорили паши большіе, господаря своего словомъ, что салтанъ турскій хочетъ со мною дружбы и ты бы для меня поотвѣдалъ, какой дружбы со мною хочетъ салтанъ турскій?» Менгли-Гирей справился въ Константинополѣ и передалъ Іоанну отвѣтъ султановъ: «если государь московскій тебѣ, Менгли-Гирею, братъ, то и мнѣ братъ» [1]).

Благорасположеніемъ султана московское правительство озаботилось прежде всего воспользоваться ради облегченія русской торговли на

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. V.

Черноморскомъ побережьѣ, преимущественно въ Кафѣ (Ѳеодосіи), и въ 1497 г отправленъ былъ къ Баязету первый русскій посолъ *Михаилъ Плещеевъ*, которому поручено было заявить султану о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ русскими купцами отъ Азовцевъ и крымскихъ Татаръ. Притѣсненія доходили до того, что напр. въ Азовѣ тамошній паша заставлялъ русскихъ купцовъ ровъ копать и камень возить на городское строеніе; за товары, привозимые русскими купцами, Татары платили половину противъ ими же сдѣланной оцѣнки; имущество послѣ умершаго русскаго забирали себѣ и пр. Плещееву вмѣстѣ съ тѣмъ было наказано: «править султану поклонъ стоя, а не на колѣняхъ, не уступать мѣста никому другому и сказать посольскія рѣчи только султану, а не пашамъ». Первый русскій посолъ, въ усердіи о поддержаніи достоинства представляемаго имъ царя московскаго, зашолъ, какъ видно, дальше преподанныхъ ему инструкцій: султанъ въ письмѣ къ Менгли-Гирею жалуется на Плещеева, какъ на невѣжу и говоритъ, что не отправитъ своего посла въ Москву изъ опасенія, чтобы онъ не потерпѣлъ тамъ оскорбленія [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ однакоже московскому царю Баязетъ отправилъ дружественное письмо, въ которомъ говоритъ, что приказалъ своему сыну кафинскому намѣстнику наблюдать за равноправіемъ торговцевъ. Приказаніе не имѣло практическихъ результатовъ и кромѣ того явилась новая помѣха русской торговлѣ: азовскіе казаки стали нападать по дорогамъ на купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Азовъ и Кафу. На это указываетъ Портѣ второй русскій посолъ *Андрей Кутузовъ*, отправленный въ Турцію въ 1501 г.

На полустолѣтіе слишкомъ сношенія Россіи съ Турціею прервались. За это время Турки завоевали Балканскій полуостровъ и вступивъ въ бой съ Австріею, побѣдою при Магачѣ утвердили власть свою въ Венгріи, а Россія между тѣмъ сдѣлала новыя территоріальныя пріобрѣтенія—завоеваніемъ Казанской области въ 1552 г. и Астрахани 1554 г. Такъ какъ падишахъ считалъ себя повелителемъ всѣхъ правовѣрныхъ то завоеваніе Россіею областей, населенныхъ Татарами-мусульманами, необходимо должно было стать причиною столкновенія между нею и Турціею, тѣмъ болѣе, что падишахъ вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ себя и верховнымъ сюзереномъ правителей названныхъ областей. Получивъ жалобы отъ астраханскихъ магометанъ, что государь московскій «побравъ юрты бусурманскія, взялъ Казань, да Астрахань, разоривъ бусурманство»,—Селимъ II въ 1567 г. приказалъ крымскому хану идти на Астрахань и обѣщалъ съ своей стороны послать войско. Но ханъ медлилъ и затѣялъ съ Иваномъ IV переговоры, думая мирнымъ путемъ

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т. II.

оттягать Казань и Астрахань, чему московскій царь конечно не поддался, отвѣтивъ: «когда то ведется. чтобы взявши города, опять отдавать ихъ?» Отвѣтъ этотъ передань былъ Селиму, который между тѣмъ уже послалъ въ Кафу семнадцати-тысячное войско, прибывшее туда весною 1569 г. Въ томъ же году Турки двинулись къ Астрахани; но на длинномъ пути этомъ, вслѣдствіе лишеній разнаго рода, понесли столько потерь, что подойдя къ Астрахани и получивъ извѣстіе (оказавшееся ложнымъ), что какъ тамъ, такъ и не вдалекѣ на сѣверѣ стоитъ многочисленное войско московское, не рѣшились облагать города и ни съ чѣмъ вернулись въ Кафу. Тѣмъ не менѣе, московское правительство опасалось возобновленія войны, которою ханъ крымскій не переставалъ стращать Москву; да притомъ стало извѣстнымъ, что Селимъ II, для облегченія предстоящей кампаніи, затѣялъ соединить Донъ съ Волгою каналомъ. Царю приходилось держать многочисленное войско въ Астраханской области, а между тѣмъ оно необходимо было въ Ливоніи. Для возобновленія дружественныхъ отношеній въ 1570 г. посланъ былъ къ султану *Новосильцевъ* съ увѣреніемъ, что ни въ Казани, ни въ Астрахани магометанскимъ купцамъ не будетъ дѣлаемо никакихъ притѣсненій; объ этомъ же долженъ былъ говорить султану и послѣдующій посолъ *Кузьминскій*, отправившійся въ Адріанополь въ 1571 г. Зная объ образовавшейся къ тому времени христіанской коалиціи, успѣхи которой, какъ извѣстно, окончились Лепантскимъ истребленіемъ турецкаго флота, московское правительство, пользуясь тревожнымъ состояніемъ Порты, предлагаетъ ей союзъ противъ всѣхъ враговъ султана, перечень которыхъ показываетъ однакоже, что оно имѣло довольно слабое понятіе объ отошеніяхъ европейскихъ государствъ къ Турціи, такъ какъ въ числѣ враговъ упоминается и французскій король, бывшій въ то время въ дружбѣ съ Портою. Кромѣ предложенія союза, Россія соглашается и на срытіе Терской крѣпости, котораго требовала Порта для безопаснаго сообщенія между Крымомъ и Дербентомъ.

Турція войны не начала, но впрочемъ потому, что она слишкомъ была озабочена непосредственными послѣдствіями Лепантскаго погрома; но крымскій ханъ, видя безуспѣшность переговоровъ объ отдачѣ Казани, въ особенности Астрахани, съ многочисленною ордою татарскою пошолъ на Москву (1571 г.), которую разграбилъ, сжегъ и увелъ оттуда до 150,000 плѣнныхъ, пользуясь тѣмъ страшнымъ разладомъ, который возбудила въ правительственныхъ сферахъ опричина. Московское правительство увидѣло, что предупредить дальнѣйшее нашествіе Татаръ можно только привлеченіемъ окончательно на свою сторону казацкой вольницы Донской и Терской, и къ концу XVI ст. эта вольница становится на югѣ передовымъ военнымъ постомъ Русскаго царства и

потому въ то время, когда Казань и Астрахань перестаютъ быть поводомъ несогласія между Россіею и Турціею, возникаетъ рядъ новыхъ спорныхъ пунктовъ, вытекающихъ изъ отношенія казачества къ Турціи, какъ черезъ посредство ханства Крымскаго, такъ и непосредственно, потому что казаки нападали на турецкихъ торговыхъ людей. Московское правительство съумѣло однакоже въ теченіе всего XVII ст. съ замѣчательнымъ искуствомъ выходить изъ затруднительнаго положенія между покровительствомъ казакамъ и рѣзкими упреками Порты на московское потворство имъ. Прежде всего оно передъ Портой отрекалось отъ всякой солидарности съ казаками и не щадило эпитетовъ для характеристики дурныхъ качествъ этой вольницы. Въ 1584 г. *Благовъ* говоритъ турецкимъ сановникамъ [1]): «сами знаете, что на Терекѣ и на Дону живутъ воры, бѣглые люди, безъ вѣдома государства, не слушаютъ они никого и мнѣ до казаковъ какое дѣло?» *Нащокину* въ 1592 г. [2]) наказано говорить, что на Дону живутъ литовскіе казаки, сложась съ нашими измѣнниками донскими казаками»; въ 1613 г. уполномоченные *Соловой-Протасьевъ* и *Даниловъ* — на угрозы великаго визаря отвѣчаютъ [2]): что «на Дону живутъ воры, которые и Московскому государству много зла надѣлали, царское величество съ Дону ихъ сослать велитъ для дружбы къ султану». На замѣчаніе визиря, что въ такомъ случаѣ «наши ратные люди всѣхъ казаковъ побьютъ»,—послы отвѣчали: «хотя бы турскіе люди донскихъ казаковъ до одного человѣка побили, то нашъ государь вашему за то не постоитъ»; въ 1634 г. *Корабьинъ* и *Матвѣевъ*—на упреки визиря по поводу новыхъ нападеній казаковъ, оправдывались [3]),—что «съ казаками дѣлать нечего, пусть султаново величество велитъ послать на этихъ воровъ своихъ ратныхъ людей, а государь нашъ за нихъ не станетъ»; въ 1637 г., когда казаки, взявъ (18 іюня) Азовъ, убили турецкаго повѣреннаго Ѳому Кантакузена, который въ третій разъ ѣхалъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы побудить Россію къ войнѣ то съ цезаремъ, то съ Польшей и, по выраженію самихъ казаковъ, «ни одного человѣка азовскаго на степи и на морѣ не упустили, всѣхъ порубили», причемъ предложили правительству принять Азовъ,—московскій царь вслѣдъ затѣмъ отправилъ султану грамоту, увѣряя его, что «казаки Азовъ взяли воровствомъ; что донскіе казаки издавна воры, бѣглые холопы и царскаго приказанія ни въ чемъ не слушаются, что мы за такихъ воровъ никакъ не стоимъ и ссоры за нихъ никакой не хотимъ, хотя ихъ воровъ

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI.
[2]) Тамъ же, т. VII.
[3]) Тамъ же, т IX.
[4]) Тамъ же, т. IX.

всѣхъ въ одинъ часъ велите побить—мы съ вашимъ султановымъ величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви быть хотимъ». Но до султана уже и прежде доходили свѣдѣнія, что московское правительство помогаетъ казакамъ, посылаетъ имъ жалованье и находится съ ними въ дружественныхъ отношеніяхъ; по этому грамота не подѣйствовала. Послѣ нѣкоторыхъ приготовленій, двухсотъ-сорока-тысячное войско турецкое въ 1641 г. явилось подъ Азовомъ и можно было ожидать, со словъ крымскаго хана, что взявъ Азовъ, оно пойдетъ на Москву. Къ счастію однакоже дурно веденная осада не увѣнчалась успѣхомъ; засѣвшіе въ Азовѣ казаки отстояли городъ, отбивъ 24 приступа; въ защитѣ города принимали участіе даже ихъ жены; потерпѣвъ большой уронъ, Турки 26-го сентября удалились. Для Москвы наступила критическая минута какъ поступить относительно Азова, принять ли его или отступиться? Государь колебался и пока на жалобы казаковъ о ихъ бѣдственномъ положеніи въ концѣ 1641 г. писалъ: «мы васъ за эту вашу службу, радѣнье, промыселъ и крѣпкостоятельство милостивно похваляемъ; пишете, что вы теперь наги, босы и голодны, запасовъ нѣтъ и многіе казаки хотятъ разойдтись и многіе переранены: и мы великій государь послали къ вамъ 5000 руб. денегъ. А что писали къ намъ о городѣ Азовѣ и бить челомъ приказывали, то мы велѣли дворянину нашему и подъячему г. Азова досмотрѣть, переписать и на чертежѣ начертить и вы бы атоманы и казаки службу свою, дородство, храбрость и крѣпкостоятельство къ намъ совершали, своей чести и славы не теряли, за истинную, православную христіанскую вѣру и за насъ великаго государя стояли по прежнему крѣпко и неподвижно и на вашу государскую милость и жалованье во всемъ были надежны». Для окончательнаго рѣшенія такого важнаго вопроса, какимъ при тѣхъ обстоятельствахъ представлялось принятіе Азова,—въ январѣ 1642 года въ Москвѣ былъ созванъ многочисленный соборъ изъ всякихъ чиновъ изъ лучшихъ, среднихъ и меньшихъ людей. По счету голосовъ меньшинство высказалось за принятіе Азова, мотивируя это тѣмъ, что обладаніе Азовомъ дастъ возможность остановить набѣги Татаръ на южныя окраины Россіи и кромѣ того удержитъ въ повиновеніи ей воинственныхъ кочевниковъ приволжскихъ низовьевъ; большинство же находило, что принятіе Азова вовлечетъ Россію въ опасную для нея войну съ Турціею, причемъ указывалось на неподготовленность Россіи къ войнѣ, на бѣдственное экономическое положеніе, на злоупотребленіе властей и проч. Правительство рѣшилось поступить согласно мнѣнію большинства, т. е. отступиться отъ Азова, на что безъ сомнѣнія повліяло и опасеніе его, чтобы казаки не сдѣлали изъ Азова укрѣпленнаго притона для набѣговъ нетолько на Татарскія земли,

но и на Россію. Мы видѣли съ какой нелестной стороны оно отрекомендовало казаковъ «цезарю», говоря между прочимъ, что «имъ опасно ввѣрять крѣпости» и потому разумно ли навлекать тяжолую войну съ Турціею ради того, чтобы оставлять городъ въ такихъ ненадежныхъ рукахъ, какъ казацкой вольницы? Единовѣріе и преобладаніе русской національности въ средѣ этой вольницы могли быть ручательствомъ не вполнѣ сильнымъ въ томъ, что она не станетъ безпокоить русскія окраины, такъ какъ вольница эта въ замѣтной части комплектовалась изъ людей, бѣжавшихъ отъ утѣсненій московскихъ, отъ кривосудія административныхъ злоупотребленій, крѣпостничества, т. е. людей, въ которыхъ платоническое національно-религіозное влеченіе къ Москвѣ могло быть сильно заглушено желаніемъ мести за утѣсненія. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что борьба съ Польшей озабочивала московское правительсто болѣе, чѣмъ утвержденіе русскаго владычества на югѣ: Россія еще не имѣла Андрусовскаго договора (10 января 1667 года), который усилилъ ея шансы въ дальнѣйшей борьбѣ съ Польшею, между тѣмъ какъ въ періодъ предшествовавшій Андрусовскому миру они были одинаковы и вопросъ объ окончательной побѣдѣ оставался еще вполнѣ открытымъ.

Не слѣдовало ли потому беречь силы для болѣе жгучей борьбы, сводившейся къ вопросу о политическомъ существованіи Русскаго государства въ восточной Европѣ и избѣгать войны съ Турками, которая даже при временномъ успѣхѣ русскаго оружія не могла повести къ существенно полезнымъ для Россіи результатамъ. Всѣ эти соображенія безъ сомнѣнія повліяли какъ на большинство земскаго собора, такъ и на правительство. Въ томъ же году въ качествѣ уполномоченныхъ въ Турцію отправлены *Илья Милославскій* и *Леонтій Лазаревскій*, которые, кромѣ увѣренія султана въ дружбѣ къ нему царя московскаго, должны были объявить, что царь заставилъ казаковъ сдать Азовъ, что городъ они «взяли безъ царскаго повелѣнія», помощи имъ царское величество не посылало, впередъ за нихъ стоять и помогать государь не будетъ, ссоры изъ-за нихъ никакой не хочетъ: хотя бы ихъ всѣхъ воровъ государь вашъ Ибрагимъ султанъ въ одинъ часъ велѣлъ побить, то царскому величеству будетъ не досадно, потому что они воры, бѣглые люди и живутъ въ дальнихъ мѣстахъ воровскимъ кочевымъ обычаемъ...» [1]). Но трудно было утаить настоящій характеръ отношеній московскаго правительства къ казацкой вольницѣ; до Порты не могли не доходить слухи о московской помощи казакамъ, которая изъ года въ годъ имъ посылалась. Тѣ—самые Милославскій и Лазаревскій, кото-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XI.

ые передъ Портою такъ патетически отрекались отъ казаковъ, везли имъ 2000 рублей, сукна, вино и другіе запасы и должны были говорить казакамъ: «прислано жалованье съ послами легкимъ дѣломъ, больше послать для скораго отпуска было нельзя, чтобы они жалованье приняли, государю служили, а онъ впередъ ихъ въ своемъ жалованьѣ не оставитъ; что имъ уже прежде послано много, впередъ пришлется еще больше и отъ турскихъ людей имъ никакого утѣсненія не будетъ». Уполномоченные Россіи успѣли однакоже выпутаться изъ затруднительнаго положенія, созданнаго невозможностью совершенно скрыть связей московскаго правительства съ казацкою вольницею. Тамъ, гдѣ не дѣйствовали увѣренія, опровергаемыя очевидными фактами, помогали соболи, которые очень нравились турецкимъ сановникамъ. Уполномоченные, отправляемые въ Турцію, снабжались соболями для подарковъ вліятельнымъ лицамъ турецкаго правительства; благодаря соболямъ, они пріобрѣтали дружественное расположеніе къ себѣ людей полезныхъ, и можно сказать, что шкуры этихъ невинныхъ звѣрьковъ играли не послѣднюю роль въ мирномъ улаженіи русско-турецкихъ распрей.

Между тѣмъ, какъ Россія на этотъ разъ благополучно окончила распри изъ-за казаковъ и Азова, западная ея сосѣдка Польша, въ южныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ своихъ соприкасаясь съ турецкими владѣніями, навлекла на себя неудовольствіе Порты, занятіемъ владѣній Дорошенко, отдавшагося со всѣмъ Запорожьемъ въ подданство султану въ 1669 году. Озабоченная войною съ Австро-Венграми, которая, какъ сказано, окончилась неудачнымъ для Турціи Вазварскимъ миромъ, Порта долгое время медлила отобрать силою владѣнія своего новаго подданнаго и, то угрожая, то просто настаивая, требовала отъ Польши вывода войскъ изъ Запорожья. Такъ тянулись годы. Польша должна была держать на своихъ южныхъ окраинахъ значительныя вооруженныя силы,—какъ на случай появленія Турокъ съ юга, такъ и для отраженія усилившихся, по внушенію Порты, нападеній крымскихъ Татаръ, и это тревожное состояніе ея было одною изъ причинъ, вынудившихъ ее къ невыгодному для себя Андрусовскому перемирію (10 января 1667 г.).

На время уладивъ свои отношенія къ Москвѣ, король польскій обратился къ московскому государю съ настойчивыми просьбами о помощи противъ Турокъ и подобно многочисленнымъ прецедентамъ, необходимость помощи доказывалась общностью интересовъ христіанскихъ народовъ, причемъ въ частности перечисляются народы Балканскаго полуострова, которые возстанутъ изъ-подъ поганскаго ига и окажутъ услугу союзникамъ. Московское правительство помощь обѣщало и уполномоченнымъ

его, при переговорахъ съ польскими послами, сказало, что царь московскій разослалъ ко всѣмъ европейскимъ государямъ приглашенія ополчиться на Турокъ; но оказаніе дѣйствительной помощи обусловливалось сдачею Кіева. Польша Кіева сдать не согласилась и въ войнѣ съ Турціей осталась изолированною. Мы видѣли, что война эта въ 1677 г. закончилась миромъ, по которому Польша уступила Турціи Украйну и Подолію, съ обязательствомъ платежа ежегодной дани. Устроившись отъ разрыва съ Турціею изъ-за польскихъ интересовъ, защиту которыхъ Польша старалась обобщить идеею борьбы за христіанство, Россія, какъ мы знаемъ, вскорѣ сама вовлечена была въ войну съ Турціею изъ-за перехода Дорошенко въ русское подданство, — войну, разрѣшившуюся двумя чигиринскими походами 1677 и 1678 гг., въ которой Россія точно также тщетно разсчитывала на польскую помощь, какъ прежде Польша на русскую. Какъ ни выставляли оба государства при столкновеніяхъ каждаго изъ нихъ съ Турціею знамя христіанской борьбы съ невѣрными, но каждое изъ нихъ на столько преклонялось передъ этимъ знаменемъ, на сколько того требовали собственные ея интересы. Не полагаясь поэтому на польскую помощь, Россія очень желала возобновить дружественныя отношенія съ Портою и въ 1681 г. послала въ Константинополь *Возницына*. Султанъ согласился заключить съ московскимъ царемъ миръ, на условіяхъ уступки Турціи Запорожья,—бывшихъ владѣній Дорошенко. *Возницынъ* долго не рѣшался принимать султанской грамоты, въ которой говорилось объ уступкѣ Запорожья, но изъ опасенія раздражить султана и навлечь новую войну на Россію, а также по совѣту бывшихъ въ то время въ Константинополѣ трехъ греческихъ патріарховъ, принялъ предложенное условіе. Россія теряла Запорожье, т. е. земли, въ то время пустынныя и мало заселенныя, избавившись за то отъ войны, которою грозила Порта. Но не прошло и пяти лѣтъ, какъ произошелъ новый разрывъ съ Турціею, вызванный событіями въ Австріи. Срокъ перемирію, заключенному между Австріею и Турціею въ 1665 г., еще не истекъ, а потому императоръ Леопольдъ, считая себя обезпеченнымъ извнѣ, думалъ, что наступило благопріятное время послужить святой католической церкви уничтоженіемъ протестантской ереси и кстати же урѣзать слишкомъ обширныя автономныя права Мадьяръ и Сербовъ, признанныя предшествующими трактатами [1]). Преслѣдованіе протестантовъ поведено было съ такою жестокостью, передъ которою столь прославленный мусульманскій прозелитизмъ Турокъ казался просто игрушкою; въ Венгрію нахлынули австрійскіе чиновники, которые, вытѣсняя мѣстныхъ правителей,—своимъ оскорбительнымъ высокомѣріемъ по отно-

[1]) Раичъ, ч. IV; Hammer, Geschichte des Osmanisch. Reiches, т. VI.

шенію къ Мадьярамъ и Сербамъ усилили горечь подневольнаго положенія тѣхъ и другихъ. Волненіе охватило собою всю Венгрію. Но въ то время, когда *Сербы* тщетно думали добиться возстановленія правъ своихъ путемъ весьма патетическихъ жалобъ, обращенныхъ къ императору, *Мадьяры* схватились за оружіе. Душою возстанія сталъ *Эмерикъ Текели,* которому въ 1677 г. удалось убѣжать изъ австрійской тюрьмы. Успокоивъ Сербовъ обѣщаніями, императоръ вынужденъ былъ сдѣлать Мадьярамъ уступки, которыхъ они требовали. Но лишь только возстаніе улеглось, какъ начались новыя преслѣдованія, и тогда то Эмерику Текели явилась мысль о полной независимости Венгріи отъ Габсбурговъ, нашедшая отголосокъ въ многочисленной партіи мадьярскихъ патріотовъ.

Но достигнуть независимости собственными силами представлялось дѣломъ невозможнымъ послѣ того, когда обнаружилось, что разсчитывать на Сербовъ нельзя: изнывая подъ нѣмецкимъ игомъ, эти чудаки утѣшали себя надеждами, что императоръ воздастъ имъ по ихъ заслугамъ и продолжали вѣрно служить ему. Тогда Мадьяры обратили свои взоры на Турцію—Магометъ II, въ 1682 г., даетъ приказъ офенскому пашѣ поддерживать Эмерика Текели, какъ «короля Венгріи». Вотъ начало *турецкихъ симпатій Мадьяръ* и *розни между Мадьярами и австрійскими Славянами.*

Напрасно императоръ Леопольдъ указывалъ Портѣ на перемиріе 1665 г., представлялъ Эмерика Текели возмутителемъ страны и требовалъ отказать въ поддержкѣ главы возстанія. Уполномоченнымъ императора сказали въ Константинополѣ, что Порта согласится на миръ съ Австріею при условіяхъ—*платежа* послѣднею ежегодной дани въ 500 т. гульденовъ и *уступки* нѣсколькихъ укрѣпленныхъ городовъ. Вѣнское правительство не приняло такихъ условій и въ мартѣ 1683 г. 200 тысячная армія, подъ командою великаго визиря Кара-Мустафы, выступила изъ Румеліи къ Дунаю. Въ Венгріи австрійскія войска потерпѣли нѣсколько пораженій и очистили страну. Эмерикъ Текели совѣтовалъ Кара-Мустафѣ ограничиться занятіемъ Венгріи, пока онъ не сформируетъ достаточной милиціи мадьярской для охраны на будущее время независимости страны отъ Австріи. Но Кара-Мустафа, этотъ одинъ изъ самыхъ блистательныхъ визирей, въ конюшнѣ котораго насчитывалось нѣсколько тысячъ лошадей, а въ гаремѣ полторы тысячи одалисокъ — мечталъ о подвигахъ и славѣ Солимана, а главное изъ предстоящихъ зовоеваній намѣревался составить себѣ независимое владѣніе[1]). Кара-Мустафа пошелъ на Вѣну, и въ то время, когда Людовикъ XIV взялъ (14 іюля) Страсбургъ и готовился перейти Рейнъ, Турки подошли къ

[1]) Poujoulat, Histoire de Constantinople, т. II.

столицѣ Австріи. Между тѣмъ король польскій Иванъ Сабѣсскій, опасаясь, чтобы побѣда Турокъ въ Австріи не отразилась гибельными последствіями на Польшѣ, принялъ предложенный Леопольдомъ союзъ съ Австріею, послѣ того, Людовикъ XIV, отговаривавшій его отъ этого союза. на категорическій вопросъ Сабѣсскаго о французской помощи Польшѣ на случай нападенія на нее Турокъ – не далъ удовлетворительнаго отвѣта. На основаніи союзнаго договора, заключеннаго въ маѣ 1683 г., Сабѣсскій обязался поставить двадцати-шести-тысячное войско. Польское войско, какъ извѣстно, подоспѣло въ Вѣну въ самую критическую минуту, когда столица Австріи, отбивъ нѣсколько наступленій Турокъ, едва въ состояніи была держаться.

Принявъ начальство надъ нѣмецкими и польскими войсками, Сабѣсскій 12 сентября ударилъ на Турокъ. Результаты извѣстны: Турки потерпѣли полное пораженіе и Вѣна была спасена. Эта безумная кампанія стоила Турціи громадныхъ потерь. Кромѣ богатаго лагеря и 300 пушекъ, доставшихся непріятелю, Турки передъ Вѣною и преслѣдуемые на обратномъ пути Поляками и Нѣмцами, лишились до 20,000 человѣкъ. Разгнѣванный султанъ приказалъ бѣлградскому пашѣ прислать въ Стамбулъ голову Кара-Мустафы; воля падишаха была исполнена буквально и требуемую голову преподнесли ему на серебряномъ блюдѣ. Магометъ IV задумалъ возмездіе, и до Вѣны быстро донеслась вѣсть о воинственныхъ приготовленіяхъ Порты, вызвавшая новое броженіе въ Мадъярахъ. Императоръ Леопольдъ, находясь теперь приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ 150 лѣтъ назадъ французскій король Францискъ I, изолированный *съ сѣвера*, гдѣ мелкія германскія государства совершенно опутаны были политикою Людовика XIV, и угрожаемый съ юга, воззвалъ къ Польшѣ и Россіи, умоляя ихъ соединиться съ Австріею и Венеціею «для ополченія противъ невѣрныхъ». Венеціи указано было на возможность возвратить потерянныя прибрежья Мореи, Польшѣ на возстановленіе ея прежнихъ владѣній въ Подоліи и Украйнѣ, а Россіи нетолько на доступъ къ Черному морю, но и на завоеваніе Румеліи и Константинополя; ко всему этому присоединялось указаніе на страшную опасность, которая угрожаетъ христіанскому міру отъ ожидаемаго нашествія Турокъ [1]). Не вдругъ, послѣ длинныхъ переговоровъ, названныя государства согласились дѣйствовать сообща. Такъ образовался *первый священный союзъ, въ которомъ Россія приняла участіе*. Начавшись въ 1683 г., переговоры окончились въ 1686 г., когда Россія добилась отъ Польши заключенія (21 апрѣля 1686 г.) вѣчнаго мира. по которому между прочимъ Кіевъ оставленъ навсегда за Россіею. Поль-

---

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т. II.

шѣ очень не хотѣлось подписывать этого мира; 39 разъ съѣзжались уполномоченные польскаго короля и царя московскаго для совѣщаній по этому предмету, и только рѣшительный отказъ Россіи приступить къ союзу въ случаѣ незаключенія требуемаго мира—склонилъ польскихъ уполномоченныхъ.

Роли союзниковъ распредѣлялись такимъ образомъ: *Венеція* должна была занять берега Мореи, *Австрія* — опрокинуть главныя турецкія силы въ центрѣ, *Польша*—со стороны Бессарабіи, должна была безпокоить правое крыло турецкой арміи, а *Россіи* предоставлялось громить крымскихъ Татаръ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, отвлекать ихъ отъ нападеній на польскія владѣнія.

Австріи первой пришлось вступить въ сферу военныхъ дѣйствій, такъ какъ Турки уже въ 1684 г. перешли на лѣвый берегъ Дуная. Съ небольшими промежутками, 14-ть лѣтъ длилась эта война. Австрія вела ее съ настойчивостью и напрягала всѣ силы, такъ какъ съ этой войной связывался вопросъ не о временныхъ какихъ либо интересахъ, а о политическомъ ея существованіи. Если Турція одолѣетъ, то что станется съ Австріею? *Съ юга* она потеряетъ Венгрію съ Трансильваніею, которыя поспѣшатъ перейти подъ покровительство Турціи, а *на сѣверѣ*—сумѣетъ или сможетъ ли она сыграть объединительную миссію въ средѣ мелкихъ германскихъ государствъ, представители которыхъ въ большинствѣ de facto были въ то время вассалами враждебнаго Габсбургамъ короля французскаго Людовика XIV? Блистательной коронѣ Габсбурговъ угрожало остаться при эрцгерцогствѣ Австріи.

Война велась съ перемѣннымъ счастіемъ. Такъ въ началѣ Турки взяли нѣсколько городовъ изъ области, уступленной Австріи по Вазварскому миру. Зато герцогъ лотаргинскій взялъ приступомъ 2 сентября 1687 г. столицу Венгріи Офенъ и въ томъ же году при Могачѣ одержалъ блистательную побѣду надъ Турками, которыми командовалъ Сулейманъ-паша. Потери Турокъ были такъ громадны, что остатки арміи въ безпорядкѣ бѣжали по направленію къ Бѣлграду и были добиваемы на пути. Хотя неудача Сулеймана въ данномъ случаѣ обусловливалась своеволіемъ янычаръ, деморализація которыхъ уже не разъ обрисовывалась достаточно рѣзко во время войнъ XVII ст., но въ Стамбулѣ вину приписали Сулейману, и по повелѣнію султана, голова паши была снята. Порта желала мира и черезъ Маврокордато завела переговоры съ императоромъ, но тягостныя условія, поставленныя Австріею, и внушенія французскаго посла Шатонёва, получившаго изъ Парижа инструкцію поддерживать войну, отклонили миръ. Въ 1691 г. военныя дѣйствія возобновились. Героемъ дня со стороны Австріи сталъ Евгеній, принцъ савойскій. Рядомъ побѣдъ и искусныхъ маневровъ онъ со-

вершенно разстроилъ многочисленную турецкую армію и не только докончилъ завоеваніе Венгріи, но и взялъ приступомъ Бѣлградъ. *На югѣ—Венеціянцы* дѣйствовали не менѣе успѣшно, занявъ Албанское побережье, Новаринъ, Медонъ, Наполи-ди-Ромини, Аркадію, Патра, Лепантъ, Коринфъ. Афины и нѣсколько мелкихъ острововъ въ Архипелагѣ. *Со стороны Бессарабіи польскія* войска были разбиты подъ Каменцомъ-Подольскомъ и Яссами, но эти частныя неудачи коалиціи не имѣли существеннаго вліянія на общій ходъ войны. Въ то время когда *Австрія* отражала главный напоръ Турокъ, *Венеція* — занимала берега Мореи. а *Польша* — неудачно дебютировавъ подъ Каменцомъ и Яссами, волнуемая внутренними смутами, которыя приняли острый характеръ послѣ смерти Сабѣсскаго (1689 г.), ретировались,—*московское правительство* объявило крымскій походъ «для избавленія Русской земли отъ нестерпимыхъ обидъ и униженія», которыя главнымъ образомъ заключались: въ обязанности платить хану дань, въ постоянныхъ нападеніяхъ Татаръ на Русскую землю и выводѣ оттуда плѣнныхъ. Такъ какъ цѣль похода заключалась не только въ освобожденіи отъ дани, но и въ завоеваніи Крыма, т. е. въ предпріятіи первостепенной важности, то и назначенъ былъ главнокомандующимъ арміи вліятельнѣйшій при дворѣ ближній человѣкъ князь Василій Голицынъ. Не смотря на многочисленную армію подъ командою князя Василія Голицына,—болѣе 100,000 человѣкъ, крымскіе походы Голицына (1686—1687) потерпѣли полнѣйшую неудачу вслѣдствіе недостатка продовольствія, климатическихъ невзгодъ и незнанія мѣстностей Крыма, по которымъ взадъ и впередъ водили войска, подставляя ихъ подъ непріятельскія засады [1]). Громадная потеря людьми и исполненное самыхъ восторженныхъ похвалъ письмо правительницы Софьи на имя кн. Голицына, котораго (называя свѣтъ мой батюшка, братецъ Васенька и пр.) сравниваетъ съ Моисеемъ, проведшимъ Израильтянъ по дну морскому—вотъ послѣдствія двухъ крымскихъ походовъ.

Между тѣмъ изъ Турціи шли настойчивыя побужденія продолжать войну; и притомъ не ограничиваться Крымомъ, а идти за Дунай. Такъ сверженный патріархъ константинопольскій въ 1688 г. писалъ московскимъ царямъ: «всякія государства и власти благочестивыхъ королей и князей православныхъ всѣ вмѣстѣ возстали на антихриста, воюютъ на него сухимъ путемъ и моремъ, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святаго вашего царствія ожидаютъ, Сербы и Болгары, Молдаване и Валахи; возстаньте, не дремлите, придите спасти насъ». На эту же тему писали царямъ господарь валахскій Кантакузенъ и па-

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XIV.

тріархъ сербскій Арсеній, который находилъ участіе Россіи въ освобожденіи балканскихъ христіанъ необходимымъ потому, «чтобы не отдать православныхъ изъ бусурманской неволи въ неволю худшую: церковь православную ненавидятъ папежники; которые города въ Венгріи и Мореѣ цесарскія и венеціанскія войска побрали у Турокъ, повсюду въ нихъ папежники начали обращать православныя церкви въ унію, другія превращать въ костелы»... Оба они указывали на сочувствіе, которое Русскіе непремѣнно встрѣтятъ въ турецкихъ христіанахъ: Сербы, Болгары и Молдаване пристанутъ къ Русскимъ, лишь только послѣдніе вступятъ въ Дунайскія страны «и будетъ путь имъ до Царь-Града безъ помѣшки». Какъ и слѣдовало ожидать, государи отвѣтили, что прежде надо съ Крымомъ покончить, а потомъ уже и за Дунай; прибавили впрочемъ, что «имѣютъ о всѣхъ православныхъ христіанахъ, живущихъ подъ игомъ поганскимъ, попеченіе неотмѣнное.

Но какъ мы видѣли, крымскіе походы далеко не привели къ важнѣйшей изъ тѣхъ цѣлей, ради которыхъ они были предприняты, т. е. къ завоеванію Крыма. По этому московское правительство желало хотя добиться освобожденія отъ ежегодной дани «за что (Русское царство) терпитъ стыдъ и укоризны отъ сосѣднихъ государей». Для переговоровъ посланъ былъ въ 1692 г. въ Крымъ подъячій *Айтемировъ*, требованіе котораго встрѣтило въ Крыму энергическія противорѣчія. Татары ссылались на издавно установившійся обычай платежа дани, приводили и угрозы: «мы знаемъ, что и прежде вся недружба съ Москвою ставалась изъ-за казны: когда бывало ее не пришлютъ, Татары и пойдутъ на Русь воевать. Нынѣшній ханъ и весь Крымскій юртъ Москвы не боятся и къ миру и къ бою готовы, потому что, если Москва и пойдетъ воевать Крымъ, то взять нечего: у каждаго Татарина только и пожитку—два коня да третья душа». Заговорилъ было Айтемировъ о передачѣ Св. Мѣстъ Грекамъ, но ему на это отвѣтили, что Св. Мѣста находятся подъ покровительствомъ Французовъ, а французскій король подалъ помощь противъ Цезаря. Впрочемъ, какъ Айтемировъ *не впопадъ* о такомъ предметѣ заговорилъ съ крымскимъ ханомъ, такъ и ханъ съ излишнею хвастливостью принялъ на себя рѣшеніе вопроса, которое зависѣло только отъ султана—повелителя Палестины и другихъ Малоазійскихъ владѣній.

Такимъ образомъ стало вполнѣ ясно, что путемъ переговоровъ ничего нельзя добиться отъ Татаръ. Но могла-ли Россія, послѣ понесенныхъ ею громадныхъ потерь, остаться при прежнемъ тягостномъ положеніи, постоянно угрожаемая татарскими ордами, обязанная платежемъ дани и отрѣзанная отъ моря? Могла ли она сложить оружіе въ такое благопріятное время, когда всѣ силы Турціи вовлечены были въ борьбу съ

Австріею, Польшей и Венгріей, и если Польша дѣйствовала неудачно, за то Австрія и Венгрія, въ особенности первая, рядомъ блистательныхъ побѣдъ, разстроила боевыя силы Оттоманской имперіи. Ко всему этому самыя патетическія посланія отъ греческихъ іерарховъ, получавшіяся въ Москвѣ и указывавшія на критическое положеніе Турціи не должны-ли были еще усилить желаніе руководящихъ людей въ Россіи воспользоваться удобною минутою.

Іерусалимскій патріархъ Досифей писалъ напр. царямъ [1]) (1696 г.) «Теперь время очень удобное; возмите прежде Украйну, потомъ требуйте Молдавію и Валахію, также Іерусалимъ возмите и тогда заключайте миръ. Намъ лучше жить съ Турками, чѣмъ съ Французами, но вамъ не полезно, если Турки останутся жить на сѣверѣ отъ Дуная или въ Подоліи, или на Украйнѣ, или если Іерусалимъ оставите въ ихъ рукахъ: худой это будетъ миръ! Потому что, ни одному государству Турки такъ не враждебны какъ вамъ. Тому 18 лѣтъ, какъ я писалъ письмецо изъ Адріанополя блаженной памяти отцу вашему Государю царю Киръ Алексѣю Михайловичу и совѣтовалъ: покиньте Поляковъ и усмирите прежде Турокъ, потому, что непремѣнно хотятъ придти къ Днѣпру: онъ не послушалъ, не повѣрилъ, а потомъ случилось все такъ какъ мы писали. И теперь совѣтую, если хотите мириться, такъ миритесь, чтобы Украйна была освобождена, Іерусалимъ былъ отданъ и Турки отступили за Дунай, а не такъ, лучше воюйте вмѣстѣ съ сосѣдями, гоните и смиряйте нечистивыхъ, а о Полякахъ нечего заботиться: когда захотите смирить ихъ, тогда и смирите. Нынѣшній визирь человѣкъ достойный, взялъ Нису и Бѣлградъ, а причиною вы, потому что Татары были съ нимъ вмѣстѣ, а если бы Татары были вами сдержаны, то Турки ничего бы не сдѣлали. Однако они никакой благодарности вамъ не воздаютъ, потому что, думать надобно, доброта ваша отъ неразумія. Теперь визирь вмѣстѣ съ ханомъ хочетъ васъ обмануть; побѣдитъ Нѣмцевъ, а потомъ и за людей васъ не будетъ почитать, потому что очень онъ глубокъ и лукавъ.

«Побѣдивши Нѣмцевъ, станутъ воевать съ великимъ гнѣвомъ по многимъ причинамъ. Поэтому опять пишу: если не будетъ освобождена Украйна и Іерусалимъ и если Турки не будутъ изгнаны изъ Подоліи, не заключайте мира съ ними, но стойте крѣпко. Будете заключать миръ и станете вначалѣ требовать Іерусалима, и если они вамъ его не отдадутъ, то не заключайте мира, Турки убьютъ визиря за напрасную войну Если будутъ отдавать вамъ весь Іерусалимъ, а Украйны не поступятся и изъ Подоліи не выйдутъ—не заключайте мира, потому что если за-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV, стр. 204—205.

сядутъ они въ Подоліи, то сыщутъ удобное время и не будутъ молчать. Помогайте Полякамъ и инымъ, пока здѣшніе погибнутъ. Если Татары погибнутъ, то и Турки съ ними, и дойдетъ ваша власть до Дуная, а если Татары останутся цѣлы, то они васъ обманутъ. Впередъ такого времени не сыщете какъ теперь. Мы желали взять Іерусалимъ отъ Французовъ чрезъ васъ, и не для Іерусалима только; мы хотимъ чтобъ вы не позволяли Туркамъ жить по сю сторону Дуная и за Дунаемъ, чтобъ вы разорили Татаръ, тогда и Іерусалимъ будетъ вашъ. Александръ Великій не ради Бога, но ради одноплеменныхъ своихъ на Персовъ великою войною ходилъ: а вы ради Святыхъ Мѣстъ и единаго православія для чего не бодрствуете, не трудитесь не отгоняете отъ себя злыхъ сосѣдей? Вы упросили у Бога, чтобъ у Турокъ была война съ Нѣмцами; теперь такое благополучное время, и вы не радѣете! Въ досаду вамъ Турки отдали Іерусалимъ Французамъ и васъ ни во что ставятъ; смотрите какъ смѣются надъ вами: ко всѣмъ государямъ послали грамоты, что воцарился новый султанъ, а къ вамъ не пишутъ ничего. Татары— горсть людей; и хвалятся, что берутъ у васъ дань, а такъ какъ Татары турецкіе подданные, то выходитъ, что и вы турецкіе подданные. Много разъ вы хвастались, что хотите сдѣлать и то, и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакого».

Петръ I, который между тѣмъ сталъ единолично править государствомъ, рѣшился воспользоваться напряженнымъ положеніемъ Турціи и вмѣсто возобновленія крымскихъ походовъ, избралъ непосредственною цѣлью Азовъ, къ которому можно было подойти на судахъ. Кампанія объявлена въ 1695 г. и въ іюлѣ русское войско подъ главною командою Головина подступило къ Азову, а въ слѣдующемъ году, благодаря вновь построенному флоту, изолировавшему городъ отъ подвоза Турками со стороны устья Дона продовольственныхъ припасовъ,—Русскіе 18 іюля взяли Азовъ.

Паденіе Азова, этой единственной турецкой крѣпости къ сѣверу отъ Чернаго моря, успѣхи Шереметьева въ низовьяхъ Днѣпра, броженіе въ Молдавіи и Валахіи, сношенія господарей которыхъ съ русскимъ царемъ не могли не сдѣлаться извѣстными Портѣ, наконецъ все чаще повторявшіяся возмущенія янычаръ, потерявшихъ вкусъ въ боевой жизни— даже въ Стамбулѣ рѣшительный перевѣсъ мирной партіи и посредничество Англіи и Голландіи вынудили Порту склониться на тягостный для Турціи миръ. Въ 1698 г. въ Карловицахъ съѣхались уполномоченные Турціи, Австріи, Венеціи, имѣли здѣсь своихъ повѣренныхъ Англія, Голландія и Франція; со стороны Россіи на Карловицкій конгрессъ посланъ думный совѣтникъ Прокофій Возницынъ. По Карловицкому миру Турція уступила *Австріи* Венгрію и Трансильванію, *Польшѣ*—Подолію

съ Каменцомъ и Украйну, *Венеціи* - завоеванные ею города въ Пелопонезѣ и большую часть Далмаціи, *Россіи*—Азовъ; кромѣ того, христіанскія государства, платившія дань, освобождались отъ нее навсегда. Изъ нихъ впрочемъ *Россія* на Карловицкомъ конгрессѣ не добилась еще указанныхъ мною результатовъ предшествующей успѣшной для нея войны.—Здѣсь, можно сказать, *впервые* Турція, въ формѣ наглядной, дебютировала въ роли не столько самостоятельнаго государства, сколько необходимой для чуждыхъ интересовъ политической комбинаціи; здѣсь впервые рѣзко обнаружился взглядъ европейскихъ правительствъ на Турцію, какъ на нейтральную почву, имѣя дѣло съ которой приходилось неизбѣжно сталкиваться со всѣми тѣми, которые утвердили или пытались утвердить господство своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Любопытно, что не только нейтральныя державы стараются ослабить результаты военныхъ успѣховъ священнаго союза, но сами союзники проявляютъ опасеніе, чтобы тотъ или другой изъ нихъ не слишкомъ воспользовался на счетъ Турціи плодами побѣдъ своихъ. *Австрія* торопится заключеніемъ мира, чтобы предоставить Турціи свободу, самостоятельнѣе отнестись къ изолированнымъ требованіямъ Россіи, а *русскій* уполномоченный *Возницынъ*, чрезъ драгомана Порты Маврокордато, совѣтуетъ ей продолжать войну съ Австріею, указывая на то, что съ ожидаемымъ открытіемъ войны за Испанское наслѣдство, Австрія, какъ заинтересованная въ этой войнѣ держава, должна будетъ отвлечь силы свои на западъ и тогда Турція легко возвратитъ все, что она потеряла въ предшествующія кампаніи. Порта однакоже не послѣдовала этому совѣту и Возницынъ уѣхалъ съ конгресса, успѣвъ только заключить перемиріе на два года. Донося Петру о неудачномъ исходѣ переговоровъ, Возницынъ жалуется на эгоизмъ союзниковъ которые «всѣ себя удовольствовали, а русскаго царя оставили». Осенью слѣдующаго года (1699 г). для заключенія мира въ Константинополь отправленъ *Емельянъ Украинцевъ* на военномъ кораблѣ съ многочисленнымъ экипажемъ. Появленіе въ Босфорѣ *перваго военнаго русскаго корабля*, сопровождаемое пушечною пальбою, произвело сильное впечатлѣніе въ Константинополѣ, въ особенности на бывшихъ тамъ европейскихъ пословъ, которыхъ болѣе непріятно поразило появленіе этого перваго военнаго судна русскаго, чѣмъ самихъ Турокъ. Англійскій посолъ поступилъ даже неприлично въ отношеніи къ Украинцеву, отказавшись принять капитана Памбурга, котораго Украинцевъ послалъ къ европейскимъ уполномоченнымъ съ поздравленіемъ. Переговоры о мирѣ затянулись, и это Украинцевъ объяснялъ общимъ нерасположеніемъ къ Россіи европейскихъ пословъ, которое и вызвало упорство со стороны Порты. Въ особенности онъ жалуется на Англичанина и Голландца, которые «во всемъ держатъ

крѣпко турецкую сторону и больше хотятъ имъ добра, нежели тебѣ Великому Государю». Турки сильно упорствовали при обсужденіи каждаго изъ выставленныхъ Украинцевымъ требованій, и *ни мѣха, стоимостью въ 5000 руб., ни полтора пуда чаю, ни 10 пудовъ рыбьяго зуба*, которые Украинцевъ повезъ въ Стамбулъ «на раздачу отъ государевыхъ дѣлъ» — не помогли на этотъ разъ; приходилось уступать одно требованіе за другимъ. Если сами Турки не могли выдумать возраженія противъ того или другаго требованія, то европейскіе уполномоченные научали Турокъ какъ говорить.

Положеніе Украинцева стало въ высшей степени затруднительнымъ: ему приходилось диспутировать не съ одними турецкими сановниками, а со всѣми европейскими уполномоченными, изъ которыхъ одни хотя повидимому и дружили съ Украинцевымъ, но въ тайнѣ преусердно интриговали противъ него. «Отъ пословъ. жалуется Украинцевъ, отъ Цесарскаго, Венеціанскаго, Англійскаго и Голландскаго не видимъ мы никакой себѣ помощи, всѣ они лицемѣры и навѣтники». Ко всему этому присоединилось подстрекательство Порты со стороны польскаго уполномоченнаго Лещинскаго, которое тоже не осталось безъ вліянія на медленный ходъ переговоровъ. Только 3 іюля 1700 г. уполномоченные Россіи и Турціи подписали трактатъ, по которому: крымская дань уничтожается; Азовъ со всѣми старыми и новыми городками и межъ тѣми городками лежащими землями и водами,—остается за Россіею; Поднѣпровскіе городки всѣ разорить и мѣстамъ, на которыхъ они стояли, быть въ султановой сторонѣ пустыми, да и всѣмъ землямъ по Днѣпру отъ Сѣчи Запорожской до Очакова быть пустыми же; только на половинѣ между Очаковымъ и Казыкерменемъ быть поселенію для перевоза черезъ Днѣпръ всякихъ проѣзжихъ и торговыхъ людей.

ГЛАВА XXVII.

Явленія внутренней жизни Турціи въ періодъ XVI и XVII ст.

1. Турки создали государство военное. 2. Военная организація янычаръ. 3. Развитіе военныхъ учрежденій составляло главную заботу правительства. 4. Янычары, сипаги, акинджіи. 5. Разложеніе военнаго строя государства. 6. Въ среду янычаръ проникаетъ вкусъ къ житейскому комфорту. 7. Деморализація янычаръ. 8. Они становятся дѣятелями внутреннихъ смутъ. 9. Уступчивость султановъ передъ янычарами. 10. Деморализація янычаръ отражается на ходѣ внѣшнихъ событій. 11. Упадокъ феодальнаго войска. 12. Завоеватели Балканскаго полуострова не съумѣли провести начало политическаго объединенія подвластныхъ народовъ. 13. Борьба мѣстной автономіи съ государственнымъ началомъ. 14. Борьба эта не вызывала въ Турціи такихъ ожесточенныхъ войнъ, какъ въ европейскихъ государствахъ. 15. Въ военно-религіозно-политической системѣ государства Османлисовъ заключается упадокъ его. 16. Вліяніе корана на соціально-политическій бытъ Турокъ. 17. Заключеніе.

Государство, построенное на одностороннемъ началѣ, какое бы это начало ни было — теократическое, военное, торговое — не можетъ разсчитывать на долговѣчность, такъ какъ подобный строй государственной жизни направляетъ дѣятельность и призваніе людей къ одной спеціальной цѣли, содѣйствуетъ развитію въ нихъ качествъ и силъ, годныхъ только для осуществленія этой узкой цѣли и гибельно вліяетъ на правильное развитіе другихъ сторонъ человѣческой природы. Государство кажется прочнымъ, пока сохраняются въ первоначальной чистотѣ тѣ учрежденія, которыя разсчитаны были для осуществленія техническаго призванія его; но разъ только въ эти учрежденія успѣли проникнуть элементы, чуждые такого призванія, какъ въ жизни государственной является деморализующій разладъ и паденіе государства становится лишь вопросомъ времени. Такое государство, построенное на одностороннемъ началѣ, создали Турки у себя въ Малой Азіи и дали ему дальнѣйшее развитіе на европейской почвѣ. Это было начало военное. Оно повело къ тому, что вся забота руководящихъ людей государства обратилась главнымъ образомъ на развитіе такихъ учрежденій, которыя должны были содѣйствовать завоевательнымъ успѣхамъ государства, и этимъ объясняется первоначальный перевѣсъ военнаго могущества Турціи надъ христіанскими государствами. Въ XV ст., т. е. въ эпоху завоеванія

Турками Балканскаго полуострова военныя учрежденія Турціи были въ полномъ цвѣтѣ своего развитія. Она имѣла многочисленную, обученную армію янычаръ и сильную феодальную кавалерію сипаговъ; она имѣла обширный военный флотъ, который сталъ грозою издавна существовавшимъ торговымъ флотамъ могущественныхъ Итальянскихъ республикъ; она имѣла образцовую и лучшую по тогдашнему времени въ Европѣ артиллерію. Военный геній народа несомнѣнно проявился въ этомъ строѣ его государственной жизни, въ развитіи этихъ военныхъ учрежденій. Въ то время, когда западная Европа не имѣла понятія о постоянной арміи, въ Турціи существовала могущественная армія янычаръ, со всѣми задатками войска, чуждаго народу, технически обученнаго, преданнаго исключительно своей профессіи и составляющаго могучую силу для завоевательнаго честолюбія. До конца XVII ст. янычары комплектовались исключительно изъ христіанъ, которые такимъ образомъ невольно освѣжали и поддерживали азіятскую расу завоевателей, пополняя убыль въ ихъ рядахъ. Каждый годъ сотни христіанскихъ мальчиковъ, возрастомъ не свыше 10 лѣтъ и наиболѣе крѣпкаго организма, привозили въ Стамбулъ, гдѣ ихъ обращали въ исламъ и давали военно-религіозное воспитаніе. Живя въ казармахъ, проводя время въ военныхъ упражненіяхъ и изученіи корана, слушая разсказы о подвигахъ военной храбрости старшихъ и внимая наставленіямъ улемовъ и дервишей объ истинномъ призваніи мусульманина жертвовать своей жизнью для покоренія невѣрныхъ, мальчики выростали, мужали и становились ревностными представителями мусульманскаго прозелитизма и въ то же время самыми страшными его орудіями. Изъ нихъ выходили самые искусные и храбрые солдаты, которые, не имѣя инаго идеала жизни, кромѣ военной славы, беззавѣтно жертвовали ей своею жизнью. Рядъ блистательныхъ побѣдъ, которыми ознаменованъ періодъ завоеваній Турціи, обязанъ этой технически обученной, дисциплинированной, казарменной арміи янычаръ, которые въ XV и XVI ст. пріобрѣли всесвѣтную славу со стороны ихъ военныхъ подвиговъ. Эта постоянная армія, содержась въ казармахъ, вырванная изъ среды покоренныхъ христіанскихъ народовъ и имѣя мало общаго даже съ своими азіятскими единовѣрцами, считала себя всѣмъ обязанною одному падишаху, была вполнѣ предана ему; падишахъ во время войнъ самъ предводительствовалъ этою арміею и водилъ ее по побѣдамъ. Въ мирное время онъ прилагалъ наибольшія заботы объ удобствахъ казарменной жизни янычаръ съ тѣмъ, чтобы они поставлены были внѣ всякой необходимости частными занятіями изыскивать себѣ средства къ жизни: кромѣ продовольствія натурой, они получали денежное жалованье, которое еще сильнѣе должно было укрѣпить въ нихъ преданность падишаху и служеніе ему ставили превыше интересовъ госу-

дарства. За то янычары представляли собою самую надежную военную силу для подавленія внутреннихъ смутъ, — съ одинаковою ревностью уничтожая христіанскихъ и мусульманскихъ мятежниковъ. Отсутствіе брака въ средѣ этой арміи должно было содѣйствовать изолированности ея отъ народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большей преданности ея падишаху, отъ котораго зависѣли не только матеріальное положеніе этой арміи, но и высокій почетъ, которымъ она пользовалась въ государствѣ вслѣдствіе высокаго покровительства, ей оказываемаго.

Другое военное учрежденіе представляла собою *феодальная кавалерія*, подъ общимъ именемъ *сипаговъ*. Они владѣли $^1/_3$ завоеванной территоріи; другою третью владѣли Турки-земледѣльцы, платившіе въ казну десятину и послѣднею третью—христіане, подъ общимъ именемъ райевъ, которые кромѣ десятины платили еще личную подать—харачъ, освобождавшую ихъ отъ натуральной воинской повинности [1]). Сипаги составляли также регулярную армію и въ первые два вѣка турецкаго владычества въ Европѣ, были исключительно преданы военному дѣлу, такъ какъ сами они хозяйствомъ не занимались, предоставляя обработку земли поселившимся на ней христіанамъ, или мусульманамъ, которые непосредственно извлекали изъ нея доходъ, внося за это оброкъ своимъ помѣщикамъ-воинамъ. Эта феодальная кавалерія вдвойнѣ удовлетворяла военному призванію государства, оберегая его окраины отъ внѣшнихъ нападеній, а въ военное время представляя собою крупную боевую силу, имѣвшую свою военную организацію и дисциплину. Кромѣ этихъ двухъ видовъ постояннаго войска, численность котораго точно была извѣстна правительству, — армія пополнялась въ военное время иррегулярами подъ именемъ *акинджіевъ*, которые набирались изъ охотниковъ и имѣли назначеніе безпокоить непріятеля, что у нихъ нерѣдко сводилось къ грабежамъ и убійствамъ мирнаго населенія. Наконецъ, въ хвостѣ арміи шли дополнительные отряды изъ христіанъ — преимущественно Болгаръ, Сербовъ и Валаховъ, для прикрытія военнаго обоза. Но главнымъ образомъ эти отряды, исполняя нестроевую службу, тѣмъ самымъ увеличивали боевую силу мусульманскаго войска, которое при такой организаціи доходило до 700,000 человѣкъ. Флотомъ управляли одни изъ лучшихъ моряковъ XV и XVI ст.—Греки и Венеціанцы, принявшіе исламъ; точно также завѣдывали иностранцы и артиллеріею, важное значеніе которой въ военномъ дѣлѣ впервые усвоено было Турками.

Развитіе всѣхъ этихъ учрежденій составляло главную заботу правительства; оно въ нихъ видѣло единственно прочныя основы могуще-

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т. II.

ства государства и вмѣстѣ съ тѣмъ средство для прозелитизма, которымъ, въ свою очередь, прикрывались завоевательныя стремленія. Эти заботы имѣли послѣдствіемъ образованіе въ средѣ христіанскихъ народовъ южной оконечности Европы сильнаго военнаго лагеря, который называется Турецкою имперіею.

Пока этотъ военный лагерь, называемый Турецкою имперіею, отвѣчалъ своему настоящему призванію—боевой жизни, безъ притязаній на матеріальный комфортъ, онъ оставался грозною силою, достаточною для удержанія власти падишаха надъ покоренными народами, которые даже въ отдаленныхъ окраинахъ подчинялись ей; нѣсколько турецкихъ гарнизоновъ въ Бухарестѣ, Браиловѣ, Каменцѣ-Подольскѣ, Офенѣ, Германштатѣ сдерживали въ повиновеніи такія окраины, какъ Валахію, Молдавію, Подолію, Венгрію, Трансильванію Но разъ въ этотъ лагерь проникли элементы, несвойственные указанному призванію его,—онъ быстро сталъ деморализироваться, а вмѣстѣ съ этимъ терялась и его raison d'être. Переставъ быть грозною для покоренныхъ народовъ силою, военный лагерь этотъ, съ другой стороны, сдѣлался настоящимъ противуобщественнымъ элементомъ и причиною внутреннихъ государственныхъ смутъ. Этотъ процессъ разложенія происходилъ постепенно, но можно приблизительно отнести его начало къ половинѣ XVI в. Разложеніе это прежде всего коснулось янычаръ, главныя силы которыхъ сосредоточивались въ Стамбулѣ. Сюда, въ эту столицу имперіи, со всѣхъ странъ свѣта стекались несметныя богатства, которыя далеко превышали тогдашнія государственныя нужды Турціи, потому что оттоманское правительство, предоставивъ покореннымъ христіанскимъ народамъ свободу совѣсти и образованія, а также и нѣкоторыя автономныя права мѣстнаго управленія, не принимало на себя расходовъ на содержаніе относящихся сюда учрежденій, которые вносятся въ бюджеты европейскихъ государствъ. Большая часть этихъ богатствъ распредѣлялась между лицами правящихъ классовъ и прежде всего самимъ падишахомъ. Они доставались чрезвычайно легко турецкимъ сановникамъ: при полномъ отсутствіи общественнаго контроля, можно было совершенно безнаказанно пользоваться значительною частью доходовъ, предназначавшихся въ государственную казну, которая при всемъ этомъ была полна, такъ какъ поступленія превышали выдачи. Подкупы составляли также весьма крупный источникъ обогащенія правящихъ классовъ: западныя государства, еще съ XIII в. ознакомившись съ выгодами торговыхъ сношеній съ Левантомъ, которыя съ турецкимъ завоеваніемъ не только не прекратились, но получили болѣе широкое развитіе,—европейскія государства наперерывъ другъ передъ другомъ стремились утвердить свое вліяніе на Босфорѣ, а люди правящихъ классовъ очень быстро прозрѣли

въ этомъ неисчерпаемый источникъ матеріальныхъ для себя выгодъ, которыя такъ легко могли доставаться и охотно принимали богатые подарки отъ представителей иностранныхъ государствъ и торговыхъ колоній. Эта легкость обогащенія повела къ роскоши, страсть къ которой постепенно охватила собою всѣхъ, болѣе или менѣе соприкасавшихся съ дворомъ падишаха и представителями высшихъ правительственныхъ сферъ—прежде всего янычаръ, какъ привилегированныхъ, излюбленныхъ воиновъ падишаха. Изъ нихъ комплектовалась гвардія и отрядъ тѣлохранителей султана, которые при дворѣ имѣли достаточно случаевъ присмотрѣться къ развивавшейся роскоши и вмѣстѣ съ тѣмъ къ зарождавшемуся вольнодумству, выражавшемуся пока въ легкомысленномъ отношеніи къ нѣкоторымъ правиламъ корана, напримѣръ къ запрещенію вина. Находясь подъ особымъ покровительствомъ падишаха, янычары скоро замѣтили, что изъ этого привилегированнаго положенія можно извлекать выгоды болѣе реальныя, чѣмъ общественный почетъ ихъ званія; они постепенно стали пріобрѣтать значеніе посредниковъ, черезъ которыхъ можно найдти доступъ къ падишаху и такимъ образомъ, въ лицѣ своихъ высшихъ представителей, были втянуты въ кругъ придворной политики и жизни блиставшихъ роскошью турецкихъ сановниковъ. Не трудно имъ было полюбить эту жизнь: она на землѣ доставляла той рай съ гуріями, который коранъ сулитъ только въ туманной дали заоблачнаго міра. Янычары начинаютъ находить казарменную жизнь слишкомъ аскетическою, суровою; у многихъ изъ нихъ уже успѣли скопиться достаточныя матеріальныя средства, чтобы обзавестись женой или гаремомъ. Разъ былъ поданъ примѣръ, и въ подражателяхъ недостатка не могло уже быть. Процентъ въ женатыхъ съ каждымъ годомъ сталъ увеличиваться, такъ что уже къ концу XVI ст. семейный элементъ преобладалъ въ средѣ янычаръ. Семейная жизнь при такихъ физіологическихъ излишествахъ, которыми она отличается въ Турціи, должна была прежде всего вредно отозваться на воинственномъ характерѣ этого лучшаго войска; страсть къ боевой жизни постепенно стала заслоняться наклонностями къ семейному или гаремному быту. Притомъ же не всѣ семейные люди изъ янычаръ имѣли возможность легко добывать себѣ матеріальныя средства; большинству приходилось искать частныхъ занятій, чтобы добыть средства содержать себя и семью, а частныя занятія начали ихъ отвлекать отъ спеціальной ихъ профессіи: янычары, въ качествѣ торговцевъ и ремесленниковъ, очевидно, теряли прежній воинскій задоръ и неохотно покидали свои гаремы или мастерскія для треволненій бивачной лизни. Со смерти Солимана I (1566 г.) возмущенія янычаръ во время похода противъ непріятеля начинаютъ все чаще повторяться, и нерѣдко цѣлые отряды янычаръ убѣгали съ

поля битвы. Въ оправданіе свое, янычары обыкновенно приводили нарушеніе освященнаго временемъ обычая, въ силу котораго самъ падишахъ предводительствуетъ янычарами во время войны, между тѣмъ съ половины XVI ст. султаны уже рѣдко выступаютъ въ походъ, все больше погружаясь въ нѣгу и оргіи гаремной жизни. Хотя Солиманъ I издалъ особый законъ, который освобождалъ падишаха отъ командованія арміею во время войны, но въ глазахъ янычаръ законъ этотъ представлялся святотатственнымъ посягательствомъ на установившійся обычай [1]), который притомъ неизмѣримо возвышалъ ихъ передъ другими частями войска: личное предводительство падишаха янычарами, очевидно, указывало на важное значеніе ихъ въ государствѣ; теперь же ихъ, за-урядъ съ сипагами и акинджіями, подчиняютъ командованію визирей и пашей. Для янычаръ это было оскорбленіе, за которое они отплачивали военными мятежами, иногда въ самую критическую минуту боя. Всѣ эти причины деморализующе должны были повліять на войско янычаръ, и правительство нашлось вынужденнымъ употреблить янычаръ для гарнизонной службы и для почетной стражи при турецкихъ сановникахъ и иностранныхъ послахъ. Янычары охотно соглашались мѣнять бивачныя невзгоды на эту мирную жизнь, которая въ свою очередь еще больше должна была разложить воинственный ихъ духъ.

Но по мѣрѣ того, какъ янычары теряли значеніе боевой силы и перестали быть страшными для враговъ государства, они становились главными дѣятелями внутреннихъ смутъ. Какъ ни упалъ въ нихъ воинственный задоръ, но разъ, что мирная жизнь не могла не тяготить ихъ по временамъ, а другое, что они чрезвычайно чутки были къ своимъ прерогативамъ, которыя правительство стремилось исподоволь ограничивать,—и янычары изъ года въ годъ начали повторять открытыя возстанія, жертвами которыхъ становились вліятельные любимцы падишаха или и самъ падишахъ. На ихъ сторонѣ, кромѣ силы оружія, было и мусульманское духовенство, которое, по старой памяти, продолжало считать янычаръ ревнивыми защитниками ислама, а духовенство въ свою очередь имѣло подавляющее вліяніе на народъ, въ которомъ такимъ образомъ янычары всегда могли расчитывать на поддержку, тѣмъ болѣе, что случалось нерѣдко, что эти мятежные преторіанцы дѣйствительно освобождали народъ отъ через-чуръ негодныхъ правителей. Падишахъ, неограниченный повелитель, передъ которымъ трепетали самые высшіе сановники имперіи, не рѣшался на энергическія мѣры противъ янычаръ, стараясь открытое возстаніе подавить уступками. Такъ, когда янычары, при вступленіи на престолъ Баязета II, съ оружіемъ въ рукахъ потре-

[1]) Jouanin et van Gaver, Turquie, 1840.

бовали увеличенія жалованья, султанъ уступилъ, раздавъ имъ требуемую сумму и удаливъ ненавистнаго янычарамъ любимца своего великаго визиря Мустафу-пашу. Со времени Баязета ни одинъ дворцовый переворотъ не обходился безъ главнаго участія янычаръ, которые или по собственной инціативѣ, или по указаніямъ со стороны, низлагали султановъ и возводили новаго, иногда даже противъ желанія послѣдняго. Низложеніе совершалось весьма просто и часто обходилось даже безъ кровопролитія. Янычары желали видѣть своимъ падишахомъ младшаго сына Баязета II, Селима, между тѣмъ какъ старшій, Ахметъ, имѣлъ преимущество первородства; они требуютъ, чтобы Баязетъ вызвалъ сына изъ города Смедерова, куда тотъ бѣжалъ послѣ неудачной попытки возстанія; Баязетъ уступаетъ этому требованію. Какъ только прибылъ Селимъ, янычары подступили къ дворцу и приказали избранной изъ ихъ среды депутаціи сказать Баязету: «нашъ падишахъ старъ и болѣнъ; мы хотимъ Селима». Воля ихъ была исполнена. Преемникъ Солимана I, Селимъ II вздумалъ было принять мѣры противъ своеволія янычаръ и началъ съ того, что отказалъ имъ въ выдачѣ денегъ, сдѣлавшейся обычною при вступленіи на престолъ новаго султана, но этимъ только вызвалъ открытый мятежъ. Янычары, вооруженные съ ногъ до головы, окружили дворецъ и часть ихъ проникла уже во дворецъ. Подкрѣпляя угрозами, они требовали раздачи имъ денегъ, согласно обычаю, и султанъ долженъ былъ уступить ихъ желанію. Такія уступки только поощряли янычаръ къ повторенію смутъ и укрѣпляли въ нихъ сознаніе собственной силы; они уже не ограничиваются защитою ближайшихъ своихъ интересовъ, а вступаются въ сферу правительственной дѣятельности, низлагая нелюбимыхъ ими великихъ визирей и иныхъ правителей, назначая воеводъ въ Валахіи и Молдавіи, напр. при Мурадѣ III; преемника послѣдняго, Магомета III, они заставили выдать имъ 600 т. дукатовъ подъ видомъ вознагражденія за раздачу имъ жалованья монетой низшаго достоинства. Быстрая насильственная смѣна султановъ, начавшаяся съ XVII ст., всегда составляла послѣдствія возмущенія янычаръ; малѣйшее стѣсненіе ихъ преимуществъ они стали считать кровною обидою, отплачивая за нее открытымъ возстаніемъ, которое нерѣдко ставило правительство въ осадное положеніе, вынуждавшее его соглашаться на удовлетвореніе всѣхъ требованій преторіанцевъ. Въ случаѣ упорства падишаха, онъ низлагался и на улицахъ Стамбула начиналась рѣзня, жертвою которой падали любимцы султана. Такимъ образомъ былъ низложенъ Мустафа I-й (1618) и поставленъ ими же Османъ II; но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ послѣдняго постигла такая же участь; возстановленный въ 1620 г., Мустафа продержался только три года; тѣ же янычары, которые его поставили, теперь вновь его низвергли. Они

становились настоящими хозяевами столицы и нерѣдко вліяли на ходъ внѣшнихъ событій. Такъ, неудача войны съ Польшей приписывается янычарамъ, между которыми во время похода въ Польшу вспыхнулъ мятежъ, заставившій султана поспѣшить заключеніемъ мира; русскимъ посламъ Кондыреву и Бормосову, явившимся въ Константинополь для переговоровъ съ Портою объ азовскихъ и польскихъ дѣлахъ, турецкіе сановники прямо объявили, что теперь не до нихъ, возстали-де янычары и убили султана. Изъ этого видно, какое важное значеніе имѣли эти повторявшіяся волненія, отражавшіяся даже на исходѣ внѣшнихъ войнъ и дипломатическихъ переговоровъ. Чтобы отвлечь янычаръ изъ столицы и другихъ крупныхъ центровъ, правительство иногда *сочиняло* легкія войны для подавленія возстанія въ окраинахъ—въ Малой Азіи, Венгріи, Трансильваніи и другихъ странахъ [1]). Но всѣ эти палліативы, а также и вынужденныя уступки не устраняли зла и янычары, въ особенности при вступленіи на престолъ каждаго новаго султана, находили всегда благопріятные поводы къ смутамъ. Вреднѣе всего своеволіе этого войска отражалось на военныхъ дѣйствіяхъ Турціи, неудачи которой все чаще стали обусловливаться возмущеніями янычаръ во время похода. Такъ, въ войнѣ съ Венеціею при Магометѣ IV, янычары не разъ оставляли поле битвы вслѣдствіе неудовольствія противъ командующаго паши, а въ 1649 они же отказались продолжать осаду Кандіи и сераскиръ Гуссейнъ вынужденъ былъ снять осаду; въ 1651 и 1656 гг. новое крупное возстаніе по поводу недоплаты жалованья: собравшись въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ на обыкновенномъ мѣстѣ своихъ сходбищъ—на площади Атмейданѣ (гдѣ въ византійское время былъ извѣстный ипподромъ), янычары, послѣ шумныхъ совѣщаній, рѣшили потребовать у падишаха выдачи имъ денегъ и удаленія ненавистныхъ имъ правителей. Падишаху былъ врученъ списокъ лицъ, удаленія которыхъ они требовали. Магометъ, не видя иного средства успокоить волненіе, уступилъ требованію янычаръ, какъ ни тяжело оно ему казалось, потому что въ числѣ лицъ, вызвавшихъ нерасположеніе янычаръ, были любимцы султана Рядомъ съ корпусомъ янычаръ начала разлагаться и другая боевая сила—феодальная кавалерія сипаговъ. Прежнее правило, по которому нѣсколько участковъ земельныхъ не могли соединяться въ одномъ лицѣ, со времени смерти Солимана I (1566) перестало примѣняться на практикѣ, и благодаря подкупамъ или связямъ—въ средѣ сипаговъ явились крупные помѣщики съ выгодными статьями доходовъ, которыя гораздо больше стали интересовать ихъ владѣльцевъ, чѣмъ отбываніе воинской повинности. Изъ охранителей окраинъ имперіи, изъ боевой силы, сипаги

---

[1]) Poujoulats, Histoire de Constantinople, т. II.

обращались въ угнетателей массы населенія, въ качествѣ помѣщиковъ. На военный призывъ къ походу, начали идти съ большой неохотой или вовсе отказывались, такъ что уже въ XVII ст. турецкую кавалерію приходилось комплектовать изъ разнаго сброда, который былъ страшенъ для мирнаго населенія, но быстро обращался въ разсыпную при видѣ сильнаго непріятеля. Погрузившись въ хозяйственные интересы, сипаги перестали находить время для военныхъ упражненій, а потому являлись въ армію не подготовленными къ военному дѣлу и совершенно недисциплинированными. Кромѣ того, какъ въ средѣ янычаръ большая часть волненій происходила вслѣдствіе недоплаты жалованья или недостаточно частыхъ, по мнѣнію янычаръ, денежныхъ раздачъ, такъ точно и сипаги отъ времени до времени находили поводъ къ возстанію противъ правительства—въ тѣхъ случаяхъ, когда противъ злоупотребленій ихъ помѣщичьей властью принимали стѣснительныя мѣры, или когда земельные участки,—тимары, — вмѣсто сипаговъ,— раздавали разнымъ любимцамъ великаго визиря или другихъ сановниковъ. Такое государство какъ Турція, жизненность и могущество котораго обусловливалось только извѣстною степенью развитія боевой силы, государство, въ которомъ только эта послѣдняя представляется прогрессирующимъ факторомъ, всѣ же другія стороны общественной жизни остаются въ застоѣ, такое государство подвергается страшной опасности разъ только въ единственно живой нервъ его проникла зараза разложенія, потому что кромѣ профессіональной боевой силы ему уже не на что опереться.

Въ связи съ указаннымъ выше военнымъ характеромъ государства Османлисовъ находится другое явленіе, которое подготовило паденіе могущества Турецкой имперіи. Оно состоитъ въ томъ, что завоеватели Балканскаго полуострова, — несомнѣнно проявивъ извѣстную степень военнаго генія въ такой военной организаціи государства, при которой оно въ теченіи вѣковъ могло считаться грозою для сосѣдей, — совершенно пренебрегли другими задачами государственной жизни, которыя, между прочимъ, заключаются въ укрѣпленіи и развитіи внутренняго его единства. Въ среду разноплеменныхъ народовъ они не внесли твердаго начала политическаго общежитія; они не внесли этаго начала въ сознаніе подвластныхъ народовъ; они не создали государство въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а въ средѣ покоренныхъ народовъ образовали сильный военный лагерь и были довольны, что при посредствѣ этого лагеря можно поддерживать механическую связь — завоеванныхъ странъ и повиновеніе народовъ. Болгары, Сербы, Албанцы, Валахи, Венгры и другіе народы, продолжая и послѣ турецкаго завоеванія жить своею особливою, національною жизнью, были развѣ связаны тѣмъ общимъ

сознаніемъ, что всѣ они составляютъ лишь доходную статью для правящихъ классовъ въ государствѣ Османлисовъ и потому такъ безучастно относились къ общимъ интересамъ государства, охотно идя противъ него за первымъ предпріимчивымъ авантюристомъ, кто бы онъ ни былъ—христіанинъ ли или мусульманинъ; Османлисы не давали себѣ труда провести начало объединенія покоренныхъ народовъ даже путемъ общихъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій. Они почти съ перваго шага своихъ европейскихъ завоеваній показали пренебреженіе къ проведенію этого начала государственнаго объединенія. Такъ, даже на Балканскомъ полуостровѣ, турецкое владычество надъ которымъ казалось непосредственнымъ, они оставили страны, какъ Черногорію и Албанію, на правахъ вассальныхъ владѣній. Затѣмъ, что касается всѣхъ другихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній къ сѣверу и къ сѣверо-востоку отъ Дуная, какъ то: Валахіи, Венгріи, Трансильваніи, Молдавіи, Подоліи, Украйны, Крыма, то всѣ эти страны съ перваго же раза обращены были въ вассальныя владѣнія съ туземными правителями и не вслѣдствіе лишь религіозной розни,—такъ какъ по отношенію къ единовѣрному Крыму этого препятствія не существовало, а между прочимъ въ силу слабости организаторской энергіи завоевателей и взгляда ихъ на завоеванныя страны, какъ на статьи доходовъ. А такъ какъ доходы могли быть получаемы и при посредствѣ туземныхъ правителей, то повелителю правовѣрныхъ и его правительству казалось совершенно излишнею головоломная работа—политическое объединеніе завоеванныхъ странъ. Въ такой системѣ турецкаго владычества уже заключались зародыши разложенія. Пока главное условіе этого владычества—боевая сила,—находилось въ цвѣтущемъ состояніи, до тѣхъ поръ вассальныя владѣнія, удерживаемыя лишь механическою силою, подчинялись ему; пока въ Браиловѣ, Аккерманѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Азовѣ стояли сильные турецкіе гарнизоны, которые во всякое время могли быть подкрѣплены новыми войсками, до тѣхъ поръ вассальная зависимость этихъ странъ могла считаться обезпеченною. Но разъ пошатнулось это главное условіе турецкаго владычества, и связь вассальныхъ странъ съ Оттоманскою Портою разрывалась: онѣ становились или независимыми, или поглощались болѣе сильными сосѣдями.

Не только въ окраинахъ, но и у себя дома на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи, которые непосредственно охвачены были турецкимъ владычествомъ, Османлисы не успѣли провести начало политическаго объединенія и даже представляли изъ себя болѣе или менѣе сильный военный лагерь, который во время своего процвѣтанія могъ еще съ успѣхомъ подавлять внутреннія смуты, но по мѣрѣ своего разложенія этотъ военный лагерь, самъ изъ себя началъ выдѣлять про-

тивуобщественные элементы. Вся исторія Турціи, начиная съ XVI ст., представляетъ собою борьбу слабаго государственнаго начала съ стремленіями къ мѣстной автономіи, которыя тамъ и здѣсь возникали не столько вслѣдствіе турецкаго гнета, сколько по отсутствію живаго сознанія государственнаго единства. Не христіанскіе народы, которые могли считать себя подъ болѣе тяжкимъ гнетомъ, чѣмъ мусульмане, а именно сами правовѣрные, въ лицѣ своихъ предпріимчивыхъ представителей—первые проявили противугосударственныя стремленія, вступили въ борьбу съ государственнымъ началомъ. Борьба эта именно началось тамъ, гдѣ мусульманское населеніе представляло собою наиболѣе однообразную, сплошную массу,—въ азіатскихъ и африканскихъ владѣніяхъ Турціи и гдѣ казалось бы оттоманское владычество должно было найдти наиболѣе сильную опору.

Начало такихъ сепаративныхъ движеній относится къ XVI ст. и совпадаетъ съ первыми годами правленія Солимана I. Правитель Сиріи Газали объявилъ себя независимымъ, начавъ съ того, что доходы съ управляемой имъ провинціи сталъ собирать отъ своего имени и для себя; завелъ милицію; укрѣпилъ нѣсколько городовъ, поставивъ надъ ними своихъ приближенныхъ—словомъ, устроилъ маленькое государство, конечно съ тѣмъ, чтобы облегчить положеніе населенія освобожденіемъ его отъ турецкаго гнета; *его правительство* не менѣе турецкаго отличалось хищничествомъ. Солиманъ послалъ Рергада-пашу для уничтоженія этого импровизованнаго государства, и только послѣ нѣсколькихъ упорныхъ стычекъ, Газали призналъ себя побѣжденнымъ, бѣжалъ, но былъ схваченъ и казненъ. Голова его въ видѣ трофея доставлена въ Константинополь (1521 г.). Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Ахметъ-паша, назначенный правителемъ Египта, послѣдовалъ примѣру Газали. Привлекши на свою сторону Мамелюковъ, составлявшихъ въ то время довольно крупную боевую силу Египта, изгнавъ турецкихъ правителей, Ахметъ избралъ своею столицею Каиръ, укрѣпилъ этотъ городъ, объявилъ себя независимымъ государемъ, даже принялъ титулъ египетскаго султана, устроилъ правительство, назначивъ великаго визиря, приказалъ чеканить монету съ изображеніемъ своего имени. Позванный отъ имени Солимана I для мирныхъ переговоровъ, Чоушъ былъ убитъ. Оставалось силою смирить мятежнаго правителя. Цѣлая армія въ 30,000 человѣкъ отправлена съ этою цѣлью въ Египетъ и быть можетъ возникла бы серьезная война, еслибы не измѣна предала Ахмета въ руки правителей (1523 г.).

Кромѣ одной изъ общихъ причинъ такого рода волненій, указанной нами,—частая и насильственная смѣна падишаховъ также не оставалась безъ вліянія на попытки къ политической автономіи въ той или

другой части государства. Какъ ни ревниво, начиная съ Магомета II, примѣнялось установленное имъ правило, въ силу котораго падишахъ воленъ, для государственнаго спокойствія, жертвовать жизнью ближайшихъ своихъ родственниковъ, напр. братьевъ и племянниковъ, но почти всегда оказывалось, что нѣкоторыя изъ намѣченныхъ жертвъ успѣвали спастись отъ ожидавшей ихъ участи. Тогда они или отвоевывали для себя ту или другую провинцію, или, при лучшихъ условіяхъ, требовали съ вооруженною силою низложенія падишаха. Въ томъ и другомъ случаѣ правители отдѣльныхъ областей охотно или по необходимости раздѣляли свои симпатіи между падишахомъ и претендентомъ; такимъ образомъ разомъ возникало нѣсколько политически самостоятельныхъ владѣній, преимущественно въ Малой Азіи. Подобными послѣдствіями сопровождались смуты, вызванныя однимъ изъ братьевъ Баязета II Джемомъ (Сизимомъ) и сыновьями Баязета II, Ахметомъ и Селимомъ. То, что смѣны падишаховъ, и въ особенности насильственныя, возбуждаютъ въ странѣ волненія, составляетъ принадлежность впрочемъ всякаго государства, которое управляется неограниченною, единоличною властью, но въ Турціи, кромѣ того, при слабости государственнаго единства, такія смѣны имѣли болѣе потрясающія послѣдствія, подрывая слабыя связи между отдѣльными частями государства, единство которыхъ поддерживалось личностью султана. Внутреннія войны, театромъ которыхъ въ XVI и XVII ст. была преимущественно Малая Азія, постепенно становились въ Турціи обычнымъ явленіемъ и далеко не вызывали того ожесточенія, какъ въ европейскихъ государствахъ, которыя ревниво оберегаютъ начало политическаго объединенія и потому не остановятся ни передъ какими средствами для подавленія сепаратическаго движенія. Турція представляетъ намъ замѣчательный примѣръ компромиссовъ правительства съ мятежными пашами или простыми искателями приключеній, успѣвшими силою оружія утвердиться въ какой нибудь нагорной странѣ. Правда, она объявляетъ войну, но рядомъ съ этимъ ведетъ «дипломатическіе переговоры», дѣлаетъ уступки и, въ свою очередь, выговариваетъ себѣ уступки со стороны противника — все какъ дѣлается между воюющими сторонами. Конечно, если мятежный паша попадается въ плѣнъ, голову его немедленно отправляютъ въ Стамбулъ въ доказательство подавленія возстанія; за то, если инсуррекціонное движеніе сопровождалось рядомъ военныхъ удачъ, оно принималось Портою какъ фактъ, нелишенный нѣкотораго raison d'être. Тѣ, которые грубою силою поддерживаютъ свое могущество и въ этой только силѣ видятъ основу своей власти, сами легко склоняются признавать за противникомъ *право*, вытекающее изъ *насилія*. Одинъ изъ самыхъ энергическихъ султановъ,—завоеватель Балканскаго полуострова Магометъ II,—послѣ нѣ-

скольких неудачных попыток подавить инсуррекціонное движеніе въ Албаніи, вступаетъ въ переговоры съ Скандербергомъ, какъ воюющею стороною, соглашаясь оставить за нимъ Албанію на условіяхъ вассальнаго владѣнія; такъ же поступилъ онъ и по отношенію къ Черногоріи, которая и съ турецкимъ завоеваніемъ продолжала имѣть своихъ національныхъ правителей; такъ поступали всѣ султаны при извѣстной энергіи и настойчивости инсуррекціи. Такимъ образомъ отнесся и Махметъ III къ восстанію, вспыхнувшему въ Малой Азіи въ 1599 г.: здѣсь нѣкто Дели-Гасанъ сформировалъ довольно значительное войско изъ Курдовъ и Туркменовъ и не ограничиваясь завоеваніемъ нѣсколькихъ городовъ Малой Азіи, похвалился, что онъ сокрушитъ и самое царство Османлисовъ. Противъ него отправлены войска и разгорѣлась настоящая «большая война», которая съ перемѣннымъ счастьемъ длилась около трехъ лѣтъ; Магометъ III вступилъ въ переговоры съ искателемъ приключеній и, кромѣ полной амнистіи, обѣщалъ ему Боснію въ видѣ вассальнаго владѣнія; Гасанъ принялъ это предложеніе и съ многочисленною ордою Курдовъ и Туркменовъ двинулся въ Румелію съ тѣмъ, чтобы пройдти въ Боснію и занять эту страну. Но, къ счастію для Босніи, султанъ, польстивъ авантюриста предстоящими славными подвигами въ войнѣ съ Мадьярами, направилъ Гасана съ его дикою ордою въ Венгрію, гдѣ она и была почти вся истреблена.

Таковы два главныхъ явленія внутренней жизни Турціи въ періодъ завоеваній (XVI и XVII ст.)—разложеніе основы ея могущества, боевой силы (янычаръ и феодальной кавалеріи сипаговъ) и внутреннія смуты, вызывавшіяся и поддерживавшіяся какъ шаткостью сознанія государственнаго единства, такъ и естественными условіями страны.

Пока оба эти явленія въ описываемое время не достигли еще полнаго своего развитія, но онѣ достаточно дѣйствительны были для того, чтобы подготовить первое рѣшительное пораженіе турецкаго могущества, констатированное Карловицкимъ миромъ 1699 г., и дать толчокъ цѣлому ряду послѣдующихъ пораженій, которыя, въ свою очередь, отразились на внутреннемъ состояніи государства, вызвавъ движеніе національностей.

Говоря о внутренней жизни Турціи въ періодъ XVI и XVII ст., мнѣ бы слѣдовало, по принятому обычаю, остановиться на другихъ явленіяхъ этой жизни, которыя стали замѣтны уже съ XVI ст.—продажности турецкихъ сановниковъ и второстепенныхъ агентовъ правительства, вліяніи обитательницъ гарема на правительственную сферу дѣятельности, на личныхъ недостаткахъ тѣхъ или другихъ падишаховъ, которые все больше и больше стали удѣлять свое время прелестямъ гаремной жизни, перестали присутствовать при совѣщаніяхъ дивана, пред-

водительствовать войсками и проч. Я однако же не стану останавливаться на этомъ, хотя и интересномъ сюжетѣ, но, по моему мнѣнію, очень мало объясняющемъ интимный смыслъ судьбы Турціи и ея паденія. Прежде всего я думаю, что и продажность, и вліяніе женщинъ, и личныя качества правителей представляются слишкомъ ничтожными причинами, слишкомъ жалкими крупинками въ великомъ ходѣ всемірно исторических событій, къ которымъ относятся ростъ и упадокъ государства, появленіе или исчезновеніе націи, и т. п.; конечно эти мелкія причины, вмѣстѣ взятыя, могутъ временно дать иное направленіе ходу событій, вызвать болѣзненные симптомы въ общественномъ организмѣ, но онѣ слишкомъ слабы и ничтожны для того, чтобы убить его, чтобы вѣчно и деспотически управлять ходомъ событій. Если мы повсюду въ описываемое время встрѣчаемъ продажность, доходящую до измѣны отечеству, чуждыя и своекорыстныя вліянія на ходъ правительственной дѣятельности, неспособныхъ или развращенныхъ правителей той или другой страны и, если послѣ всего этого, мы видимъ, что подобныя аномаліи не привели ни одинъ изъ европейскихъ народовъ къ политическому паденію, то мнѣ кажется крайне нелогичнымъ придавать особенное, чуть-ли не не всемірно-историческое значеніе этимъ аномаліямъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о Турціи. Болѣзнь Турціи заключается не въ нихъ, а (кромѣ указанныхъ причинъ) въ томъ неестественномъ положеніи, которое она сразу заняла на европейской почвѣ, въ системѣ европейскихъ государствъ. Она внесла въ Европу начало военно-религіознаго деспотизма, съ которымъ соціально-политическій строй жизни европейскихъ народовъ не могъ помириться; она внесла самый худшій видъ деспотизма, который, основываясь на военной силѣ, оправдываетъ свое raison d'être религіею; ему совершенно незнакомо великое соціальное начало евангельскаго ученія—«Божіе—Богови, кесарю — кесарево», — ученіе, которое въ развитіи европейскихъ народовъ повело къ отдѣленію церкви отъ государства, духовной власти отъ свѣтской, которое, открывъ европейскимъ народамъ возможность, не отступая отъ основныхъ началъ религіи, регулировать однако же свои мірскія отношенія, свой соціально-политическій быть согласно прогрессирующимъ и измѣняющимся потребностямъ времени, а не тѣми отличающимися косностью формулами общежитія, которыя духовное сословіе всѣхъ временъ и націй желало бы видѣть господствующими. По толкованіямъ позднѣйшимъ, а не на основаніи самаго корана, султанъ въ своемъ лицѣ совмѣщаетъ высшую власть свѣтскую и духовную; онъ есть представитель *государства*, какъ начала свѣтскаго, и *религіи*,—какъ начала духовнаго; какъ римскій цезарь, султанъ есть свѣтскій глава государства и pontifex maximus. Это

противоестественное соединеніе въ одномъ лицѣ столь несхожихъ и разнородныхъ прерогативъ повело къ неисчислимымъ послѣдствіямъ, сущность которыхъ сводится къ тому, что въ то время когда духовенство (въ европейскомъ смыслѣ слова въ Турціи собственно нѣтъ духовенства, какъ особой корпораціи лицъ, которыя и внѣ отправленія своей профессіи пользуются извѣстнымъ привиллегированнымъ положеніемъ въ обществѣ, но учрежденіе улемовъ, по характеру своей дѣятельности и по главному призванію своему, можетъ считаться аналогичнымъ духовной корпораціи христіанскихъ народовъ), по основному принципу своего призванія, являясь представителемъ начала застоя. при помощи софистическаго толкованія ученія ислама ревниво задерживало соціально-политическій прогрессъ націи,— падишахъ, повелитель правовѣрныхъ, пользовался этимъ духовенствомъ для религіознаго санкціонированія самыхъ безумныхъ проявленій своей власти. Пресловутыя фетвы являлись въ большинствѣ случаевъ желанными отвѣтами на предложенные великому муфтію вопросы, доказательствомъ чему служитъ рядъ реформъ, санкціонированныхъ фетвами, хотя эти реформы вначалѣ могли представляться святотатственнымъ посягательствомъ на ученіе корана Разъ обѣ эти власти перенесены были на одно лицо, — для свободы уже не остается мѣста, такъ какъ устраняется главное условіе ея, — соревнованіе, борьба между ними, борьба, которая умѣряетъ излишество каждой стороны. Практическій или лучше сказать политико-соціальный результатъ этаго совпаденія обѣихъ властей въ одномъ лицѣ заключается въ томъ, что судьба такого государства, а косвенно и интересы сосѣднихъ ставятся въ зависимость отъ капризной воли одного лица и что еще хуже—отъ своекорыстія, алчности и мелочнаго эгоизма приближенныхъ къ нему лицъ или вообще тѣхъ, которые именемъ его функціонируютъ правительственную власть. Не говоря о томъ, какимъ гнетомъ такой порядокъ вещей отражался на соціальномъ положеніи подвластныхъ народовъ Турціи, онъ очень близко затрогивалъ интересы европейскихъ народовъ, въ особенности сосѣднихъ; сношенія съ ними устанавливались мирныя или происходили враждебныя столкновенія часто не въ силу насущныхъ потребностей государства, даже не по иниціативѣ падишаха, а изъ-за личнаго честолюбія, алчности или каприза людей, окружавшихъ падишаха. Пользуясь de jure властью всеобъемлющею, падишахъ, de facto, самъ того не замѣчая, становился жалкимъ орудіемъ въ рукахъ ловкихъ интригановъ, - иногда самыхъ ничтожныхъ изъ своихъ подданныхъ напр., евнуховъ. Власть падишаха безгранична, но могъ ли онъ самостоятельно функціонировать ее, могъ ли онъ единолично справиться съ сложною задачею государственной дѣятельности. Между тѣмъ толкователи корана создали именно такую

функцію, которая на дѣлѣ сводится къ распредѣленіямъ власти между лицами не связанными никакою отвѣтственностію передъ страною, которыя поставлены въ полную возможность, находясь въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ падишаху, привести рядъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ цѣлесообразности того или другаго дѣйствія своего, хотя въ дѣйствительности оно было вызвано столькими то десятками соболей или другими приношеніями, или властолюбивыми видами. Насколько послѣдствія такой системы мало обусловливались личными качествами падишаха, можетъ служить примѣромъ Солиманъ I. Онъ по справедливости считается однимъ изъ лучшихъ султановъ; своими законодательными реформами онъ искренне стремился улучшить соціальный бытъ подвластныхъ народовъ Балканскаго полуострова; уничтожалъ злоупотребленія, вкравшіяся въ системѣ налоговъ; издалъ рядъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью оградить земледѣльческій классъ безъ различія національностей и религіи — отъ экономическаго гнета беевъ и сипаговъ; строго каралъ лихоимство и казнокрадство. Покровитель образованія, онъ окружалъ себя лучшими представителями мусульманской интеллигенціи: поэты и ученые стекались въ Стамбулъ съ разныхъ концовъ мусульманскаго міра, и встрѣчали радушный пріемъ у падишаха, который самъ упражнялся въ стихотворствѣ; какъ талантливый полководецъ, водившій неоднократно свои войска къ блестящимъ побѣдамъ, Солиманъ не уступаетъ завоевателю Балканскаго полуострова Магомету II, отличаясь такою же непреклонною волею, энергіею, которыя онъ такъ блистательно доказалъ при осадѣ Родоса [1]). Словомъ, Солиманъ I представляетъ собою цѣлую эпоху въ исторіи Турціи. При всемъ этомъ мы видимъ всемогущихъ пашей, которые, раболѣпствуя передъ падишахомъ,—de facto въ государственной своей дѣятельности поступали совершенно произвольно, сообразуясь своими личными интересами; Рустемъ-паша пріобрѣлъ даже громкую извѣстность продажнаго визиря и составилъ себѣ огромныя богатства; подпольныя интриги гаремныхъ прелестницъ вторгаются въ сферу государственной дѣятельности и Кизларъ-ага (начальникъ евнуховъ султанскаго гарема) начинаетъ играть роль государственнаго сановника. Вотъ до какой степени ничтожно значеніе личныхъ качествъ, даже такого всемогущаго падишаха, какъ Солиманъ Великолѣпный, и какъ было-бы опрометчиво объяснять этими качествами общій ходъ событій даже въ той странѣ, въ которой царитъ воля теоретически ничѣмъ неограниченная.

Точно также и продажность турецкихъ сановниковъ и второстепенныхъ агентовъ правительства, ихъ безсердечный индеферентизмъ къ

---

[1]) Hammer, Geschichte der Osmanischen Reiches, т. III.

общимъ интересамъ страны, являясь логическимъ выводомъ изъ общей политической системы—духовно-свѣтскаго деспотизма, сами по себѣ могли имѣть лишь временное значеніе въ судьбахъ страны въ качествѣ весьма второстепенныхъ аномалій. Если эта продажность достигла въ Турціи болѣе колоссальныхъ размѣровъ, чѣмъ во многихъ другихъ европейскихъ и азіатскихъ государствахъ, то причину этой особенности кромѣ указанной выше политической системы, слѣдуетъ искать въ условіяхъ мѣстности, среди которыхъ Турки утвердились на европейской почвѣ. Занявъ Балканскій полуостровъ и сѣверное побережье Чернаго моря, Турки стали властелинами пяти морей, которыя несли имъ несмѣтныя богатства со всѣхъ концовъ міра. Эти богатства доставались имъ чрезвычайно легко и падали на нихъ какъ манна небесная; по мѣрѣ того, какъ раздвигался кругъ торговыхъ сношеній Турціи съ Западомъ и Востокомъ, усиливался и притокъ богатствъ къ берегамъ Босфора. Турція стала обширнымъ рынкомъ всемірной торговли, на которомъ сходились естественныя произведенія и предметы промышленности всѣхъ странъ стараго и новаго свѣта; золотые ручьи обильнымъ потокомъ неслись къ берегамъ Босфора; оставалось только, стоя у этихъ ручьевъ, черпать, чтобы собрать себѣ несмѣтныя богатства. При иной политико-соціальной системѣ эти стекавшіяся со всѣхъ концовъ міра богатства, проникая внутрь страны, дали бы сильный толчокъ экономическому и культурному развитіе ея, подобно тому какъ это случалось съ Финикіей и Карѳагеномъ, не говоря уже о позднѣйшихъ, христіанскихъ государствахъ; но въ Турціи политически безправныя народныя массы,—безъ отношенія къ національности и религіи,—лишены были возможности принять дѣятельное участіе въ торговлѣ и пользоваться ея выгодами. Выгоды эти распредѣлялись между падишахомъ и правящими классами. Кромѣ естественныхъ выгодъ торговли, — *соперничество* между европейскими государствами, стремившимися другъ передъ другомъ на Балканскомъ полуостровѣ утвердить господствующее вліяніе, сдѣлалось новымъ, неистощимомъ источникомъ обогащенія лицъ, стоявшихъ у кормила правленія. Если отдаленная Россія, въ XVI и XVII ст. весьма слабо связанная съ Турціею торговыми интересами, только чрезъ посредство нѣкоторыхъ пунктовъ Черноморскаго побережья, щедро одѣляла турецкихъ пашей соболями и иными посильными приношеніями, то можно себѣ представить, какъ одарялись они Венеціею, Франціею, Испаніею, а затѣмъ и Англіею, въ концѣ XVI ст. вступившею въ торговую конкурренцію съ Франціею. Тутъ въ особенности, что касалось Франціи, дѣло шло уже не о скромномъ желаніи освобожденія своихъ купцовъ отъ тягостной обязанности «копать рвы и таскать камни для постройки турецкой крѣпости», о которомъ хлопотало московское пра-

вительство Ивана Грознаго, а о политическомъ вліяніи на Балканскомъ полуостровѣ, о присвоеніи національному флагу, развѣвавшемуся на водахъ турецкихъ права, покровительства христіанамъ Турціи и проч.; тутъ слѣдовательно надобно было употреблять болѣе щедрыя средства для укрѣпленія своего вліянія; средства эти, кромѣ искуства уполномоченныхъ, состояли въ огромныхъ подаркахъ лицамъ власть имѣющимъ, а также и въ томъ, чтобы этихъ людей втянуть въ торговые интересы той или другой страны. Притомъ богатствъ по своей колоссальности былъ слишкомъ подавляющъ и доставались они слишкомъ легко, чтобы эти люди правящихъ классовъ, при господствовавшей политической системѣ, отличающейся способностью разлагать сознаніе и чувство гражданскаго долга, оставались безкорыстными стоиками въ то время, когда рогъ изобилія сыпалъ на ихъ главы свои дары. Вотъ начало турецкой продажности. Коренится она не въ національности или національномъ бытѣ, обусловливаемомъ религіею, а составляетъ послѣдствія той политической системы безграничнаго произвола одного лица, которая выработалась на основаніи софистическихъ толкованій корана, а до колоссальныхъ размѣровъ она дошла потому, что Турція заняла въ Европѣ тотъ обширный рынокъ всемірной торговли, гдѣ поклоненіе золотому тельцу считается религіознымъ культомъ, гдѣ нужна извѣстная степень гражданскаго мужества для того, чтобы остаться на почвѣ общихъ интересовъ страны. На сколько національность въ этой продажности играла незначительную роль, видно изъ того, что начиная съ первыхъ европейскихъ султановъ, почти всѣ великіе визири и многіе другіе турецкіе сановники—происхожденія греческой, болгарской и сербской національностей, принявшіе исламъ; между ними Боснякъ, Соколлія, и Грекъ Кантакузенъ, даже не совратившійся въ исламъ, отличались наибольшею продажностью, въ особенности послѣдній, который заслужилъ прозвище Шайтанъ оглу (сынъ сатаны) за свою алчность и хищничество. Что касается религіи, то коранъ прославляетъ бѣдность, какъ одну изъ лучшихъ добродѣтелей, которая приводитъ правовѣрныхъ въ рай Магометовъ, и не въ немъ, въ этомъ коранѣ, надобно искать причинъ погони людей правящихъ классовъ за богатствомъ и страсти къ роскоши и блеску. Первые султаны, напр., а за ними и сановники имперіи, жили при обстановкѣ болѣе чѣмъ скромной и въ этомъ отношеніи не выдѣлялись изъ ряда простыхъ смертныхъ; развитіе гаремной жизни, которая деморализующе вліяла на соціальный бытъ страны—явленіе позднѣйшаго времени, относящееся къ XVI ст., и само оно составляетъ послѣдствіе быстраго обогащенія правителей страны. Коранъ *совѣтуетъ* правовѣрнымъ имѣть *одну жену*, но снисходя къ человѣческой слабости, *дозволяетъ* имѣть 4-хъ женъ и неопредѣленное число

прислужницъ (одалисокъ) не для брачнаго сожительства, а для услуживанія женамъ. Но въ то время, когда простые смертные примѣняли къ жизни это ученіе въ смыслѣ ограничительномъ, довольствуясь въ большинствѣ случаевъ одной женой, люди правящихъ классовъ, при скопленіи въ ихъ рукахъ огромныхъ богатствъ, внесли въ жизненный догматъ—безграничное число женъ, которое у каждаго стало опредѣляться его матеріальными средствами, подобно другимъ предметамъ внѣшней обстановки, подобно напр. богатству конюшни; численность лошадей въ конюшнѣ стала соразмѣряться съ численностью обитательницъ гарема и у Кара-Мустафы, неудачно осаждавшаго въ 1683 г. Вѣну—насчитывали 2000 лошадей и 1500 обитательницъ гарема. Коранъ принято считать какою-то непреодолимою преградою дальнѣйшаго соціально-политическаго прогресса турецкой націи. Такой взглядъ я нахожу нѣсколько поверхностнымъ и думаю, что онъ вытекаетъ, въ свою очередь, изъ ошибочнаго взгляда на соотношенія между религіозно-догматическою стороною ученія корана и соціально политическими доктринами, включенными въ эту первоначальную энциклопедію мусульманской житейской мудрости. Задача основателя ислама Магомета, какъ извѣстно, заключалась нетолько въ томъ, чтобы извлечь своихъ соплеменниковъ-Арабовъ изъ языческаго культа многобожія и фетишизма и ввести ихъ въ болѣе возвышенный культъ поклоненія единому Богу, но и въ томъ, чтобы вызвать Арабовъ изъ состоянія дикой анархіи къ общественности, къ политическому общежитію. *Первая сторона* этой задачи специально-религіозная опредѣляетъ *отношенія человѣка къ заоблачному міру* и по существу своему должна была остаться неподвижимою и стать внѣ всякихъ вліяній времени и мѣста; *вторая сторона* задачи опредѣляетъ *отношенія человѣка къ ближнему*, *къ семьѣ*, *обществу*, *которое называется государствомъ*, и наконецъ *къ народамъ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ*. Отношенія эти нормируются законодателемъ съ точки зрѣнія требованій минуты, и разъ эти требованія измѣнились, какъ возникаетъ и попытка къ измѣненію тѣхъ національно-политическихъ формулъ общежитія, которыя вначалѣ были установлены. Такимъ образомъ религія, въ ея чистомъ видѣ, вовсе неповинна и не можетъ быть отвѣтственна въ уродливостяхъ и разныхъ аномаліяхъ общественнаго быта, также нельзя считать ее и какою-то роковою силою, задерживающею общественный прогрессъ. Въ общежитіи турецкихъ мусульманъ прогрессивныя стремленія въ теченіи долгаго времени дѣйствительно проявлялись туго и терпѣли неудачу чаще, чѣмъ у другихъ народовъ. Происходило это вслѣдствіе чрезвычайной такъ сказать черезполосицы религіозной догматики съ національно-политическими доктринами, вслѣдствіе освященія послѣднихъ первою, такъ что требуется въ высшей

степени добросовѣстное, безкорыстное, внимательное изслѣдованіе, чтобы въ ученіи корана отдѣлить сторону религіозную отъ соціально-политической, т. е. начало неподвижности отъ начала прогрессирующаго: но не въ интересахъ единственно компетентныхъ толкователей корана, всемогущаго класса улемовъ, было разграничить *ко всеобщему свѣдѣнію* эти двѣ столь различныя стороны ученія корана; имъ *невыгодно* это было потому, что тогда все ихъ вліяніе ограничилось бы тѣсною сферою религіозной жизни народа, между тѣмъ какъ бережно скрывая и софистически толкуя ученіе корана, приписывая всякому житейскому правилу, встрѣчающемуся въ немъ, божеское происхожденіе, они могутъ широко влiять на соціально-политическую жизнь народа; блуждающій во тьмѣ народъ имъ было бы легко держать въ своей власти. Они, эти люди извѣстнаго класса, противились всѣми силами всякимъ измѣненіямъ житейскихъ отношеній, ссылаясь на правила корана, не имѣющія никакого отношенія къ религіи, т. е. къ началу неподвижности. Усилія ихъ однакоже оказываются тщетными и указанная мною соціально-политическая сторона корана исподоволь, отрывочно, но все таки уступаетъ требованіямъ времени... Какіе жалкіе обломки напр. остались отъ политической доктрины корана, по которой всѣ народы дѣлятся на правовѣрныхъ и невѣрныхъ, причемъ *первые* приглашаются воздерживаться отъ сношенія со *вторыми*,—доктрины, которая въ свое время вызвана была необходимостью политическаго объединенія Арабовъ. Она не могла продержаться у Турокъ во всей своей неприкосновенности и одного столѣтія послѣ того, какъ они утвердились на европейской почвѣ и втянуты были въ кругъ европейскихъ международныхъ отношеній, которыя, какъ мы видѣли, приносили непосредственныя выгоды падишаху и правящимъ классамъ. То же самое случилось съ такъ-называемымъ *мусульманскимъ прозелитизмомъ:* между прочимъ вслѣдствіе тяжкихъ ударовъ, которые нанесены были турецкому могуществу Венгріею, Австріею, Венеціею, прозелитизмъ долженъ былъ сильно охладѣть, и съ конца XVII ст. нѣтъ уже больше рѣчи «о распространеніи знамени пророка»; задолго до конца XVII ст. падишахи вступали въ дружественныя отношенія съ христіанскими государями, которые такъ строго воспрещены ученіемъ корана; правда эти сношенія выражались не трактатами, а капитуляціями, форма которыхъ предполагала неравенство между договаривающимися, въ ущербъ христіанскаго государя; правда, что падишахи, вступая въ сношенія съ христіанскими правительствами, не считали себя связанными никакими обязательствами и самое нарушеніе клятвъ, если требовала необходимость, не казалось имъ дѣломъ грѣховнымъ,—но что касается *капитуляцій*, то форма ихъ далеко не соотвѣтствовала дѣйствительности;

напр. первыя капитуляціи 1536 г., заключенныя между Солиманомъ I и Францискомъ I и санкціонировавшія широкое вліяніе Франціи на Востокѣ, кажутся продиктованными скорѣе французскимъ правительствомъ. чѣмъ Портою,—до такой степени выгоды сношеній на сторонѣ Франціи; оправданіе же клятвопреступленія практическою необходимостью вытекало изъ нравовъ того времени и не представляло собою ничего необычайнаго, ничего особенно турецкаго: извѣстно, что при Баязетѣ I первосвященники римской церкви высказали такой же принципъ только съ перемѣною ролей, такъ какъ право клятвопреступленія присвоивалось въ данномъ случаѣ христіанской лигѣ.

Такимъ образомъ одностороннее начало, на которомъ построено турецкое государство, политическая система, которая заключается въ совпаденіи въ одномъ лицѣ власти духовной и свѣтской,—притомъ власти безграничной; черезполосица религіозно-соціальныхъ доктринъ, которою люди извѣстнаго класса пользуются какъ средствомъ сдерживать общественный прогрессъ; даже какъ мы видѣли, географическое положеніе страны,—этаго обширнаго рынка всемірной торговли и стало быть нейтральной почвы, на которой сталкиваются и скрещиваются чуждыя вліянія,—вотъ тѣ главныя явленія, которыя сами по себѣ и многочисленными послѣдствіями своими объясняютъ не только общій ходъ исторіи Турціи на европейской территоріи, но и всѣ тѣ частныя аномаліи, о которыхъ говорится болѣе или менѣе подробно въ каждой книгѣ, трактующей о Турціи.

Заканчивая настоящій очеркъ, мы остановимся еще на одной изъ чертъ турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ, заключающейся въ томъ, что Турки не создали національно-политическаго единства и какъ въ XIV ст., такъ и понынѣ въ XIX в. многія различныя національности, входящія въ составъ. Турецкаго государства. стоятъ особнякомъ, не имѣя никакихъ точекъ соприкосновенія, отъ которыхъ начинается развитіе указаннаго единства.

По общепринятому мнѣнію, исламъ тому препятствіе. Безъ сомнѣнія, въ обособленіи народовъ весьма важное значеніе имѣетъ разность религій, вліяніе которыхъ, при извѣстномъ уровнѣ умственнаго развитія народовъ, не ограничивается сферою человѣческой совѣсти, а распространяется на соціальный и политическій бытъ народа путемъ воздѣйствія учрежденій и обрядовъ на внѣшнюю жизнь человѣка по отношенію его къ ближнему; служители всѣхъ религій стремятся внести въ складъ этой жизни такія начала и правила, которыя, рядомъ съ религіознымъ, способствуютъ обособленію національному. Это *практическое* послѣдствіе разности религіозной не относится однакоже единственно и исключительно къ той рѣзкой грани, которая отдѣляетъ христіанство

отъ ислама и другихъ религіозныхъ (нехристіанскихъ) культовъ, а распространяется и на тѣ видовыя различія, которыя встрѣчаются *внутри* того или другаго религіознаго культа. Исторія представляетъ тому многочисленные примѣры, изъ которыхъ наиболѣе рѣзкіе должно отнести къ Балканскому полуострову. Православная *Византія*, поставленная между мусульманами и латинскимъ Западомъ, предпочитаетъ владычество мусульманъ и въ лицѣ одного изъ крупныхъ своихъ представителей говоритъ, что ей пріятнѣе видѣть въ стѣнахъ столицы турецкую чалму, чѣмъ папскую тіару; православная *Сербія*, послѣ того, когда вдова послѣдняго сербскаго краля, Елена, отказала эту страну въ ленъ римскому епископу, призываетъ, въ лицѣ своихъ бояръ, Турокъ и почти добровольно предается въ ихъ руки. А сколько другихъ менѣе рѣзкихъ, но столь же характерныхъ комбинацій представляютъ войны, происходившія на Балканскомъ полуостровѣ, въ которыхъ ряды сражавшихся изображали пеструю смѣсь національностей и религіи. Но при всемъ томъ сама по себѣ религія далеко не является единственнымъ и главнымъ дѣятелемъ, какъ въ обособленіи національностей, такъ и въ объединеніи ихъ. Католическая Ирландія и протестантская Шотландія выработали одну сплошную англійскую національность, а между тѣмъ католическая Богемія устойчиво въ теченіи трехъ вѣковъ слишкомъ сохраняетъ свою славянскую національную обособленность на ряду съ коренною въ Австріи нѣмецкою національностью, исповѣдуя съ Нѣмцами одну и ту же религію, и въ отношеніяхъ православныхъ инородцевъ Россіи къ господствующей расѣ, національное объединеніе большіе ли успѣхи совершило? Стало быть, есть нѣчто кромѣ религіи, что ведетъ къ національно-политическому объединенію. Это *нѣчто* — явленіе весьма сложное. Оно заключается между прочимъ *въ способности* народа, призваннаго къ объединительной миссіи, и *въ качествѣ той политической системы*, подъ покровомъ которой призываются жить народы. Такою способностью, изъ народовъ Балканскаго полуострова безъ сомнѣнія отличались Греки. Мы видѣли, какъ относительно незначительная горсть Грековъ Эллады и Ѳессаліи эллинизировали густо поселившихся между ними Славянъ, воспоминанія о которыхъ только и сохранились, что въ названіяхъ деревень, рѣкъ и отдѣльныхъ словахъ славянскаго происхожденія, встрѣчающихся въ греческомъ языкѣ. Побѣда эллинизма пошла бы дальше и была бы полнѣе при иной политической системѣ, болѣе соотвѣтствующей не только здоровому развитію народовъ, но и сближенію ихъ до степени единой политической національности; между тѣмъ, царившая въ Византіи система — гнетъ сверху и безправіе внизу — не только не могла вызвать духа примиренія и сближенія народностей, напротивъ, поддерживала между

ГЛАВА XXVIII.

Турція въ XVIII стол. и происхожденіе русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

1. Внутреннее состояніе Турціи въ XVIII ст. 2. Повсемѣстныя возстанія въ Турціи. 3. Роль Австріи и Россіи въ обобщеніи борьбы противъ турецкаго пашачества. 4. Попытка Россіи положить начало своему вліянію на Балканскомъ полуостровѣ, встрѣченное враждебно Турціею и западными европейскими правительствами. 5. Первый постоянный русскій посолъ при Отоманской Портѣ П. А. Толстой. 6. Турція извнѣ побуждается къ войнѣ съ Россіею. 7. Сношенія русскаго правительства съ турецкими христіанами. 8. Греки популяризируютъ освободительную миссію Россіи. 9. Прутскій миръ 10 іюля 1711 г. 10. Война съ Австріею и Венгріею заканчивается Пожаровецкимъ миромъ 21 іюля 1718 года. 11. Крымъ и Кавказъ вызываютъ новыя распри между Россіею и Турціею. 12. Война Австріи и Россіи съ Турціею 1736—1739 г. и Бѣлградскій миръ 18 сентября 1739 г. 13. Живое участіе французскаго уполномоченнаго въ мирныхъ переговорахъ. 14. Неподготовленность русскихъ уполномоченныхъ къ дипломатической миссіи.

Въ теченіе XVIII ст. развертываются въ полной своей силѣ послѣдствія всѣхъ тѣхъ явленій внутренней жизни, о которыхъ мы говорили. Главная основа могущества—боевая сила государства разлагается, деморализуется и уже не отвѣчаетъ своему спеціальному призванію, она становится страшною не столько для внѣшнихъ враговъ, сколько для внутренняго спокойствія; политическая фикція безграничной единоличной власти въ сферѣ государственной дѣятельности и духовной, продолжая существовать, въ дѣйствительности порождаетъ свободу личнаго произвола какъ сановниковъ государства, такъ и второстепенныхъ агентовъ правительства, которые,—за исключеніемъ нѣкоторыхъ личностей напр. Капрули Гусейна, при Мустафѣ II (1695—1703) и др.—пользуясь кратковременною властью своею, преслѣдуютъ исключительно личные интересы въ сферѣ общественной дѣятельности. Являясь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ установившейся системы,—личный произволъ людей правительства и администраціи въ XVIII ст. распускается въ полный цвѣтъ своего развитія. Съ развитіемъ безумной роскоши, начавшейся сверху, съ падишаха, охватившей самые низкіе слои людей власть имѣющихъ,—всѣ, кто имѣлъ малѣйшую возможность, удво

свои хищническіе набѣги на массы народа, безнаказанно обирая и грабя ихъ; рядомъ съ этимъ попирались ногами права человѣка самыя священныя и какъ жизнь, такъ и честь его ставились ни во что; всякій, имѣвшій власть, мусульманинъ или христіанинъ, Турокъ, Грекъ или Славянинъ, считалъ себя безконтрольнымъ повелителемъ въ отношеніи къ другимъ, которые стояли ниже его, зависѣли отъ него,—въ свою очередь раболѣпствуя предъ высшими. Какъ голова первѣйшаго сановника Турціи слетала съ плечъ по минутному капризу падишаха, такъ точно въ глазахъ миніатюрнѣйшаго представителя власти, жизнь и честь простаго смертнаго казалась самою незначительною вещью, надъ которою не стоило задумываться. Но къ счастью, деспотизмъ самъ въ себѣ заключаетъ зародышъ разложенія и тѣмъ вѣрнѣе приближается къ гибели, чѣмъ невѣжественнѣе, чѣмъ грубѣе онъ проявляется, чѣмъ менѣе онъ вылощенъ блестящею внѣшностью, способною успокоить нетребовательныя массы; самая упругая сталь надломится при переходѣ за извѣстный уголъ наклоненія и, точно также, самая тупая выносливость способна выступить изъ инерціи покоя при извѣстной степени испытанія. Насильственная смѣна падишаховъ, сопровождаемая убійствами ихъ въ разныхъ видахъ, уличная рѣзня въ городахъ, жертвами которыхъ становились высшіе сановники Имперіи, все чаще повторяющіяся возстанія противъ людей правящихъ классовъ,—вотъ тѣ явленія внутренней жизни Турціи, которыми въ исторіи этого государства знаменуется XVIII ст.

Правда, расшатавъ могущество Турціи, онѣ не повели къ соціально-политической свободѣ народовъ Балканскаго полуострова, и въ этомъ отношеніи дали результаты относительно скромные. Но причина такого малаго успѣха заключается въ низкомъ уровнѣ развитія массъ, въ обособленности народностей Балканскаго полуострова. Возстанія массъ обращались *не противъ системы*, а противъ *частныхъ злоупотребленій* правительственныхъ органовъ и происходили онѣ отрывочно, не связанныя общимъ сознаніемъ негодности самой системы, послѣдствіемъ которой являлись эти злоупотребленія; отсюда, несмотря на всѣ дикіе взрывы возстанія, которыя вполнѣ соотвѣтствовали грубымъ формамъ личнаго произвола, оно въ теченіи всего XVIII ст. вело лишь къ смѣнѣ личностей, вызвавшихъ своими противузаконіями открытый протестъ со стороны непосредственно обиженныхъ.

Если указанныя причины вызывали возстанія, то естественныя условія мѣстности облегчали ихъ развитіе. Горы Иллирика, Албаніи и Родопа всегда бывали лучшими союзниками возставшихъ, пока, послѣ преодолѣнія ряда трудностей, войска, со всѣми атрибутами регулярной арміи, не сводили счеты между недовольнымъ населеніемъ и мѣстными прави-

тельственными органами. Но такъ какъ при этомъ, несмотря на нѣкоторые облегчительные палліативы, возможность злоупотребленій со стороны лицъ, власть имѣющихъ, оставалась въ полной своей неприкосновенности, то повтореніе возстаній могло считаться только вопросомъ времени. Благодаря естественнымъ условіямъ страны, возстаніе нерѣдко продолжалось съ замѣчательною энергіею, принимая характеръ серьезнаго инсурекціоннаго движенія. Въ горахъ Балкановъ, Родопа, Иллирика, Албаніи возникали организованные отряды, которые подъ именемъ клефтовъ, ускоковъ, кирджаліевъ, гайдуковъ являли попытки обобщить недовольство существующимъ порядкомъ и не ограничивались местью ближайшимъ обидчикамъ. Но воспитавшись на почвѣ, гдѣ царитъ произволъ, облеченный въ систему, эти недовольные весьма часто забывали настоящее призваніе свое и становились просто противуобщественнымъ элементомъ, въ качествѣ разбойниковъ, грабившихъ всякаго, у кого можно было ожидать поживы; они же продавали свои услуги во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о борьбѣ противъ правительства, совершенно безразлично, подъ чьимъ знаменемъ придется имъ сражаться—мусульманина или христіанина. Такая черта въ особенности отличаетъ кирджаліевъ, комплектовавшихся изъ всѣхъ людей разныхъ религій и національностей Балканскаго полуострова.

Какъ ни серьезны бывали и періодическіе взрывы возстанія и временные успѣхи организованныхъ разбойничьихъ шаекъ съ легкимъ политическимъ колоритомъ, — но *при отсутствіи общей идеи и системы* во всѣхъ этихъ инсуррекціонныхъ движеніяхъ, они не представляли такой опасности существованію государства, какъ болѣе рѣшительныя попытки самихъ же правовѣрныхъ мусульмано-пашей къ полной политической автономіи. Попытки эти начинались съ того, что правитель дальняго округа исподоволь пріучался поступать у себя, *какъ падишахъ въ миніатюрѣ;* изрѣдка доходили жалобы на него высшему правительству, но тамъ, благодаря подкупамъ, онъ находилъ друзей, которые становились усердными его адвокатами, и если отъ падишаха нельзя было скрыть подвиговъ паши, то эти подвиги представлялись въ такомъ невинномъ свѣтѣ, что наказаніе постигало скорѣе жалобщика чѣмъ пашу. Входя постепенно въ роль вполнѣ независимаго правителя округа, онъ уже находилъ недостаточнымъ ограничиваться однимъ лихоимствомъ, т. е. брать съ населенія поборы, которые не указаны закономъ, а оставлялъ себѣ и тѣ собранные налоги, которые должны были идти въ казну; получаемые имъ изъ столицы приказы начинали казаться ему все болѣе и болѣе обременительными, а общія мѣры правительства не соотвѣтствующими мѣстнымъ потребностямъ. Рядомъ съ этимъ, предвидя, что не сегодня, завтра падишахъ потребуетъ отъ него рѣшитель-

наго отчета, паша принималъ свои мѣры, на случай неизбѣжности открытаго столкновенія съ правительственною властію, т. е. создавалъ преданную ему вооруженную силу, которую предпочтительно комплектовалъ изъ кирджаліевъ, и съ другой стороны, по мѣрѣ приближенія минуты разрыва съ правительствомъ, усиливалъ стараніе пріобрѣсть расположеніе въ населеніи управляемаго имъ округа—временною сбавкою налоговъ и облегченіемъ повинностей, преслѣдованіемъ злоупотребленій подчиненныхъ властей и разными льготами,—все это для того, чтобы, въ случаѣ надобности, увеличить боевую силу участіемъ самого населенія въ борьбѣ противъ правительства. Нечего и говорить, что всѣ власти въ округѣ, какъ исподоволь замѣщенныя пашой, слѣпо ему повиновались. Обставивъ все это, паша объявлялъ необязательнымъ *для своихъ владѣній* правительственныя постановленія и съ оружіемъ въ рукахъ выжидалъ энергическихъ мѣръ со стороны Порты. Но Порта не вдругъ рѣшалась на такія мѣры, такъ какъ посылаемые противъ мятежныхъ пашей янычары иногда переходили на его сторону подъ тѣмъ предлогомъ, что паша противится не султану, а дурнымъ его правителямъ; Порта вступала съ нимъ въ переговоры, и только послѣ совершенно безплодныхъ ихъ результатовъ, посылала войска для усмиренія мятежнаго паши; но «усмиреніе» это сводилось къ настоящей войнѣ, такъ какъ у паши оказывалась цѣлая правильно организованная, дисциплинированная армія, со всѣми ея атрибутами, знаменами, военною честью и пр.; происходили генеральныя сраженія, осада крѣпостей, перемиріе, обмѣнъ плѣнныхъ, все то, что сопровождаетъ обыкновенную войну. Порта вынуждалась на уступки, и такимъ путемъ въ разныхъ концахъ Балканскаго волуострова возникали полунезависимыя государства. Существованіе ихъ, правда, бывало недолговѣчно и прекращалось обыкновенно съ насильственною смертію мятежнаго паши. Но это зависѣло отъ того, что паша, сознавъ свою силу, которую само правительство не могло сломить, очень быстро измѣнялъ характеръ отношеній своихъ къ населенію, спѣша тягостными поборами наверстать всѣ тѣ финансовыя льготы и облегченія, которыя предъ тѣмъ онъ вынужденъ былъ ему дать. Положеніе населенія становилось невыносимѣе, чѣмъ при прежнихъ правителяхъ, на которыхъ всетаки возможна была жалоба, а тутъ оставалось только взывать къ Аллаху, потому что правитель округа въ данномъ случаѣ превращался въ падишаха, въ предѣлахъ своихъ владѣній. Понятно, что *такая автономія* не могла прельстить населеніе и потому оно, лишь только голова мятежнаго паши отсылалась въ Стамбулъ, легко отрекалось отъ навязанной ему автономіи; кирджаліи, лишившись главной опоры въ пашѣ и не связаные общими интересами съ населеніемъ, расходились, съ тѣмъ чтобы за деньги предложить свои услуги какому-нибудь другому отважному авантюристу.

Эти попытки мятежныхъ пашей къ политической автономіи, имѣвшія нерѣдко временный успѣхъ, оказали громадное вліяніе на отношенія христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова къ турецкому владычеству. Онѣ раскрыли предъ христіанами слабость его и расшатанность и въ сознаніи ихъ утвердили мысль о возможности борьбы за независимость; онѣ послужили школою, въ которой христіане пріучились владѣть оружіемъ, пріучились драться съ Турками, такъ какъ ряды инсуррекціонныхъ войскъ пашей комплектовались не только изъ мусульманъ, но и изъ христіанъ: въ этомъ отношеніи правовѣрные паши оказывались чрезвычайно индеферентными и доходили до того, что напр. Али-паша Янинскій, заключая союзъ съ христіанскими племенами Албаніи, клялся надъ евангеліемъ, а тѣ надъ кораномъ. Кромѣ того, во время борьбы за политическую автономію съ одной стороны и подавленіи ея съ другой, разростались отдѣльныя шайки гайдуковъ, клефтовъ и иныхъ витязей Балкановъ, составлявшіяся уже преимущественно изъ христіанъ и послужившія кадрами для развитія вкуса къ боевой жизни.

Недоставало только общей, точно опредѣленной идеи въ средѣ этихъ отдѣльныхъ шаекъ и инсуррекцій. Преслѣдуя частныя злоупотребленія, они вовсе не ставили вопроса о годности самой системы турецкаго владычества; да и притомъ, часто уклоняясь отъ своего призванія и принимая характеръ заурядныхъ грабителей, онѣ не вызывали полнаго довѣрія къ себѣ со стороны мирнаго населенія, и потому оставались болѣе или менѣе изолированными въ средѣ народа.

Внѣшнимъ событіямъ выпала роль *обобщить* происходившія на Балканскомъ полуостровѣ отрывочныя возстанія противъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ агентовъ правительства. Эти внѣшнія событія сводятся главнымъ образомъ *къ австро-русскимъ отношеніямъ къ Балканскому полуострову.*

Оба эти государства путемъ оружія стремясь къ турецкимъ морямъ, нашли полезнымъ для себя пользоваться тѣмъ броженіемъ общественныхъ элементовъ Турціи, замѣтное развитіе котораго началось съ XVIII ст.

Въ то время, когда близкое сосѣдство *Австріи* съ сѣверо-западными окраинами Турціи необходимо должно было вызвать тяготѣніе турецкихъ Сербовъ къ Австріи, связать судьбы ихъ съ успѣхами послѣдней въ борьбѣ съ турецкимъ владычествомъ; въ то время, когда десятки тысячъ Сербовъ, массами переселившіеся въ Австрію, должны были сдѣлаться живымъ звѣномъ между покинутою ими родною страною и новымъ отечествомъ, служа вмѣстѣ съ тѣмъ орудіемъ пропаганды освободительной миссіи Австріи на Балканскомъ полуостровѣ,—*Россія*, не смотря на территоріальную изолированность свою отъ Балканскаго

полуострова находилась при условіяхъ не менѣе благопріятныхъ для сближенія съ христіанскими народами Европейской Турціи. Эти условія заключались въ духовномъ родствѣ ея съ христіанами Турціи, и защита православія стала лозунгомъ русской миссіи на Балканскомъ полуостровѣ въ XVIII ст. Если близкое сосѣдство Австріи и поселившіеся въ ея владѣніяхъ Сербы содѣйствовали развитію броженія въ христіанскихъ странахъ придунайскихъ, то греческое духовенство, носительница «мегала идеа» (большая идея), явилось самымъ энергическимъ популяризаторомъ миссіи *Россіи*, какъ защитницы православныхъ христіанъ Турціи; если *Австрія*, помимо воли своей, въ средѣ Славянъ (Сербовъ) вызвала вопросъ о національности, такъ какъ не могла же она вступить въ роль защитницы православія, какъ вѣрная дочь католической церкви, то *православная Россія* внесла въ среду турецкихъ христіанскихъ народовъ идею общей борьбы ихъ, какъ православныхъ христіанъ, противъ политически господствующаго ислама. Какъ бы то ни было, вольно или невольно, оба эти государства, каждое поступая согласно собственнымъ своимъ интересамъ, пользуясь происходившимъ въ средѣ христіанскихъ народовъ броженіемъ, сперва отрывочнымъ, нелокализированнымъ, безсвязнымъ, — внесли въ это броженіе общую идею борьбы частью за православіе, а частію за національную независимость.

Россія и Австрія въ теченіе всего XVIII ст. въ важнѣйшихъ случаяхъ дѣйствовали сообща по отношенію къ Балканскому полуострову; интересы ихъ пока еще не сталкивались въ рѣзкой противоположности, вліяніе ихъ на Балканскомъ полуостровѣ было еще слишкомъ слабо, чтобы между ними возможно было серьозное соперничество. Россія еще не возбуждаетъ опаснаго для полуславянской Австріи вопроса о южномъ славянствѣ, какъ о національности съ политическою будущностію; русское правительство строго выдерживаетъ свою миссію — защитницы православнаго христіанства.

Національное движеніе Сербовъ, начавшееся въ послѣдніе годы XVIII ст., послужило яблокомъ раздора между этими государствами. Каждое изъ нихъ стремилось наложить на это движеніе печать своего вліянія и принять страну подъ свое покровительство. Русское правительство опасалось, чтобы тѣ условія, при которыхъ возникло сближеніе между Австріей и Сербіею, при успѣхѣ турецкой политики, не повели, Австрію къ подавляющему вліянію ея въ славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова; въ свою очередь вѣнскій кабинетъ со страхомъ относился къ мысли о появленіи на правомъ берегу Дуная независимаго славянскаго государства, прекрасно зная надежды и мечтанія своихъ многочисленныхъ славянскихъ подданныхъ.... и съ послѣднихъ лѣтъ

XVIII ст. въ турецкой политикѣ европейскихъ правительствъ мы уже ни разу не встрѣчаемъ Австріи и Россіи идущими рука объ руку.

Но за то въ XVIII ст. совпаденіе интересовъ Австріи и Россіи, послужило наиболѣе послѣдней въ чрезвычайную выгоду, такъ какъ, кромѣ того, что среди грома австрійскаго оружія, пролагался путь вліянію русскаго правительства на Балканскомъ полуостровѣ, она въ важнѣйшихъ случаяхъ находила въ Австріи союзницу въ борьбѣ изъ-за вліянія съ правительствами Франціи и Англіи, изъ которыхъ Франція являлась самою энергическою и сильною противницею турецкой политики Россіи. Начало этой борьбы можетъ быть отнесено къ тому времени, когда въ ноябрѣ 1701 г. въ Стамбулѣ явился Петръ Андреичъ Толстой, въ качествѣ постояннаго посла при Оттоманской Портѣ. Появленіе Толстаго вызвало крайне непріятное удивленіе какъ въ турецкихъ правительственныхъ сферахъ, такъ въ особенности въ европейскихъ послахъ. Что означаетъ это прибытіе *постояннаго* русскаго посла въ страну, съ которою Россія не связана никакими традиціонными интересами? спрашивали и турецкіе сановники и европейскіе уполномоченные. Нѣсколько десятковъ Русскихъ, проживающихъ въ турецкихъ владѣніяхъ, очевидно не могли быть поводомъ къ учрежденію постояннаго посольства; торговыя сношенія Россіи съ Турціею были на столько ничтожны, что для улаженія разныхъ недоразумѣній, которыя могли возникнуть по поводу этихъ сношеній, представлялось совершенно достаточно *временнаго* пребыванія русскаго уполномоченнаго. Дѣло другое,—говорилось въ Стамбулѣ, по поводу пріѣзда Толстаго,—Франція, Англія, Венеція, Голландія и Испанія: всѣ эти государства издавна ведутъ обширную торговлю съ Левантомъ, имѣютъ въ турецкихъ владѣніяхъ множество богатыхъ торговыхъ фирмъ, цѣлыя торговыя колоніи; сотни тысячъ европейцевъ находятся подъ защитою флаговъ этихъ государствъ. Постоянныя посольства становились здѣсь настоятельною необходимостью. Но что и кто нуждался въ защитѣ постояннаго русскаго посла при Оттоманской Портѣ? Французскій уполномоченный Феріоль первый объяснилъ Портѣ, что *постоянное* русское посольство только и можетъ имѣть одну цѣль — поддерживать сношенія русскаго правительства съ православными христіанами Турціи; обобщать начавшееся въ средѣ ихъ броженіе противъ турецкаго правительства и такимъ образомъ на Балканскомъ полуостровѣ подготовить вооруженный аванпостъ русской арміи [1]).

Порта встревожилась и учредила сильный надзоръ за русскимъ посломъ. Приставленная къ нему стража изъ янычаръ должна была

---

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т. II.

зорко слѣдить за сношеніями Толстаго съ Греками, а подсылаемые шпіоны—доносить: съ кѣмъ и о чемъ разговаривалъ Толстой, у кого бывалъ и кто къ нему приходилъ. Между тѣмъ особою тайною инструкціею на русскаго посла возлагалась чрезвычайно сложная миссія: «вывѣдывать и описать тамошняго народа состояніе, какое тамъ правленіе, кто правительственныя лица, какіе у нихъ съ другими государствами будутъ поступки въ воинскихъ и политическихъ дѣлахъ, какія государства больше уважаютъ, который народъ больше любятъ? Сколько собирается государственныхъ доходовъ и въ казнѣ передъ прежнимъ—довольство или оскудѣніе?»

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія онъ долженъ былъ собирать и посылать царю о военныхъ силахъ Турціи, о степени солидности укрѣпленій пограничныхъ турецкихъ городовъ, Киліи, Аккермана, Очакова и др. [1]). Изъ всего возложеннаго на него, посолъ горькимъ опытомъ могъ съ точностью узнать только одно, что первая попытка русскаго правительства утвердить свое вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ встрѣтила замѣтное неудовольствіе, какъ въ самой Портѣ, такъ и въ средѣ европейскихъ уполномоченныхъ. Если при дальнѣйшемъ разсказѣ мы увидимъ Англію, косвенно поддерживающую русскаго посла въ его сношеніяхъ съ Портою, то это объясняется ея жгучимъ соперничествомъ съ Франціею, которая въ теченіе всего XVIII столѣтія ревниво стремилась оберегать Турцію съ тѣмъ, чтобы сохранить господствующимъ свое вліяніе въ ней. Положеніе перваго русскаго посла въ Стамбулѣ было въ высшей степени тягостное, къ нему отнеслись сразу какъ къ непрошенному гостю. «Въ почтеніи меня презираютъ, пишетъ Толстой въ одномъ изъ своихъ донесеній Петру, не только предъ цезарскимъ и французскимъ, но и передъ иными послами и житье мое у нихъ зѣло имъ не любо, потому что запазушные ихъ врати Греки намъ единовѣрцы и есть въ Туркахъ такое мнѣніе, что я живучи у нихъ буду разсѣвать во христіанъ слова, подвигая ихъ противъ бусурманъ, для того крѣпкій заказъ Грекамъ учинили, чтобы со мною не видались и страхъ учинили всѣмъ христіанамъ, подъ игомъ ихъ пребывающимъ такой, что близко дома, въ которомъ я стою, христіане ходить не смѣютъ и платье Грекамъ одинаковое съ бусурманами носить запретили, чтобы были отличны отъ Турокъ [2])».

Такія строгія мѣры предосторожности противъ сношеній представителя русскаго правительства съ Греками, т. е. «запазушными врагами» падишаха, внушены были Феріолемъ, который, на основаніи инструкцій,

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVI.
[2]) Тамъ же.

получаемыхъ имъ изъ Парижа, долженъ былъ побудить Порту къ войнѣ съ Россіею и Австріею. Людовику XIV нужно было отвлечь *Австрію* отъ югозапада, гдѣ происходила война за Испанское наслѣдство, которою, какъ извѣстно, выгоднѣе всѣхъ воспользовалась Англія, занявъ между прочимъ (1703) Гибралтаръ; нужно было отвлечь и *Россію* отъ вступательства ея въ дѣла Польши, гдѣ шла борьба между кліентомъ французскаго короля, Станиславомъ Лещинскимъ и Августомъ Саксонскимъ, поддерживаемымъ Петромъ. Падишаху указано на возможность возвратить потери послѣдней войны, закончившейся Карловицкимъ миромъ (1699), на важность Азова, который оставаясь въ рукахъ Россіи можетъ сдѣлаться первою морскою станціею къ Константинополю. Время, по словамъ Феріоля, благопріятствовало возвращенію потерь: съ сѣвера на русскую территорію нападутъ Шведы; съ запада—Поляки, съ юга—крымскіе Татары. Кромѣ Феріоля, Порту побуждали къ войнѣ съ Россіею: *татарскіе мурзы*, пріѣзжавшіе въ Константинополь и жаловавшіеся на московскія притѣсненія ихъ единовѣрцевъ, проживавшихъ въ Россіи, и *Станиславъ Лещинскій*,—указывавшій на гибельныя для Турціи сношенія русскаго правительства съ Греками (подъ которыми разумѣлись всѣ вообще православные христіане Турціи) [1]). Но съ своей стороны и русскій уполномоченный не бездѣйствовалъ, стараясь убѣдить турецкихъ сановниковъ въ коварствѣ преподаваемыхъ падишаху совѣтовъ, усердно подкрѣпляя свои доводы соболями и червонцами, о важномъ значеніи которыхъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Портою можно судить по тому, что почти въ каждомъ донесеніи Толстаго—съ добросовѣстною точностію указывалось: кому и какіе мѣха были розданы, кому обѣщанъ лисій мѣхъ и столько-то червонцевъ и за какое именно дѣло; какое впечатлѣніе произвелъ подарокъ на визиря, муфтія или иного полезнаго человѣка и пр.

Турція уже успѣла сдѣлаться ареною страстной борьбы чуждыхъ вліяній и правительство ея потеряло всякую устойчивость какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Быстрые переходы отъ одного направленія къ другому, невѣденіе—какого начала держаться, быстрыя смѣны мирнаго настроенія воинственнымъ задоромъ становились обычнымъ явленіемъ въ политической жизни Турціи. Они въ свою очередь отражались быстрыми смѣнами высшихъ сановниковъ государства, изъ которыхъ вновь назначенный навѣрное изощрялся поступать въ совершенную противуположность своему предшественнику. Русскому послу приходилось всѣхъ задаривать, и къ великой его досадѣ, зачастую дорогіе мѣха и червонцы пропадали совершенно даромъ, потому что, едва

---

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т. II.

онъ успѣетъ заручиться благорасположеніемъ такого-то визиря, какъ уже пріятеля его изгоняютъ и назначаютъ новаго, надъ которымъ опять надо не мало поработать. «Вотъ уже при мнѣ шестой визирь, пишетъ Толстой въ 1704 г., и этотъ хуже всѣхъ. У меня на визирскія перемѣны уже и смысла недостаетъ и съ подарками имъ не знаю, что дѣлать? Я съ новымъ визиремъ видѣться не буду спѣшить, потому мнѣ къ нему въ подарокъ отослать нечего» [1]).

Случалось, что и подарки не помогали, если великимъ визиремъ становилось лицо, преданное французскому уполномоченному; тутъ уже приходилось довольствоваться подкупами второстепенныхъ агентовъ правительства, искать союзниковъ въ пріемныхъ и дорожить услугами маленькихъ людей. А между тѣмъ Порта не переставала получать извѣстія о разныхъ «русскихъ козняхъ и затѣяхъ, клонящихся къ гибели Турціи». То оказывалось, что русское правительство натравливаетъ казаковъ на крымскія владѣнія, то усиливаетъ Азовскій флотъ съ очевиднымъ намѣреніемъ угрожать Константинополю, то возбуждаетъ кавказскія племена къ неповиновенію турецкому владычеству, которое впрочемъ встрѣчалось тамъ съ притязаніями Персіи и вообще могло считаться чрезвычайно шаткимъ. Всѣ эти извѣстія вызывали въ Портѣ иногда сильную тревогу, которая прежде всего обрушивалась непріятными послѣдствіями на Толстого. Въ такія минуты ему приходилось писать въ Петербургъ: «меня страшно стѣснили, заперли со всѣми людьми на дворѣ моемъ и никого со двора, ни на дворъ не пускаютъ, сидѣли мы нѣсколько дней безъ пищи, потому что и хлѣба купить никого не пустили, а потомъ едва упросилъ большими подарками, что начали пускать по одному человѣку для покупки пищи».

Благодаря однакоже лисьимъ и собольимъ мѣхамъ и нѣкоторому искуству, Толстому удавалось въ теченіи еще нѣсколькихъ лѣтъ улаживать въ миролюбивомъ направленіи неудовольствія Порты противъ Россіи.

Такъ наступилъ критическій въ царствованіе Петра I 1708 годъ, когда шведскій король Карлъ XII, побѣдитель при Нарвѣ, двигался въ средину Россіи; Булавинскій бунтъ былъ во всемъ разгарѣ; Мазепа съ Запорожцами измѣнилъ царю, предавшись Карлу XII, и параллельно съ этимъ въ Стамбулѣ французскій посолъ Феріоль, крымскій ханъ, Мазепа и шведскій король, черезъ своихъ агентовъ, удвоили усердіе «раскрыть Портѣ глаза» предъ неминуемою опасностью, которая грозитъ Турціи со стороны завоевательныхъ притязаній Россіи, на случай побѣды ея въ войнѣ со Швеціею, и въ доказательство замысловъ Россіи по отно-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVI.

шенію къ Балканскому полуострову, султану представлялись письма, указывавшія на сношенія русскаго правительства съ турецкими христіанами. Султанъ Ахметъ III (1703—1730) былъ поставленъ въ чрезвычайно фатальное положеніе: кромѣ того, что преданный гаремной жизни падишахъ предпочиталъ мирное statu quo, онъ не видѣлъ и настоятельной необходимости для Турціи вступаться въ шведско-русскую распрю и не могъ постигнуть,—какая политическая солидарность можетъ быть между странами хвойныхъ лѣсовъ и фиговыхъ деревъ, отдѣленными на 15° сѣверной широты [1]).

При такомъ взглядѣ на сѣверную войну падишахъ лично былъ противъ всякаго вмѣшательства въ это чужое дѣло, но самовластный повелитель, неограниченный въ теоріи, Ахметъ III, подобно большинству его предшественниковъ, въ дѣйствительности служилъ только жалкимъ орудіемъ въ рукахъ приближенной клики вліятельныхъ лицъ и въ хаотическомъ водоротѣ интригъ туземныхъ и иноземныхъ — не въ силахъ былъ найдти разумнаго выхода изъ искусно подготовленныхъ политическихъ усложненій. Воинственная партія одержала верхъ и Порта вступилась въ интересы страны хвойныхъ лѣсовъ. Полтавская побѣда Петра заставила Карла XII и Мазепу съ Запорожцами бѣжать въ турецкія владѣнія. Карлъ поселился въ Варницѣ, предмѣстьи г. Бендеръ. Здѣсь ему, въ видѣ почетной стражи, дали 500 янычаръ и ежедневно отпускали съѣстныхъ припасовъ на 500 талеровъ и, кромѣ того, онъ получилъ отъ Порты 400,000 талеровъ [2]). Казалось бы, этимъ гостепріимствомъ и должно было ограничиться участіе Порты къ судьбѣ шведскаго короля, но вышло иначе: падишаху было доказано, что необходимо поддержать Карла XII въ борьбѣ его съ Петромъ I, и потому когда русскій царь рѣшительно потребовалъ удаленія Карла изъ турецкихъ владѣній, Порта въ отвѣтъ на это, 20 ноября 1710 г. рѣшила войну и въ тотъ же день русскій посолъ Толстой былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ.

Кампанія открылась весною 1711 г. Главнокомандующимъ русскою арміею Петръ назначилъ Шереметева, которому приказалъ какъ можно быстрѣе до 15 мая стать у Днѣпра, «ибо и нынѣ отъ всѣхъ христіанъ паки письма получили, которые самимъ Богомъ просятъ дабы поспѣшить прежде Турковъ, въ чемъ превеликую пользу являютъ, а ежели умѣшкаемъ, то въ десятеро тяжелѣе или едва возможно будетъ свой интересъ исполнить и тако все потеряемъ умедленіемъ».

---

[1]) Hammer, Geschichte des Osmanisch. Reiches.

[2]) О пребываніи Карла XII въ Варницѣ—интересный разсказъ въ 5 и 6 книгахъ Исторіи Карла XII, Вольтера, т. II, изд. Lahure 1860.

«Бѣдные христіане» дѣйствительно оживились надеждами на освободительную миссію побѣдителя при Полтавѣ, поддерживаемые къ тому же и разными предсказаніями, распространявшимися между ними. Между такими предсказаніями особенно впечатлѣніе произвелъ найденный епископомъ іерусалимскимъ пергаментъ на гробницѣ Константина Великаго съ пророческимъ предсказаніемъ, что Турки будутъ изгнаны изъ Европы Русскою націею.

Влахи и въ особенности Молдаване массами вступали въ русскую армію, приходили и турецкіе Сербы. Всѣ эти эмигранты указывали на всеобщее восстаніе христіанъ, лишь только русская армія переступитъ Дунай. Прежде всего требовалось уяснить отношенія къ Молдавіи и Валахіи, которыя должны были сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій, въ особенности Молдавія, къ которой приближались обѣ непріятельскія арміи. Преобладающее сочувствіе въ Молдавіи было на сторонѣ русской арміи, какъ будущей освободительницы страны изъ-подъ турецкаго владычества; но сомнѣніе: кто изъ воюющихъ выйдетъ побѣдителемъ? естественно должно было вызвать нерѣшительность въ представителяхъ страны. Господарь молдавскій Дмитрій Кантеміръ нѣкоторое время очень искусно лавировалъ между дружбою съ Портою и съ Петромъ, состоя довѣреннымъ человѣкомъ *у первой* и ведя переговоры *со вторымъ*. На основаніи этихъ переговоровъ, 13 апрѣля 1711 г. заключенъ былъ договоръ между Кантеміромъ и Петромъ, въ силу котораго Молдавія должна получить: старыя границы свои до Днѣстра, со включеніемъ Буджака, освобождается отъ турецкой дани, а господарь «отдается подъ защиту царскаго величества какъ вѣрнымъ подданнымъ надлежитъ». Вступивъ въ соглашенія съ Петромъ, Кантеміръ желалъ однакоже знать окончательное мнѣніе бояръ, какъ поступить въ критическую минуту появленія двухъ непріятельскихъ армій на молдавской территоріи? Бояре на этотъ вопросъ отвѣчали, что надобно удалиться куда нибудь въ бесопасное мѣсто и дожидаться на какой сторонѣ будетъ побѣда, чтобы принять сторону побѣдителя.

Петръ успѣлъ предупредить наступленіе этой критической минуты и занять Молдавію прежде Турокъ. Чтобы не подать никакого повода къ неудовольствіямъ со стороны Молдаванъ, царь приказалъ Шереметеву, по вступленіи въ Молдавію «заказать подъ смертною казнію въ войскѣ, чтобы никто ничего у христіанъ, ни живности, ни хлѣба безъ указу и безъ денегъ не брали и жителей ничѣмъ не озлобляли, но поступали по пріятельски».

Населеніе надо было расположить къ себѣ, такъ какъ оно могло оказать существенную помощь въ томъ, въ чемъ наиболѣе оказался недостатокъ въ русской арміи—въ продовольствіи.

Надежда возлагалась и на содѣйствіе другихъ христіанъ Турціи, на основаніи получавшихся оттуда (изъ Сербіи и Черногоріи) писемъ, въ которыхъ Петръ приглашался въ Турцію для освобожденія христіанъ. Въ отвѣтъ на письма и для организаціи возстанія съ тыла, т. е. на Адріатическомъ побережьѣ отправленъ былъ полковникъ Милорадовичъ съ царскою грамотою, въ которой говорилось [1]: «Извѣстно да будетъ вашимъ благороднымъ особамъ и всѣмъ народамъ, почитателямъ распятаго Христа Бога нашего, чрезъ Его же всѣ надѣемся въ царствіе Его внити, добросердечно потрудившись за вѣру и церковь. Понеже Турки нечестивцы, видя наше царское величество христіанскому народу доброжелательнымъ и милостію Божіею въ воинскихъ поступкахъ преуспѣвательнымъ, и возъимѣвши подозрѣніе будто мы намѣрены отбирать отъ нихъ неправедное завладѣніе и христіанамъ, подъ игомъ ихъ стенящимъ воспомогать, осоюзились съ еретикомъ королемъ шведскимъ и нашему царскому величеству безо всякой отъ насъ данной причины войну объявили: того ради Мы, видя ихъ такія неправды и призирая на гоненія христіанъ, призвавъ Бога на помощь, принуждены собирать не токмо наши войска и силы, но и прочихъ потентантовъ, союзниковъ нашихъ и сего года имѣемъ намѣреніе идти на нихъ войною, дабы нетокмо противъ бусурмана отпоръ чинить, но и сильнымъ оружіемъ въ средину владѣнія его вступить и православныхъ христіанъ, аще Богъ допуститъ, отъ поганскаго ига освободить. Съ любезно-вѣрными и искусными нашими войсками самоперсонально выступаемъ противъ врага, ибо должно презрѣть страхъ и трудности за церковь и православную вѣру, и не только воевать, но и послѣднюю каплю крови пролить, что отъ насъ по возможности и учинено будетъ. Притомъ, понеже извѣстна нашему царскому величеству храбрость древнихъ вашихъ владѣтелей, глубина добрыхъ вашихъ христіанскихъ сердецъ и искуство, которое прежде всего по должности своей чрезъ храбрыя оружія за вѣру въ воинскихъ случаяхъ вы оказывали, *какъ мы удостовѣрились изъ книгъ напечатанныхъ* и во всемъ свѣтѣ выхваляются искуства вашихъ народовъ, что Александръ Македонскій *съ малыми войсками тамошнихъ народовъ многихъ царей* побилъ и многія имперіи завоевалъ и безсмертную славу въ военномъ обхожденіи по себѣ оставилъ; что *Георгій Кастріотъ*, сирѣчь Скандербергъ во всю свою жизнь *съ немногими войсками вашего же народа* нетокмо лютому поганому зубу недопустилъ себя терзать, но еще на шестидесяти трехъ баталіяхъ непріятеля на голову побилъ и ежели бы прочіе деспоты и владѣтели ваши съ такими же сердцами трудились, то не допустили бы себя въ неволю

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVI, стр. 75—77.

и наслѣдниковъ своихъ въ подданство. Въ нынѣшнее отъ Бога посланное время пристойно есть вамъ древнюю славу свою обновить, осоюзившись съ нашими силами и единодушно на непріятеля вооружившись, воевать за вѣру и отечество, за честь и славу вашу и за свободу и вольность наслѣдниковъ вашихъ. Если кто изъ васъ въ сей праведной войнѣ потрудится, то отъ Бога получитъ благовоздаяніе, а отъ насъ милость и награжденіе, и всякій по заслугамъ и желанію вашему привилегіями нашими пожалованъ будетъ, ибо мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошніе христіанскіе народы отъ тиранства поганскаго освободить, православныя церкви тамо украсить и животворящій Крестъ возвысить. И такъ, если будетъ всякій по возможности трудиться и за вѣру воевать, то имя Христово прославится наивящше и поганина Магомета наслѣдники будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество, пески и степи Арабскія».

Рядомъ съ этимъ царскимъ призывомъ, дѣятельно возбуждало христіанскіе народы Турціи къ возстанію греческое духовенство, которое съ успѣхомъ русскаго оружія не только связывало освобожденіе свое отъ турецкаго владычества, но и возможность положить предѣлъ латинской пропагандѣ, распространявшейся подъ защитою Франціи и Венеціи; оно видѣло въ ожидаемыхъ русскихъ побѣдахъ: осуществленіе мегала идеа (большая идея), т. е. возрожденіе Греческой имперіи, эллинизацію народностей Балканскаго полуострова. Въ то время Греки не имѣли никакого повода опасаться особыхъ симпатій русскаго правительства къ *единоплеменнымъ* народамъ Турціи. Не освобожденіе той или другой *національности*, а *православіе*—было лозунгомъ войны съ Турками. Не только народъ Русскій, но само правительство имѣло весьма сбивчивое понятіе *о національности* турецкихъ подданныхъ и не путемъ живыхъ долгихъ сношеній, а лишь «изъ напечатанныхъ книгъ» почерпнуло нѣкоторыя понятія о судьбахъ этихъ народовъ, предки коихъ, по словамъ грамоты, «доставляли храбрыя войска Александру Македонскому» и въ послѣднее время мужественно сражались «подъ знаменемъ Георгія Кастріота». Рѣчь стало быть идетъ не о Славянахъ, такъ какъ о нихъ *въ первомъ случаѣ*, т. е. въ войнахъ Александра Македонскаго и помину не бывало, а *въ борьбѣ Скандерберга* за независимость Албаніи — участвовали жители этой страны, между которыми славянскій элементъ составляетъ самый незначительный процентъ. Въ донесеніи Милорадовича (1711) о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ воззваніемъ, говорится *вообще о христіанахъ*, *безъ указанія національностей*, и притомъ о христіанахъ только православныхъ, причемъ кстати Милорадовичъ указываетъ и на взаимную ненависть между православными и латинянами, которые оказались гораздо враждебнѣе

его дѣлу, чѣмъ Турки, «ибо надѣялись, что земля будетъ вся ихъ, и когда онъ пошолъ на Турокъ, то Латины посылали къ нимъ письма, обнадеживая ихъ, чтобы не боялись и уговаривали Турокъ, чтобы обѣщали христіанамъ деньги за его голову; но христіане всѣ обѣщались вѣрно государю служить» [1]).

Между тѣмъ, какъ «бѣдные христіане» въ чаяніи русскихъ побѣдъ возстали и схватились за оружіе, преимущественно въ Черногоріи, русская армія все еще стояла на Днѣстрѣ, страдая недостаткомъ продовольствія. Послѣ долгихъ колебаній, рѣшено было идти дальше. Въ іюнѣ 1711 г. русская армія перешла рѣку Прутъ и передовой отрядъ дошелъ до м. Фальчи, въ надеждѣ захватить большіе запасы провіанта, сложенные, по словамъ лазутчиковъ, къ югу отъ названнаго мѣстечка. Но вдругъ получено было извѣстіе (7 іюля), что великій визирь Балтаджи-паша съ стотысячною арміею перешелъ рѣку Серетъ, подвигаясь къ сѣверу на встрѣчу передовому отряду, въ то время когда 70,000 Татаръ, перейдя Прутъ, въ нижнемъ его теченіи, угрожали съ тыла. Передовой отрядъ поспѣшно отступилъ и 9 іюля все русское войско, состоящее изъ 38,246 ч., прибыло къ м. Новому Станилешти, на берегу Прута. Дальше нельзя было идти, такъ какъ въ шесть разъ превосходящая непріятельская армія загородила путь. Тутъ произошла битва, продолжавшаяся до ночи. Русскіе выдержали напоръ, несмотря на то, что турецкая пѣхота и конница наступали «прежестоко». Въ виду громадныхъ потерь со стороны непріятеля (7000 ч.) и ропота янычаръ, требовавшихъ заключенія мира, русское войско могло еще держаться съ тѣмъ, чтобы при благопріятныхъ условіяхъ проложить себѣ пути къ отступленію; но за недостаткомъ продовольствія нельзя было оставаться въ выжидательномъ положеніи. При такой безвыходности приходилось просить мира. Хотя плѣнные Турки и говорили, что визирь желаетъ вступить въ мирные переговоры, но самъ Петръ сомнѣвался въ успѣхѣ мирныхъ переговоровъ и въ это время послалъ знаменитое письмо сенату, приказывая ему, на случай несчастія, избрать въ наслѣдники изъ среды своей лицо достойное Для переговоровъ отправленъ подканцлеръ Шафировъ, которому предоставлено было пообѣщать подарки великому визирю 150 т. р., кегаѣ его 60 т., чоушъ-башѣ 10 т., янычарскому агѣ 10 т. и другимъ болѣе или менѣе вліятельнымъ лицамъ турецкаго военнаго персонала. Подарки подѣйствовали и 12 іюля заключенъ былъ миръ, по которому между прочимъ: 1) Россія обязана отдать Туркамъ Азовъ, а новопостроенные города Таганрогъ, Каменный Затонъ и Новобогородицкій на устьѣ рѣки Самары разорить; 2) въ польскія дѣла царю

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XV.

не мѣшаться, казаковъ не обезпокоивать и не вступаться въ нихъ; 3) купцамъ съ обѣихъ сторонъ вольно пріѣзжать торговать, а послу царскому впредь въ Цареградѣ не быть; 4) королю шведскому царь долженъ позволить свободный проѣздъ въ его владѣніяхъ [1]).

Миръ этотъ оказался однакоже далеко еще неокончательнымъ. Прежде всего Карлъ XII, поддерживаемый посломъ Франціи, побуждалъ султана къ непринятію мира, указывая на подкупъ великаго визиря; потомъ, когда, благодаря посредничеству англійскаго и голландскаго пословъ, султанъ сталъ склоняться въ пользу признанія мирныхъ условій, явились новыя препятствія: Петръ не хотѣлъ отдать Азовъ и разрушить указанныхъ въ договорѣ городовъ, впредъ до высылки Карла XII изъ турецкихъ владѣній; а когда сдѣлана была уступка въ этомъ пунктѣ со стороны Петра, возникли новыя обстоятельства—вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу, на которое французскій посолъ указывалъ какъ на прямое нарушеніе трактата 1711 г. Шафировъ не жалѣлъ подарковъ, т. е. соболей въ особенности, но при великомъ визирѣ Ибрагимѣ-пашѣ, который оказался недоступнымъ подаркамъ, дѣла приняли настолько тревожный характеръ, что въ Петербургѣ уже обсуждался вопросъ, какую войну вести: оборонительную или наступательную и только, когда смѣнили Ибрагима, вліяніе Шафирова, основанное на деньгахъ и соболяхъ, возобновилось; онъ успѣлъ даже обѣщаніемъ 10 т. червонц. заручиться содѣйствіемъ великаго муфтія, который далъ своему правительству фетву въ томъ смыслѣ, что нѣтъ достаточныхъ причинъ къ войнѣ Такимъ образомъ только 15 іюля 1713 года заключенъ былъ Адріанопольскій миръ, несмотря на противодѣйствіе французскаго посланника и польскаго генерала графа Понятовскаго, которые всячески старались провести въ сознаніе Порты связь между Турціею и судьбами Польши, что видно между прочимъ изъ записки, поданной французскимъ уполномоченнымъ на имя султана, въ которой онъ, побуждая Порту къ войнѣ съ Россіею, говоритъ: «кто до сихъ поръ имѣлъ дѣло съ царемъ, тотъ знаетъ, что на слова его никакъ нельзя полагаться; посланники голландскій и англійскій представляютъ плохую поруку, потому что правительства ихъ по отдаленности своихъ владѣній не могутъ заставить царя исполнить данныя обѣщанія».

Неудачно разрѣшилась для Россіи *первая въ XVIII ст.* война ея съ Турціею. Россія потеряла Азовъ, который ей стоилъ двухъ походовъ, и вытѣснена съ береговъ Босфора на основаніи мирнаго трактата, по которому «отнынѣ и впредь подъ именемъ посла отъ стороны его (русскаго царя) никто бъ въ Цареградѣ не жилъ». Но въ то же время

[1]) Юзефовичъ, Договоры Россіи съ Востокомъ.

эта война имѣла другія послѣдствія, которыя могли послужить интересамъ турецкой политики русскаго правительства и состояли въ томъ, что между Россіею и православными христіанами Балканскаго полуострова возникала связь болѣе тѣсная и обширная, чѣмъ та, которая выражалась прежде въ сношеніяхъ русскаго духовенства съ Аѳонскими и иными монастырями восточныхъ христіанъ; въ эту войну Русскіе имѣли случаи побрататься оружіемъ «съ бѣдными христіанами,» которые изъ Сербіи, Черногоріи, Валахіи и Молдавіи сотнями вступали въ русскую армію и многіе изъ нихъ, возвратясь на родину, безъ сомнѣнія разнесли вѣсть о могуществѣ Русскаго государства,—что въ свою очередь должно было популяризировать, утвердить о обобщить надежды «бѣдныхъ христіанъ» на освободительную миссію Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, должно было повести и къ обобщенію идеи борьбы противъ турецкаго владычества. Такимъ образомъ, выгода отдаленныхъ послѣдствій значительно перевѣшивала непосредственныя неудачи прутской кампаніи 1711 г.

Мы замѣтили, что мирное расположеніе военнаго персонала турецкой главной квартиры, между прочимъ, и обусловливалось неудовольствіемъ янычаръ, въ виду громадныхъ потерь въ ихъ рядахъ; неудовольствіе это, подобно многочисленнымъ прецедентамъ, могло превратиться въ открытый военный мятежъ. Быть можетъ на мирное расположеніе главнокомандующаго Балтаджи-паши повліяли и подарки, хотя существуетъ мнѣніе, что онъ не принялъ предложеннаго подарка, но и Порта, въ свою очередь, не безъ удовольствія отнеслась къ прекращенію войны, вызванной не столько интересами государства, сколько постороннею своекорыстною агитаціею, тѣмъ болѣе, что предстояло собраться съ силами для сведенія счетовъ съ Венеціею.

Изъ разговоровъ Шафирова съ визиремъ уже проглядывало, что Порта очень желала бы возвратить отторгнутыя Венеціанцами по Карловицкому миру города Мореи—Коринѳъ, Наполи ди Романія, Модонъ и Мальвазію. Приписавъ возстаніе въ Черногоріи [1]) внушеніямъ со стороны Венеціи, Порта въ 1715 объявила ей войну и въ теченіе одного года взяла всѣ названные города, совершенно вытѣснивъ Венеціанцевъ также съ о-ва Крита. Легкость успѣховъ этой кампаніи обусловливалась поддержкою, которую Турки нашли въ греческомъ населеніи венеціанскихъ владѣній. Въ теченіи 15 лѣтъ Греки имѣли возможность сравнить прежнее турецкое владычество съ хозяйничаньемъ Венеціанцевъ и придти къ выводу не въ пользу господства латинянъ. Греческое населеніе, и въ особенности духовенство, положительно отдавали преимущество Туркамъ, которые

[1]) Poujoulat, Histoire de Constantinople, т. II.

обыкновенно не вступались въ церковную жизнь народа, между тѣмъ какъ Венеціанцы, въ лицѣ іезуитовъ, настойчиво вели католическую пропаганду и чтобы уронить авторитетъ православнаго духовенства въ глазахъ народа, подвергали представителей православной церкви осмѣянію или инымъ мелкимъ и крупнымъ оскорбленіямъ. Вслѣдствіе этого владычество латинянъ стало народу болѣе ненавистнымъ, чѣмъ турецкое, а потому Греки встрѣтили Турокъ какъ освободителей изъ-подъ латинскаго ига, даже сражались въ рядахъ Турокъ, или инымъ образомъ оказывая имъ положительныя услуги. Венеціанцы обратились за помощію къ папѣ Клименту XI, а также и къ императору австрійскому Карлу VI. Такъ какъ дѣло шло не только о защитѣ венеціанскихъ владѣній, но и католицизма въ этой оконечности Балканскаго полуострова, то Климентъ XI весьма энергически приступилъ къ составленію христіанской лиги, разославъ легатовъ своихъ во всѣ концы Европы для оказанія помощи Венеціи [1]).

Христіанской лиги конечно не образовалось. Вестфальскій миръ 1648 г. окончательно похоронилъ религіозныя войны въ Европѣ; но оказалось, что Турки тѣмъ не менѣе весьма неудачно избрали моментъ для войны съ Венеціею: Греческіе города признаны были за Венеціею Карловицкимъ миромъ 1699 г., неприкосновенность котораго, по отношенію къ Венеціи, обязалась гарантировать Австрія; война за Испанское наслѣдство окончилась Утрехтскимъ миромъ 1713 г., признавшимъ за Австріею часть верхней Италіи; Франція, удовлетворенная тѣмъ, что предложенный ею кандидатъ занялъ испанскій престолъ, считала свои счеты съ Габсбургами на время оконченными, да и регентъ, знаменитый своею распутною жизнію, Филиппъ Орлеанскій, внѣ гаремной жизни sui generis, весь занятъ былъ хитросплетенною финансовою операціею Джона-Ло и очень мало интересовался такою отдаленною политикою, какъ турецкая; Карлъ VI, при такомъ мирномъ настроеніи съ тыла, могъ стянуть всѣ боевыя силы противъ Турціи. Порта всего этого не взвѣсила и опрометчиво ринулась въ новую войну съ Австріею, отказавъ въ требованіи Карла VI возстановить владѣнія Венеціи. Турецкая армія 5 августа 1716 г., подъ начальствомъ Дамада-Али, перешла Дунай. Австрійскою арміею командовалъ принцъ Евгеній Савойскій, который уже въ предшествовавшую войну, закончившуюся Карловицкимъ миромъ, успѣлъ заявить себя талантливымъ и искуснымъ полководцемъ. Встрѣча непріятелей произошла подъ стѣнами Петервардейна. Турки потерпѣли полное пораженіе, потерявъ 6000 человѣкъ, множество пушекъ и знаменъ; здѣсь палъ и главнокомандующій Дамадъ-Али. Въ томъ же году

[1]) Hammer, Geschichte der Osmanischen Reiches, т. VII.

принцъ Евгеній взялъ Темешваръ, а въ слѣдующемъ 16 августа разбилъ на голову новаго великаго визиря Калиля-пашу и двинулся въ Бѣлградъ; между тѣмъ какъ другой отрядъ вступилъ въ Боснію, а Венеціанцы заняли нѣсколько городовъ въ Далмаціи.

Побѣды принца Евгенія и движеніе австрійскаго войска въ Боснію вызвали сильное броженіе въ Сербахъ, которые массами вступали въ ряды австрійскихъ войскъ; въ горахъ Босніи и Сербіи безпокоили Турокъ отдѣльные отряды вооруженныхъ шаекъ, обученныхъ военному дѣлу австрійскими офицерами и унтеръ-офицерами; общее возстаніе могло охватить обѣ эти страны тѣмъ легче, что призывъ къ нему исходилъ отъ единоплеменниковъ, которые составляли въ австрійской арміи весьма замѣтный процентъ, и изъ которыхъ многіе занимали видный постъ въ военной администраціи.

Порта поэтому должна была желать мира, не смотря на внушенія французскаго посла Де-Бонака, который по инструкціямъ изъ Парижа, возбуждалъ ее къ войнѣ, обѣщая даже помощь Франціи. При посредничествѣ англійскаго посла, въ Пожаровицѣ 21 іюля 1718 г. заключенъ былъ миръ, по которому за Австріею оставлены Бѣлградъ, Шабацъ въ Сербіи, Темешваръ въ Венгріи и западная часть Валахіи до рѣки Алуты, а за Венеціею нѣсколько городовъ въ Албаніи, владѣнія же ея въ Мореѣ отошли къ Турціи по настоянію Англіи.

Между тѣмъ, какъ Порта избавилась отъ опасныхъ послѣдствій войны съ Австріею, успѣвъ подавить возстаніе Сербовъ, оставшихся безпомощными, послѣ выхода австрійскихъ войскъ изъ Сербіи и Босніи (за исключеніемъ Бѣлграда и Шабаца, занятаго австрійскими гарнизонами); ходъ событій съ каждымъ годомъ усложнялъ отношенія Турціи и Россіи, увеличивая точки соприкосновенія обоюдныхъ правъ названныхъ государствъ.

Послѣ завоеванія Астрахани съ степными низовьями Волги, Россія по необходимости должна была придти въ столкновеніе съ раздробленными, но воинственными народами Кавказа.

Съ другой стороны въ XVI ст., два мусульманскія государства— Персія и Турція попеременно простирали свои верховныя права на весь перешеекъ, отдѣляющій Черное море отъ Каспійскаго. Города Эривань, Тифлисъ, Шемаха и другіе переходили до XVIII ст. нѣсколько разъ отъ Турокъ къ Персамъ и наоборотъ. Въ свою очередь и Россія нашла на этой территоріи опору въ единовѣрномъ народѣ Грузіи, куда христіанство проникло уже въ половинѣ IV в. Ни одно изъ названныхъ государствъ не могло считать себя дѣйствительнымъ обладателемъ Кавказскаго перешейка, потому что свободолюбивые, воинственные народы его очень мало были склонны вступать въ сферу государ-

ственной жизни. Но вслѣдствіе ихъ раздробленности, взаимной вражды, народы эти при всей своей храбрости и удали необходимо становились добычею сильныхъ сосѣдей. Къ началу XVIII ст. Персія сама становится театромъ внутреннихъ усобицъ, которыми прежде всего воспользовалась Порта и оттѣснила Персію къ южному берегу Каспійскаго моря. Такимъ образомъ *Россія*, *Турція* и *Персія* встрѣчались на Кавказскомъ перешейкѣ и каждое изъ этихъ государствъ оставляло слѣдъ своего вліянія, находило себѣ союзниковъ во враждебныхъ между собою племенахъ. Но такъ какъ съ начала XVIII ст. верховнымъ повелителемъ Кавказскихъ народовъ и Кубанской области считался султанъ, то наиболѣе напряженныя отношенія должны были сложиться между Россіею и Турціею. Россія не могла безучастно относиться къ турецкому главенству на Кавказѣ, которое не бывъ въ силахъ внести въ эту страну начала государственнаго общежитія, оставляло ее на произволъ полной анархіи, вредно отзывавшейся на спокойствіи южныхъ окраинъ Россіи. Эти окраины населены были по преимуществу Калмыками, далеко еще неохотно поддававшимися стѣснительнымъ ихъ дикой свободѣ условіямъ общественной жизни. Не имѣя возможности открыто сопротивляться Россіи въ обширныхъ степяхъ приволжскихъ и прикаспійскихъ, Калмыки уходили въ Кубанскую область и здѣсь всегда находили товарищей по оружію для нападенія на южно-русскія окраины; сюда же уходили нежелавшіе повиноваться русскому правительству донскіе казаки, заводя на этой нейтральной почвѣ разбойническіе притоны, не столько страшные для отдаленной Турціи, сколько для ближайшихъ русскихъ окраинъ. Всякіе дипломатическіе переговоры между русскимъ правительствомъ и Портою, клонившіеся къ устраненію анархіи, оставались безплодны, такъ какъ Порта совершенно была безсильна внести какой нибудь гарантирующій спокойствіе сосѣдей политическій порядокъ въ среду этихъ воинственныхъ народовъ и потому самимъ сосѣдямъ, т. е. прежде всего Россіи приходилось промышлять надъ установленіемъ этого порядка — путемъ завоеваній. Начало этому пути положено было при Петрѣ I, потому что къ тому времени вполнѣ обрисовались всѣ невыгоды для Россіи сосѣдства такой политической анархіи, которую однакоже прикрывало номинальное турецкое владычество; съ другой стороны и христіанскіе народы перешейка въ борьбѣ своей съ могущественными горцами и отрѣзанные отъ всего христіанскаго міра, единственную надежду возлагали на Россію и просили ея защиты противъ численнаго перевѣса мусульманъ.

Предоставляя защиту Кавказскаго перешейка крымскому хану и призывая его на помощь во всѣхъ своихъ войнахъ съ Персіею, Порта тѣмъ самымъ создала новые поводы къ столкновеніямъ съ Россіею,

такъ какъ Татары прежде чѣмъ вступить на перешеекъ, по необходимости должны были проходить чрезъ русскую территорію, которая служила единственнымъ сухопутнымъ сообщеніемъ между Крымомъ и Кавказомъ. Кромѣ того, юго-восточныя окраины Россіи нерѣдко испытывали разомъ хищническіе набѣги съ двухъ сторонъ — Крыма и Кубанской области и для охраны своей требовали потому постояннаго пребыванія въ нихъ значительныхъ боевыхъ силъ.

Въ теченіе почти полстолѣтія Кавказъ и Крымъ представляли и Россіи и Турціи наиболѣе затрудненій во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ государствъ, и можно сказать, послужили первою и самою дѣйствительною причиною завоевательной политики Россіи по отношенію къ Турціи, такъ какъ въ руководящихъ людяхъ русскаго правительства сложилось убѣжденіе, что только обезсиленіемъ Турціи, въ ея непосредственныхъ владѣніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, возможно достигнуть упроченія сперва вліянія, а потомъ верховныхъ правъ Россіи въ двухъ названныхъ странахъ.

Не останавливаясь на подробностяхъ дипломатическихъ переговоровъ по поводу крымско-кавказскихъ дѣлъ, мы замѣтили только, что какъ повидимому ни мало касались эти полуазіатскія страны общеевропейскихъ интересовъ, но въ дѣйствительности, и приэтомъ Порта какъ бы не чувствовала подъ собою твердой почвы, изображая изъ себя жалкое орудіе политическихъ интригъ государственныхъ людей Европы; отсюда быстрая смѣна воинственнаго задора мирною апатіею, смотря—чье вліяніе въ данномъ случаѣ одерживало верхъ. Чрезвычайно рельефно отражаютъ такое настроеніе Порты донесенія русскихъ пословъ Шафирова, Дашкова, Неплюева-Вешнякова, поочередно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Сегодня русскій уполномоченный доноситъ, что и падишахъ и его визири рѣшительно противъ всякой войны и настроены на самый мирный ладъ, а завтра въ догонку идетъ другое донесеніе съ тревожнымъ разсказомъ о томъ, какъ Французъ подбиваетъ султана объявить Россіи войну и въ правительственныхъ сферахъ успѣлъ уже составить сильную воинственную партію.

Такъ продолжалось до 1734 года, когда крымскіе Татары, идя на соединеніе съ турецкою арміею въ Закавказье, вновь безъ предварительнаго согласія петербургскаго правительства, прошли чрезъ русскую территорію и мало того, во время прохода производили набѣги на мирное населеніе. Правительство Анны Іоанновны, при всей своей нерѣшительности во внѣшней политикѣ, не получивъ никакого удовлетворенія отъ Порты, вынуждено было само положить конецъ этому хозяйничанью крымскихъ Татаръ на русской территоріи, которое парализировало всякое экономическое развитіе южныхъ окраинъ Россіи.

Такъ какъ Турція въ 1735 году занята была войною съ Персіею, потому нельзя было опасаться помощи съ ея стороны крымскимъ Татарамъ, то въ Петербургѣ рѣшено было, не откладывая, воспользоваться благопріятнымъ временемъ, и въ концѣ того же года объявленъ былъ походъ, ближайшею цѣлью котораго былъ Азовъ. Главнокомандующимъ южною арміею назначенъ Минихъ. Отрядивъ часть войска подъ начальствомъ Леси для осады Азова, самъ Минихъ двинулся въ Крымъ резъ Перекопъ, взялъ Бакчисарай (1736 г.) и безуспѣшно пытался пройти въ Өеодосію. Въ томъ же году 20 іюня Азовъ сдался Леси на капитуляцію. Этимъ и окончилась кампанія 1735—1736 г. Вообще военныя дѣйствія отличались нерѣшительностью, медленностью и вялостью [1]), какъ вслѣдствіе трудности продовольствія арміи въ малолюдныхъ и безводныхъ степяхъ, такъ и несогласій, возникшихъ въ средѣ командовавшихъ русскихъ генераловъ, которые интриговали предъ двоюмъ, жаловались, доносили другъ на друга и казалось, что главная забота того или другаго генерала заключалась не въ томъ, чтобы посвятить все вниманіе своимъ спеціальнымъ обязанностямъ, а въ интригахъ и разныхъ тайныхъ подкопахъ противъ товарища по профессіи.

Азовскій походъ произвелъ тревогу въ Стамбулѣ. Вешнякову (который въ сентябрѣ 1735 г. замѣнилъ Неплюева) стоило большихъ усилій и подарковъ сдерживать Порту отъ вмѣшательства «въ крымскія дѣла». Вешняковъ увѣрялъ въ Стамбулѣ, что война ведется не противъ Турокъ, а крымскихъ Татаръ, и потому если падишахъ не вступится за нихъ, то и русское правительство ничего не будетъ имѣть противъ Турціи. Но въ то же Вешняковъ побуждалъ свое правительство къ продолженію войны, такъ какъ «теперь самое полезное время не только къ сломленію звѣрской гордости, но и къ окончательному ниспровержепію всего этаго беззаконнаго сонмища». Онъ совѣтовалъ спѣшить переходомъ за Дунай и идти прямо на Константинополь. «Султанъ Махмудъ I (1730—1754), въ виду приближенія Русскихъ, испугается и убѣжитъ въ Азію». Въ подтвержденіе возможности такихъ блестящихъ успѣховъ, Вешняковъ въ одномъ изъ своихъ донесеній рисуетъ непривлекательную картину современнаго положенія Турціи.

«Въ Турціи, говоритъ онъ [2]), нѣтъ ни начальниковъ политическихъ, «ни руководителей военныхъ, ни разумныхъ правителей финансовыхъ; «все находится въ страшномъ разстройствѣ, и при малѣйшемъ бѣдствіи «будетъ находиться на краю бездны. Страхъ предъ Турками держится «на одномъ преданіи, ибо теперь Турки совершенно другіе, чѣмъ были

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XX; Russel, Russian wars with Turkey, 1877.
[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XX, стр. 110.

«прежде: сколько прежде они были воодушевлены духомъ славы и «свирѣпства, столько теперь малодушны и боязливы, всѣ какъ будто «предчувствуютъ конецъ своей беззаконной власти, и да сподобитъ Все«вышній Ваше Величество ее искоренить. Попеченія объ общемъ благѣ «въ Турціи нѣтъ, заботятся только о частныхъ выгодахъ; достойные «и искусные люди изгублены и погибаютъ, остались одни только недо«стойные, вслѣдствіе чего добрый порядокъ пренебреженъ какъ въ по«литическомъ, такъ въ военномъ и экономическомъ правленіи, и оста«вивъ прежнія свои основныя правила, новыхъ не пріобрѣли и потому «ослабѣли. Татары, зная все это теперь, какъ всѣ здѣсь говорятъ, въ «вѣрности къ Портѣ начинаютъ колебаться. На счетъ христіанскихъ «подданныхъ Турки опасаются, что всѣ возстанутъ какъ только рус«скія войска приблизятся къ границамъ: здѣшніе константинопольскіе «Греки большею частью бездѣльники, ни вѣры, ни закона, ни чести «не имѣющіе; ихъ главный интересъ—деньги, и ненавидятъ насъ больше «самыхъ Турокъ; но Греки областные и еще болѣе Болгары, Валахи, «Молдаване и другіе такъ сильно заботятся объ избавленіи своемъ отъ «турецкаго тиранства и такъ сильно преданы Россіи, что при первомъ «случаѣ жизни не пожалѣютъ для Вашего Императорскаго Величества, «какъ уповаемую избавительницу. Все это Турки знаютъ...»

Въ Турціи дѣйствительно царила безурядица; правительство шаталось между чуждыми вліяніями, успокоиваемое Вешняковымъ, возбуждаемое къ войнѣ французскимъ уполномоченнымъ Вильневомъ и прислушиваясь къ австрійскимъ увѣреніямъ дружбы, такъ что въ теченіе 1735—1737 оно не могло даже уяснить себѣ: состоитъ ли оно въ войнѣ съ Россіею, кто его союзники и пр.

Между тѣмъ Австрія, еще въ 1725 г. заключившая съ Россіею тайный союзъ [1]) во всемъ что касается отношеній этихъ государствъ къ Балканскому полуострову, послѣ паденія Азова и движенія Миниха къ Очакову, быстро оставила роль дружественной посредницы въ русско-турецкой распрѣ, и двинула войска въ Боснію, Сербію и Валахію, заняла города Смедерево, Краіову, Магадію и Орсову. Условлено было что 20,000 русскій отрядъ придетъ на подкрѣпленіе австрійской арміи, отрѣжетъ отступленіе Туркамъ, вступившимъ въ Молдавію.... Но оказалось, что Минихъ не могъ отдѣлить такого значительнаго вспомогательнаго отряда, да и трудно было бы этому отряду пробиться черезъ Молдавію, занятую Турками. Оставшись при собственныхъ средствахъ съ неспособными генералами, австрійскія войска не рѣшались идти впередъ; но пребываніе ихъ въ названныхъ городахъ не осталось однако

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т. II.

же безъ послѣдствій для національнаго движенія Сербовъ: они вновь схватились за оружіе, составляя отдѣльныя шайки или присоединяясь къ Австро-Венграмъ.

Только на этотъ разъ они жестоко поплатились за торопливую увѣренность въ успѣхѣ австрійскаго оружія. Пользуясь медленностью главной австрійской квартиры, обусловливаемой между прочимъ длинными переговорами съ русскимъ главнокомандующимъ о помощи, Турки вооружили мусульманское населеніе Босніи и двинули въ Сербію сильную армію, часть которой перешла въ Валахію. Во всѣхъ крупныхъ стычкахъ—при Баньялукѣ, Валіевѣ, при Гроденѣ Австро-Венгры терпѣли пораженія, въ особенности при Гроденѣ, гдѣ ихъ пало до 6000 человѣкъ. Въ концѣ 1737 года австрійскія войска стали очищать занятые ими города и вѣнскій кабинетъ, чрезъ посредство Англіи, завелъ переговоры о мирѣ, къ которымъ присоединилось и русское правительство, такъ какъ, не смотря на взятіе Очакова и Кинбурна, война, стоившая чрезвычайныхъ потерь людьми—не предвѣщала какихъ либо видныхъ успѣховъ при той неумѣлости и вялости, съ которою она до сихъ поръ была ведена.

Переговоры открылись въ м. Немировѣ, куда со стороны Россіи уполномоченнымъ явились Шафировъ, Неплюевъ и Артемій Волынскій, а со стороны Австріи—Остейнъ. Утомительныя пререканія между русскими, австрійскими и турецкими уполномоченными не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; *во первыхъ*, уполномоченные Россіи предъявили Турціи условія слишкомъ тягостныя въ то время, когда турецкая армія не вступала еще въ дѣло, и стало быть представлялась возможность со стороны Турціи продолжать войну. Русскіе уполномоченные требовали присоединенія къ Россіи Кубанской области, Крыма и всѣхъ земель до рѣки Дуная, мотивируя это требованіе тѣмъ, что царица желаетъ такого пріобрѣтенія не ради выгоды какой, но для спокойствія государства, что Турція отъ этихъ дикихъ народовъ все равно никакой выгоды не имѣетъ; также требовали и независимости Молдавіи и Валахіи, подъ покровительствомъ Россіи; [1]) *во вторыхъ*, въ этихъ переговорахъ съ Турціею проявилось несогласіе между союзниками, такъ какъ австрійскій уполномоченный Остейнъ находилъ требованія Россіи чрезмѣрными и несоотвѣтствующими относительной незначительности военныхъ успѣховъ. Поэтому, не смотря на постепенную сбавку русскихъ требованій, Немировскій конгрессъ не состоялся. 1738 годъ со стороны Россіи прошелъ въ совершенно безполезныхъ передвиженіяхъ войскъ Днѣпровской арміи—Миниха и Крымской—Леси, а

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XX.

также въ переговорахъ между Австріею и Россіею, о совокупномъ дѣйствіи. Цѣлый годъ тянулась переписка, сопровождавшаяся взаимными упреками, а между тѣмъ въ русской арміи волы и лошади гибли отъ недостатка продовольствія, отъ крайняго истощенія и свирѣпствовавшей эпидеміи, которая вынудила Миниха бросить Очаковъ и Кинбурнъ.

Въ слѣдующемъ 1739 г. кампанія оживилась, и Минихъ, на основаніи требованія императрицы «скорѣйшаго марша и всевозможнаго поспѣшенія произведеніемъ непріятелю чувственныхъ какихъ дѣйствъ» въ іюлѣ перешелъ Днѣстръ, предварительно поручивъ казакамъ сжечь г. Сороки и Могилевъ, и двинулся по направленію къ Хотину, подлѣ котораго, въ 1½ мили, при деревнѣ Ставучанахъ разбилъ сильный турецкій отрядъ, бывшій подъ командою сераскира Вели-паши, а вскорѣ затѣмъ, 19 августа, взялъ Хотинъ.

По словамъ Миниха, въ русской арміи, по переходѣ ея чрезъ Днѣстръ, почти каждый день приходили Валахи записываться въ русскую службу, а когда армія перешла рѣку Прутъ и Минихъ утвердился въ г. Яссахъ, то къ нему явилась молдавская депутація съ заявленіемъ желанія признать русскую императрицу государыней Молдавіи, а между тѣмъ Молдаване обязались на свой счетъ содержать 20,000 русскаго войска. Вообще пріемъ Русскихъ въ Молдавіи произвелъ на Миниха наилучшее впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго онъ посовѣтовалъ своему правительству присоединить къ Россіи эту землю «преизрядную и не хуже Лифляндіи», которую онъ надѣялся укрѣпить, съ тѣмъ, чтобы потомъ занять Валахію.

Но какою «преизрядною» ни казалась Молдавія, русское правительство желало положить конецъ разорительной войнѣ, тѣмъ болѣе послѣ того, когда обнаружилось, что Австрія, несмотря на обѣщаніе не заключать съ Турками отдѣльнаго мира, возобновила переговоры, при посредничествѣ Вильнева. По Бѣлградскому миру, Австрія уступила Турціи Бѣлградъ и Шабацъ съ частію Сербіи, Орсову и всѣ свои владѣнія въ Валахіи.

Сообщая въ Петербургъ о заключеніи Австрійцами «мира стыднаго и весьма предосудительнаго», Минихъ убѣдительно настаивалъ продолжать войну, такъ какъ съ начала этой войны Турки и Татары ни малѣйшаго надъ нами авантажа не имѣли и впредь имѣть не будутъ: не только здѣшніе народы съ неизрѣченною радостію желаютъ покоренія подъ вашу державу, но и сербскій патріархъ Арсеній слезно проситъ покровительства Вашего Величества, принося жалобу на слабость цезарскую, что всю ихъ землю подъ иго варварское отдаетъ». Петербургское правительство отнеслось однакоже скептически какъ къ этимъ радужнымъ надеждамъ Миниха, такъ и къ составленному имъ маршруту

въ Константинополь и напротивъ поспѣшило отправить въ Стамбулъ Вешнякова для мирныхъ переговоровъ. Прибывъ въ Стамбулъ, Вешняковъ обратился къ посредничеству французскаго посла Вильнева, предлагалъ ему 15,000 ефимковъ и Андреевскій орденъ, чтобы выговорить болѣе выгодныя для Россіи условія, но тотъ, при всей своей любезности, оказался мало сговорчивымъ, ближе конечно защищая интересы Турціи, т. е. въ тоже время и Франціи, чѣмъ Россіи.

Послѣ цѣлаго ряда «скидокъ»,—18 сентября 1739 г. подписанъ мирный трактатъ, по которому Азовъ оставляется за Россіей, но укрѣпленія его должны быть срыты, а окрестности остаться и служить «барьерою» между двумя имперіями; пріобрѣтая Азовъ, русское правительство обязывалось не заводить ни военнаго, ни коммерческаго флота ни на Азовскомъ морѣ, ни на Черномъ, производя морскую торговлю на турецкихъ судахъ; постоянное пребываніе русскаго посла при Оттоманской Портѣ возобновляется; условлена обоюдная выдача преступниковъ, какъ уголовныхъ, такъ и политическихъ; обѣ Кабарды, Большая и Малая, признаются странами независимыми, служа тою самою «барьерою» между двумя имперіями, изъ коихъ ни одна не вправѣ вступаться въ эту страну; но, по древнему обыкновенію, могутъ брать отъ Кабардинцевъ заложниковъ.... [1]),—условія для Россіи болѣе чѣмъ скромныя, сравнительно съ побѣдами, одержанными русскимъ оружіемъ въ эту продолжительную, хотя и дурно веденную кампанію. Не столько сама Порта, сколько изъ за спины ея французскій уполномоченный продиктовалъ Бѣлградскій трактатъ—во всемъ, что должно было изолировать Россію отъ южныхъ морей; да и Вешняковъ, какъ мы видѣли, больше старался расположить въ пользу своей миссіи Вильнева, чѣмъ турецкихъ сановниковъ.

Такимъ образомъ существенная причина дипломатической неудачи заключается въ томъ, что Турція становилась политическою комбинаціею, неприкосновенность которой оказывалась необходимою западнымъ государствамъ, въ собственныхъ ихъ интересахъ.

Но кромѣ этой главной причины невыгоднаго мира, нѣкоторую роль играла неумѣлость, неподготовленность русскихъ уполномоченныхъ того времени къ дипломатической профессіи, и весьма шаткое понятіе ихъ о характерѣ отношеній западно-европейскихъ правительствъ къ Турціи. Они какъ будто забывали, что Турція не страна бѣлыхъ медвѣдей, которою интересуются лишь ихъ неприхотливые обитатели, а узелъ, въ которомъ сходятся интересы всѣхъ культурныхъ народовъ; что потому, имѣя дѣло съ Турціею, безъ сомнѣнія приходится считаться съ

[1]) Юзефовичъ, Договоры Россіи съ Востокомъ, изд. 1869.

другими государствами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда существованію грозитъ опасность, или даже когда рѣчь идетъ о преобладающемъ и опасномъ для другихъ вліяній — одного какого-либо правительства на Балканскомъ полуостровѣ.

Своими неумѣренными запрашиваніями они не только возбудили противъ себя представителей Англіи и въ особенности Франціи, но вызвали даже подозрительное недовѣріе со стороны союзницы своей Австріи. Всѣмъ разомъ показалось, что дѣло идетъ объ уничтоженіи Турціи, хотя въ сущности и сами уполномоченные мало придавали значенія своимъ требованіямъ—что видно изъ быстроты нѣкоторыхъ уступокъ, на которыя они поторопились согласиться. Эта система запрашиваній, изгоняемая изъ міра коммерческаго, тѣмъ менѣе должна бы разсчитывать на гостепріимство въ мірѣ дипломатическомъ, какъ система вредная, возбуждающая напрасную сенсацію, система, которая въ силу логическаго закона отраженія вызываетъ отрицаніе выставленныхъ требованій въ такой же крайней степени, въ какой и сами требованія были формулированы. Надо думать, что наступитъ время, когда и изъ дипломатическаго міра система запрашиванія будетъ изгнана и народы будутъ требовать для себя,—при разрѣшеніи взаимныхъ столкновеній, - *того, что составляетъ ихъ насущный интересъ*, и *что они готовы и могутъ отстоять*...

ГЛАВА XXIX.

Турція въ XVIII стол. и происхожденіе русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

(Продолженіе).

1. Роль Турціи въ политическихъ отношеніяхъ къ европейскимъ государствамъ. 2. События на Западѣ и внутреннее состояніе Турціи благопріятствуютъ распространенію русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. 3. Сношеніе русскаго правительства съ Молдаванами, Влахами, Сербами, Черногорцами и Греками. 4. Въ интересахъ Франціи Турція принимаетъ подъ свою защиту Польскую республику. 5. Участіе Турціи въ польскомъ дѣлѣ вызываетъ войну ея съ Россіею. 6. Кучукъ-Кайнарджинскій трактатъ 10 іюля 1774 г. 7. Роль Іосифа II въ турецкой политикѣ Екатерины II. 8. Присоединеніе Крыма 8 апрѣля 1783 г. 9. Великая французская революція парализуетъ вліяніе Франціи на Балканскомъ полуостровѣ. 10. Англія становится защитницею Турціи, побуждаетъ ее къ войнѣ съ Россіею и составляетъ анти-русскую коалицію. 11. Война Австріи и Россіи съ Турціею 1787—1791. Ясскій миръ 9 января 1792 г. 12. Преобразовательныя попытки Селима III и неудачи ихъ.

Западныя государства поочередно, начиная съ XVIII ст., принимали подъ свое покровительство Оттоманскую имперію; но защищая ея неприкосновенность, ради своихъ собственныхъ интересовъ, даже выражая свое живое участіе къ ней положительными услугами,—они тѣмъ не менѣе вольно или невольно, но съ замѣчательною послѣдовательностію приближали ее къ гибели; одной рукой они разрушали то, что созидали другой рукой. Прежде всего соперничествуя между собою, изъ-за вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, оказывая противоположныя давленія на руководящихъ людей Турціи, они внесли и развили въ правительственной дѣятельности начало случайностей, противорѣчій, которыя болѣзненно отзывались на внутренней жизни государства; втягивая Турцію въ кругъ своихъ международныхъ отношеній, дѣлая ее невольною участницею въ ихъ заимныхъ распряхъ, они тѣмъ самымъ усложняли и запутывали ея внѣшнія отношенія, въ которыхъ Оттоманской имперіи, въ силу искуственно созданной обстановки, приходилось отстаивать вопросы и положенія, имѣвшія весьма слабую, отдаленную связь съ ея собственными интересами. Мы видѣли изъ-за чего воз-

никла первая въ XVIII ст. русско-турецкая война: убѣжавшему изъ подъ Полтавы въ Бендеры королю шведскому Карлу XII очень хотѣлось отомстить русскому царю за полтавское пораженіе—желаніе вполнѣ объяснимое въ побѣжденномъ; но Франція, крымскій ханъ, польскіе магнаты рѣшили и доказали какъ дважды два четыре, что падишахъ для блага своей страны необходимо долженъ вступиться за варницкаго затворника. и многочисленная турецко-татарская армія отправляется на берега Прута отстаивать шведское дѣло. Послѣ смерти Іоанна Собѣскаго явились въ Польшѣ два претендента на королевскій престолъ—Станиславъ Августъ Саксонскій и Станиславъ Лещинскій. Франція и Швеція поддерживали Лещинскаго, а Россія, находясь въ то время въ войнѣ съ Швеціею, очень естественно не желала видѣть на польскомъ престолѣ кліента Карла XII, тѣмъ болѣе, что при царившей уже въ то время политической безурядицѣ, которая, прикрываясь демократической формой liberum veto, сводилась къ олигархіи немногочисленнаго меньшинства богатыхъ людей,—Польша, подъ покровительствомъ шведскаго короля, легко могла сдѣлаться добычей его и, стало быть, его обязательною союзницею. Казалось бы для Оттоманской Порты безразлично, кто изъ претендентовъ одержитъ верхъ, но вышло иначе: ей было доказано правительствомъ Людовика XIV, что для блага Турціи Порта, *во первыхъ*, непремѣнно должна поддерживать Станислава Лещинскаго, *а во вторыхъ*, вообще противодѣйствовать русскому вліянію въ Польшѣ. Въ Прутскій договоръ внесена была даже особая статья, въ силу которой русское правительство лишалось на всегда права вступаться въ польскія дѣла, и такимъ образомъ Турціи навязывали нѣчто въ родѣ покровительства, т. е. непосильное для нея бремя. Вступивъ съ этимъ бременемъ во вторую половину XVIII ст., она невольно присоединила новыя усложненія къ тѣмъ взаимнымъ столкновеніямъ съ Русскимъ государствомъ, которыя возникли изъ за Крыма и Кавказа и не могли быть устранены никакими «барьерами», упоминаемыми въ русско-турецкихъ переговорахъ первой половины XVIII в.

Кромѣ польскихъ дѣлъ, въ которыя Турція была втянута не ради ея интересовъ, она и при другихъ политическихъ комбинаціяхъ, составлявшихся то Франціею, то Англіею, принималась въ расчетъ и, побуждаемая извнѣ, вступала въ эти комбинаціи, хотя онѣ къ ней не имѣли никакого отношенія. Въ 1740 г. въ Германіи возгорѣлась война за Австрійское наслѣдство. Она возникла изъ-за того, что Баварія, Саксонія, Пфальцъ и Кельнъ отказались признать обнародованную императоромъ Карломъ VI въ 1724 прагматическую санкцію, на основаніи которой наслѣдницею его объявлена дочь его Марія Терезія съ устраненіемъ потомства брата его Іосифа. 20 октября 1740 г. Карлъ VI умеръ.

Марія Терезія, въ силу прагматической санкціи, вступила па престолъ Габсбурговъ. Кардиналъ Флери, слѣдуя традиціонной политикѣ Франціи по отношенію къ Габсбургамъ, начало которой восходитъ къ первой половинѣ XVI ст., принялъ живое участіе въ этой войнѣ ставъ въ ряды противниковъ прагматической санкціи, между которыми кюрфюрстъ баварскій Карлъ Альбрехтъ, какъ внукъ Фердинанда I Австрійскаго, явился претендентомъ на австрійскій престолъ. Кардиналъ Флери нашелъ, что наступила благопріятная минута произвести секуляризацію могущественнаго политическаго конгломерата, который растянулся отъ Адріатическаго моря до Сѣвернаго, и въ поискахъ союзниковъ съ удовольствіемъ остановился на Турціи. Вильневу дано было знать изъ Парижа, чтобы онъ энергически побудилъ Порту двинуть войска въ Венгрію и указалъ при этомъ на возможность возвратить потерянное по Карловицкому миру, а замѣнившій Вильнева, Кастелянъ подалъ Портѣ проектъ тройственнаго союза между Франціею, Пруссіею и Турціею; въ перспективѣ представлялась заманчивая для Турціи картина обезсиленной Австріи, и въ руководящихъ кружкахъ Турціи вспыхнулъ военный задоръ, начались приготовленія, сопровождавшіяся усиленіемъ налоговъ и обычнымъ, при господствовавшей политической системѣ, казнокрадствомъ, тяжело отозвавшимися на экомическомъ бытѣ страны, и Турція, не успѣвшая вздохнуть отъ предшествовавшей войны, готова была начать новую, въ видахъ Франціи. Мало того, за нѣсколько лѣтъ до составленія тройственнаго союза, кардиналъ Флери ввелъ Турцію въ политическую комбинацію еще болѣе удивительную и которая состояла въ тѣсномъ союзѣ между Оттоманскою имперіею и Швеціею. Кардиналу Флери нужно было поддержать Швецію для того, чтобы чрезъ посредство этого сѣвернаго государства противодѣйствовать возраставшему вліянію русскому въ Польшѣ, существованіе которой въ свою очередь интересовало Францію, какъ восточный аванпостъ католицизма. Подкупленный Вильневомъ, Рейсъ Эфенди въ 1740 г. подписалъ этотъ странный союзъ, въ которомъ на долю падишаха правовѣрныхъ выпадала роль защитника святой католической церкви. Правда Шведамъ и Туркамъ не пришлось сражаться въ однихъ рядахъ, и благодаря временной побѣдѣ англійскаго вліянія, союзъ остался въ этомъ смыслѣ мертворожденнымъ, но мы указываемъ на него, какъ на образецъ того жалкаго служенія Оттоманской Порты чуждымъ цѣлямъ, въ ущербъ своимъ государственнымъ интересамъ, которое составляетъ характерную черту исторіи Турціи въ XVIII ст. Освободившись отъ тягостной для нея войны и подписавъ Ахенскій договоръ (18 октября 1748 г.), по которому, между прочимъ, утверждено за Фридрихомъ II сдѣланное имъ пріобрѣтеніе Силезіи, Франція не сочла уже нужнымъ поддерживать радужныя

надежды Оттоманской Порты на возвращеніе потерь Карловицкаго мира. Кауницу, чрезъ посредство всесильной любовницы Людовика XV Помпадуръ, удается даже сблизить свое правительство съ версальскимъ; между высокопоставленною камеліею и гордою повелительницею могущественной въ Европѣ монархіи завязалась интимная переписка, которая привела къ Версальскому договору 1756 г., удивившему весь тогдашній дипломатическій міръ и составлявшему апофеозу дипломатическаго искуства Кауница, этого достойнаго предшественника Меттерниха.

Порту чрезвычайно непріятно встревожилъ этотъ договоръ. Онъ наглядно указывалъ, на сколько своекорыстно французское правительство водило ее на арканѣ, пристегивая ее ко всевозможнымъ политическимъ комбинаціямъ, которыя оно отъ времени до времени изобрѣтало, чтобы выйдти изъ затруднительнаго положенія, или исполнить какую либо миссію, въ родѣ защиты католической Польши.

Казалось бы уже одинъ этотъ фактъ долженъ былъ раскрыть глаза Портѣ на истинный смыслъ отношеній къ Турціи европейскихъ правительствъ и побудить ее въ будущемъ руководиться исключительно государственными интересами своей страны. Но вышло иначе. Негодуя на «коварное» правительство Людовика XV, Порта, какъ бы потерявшая всякую устойчивость, ищетъ опоры, утѣшенія и дружбы въ Англіи, которая все это охотно предлагаетъ, тѣмъ болѣе, что оно ей ничего не стоитъ. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ Версальскаго договора въ Турціи преобладало англійское вліяніе, которое, между прочимъ, выражалось въ томъ, что подъ покровительствомъ Англіи въ сферу турецкой политики европейскихъ государствъ впервые теперь (1757 г.) вступаетъ Пруссія. Какъ извѣстно, въ 1756 г. началась такъ-называемая Семилѣтняя война, возникшая изъ за желанія Маріи Терезіи возвратить потерянную по Ахенскому договору (18 октября 1748 г.) Силезію. Кауницу удалось составить обширную коализію противъ Фридриха II изъ Австріи, Россіи, Франціи, Саксоніи и Швеціи. Между тѣмъ, Фридриха II поддерживала только Англія, помощь которой впрочемъ не могла принести ему существенной пользы, такъ какъ Семилѣтняя война была по преимуществу сухопутная. Въ такую критическую минуту Фридрихъ, при посредничествѣ англійскаго посла Портера, вступилъ въ переговоры съ Оттоманскою Портою для заключенія съ нею союза. Падишахъ, по состоявшемуся договору, долженъ былъ двинуть свою армію въ Венгрію, а Татаръ пустить на Россію. Королю прусскому очень важно было отвлечь главныя непріятельскія силы (Австріи и Россіи) къ югу и востоку. Англійскій посолъ сильно настаивалъ на вмѣшательство Турціи въ эту европейскую войну; но несмотря на воинственный задоръ новаго султана Мустафы III (1757—

1773), который по окончаніи обряда препоясаніи мечемъ Османа, сказалъ собравшимся войскамъ, что въ будущую весну онъ надѣется увидѣться съ ними подъ стѣнами Бендеръ, Обрѣзковъ (замѣнившій въ 1751 г. Неплюева), въ союзѣ на этотъ разъ съ французскимъ посломъ Верженемъ, успѣлъ разстроить воинственную гармонію въ правительственныхъ сферахъ и заручиться тамъ дружбою вліятельныхъ людей. Такимъ образомъ прусско-турецкій союзъ не привелъ къ тѣмъ результатамъ, которыхъ ожидалъ Фридрихъ II. Но для Пруссіи и Турціи онъ все таки имѣлъ тѣ общія послѣдствія, что подъ прикрытіемъ его заключенъ былъ первый между этими государствами торговый договоръ, который ввелъ новаго члена (прусское правительство) въ семью европейскихъ правительствъ, конкурирующихъ на Балканскомъ полуостровѣ изъ-за торговаго и политическаго вліянія, и еще болѣе долженъ былъ запутать узелъ европейскихъ интересовъ въ Турціи

Между тѣмъ какъ Порта все болѣе пріобрѣтала вкусъ вступаться въ политическія передѣлки Европы (хотя, къ крайнему ея прискорбію, по прекращеніи враждебныхъ столкновеній ни одно изъ европейскихъ государствъ не считаетъ нужнымъ приглашать ее участвовать при мирныхъ между собою переговорахъ)—въ самой Турціи съ каждымъ годомъ усиливалось броженіе въ средѣ христіанскихъ народовъ, поддерживаемое какъ внутренними причинами, такъ и внѣшними вліяніями, между которыми самымъ могущественнымъ могло считаться безъ сомнѣнія вліяніе русскаго правительства.

Вліянію этому въ періодъ 1740—1763 г. легко было утвердиться, такъ какъ западно-европейскія государства слишкомъ поглощены были войнами за Австрійское наслѣдство, силезскими, Семилѣтнею и живымъ участіемъ въ томъ мировомъ событіи, которое разрѣшилось позднѣе (1776) независимостью Сѣверо-Американскихъ Штатовъ,—чтобы тратить серьозную долю вниманія развивавшимся сношеніямъ Россіи съ какими то Молдаванами, Сербами, Черногорцами или полудикими обитателями Кавказа. Правда русскіе уполномоченные (Неплюевъ, а затѣмъ Обрѣзковъ) не перестаютъ жаловаться въ своихъ донесеніяхъ на коварныя инсинуаціи Француза или Англичанина по поводу опасныхъ послѣдствій сношенія русскаго правительства съ турецкими христіанами, но этими разоблаченіями только и могло ограничиться противодѣйствіе русскому вліянію, такъ какъ правительства ихъ дорожили каждымъ солдатомъ для болѣе близкихъ интересовъ и потому вмѣсто штыковъ могли лишь посылать падишаху платоническіе совѣты.

Молдаво-Валахія сдѣлалась однимъ изъ первыхъ разсадниковъ русскаго вліянія въ средѣ турецкихъ христіанъ. При всей неудачѣ военной, Прутскій походъ Петра I имѣлъ въ этомъ отношеніи весьма

важныя послѣдствія и съ тѣхъ поръ сношенія этихъ странъ съ Россіею уже не прерывались; съ тѣхъ поръ Молдаване, и даже болѣе отдаленные Влахи стали убѣгать въ русскія окраины, когда дома у себя становилось уже чрезвычайно трудно жить. Такое тяжкое для народа время наступило съ того момента, когда управленіе Молдавіею и Валахіею предано было въ руки выходцевъ изъ константинопольскаго греческаго предмѣстья (фанара). Послѣ обнаруженныхъ Портою сношеній валахскаго Бранкована и молдавскаго Кантеміра съ русскимъ правительствомъ, Порта, оставляя попрежнему за Молдаво-Валахіею автономію, назначила господарями обѣихъ этихъ странъ Грековъ изъ константинопольскаго фанара, Маврокордато—въ Валахію и Георгія Гику—въ Молдавію. Незавидно было положеніе народа и при прежнихъ господаряхъ, въ длинномъ спискѣ которыхъ часто встрѣчались личности, нисколько не уступавшіе въ хищничествѣ турецкимъ пашамъ, но систематическое угнетеніе народа началось лишь со времени фанаріотскаго управленія Молдаво-Валахіею. Отличаясь необыкновеннымъ коварствомъ и ловкостью, въ одно и то же время служа шпіонами Порты и агентами Россіи, эти низкіе люди пользовались обширнымъ вліяніемъ при дворѣ султана и въ правительственныхъ сферахъ, и потому не удивительно, что даже въ турецкой администраціи они успѣвали получать выгодныя должности откупщиковъ, сборщиковъ податей и т. п. Въ качествѣ правителей Молдавіи и Валахіи, люди фанара обезсмертили имя фанаріотовъ; оно сдѣлалось почти нарицательнымъ, обозначая все что встрѣчается дурнаго въ человѣческой природѣ. Не связанные ни національностью, ни языкомъ съ управляемою страною, они относились къ ней какъ арендаторы самые безсердечные и высокомѣрные, истощали народъ непомѣрными поборами, парализовали въ немъ надолго энергію къ культурному развитію и своею отчужденностью къ интересамъ страны, надменностью стали ненавистны массѣ народа и боярскому сословію [1]). Такъ какъ каждый новый господарь, при вступленіи своемъ въ управленіе, обязанъ былъ вносить султану извѣстную сумму и кромѣ того подарки вліятельнымъ сановникомъ Порты, то и султанъ и его правительство нашли выгоднымъ чаще смѣнять господарей, и случалось, что въ теченіе года чередовалось и нѣсколько господарей. Тягостнѣе всего эти быстрыя смѣны отражались на экономическомъ положеніи народа, такъ какъ вносимую турецкимъ сановникамъ и султану сумму господари сторицею извлекали изъ народа. Если къ этому присоединить многочисленный штатъ нищихъ матеріальными средствами, но предпріимчивыхъ духомъ соотечественныхъ кліентовъ, сопровождав-

---

[1]) Палаузовъ, Исторія Молдаво-Валахіи.

шихъ каждаго новаго господаря - фанаріота и успѣвавшихъ захватывать въ свои руки лучшія должности или профессіи, въ смыслѣ обиранія народа,—то легко представить гнетъ, которому народъ подпалъ со времени фанаріотскаго владычества. Это былъ гнетъ не только матеріальный, но и нравственный, такъ какъ самый жалкій фанаріотъ не скрывалъ высокомѣрія, съ которымъ онъ относился къ туземцамъ и гдѣ могъ—съ презрѣніемъ третировалъ «этихъ пастуховъ». Низшіе и высшіе классы народа съ одинаковою ненавистью относились къ этимъ выходцамъ изъ греческаго квартала Стамбула и не находя противъ нихъ защиты у падишаха, еще болѣе сблизились съ единовѣрною Россіею и оказали ей при послѣдующихъ ея столкновеніяхъ съ Турціею немалую услугу.

Можно сказать, что сношенія Русскихъ съ христіанскими народами Турціи оживились со вступленіемъ въ Россіи на престолъ Елисаветы Петровны и подъ громомъ оружія, раздававшимся во всѣхъ концахъ западной Европы, захватывали въ свой кругъ отдѣльные народы Балканскаго полуострова и разрозненныя племена Кавказскаго перешейка, хотя приэтомъ не *національность*, а *православіе* служило знаменемъ, къ которому привывались христіанскіе народы Турціи.

Толчкомъ къ сношеніямъ съ западными сосѣдями Молдаво-Валахіи, *Сербами* послужило не столько преслѣдованіе ихъ Турками, сколько католическая пропаганда въ средѣ австрійскихъ Сербовъ правительствомъ ревнивой дочери апостолической церкви Маріи Терезіи.

Въ Петербургѣ стали получаться отъ русскаго посланника при вѣнскомъ дворѣ жалобы австрійскихъ Сербовъ «на утѣсненія отъ римско-католическаго духовенства», на лишеніе ихъ тѣхъ льготъ, которыя дарованы были императоромъ Леопольдомъ Сербамъ, переселившимся въ Австрію съ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ. Въ отвѣтъ на эти жалобы, русское правительство «наиприлежнѣйше просило австрійскаго посла гр. Беренса исходатайствовать у своего двора свободное отправленіе вѣры трансильванскимъ жителямъ по древнимъ ихъ привиллегіямъ, такъ какъ россійская императрица, вслѣдствіе единовѣрія съ упомянутыми трансильванскими жителями, не можетъ не употребить всѣхъ способовъ, какихъ можетъ надѣяться отъ дружбы и правосудія императрицы (Маріи Терезіи) римской и не заступиться за безвинно утѣсняемыхъ людей». При всей дружественной формѣ этой просьбы, она едва не вызвала серьозныхъ недоразумѣній между кабинетами вѣнскимъ и петербургскимъ, послѣ того, какъ обнаружилось, что между Сербами появились агенты, зазывавшіе ихъ въ Россію. Правда, тамъ на первыхъ порахъ изъявили согласіе на переселеніе въ Россію только нѣсколько сотъ Сер-

бовъ съ полковникомъ Иваномъ Хорватомъ во главѣ, но когда оказалось, что мысль о переселеніи въ Россію постепенно пріобрѣтала все бóльшую популярность, австрійское правительство, видя въ этомъ тревожное для Австріи движеніе національности, остановило дальнѣйшее переселеніе массами, и когда въ 1752 г. явились депутаты отъ 2228 фамилій съ просьбою выдать имъ паспорты въ Россію, правительство Маріи Терезіи рѣшительно этому воспротивилось и вмѣстѣ съ тѣмъ воспретило дальнѣйшій наборъ Сербовъ въ австрійскихъ областяхъ.

Что касается переселившихся Сербовъ, то указомъ отъ 29 января 1752 г. велѣно селить ихъ и впредь имѣющихъ приходить Сербовъ и другихъ народовъ въ заднѣпровскихъ мѣстахъ, именно: начавъ отъ устья р. Каварлыки прямою линіею до верховья рѣки Тура, съ верховья рѣки Тура на устье Каменки, отъ устья Каменки на верховье Березовки, отъ верховья Березовки по вершинѣ рѣки Амельника и по ней внизъ до самаго устья въ Днѣпръ, уступя отъ польской границы на 20 верстъ [1]). Поселеніямъ присвоивался военный характеръ съ раздѣленіемъ ихъ на полки и наименованіемъ занятой ими земли «Новою Сербіею». Поселенцы получали земельные участки и деньги на первоначальное обзаведеніе, за то должны содержать на свой счетъ духовенство и школы; вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же рѣшено было построить на верховьяхъ рѣки Ингула крѣпость, назвавъ ее крѣпостью св. Елисаветы. Здѣсь, въ этой «Новой Сербіи» заложена была при верховьѣ рѣки Ингула, близь устья впадающей въ нее рѣки Туры, крѣпость св. Елисаветы. Хотя эта крѣпость отстояла на 30 часовъ пути отъ турецкой границы, Портѣ было указано французскимъ посломъ на важныя послѣдствія заселенія страны и въ особенности на построеніе крѣпости,— въ томъ смыслѣ, что «Новая Сербія», врѣзавшаяся клиномъ между Турціею и Крымомъ, на случай русско-турецкой войны,—могла изолировать крымскихъ Татаръ. Длинные переговоры, возникли между Портою и петербургскимъ правительствомъ объ этой крѣпости и готовы были принять характеръ опасный, благодаря внушеніямъ французскаго посла Верженя. Петербургское правительство не желало разрыва съ Турціею и потому уступило въ части требованія ея, или лучше сказать, Верженя, т. е. пріостановило постройку крѣпости, но устройство «Новой Сербіи», т. е. заселеніе пустынной страны продолжалось.

Какъ мы видѣли, переселеніе Сербовъ массами не состоялось, и самые переговоры съ австрійскимъ правительствомъ о дозволеніи имъ переселяться были прекращены; между тѣмъ надо было заселить страну, чтобы оградить ее отъ нападенія Татаръ. Правда, что кромѣ первона-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XXI.

чально поселившихся съ полковникомъ Хорватомъ Сербовъ, стали переходить въ русское подданство и селиться въ Новой Сербіи Болгары, Влахи и Греки, но все это происходило отрывочно, случайно или въ незначительномъ числѣ; при такихъ условіяхъ нельзя было и расчитывать на скорое заселеніе Новой Сербіи. Русское правительство, думая, что Порта не будетъ противъ дозволенія своимъ христіанскимъ подданнымъ переходить въ подданство Россіи, писало въ октябрѣ 1752 г. Обрѣзкову: «освѣдомиться у надежныхъ людей какимъ бы способомъ могло быть исходатайствовано у Порты увольненіе христіанъ, которые пожелали бы перейти въ Россію». Обрѣзковъ отвѣчалъ, что Порта на это безъ сомнѣнія не согласится, «такъ какъ выпускъ народа изъ государства дѣлается обыкновенно по двумъ причинамъ, или когда государство переполнено жителями, такъ что земля прокормить не можетъ, или въ случаѣ появленія какой-нибудь ереси, когда выпускомъ или изгнаніемъ еретиковъ хотятъ предупредить опасность для вѣры», между тѣмъ въ Турціи области пустынны, въ особенности въ Валахіи и Молдавіи; въ первой, исключая Бухареста, только около 40,000, а во второй, исключая Яссъ, только до 25,000 душъ считается». Поэтому Обрѣзковъ былъ того мнѣнія, чтобы желающіе поселиться выходили въ небольшомъ количествѣ, безъ огласки, и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ вызвать бѣжавшихъ изъ Россіи раскольниковъ, которыми наполнены многія превеликія деревни на польской границѣ и ниже по Днѣстру.

Движеніе австрійскихъ Сербовъ нашло отголосокъ въ ихъ задунайскихъ соплеменникахъ, и въ то время, когда французскій посолъ вводилъ Порту въ кругъ запутанныхъ отношеній европейскихъ государствъ и довелъ ее до того, что она вдругъ горячо стала интересоваться, кто будетъ избранъ польскимъ королемъ послѣ смерти Августа III, Россія исподоволь съ каждымъ годомъ пріобрѣтала себѣ союзниковъ въ самой Турціи и русскій посолъ Обрѣзковъ сталъ дѣятельнымъ посредникомъ въ отношеніяхъ между Россіею и турецкими христіанами. Въ особенности оживились сношенія съ Черногорцами, которые первые отозвались во время Прутскаго похода на призывъ Петра I и подняли оружіе противъ Турокъ. Возстаніе было подавлено тѣмъ съ большею жестокостью что видѣли въ немъ явленіе не отрывочное, а имѣвшее тѣсную связь съ Прутскимъ походомъ; въ возстаніи видѣли проявленіе общей идеи борьбы противъ турецкаго владычества. Въ видѣ вознагражденія Черногорцевъ за ихъ храбрость и тягостныя для нихъ послѣдствія возстанія, Петръ, кромѣ единовременной отсылки митрополиту черногорскому 10 т. р. дозволилъ ему дважды въ годъ посылать въ Россію за полученіемъ денежнаго пособія. Въ слѣдующую войну 1735—1739 г. Черногорцы опять схватились за оружіе, въ надеждѣ, что русскія войска перейдутъ

Дунай. Но надежда не осуществилась и возстаніе вновь было подавлено. Какъ однакоже ни желала Порта обратить эту безпокойную «Черную Гору» въ одинъ изъ пашалыковъ, она, занятая судьбою Польши и Швеціи, этого у себя такъ и не добилась, но Черной Горѣ тѣмъ не менѣе много принесла вреда разореніемъ и безъ того небогатой страны.

Русское правительство принимало живое участіе въ Черногорцахъ, но въ сношеніяхъ съ ними должно было соблюдать осторожность, чтобы не возбудить подозрительности Порты. Такъ въ 1755 году, въ отвѣтъ на заявленіе Черногорцевъ о готовности ихъ поступить въ русское подданство, государыня велѣла объявить митрополиту Василію Петровичу и прочимъ Черногорцамъ, что «усердіе ихъ народа къ Русской имперіи и желаніе поступить въ русское подданство заслуживаетъ оному всегдашнее благоволеніе и милость государыни, но какъ теперь всякая формалитика могла бы быть огласкою и весьма бѣдственною, по великой близости окружающихъ ихъ непріятелей и отдаленности Русской имперіи, то дѣло это оставляется до будущихъ временъ». А пока, русское правительство посылало денежныя пособія митрополиту и прочимъ Черногорцамъ; митрополитъ просилъ назначенія въ Черногорію русскаго агента для защиты ихъ противъ Турокъ, но въ Россіи нашли эту мѣру опасною, тѣмъ болѣе послѣ того, когда Обрѣзкову, близкій ему человѣкъ, переводчикъ при Портѣ, отсовѣтовалъ затѣвать это дѣло, такъ какъ султанъ, хотя и вопреки очевидной дѣйствительности, продолжаетъ считать Черную Гору турецкою провинціею и не потерпитъ чужаго вмѣшательства въ дѣла его имперіи. Это однакоже не мѣшало Обрѣзкову, косвенно, чрезъ близкихъ ему людей, оказывать Черногорцамъ услуги во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имъ угрожала опасность со стороны Турокъ. онъ ихъ или предупреждалъ о готовящемся нападеніи на Черную Гору. или, воздерживаясь отъ всякой офиціальности, ходатайствовалъ за нихъ предъ Портой чрезъ ближнихъ людей. Такимъ образомъ скрѣплялась связь между русскимъ правительствомъ и этимъ храбрымъ народомъ.

Неменѣе поддерживались сношенія и съ *Греками*, которые тѣмъ охотнѣе популяризировали на Балканскомъ полуостровѣ освободительную миссію Россіи, что въ побѣдѣ христіанъ Греки видѣли осуществленіе своей *мегала идеа*, т. е. возрожденіе Греческой имперіи съ главенствомъ Грековъ надъ всѣми христіанскими народами Балканскаго полуострова.

Русское правительство въ сношеніяхъ своихъ съ народами Европейской Турціи не затрогивало вопроса *о національностяхъ*; оно знало только христіанъ, и притомъ православныхъ, *относясь къ Молдавіи. Валахіи, Сербіи, Черногоріи, Греціи, какъ къ географически* *терминамъ*, а потому Греки, какъ православнѣйшіе, старѣйшіе пред

ставители христіанъ турецкихъ, ласкали себя надеждою получить львиную долю при разгромѣ Турціи. Не прерывались и сношенія русскаго правительства *съ христіанскими народами Кавказскаго перешейка*, въ особенности *Грузіи*, *Мингреліи*, *Имеретіи*; при столкновеніяхъ ихъ съ мусульманами, христіане, не находя защиты передъ Оттоманскою Портою, естественно должны были искать этой защиты у правительства ближайшаго христіанскаго государства, т. е. Россіи. При всей отдаленности страны, сношеніямъ этимъ за то благопріятствовала весьма слабая, почти номинальная власть султана надъ народами Кавказа и, стало быть, крайняя затруднительность противодѣйствовать утвержденію здѣсь русскаго вліянія.

Такимъ образомъ исподоволь русское правительство приготовило себѣ многочисленныхъ союзниковъ противъ Турціи въ предѣлахъ самой Турціи, и «запазушными врагами» ея оказались уже не одни Греки, но и другіе христіанскіе народы Балканскаго полуострова и Кавказа.

Что же дѣлала Порта, когда за спиною ея зрѣла идея борьбы противъ турецкаго владычества?

У себя дома она дѣлала все, что должно было облегчить развитіе и распространеніе неудовольствія подданныхъ падишаха: отражая вліяніе Россіи, она усилила преслѣдованіе тѣхъ, въ покровительствѣ которымъ заподозривалось русское правительство и стало быть еще болѣе скрѣпляла связь ихъ съ послѣднимъ. Но главнымъ образомъ она занималась европейскою политикою и въ этомъ отношеніи добросовѣстно шла на арканѣ Англіи, или Франціи, этихъ чередовавшихся руководительницъ ея par excellence. Идя на этомъ арканѣ, Порта вступила въ сферу польскихъ интересовъ и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго назначенія, приняла подъ свое покровительство польское дѣло, и при томъ въ остромъ періодѣ его развитія.

Какъ возникло это дѣло—извѣстно. Республиканская Польша съ демократическимъ liberum veto, прикрывавшимъ аристократическую олигархію, врѣзалась рѣзкимъ диссонансомъ между тремя неограниченными монархіями, и представители всѣхъ этихъ трехъ монархій увидѣли, что проводимой ими политической системѣ грозитъ страшная опасность; они увидѣли, что созидаемое ими съ такимъ искуствомъ и неутомимымъ трудомъ зданіе не можетъ считаться прочнымъ и долговѣчнымъ до тѣхъ поръ, пока республиканская Польша будетъ съ нимъ стоять бокъ-о-бокъ, и съ того момента, когда они ясно сознали невозможность такого сосѣдства—участь Польши могла считаться предрѣшенною. Кто изъ представителей трехъ монархій подалъ первый мысль объ устраненіи опаснаго сосѣдства,—до сихъ поръ еще спорный вопросъ, но впрочемъ, неимѣющій общаго интереса, и при томъ то обстоятельство, что

мысль эту первый подалъ Фридрихъ II, или Екатерина II, или Марія Терезія могло зависѣть отъ случайности, а потому тѣмъ менѣе оно имѣетъ значенія.

Таково происхожденіе русско-нѣмецкой политики по отношенію къ Польшѣ; такова существенная причина полнаго единодушія представителей трехъ монархій,—что касается ихъ отношеній къ республиканской Польшѣ.

Въ виду указанной причины,—всѣ другія событія въ исторіи этихъ отношеній представляются лишь отрывочными эпизодами, какъ напр., преслѣдованіе дессидентовъ, нарушеніе границъ и пр. Насколько вопросъ религіозный не игралъ здѣсь существенной роли, достаточно ясно уже видно изъ того, что ревнивая дочь апостолической церкви, Марія Терезія, въ славянскихъ земляхъ которой іезуиты такъ усердно преслѣдовали православныхъ Сербовъ, которой, поэтому, при видѣ католической нетерпимости въ Польшѣ, оставалось только радоваться торжеству католицизма въ этой странѣ и всѣми силами поддерживать католическую республику противъ протестантской Пруссіи и православной Россіи,—Марія Терезія, оставляя свои религіозныя симпатіи, вступаетъ твердо въ сферу русско-прусской политики по отношенію къ Польшѣ. и затѣмъ участвуетъ въ первомъ раздѣлѣ (1772 г.) этой страны. Въ польскомъ дѣлѣ три монархіи руководствовались тѣми же побужденіями. которыя, позднѣе, въ послѣднее десятилѣтіе XVIII ст. подняли всю монархическую Европу противъ революціонной Франціи; союзъ трехъ монархій противъ Польши и европейская коалиція противъ Франціи представляются, поэтому, вполнѣ однородными явленіями и вытекающими изъ одного источника. Никакіе религіозные вопросы здѣсь не играли *существенной* роли, даже территоріальныя пріобрѣтенія служили лишь *средствомъ* для достиженія конечной цѣли, правда, средствомъ чрезвычайно острымъ, но за то прямымъ и во всякомъ случаѣ не столь головоломнымъ, какъ радикальное преобразованіе политической системы въ странѣ независимой, какою была Польская республика.

Въ этомъ заключается вся исторія паденія Польши.—Франція желала спасти Польшу, но достигнуть этого военною помощію было немыслимо: половина европейскаго континента отдѣляла ее отъ Польши. не говоря уже о томъ, что она угрожаема была съ тыла Англіею, которая, кромѣ соперничества въ торговлѣ съ Левантомъ, не могла забыть участія ея въ борьбѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ за независимость. Для этого Франція вводитъ Оттоманскую Порту въ кругъ польскихъ интересовъ. Указывая падишаху на принятое русскимъ правительствомъ въ договорахъ съ Портою обязательство не вмѣшиваться въ польскія дѣла, послѣдовательно смѣнявшіеся французскіе уполномочен-

ные, неусыпно слѣдя за событіями на берегахъ Вислы, сообщали Портѣ о всякомъ движеніи русскихъ войскъ въ направленіи къ польскимъ границамъ и неустанно побуждали ее вступиться за Польшу противъ русскаго посягательства на независимость. Падишахъ принялъ близко къ сердцу польское дѣло и со вступленіемъ на русскій престолъ Екатерины II, которая *еще ближе приняла къ сердцу это же дѣло*,— между Россіею и Турціею сразу же отношенія становятся напряженными. 5 ноября 1763 года умеръ король польскій Августъ III; наступленіе этого событія хотя и «ожидалось со дня на день», но тѣмъ не менѣе извѣстіе о смерти короля произвело сильное впечатлѣніе на двухъ ближайшихъ сосѣдей. Екатерина II, по собственному выраженію ея, «привскочила со стула», узнавъ о смерти Августа III, а у Фридриха II выпало письмо изъ рукъ. И неудивительно: польскій вопросъ вступалъ въ острый періодъ развитія; въ самой Польшѣ началась страшная борьба партій по поводу выбора новаго короля. Французскій министръ Шуазель поддерживалъ ту партію, которая желала выбрать Христіана Фридриха, сына покойнаго короля; вмѣстѣ съ тѣмъ Шуазель предложилъ этой партіи ввести новую конституцію съ наслѣдственнымъ королемъ и отвѣтственными министрами, такъ какъ пресловутая liberum veto составляло лишь постоянную причину внутреннихъ смутъ, которыя легко могли сдѣлать республику добычею сильныхъ сосѣдей. Между тѣмъ какъ Екатерина II и Фридрихъ II, по состоявшемуся между ними 8 апрѣля 1764 г. соглашенію, рѣшили не допускать не только наслѣдственной короны въ Польшѣ, но и ни малѣйшихъ перемѣнъ основныхъ началъ республиканскаго устройства Польши, а королемъ предложили— Станислава Понятовскаго, двинувъ къ границамъ Польши войска... Къ этому соглашенію присоединилась и Марія Терезія. Узнавъ о происходившихъ въ Польшѣ событіяхъ, Порта потребовала отъ Обрѣзкова отзывъ, правда ли, что русское правительство намѣрено силою принудить Поляковъ выбрать себѣ въ короли графа Понятовскаго. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что этому извѣстію нельзя придавать никакой вѣры. Но вскорѣ Порта получила отъ французскаго посла, крымскаго хана и гетмана Браницкаго новыя извѣстія о томъ, что Польша окружена со всѣхъ сторонъ русскими войсками, а внутри ея содержатся значительные магазины, подъ прикрытіемъ сильныхъ отрядовъ войска, что русская императрица не допуститъ избранія въ короли никого другаго, кромѣ Понятовскаго — ненавистнаго всей Польшѣ. Французскій уполномоченный истолковалъ вмѣшательство русскаго правительства въ избраніе короля— прямымъ нарушеніемъ предшествовавшихъ трактатовъ, и султанъ (Мустафа III) пришелъ въ сильное негодованіе, вспомнивъ недавнія увѣренія Обрѣзкова. Послѣдній получилъ отзывъ, въ которомъ поведеніе

Россіи относительно Порты называлось «непристойнымъ и безчестнымъ», а самъ Обрѣзковъ—лжецомъ и обманщикомъ.

Между тѣмъ (6 сентября 1764 г.) избраніе Понятовскаго совершилось. Въ Портѣ оно было принято, какъ насильственное и поддержанное русскими войсками, а потому рѣшено было употребить всѣ мѣры для низложенія Понятовскаго. Подкупами и увѣреніями, что русская императрица поддержала Понятовскаго, какъ кандидата самаго достойнаго и желаннаго большинствомъ Польской націи, что введя войска въ Польшу императрица желала только охранить свободу и спокойствіе Польской республики, Обрѣзкову удалось отдалить разрывъ. Впрочемъ, въ Стамбулѣ готовились къ войнѣ; давленіе на падишаха извнѣ, въ смыслѣ рѣшительнаго вмѣшательства, было слишкомъ велико, чтобы можно было удержаться па пути мирнаго разрѣшенія столкновенія. Пока Порта собиралась къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, въ Польшѣ борьба партій дошла до открытыхъ схватокъ, образовались конфедераціи королевско-русской партіи и національной, стоявшей противъ выбора Станислава Понятовскаго. Послѣдняя, собравшаяся въ городѣ Барѣ, опиралась на поддержку Порты, которая выжидала на чьей сторонѣ останется побѣда. Побѣда оказалась на сторонѣ русской партіи, какъ поддержанной русскими войсками. Двѣнадцати-тысячный русскій отрядъ бросился на конфедератовъ, бывшихъ подъ командою Красинскаго, Пулавскаго и Потоцкаго. Вытѣснивъ ихъ изъ городовъ Бердичева и Бара, одинъ изъ русскихъ отрядовъ въ погонѣ, за бѣжавшими, переступилъ турецкую границу и сжегъ турецкій городъ Балту. Теперь воинственная, т. е французская партія, въ Стамбулѣ одержала верхъ и въ торжественномъ собраніи Дивана 4 октября 1768 г. объявлена Россіи война. Въ началѣ 1769 года турецкая армія подъ командою великаго визиря Магомета-Эмина перешла Дунай, знаменуя свое шествіе опустошеніями и варварскимъ безчинствомъ. Это была армія деморализованная, состоявшая изъ разнаго сбора, немного выше которой стояли янычары, давно отвыкшіе отъ дисциплины и проявлявшіе наибольшую отвагу при грабежахъ. Первый же годъ кампаніи ознаменовался пораженіемъ Турокъ при Хотинѣ, который вслѣдъ за тѣмъ сдался Русскимъ. Оставивъ сильный гарнизонъ въ этой крѣпости, Румянцевъ, который замѣнилъ князя Голицына, двинулся въ Молдавію и занялъ Яссы. Здѣсь онъ встрѣтилъ радушный пріемъ; кромѣ того Молдаване и даже отдаленные Валахи, узнавъ о переходѣ Русскихъ чрезъ Прутъ, добровольно присоединялись къ русской арміи. Въ слѣдующемъ 1770 г. Молдованджи-Али, который принялъ главную команду надъ турецкими войсками, стянулъ главныя силы къ Кагулу. Здѣсь Румянцевъ настигъ его и разсѣялъ численно превосходившую турецкую

армію. Вслѣдъ за Кагульскою побѣдою, Румянцевъ занялъ Бендеры, Аккерманъ, Измаилъ и сталъ полновластнымъ хозяиномъ Бессарабіи и Молдавіи.

Между тѣмъ, какъ дунайская армія Румянцева заняла обѣ эти страны, изъ Балтійскаго моря съ большимъ торжествомъ выступилъ русскій флотъ подъ главнымъ начальствомъ Алексѣя Орлова, имѣвшій, какъ объяснила Екатерина II, цѣлью освобожденіе турецкихъ христіанъ. Французскій посолъ въ Константинополѣ предупредить Порту о выступленіи русскаго флота на тотъ конецъ, чтобы она приготовилась встрѣтить непріятеля, но указаніе посла вызвало самое искреннее удивленіе въ великомъ визирѣ. «Скажи, ради Аллаха, какимъ образомъ можетъ прибыть флотъ въ Константинополь изъ Петербурга?»... Французскій посолъ вынужденъ былъ обратиться къ картѣ Европы и преподать урокъ географіи, послѣ котораго Турокъ согласился, что появленіе флота изъ Петербурга въ Константинополѣ дѣйствительно возможно.

Приставъ къ берегамъ Мореи, Орловъ высадилъ небольшой десантъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ батальоновъ пѣхоты; кое-гдѣ въ средѣ Грековъ вспыхнуло возстаніе, но вскорѣ оно было потоплено въ потокахъ крови возставшихъ. Русскіе батальоны, не проникая въ страну, не могли поддержать инсургентовъ, въ неравной схваткѣ ихъ съ янычарами. Счастливѣе былъ результатъ морскаго дѣла. При Хіосѣ Спиридовъ, дѣйствительный командиръ флота, разбилъ турецкій флотъ и загналъ его въ Чесменскую гавань, гдѣ, за исключеніемъ 6 судовъ, онъ былъ весь сожженъ. Хотя англійскій адмиралъ Эльфинстонъ, командовавшій одною изъ эскадръ, и совѣтовалъ Орлову двинуться къ Константинополю, который можно было застать въ-расплохъ, неукрѣпленнымъ, но любимецъ Екатерины II, считая сожженіе турецкаго флота достаточно громкою для себя славою, предпочелъ оставить воды Эгейскаго моря, тѣмъ болѣе, что до него дошелъ слухъ, что при содѣйствіи Французовъ Константинополь сильно укрѣпляется [1]).

Матеріальныя послѣдствія этой морской кампаніи оказались такимъ образомъ вообще незначительны, такъ какъ построеніе флота того времени далеко не требовало такихъ громадныхъ суммъ и продолжительности; но нельзя отвергать послѣдствій нравственныхъ. До сихъ поръ турецкіе христіане только по наслышкѣ имѣли понятіе о могущественной сѣверной державѣ, къ которой обращены были ихъ надежды, а теперь они могли убѣдиться во-очію въ реальности этой внѣшней опоры ихъ надеждъ. Правда, что Турки жестоко отомстили Грекамъ за

---

[1]) Russel, Russian wars with Turkey, изд. 1877; Lavallée, Histoire de la Turquie т. II.

выраженіе ими сочувствія къ своимъ сѣвернымъ единовѣрцамъ и наибольшей мести подверглись города: Патра, Триполица, Мегалополь, Лаконія, Мессенія,—которые, вслѣдъ за уходомъ русскаго флота, страшно пострадали отъ разоренія и насилія янычаръ; но за то къ этому времени относится зародышъ политическаго движенія (гетерія), которое привело Грековъ къ свободѣ далеко раньше, чѣмъ другіе народы Турціи.

Вѣсть о гибели турецкаго флота произвела сильное впечатлѣніе въ Стамбулѣ, и не смотря на воинственныя внушенія французскаго посла, самъ султанъ Мустафа III желалъ мира, прося посредничества Австріи. Но Австрія предложила такія условія,—напр. присоединеніе къ ней Малой Валахіи,—что посредничество не состоялось: такимъ образомъ,—въ переговорахъ съ нею, а также съ Франціею и Англіею,—прошелъ 1770 г. Слѣдующій 1771 г. ознаменовался съ русской стороны побѣдоносною Крымскою кампаніею. Князь Долгоруковъ, главнокомандующій Крымскою арміею, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ взялъ Перекопъ, Тамань, Ѳеодосію, Керчь-Эниколе и провозгласилъ Крымъ независимымъ отъ султана, поставивъ ханомъ Ширинъ-Бея, который призналъ надъ собою покровительство Россіи. Этимъ актомъ, столь аналогичнымъ съ возведеніемъ на польскій престолъ Понятовскаго, подготовлено было паденіе Крыма. Съ этого времени внутренніе раздоры тамъ усиливаются, при чемъ съ каждымъ годомъ такъ называемая русская партія пріобрѣтаетъ перевѣсъ.

Въ концѣ года Турки имѣли нѣкоторый успѣхъ, взяли Журжево, но вскорѣ были вытѣснены и загнаны въ Добруджу. Султанъ, обезпокоиваемый возстаніемъ Дагера-Паши въ Сиріи и Али-Бея въ Египтѣ, хотѣлъ прекратить войну; русская императрица пожелала покончить дѣла на югѣ, такъ какъ въ это время готовился первый раздѣлъ Польши; событія на сѣверо-западѣ могли усложниться и потребовать сильнаго сосредоточенія тамъ войскъ. При такомъ настроеніи обѣихъ сторонъ, въ началѣ 1772 г. въ Фокшанахъ открылись переговоры, а между тѣмъ заключено было перемиріе. Предложенныя Портѣ условія казались ей тягостными, да при томъ же французскій уполномоченный совѣтовалъ не принимать русскихъ условій. Въ Парижѣ вспомнили о Версальскомъ договорѣ 1756 г., по которому заключенъ былъ союзъ между Франціею и Австріею, и теперь думали воспользоваться имъ въ смыслѣ дружественнаго въ пользу Турціи посредничества Маріи Терезіи; но тамъ упустили изъ вида, что въ это время между нею, Фридрихомъ II и русскою императрицею происходилъ заключительный обмѣнъ соображеній о раздѣлѣ Польши, выгодами котораго Марія Терезія была гораздо болѣе заинтересована, чѣмъ неприкосновенностью Оттоманской имперіи.

Какъ извѣстно, въ 1772 г. раздѣлъ состоялся и въ изданномъ 18 сентября актѣ мотивированъ желаніемъ трехъ монархій сохранить свободу и права Польскаго народа. Теперь стало возможнымъ энергически возобновить военныя дѣйствія на югѣ. Дѣйствительно, въ іюнѣ 1773 года, русскія войска, подъ командою Румянцова, перешли Дунай у Браилова и разбивъ Турокъ, двинулись къ Силистріи для осады этой крѣпости. Приближеніе сильнаго турецкаго отряда заставило снять осаду и отступить на лѣвый берегъ Дуная. Въ октябрѣ Русскіе вновь перешли Дунай, при чемъ одна колонна пошла на Силистрію, а другая на Варну, но отъ обѣихъ этихъ крѣпостей были отбиты, благодаря впрочемъ численному превосходству турецкой кавалеріи, искуству турецкаго главнокомандующаго Гасана-паши и французскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ этой кампаніи [1]).

Въ виду такихъ военныхъ неудачъ за Дунаемъ, быстраго распространенія Пугачевскаго бунта въ Россіи и волненій въ Польшѣ, гдѣ организовались вновь сильныя конфедераціи для защиты независимости страны, Портѣ представлялось теперь самое удобное время выговорить себѣ миръ на выгодныхъ условіяхъ. Но крымскіе мурзы, послѣ того, какъ Крымъ былъ занятъ Русскими, молили султана продолжать войну, пока Русскіе не очистятъ Крыма; съ другой стороны Шуазель расчитывалъ задержаніемъ русской арміи на Дунаѣ облегчить развитіе польскихъ конфедерацій, и тоже посылалъ падишаху совѣты въ воинственномъ духѣ. Такимъ образомъ лучшій моментъ для заключенія мира былъ упущенъ. Въ началѣ 1774 г., получивъ подкрѣпленіе, Русскіе вновь перешли Дунай, который Турки во всѣхъ войнахъ вообще слабо защищали, по невозможности укрѣпить длинную оборонительную линію. Главныя силы турецкія, подъ начальствомъ великаго визиря, укрѣпились лагеремъ неподалеку отъ Шумлы, готовясь идти на встрѣчу Русскимъ; но прежде чѣмъ окончены были приготовленія, неожиданно явились русскія войска подъ начальствомъ Суворова и Каменскаго, Искуснымъ маневромъ отрѣзавъ армію великаго визяря отъ Шумлы, гдѣ хранились продовольственные и военные запасы, Русскіе взяли приступомъ укрѣпленный турецкій лагерь, 16 іюня 1774 г., и вызвали въ янычарахъ такую панику, что никакія усилія великаго визиря не могли остановить быстраго бѣгства этаго когда то храбраго войска. Пораженіе главной турецкой арміи и паденіе Шумлы открывало дорогу къ Босфору; въ русской главной квартирѣ и въ Петербургѣ мысль о движеніи на Константинополь быстро пріобрѣла популярность; но столь же быстро на этотъ разъ была покинута, вслѣд-

---

[1]) Russel, Russian wars; Poujoulat, Hist. de Constantinople, т. II.

ствіе дружественнаго посредничества Маріи Терезіи и Фридриха II; распространявшіяся съ каждымъ днемъ въ русской арміи болѣзни также не мало повліяли на ускореніе мирныхъ переговоровъ Въ деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи, не далеко отъ Силистріи, на берегу рѣчки, впадающей въ Дунай, подписанъ былъ 10 іюля 1774 г. мирный договоръ, который впервые санкціонировалъ вліяніе русскаго правительства на Балканскомъ полуостровѣ и подготовилъ присоединеніе къ Россіи Крыма и Кавказскаго перешейка. По этому договору [1]): 1) всѣ Татарскіе народы на Черноморскомъ побережьи (Крымскіе, Кубанскіе, Буджакскіе и др.) признаются вольными и независимыми отъ всякой посторонней власти, оставаясь подъ самодержавною властію ихъ собственнаго хана Чингизскаго поколѣнія, который избирается всѣмъ татарскимъ обществомъ; 2) Кинбурнъ, Керчь, Ениколе, Азовъ оставляются въ вѣчное владѣніе Россіи; 3) такъ какъ обѣ Кабарды, Большая и Малая, имѣютъ большую связь съ крымскими ханами, то отъ хана зависитъ уступить двѣ названныя страны — Россіи; 4) находящіяся въ части Грузіи и Мингреліи крѣпости Багдадчикъ, Кутаисъ и Шегербанъ, занятыя русскими войсками, будутъ признаны Россіею за тѣмъ, кому онѣ издревле принадлежали, такъ что если они были издревле подъ владѣніемъ Порты, то будутъ признаны ей принадлежащими; при этомъ Порта обязывается не преслѣдовать христіанъ а сохранять ихъ вѣру и навсегда отказывается брать дань отроками и отроковицами; 5) Молдаво-Влахамъ дается полная амнистія и Порта обязывается отнынѣ не стѣснять свободу христіанскаго исповѣданія, возвращаетъ отнятыя у монастырей и частныхъ лицъ земли, и слагаетъ со счета всѣ недоимки прежнихъ лѣтъ; для сношенія съ туземнымъ правительствомъ князья Молдавіи и Валахіи имѣютъ право держать двухъ повѣренныхъ изъ христіанъ при Оттоманской Портѣ; 6) такая же амнистія дается христіанскимъ и другимъ странамъ, принимавшимъ участіе въ настоящей войнѣ, со стороны Русскихъ; Порта и въ отношеніи къ тѣмъ христіанамъ должна соблюдать вѣротерпимость; 7) русскимъ судамъ дозволяется свободное плаваніе въ турецкихъ водахъ, на такихъ же правахъ, какъ французскимъ и англійскимъ; 8) для защиты русской торговли въ турецкихъ владѣніяхъ Порта дозволяетъ имѣть пребываніе консуламъ и вице-консуламъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они русскимъ правительствомъ признаны будутъ необходимыми; 9) русскимъ пилигримамъ дозволяется свободно ходить ко Святымъ Мѣстамъ; и 10) оба правительства обязываются выдавать политическихъ преступниковъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда русскіе перебѣжчики примутъ исламъ, а турецкіе христіанскую вѣру.

[1]) Юзефовичъ, Договоры Россіи съ Востокомъ.

Выговоренная Кучукъ-Кайнарджинскимъ договоромъ независимость Крыма съ непремѣннымъ условіемъ «избранія хана Чингизскаго поколѣнія всѣмъ татарскимъ обществомъ», которое растянулось отъ устья Днѣстра до устья Кубани, очевидно было такою же прелюдіей къ присоединенію Крыма, какъ защита liberum veto и избирательнаго начала въ Польшѣ, какъ выговоренная по Бѣлградскому трактату 1739 г. вольность Кабарды (Большой и Малой). Между Татарами, не только Буджакскими и Кубанскими, но и Крымскими русское вліяніе уже настолько пустило корни, а съ другой стороны падишахъ, за которымъ въ Крыму по Кучукъ-Кайнарджинскому договору оставлено лишь религіозное значеніе, какъ преемника калифовъ,—настолько не могъ свыкнуться съ мыслію о потерѣ верховныхъ правъ въ области гражданской и политической, на столько еще упорно, чрезъ преданныхъ ему крымскихъ мурзъ, старался фактически удержать эти права, что избраніе хана Чинхизскаго поколѣнія «всѣмъ татарскимъ обществомъ» сводилось къ бурной борьбѣ русской и турецкой партій.

Была быть можетъ и истинно-патріотическая партія, независимая отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, но о дѣйствіяхъ ея въ смутную эпоху паденія Крыма намъ ничего неизвѣстно. Мы знаемъ, что передъ 1775 г. Сагибъ-Гирей избранъ *русскою партіею*, что въ 1775 же году онъ былъ свергнутъ и ханомъ избранъ Девлетъ-Гирей, преданный *Турціи*, а затѣмъ вновь *русская партія* одержала верхъ и избрала Шагинъ-Гирея, послѣдняго крымскаго хана. Борьба партій отражалась не только на избраніи хановъ, но и на всемъ внутреннемъ распорядкѣ страны—на замѣщеніи должностныхъ лицъ, на дѣятельности разныхъ учрежденій и пр.; все это должно было усилить хаотическое состояніе страны и подготовить паденіе ея независимости, или въ пользу Россіи, или опять въ пользу Турціи. Русское правительство предвидѣло такой исходъ политическаго бытія *татарско-мусульманскаго ханства, построеннаго на демократическомъ принципѣ широкой избирательной свободы*, и озаботилось предупредить серьозный шагъ Турціи, въ смыслѣ возстановленія Крыма въ statu quo ante bellum. Выговоривъ себѣ свободное плаваніе въ турецкихъ водахъ и даже учрежденіе консульствъ въ турецкихъ владѣніяхъ, какую реальную пользу могла извлечь отсюда Россія до тѣхъ поръ, пока все Черноморское побережье занято было хищническими татарскими ордами? Керчь-Ениколе и Азовъ обезпечивали торговыя сношенія Россіи съ Востокомъ. Потемкинъ въ письмѣ своемъ къ Екатеринѣ II даетъ на это обстоятельный отвѣтъ.

«Крымъ, говоритъ онъ [1]), положеніемъ своимъ разрываетъ наши

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1862 г., т. III, стр. 28—29.

границы. Нужна ли осторожность съ Туркомъ по Бугу, или со стороны Кубанской,—во всѣхъ сихъ случаяхъ и Крымъ на рукахъ. Тутъ ясно видно для чего ханъ нынѣшній Туркамъ непріятенъ: для того, что онъ не допуститъ ихъ чрезъ Крымъ входить къ намъ такъ сказать въ сердце. Положите жъ теперь, что Крымъ Вашъ, и что уже нѣтъ сей бородавки на носу — вотъ вдругъ положеніе границъ прекрасное: по Бугу Турки граничатъ съ нами непосредственнно, потому и дѣло должны имѣть съ ними прямо сами, а не подъ именемъ другихъ. Всякій ихъ шагъ тутъ видѣнъ. Со стороны Кубанской, сверхъ частныхъ крѣпостей, снабженныхъ войсками,—многочисленное войско Донское всегда тутъ готово. Довѣренность жителей въ Новороссійской губерніи будетъ тогда несумнительна, мореплаваніе по Черному морю свободное, а то извольте разсудить, что кораблямъ вашимъ и выходить трудно, а входить еще труднѣе. Еще въ добавокъ избавимся отъ труднаго содержанія крѣпостей, кои теперь въ Крыму на отдаленныхъ пунктахъ. Всемилостивѣйшая Государыня, неограниченное мое усердіе къ Вамъ заставляетъ меня говорить: презирайте зависть, которая вамъ препятствовать не въ силахъ. Вы обязаны возвысить славу Россіи. Посмотрите, кому оспорили, кто что пріобрѣлъ: Франція взяла Корсику, Цезарцы безъ войны у Турокъ въ Молдавіи взяли больше нежели мы. Нѣтъ державы въ Европѣ, чтобы не подѣлили между собою Азіи, Африки и Америки. Пріобрѣтеніе Крыма ни усилить, ни обогатить васъ не можетъ, а только покой доставитъ. Ударъ сильный, да кому?—Туркамъ: это васъ еще больше обязываетъ. Повѣрьте, что вы симъ пріобрѣтеніемъ безсмертную славу получите, и такую, какой ни одинъ еще государь въ Россіи не имѣлъ. Сія слава проложитъ дорогу еще къ другой и большей славѣ: съ Крымомъ достанется и господство въ Черномъ морѣ, отъ васъ зависѣть будетъ запирать ходъ Туркамъ, и кормить ихъ, или морить съ голоду. Хану пожалуйте въ Персіи что хотите,— онъ будетъ радъ. Вамъ онъ Крымъ поднесетъ нынѣшнюю зиму, и жители охотно принесутъ о семъ просьбу. Сколько славно пріобрѣтеніе, столько вамъ будетъ стыда и укоризны отъ потомства, которое при каждыхъ хлопотахъ такъ скажетъ: вотъ она могла, да не хотѣла, или упустила. Естьли твоя держава кротость, то нуженъ въ Россіи рай. Таврически Херсонесъ! изъ тебя истекло къ намъ благочестіе: смотри какъ Екатерина II паки вноситъ въ Тебя кротость христіанскаго правленія.»

Если такъ поведено было, что ханъ, по словамъ Потемкина, за какую угодно подачку въ Персіи, готовъ преподнести русской императрицѣ Крымъ и даже «жители охотно принесутъ о семъ просьбу», то спрашивается, возможно ли упускать такой благопріятный моментъ? Ека-

терина рѣшила имъ воспользоваться, даже въ ущербъ быстротѣ желанной развязки польскаго дѣла; она желала этаго тѣмъ болѣе, что превосходно зная взаимныя отношенія важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, въ данное время не могла опасаться серьознаго противодѣйствія въ крымскомъ дѣлѣ со стороны наиболѣе патронировавшей Оттоманской имперіи, Франціи, истощенной войнами съ Англію за независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, а соперничество между Австріею и Пруссіею, по поводу Баваріи, вызвавшее между ними войну за Баварское наслѣдство, благопріятствовало планамъ Екатерины II, которая искуснымъ дружественнымъ посредничествомъ, приведшимъ къ Тешенскому миру (13 мая 1779 г.), съумѣла расположить къ себѣ обѣ стороны и гигантскимъ *Греческимъ проектомъ*—вызвать даже восторгъ къ себѣ императора Іосифа II. Подъ впечатлѣніемъ этаго восторга, австрійскій императоръ въ 1782 г. писалъ къ Екатеринѣ II въ выраженіяхъ даже очень патетическихъ [1]): «Получить письмо Вашего Императорскаго Величества и отвѣчать на него въ продолженіи тѣхъ же двадцати четырехъ часовъ было во мнѣ однимъ чувствомъ, и однимъ дѣйствіемъ. Мнѣ ненужно ни размышленій, ни соображеній, ни расчетовъ, когда мое сердце чувствуетъ, и когда дѣло идетъ о томъ, чтобы служить, смѣю сказать, моей Императрицѣ, моему другу, моей союзницѣ, моей героинѣ; да, я готовъ всегда ко всякому соглашенію съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ относительно тѣхъ возможныхъ событій, каковыя могутъ произойти отъ смутъ въ Крыму».

Восторгъ былъ понятенъ. Въ перспективѣ осуществленія этаго *Греческаго проекта*, Іосифу II представлялось пріобрѣтеніе сѣверо-западныхъ окраинъ Балканскаго полуострова и расширеніе сферы вліянія Австріи въ этой оконечности Европы. Поставивъ Іосифа II на эту почву радужныхъ надеждъ, Екатерина въ томъ же году послала ему и самый проектъ въ формѣ предложенія слѣдующаго содержанія [2]): «между тремя монархіями должно быть на всегда независимое отъ нихъ государство. Это государство, въ древности извѣстное подъ именемъ Дакіи, можетъ быть образовано изъ провинцій Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи подъ скипетромъ государя религіи греческой. Что касается пріобрѣтеній, то Россія желаетъ 1) городъ Очаковъ съ областью между Бугомъ и Днѣстромъ; 2) одинъ или два острова въ Архипелагѣ для безопасности и удобства торговли. Хотя положеніе и плодоносіе турецкихъ областей, сосѣднихъ съ государствомъ Вашего Императорскаго Величества, даютъ вашимъ пріобрѣтеніямъ совсѣмъ иное значеніе,

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1862 г., т. III, стр. 33—34.
[2]) Русскій Вѣстникъ, 1862 г., т. III, стр. 35—36.

однако моя личная дружба къ дорогому союзнику не позволитъ мнѣ колебаться и одной минуты сдѣлать ему это пожертвованіе, ибо я твердо увѣрена, что если ваши успѣхи въ этой войнѣ дадутъ вамъ возможность избавить Европу отъ врага имени христіанскаго изгнаніемъ его изъ Константинополя, то Ваше Величество не откажетесь содѣйствовать возстановленію монархіи Греческой, подъ непремѣннымъ условіемъ съ моей стороны сохранять эту вособновленную монархію въ полной независимости отъ моей и возвести на ея престолъ младшаго внука моего великаго князя Константина, который дастъ обязательство не имѣть никогда притязаній на престолъ россійскій, ибо двѣ эти короны никогда не должны быть соединены на одной главѣ». Іосифъ II охотно принялъ предложеніе русской императрицы, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ и свои желанія, которыя состояли въ слѣдующемъ [1]): «для австрійской монархіи нужно присоединить: городъ Хотинъ съ небольшою областью, прикрывающею Галицію и Буковину, часть Валахіи, которую огибаетъ Алута, Никополисъ и отсюда оба берега вверхъ по Дунаю, слѣдовательно города Видинъ, Орсову и Бѣлградъ, для прикрытія Венгріи; отъ Бѣлграда протянуть линію самую прямую и самую короткую къ Адріатическому морю, включая Golfo de la Drina, и наконецъ всѣ владѣнія венеціанскія на твердой землѣ и съ прилежащими островами должны отойдти къ Австрійской монархіи, ибо только этимъ средствомъ произведенія ея земель получатъ цѣльность; полуостровъ Морея, который принадлежалъ нѣкогда Венеціанцамъ, остр. Кандія, Кипръ и другіе архипелажскіе—могутъ богато вознаградить этихъ республиканцевъ. онъ, императоръ, можетъ имѣть тогда морскія суда и быть слѣдовательно гораздо полезнѣе для Россіи; дунайская торговля останется совершенно свободною для австрійскихъ подданныхъ, какъ при входѣ въ Черное море, такъ и при выходѣ изъ него чрезъ Дарданеллы. Новыя государства Дакійское и Греческое обяжутся не взимать никакихъ пошлинъ съ австрійскихъ судовъ».

Такимъ образомъ «Греческій проектъ» сводился къ полному раздѣлу Балканскаго полуострова, т. е. той самой страны, гдѣ Франція и Англія, могущественнѣйшія государства европейскія, съ XVI ст. соперничествуютъ между собою изъ-за исключительнаго вліянія въ ней,—къ уничтоженію той самой Турціи, подъ покровомъ которой утвердилось, развилось и удерживалось это вліяніе; кромѣ названныхъ государствъ, Голландія и Пруссія къ этому времени достаточно успѣли утвердить свое вліяніе при Оттоманской Портѣ и Фридрихъ II въ началѣ 1779 году предложилъ даже Екатеринѣ II тройственный союзъ между Пруссіею

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1862 г., т. III, стр. 36—37.

Россіею и Турціею. Между тѣмъ всѣмъ этимъ государствамъ въ «Греческомъ проектѣ» не отводилось ни одной пяди земли. Возможно ли было предположить, чтобы они, оставивъ всякіе другіе взаимные споры, не соединятся для того, чтобы отстоять хотя долю вліянія своего на Балканскомъ полуостровѣ, т. е. жизненный нервъ своего экономическаго прогресса? возможно ли было предположить, чтобы истые хозяева Турціи—Франція и Англія, флаги которыхъ затмѣвали въ турецкихъ водахъ флаги всѣхъ другихъ націй въ совокупности взятыхъ, ограничились бы ролью изумленныхъ зрителей происходящей разверстки страны, гдѣ каждая изъ нихъ въ теченіе вѣковъ свила себѣ весьма удобное и прочное гнѣздо?

Такая увлекающаяся натура, какъ Іосифъ II [1]), можетъ быть и не задавался этими вопросами, поступая въ этомъ случаѣ такъ же какъ въ своей реформаторской дѣятельности у себя дома, но Екатерина II, которая прежде всего отличалась замѣчательною трезвостью и конкретностью взгляда, которая при томъ такъ превосходно изучила важнѣйшіе изгибы современныхъ ей политическихъ и экономическихъ отношеній европейскихъ государствъ [2]), Екатерина II, безъ сомнѣнія не могла серьозно увлечься идеею раздѣла Турціи, какъ неисполнимою въ то время. Наступившая вскорѣ послѣ того развязка крымскаго дѣла показала, что «Греческій проектъ» сослужилъ ей хорошую службу *въ другомъ направленіи:* онъ обезпечилъ ей свободу дѣйствія въ Крыму, введя въ сферу ея турецкой политики такого могущественнаго монарха какъ Іосифъ II. Заручившись тѣснымъ союзомъ съ нимъ во всемъ, что касается Турціи, Екатерина чрезвычайно быстро повела къ развязкѣ крымское дѣло. Шагинъ-Гирей *не оправдалъ надеждъ русской императрицы своими жестокостями и «тиранствомъ»;* онъ озлобилъ противъ себя нетолько подданныхъ, но и братьевъ своихъ. Къ Потемкину и въ Петербургъ посыпались жалобы на него и вообще на безпорядокъ, усилившійся въ Крыму; въ отвѣтъ на эти жалобы Потемкинъ получилъ рескриптъ отъ 14 декабря 1782 г., въ которомъ Екатерина II сознается, что «преобразованіе его (Крыма) въ большую и независимую область обратилось только въ новыя для насъ заботы со знатными издержками», вслѣдствіе чего объявляетъ Потемкину волю свою о присоединеніи Крыма, которое должно совершиться между прочимъ, «1) буде постигнетъ смерть нынѣшняго владѣющаго хана, или непріятели его увезутъ; или утвердить его на владѣніи тамошнемъ

[1]) Шлоссеръ, Всемірная Исторія т. VI.

[2]) Трачевскій, Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II.

будетъ ненадежно; 2) буде онъ, паче чаянія, окажется измѣнникомъ или вовсе сомнительнымъ въ доброхотствѣ къ Россійской имперіи; 3) буде императоръ римскій распространитъ далѣе свой кордонъ или границу на счетъ Молдавіи и Валахіи, въ такомъ случаѣ и мы должны искать средство къ соблюденію съ нимъ равенства». Нечего и говорить, что какое нибудь изъ указанныхъ событій, столь разнообразныхъ, непремѣнно должно было наступить. Дѣйствительно, ханъ не замедлилъ обнаружить «недоброхотство къ Россійской имперіи», наказавъ напр. нѣкоторыхъ мятежныхъ Татаръ, а потому Екатерина II въ началѣ 1783 г. приказала Потемкину удержаться твердою ногой въ Крыму. Вслѣдъ затѣмъ указомъ сената отъ 8 апрѣля 1783 г. Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи. Іосифъ II поздравилъ русскую императрицу съ пріобрѣтеніемъ новой территоріи, лаская себя мыслію, что наступитъ и его очередь и въ этомъ смыслѣ продолжалъ развертывать передъ Екатериной II картину австрійскихъ желаній. Ему на это отвѣчали, но въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ, съ намеками на нѣкоторыя трудности въ исполненіи этихъ желаній; ему давали обѣщанія, избѣгая всякой конкретности, всякихъ рѣшительныхъ соглашеній о распредѣленіи турецкой территоріи и такимъ путемъ его удерживали въ сферѣ турецкой политики русской императрицы. Удержать его было необходимо, потому что при ожидаемомъ столкновеніи съ Турціею, это былъ единственный союзникъ, на котораго могли въ Петербургѣ расчитывать. Правда Екатерина II пыталась увлечь и Людовика XVI, если не Греческимъ проектомъ, который исключалъ латинское господство на Балканскомъ полуостровѣ, то вообще раздѣломъ Турціи, при чемъ для Франціи отмѣчены такія пріобрѣтенія, какъ Египетъ и Сирія [1]),—но попытка эта, вызвавъ нѣсколько брошюръ, въ которыхъ доказывалось, что паденіе Турціи неизбѣжно, что Франціи слѣдуетъ воспользоваться частію наслѣдства,—не имѣла никакихъ другихъ результатовъ, несмотря даже на то, что французскій посолъ при Оттоманской Портѣ *Шаузель-Гуфье*, страстный почитатель классической древности и древне-греческой цивилизаціи, совѣтовалъ своему правительству предоставить Турокъ ихъ судьбѣ. На Францію расчитывать нельзя было; кромѣ финансоваго истощенія,—результата продолжительныхъ войнъ,—она приближалась къ трудному періоду революціонной ломки средневѣковыхъ началъ общежитія, которыя еще упорно держались за свои прерогативы и безъ страшной борьбы не хотѣли уступить мѣста.

Восточная политика со всѣми ея меркантильными интересами сравнительно съ колоссальностію внутренней переработки, начавшейся во

---

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т. II.

всѣхъ сферахъ общественной и государственной жизни,—казалась мизерною, и французскій уполномоченный получалъ инструкціи дѣйствовать на Порту въ примирительномъ духѣ и по возможности стараться отклонить ожидаемый разрывъ между Турціею и Россіею. Но за то *Англія*, пользуясь этимъ новымъ направленіемъ восточной политики своей сосѣдки, вступаетъ въ роль ревнивой защитницы Оттоманской имперіи отъ угрожавшаго послѣдней крушенія. Англія, по Версальскому миру 1783 г. окончательно лишившаяся сѣверо-американскихъ своихъ колоній, исподоволь вознаграждаетъ себя завоеваніями въ Индіи и съ тѣхъ поръ торговля ея на Востокѣ становится главнымъ двигателемъ ея экономическаго прогресса; но чтобы фактически монополизировать въ своихъ рукахъ эту торговлю, необходимо было утвердить прочно свое господство въ водахъ Балканскаго полуострова; въ тревожное время французской революціи Англія достигаетъ этого господства, и чтобы удержать его, она считаетъ необходимымъ отстоять неприкосновенность Оттоманской имперіи, подъ покровомъ которой оно пріютилось. Между тѣмъ, этой имперіи сосѣднія государства готовятъ нанести смертельный ударъ, распредѣляя уже и владѣнія ея между собою. Англія желаетъ предупредить такой ударъ и для этого подготовляетъ турецко-прусско-шведскую коалицію противъ австро-русскаго союза и въ то же время побуждаетъ Порту къ войнѣ за возстановленіе верховныхъ правъ падишаха на отошедшій Крымъ. Порта тѣмъ охотнѣе прислушивалась къ воинственнымъ совѣтамъ англійскаго правительства, что сооруженіе русскаго флота въ Севастополѣ сильно ее тревожило, какъ наглядное доказательство завоевательныхъ замысловъ русской императрицы. Порта рѣшила начать войну, и для этого Рейсъ-Эфенди лѣтомъ въ 1787 г. предложилъ русскому послу Булгакову такія требованія, на которыя русское правительство не могло согласиться, не отказавшись отъ важнѣйшихъ результатовъ предшествовавшихъ побѣдъ. Турецкій министръ потребовалъ: выдачи преданнаго Россіи молдавскаго господаря Маврокордато, отозванія русскихъ консуловъ изъ Яссъ, Бухареста и Александріи, признанія грузинскаго царя Ираклія турецкимъ подданнымъ и осмотра всѣхъ русскихъ кораблей, выходящихъ изъ Черваго моря. Получивъ отказъ на всѣ эти требованія, Порта объявила Россіи войну и русскій посолъ посаженъ въ семибашенный замокъ, а уполномоченный Австріи Гербертъ, по повелѣнію Іосифа II, тотчасъ же оставилъ Константинополь. Въ концѣ 1787 года выступили двѣ турецкія арміи: одна къ австрійской границѣ, а другая къ Бессарабіи и, кромѣ того, къ сѣверо-западнымъ черноморскимъ берегамъ отправленъ флотъ изъ 16 судовъ. Военныя дѣйствія этого года со стороны Россіи открылись пораженіемъ Турокъ подлѣ Кинбурна, который Суворову удалось отстоять,

несмотря на троекратную атаку Турокъ; въ слѣдующемъ 1788 г. палъ Очаковъ, а на морѣ почти вся турецкая флотилія Гасана-паши истреблена адмираломъ Грейгомъ. Въ этомъ же году и *Австрія* начала военныя дѣйствія противъ стянувшейся къ ея границамъ турецкой арміи, находившейся подъ командою великаго визиря Юсуфа-паши; въ концѣ года австрійскія войска проникли въ Сербію и Боснію, при чемъ Порта, для отраженія дальнѣйшаго движенія непріятеля, вынужденная передъ тѣмъ часть регулярной арміи отправить въ Молдавію и Бессарабію, прибѣгла къ партизанской войнѣ, образовавъ вооруженные отряды изъ Болгаръ, которые подъ начальствомъ Омера-паши, отца боснійскаго гайдука Пасвана, довольно удачно дѣйствовали въ Босніи и Сербіи противъ Австрійцевъ, между тѣмъ какъ послѣдніе за то пытались войти въ связь съ партизанскими отрядами скадрскаго паши Махмуда-Бушатлія, стремившагося къ независимости отъ султана [1]). Какъ прежде, такъ и въ данномъ случаѣ, здѣсь на Балканскомъ полуостровѣ въ однихъ и тѣхъ же рядахъ сражались христіане и мусульмане, Турки, Славяне и другія народности полуострова, и въ то время, когда Славянинъ Омеръ съ Болгарами и волонтерами другихъ націй загораживаетъ дорогу Австрійцамъ, мусульманинъ—Турокъ Махмудъ Бушатлія клянется надъ кораномъ и евангеліемъ въ союзѣ съ гяурами: мусульманско-христіанскія симпатіи распредѣлились удивительнымъ образомъ. Послѣ того, когда главныя силы турецкія разбиты были въ 1789 г. подъ Градишной въ Кроаціи, Австрійцамъ уже нетрудно было овладѣть Бѣлградомъ, предоставленнымъ защитѣ слабаго гарнизона янычаръ. Дѣйствительно въ томъ же году городъ былъ взятъ и австрійская главная квартира могла отдѣлить большую часть оперировавшей въ Сербіи и Босніи арміи для соединенія съ русскими войсками въ Молдавіи, гдѣ главное командованіе соединенными войсками ввѣрено принцу саксенъ-кобургскому. Благодаря нерѣшительности и медленности, главнокомандующій далъ Туркамъ время стянуть сильные отряды въ виду австрійскаго лагеря при Фокшанахъ; на помощь однакожъ быстро подошли русскія колонны подъ начальствомъ Суворова и въ соединеніи съ Австрійцами на голову разбили Турокъ (30 іюля); въ томъ же году Суворовъ вновь спасъ методическаго и осторожно дѣйствовавшаго принца саксенъ-кобургскаго изъ крайне критическаго положенія при деревнѣ Мартинешти на р. Рымникѣ, гдѣ многочисленное турецкое войско, командуемое великимъ визиремъ, готовилось окружить Австрійцевъ; — русскій полководецъ во-время подоспѣлъ на выручку и одержалъ блистательную побѣду надъ непріятелемъ. Этимъ со стороны Австріи и огра-

[1]) Липранди, Восточный вопросъ и Болгарія; Russel, Russian wars with Turkey.

ничились военныя дѣйствія противъ Турокъ; русскія же войска продолжали громить Турокъ, какъ на берегахъ Днѣстра и Дуная, такъ и на Кавказѣ. Въ 1790 г. взяты были Хотинъ, Бендеры и, послѣ кровопролитнаго штурма, которымъ руководилъ Суворовъ, палъ Измаилъ; между тѣмъ какъ на Кавказскомъ перешейкѣ генералъ Германъ подлѣ устья рѣки Кубани разбилъ на голову Бутага-пашу, который съ пятидесятитысячнымъ войскомъ со стороны Анапы готовился вступить на русскую территорію. Въ слѣдующемъ году 3 іюля, на рѣкѣ Кубани, Турки вновь были разбиты; такая же неудача постигла ихъ нѣсколькими днями позже (9 іюля) на европейскомъ театрѣ войны при Мачинѣ.

Отъ обѣихъ армій турецкихъ, кавказской и днѣстровской, остались лишь жалкіе остатки, а тѣ войска, которыя не принимали еще участія въ настоящей войнѣ, имѣли достаточно дѣла у себя дома для подавленія внутреннихъ возстаній, между которыми возстаніе янинскаго паши готово было охватить Албанію. Въ поискахъ союзниковъ, Алипаша остановился на греческой гетеріи и старался съ нею сблизиться. Чтобы вызвать къ себѣ расположеніе Грековъ, паша приказалъ возстановить разрушенныя въ Албаніи православныя церкви и даже построить новыя. Въ это же время смѣлость кирджаліевъ, т. е. разбойническаго сброда представителей различныхъ націй дошла до того, что они открыто нападали на города и награбивъ добычи, безнаказано удалялись. На сѣверѣ въ Видинѣ Пасланъ-Оглу отказался отъ повиновенія падишаху, и для усмиренія этого мятежнаго паши нужно было отправить довольно сильное войско. При страшныхъ потеряхъ въ войнѣ съ Россіей и при указанныхъ внутреннихъ смутахъ, могла ли Порта выставить серьозное сопротивленіе дальнѣйшему побѣдоносному движенію русской арміи? Уже вслѣдъ за паденіемъ Измаила, при разговорѣ съ англійскимъ посломъ Уитвортомъ, Екатерина II саркастически замѣтила ему: [1]) «Послѣ того, какъ король, вашъ повелитель, рѣшилъ вытѣснить меня изъ Петербурга, я надѣюсь, что по крайней мѣрѣ, онъ дозволитъ мнѣ искать убѣжища въ Константинополѣ», а русскія побѣды на Кубани и Дунаѣ, окончательно разгромившія турецкія арміи, еще больше облегчили путь къ Босфору, хотя въ Константинополѣ, *какъ убѣжищѣ*, уже не предстояло надобности послѣ того, какъ шведская война, на которую Екатерина II и намекала въ разговорѣ съ Уитвортомъ, окончилась Верельскимъ миромъ 14 августа 1790 г.

Но мы видѣли, какъ Англія встревожилась уже при первыхъ успѣхахъ австрійско-русскаго оружія, и было отчего: кліенту ея, защиту

[1]) Russel, Russians wars with Turkey.

котораго она приняла исключительно въ свои руки, грозила опасность полнаго уничтоженія. Для отраженія такой катастрофы, которая неизбѣжно нанесла бы тяжкій ударъ главной основѣ англійскаго могущества, ея всемірной торговлѣ и всему политическому равновѣсію европейскихъ государствъ, Англія составила тройственный союзъ изъ Турціи, Пруссіи и Швеціи, толкнувъ послѣднюю въ войну съ Россіею. Съ своей стороны Фридрихъ Вильгельмъ, подъ вліяніемъ Герцберга, этого ревностнаго туркофила конца XVIII ст. и противника польско-турецкой политики Екатерины II, сблизился съ Польшею и заключилъ съ нею 5 апрѣля 1790 года союзъ, выразивъ свое полное согласіе на преобразованіе польской конституціи, въ смыслѣ желанія большинства націи. Такимъ образомъ на сѣверо-западѣ, стараніями Англіи, выростала сильная коалиція. Хотя Швеція послѣ Верельскаго мира выдѣлилась изъ коалиціи, но за то и Россія лишилась единственнаго своего союзника въ войнѣ съ Турціею, такъ какъ преемникъ Іосифа II, братъ его Леопольдъ, вступившій на престолъ въ февралѣ 1790 г., далеко не раздѣлялъ турецкой политики покойнаго императора и потому на предложеніе Фридриха Вильгельма, охотно согласился выдѣлиться изъ союза съ Россіею. По Рейхенбахской конвенціи 17 іюля 1790 г. императоръ Леопольдъ обязался вступить въ сепаратные переговоры съ Портою. Начавшіеся въ сентябрѣ того же года, переговоры эти повели къ заключенію отдѣльнаго между Австріею и Турціею мира въ Свиштовѣ — 4 апрѣля 1791 г., по которому императоръ возвратилъ султану всѣ занятые во время войны города, оставивъ за собою лишь Орсову.

При такомъ изолированномъ положеніи Россіи и крайнемъ истощеніи ея финансовъ, продолженіе войны становилось безцѣльнымъ и петербургское правительство вступило съ Портою въ мирные переговоры. Въ слѣдующемъ 1792 года въ Яссахъ 9 января подписанъ былъ мирный трактатъ, по которому [1]): границею обѣихъ имперій съ одной стороны признается рѣка Днѣстръ, а съ другой рѣка Кубань; Молдаво-Валахія освобождается отъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ; и Порта обязуется не требовать за послѣдующія отъ заключенія мира два года никакой дани и повинностей съ этихъ княжествъ.

Если Екатерина II вынуждена была, не смотря на громкія побѣды, остановиться на полпути своей турецкой политики и склониться къ миру, то еще болѣе война должна была тяготить султана Селима III. Постоянныя, начиная съ конца XVII ст., пораженія Турціи *извнѣ*, повторявшіяся возстанія *внутри* — привели этого, одного изъ лучшихъ правителей Турціи, къ мысли о необходимости реформъ, которыя *съ*

[1]) Юзефовичъ, Договоры Россіи съ Востокомъ.

одной стороны—должны были уничтожить злоупотребленія правительственныхъ агентовъ по отношенію къ управляемымъ народамъ, обезпечить личныя и имущественныя права подданныхъ, *а съ другой*—обновить пришедшую въ упадокъ боевую силу государства, которая въ давное время сводилась къ разнузданной и своевольной корпораціи янычаръ и къ хищническимъ, недисциплинированнымъ, чуждымъ всякихъ понятій общественности иррегулярамъ: военные мятежи, случавшіеся иногда наканунѣ рѣшительной битвы, избіеніе главнокомандующихъ, пытавшихся мѣрами строгости возстановить порядокъ и наказать виновныхъ; по меньшей мѣрѣ безполезныя для цѣлей войны дикія насилія, сопровождаемыя грабежами и убійствами мирнаго населенія—составляли одну изъ причинъ военныхъ потерь Турціи въ теченіе XVIII ст. Селимъ III горячо принялся за реформаторскую дѣятельность, но ее постигла такая же участь, какая составляетъ удѣлъ всѣхъ полумѣръ. Султанъ ввелъ строгія наказанія за злоупотребленія власти, изъ Стамбула въ разные концы Турціи полетѣли султанскіе фирманы (указы), которыми или назначались новые правители округовъ, съ преданіемъ суду провинившихся, или вводились лучшіе порядки при собираніи налоговъ, или населенію округа объявлялось, что падишахъ охотно выслушаетъ всякія справедливыя жалобы обиженныхъ. Но такъ какъ приэтомъ оставлялась неприкосновенною самая основа политической системы, послѣдствіемъ которой являлись всѣ отдѣльныя злоупотребленія правительственныхъ агентовъ, то вся преобразовательная дѣятельность Селима III, вызвавъ крайнее неудовольствіе въ той еще многочисленной партіи, которая желала оставаться при старыхъ добрыхъ правахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оставила неудовлетворенными и управляемые народы, развивъ однакоже въ нихъ серьезное стремленіе къ улучшенію своего общественнаго положенія — своими собственными средствами; въ разныхъ концахъ одновременно происходили возстанія, и Турція, на рубежѣ двухъ столѣтій, казалось готова была, въ силу собственной немощи, распасться, выдѣливъ изъ себя новые политическіе организмы. Попытка обновить боевую силу замѣною янычаръ—новымъ войскомъ низамъ-джедидъ, не только не увѣнчалась успѣхомъ, но и стоила жизни самому падишаху, который, какъ извѣстно, былъ убитъ мятежными янычарами 28 іюля 1808 года.

Среди такого общаго броженія, — двѣ народности выступаютъ на путь рѣшительной борьбы съ турецкимъ владычествомъ за независимость. Одна на южной окраинѣ — Греческая, другая на сѣверной окраинѣ—Сербская, и Турція, вступая въ XIX ст. истощенная внутренними смутами и внѣшними пораженіями предшествовавшихъ войнъ, сразу увидѣла предъ собою въ собственныхъ своихъ предѣлахъ двухъ

болѣе страшныхъ враговъ, чѣмъ десятки мятежныхъ пашей, болѣе потому, что оба эти врага ея нашли дѣйствительную опору въ томъ изъ европейскихъ государствъ—Россіи, которому они въ свою очередь могли казаться весьма полезными союзниками при утвержденіи вліянія его на Балканскомъ полуостровѣ.

Теряя со дня на день всякую самобытность и преобразуясь въ политическую комбинацію, принимаемую въ расчетъ европейскими государствами при взаимныхъ ихъ столкновеніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, Турція въ XIX ст. тщетно, путемъ частныхъ реформъ (гати-шерифъ Гюльканейскій 3 ноября 1839 г. и гати-гумаюнъ 18 февраля 1856 г.) пытается остановить развивающееся броженіе національностей, тщетно потому, что кромѣ самой палліативности, т. е. несостоятельности реформъ, *внѣшнія* возбуждающія вліянія на столько уже успѣли пустить глубокіе корни среди христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова, что постепенное выдѣленіе новыхъ политическихъ единицъ въ составѣ Оттоманской имперіи стало роковымъ призваніемъ этого могущественнаго когда-то государства.

Съ этой поры живой всемірно-историческій интересъ пріобрѣтаетъ постепенное высвобожденіе отдѣльныхъ народностей Балканскаго полуострова изъ-подъ турецкаго владычества, приведшее къ образованію въ первой четверти XIX ст. трехъ политически обособленныхъ народностей—Сербской, Греческой и Румынской, къ которымъ въ новѣйшее время присоединилась и Болгарская.

Такъ какъ предметъ нашей книги составляетъ «Южное Славянство и Турція», то при всемъ интересѣ процесса политическаго возрожденія всѣхъ указанныхъ нами народностей, мы, покидая Турцію, которая насъ, исключительно занимала въ продолженіи этой и предшествовавшихъ главъ, остановимся въ заключеніи нашей книги на процессѣ высвобожденія Сербской національности изъ подъ турецкаго владычества.

ГЛАВА XXX.

Начало борьбы Сербіи за независимость (1803—1807 г.). Кара-Георгій.

1. Австро-турецкія войны подготовили возстаніе Сербіи. 2. Янычары вызываютъ неудовольствіе какъ въ Сербахъ, такъ и въ мусульманахъ-землевладѣльцахъ (спахіяхъ). 3. Господство дахіевъ. 4. Въ Рудниковской нахіи происходитъ первый взрывъ возстанія: Кара-Георгій. 5. Первая побѣда Сербовъ при дер. Синицѣ. 6. Успѣшныя дѣйствія Ненадовича и Миленко. 7. Первая скупштина 21 марта 1804 г. 8 Паденіе дахіевъ и избіеніе ихъ Сербами. 9. Переговоры въ Смедеровѣ и требованія Сербовъ 10. Возобновленіе военныхъ дѣйствій. 11. Первоначальное возстаніе противъ дахіевъ обращается въ борьбу съ Турціею. 12. Двѣ турецкія арміи вступаютъ въ Сербію. 13. Въ 1807 г. Турки изгоняются изъ Сербіи.

Десятки тысячъ Сербовъ, переселившихся въ концѣ XVII ст. съ патріархомъ Черноевичемъ въ Австрію [1]), стали живою связью между этою страною и покинутою ими родиною и вмѣстѣ съ тѣмъ стали славянскимъ аванпостомъ христіанской державы противъ распространенія турецкаго владычества.

Послѣ двухъ-вѣковаго затишья, это была автрійская армія, въ рядахъ которой Сербы вступили въ бой съ Турками; это была австрійская армія, которая служила для нихъ практическою военною школою, пріучившею ихъ владѣть оружіемъ, и давала имъ неоднократные случаи убѣдиться воочію въ возможности побѣды надъ завоевателями ихъ страны.

Миръ Карловицкій (1699 г.), Пожаровецкій (1718 г.), Бѣлградскій (1739 г.), Свиштовскій (1791 г.) закончили рядъ войнъ, въ которыхъ со стороны Австріи принимали дѣятельное участіе нетолько переселившіяся въ Австрію Сербы, но и тѣ, которые оставались на родинѣ, такъ какъ австрійскія войска, часто вступавшія въ Сербскія земли, брали такіе города какъ Нишъ, Ужицу, Шабацъ, Смедерево и другіе, населеніе которыхъ дружественно встрѣчало Австрійцевъ. Хотя Австрія воевала за свои собственные австрійскіе интересы, но двинувъ свои войска въ Сербію, она, чтобы пріобрѣсти себѣ здѣсь союзниковъ, всегда ста-

---

[1]) Раичъ, ч. III.

ралась, показать Сербамъ, что дѣло Сербовъ столь же близко ей, какъ ея собственное, что она сражается за общее дѣло Балканскаго христіанства, и Сербы охотно поступали въ ряды австрійской арміи; въ рядахъ ея, какъ извѣстно, простой свинопасъ, будущій верховный вождь Сербіи Кара-Георгій достигъ фельдфебельскаго званія. На поляхъ битвы Сербы братались съ Австрійцами и проливая кровь, какъ имъ казалось за общее дѣло, стали близки другъ къ другу. Отсюда начало тѣхъ австрійскихъ симпатій въ Сербіи, которыя при всѣхъ иныхъ вліяніяхъ замѣтны и въ настоящее время.

И такъ, если русскія войны XVIII ст. расшатали военное могущество Османлисовъ и тѣмъ оказали несомнѣнную услугу христіанству Балканскаго полуострова безъ различія національностей, то близкое господство Австріи и ея войны съ Турціею въ частности приготовили въ Сербіи почву для борьбы ея за независимость и познакомивъ Сербовъ съ страною цивилизаціи и относительной соціально-политической свободы,—тѣмъ болѣе должны были укрѣпить въ Сербахъ сознаніе ихъ подавленнаго состоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшимость выхода изъ него.

Если они въ австрійскихъ войнахъ содѣйствовали нерѣдко побѣдамъ надъ Турками и изъ среды себя уже выдѣлили нѣсколькихъ искусныхъ полководцевъ, какъ Михалевичъ, который въ 1789 г. быстрымъ движеніемъ по мало проходимымъ горнымъ и лѣснымъ дорогамъ настигъ Турокъ у города Карановца, взявъ этотъ городъ и вскорѣ затѣмъ разбилъ ихъ подъ Крушевацомъ (въ январѣ 1790 г.), то почему же они должны отчаяваться въ успѣхѣ борьбы за собственную свободу?

Причины къ возстанію были неисчислимы и составляли послѣдствіе той политической системы, которая основывается на безграничномъ единовластіи главы турецкаго государства. Единовластіе это, представляя собою столь величественную фикцію выраженія совокупной воли народа однимъ лицомъ падишаха—въ практикѣ государственной жизни претворялась въ безграничный произволъ отдѣльныхъ агентовъ правительства, высшихъ и низшихъ, изъ которыхъ каждый въ своей самой тѣсной сферѣ дѣятельности, не зная инаго идеала политическаго общежитія, стремился къ осуществленію этого идеала, становился маленькимъ падишахомъ, и дѣлался тѣмъ невыносимѣе для всѣхъ, надъ которыми онъ властвовалъ, чѣмъ непосредственнѣе его отношенія къ нимъ, чѣмъ тѣснѣе, чѣмъ мелочнѣе сфера его дѣятельности. Такимъ образомъ бимбаши и муззелины (низшія судебно-административныя должностныя лица) представлялись народу болѣе ненавистными, чѣмъ паша-мутесарифъ (губернаторъ провинціи), а этотъ послѣдній казался ненавистнѣе великаго визиря, и такъ до падишаха, къ которому неразвитая масса въ простотѣ души своей обращалась съ жалобами, въ случаяхъ крайняго угнетенія со

стороны поставленныхъ надъ нею правителей, наивно предполагая, что онъ клочкомъ бумаги, какимъ-нибудь фирманомъ можетъ уничтожить хищничество и своеволія высшихъ и низшихъ исполнителей его воли, т. е. сдѣлать нѣчто совершенно немыслимое: удерживая основное начало политической системы, устранить его неизбѣжные выводы въ сложныхъ отношеніяхъ государственной жизни. Ни умъ, ни энергія, ни добрая воля падишаха не въ силахъ была устранить этихъ выводовъ и лучшимъ доказательствомъ можетъ служить Селимъ III (1789—1807 г.), который въ ряду своихъ предшественниковъ считался однимъ изъ самыхъ способныхъ, просвѣщенныхъ и энергичныхъ правителей Турціи, который при томъ настолько имѣлъ мужества, что рѣшился посягнуть на вѣковыя преданія въ своей преобразовательной дѣятельности; мысль объ уничтоженіи священной арміи янычаръ и преобразованіи всего военнаго строя государства принадлежитъ ему; по отношенію къ религіозному различію подданныхъ, этотъ падишахъ извѣстенъ полною вѣротерпимостью и охотно допускалъ христіанъ въ ряды своихъ войскъ [1]).

Всѣ эти личныя качества падишаха не повели однакоже ни къ какому облегченію народа, угнетаемаго миріадами мелкихъ падишаховъ, начиная отъ перваго сановника и кончая послѣднимъ полицейскимъ служителемъ (заптіе); чѣмъ отдаленнѣе были окраины, тѣмъ невыносимѣе становился гнетъ этихъ мелкихъ падишаховъ, потому что тѣмъ безконтрольнѣе они могли дѣйствовать, тѣмъ труднѣе становился доступъ къ лицу султана.

Сербія составляла одну изъ такихъ отдаленныхъ окраинъ.

До конца XVIII ст. положеніе ея, сравнительно съ другими странами Балканскаго полуострова, было изъ лучшихъ. Несмотря на турецкое владычество, Сербія сохранила свою общинную автономію, которая состояла въ томъ, что начальникъ пашалыка—паша имѣлъ непосредственныя отношенія только къ представителямъ общины, старшимъ кнезамъ, чрезъ нихъ собирая подати и объявляя издаваемые законы или личную волю падишаха; чрезъ нихъ съ другой стороны народъ выражалъ передъ правительствомъ свои требованія или нужды. Въ званіи своемъ старшіе кнезы утверждались султанскими бератами, которые въ видѣ общаго правила допускали наслѣдственность перехода этого званія отъ отца къ старшему изъ сыновей. Кромѣ старшихъ кнезовъ, управлявшихъ округами, каждая деревня имѣла своего кнеза, представлявшаго ея мѣстные интересы и имѣвшаго въ своемъ распоряженіи сельскую исполнительную власть въ лицѣ кмета. Кнезы и кметы, избираемые деревней, сосредоточивали въ своемъ лицѣ власть полицейскихъ и судебную; они собирали подати по раскладкѣ, сдѣланной старшимъ кнезомъ, и вносили послѣд-

---

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie, т. II.

нему, а тотъ представлялъ пашѣ; они же распредѣляли и натуральную повинность. Община сербская представляла собою тотъ замкнутый кругъ народной жизни, который сберегъ для отдаленнаго потомства основныя черты національности, несмотря на всѣ неблагопріятныя политическія событія. Это община, въ которой еще удержалось слабое дыханіе національно-политической свободы, стала для каждаго Серба тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ наслѣдіемъ прошлаго, что въ ней, въ этой общинѣ, онъ видѣлъ нѣкоторую защиту противъ турецкаго произвола.

Въ концѣ XVIII ст. наступилъ и для Сербовъ періодъ тяжкихъ испытаній, который начался съ того времени, когда сдѣлавшіеся въ центральныхъ городахъ опасными, янычары отправлены были въ Сербію для занятія тамошнихъ городовъ.

Удаленные отъ глазъ падишаха и пользуясь силою оружія, янычары стали управлять страною вполнѣ самовластно, не обращая никакого вниманія на настоящаго правителя ея, бѣлградскаго пашу, назначая своихъ муззелиновъ, судей для разбирательства дѣлъ нетолько между мусульманами, но и христіанами; назначали сборщиковъ податей, администратосовъ и судей въ округахъ и деревняхъ, а народные кнезы насильственно вытѣснялись или избивались. Владычество Турокъ такимъ образомъ врывалось въ самый священный кругъ жизни каждаго Серба, въ его общинный міръ, и можно было ожидать, что это вторженіе встрѣтитъ достойное сопротивленіе. Дѣйствительно волненіе въ народѣ началось вскорѣ, но послѣ заключенія Свиштовскаго мира (1791 г.) могущество бѣлградскихъ янычаръ было такъ велико, что несмотря на присутствіе паши, австрійское военное начальство вело переговоры объ исполненіи нѣкоторыхъ статей этого мира не съ пашей, а съ янычарами [1]). Не довольствуясь угнетеніемъ христіанскаго населенія, янычары стали тѣснить и своихъ единовѣрцевъ, имѣвшихъ поземельную собственность въ Сербіи; многихъ изъ нихъ изгнали, другихъ убивали. Землевладѣльцы мусульмане (спахіи—прежніе сипаги) наравнѣ съ христіанами стали жертвою хищничества этой военной корпораціи, одинаково ненавидѣли ее и нерѣдко общими силами отражали нападеніе янычаръ.

Жалобы недовольныхъ, а также представленія австрійскаго правительства побудили султана издать фирманъ объ удаленіи янычаръ изъ Бѣлградскаго пашалыка. Янычары нѣсколько присмирѣли; спокойствіе возстановилось, но продолжалось весьма недолго. Турція вступала въ періодъ анархіи и не одни янычары отказывались признавать государственную власть. Всякій предпріимчивый правитель паша стремился у себя копировать падишаха, и въ этомъ стремленіи своемъ доходилъ де

[1]) Ранке, Исторія Сербіи, въ русскомъ переводѣ Бартенева.

того, что заводилъ у себя маленькое независимое государство, собиралъ для себя подати, назначалъ новые поборы, производилъ судъ и расправу отъ своего имени, опредѣлялъ должностныхъ лицъ, заводилъ войско, набирая его изъ людей разныхъ религій, національностей и нарѣчій. Самый видный элементъ въ этомъ войскѣ составляли *кирджаліи*—разбойничьи шайки съ политическимъ оттѣнкомъ, комплектовавшіяся изъ всѣхъ недовольныхъ общественнымъ порядкомъ. По преимуществу мусульмане, кирджаліи принимали въ свою среду людей всѣхъ націи религій. Пасванъ-Оглу съ помощью этой вольницы завоевалъ Видинъ и изъ Видинскаго округа образовалъ настоящее независимое государство, хотя и довольствовался скромнымъ званіемъ паши [1]). Послѣ изгнанія изъ Бѣлградскаго пашалыка янычаръ, послѣдніе бѣжали въ Видинскій округъ и охотно были приняты Пасваномъ-Оглу. Такъ какъ янычары далеко не желали покинуть мысли возвратиться въ Сербію, гдѣ имъ жилось такъ хорошо и привольно, то пользуясь могущественною защитою своего патрона, они открыто начали нападать сперва на сосѣднія съ Видинскимъ округомъ окраины Сербіи, а потомъ проникали и во внутрь страны, доходя до городовъ Супріи и Парачина. Тогдашній бѣлградскій паша Хаджи-Мустафа,—котораго Сербы прозвали за гуманное, справедливое и мягкое управленіе «Сербской маткой» [2]), дозволилъ Сербамъ вооруженною силою отражать нападенія видинской вольницы и кромѣ того далъ имъ въ помощь отрядъ изъ своего турецкаго гарнизона. Сербами командовалъ Станко Арамбашичъ, а Турками свои начальники. Оба отряда, сербскій и турецкій, дѣйствовали дружно противъ янычаръ и кирджаліевъ Пасвана-Оглу. При Чупріи, Пожаровцѣ и Кладовѣ они нѣсколько разъ разбивали видинцевъ. Къ несчастію для тогдашней Сербіи, султанъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ усмирить Пасвана-Оглу, вступилъ съ нимъ въ переговоры, признавъ его трехъ-бунчужнымъ пашей Видинскаго округа; вмѣстѣ съ тѣмъ янычары получили дозволеніе возвратиться въ Сербію. Возобновились прежнія неистовства ихъ; каждый день приносилъ вѣсти объ убійствахъ и иныхъ насиліяхъ надъ христіанами и мусульманами спахіями.. — Пока однако же Сербіею управлялъ Хаджи-Мустафа, народъ находилъ еще нѣкоторую защиту противъ янычаръ. Въ 1801 г. обстоятельства измѣнились. Въ это время янычары, пользуясь тѣмъ, что главныя силы бѣлградскаго гарнизона подъ начальствомъ Дервиша-паши (сына Хаджи Мустафы), отправлены въ Видинскій округъ для усмиренія вновь возмутившагося Пасвана-Оглу, схватили Хаджи-Мустафу, убили его, написавъ въ Константинополь, что къ рас-

[1]) Липранди, Восточный вопросъ и Болгарія.

[2]) Ранке, Исторія Сербіи.

36

правѣ этой они обратились въ виду подозрительнаго сближенія паши съ христіанами. Теперь янычары стали полными хозяевами Сербіи. Они ввели новый порядокъ управленія страною, раздѣлили ее на 4 округа, во главѣ которыхъ поставили дахіевъ, пріобрѣвшихъ столь громкую извѣстность своимъ хищничествомъ, отъ котораго въ одинаковой мѣрѣ страдали Сербы и турецкіе землевладѣльцы. Послѣ безуспѣшныхъ попытокъ легальнымъ путемъ избавиться отъ деспотизма янычаръ, населеніе Рудникской нахіи,—которая входитъ въ составъ центральной части Сербіи,—*Шумадіи*—взялось за оружіе осенью 1801 г. и во главѣ возстанія сразу становится Кара-Георгій, вскорѣ за тѣмъ призананный верховнымъ вождемъ Сербіи.

Кара-Георгій, сынъ поселянина Петронія, родился въ 1760 г. въ с. Вышевцахъ, Крагуевацкаго округа, и проведя первые годы въ м. Тополѣ, подобно своимъ сверстникамъ, не получилъ никакого образованія, даже самаго элементарнаго. Во время послѣдней австрійской войны (1788—1790 г.) молодой Кара-Георгій былъ въ числѣ лицъ, поступившихъ въ партизанскіе отряды, которые должны были развить повсемѣстное въ Сербіи возстаніе; оно однако не удалось и Кара-Георгій, продавъ всю свою движимость, рѣшился бѣжать въ Австрію вмѣстѣ съ отцомъ своимъ. Одобривъ на первыхъ порахъ намѣреніе сына, старикъ во время пути раздумалъ; ему жаль стало покинуть родину; «лучше пойдемъ назадъ, Турки простятъ насъ», упрашивалъ старикъ своего сына. Но когда они подходили уже къ рѣкѣ Савѣ, старикъ, убѣдившись въ безполезности долѣе настаивать на возвращеніи домой, сказалъ сыну: «ну такъ иди же ты одинъ, а я отправлюсь домой». «Нѣтъ», воскликнулъ Георгій, «я не потерплю, чтобы Турки уморили тебя медленною смертью; лучше умри теперь отъ моей руки». Онъ схватилъ пистолетъ, выстрѣлилъ въ отца и не желая видѣть его предсмертныхъ содраганій, велѣлъ одному изъ своихъ товарищей добить отца [1]). Въ Австріи Кара-Георгій записался въ отрядъ волонтеровъ, сформировавшійся тамъ изъ Сербовъ; дослужился фельдфебеля и вмѣстѣ съ австрійскими войсками вновь явился въ Сербію, но поссорившись съ начальствомъ, вышелъ изъ отряда и сдѣлался на нѣкоторое время гайдукомъ. По заключеніи Свиштовскаго мира, перешелъ въ Австрію и поселившись въ Крушедольскомъ монастырѣ, сторожилъ здѣсь монастырскій лѣсъ. Мирное правленіе Хаджи-Мустафы побудило Кара-Георгія возвратиться на родину, гдѣ занявшись торговлею свиньями, вскорѣ сталъ однимъ изъ зажиточныхъ поселянъ Рудникской нахіи. Теперь возобновившееся неистовство янычаръ подъ управленіемъ дахіевъ вновь вынудило Кара-Георгія, подобно многимъ

[1]) Ранке, Исторія Сербіи.

зажиточнымъ поселянамъ той мѣстности, оставить свое мирное занятіе и броситься въ горы. Весною 1804 г. изъ селъ Етергаса, Орасица и другихъ собрались по зову Кара-Георгія 300 поселянъ, вооруженныхъ ружьями, дубинами и ножами; среди собравшихся были и духовныя лица, изъ коихъ, по предложенію протопопа Афанасія, Кара-Георгій провозглашенъ былъ старѣйшиномъ. Разсказываютъ, что Кара-Георгій не желалъ принимать на себя этой роли и въ видѣ резона приводилъ жестокость своего нрава: «я человѣкъ лютый и злой; если кто меня не послушается или кто уклонится въ сторону, я убью того, а вамъ то будетъ омерзительно и каждый станетъ осуждать и злобиться, а Турки будутъ тому рады и мы можемъ чрезъ то пропасть». Ему на это отвѣчали:—«теперь намъ такого поглаваря и надо»;—«но я, продолжалъ Кара-Георгій, буду казнить всѣхъ, кто станетъ грабить купцовъ и мирныхъ людей». Протопопъ Афанасій отвѣчалъ: «если въ нѣмецкой рати ты умѣлъ управлять сотнями гайдуковъ и ополченцевъ, такъ съумѣешь это сдѣлать съ мирнымъ народомъ, а мы будемъ помогать тебѣ». Кара-Георгій согласился принять старѣйшинство, и собравшаяся дружина тотчасъ же поклялась ему въ повиновеніи передъ крестомъ и евангеліемъ. Такъ началась политическая роль Кара-Георгія въ исторіи Сербіи XIX ст. Съ каждымъ днемъ имя его становилось популярнѣе, сперва въ Рудникскомъ, а потомъ и въ другихъ округахъ; своею неутомимою дѣятельностью, въ которой обнаружилось и храбрость и организаторскій талантъ этого человѣка, своими простыми, но тѣмъ болѣе доступными чувствамъ простаго люда, воззваніями, нѣсколькими удачными схватками съ янычарами, Кара-Георгій вложилъ общую идею въ возстаніе, связалъ отдѣльныя инсурекціонныя движенія однимъ общимъ планомъ и тѣмъ сразу обезпечилъ успѣхъ начатой борьбы.

Дѣйствуя главнымъ образомъ въ Шумадіи, Кара-Георгій поспѣвалъ всюду, гдѣ требовалось подкрѣпленіе, и пользуясь знакомствами въ Австріи, выписывалъ оттуда порохъ, свинецъ, ружья,—которыя разсылалъ во всѣ концы Сербіи; по его мысли и подъ его руководствомъ отдѣльныя инсурекціонныя движенія обратились въ общее, стройное по единству плану народное возстаніе; имя Кара-Георгія стало произноситься во всѣхъ концахъ Сербіи и еще не признанный формально общимъ главой всей страны, онъ сталъ имъ въ дѣйствительности.

Но было бы несправедливо ему одному приписывать успѣхъ возстанія. Кромѣ того, что весь народъ беззавѣтно отдавался дѣлу освобожденія родины, люди какъ богатые, такъ и бѣдные приняли живое участіе въ борьбѣ за независимость,—нашлись искусные, энергическіе и вполнѣ преданные народному дѣлу предводители возстанію, которые ради общей пользы пренебрегли на первыхъ порахъ личными счетами о преимуществѣ одного передъ другимъ и всѣ одинаково подчинились власти Кара-Георгія.

Впослѣдствіи правда возникли мелкіе раздоры, но прочное начало борьбы было уже положено, идея свободы проникла въ народъ и стало его общимъ достояніемъ.

Начавшись въ Шумадіи, инсурекціонное движеніе распространилось съ *одной стороны* въ *сѣверо западной* части, отдѣляемой съ юга рѣкою Колубарою, *а съ другой* въ *восточной*—за рѣкой Моравой. *За Колубарой* во главѣ инсурекціи сталъ *Яковъ Ненадовичъ*, а за *Моравой—Миленко;* въ Шумадіи-же, которая прежде всѣхъ признала верховенство Кара-Георгія, предводительствовали отдѣльными отрядами *Янко Катичъ* и *Васо Чарапичъ*. Къ нимъ въ концѣ 1804 г., присоединился знаменитый гайдукъ Велько, прославившійся еще раньше удачными набѣгами на турецкія селенія. Передъ участіемъ въ общемъ возстаніи, онъ впрочемъ на время обратился къ мирной жизни, сталъ пасти овецъ и даже женился. Но теперь, когда Сербы взялись за оружіе, Велько досталъ свое оружіе и надѣлъ гайдукское платье. «Горе мнѣ», сказала жена, увидавъ его въ такомъ одѣяніи,—«мужъ мой разбойникъ»! — «Теперь всѣ стали разбойниками!» утѣшалъ ее мужъ и присоединился къ Кара-Георгію.

Въ Шумадіи Кара-Георгій, изгнавъ турецкую стражу, двинулся къ сѣверу; при деревнѣ Синицѣ произошла первая крупная стычка съ турецкимъ отрядомъ, высланнымъ изъ Бѣлграда. Кара-Георгій разбилъ этотъ отрядъ и пошелъ дальше, а между тѣмъ поселяне продолжали стекаться къ нему, такъ что, когда онъ дошелъ до села Вѣнгана, войско его состояло уже изъ 3000 человѣкъ. За Колубарой, въ Шабацкомъ округѣ, возстаніе поднялъ и руководилъ имъ Яковъ Ненадовичъ, первые ополченцы котораго, въ числѣ 400 человѣкъ, собрались 15 февраля 1804 г. на Бранковицкой высотѣ и здѣсь рѣшенъ былъ дальнѣйшій планъ инсурекціи, а также и распространеніе ея въ связи съ возстаніемъ въ другихъ мѣстностяхъ. Духовенство принимало самое близкое участіе въ возстаніяхъ; многіе изъ среды духовенства, какъ протопопъ Афанасій, попъ Лука Лазаревичъ и другіе, съ оружіемъ въ рукахъ предводительствовали отдѣльными отрядами,—но всѣ дѣятельно распространяли возстаніе возваніями и собираніемъ матеріальныхъ средствъ для поддержанія его. Отрядъ Ненадовича, притокомъ новыхъ волонтеровъ, быстро усилился до того, что стало возможно приступить къ осадѣ Волѣво и отдѣлить часть отряда для осады Свилуева. При отсутствіи артиллеріи, которая пока состояла всего изъ одной желѣзной пушки, Волѣво на этотъ разъ не могло быть взято, но за то при Свилуевѣ Сербы разбили Турокъ на голову и съ ожесточеніемъ стали изгонять отсюда янычаръ. Въ это время палъ и Рудникъ—первый изъ укрѣпленныхъ городовъ, доставшійся въ руки

Сербовъ, а за Моравой Миленко нѣсколько мѣстечекъ совершенно очистилъ отъ Турокъ. Возстаніе охватило всю Сербію и не было мѣстности, гдѣ бы Турки внѣ укрѣпленныхъ городовъ могли считать себя въ безопасности. Справедливо ожидая мести со стороны народа, онѣ спѣшили укрыться въ укрѣпленныхъ городахъ, бросая второпяхъ все свое имущество. Преимущественно Бѣлградъ, Шабацъ, Крагуевацъ переполнились бѣглецами, которые своими разсказами не на шутку встревожили дахіевъ. Послѣдніе, вѣроятно приписывая это возстаніе лично инціативѣ Кара-Георгія, вступили съ нимъ въ переговоры, предлагая ему денегъ и недвижимыя имѣнія съ тѣмъ, чтобы онъ прекратилъ возстаніе; при этомъ, конечно, обѣщана была неприкосновенность личности и имущества Сербовъ. Предложеніе дахіевъ поддерживалъ и бѣлградскій митрополитъ Леонтій, родомъ Грекъ. Кара-Георгій не только отвергнулъ предложенія дахіевъ, но и разослалъ повсюду предводителямъ отрядовъ письма, чтобы не слушались льстивыхъ рѣчей враговъ, которымъ вѣрить нельзя, а продолжали бы бить и изгонять Турокъ. 21 марта 1804 г. въ Остружницѣ созвана была первая скупштина, на которой, по предложенію Кара-Георгія, обсужденъ рядъ вопросовъ, касавшихся матеріальныхъ средствъ для продолженія борьбы. Средства эти найдены; зажиточные купцы согласились доставлять изъ Австріи военные и продовольственные припасы для войска. Нечего и говорить, что не нашлось въ собраніи ни одного человѣка, который бы не высказался въ пользу борьбы до крайности.

На сѣверо-западѣ *Ненадовичъ* приступилъ къ осадѣ Шабаца; *Кара-Георгій* изъ Шумадіи до самаго Бѣлграда нагналъ ужасъ на Турокъ и очистилъ отъ нихъ все это пространство; на Дунаѣ *Миленко* подступилъ къ Пожаровецу и обложилъ этотъ городъ, въ то время укрѣпленный. Шабацъ, послѣ упорнаго сопротивленія, сдался; Туркамъ дозволено было выйдти изъ крѣпости, но съ тѣмъ, чтобы они перешли на лѣвый берегъ рѣки Дрина. Обезпечившись съ этой стороны, Ненадовичъ и Кара-Георгій поспѣшили на помощь къ Миленко. Турки, при видѣ свѣжаго войска, вступили въ переговоры съ Миленко и сдали городъ. За Пожаровецомъ пало Смедерево. Сербы со всѣхъ сторонъ уже приближались къ Бѣлграду, который кромѣ янычаръ съ дахіями во главѣ, занималъ Гушанцъ-Али съ 1000 кирджаліевъ. Быть можетъ долго продлилась бы осада этого укрѣпленнаго города, такъ какъ въ распоряженіи Сербовъ было только нѣсколько мелкаго калибра пушекъ, но у нихъ вдругъ явился союзникъ, на котораго они не расчитывали. Со стороны Дрины къ Бѣлграду приближался боснійскій паша Бекиръ съ 3,000 войскомъ. Сербы встрѣтили его съ радостію и вмѣстѣ съ прибывшимъ войскомъ овладѣли сначала горо-

домъ, а потомъ и крѣпостью; янычары были изгнаны; дахіямъ дозволено перейдти въ Австрію, но на пути ихъ изрубили; кирджали съ Гуманцомъ-Али должны были также оставить Сербію.

Появленіе этого турецкаго войска подъ командою Бекиръ паши вызвано было опасеніемъ Порты, чтобы возстаніе противъ дахіевъ не обратилось въ борьбу Сербовъ противъ турецкаго владычества, и потому, а также и въ виду жалобъ турецкихъ землевладѣльцевъ (спахіевъ) на неистовства янычаръ,—правительство спѣшило удовлетворить справедливымъ требованіямъ народа—изгнаніемъ дахіевъ съ янычарами, и съ этою цѣлью послало трехъ-тысячное войско.

Бекиръ-паша предложилъ Сербамъ разойтись, выдать оружіе и вновь обратиться къ прежнимъ мирнымъ занятіямъ, обѣщая, что отнынѣ они могутъ быть спокойны въ томъ, что имущество и личности ихъ будутъ обезпечены защитою правительства.

Но было поздно. Успѣхъ возстанія укрѣпилъ въ народѣ надежду на полное избавленіе отъ турецкаго владычества и въ августѣ 1804 г. отправлена была въ Петербургъ депутація (Протъ Ненадовичъ, Иванъ Протичъ и Петръ Чердаклія), которая должна была просить содѣйствія русскаго правительства и объявить, что Сербы рѣшили продолжать борьбу, пока не скинутъ съ себя турецкое иго.

Въ февралѣ 1805 г. пришелъ отвѣтъ. Сербамъ совѣтовали вступить въ переговоры съ Портою и при этомъ обѣщалось заступничество Россіи.

Въ апрѣлѣ старѣйшины сербскіе и уполномоченные Порты сошлись въ Остружницѣ. Сербы требовали сдачи имъ всѣхъ крѣпостей, занятыхъ въ Сербіи турецкими гарнизонами. Уполномоченные отъ Порты съ перваго слова не только отвергли это желаніе Сербовъ, но и потребовали выдачи оружія бѣлградскому пашѣ, а также возвращенія турецкимъ властямъ городовъ, взятыхъ силою этого оружія. Сербы конечно не согласились и военныя дѣйствія возобновились.

Кара-Георгій съ небольшимъ отрядомъ двинулся къ Карановцу, который занятъ былъ янычарами; къ нимъ на помощь явился новопазарскій паша. Это однакоже не отклонило рѣшимости Кара-Георгія овладѣть городомъ. Разставивъ свои войска такъ, что онѣ могли казаться значительно многочисленнѣе, чѣмъ было на дѣлѣ, онъ бросился въ наступленіе. Паша первый вступилъ въ переговоры, прося дозволенія всѣмъ Туркамъ выйдти изъ города; Кара-Георгій согласился и городъ перешелъ въ руки Сербовъ.

А между тѣмъ Яковъ Ненадовичъ, отрядъ котораго состоялъ уже

изъ 3,000 человѣкъ, имѣя двѣ пушки, очищалъ отъ Турокъ западную окраину Сербіи, взявъ крѣпость Соколъ и городъ Ужицу. Вся центральная, западная и южная части страны перешли въ руки Сербовъ. Янычары и кирджаліи отовсюду были изгнаны. Въ Константинополѣ сильно встревожились при вѣсти объ этихъ успѣхахъ возставшаго народа. Султанъ, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился послать нишскаго пашу Афиза для обезоруженія Сербовъ и отобранія отъ нихъ занятыхъ ими городовъ.

Сербы приготовились къ оборонѣ. Между Чупріей и Парачиномъ Миленко съ Петромъ Добриняцомъ возвелъ нѣсколько укрѣпленій, а позади нихъ, на лѣвомъ берегу Моравы, подлѣ города Ягодина укрѣпился Кара-Георгій. Афизъ-паша безпрепятственно дошелъ до Парачина, занявъ этотъ неукрѣпленный и раскинутый на ровномъ, открытомъ мѣстѣ городъ и двинулся дальше на сербскій лагерь. Лагерь, хорошо окопанный и укрѣпленный, взять не удалось, а между тѣмъ попытка стоила Туркамъ большихъ потерь. Это, а также вѣсть о приближеніи Кара-Георгія, заставила Афиза удалиться изъ Парачина. Отрядъ дѣйствительно подоспѣлъ и Сербы, распустивъ между Турками слухъ о новыхъ подкрѣпленіяхъ, начали дѣлать приготовленія къ осадѣ Парачина. Афизъ-паша, боясь быть отрѣзаннымъ отъ Ниша, удалился изъ города, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ проживавшіе тамъ Турки.

Такимъ образомъ возстаніе противъ дахіевъ превратилось въ войну противъ султана, противъ турецкаго владычества. Сербы уже не желали ограничиться изгнаніемъ янычаръ; землевладѣльцы турецкіе должны были подвергнуться той же участи; во всей Сербіи возгорѣлась внутренняя истребительная война; въ иныхъ городахъ Сербы, захваченные врасплохъ, падали жертвою побоища, въ другихъ — Турки. Обѣ стороны платили другъ другу равною монетою, соперничая во взаимныхъ звѣрскихъ расправахъ. Но въ то время, когда Турки отбивались отрывочно, дѣйствіями Сербовъ руководила общая идея. Этимъ обусловливался успѣхъ возставшаго народа.

Нужно было дружное и энергическое напряженіе силъ народа, чтобы справиться съ задачею, которую ему предстояло исполнить. И народъ доказалъ, что онъ выросъ до высоты этой задачи.

Въ 1805 г. въ Сербіи разнесся слухъ, что сюда надвигаются двѣ турецкія арміи для быстраго и окончательнаго «водворенія порядка». Дѣйствительно, въ началѣ 1806 г. слухъ этотъ оправдался. Изъ Босніи *съ запада* шелъ тамошній визирь Бекиръ съ Босняками и Герцеговинцами, а *съ юга*—скутарійскій паша Ибрагимъ съ Албанцами и Румеліатами.

Сербы встали поголовно. Дома оставались только дѣти, да старики и женщины; никто не требовалъ чего либо напоминавшаго жалованья; всякій являлся съ собственнымъ оружіемъ, одѣваясь въ лучшее платье, жизненные припасы доставляли остававшіяся дома женщины. Нашлись и предводители. *Радичъ Пѣтровичъ* распространилъ возстаніе, начавъ отъ Парачина; *Петръ Добриняцъ* для охраны южной окраины, на крутомъ склонѣ праваго берега Моравы возвелъ укрѣпленіе при небольшой деревнѣ *Делиградѣ;* между тѣмъ *Младенъ* овладѣлъ Крагуевацомъ. *Миленко* на *сѣверѣ* — заперъ плаваніе по Дунаю и тѣмъ преградилъ снабженіе Бѣлграда продовольственными припасами со стороны Дуная, а на *升ринѣ* — *Стоянъ Чупичъ* отразилъ нѣсколько мелкихъ нападеній передовыхъ отрядовъ боснійскаго визиря.

Но критическая минута для Сербовъ наступила съ переходомъ въ Мачву 30-ти-тысячной турецкой арміи, которая, наводнивъ собою всю западную окраину до рѣки Калубары, распространилась по округамъ Волѣвскому и Шабацкому. *Яковъ Ненадовичъ*, желая выиграть время для усиленія своего войска, вступилъ въ переговоры съ Турками; посланные имъ уполномоченные долго не возвращались изъ турецкаго лагеря; въ народѣ почему то явилось подозрѣніе въ измѣнѣ его представителей; началось волненіе, которое могло имѣть гибельныя послѣдствія въ такой моментъ, когда требовалось полное согласіе, такъ какъ почти одновременно съ боснійскимъ визиремъ, съ *юга*, со стороны Ниша, наступалъ скутарійскій паша съ 40,000 войскомъ.

Это было въ іюнѣ 1806 г.

Кара-Георгій чрезвычайно искусно и быстро распредѣлилъ боевыя силы Сербіи и настигалъ Турокъ тамъ, гдѣ они его менѣе всего ожидали. Въ то время, когда Катичъ съ полутора-тысячнымъ отрядомъ задерживалъ наступательное движеніе части перешедшей черезъ рѣку Дринъ арміи боснійскаго паши, Кара-Георгій близь города Сокола, у деревни Пецки, настигъ врасплохъ сильный турецкій отрядъ Хаджи-Бега и разбилъ его на голову. Побѣда эта имѣла громадное нравственное значеніе; она прекратила волненія и рознь, начавшіяся въ западной окраинѣ. Съ каждымъ шагомъ дальнѣйшаго его движенія, войско Кара-Георгія усиливалось и когда вступило въ деревню Мишаръ, близь Шабаца, отрядъ его возросъ до 9000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ 2000 было всадниковъ. Здѣсь Сербы окопались и ждали нападенія главныхъ силъ боснійской арміи.

Нѣкоторые изъ товарищей Кара-Георгія совѣтовали тревожить непріятеля вылазками. Но Кара-Георгій разсудилъ, что въ виду многочислен-

наго осаднаго непріятельскаго войска, такія вылазки могутъ нанести лишь нечувствительныя потери непріятелю, да притомъ надобно было очень беречь порохъ и свинецъ. Наканунѣ предполагаемой битвы, Кара-Георгій составилъ планъ дѣйствія: кавалерія должна была занять лѣсъ съ тѣмъ, чтобы при нападеніи непріятеля ударить на него съ тыла, а окопавшійся лагерь долженъ былъ подпустить непріятеля на разстояніе прицѣльнаго выстрѣла. Утромъ слѣдующаго дня Сербы увидѣли приближающагося непріятеля и оставались спокойными до того момента, пока Кара-Георгій не подалъ знакъ. Тогда раздался дружный и мѣткій залпъ нѣсколькихъ тысячъ ружей; за нимъ послѣдовалъ другой, третій и т. д., а въ это время изъ лѣса кинулась на непріятеля сербская конница. Разстройство турецкаго войска сдѣлалось полнымъ, послѣ того, когда пали главные начальники его; оно бросилось въ разсыпную, спѣша переправиться черезъ рѣку Дринъ; Сербы настигали бѣжавшихъ и били ихъ. Западная окраина, за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, вся была очищена отъ Турокъ.

Столь же удачно *на югѣ* дѣйствовалъ *Петръ Добриняцъ.* Онъ укрѣпился въ Делиградѣ и въ теченіе шести недѣль геройски оборонялся отъ нападеній войскъ Ибрагима-паши, который вынужденъ былъ снять осаду, такъ какъ съ тыла постоянно его тревожили отдѣльные сербскіе отряды подъ предводительствомъ *Младена* и *Главаша.*

Ибрагимъ-паша, спѣша предупредить дальнѣйшіе завоевательные успѣхи Сербовъ, тѣмъ болѣе, послѣ того, когда изъ Константинополя пришли тревожныя извѣстія о предстоящей войнѣ съ Россіею, вступилъ въ переговоры съ Кара-Георгіемъ осенью 1806 г. Въ Смедеровѣ собрались сербскіе и турецкіе уполномоченные для обсужденія условій мира. Порѣшено было отправить въ Константинополь для окончательныхъ переговоровъ съ Портою (такъ какъ Ибрагимъ-паша не имѣлъ на то достаточныхъ полномочій) двухъ сербскихъ кнезовъ и Болгарина Петра Ичко, который, въ качествѣ драгомана при турецкомъ посланникѣ въ Берлинѣ, пріобрѣлъ нѣкоторую опытность въ политическихъ дѣлахъ. Сербы требовали отъ Порты исключительнаго владѣнія страною, занятія крѣпостей, дозволенія имѣть собственное правительство и замѣны разныхъ турецкихъ сборовъ платежомъ ежегодной дани султану въ 1.250,000 гульденовъ [1]). Вначалѣ Порта на это согласилась, и радостная вѣсть, привезенная Петромъ Ичкомъ, быстро распространилась по Сербіи. Быть можетъ обѣщаніе султана было искреннее; но такъ какъ новые порядки

---

[1]) Н. Поповъ, Сербія и Россія, т. I.

исключали турецкое землевладѣніе въ Сербіи и спахіи должны были оставить эту страну, то турецкое населеніе столицы, гдѣ спахіи имѣли большія связи и привлекли на свою сторону всемогущихъ тогда улемовъ, потребовало безусловнаго подчиненія Сербовъ. Народъ вновь взялся за оружіе. Руководители возстанія рѣшили теперь овладѣть Бѣлградомъ. Кара-Георгій стянулъ къ этому городу главныя силы и самъ принялъ начальство надъ ними; подъ его руководствомъ дѣйствовали *Милое*, *Миленко* и *Сарапичъ*. Въ концѣ декабря 1806 г. городъ вмѣстѣ съ крѣпостью сдался; турецкій гарнизонъ былъ почти весь перебитъ. Паденіе Бѣлграда, этого главнаго оплота турецкаго владычества въ Сербіи, еще больше оживило энергію народа и вызвало въ немъ еще бо́льшую готовность къ жертвамъ. За Бѣлградомъ, занятые еще Турками города и крѣпости, одинъ за другимъ переходили въ руки Сербовъ. Въ февралѣ 1807 г. дался Шабацъ; въ іюнѣ Кара-Георгій взялъ приступомъ Ужицу, причемъ со стороны Сербовъ отличился *Милошъ Обреновичъ*, раненый тамъ въ грудь; Яковъ Ненадовичъ успѣшно отбился въ Лозницѣ отъ Турокъ и вытѣснилъ ихъ за рѣку Дринъ; въ юго-восточной окраинѣ гайдукъ Велько наносилъ Туркамъ страшные уроны удачными и неожиданными нападеніями, а на *сѣверо-востокѣ* Сербы подъ начальствомъ Миленко въ концѣ мая при деревнѣ Милайницѣ разбили видинскаго пашу Моллу, который самъ былъ при этомъ раненъ. Такимъ образомъ вся страна между рѣками Дриномъ и Тимокомъ, Дунаемъ и городами—Нишемъ и Новымъ Пазаромъ въ 1807 г. перешла во власть Сербовъ.

ГЛАВА XXXI.

Возобновленіе борьбы Сербіи за независимость при участіи Россіи (1809—1812 г.).

1. Внутреннія преобразованія. 2. Движеніе Кара-Георгія въ Черногорію. 3. Неудачная осада Новаго Пазара. 4. Турки вновь наводняютъ Сербію. 5. Совокупныя дѣйствія Сербовъ и Русскихъ въ 1810 г. 6. Турки оставляютъ Сербію. 7. Букарестскій миръ 1812 г. 8. Новыя преобразованія въ управленіи страной. 9. Турки вновь занимаютъ Сербію. 10. Рѣзкая перемѣна въ Кара-Георгіѣ и бѣгство его.

Собственными скудными средствами Сербы возставшіе поголовно достигли фактической независимости отъ турецкаго владычества. Они явили собою примѣръ, что́ можетъ сдѣлать горсть народа, проникнутая живымъ сознательнымъ стремленіемъ скинуть съ себя тяготѣющее надъ нимъ иго. Правда, послѣ объявленія (въ концѣ 1806 г.) Портою войны Россіи, въ 1807 г. на помощь Сербамъ явился небольшой отрядъ Русскихъ подъ начальствомъ генерала Исаева и помогъ одержать Сербамъ побѣду надъ Турками при Милайницѣ, но эта помощь явилась уже въ то время, когда почти вся Сербія очищена была отъ Турокъ.

Теперь оставалось позаботиться о внутреннемъ устройствѣ страны, создать правительство, соотвѣтствующее духу времени и привлечь народъ къ участію въ управленіи страною. Мы увидимъ, что дѣло это оказалось болѣе труднымъ и менѣе успѣшнымъ, чѣмъ самый процессъ борьбы за независимость и объясняется это частью тѣмъ, что въ теченіе вѣковъ народъ отвыкъ отъ политической жизни и изъ всѣхъ учрежденій прошлаго только скупштина сохранилась еще въ памяти народа, частью тѣмъ, что храбрые воины, но политически неопытные, нерѣдко совершенно безграмотные руководители народа съ перваго же шага своей преобразовательной дѣятельности подпали чуждымъ вліяніямъ Австріи и Россіи, къ которымъ впослѣдствіи присоединилось даже вліяніе Порты.

Каждая изъ этихъ странъ стремилась болѣе или менѣе исключительно запечатлѣть своимъ вліяніемъ будущее устройство страны, а это стремленіе въ свою очередь повело къ тому, что въ средѣ руководящихъ лю-

дей образовался разладъ, явились партіи русская, австрійская и турецкая [1]).

Вліяніе русскаго правительства въ началѣ было преобладающимъ. Двинувъ войска въ Молдаво-Валахію въ 1806 г., русское правительство, въ ожиданіи открытія военныхъ дѣйствій съ Турками, прежде всего въ военно-стратегическихъ соображеніяхъ нашло полезнымъ завязать сношенія съ возставшими противъ султана Сербами и для поддержанія этихъ сношеній послало въ Бѣлградъ въ началѣ 1807 г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина въ качествѣ постояннаго русскаго агента, а для отвлеченія главныхъ турецкихъ силъ отъ нападенія на окупаціонную русскую армію, — послало въ томъ же 1807 г. небольшой отрядъ Исаева въ восточную Сербію. При такихъ условіяхъ русская партія пріобрѣла рѣшительный перевѣсъ и по ея указанію, для составленія перваго органическаго устава, приглашенъ былъ въ Сербію изъ Харькова докторъ правъ Филиповичъ.

По проекту доктора правъ Филиповича, основано было высшее гражданское учрежденіе подъ именемъ совѣта. Онъ состоялъ изъ 12 членовъ (сенаторовъ), изъ которыхъ каждый избирался своимъ округомъ и обязанъ былъ защищать интересы своего округа въ связи съ общими интересами страны. Согласно этому и жалованье сенаторы получали частью изъ общественной казны—деньгами, а частью отъ своего округа — натурою.

Совѣтъ ввелъ нѣкоторый порядокъ въ экономическомъ управленіи страной и тѣмъ усилилъ денежныя средства общественной казны. Такъ напр. послѣ изгнанія Турокъ нѣкоторые воеводы забрали въ свои руки такія статьи доходовъ, которыя составляютъ государственныя регаліи, какъ: пошлина съ внѣшней торговли, сборы съ перевозовъ по Дунаю и проч. Совѣтъ всѣ названные доходы пытался изъять изъ частной собственности и отчасти достигъ этого. Судебная власть организована была на началахъ коллегіальныхъ. Прежніе кметы лишены судебной власти; вмѣсто нихъ въ каждомъ городѣ учрежденъ былъ магистратъ, состоящій изъ судьи, засѣдателя и писца; жалобы на магистратъ подавались совѣту. Не оставлено было безъ вниманія и народное образованіе, которое до тѣхъ поръ ограничивалось школами, состоящими при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ. Теперь въ каждомъ городѣ заведены школы съ общеобразовательною программою въ родѣ уѣздныхъ училищъ, а въ Бѣлградѣ для подготовленія учителей основана по проекту Юговича высшая школа—съ математикою, исторіею и правовѣденіемъ [1]). Много въ

[1]) Kollay, Geschichte der Serben.

этой правительственной организаціи было пробѣловъ, но такова участь всякаго начинанія и тѣмъ болѣе въ странѣ, гдѣ вслѣдствіе чуждыхъ вліяній самобытное развитіе учрежденій съ перваго почти шага должно было подвергнуться сильному испытанію. Россія, Австрія и даже Турція снабжали представителей страны совѣтами относительно организаціи управленія. Послѣдствія этихъ услугъ не замедлили обнаружиться: въ средѣ представителей страны возникли партіи, которыя вмѣсто того, чтобы искать силу въ самихъ себѣ или въ народѣ, искали опоры внѣ страны и въ то время, когда одни жаловались Россіи на людей противной партіи, послѣдніе заискивали предъ Австріею, Турціею, Англіею или Франціею. Слабая сторона правительственной организаціи заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что не были съ точностью опредѣлены отношенія военноначальниковъ или такъ-называемыхъ воеводъ къ высшему правительственному учрежденію, сенату. Хотя воеводство имѣло исключительно военное призваніе и роль воеводы, весьма обширная во время военныхъ дѣйствій, въ мирное время должна была ограничиться гарнизонною службою; но въ дѣйствительности вышло не такъ: *во первыхъ*, воеводы стали присвоивать себѣ судебно-административную власть въ своемъ округѣ, пытаясь дѣйствовать въ этой сферѣ совершенно безконтрольно, захватывая въ свои руки доходныя статьи, составляющія государственную регалію; *во вторыхъ*, въ своемъ округѣ воевода имѣлъ подавляющее вліяніе при выборѣ сенаторовъ и такимъ образомъ если не всѣ, то многіе члены совѣта, обязанные своимъ положеніемъ воеводамъ, по необходимости не могли быть самостоятельны, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сталкиваясь интересы общественные съ интересами воеводъ. Вслѣдствіе этого первое высшее учрежденіе сербское, совѣтъ, не имѣло той прочности, которая необходима была для самостоятельнаго управленія страной. Совѣтъ сталъ поприщемъ для интригъ и до такой степени не пользовался авторитетомъ въ глазахъ представителей народа, что послѣдніе подчинялись распоряженію совѣта на столько, на сколько это имъ нравилось. Даже верховный вождь Кара-Георгій выразился по поводу одного распоряженія совѣта, которое состоялось вопреки его волѣ: «въ теплыхъ покояхъ легко издавать законы, а какъ воротятся Турки, тогда кто выйдетъ въ поле?» [2]) Другой, — страшный для Турокъ гайдукъ,—Велько, по поводу отчета, потребованнаго отъ него въ его дѣйствіяхъ, вмѣсто всякихъ объясненій велѣлъ сказать совѣту: «я думалъ, что меня спросятъ, сколько я Турокъ перебилъ, сколько добра у нихъ

[1]) Ранке, Исторія Сербіи.
[2]) Ранке, Исторія Сербіи.

отнялъ, сколько ранъ получилъ, а они спрашиваютъ сколько я дѣвокъ перецѣловалъ» [1]). Что же касается скупштины, то, не говоря уже о томъ, что отношенія къ ней совѣта были неопредѣлены, это собраніе, которое должно было выражать державную волю народа, созывалось случайно, безъ означенія даже по чьей инціативѣ и въ какихъ случаяхъ скупштина могла быть созываема.

Надобно удивляться, что при такой шаткости, неопредѣленности правительственной системы и въ особенности при скрещиваніи чуждыхъ вліяній Сербія, только что вступившая на путь самостоятельной политической жизни, не стала жертвою анархіи. Такой счастливый исходъ, кромѣ общихъ причинъ, которыя между прочимъ заключаются въ геніи народа, слѣдуетъ приписать личности Кара-Георгія. Человѣкъ этотъ отличался желѣзною волею и преданностью идеѣ, ради которой, какъ мы видѣли, онъ не пощадилъ роднаго отца своего, убивъ его своей рукой, а впослѣдствіи, сдѣлавшись верховнымъ вождемъ, приказалъ убить роднаго брата своего, когда тотъ совершилъ какое-то противозаконное дѣяніе; онъ не вступалъ ни въ какіе компромиссы съ людьми, которые ему казались вредными для общаго дѣла и никто не могъ разсчитывать на пощаду отъ него. Возвративъ занятые Турками округа на Denисѣ, Кара-Георгій велѣлъ перебить всѣхъ кнезовъ, которые поставлены были Турками и слѣдовательно могли быть заподозрѣны въ близкихъ съ ними отношеніяхъ. Разумѣется, это даетъ поводъ обвинять верховнаго вождя въ жестокости, но оправданіемъ (если только жестокость и вообще насиліе могутъ находить какое-нибудь оправданіе) служитъ совершенное отсутствіе всякой личной страсти и всего мелочнаго, что придаетъ насилію, даже невыражающемуся въ такой трагической формѣ, особенно гнусный характеръ. Суровая диктатура Кара-Георгія можно сказать на время остановила внутренніе раздоры.

Почти два года Сербы оставались спокойными обладателями своей страны, и если бы кромѣ соціально-политической организаціи ея, они удѣлили вниманіе укрѣпленію границъ своей страны для обезпеченія себя на случай будущихъ нападеній Турокъ, то можно было навѣрное сказать, что уже въ то время Сербія получила бы тѣ права вассальнаго княжества, которыя потомъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, она вырывала по частямъ въ теченіе болѣе полустолѣтія. Турція находилась въ такомъ положеніи, что готова была на всякія уступки въ пользу Сербіи; въ 1809 г. открылись рѣшительныя военныя дѣйствія со стороны Русскихъ, которые въ концѣ этого года нетолько перешли

[1]) Ранке, Исторія Сербіи.

Дунай, но и приступили къ осадѣ Варны; Турціи довольно было заботъ для борьбы съ сильнѣйшимъ врагомъ, и небольшая Сербія, которая ей стоила уже такихъ потерь, по необходимости отступила на второй планъ. Порта, какъ мы видѣли, уже въ 1806 г. склонилась на требованія сербскихъ уполномоченныхъ, и хотя на тотъ разъ требованія эти не были удовлетворены главнымъ образомъ потому, что спахіи (турецкіе землевладѣльцы въ Сербіи) не желали отказаться отъ своихъ правъ, но въ данномъ случаѣ и сами спахіи не настаивали на удержаніи этихъ правъ, послѣ того, когда они рядомъ опытовъ могли достаточно убѣдиться, что пользованіе поземельными правами среди враждебнаго населенія будетъ чрезвычайно затруднительно и что выгоднѣе получить денежный выкупъ. Расчетъ на внѣшнюю помощь Франціи—не оправдался, и можно сказать, что въ данномъ случаѣ въ отношеніяхъ къ европейскимъ государствамъ Турція стояла изолированною и безпомощною.

Мы покинули Турцію послѣ Ясскаго мира 1792 г. и видѣли, что въ то время она состояла подъ защитою Англіи, такъ какъ Франціи, вовлеченной въ великую революцію, было не до восточной политики. Съ открытіемъ войны монархической коалиціи противъ Французской республики, Англія, а за ней и Австрія пытались толкнуть Турцію въ водоворотъ общеевропейской войны, стараясь раскрыть передъ султаномъ чуть ли не неминуемую опасность, которой власть падишаха можетъ подвергнуться отъ повсемѣстнаго распространенія изъ Франціи революціонныхъ идей. Хотя падишаху слова эти, — «революціонныя идеи»— должны были казаться туманными, но французскій уполномоченный, гражданинъ Вернинакъ, своимъ откровеннымъ республиканскимъ поведеніемъ въ Стамбулѣ дѣйствительно впалъ въ немилость у Порты, которая въ описываемое время шла на арканѣ Англіи. За то въ свою очередь и Наполеонъ, подѣливъ между Франціею и Австріею итальянскія земли по Кампоформійскому миру 1797 г. (причемъ Австрія получила большую часть Венеціи съ Далматійскимъ берегомъ Адріатическаго моря), отплатилъ Портѣ за временное ея нерасположеніе къ республикѣ, занявъ въ 1798 году. Египетъ и Іоническіе острова Теперь Англія въ союзѣ съ Россіею имѣла достаточный поводъ для побужденія Порты къ войнѣ съ республикой, и въ томъ же году 12 сентября Порта дѣйствительно объявила ей войну, бросивъ французскаго уполномоченнаго въ Семибашенный замокъ, и въ угоду монархической коалиціи, посланъ даже отрядъ войска въ итальянскую армію Суворова.

Провозглашенный императоромъ, Наполеонъ поспѣшилъ примириться съ султаномъ и напомнивъ о вѣковой дружбѣ Франціи и Турціи, указалъ на громадныя для Турціи выгоды дружественныхъ отношеній этихъ двухъ

государствъ. Искусному уполномоченному, генералу Себастьяни вполнѣ удалась возложенная на него въ этомъ отношеніи миссія; онъ даже успѣлъ побудить Порту къ войнѣ съ Россіею указаніемъ на вмѣшательство русскаго правительства въ дѣла Молдаво-Валахіи, господари которой Маврокардато и Мурузи, какъ преданные Россіи, были по совѣту же Себастьяни немедленно низложены. При такихъ отношеніяхъ и безуспѣшныхъ попыткахъ Англіи побудить Порту примкнуть къ англо-русскому союзу, случился эпизодъ, который чуть не повелъ къ разрыву между Англіею и Турціею. Англійскій адмиралъ Дуквортъ получилъ предписаніе прорваться черезъ Дарданеллы съ тѣмъ, чтобы заставить Порту отозвать свои войска съ Дуная; это въ свою очередь требовалось необходимостью освободить южную русскую армію для присоединенія къ коалиціонной. Въ началѣ 1807 г. Дуквортъ дѣйствительно прорвался и присталъ у Принцевыхъ острововъ; но благодаря длиннымъ переговорамъ, въ которыхъ со стороны англійскаго адмирала не щадилось угрозъ, время было упущено и французскіе инженеры на столько успѣли укрѣпить Константинополь, что небольшой англійской эскадрѣ нечего было и думать обстрѣливать столицу. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, Дуквортъ поспѣшилъ убраться обратно. Капудэнъ-паша Сейдъ-Али погнался за Дуквортомъ, но Англичанина не настигъ, а у Тенадоса натknулся на русскую флотилію Сенявина, былъ отбитъ и потерявъ нѣсколько судовъ, по возвращеніи въ Стамбулъ поплатился за неудачу своей головой. Такимъ образомъ дружественныя отношенія съ Франціею остаются нерасторгнутыми. Правда связанный съ Тильзитскимъ миромъ (9 іюля 1807 г.) проектъ раздѣла Турціи произвелъ было охлажденіе между Портою и французскимъ правительствомъ, но такъ какъ обѣ стороны— императоры Александръ I и Наполеонъ I очень скоро сами отказались отъ этого проекта, то искусному Себастіани опять удалось возстановить согласіе между Портою и французскимъ правительствомъ. Согласіе это не могло однакоже принести ни малѣйшей пользы Турціи. Себастіани обѣщалъ вооруженную помощь Франціи султану въ русско-турецкой войнѣ, но въ дѣйствительности вся помощь сводилась къ нѣсколькимъ десяткамъ французскихъ офицеровъ, которые отправлены были изъ grande armée для обученія Турокъ военному искуству. Наполеонъ I напротивъ расчитывалъ самъ на косвенную помощь Турціи посредствомъ задержанія русскихъ войскъ въ Молдаво-Валахіи. Такимъ образомъ, Турція осталась безъ всякой внѣшней опоры, потому что другая ея естественная союзница, Англія въ данное время, — уже однимъ занятіемъ Египта (послѣ очищенія этой страны Французами) стала въ враждебное положеніе къ Турціи, а между тѣмъ съ сѣвера надвигались русскія войска.

Въ такихъ внѣшнихъ отношеніяхъ находилась Турція, когда наступилъ 1809 годъ.

Время было благопріятное для Сербовъ возобновить свои требованія полной автономіи, на которыя султанъ безъ сомнѣнія согласился бы [1]).

Но сербскіе вожди вмѣсто того, чтобы довольствоваться закрѣпленіемъ сдѣланныхъ пріобрѣтеній, вступили на традиціонный путь завоеваній и должны были выдержать новую войну съ Турками. Рѣшено было произвести общее возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ. Два сербскихъ отряда выступили изъ Шабацкаго округа въ 1809 г. Въ то время, когда *Сима* перешелъ рѣку Дринъ при нижнемъ ея теченіи и завладѣлъ укрѣпленіями лѣваго берега рѣки, — Бѣлиной, Яниной, Сребреницей, Вышеградомъ, самъ Кара-Георгій двинулся черезъ Боснійскія горы на соединеніе съ Черногорцами. По мѣрѣ движенія къ югу, войска его усиливались; Босняки, относясь къ Кара-Георгію, какъ къ освободителю христіанъ, толпами присоединялись къ Сербамъ. Но все таки при Суводолѣ Кара-Георгію пришлось выдержать серьозное испытаніе. Многочисленное турецкое войско не только загородило ему дальнѣйшій путь, но почти окружило Сербовъ. Только,—какъ разсказываютъ,—счастливый случай избавилъ ихъ отъ опасности: нѣкто Вула-Иличъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ, переодѣтыхъ въ турецкое платье, стремглавъ бросился въ передовые ряды непріятельскаго войска, крича: «Турки бѣгутъ!» Это произвело въ немъ переполохъ; Турки смѣшались, а Кара-Георгій, пользуясь минутой, ударилъ на нихъ подъ защитою артиллерійскаго огня. Турки потерпѣли пораженіе, а Кара-Георгій двинулся дальше. На пути взята была приступомъ Сѣница, паденіе которой открыло сообщеніе съ Черногорцами.

Событіе это могло имѣть нѣкоторыя послѣдствія, такъ какъ христіане Босніи и Герцеговины готовы были возстать поголовно съ тѣмъ, чтобы подъ знаменемъ заслужившаго громкую извѣстность вождя Сербовъ воевать съ Турками; охотно соединились бы съ Сербами и Черногорцы, и быть можетъ уже въ то время на долю Сербіи выпала бы роль славянскаго Пьемонта.

Къ сожалѣнію Кара-Георгій, увлекшись двумя удачными побѣдами, вмѣсто того, чтобы организовать возстаніе въ Босніи, двинулся на Новый Пазаръ, задумавъ взять этотъ сильно укрѣпленный городъ. Осада длилась нѣсколько недѣль безуспѣшно, а между тѣмъ Турки, пользуясь отсутствіемъ верховнаго вождя, а также и тѣмъ, что наводненіе Дуная на время устранило возможность перехода русскихъ войскъ черезъ эту

[1]) Lavallée, Histoire de la Turquie; Russel, Russian wars with Turkey, изд. 1877 г.

рѣку, вступили въ Сербію близь Алексинаца. Сербы, къ которымъ подоспѣлъ Кара-Георгій, хотѣли загородить дорогу, но подавляющее численное превосходство непріятеля рѣшило судьбу сраженія. Сербы потерпѣли пораженіе, потерявъ 6,000 убитыми, лагерь, много пушекъ и снарядовъ. Турки двинулись на Чупрію, отдѣливъ отрядъ для осады Делиграда, который занималъ *Милое*, съ незначительнымъ гарнизономъ. Чупрія была взята и Турки въ числѣ 39,000 человѣкъ готовились двинуться къ Бѣлграду. На *западѣ*, по линіи рѣки Дуная, Ибрагимъ-паша съ 18-ти-тысячнымъ войскомъ пытался овладѣть Шабацомъ и другими укрѣпленными пунктами; *на сѣверо-востокѣ*—Гушанцъ-Али взялъ Пожаровецъ и надвигался на Смедерово, обладаніе которымъ открыло бы ему путь къ Бѣлграду. Но Сербы не падали духомъ; никто не предлагалъ верховному вождю вступить въ переговоры съ непріятелемъ, а вмѣсто этого всѣ вооружались, такъ что на западѣ Ибрагимъ-паша уже могъ быть вытѣсненъ за Дрину и притомъ понесъ большія потери, а въ Чупріи собралось 60-ти-тысячное войско. Если присоединить къ этому отряды, которые дѣйствовали на востокѣ, то безошибочно можно сказать, что Сербія въ то время выставила подъ оружіе не менѣе 100,000 человѣкъ,—процентъ громадный сравнительно съ общею численностью населенія. — Численность эта не превышала однаго милліона. Такой процентъ, показываетъ, что весь народъ сталъ героемъ и беззавѣтно отдался борьбѣ за свою независимость. Дѣйствительно, если изъ милліона населенія исключить женщинъ, дѣтей и вообще безсильныхъ по возрасту или болѣзнямъ владѣть оружіемъ, то останется тысячъ триста людей всѣхъ профессій и занятій; третья часть изъ этого числа взялась за оружіе. Такіе образцы самопожертвованія должны занять блестящія страницы въ исторіи Сербскаго народа новѣйшаго времени, какъ бы незначительны ни были положительные результаты этихъ героическихъ подвиговъ возставшаго народа.

Подъ Чупріей на открытой полянѣ произошло кровопролитное сраженіе. Условія мѣстности были въ пользу непріятеля, имѣвшаго сильную кавалерію въ то время, какъ сербское войско состояло лишь изъ пѣхоты, открытой со всѣхъ сторонъ. Однако цѣлый день они держались въ устроенныхъ ими окопахъ. Въ концѣ перваго дня (1 августа) наружные окопы были взяты, но о сдачѣ никто не думалъ, хотя въ рядахъ сербскаго войска 6000 человѣкъ выбыло изъ строя; уронъ Турокъ былъ гораздо значительнѣе, такъ какъ Сербы по обыкновенію допускали непріятеля на разстояніе придѣльнаго выстрѣла и тогда только открывали огонь. Этими громадными потерями объясняется безпрепятственное отступленіе Сербовъ на другой берегъ Моравы подъ прикрытіемъ ягодинскихъ высотъ. Скоро дошла очередь до Делиграда, куда стянулись Турки,

вытѣснивъ Сербовъ изъ подъ Чупріи. Приступы начались 3-го августа, повторяясь каждый день. Сербы дрались мужественно и до 11 августа отбивались отъ Турокъ, которымъ нанесли страшный уронъ, но и храбрый гарнизонъ делиградскій съ каждымъ днемъ замѣтно таялъ. Бой шелъ ожесточенный; никто не сдавался въ плѣнъ; Сербы рѣшились скорѣе умереть, чѣмъ видѣть облитую ихъ кровью землю во власти врага. Дѣйствительно, Делиградъ былъ занятъ Турками 11 августа, но послѣ того, когда тамъ не осталось ни одного Серба: Турки прошли въ Делиградъ по трупамъ павшихъ защитниковъ его. Но дорого обошлась Туркамъ эта побѣда; 7000 труповъ ихъ усѣяли окрестность Делиграда и существующіе до сихъ поръ курганы указываютъ на могилы Турокъ. Почти одновременно съ этимъ другой турецкій отрядъ арміи нишскаго паши напалъ на сербское укрѣпленіе близь Каменицы, которое охранялъ Стефанъ Сингеличъ съ 3000 человѣкъ. Отбиваясь въ теченіи нѣсколькихъ дней, но подавленный численнымъ превосходствомъ непріятеля, Сингеличъ послѣ отчаяннаго рукопашнаго боя, не видя надежды спастись, но и не желая сдаться врагу, зажегъ пороховые ящики и вмѣстѣ съ остаткомъ гарнизона погибъ въ развалинахъ взорваннаго укрѣпленія.

Не могъ удержаться и гайдукъ Велько, укрѣпившійся въ Баньѣ; все что онъ въ силахъ былъ сдѣлать съ небольшимъ своимъ отрядомъ— это пробиться сквозь густые ряды непріятельскаго войска.

Послѣ ряда неудачъ, дорогу въ Бѣлградъ можно было считать открытою; русскій уполномоченный Радофиникинъ бѣжалъ и этимъ возбудилъ еще бóльшія опасенія въ населеніи города, которое въ свою очередь стало перебираться на австрійскій берегъ.

Но и положеніе Турокъ было незавидное. Изъ за каждаго камня, куста, съ горы и лѣса, ихъ сторожили враги, которые не давали пощады и наносили имъ страшный уронъ. Туркамъ пришлось имѣть дѣло не съ войсками только, но съ цѣлымъ народомъ - героемъ, возставшимъ поголовно и рѣшившимся скорѣе лечь костьми, чѣмъ отдать землю, напоенную кровью его братьевъ, а потому, не смотря на одержанныя побѣды, Турки какъ бы желали отдохнуть, оправиться прежде, чѣмъ идти дальше. Быть можетъ и переходъ Русскихъ на правый берегъ Дуная, а также сношенія главнокомандующаго южною арміею, Каменскаго, съ Кара-Георгіемъ, которыя не могли не сдѣлаться извѣстными Туркамъ, вызвали въ нихъ нѣкоторую нерѣшительность. Конецъ 1809 г. прошелъ спокойно; обѣ стороны оставались какъ бы въ выжидательномъ положеніи.

Въ 1810 г. война возобновилась въ соединеніи съ русскими отрядами графа Орурко, Цукато, Засса,—которые помогли Сербамъ очистить отъ Турокъ восточную окраину, преграждая въ то время Хур-

шиду - пашѣ дальнѣйшій пути въ Бѣлградъ. А между тѣмъ съ запада боснійскій паша перешелъ рѣку Дринъ съ 40 тысячнымъ войскомъ, и осадилъ Лозницу, гдѣ съ незначительнымъ горнизономъ засѣлъ Антоній Богитевичъ.

Кара-Георгій, быстро собравъ ратниковъ крагуевацкихъ, смедеревскихъ, грацкихъ и бѣлградскихъ, двинулся на выручку осажденной Лозницы; сюда на подкрѣпленіе пришли Яковъ Ненадовичъ изъ Шабаца и попъ Лука Лазаревичъ изъ Волѣва. Такимъ образомъ, благодаря неутомимой энергіи Кара-Георгія, который являлся всюду въ критическія минуты, боснійскому пашѣ пришлось имѣть дѣло съ многочисленнымъ сербскимъ ополченіемъ. Шестаго октября произошла битва, окончившаяся пораженіемъ Турокъ. Начавшись артиллерійскимъ огнемъ, она перешла въ рукопашную схватку, про которую Кара-Георгій разсказывалъ: «мы смѣшались другъ съ другомъ и цѣлые два часа дрались на сабляхъ; много побито Турокъ и отсѣчено турецкихъ головъ; у нихъ пало втрое больше нашего. Никогда еще не было такого жаркаго дѣла; поле осталось за нами».

Западная Сербія была очищена отъ Турокъ. Не менѣе удачно дѣйствовали и русскіе отряды на восточной окраинѣ. Въ теченіе этого года взяты были Кладово, Брза-Паланка, Неготинъ, Княжевацъ и Неготинская Баня, а на югѣ сдались Крушевацъ и Делиградъ. Такимъ образомъ и вся страна, разъ уже (1807 г.) завоеванная, опять перешла въ руки Сербовъ.

Между тѣмъ готовился разрывъ между Франціею и Россіею. Русское правительство расположено было поэтому прекратить военныя дѣйствія на Дунаѣ съ тѣмъ, чтобы дунайскую армію, которая послѣ Каменскаго перешла подъ команду Кутузова, стянуть къ западнымъ границамъ. Не менѣе желала мира и Порта вслѣдствіе истощенія страны долголѣтними войнами и внутренними смутами. На этотъ разъ воинственныя внушенія французскаго посла не произвели желаемаго Наполеономъ дѣйствія и Порта охотнѣе стала прислушиваться къ миролюбивымъ совѣтамъ Англіи, тѣмъ болѣе, что послѣдніе обильно подкрѣплялись золотомъ. Миръ былъ заключенъ 28 мая 1812 г. въ Букарестѣ [1]). Россія, какъ извѣстно, пріобрѣла по этому миру Бессарабію по р. Прутъ съ устьями Дуная, а что касается Сербіи, то въ виду тѣхъ страшныхъ потерь, которыя она понесла, того эпическаго героизма, который выказалъ народъ въ продолженіе семилѣтней борьбы за независимость, справедливыя ожиданія народа далеко не сбылись: на основаніи 8-ой статьи Букарестскаго договора, Сербія осталась подчинен-

[1]) Юзефовичъ, Договоры Россіи съ Востокомъ.

ною султану страною; крѣпости должны быть сданы Туркамъ; странѣ предоставлена внутренняя автономія; турецкимъ чиновникамъ воспрещалось собирать подати.

Немного выиграла Сербія, но и это немногое, по своей крайней неопредѣленности, должно было послужить источникомъ обоюдныхъ недоразумѣній. Наприм. ничего не говорилось о сербскомъ правительствѣ и правахъ верховнаго вождя; о размѣрахъ дани, о ликвидаціи поземельныхъ правъ спахіевъ, которые хотя и удалились изъ Сербіи, но многіе изъ нихъ оставались въ увѣренности, что права ихъ на недвижимыя имущества въ Сербіи сохранятся за ними. Наконецъ: что̀ можно сказать о такой болѣе чѣмъ странной неопредѣленности, которая заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Блистательная Порта даруетъ Сербамъ по ихъ просьбамъ тѣ же самыя выгоды, *какими пользуются подданные острововъ Архипелажскихъ и другихъ мѣстъ*». Подумаешь, что рѣчь идетъ о какой нибудь строго формулированной, обнародованной ко всеобщему свѣденію конституціи, съ которой только стоитъ справиться, чтобы убѣдиться, такъ-ли понимаютъ Сербы свои права или не нарушили-ли этихъ правъ Турки! Сама Порта не могла себѣ дать яснаго отчета: въ чемъ *эти выгоды* заключаются, а тѣмъ менѣе можно было ожидать отъ Сербовъ знакомства съ порядкомъ управленія не только Архипелажскихъ острововъ, но еще и какихъ-то *другихъ мѣстъ*...

Очевидно, что эта статья включена въ договоръ какъ бы мимоходомъ; что вниманіе договаривавшихся занято было не Сербіею. Правда одинъ весьма важный результатъ вытекалъ изъ Букарестскаго договора—это покровительство Сербіи сильною единовѣрною державою, которое во всякомъ случаѣ могло служить ручательствомъ, что Сербія въ критическую минуту найдетъ поддержку въ русскомъ правительствѣ; но за то съ другой стороны покровительство это, въ виду столкновенія его съ другими чуждыми вліяніями—сосѣдней Австріи и даже отдаленныхъ Франціи и Англіи—неизбѣжно должно было внести разладъ во внутренній строй государственной жизни. Въ странѣ возникли партіи, раздѣлявшіяся не на основаніи тѣхъ или другихъ началъ общественной жизни, а подъ вліяніемъ тяготѣнія къ Россіи, Австріи, Франціи, Англіи, и въ то время, когда при нормальномъ развитіи политической жизни страны, существуютъ партіи, которыя заимствуютъ свое имя отъ принциповъ, лежащихъ въ ихъ основѣ, образовавшіяся въ Сербіи партіи должны были называться по имени тѣхъ странъ, къ которымъ онѣ тянули, т. е. русскою, австрійскою, англійскою, французскою. Сербія готовилась стать въ миніатюрѣ ареною такихъ же иноземныхъ интригъ, которыя составляютъ одну изъ причинъ расшатанности го-

сударственнаго организма Турціи; если эта расшатанность въ Сербіи не дошла до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ Турціи, то объясненіе такому счастливому исходу слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ географическомъ положеніи страны. Обладаніе Босфоромъ или по меньшей мѣрѣ господствующее вліяніе на берегахъ Босфора стало непосредственною цѣлью европейскихъ государствъ, къ которой они страстно стремились, между тѣмъ какъ Сербія сама по себѣ не представляла для нихъ такого интереса; вліяніе въ ней интересовало европейскія правительства ровно на столько, на сколько оно облегчало путь «къ водамъ», омывающимъ Балканскій полуостровъ, и только благодаря этой относительной незначительности интереса, чуждыя вліянія не могли дойдти здѣсь до той подавляющей самобытное развитіе народа силы, какъ это случилось на берегахъ Босфора.

Лишь только страна освободилась вновь отъ Турокъ, какъ въ ней возникли внутренніе раздоры [1]). Совѣтъ потерялъ всякое значеніе, своеволіе воеводъ усилилось и самъ Кара-Георгій втянутъ былъ въ борьбу партій, стараясь для удержанія своей власти угождать то Россіи, то Австріи. Чтобы положить конецъ безпорядкамъ, въ концѣ 1810 г. рѣшено было созвать скупщину для пересмотра конституціи. Здѣсь прежде всего обращено было вниманіе на неопредѣленное положеніе воеводъ, которые въ превышеніи своихъ правъ доходили до того, что сами безъ полномочія правительства вступали въ переговоры съ иностранными правительствами, интригуя или одинъ противъ другаго, или противъ верховнаго вождя. Скупщина постановила, что отнынѣ воеводы непосредственно зависимы отъ Совѣта и верховнаго вождя и вмѣстѣ съ тѣмъ издали законъ, въ силу котораго Совѣтъ получилъ другое устройство. До сихъ поръ въ немъ сливались власть судебная и правительственная... По новому закону, судебная власть перешла въ вѣдѣніе Верховнаго суда, а правительственная распредѣлена между нѣсколькими лицами, которыя названы *попечителями;* впослѣдствіи изъ этого распредѣленія образовались *министерства.* Съ перваго раза назначено было шесть попечителей: военный, иностранныхъ дѣлъ, правосудія, духовныхъ, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ; изъ нихъ *Младенъ* получилъ важнѣйшее при тѣхъ обстоятельствахъ попечительство (министерство) — военное, а остальныя попечительства распредѣлены были между Симомъ Марковичемъ, Досифеемъ Обрадовичемъ, Яковомъ Ненадовичемъ, Миленко и Добриняцомъ.

Что же касается воеводъ, то относительно ихъ было постановлено: 1) воевода управляетъ волостями воеводства и приводитъ въ нихъ въ

---

[1]) Н. Поповъ, Сербія и Россія, т I.

исполненіе все, что будетъ предписано изъ Бѣлграда; 2) обязанъ быть исполнителемъ воли Правительствующаго народнаго Совѣта; 3) по дѣламъ военнымъ воевода принимаетъ всѣ приказанія, наставленія и требованія, идущія изъ Совѣта чрезъ военнаго попечителя; 4) по внутреннимъ дѣламъ воевода сносится съ попечителемъ внутреннихъ дѣлъ и принимаетъ отъ него наставленіе; 5) во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ воевода повинуется непосредственнымъ приказаніямъ Кара - Георгія; 6) на случай войны поступаетъ подъ начальство того изъ вождей, который будетъ избранъ для того; 7) обязанъ послать членовъ мѣстнаго магистрата вмѣстѣ съ писаремъ въ Бѣлградъ, гдѣ они получатъ наставленіе, какъ поступать и отправлять судъ; 8) обязанъ учредить въ каждомъ селѣ кнеза, который бы имѣлъ попеченіе о народномъ благосостояніи и давалъ воеводѣ отчеты; 9) не въ правѣ вмѣшиваться въ гражданскія и военныя дѣла; 10) обо всемъ, что ни случится злаго или добраго доноситъ въ Народный Совѣтъ, имѣющій верховную власть въ странѣ.

Легко замѣтить, что эта правительственная система, выработанная при дѣйствіи различныхъ чуждыхъ вліяній, заключала въ себѣ обильные источники недоразумѣній и противорѣчій. Скупщина, собраніе уполномоченныхъ всей страны, слѣдовательно представляющая верховную власть народа, — попрежнему оставлена въ положеніи неопредѣленномъ по отношенію къ другимъ правительственнымъ учрежденіямъ; далѣе, не говоря уже о томъ, что не установлено точнаго наименованія высшаго правительственнаго учрежденія, которое различно называлось: Сенатомъ, Верховнымъ совѣтомъ, Правительствующимъ народнымъ Совѣтомъ, — учрежденіе это съ перваго же раза сталкивалось съ правами верховнаго вождя, такъ какъ и тому и другому присвоена верховная власть въ странѣ.

Все это повело къ тому, что внутренніе раздоры усиливались и нерѣдко подъ чуждымъ вліяніемъ принимали самый непатріотическій характеръ, и общіе интересы стали заслоняться личными.

Между тѣмъ, несмотря на Бухарестскій миръ или вѣрнѣе сказать, — вслѣдствіе неопредѣленности *сербской статьи* этого мира, Сербы не избавились отъ опасности со стороны Турціи и требовалось новое дружное усиліе народа для предстоящей борьбы за независимость. Оказалось, что Порта не думала о предоставленіи Сербіи даже тѣхъ скудныхъ обрывковъ свободы, которые такъ сказать прицѣплены были къ Бухарестскому договору. Турки не ограничились занятіемъ крѣпостей, но стали вмѣшиваться во внутреннее управленіе, спахіи мало по малу начали переселяться въ Сербію, захватывая прежнія свои недвижимыя имѣнія, не смотря на то, что имѣнія эти стали достояніемъ частной или обществен-

ной собственности; въ довершеніе всего Порта возобновила прежнее требованіе о полномъ обезоруженіи Сербовъ. Въ свою очередь Сербы, справедливо опасаясь, что сдача крѣпостей возстановитъ прежнее владычество Турокъ, медлили въ допущеніи ихъ къ занятію крѣпостей и этимъ еще болѣе вызвали неудовольствіе султана. Всякіе переговоры между турецкими уполномоченными и Кара-Георгіемъ прекратились. Турки начали стягивать войска къ границамъ Сербіи и для Сербовъ наступилъ несчастный 1813 годъ.

Какъ и въ прежнія войны, Турки въ этомъ году двинулись на Сербію съ двухъ сторонъ: *съ запада*—изъ Босніи, *съ юга*—изъ Ниша; сверхъ того они теперь могли ударить и съ востока—изъ Видина, который послѣ выступленія южной русской арміи изъ Валахіи обезпеченъ былъ со стороны Дуная. На западѣ Турки перешли рѣку Дринъ и послѣ упорнаго сопротивленія взяли крѣпостцу Лѣшницу, отведя остатки ея гарнизона въ Константинополь, откуда никто изъ плѣнныхъ не возвратился. Сербами командовали *Сима*, *Чупичъ*, *Милошъ Обреновичъ*, *Прота Ненадовичъ*, но безъ прежняго дружнаго единства, которое отличало совокупное дѣйствіе воеводъ въ предшествующихъ войнахъ. Къ несчастью, раздоры изъ правительственныхъ сферъ перешли въ военный лагерь. Народъ оставался такимъ же, но силами его не умѣли или не хотѣли пользоваться, и напр. въ то время, когда Турки подступили къ Раваню, который защищали Милошъ Обреновичъ, Чупичъ и другіе—Сима съ многочисленнымъ отрядомъ своимъ не сдѣлалъ ни шагу, чтобы помочь осажденнымъ, и Равань послѣ 17 дневной обороны палъ. Затѣмъ взятъ Шабацъ. Турки стали уже твердой ногой въ западной окраинѣ Сербіи.

На югѣ Хуршидъ-паша, отдѣливъ отрядъ для взятія Делиграда, гдѣ засѣлъ *Вуица*, двинулся по долинѣ Моравы и къ удивленію своему не встрѣчалъ организованнаго сопротивленія. Бѣлградъ палъ, а вслѣдъ за тѣмъ и Вуица вынужденъ былъ сдать Делиградъ. Труднѣе пришлось Туркамъ овладѣть восточною окраиною, которую охранялъ Велько. Въ восточной окраинѣ Турки, занявъ Кладово, двинулись на Неготинъ, въ которомъ укрѣпился гайдукъ Велько. Началась упорная осада; днемъ непріятель дѣйствовалъ артиллеріею, а ночью дѣлалъ подкопы къ крѣпости. Несмотря на большой уронъ, который наносилъ Велько непріятелю, можно было считать участь Неготина рѣшенною; силы противниковъ были слишкомъ неравны, да и самъ Неготинъ стоитъ на слишкомъ открытой мѣстности, чтобы возможно было усумниться—чья сторона возьметъ перевѣсъ. Гарнизонъ Велько съ каждымъ днемъ уменьшался; онъ посылалъ гонца за гонцомъ, умоляя о помощи, но помощь не являлась, а между тѣмъ артиллерійскій огонь и минные взрывы—повалили всѣ крѣпостныя башни. Не оставалось никакого выхода, за исключеніемъ капитуляціи; военные при-

пасы истощились, ближайшіе сподвижники Велько были перебиты. Но Велько не желалъ сдаться живымъ и потому, когда отъ крѣпости остались лишь развалины, гайдукъ перешолъ въ погребъ, продолжая отбиваться отъ непріятеля. Все что осталось металлическаго перелито было въ пули или картечи, а такъ какъ каждая минута стала дорога, то единственныя двѣ уцѣлѣвшія пушки Велько велѣлъ заряжать деньгами. Во все время осады самъ Велько входилъ во всѣ подробности защиты, каждый день по нѣскольку разъ обходя наскоро возводившіяся подъ его руководствомъ укрѣпленія. Въ одинъ изъ такихъ обходовъ пушечное ядро изъ непріятельскаго лагеря разорвало его пополамъ. Судьба такою страшною смертью желала какъ бы отличить этого удалаго гайдука-партизана.

Гдѣ же въ это тяжелое время оставался и чѣмъ былъ занятъ Кара-Георгій? Не онъ ли въ началѣ войны обратился съ пламеннымъ воззваніемъ къ Сербскому народу, приглашая его явить прежній геройскій духъ, который выразился въ рядѣ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ надъ могущественнымъ врагомъ?

Въ началѣ войны Кара-Георгій сталъ во главѣ совершающихся событій, разсылалъ письма во всѣ концы страны, призывая народъ къ оружію и организуя ополченіе, руководилъ укрѣпленіями окраинъ, подвергавшихся первымъ нападеніямъ непріятеля. Во время разгара войны онъ вдругъ сходитъ со сцены и стушовывается до такой степени, что имя его едва вспоминается при дальнѣйшемъ развитіи событій. Напрасно Велько и другіе предводители отрядовъ, поставленные въ критическое положеніе, зовутъ верховнаго вождя на помощь или требуютъ отъ него подкрѣпленія; они не получаютъ никакого отвѣта и даже остаются въ неизвѣстности, гдѣ находится верховный вождь. Наконецъ осенью 1813 г. народъ узналъ, что Кара-Георгія уже нѣтъ въ Сербіи. 30 октября онъ переправился на австрійскій берегъ или, иными словами: бѣжалъ... но не изъ траха передъ опасностью.

Въ Кара-Георгіѣ совершился тотъ рѣзкій психическій переломъ, который чаще всего повторяется въ натурахъ энергическихъ, непреклонныхъ, неспособныхъ вступать въ компромиссы, не сгибающихся; такія натуры, нервныя по преимуществу, являютъ неистощимый запасъ духовныхъ силъ и способны претерпѣть невзгоды, совершенно недоступныя обыкновеннымъ человѣческимъ силамъ; преданные идеѣ, они всецѣло и беззавѣтно отдаются ей; она имъ кажется не мертвою формулою, а живымъ созданіемъ; ради этой идеи, не щадя себя, они безпощадны и къ другимъ, которые загораживаютъ имъ путь; ради нея Кара-Георгій убиваетъ своего отца, своего брата; ради нея онъ пожертвовалъ выгодами мирной жизни весьма богатаго человѣка и въ теченіе 9-ти лѣтъ обрекалъ себя лагерной жизни, несмотря на высокія прерогативы свои, какъ верховнаго вождя;

вездѣ, гдѣ угрожала наибольшая опасность, внезапно появлялся Кара-Георгій, не зная ни утомленія, ни страха, ни колебаній, и въ большинствѣ случаевъ поле битвы оставалось за нимъ. Но обстоятельства измѣняются. Прежнее согласіе заступаютъ внутренніе раздоры; мелочное своекорыстіе руководящихъ людей, сотрудниковъ верховнаго вождя, ихъ завистъ другъ къ другу систематически парализуютъ планы и дѣйствія Кара-Георгія. «Пусть самъ справляется; у него на пиру по десяти гусляровъ воспѣваютъ его подвиги; онъ самъ себѣ поможетъ, на то онъ и герой!» — вотъ что отвѣчалъ Кара-Георгію Младенъ, когда требовалось выручить гайдука Велько въ то время, какъ тотъ съ горстью гарнизона отбивался отъ Турокъ, въ Неготинѣ, заряжая пушки деньгами, за неимѣніемъ картечи. И многіе поступали подобно Младену. Правда, Младенъ, по настоянію Кара-Георгія пошелъ, не рѣшаясь на открытое сопротивленіе волѣ верховнаго вождя, но это сдѣлано было нехотя, съ проволочками, и не спасло гайдука, который, какъ мы видѣли, погибъ, не дождавшись помощи. Такъ стало повторяться изо дня въ день. Кара-Георгій не встрѣчалъ открытаго противодѣйствія, съ которымъ онъ съумѣлъ бы справиться, какъ въ теченіе 9-ти лѣтъ справлялся онъ съ могущественнымъ внѣшнимъ врагомъ; но, обладая достаточнымъ мужествомъ и героизмомъ бороться лицомъ къ лицу съ врагомъ явнымъ, эта энергическая, прямая натура не могла совладать съ интригами мелочными, подпольными, съ притворною преданностью общему дѣлу, подъ которою скрывались зависть, эгоизмъ или трусость. Сношенія съ Австріею и Россіею указали людямъ различныхъ партій внѣшнія опоры для борьбы между собою, для борьбы съ верховнымъ вождемъ; Австрія и Россія сдѣлались какими-то апелляціонными инстанціями, куда обращались съ жалобами люди недовольные верховнымъ вождемъ, и ему, вмѣсто того, чтобы всѣ силы сосредоточить для борьбы съ сильнымъ врагомъ, приходилось отчитываться передъ этими судилищами. Всѣ эти мелкіе уколы, неумолимо систематически повторявшіеся, дѣйствовали на душевное настроеніе Кара-Георгія болѣе разрушающе, чѣмъ страшныя неудачи въ войнахъ съ Турками. Онъ сталъ удаляться отъ людей; по цѣлымъ днямъ никто не могъ указать, гдѣ находится Кара-Георгій; иногда видѣли его погруженнаго въ какую-то думу и въ это время нельзя было отъ него слова добиться; замѣчали, что онъ сталъ какъ бы совершенно безучастнымъ ко всему окружающему. Въ немъ очевидно совершался тотъ внутренній переломъ, который заставилъ его покинуть страну, гдѣ онъ перенесъ столько нравственныхъ мукъ. Никто изъ его соотечественниковъ не обвинялъ его въ измѣнѣ общему дѣлу, и когда онъ, черезъ 4 года, въ 1817 г. вновь появился въ Сербіи (въ Смедеровѣ), съ тѣмъ, чтобы связать восстанія этой страны съ инсуррекціоннымъ движеніемъ греческихъ гетеристовъ.

его встрѣтили сочувственно. Правда, онъ былъ убитъ, но палъ отъ руки убійцы, подосланнаго Милошемъ Обреновичемъ, который къ тому времени сталъ верховнымъ вождемъ или княземъ Сербіи. Память о Кара-Георгіѣ осталась въ народѣ незапятнанною и до сихъ поръ народъ чтитъ память о Кара-Георгіѣ, какъ о человѣкѣ, которому страна обязана своею независимостью, потому что всѣ послѣдующія неудачи, возстановившія на время турецкое владычество, уже не могли подавить общаго стремленія къ свободѣ: въ теченіе 9-ти-лѣтней упорной борьбы, во главѣ которой стоялъ Кара-Георгій, она успѣла пустить слишкомъ глубокіе корни въ народномъ сознаніи. Начавъ борьбу при самыхъ первобытныхъ средствахъ, онъ съумѣлъ водить къ побѣдамъ этихъ вооруженныхъ дубинами и ножами поселянъ и тѣмъ укрѣпилъ въ народѣ живую вѣру въ собственныя силы. Поэтому первый и самый продолжительный періодъ борьбы за независимость Сербіи, во главѣ котораго стояла личность Кара-Георгія, по справедливости можно считать колыбелью политической свободы Сербскаго народа; періодъ этой борьбы останется незабвеннымъ доказательствомъ могучихъ духовныхъ силъ народа, который выдержалъ единоборство съ врагомъ, превосходившимъ его матеріально во всѣхъ отношеніяхъ. Какая страшная картина неравенства представляется намъ въ началѣ борьбы! Съ одной стороны мы видимъ многочисленныя войска, которыя готовы ворваться со всѣхъ сторонъ, войска регулярныя, опытныя въ бояхъ, отлично вооруженныя сильною артиллеріею, которою всегда славилась турецкая армія; съ другой—толпы поселянъ, ремесленниковъ, торговцевъ, оторванныхъ отъ плуга, отъ станка, отъ торговыхъ счетовъ,—людей совершенно незнакомыхъ съ ратнымъ дѣломъ, вооруженныхъ первобытно дубинами, ножами, такъ что вѣсть о единственной добытой Ненадовичемъ желѣзной пушкѣ быстро разлетѣлась по всей странѣ и сама пушка стала предметомъ удивленія. И при всемъ такомъ неравенствѣ горсти этихъ поселянъ, ремесленниковъ, торговцевъ, руководимые Кара-Георгіемъ, они положили прочное основаніе независимости Сербіи.

ГЛАВА XXXII.

Милошъ Обреновичъ становится во главѣ новаго возстанія Сербіи (1815—1816 г.). Внутреннее состояніе Сербіи до изданія гати-шарифа 1830 года.

1. Милошъ Обреновичъ становится во главѣ новаго возстанія. 2. Военные успѣхи Сербовъ. 3. Сербскіе уполномоченные въ Вѣнѣ во время конгресса. 4. Положеніе Турціи, объясняющее нерѣшительность ея по отношенію къ Сербіи. 5. Переговоры Порты съ сербскими уполномоченными. 6. Уничтоженіе янычаръ, греческая гетерія и возстаніе въ Молдаво-Валахіи. 7. Аккерманская конвенція 25 сентября 1826 г. и отношенія къ Молдаво-Валахіи и Сербіи. 8. Русско-турецкая война 1827—1829 г. 9. Отношенія Милоша Обреновича къ Турціи и Россіи во время этой войны. 10. Адріанопольскій трактатъ 2 сентября 1829 г. и гати-шерифъ 1830 года, установляющіе права Сербіи.

Послѣ новаго занятія Сербіи Турками (1813 г.) многіе изъ богатыхъ Сербовъ стали переходить въ Австрію; имъ показалось, что возвратятся прежніе порядки и Турки всю свою месть обрушатъ на руководителей прежняго возстанія. Но какъ 10 лѣтъ тому назадъ, Кара-Георгій при всеобщей паникѣ своихъ сотоварищей, спѣшившихъ перебраться въ Австрію, рѣшился остаться на родинѣ съ тѣмъ, чтобы раздѣлить судьбы ея, такъ и теперь въ средѣ зажиточныхъ Сербовъ нашелся человѣкъ, котораго не увлекъ общій потокъ бѣгства прежнихъ руководителей народа. Это былъ Милошъ Обреновичъ.

Милошъ родился въ 1780 г. въ деревнѣ Добринѣ, Ужицкаго округа отъ брака крестьянина Тешко съ Валашкою Вишня, которая отъ перваго брака съ крестьяниномъ Обреномъ имѣла сына Милана. Сынъ бѣдныхъ простолюдиновъ, Милошъ, принявши въ послѣдствіи прозвище своего двоюроднаго брата «Обреновичъ», подобно Кара-Георгію, не получилъ никакого образованія, и въ первые годы своей молодости зарабатывалъ себѣ хлѣбъ тѣмъ, что пасъ чужихъ свиней, а подросши, сталъ гонять скотъ въ Далмацію для продажи. Какъ погонщикъ скота, онъ успѣлъ скопить себѣ небольшія деньги и завести собственныхъ свиней. Замѣтивъ въ молодомъ Милошѣ хозяйственную тороватость, Миланъ Обреновичъ пригласилъ своего двоюроднаго брата вести хозяйство сообща и

съ тѣхъ поръ братья стали жить однимъ домомъ. Хозяйство ихъ пошло удачно и въ большихъ размѣрахъ, такъ что во время перваго возстанія Обреновичи, по числу свиней, пасшихся на ихъ лугахъ, считались одними изъ богатѣйшихъ людей Ужицкаго округа. Въ 1811 г. умеръ Миланъ Обреновичъ и почти все его состояніе перешло въ Милошу, котораго населеніе Ужицкаго округа тотчасъ же послѣ смерти брата избрало кнѣзомъ [1]).

Уже при Кара-Георгіѣ Милошъ командовалъ отдѣльными отрядами и въ концѣ 1813 г. мы застаемъ его въ Шабацкомъ округѣ во главѣ 2.000 отряда. Милошъ готовился идти на выручку Бѣлграда, но получивъ извѣстіе, что Бѣлградъ уже сдался Туркамъ, повернулъ къ Ужицѣ. Здѣсь стоялъ небольшой турецкій гарнизонъ. Милошъ вытѣснилъ его и взялъ городъ, но держаться долго не могъ, такъ какъ Турки быстрымъ движеніемъ на эту крѣпость, отрѣзали ее отъ всякаго сообщенія съ окрестными поселянами, которые могли явиться на выручку. Милошъ не рѣшился на сопротивленіе, оставилъ крѣпость и съ отрядомъ удалился въ горы съ тѣмъ, чтобы здѣсь организовать новое возстаніе, что не представляло уже такой трудности, какъ въ началѣ борьбы за независимость. Теперь Сербы имѣли достаточно оружія и боевыхъ запасовъ, оставшихся отъ прежнихъ лѣтъ и, потомъ, они вполнѣ освоились съ пріемами партизанской войны и съ нѣкоторою привычкою къ дисциплинѣ. Милошъ, этотъ хотя и вполнѣ необразованный до безграмотности, но ловкій и гибкій человѣкъ, несмотря на отсутствіе въ немъ военныхъ талантовъ и храбрости, съумѣлъ однакоже чрезвычайно искусно муссировать свою популярность; многочисленные агенты его разъѣзжали по Сербіи и при всякомъ удобномъ случаѣ указывали поселянамъ на Милоша, какъ на самаго способнаго преемника Кара-Георгія; исподоволь имя Милоша стало произноситься въ разныхъ концахъ Сербіи и произноситься съ нѣкоторымъ довѣріемъ, такъ какъ поселянамъ объяснялось, что ради ихъ защиты Милошъ рѣшился остаться въ Сербіи.

Хотя всѣ крѣпости находились въ рукахъ Турокъ, но бѣлградскій паша, зная общее настроеніе народа, имѣлъ полное основаніе опасаться взрыва возстанія; на янычаръ полагаться нельзя было, такъ какъ они уже не разъ обнаруживали негодность свою къ защитѣ ввѣренныхъ имъ крѣпостей. Бѣлградскій паша зналъ также, что въ средѣ богатыхъ Сербовъ наибольшею популярностію и вліяніемъ въ народѣ пользуется Милошъ Обреновичъ — и онъ прямо, въ желаніи предупредить новое возстаніе, вступаетъ въ переговоры съ Обреновичемъ, какъ единствен-

[1]) Ранке, Исторія Сербіи.

нымъ человѣкомъ, который можетъ успокоить волненіе умовъ. Паша предложилъ Милошу признать его кнезомъ нѣсколькихъ округовъ, но съ тѣмъ, чтобы тотъ въ свою очередь призналъ надъ собою власть паши и, въ качествѣ турецкаго чиновника, постарался возстановить спокойствіе въ странѣ. Въ свое время Кара-Георгій на подобное предложеніе отвѣчалъ отказомъ, но Милошъ, болѣе дипломатъ, чѣмъ воинъ, человѣкъ расчетливый и вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣшительный, богатый владѣлецъ обширныхъ пастбищъ, которыя при неудачѣ возстанія безъ сомнѣнія перейдутъ въ руки Турокъ,—Милошъ, хотя и пріобрѣвшій нѣкоторую популярность, но въ дѣйствительности еще ничѣмъ не заслужившій ее, не вполнѣ еще увѣренъ былъ въ расположеніи къ себѣ народа, смиренно сложилъ въ с. Таковѣ къ ногамъ Али-Серчелмы свое оружіе, въ знакъ повиновенія турецкой власти, и обѣщалъ успокоить народъ и даже обезоружить населеніе.

Къ счастію для страны, Милошъ не въ силахъ былъ исполнить этого обѣщанія, если бы даже самымъ искреннимъ образомъ желалъ. Отъ имени паши онъ успокоивалъ народъ тѣмъ, что отнынѣ всякія насилія со стороны янычаръ прекратятся и земли покинутыя спахіями останутся въ спокойномъ владѣніи новыхъ владѣльцевъ.

Событія наступившаго 1814 г. показали, что паша и Милошъ Обреновичъ ошиблись въ надеждахъ на взаимное примиреніе. Съ утвержденіемъ въ городахъ янычаръ, стали возвращаться и спахіи (турецкіе землевладѣльцы). Дѣйствуя теперь въ согласіи съ янычарами, спахіи нетолько отнимали оставленныя ими земли, но и поизгоняли изъ нѣкоторыхъ округовъ воеводъ, назначили своихъ кнезовъ, стѣснили власть прежнихъ и исподоволь вступали въ роль полныхъ хозяевъ страны; въ свою очередь янычары, засѣвъ въ крѣпостяхъ, дѣлали отсюда хищническіе набѣги на мирное населеніе, забирая имущество, уводя женщинъ. Все показывало, что готово возвратиться прежнее господство дахіевъ. Милошъ Обреновичъ все еще старался лавировать между преданностью турецкой власти и обязанностями гражданина, между страхомъ лишиться своихъ свиней, по числу которыхъ онъ считался первымъ богачемъ Сербіи, и опасеніемъ погубить свою популярность и дать случай другому, болѣе предпріимчивому человѣку стать во главѣ возстанія, которое при удачѣ можетъ послужить подножіемъ власти, подобно тому какъ это случилось съ Кара-Георгіемъ, а власть Милошъ любилъ не менѣе, чѣмъ богатство. Въ началѣ 1815 года подлѣ дер. Таково произошло возстаніе поселянъ, и Милошъ долженъ былъ открыто высказаться въ ту или другую сторону. Находясь въ средѣ возставшихъ, онъ объявилъ себя противъ Турокъ и такимъ образомъ ходъ событій поставилъ его во главѣ возстанія.

Разъ вступивъ на этотъ путь, Милошъ началъ съ того, что выгналъ изъ Рудникскаго округа всѣхъ турецкихъ должностныхъ лицъ и въ Вербное Воскресенье прибывъ рано утромъ въ с. Таково, онъ предъ лицомъ многочисленнаго народа, собравшагося въ церковь и около нея, объявилъ войну Туркамъ. Война была принята восторженными кликами народа, который тутъ же избралъ Милоша старѣйшиномъ, т. е. верховнымъ вождемъ Сербскаго народа. Въ правленіе Милоша это была первая и самая многочисленная, хотя и импровизированная народная скупщина. Энтузіазмъ охватилъ всѣхъ; каждый поклялся забыть прежнія ссоры и пожертвовать всѣмъ ради спасенія отечества отъ ига турецкаго. Народъ со всѣхъ сторонъ началъ стекаться въ мѣста указанныя Милошемъ, и изгоняя Турокъ, возводилъ укрѣпленія на границахъ округовъ. Солиманъ-паша бѣлградскій, получивъ вѣсть о возстаніи, немедленно послалъ войско для усмиренія его; Турки, занявъ дер. Чачку на правомъ берегу Моравы, устроили здѣсь военный лагерь, а между тѣмъ Милошъ укрѣпился на противоположномъ берегу, на горѣ Любичѣ. Турки упорно пытались перейти на лѣвый берегъ и нѣкоторымъ незначительнымъ отрядамъ ихъ это удалось, но встрѣчаемые мѣткимъ огнемъ Сербовъ, не въ состояніи были не только овладѣть горой, но и взобраться на гору.

Тогда Сербы, поощряемые неудачами непріятеля и потерями, понесенными имъ, бросились на правый берегъ, и благодаря тому, что посланный Милошомъ воевода Миличъ успѣлъ задержать шедшій изъ Волѣва турецкій отрядъ, вытѣснили непріятеля изъ Чачки. Турки, забравъ съ собою награбленную прежде добычу, удалились на югъ къ Сѣницѣ, но Сербы при с. Ертари настигли ихъ, разбили и нетолько отняли добычу, но и захватили всѣ полевыя орудія. Это была первая рѣшительная побѣда Сербовъ при Милошѣ. Побѣда эта вызвала всеобщее поголовное возстаніе народа, такъ какъ даже тѣ, которые проявляли нерѣшительность, взялись теперь за оружіе.

Между тѣмъ и на сѣверо-западѣ Сербы стали одерживать верхъ. Здѣсь, на берегу Колубары, въ Палежѣ сосредоточился сильный турецкій отрядъ, къ которому присоединились спахіи. Турки начали строить укрѣпленія, но Сербы изъ-за движущагося прикрытія, которое заключалось въ высокихъ двухъ-колесныхъ тѣлегахъ (домусъ-арабы) съ дощатымъ заборомъ на осяхъ,—постоянными вылазками не дали докончить укрѣпленія и вынудили Турокъ бѣжать, при чемъ они второпяхъ оставили одно полевое орудіе.

Рядъ послѣдующихъ успѣховъ очистилъ отъ Турокъ весь Волѣвскій и Шабацкій округъ, не говоря уже о центральной Сербіи, гдѣ Турки покинули даже Крагуевацъ, справедливо опасаясь, что не сегодня-завтра они

могутъ быть совершенно отрѣзаны отъ Бѣлграда. Занявъ Крагуевацъ, Милошъ отдѣлилъ отрядъ для взятія Карановца на р. Ибарѣ, а между тѣмъ самъ двинулся на Пожаровецъ, который охранялъ Адемъ-паша. Оба эти города пали; изъ нихъ Пожаровецъ послѣ упорнаго сопротивленія, которое доходило до того, что Турки, потерявъ четверной рядъ окоповъ, перебрались въ церковь и отсюда, сдѣлавъ въ стѣнахъ отверстія, стрѣляли въ непріятеля. Сербы, проломивъ стѣну, проникли въ церковный алтарь; здѣсь у алтаря произошла послѣдняя отчаянная рукопашная схватка. Пожаровецъ достался въ руки Сербовъ.

Съ подобною же силою распространилось возстаніе и на востокѣ—въ округахъ Кладовскомъ, Неготинскомъ и Княжевацкомъ. Большая часть крѣпостей оставалась, правда, въ рукахъ Турокъ, но крѣпости эти, подобно островамъ, оказались совершенно изолированными одна отъ другой. Туркамъ приходилось имѣть дѣло не съ отдѣльными отрядами, а со всѣмъ крестнымъ возставшимъ населеніемъ, которое, отражая вылазки гарнизоновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняло подвозъ въ крѣпости продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ. При такомъ положеніи, крѣпости рано или поздно должны были сдаться и вмѣстѣ съ тѣмъ должно было пасть турецкое владычество, какъ это случилось при Кара-Георгіѣ.

Порта желала предупредить такую развязку и послала къ границамъ Сербіи двѣ арміи: одну подъ начальствомъ Марашли-Али — къ Чупріи со стороны Ниша, а другую подъ начальствомъ Хуршида боснійскаго визиря, въ Шабацкій округъ со стороны рѣки Дрина, и Сербамъ, казалось, предстояло выдержать новый бой съ Турками. Милошъ не рѣшился вступить на проторенный путь открытаго сопротивленія, и болѣе ловкій и властолюбивый, чѣмъ смѣлый, послалъ въ Вѣну нѣсколькихъ старѣйшинъ, въ томъ числѣ Матвѣя Ненадовича, хлопотать передъ европейскими государями и ихъ министрами о защитѣ Сербіи противъ новаго посягательства Турокъ на господство въ этой землѣ.

Мы заимствуемъ изъ книги Попова любопытное описаніе хожденій сербскихъ уполномоченныхъ въ Вѣнѣ по канцеляріямъ разныхъ посольствъ [1]):

«Чаще и усерднѣе всего Ненадовичъ посѣщалъ русскихъ дипломатовъ. Съ нихъ онъ и началъ свои переговоры. 16 декабря онъ явился къ Недобѣ и передалъ ему письменное изложеніе о бѣдствіяхъ Сербовъ, а на другой день сообщилъ ему, что имѣетъ при себѣ полномочіе и печати воеводъ, можетъ составлять прошенія по его совѣту отъ имени Сербовъ, какъ оставшихся на родинѣ, такъ и находящихся еще на сѣверномъ берегу Савы. Недоба отвелъ Ненадовича въ канцелярію графа Каподистріи.

[1]) Н. Поповъ, Сербія и Россія, часть I, стр. 118—122.

сербскій протоіерей поспѣшилъ передать на словахъ этому благородному защитнику угнетенныхъ народовъ о тѣхъ ужасахъ, которыми отличается турецкое правленіе въ Сербіи; Сербовъ безъ различія возраста и пола вѣшаютъ, сажаютъ на колья, обращаютъ въ рабство и грабятъ; народъ въ послѣдній разъ проситъ защиты у русскаго императора, какъ своего покровителя, а потомъ у всѣхъ его союзниковъ, христіанскихъ царей. Графъ Каподистрія одобрилъ мысль подать просьбы къ государямъ всѣхъ великихъ державъ; совѣтовалъ просить чрезъ Булгакова аудіенціи у Александра I, а если невозможно получить оной, то искать случая подать императору просьбу лично въ руки, въ церкви, либо при выходѣ изъ нея; наконецъ совѣтовалъ отдать просьбу на пересмотръ секретарю своему Стурдзѣ. Когда Ненадовичъ показалъ Стурдзѣ свое сочиненіе, то послѣдній сказалъ: «хорошо, хорошо! Только прибавьте еще пунктъ, чтобы государи были такъ милостивы, помирили Сербскій народъ съ султаномъ и чтобы Порта поступала съ Сербами, не какъ съ жертвою, но какъ съ своими подданными и данниками». Составивъ дома четыре прошенія, по совѣту Стурдзы, на имя русскаго, австрійскаго, англійскаго и прусскаго государей, Ненадовичъ представилъ ихъ Недобѣ. Тотъ извлекъ изъ нихъ главные пункты для предварительнаго поднесенія императору; самое же прошеніе на имя русскаго государя совѣтовалъ сократить, употребить въ немъ побольѣе русскихъ рѣченій, чтобы Царю было пріятнѣе читать его. Кромѣ того, Недоба совѣтовалъ составить прошеніе на имя графа Нессельроде на нѣмецкомъ языкѣ, чтобы онъ исходатайствовалъ Ненадовичу аудіенцію у государя и предстательствовалъ за Сербскій народъ, какъ предъ Александромъ I, такъ и предъ его союзниками. 20 декабря подано было прошеніе Нессельроде; въ тотъ же день Ненадовичъ видѣлъ Булгакова и секретаря Данилевскаго, которые обнадежили его, какъ могли. На слѣдующій день подано было переписанное вновь прошеніе на имя государя. Съ тѣхъ поръ Ненадовичъ ежедневно посѣщалъ русскую канцелярію и русскихъ чиновниковъ. 24 декабря Булгаковъ и Недоба совѣтовали какъ можно скорѣе подать просьбы на имя остальныхъ государей. Въ тотъ же день Ненадовичъ былъ у австрійскаго министра графа Врбны и подалъ прошеніе въ его канцелярію. 28 числа ему дано было знать, что безъ сомнѣнія императоръ дастъ ему аудіенцію; въ тотъ же день прошенія были доставлены въ прусскую и англійскую канцеляріи. Въ англійскомъ посольствѣ Ненадовичу сказали, что неохотно берутся за такое дѣло, ибо находятся въ дружбѣ съ султаномъ. «Потому то мы и просимъ васъ, отвѣчалъ Ненадовичъ, что вы находитесь въ дружбѣ съ султаномъ: онъ скорѣе послушаетъ своихъ пріятелей

и прикажетъ прекратить свирѣпства въ Сербіи.» Тогда Ненадовича спросили: «на какомъ языкѣ писано его прошеніе?»—На нѣмецкомъ. «Мы плохіе нѣмцы,» отвѣчали англичане и велѣли, подать прошеніе на латинскомъ языкѣ. Въ квартирѣ прусскаго короля Ненадовичу сказали, что уже знаютъ о чемъ просятъ Сербы; пусть они подадутъ просьбу прусскому посланнику при вѣнскомъ дворѣ Гумбольту. Чрезъ два дня изъ канцеляріи Гумбольта къ Ненадовичу явился разсыльный и объявилъ, что прошеніе должно быть подано на имя короля чрезъ Гарденберга. Ненадовичъ сообщилъ русскимъ дипломатамъ о ходѣ своихъ переговоровъ съ Австрійцами, Пруссаками и Англичанами. Вскорѣ однакожъ Прусаки отдѣлались обѣщаніемъ замолвить слово за Сербовъ въ Константинополѣ и послѣ четырнадцати посѣщеній, Ненадовичъ прекратилъ свои хожденія въ прусскую канцелярію. Англичане отдѣлались еще скорѣе: при пятомъ посѣщеніи Ненадовича, ему объявили, что англійскій дворъ не намѣренъ вмѣшиваться въ сербское дѣло, да и ему самому не совѣтуютъ такъ явно разгуливать по Вѣнѣ. Оставалась надежда на Россію и Австрію. Австрійскіе дипломаты высказали на этотъ разъ Ненадовичу все, что они имѣли противъ прежнихъ вождей Сербскаго народа: «народъ простъ и невиненъ, говорилъ Ненадовичу совѣтникъ посольства Гуделистъ, но ваши старѣйшины виновны, а особенно этотъ гнусный сенатъ, что засѣдалъ въ Бѣлградѣ. Они притѣсняли нашихъ подданныхъ, мѣшали правильной торговлѣ, бунтовали нашихъ подданныхъ противъ императора и сдѣлали чрезъ то несчастными многихъ граничаръ; такъ возгордились въ минуту своего случайнаго счастія, что ни одного императора въ Европѣ не хотѣли равнять съ собой, своимъ безмѣрнымъ высокоуміемъ довели насъ, своихъ сосѣдей до того, что мы магнаты готовы были просить императора послать нѣсколько полковъ на Бѣлградъ и разорить его. А между тѣмъ кто вамъ помогалъ добрыми совѣтами и военными припасами? Кто ходатайствовалъ предъ Портою? Мы все предвидѣли, что съ вами случится, и все таки не оставили васъ, приняли бѣжавшихъ къ намъ, и не выдали Туркамъ!» Ненадовичъ продолжалъ просить аудіенціи у императора, ему обѣщали. Аудіенція дана была 5 января. Францъ I произнесъ длинную рѣчь къ сербскимъ депутатамъ, въ которой упомянулъ о прежнихъ благодѣяніяхъ своихъ къ Сербскому народу и обѣщалъ поручить своему посланнику въ Константинополѣ ходатайствовать предъ султаномъ о прекращеніи гоненія на Сербовъ; депутатамъ же совѣтовалъ остаться въ Вѣнѣ и ждать отвѣта. Ненадовичъ сталъ ожидать послѣдствій такого обѣщанія и почти ежедневно посѣщалъ русскихъ дипломатовъ. Графъ Нессельроде говорилъ ему, что русскій государь уже много-

ратно писалъ султану прося его прекратить мучительство надъ Сербами, эглашался съ Ненадовичемъ, что вся надежда Сербовъ опирается на одну оссію, и что если Сербскій народъ будетъ истребленъ, то это будетъ риписано нерадѣнію о немъ русскаго государя, какъ покровителя Сербіи. о аудіенціи у Александра I Ненадовичъ не могъ получить. Между тѣмъ зъ Сербіи приходили новыя жалобы и новыя описанія турецкихъ злойствъ. Въ началѣ января Турки особенно бѣсновались: въ одномъ Бѣлрадѣ побито было 173 Серба, въ Крагуевцѣ 50 обезглавлено и 86 сидѣли въ тюрьмѣ, ожидая той же участи; въ Чачакѣ погибло 78 человѣкъ Драгачевѣ 60. Ненадовичъ бросился сначала къ австрійскимъ дипломамъ: ему повторяли прежнія обѣщанія, прибавивъ, что султанъ склонъ къ милости, но свирѣпствуетъ проклятый Солиманъ-паша; потомъ енадовичъ отправился къ русскимъ дипломатамъ; ему посовѣтовали, тобы онъ передалъ кнезамъ мысль просить чрезъ бѣлградскаго митрополита константинопольскаго патріарха, а тотъ султана о помилови Сербовъ. Въ февралѣ получены были новыя письма изъ Сербіи съ оль-же печальными извѣстіями. Ненадовичъ на этотъ разъ не ходилъ › австрійскую канцелярію; онъ не былъ въ ней съ 5 февраля по 18 апля. Въ началѣ марта пришли опять новыя вѣсти изъ Бѣлграда. Турки оняютъ Сербовъ на крѣпостныя работы, говоря, что ожидаютъ войны Москвою, держатъ подлѣ себя кнезовъ, въ томъ числѣ и Милоша Обревича, и требуютъ, чтобы они привели въ Бѣлградъ едва не три тысячи рбовъ, чѣмъ либо выдвигавшихся впередъ, для казни, въ противномъ учаѣ сами старѣйшины сложатъ свои головы. Булгаковъ и Недоба скаи Ненадовичу, сообщившему имъ такія вѣсти: «мы не хотимъ вѣрить ому, мы не можемъ о томъ доложить государю». Вскорѣ Ненадовичъ лучилъ письмо, въ которомъ сербскіе старѣйшины требовали у него гъ одинъ какой либо отвѣтъ: есть ли надежда на помощь со стороны ссіи? Ненадовичъ получилъ это письмо 18 марта и нѣсколько дней ιду ходилъ къ графу Нессельроде, передалъ въ русскую канцелярію коɔ съ письма и ждалъ отвѣта; его постоянно просили приходить завтра. гда Ненадовичъ написалъ слѣдующія слова въ Бѣлградъ: «нейдетъ, эзы, наше дѣло, нейдетъ.» 29 марта Ненадовичъ узналъ, что австрійэе правительство распорядилось привести Сербовъ, все еще остававιхся въ его земляхъ, къ присягѣ на подданство, а въ случаѣ отказа, ллить ихъ въ Турцію или Россію. Наконецъ 23 апрѣля получено было зѣстіе, что Сербы снова возстали противъ Турокъ подъ начальствомъ лоша Обреновича. Ненадовичъ немедленно сообщилъ о томъ въ русскую ıломатическую канцелярію, а 27 апрѣля подалъ длинное прошеніе на

имя Александра I, умоляя послать возставшимъ по крайней мѣрѣ денегъ. Но отвѣта на это прошеніе не было. Тогда Ненадовичъ сталъ хлопотать о новой аудіенціи у австрійскаго императора. Францъ I позвалъ къ себѣ Ненадовича 8 мая. Ненадовичъ изложилъ ему причины новаго возстанія. Францъ сказалъ на это. «Вы бросились въ воду, изъ которой трудно выплыть; я сожалѣю о васъ, ибо знаю, что вы терпѣли, и желаю вамъ всякаго счастія; мнѣ все уже извѣстно отъ пограничныхъ властей.» Ненадовичъ сталъ просить помощи. Императоръ спросилъ его, «какой онъ хочетъ помощи?» Ненадовичъ отвѣчалъ: «какая была оказываема съ 1804 по 1813 г.» Францъ возразилъ: «Я только разъ посылалъ вамъ свинца и пороху, да и то немного.»—«Мы только и просимъ того, сказалъ Ненадовичъ, да еще возвращенія секвестрованнаго оружія». — Императоръ замѣтилъ на это: «а вы хотите бить Турокъ?...» — «Не бить, а защищаться, пока ваше величество вмѣстѣ съ прочими союзниками не защитите насъ». Тогда Францъ I спросилъ: «Были ли вы у императора Александра?» Ненадовичъ отвѣчалъ: «просили о томъ, но не допускаетъ насъ къ себѣ», на что Францъ I проговорилъ отрывочно: «Вражья политика, онъ думаетъ, что никто не знаетъ, что они дѣлаютъ съ Сербами... а почему васъ не допускаетъ къ себѣ?—не потому ли, что живетъ въ моемъ дворцѣ?—Но это все равно». Послѣ того Ненадовичъ сталъ просить императора, чтобъ Сербы перебѣжавшіе въ Австрію могли свободно возвратиться на родину. «А кто вамъ мѣшаетъ въ томъ? возразилъ императоръ, не хочешь ли и ты домой?—«Хочу, ваше величество, когда вы окажете намъ просимую милость».—«Подожди немного въ Вѣнѣ, пока получишь отвѣтъ» — сказалъ императоръ и съ этими словами отпустилъ Ненадовича. Съ тѣхъ поръ Ненадовичъ обивалъ пороги у австрійскаго министерства иностранныхъ тѣлъ, чуть не каждый день. Ему отказали. Тогда Ненадовичъ объявилъ совѣтнику Прееру: «если вы насъ прогоните, мы опять прійдемъ тысячу разъ и все таки будемъ просить о милости», тогда ему отказали наотрѣзъ. «Никакого сербскаго оружія у насъ нѣтъ, и помощи вамъ оказать теперь никакой не можемъ». Почти тотъ же отвѣтъ получилъ онъ и въ русскомъ посольствѣ. 23 мая онъ видѣлся съ графомъ Булгаковымъ. Ненадовичъ говорилъ ему: «въ послѣдній разъ прошу ваше сіятельство, чтобы Россія дала намъ денегъ теперь и отпустила нашего верховнаго вождя».—«А кто его держитъ? отвѣчалъ Булгаковъ, если захочетъ, то и самъ пойдетъ въ Сербію». 28 мая даны были деньги, но отказано во всякой другой помощи. «Россія не можетъ помочь вамъ теперь чтобы не вышло хуже изъ того», говорили Ненадовичу въ посольствѣ. «Не впасть бы намъ въ какое подозрѣніе у Россіи?» спрашивалъ Ненад-

ичъ. «Этого не бойтесь, отвѣчали ему. Россія знаетъ вашу любовь ризнательность къ ней, но нынѣ вы должны дѣйствовать одни....»

Но Милошъ Обреновичъ—не Кара-Георгій: онъ не рѣшался дѣйствовать одинъ и въ виду двухъ армій непріятельскихъ, изъ коихъ одна, уршида, готовилась перейти черезъ Дринъ, а другая стояла у Чупріи, ступилъ въ переговоры, въ которыхъ обѣ стороны остановились на омъ, что Милошъ пошлетъ уполномоченныхъ въ Константинополь.

Порта, которой боснійскій визирь писалъ объ этомъ, согласилась ыслушать желаніе Сербовъ. Хотя она и послала въ Сербію двѣ арміи, о не рѣшались употребить ихъ въ дѣло. Вопросъ, предложенный ей усскимъ посломъ въ Константинополѣ: «Какую войну ведутъ Турки съ ербами?» показалъ Портѣ, что петербургскій кабинетъ слѣдитъ за событіями, происходящими въ Сербіи и можетъ серьозно вступиться, какъ покровительница Сербіи по Букарестскому трактату. Потомъ, Порта въ анное время видѣла въ опасности болѣе ближайшія свои владѣнія — ожную Албанію, гдѣ мятежный паша янинскій, Али, готовился образовать независимое государство, послѣ того, когда въ 1817 г. Англичане продали ему укрѣпленный городъ Паргу. Скандербергъ XIX столѣтія, — Али-паша янинскій удачно отбивался отъ сильныхъ правительственныхъ войскъ. Человѣкъ безъ религіи и прежде всего предпріимчивый, клянясь надъ евангеліемъ и кораномъ, Али-паша хотѣлъ связать свое дѣло съ греческою гетеріею; съ представителями ея онъ вступилъ въ самыя оживленныя сношенія, посылая имъ деньги, совѣщаясь объ общемъ планѣ дѣйствій противъ султана, собиралъ европейскіе кодексы для составленія устава новому государству, сформировалъ войско и ввелъ нѣкоторый порядокъ въ управленіи полудикими племенами Албаніи, — словомъ, готовился явиться достойнымъ сосѣдомъ падишаха.

Не менѣе опасности Портѣ представляла и Греческая имперія, которая нашла отголосокъ въ Молдаво-Валахіи, благодаря тысячамъ Грековъ, поселившихся здѣсь и старавшихся распространить здѣсь возстаніе въ интересахъ «мегала идеа» (большой идеи). Сносясь съ янинскимъ пашей, гетеристы пытались поднять Молдаво-Валахію и Сербію, въ особенности послѣднюю, какъ уже доказавшую свою боевую опытность. Они склонили Милоша примкнуть къ общему движенію христіанъ, но Милошъ предпочиталъ переговоры [1]). Да къ тому же бѣлградскій паша далъ слово, что Порта признаетъ его верховнымъ вождемъ Сербіи. Видя неудачи съ этой стороны, гетеристы вспомнили о Кара-Георгіѣ, который съ 1813 г. проживалъ въ Бессарабіи; его вызвали съ тѣмъ, чтобы

[1]) Н. Поповъ, Сербія и Россія, т. II.

онъ произвелъ тамъ новое возстаніе въ связи съ греческимъ. Кара-Георгій охотно принялъ предложеніе; въ 1817 г. онъ высадился на правомъ берегу Дуная въ г. Смедеровѣ и остановился у Вуицы. Узнавъ о прибытіи бывшаго верховнаго вождя, Милошъ сильно встревожился, такъ какъ Кара-Георгій продолжалъ еще пользоваться популярностію въ народѣ, а потому, при успѣхѣ новаго возстанія, легко могъ вырвать власть изъ рукъ Милоша. Нужно было поэтому освободиться отъ опаснаго соперника, и Милошъ объявилъ пашѣ о прибытіи Кара-Георгія, указалъ на намѣреніе его произвести возстаніе въ Сербіи, раскрывъ передъ пашей сношенія Кара-Георгія съ гетеристами. Паша потребовалъ голову Кара-Георгія, и Милошъ немедленно отправилъ къ Вуицѣ гонца съ приказаніемъ «прислать голову Кара-Георгія». Приказаніе было исполнено буквально; голова предательски убитаго Кара-Георгія (1817 г.) доставлена бѣлградскому пашѣ [1]).

Хотя Кара-Георгій погибъ, а Милошъ отличался миролюбіемъ, но въ виду всеобщаго броженія христіанъ, которое стало проявляться даже и въ Дунайской Болгаріи, куда гетеристы доставляли оружіе,—Порта не могла рѣшиться на новую рѣшительную войну съ Сербами и этимъ объясняется согласіе ея на переговоры.

Обѣ стороны сошлись на слѣдующихъ пунктахъ: Турки остаются жить въ сербскихъ крѣпостяхъ, Сербы считаются подданными султана; сами Сербы собираютъ подати и представляютъ бѣлградскому пашѣ. безъ всякаго участія турецкихъ сборщиковъ; Сербы пріобрѣтаютъ участіе въ судѣ и свободу внутренняго управленія; въ Бѣлградѣ учреждается народная канцелярія, какъ высшій органъ внутренняго управленія. Но рядомъ съ этимъ бѣлградскому пашѣ дана была инструкція постараться отдѣлить личные интересы Милоша отъ общаго дѣла Сербіи, и паша, поступая согласно этой инструкціи, совѣтовалъ Милошу отступиться отъ правъ, которыя Порта по необходимости готовилась признать за Сербіею; паша обѣщалъ за то отъ имени султана признать наслѣдственность правъ верховнаго вождя въ семьѣ Обреновичей.

Повидимому Милошъ, ставившій свою личную власть превыше всякихъ общихъ интересовъ страны, подобно прежнимъ сербскимъ кралямъ и болгарскимъ царькамъ,—соглашался на заманчивыя предложенія паши. Болѣе преданные народному дѣлу люди довели объ этомъ до свѣдѣнія русскаго посла въ Константинополѣ, барона Строгонова и въ декабрѣ 1819 года Милошъ получилъ письмо, въ которомъ Строгоновъ говоритъ: [2])

[1]) Ранке, Исторія Сербіи, т. II.
[2]) Н. Поповъ, Сербія и Россія, т. II.

«Я никакъ не могу помыслить, чтобы г. Обреновичъ рѣшился пожертвовать благомъ и надеждами всего народа собственнымъ выгодамъ, тѣмъ болѣе, что оныя тѣсно связаны съ выгодами общими и отъ нихъ зависятъ...» «Порта, говоритъ баронъ Строгоновъ въ другомъ письмѣ, видитъ сильное желаніе ваше получить наслѣдственный санъ княжескій; она рѣшилась воспользоваться симъ благопріятнымъ для нея обстоятельствомъ, дабы лаская видамъ вашимъ, посредствомъ васъ совершенно поработить Сербію и лишить всѣхъ способовъ къ улучшенію жребія угнетенныхъ. Ужели вы мыслите, что она сдержитъ все обѣщанное вамъ, когда приметъ отъ васъ требуемую присягу? Ужели вы сами согласитесь купить княжество цѣною счастія своихъ соотечественниковъ...?» Очевидно Милошъ не могъ на такое дѣло согласиться, еслибы втайнѣ и желалъ этаго: за нимъ зорко слѣдили и о каждомъ шагѣ его узнавали и въ Сербіи и въ русскомъ посольствѣ отъ многочисленныхъ противниковъ верховнаго вождя. Милошъ былъ поставленъ въ необходимость не только настаивать на исполненіи указанныхъ выше сербскихъ требованій, но и употребить всѣ усилія для устраненія другихъ оставшихся недоразумѣній, которыя заключались въ поземельныхъ отношеніяхъ спахіевъ. Турецкіе помѣщики, все еще не желали отказаться отъ поземельныхъ правъ своихъ въ Сербіи и благодаря своимъ константинопольскимъ связямъ, продолжали питать надежду на сохраненіе этихъ правъ. Съ другой стороны, Порта требовала обезоруженія народа, на что опять Сербы не могли согласиться, такъ какъ это предавало бы ихъ на произволъ турецкихъ гарнизоновъ, разсѣянныхъ по странѣ.

Для улаженія этихъ пунктовъ и вообще для точнаго опредѣленія правъ Сербіи, въ 1821 г. отправлены были въ Константинополь уполномоченные, которымъ Милошъ поручилъ также хлопотать передъ Портою и русскимъ посольствомъ о наслѣдственности княжескаго званія въ семьѣ Обреновичей и указать на то, что сама страна въ лицѣ, бывшей въ 1827 г. скупщины, избрала Милоша верховнымъ кнезомъ всей Сербіи.

Согласиться на требованіе уполномоченныхъ значило отказаться отъ власти надъ Сербіею, потому что турецкіе гарнизоны, окруженные вооруженнымъ населеніемъ, могли ли поддерживать власть султана и напротивъ, развѣ нельзя было ожидать, что при первомъ столкновеніи съ засѣвшими въ крѣпостяхъ Турками, народъ схватится за оружіе и прогонитъ ихъ. Но щекотливо было и отказать сразу, въ виду начинавшихся натянутыхъ отношеній съ Россіей по греческому и молдаво-валахскому вопросамъ. А потому Порта избрала среднюю мѣру: не давая рѣшительнаго отвѣта, задержала у себя сербскихъ уполномоченныхъ.

Такимъ образомъ наступилъ 1826 годъ, когда три окраины Тур-

ціи — Молдаво-Валахія, Сербія и Греція висѣли на волоскѣ и ежеминутно готовы были совершенно отпасть, а внутри Махмудъ II задумалъ преобразованіе, которое должно было потрясти весь военный строй Турціи.

Дѣло шло объ уничтоженіи янычаръ, негодность которыхъ въ особенности проявилась въ подавленіи восстанія въ Греціи. Попытка Селима III, какъ мы видѣли, не увѣнчалась успѣхомъ. Янычары нашли *нравственную* поддержку въ духовенствѣ и *вооруженную*—въ такъ называемыхъ ямакахъ (хранителяхъ босфорскихъ зàмковъ) и топджидіяхъ (артиллеристахъ), да къ тому же новая регулярная армія (низамъджедидъ) состояла всего изъ двухъ батальоновъ. Махмудъ II, съ самаго вступленія своего на престолъ задумавъ уничтоженіе янычаръ, исподоволь привлекъ на свою сторону прежнихъ ихъ союзниковъ, увеличилъ новую армію, подготовилъ мнѣніе высшихъ представителей духовенства въ пользу задуманной имъ мѣры и почти всѣхъ высшихъ офицеровъ-янычаръ склонилъ на свою сторону. Когда все было подготовлено, Махмудъ II въ торжественномъ собраніи (29 мая 1826 года) Дивана произнесъ рѣчь, въ которой указывалъ на необходимость радикальнаго преобразованія войска. Присутствовавшіе улемы подкрѣпили необходимость этаго преобразованія войска изрѣченіемъ корана, который, какъ мы неоднократно замѣчали, совершенно несправедливо обвиняютъ въ неуступчивости требованіямъ времени. «Противоставьте непріятелямъ то же оружіе, какое онъ употреблялъ противъ васъ» сказало это изрѣченіе — и вопросъ о введеніи новаго войска на образцу европейскому былъ рѣшенъ [1]).

Янычары взволновались и въ ночь съ 14 по 15 іюня, въ числѣ 10 тыс. человѣкъ собрались на площади Атмейданѣ и шумными криками заявляли о своемъ недовольствѣ новыми порядками. Быстрая и жестокая расправа ожидала ихъ здѣсь. Со всѣхъ сторонъ къ площади Атмейдану стянулись регулярныя войска Махмуда, и въ томъ числѣ прежніе союзники янычаръ, топджидіи. Послѣ отказа въ безусловной сдачѣ, данъ былъ приказъ къ атакѣ. Янычары, не имѣя артиллеріи. отстрѣливались ружейнымъ огнемъ, а между тѣмъ цѣлые ряды ихъ падали отъ непріятельской картечи и ядеръ; они подались, и тутъ битва обратилась въ бойню, изъ которой янычары думали найдти спасеніе въ прилегавшихъ къ площади своихъ казармахъ и густыми массами укрылись подъ ихъ прикрытіе. Но деревянныя казармы со всѣхъ сторонъ немедленно были подожжены, выходы изъ нихъ заставлены солдатами и почти всѣ укрывшіеся въ казармахъ янычары погибли въ пламени

[1]) Розенъ, Исторія Турціи съ 1826 по 1856 г., изд 1872, ч. I.

пожара; тѣ, которые успѣли выскочить, пали — отъ ятагановъ. Въ концѣ дня (15 іюня) все было спокойно, только лужи крови на площади Атмейданѣ, нагромоздившіеся ряды труповъ, да обгорѣлые остатки казармъ—свидѣтельствовали о разыгравшейся здѣсь драмѣ. Исчисляютъ до 16,000 янычаръ, перебитыхъ въ теченіи однаго этого дня. Истребленіе янычаръ не ограничивалось одной столицей; ихъ избивали всюду, ссылали въ отдаленныя азіятскія провинціи и распредѣляли по частямъ новаго войска [1]). Въ теченіи короткаго времени осталось только воспоминаніе о янычарахъ... Такимъ образомъ «внутреннее преобразованіе» войска прошло удачно и учрежденіе новой арміи—муаллемъ-ишвенджіи (изъ которой впослѣдствіи образовался низамъ) могло считаться обезпеченнымъ. Махмудъ II съ удвоенной энергіею и съ новымъ войскомъ приступилъ къ усмиренію Грековъ, которые теперь заботили его гораздо больше, чѣмъ Сербы съ ихъ дипломатомъ—верховнымъ вождемъ. Кромѣ того: что Греки во время этой войны за независимость, нисколько не уступали Туркамъ въ жестокостяхъ, и трудно было сказать, какая изъ сторонъ отличалась бóльшимъ варварствомъ и безчеловѣчіемъ; что цѣлые турецкіе отряды, завлеченные въ засады, предательски избивались, напр. во время сна,—общественное мнѣніе Европы, настроенное въ сторону Грековъ, въ которыхъ оно, изъ прекраснаго далека, видѣло только потомковъ Ѳемистокла и Аристида, истекающихъ въ крови, — приняло живое въ нихъ участіе и побуждало правительства вступиться за нихъ. Правительства Англіи, Россіи и Франціи откликнулись на требованія общественнаго мнѣнія и стали въ такія угрожающія отношенія къ Портѣ, что она со дня на день могла ожидать вооруженнаго вмѣшательства. А потому Махмудъ, оставляя сербскія дѣла, все свое вниманіе сосредоточилъ «на усмиреніи греческаго мятежа», чтобы устранить поводъ къ вмѣшательству.

Но легче было желать, чѣмъ достигнуть этаго. Греки, поддерживаемые извнѣ, самоотверженно отстаивали каждый завоеванный ими шагъ, что въ свою очередь ожесточало Турокъ и вызывало съ ихъ стороны еще бóльшія насилія [2]). А рядомъ съ этимъ въ Сербіи и Молдаво-Валахіи возобновились волненія, общая причина которыхъ заключалась въ крайне неопредѣленномъ положеніи этихъ странъ.

Россія, принявшая по Букарестскому трактату обѣ эти страны, въ особенности Молдаво-Валахію, подъ свое покровительство, не могла безучастно отнестись къ такою положенію, тѣмъ болѣе, что находились въ нихъ партіи, которыя тянули къ Австріи и при дальнѣйшемъ безу-

---

[1]) Розенъ, Исторія Турціи, ч. I.

[2]) Gordon, History of the Greek revolution

части русскаго правительства—могли подорвать его вліяніе въ названныхъ странахъ.

Для разрѣшенія недоразумѣній уполномоченные Турціи и Россіи съѣхались въ сентябрѣ 1826 г. въ Аккерманѣ, гдѣ 25 числа состоялась конвенція, въ силу которой подтверждались условія Букарестскаго трактата, касающіяся Молдаво-Валахіи и Сербіи [1]). Для болѣе точнаго опредѣленія отношеній этихъ двухъ странъ къ Портѣ и Россіи составлены отдѣльные акты, того же числа подписанные. По *первому* изъ этихъ актовъ, касающемуся Молдавіи и Валахіи, Диванъ каждой области избираетъ господаря, который утверждается Портою на 7 лѣтъ, но и до истеченія этаго срока господарь можетъ быть отрѣшенъ Портою, по предварительному извѣщенію о томъ русскаго правительства, на случай, если онъ окажется виновнымъ въ какомъ-либо преступленіи; господарь можетъ быть назначенъ и на слѣдующія 7 лѣтъ, если въ теченіе перваго семилѣтія не дастъ обоимъ договаривавшимся дворамъ, ни жителямъ княжествъ повода къ справедливымъ жалобамъ; отреченіе господаря можетъ быть допущено по предварительному соглашенію между обоими дворами; господари должны принимать со вниманіемъ и уваженіемъ представленія русскаго посланника, а также и представленія, кои по его предписанію будутъ дѣлаемы отъ россійскихъ консуловъ, во всемъ что касается управленія страны; княжествамъ дозволяется имѣть внутреннюю стражу. А что касается *Сербіи*, то въ особомъ актѣ отъ того же 25 сентября постановлено: Порта вмѣстѣ съ депутатами сербскими обязана разсмотрѣть ихъ требованія: о свободѣ богослуженія; выборѣ начальниковъ своихъ; независимости внутренняго управленія, возвращеніи отторгнутыхъ отъ Сербіи округовъ; соединеніи разныхъ податей въ одну; предоставленіи Сербамъ управлять имѣніями, принадлежащими мусульманамъ, съ условіемъ доставлять доходы съ имѣній вмѣстѣ съ *данью*; о свободѣ торговли, дозволеніи сербскимъ купцамъ путешествовать по Турціи съ ихъ собственными паспортами; учрежденіи больницъ, училищъ, типографій и наконецъ запрещеніи мусульманамъ, кромѣ принадлежащихъ къ гарнизонамъ, поселяться въ Сербіи. Выговаривая себѣ покровительство надъ обѣими этими странами, русское правительство наибольшее вниманіе удѣлило Молдаво-Валахіи, какъ странѣ сосѣдней, которая на случай русско-турецкихъ столкновеній могла, при господствѣ въ ней русскаго вліянія, оказать несравненно большую услугу, чѣмъ отдаленная Сербія, гдѣ притомъ же вліяніе Россіи сталкивалось съ западными вліяніями. Какъ въ Букарестскомъ трактатѣ, такъ и въ Аккерманской конвенціи и отдѣльномъ актѣ, *о Сербіи* говорится въ выраженіяхъ

[1]) Юзефовичъ, Договоры Россіи съ Востокомъ.

неопредѣленныхъ, дѣлаются ссылки на уставы Архипелажскихъ и «другихъ» островов и въ заключеніе Сербіи *ничего* не выговаривается, а Портѣ *совѣтуется обсудить* требованія сербскихъ депутатовъ по выше приведеннымъ пунктамъ. Когда рѣчь идетъ о *Молдаво-Валахіи*—указывается на Диванъ, какъ высшее учрежденіе княжества, на права господаря, отношенія его къ народу и договаривающимся дворамъ. О *сербской же скупщинѣ*, о власти верховнаго вождя ничего не упоминается. *Молдаво - Валахія* въ этихъ договорахъ представляется данническимъ княжествомъ, а *Сербія* турецкою провинціею, съ нѣкоторою административною автономіею.

Но и на эту административную автономію Порта не соглашалась, или вѣрнѣе сказать, пообѣщавъ, продолжала отклонять категорическое требованіе сербскихъ уполномоченныхъ.

Наступила русско-турецкая война (1827—1829 г.), предлогомъ къ которой послужило уничтоженіе турецкаго флота въ Наваринской бухтѣ (20 октября 1827 г.) соединенными эскадрами Англіи, Россіи и Франціи, уполномоченные которыхъ вслѣдъ затѣмъ покинули Константинополь. Хотя всѣ три державы солидарно поддерживали греческій вопросъ въ предѣлахъ политической автономіи Греціи, но одна Россія выступила съ оружіемъ въ рукахъ въ защиту греческихъ требованій, и это произошло не ради одного греческаго вопроса, а тѣхъ сложныхъ отношеній патронатства къ турецкому христіанству, которыя начались съ Кучукъ-Кайнарджинскаго мира [1]). Если не Греція, то Сербія, Молдавія или Валахія вызывали необходимость къ вмѣшательству. Разъ только русское правительство приняло подъ свое покровительство эти мелкія страны, и не столько собственные, непосредственные интересы Россіи, сколько недоразумѣнія, возникшія въ сферѣ этого покровительства, вызвали войну 1827—1829 году. Какъ отнеслась Сербія къ настоящей войнѣ? Въ народѣ распространился слухъ, что война ведется за сербскіе интересы, и въ Сербіи стали появляться отряды волонтеровъ готовившихся поступить въ русскую армію, которая 7 мая 1828 г. перешла Прутъ и двумя отрядами двигалась въ Малую Валахію и Добруджу. Милошъ всячески старался сдерживать Сербовъ отъ участія въ войнѣ въ пользу той или другой стороны и на скупщинѣ 14 мая 1828 г. произнесъ предъ многочисленнымъ собраніемъ народа рѣчь, въ которой доказывая необходимость нейтралитета, говорилъ: [2]) «намъ нѣтъ дѣла до того, что царства ссорятся между собою; они побьются и помирятся, а слабому, который вмѣшается въ ихъ ссору, будетъ тяжело, если послѣ оставитъ его какая-либо сторона. Нашей землѣ нуженъ миръ;

---

[1]) Розенъ, Исторія Турціи, ч. I.

[2]) Н. Поповъ, Сербія и Россія, т. II.

только миромъ мы можемъ сохраниться въ цѣлости. Удержимъ миръ и тишину, намъ предписываетъ ихъ султанъ». Въ этихъ видахъ Милошъ воспретилъ Сербамъ всякія сношенія съ болгарскими гайдуками, отряды которыхъ поэтому стали присоединяться къ русской арміи, хотя и принимаемы были здѣсь съ небольшой охотой, такъ какъ русская главная квартира избѣгала солидарности съ «мятежными подданными султана».

Но если Милошъ не принялъ участія въ пользу Россіи, за то онъ оказалъ ей услугу, отговоривъ пріятеля своего албанскаго пашу Мустафу отъ войны противъ Россіи. Мустафа, этотъ фактическій властелинъ всей Сѣверной Албаніи, сформировалъ армію въ 35 тыс. человѣкъ и готовился съ нею двинуться противъ Русскихъ. Милошъ отсовѣтовалъ, доказывая, что Мустафа только повредитъ себѣ, вступаясь за султана, что султанъ смотритъ на него, Мустафу, какъ на остальныхъ своихъ феодаловъ, намѣревается ввести реформы и въ Албаніи, что Албанцамъ, храбрѣйшимъ воинамъ въ Турціи, угрожаетъ участь янычаръ, а если уже онъ хочетъ непремѣнно воевать съ Русскими, то пусть выступитъ какъ можно позднѣе, чтобы сберечь свои силы. Мустафа послушался и выступилъ уже тогда, когда заключенъ былъ Адріанопольскій миръ.

Такими дѣйствіями, угожденіемъ двумъ противоположнымъ сторонамъ,—Милошъ думалъ расположить къ себѣ обѣ стороны съ тѣмъ, чтобы выговорить и себѣ и Сербіи побольше правъ при заключеніи предстоящаго мира. Но разсчетъ его не оправдался, и въ то время, когда по особому акту, приложенному къ Адріанопольскому трактату 2 сент. 1829 г. [1]), въ *Молдавіи и Валахіи* упразднялись всѣ турецкіе гарнизоны, магометанамъ воспрещалось селиться въ этихъ областяхъ и имѣть здѣсь недвижимыя имѣнія,—относительно *Сербіи* было лишь сказано, что Порта обязуется исполнить постановленіе отдѣльнаго акта о Сербіи, приложеннаго къ Аккерманской конвенціи и возвратить Сербіи 6 округовъ отъ нея отторгнутыхъ.

Только въ 1830 году послѣдовалъ султанскій фирманъ, которымъ офиціально Порта признавала за Сербіею административную автономію въ предѣлахъ перечисленныхъ въ Аккерманской конвенціи сербскихъ требованій. Милошъ былъ признанъ княземъ Сербіи съ обязанностью управлять страною, совѣщаясь съ собраніемъ старѣйшинъ; крѣпости оставлены въ рукахъ Турокъ. Для присоединенія отторгнутыхъ округовъ въ 1833 году образована смѣшанная коммисія изъ русскихъ, турецкихъ и сербскихъ уполномоченныхъ, которые въ томъ же году

---

[1]) Юзефовичъ, Договоры Россіи съ Востокомъ

окончили работы. Пространство Сербіи опредѣлено въ тѣхъ границахъ, въ какихъ она оставалась до послѣдней сербско-турецкой войны (1877—1878 г.).

Одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ изданнаго въ 1830 г. султанскаго фирмана заключаетъ въ себѣ установленіе церковной независимости Сербіи. Со времени упраздненія сербскаго патріархата и до 1830 года Сербія въ церковномъ отношеніи составляла одну изъ епархій константинопольскаго патріархата и получала епископовъ отъ константинопольскаго фанара. Греческая іерархія въ Сербіи брала съ народа извѣстную подать—дымницу, какъ на свое содержаніе, такъ и для отсылки патріарху. Рядомъ съ этою податью она обложила народъ другими многоразличными поборами и хотя въ злоупотребленіяхъ своихъ не доходила до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ Болгаріи, но уже одно то, что люди этой іерархіи были совершенно чужды народу по своей національности, языку, привычкамъ, и въ борьбѣ за независимость Сербіи проявляли себя сторонниками Турокъ, исполняя нерѣдко роль доносчиковъ,—побуждало новое сербское правительство къ уничтоженію церковной зависимости страны отъ фанара. Порта въ церковномъ вопросѣ оказалась сразу уступчивою и, безъ продолжительныхъ переговоровъ, согласилась на требованіе Сербовъ. Гати-шерифомъ 1830 г. имъ дозволено изъ среды своей избирать митрополита и всѣ духовныя должности. Прежнія церковныя подати замѣнены незначительною денежною суммою, которую новый митрополитъ, по избраніи своемъ въ этотъ санъ, вноситъ константинопольскому патріарху [1]).

---

[1]) Голубинскій, Очеркъ исторіи православныхъ церквей.

ГЛАВА XXXIII.

Обобщеніе борьбы за независимость славянскихъ народностей Балканскаго полуострова и обзоръ послѣднихъ событій въ Турціи.

1. Критическое положеніе въ 2-й четверти XIX ст. 2. Россія спасаетъ Турцію отъ распаденія. 3. Попытка Милоша Обреновича возстановить въ Сербіи турецкіе порядки. 4. Органическій уставъ 1838 г., составленный подъ чуждыми вліяніями, вызываетъ общее неудовольствіе въ Сербіи. 5. Правительственная система, введенная на основаніи этого устава въ Сербіи. 6. Отношенія русскаго правительства къ движенію національностей на Балканскомъ полуостровѣ. 7. Внутреннія смуты въ Сербіи и изгнаніе Милоша Обреновича. 8. Участіе Сербовъ въ подавленіи Венгерскаго возстанія. 9. Инсуррекціонное движеніе въ Болгаріи и отношенія къ нему сербскаго правительства. 10. Значеніе болгарской эмиграціи въ развитіи инсуррекціи въ Болгаріи. 11. Событія послѣднихъ лѣтъ (1875—1878 г.) борьбы Южнаго Славянства за независимость и положеніе, занятое правительствами Австріи, Англіи и Россіи по отношенію къ Балканскому полуострову.

Гати-шерифъ 1830 года предоставилъ *Сербіи* ту политическую полунезависимость, съ которою она вступила въ послѣднія событія 1876—1878 г. Въ это время *Молдаво-Валахія* получила органическій уставъ, установившій пожизненность княжеской власти въ обѣихъ этихъ областяхъ, дозволившій имъ имѣть собственное земское войско и главное,—чего напрасно добивалась Сербія,—упразднившій всѣ турецкіе гарнизоны на лѣвомъ берегу Дуная; *Грецiя*, послѣ заключенія Адріанопольскаго мира (2 сент. 1829 г.), признана была въ слѣдующемъ году независимою; *Мегметъ-Али Египетскій* фактически сталъ самостоятельнымъ повелителемъ Египта, замышляя оттягать у султана южную часть Сиріи; *скадрійскій паша Мустафа* организовалъ независимое Албанское княжество, опираясь въ борьбѣ своей съ Портою *съ юга*—на Эпиритовъ, а *съ сѣвера*—на Босняковъ; *въ Малой Азіи багдадскій намѣстникъ Даудъ-паша* отказалъ султану въ уплатѣ податей; *въ Болгаріи*—повсюду стали появляться разбойничьи банды съ политическимъ колоритомъ. Турція, казалось, прибли-

жалась къ полному распаденію и Франція, старинная союзница Турціи, въ ожиданіи катастрофы, сблизилась съ самымъ опаснымъ въ то время врагомъ султана — Мегеметомъ-Али Египетскимъ, надѣясь путемъ поддержки мятежнаго паши утвердить вліяніе свое въ Египтѣ [1]). При такомъ критическомъ положеніи оттоманское владычества нашло опору въ правительствѣ, которое еще такъ недавно готовилось нанести ему смертельный ударъ. Императоръ Николай I принялъ подъ свою защиту Турцію, и къ удивленію западныхъ правительствъ,—въ апрѣлѣ 1833 г. въ Босфорѣ появилась русская флотилія, высадившая на азіятскомъ берегу Босфора, между деревнями Бей-касимъ и Гунніаръ-Искелесси, 5000-ый дессантъ, который вмѣстѣ съ турецкимъ отрядомъ составилъ смѣшанную дивизію, подъ начальствомъ русскаго генерала Муравьева, при чемъ султану обѣщано было двинуть изъ Молдаво-Валахіи новыя войска, если потребуется дальнѣйшая помощь въ борьбѣ съ египетскимъ пашей. Появленіе русскаго войска вынудило побѣдоноснаго Мегмета-Али вступить въ переговоры съ Портою и остановить дальнѣйшее свое завоевательное движеніе въ Малой Азіи въ направленіе къ Босфору, и Махмудъ II, готовившійся перенести свою резиденцію въ Адріанополь,— такъ какъ послѣ одержанныхъ главнокомандующимъ египетскою арміею Ибрагимомъ побѣдъ, столица находилась въ крайней опасности, — могъ считать себя спасеннымъ. Въ томъ же году дружба между русскимъ правительствомъ и Портою закрѣпилась Гунніаръ-Искелесскимъ оборонительнымъ трактатомъ (26 іюня), въ силу котораго русское правительство обязалось защищать Турцію противъ внѣшнихъ ея враговъ, а султанъ взамѣнъ помощи съ своей стороны обязался закрыть Дарданеллы для иностранныхъ военныхъ судовъ.

Дружба эта, или лучше сказать, преобладающее вліяніе русскаго правительства при Оттоманской Портѣ неблагопріятно отразилась на Сербіи, такъ какъ русское правительство, при такихъ отношеніяхъ своихъ къ Портѣ поставлено было въ необходимость защищать неприкосновенность турецкаго владычества и вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствовать такимъ желаніямъ Сербовъ, которыя шли въ явный разрѣзъ съ этимъ владычествомъ; русское правительство желало видѣть въ Сербіи не болѣе какъ одну изъ привиллегированныхъ провинцій Турецкой имперіи и, какъ покажетъ послѣдующій разсказъ, вопреки настойчивымъ требованіямъ сербскихъ уполномоченныхъ, не включило въ органическій уставъ 1838 г. статьи о національномъ флагѣ и гербѣ,—этихъ символахъ политическихъ правъ страны. Кромѣ дружественныхъ отношеній къ Портѣ, русское правительство держалось такого образа дѣйствій въ серб-

[1]) Gr. Praskesh-Osten, Mechmed-Ali, Vice-König von Aegypten.

скомъ дѣлѣ и потому, что видѣла въ стремленіи Сербовъ ненавистный ему революціонный элементъ, развитіе котораго представлялось нежелательнымъ даже въ данномъ случаѣ, когда рѣчь шла объ освобожденіи единоплеменнаго и единовѣрнаго народа отъ предержащей власти падишаха. Революціонное движеніе 1848 года, начавшееся во Франціи и нашедшее отголоски даже въ отдаленныхъ Дунайскихъ княжествахъ, Молдавіи и Валахіи, еще менѣе могло расположить его къ поддержкѣ политическихъ стремленій христіанскихъ національностей Оттоманской имперіи. Это нерасположеніе, какъ извѣстно, дошло до того, что при подавленіи происшедшаго въ Валахіи и Молдавіи возстанія противъ господарей—Филипеско и Струдзы, русское правительство дѣйствовало рука объ руку съ Портою, которая впрочемъ, подъ вліяніемъ западныхъ державъ, готова была склониться къ нѣкоторымъ уступкамъ въ пользу конституціонныхъ требованій вожаковъ возстанія. Русское вліяніе однако на этотъ разъ превозмогло и 19 апрѣля 1849 г. въ деревнѣ Балта-Лиманѣ, на Босфорѣ, между русскимъ правительствомъ и Портою заключенъ былъ актъ [1]), по которому: взамѣнъ установленнаго органическимъ уставомъ 1831 года избиранія господарей собраніемъ бояръ,—султанъ, по соглашенію съ русскимъ дворомъ, назначаетъ господарей на 7 лѣтъ; собранія бояръ упраздняются, а вмѣсто собраній учреждаются ad hoc совѣты или диваны изъ бояръ и членовъ высшаго духовенства; въ Яссахъ и Букарестѣ учреждается по одному ревизіонному комитету для пересмотра конституціи, «труды комитетовъ представляются на апробацію Порты и русскаго двора»; для поддержанія спокойствія въ Молдавіи и Валахіи—оба правительства оставляютъ тамъ по 22 тысячъ войска; въ продолженіи военнаго занятія оба двора будутъ содержать въ княжествахъ двухъ комисаровъ, которые обязаны наблюдать за ходомъ дѣлъ и вообще представлять господарямъ свои мнѣнія и совѣты, чуть замѣтятъ какія либо сильныя злоупотребленія или какую либо мѣру, вредную для спокойствія края, отъ комисаровъ же зависитъ и выборъ членовъ ревизіонныхъ комитетовъ; срокъ договора этаго назначается семилѣтній. Договоромъ этимъ устанавливалось обширное вліяніе русскаго двора въ Дунайскихъ княжествахъ; русскій комисаръ Дюгамель управлялъ самовластно обоими княжествами; даже бессарабскій губернаторъ въ отношеніяхъ своихъ съ молдавскимъ господаремъ относился къ нему какъ подчиненному. — Валахія пыталась держаться болѣе независимою отъ русскаго вліянія; тамъ образовались клубы либераловъ, которые съ каждымъ днемъ принимали все болѣе угрожающее положеніе, такъ что русскій генеральный кон-

[1]) Юзефовичъ, Договоры Россіи съ Востокомъ.

сулъ Коцебу вынужденъ былъ бѣжать изъ Букареста въ Фокшаны. Либеральныя партіи съ одобренія Порты уже не ограничились возстановленіемъ конституціи 1831 г., а самую эту конституцію признали неудовлетворительною, и замѣнили ее новою — съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости [1]. Русскій дворъ былъ противъ нововведеній и пользуясь всемогущимъ вліяніемъ на султана, заставилъ Порту подавить возстаніе, и той самой Портѣ, которая благопріятствовала конституціонному движенію въ Валахіи, пришлось наказать вожаковъ возстанія, считавшихся къ тому же и туркофилами. Какъ извѣстно, такія отношенія русскаго правительства къ Турція, которыя ставили послѣднюю въ вассальную зависимость отъ перваго и, по мнѣнію западныхъ правительствъ, угрожали политическому равновѣсію европейскихъ государствъ, вызвали восточную войну 1853—1856 гг., результатъ которой по отношенію къ Сербіи и Дунайскимъ княжествамъ выразился въ томъ, что всѣ эти страны изъ-подъ исключительнаго русскаго вліянія вступили подъ покровительство пяти участвовавшихъ въ заключеніи Парижскаго трактата державъ, изъ которыхъ конституціонное вліяніе Франціи постепенно стало однако-же преобладающимъ въ Молдавіи и Валахіи. Указанныя выше дружественныя отношенія русскаго правительства къ Турціи, предшествовавшія восточной войнѣ 1853—1856 гг., необходимо должны были затормозить политическое развитіе Сербіи. Покровительствуя ей, русское правительство, въ тоже время не желало поощрять въ ней революціонное движеніе, каковымъ представлялось стремленіе Сербовъ къ независимости. Сербы дважды провозгласили Милоша Обреновича княземъ Сербіи: первый разъ въ 1817 году и второй въ 1830 г., желая этимъ оградить страну отъ вмѣшательства турецкихъ властей. Сербы очень хлопотали передъ Портой и передъ русскимъ дворомъ о точномъ опредѣленіи значенія и правъ княжеской власти; но тамъ и здѣсь сербскіе уполномоченные получали только самые уклончивые отвѣты. Отсюда вышло то, что сербскій князь сталъ въ какое-то двойственное положеніе. Верховный вождь Сербскаго народа, Милошъ зависѣлъ отъ султана, считаясь какъ бы турецкимъ чиновникомъ, которому ввѣрено управленіе страны [2]. Русское правительство относилось къ Милошу такъ же какъ къ своему подчиненному, вмѣшивалось въ его отношенія къ народу, принимало жалобы на него отъ старѣйшинъ, и хотя не давало выговоровъ, но выражало ему болѣе или менѣе неудовольствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію русскаго правительства, онъ поступалъ вопреки гатишерифу

---

[1]) Розенъ, Исторія Турціи, ч. II.

[2]) Ранке, Исторія Сербіи.

1830 года. Если къ этому присоединить и вступничество Австріи, которая по своему близкому сосѣдству стремилась присвоить себѣ вліяніе на ходъ событій въ Сербіи, то легко представить себѣ на сколько въ Сербіи подготовлена была почва для внутреннихъ смутъ.

Въ томъ и состоитъ жалкое положеніе маленькой страны или государства обезсиленнаго (какъ Турція), что она становится добычею внѣшнихъ вліяній, которыя отражаются на ея политическомъ развитіи, вводя въ ходъ событій общественной жизни этой страны начало случайности, необходимость лавированія между сильными патронами, или вообще покровителями, увлекая ее въ безбрежное море внѣшней политики, въ ущербъ развитію внутренней жизни страны. Лучшимъ доказательствомъ служитъ Румынія, гдѣ чрезвычайно много людей, знающихъ самые мелкіе изгибы европейской политики, гдѣ все, что считается грамотнымъ, занимается внѣшнею политикою, но очень мало заботится о школахъ, о промышленности, о торговлѣ; гдѣ можно встрѣтить маленькихъ Талейрановъ, Меттерниховъ и т. п., но нѣтъ хорошихъ учителей, судей, ремесленниковъ, техниковъ. Національный характеръ румынскій играетъ весьма слабую роль въ этомъ увлеченіи внѣшней политикой; онъ можетъ придавать ему только большую или меньшую степень страстности. Причина же увлеченія заключается въ фатальной необходимости лавировать между сильными патронами, или сосѣдями, изучать ихъ взаимныя отношенія, предугадывать ихъ намѣренія, чтобы знать, гдѣ искать опору въ критическую минуту, — быть постоянно на стражѣ своего существованія и находиться въ вѣчномъ страхѣ, чтобы какая нибудь доброжелательная акула не проглотила и эту маленькую страну.

Нужно было много искуства и политической опытности, чтобы отражать или смягчать послѣдствія этихъ чуждыхъ вліяній; нужна была самостоятельность въ дѣйствіяхъ, стойкость убѣжденій, чтобы, не сворачивая, идти по намѣченному пути, а между тѣмъ князь сербскій Милошъ Обреновичъ до конца дней своихъ оставался неграмотнымъ, что, если предположить въ немъ и великій практическій умъ, ставило его въ зависимость отъ выразителей его воли, которые, какъ оказалось впослѣдствіи, были тайными его врагами.

При такихъ условіяхъ Милошъ, во внѣшнихъ отношеніяхъ, желая угодить всѣмъ, навлекъ на себя нерасположеніе всѣхъ; Турція, Россія, Австрія одинаково, но по разнымъ причинамъ, не благоволили къ нему.

Оставалось искать точки опоры въ народѣ; но для этого нужно было показать народу, что Сербія освободилась нетолько отъ Турокъ, но и отъ турецкихъ порядковъ; что народъ въ теченіи болѣе 10-ти лѣтъ проливалъ кровь свою не для того, чтобы деспотизмъ и насиліе турецкихъ чиновниковъ замѣнить произволомъ своего національнаго вождя. Между тѣмъ

Милошъ, сдѣлавшись княземъ сербскимъ, сталъ считать себя маленькимъ султаномъ въ Сербіи и обязанный на основаніи гати-шерифа 1830 г. во всѣхъ дѣлахъ, касающихся страны, совѣщаться съ старѣйшинами страны, т. е. представителями 17 округовъ,—членами Народной канцеляріи (переименованной потомъ въ Государственный совѣтъ), поступалъ во всемъ какъ неограниченный монархъ, съ пріемами турецкаго паши, отмѣняя безапелляціонные приговоры верховнаго суда, опредѣляя размѣръ податей и иныхъ государственныхъ сборовъ, смѣняя и наказывая должностныхъ лицъ безъ предварительнагѡ судебнаго опредѣленія, какъ того требовалъ гати-шерифъ 1830 г., составленный въ конституціонномъ духѣ [1]). Примѣняя турецкіе пріемы въ обращеніи съ должностными лицами, которые подвергались тѣлесному наказанію, что не мѣшало имъ затѣмъ занимать высшій постъ сенатора или столь же почетное положеніе кнеза-начальника округа,—онъ тѣмъ самымъ деморализировалъ служебную корпорацію страны, внеся въ эту корпорацію произволъ, которымъ самъ отличался. Поселяне, сравнивая новые порядки съ прежними, турецкими, увидѣли, что различіе между ними, вмѣсто того чтобы становиться рѣзче въ пользу новыхъ, постепенно сглаживалось; сербскіе чиновники, будучи совершенно зависимы отъ Милоша и чувствуя свое положеніе крайне шаткимъ, такъ какъ ежеминутно они могли быть уволены, по капризу Милоша, заботились, подобно турецкимъ пашамъ, лишь о томъ, чтобы пользоваться минутою и обеспечить себя на всякій случай на счетъ управляемаго ими населенія. Но пока неудовольствіе поселянъ обращалось только на этихъ чиновниковъ, съ которыми имъ приходилось непосредственно сталкиваться. такъ какъ простымъ неразвитымъ людямъ трудно было понять сразу, что повсемѣстное злоупотребленіе второстепенныхъ агентовъ правительства составляетъ неизбѣжное послѣдствіе цѣлой правительственной системы, которую Милошъ стремился развить и акклиматизировать въ Сербіи.

Второстепенные агенты, въ непосредственныхъ отношеніяхъ своихъ къ народу, копировали лишь то, что дѣлали наверху. А здѣсь Милошъ являлся самовластнымъ визиремъ или маленькимъ султаномъ. Увеличивъ подати, онъ часть ихъ оставлялъ въ собственную пользу и скупалъ лучшія недвижимыя имущества по цѣнѣ, которую самъ назначалъ; обратилъ въ личную монополію самыя видныя въ Сербіи статьи доходовъ, напр. присвоилъ себѣ исключительное право торговли щетиной, составлявшей въ Сербіи одинъ изъ самыхъ крупныхъ источниковъ обогащенія; въ торговлѣ заграничной, привозной и отпускной, наиболѣе крупныя статьи доходовъ также перешли въ пользу князя; скупая предметы вывоза (ще-

[1]) Ранке, Исторія Сербіи; Н. Поповъ, Сербія и Россія, т. II.

тину и свиней) по цѣнѣ, которую самъ назначалъ, онъ одинъ отправлялъ ихъ заграницу точно также какъ онъ одинъ вывозилъ изъ Валахіи все количество соли (3 милліона окъ), которое потреблялось въ Сербіи и продавалъ здѣсь также по цѣнамъ имъ самимъ установленнымъ, устраняя всякую возможность конкуренціи; доходъ съ нѣкоторыхъ перевозовъ на Дунаѣ и Савѣ онъ также присвоилъ себѣ въ собственность, и какъ бы считая положеніе свое шаткимъ, онъ всѣ свои капиталы переводилъ за границу.

Въ средѣ служилаго люда и купечества прежде всего возникли неудовольствія противъ Милоша. Поселяне въ нѣкоторыхъ округахъ присоединились къ его врагамъ и дѣло дошло до междоусобной войны. Хотя она пока и кончилась Топольскимъ пораженіемъ возставшихъ, но Милошъ увидѣлъ необходимость отказаться отъ нѣкоторыхъ незаконно присвоенныхъ прерогативъ, такъ какъ враги его дѣйствовали неусыпно, сносясь отъ себя съ Австріей, Россіей и даже интригуя противъ него предъ турецкимъ правительствомъ.

Онъ дѣйствительно въ 1835 году созвалъ скупщину, на которой торжественно обѣщалъ ограничить свою власть и обязался составить отвѣтственное министерство. Но большинство народныхъ представителей не повѣрило ему, разсуждая, что никакая власть сама на себя руки не наложитъ, и что вынужденный къ уступкамъ обстоятельствами минуты, Милошъ при удобномъ случаѣ найдетъ средство вознаградить потерянное сторицею, тѣмъ болѣе, что кромѣ обѣщанія онъ не связанъ былъ никакимъ обязательствомъ. Поэтому предводители опозиціи Симичъ, Вучичъ, Петроніевичъ и др. рѣшили настоять на изданіи устава, который, ограничивая власть князя, вмѣстѣ съ тѣмъ далъ бы и народу легальныя средства противодѣйствовать превышенію этой власти. Уставъ былъ составленъ въ широкомъ конституціонномъ духѣ. Но составители его сильно ошиблись, полагая, что достаточно одобренія Порты для полной его обязательной силы. *Австрія* и *Россія* приняли живое участіе въ составленіи устава и по степени участія, которое эти государства приняли въ новомъ устройствѣ Сербіи, могло казаться, что послѣдняя готовится быть провинціей одного изъ указанныхъ государствъ. Петербургское правительство, чрезъ агента своего Кикмана, проживавшаго въ Букарестѣ, снабдило Милоша даже «базисомъ устава для Сербіи» съ указаніемъ главныхъ началъ новаго устройства страны, которыя касались высшаго правительства, администраціи, суда, финансовъ, богослуженія и просвѣщенія. По поводу двухъ послѣднихъ пунктовъ преподанъ совѣтъ: «стараться о поддержаніи греческой православной церкви, надзирать за ея невредимостію, какъ вѣры господствующей; подчинить надзору церков-

ныхъ властей управленія школами, цензуру и земскія типографіи» [1]). Многія нововведенія въ направленіи западнаго конституціонализма исключены были изъ проектированнаго Давидовичемъ устава русскимъ «базисомъ», и понятно, что ни составители устава, ни тѣ партіи, которыхъ отголоскомъ они были, не могли быть довольны такимъ базисомъ.

Но и Милошъ имѣлъ причины не принимать русскаго «базиса», такъ какъ въ немъ ничего не говорилось о политическихъ правахъ Сербіи, которая съ точки зрѣнія «базиса» оставалась турецкою провинціею съ административною автономіею. «Изумленный этимъ, т. е. базисомъ, разсказываетъ Живановичъ [2]), князь написалъ Герману (своему агенту въ Букарестѣ), чтобы онъ лично явился въ Сербію и далъ подробное извѣстіе о дѣлѣ. Германъ пріѣхалъ въ Пожаровецъ и сказалъ князю, что императоръ-покровитель недоволенъ и княземъ и барономъ Рикманомъ за ихъ неумѣстныя объясненія въ Пожаровецѣ. Императоръ не хочетъ никакого устава для Сербіи, на чемъ настаивалъ сперва и баронъ Рикманъ. Но теперь, когда стало ясно, что князю это непріятно, государь императоръ счелъ за нужное дозволить составленіе устава, дабы не говорили, что императоръ не хочетъ порядка въ Сербіи, но не такого устава, какой задуманъ по согласію съ барономъ Рикманомъ, а по этому «базису», который согласенъ съ гати-шерифами. Князь возразилъ на это: «Стало быть безъ опредѣленія герба и флага Сербіи и безъ народной скупщины? Полно, такъ ли? Откуда ты это знаешь, Германъ? Говорилъ ли тебѣ объ этомъ Рикманъ?»—«Онъ мнѣ ничего не говорилъ, отвѣчалъ Германъ, но далъ мнѣ только этотъ листъ, чтобъ я послалъ его для составленія устава, все же остальное мнѣ сообщили другіе русскіе, живущіе въ Букарестѣ».— Что же мы будемъ теперь дѣлать, мой Германъ?»—«Вы сами виноваты, говорилъ тотъ; зачѣмъ не покорились Рикману, когда онъ говорилъ, чтобы остались при старомъ и чтобы уставъ былъ уничтоженъ; вы сами же горячо настаивали на томъ, чтобы уставы были написаны».—«Я не зналъ что дѣлать, а потому такъ и поступалъ, но что прошло, о томъ нечего разговаривать, а что теперь дѣлать, а что теперь станемъ дѣлать?» добавилъ князь. — «Я думаю ничего иного, замѣтилъ Германъ, кромѣ того, что надобно было сдѣлать тогда. Напишите Нессельроде, что вы увидали спасительность совѣта, сообщеннаго вамъ покровительствующимъ дворомъ чрезъ барона Рикмана и что оставляете всякое желаніе писать уставъ». Тогда князь, поколебленный имъ, приказалъ мнѣ (т. е. Живановичу) написать въ этомъ смыслѣ письмо г. Нессельроде. Я замѣтилъ князю, что я не согласился бы съ такимъ мнѣніемъ.—«Ка-

---

[1]) Н. Поповъ, Сербія и Россія т. II.
[2]) Н. Поповъ, Сербія и Россія т. II.

кого же ты мнѣнія?» спросилъ онъ. Я ему отвѣчалъ: «мы должны быть послѣдовательны, и если мы тогда были за уставъ, когда Рикманъ былъ противъ него, то менѣе всего можемъ быть противъ устава, когда намъ одобряетъ его покровительствующій дворъ». — «Что же мы будемъ дѣлать, настаивалъ князь, развѣ напишемъ уставъ безъ статьи о скупщинѣ и другихъ предметахъ?» — «Я не могу знать сію же минуту все, что будемъ дѣлать; но такого письма никакимъ образомъ не должны писать». Тутъ они (т. е. Милошъ и Германъ) оба раскричались на меня: «такъ вотъ откуда всѣ смуты у насъ. Откуда эти ученые берутъ свои мнѣнія! Давидовичъ погубилъ насъ своими выдумками, а теперь этотъ (т. е. Живановичъ) хочетъ того же, а самъ простой писарь и долженъ бы только слушать, что ему велятъ. Пока писари слушали князя, до тѣхъ поръ милостивый покровитель былъ доволенъ и княземъ и всѣмъ дѣломъ, а какъ начали борзописцы одинъ за другимъ разсуждать, то пошло все хуже и хуже».—По истинѣ жалкимъ кажется этотъ тонъ рѣчи, который приличествуетъ скорѣе мелкому чиновнику, получившему нахлобучку отъ начальства за нѣкоторое либеральное легкомысліе, чѣмъ верховному вождю народа, кровью своею заслужившаго себѣ независимость.

Трепеща передъ петербургскимъ правительствомъ, Милошъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за отношеніями Австріи, Франціи, Англіи и Россіи съ тѣмъ, чтобы найти противовѣсъ противъ послѣдней въ той или другой изъ первыхъ трехъ странъ, и только лишь замѣчалъ въ нихъ болѣе или менѣе серьезное стремленіе противодѣйствовать вліянію Россіи на Сербію, какъ измѣнялъ характеръ своихъ отношеній къ петербургскому правительству, дозволяя себѣ довольно либерально относиться о политикѣ его. Такъ, въ разговорѣ съ членомъ новосадской думы, Іованомъ Хаджичемъ (19 января 1838 г.), Милошъ спрашивалъ Хаджича: «Читали вы въ газетахъ, что Французы и Англичане думаютъ, и какъ смотрятъ на Востокъ? И Англія и Франція хотятъ отнынѣ покровительствовать Сербіи, хотятъ, чтобы не одна Россія вступалась въ наши дѣла; и, въ самомъ дѣлѣ, не много Сербія получила отъ Россіи Россія не хочетъ признавать: ни герба Сербіи, ни флага, ни ея политическаго положенія, а пишетъ только: «изъ той страны», «изъ той земли». Россія три раза отвергнула земскій уставъ и не хочетъ ничего знать о политическихъ правахъ Сербіи, но всегда ссылается на гати-шерифъ» [1]).

Это умаленіе политическаго значенія Сербіи сильно раздражало Милоша и заставило его искать опоры въ лондонскомъ правительствѣ, послѣ того, какъ англійскій посланникъ при блистательной Портѣ лордъ

[1]) Н. Поповъ, Сербія и Россія, т. II.

Понсонби высказалъ расположеніе принять подъ свое покровительство, съ этой стороны, сербское дѣло, и дѣйствительно онъ отстаивалъ передъ Портою требованія и желанія сербскихъ уполномоченныхъ. Но попытки его не увѣнчались успѣхомъ. «Къ величайшему нашему удивленію, писали уполномоченные Милошу 29 ноября 1837 г., мы узнали отъ Вигороди, что наше дѣло въ Диванѣ кончено и притомъ вслѣдствіе сильнаго русскаго настоянія... на вопросъ нашъ: какъ же кончено?—отвѣчалъ намъ: «по гати-шерифу».—Спрашиваемъ мы его: «Прошла ли статья о воеводствахъ?»—отвѣчали намъ: «что воеводства отвергнуты». На вопросъ: упоминается ли о флагѣ и т. п., сказалъ, что нѣтъ ни слова. Спрашивали мы, говорится ли о скупщинѣ?—онъ отвѣчалъ, что не говорится. Тогда мы спросили: Читали ли нашъ уставъ, если такъ утверждено? отвѣчалъ—читали, но на него обращено слабое вниманіе, ибо г. Бутеневъ (русскій уполномоченный) руководилъ всѣмъ дѣломъ. На вопросъ нашъ: «Зачѣмъ же звали насъ сюда, когда наши предложенія не уважаются?»—отвѣчалъ: звали для того, чтобы видѣть ваше мнѣніе, а потомъ уже предоставить рѣшеніе Портѣ и Россіи. На наше замѣчаніе: «Зачѣмъ же стоитъ въ гати-шерифѣ, что Сербія имѣетъ свободное внутреннее управленіе, а не значится, что Сербія должна подчиниться во всемъ рѣшеніямъ Порты и Россіи?»—онъ отвѣчалъ, что свобода внутренняго управленія всегда разумѣлась условно, т. е. какъ рѣшатъ царь и покровитель, и потомъ кончилъ разговоръ, засмѣялся и сказалъ: «гдѣ пишутъ и толкуютъ сильные, что будемъ дѣлать мы слабые,—ибо сильный всегда имѣетъ право въ силѣ своей».

Петербургское правительство въ данномъ случаѣ дѣйствовало согласно съ желаніемъ Порты, которая хотѣла видѣть въ Сербіи одну изъ привилегированныхъ провинцій—но не больше. Ограничивая власть князя и совершенно игнорируя древнее народное учрежденіе скупщину,—уставъ 1838 года, послѣ сдѣланныхъ Портою и русскимъ правительствомъ измѣненій, центръ тяжести высшей власти въ странѣ переносилъ въ корпорацію старѣйшинъ, составлявшихъ сенатъ, и такимъ образомъ создавалъ аристократическую форму правленія въ странѣ, гдѣ въ то время не было и помину о чемъ либо похожемъ на аристократію, гдѣ самъ князь, сынъ простаго поселянина, въ первой юности своей занималъ болѣе чѣмъ скромное положеніе свинопаса.—При такой формѣ правленія, неимѣющей никакихъ традицій, самостоятельное развитіе страны становилось немыслимымъ; люди, въ руки которыхъ перешла теперь власть, на которыхъ не допускалась даже апелляція скупщинѣ, не упоминаемой въ уставѣ, люди невѣжественные, едва знающіе читать и писать, да и то не

всѣ, быть можетъ надѣленные природнымъ умомъ, но безъ малѣйшей технической подготовки къ высокому призванію ихъ, могли ли, если бы даже желали, добросовѣстно вынести на своихъ плечахъ трудную задачу управленія страной при томъ хаосѣ внѣшнихъ вліяній, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать. Россія, Турція, Австрія наперерывъ одна передъ другой старались запечатлѣть чѣмъ нибудь свое вліяніе въ этомъ маленькомъ государствѣ и конечно стремленія каждой изъ нихъ не оставались совершенно безуспѣшны, конечно каждая изъ нихъ находила себѣ послушныхъ кліентовъ въ средѣ правящихъ людей этого миніатюрнаго княжества. Можно себѣ представить какой разладъ долженъ былъ возникнуть во внутреннемъ управленіи страной; но что важнѣе всего—это *соперничество въ покровительствѣ* отразилось на важнѣйшемъ законодательномъ актѣ страны, — органическомъ уставѣ 1838 г., который составленъ подъ дѣйствіемъ многоразличныхъ вліяній.

Устройство страны на основаніи этаго органическаго устава представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1) *Князь* съ ограниченною властію: ему принадлежитъ право исполненія законовъ и судебныхъ опредѣленій. назначенія чиновниковъ, увеличенія налоговъ, командованія войскомъ и помилованія; 2) *Сенатъ* (или Совѣтъ), состоящій изъ 17 членовъ, по числу округовъ; члены назначаются княземъ, но разъ назначенные, они могутъ быть отрѣшены отъ должности неиначе какъ по суду и съ согласія султана; какъ князь, такъ и члены Сената должны приносить предъ лицомъ митрополита присягу въ томъ, что не будутъ дѣлать ничего противнаго благу народа, обязанностямъ званія, предписаніямъ совѣсти и волѣ султана; безъ предварительнаго одобренія и утвержденія Совѣта никакое распоряженіе не можетъ быть исполнено и никакой налогъ не можетъ быть взимаемъ (II ст.). Далѣе кругъ дѣятельности Совѣта обнимаетъ собою: разборъ и рѣшеніе вопросовъ и дѣлъ, касающихся законовъ и учрежденій страны, податей и другихъ налоговъ; опредѣленія жалованья и наградъ всѣмъ чиновникамъ въ странѣ, равно какъ и учрежденіе новыхъ должностей: счетъ годовыхъ издержекъ на управленіе страной и пріисканіе наилучшихъ и легчайшихъ средствъ для распредѣленія и взиманія налоговъ, коими должны покрываться расходы; сочиненіе единаго закона, который долженъ опредѣлить число, жалованье и служебныя обязанности земскаго гарнизона; право составлять проекты законовъ, какіе найдетъ полезными, и представлять князю за подписью — предсѣдателя и секретаря Совѣта, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы законъ этотъ никакимъ образомъ не нарушалъ правъ господствованія высокой Порты, подъ властію которой страна состоитъ. 3) *Попечи-*

тельства (министерствѣ), изъ коихъ одно завѣдуетъ иностранными дѣлами, другое внутренними, третье финансами, четвертое правосудіемъ и и учебною частію. Каждый изъ попечителей дѣйствуетъ самостоятельно въ своемъ кругу; всякая правительственная бумага для признанія ея обязательною, должна быть подписана кѣмъ нибудь изъ нихъ; ежегодно въ мартѣ они представляютъ Совѣту отчетъ; подобно членамъ Совѣта, попечители хотя и назначаются княземъ, но не могутъ быть имъ смѣняемы безъ согласія султана [1]).

Такимъ образомъ значеніе князя низводилось до положенія второстепеннаго правительственнаго агента. Тѣ прерогативы, которыя ему предоставляетъ уставъ, вполнѣ могли быть парализованы Совѣтомъ; повидимому самая безспорная прерогатива—назначеніе чиновниковъ, утвержденіе должностей, зависѣло отъ Совѣта, такъ какъ послѣдній опредѣлялъ размѣръ жалованья.

Правда въ этомъ ограниченіи княжеской власти мы видимъ начало конституціонализма, которое при другихъ условіяхъ, разумно проведенное, обезпечивало бы прочное свободное развитіе народа; но въ примѣненіи къ Сербіи, конституція 1838 г. выраждалась въ олигархію отдѣльной клики людей, называемыхъ членами Совѣта и попечителями; не въ пользу расширенія политическихъ правъ народа, а именно этой клики ограничена княжеская власть, такъ какъ то исконное народное учрежденіе, скупщина, въ которомъ народъ, чрезъ своихъ избирателей, выражаетъ непосредственное участіе во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, касающихся его общихъ интересовъ,—учрежденіе это вовсе не упомянуто въ уставѣ, не смотря на убѣдительные и настойчивые доводы сербскихъ уполномоченныхъ. Имъ впрочемъ говорили, что хотя въ уставѣ и не упоминается о скупщинѣ, но это не препятствуетъ правительству сербскому созывать скупщину. Послѣ того однако же, когда правительственная власть во всѣхъ ея отрасляхъ распредѣлена была между разными учрежденіями и лицами;— спрашивается: чѣмъ оставалось заниматься скупщинѣ, какіе предметы остались въ кругу ея компетенціи, какія отношенія ея къ князю, Совѣту, попечителямъ; рѣшеніе скупщины, какъ выраженіе воли всего народа, безусловно ли обязательно для названныхъ учрежденій и лицъ? Въ отвѣтъ на всѣ эти вопросы уставъ не даетъ ни малѣйшихъ указаній.

Кромѣ того: княжеская власть ограничена была въ пользу султана, въ вѣрности которому князь обязанъ былъ присягать наравнѣ съ своими чиновниками, но удалять ихъ могъ не иначе, какъ съ согласія султана,

---

[1]) Ранке, Исторія Сербіи; Н. Поповъ, Сербія и Россія, т. II.

который пріобрѣталъ этимъ полную возможность, вмѣшиваться во внутреннее управленіе страной чрезъ посредство лицъ, находившихъ покровительство въ Портѣ. Но не у одного султана могли находить защиту люди правящихъ классовъ; уполномоченные Россіи, Австріи даже, Англіи и Франціи во взаимной борьбѣ изъ за вліянія Сербіи охотно принимали подъ свое покровительство обращавшихся къ нимъ съ жалобами на князя.

Такимъ образомъ народъ ничего не выигралъ въ ограниченіи княжеской власти, но несомнѣнную пользу изъ такого жалкаго положенія его власти могли извлечь такъ называемые старѣйшины и Порта. Первые являлись самовластными правителями, а вторая чрезъ посредство этихъ старѣйшинъ сохраняла возможность вступаться во внутреннее управленіе страной.

Замѣчательно, что въ то время, когда Англія при организаціи правительственной системы въ Сербіи хлопотала о возвышеніи княжеской власти, которая должна была служить символомъ политическихъ правъ страны, русское правительство настаивало на ослабленіи этой власти, дѣйствуя въ этомъ случаѣ совершенно согласно съ желаніемъ Порты.

Такое совпаденіе политики русскаго правительства и Порты объясняется тѣми же причинами, которыми обусловливалась нерѣшительность русской политики въ греческомъ вопросѣ — нежеланіемъ поддерживать гдѣ бы то ни было и какъ бы то ни было революціонное стремленіе, къ категоріи которыхъ, съ точки зрѣнія началъ Священнаго союза, должно быть отнесено пробудившееся движеніе національностей къ самобытному политическому существованію. Русскому правительству въ возстаніи Грековъ противъ турецкаго владычества долгое время представлялась фатально-непримиримая дилемма[1]). *Съ одной стороны* христіанскій народъ, несомнѣнно даровитый, способный къ самой широкой культурной жизни, съ великими всемірно-историческими традиціями, нежелающій томиться подъ гнетомъ той правительственной системы, которая называется турецкимъ деспотизмомъ, самымъ грубымъ, ни мало не подкрашеннымъ новѣйшими усовершенствованіями; *съ другой*—революціонное возстаніе подданныхъ противъ предержащей власти падишаха. Не то же ли самое представляло собою и возстаніе Сербіи, а потому не представлялось ли бы опаснымъ допустить теперь же политическое существованіе этой страны; признаніе за нею политическихъ правъ не сдѣлается ли равносильнымъ, если не возбужденію, то по крайней мѣрѣ — одобренію революціоннаго движенія подвластныхъ народовъ Турціи; не послужитъ

---

[1]) Θеоктистовъ, Русская дипломація въ борьбѣ Греціи за независимость, Рус. Вѣстн. за 1868 г. т. III.

ли такое одобреніе опаснымъ прецедентомъ при иныхъ обстоятельствахъ? Поэтому не лучше ли избрать безопасную средину: — оставить Сербію въ положеніи турецкой провинціи, но съ присвоеніемъ ей внутренняго самоуправленія. Въ такой формѣ, какъ извѣстно, уставъ и пытается разрѣшить непримиримую дилемму...

Какъ ни противно было ожиданіямъ Милоша вводимое уставомъ новое правительственное устройство страны, онъ долженъ былъ подчиниться уставу, гарантированному могущественною державою-покровительницею. Но подчиняясь формально и даже не возражая противъ нарушенія устава, Милошъ задумалъ планъ совершеннаго ниспроверженія навязаннаго ему устава. Планъ этотъ состоялъ въ возбужденіи въ средѣ массы народа неудовольствія противъ устава, въ указаніи народу, что принимавшіе участіе въ составленіи устава, какъ Петроніевичъ, Вучичъ, Гарашанинъ и др. намѣренно выговорили старѣйшинамъ такія права, которыя даютъ имъ возможность совершенно самовластно править страной. Если неудовольствіе народа сдѣлается общимъ, то Милошу, при посредничествѣ Англіи, легко будетъ добиться уничтоженія устава, такъ какъ въ случаѣ упорства со стороны Порты, онъ можетъ указать на опасныя для Турціи послѣдствія—возстаніе народа. Къ такимъ средствамъ Милошъ уже прибѣгалъ въ бывшихъ столкновеніяхъ его съ старѣйшинами, когда бѣлградскій паша вздумалъ однажды принять сторону его противниковъ.

Чрезъ посредство своихъ агентовъ, Милошъ вслѣдъ за изданіемъ устава приступилъ къ дѣлу и послѣдствія тайной пропаганды не замедлили обнаружиться. Въ нѣкоторыхъ округахъ, и преимущественно въ Крагуевацѣ, вспыхнуло возстаніе поселянъ, которые требовали уничтоженія устава и суда надъ Петроніевичемъ, Вучичемъ и Ефремомъ Обреновичемъ (братъ Милоша, но вмѣстѣ съ тѣмъ самый заклятый врагъ его). Милошъ несказанно обрадовался; но хотя онъ до поры до времени и бережно скрывалъ свое чувство удовольствія и даже предложилъ старѣйшинамъ пойти съ войскомъ и подавить возстаніе, ему однакоже не повѣрили: противники его, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ учрежденія страны, нашли возможность раскрыть замыселъ Милоша. Второпяхъ и слѣдовательно плохо организованное поселянское возстаніе въ Крагуевацкомъ округѣ было подавлено Вучичемъ съ помощью того самаго войска, которымъ Милошъ думалъ воспользоваться. Пойманъ былъ Іованъ Обреновичъ (другой братъ Милоша), возбуждавшій поселянъ тоже въ Крагуевацкомъ округѣ. Поимка Іована послужила для Совѣта поводомъ разослать по всей странѣ воззванія къ народу, въ которыхъ Милошъ объявлялся наруши-

телемъ основныхъ законовъ страны, а между тѣмъ одинъ изъ главныхъ противниковъ Милоша, Вучичъ вступилъ въ Бѣлградъ съ войскомъ, которое разсѣяло возставшихъ въ Крагуевацкомъ округѣ крестьянъ; вслѣдъ за тѣмъ у Милоша была отнята почетная стража и паденіе его стало несомнѣннымъ. Вучичъ въ сопровожденіи небольшаго вооруженнаго отряда пошелъ во дворецъ Милоша и объявилъ ему о волѣ народа [1]): «Народъ не хочетъ больше тебя; если не вѣришь, я позову людей и они подтвердятъ тебѣ слова мои», сказалъ Вучичъ. На это Милошъ отвѣчалъ: — «ну хорошо, если они не хотятъ меня, я имъ и не навязываюсь.» Въ тотъ же день 13 іюня 1839 года Милошъ подписалъ бумагу, въ которой отказался отъ княжеской власти въ пользу старшаго своего сына Милана.

Болѣзненное состояніе послѣдняго, лишавшее его всякой возможности править страной, могло послужить причиною къ новымъ смутамъ. На основаніи гати-шерифа, установившаго право старшинства, Миланъ, какъ старшій сынъ, былъ провозглашенъ княземъ — безъ вѣдома его самого; ему не рѣшались говорить объ отреченіи Милоша, опасаясь, что онъ, всего пугавшійся, не захочетъ принять наслѣдія изъ рукъ людей, прогнавшихъ его отца, и тогда партія Милоша, многіе представители которой оставались еще въ Сербіи, произведетъ въ народѣ движеніе въ смыслѣ благопріятномъ изгнанному князю. Больной Миланъ вскорѣ умеръ и не подозрѣвая, что онъ состоитъ въ званіи князя.

Извѣщенная о смерти Милана, Порта назначила временными правителями Сербіи Вучича, Петроніевича и Ефрема Обреновича въ концѣ того же 1839 г., какъ сторонниковъ своихъ, и затѣмъ, когда сенатъ избралъ втораго сына Милоша, Михаила Обреновича (1839), Порта выразила согласіе на утвержденіе этаго князя, но въ изданномъ на этотъ случай бератѣ не упомянула однакоже ни о наслѣдственности княжеской власти въ родѣ Обреновичей, ни даже о пожизненности этой власти. Такимъ умолчаніемъ Порта надѣялась поставить сербскаго князя въ совершенную отъ нея зависимость, сдѣлавъ его чиновникомъ турецкимъ.

Молодой Михаилъ прибылъ въ Бѣлградъ въ половинѣ марта 1840 г. и съ тѣхъ поръ Бѣлградъ становится постояннымъ мѣстопребываніемъ правительства, между тѣмъ какъ при Милошѣ такимъ мѣстомъ считался Крагуевацъ, гдѣ впрочемъ скупщина собирается и по настоящее время.

Къ молодому князю въ родѣ совѣтниковъ Порта приставила Петроніевича, Протича, и этимъ возбудила общее неудовольствіе въ странѣ, обратившееся противъ названныхъ двухъ лицъ, такъ какъ подобное

---

[1]) Н. Поповъ, Сербія и Россія, ч. II.

назначеніе всѣмъ показалось вопіющимъ посягательствомъ даже на ту небольшую долю политическихъ правъ народа, которая предоставлена въ органическомъ уставѣ 1838 г. Въ Бѣлградъ собрались депутаты отъ всѣхъ округовъ, окружили княжескій дворецъ и требовали, чтобы Протичъ, Петроніевичъ и другіе ставленики Порты были удалены и даже преданы суду, какъ измѣнники. Михаилъ вынужденъ былъ уступить и удалить своихъ приближенныхъ; всѣ они, боясь суда, бѣжали въ Бѣлградскую крѣпость, подъ покровительство тамошняго паши, а потомъ, по настоянію новаго правительства, выпровождены были изъ Сербіи. Они поселились въ Константинополѣ и здѣсь многіе изъ нихъ даже получали содержаніе отъ правительства. Уже по этой внимательности Порты къ эмигрантамъ можно было предусмотрѣть, что она готовится раздуть внутреннія смуты, съ тѣмъ, чтобы исподоволь возстановить прежнее владычество надъ обезсиленною ими страною. Многочисленные прецеденты изъ отношеній Византіи къ народностямъ Балканскаго полуострова могли побудить и Порту къ примѣненію политики divide et impera, но къ счастію неискусныя руки Турка никогда не могли совладать съ этимъ мудрымъ правиломъ, да и европейскія правительства въ собственныхъ своихъ интересахъ не могли допустить возстановленія прежняго владычества Османлисовъ въ Сербіи.

Какъ бы то ни было, но первая половина усилія Порты увѣнчалась успѣхомъ. Волненіе стало распространяться повсемѣстно. По Сербіи разъѣзжали агенты разныхъ партій. Одни агитировали въ пользу возвращенія Милоша, другіе собирали голоса въ пользу проживавшаго въ Букарестѣ сына Кара-Георгія, Александра Карагеоргіевича; были и такіе, которые добивались популярности лично для себя,—но въ одномъ сходилось большинство, въ неудовольствіи противъ Михаила, или лучше сказать, тѣхъ новыхъ приближенныхъ, въ зависимости отъ которыхъ онъ себя поставилъ. Эти приближенные состояли изъ австрійскихъ Сербовъ, реформаторскія попытки которыхъ по австрійскому образцу не понравились народу. Такъ, послышались жалобы на введеніе письменнаго судопроизводства въ то время, когда процентъ грамотныхъ въ народѣ былъ чрезвычайно незначительный и съ большимъ трудомъ приходилось искать писца для составленія прошенія; потомъ увеличеніе порезы съ пяти талеровъ до шести, совпавшее съ собираніемъ статистическихъ данныхъ о сельскомъ хозяйствѣ, вызвало въ средѣ поселянъ опасеніе, что самыя мелкія статьи хозяйства, что всѣ ихъ сливовыя деревья будутъ пунктуально съ нѣмецкою точностью обложены налогами. Противники новаго правительства воспользовались этимъ настроеніемъ поселянъ и при этомъ

дали понять, что съ дальнѣйшимъ наплывомъ Швабовъ (такъ стали называть австрійскихъ Сербовъ) могутъ наступить еще худшіе порядки. Указано было и на то, что Михаилъ, подобну отцу, стремится уничтожить уставъ, ограничивающій княжескую власть, и для того, чтобы опредѣлить передъ народомъ яснѣе свою миссію, эти люди стали называть себя уставобранителями, т. е. защитниками устава. Главными дѣятелями въ средѣ этихъ уставобранителей были Вучичъ, Протаванадовичъ, Гарашанинъ,—которые видя почву достаточно подготовленною, прямо потребовали отъ Михаила удаленія его приближенныхъ, а въ томъ числѣ и попечителей (министровъ).

Михаилъ, незнакомый съ общимъ настроеніемъ страны, и предполагая, что ему предстоитъ имѣть дѣло съ незначительною партіею недовольныхъ, отказался исполнить ихъ требованія и въ августѣ 1842 года двинулся къ Крагуевацу, который между тѣмъ Вучичъ уже успѣлъ занять. Хотя въ отвѣтъ на воззваніе Михаила изъ нѣкоторыхъ округовъ стали стекаться къ нему поселяне, но они были плохо вооружены, а главное не имѣли и охоты драться съ своими братьями, въ особенности послѣ того, когда имъ было объяснено, что уставобранители, требуя отъ правительства уменьшенія порезы, хлопочутъ въ ихъ же пользу. Не рѣшаясь возвращаться въ Бѣлградъ, гдѣ враги его и прежде находили покровительство у тамошняго паши, Михаилъ убѣжалъ въ Австрію, куда за нимъ послѣдовали тотчасъ же нѣкоторые изъ его приближенныхъ, какъ Радичевичъ, Милета и другіе.

Съ согласія Порты, составлено было временное правительство подъ предсѣдательствомъ Вучича, Силича и Петроніевича. По ихъ инициативѣ, 14 сентября 1842 г. созвана была скупщина, которая, состоя преимущественно изъ противниковъ Обреновичей, избрала княземъ сына Кара-Георгія, Александра Карагеоргіевича. Порта изъявила согласіе на этотъ выборъ, петербургское же правительство было крайне недовольно такимъ исходомъ внутреннихъ смутъ, опасаясь, что съ новымъ княземъ установится вліяніе Австріи, такъ какъ въ Петербургѣ подозрѣвали, что самыя смуты произведены были не безъ участія Австріи, что уставобранители получали оттуда внушенія въ опозиціяхъ ихъ съ правительствомъ Михаила. Русское правительство настаивало на возстановленіи Михаила; но такъ какъ Австрія съ своей стороны поддерживала Карагеоргіевича, то петербургскій кабинетъ, избѣгая дальнѣйшихъ усложненій, предложилъ среднюю мѣру. Она состояла въ томъ, чтобы созвана была новая скупщина изъ представителей всего народа, которая вновь произвела бы выборъ князя, при чемъ, по желанію русскаго правительства, Вучичъ и Пе-

троніевичъ должны быть совершенно удалены отъ всякаго участія въ выборахъ.

Но какъ эти, такъ и противники Обреновичей успѣли уже расположить умы въ пользу ихъ кандидата, поддерживаемаго Австріею, и многочисленная скупщина, собравшаяся 15 іюня 1843 года, единогласно избрала сына Кара-Георгія, Александра Карагеоргіевича.

Порта утвердила этотъ выборъ, въ султанскомъ баратѣ, данномъ на имя избраннаго князя, но не упоминула о наслѣдственности княжеской власти въ Сербіи. Вучичъ и Петроніевичъ, на время удаленные изъ Сербіи, возвратились только послѣ того, какъ спокойствіе возстановилось; они назначены были попечителями: *первый* внутреннихъ дѣлъ, а *второй* иностранныхъ.

Новое правительство, не угрожаемое извнѣ, нашло возможнымъ посвятить все свое вниманіе внутренней дѣятельности, задача которой состояла въ развитіи народныхъ учрежденій и усвоеніи началъ западной цивилизаціи. *Первое* — выразилось въ расширеніи круга участія народа въ управленіи страной и въ уничтоженіи остатковъ турецкихъ порядковъ, а *второе*—въ поднятіи умственнаго уровня народа. По плану Радичевича, австрійскаго Серба, — въ городахъ и деревняхъ заведены были школы, имѣвшія цѣлью не исключительно религіозное, но и общее образованіе; во многихъ городахъ возникли среднія учебныя заведенія, по образцу австрійскихъ, а въ Бѣлградѣ учреждена высшая школа—лицей, пока съ исключительно педагогическою цѣлью—подготовки учителей. Къ этому времени относится происхожденіе сербской интеллигенціи, которая поставила своей задачей сближеніе съ Западомъ, выразившееся на первыхъ порахъ, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ лишь филологическихъ нововведеніяхъ, въ заимствованіи латинскихъ словъ и оборотовъ. Усилившіяся сношенія Сербовъ княжества съ Сербами австрійскими, воспитанными въ понятіяхъ западной цивилизаціи, еще больше обратили симпатію первыхъ къ Западу и вызвали потребность въ соціальной-политической свободѣ, выразительницею которой стала пресса. Внутренняя борьба между народоправствомъ, княжескою властью и аристократическою олигархіею клонилась къ побѣдѣ перваго; скупщина, — эта выразительница народной воли, стала созываться чаще и дѣлалась важнѣйшимъ органомъ политической жизни страны. Можно было ожидать, что освободившаяся отъ внутреннихъ интригъ разныхъ партій, предводители которыхъ черпали вдохновеніе извнѣ, страна окончательно вступить на путь самостоятельной жизни и перестанетъ быть поприщемъ борьбы интересовъ чуждыхъ, не имѣющихъ притомъ ничего общаго съ народнымъ благомъ. Но въ 1848 году спокой-

ствіе было нарушено. Время это ознаменовано въ исторіи Европы движеніемъ національностей, механически соединенныхъ или раздѣленныхъ вѣнскимъ (1815 г.) и предшествующими трактатами. Въ сосѣднихъ съ Сербіею австрійскихъ владѣніяхъ возстали Мадьяры, которые тѣмъ болѣе считали за собою правъ на самобытное существованіе, чѣмъ живѣе сохранились въ памяти народа великіе дни его славнаго прошлаго, когда этотъ героическій народъ въ теченіе столѣтій стоялъ на стражѣ христіанскаго міра и европейской цивилизаціи противъ напора грозной силы завоевателей Балканскаго полуострова.

Казалось бы южно-славянскія народности, въ которыхъ одинаково пробудились стремленія къ національной независимости, которыя сами на себѣ испытали иноплеменный гнетъ, ободряюще-сочувственно отнесутся къ возстанію Мадьяръ, какъ къ дѣлу общему для всѣхъ подавленныхъ національностей; казалось бы, что Сербы, и прежде всего австрійскіе, которые имѣли разительные случаи убѣдиться въ «коварствѣ» вѣнской политики по отношенію къ Славянамъ Австрійской Сербіи, Баната, Славоніи, Кроаціи — отнесутся къ національному движенію, охватившему Мадьяръ, какъ къ событію благопріятному для ихъ собственныхъ національныхъ стремленій, и забывъ на время мелкіе счеты взаимнаго честолюбія,—протянутъ Мадьярамъ дружественную руку на нейтральной почвѣ общей борьбы за независимость; казалось бы, что нація, которая сама стремится къ освобожденію, по меньшей мѣрѣ, не отнесется враждебно къ подобнымъ стремленіямъ, проявившимся у другаго, хотя и иноплеменнаго народа, нанаходящагося въ такомъ же состояніи зависимости, какъ и она сама. Вѣдь неестественно, нелогично и противно элементарнымъ понятіямъ общечеловѣческой справедливости выступать бойцомъ за извѣстную идею у себя и подавлять ту же самую идею, если она пробудилась у ближняго, тѣмъ болѣе такого ближняго, дружба котораго очень можетъ пригодиться.

Между тѣмъ южные Славяне Австріи, лелѣя мысль о своей національной свободѣ, становятся подъ знамена Габсбурговъ для подавленія этой свободы у Мадьяръ; они «храбро сражаются» [1]) въ рядахъ австрійскихъ армій или въ собственныхъ ополченіяхъ, т. е. топчутъ ту самую идею, которой должны поклоняться, какъ народности подневольныя. Конечно, многими принято объяснять эту странную роль австрійскихъ Славянъ въ борьбѣ Мадьяръ за независимость тѣми утѣсненіями, которыя Славяне терпѣли отъ Мадьяръ, даже чуть ли не исконной враждою

[1]) Раичъ, Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, изд. 1794, ч. IV; Гильфердингъ, Собраніе сочиненій, т. II; Голубинскій, Очеркъ исторіи православн церквей; Н. Поповъ, Сербія и Россія и мн. друг.

между Славянами и Мадъярами. Что касается до утѣсненій, то въ доказательство ихъ приводятъ введеніе венгерскаго языка, какъ офиціальнаго и господствующаго въ администраціи и школахъ. Но *во первыхъ*—Славяне отъ этого не много потеряли, такъ какъ и до этой реформы въ дѣловомъ мірѣ практиковался чуждый имъ языкъ латинскій; *во вторыхъ*, реформы эти во всякомъ случаѣ ограничивались предѣлами Венгріи и нимало не затрогивали другихъ Славянскихъ земель, какъ напр. Кроацію, Славонію. *Исконная же вражда* національностей славянскихъ и Мадъяръ представляютъ собою ничто иное, какъ плодъ кабинетныхъ измышленій на заданную тему, и въ особенности это можно сказать относительно Сербовъ и Мадъяръ. Въ теченіе вѣковъ оба эти народа, если не съ одинакой энергіею, то подъ однимъ знаменемъ боролись противъ турецкаго владычества и въ войнахъ Турціи съ Венгріею имена сербскихъ героевъ перемѣшиваются съ именами Мадъяръ; пролитая кровь братьевъ, отцовъ и сыновей за общее дѣло должна была сблизить обѣ народности; Сербы и Мадъяры, побратавшіеся оружіемъ на ратномъ полѣ, не могли оставаться врагами, еслибы между ними и были прежде какіе либо національные счеты. Съ потерею Мадъярами политической независимости, съ подчиненіемъ ихъ нѣмецкому правительству, общность интересовъ ихъ и Сербовъ должна была остаться въ прежней силѣ. Мадъяры и Сербы увидѣли предъ собою одного общаго врага—централизующую германизацію австрійскаго правительства. Какъ въ эпоху реформаціи, Австрія насильственно вводила католицизмъ, подвергая жесточайшимъ преслѣдованіямъ венгерскихъ протестантовъ, такъ впослѣдствіи явилась у нея попытка онѣмечить разныя національности, входящія въ составъ ея владѣній. Правда сравнительно съ Сербами, Мадъяры, какъ нація, пользовались нѣкоторыми преимуществами, напр. внутреннее управленіе страною было въ ихъ рукахъ, хотя впрочемъ и сербскія имена встрѣчаются во главѣ учрежденій въ Венгріи; но эти преимущества оправдываются исторически и не должны были раздражать Сербовъ до степени непримиримой злобы. Относительно недавніе (въ концѣ XVII ст.) пришельцы, Сербы застали въ Венгріи компактную массу единоплеменнаго народа, съ X в. кровью свою запечатлѣвшаго обладаніе этою страною, создавшаго сильное государство и выработавшаго цѣлую систему учрежденій, съ которыми онъ близко сроднился въ теченіе продолжительной политической жизни. Мадъяры были у себя дома, они были хозяева страны, и потому естественно, имъ должно было принадлежать первенство въ тѣхъ скудныхъ обломкахъ ихъ національныхъ учрежденій, которыя нѣмецкое правительство имъ оставило. Возможно ли было требовать, чтобы Сербы, переселившіеся въ Вен-

грію не въ качествѣ завоевателей, а людей покинувшихъ свою родину г.. нежеланію или невозможности бороться съ Турками, заняли въ пріютив шей ихъ странѣ сразу такое же политическое положеніе, которое принад лежало туземному населенію съ славными традиціями относительно недавняго прошлаго. Сербы этого не требовали. При всемъ желаніи тѣхъ славистовъ, которые съ непонятнымъ усердіемъ всюду желаютъ открывать вражду къ Славянамъ и общее къ нимъ недоброжелательство, эти люди не представляютъ однакоже никакихъ солидныхъ доказательствъ такой вражды между Сербами австрійскими и Мадьярами за все время предшествующее злосчастному 1848 г., а между тѣмъ при существованіи такой вражды подобныя доказательства чрезвычайно было бы легко найти. Съ 1848 года характеръ отношеній между южно-славянскими народностями Австріи и Мадьярами дѣйствительно измѣняется: начинается взаимная вражда, которая всею тяжестью обрушивается на Славянахъ послѣ того, когда Австрія, какъ и слѣдовало ожидать, переставъ въ нихъ нуждаться, предоставила ихъ свободной, т. е. непосильной для нихъ конкуренціи съ компактною, политически зрѣлою мадьярскою національностью. Можно сожалѣть о нерасположеніи Мадьяръ къ австрійскимъ Сербамъ и пожелать, чтобы народности эти сошлись на нейтральной почвѣ общихъ ихъ интересовъ и вновь сблизились бы другъ съ другомъ. Но по меньшей мѣрѣ странно обвинять въ такомъ нерасположеніи только Мадьяръ и тѣмъ болѣе приписывать вражду ихъ такимъ туманнымъ причинамъ, какъ національному антагонизму. Странно требовать, чтобы человѣкъ съ пріятной и предупредительной улыбкой привѣтствовалъ своего оскорбителя, который нанесъ ему тяжкую обиду. Не представляется ли поэтому профанаціею здраваго смысла: рукоплесканіе храбрости Южныхъ Славянъ въ подавленіи ими національнаго движенія Мадьяръ и *рядомъ съ этимъ* жалобныя завыванія по поводу враждебнаго отношенія Мадьяръ къ Южнымъ Славянамъ? Неужели возможно было ожидать, чтобы Мадьяры послѣ отчаянной неравной борьбы за независимость, побѣжденные подавляющею силою, приняли въ свои объятія тѣхъ самыхъ Южныхъ Славянъ которые съ такимъ, по истинѣ жалкимъ усердіемъ нетолько помогли Австрійцамъ подавить національное движеніе Мадьяръ, но даже тщеславятся этимъ!... Ошибка Южныхъ Славянъ Австріи и въ частности Сербовъ заключается въ томъ, что они не распознали истинныхъ своихъ друзей и вслѣдствіе этого имѣютъ теперь двухъ враговъ: Мадьяръ и Нѣмцевъ.

Австрія во время ожидаемаго открытаго возстанія Мадьяръ дѣйствовала чрезвычайно искусно по отношенію къ Южнымъ Славянамъ и съ

замѣчательною ловкостью провела ихъ. Она дала понять Славянамъ, что давнишнія желанія ихъ — имѣть собственное національное управленіе будутъ удовлетворены, и нетолько не противилась, но повидимому поощряла національную агитацію въ средѣ Славянъ. Въ то время когда представители Славоніи, Кроаціи и Далмаціи въ г. Загребѣ открыто и торжественно провозгласили основаніе *Тріединаго королевства* съ подчиненіемъ австрійской коронѣ, избравъ баномъ этаго новаго государства Елачича, австрійскіе Сербы перваго мая (1848 г.) созвали скупщину въ г. Карловцахъ, на которой возстановленъ сербскій патріархатъ съ избраніемъ Іосифа Раячича патріархомъ; избраны были и другіе правители для занятой австрійскими Сербами страны, имѣющей составить отдѣльное воеводство съ полнымъ національнымъ правительствомъ [1]).

Вся эта агитація происходила на глазахъ Вѣны, которая относилась къ ней съ снисходительною улыбкою, дозволяя дѣтямъ тѣшиться и играть въ національность до поры до времени; вожаки движенія приняли эту улыбку за чистую монету.

Агенты австрійскаго правительства дали понять и Сербамъ княжества, что противодѣйствуя возстанію Мадьяръ, они могутъ въ отношеніяхъ своихъ къ Турціи, разсчитывать на поддержку Австріи. Они добились созванія въ Крагуевацѣ скупщины. Александръ Карагеоргіевичъ, не смотря на симпатіи его къ Австріи, былъ противъ вмѣшательства въ такомъ дѣлѣ, гдѣ плодами побѣды надъ Мадьярами, очевидно, воспользуются лишь австрійскіе Нѣмцы. Ему, жившему долгое время въ Австріи, имѣвшему сношенія съ вѣнскими дипломатами, могъ быть лучше чѣмъ его соотечественникамъ извѣстенъ идеалъ австрійской политики по отношенію къ славянскимъ народностямъ Австріи. Но все, что онъ могъ сдѣлать, не подвергая себя и страну опасности, это — *формально* объявить Сербію нейтральною, *не воспрещая* охотникамъ переходить за Дунай для участія въ подавленіи возстанія Мадьяръ. Такъ какъ вербовка ополченцовъ шла дѣятельно и число ихъ возросло до значительнаго отряда, то правительство нашло необходимымъ назначить особаго начальника надъ своими ополченцами. Постъ этотъ получилъ получилъ Степанъ Кничанинъ, который затѣмъ отличился необыкновенною храбростью въ нѣмецкой войнѣ съ возставшими Мадьярами и за это удостоился высокаго благоволенія отъ австрійскаго императора Фердинанда [2]).

[1]) Н. Поповъ, Сербія и Россія, т. I.
[2]) Н. Поповъ, Сербія и Россія, т. II.

Война, какъ извѣстно, окончилась въ 1849 г., при содѣйствіи Южныхъ Славянъ и русскаго войска,—подавленіемъ мадьярскаго возстанія.

Какъ и слѣдовало ожидать, — положеніе австрійскихъ Сербовъ не только не измѣнилось къ лучшему, но еще ухудшилось, такъ какъ они нажили себѣ новаго врага—народъ Мадьярскій; такого же врага нажила себѣ и Сербія, неизвлекшая рѣшительно никакой пользы изъ принесенныхъ ею жертвъ.

Между тѣмъ какъ сербское правительство хлопочетъ о подавленіи національнаго движенія Мадъяръ и тысячи волонтеровъ отправляются въ Венгрію съ тѣмъ, чтобы сражаться въ рядахъ Нѣмцевъ, оно съ боязнію открещивается отъ всякой солидарности съ пробудившимся въ средѣ Болгаръ стремленіемъ борьбы противъ турецкаго владычества, дозволяя лишь бѣглецамъ изъ Болгаріи поселяться въ Сербіи. Начало этой борьбы относится къ 20 мъ годамъ настоящаго столѣтія, когда греческая гетерія, пустившая развѣтвленія по всему Балканскому полуострову и всюду отыскивая себѣ союзниковъ, успѣла возбудить броженіе не только въ Болгаріи, но и въ отдаленныхъ Дунайскихъ княжествахъ Молдавіи и Валахіи. Въ Балканахъ и горахъ Родопа появились отряды гайдуковъ, изъ которыхъ одинъ самый сильный отрядъ, подъ предводительствомъ Марка Бачара, оказалъ немалую услугу Грекамъ, проникнувъ въ Пелопонезъ и тамъ сражаясь съ Турками [1]). Можно, впрочемъ, думать, что гайдуки эти дѣйствовали не столько какъ бойцы за славянскую идею, сколько въ качествѣ наемниковъ, которые къ тому же разсчитывали на добычу, въ случаѣ успѣшныхъ стычекъ съ Турками, подобно тому, какъ кирджали—этотъ сбродъ изъ людей разныхъ національностей и религій, готовы были служить всякому за деньги и надежду на грабежъ. Хотя, какъ извѣстно, участіе гайдуковъ въ греческомъ возстаніи Болгарамъ не принесло непосредственныхъ выгодъ, потому что Греки, съ своей стороны, вовсе не думали и даже не желали организовать отдѣльную болгарскую инсуррекцію, но подобно тому, какъ въ XVIII столѣтіи участіе Сербовъ въ австро-турецкихъ войнахъ подготовило въ Сербіи почву для борьбы съ турецкимъ владычествомъ, такъ и совмѣстная борьба Болгаръ и Грековъ съ Турками пробудило въ Болгаріи стремленіе къ національной независимости. Русско-турецкая война (1827—1829) послужила новымъ толчкомъ къ инсуррекціонному движенію въ Болгаріи, но болгарскіе партизаны-гайдуки дѣйствовали отрывочно и въ первую половину кампаніи не вступали въ связь съ русскою арміею; они только пользовались стѣсненнымъ положеніемъ Турокъ, для нападенія на турецкія деревни и гра-

[1]) Липранди, Восточн. вопросъ и Болгарія, изд. 1868 г.

бежей; случалось даже, что вмѣстѣ съ Турками они безпокоили русскій тылъ, напр. подъ Шумлой [1]). Въ виду нерѣшительности первой половины кампаніи и неувѣренности въ русской побѣдѣ, болгарскіе партизаны опасались открыто присоединяться къ русской арміи; но послѣ побѣды Дибича при Кулевчѣ близь р. Камчика и марша на Адріанополь, болгарскіе гайдуки предложили свои услуги русской арміи и въ Балканахъ образовались многочисленные отряды партизановъ, съ попыткою дѣйствовать сообща. Гайдуки появились даже въ открытыхъ мѣстахъ (напр. подлѣ Ниша), въ надеждѣ на соединеніе съ Сербами; возстаніе готово было охватить всю Болгарію, такъ какъ въ данномъ случаѣ и мирное населеніе стало принимать въ немъ участіе. Надеждамъ болгарскихъ партизановъ не суждено было однако сбыться: къ удивленію партизановъ изъ русской главной квартиры послѣдовало распоряженіе о допущеніи въ партизанскіе отряды только тѣхъ Болгаръ, которыхъ война застала на лѣвомъ берегу Дуная, т. е. въ Молдавіи и Валахіи [2]), — что равносильно было уничтоженію инсуррекціи, такъ какъ она главнымъ образомъ комплектовалась изъ партизановъ Дунайской Болгаріи. Распоряженіе главной квартиры примѣнялось съ такою послѣдовательностью, что русскія власти начали арестовывать предводителей болгарской инсуррекціи. Такой участи напр. былъ подвергнутъ Георгій Буюклу, который, подобно многимъ своимъ товарищамъ по оружію, думая, что съ появленіемъ русской арміи настало время освобожденія Болгаріи, собралъ отрядъ изъ 500 человѣкъ. Нѣсколько удачныхъ нападеній на Турокъ дали ему популярность и вызвали къ нему общее довѣріе въ Болгаріи. Поселяне начали стекаться подъ импровизированное знамя этого отважнаго гайдука, который увидѣлъ себя во главѣ двух-тысячнаго войска, правда, плохо и даже патріархально вооруженнаго. Несмотря на плохое вооруженіе, Буюклу все-таки рѣшился идти на Тырново съ тѣмъ, чтобы въ этой древней столицѣ Болгаріи вскинуть знамя свободы. Каково же было разочарованіе предводительствуемаго имъ войска, когда оказалось, что русская главная квартира отнеслась съ неудовольствіемъ къ этому походу и даже приказала арестовать Буюклу. Дѣйствительно, на пути въ Тырново, въ городѣ Сливнѣ Буюклу схваченъ былъ казаками и отведенъ въ Адріанополь, гдѣ въ то время (1829 г.) помѣщалась главная квартира. Съ тѣхъ поръ, какъ открылись переговоры о мирѣ, русская главная квартира съ особенною строгостію преслѣдовала всякія инсуррекціонныя попытки въ Болгаріи, отъ кого бы они ни послѣдовали. Такъ въ это время въ Болгаріи появился какой-то

[1]) П. Липранди, Восточный вопросъ и Болгарія.
[2]) Липранди, Вост. вопросъ; Jirecek, Geschichte der Bulgaren.

Англичанинъ, возбуждавшій Болгаръ къ общему возстанію противъ Турокъ. Русское военное начальство велѣло его схватить. Послана была погоня, козаки уже настигали агитатора, но подлѣ Тырново ему удалось спастись. Ради освобожденія Буюклу отправлена была депутація къ Дибичу, который отпустилъ гайдука, взявъ съ него слово обратиться къ къ мирной жизни. Вслѣдъ затѣмъ схваченъ былъ другой гайдукъ, послѣ того, когда онъ, вопреки требованію военнаго начальства, не пожелалъ распустить свой отрядъ. Это — одинъ изъ отважнѣйшихъ воеводъ *Бойцо*. Его не только арестовали, но вмѣстѣ съ двумя братьями сослали въ Сибирь, откуда, однако же, чрезъ годъ всѣ трое убѣжали. Не менѣе разочарованія потерпѣли партизаны со стороны *Сербіи*. Здѣсь Милошъ Обреновичъ, угодничая предъ русскимъ дворомъ и Портою, очень усердно старался предупредить сношеніе между Болгарами и Сербами, строго воспрещая послѣднимъ поступать въ отряды болгарскихъ гайдуковъ.

Не смотря на всѣ эти внѣшнія неудачи, разъ начавшаяся инсуррекція уже не прекращалась и отряды гайдуковъ не переставали тревожить Турокъ. Отнынѣ злоупотребленія турецкихъ властей уже не всегда оставались безнаказанными; нерѣдко гайдуки жестоко мстили имъ. Размноженіе въ 30-хъ годахъ даскаловъ (сельскихъ учителей) не мало содѣйствовало развитію инсуррекціоннаго движенія въ Болгаріи [1]), такъ какъ каждый изъ даскаловъ становился вмѣстѣ съ тѣмъ и политическимъ агитаторомъ: въ стѣнахъ школы обсуживались планы возстанія. Но въ стѣнахъ школы такія совѣщанія не всегда представлялись безопасными, а потому Болгары старые и малые сходились на совѣщанія въ лѣсахъ, на кладбищахъ или въ ущельяхъ горъ. При такой обстановкѣ съ 1836 года въ Тырновскомъ округѣ подготовлялось обширное возстаніе. Два года прошли въ приготовленіяхъ. Но прежде чѣмъ они доведены были до конца, Турки въ началѣ 1838 г. накрыли главныхъ зачинщиковъ. Нашелся предатель, родственникъ одного изъ главныхъ дѣятелей Хаджи Іордана, введенный въ кругъ заговорщиковъ; заблаговременно онъ убѣжалъ въ Тырново, сообщилъ о заговорѣ митрополиту Илларіону, который, въ свою очередь, препупредилъ турецкія власти, а тѣ тотчасъ приняли свои мѣры. Ночью отрядъ Турокъ бросился въ монастырь и найдя тамъ игумена Сергія и Георгія Буюклу, предалъ перваго мучительной смерти, а втораго захватилъ въ плѣнъ. Вслѣдъ затѣмъ были переловлены остальные заговорщики, изъ числа которыхъ престарѣлаго Хаджи-Іордана, родомъ изъ Елены, и Іоанну, тырновскаго купца повѣсили. Въ томъ же 1838 г. вспыхнуло новое возстаніе въ Софіи. Оно приняло весьма серьозные размѣры, охвативъ

[1]) П. Липранди, Восточный вопросъ и Болгарія.

собою весь Софійскій санджакъ. Первоначальный отрядъ въ 2000 человѣкъ увеличился до 20,000 чел.; инсургенты обложили крѣпость Шаръ Кіой, служащую однимъ изъ ключей къ Софіи. Они вступили въ перегоьоры съ Сербами Алексинскаго округа. Въ Алексинацъ посланы были депутаты просить оружія и пороха; эти же депутаты хлопотали о сформированіи въ пограничныхъ округахъ Сербіи партизанскихъ отрядовъ; но Михаилъ Обреновичъ, узнавъ о болгарской агитаціи, приказалъ арестовать депутатовъ. Сербскій князь въ это время едва самъ держался на своемъ мѣстѣ и заботясь о сохраненіи своей власти, старался угождать Портѣ, по мѣрѣ того какъ онъ терялъ популярность въ народѣ.

Во время этихъ переговоровъ инсургенты бездѣйствовали, ожидая сербской помощи, а между тѣмъ Турки подоспѣли на выручку Шаръ-Кіоя и разогнали плохо вооруженныхъ поселянъ. Часто повторявшіяся возстанія, причинами которыхъ выставлялись притѣсненія мѣстныхъ властей, заставили новаго султана Абдулъ-Меджида (1839—1860 г.) издать 3 ноября 1839 г. гати-шерифъ Гюльханейскій, въ которомъ падишахъ, самъ указывая на ненормальное соціальное положеніе своихъ подданныхъ, обѣщаетъ имъ, посредствомъ новыхъ учрежденій, обезпечить безопасность жизни, чести и имущества, установить правильное распредѣленіе и взиманіе государственныхъ податей; привлечь всѣхъ подданныхъ къ участію въ воинской повинности [1]. Какъ извѣстно, ни гати-шерифъ ни изданные на основаніи этого манифеста законы не измѣнили къ лучшему положенія народа, такъ какъ всѣ отдѣльныя преобразованія въ практикѣ жизни разбились о систему личнаго произвола, отъ котораго не желалъ отказываться ни падишахъ, ни копировавшіе его люди правящихъ классовъ, неотвѣтственные передъ народомъ и единственно зависящіе отъ своего верховнаго повелителя. Такимъ образомъ и послѣ изданія гуманныхъ законовъ, положеніе людей народа продолжало зависѣть отъ личныхъ качествъ правителя той или другой области. Если *случайно* онъ оказывался человѣкомъ справедливымъ, гуманнымъ — и положеніе мѣстнаго населенія становилось лучше; люди обиженные находили въ немъ защиту противъ злоупотребленій низшихъ представителей власти. Но при господствующей политической системѣ, благопріятствующей деморализаціи людей, власть имѣющихъ,—такіе случаи бывали вообще рѣдки и невѣжественный, корыстолюбивый самодуръ оставался обыкновеннымъ явленіемъ въ средѣ правящихъ классовъ. Гюльханейскій гати-шерифъ ввелъ новые законы, но народъ попрежнему оставленъ *пассивнымъ*

[1]) Розенъ, Исторія Турціи, ч. II.

зрителемъ примѣненія этихъ законовъ, попрежнему для него н- существовало легальнаго пути защищаться противъ личнаго произвол самыхъ ничтожныхъ представителей власти; попрежнему у нег оставалось только одно дѣйствительное средство защиты,—вооруженно- возстаніе. Къ этому онъ и обратился вслѣдъ за изданіемъ Гюльханей- скаго гати-шерифа, доведенный до крайности своеволіемъ и безчин- ствомъ нишскаго мутесарифа (губернатора). Возставшіе Болгары Ниш- скаго округа (1840 г.) рѣшились сами расправиться съ пашей. Отрядъ ихъ усилился прибытіемъ Видинскихъ Болгаръ и тѣхъ которые ушли изъ-подъ Шаръ-Кіоя. Въ началѣ 1841 года до 15,000 поселянъ подъ предводительство *Милое* и священника *Гаври* подошли къ Нишу и обложили городъ со всѣхъ сторонъ. Но 6000 Албанцевъ подъ командою Якуба-паши и нѣсколько баталіоновъ низама подоспѣли во-время. Болгары пытались сопротивляться, но первобытно воору- женные, должны были уступить мѣткому ружейному огню Албанцевъ и артиллерійскому огню низама. Инсургенты были частію разсѣяны частію перебиты. Самъ Милое съ 15 приближенными едва успѣлъ броситься въ башню Каменицу близъ с. Матеевцы, которую Турки не рѣшились взять приступомъ и привезли изъ Ниша нѣсколько пушекъ Конечно башня была очень скоро разгромлена. Израненный Милое не хотѣлъ сдаться, но онъ не хотѣлъ и гибели оставшихся въ живыхъ своихъ приближенныхъ храбрецовъ; а потому, чтобы освободить ихъ отъ необходимости защищать своего предводителя, Милое застрѣлилъ себя изъ пистолета, послѣ чего миніатюрный отрядъ его съ саблями и пистолетами успѣлъ пробиться сквозь ряды Турокъ. Такъ кончилась эта сильная инсуррекція 1841 г., которая при общемъ планѣ дѣйствія правильной организаціи и хорошемъ вооруженіи могла бы вызвать общее возстаніе. Послѣдствія инсуррекціи ограничились тѣмъ, что султанъ смѣнилъ нишскаго пашу, ближайшаго виновника неудоволь- ствія населенія, и послалъ комисара въ Нишъ для изслѣдованія при- чинъ возстанія. Но при соціально-государственныхъ порядкахъ, подоб- ныхъ турецкимъ, посылка этихъ разныхъ комисаровъ и комиссій ве- детъ лишь къ тому, что настоящимъ виновникамъ приходится *дорого отплачиваться*, откупаясь вмѣсто одного отъ нѣсколькихъ слѣдо- вателей и комисаровъ. При отсутствіи въ Турціи общественнаго конт- роля, эти пути изслѣдованія конечно не могли привести къ открытію истины, что обнаружилось и въ настоящемъ случаѣ. Хорошо задобрен- ный комисаръ не нашелъ никакихъ основательныхъ причинъ къ воз- станію и объяснилъ послѣднее неугомоннымъ духомъ слоняющихся по Балканамъ гайдукскихъ шаекъ.

Въ началѣ 50-хъ годовъ, предъ восточною войною, революціонное движеніе, охватившее западно-европейскіе народы, нашло отголосокъ въ турецкихъ владѣніяхъ.

Мы видѣли, какъ въ Дунайскихъ княжествахъ оно подавлено было русскими войсками, которыя для окончательнаго водворенія здѣсь спокойствія, занимали Молдавію и Валахію въ теченіе трехъ лѣтъ, выступивъ отсюда въ 1851 году. Болгары Видинскаго округа, находившіеся въ близкихъ сношеніяхъ съ жителями лѣваго берега Дуная, подъ вліяніемъ занесенныхъ оттуда идей, стали болѣе чутки къ своеволію турецкихъ властей, и когда мутесарифъ Видина Гусейнъ-паша вздумалъ обложить населеніе новыми денежными поборами, Болгары схватились за оружіе. Въ это время Герцеговинцы и Босняки изгнали у себя турецкія власти изъ нѣкоторыхъ городовъ и открыто объявили себя противъ турецкаго владычества въ ихъ земляхъ. Явилась мысль, въ соединеніи съ Сербами, образовать отдѣльное Славянское государство, подобно тому, какъ въ 1849 году австрійскіе Славяне мечтали о Тріединомъ славянскомъ царствѣ (Кроаціи, Славоніи и Банатѣ); кромѣ того Босняки и Герцеговинцы завели сношенія съ Видинскими Болгарами для обобщенія возстанія [1]). Но и на этотъ разъ Южное Славянство обнаружило совершенную неспособность *сойтись въ общихъ интересахъ*,—вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія и боязни, что та или другая отрасль Славянства захватитъ гегемонію на Балканскомъ полуостровѣ. Между тѣмъ въ то время, когда славянскіе депутаты вели переговоры, въ которыхъ много вниманія удѣлялось разверсткѣ Балканскаго полуострова и обнаружились обоюдныя притязанія сербскихъ и болгарскихъ руководящихъ людей на Старую Сербію,—Омеръ-паша быстро явился въ Босніи, разсѣялъ тамъ партизанскіе отряды, усмирилъ сосѣднюю Герцеговину и вслѣдъ затѣмъ во-время явился на подмогу видинскому Гусейну-пашѣ для подавленія возстанія. Потерявъ надежду на сербскую помощь, Видинскіе Болгары обратились за помощью къ русской главной квартирѣ въ Букарестѣ, но русская армія стояла въ турецкихъ владѣніяхъ не затѣмъ, чтобы поощрять революціонное движеніе народностей, а напротивъ съ цѣлію поддерживать спокойствіе и возстановить нарушенный порядокъ, а потому болгарскимъ депутатамъ отказали и Видинскіе Болгары вынуждены были сложить оружіе передъ Омеромъ-пашей.

Какъ бы для большей наглядности разрозненности и безсистемности славянской инсуррекціи, *Черногорцы*, оставаясь спокойными зрителями во время Герцеговино-Боснійскаго возстанія 1850 г., — начали набѣги

---

[1]) Н. Поповъ, Сербія и Россія, т. II.

на турецкія сосѣднія имъ, владѣнія въ то время (1852), когда партизанскіе отряды въ Босніи и Герцеговинѣ были уже разсѣяны. Набѣги эти, столь обычные въ глазахъ Порты, въ данномъ случаѣ вызвали въ ней серьезное опасеніе. 1851 году умеръ владыко Петръ. — Черногорцы избрали себѣ княземъ племянника его Даніила, и съ тѣхъ поръ Черногорія становилась отдѣльнымъ *княжествомъ*, между тѣмъ какъ до этого въ теченіе болѣе трехъ столѣтій она управлялась митрополитомъ и, при всей своей внутренней автономіи, разсматривалась Портою, какъ одна изъ провинцій Турціи, какъ одна изъ церковныхъ епархій константинопольскаго патріархата; теперь-же, съ установленіемъ въ Черногоріи отдѣльной свѣтской княжеской власти, по необходимости приходилось измѣнить взглядъ на Черногорію и нельзя уже было считать ее простымъ географическимъ терминомъ; тѣмъ болѣе, что новый князь черногорскій признанъ въ этомъ званіи не только русскимъ дворомъ, но и вѣнскимъ [1]). Съ происшедшею въ Черногоріи политическою перемѣною долженъ былъ измѣниться и характеръ нападеній, которыми Черногорцы безпокоили сосѣднія турецкія области. *Прежде* эти нападенія отличались безцѣльностью и отрывочностью хищническихъ набѣговъ горцевъ; *теперь-же* — онѣ предпринимались съ очевидно завоевательными цѣлями округленія слишкомъ миніатюрной для политическаго развитія страны. Поэтому Порта рѣшилась покончить съ безпокойною «Черною Горою» и тотъ-же Омеръ-паша, который успѣшно подавилъ возстаніе въ Герцеговинѣ, Босніи и Видинскомъ округѣ, повелъ 60-ти тысячную армію—для завоеванія Черногоріи. Турки окружили ее со всѣхъ сторонъ. Черногорцы храбро отбивались и на югѣ имѣли нѣкоторый успѣхъ; но съ сѣверной стороны Черногорцы не выдержали напора Турокъ, которыми здѣсь командовалъ самъ Омеръ-паша и въ январѣ 1853 г. вступили въ Черногорію. Положеніе ея становилось критическимъ; еще немного времени, и турецкія войска наводнили бы всю Черногорію. Но въ это время Австрія, побуждаемая общественнымъ мнѣніемъ своихъ Славянъ, вступилась за Черногорію и чрезвычайный посолъ австрійскаго императора графъ Лейнингенъ энергически потребовалъ пріостановки военныхъ дѣйствій, а между тѣмъ, чтобы требованіе это имѣло вѣсъ, австрійское правительство усилило войска свои въ Далмаціи, т. е. въ тылу арміи Омера-паши. Порта очень скоро уступила, тѣмъ болѣе, что со стороны Россіи со дня на день угрожалъ разрывъ, который, какъ извѣстно, и послѣдовалъ въ концѣ 1853 г. Восточная война (1853 — 1856) оживила надежды Славянъ [2]). При извѣстіи о вступленіи русскихъ войскъ въ Дунайскія кня-

[1]) Розенъ, Исторія Турціи, ч. II; Дучичъ, Црна Гора, изд. 1874.
[2]) Ковалевскій, Война Россіи съ Турціею 1853—1856.

жества, *въ Болгаріи* начали формироваться партизанскіе отряды, между которыми наиболѣе смѣлыми набѣгами на турецкія деревни отличался отрядъ гайдука Цеко. Но эти и другія частныя удачи партизановъ сами по себѣ не могли развить въ большихъ размѣрахъ болгарской инсуррекціи. Дѣйствуя отрывочно, не находя поддержки со стороны русской арміи, районъ операцій которой въ восточную кампанію былъ весьма тѣсенъ и ограничивался лишь незначительною полосою Дунайскаго побережья,— партизаны легко разсѣяны были конными турецкими отрядами и загнаны въ лѣса.

Партизанскіе отряды образовались и *въ Сербіи*. Но правительство Александра-Карагеоргіевича было противъ вмѣшательства въ русско-турецкую войну, какъ вслѣдствіе личнаго нежеланія вступаться въ чуждую распрю, исходъ которой казался сомнительнымъ, такъ и въ особенности по требованію Австріи, которая настаивала на безусловномъ нейтралитетѣ Сербіи. Недовольные княземъ, воспользовались этимъ отчасти добровольнымъ, отчасти вынужденнымъ нейтралитетомъ правительства Александра-Карагеоргіевича, распуская въ народѣ слухъ, что князь поступилъ такъ въ угожденіе султану, съ цѣлью добиться отъ него неограниченной власти надъ народомъ, что и съ Нѣмцами дружитъ онъ въ этихъ видахъ. Агенты скучавшаго въ Валахіи Милоша Обреновича, не пожалѣвшаго вывезенныхъ имъ изъ Сербіи денегъ, разъѣзжали по округамъ, раздувая неудовольствіе къ правительству, обѣщая народу всяческія льготы отъ имени Обреновича. Дѣятельнымъ агитаторомъ и въ данномъ случаѣ явился посѣдѣвшій въ фабрикаціи внутреннихъ смутъ Вучичъ.

Когда анти-правительственное настроеніе въ народѣ стало преобладающимъ, противники князя 29-го декабря 1858 г. созвали скупщину. Въ этомъ собраніи князя обвиняли въ намѣреніи ниспровергнуть уставъ 1838 г. и тайныхъ сношеніяхъ съ Портою (ради этой цѣли). Заранѣе подготовленное большинство приняло слѣдующій адресъ, предложенный Вучичемъ и другими: «Народная скупщина отъ имени Сербскаго народа въ нынѣшнемъ засѣданіи своемъ единогласно изъявила единодушное желаніе своего народа, чтобы вы сложили съ себя достоинство сербскаго князя и передали свою власть народной скупщинѣ. Народная скупщина шлетъ къ вамъ депутацію изъ своей среды и передаетъ ей сей актъ для подписанія вашей свѣтлости вмѣстѣ съ отреченіемъ, которое ваша свѣтлость изволите подписать. Народная скупщина надѣется, что ваша свѣтлость уважите голосъ своего народа и изъ любви къ счастію, миру и спокойствію отечества и нашего и вашего добровольно отречетесь отъ власти, подобно тому какъ въ 1842 г. народная скупщина передавала вамъ власть, такъ и вы, свѣтлый князь, возвратите ее нынѣ скупщинѣ, а

чрезъ нее народу» [1]). Такъ какъ Александръ Карагеоргіевичъ не согласился подписать акта отреченія и удалился въ Бѣлградскую крѣпость, то скупщина объявила его лишеннымъ княжескаго достоинства и власти и провозгласила княземъ Милоша Обреновича. Послѣ чего 22-го декабря Александръ Карагеоргіевичъ удалился въ Австрію.

Порта приняла съ неудовольствіемъ вѣсть о переворотѣ, потому что Карагеоргіевичъ считался у нея persona grata, пользовался ея благорасположеніемъ — за безучастное отношеніе къ возстанію Видинскихъ Болгаръ (1850) и Восточной войнѣ (1853—1856); но такъ какъ парижскій трактатъ поставилъ Сербію подъ покровительство пяти державъ, то все въ чемъ Порта могла высказать свое нерасположеніе къ перевороту, выразила въ желаніи придать иной смыслъ перевороту. Порта официально признала этотъ переворотъ результатомъ добровольнаго отреченія князя. Въ отвѣтъ на султанскій бератъ отъ 12-го янв. 1859 г., составленный въ такомъ смыслѣ,—скупщина постановила, что Александръ Карагеоргіевичъ низверженъ съ княжескаго достоинства, а Милошъ возстановленъ въ его прежнемъ званіи.

Недолго правилъ Милошъ. 26-го сентября 1860 г. онъ умеръ, передавъ власть, какъ наслѣдственную, сыну своему Михаилу, бывшему уже княземъ предъ избраніемъ Александра Карагеоргіевича.

Хотя независимость внутренняго управленія Сербіи гарантирована европейскими державами, но правительство Михаила находило, что пока турецкіе гарнизоны будутъ занимать сербскія крѣпости (Бѣлградъ, Соколъ, Ужицу, Кладово, Смедерово и Шабацъ), до тѣхъ поръ Сербы не могутъ считать себя вполнѣ обезпеченными отъ вмѣшательства турецкихъ властей во внутреннее управленіе. Такъ напр. бѣлградскій паша, считавшійся начальникомъ турецкихъ войскъ въ Сербіи, постоянно высказывалъ притязанія принимать къ своему разбирательству споры между христіанами и мусульманами. Кромѣ того, продолжительная и ожесточенная война за независимость естественно должна была развить вражду между Сербами и Турками, которую время не успѣло еще охладить, и потому отдѣльныя схватки въ мѣстахъ пребыванія Турокъ повторялись. Правительство Михаила желало устранить самую возможность такихъ столкновеній, и всѣ переговоры его съ Портою клонились къ тому, чтобы освободить страну отъ пребыванія въ ней Турокъ. Оно въ особенности стало на этомъ настаивать послѣ іюньскихъ событій 1862 г. въ Бѣлградѣ. Дѣло въ томъ, что въ турецкой части города произошла драка, въ которой со стороны Сербовъ и Турокъ нѣсколько человѣкъ было убито. Бѣлградскій паша, видя въ этой дракѣ возстаніе христіанскаго населенія, приказалъ

[1]) Н. Поповъ, Сербія и Россія, т. II.

палить изъ крѣпостныхъ пушекъ по городу. Сербы и Турки схватились за оружіе и быть можетъ произошла бы общая рѣзня, если бы не вмѣшательство европейскихъ консуловъ, по требованію которыхъ немедленно была пріостановлена пальба. Происшествіе въ Бѣлградѣ еще болѣе побудило сербское правительство требовать очищенія крѣпостей. Требованіе правительства нашло поддержку въ европейскихъ уполномоченныхъ при Оттоманской Портѣ и въ томъ-же году султанъ вынужденъ былъ на очищеніе турецкой части Бѣлграда, которая въ 1863 году обращена въ площадь, предназначенную отдѣлять крѣпость отъ города; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ изъявилъ согласіе на упраздненіе турецкихъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ Соколѣ, Ужицѣ. Что же касается другихъ крѣпостей—Бѣлграда, Смедерово и Кладово, то переговоры о выводѣ изъ нихъ турецкихъ гарнизоновъ тянулись до 1867 г., когда султанъ, тоже по настоянію уполномоченныхъ европейскихъ державъ - поручительницъ, рѣшился наконецъ удовлетворить требованій сербскаго правительства, и съ тѣхъ поръ до послѣдней войны верховная власть султана надъ Сербіею выражалась флагомъ турецкимъ, который на ряду съ сербскимъ развѣвался надъ Бѣлградскою крѣпостью.

Хотя Порта согласилась на упраздненіе турецкихъ гарнизоновъ, подъ давленіемъ европейской дипломатіи, но на границахъ Сербіи оставила сильные наблюдательные отряды, преимущественно изъ Черкесовъ. Это повело къ столкновеніямъ между жителями южныхъ пограничныхъ округовъ и турецкими иррегулярами, но главнымъ образомъ отъ этого терпѣли Турецкіе Сербы Нишскаго и Ново-Пазарскаго округовъ. Бѣглецы начали массами наводнять Сербію. Правительство Михаила, съ финансовой стороны, поставлено было въ весьма затруднительное положеніе, такъ какъ всѣхъ этихъ эмигрантовъ приходилось содержать на счетъ казны; кромѣ того Порта энергически требовала отъ правительства выдачи эмигрантовъ, на что оно, изъ боязни потерять въ народѣ популярность, не могло согласиться. Такимъ образомъ, между Сербіей и Турціей вполнѣ подготовились натянутыя отношенія, которыя повели къ тому, что въ концѣ 1867 г. воинственная партія въ средѣ сербскаго правительства, получая внушеніе извнѣ, стала популяризировать въ народѣ неизбѣжность и необходимость войны съ Турками.

На этотъ разъ предполагалось дѣйствовать сообща съ Болгарами. Руководители партіи вступили въ сношеніе съ вожаками болгарской эмиграціи въ Букарестѣ, съ цѣлію организовать и развить возстаніе въ Болгаріи, которому предстояло уравновѣсить слишкомъ неравные военные рессурсы Турціи и Сербіи. Въ Кладовѣ и Алексинацѣ собранъ былъ запасъ ружей для раздачи Болгарамъ.

Между тѣмъ въ самой Сербіи вспыхнула революція противъ негоднаго правительства Михаила, которое рядомъ съ своею воинственностью и соболѣзнованіемъ о страждущихъ подъ турецкимъ игомъ братьяхъ, у *себя дома* исподоволь стремилось устранять народъ отъ участія въ управленіи страной. Скупщина, благодаря злоупотребленіямъ избирательнаго начала, стала комплектоваться изъ людей преданныхъ правительству и вмѣсто того, чтобы быть противовѣсомъ княжеской власти, дѣлалась послушнымъ ея орудіемъ. Дресировка этого древняго народнаго учрежденія поведена была такъ искусно, что вносимыя въ скупщину руководящими людьми правительства предложенія стали приниматься безъ всякихъ возраженій, среди господствующаго молчанія многолюднаго собранія. Люди преданные интересамъ народа, правильно или нѣтъ, обвиняли во всемъ этомъ князя Михаила, подозрѣвая въ немъ намѣреніе устроиться у себя по образцу византійско-турецкому. 10 іюня 1868, во время прогулки по топчидерскому парку, Михаилъ палъ отъ пистолетнаго выстрѣла.

При такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ, учрежденное по малолѣтству новаго князя *Милана* (племянника Михаила) регентство (Блазноватъ, Гавриловичъ и Ристичъ) поставлено было въ необходимость посвятить свое вниманіе внутреннему успокоенію страны и о предстоящей войнѣ съ Турками не могло уже быть и рѣчи.

Болгарская эмиграція въ Букарестѣ оказалась въ затруднительномъ положеніи. Она предвидѣла печальный исходъ готовившейся инсуррекціи и желала распустить организованные ею отряды партизановъ. Но это не такъ легко было сдѣлать. Отряды комплектовались изъ бѣглецовъ, людей бездомныхъ, которыхъ приходилось содержать на счетъ эмиграціонныхъ суммъ, весьма ограниченныхъ. Кромѣ того, хотя неимущіе, но вооруженные, партизаны, блуждая безъ дѣла по Букаресту и инымъ городамъ, подавали поводъ къ столкновеніямъ съ мѣстными полиціями, навлекая своимъ поведеніемъ нарѣканія на покровительствующую имъ эмиграцію, а потому послѣдняя въ концѣ-концовъ рѣшилась выслать сформированные ею отряды на правый берегъ Дуная. Подъ предводительствомъ Хаджи Димитрія, Спира Герова и Стефана Караджи, инсургенты благополучно перешли Днай, но въ окрестностяхъ Свиштова наткнулись на турецкую кавалерію и нѣсколько баталіоновъ пѣхоты. Только предводителямъ съ нѣсколькими десятками партизановъ удалось спастись и проникнуть въ недоступные для преслѣдованія лѣса; остальные пали подъ ятаганами и ружейными выстрѣлами. Чрезъ 5 лѣтъ, въ 1873 г. вспыхнуло новое воастаніе въ Софійскомъ округѣ; ближайшими

причинами были злоупотребленія тамошняго мутесарифа (губернатора) и сборщиковъ податей. Инсуррекціею руководили опытные гайдуки Хаджи Димитрій и Филиппъ Тотій; но всѣ ея дѣйствія ограничились разрабленіемъ нѣсколькихъ турецкихъ деревень. Въ томъ же году возстаніе было подавлено [1]).

Кромѣ этихъ крупныхъ инсуррекцій, въ горахъ Балкановъ и Родопа шайки гайдуковъ не переставали тревожить турецкія власти. Но было бы несправедливо утверждать, что эти шайки систематически руководились общею идеею борьбы противъ турецкаго владычества. Нерѣдко они принимали обыкновенный разбойничій характеръ, нападая на всякаго, отъ котораго можно было ожидать поживы, уводя скотъ изъ деревень своихъ же братій и тѣмъ навлекая на себя общее неудовольствіе.

Также было бы несправедливо приписывать исключительно турецкимъ порядкамъ причины часто повторявшихся, ничиная съ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія, возстаній въ Болгаріи. Болгарская эмиграція, съ 30-хъ годовъ утвердившаяся преимущественно въ Румыніи, частію путемъ прессы, а частію и чрезъ посредство своихъ агентовъ, *во первыхъ* вызвала нѣкоторое сочувстіе общественнаго мнѣнія Европы къ Болгарамъ, заставила заговорить о нихъ въ печати и тѣмъ самымъ развила въ нихъ извѣстную степень самоувѣренности и надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ турецкимъ владычествомъ; и *во вторыхъ*—обобщила самую идею этой борьбы, питая, поддерживая и распространяя эту идею указаніемъ на внѣшнюю помощь.

Прежде отдѣльныя злоупотребленія какого нибудь паши, вызвавъ *мѣстное* неудовольствіе, оставались неизвѣстными не только въ Европѣ, но и въ Болгаріи; *съ тѣхъ же поръ*, когда начала дѣйствовать эмиграціонная агитація и пресса, всякія отдѣльныя мѣстныя злоупотребленія власти не только обобщались съ рядомъ другихъ, совершившихся въ въ разныхъ концахъ Болгаріи, но и щедро изукрашивались вымыслами разныхъ небывалыхъ трагическихъ эпизодовъ. Потомъ: крутыя мѣры правительства къ подавленію возстанія, мѣры, которыя всегда принимались и принимаются въ такихъ случаяхъ правительствами цивилизованнѣйшихъ европейскихъ государствъ, представлялись эмиграціею исключительнымъ результатомъ турецкихъ порядковъ, изувѣрства Турокъ и, не смотря на всю непослѣдовательность, — надо отдать справедливость гуманности европейскаго общественнаго мнѣнія, оно съ негодованіемъ отнеслось къ этимъ мѣрамъ. Оно заставило правительства принять дѣятельное участіе въ судьбѣ турецкихъ христіанъ, въ особенности послѣ

[1]) Kanitz, Donau-Bulgarien; Jirecek, Geschichte der Bulgaren.

того, когда раздавшійся въ Невесинскомъ округѣ—лѣтомъ 1875 года—выстрѣлъ положилъ начало возстанію въ Герцеговинѣ, охватившему Боснію и нашедшему отголосокъ въ Забалканской Болгаріи,—въ Сливненскомъ, Батокскомъ и др. округахъ въ началѣ 1876 года. Но при этомъ участіи обнаружилось то взаимное опасеніе правительствъ объ исключительномъ вліяніи того или другаго изъ нихъ на Балканскомъ полуостровѣ, которое (т. е. опасеніе) характеризуетъ отношенія ихъ къ Оттоманской Портѣ, съ тѣхъ поръ, когда она вступила въ систему европейскихъ государствъ. Австро-Венгрія была втройнѣ заинтересована мирнымъ улаженіемъ смутъ, происходившихъ на Балканскомъ полуостровѣ: *во первыхъ*, она поставлена была въ необходимость содержать на счетъ своей казны десятки тысячъ бѣглецовъ изъ Босніи и Герцеговины; *во-вторыхъ* — славянское движеніе на Балканскомъ полуостровѣ могло легко охватить и собственныя ея славянскія земли; *въ третьихъ*, вожаки возстанія въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи, не взявъ еще ни одной турецкой крѣпости, не завоевавъ еще ни одной пяди турецкой земли, съ великою увѣренностію и не меньшимъ шумомъ создавали уже на развалинахъ Турціи могущественное Славянское государство. Хотя при этомъ каждая изъ двухъ отраслей Южнаго Славянства (Болгары и Сербы) присваивала исключительно себѣ роль славянскаго Пьемонта и будущую гегемонію на Балканскомъ полуостровѣ, а потому не могло быть серьезнаго основанія страшиться близкаго осуществленія южно-славянскихъ мечтаній руководителей возстанія; но уже малѣйшая вѣроятность появленія на границахъ славянскихъ земель Австріи этого новаго государства могла встревожить мадъяро-нѣмецкое правительство. Не менѣе озабочена была и *Англія* происходившими на Балканскомъ полуостровѣ событіями. Онѣ могли повести къ полному уничтоженію турецкаго владычества, что съ точки зрѣнія руководящихъ людей англійскаго правительства, при взаимной враждѣ многоразличныхъ народностей Балканскаго полуострова и при низкомъ уровнѣ соціально политическаго развитія тѣхъ народностей, вызвало бы въ общежитіи ихъ полный хаосъ и нескончаемыя междоусобицы, которыя прежде всего должны отозваться на торговыхъ интересахъ Англіи. Но что болѣе всего тревожило лондонскій и вѣнскій кабинеты—это опасеніе, что происходящими на Балканскомъ полуостровѣ смутами воспользуется Россія, и воспользуется не ради какого либо «вліянія при Оттоманской Портѣ», а болѣе существенныхъ, завоевательныхъ видовъ. Самыя смуты приписывались агитаціи агентовъ русскаго правительства; въ европейской прессѣ появилась апокрифическая переписка русскихъ консуловъ съ ихъ непосредственнымъ начальникомъ, обличавшая будто бы преднамѣрен-

ную русскую агитацію въ турецкихъ владѣніяхъ; на русскаго посла при Оттоманской Портѣ, генерала Игнатьева, указывалось какъ на энергическаго, дѣятельнаго оффиціальнаго представителя русской панславистской партіи, и посольскіе салоны его считались мѣстомъ сходбища вожаковъ и руководителей возстаній.

Ни русская, ни болгарская пресса не сочли нужнымъ обличить лживость большей части розсказней, которые приводились на страницахъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ газетъ объ отношеніяхъ Россіи къ событіямъ Балканскаго полуострова, объ историческомъ призваніи ея, и проч., но, напротивъ, съ замѣчательной «простотой» старалась поддержать эти розсказни, даже дополнять ихъ прозрачными намеками на небывалые замыслы Россіи, при чемъ, конечно, фантастическія мечтанія отдѣльной панславистской клики представлялись солидарными съ желаніями Русскаго народа.

Русская и болгарская (эмиграціонная) пресса какъ бы намѣренно усердствовала вызвать и поддерживать въ правительственныхъ сферахъ Австріи и Англіи страхъ предъ завоевательными замыслами Россіи, и надо признаться, она достигла своей цѣли. Отнынѣ Австрія и Англія необходимо должны были сблизиться «для предупрежденія возможной катастрофы, — т. е. уничтоженія Турціи и утвержденія подавляющаго господства Россіи на Балканскомъ полуостровѣ». Они пытаются путемъ радикальныхъ реформъ улучшить бытъ народностей Балканскаго полуострова. Но для того, чтобы провести реформы, нужно было внутреннее спокойствіе, а между тѣмъ возстаніе въ Герцеговинѣ, Босніи, Болгаріи, вызвало войну Турціи съ Сербіею и Черногоріею, истощившую финансы Оттоманской имперіи и поставившую ее въ совершенную невозможность реализировать предположенныя реформы. Къ тому же, при всемъ желаніи европейскихъ правительствъ облегчить положеніе народностей Балканскаго полуострова, усилившееся взаимное между правительствами недовѣріе въ искренности безкорыстныхъ и миролюбивыхъ намѣреній каждаго изъ нихъ, въ свою очередь не мало должно было затормозить и затруднить мирный путь успокоенія страны. Ни проектъ графа Андраши (1875 г.), ни султанскіе ираде, ни декабрьская конституція 1876 г., составленная подъ руководствомъ лондонскаго кабинета, ни константинопольская конференція европейскихъ уполномоченныхъ (совѣщавшихся подъ предсѣдательствомъ Игнатьева) въ декабрѣ 1876 г., не могли измѣнить къ лучшему положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, и это не столько вслѣдствіе своей внутренней несостоятельности, сколько въ силу противуположныхъ внѣшнихъ вліяній, которыя тяготѣли надъ правительствомъ Турціи и вносили въ сферу его дѣятельности разладъ и

шараханье отъ англійской симпатіи къ русской и наоборотъ. При такомъ скрещиваніи внѣшнихъ вліяній, спокойное, раціональное и плодотворное проведеніе внутреннихъ реформъ въ Турціи становилось столь же невозможнымъ, какъ съ небольшимъ столѣтіе тому назадъ,—въ другой странѣ, преобразовательныя попытки преданной общимъ интересамъ народа партіи не могли спасти республику отъ перваго раздѣла.

Въ то время, какъ западныя государства, Англія и Австрія, не смотря на неуспѣхъ константинопольской конференціи, не покидали еще надежды изыскать мирный путь возстановленія порядка на Балканскомъ полуостровѣ, Россія, видя возрастающее вліяніе Англіи при Оттоманской Портѣ, которое готово было ввести Турцію вполнѣ въ кругъ британскихъ интересовъ, и съ другой стороны призываемая на помощь единокровными и единоплеменными народностями Балканскаго полуострова, рѣшилась силою оружія внести сюда совершенно иной политическій строй жизни, въ которомъ новому славянскому государству *Болгарскому* отводилось первенствующее мѣсто. Успѣхи русскаго оружія привели къ прелиминарному Санъ-Стефанскому договору (19-го февраля 1878 г.) и рядомъ съ этимъ вызвали серьезное опасеніе въ Англіи и Австро-Венгріи, такъ какъ обѣ онѣ во вновь проектируемомъ государствѣ славянскомъ видѣли если не будущую провинцію русскую, то во всякомъ случаѣ самаго преданнаго и послушнаго русскаго вассала, чрезъ посредство котораго могло установиться исключительное господство Россіи на Балканскомъ полуостровѣ; и — ни Берлинскій меморандумъ, ни Тройственный союзъ, ни даже поѣздка въ Вѣну творца Санъ-Стефанской Болгаріи — генерала Игнатьева, не могли расторгнуть сближенія между Англіею и Австро-Венгріею, вызваннаго ходомъ событій. Берлинскій трактатъ 1-го іюля 1878 г. представляетъ собою результатъ этого сближенія. Онъ во многомъ измѣнилъ прелиминарный договоръ и въ особенности что касается границъ Болгаріи, уменьшивъ ихъ до $^1/_3$ противъ проектируемыхъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ; но за то, отдѣливъ отъ новаго Болгарскаго княжества области Забалканскія, съ крайне смѣшаннымъ населеніемъ, въ которомъ греческій и турецкій элементъ конкурируетъ съ болгарскимъ,—Берлинскій трактатъ устранилъ поводъ къ ожесточенной взаимной борьбѣ народностей, которая неизбѣжно возникла бы при политическомъ главенствѣ Болгаръ на территоріи, гдѣ они далеко не составляютъ этнографическаго элемента. Исторія Южнаго Славянства достаточно убѣдительно доказываетъ, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводила всегда эта взаимная борьба и стремленіе славянскихъ народностей Балканскаго полуострова къ территоріальнымъ захватамъ. Болгары и Сербы, безъ сомнѣнія, создали бы сильное государство, если бы прежде чѣмъ

«разумно устроиться у себя дома», руководители ихъ не кинулись въ водоворотъ завоевательной политики, которая, разрѣшаясь временными успѣхами, обезсиливала эти націи и задерживала ходъ ихъ внутренняго развитія.

Пусть же нынѣшніе руководители южно-славянскихъ народностей исправятъ ошибки славолюбивыхъ царей болгарскихъ и сербскихъ (Симеонъ, Самуилъ Колоіанъ, Стефанъ Душанъ), стремившихся къ непосильному обладанію Балканскимъ полуостровомъ, и убѣдятся историческими примѣрами изъ прошлаго Южнаго же Славянства, Византіи и когда то могущественнаго государства Османлисовъ, что обладаніе обширною территоріею, при этнографической пестротѣ ея, является скорѣе задерживающимъ чѣмъ прогрессирующимъ условіемъ развитія политически господствующей націи, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ей приходится сталкиваться на этой территоріи съ народностями, уровень культурнаго развитія которыхъ стоитъ выше ея, господствующей націи.

КОНЕЦЪ.